Генералиссимус

Владимир Карпов

SHOUT
SHARE
IT

- Карпов Владимир

Карпов Владимир Генералиссимус

Владимир Карпов
Генералиссимус

Владимир КАРПОВ - известный русский писатель, лауреат Государственной и международных премий, академик, автор многих книг, в том числе популярных в нашей стране и за рубежом - "Полководец", "Маршал Жуков". Его произведения отличаются высокой художественностью и исследовательской глубиной на основе документов. Карпов участник войны, дважды Герой Советского Союза, окончил две военные академии и Литературный институт им. Горького, работал в Генеральном штабе (еще при Сталине). Вес это дало ему возможность создать фундаментальный, объективный труд (без прикрас и очернительства) о крупнейшей исторической личности XX века Генералиссимусе И. В. Сталине.

От автора: Выражаю глубокую благодарность моим самым близким друзьям: Маршалу Советского Союза, министру обороны СССР Дмитрию Тимофеевичу ЯЗОВУ; генерал-полковнику, начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба Федору Ивановичу ЛАДЫГИНУ; генерал-лейтенанту, председателю Комис-сии партийного контроля ЦК КПСС Евгению Николаевичу МАХОВУ; генерал-лейтенанту, заместителю начальника штаба Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора Евгению Ивановичу МАЛАШЕНКО, которые первыми прочитали мою рукопись и, благодаря своему высокому профессиональному образованию, жизненному и служебному опыту, высказали мне много полезных советов и замечаний, которые я с благодарностью учел при доработке рукописи.

Выражаю также благодарность и другим товарищам - всем, кто помогал мне в преодолении многих трудностей, возникавших при рождении этой книги.

Содержание

От автора
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
Начало биографии. (Факты без комментариев).
Гражданская война. Бои за Царицын
На западном фронте. Разгром Деникина
Советско-польская война 1920 года
Сталин - наследник Ленина

Главный оппонент
(Начало биографии)
Важное предупреждение
Сталин и Русская Православная Церковь..
О стратегии
Борьба за армию
Коллективизация
Выстрел в спину
Убийство Кирова
Военный заговор
О репрессиях
ДАМОКЛОВ МЕЧ ВОЙНЫ
Сближение с Германией. Секретный договор.
(Август- сентябрь 1939 года).
Мирные дни
Война с Финляндией
(Осень 1939-го- начало 1940 гг.)
Война в Европе
(Разгром Франции: май- июнь 1940 г. Война с Англией)
Ликвидация Троцкого
Моральный фактор.
Бессарабия и Прибалтика
Москва - Берлин. 1940 год
Подготовка полководцев
Стратегические планы
Планы Гитлера
Сталин приоткрывает занавес
ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
Так все начиналось.
Первые дни
В Москве.
(Расстрел Павлова)
Смоленское сражение
Формирование польской армии
Личное горе Сталина.
На стороне противника.
(Июль- август 1941 года)...
Юго-Западный фронт - "ахиллесова пята"
Конфликт Сталина с Жуковым.
(Ельнинская операция).
Стратегическая дипломатия
Оборона Ленинграда
Угроза "Тайфуна"
Битва за Москву

Стояли насмерть

От автора

К работе над этой книгой я приступил после долгих размышлений и сомнений. Грандиозны события и дела, которые вершил Сталин. Очень он сложен, противоречив и многогранен как личность.

Поэтому прежде всего предлагаю читателям обратить внимание на две особенности. Первая: несколько десятилетий при жизни Сталина - многое гипертрофировалось в сторону преувеличения, приукрашивания его заслуг. Вторая: после смерти Сталина - началось и продолжается по сей день "развенчание" и "ниспровержение" его как исторической личности, всего, что связано с ним, путем перекрашивания в один черный цвет, подачи в негативном виде.

Где же правда?

Придется разгребать горы противоположных по оценкам книг, исследований, статей, большей частью необъективных, несправедливых.

В одних Сталин - великий вождь, отец народов, мудрый государственный деятель, в других - кровожадный злодей, преступник с параноидальной психикой.

Первое, что хочется сказать об этих "жизнеописаниях": все, кто восхвалял или очернял Сталина, делали это, движимые своими идеологическими партийными позициями или групповыми убеждениями. Кое-кто просто зарабатывал деньги на "горячей теме" - мог подавать в любом ракурсе, лишь бы платили. Вчера они писали диссертации о "преимуществах развитого социализма", а сегодня взахлеб расхваливают прелести "свободного предпринимательства". В свое время указания вождя были для них основополагающими во всем и навсегда, а теперь они утверждают, что у него не было никакой теории и философии, а практика сводилась только к репрессиям.

Надо, надо в этом разобраться.

Не берусь анализировать, оценивать и описывать всю жизнь и деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина, попытаюсь осветить его политическую и военную деятельность.

Работая над книгой "Полководец", и особенно над трилогией о маршале Жукове, я был как бы на подступах к книге о Сталине. Во всех стратегических вопросах, касающихся хода войны, принятия решений на проведение крупнейших операций - всюду роль Сталина как Верховного Главнокомандующего была первостепенной. Правильны или ошибочны были его решения - другой вопрос, но то, что его мнение и приказы являлись определяющими, - это однозначно.

Я включил в это издание некоторые главы из моего трехтомника о маршале Жукове, касающиеся действий противника, в большинстве случаев оставил это все неизменным, добавить пришлось только реакцию Сталина, по сути дела, на то же поведение противника. Я не счел необходимым радикально перерабатывать эти главы.

В ходе работы над теми книгами накапливались материалы и размышления о военной деятельности Сталина. Кроме того, в личных беседах со многими видными военачальниками и в сотнях писем читателей мне постоянно советовали подумать и взяться за создание книги о Сталине. Многие считали, что я подготовлен к ней своей предыдущей работой, военным образованием и осведомленностью в делах архивных. Придавало мне силы не только то, что я владел необходимым материалом, но и то, что имел опыт работы в Генеральном штабе с 1947 года по день смерти Сталина в 1953 году.

С ним я лично не встречался, но видел и слышал его много раз. Мне знакома обстановка, атмосфера деятельности Генерального штаба при непосредственном руководстве Сталина. И вообще, первая половина моей жизни прошла в те годы, когда все вершил "великий вождь и учитель".

Некоторые читатели могут заподозрить меня в необъективности. Для тех, кто этой подробности из моей жизни не знает, сообщаю: в 1941 году я, курсант-выпускник Ташкентского военного училища, был арестован и осужден Военным трибуналом Среднеазиатского военного округа за якобы антисоветскую агитацию и пропаганду (статья 58-10 У К СССР).

Главный вопрос, который мне задал следователь, был:

- Кто вам давал задания компрометировать вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина?

Проявилась моя "преступность" в том, что я сказал:

- Ленина забывают, все Сталин да Сталин, а он не был вторым после Ленина в революции и в годы гражданской войны. Следователь утверждал:

- Такими разговорами в военной среде ты порождал сомнения, подрывал авторитет вождя народов.

В довоенные годы это был страшный криминал. Многих за подобные разговорчики расстреляли. Мне повезло, "смилостивился" трибунал, оставил в живых.

Потом были Тавдинлаг, лесоповал, далекий Север, где я едва не погиб. Затем (в октябре 1942 года) - штрафная рота, после моих писем Калинину с просьбой отправить на фронт. В штрафной, как известно, надо было искупить свою вину кровью. Я уцелел в нескольких рукопашных схватках, когда от "шурочки"

(так называли штрафные роты) оставалось несколько человек. Последовало такое вот решение Военного совета Калининского фронта:

"...За проявленное красноармейцем Карповым Владимиром Васильевичем отличие в боях с немецкими захватчиками судимость по приговору Военного трибунала Среднеазиатского военного округа... с него снята... 20. 02. 1943 г."

В общем, есть у меня все основания обижаться на Иосифа Виссарионовича. И тем не менее...

Мои предыдущие книги были честными и правдивыми, не изменяю себе и в этом повествовании - о Генералиссимусе. Не ставлю перед собой цели оправдывать или осуждать Сталина. Я намерен, как всегда, изложить все объективно.

Несколько слов о стиле и конструкции этой книги.

Все изложенное строго документально. Может быть, кому-то покажется, что документов и цитат многовато, но я исходил из того, что сами-то читатели не могут познакомиться с многими первоисточниками, которые существуют, но, как говорится, простому смертному недоступны. Что касается моих бесед с людьми, окружавшими Сталина (друзья и враги), то эти, в том числе магнитофонные, записи поистине уникальны, потому что собеседники мои оставили наш бренный мир.

Заранее соглашаюсь со всеми возможными замечаниями по части множества цитат и заимствований из различных публикаций и поясняю: я хотел написать более полную книгу о Сталине, поэтому и включил широко известные старшему поколению, но неизвестные новому эпизоды из его жизни и деятельности.

В чем заключается особенность этого жанра? Я не претендую на эпическое полотно: эта книга не роман и не повесть. Она представляет собой мозаику, собранную из найденных мною и другими авторами, известными и малоизвестными, деяний Сталина. Главная забота моя - создание как можно более полной картины жизни нашего именитого соотечественника.

Многие участники войны, зная, что я пишу книгу о Генералиссимусе, прислали пожелания, советы, эпизоды из жизни Сталина. Все это я с благодарностью использую.

Мозаика, как и другие жанры, имеет право на существование. В этом отношении опорой для меня служит мнение Белинского: "Кажется, что бы делать искусству (в смысле художества) там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно вернее? Но в том-то и дело, что верное воспроизведение фактов невозможно при помощи одной эрудиции, а нужна еще и фантазия.

Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание".

Я, современник Сталина, пережил те же исторические события, поэтому имею все основания на то, чтобы высказывать свои суждения по поводу поступков и событий, которые совершали их участники. Я веду прямой разговор с читателями потому, что это мой стиль. В таком сложном сооружении, каким является мозаика с огромным количеством документов, фактов, действующих лиц и их поступков на протяжении почти ста лет, я считаю, должен быть поясняющий "поводырь" - собеседник.

Порой подробно излагаются поиски документа, рассказ очевидца, подступы к событию или даются мои комментарии - это необходимая атмосфера мозаики, она как воздух объединяет все в единое целое и не оставляет неясностей, недоговоренности, разночтений.

Пять лет я работал над этой рукописью, можно, да и нужно бы, еще потрудиться, подшлифовать язык, кое-что сократить, кое-что добавить. Но... Я решаюсь на эту публикацию по совету и добрым отзывам друзей, которые прочитали рукопись. Уходят из жизни боевые друзья и писатели, младше меня по возрасту. А у меня за плечами восемьдесят очень трудных лет. Может и меня подстеречь печальная неожиданность. А книгу эту - самую значительную в моем творчестве - очень хочется (не скрываю этого) подержать в руках, полистать в тиши кабинета, еще раз пройти вместе с читателями по грозным, трудным и радостным годам XX века, в котором жил и работал не только Сталин, но и мы, старшее поколение. Это и наша жизнь.

И последнее.

На фронте мы ходили в атаки и рукопашные. В кровавые схватки нас поднимали навстречу пулям и возможной смерти не только призывы: "За Родину! За Сталина!" Каждого из нас поднимало извечное русское "Надо!"

Вот и я мысленно сказал себе это емкое слово "Надо!", приступая к работе над "Генералиссимусом" с полным пониманием сложности, тяжести и ответственности, которые я взваливаю на свои плечи, не только перед читателями, но и перед историей.

Революционеры

Начало биографии

(Факты без комментариев)

Никто не родится на свет ни злодеем, ни праведником. Мне кажется, будет верным, если мы начнем наше знакомство со Сталиным с этой объективной исходной позиции.

Начать придется издалека, без такого "предполья" нельзя понять, как формировались личность и способности будущего Генералиссимуса.

Иосиф Джугашвили родился 21 декабря 1879 года в небольшом городке Гори Тбилисской губернии в семье сапожника Виссариона Ивановича и Екатерины Георгиевны Джугашвили. Крещен в православной церкви. В 1888 году его отдали в Горийское духовное училище, после окончания которого в 1894 году он поступил в Тифлисскую духовную семинарию, причем как отличник был принят "на казенный счет". Готовился стать священником, но знакомство с модной тогда революционной литературой увлекло Иосифа, и он стал посещать марксистские кружки. А вскоре проявил себя таким их активистом, что 27 мая 1899 года (на пятом году учебы) его исключают из духовной семинарии.

После этого устроился на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию вычислителем-наблюдателем - и с той поры повел жизнь революционера-профессионала. Он был смелый, с горячим кавказским характером. Книжной революции ему было мало - участвовал в экспроприациях. Здесь, наверное, впервые и проявились его лучшие бойцовские качества.

Но "боевая деятельность" была не долгой - понял: надо просвещать, поднимать трудящихся на борьбу за лучшее будущее.

5 апреля 1902 года последовал первый арест и заключение в Батумскую тюрьму за революционные выступления среди рабочих и статьи в нелегальной газете "Брдзола". Осенью 1903-го он был сослан на три года в Восточную Сибирь, в село Новая Уда Иркутской губернии. Здесь получил первое

письмо от Ленина. 5 января 1904 года бежал из ссылки и вернулся на Кавказ, где организовал широкое издание нелегальных прокламаций, газет, брошюр, книг, в которых выступил как единомышленник Ленина в борьбе с меньшевиками.

В декабре 1905 года Сталин - делегат от кавказских большевиков на Всероссийской конференции большевиков в Тамерсфорсе (Финляндия). Здесь он впервые лично познакомился с Лениным. В апреле 1906 года участвует в работе IV съезда РСДРП в Стокгольме. На V Лондонском съезде Сталин активный участник борьбы и победы Ленина над меньшевиками.

И вновь Кавказ. Об этом периоде Сталин вспоминал: "Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических местных руководителей...

Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение".

25 марта 1908 года - второй арест. Восемь месяцев в тюрьме. Ссылка в Вологодскую губернию. Но 24 июня 1909 года Сталин совершает побег и возвращается в Баку.

23 марта 1910 года - опять арест, полгода в тюрьме и ссылка в Сольвычегодск. 6 сентября 1911 года Сталин нелегально уезжает в Петербург. Но уже 22 сентября он водворен на место ссылки.

По поручению Ленина в Вологду приехал Серго Орджоникидзе и сообщил Сталину о заочном избрании его членом ЦК партии на Пражской конференции.

В феврале 1912 года Сталин совершает очередной побег.

5 мая 1912 года, согласно указаниям Ленина, выходит первый номер газеты "Правда" - его готовил в России со своими товарищами Сталин.

22 апреля 1912 года Сталина арестовали и сослали на три года в Нарымский край. Но уже 1 сентября того же года - новый побег!

В петербургском подполье Сталин продолжает руководить изданием "Правды", ведет подготовку к избирательной кампании в IV Государственную думу, пишет "Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату", который Ленин высоко оценил и рекомендовал газете: "Непременно поместите этот наказ на видном месте крупным шрифтом". Выборы увенчались победой - кандидаты от рабочих были избраны в Думу.

Ленин одобряет работу Сталина в переписке с ним. В ноябре и декабре 1912 года Сталин выезжал к Ленину в Краков на совещание ЦК.

За границей Сталин написал работу "Марксизм и национальный вопрос". Ленин сообщал Горькому: "У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" большую статью, собрав все авторские и прочие материалы..."

23 февраля 1913 года Сталина арестовали в Петербурге. На этот раз, учитывая его побеги, сослали в далекий Турухан-ский край, к самому Полярному кругу, в селение Курейка, где Сталин и пробыл до Февральской революции 1917 года.

12 марта 1917 года он уже в Петербурге. Здесь его кооптировали в состав русского Бюро ЦК РСДРП и в редакцию "Правды".

2 апреля 1917 года Ленин пересек границу Финляндии, на первой же станции Белоостров его встречали Сталин, Каменев, Коллонтай, Раскольников.

4 апреля Ленин в Таврическом дворце изложил свои исторические апрельские тезисы - программу немедленных действий. Сталин был рядом.

24 апреля 1917 года на VII Всероссийской партийной конференции Сталина избирают членом ЦК, в который входили: Ленин, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Ногин, Смигла, Федоров.

4 июля, после расстрела по приказу Керенского мирной демонстрации, партия ушла в подполье, организация безопасности Ленина была возложена на Сталина.

Сталин постоянно встречается с Лениным в Разливе, готовит VI съезд партии, на котором в отсутствие Ленина делает основной доклад о политическом положении и курсе на вооруженное восстание.

25 октября это вооруженное восстание происходит, и Ленин провозглашает лозунг: "Вся власть Советам! Долой временное правительство!"

Октябрьская революция свершилась: 26-го вечером на II Всероссийском съезде Советов создано первое Советское правительство во главе с Лениным. Сталина назначают народным комиссаром по делам национальностей.

В эти дни многим коммунистам пришлось стать военными. Тут и для Сталина открылись самые широкие возможности.

На совещании ЦК еще 16 октября по предложению Ленина создается "Военно-революционный центр" из пяти членов, в который входили Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Бубнов и Сталин.

Вообще, было два руководящих центра: "Военно-революционный комитет" в Петербурге и "Военно-революционный центр" всероссийского масштаба.

Всероссийским восстанием руководил Ленин, а в Петербурге - Троцкий, председатель Петроградского совета.

В первом издании сочинений Ленина сказано: "После того, как Петербургский совет перешел в руки большевиков, был избран его председателем Троцкий, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября".

Сталин после революции, в юбилейной статье 1918 года говорил о Троцком: "Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета товарища Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом товарищу Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками товарища Троцкого".

Таким образом, в двух крупнейших событиях начала XX века - первой мировой войне и Октябрьской революции - Джугашвили-Сталин прошел не на уровне второго лица, как это утверждают

его услужливые биографы, а как член руководящей команды большевиков-революционеров.

Он был в числе близких к Ленину единомышленников - член ЦК, член "Военно-революционного центра", но роль его в этот период, как видим, была еще скромной. Пока на Сталина лишь падал отблеск "костра", разжигаемого Лениным.

Такова правда о начале биографии Иосифа Джугашвили. Я не пытаюсь ни унизить, ни возвысить его, привожу только факты - ни больше ни меньше.

Гражданская война. Бои за Царицын

Где и как развивались военные способности Сталина, когда и как он накапливал боевой опыт?

Первое событие стратегического масштаба, в котором Сталин не только принимал участие, но и сыграл руководящую роль, произошло в 1918 году под Царицыном. Причем начиналось его участие в том большом сражении не в положении военачальника, а всего лишь продовольственным комиссаром.

Напомню, что, окруженный тогда со всех сторон фронтами, Петроград оказался отрезанным от губерний, которые снабжали столицу хлебом и другими продуктами. Голод начинал душить не только жителей огромного города, но и саму революцию. Надо было предпринимать срочные меры по налаживанию снабжения продовольствием. Одной из таких акций было решение ЦК направить Сталина продовольственным комиссаром в Царицын, через который можно было везти хлеб с Волги и Северного Кавказа в обход деникин-ской армии, занимавшей Украину и донские хлебородные просторы.

Понимая и подчеркивая значение этого мероприятия, председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) подписал особый мандат:

"Член Совета Народных Комиссаров, народный комиссар Иосиф Виссарионович Сталин назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на Юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации и эмиссары обязываются исполнять распоряжение товарища Сталина".

Описывая дела исторических личностей, обычно опускают детали из их личной жизни. И напрасно: порой бытовые, чисто личные моменты оказывают определенное влияние на поведение исторических личностей и, следовательно, на ход событий.

Здесь, мне кажется, уместным будет рассказать о

малоизвестном факте из жизни Иосифа Виссарионовича. Этот случай, несомненно, оказал определенное психологическое влияние на поведение Сталина в Царицыне. Дело в том, что Сталин, возвратясь из ссылки в 1917 году, поселился в семье старых своих знакомых Аллилуевых. Они один раз уже предоставляли приют Сталину - после побега из ссылки в 1915 году. После Февральской революции он опять жил у Аллилуевых как на конспиративной квартире, а потом, в горячке Октябрьской революции, так и оставался в этой семье - не до квартирных забот было в то время.

Но есть основание, и довольно убедительное, считать, что Джугашвили оставался у Аллилуевых не только из-за отсутствия своей собственной квартиры. Дело в том, что у Аллилуевых росла дочка Наденька, шел ей в ту пору семнадцатый год. Воспитываясь в семье революционера, она, чистая и пылкая натура, считала приходивших в дом отца товарищей по партии романтичными героями, они ей очень нравились, и она мечтала быть похожей на них. И вдруг в квартире поселяется один из таких легендарных героев. Он много раз бежал из ссылки и однажды уже скрывался в этой семье.

Она все это помнила, поэтому глядела на таинственного черноволосого Джугашвили восхищенными глазами, с гулко бьющимся сердцем.

Все это не мог не заметить 38-летний "дяденька-революционер". Дело зашло так далеко, что несмотря на разницу в возрасте и не считаясь с тем, как расценят все это товарищи по партии, Сталин увез с собой Надю в Царицын. Наверное, Сталину хотелось покрасоваться перед юной возлюбленной своей значительностью: он вез ее в персональном салон-вагоне и предвкушал, как Надя увидит его в больших делах, которые он едет вершить с мандатом самого Ленина.

Сталин прибыл в Царицын 6 июня 1918 года. Он остался жить в салон-вагоне, который охраняли приехавшие с ним питерские красногвардейцы. На правах чрезвычайного комиссара Сталин стал вызывать к себе для доклада не только руководителей местных партийных и советских органов власти, но и военных. Последние, не понимая поначалу, какое к ним имеет отношение штатский продовольственный комиссар, не очень-то ему подчинялись и продолжали заниматься своими делами.

Командующий Севере-Кавказским округом, бывший генерал-лейтенант царской армии Снесарев умело руководил действиями подчиненных ему войск и создал надежную оборону Царицына. Андрей Евгеньевич был опытный генерал-фронтовик, окончил до войны Академию Генерального штаба. По своим прогрессивным

убеждениям, которые сложились, наверное, в годы, когда он был студентом Московского университета, Снесарев решил послужить революции и добровольно пришел в Красную Армию. Он был очень нужен и полезен революции. Ленин высоко ценил таких людей, он рекомендовал на всех фронтах использовать знающих свое дело бывших офицеров-военспецов", а для того чтобы предотвратить возможную измену некоторых из них, назначать к военспецам комиссаров.

У Сталина отношение к бывшим офицерам было однозначно подозрительное. Он считал их заговорщиками. И в этом отношении расходился с мнением Ленина по вопросу использования военных специалистов. Встретив прохладное отношение военных в Царицыне, Сталин дал телеграмму в ЦК Ленину, требуя себе полномочий на вмешательство и в дела военные, потому что обнаружил здесь большие беспорядки.

Центральный Комитет сначала не дал Сталину таких полномочий, посчитав, что он должен заниматься главным делом, ради которого направлен продовольствием.

Сталин успел отправить несколько эшелонов с хлебом в голодающий Петербург, чем оказал большую услугу революции.

Но в конце июля противник перешел в наступление. Генерал Краснов намеревался силами белоказачьей армии овладеть Царицыном и соединиться с восставшим чехословацким корпусом, уральскими и оренбургскими белоказаками. Объединение сил контрреволюции отрезало бы северную часть России от южной, откуда поступало продовольствие в Петроград и Москву. Потеря Царицына была бы трудно поправимой катастрофой.

Отрезав Царицын от северного Кавказа, белые лишили Сталина возможности выполнить его основную задачу, ради которой он был сюда направлен, то есть мобилизовать продовольственные ресурсы и направить их в Москву и Петроград. Хлеб остался на юге, а изолированный от него Царицын своего хлеба не имел. Сталин прилагает все силы, чтобы выполнить поручение ЦК и Ленина:

"Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого - ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные "специалисты" (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им...

Что касается истеричных, будьте уверены, у нас рука не дрогнет, с врагами будем действовать по-вражески".

11 июля 1918 года Сталин телеграфирует Ленину:

"Дело осложняется тем, что штаб Северокавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши "специалисты" психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они как "штабные" работники, умеющие лишь "чертить чертежи" и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел...

Смотреть на это равнодушно считаю себя не вправе. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями".

Снабжение центра страны хлебом было прервано. Ленин передал Сталину: "... о продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо кроме как от Вас добыть неоткуда..."

Сталин ответил, что "до восстановления пути доставка хлеба немыслима... в ближайшие дни не удастся помочь хлебом. Дней через десять надеемся восстановить линию..." Но шли не дни, а месяцы, и положение все ухудшалось.

Обстановка была крайне напряженной не только на фронте, но и в тылу: в Петрограде произошло восстание эсеров, покушение на Ленина. В Царицыне скопилось очень много враждебных новой власти элементов: эсеры, террористы, анархисты, монархисты, бывшие офицеры. Существовало организованное контрреволюционное подполье.

Мне кажется, роль Сталина в борьбе с внутренней контрреволюцией более наглядно будет представлена в устах участника событий тех дней, бывшего начальника оперативного отдела армии полковника Носовича, который перебежал к белым и 3 февраля 1919 года опубликовал в белогвардейском журнале "Донская волна" следующее:

"Главное значение Сталина было снабжение продовольствием северных губерний, и для выполнения этой задачи он обладал неограниченными полномочиями...

Линия Грязи - Царицын оказалась окончательно перерезанной. На севере осталась лишь одна возможность получать припасы и поддерживать связь: это Волга. На юге, после занятия "добровольцами" Тихорецкой, положение стало тоже

весьма шатким. А для Сталина, черпающего свои (хлебные) запасы исключительно из Ставропольской губернии, такое положение граничило с безуспешным окончанием его миссии на юге. Не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, отступать от раз начатого им дела. Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим.

Постепенно, по мере того, как он оставался без дела, вернее, попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин начал входить во все отделы управления городом, а, главным образом, в широкие задачи обороны Царицына в частности и всего Кавказского фронта вообще.

К этому времени в Царицыне атмосфера сгустилась. Царицынская чрезвычайка работала полным темпом. Не проходило дня без того, чтобы в самых, казалось, надежных местах не открывались различные заговоры. Все тюрьмы города переполнились...

Борьба на фронте достигла крайнего напряжения... Главным двигателем и главным вершителем всего с 20 июля оказался Сталин. Простой переговор по прямому проводу с центром о неудобстве и несоответствии для дела настоящего устройства управления краем привел к тому, что Москва отдала приказ, которым Сталин ставился во главе всего военного и гражданского управления..."

Носович признает дальше: репрессии имели основание. Вот что он пишет о контрреволюционных организациях Царицына:

"К этому времени и местная контрреволюционная организация, стоящая на платформе Учредительного собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына.

К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и его два сына были мало знакомы с настоящей обстановкой, и из-за неправильно составленного плана, основанного на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, состоявшего при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой...

Резолюция Сталина была короткая: "расстрелять". Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними и значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно без всякого суда расстреляны".

Об очищении от белогвардейцев Носович пишет:

"Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначащую надпись на телеграмме: "Не принимать во внимание!"

Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне".

Сталин же телеграфировал в Москву:

"...Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей, свергать всех командиров и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит".

Под "отсутствием бумажки" Сталин имел в виду то, что Троцкий как председатель Реввоенсовета республики не дал Сталину полномочий вмешиваться в дела военного командования.

И действительно, его "не остановило" отсутствие "законных" полномочий, по приказу Сталина был арестован Снесарев и почти все бывшие офицеры из штаба. Несколько сот арестованных офицеров были водворены на баржу и содержались там под охраной.

О судьбе этих офицеров, а точнее, о применении Сталиным таких крутых мер в Москву писалось не раз: с баржи было выведено и расстреляно несколько групп офицеров, и вообще эту баржу намеревались затопить. В Царицын была даже направлена специальная комиссия во главе с А. И. Окуловым для расследования этого факта.

Комиссия разобралась с обвинением арестованных, большинство из них были освобождены, в том числе и генерал Снесарев. Чтобы развести Снесарева со Сталиным, генерала назначили командующим Западным фронтом.

Но пока ехала комиссия, Сталин, Ворошилов и другие приближенные сумели спрятать концы в воду, в самом прямом смысле этого слова.

Долго ходили слухи о том, что комиссии стало известно тогда не все. Например, о затоплении другой баржи я слышал от пожилых командиров в 1939 году, когда стал курсантом военного училища.

Осенью 1918 года войска белых вышли на подступы к Царицыну и кое-где прорвались к Волге. Самое критическое положение создалось в январе 1919 года, когда генерал Краснов ввел свежие силы и, прорвав оборону красных, двинулся к Царицыну. У командующего созданного к тому времени Южного фронта Сытина и у члена Реввоенсовета Сталина никаких резервов для противодействия прорыву не было.

В этой сложнейшей обстановке Сталин не растерялся, проявил твердость и нашел выход. Здесь впервые проявляется его способность мыслить в оперативно-стратегических масштабах.

Находившиеся в те дни рядом со Сталиным в салон-вагоне вспоминают, что Сталин был возбужден гораздо более обычного, почти не переставал дымить трубкой, но говорил своим ровным твердым голосом, и это успокаивало окружающих.

Сталин понимал: коль скоро он сосредоточил в своих руках все руководство, то и ответственность за поражение ляжет на него. Но что же делать? Резервов нет. Противник почти беспрепятственно возьмет Царицын.

Сталин предположил: части генерала Краснова, наверное, уже готовы отпраздновать победу. Это всегда усыпляет бдительность. Немало примеров в истории, когда преждевременное торжество приводило к потере успеха, добытого в сражении.

- Что сейчас происходит в расположении генерала Краснова? - спросил Сталин, не обращаясь ни к кому конкретно. Присутствующие притихли. Представитель из штаба фронта доложил:

- Там готовятся к вступлению в Царицын, главные силы строятся в колонны в районе Дубовки. Впереди пойдет небольшой авангард, чтобы сбивать остатки наших войск.

Сталин зло стукнул трубкой по столу.

- Превосходно! Авангард пропустить и расправиться с ним в нашей глубине.

- Но это значит открыть дорогу и главным силам противника...

- Совершенно справедливое замечание, - сказал Сталин. Он чувствовал себя уверенно, потому что нашел выход из создавшегося безвыходного положения. Сталин даже улыбнулся: - Главные силы противника пойдут не в город, а к своей гибели.

- Но кто...

- Начальник артиллерии, товарищ Кулик, сколько у вас в районе Дубовки пушек?

- У меня здесь ничего... - начал оправдываться Кулик.

- На всем фронте сколько? - нетерпеливо перебил Сталин.

- Орудий сто наберется...

- Все эти орудия немедленно, не теряя ни минуты, начать сосредоточивать к Дубовке. Пошлите надежных людей в батареи. Гнать всех в хвост и в гриву! Чтобы в течение ночи сосредоточились к Дубовке. Сюда же свезти все снаряды. Вы поняли меня? Противник в эйфории. Победа вскружила им головы. Вот мы и ударим всей артиллерией по этим глупым головам! А сводную кавалерийскую дивизию Думенко, сосредоточить сюда же, к Дубовке. Ее задача - бить и преследовать противника, после того как его опрокинет артиллерия!

В течение ночи вся артиллерия была стянута и заняла огневые позиции у Дубовки. Дивизия Думенко вышла в назначенный район. Психологический анализ Сталина относительно противника полностью подтвердился. Войска генерала Краснова шли колоннами по дорогам за авангардом. Кавалерия, тоже в строю, двигалась вдоль дорог. Тяжелая, огромная масса войск густым потоком текла к Царицыну.

Удар артиллерии, в таком сконцентрированном, невиданном ранее количестве, да еще с предельной скорострельностью, был не только неожиданным, но и уничтожающим. Снаряды рвались в гуще людей, в несколько минут огромное пространство покрылось трупами, бежали в разные стороны солдаты. Дивизия Думенко под командованием Буденного (Думенко заболел) лихо преследовала отступающих. Перешли в наступление и другие части фронта. Войска Краснова были отбиты от Царицына.

Эта блестящая победа укрепила авторитет Сталина. Город отстояли, белые отброшены. А кто все это возглавлял? - Сталин! И еще один человек очень помог - Кулик. И это естественно: решающую роль в этом сражении сыграла артиллерия, использованная оригинальным, не применявшимся ранее сосредоточением ее на главном направлении и массированным огнем. А кто командующий артиллерией? - Кулик! Слава Кулика после этого тоже была устойчива многие годы.

Ну а отношения на уровне руководства фронтом развивались своим чередом, Сталин продолжал показывать свой характер. Вернее, он оставался самим собой и не мог вести себя иначе.

Как было сказано выше, в сентябре 1918 года новым командующим созданного Южного фронта был назначен Павел Павлович Сытин, тоже бывший царский генерал, генштабист, тоже добровольно в январе 1918 года вступивший в Красную Армию.

С первых же дней Сталин начал конфликтовать с новым командующим Сытиным. И даже самостоятельно отстранил его от

командования фронтом. Тем самым Сталин отказался подчиняться приказу председателя Реввоенсовета республики Троцкого о невмешательстве в оперативные распоряжения командующего фронтом. Троцкий апеллировал в ЦК. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов телеграфировал Сталину и Ворошилову в Царицын: "Все решения Реввоенсовета (республики) обязательны для военсо-ветов фронтов. Без подчинения нет единой армии... Никаких конфликтов не должно быть". Но Сталин не посчитался с указанием ВЦИК и продолжал действовать по своему усмотрению.

Для того чтобы исправить это положение, Центральный Комитет вынужден был отозвать Сталина в Москву. Командующим войсками фронта был оставлен Сытин.

Подводя итог первого самостоятельного соприкосновения Сталина с военной стратегией, отметим его мудрость, энергичность, решительность, твердость, особенно в сложных ситуациях. Все это хорошие качества военачальника. Сталин получил опыт в организации и проведении крупных армейских операций. Познакомился с деятельностью штабов, роли которых, однако, явно не понял. Наряду с этим стало очевидным, что широкими полномочиями, властью Сталин не всегда пользовался умеренно. Это уже давало повод ЦК, товарищам по партии насторожиться. Но в напряженные дни гражданской войны было не до того. А кое-кто считал все это в той ситуации не пороками, а достоинствами, тем более что это подтверждалось реальным результатом - Сталин отстоял Царицын. Победителей не судят, а победа под Царицыном действительно имела стратегические масштабы.

На Западном фронте. Разгром Деникина

В мае 1919 года перешли в наступление войска Юденича, и создалась угроза Петрограду. ЦК партии и Совет обороны направили Сталина на Петроградский фронт. Это назначение было не случайным - учли его военные способности и проявленные решительные действия на фронте ранее, Ленин предупредил Сталина: "Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть, и на самом фронте, организованного предательства... Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров".

И Ленин не ошибся - 13 июня 1919 года вспыхнул контрреволюционный мятеж на фронтах Красная Горка и Серая Лошадь. Сталин снова проявил смелость и решительность: он понимал, что нельзя позволить мятежу разгореться, так как

наготове к вторжению стояла английская эскадра. В течение трех дней мятеж был подавлен.

Сталин доложил Ленину:

"Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая Лошадь. Оружие на них в полном порядке. Идет быстрая проверка всех фронтов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я буду впредь действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой".

Явное торжество победителя и даже некоторое отсутствие скромности отчетливо видятся в его донесении. Спишем их на возбужденность после боя. Но не только это следует отметить. Сталин проявил дальновидность и понимание фактора времени, не дал мятежу разгореться. В такой ситуации так быстро овладеть мощными стационарными крепостными фортами надо было суметь. Гордость Сталина оправданна.

Мятеж мог повлечь непоправимые последствия для революционной республики в случае объединения сил мятежников с английской эскадрой. Но англичане так и не решились начать крупные операции, узнав о подавлении мятежа.

5 июля 1919 года Сталина назначают членом РВС Западного фронта. Он прибыл в штаб фронта в Смоленск и вскоре доложил Ленину: "Положение фронта под Минском пока неважное... Командарм никуда не годится, только портит дело".

А через некоторое время у Сталина возник конфликт и с

членом РВС Западного фронта А. И. Окуловым. Это был тот самый Окулов, который приезжал под Царицын председателем комиссии по расследованию арестов военспецов. Сталин не пытался даже маскировать свою неприязнь и требовал отозвать Окулова.

Ленин был вынужден предупредить Сталина:

"... думаю, что Вы должны помочь Реввоенсовету фронта объединить все армии... Надо, чтобы конфликт с Окуловым не разросся. Обдумайте хорошенько, ибо просто отозвать его нельзя".

Но Сталин вновь не внял корректным просьбам Ленина, настойчиво добивался отстранения тех, кто ему мешал, и все же добился отзыва Окулова. Обстановка того требовала, а результат оправдывал и подтверждал правоту Сталина. Наступление противника было отбито. Западный фронт выстоял с теми, кого

считал необходимым оставить Сталин.

27 сентября 1919 года Сталин назначается членом РВС уже Южного фронта, который действовал против войск Деникина. На этом фронте Сталин участвовал в весьма крупной, даже не операции, а целой военной кампании.

Еще до приезда Сталина на Южный фронт, для отражения опасности, нависшей от продвижения войск Деникина в центр страны, Главком Каменев, согласно плану Троцкого, разработанному в Москве, дал указание командующему Юго-Восточным фронтом Шорину нанести удар в направлении Царицын Новороссийск, то есть выйти и тыл всей деникинской армии. Этот замысел с военной точки зрения был весьма эффективным, но явно не учитывал политическую ситуацию. Нанося удар от Волги к Новороссийску, красным войскам пришлось бы двигаться через донские просторы, заселенные враждебным, в большинстве мест, революции казачеством. Оно оказало бы яростное сопротивление, защищая свои земли, что могло сорвать успех наступления.

Новый командующий Южным фронтом Егоров и член Реввоенсовета Сталин не были согласны с этим планом и предложили свой вариант: наносить удар со стороны Воронежа на Харьков, Донбасс, Ростов, где ожидалась поддержка пролетарского населения, составляющего большинство в этих промышленных районах.

9 октября в 3 часа ночи командующий Южным фронтом Егоров получил от Главнокомандующего Каменева директиву, в которой главком соглашался с новым планом и ставил задачу наступать и наносить главный удар вдоль Курской железной дороги, в направлении Донбасса, чем разъединить донскую армию и войска Деникина и разгромить их.

В этот же день, а точнее, в ту же ночь, 9 октября в 5 часов 25 минут, командующий фронтом издал свою директиву No 10726 on, в которой поставил конкретные задачи соединениям во исполнение полученной директивы Главкома (и своего решения, принятого раньше и отправленного на утверждение Главкома).

Эту директиву подписали: командюж Егоров, члены РВС Южного фронта Сталин, Лашевич, наштаюж Пневский.

У меня на столе лежит книга "Разгром Деникина в 1919 году". Это капитальный исследовательский труд, изданный в 1931 году бывшим командующим Южным фронтом А. И. Егоровым. Здесь на 230 страницах детально, со схемами и точными цифрами, этап за этапом, день заднем анализируется подготовка и проведение операции по разгрому войск Деникина. В предисловии к этой книге приведена цитата из статьи Ворошилова, в которой есть

такие слова:

"Ознакомившись с положением, товарищ Сталин немедленно принимает решение. Он категорически отвергает старый план, выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину в... записке".

Эти слова Ворошилова и "записка" впоследствии были возведены подхалимами в "гениальный план разгрома Деникина".

Я не случайно выше приводил не только дни, но даже часы издания документов. Из них видно: командующий Южным фронтом Егоров вместе со Сталиным, Лашевичем и начальником штаба Пневским спланировали операцию по разгрому Деникина и доложили свой план Главкому, который его утвердил. Директива Главкома Южному фронту поступила в 3 часа ночи 9. 10. 1919 г. Директива командующего фронтом войскам подписана в 5 часов 25 минут той же ночью. А "записка" Сталина была составлена 15 октября 1919 года! Сталин в ней излагал Ленину то же, что он, наверное, говорил при разработке плана в штабе Южного фронта. Возможно, высказывал эти мысли и в предварительных беседах с Егоровым. Но, как видим, "гениального плана Сталина" по разгрому Деникина не было. Однако суждения Сталина в стратегических и оперативных вопросах, изложенные в "записке", весьма и весьма компетентны и убедительно показывают возросший уровень военной грамотности Сталина. Вот полный текст этой "записки":

Товарищ Ленин!

Месяца два назад Главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донской бассейн как основного. Если он все же не пошел на такой удар, то потому, что ссылался на "наследство", полученное в результате отступления южных войск летом, то есть на стихийно создавшуюся группировку войск в районе нынешнего Юго-Восточного фронта, перестройка которой (группировки) повела бы к большой трате времени, к выгоде Деникина. Только поэтому я не возражал против официально принятого направления удара. Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменилась в основе: VIII армия (основная на бывшем Южном фронте) передвинулась в район Южфрон-та и смотрит прямо на Донецкий бассейн; конкорпус Буденного (другая основная сила) передвинулся в район Южфрон-та; прибавилась новая сила латдивизия, которая через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу.

Вы видите, что старой группировки ("наследство") не стало. Что же заставляет Главкома (Ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно - фракционность,

самая тупая и самая опасная для Республики фракционность, культивируемая в Главкоме "стратегическим" петушком Гусевым. На днях Главком дал Шорину директиву о наступлении с района Царицына на Новороссийск через донские степи по пинии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уж невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предлагаемый) поход в среде, враждебной нам, в условиях абсолютного бездорожья - грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, то есть лишь усилить Деникина.

Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара из района Воронежа через Харьков - Донецкий бассейн на Ростов. Во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот - симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, - линию Воронеж - Ростов (без этой линии казачье войско лишается на зиму снабжения, ибо река Дон, по которой снабжается донская армия, замерзнет, а Восточно-донецкая дорога Лихая - Царицын будет отрезана). В-третьих, с этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл. В-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет, если, конечно, к тому времени поставим перед казаками вопрос о мире, о переговорах насчет мира и пр. В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля.

С принятием этого плана нельзя медлить, так как главкомовский план переброски и распределения полков грозит превратить наши последние успехи на Южном фронте в ничто. Я уже не говорю о том, что последнее решение ЦК и правительства - "Все для Южного фронта" - игнорируется Ставкой и фактически уже отменено ею.

Короче: старый, уже отмененный жизнью план ни в коем случае не следует гальванизировать, - это опасно для Республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для

этого, но и повелительно диктуют такую замену. Тогда и распределение полков пойдет по-новому.

Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте.

Ваш Сталин

Серпухов, 15 октября 1919 г.

Как видим, суждения Сталина грамотны, убедительны и полезны. Наверное, он их высказывал при разработке плана разгрома Деникина командованием и штабом Южного фронта. Но нельзя принимать этот документ за самостоятельный "гениальный план", он и по дате написания - 15 октября - отражает события постфактум к этому дню войска Южного фронта уже неделю осуществляли предлагаемый в "записке" новый вариант наступления.

Ну а поскольку мы не хотим ни приукрашивать, ни чернить Сталина, коротко подведем итог: Сталин сыграл значительную роль в разгроме деникинской армии, проявил себя как политик и организатор, грамотно разбирающийся в стратегических вопросах. Он получил новый весомый опыт в проведении крупнейших армейских и фронтовых операций, в практическом руководстве боевыми действиями войсковых объединений в сложных условиях превосходства противника и очень неполного обеспечения своих войск. Сталин действительно участвовал в разработке нового, более рационального плана и успешно осуществил его вместе с другими руководителями Южного фронта.

Советско-польская война 1920 года

Деникин разгромлен, его войска понесли большие потери в боях и еще большие от разложения и дезертирства. Часть его военных сил отходила в Крым, где вливалась в армию барона Врангеля. 4 апреля 1920 года Деникин ушел в отставку, Главнокомандующим белой армии стал Врангель. При штабе были представители командования Англии, Франции, США, Японии. Антанта не отказалась от намерения уничтожить революционную республику, которая, как казалось, дестабилизировала капиталистический мир и грозила зажечь вселенский пожар: "Мы на гибель всем буржуям мировой пожар раздуем!" Об этом не только пели, но почти все выступления коммунистов заканчивались призывом: "Да здравствует мировая революция!" Ленин в речи на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде сказал: "... мы подходим к последней, решительной битве, не за русскую, а международную социалистическую революцию!"

Троцкий писал: "Что война... закончится рабочей революцией в Польше, в этом не может быть никакого сомнения, но в то же время нет никаких оснований полагать, что война начнется с такой революции..." То есть надо было начинать войну против Польши, чтобы там началась и победила рабочая революция. Замысел рассчитывался более глобально:

Польша представлялась Троцкому запалом революции во всей Европе. В Германии, Австро-Венгрии, Франции уже вовсю разгоралось пролетарское движение.

Летом 1920 года, потерпев поражение на Украине и в Белоруссии, польские войска отходили на запад. 20 июля Главком Каменев и председатель Реввоенсовета Троцкий дали указание начать наступление на Варшаву по сходящимся направлениям - Западному фронту, которым командовал Тухачевский и Юго-Западному под командованием Егорова, где членом Военного совета был Сталин.

Выполняя эту директиву, Юго-Западный фронт перешел в наступление, освободил Киев и вышел к Львову.

Западный фронт Тухачевского достиг подступов к Варшаве, но дальше произошла катастрофа.

Оппоненты Сталина пишут об этом очень пространно и доказывают, что Сталин был главным виновником поражения в том периоде советско-польской войны.

Вот цитата из книги Троцкого "Сталин":

"К решающему моменту операционная линия Юго-Западного фронта разошлась с операционной линией главного Западного фронта под прямым углом. В то же время, как фронт Тухачевского приближался к Варшаве, Юго-Западный фронт, в состав которого входил Сталин, двигался на Лемберг. Сталин вел свою собственную войну, он хотел во что бы то ни стало войти во Львов, в то время как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву. Когда предстоящий контрудар под Варшавой окончательно выяснился, главное командование приказало Егорову, командующему Юго-Западным фронтом: круто переменить направление, чтобы ударить во фланг польских войск под Варшавой и поддержать Тухачевского с фланга. Но Юго-Западное командование, поощряемое Сталиным, продолжало двигаться на запад: разве не более важно самим завладеть Львовом, чем "другим" взять Варшаву? В течение трех или четырех дней ставка не могла добиться исполнения приказа. Только в результате повторных приказов и угроз Юго-Западное командование переменило направление. Но несколько дней запоздания сыграли роковую роль".

Кто же прав? Чтобы установить истину, придется нам самим

восстановить обстановку и ход событий, для чего вернемся к началу советско-польской войны.

Польша осталась последним плацдармом для очередной интервенции Антанты. В качестве вознаграждения польским шовинистам были обещаны обширные советские территории, что отвечало их извечному стремлению создать "великую Польшу от моря до моря". С конца 1919 года Антанта начала подготовку польской армии к большому наступлению на Советскую страну.

Помощь Антанты позволила польскому правительству создать к весне 1920 года армию численностью 738 тысяч человек. Боевой подготовкой польской армии занимались французские инструкторы. План польского наступления на Россию разрабатывался по указаниям французского маршала Фоша и под непосредственным руководством главы французской миссии в Варшаве генерала Анри. 25 апреля польские войска, обладавшие пятикратным превосходством против советских войск на Юго-Западном фронте, начали наступление вместе с петлюровцами. 26 апреля они захватили Житомир и Коростень, 6 мая - Киев и вышли на левый берег Днепра. Однако разбить 12-ю армию противнику не удалось. В середине мая фронт стабилизировался на линии южнее Киева Ямполь.

24 апреля Красная Армия перешла в контрнаступление, провела несколько успешных операций, освободила Украину и Белоруссию и вступила на польскую территорию.

Вот на этом наступательном подъеме и было решено провести Варшавскую операцию, разгромить польскую армию и "принести на штыках революцию в Европу".

Даже не будучи стратегами, читатели без труда увидят, что после затяжных боев (Киевская, Новгород-Волынская, Ро-венская и другие операции) Красная Армия понесла большие потери, силы многих частей иссякли, тылы растянулись на огромные пространства, продовольствие и боеприпасы закончились. За короткое время восстановить все это было невозможно.

В общем, реальных сил для осуществления Варшавской операции не хватало. "Классовый фактор", "пролетарская солидарность" не сработали, польские пролетарии взялись за оружие и - пошли бить "русских захватчиков". Операция была обречена на провал из-за неправильной оценки обстановки и сил противника Троцким, Каменевым и Тухачевским.

Председатель Реввоенсовета Троцкий, желая увенчать лаврами будущего победителя, своего выдвиженца Тухачевского (да и свои собственные заслуги были бы очевидны!), убедил Ленина и Главнокомандующего Каменева в необходимости ликвидировать Юго-Западный фронт (Егоров, Сталин) и передать

его войска Западному (Тухачевский), чтобы он самостоятельно завершил разгром польской армии. Без труда проглядывается желание Троцкого избавиться от Сталина, с которым у него постоянные конфликты, лишить его заслуг, которые возникнут в результате победы в советско-польской войне и продвижении революции на Запад.

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение объединить все армии, действовавшие против Польши, в составе Западного фронта (командующий М. Тухачевский). Одновременно было решено создать самостоятельный Южный фронт. Сталину было предложено сформировать РВС нового фронта, о чем Ленин сообщил ему телеграммой:

"Спешно. Шифром. Сталину. Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, а внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение".

Одновременно Главком С. С. Каменев, на основании директивы ЦК, предложил передать Первую конную армию и 12-ю армию Юго-Западного фронта в распоряжение командования Западного фронта, чтобы укрепить войска Тухачевского на главном Варшавском направлении.

Не трудно понять состояние Сталина: вот-вот будет взят Львов, так много вложено сил в почти достигнутую победу, и вдруг все насмарку. Сталин, минуя служебные инстанции - Главкома Каменева и Председателя Реввоенсовета Троцкого, обращается прямо к Ленину. В его телеграмме видна обида за то, что не оценены заслуги не только его, Сталина, но и всего фронта, дело до конца не доведено, а уже идет разговор о мире с Польшей. "Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте максимум еще две недели, нужен отдых, поищите заместителя. Обещаниям Главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов".

Ленин не стал отговаривать Сталина от возможной его замены и просил подобрать заместителя. А Каменев и Троцкий подтвердили свое прежнее решение: "Западный фронт приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения варшавским районом. Ввиду этого теперь же

приходится временно отказаться от немедленного овладения на вашем фронте львовским районом".

Но Сталин и Егоров не вняли и этому приказу. Напротив, они отдали приказ Первой конной армии "в самый кратчайший срок мощным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов".

Выполнить этот приказ Первая конная не смогла.

А Западный фронт Тухачевского к этому времени полностью израсходовал все свои силы, иссякли боеприпасы и продовольствие, тылы отстали, фронт растянулся и представлял собой нечто рыхлое и плохо управляемое.

Польское командование, напротив, сжало как пружину свои отступающие части. Антанта помогла им вооружением и техникой. Была проведена дополнительная мобилизация, она дала пополнение. В стране была развернута широкая и энергичная шовинистская пропаганда - защита от "русских поработителей" затмила классовые и пролетарские идеи.

Контрудар польских армий был настолько силен, что фронт Тухачевского буквально развалился. Опрокинутые войска спасались бегством, две армии отошли в Пруссию, где были интернированы.

Анализируя источники неудачи, В. И. Ленин говорил, что "когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них не хватало сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас не хватило сил".

Одной из причин поражения Западного фронта Троцкий и Тухачевский считали невыполнение Егоровым и Сталиным приказа о передаче Первой конной и 12-й армий для удара во фланг польским частям, теснившим войска Тухачевского, но справедливости ради следует напомнить, что Первая конная армия находилась в 300 километрах от уже отступающих частей Западного фронта и не могла успеть им на выручку, к тому же и сами конники увязли в безуспешных боях под Львовом.

Ссылки Сталина на усталость и нездоровье были обоснованны, нервное напряжение в боях сочеталось с предельным физическим переутомлением: Юго-Западный фронт был развернут на огромной территории и фактически состоял из двух фронтов - один против Польши, второй на юге, против Врангеля. Сталин буквально разрывался между этими двумя

фронтами.

В дни поражения фронта Тухачевского армия Врангеля, выйдя из Крыма, уже овладела большой территорией и готовилась к захвату Донбасса и соединению с восставшими казаками на Дону и Кубани.

Сталин уделял большое внимание Крымскому фронту. Он неоднократно выезжал на ответственные участки врангелев-ского фронта и проводил там работу. С 24 июня по 3 июля он находился в Синельникове. С 7 по 11 июля - в Москве, на совещании с Главкомом, начальником полевого штаба у заместителя председателя Реввоенсовета республики по вопросу о переброске подкреплений на Крымский участок Юго-Западного фронта. 14 июля он выезжает на станцию Волнова-ху, расположенную на левом фланге Крымского фронта. Через день (16 июля) посещает Мариуполь, где знакомится с состоянием Азовского флота. Два раза - 19 и 31 июля - Сталин выезжает на станцию Лозовая, где шли тяжелые бои. С 9 по 14 августа совершает поездку по Крымскому участку Юго-Западного фронта.

Обратите внимание на даты - они совпадают с днями напряженных боев на Западе, и еще представьте, какие большие расстояния приходилось преодолевать Сталину за короткое время (а самолетами тогда не летали).

Одним из очень важных дел, осуществленных во время этих поездок, было создание Второй конной армии, которая сыграла большую роль в дальнейших боях. Заслуга в этом Сталина очевидна.

Сталин отстоял командующего Юго-Западным фронтом Егорова, которого Троцкий намеревался заменить своим ставленником.

"Москва, ЦК РКП, Троцкому.

Решительно возражаю против замены Егорова Уборевичем, который еще не созрел для такого поста, или Корком, который как комфронта не подходит. Крым проморгали Егоров и Главком вместе, ибо Главком был в Харькове за две недели до наступления Врангеля и уехал в Москву, не заметив разложения Крымармии. Если уж так необходимо наказать кого-либо, нужно наказать обоих. Я считаю, что лучшего, чем Егоров, нам сейчас не найти. Следовало бы заменить Главкома, который мечется между крайним оптимизмом и крайним пессимизмом, путается в ногах и путает комфронта, не умея дать ничего положительного.

Сталин". 14 июня 1920 г.

Как видим, авторитет Сталина в те дни был достаточно высок, он считает возможным высказать свое предложение даже о замене Главкома.

После катастрофы у Тухачевского на Западном фронте Сталин получил из Секретариата ЦК телеграмму:

"Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что... необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву".

17 августа Сталин выехал в Москву. Беседы в ЦК, видимо, были для него неблагоприятны, и он подал просьбу об освобождении от военной работы.

На этот раз Ленин не поддержал Сталина, на IX партийной конференции он взял под защиту действия Главкома и Троцкого, а поведение Сталина осудил.

Но неприятный эпизод на польском фронте не поколебал авторитета Сталина. Ленин продолжал высоко ценить его энергию и твердость. Приведу только несколько документов.

Телеграмма И. В. Сталину в Баку 29 октября 1920 года: "...Антанта пойдет в Баку. Обдумайте и приготовьте спешно меры по укреплению подступов к Баку с суши и с моря, подвоза тяжелой артиллерии и прочее. Сообщите Ваше мнение".

Телеграмма Сталину в Баку 13 ноября 1920 года: "Как идет борьба с бандами?.. Считаете ли возможным мирное улаживание отношений с Грузией и Арменией и на какой основе?.. Ведутся ли вполне серьезно работы по укреплению подходов к Баку? Прошу также сообщить о Турции и Персии".

Сталин сообщал Ленину об успешной борьбе с контрреволюцией, о происках грузинских меньшевиков и армянских дашнаков, просил подкреплений. В ноябре он говорит с Лениным по прямому проводу, дает ему ответы на вопросы о положении в Закавказье, Персии, Турции, об активности англичан, зарившихся на нефтяные богатства Азербайджана, снова просит подкреплений. Вот какую записку направил Ленин Троцкому относительно этой просьбы: "т. Троцкий! Распорядитесь, пожалуйста, тотчас усилить и ускорить переброску..." Сталину же он советует немедленно внести конкретные предложения для рассмотрения в Политбюро, ускорить приезд в Москву.

Готовится чистка учреждений, как московских, так и местных, Ленин дает указание: "решим это после приезда Сталина".

Из письма Ленина Молотову 1 сентября 1921 года: "Надо все эти вопросы... быстро решить в Политбюро... Надеюсь, вы втроем (Молотов + Каменев + Сталин) сойдетесь и решите". Надо подготовить постановление VIII Всероссийского съезда Советов "О советском правительстве".

Ленин высоко ценил Сталина как хорошего работника и единомышленника, заботился о нем, беспокоился даже о его личных нуждах.

Телеграмма Г. К. Орджоникидзе в Тифлис, 4 июля 1921 года:

"Удивлен, что Вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы еще отдохнуть не меньше 4 или 6 недель..."

Телеграмма Г. К. Орджоникидзе, 17 июля 1921 года: "Первое: прошу сообщить как здоровье Сталина и заключение врачей об этом".

Телеграмма А. С. Енукидзе в ноябре 1921 года: "т. Енукидзе! Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, намеченной Сталину?.."

А. С. Енукидзе, 13 февраля 1922 года: "... квартира Сталина. Когда же? Вот волокита!"...

Подведем итог участия Сталина в гражданской войне. Без всякой натяжки и преувеличения его заслуг отметим: во многих крупных операциях он правильно оценивал обстановку, решительно влияя на ход боевых действий, которые завершались успешно.

Что касается преувеличений или желания опорочить деятельность Сталина в годы гражданской войны, то эти инсинуации оставим на совести других авторов, а с течением времени, как это часто бывало и раньше, ветер истории отсеет зерна от плевел.

Сталин - наследник Ленина

30 декабря 1922 года Ленин, несмотря на запрет врачей, начал диктовать дежурному секретарю заметки "К вопросу о национальностях или об "автономизации".

В дальнейшем урывками диктовал он свое выступление на предстоявшем весной 1923 года XII съезде партии. Все это впоследствии было объединено под названием "Письмо к съезду". Поскольку в этих заметках Ленин высказывал оценки ближайших соратников и размышлял о том, кто бы мог его заменить, заметки назвали "Завещанием".

Ленин особенно точно и глубоко оценил Сталина как личность, когда встал вопрос о замене руководителя партии и государства. Покушение на Ленина, его болезнь вынудили подумать о преемнике.

Почему Ленин, выбирая кандидата на пост Генсека ЦК, остановился на кандидатуре Сталина?

Прежде всего следует отметить, что к 1922 году его ближайшими соратниками были члены Политбюро ЦК: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин. Они проявили максимум энергии и способностей в первые дни советской власти, в годы гражданской

войны и в наступивший послевоенный период.

Из членов Политбюро на первый план в качестве преемника Ленина выходил Троцкий. Он занимал пост председателя Реввоенсовета республики, ведал военными вопросами на протяжении всей гражданской войны, в партии имел ореол выдающегося революционера, "красного Наполеона", а в армии у него было много своих соратников и выдвиженцев.

Но Ленин хорошо знал всю предреволюционную деятельность меньшевика-центриста Троцкого, лавирующего между большевиками и их противниками. И к тому же имеющего свою очень амбициозную линию.

Ленин писал о Троцком, что "он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела".

Между тем Троцкий открыто рвался к власти. Поэтому, несмотря на его высокую активность и большие способности, умение показать себя и блеснуть звонкими фразами, Ленин не мог рекомендовать Троцкого в качестве своего преемника. Да и личные отношения между Троцким и Лениным никогда не были близкими и товарищескими. Об этом говорит такой факт: когда Ленин умер, Троцкий находился в Сухуми на отдыхе. Несмотря на то, что похороны Ленина состоялись 27 января, т. е. через 5 дней после смерти, Троцкий так и не приехал в Москву, чтобы отдать последние почести вождю партии. Ничего, кроме своей неприязни к Ленину, он этим не показал.

У Троцкого не было товарищеских отношений и со Сталиным. Эти два человека неоднократно сталкивались между собой, вместо совместной работы ставили вопрос о невмешательстве в дела друг друга.

Когда на Восточном фронте возникла катастрофическая ситуация со сдачей Перми, наводить порядок туда поехали Сталин и Дзержинский, а Троцкий, ответственный за провал на фронте, был отстранен. Когда осложнилась обстановка на Южном фронте в борьбе с Деникиным, туда был направлен Сталин и другие члены ЦК, и опять поставлен вопрос о том, чтобы Троцкий, как председатель РВС республики не вмешивался в дела Южного фронта.

По всему видно, что Сталин и Троцкий не терпели друг друга. Скрытая борьба между ними шла постоянно, но Лениным смягчалась, порой подавлялась и поэтому не получала крайнего обострения. Ленин не случайно писал: "...думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения (соображений чисто личного свойства) являются такие члены ЦК, как Сталин и

Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК от 50 до 100 человек..."

Наиболее близким к Ленину по своей революционной деятельности был Зиновьев. Об этом говорил и сам Ленин. Но когда Зиновьев вместе с Каменевым выдал буржуазии подготовку вооруженного восстания в 1917 году, Ленин прямо заявил, что товарищами их больше не считает.

Зиновьев, так же как и Троцкий, претендовал на роль вождя партии. До революции ставил себя рядом, наравне с Лениным, а когда в 1919 году был избран председателем Исполкома Коминтерна, то неоднократно пытался показать себя вождем в мировом масштабе. Давал Ленину разные поручения Исполкома Коминтерна и подчеркивал свою независимость, противопоставляя себя партии.

Что касается Каменева, то Ленин считал, что и этот претендент, несмотря на свои незаурядные способности и организаторский талант, на высший пост в партии не подходит. В острый момент борьбы может поступиться своими принципами, заколебаться и стать штрейкбрехером. "Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, - писал Ленин, - конечно, не является случайностью".

После революции Каменев снова вошел в доверие, Ленин в последние годы своей работы поручал ему ряд ответственных заданий. Однако это был человек, однажды уже запятнавший себя, поэтому Ленин не мог доверить ему продолжить свое дело.

Таким образом, среди членов Политбюро не было человека, кроме Сталина, на которого Ленин мог бы положиться и передать ему роль вождя партии. Были молодые члены ЦК партии, выделявшиеся своими способностями и энергией, но их Ленин не рассматривал как своих преемников, оставляя для них эту возможность в будущем. В "Письме к съезду" он продиктовал:

"Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо иметь в виду следующее: Бухарин ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большими сомнениями могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал диалектики).

Затем Пятаков - человек, несомненно, выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и

администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делаются мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить своей "односторонности"...

Такие суждения, возможно, объяснялись довольно узким составом членов ЦК (всего полтора десятка), которые окружали Ленина. Малочисленность ЦК являлась одной из слабых сторон тогдашнего партийного руководства. Несколько позже Ленин отмечал эту слабость, даже предлагал увеличить состав ЦК до 100 человек, а ЦКК - до нескольких сотен, но это было уже в 1922 году, когда Ленин был прикован к постели и не мог оказать должного влияния на подбор и расстановку кадров.

Ленин стремился обеспечить преемственность своего дела и незыблемость революционных идей коммунизма, оградить свое учение от извращений и ревизии. А прямая угроза этому исходила, прежде всего, со стороны Троцкого и не далеко отставших от него Каменева, Зиновьева, Бухарина.

На роль преемника более других подходил Сталин, который никогда не выступал со своими теориями, соблюдал верность идеям Ленина, твердо следовал за ним и, если допускал ошибки, то быстро исправлял, не усугубляя их. Можно было надеяться, что он не свернет с революционного ленинского пути.

В лице Сталина Ленин видел человека, который может постоять за себя и не уступит ни Троцкому, ни Зиновьеву и Каменеву в борьбе за власть. Ленин считал Сталина "вернейшим и деятельнейшим революционером", смелым и решительным человеком. Сталин обладал природным умом, хорошей памятью и твердой волей, организаторским талантом и большой энергией. Но...

22 декабря произошла ссора Крупской со Сталиным. Сталин был ответственным, по поручению Политбюро, за соблюдение режима лечения Ленина. Обнаружив, что Крупская, вопреки запрещению врачей, позволяет Ленину диктовать, Сталин сделал ей замечание. Она ответила ему довольно резко. Сталин напомнил, что она не только жена, но и коммунист, за нарушение дисциплины ее могут привлечь к ответственности в Контрольной комиссии.

По рассказу сестры Ленина Марии Ильиничны, Крупская так обиделась на Сталина, что дома впала в истерику, "рыдала, каталась по полу".

На следующий день Крупская написала письмо Каменеву:

"Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного

мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей. Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и, во всяком случае, лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву), как более близким товарищам В. И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и уфоз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности".

5 марта Крупская рассказала Ленину о размолвке со Сталиным.

Ленин тут же продиктовал письмо с грифом "строго секретно", в копиях Каменеву и Зиновьеву.

"Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться, или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением, Ленин".

За два месяца после инцидента у Крупской, наверное, утихла обида, и она, опасаясь разрыва Ленина со Сталиным, попросила секретаря Володичеву не отправлять это письмо адресату. Но секретарь не захотела нарушать просьбу Ленина и отправила письмо Сталину.

Сталин еще 1 февраля 1923 года обратился к Политбюро с просьбой освободить его от полномочий "по наблюдению за исполнением режима, установленного врачами для т. Ленина". Получив грозное послание Ильича, Сталин 7 марта продиктовал ответ. Он объяснял, что произошло недоразумение, что, если нужно, может взять назад сказанные слова, но не понимает, "в чем тут дело, где моя вина и чего, собственно, от меня хотят".

Ленин не прочитал ответа Сталина, было не до того, болезнь обострилась. Она дошла до такой степени, что Владимир Ильич просил, чтобы прекратили его невыносимые страдания и дали

ему цианистый калий.

23 марта 1923 года Сталин написал обращение в Политбюро:

"Строго секретно. Членам Пол. Бюро

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном "просьбу Вл. Ильича Сталину" о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н. К. говорила, между прочим, что Вл. Ильич "переживает неимоверные страдания", что "дальше жить так немыслимо", и упорно настаивала "не отказывать Ильичу в его просьбе". Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной и с волнением требовал "согласия Сталина"), я не счел возможным ответить отказом, заявив: "Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование". В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

И. Сталин". 21 марта 1923 г.

Ниже приводится реакция членов Политбюро на записку:

"Читал. Полагаю, что "нерешительность" Сталина - правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.).

Томский. Читал: Г. Зиновьев. Молотов. Читал: Н. Бухарин. Троцкий. Л. Каменев".

По-видимому, в этот же день Сталин пишет:

"Строго секретно. Зин., Каменеву.

Только что вызывала Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в "ужасном" состоянии и требует цианистого калия, обязательно. Сообщила, что пробовала дать калий, но "не хватило выдержки", ввиду чего требует "поддержки Сталина".

Сталин".

"Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды - как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!

Г. Зиновьев. Л. Каменев".

Ленин, как известно, скончался 24 января 1924 года. О причинах его смерти существуют официальные медицинские заключения.

Но Троцкий, еще раз подтвердив свою натуру авантюриста, ослепленный злобой к Сталину, в октябре 1940 года, исказив вышеописанный эпизод, написал статью в американский журнал

"Лайф", в которой заявлял, что Сталин "ускорил конец вождя", намекая на отравление. Даже далеко не дружественный к СССР "Лайф" отказался печатать эту "утку" "за неимением неоспоримых фактов". Отказались это печатать и другие солидные американские журналы. Но Троцкий все же опубликовал свой вымысел в малоизвестном журнальчике "Либерти" в августе 1940 года.

В угаре разоблачительства Троцкий передергивает факты, заявляя: "Замечательно, что об обращении к нему Ленина Сталин не предупредил ни Крупскую, ни сестру Ленина Марию. Обе они бодрствовали у изголовья больного. Если Ленин действительно обратился к Сталину и если он действительно хотел предупредить выполнение просьбы больного, то, прежде всего, предупредил бы жену и сестру. На самом деле обе они узнали об этом эпизоде только после смерти Ленина". (Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2, с. 256-257).

Как мы видели, необычную просьбу Ленина Сталину передала именно Н. К. Крупская. Ложь Троцкого очевидна.

Сталин не только сделал все возможное для лечения Ленина, он и после кончины вождя приложил все силы для сохранения доброй памяти о нем. Именно Сталин предложил сберечь облик Ленина в том виде, в каком люди видели его в Мавзолее.

На узком заседании Политбюро, когда встал вопрос о захоронении Ленина, мнения разделились. Сталин был категорически против кремации.

- Нужно забальзамировать тело Ленина. Существуют на сей счет новейшие методы, таким образом, сохранить Ленина на многие годы. Это не противоречит и старым русским обычаям. Поместить его в специально оборудованный склеп.

Тут же стал горячо возражать Троцкий, так много сил приложивший к истреблению русской церкви и веры:

- Бальзамировать останки Ленина - это значит под коммунистическим флагом воскресить практику русской православной церкви поклонения мощам святых угодников!

- Делать из Ленина мумию - значит оскорблять его память, - поддержал Бухарин, - это противоречит его материалистическому мировоззрению.

Каменев предложил:

- Я думаю, если мы издадим собрание сочинений миллионными тиражами, это будет достойно закреплять о нем память. Я против бальзамирования, это отголосок поповства.

Конкретное решение не было принято, отложили до съезда.

26 января на II Всероссийском съезде Советов Сталин от имени партии дал широко известную клятву верности Ленину из

семи заветов. Свою речь Сталин завершил словами:

"Вы видели за эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира".

Съезд принял предложение Сталина - переименовать Петроград в Ленинград и соорудить для будущих потомков Мавзолей на Красной площади в Москве, поместив в нем Ленина, а также поставить памятники в столицах союзных республик, в Ленинграде и Ташкенте.

Незадолго до смерти Ленин увидел, что он, судя по всему, ошибся в оценке достоинств и недостатков Сталина. Сыграла пагубную роль Крупская своей размолвкой со Сталиным и жалобой на него Ленину. Под впечатлением этой жалобы Ленин написал "добавление к письму от 24 сентября 1922 года", в котором предложил освободить Сталина от должности Генерального секретаря и назначить вместо него другого человека.

"Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между ними, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на его место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д....".

Предлагая заменить Сталина, Ленин не указал другого кандидата, и, когда полный текст "Письма к съезду" в мае 1924 года был доведен до делегатов XIII съезда партии, ленинское предложение не было принято.

Письмо обсуждалось по делегациям, а не на заседании. Делегаты съезда понимали, что главный вопрос состоял в том, чтобы не допустить к власти Троцкого, который еще при жизни Ленина объявил поход против ленинского ЦК, обвинив ленинскую гвардию в перерождении.

Кто мог противостоять Троцкому? Только человек с железной волей, непримиримым характером и верный ленинизму. В то время Сталин был именно таким. Другого такого человека в составе ЦК не было. Советы Ленина являлись священными для

каждого члена партии, но делегаты съезда, учитывая обстановку в стране и в партии, оставили Сталина Генеральным секретарем.

После кончины Ленина, как он и предвидел, началась ожесточенная борьба внутри партии, между правыми и левыми. Главный удар оппозиционеры наносили по руководящей группе ЦК, возглавляемой Сталиным.

После XII и XIV съездов партии на пленумах ЦК Сталин дважды ставил вопрос об освобождении его от должности Генсека, но большинство членов ЦК с этим не соглашалось, и его вновь избирали Генсеком. Атакам троцкистов и зиновьевцев, рвавшимся к власти, нужно было противопоставить твердую волю Сталина.

Главный оппонент

(Начало биографии)

В дальнейшем повествовании придется уделить много внимания Троцкому, основному противнику Сталина в борьбе за власть. Поэтому как в начале книги я касался биографии Сталина, так теперь считаю необходимым рассказать вкратце о его главном оппоненте.

Лейба Давидович Бронштейн родился в 1879 году в семье земельного арендатора в деревне Яновка Херсонской губернии, на Украине. Получил среднее образование - учился в Одессе и Николаеве. Одаренный от природы юноша, с блестящей памятью и ораторскими способностями, мечтал стать литератором и поэтому искал сближения с богемствующей одесской средой. Ходил он в те годы в голубой блузе, модной соломенной шляпе и с тросточкой. Читать революционную литературу, рассуждать о свободе и народе тогда было модно, увлекался этим и Лева, за что, с группой других занимавшихся революционным делом, в январе 1898 года (в 17 лет) был арестован. Склонность к саморекламе и авантюризму проявилась уже тогда: Лева затеял свадьбу в Бутырской тюрьме, с религиозной процедурой и раввином. Женился он на Александре Соколовской, которая затем последовала с ним в ссылку. Там в течение шести лет она родила двоих детей. Однако Лева, с его широкой деятельной натурой, жить в ссылке не хотел, он сбежал - оставил жену, детей и уехал за границу.

Во Франции Лев Давидович сблизился с богачами-сионистами. Энергичный, умный, красноречивый, он очень понравился своими выступлениями в кругу закулисных политико-махеров, они сделали на него ставку.

Лева опять женился, теперь на дочери миллионера Животовского, который в компании с банкирами Варбургом, Шиффом финансировал революционное брожение в России.

Чтобы не быть голословным, приведу рассказ одного из самых близких единомышленников Троцкого в те годы и позже - Раковского:

"Я во всем этом лично принимал участие. Но я вам скажу еще больше. Знаете ли вы, кто финансировал Октябрьскую революцию? Ее финансировали "Они" (под "Они" Раковский имеет в виду лидеров сионизма. - В. К.}, в частности, через тех же самых банкиров, которые финансировали революцию в 1905 году, а именно Якова Шиффа и братьев Варбургов: это значит, через великое банковское созвездие, через один из пяти банков - членов Федерального Резерва - через банк "Кун, Леб и К+", здесь же принимали участие и другие американские и европейские банкиры, как Гуггенгейм, Хенауэр, Брайтунг, Ашберг, "Ниа-Банкен" - это из Стокгольма. Я был там, в Стокгольме, и принимал участие в перемещении фондов. Пока не прибыл Троцкий, я был единственным человеком, который выступал посредником с революционной стороны...

...Как и почему возвышается неведомый Троцкий, одним взмахом приобретающий впасть более высокую, чем та, которую имели самые старые и влиятельные революционеры? Очень просто, он женится. Вместе с ним прибывает в Россию его жена - Седова. Знаете вы, кто она такая? Она дочь Животов-ского, объединенного с банкирами Варбургами, компаньонами и родственниками Якова Шиффа, то есть той финансовой группы, которая, как я говорил, финансировала также революцию 1905 года. Здесь причина, почему Троцкий одним махом становится во главе революционного списка. И тут же вы имеете ключ к его настоящей персональности".

Финансовые покровители, как только получили информацию в 1905 году о назревшем революционном взрыве в России, запустили туда Троцкого и дали команду своей сионистской "пятой колонне" поддержать его и подчиняться ему.

Троцкий в книге "Моя жизнь" несколько иначе объясняет эту ситуацию:

"Я приехал в Россию в феврале 1905 года. Другие главари эмиграции вернулись лишь в октябре и ноябре. Среди русских товарищей не было ни одного, у кого бы я мог чему-нибудь поучиться. Напротив, мне пришлось самому взять на себя роль учителя... события 1905 года выявили во мне, как мне кажется... революционную интуицию, и на протяжении моей дальнейшей жизни я мог опираться на ее твердую помощь... Со всей ответственностью заявляю, что в анализе политического положения в целом и его революционных перспектив я не могу обвинить себя в каких-либо серьезных ошибках суждения".

Как говорят шутники - такой человек не умрет от скромности. Но это слова самого Троцкого, и нет смысла опровергать его высокомерную самохарактеристику.

После поражения революции 1905 года, в которой Троцкий был председателем появившегося тогда Петроградского совета, он эмигрировал за границу. Здесь его покровители проанализировали создавшееся положение. "Они" пришли к выводу: продолжать поддержку Троцкого как руководителя революционного движения и всячески компрометировать его главного конкурента Ленина.

Троцкому организовали, для повышения его популярности, поездки и выступления по всей Европе, с целью привлечения сторонников из числа социалистов, меньшевиков, эсеров и всех левацки настроенных элементов. "Они" готовили своего вождя для будущей революции и щедро финансировали штаб и деятельность Троцкого.

Все выступления Троцкого, устные и печатные, до его возвращения в Россию проходили в полемике с Лениным в теоретических и практических вопросах, касающихся революционного движения. Лев Давидович постоянно затевал дискуссии, в которых всегда был против Ленина и большевиков.

Вот как писал Троцкий о Ленине в 1913 году: "Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения". "Ленин - профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении".

В 1916 году шла война, и выступления Троцкого, как пораженца, являлись криминальными, поэтому его высылают из Франции - союзника России. "Хозяева" решили воспользоваться этим и показали своего "избранника" американским коллегам. Троцкий и там понравился, он начинает издавать газету "Новый мир". На чьи деньги? Разумеется, на деньги своих соплеменников-банкиров.

Кстати, в Нью-Йорке оказался тогда и стал сотрудничать с Троцким еще один антиленинец - Бухарин. В Америке Троцкий и Бухарин работали до Февральской революции, свершившейся в России, после чего "Они" сразу же дали команду Троцкому немедленно направляться в Россию и брать руководство революцией в свои руки с целью реализации сионистских замыслов.

На пути произошел казус - Троцкого арестовали в Канаде. Немедленно "Они" предприняли меры, и Троцкий был освобожден по личной просьбе премьер-министра Временного правительства Керенского. Это убедительно показывает, что хозяевами

последнего и первого были одни и те же люди.

В Петербурге Троцкий начинает создавать свою партию из прибывших с ним "эмигрантов" и различных левацких групп. Но вскоре, убедившись, что революционная ситуация под контролем большевиков, Лев Давидович забывает о своих многолетних разногласиях с Лениным и подает заявление о вступлении в РКП(б).

Ленин стремился объединить в единый фронт все партии и политические группы в борьбе за создание Советского правительства. Троцкого поддержали многочисленные единомышленники по взглядам (и по крови!), его не только приняли в партию, но даже ввели в ЦК!

Очень любопытно, предельно откровенно по этому поводу показание Раковского: "Троцкий имеет возможность "неприметным образом" оккупировать весь государственный аппарат. Что за странная слепота! Вот это-то и есть реальность в столь воспеваемой Октябрьской революции. Большевики взяли то, что "Они" им вручили".

Ну а дальше энергичный, красноречивый, нахрапистый, самолюбивый, не останавливающийся ни перед чем Троцкий начал делать головокружительную карьеру (опять-таки при поддержке своих единокровных братьев - об этом нельзя забывать). Он быстро стал председателем Реввоенсовета, по сути верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами республики. Не будем разбирать боевые действия фронтов в годы гражданской войны, были у Троцкого и победы и поражения. В целом молодая Советская республика выстояла, отбилась от многочисленных внешних и внутренних врагов, и в этом, несомненно, была заслуга и Льва Давидовича Троцкого.

Он был блестящий оратор, очевидцы свидетельствуют, что Троцкий своим сочным громким голосом, с великолепной дикцией, зажигательным темпераментом и неотразимой революционной логикой, буквально завораживал, гипнотизировал слушателей. И даже те, кто несколько минут назад были настроены против него, перевоплощались под влиянием его речи и готовы были идти за ним в огонь и воду.

"Свои" боготворили его, да и как не боготворить, когда он в порыве откровенности, в митинговом запале, выкрикивал такие слова в адрес царской России:

"Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных

куртках - сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, - о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!"

Не Якобсона ли имел в виду Троцкий, когда любовался, как лихо расстреливают офицеров "сынки часовых дел мастеров"? Именно Якобсон ни за что расстрелял бывшего блестящего офицера, гениального русского поэта Николая Гумилева. Якобсон приговорил Гумилева к смерти лично, являясь даже не судьей, а следователем. Он не установил за четыре коротких допроса никакой вины Гумилева, но написал: "Заключение: ...Считаю необходимым применить по отношению к гр. Гумилеву Николаю Станиславовичу (очень спешил Якобсон, даже отчество спутал: вместо Степановича сделал Станиславовичем. В. К.), как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции, высшую меру наказания - расстрел".

И Гумилев был расстрелян.

Здесь я напомню традицию, которая сложилась во многих странах: после завершения эпохи царствования или ухода с политической арены крупной исторической личности через некоторое время начинают издаваться различные мемуары, воспоминания и даже разоблачения о недавно минувших событиях и людях. В этих книгах, теперь без опаски попасть в опалу или кому-то навредить, открываются тайны и ранее скрытые рычаги и пружины прошлых закулисных дел.

Обычно это довольно правдивые документы. Напоминаю об этом для того, чтобы без каких-то доказательств и аргументов привести несколько цитат из такой вот мемуарной книги.

Широко известный британский разведчик Брюс Локкарт, разоблаченный и высланный из России за организацию антисоветского заговора, в своей книге "Английский агент" пишет: "...английская разведка рассчитывала использовать в своих интересах разногласия между Троцким и Лениным".

Локкарт установил с Троцким постоянную связь, он встречался с ним очень часто прямо в кабинете Троцкого (который был тогда наркомом иностранных дел) и получал от него "из первых рук информацию о положении в правительстве и его решениях по всем вопросам". Локкарт откровенно пишет в своей книге о том, что "мечтал устроить с Троцким грандиозный путч".

В марте 1918 года англо-французские разведчики вели подготовку высадки военного десанта в Мурманске. Руководил

этой операцией английский военно-морской атташе Кроми.

План операции предполагал сосредоточить в Мурманске значительные силы белогвардейцев и перебросить туда Чехословацкий корпус. Этот корпус находился на Украине и должен был вывестись в Европу через Сибирь и Дальний Восток. В нем было 50 тысяч человек. Заговорщики хотели использовать чехов в своем восстании.

Для осуществления этого Локкарт обратился к Троцкому за помощью, и, по словам Локкарта, Троцкий "согласился послать Чешский корпус в Мурманск и Архангельск". "Троцкий показал свою готовность работать с союзниками... он всегда предоставлял нам то, что мы хотели, всячески облегчал сотрудничество с союзниками в Мурманске".

Все это грозило серьезными осложнениями для Советской республики. Чехословацкий корпус в тот период был уже подготовлен к антисоветскому мятежу и мог оказаться в непосредственной близости к Москве и Петрограду.

Ленин категорически запретил направлять Чехословацкий корпус в Мурманск и предотвратил тем самым осуществление замысла Троцкого и Локкарта.

Летом 1918 года чехословацкие офицеры и солдаты подняли мятеж при проезде через Сибирь и захватили ряд важнейших городов. Возвращаясь на запад, они овладели городами Урала и Среднего Поволжья, заняли Самару и Сызрань.

Все это могло произойти (так было и рассчитано) в Мурманске - недалеко от Петербурга, благодаря "помощи" Троцкого.

6 июля 1918 года эсером Блюмкиным был убит германский посол Мирбах (чтобы спровоцировать возобновление боевых действий с Германией). Это убийство стало началом мятежа левых эсеров. Они арестовали председателя ВЧК Дзержинского и готовились ворваться в Большой театр, где заседал V Всероссийский съезд Советов.

Однако Ленин опередил их и приказал арестовать всех левых эсеров, находившихся в Большом театре.

Заговор провалился. ВЧК арестовало многих. Но надо отметить некоторые детали: готовил мятеж Савинков на деньги Локкарта и Рейли, французского посла Нуланса, чешского националиста Масарика.

Любопытно мнение Троцкого о том, кто убил Мирбаха и начал тем самым крупную контрреволюционную акцию: "...он состоял членом моего секретариата и был лично связан со мной... Он был членом левоэсеровской оппозиции и участвовал в восстании против большевиков. Это он убил немецкого посла

Мирбаха... Всегда, когда я нуждался в храбром человеке, Блюмкин был в моем распоряжении".

Но и это был не тот заговор, о котором, как пишет Локкарт, он "мечтал с Троцким".

Впоследствии эта затея получила название "Заговор послов", его готовили Локкарт и Рейли. Кстати, Рейли (Розен-блюм) - одессит, сын ирландского моряка и одесской еврейки. Он был резидентом англичан, опытным разведчиком, владел семью языками. Именно Рейли разработал "план грандиозного путча".

План был дерзок и реален, он предусматривал: 28 августа 1918 года, во время чрезвычайного заседания ЦК большевиков в Большом театре (откуда была известна точная дата? Это же решалось на Политбюро!), начальник охраны Кремля, подкупленный Рейли за два миллиона рублей, расставит латышских стрелков (соответственно проинструктированных) во всех дверях. По определенному сигналу эта "охрана" закроет все двери и направит оружие на участников заседания. Предполагалось: особый отряд во главе с Рейли врывается на сцену, арестовывает руководителей партии и убивает здесь же Ленина. Одновременно в городе начинают действовать подготовленные к этому 60 тысяч офицеров, а союзные войска и армия Юденича делают бросок на Петербург.

План был хорошо продуман, тщательно подготовлен. Учтен опыт неудачного мятежа эсеров в июне.

На этот раз Рейли, Локкарт и другие разведчики поработали усердно. У Рейли имелось удостоверение на имя сотрудника ВЧК. Он был вхож всюду. Его агенты работали в Кремле, в штабе Красной Армии, он имел полную необходимую информацию.

Но мятеж сорвался. Дзержинский перехитрил английских заговорщиков, они были арестованы. Состоялся суд, Локкарт и другие английские разведчики попали за решетку. Позднее их обменяли на большевиков, находившихся под арестом в Англии (в их числе был М. Литвинов - будущий советский нарком иностранных дел).

Локкарт очень обиделся на Троцкого. Вот его окончательная оценка Троцкого после провала заговорщических планов - все в той же книге "Английский агент": "Троцкий был так же не способен равняться с Лениным, как блоха со слоном".

Нужны ли к вышесказанному какие-то особые комментарии?

Не будем пока навешивать на Льва Давидовича и обидный ярлык предателя. Составим окончательное мнение о нем на основании самых надежных аргументов - по делам.

А многие дела в его бурной и многогранной политической деятельности, прямо скажем, не украшают. Взять хотя бы историю

с Брестским миром.

В тяжелейшей для Советской России обстановке Ленин видел только один выход: чтобы спасти ее, надо заключить мир с Германией. Вопрос о мире обсуждался в ЦК неоднократно. Точку зрения Ленина тогда твердо поддерживали Зиновьев, Сокольников, Сталин, Артем (Сергеев). За революционную борьбу были Троцкий, Бухарин, Урицкий, апелли-руя при этом к мировой революции. Сталин, обосновывая необходимость подписания сепаратного мира, заявил, что "революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться". Он оказался прав, хотя Ленин от второй части его высказывания отмежевался.

Советская делегация во главе с Троцким выехала в Брест-Литовск, где находилась ставка германской армии генерала Гофмана. Троцкий имел указание ЦК и Ленина - подписать мир во что бы то ни стало. Но он не только отказался подписать перемирие, а стал демагогически пугать немцев и призывать пролетариат Европы к революции против своих правительств! Подписание мира Троцкий считал предательством мировой революции. Он выдвинул лозунг: "Ни мира, ни войны!", объявил о демобилизации армии, чем открыл дорогу германской армии в глубь России, к Петрограду и на Украину.

Ленин назвал поступок "Иудушки Троцкого" безумием. Его вероломство обернулось стране огромными потерями: немцы перешли в наступление от Балтийского до Черного моря.

Ленин выехал в Брест-Литовск во главе делегации и был вынужден подписать унизительный Брестский мир, по которому немцам передавались Польша, Украина, Финляндия, Кавказ, огромные контрибуции золотом, нефтью, углем, хлебом и прочими природными богатствами.

А что же с Лейбой Бронштейном? Назовем его здесь подлинным именем, потому что в этом предательстве он открывается в своем подлинном обличий как исполнитель указаний и единомышленник тех, кто скрывается под понятным местоимением "Они".

Почему же Ленин, ЦК, партия не привлекли Троцкого к ответственности? Ленин, может быть в силу своей интеллигентности, не хотел проявить себя как мститель за многолетние оскорбления Троцкого до его вступления в партию.

Был у Троцкого еще один надежный спасательный круг - это кровное родство со многими единомышленниками, они дружно стали выступать в защиту Троцкого, опять-таки разглагольствуя о мировой революции. Сообщник по оппозиции Бухарин даже заявил: "В интересах мировой революции мы считаем

целесообразным идти на возможные утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной".

Троцкого все же сняли с поста наркома иностранных дел. Он публично признал свою вину и обещал Ленину безоговорочное сотрудничество. В общем, выкрутился. Время было горячее, надо было остановить наступление немцев. И вроде бы для исправления ошибки Троцкого назначили наркомом по военным делам, председателем Революционного Совета.

Заслуги Троцкого как военного деятеля сильно преувеличены. Об этом очень заботились "Они". Троцкого знал весь мир, он был персоной номер один в зарубежной прессе. Его именовали не иначе как "Красный Наполеон". Только Троцкому приписывались победы, одержанные в боях Егоровым, Фрунзе, Ворошиловым, Буденным и другими красными полководцами.

Но объективности ради надо сказать - Лев Давидович был абсолютно штатский человек. Как он сам признавался: "Писатели, журналисты, художники всегда представляли для меня мир более привлекательный, мир, доступный только избранным". Если бы не революция, наверное, он прожил бы жизнь в этом притягательном мире и добился бы немалых успехов, благодаря своей несомненной одаренности.

Но... Что предшествовало этому "но", я коротко изложил. А дальше сменил Лева штатский костюм на длиннополую шинель, зеркально начищенные сапоги, повесил на ремень "маузер" и стал повелевать армиями. Сел в комфортабельный бронепоезд, окружил себя многочисленной охраной из "мальчиков в кожанках", "сынков часовых дел мастеров из Одессы". О стратегии, тактике и прочих военных атрибутах он не имел ни малейшего представления.

О победах Троцкого на фронтах гражданской войны трубили во всех странах и на всех континентах все те же родственники по крови, у которых уже тогда была в руках вся пресса.

Архивные документы говорят об ином. Рассмотрим, очень коротко, главные военные кампании гражданской войны.

Летом 1919 года, когда Колчак двигался к Волге, Троцкий заявил, что Колчак не опасен и надо с Востока перебросить часть сил против Деникина. ЦК партии, Ленин не согласились с председателем РВС, его план отклонили и заявили, что это открывает Колчаку дорогу от Волги на Москву. Троцкий был отстранен от руководства боевыми операциями на Восточном фронте. Широко известно - не стану углубляться в подробности - о том, как Сталин выправлял положение под Царицыном.

Осенью 1919 года также был отвергнут план Троцкого о наступлении против Деникина ударом на Новороссийск, через

нелояльные к Советской власти донские и кубанские казачьи территории.

И вновь ЦК направляет на Южный фронт своих людей - Егорова и Сталина, с новым планом, который принес победу. Троцкого ЦК отстранил уже от руководства операциями на Южном фронте.

В 1920 году начатая Троцким и его любимчиком Тухачевским операция на польском фронте провалилась, принеся огромные потери - людские, материальные и территориальные. Вместо того чтобы позаботиться о резервах, Троцкий больше митинговал, утверждая, что Красная Армия на своих штыках принесет революцию в Европу.

Объективность вышеизложенного подтверждает сам Троцкий:

"В современных исторических исследованиях можно на каждом шагу встретить утверждения: в Брест-Литовске Троцкий не выполнил инструкций Ленина, на Южном фронте Троцкий пошел против директивы Ленина, на Восточном фронте Троцкий действовал вразрез указаниям Ленина и пр. и пр. Прежде всего, надо отметить, что Ленин не мог давать мне личных директив. Отношения в партии были совсем не таковы. Мы оба были членами ЦК, который разрешал все разногласия. Если между мной и Лениным было то или иное разногласие, а такие разногласия бывали не раз, вопрос автоматически переходил в Политбюро, и оно выносило решение. Следовательно, с формальной стороны тут не шло никаким образом речи о нарушении мною директив Ленина. Никто не отважился сказать, что я нарушал постановления Политбюро или ЦК".

Обратим внимание еще раз на "скромность" Льва Давидовича, но, главное, на то, что факты крупнейших неудач он не отрицает.

Одним из ближайших помощников Троцкого был полковник царской армии Вацетис. Он занимал при нем пост главнокомандующего. Советские чекисты установили, что Вацетис участвовал в интригах против командования Красной Армии, и был смещен с должности.

Но сколько "тонкой" иронии можно услышать в словах Троцкого, если продолжить приведенную выше цитату из его книги "Моя жизнь": "Вацетис в минуты вдохновения издавал приказы, таким образом, словно не существовало ни Совнаркома, ни Центрального Исполнительного Комитета..."

Троцкий руководил фронтами, имел колоссальную власть и популярность. Фактически он стал вторым человеком после Ленина. Но даже такое высокое положение его не устраивало - не для того он приехал (заслан) в Россию, чтобы быть вторым. Оставался всего один шаг до положения главы государства. Но на

этом пути стояли два человека, которые своим существованием не позволяли осуществить заветные планы, - это были Ленин и император Николай II. Ленин имел всероссийское и международное признание как лидер партии, революции и глава правительства, он пользовался феноменальным авторитетом в партии и любовью народа. В открытом соперничестве с Лениным у Троцкого было мало шансов на победу, и поэтому Лев Давидович принимает решение "убрать Ленина" давно проверенным и надежным путем. Разумеется, это было сделано очень и очень осторожно, чтобы не повредить репутации будущего лидера партии и главы государства. Троцкий только дал команду, а исполнители замаскировали покушение на Ленина под политическую акцию эсеров, которые якобы вложили пистолет в руки члена своей организации Фанни Каплан.

Покушение удалось только наполовину: Ленин остался жив, но почти выбыл из строя как руководитель всех партийных и государственных дел страны. Троцкий обрел еще большую власть.

Сталин тогда как соперник еще не просматривался, его положение Генерального секретаря расценивалось в качестве общего руководителя канцелярии партии. В Политбюро большинство были сторонниками Троцкого, и он считал, что вывести Сталина за штат будет несложно, только нельзя этого делать, пока жив Ленин, который выдвигал Сталина на этот пост и будет защищать его.

Вторым и не менее серьезным препятствием на пути Троцкого к единовластию в России был царь. Он был изолирован, находился в Екатеринбурге, но шла гражданская война, белые обложили молодую республику со всех сторон. В случае их победы будет реставрирована монархия и Николай II как символ, как законный глава государства может снова занять трон.

Значит, надо "убрать царя Николая". И Троцкий дает тайную команду (то, что покушение Каплан на Ленина и уничтожение царской семьи совершилось по указанию Троцкого, было выявлено и доказано на судебных процессах 1935-1938 годов).

Волю Троцкого по расстрелу царской семьи выполняли те, кому можно было доверять, - то есть его единомышленники. Указание дал председатель ВЦИК Янош Соломон Мовшевич (он же Свердлов). Исполнителями были: Янкель Вайсбарт (он же Белобородов, председатель Уралсовета), Яков Мовшевич Юровский (лично стрелял в царя), Шая Исакович (он же Голощекин), Тинкус Лазаревич Вайнер и другие.

12 июля 1918 года Уральский Совет под председательством Белобородова (Вайсбарта) принимает решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда. В ночь с 16 на 17 июля

царская семья была расстреляна. 18 июля 1918 года Белобородов доложил о содеянном Свердлову, председатель ВЦИК одобрил действия Уралсовета.

Троцкий не забыл эту услугу Белобородова: в марте 1919 года его "продвинули" - избрали членом ЦК. В апреле 1919 года Белобородов вместе со Свердловым, с благословения Троцкого, осуществлял "расказачивание". Он подавлял восстание в Вешенской и истреблял казаков, находясь на Дону с мандатом, дающим ему неограниченные полномочия "по ускорению ликвидации этого восстания", "отстранять и предавать суду Революционного трибунала" всех, кого он посчитает нужным.

Троцкий двигал своего протеже дальше и выше: с 1921-го Белобородов зам. наркома НКВД РСФСР, а с 1923 по 1927 год - уже нарком.

Таким образом, репрессии против русских в тот период лежат на совести этого троцкиста.

В статье В. Сироткина "Еще раз о белых пятнах" ("Неделя", 1989 г., NoNo 24, 25) приводятся слова из письма Г. Я. Сокольникова Н. Н. Крестинскому: "Белобородов, в отсутствие Дзержинского... пробует вести себя так, как в Екатеринбурге". Что имеется ввиду под этим намеком, профессор Сироткин уточняет: "пришла целая команда "белобородовых", и фабрикация дел против инакомыслящих в партии была поставлена на поток".

Кого Белобородов считал в те годы инакомыслящими, видно из его биографии, написанной в перестроечное время и опубликованной в 1995 году в книге В. Некрасова "Тринадцать "железных наркомов".

"В политическом отношении в бытность наркомом внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов больше поддерживал взгляды Троцкого, чем позицию Сталина. В октябре 1923 года он среди других видных партийных и советских работников подписал троцкистское "Заявление 46-ти", которое было направлено против "режима фракционной диктатуры внутри партии", т. е. против сторонников Сталина.

В 1927 году А. Г. Белобородов также подписывает две троцкистские платформы: летом - платформу "83" и 3 декабря 1927 года - заявление 121 деятеля троцкистской оппозиции. Обе платформы выражали несогласие с позицией Сталина по важнейшим партийным и государственным вопросам.

О близости А. Г. Белобородова к Л. Д. Троцкому свидетельствует такой факт, приведенный Троцким в автобиографической книге "Моя жизнь" (события относятся к 1927 году):

"Я жил уже не в Кремле, а на квартире у моего друга

Белобородова, который все еще числился народным комиссаром внутренних дел".

Таким образом, убийца царской семьи расчищал дорогу Троцкому к власти сознательно и был его близким соратником.

Коль скоро я заговорил о доверенных соратниках Троцкого, дополню еще несколькими штрихами портрет Я. М. Свердлова. Он тоже был очень энергичный и распорядительный человек, Ленин высоко ценил его и даже называл "Мотором революции". Должность председателя Всесоюзного Исполнительного Комитета, прямо скажем, очень сложная и беспокойная, организовать исполнение решений Политбюро, правительства, съездов и пленумов партии в то время было невероятно трудно. Но Свердлов с этим справлялся и пользовался всеобщим уважением. Он сгорел на работе, умер в 1919 году от туберкулеза. По другой версии, его убил в Москве рабочий за расстрел царской семьи. По сей день я не встречал исследований и документов на эту тему.

Все было бы хорошо, остался бы Яков Михайлович в памяти людей честным революционером и прекрасным организатором, если бы не отравили его сионистские идеи Троцкого.

Троцкий сказал: "Восстание на Дону надо пресечь каленым железом безжалостно уничтожить не только мятежников, но и жителей казачьих хуторов и станиц..."

Свердлов, как говорится, поднял руку под козырек и принял указанное к исполнению.

2 сентября 1918 года ВЦИК объявил массовый красный террор против буржуазии и ее агентов (как бы в ответ на покушение на Ленина). Истреблялись русские офицеры, священники, чиновники, ученые, писатели.

Ничем иным, как геноцидом, не назовешь исполнение сионистского завета об очищении российской земли от русских, физическое уничтожение - смертный приговор казачеству.

Вот собственноручное творение Свердлова (Яноша Соломона Мовшевича): "Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их полностью, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое участие в борьбе с Советской властью... Расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи".

Этот, по сути дела, террористический, варварский акт, названный "Решение орг. Бюро ВЦИК, от 24 января 1919 года", подписали: Свердлов, его жена Новгородцева, Володарский (Голдштейн), Крестинский.

Были расстреляны десятки тысяч казаков, женщин, детей, стариков.

Вершилось это опричниками Троцкого, теми самыми "сынками часовых дел мастеров" в кожанках, с маузерами, которыми гордился и любовался Троцкий.

Вскоре в Крыму по прямому приказу Троцкого без суда и следствия было расстреляно десять тысяч русских офицеров как превентивное мероприятие, чтобы они не ушли в белое движение. Эти действия Троцкий обосновал уже теоретически: "У нас нет времени выискивать действительных активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения физического всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти".

...Господи, как же мне быть объективным, и возможно ли это при описании таких злодеяний?! Не стану искать эпитеты к ним, оставляю это на усмотрение читателей. Скажу только одно: ради сокращения текста я еще многое убавил, не изложил (расстрелы каждого пятого или десятого перед строем, уничтожение талантливых русских командующих - Думенко, Миронова по ложным обвинениям).

Сами вершители этих злодеяний в глубине души понимали, что творят страшные преступления и, возможно, придется отвечать. И чтобы избежать этого, на черный день готовили пути отхода. У Якова Свердлова, после его смерти, в сейфе обнаружили 7 заготовленных заграничных паспортов и 7 бланков чистых паспортов. И к ним солидное финансовое подкрепление золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 рублей, 705 золотых изделий с драгоценными камнями.

Заметим еще, что жена Свердлова К. Т. Новгородцева была тайной хранительницей алмазного фонда Политбюро (был спрятан на ее квартире). Он предназначался для того, чтобы "в случае крушения власти, обеспечить членам Политбюро средства для жизни и продолжения революционной деятельности".

Каких членов Политбюро, я думаю, разъяснять не следует. Сталин и его окружение в их число, конечно же, не входили.

В общем, на всех этапах жизни: до революции и после вступления в партию большевиков - Троцкий был оппозиционером, боролся за власть в партии и государстве, а вернее, за захват России. Во всей деятельности Троцкого отчетливо просматривается прямое выполнение указаний сионистских финансовых и политических хозяев, у которых он был на содержании. Да и теория Троцкого о мировой революции (при практическом осуществлении ее еврейскими кадрами) прямо смыкается с сионистскими поползновениями овладеть Россией. В этом отношении просто вырисовывается между ними большой знак равенства.

В 1920 году в Нью-Йорке была издана брошюра "Кто правит Россией", в ней приведены списки руководящих органов "Рабоче-крестьянской Социалистической России" на 1920 год.

Вот как укомплектовал Троцкий порученный ему Военный комиссариат.

Комиссар армии и флота - Бронштейн-Троцкий

еврей

Председатель революционного штаба Северной армии - Фишман

еврей

Комиссар военно-судебный 12-й армии - Ромм

еврей

Политический комиссар 12-й армии - Мейчик

еврей

Политический комиссар штаба 4-й армии -Ливенсон

еврей

Председатель совета армий Западного фронта -Позерн

еврей

Политический комиссар Московского военного округа Губельман-Ярославский

еврей

Политический комиссар Витебского военного округа - Дейб

еврей

Комиссар военных реквизиций города Слуцка -Кальманович

латыш

Политический комиссар Самарской дивизии -Глузман

еврей

Военный комиссар той же дивизии - Бекман

еврей

Комиссар реквизиционного отряда Московского военного округа Зузманович

еврей

Председатель Главного Московского военного совета - Бронштейн-Троцкий

еврей

Его помощники - Гиршфельд

еврей

- Склянский

еврей

Члены того же совета - Шородак

еврей

- Петч

еврей

Военный комиссар Московской губернии -Штейнгардт

немец
Его помощник - Дулис
латыш
Комиссар Школы пограничной стражи - Глейзер
латыш
Политические комиссары 15-й дивизии Советов -Дзеннис
еврей
- Полонский
латыш
Комиссар Военного совета Кавказских армий -Лехтинер
еврей
Чрезвычайные комиссары Восточного фронта -Бруно
еврей
- Шульман
еврей
Члены Кавказского военного совета - Розенгольц
еврей
- Мейгоф
еврей
- Назенгольц
еврей
Командующий Красной Армией в Ярославле -Геккер
еврей
Начальник Петроградского Военного комиссариата -Нейгер
еврей
Политический комиссар Петроградского военного округа - Цейгер
еврей
Политический комиссар Петроградского военного округа - Гиттис
еврей
Командующий Западным фронтом против Чехо-Словакии - Вацетис
латыш
Член Совета Военной коммуны - Назимер
еврей
Начальник Военной коммуны - Кольман, бывший австрийский офицер
еврей
Начальник Московского военного округа - Бицис
латыш
Военный комиссар Московского военного округа -Метказ
еврей
Начальник обороны Крыма - Зак

еврей

Командующий Курским фронтом - Слузин

еврей

Его помощник - Зильберман

еврей

Политический комиссар Румынского фронта - Сниро

еврей

Уполномоченный для мирных переговоров с Германией - Давидович

еврей

Кандидат в члены Военного комиссариата - Шисур

латыш

Солдат Военного комиссариата - Смидович

еврей

Итого: из 43 членов: русских - 0, латышей - 8, немцев - 1, евреев - 34

Комментарий? Высказывайте сами.

Важное предупреждение

Прежде чем перейти к изложению роковых событий, происходивших в стране и партии в тридцатые годы, считаю необходимым признаться, что я никогда не был антисемитом. Никогда не страдал этим комплексом. Считаю недопустимым предубежденный подход к оценке событий и деяний отдельных личностей, исходя из их национальности. Антисемитизм так же вреден и порочен, как русофобия, неприязнь к лицам кавказской, любых других национальностей и т. п.

Одновременно уточняю: я четко различаю и отделяю антисемитизм от сионизма. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своей резолюции No 3379 в ноябре 1975 года осудила германский фашизм и сионизм как формы расизма и расовой дискриминации, поставив между ними знак равенства. То есть сионизм - это тот же фашизм, но только когда вместо немцев претендуют на мировое господство евреи-экстремисты. Сионизм является одной из разновидностей человеконенавистнической теории и практики, ставящей своих сторонников в расовом отношении выше всех других наций и стремящейся к мировому господству путем геноцида, истребления целых народов.

Сионизм придуман и реализуется самим "богом избранным народом" для оправдания его господства над другими, "более низкими расами".

Сионизм является монополией евреев-экстремистов, но сотни и тысячи представителей других национальностей служат, а точнее, прислуживают сионистам, являются их верными

пособниками, получая за это вознаграждение высокими должностями, допуском в политические и коммерческие структуры, в СМИ, кино, литературу, на эстраду, телевидение, радио.

Все это проявилось в тридцатые-сороковые годы, но особенно жестко осуществлено сионистами в нашей стране в перестроечные и постперестроечные годы - годы так называемых реформ. Мне кажется, нет необходимости убеждать в этом читателей и доказывать правдивость вышеизложенного - зрячий видит, не глухой слышит: все происходящее с нами и вокруг нас сейчас наглядное тому доказательство.

Прежде чем повести разговор о конкретных событиях, необходимо уточнить еще одно очень важное маскировочное обстоятельство, которое применяют сионисты, - хотя это и не является их изобретением, оно бытует в разных слоях общества. Я имею в виду замену национальности, имени, фамилии. Псевдонимы обычно берут артисты, писатели, подбирая себе для большей популярности броские, звучные, красивые имена. Несколько фамилий обычно придумывают себе уголовники, чтобы скрыть свои прежние судимости и преступления. Революционеры-профессионалы для конспирации тоже скрывались под разными фамилиями. Во всех случаях, когда человек прячется под псевдонимом, имеется намерение скрыть свое подлинное лицо, а иногда и прошлое.

Еврейские фамилии в годы перед Октябрьской революцией не вызывали антипатии, наоборот, евреи как сословие, отчасти притесняемое царизмом, встречали сочувствие у прогрессивно настроенных людей. Обстоятельства вынуждали революционеров брать другие фамилии. Так появились Ленин (Ульянов), Сталин (Джугашвили), Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), Свердлов (Гаухман), Мартов (Цедербаум), Ярославский (Губельман), Молотов (Скрябин) и многие другие.

Почему они не вернули свои подлинные фамилии после победы революции? Можно это объяснить тем, что они вошли в жизнь, обрели популярность под псевдонимами. Только Ленин, подписывая документы, ставил рядом с псевдонимом в скобках фамилию "Ульянов".

Если бы желание других партийных функционеров сохранить свой псевдоним ограничивалось только популярностью, можно было бы и не заводить об этом разговор. Но в деятельности некоторых членов партии обнаруживается "второе дно", т. е. необходимость спрятать свое двуличие. С русским псевдонимом сионистам было спокойнее маскироваться, превращать свои идеи в антипартийные дела. Истинная же национальная

принадлежность, видная по фамилии, выдавала, настораживала, лишала конспирации сионистов, потому что было известно: сионистом мог быть любой еврей. Вот и меняли они фамилии на русские, грузинские, армянские и по сей день суетливо требуют исключить из паспорта и из всех анкет "пятый пункт" - о национальной принадлежности.

Еще раз повторяю: при всем уважении к евреям я вынужден писать о сионизме и не ставлю знака равенства между каждым евреем и сионистом. Еврей - понятие национальное, природное, как и русский, татарин или чукча. Сионист - категория политическая, такая же, как гитлеровский нацист, чеченский национал-террорист, американский куклускластновец. Потому еще раз прошу учесть эту мою, вообще-то официальную, трактовку и оценку сионизма и не принимать всем евреям на свой счет негативные высказывания, касающиеся только сионистов.

Своими расистскими идеями об избранности евреев, о превосходстве их над другими народами, о "богоизбранности" и праве на мировое владычество сионизм компрометирует, прежде всего, еврейский народ. Это противопоставление оскорбляет другие расы. Порождает ненависть к евреям. Антисемитизм - не что иное, как результат порочной теории и практики сионистов.

Талантливость, энергичность, предприимчивость многих евреев сионисты поставили на службу своим расистским, человеконенавистническим устремлениям.

Но... вспомните гитлеровскую кинохронику - лица немцев, искаженные в зверином реве "Хайль Гитлер!" Они слепо верили в свою исключительность. Орали не только фашисты и солдафоны. Так орал весь немецкий народ, одурманенный идеями своей "богоизбранности" на мировое господство. Они взяли на себя грех уничтожения миллионов людей, в том числе и шести миллионов евреев (может быть, особая к ним ненависть была как к конкурентам на владение миром?)

Чем все это кончилось, известно. Немцы дорого заплатили за увлечение расистской теорией и практикой, желанием построить свое безбедное существование за счет других народов мира. Сегодня они с большим стыдом вспоминают свой фашистский угар.

Несомненно, такая же участь ожидает в итоге и сионистов. Тысячи еврейских душ они отравили своей преступной идеологией. Больших успехов они уже, похоже, достигли, осуществляя свои планы о мировом господстве, в том числе и в нашей России.

Но гитлеровцы тоже владели Европой и дошли до Волги. Сионизм сегодня раковая опухоль человечества. Что он несет для

людей, очень хорошо видно из происходящего в России: развал промышленности, культуры, геноцид местного населения, голод, болезни, вырождение.

Сионизм в Россию начал проникать еще до Октябрьской революции, в царские времена. Уже тогда им ставилась задача овладения огромным Евразийским материком. Эмиссары сионизма внедрялись во все политические партии и движения, в том числе и в коммунистическую, большевистскую. В революционные коммунистические дела и преобразования вносился очень ощутимый сионистский акцент. Борьба за власть между троцкистами и сталинистами носила его постоянно.

Ленина, например, обвиняют в связях с немецким военным руководством якобы он прибыл в Россию со своими единомышленниками для разложения царской державы и армии с тыла, чем обеспечил победу немцев в первой мировой войне.

С таким же успехом можно обвинить Троцкого в том, что он - агент сионистского руководства, потому что прибыл в 1917 году из Америки, где общался с этим руководством и получил от него все необходимые инструкции и финансовое обеспечение. Борьба Троцкого с Лениным, а затем со Сталиным, за власть проходила весьма успешно, в том числе и в смысле продвижения сионистских замыслов.

Чтобы читатели поняли явный национальный перебор, при описании событий я привожу иногда рядом с псевдонимами подлинные фамилии.

Читатели должны видеть, что идет разговор и оценка действий личностей не только с двойной фамилией, но и двуличных, с двойным дном, то есть действующих как большевики в открытой повседневной работе (под псевдонимом) и занимающихся тайными делами для достижения оппортунистических целей, очень часто смыкающихся с сионистскими идеалами.

Итак, с полным уважением к евреям - нашим соотечественникам, которые честно трудились и переживали все радости и беды вместе со всеми народами Советского Союза, а также с особой любовью к евреям - моим боевым друзьям на фронте и сослуживцам в мирные годы, но с таким же полным неприятием сионизма вернусь в двадцатые годы.

Был в истории Советского государства такой исторический момент, который предопределил многие значительные трагические последствия. И самое удивительное, что этот судьбоносный эпизод сделали малозаметным, приложили много усилий, чтобы вообще спрятать его не только от народа, но и от членов партии.

Что же произошло?

В числе многих организаций и партий в период Февральской и Октябрьской революций существовала Еврейская коммунистическая партия (ЕКП). Она действовала сепаратно, отдельно от коммунистов-большевиков, меньшевиков и других партий, стремившихся преобразовать и осчастливить Россию. И то, что ЕКП ни с кем не объединялась и не блокировалась, свидетельствует о наличии у этой еврейской компартии своей особенной цели, не схожей с другими революционными программами. Вернее даже сказать так: называясь еврейской коммунистической, эта партия в официальном уставе и программе имела соответствующую фразеологию, но на деле являлась еврейской сионистской организацией, которая ставила четкую задачу: в мутной воде революционной многопартийной неразберихи пробраться к власти и осуществить вековую мечту сионистов - прибрать к рукам Россию, с ее бескрайней территорией и природными богатствами.

Но события сложились так, что верх взяли в октябре большевики. Еврейская коммунистическая партия несколько лет пребывала как бы не у дел; большевики овладели не только властью, но и умами, надеждами народов, населяющих Россию.

Однако в подвешенном состоянии ЕКП находилась недолго. Заокеанские хозяева, "Они", нашли ей очень выгодное применение: влить ее в ВКП(б), тем более что в самой этой ВКП(б) было много евреев, пусть даже не все они были сионистами, но извечное их непреложное правило (и даже закон) - помогать, протаскивать друг друга - позволяло рассчитывать, что евреи-большевики будут верными "зову крови" и поспособствуют приему ЕКП в ВКП(б).

Однако Ленин со свойственной ему прозорливостью понял, к чему стремятся коммунисты-сионисты и какие могут быть последствия от этого объединения. Ленин категорически отверг попытки ЕКП и некоторых своих соратников, которые поднимали этот вопрос. Причем Ленин отражал подобные намерения неоднократно.

Но когда Владимир Ильич доживал последние дни, Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд) все же протащили ЕКП в ВКП(б). Причем они умышленно осуществили это, пока Ленин еще дышал, чтобы в будущем опираться на тот факт, будто объединение произошло при жизни Ленина и якобы с его согласия. Хотя в действительности Ленин, ввиду болезни, уже отошел от дел и об этом ничего не знал. И даже Сталин - Генеральный секретарь - не был поставлен в известность.

На январском пленуме ЦК РКП(б) 1923 года в числе других вопросов был очередной отчет Сталина перед Политбюро и ЦК о работе Секретариата. Заседание Политбюро и ЦК по установленной при Ленине традиции вел глава правительства Каменев (Розенфельд).

Неожиданно для всех присутствующих Каменев (Розенфельд) заявил:

- Политбюро считает первым вопросом, вместо отчета товарища Сталина, заслушать сообщение о положении дел в дружественной нам Еврейской компартии. Пришло время, товарищи, когда без бюрократических проволочек следует всех членов ЕКП принять в члены нашей большевистской партии.

Члены ЦК молчали. Сталин даже растерялся: Каменев говорил от имени Политбюро, но при нем, при Сталине, этот вопрос на Политбюро не поднимался. Значит, было какое-то внеочередное, тайное заседание, а может быть, такового вообще не было.

Пауза несколько затянулась. Сталин понимал: выступить открыто против, значит навлечь на себя ненависть тех, кого хотят протащить в партию, а заодно и тех, кто им способствует изнутри. Но нельзя было и промолчать, молчание - знак согласия.

Сталин попросил дать ему слово. Со свойственной ему находчивостью в критические минуты он сказал:

- Я не против приема нескольких тысяч членов Еврейской коммунистической партии в Российскую коммунистическую партию большевиков. Но прием должен быть без нарушения нашего устава - то есть индивидуальным. Все вновь вступающие, согласно уставу, должны представить рекомендации пяти членов нашей партии с пятилетним стажем. Я говорю об этом потому, что в программе Еврейской компартии записано: евреи - божья нация, призванная руководить всем международным еврейским рабочим движением. В ЕКП принимаются только евреи. Необходимо, чтобы вступающие в нашу партию и вся ЕКП на своем съезде отказались публично от сионистских задач своей программы.

Троцкий буквально вскочил со стула и, со свойственной ему экспрессией, четким и зычным голосом хлестнул в Сталина:

- Здесь случай особый. То, о чем говорит Сталин, уже практически осуществлено. На декабрьском пленуме ЦК ЕКП 1922 года принято решение: отказаться от сионистской программы партии и просить о приеме всей партии в состав партии большевиков. Я думаю, нельзя, как рекомендует Сталин, начинать нашу совместную деятельность с недоверия, это будет оскорбительно.

Вслед за Троцким (Бронштейном) поднялся Зиновьев (Радомышельский-Апфельбаум), он был не только председателем Петроградского совета, членом Политбюро, а еще и председаталем Исполкома Коминтерна.

- Поскольку ЕКП на своем пленуме отказалась от сионистской программы, - убеждал Зиновьев, - Исполком Коминтерна рассмотрел обращение ЕКП и рекомендует ЕКП объединиться с РКП(б) на базе ее программы и устава. Исполком Коминтерна принял соответствующее решение. Я его зачитаю. Зачитав документ, Зиновьев резюмировал: - Таким образом, решение Исполкома Коминтерна принято и оно обязательно для РКП(б). Напрасно товарищ Сталин пытается усложнять этот вопрос.

Сталин понимал, что он и его сторонники находятся в меньшинстве и в случае его упорства троцкисты могут сыграть с ним злую шутку, вплоть до снятия с поста Генерального секретаря. Но все же он сказал:

- Надо поручить товарищу Куйбышеву (председателю Партийной контрольной комиссии) подработать условия приема еврейских партийных организаций в состав РКП(б).

Председательствующий Каменев (Розенфельд) посчитал дело решенным и предложил перейти к следующему вопросу:

- Заслушаем отчет товарища Сталина о работе канцелярии Политбюро.

Тем самым Каменев, как всегда, снова подчеркнул, что Сталин всего лишь руководитель "канцелярии".

9 марта 1923 года в "Правде" очень мелким шрифтом в малозаметном месте за подписью секретаря ЦК В. Куйбышева было опубликовано постановление ЦК РКП(б) о вхождении ЕКП и ее отдельных членов в состав РКП(б).

Ленин так и не узнал об этом решении. О нем вообще постарались быстро забыть, его нигде не упоминали потом, не включали в сборники партийных документов. Но значение этого внешне незначительного эпизода оказалось для дальнейшей жизни партии и России колоссальным. Десятки тысяч новых влившихся "коммунистов" стали верными, надежными соратниками Троцкого и его единомышленников в борьбе за власть. Они при содействии своих единокровных братьев быстро продвигались по службе и через год-два стали руководящими работниками в районных, областных, союзных и центральных комитетах партии, органах Советской власти, министерствах и учреждениях, прокуратуре, судах, в армии и даже ГПУ.

На это не могли закрывать глаза честные евреи, издавшие в 1923 г. в Берлине примечательный сборник "Россия и евреи". В обращении "К евреям всех стран!" они отметили, что в глазах

русского народа "Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям. Теперь еврей - во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе красной армии... Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом"; "а все еврейство в целом... на нее (революцию) уповает и настолько себя с ней отождествляет, что еврея - противника революции всегда готово объявить врагом народа" (И. М. Бикерман).

Примечательно, что авторы сборника отмежевались от евреев-большевиков как предателей интересов и России, и еврейства. Они предупредили, что рано или поздно коммунистический режим падет, и это грозит еврейству трагическими последствиями: "Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России - грех, который в самом себе носит возмездие..."; за это "евреи неминуемо должны... в будущем жестоко поплатиться..."

Троцкисты были повсюду. Они проводили свою единую линию по компрометации Сталина и его единомышленников. Казалось, его судьба предрешена, в скором будущем он будет отстранен отдел. Но события сложились так, что Сталин, вопреки предположениям троцкистов, неожиданно обрел новый дополнительный и очень весомый авторитет в партии. Он был стратегом, не лез в драку в открытую.

Как это ни странно, позиции Сталина укрепила смерть Ленина.

Вот какие обстоятельства сложились благоприятно для Сталина. Троцкий не был на похоронах Ленина - отдыхал в Сухуми. Если бы он находился в Москве, то на траурном митинге играл бы, как говорится, первую скрипку и произвел бы положительное для себя впечатление - говорить он умел, всегда отличался ораторской страстностью.

То, что Троцкий не приехал на похороны, было его крупным тактическим просчетом. Во-первых, его отсутствие могло быть воспринято (так и было) как неуважение к Ленину, как высокомерие и желание подчеркнуть свое величие. Во-вторых, не он, а Сталин стал первым лицом на процедуре прощания с вождем партии. Хотя до этого дня Троцкий был более популярным и властным лидером партии, чем Сталин.

В один день, одной речью Сталин как бы перехватил

инициативу у Троцкого. Обычно считают, что Сталин произносил клятву Ленину у гроба. Это не так.

Ленин скончался 21 января 1924 года в 18 часов 50 минут в Горках.

26 января на траурном заседании II съезда Советов Сталин от имени большевистской партии произнес знаменитую речь, которая вошла в историю как клятва. Эта речь была опубликована 30 января 1924 года в "Правде" и стала своеобразным программным документом для партии и личной клятвой Сталина на всю его жизнь. До этого выступления Сталин был известен в партии как один из руководящих работников ЦК, а в широких народных массах мало кто знал о его деятельности. Публикация речи по поводу смерти Ленина затронула каждого человека - партийного, беспартийного, доброжелателя и врага. Вся страна узнала о Сталине, его политических взглядах и намерениях. Популярность и авторитет Сталина поднялись сразу на несколько порядков выше прежнего. Сторонники Ленина увидели в нем своего лидера в борьбе с троцкистами и оппортунистами.

Сталин, как тонкий стратег, уловил выигрышную для себя и партии ситуацию, по его инициативе на Пленуме ЦК РКП(б) было принято обращение "К партии, ко всем трудящимся", в нем брошен клич: "Рабочие от станка, стойкие сторонники пролетарской революции - входите в РКП! Пролетарии! Шлите в ряды партии лучших, передовых, честных и смелых борцов!"

В партию пришли новые молодые силы, не зараженные инфекцией троцкизма и оппортунизма. Это был вошедший в историю партии "Ленинский призыв": из общего числа коммунистов - 735 000 в 1924 году - 241 591 были представителями этого ленинского призыва.

Мне кажется, более точным было бы название "Сталинский призыв", потому что от Сталина исходила идея его осуществления, и новое пополнение стало надежной опорой Сталину в дальнейшей работе и борьбе с оппортунистами, а по существу, с противниками России. Новое пополнение было достойным противовесом и старым троцкистам, которые боролись с Лениным при его жизни, и тем, кого они притащили в партию после революции, - членам еврейской компартии Бунда, перекрасившимся эсерам, меньшевикам и прочим.

На XIII съезде РКП(б) с 23 по 31 мая Сталин, благодаря своей стратегической победе, чувствовал себя уверенно и был поддержан своими новыми сторонниками в составе делегатов при обсуждении планирования, а затем при осуществлении очередных народнохозяйственных задач. Оппозиционеры в своих выступлениях высказывали сомнения, недоверие, ссылаясь на

недостаточность средств для реализации предложенных Генсеком планов. Кроме того, они предприняли попытку скомпрометировать Сталина в глазах старых и новых членов партии, заявляя, что было скрыто и до сих пор не оглашено завещание Ленина, в котором он, якобы, нелестно характеризовал Сталина.

Делегаты съезда поддержали предложение о необходимости ознакомиться с этим документом. Для того чтобы с письмом Ленина делегаты ознакомились более детально и большее их количество могло высказать свои суждения (на общем заседании это невозможно), а также с целью соблюдения секретности, было принято решение обсуждать письмо на закрытых заседаниях по делегациям. В этом были заинтересованы и троцкисты, так как о некоторых из них в письмах Ленина высказаны очень нелестные характеристики.

Сталин подал заявление об отставке.

Делегаты ознакомились с "Завещанием", обсудили его, дали положительную оценку работе Сталина как Генерального секретаря, и съезд обязал Сталина оставаться на своем посту и продолжать работу, противодействовать расколу партии. Сталин и его сторонники выполнили эти решения съезда.

К концу 1925 года был в основном завершен восстановительный период, возвращены к жизни более 400 крупных предприятий, отстроено около десяти электростанций. Объем производства достиг 3/4 уровня довоенного 1913 года. Вспомним, на X съезде в 1921 году Ленин с горечью говорил: "Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти".

Успехи были налицо, жизнь требовала их закрепления и приумножения.

Сталин и Русская Православная Церковь

Одной из крупных акций троцкистов по доведению до абсурда некоторых пунктов большевистской программы партии была борьба с религией. Как известно, в программе компар

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Советов Раб,. Солд., Кр. и Каз. Деп.

МОСКВА. КРЕМЛЬ И 1866672

01 .V. 1919 СТРОГО СЕКРЕТНО Председателю ВЧК тов. ДЗЕРЖИНСКОМУ Ф. Э.

УКАЗАНИЕ

В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Сов. Нар. Комиссаров,

необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией.

Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады.

Председатель В.Ц.И.К

Председатель Сов. Нар. Комиссаров

тии сказано о ее атеистических взглядах, о необходимости просвещать народ, избавлять людей от древнего пережитка, которым пользовались монархи, чтобы держать верующих в покорности.

Антирелигиозную борьбу предусматривалось вести путем просвещения, агитации, разъяснения и прочих идеологических форм партийной работы.

Троцкисты взяли на вооружение (кроме других дискуссий и споров того времени) этот постулат борьбы с религией и, доведя его до абсурда, хотели вызвать недовольство православных верующих, поссорить их с большевиками.

Как это делалось? Сегодня известны и тайные дела, и документы.

Пользуясь кровавым накалом гражданской войны, троцкисты (сионисты) предприняли попытку ликвидировать Православную Церковь и духовенство одним "революционным ударом" - через Ч К.

Могли Калинин - русский человек (крещеный) - подписать такой варварский документ по отношению к русским православным священнослужителям? Приказной, энергичный тон - "расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше". Это не стиль Калинина. В дальнейшем моем повествовании читатели убедятся - Калинин не может быть автором этого письма, его чисто человеческие качества несовместимы с подобной жестокой кровожадностью. В сотнях документов, подписанных им как председателем ВЦИК, совсем иная тональность. Калинин всегда отличался доброжелательностью, за что пользовался огромным уважением, и звали его в народе "Всесоюзным старостой".

Но документ перед нами и подписан Калининым. Все правильно. Только скрыта за этим большая партийная тайна. Дело в том, что решением Политбюро Калинина обязали подписывать все документы, подготовленные Троцким. Уничтожение православных церквей и священников распоряжением и стараниями сионистов могло вызвать возмущение народа и окончиться печально. Вот и подставили

русского уважаемого Калинина как ширму, для того чтобы спрятать истинных варваров.

Этот документ подготовил, несомненно, Троцкий. В годы гражданской войны он издал подобных расстрельных приказов сотни - это его стиль, его беспощадность.

Прошу обратить внимание на порядок, в котором расположены подписи: обычно старший по должности или по положению подписывает первым. Здесь мы видим подпись Ленина после Калинина, хотя по должности (указанной здесь же) Ленин как председатель Совета Народных Комиссаров выше председателя ВЦИК, являющегося исполнительным органом.

Почему же так расположены подписи? Закономерно предположение - подпись Ленина допечатана позднее, и поставлено его факсимиле - что практиковалось в работе аппарата ЦК. В солидном двухтомном научном труде "Политбюро и церковь в 1922-1925 гг." (Архивы Кремля) на стр. 5, том I при описании документов сказано: "...в определении автографичности - выявлены единичные случаи, когда подписи членов Политбюро под подлинными документами исполнялись их техническими секретарями, делопроизводителями, подчас с умелым подражанием автографу; оказалось также, что иногда одни члены Политбюро исполняли подписи за других".

Не имеем ли мы дело в этом документе с таким случаем? Может быть, после покушения 30 августа 1918 года, в периоды, когда Ленин был нездоров, пользуясь этим, поставили его факсимильную подпись?

Но не исключено, что и сам Ленин подписал этот страшный документ. Ниже я приведу письмо Ленина, подтверждающее и это предположение, и то, почему Калинин был вынужден подписывать не только данное "Распоряжение", но и многие другие подобные документы, подготовленные Троцким.

В годы послевоенной разрухи поразил страну жестокий неурожай. Голод косил людей беспощадно. При ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол). Руководил ее работой глава законодательной власти М. И. Калинин.

Глава Православной Церкви патриарх Тихон 22 августа 1921 года издал воззвание "О помощи голодающим", призывая к благотворительным пожертвованиям.

Троцкий обращается с запиской к членам Политбюро ЦК РКП(б) с предложением о создании секретной комиссии по изъятию ценностей из московских церквей для закупки хлеба за рубежом для голодающих.

Совнарком назначает Троцкого "особоуполномоченным СНК

по учету и сосредоточению ценностей".

Помощь голодающим Троцкий расширяет до борьбы с Церковью через изъятие церковных ценностей, разрушения церквей и репрессий против священников.

Ленин, со свойственной ему широтой мышления, предложил использовать создающуюся трудную ситуацию не только для помощи голодающим, но гораздо шире.

Поводом послужило сопротивление изъятию ценностей в городе Шуе.

Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви

19 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО Просьба ни в каком случае копий не снимать. а каждому члену Политбюро (тов. Калинину тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои соображения письменно...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализирование этих масс.

Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом: Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, - никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий...

На Съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными

работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение Съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не оста[на]вливаясь и в самый кратчайший срок...

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на Съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке...

К секретному заседанию делегатов съезда, о котором пишет Ленин, Троцкий подготовил "совершенно секретную" пространную записку "О политике по отношению к церкви". В ней Лев Давыдович со свойственной ему чертой показать свою образованность - описывает деяния церкви с давних времен в Европе и в царской России, вскрывает ее буржуазно-соглашательскую суть.

Церковь, вся пропитанная крепостническими, бюрократическими тенденциями, не успевшая проделать буржуазной реформации, стоит сейчас лицом к лицу с пролетарской революцией. Какова же сможет быть ее дальнейшая судьба? Намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с чер-носотенно-монархической идеологией и - "советское". Идеология "советского" духовенства, по-видимому, вроде сменовеховской, т. е. буржуазно-соглашательская.

В то время, кроме репрессивной борьбы с религией, проводилась тайная линия ГПУ по разложению Церкви изнутри, предпринимались попытки "раскола", создания обновленческой Церкви, которая сотрудничала бы с советской властью. Троцкий называл такую Церковь "сменовеховской".

Это мероприятие не устраивало Троцкого, ему не нужна была Православная Церковь вообще.

"Сменовеховцев" Троцкий предлагает использовать временно, как тактическое средство: "...Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то она стала бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде. Ибо, принимая покровительственную "советскую" окраску, "передовое" духовенство открывает себе тем самым возможность проникновения и в те передовые слои трудящихся, которые составляют или должны составить нашу опору.

6. Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально. (Позорные передовые статьи в партийных газетах о том, что "богородице приятнее молитвы накормленных детишек, чем мертвые камни" и пр.).

7. Чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла с черносотенным, тем выгоднее будет наша позиция. Как сказано, под "советским" знаменем совершаются попытки буржуазной реформации православной церкви. Чтобы этой запоздалой реформации совершиться, ей нужно время. Вот этого-то времени мы ей не дадим, форсируя события, не давая сменовеховским вождям очухаться.

8. Кампания по поводу голода для этого крайне выгодна, ибо заостряет все вопросы на судьбе церковных сокровищ. Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей;

во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии.

9. Во время этой кампании мы должны сменовеховским попам дать возможность открыто высказываться в определенном духе. Нет более бешеного ругателя, как оппозиционного попа. Уже сейчас некоторые из них в наших газетах обличают епископов поименно в содомских грехах и пр. Думаю, что следует разрешить им и даже внушить им необходимость собственного органа, скажем, еженедельника для подготовки созыва собора в определенный срок. Мы получим, таким образом, неоценимый агитационный материал. Может быть, даже удастся поставить несколько таких изданий в разных концах страны. Мы до завершения изъятия сосредотачиваемся исключительно на этой практической задаче, которую ведем по-прежнему исключительно под углом зрения помощи голодающим. Попутно расправляемся вече-кистскими способами с контрреволюционными попами, ответственными за Шую, и пр.

10. К моменту созыва собора нам надо подготовить теоретическую и пропагандистскую кампанию против обновленной церкви. Просто перескочить чрез буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в

выкидыш. А для этого надо прежде всего вооружить партию истори-ко-теоретическим пониманием судеб православной церкви и ее взаимоотношений с государством, классами и пролетарской революцией.

11. Надо уже сейчас заказать одну программно-теоретическую брошюру, может быть с привлечением к этому делу М. Н. Покровского, если у него есть малейшая возможность..."

Первыми с этой запиской знакомились члены Политбюро, любопытно их мнение: "За - Молотов. За - Зиновьев. За - Калинин".

Сталин не высказывался ни "за", ни "против".

2 апреля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) утвердило "Практические предложения по изъятию ценностей".

Еще раз обращаю внимание на то, что Политбюро принимает меры по изъятию церковных ценностей для помощи голодающим. Троцкий же превращает это мероприятие в борьбу с Церковью вообще, с истреблением как старой, так (со временем) .и обновленной "сменовеховской" церкви. Это и есть доведение антирелигиозной (по программе - мирной, агитационной) борьбы до абсурда, то есть, прикрываясь архикоммунистическими высказываниями, вызвать недовольство среди верующих и духовенства (старого и нового толка), чем противопоставить народ и священнослужителей правительству. А правительство, в свою очередь, будет вынуждено подавлять это сопротивление, т. е. истреблять верующих.

За выполнение директив Троцкого взялись с присущей им энергией и хорошей организованностью десятки тысяч бывших членов Еврейской коммунистической партии, принятых в ВКП(б) и только формально заявивших об отказе от своих сионистских постулатов.

Не нужно увеличительного стекла, чтобы разглядеть во всем вышесказанном сионистские намерения: а) уничтожить стоящую на их пути православную веру; б) озлобить народ против большевиков, якобы являющихся проводниками этой антирелигиозной террористической политики.

По предложению Троцкого для осуществления его антирелигиозной программы были созданы газета "Безбожник" и журнал "Воинствующий безбожник", а также "Центральный Совет Союза воинствующих безбожников", состав которого (и подчиненных ему редколлегий, и актива авторов) не вызывает сомнения в их не только троцкистской, но и сионистской направленности. Они вели повседневную широкую атаку на православную веру. Ложь, провокации, грубое надругательство

над чувствами верующих, оскорбление священнослужителей - это хорошо организованная и оплаченная кампания.

В глубоком научном исследовании Н. А. Кривовой "Власть и церковь в 1922-1925 гг." (Москва, АИРО-XX, 1997 г.) сказано:

"Назначением М. И. Калинина - председателя официального высшего органа советской власти Президиума ВЦИК - председателем комиссии реализовывалась затея В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого прикрыть самовластие партии и ГПУ "легальными" органами власти.

В схеме Л. Д. Троцкого основной силой осуществления кампании в стране должна была стать разветвленная сеть секретных подготовительных комиссий на местах с параллельно существующими ширмами для прикрытия - официальными комиссиями... Создавалась двойная система особой конспирации, когда за плечами официальных комиссий советской власти действовал реальный механизм изъятия церковных ценностей в виде партийно-чекистских секретных комиссий Л. Д. Троцкого.

Разрабатывались методы организации агитационной работы, которую планировалось проводить неофициально, не объявляя ее, привлекая к ней лучших агитаторов. Главные ее цели - борьба с религией и церковью...

...23 марта 1922 г. утверждены на заседании Политбюро ЦК РКП(б) серии предложений Л. Д. Троцкого о мероприятиях по захвату ценностей, представляющих собой инструкции по ведению пропагандистской кампании вокруг церкви. Их суть - прикрытие действительных целей кампании. Агитационное прикрытие...

Первое, что должно было сработать и ввести в заблуждение, это непосредственная передача средств голодающим. Л. Д. Троцкий выдвинул предложение "ассигновать немедленно миллион рублей в счет изъятых церковных ценностей для получения хлеба для голодающих", широко и демонстративно оповестив об этом как о первом ассигновании.

Под видом участия духовенства в работе по учету церковного богатства М. И. Калинину было велено привлечь лояльного епископа Антонина (Грановского) "как спеца" и опять же придать это широкой огласке. Фигура епископа была подобрана троцкистами удачно и не случайно. Он был человеком чудовищно честолюбивым, угрюмым, внутренне надломленным и больным...

Далее Л. Д. Троцкий беспардонно продиктовал 6 тезисов интервью М. И. Калинина, которое тот должен был дать печати от имени ВЦИК. Главной задачей М. И. Калинина было доказать официально распространяемую точку зрения, что изъятие ценностей не является борьбой с религией и церковью.

Следующая цепь, которую Л. Д. Троцкий преследовал и пытался осуществить руками М. И. Калинина, касалась раскола. М. И. Калинин должен был публично объявить о том, что по вопросу изъятия ценностей духовенство разбивается на две группы. Первая, та, что лояльна властям, считает необходимым оказать голодающему народу помощь из церковных средств, которые созданы самим народом и ему, конечно же, принадлежат. А вот вторая "явно антинародная, жадная и хищная". Она заняла "враждебную позицию по отношению к голодающему крестьянству, тем самым заняла враждебное положение и по отношению к советской власти". Попытками опорочить российское духовенство в отказе помочь голодающим и объявить его преступным в контрреволюционной агитации против советской власти Л. Д. Троцкий рассчитывал поспособствовать расколу и восстановить против духовенства народные массы, поддержавшие сопротивление церкви проведению в жизнь декрета об изъятии, и направить их в лоно лояльной "обновленческой" церкви.

Кроме того, М. И. Калинин призван был разъяснить крестьянам голодающих губерний, широким беспартийным массам и красноармейцам, что это "по их инициативе возник декрет об изъятии ценностей". И что сейчас, несмотря на акты отчаянного сопротивления изъятию по всей России, "многомиллионные массы со всех сторон требуют полного и твердого выполнения декрета".

Партийная печать тут же ответила залпом статей. Вечером 25 марта 1922 г. в редакции газет "Известия", "Рабочий", "Коммунист", "Беднота", "Рабочая Москва" были направлены копии "беседы" с Председателем ВЦИК М. И. Калининым с "просьбой" напечатать ее уже 26 марта 1922 г. Тон "беседы" соответствовал прямым указаниям Л. Д. Троцкого ужесточить отношение к духовенству, и, несмотря на лицемерное отрицание основной цели кампании - разгрома церкви, призвать к открытой борьбе с ней.

Все бразды правления держал в своих руках "главный двигатель широкой операции по разгрому российской православной церкви Л. Д. Троцкий". ("Архивы Кремля". Москва, 1997 год).

Ввиду болезни Ленина, Троцкий верховодил в Политбюро, он пресекал малейшие попытки сопротивления акции по уничтожению Русской Православной Церкви. Об этом свидетельствует такой факт.

По указанию Троцкого (и Ленина) в Шуе был проведен суд Ревтрибунала над двадцатью четырьмя священнослужителями.

Четверо из них были приговорены к расстрелу.

Дальше привожу цитату из исследования Н. А. Кривовой "Власть и церковь в 1922-1925 гг.", в подтверждение объективности моего повествования: "Узнав о приговоре, М. И. Калинин на следующий же день 26 апреля 1922 г. телеграммой "вне всякой очереди" от имени Президиума ВЦИК предложил Сессии Трибунала приостановить исполнение смертного приговора. Случай неординарный, несмотря на то, что ВЦИК безусловно обладал правом помилования. Пренебрегая установками В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и директивами Политбюро ЦК РКП(б), М. И. Калинин посмел ослушаться и выступить как Председатель Президиума ВЦИК".

Троцкий был взбешен этой непокорностью Калинина и поставил на Политбюро вопрос о недисциплинированности председателя ВЦИК, который не выполняет предыдущее решение Политбюро о том, что он обязан подписывать и выполнять все исходящее от Троцкого в борьбе с Православной Церковью.

Политбюро рассмотрело этот вопрос, осудило поведение Калинина, пригрозило ему взысканием и утвердило расстрельный приговор Ревтрибунала.

Ниже приведена выписка из протокола этого заседания Политбюро.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о политике по отношению к церкви и о "недопустимости волокиты"

в исполнении расстрельных приговоров. Из протокола заседания Политбюро N 8, п. 11

от 26 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

11. - О церкви (предложение т. Троцкого).

а). Принять предложение т. Троцкого (см. материалы ЦК).

б). Указать т.т. Калинину и Енукидзе на недопустимость волокиты, проявленной ими в проведении в жизнь решения ПБ от 18. V. - с. г. (пр.[отокол] 7, п. 13) и предложить им выполнить его в течение сегодняшнего дня.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Калинин, видимо, знал о негативном отношении Сталина к репрессиям троцкистов против Церкви (в чем читатели убедятся через несколько страниц), поэтому Михаил Иванович просит защиты у Сталина.

Письмо М. И. Калинина в ЦК РКП(б) И. В. Сталину

о невыполнении на местах циркулярного письма ЦК РКП(б) об отношении к религиозным организациям

8 июля 1924 г.

ЦК РКП тов. СТАЛИНУ

Ни циркуляр ЦК РКП от 16/VIII-23 г., ни соответствующие указания ВЦИК, ни ряд инструкций 5-го отдела Н.К.Ю. не привели к спокойному проведению на местах церковных вопросов, что доказывается ежедневными обращениями во ВЦИК...

Я бы хотел, чтобы Вы, тов. Сталин, ознакомились с документами, дали бы от имени ЦК строгую директиву об обязательном проведении директив ЦК.

Между прочим, нарастает стремление захватить все большее количество храмов и обратно - растет сила сопротивления, нарастает раздражение широких масс верующих.

Необходимо предпринимать соответствующие меры.

При сем прилагаю сводку ГПУ и исключительный по всей важности документ, исходящий от коммунистов, без подписи.

М. Калинин.

Сталин к антирелигиозной акции троцкистов относился отрицательно, как видно из письма Калинина, он пытался снизить накал репрессий. Но в те годы Сталин не обладал еще такой властью, которая позволила бы ему открыто восстать против могучего тогда председателя Реввоенсовета Троцкого.

Страну захлестнула волна террора против священнослужителей и верующих, защищающих церковные ценности от изъятия. Судебные процессы были проведены в Москве (дважды), Смоленске, Петрограде, Казани, Астрахани, Царицыне и других городах. Всего только в 1922 году более 250 судебных процессов, в 1923 году больше 300, за два года осуждено 10 тысяч человек, из которых каждый пятый приговорен к расстрелу.

Калинин продолжал сопротивляться, он не только уклонялся от подписи расстрельных приговоров, но и выходил с ходатайством об их отмене. Троцкий продолжал наседать на непокорного Михаила Ивановича - вот еще один документ, подтверждающий это:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Партия (Большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ. Бюро секретариата

КАЛИНИНУ 2 августа 1922 г.

Протокол No 3 п. 5 Строго секретно

заседания Пленума ЦК РКП от 2/VIII-22 г. N 3.

ПОСТАНОВИЛИ:

5.а/ Отклонить ходатайство Президиума ВЦИк'а о пересмотре директивы ЦК по вопросу о попах.

б/ Считать необходимым интервью т. Калинина в печати по поводу нашей политики в церковном вопросе. Текст поручить составить комиссии из т.т. Троцкого, Калинина и Бубнова.

Секретарь Цека

Делегаты XII партсъезда, приехавшие с разных концов страны, выражая положение дел на местах, осудили грубые, репрессивные приемы антирелигиозной борьбы, как несоответствующие программе партии.

Сталин, опираясь на мнение делегатов и решение XII съезда, издал:

Циркулярное письмо ЦК РКП(б) No 30 "Об отношении к религиозным организациям"

16 августа 1923 г.

Строго - Секретно Экземпляр] No

ВСЕМ ГУБКОМАМ, ОБКОМАМ, КРАЕВЫМ К[ОМИТЕ]ТАМ, НАЦИОНАЛЬНЫМ] ЦК и БЮРО ЦК. ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ЦК РКП No30 (Об отношении к религиозным организациям).

ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и к их культам.

Партийная программа говорит: "необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма". Резолюция XI 1-го Партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что "нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения - не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков".

Между тем некоторые из наших местных организаций систематически нарушают эти ясные и определенные директивы партийной программы и партийного съезда...

Далее Сталин приводит многочисленные примеры надругательства над православными храмами и репрессий духовенства:

"Эти, и подобные им, многочисленные примеры с достаточной яркостью свидетельствуют о том, как неосторожно, несерьезно, легкомысленно относятся некоторые местные организации Партии и местные органы власти к такому важному вопросу, как вопрос о свободе религиозных убеждений. Эти организации и органы власти, видимо, не понимают, что своими грубыми, бестактными действиями против верующих, представляющих громадное большинстве населения, они наносят неисчислимый вред советской власти, грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви и рискуют сыграть на руку

контрреволюции.

Исходя из сказанного, ЦК постановляет:

1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений... по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое закрытие имело место - отменить немедля;

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. путем голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группе верующих, которая заключила договор на помещение или здание;

3) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов, поскольку такая ликвидация допущена не в строгом соответствии с инструкцией НКЮ 1918 г. п. II;

4) воспретить аресты "религиозного характера", поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями "служителей церкви" и верующих;

5) при сдаче помещений религиозным обществам и определении ставок строжайше соблюдать постановление ВЦИКа от 29/III-23 г.;

6) разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих гонения только укрепляют религиозные предрассудки, - а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии и пр.;

7) ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично.

ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно, однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.

Секретарь ЦК И. Сталин. 16/VIII-23 г.

Это было прямое противостояние Сталина Троцкому и защита Православной Церкви.

Ни съезд, ни Сталин не отмечают личную ответственность Троцкого и троцкистов за выявленные недостатки и отступления от программы партии, потому что все указания шли от имени председателя ВЦИК Калинина и Политбюро, а все фамилии реальных виновников погрома Российской Церкви, как известно, "во избежание шовинистических выпадов" были спрятаны, законспирированы.

Акцию против Русской Православной Церкви Троцкий и его единомышленники осуществили в полном объеме - они скомпрометировали большевиков в глазах верующих, репрессировали тысячи священников, разрушили, превратили в склады сотни церквей, породили раскол среди служителей Церкви, создав новую, "сменовеховскую", церковную иерархию.

Церкви и верующие были ограблены троцкистами нагло и безжалостно. Вот сколько изъято ценностей только до 1. 11. 22 г.

Сводная ведомость ЦК Последгол ВЦИК о количестве изъятых церковных ценностей

(4 ноября 1922 г.)

ВЕДОМОСТЬ количества собранных церковных ценностей

по 1-е ноября 1922 г.

1. По телеграфным сведениям местных Комиссий по изъятию ц(ерковных) ц(енностей) изъято:

1. Золото 33 п. 32 ф.
2. Серебра 23 997 п. 23 ф.
3. Бриллиантов 35 670 шт.
4. Пр(очие) др(агоценности) камни 71 762 шт.
5. Жемчуга 14 п. 32 ф.
6. Золотой монеты 3 115 руб.
7. Серебрян(ой) монеты 19 155 руб.
8. Различ(ных) драг(оценных) вещей 52 п. 30 ф.

Всего изъято по приблизительному подсчету на сумму 4 650 810 р. 67 к. Кроме указанных церковных ценностей отобраны антикварные вещи в количестве 964 пред(метов), которым будет произведена особая оценка. /ЦК Последгол ВЦИК: А. Винокуров/

Все изъятые под предлогом помощи голодающим ценности в действительности пошли совсем на другие дела. Определенный процент Троцкому, о чем сказано в постановлении Политбюро: "Реввоенсовет немедленно получит из числа драгоценностей на 25 миллионов рублей... сумма эта предназначена на мобилизационные запасы, не облагается налогом и при определении военной сметы не учитывается". И еще Троцкому шли огромные суммы на осуществление его главной мечты - разжигание мировой революции.

В письме Ленину, Красину, Молотову 23 марта 1922 года он требует денег немедленно: "...для нас важнее получить в течение 22-23 гг. за известную массу ценностей 50 миллионов, чем надеяться в 23-24 гг. получить 75 миллионов (для) наступления пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран..."

Самые ценные антикварные вещи после изъятия, под строгим наблюдением лично Троцкого, направлялись в Госмузей. Какая

трогательная забота о ценностях русского искусства! Но эта забота сразу обретает иной смысл, когда читатель узнает - Госмузей возглавляла жена Троцкого, мадам Троцкая (Седова).

Большевики, захватив в начале 1920 года золотой запас империи, не нуждались в "церковных ценностях"; в этой кампании у троцкистов преобладала богоборческая цель, и вместо ожидаемых Лениным "сотен миллионов" или "миллиардов" золотых рублей они получили тысячную долю того: больше у Церкви не было.

Кроме того, "большевики" издали декреты о национализации всего достояния России, а также о конфискации имущества, золота и драгоценностей не только у Церкви, но и у буржуазии, чиновников, эмигрантов (декрет от 16. 4. 1920). Российские ценности (как пишет проф. Сат-тон) шли за границу целыми пароходами. До сих пор публиковались лишь неполные сведения об этой закулисной стороне ограбления нашего Отечества, но ясно, что в руках троцкистов-сионистов оказались огромные богатства, накопленные Россией.

Газета "Нью-Йорк Тайме" сообщала, например, что только за первые восемь месяцев 1921 г. США вывезли золота на 460 миллионов долларов, из них 102,9 миллиона приходятся на фирму, основанную Шиффом - "Кун, Леб и К+".

Вспомните: именно этот сионистский босс финансировал Троцкого, когда тот отправлялся из Америки делать революцию. Теперь Шифф, Варбург и другие деньгодатели получали свои дивиденды.

Американские газеты не раз описывали (как и проф. Сат-тон) механизм "отмывания" награбленного золота: оно переплавлялось в Скандинавии и ввозилось в США с новыми клеймами. В частности, "директор шведского Монетного двора заявил, что в этом году (то есть с 1. 01 по 22. 04.1921) они переплавили 70 тонн золота стоимостью около 42 миллионов долларов США, и большая часть этого золота ушла в США. На переплавленное золото ставились клейма шведского Монетного двора. Количество "большевицкого" золота, находящегося в настоящее время в стокгольмских банках, оценивается в сумму более 120 миллионов долларов США", - сообщил он.

Именно в 1921 году "Нью-Йорк Тайме" выносит на первую полосу заголовок "Золотой потоп в Пробирной палате" и сообщает: "В результате непрерывного потока золота со всех краев земли, сейфы правительственной Пробирной палаты оказались до отказа набиты золотом в брусках, полосах и монетах... в результате чего она была вынуждена приостановить прием и спасовать перед тем количеством, которое банкиры

собирались вывалить перед ней для переплавки и сертификации".

О том, как продавались ценности за границей, видно из записки в Политбюро наркома внешней торговли Л. Б. Красина:

"Сейчас это дело стоит ниже всякой критики. Обыкновенно этот товар попадает в руки товарищей из Коминтерна, что абсолютная бессмыслица, так как людям, являющимся в данную страну по большей части нелегально и для работы, с такого рода торговлей ничего общего не имеющей, поручается продажа товара, на котором при современных условиях свободно могут проваливаться даже легальные профессиональные торговцы.

В лучшем случае продажа ведется по-дилетантски через случайных знакомых и по ценам значительно ниже тех, которые могли бы быть выручены при более деловой постановке сбыта.

Для продажи более крупных партий, подбираемых сейчас Гохраном, эти архаические методы уже совершенно недопустимы и опасны".

Таким образом, забота о голодающих, ради чего объявлялось изъятие церковных ценностей, отошла на десятый план.

Огромные суммы расходовались на возглавляемую Троцким агитационно-пропагандистскую работу (Луначарский) и на тайную и явную кампанию по расколу и разгрому Российской Православной Церкви.

Любопытна характеристика Троцкого той поры, которую дает в своей книге "Большой террор" Роберт Конквест - автор, очень недружественный к Советскому Союзу, компартии и особенно к Сталину:

"Троцкий, вместе с остальными членами Политбюро, препятствовал попыткам больного Ленина оказывать воздействие на текущие дела "с больничной койки". В последующих интригах Троцкий проявил себя отнюдь не прямым и последовательным, а как раз изворотливым и малодушным. Видный заладный исследователь того периода, профессор Гарвардского университета Адам Улам, пишет, что изложение событий самим Троцким - это "жалкая полуправда с попытками игнорировать факты".

"Троцкий никогда не упускал случая скрыть или извратить факты в интересах политики - продолжает Конквест. - Общая надежность его сочинений может быть оценена в свете выдвинутого Троцким обвинения, что Сталин, якобы, отравил Ленина. Этому нет ни малейших доказательств, да и бросил Троцкий это обвинение только в 1939 году, через много лет после смерти Ленина, и после своего изгнания из страны", - уже сотрудничая с гитлеровцами, готовившими войну против СССР.

И далее у Конквеста сказано:

"Когда говорят о том, что Троцкий был привлекательной личностью, то имеют в виду, главным образом, его выступления на крупных митингах, его острые сочинения, его общественный вес. Но при всем том Троцкий отталкивал многих своим тщеславием, с одной стороны, и безответственностью, с другой и в том смысле, что он был склонен выдвигать "блестящие" замыслы и потом требовать их воплощения, невзирая ни на что, во что бы то ни стало.

Тщеславие Троцкого, в отличие от той же черты у Сталина, было более поверхностным. В Троцком было что-то театральное. В годы гражданской войны он показал себя очень жестоким, казнил людей больше, чем приписывают Сталину. Но даже в этом Троцкий выказывал черты позерства, этакого Великого Революционера, драматически и умело исполняющего жестокую волю Истории. Если бы Троцкий пришел к власти, то, несомненно, правил бы беспощадно, люди для него были материалом для достижения своих амбициозных, тщеславных целей".

Действия Сталина в эти годы можно считать дальновидными - он не мог открыто противопоставить себя Троцкому и его единомышленникам; тактика Сталина была выжидательная - сохранить себя и своих пока еще немногочисленных сторонников в руководстве партии для дальнейшей борьбы. Стратегические замыслы Сталина в религиозных делах проявятся позднее.

Сталин очень уважал Ленина и поэтому попытался микшировать его резкие антирелигиозные указания.

СОВ. СЕКРЕТНО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! 1793

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

12. 04. 1940 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

УКАЗАНИЕ Все документы, имеющиеся в ЦК, связанные с ук. тов. Ленина В. И. No 13666/2 от 1 мая 1919 г. хранить в спецфонде и без личного распоряжения товарища СТАЛИНА никому не выдавать.

/ЗАВ. АРХЧАСТЬЮ ЦК /,

Позднее, укрепив свою власть и неоднократно победив оппозиционеров на съездах и пленумах, Сталин уже издает и такие документы, защищающие православие:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая партия (оольшевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

No 1037/19

12 сентября 1933 г. т. Менжинскому В. Р. 12.09.1933

В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества.

Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции ОГПУ обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древнего русского зодчества.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Таким образом, все обвинения Сталина в терроре против церкви и духовенства, выдвигаемые в публикациях перестроечного периода, бьют мимо цели. Эти обвинения следовало бы адресовать Троцкому и его соратникам-сионистам.

Вот документ, окончательно реабилитирующий Сталина в этом отношении.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

No 1697/13 11. 11. 1939 г. товарищу Берия Л. П.

Выписка из протокола No 98 заседания Политбюро ЦК от 11.11.1939 г.

Решение от 11 ноября 1939 года Вопросы религии.

По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православноверующим ЦК постановляет:

1). Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2). Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за No 13666-2 "О борьбе с попами и религией", адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому и все соответствующие инструкции ВЧК - ОГПУ - НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православноверующих, - отменить.

3). НКВД СССР произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание

на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4). Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Если критики Сталина утверждают, что он был диктатором и единолично управлял страной, то давайте отметим как его личную заслугу освобождение многих тысяч священников и верующих, которых посадил в тюрьмы Троцкий, а после изгнания - его единомышленники. Вот еще один документ:

СЕКРЕТНО ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙ СССР (большевиков) НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СЕКРЕТАРИАТ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 22. 12. 30 г. 22 декабря 1939 г. товарищу СТАЛИНУ и. В. No 1227"Б" 224989 г. МОСКВА

СПРАВКА

Во исполнения решения ПБ ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года за No1697/13 из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР освобождено 12 860 человек, осужденных по приговорам судов в разное время, из-под стражи освобождено 11 223 человека. Уголовные дела в отношении их прекращены. Продолжают отбывать наказание более 50 000 человек, деятельность которых принесла существенный вред советской власти.

Личные дела этих граждан будут пересматриваться. Предполагается освободить еще около 15 000 человек.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

{Л. БЕРИЯ) 22 декабря 1939 г.

Такова правда, позволяющая снять со Сталина персональное обвинение в репрессиях против Российской Церкви и духовенства. О его сближении с Церковью в годы войны будет сказано в соответствующих главах.

О стратегии

В дальнейшем наше исследование будет касаться более детально стратегических вопросов, и поэтому необходимо для единообразного понимания определить, что такое стратегия.

Очень часто приходится читать в газетах и журналах суждения о стратегии авторов, абсолютно не понимающих ни сути, ни масштабов того, о чем они берутся рассуждать. Например, во время боев в Чечне можно было прочитать такие корреспонденции в газетах: "Наши войска захватывали стратегическую высоту (или мост) в районе поселка..." Причем суждения эти ведутся с апломбом, безапелляционно. В общем

"каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны".

В свое время я прослушал курс лекций по стратегии в военной академии Фрунзе и на высших академических курсах Генерального штаба. Работая над этой книгой, еще раз прочитал труды (те разделы, в которых авторы рассуждают о стратегии) Наполеона, Мольтке, Клаузевица, Шлиффена, а также первого русского профессора стратегии, барона, генерала от артиллерии Н. В. Модема, который преподавал стратегию и военную историю в XIX веке, и, наконец, А. А. Свечина - военного ученого и теоретика советских времен, тоже читавшего курс лекций по стратегии в академии Генерального штаба, царского и советского генерала. Разумеется, еще раз проштудировал трехтомник маршала Шапошникова "Мозг армии" и др.

"Советский энциклопедический словарь" дает следующее толкование этого понятия:

"Стратегия военная, высшая область военного искусства. Охватывает вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне, ее планирование и ведение, исследует закономерности войны, разрабатывает способы и формы подготовки и ведения стратегических операций, определяет цели и задачи фронтам, флотам и армиям, распределяет силы по театрам военных действий и стратегическим направлениям. Стратегия военная тесно связана с политикой государства и вытекает из требований военной доктрины. Политика ставит перед стратегией военной задачи, а стратегия обеспечивает их выполнение. Стратегия военная связана с экономикой и зависит от экономического строя государства, уровня развития производства, от моральных возможностей народа..."

Очень упрощенно можно сказать: искусство полководца (или государственного деятеля) проявляется в способности усмотреть военную цель и указать путь к ее достижению. А умение обосновать это стратегически как раз и заключается в дальновидности, широте и глубине стратегического мышления, подкрепленного образованием и озаренного талантом, ибо способность стратегического мышления дана не каждому и встречается довольно редко.

Профессор Свечин пишет: "Искусство вождя не может быть изучено по учебнику... Учительницей политика или стратега может быть только сама жизнь, или ее отображение в истории".

Мне кажется, эти слова очень подходят нам и будут правильно направлять ход наших дальнейших суждений.

Сталин после смерти Ленина действительно создал, по выражению Свечина, "идеальный пьедестал", с которого видел "далекие горизонты"; очевидна полная его самостоятельность в

гигантских стратегических проектах, как теоретических, так и при их осуществлении, потому что он вел страну и армию по неведомому прежней истории пути строительства нового социалистического общества.

Я уже сказал выше, что не берусь описывать всю многообразную деятельность Сталина, а намерен изложить дела и проблемы, которые в конечном итоге привели его к высокому званию Генералиссимуса.

В годы мирного строительства проявилось в теории и на практике стратегическое мышление Сталина, отметим только два гигантских свершения индустриализацию и коллективизацию, без которых Советский Союз остался бы беспомощным в капиталистическом окружении и был бы смят и уничтожен еще до нападения Гитлера, потому что представлял бы собой беззащитное в военном отношении пространство. Красная Армия с винтовками в сухопутных войсках и саблями в кавалерии не смогла бы отразить очередной крестовый поход армий Антанты (или других объединений), оснащенных несметным количеством самого современного вооружения.

Индустриализация за годы пятилеток дала стране возможность создать оборонную промышленность и современное вооружение - это стратегический расчет Сталина и далекая его прозорливость.

На XIV партконференции в апреле 1925 года Сталин заявил о том, что в СССР имеется все необходимое для осуществления ленинской программы построения социалистического общества.

Большинство партийных организаций при обсуждении речи Сталина поддержало его стратегическую программу. Но троцкисты сразу кинулись в трибунную драку. Главный тезис их возражений - социализм построить в одной стране невозможно.

В докладе на XIV съезде Сталин рассмотрел возможные линии развития народного хозяйства, предложенные оппозицией:

- Есть две генеральные линии: одни исходят из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять, по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует, по сути дела, свертывания нашей индустрии... Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализоваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

- Это не наша линия.

- Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, - вот в чем суть, основа нашей генеральной линии...

В этом Сталин видел надежную опору обороноспособности страны - "иначе нас сомнут"; его стратегическая дальновидность не нуждается в комментариях.

Сталин говорил, что существующие противоречия на пути строительства социализма должны быть преодолены и будут преодолены:

- Кто не верит в это дело - тот ликвидатор, тот не верит в социалистическое строительство. Эти противоречия мы преодолеем, мы их уже преодолеваем... И без помощи со стороны мы унывать не станем, караул кричать не будем, своей работы не бросим и трудностей не убоимся. Кто устал, кого пугают трудности, кто теряет голову, - пусть даст дорогу тем, кто сохранил мужество и твердость. Мы не из тех, кого пугают трудности. На то и большевики мы, на то и получили ленинскую закалку, чтобы не избегать, а идти навстречу трудностям и преодолевать их.

(В зале голоса: "Правильно!" - и аплодисменты).

Содоклад Зиновьева был путаным, состоял в основном из цитат, набранных к месту и не к месту, и не содержал никакой положительной программы. Были выкрики с мест, что он в докладе "крохоборством занимался".

Выступление Каменева длилось более двух часов. Он высказал против партии и ЦК весь набор обвинений. Лишь в самом конце речи обнародовал главный замысел оппозиции:

желание изменить руководство партии и в первую очередь убрать Сталина с поста генерального секретаря.

Посыпались выкрики делегатов с мест.

- Я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил товарищу Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба...

Поднялся шум, делегаты кричали: "Неверно!", "Чепуха!", "Вот оно в чем дело!", "Раскрыли карты!" Лишь ленинградская делегация аплодировала Каменеву. Но весь зал встал и приветствовал Сталина.

Ворошилов попросил слова:

- Товарищ Сталин, являясь Генеральным секретарем, конечно,

состоит членом Секретариата, но вместе с тем является членом Политбюро. Товарищи, к сожалению, не все присутствовали хоть когда-нибудь, хоть один раз на заседаниях Секретариата, Оргбюро и Политбюро. Но мы, члены Центрального Комитета, бываем на заседаниях Политического бюро, то есть того органа, который, по мысли товарища Каменева, должен стать выше всех органов, практически проводящих в жизнь решения нашей партии. Политику, товарищи, определяет наше Политбюро, а не один Сталин.

В заключительном слове Сталин не оправдывался:

- ...На личные нападки и всякого рода выходки чисто личного характера я не намерен отвечать, так как полагаю, что у съезда имеется достаточно материалов для того, чтобы проверить мотивы и подоплеку этих нападок... Партия хочет единства. И она добьется его вместе с Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них - если они этого не захотят. (Возгласы: "Правильно!" Аплодисменты).

- Единство, - продолжал Сталин, - у нас должно быть, и оно будет, если партия, если съезд проявит характер и не поддастся запугиванию. (Голоса: "Не поддадимся, тут народ стреляный"). Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, - это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича (аплодисменты), глупо об этом говорить.

Не получив поддержки своим нападкам на Сталина, глава делегации ленинградских коммунистов Зиновьев вместе с Каменевым предложил перенести работу съезда в Ленинград. Эту уловку делегаты раскусили. Съезд осудил раскольничью деятельность фракционеров. В ответ на это Зиновьев увел из зала ленинградскую делегацию. Вернувшись в Ленинград и дезинформировав многих местных товарищей, они добились принятия губкомом неслыханного, не имевшего прецедента решения - запретить обсуждение в парторганизациях материалов XIV съезда. Оппозиция препятствовала распространению в Ленинграде газеты "Правда". Ее идейным рупором стала газета "Ленинградская правда". 25 декабря она в своей передовой призвала к неподчинению решениям съезда.

В ответ съезд 28 декабря принял "Обращение ко всем членам Ленинградской партийной организации", в котором дал принципиальную оценку провокационной деятельности оппозиции.

При тайном голосовании по выборам нового состава ЦК партии против Каменева, Троцкого и Зиновьева голосовала одна треть делегатов съезда. "Похоже, что голосование на съезде

партии пошло по национальному признаку", - заявил Зиновьев (Радомышельский).

Сталин опять был избран Генеральным секретарем, впервые в жизни сел в кресло председателя и открыл заседание высшего органа партийной власти. (До этого заседания Политбюро вел Каменев, председатель Совнаркома, по традиции, установившейся со времен Ленина).

Сталин зря времени не терял. Через две недели после съезда, 18 января 1926 года, власть в Ленинграде перешла от Зиновьева к другу и единомышленнику Сталина Сергею Мироновичу Кирову. Зиновьев был освобожден от всех должностей. Вскоре в Москве от всех должностей был освобожден и Каменев.

Оппозиционеры, используя свободу слова, стали дружно выступать в средствах массовой информации против Сталина. Троцкий, Зиновьев и Каменев на стихийных митингах пытались дезорганизовать работу руководящего штаба партии, втягивали его членов в новые и новые бесконечные дискуссии, устраивали нелегальные собрания, создавали подпольные группы, распространяли фракционные документы.

6 июня 1926 года в лесу под Москвой было проведено собрание оппозиционеров. Позаботились о пароле, патрулях, других средствах конспирации. Был причастен к организации собрания Зиновьев, а кандидат в члены ЦК, заместитель председателя РВС СССР Лашевич на собрании призывал к борьбе с Центральным Комитетом.

В конце мая Сталин уехал в Грузию. 2-го июня он отправился смотреть Земо-Авчальскую ГЭС - первенца гидростроения Закавказья. Осмотрев станцию, Сталин записал в Книге почетных посетителей на грузинском языке: "Да здравствует наше строительство и рабочие, техники, инженеры, работающие на нем!"

Вечером 3 июня Сталин побывал на спектакле Тифлисского государственного оперного театра. В антракте он беседовал с композитором Баланчивадзе о его опере "Тамар Цбие-ре" и вообще о грузинской оперной музыке. Сталин заметил, что влияние произведений русских композиторов, в особенности Чайковского, на творчество грузинских композиторов очень заметно, и это наиболее верный, плодотворный путь для грузинской музыки.

8 июня на собрании рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса, там, где он когда-то начинал путь революционера, Сталин выступил с речью о международном положении и внешней политике.

В Москву Сталин выехал 4 июля. Там его ждали важные дела.

На Пленуме ЦК 14 - 23 июля оппозиционеры вновь выступили против Сталина. В речи 22 июля он, отвергая требование Зиновьева отменить резолюцию X съезда "О единстве партии", показал, что линия троцкистского-зиновьевского блока не имеет ничего общего с ленинизмом, а требование свободы фракций и группировок тождественно лишению партии возможности руководить политической и экономической жизнью страны. Сталин подчеркивал:

- Партия может и должна допустить в своей среде критику, борьбу мнений. Но она не может допустить того, чтобы ее решения срывались, ее рамки ломались, основы единства разрушались...

Оппозиционеры опять подняли вопрос о "завещании Ленина". Они пытались использовать содержащуюся в этом письме критику особенностей характера Сталина, надеясь таким образом подорвать его авторитет.

Фракционеры распространяли "Завещание" Ленина (так они называли письмо) без соответствующих мест, в которых указывалось на небольшевизм Троцкого и предательское поведение Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года.

По поручению Политбюро Сталин зачитал на Пленуме полный текст письма Ленина "К съезду".

Прения на Пленуме были длительными и горячими. С разоблачениями оппозиционеров выступили С. М. Киров, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак и многие другие. Оппозиционеры получили серьезное предупреждение: Зиновьев был выведен из Политбюро, Лашевич исключен из состава ЦК и снят с поста заместителя председателя РВС СССР, другие участники нелегального собрания в лесу под Москвой получили взыскания.

На заседании Политбюро 11 октября 1926 года Сталин говорил:

- Не подлежит сомнению, что оппозиция потерпела жестокое поражение. Ясно также, что возмущение в рядах партии против оппозиции растет.

Пленум ЦК в конце октября признал невозможным дальнейшее пребывание Зиновьева в Коминтерне, а Каменева и Троцкого - в составе Политбюро.

Тут впервые в истории большевистской партии возник пресловутый "еврейский вопрос". Дело в том, что среди троцкистов и зиновьевцев преобладание евреев было уж слишком очевидным. Осмотрительный Сталин не преминул сделать по этому поводу оговорку: "Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они

оппозиционеры". И все равно Сталина обвиняли в антисемитизме.

Конечно, как человек, выросший в недрах православной культуры, и человек, широко информированный, он не мог не знать и не понимать, какова роль мирового сионизма. Но это совсем не то, что примитивный антисемитизм, в котором его облыжно упрекают. Если бы Сталин был антисемитом, он не потерпел бы рядом долгие годы Кагановича и Михлиса, которых очень уважал и ценил. Многие соратники Сталина были женаты на еврейках - будь он антисемитом, при его властности, он этого не допустил бы. Например, были еврейками: жена Молотова - Жемчужина, Ворошилова - Горбман, Калинина Лорберг, Кирова - Маркус, Куйбышева - Коган, Каменева - Бронштейн (сестра Троцкого), Суслова - Судзимирская и так далее, у других государственных деятелей и военачальников.

Не раз высказывалось мнение, что это не случайно, что "дочери иеговы" подставлялись и продвигались в подруги жизни к влиятельным людям в соответствии с хорошо продуманным и организованным планом на этот счет, который разработан и осуществляется единым сионистским центром, теми, кого мы называли "Они".

Не имея на то документальных доказательств (кроме фактов самой жизни), не будем углубляться в эту щекотливую, хотя и очевидную тему.

Великая заслуга Сталина перед народами, населяющими Россию, и особенно перед русским народом, перед историей, заключается в том, что он разглядел, понял и отважился на борьбу с сионистским нашествием под видом "мировой революции".

Стратегическая гениальность Сталина проявилась в терпении и выдержке, когда он, не обладая еще решающей властью (она была у Троцкого и его единомышленников), вел дискуссии и споры с оппозиционерами, постепенно укрепляя свою власть, подбирая соратников, завоевывая доверие партии и народа.

Решительность и твердость Сталина в достижении поставленной цели строительстве социализма - проявилась в беспощадной борьбе с явными и скрытыми врагами, вплоть до террора по отношению к активным заговорщикам.

Сталин спас страну от сионистского нашествия, агентура которого уже проникла во все сферы партийного, государственного аппаратта, карательных органов, профсоюзов и творческих организаций. Эта его победа может быть приравнена к победе над германским нашествием 1941-1945 годов.

Сионисты никогда не забудут поражения, которое нанес им Сталин. В наши дни и вечно они будут поносить, очернять,

обливать желчью Сталина, потому что он их лишил очень важного, почти достигнутого продвижения к заветной цели - мировому господству через захват России.

Сталин не дал им возможности разрушить Российское государство и создать на его территории свою "землю обетованную".

Борьба за армию

Постепенно укрепляя свои позиции в партии, Сталин с большим опасением воспринимал положение в армии, где полностью господствовал Троцкий председатель Реввоенсовета СССР и народный комиссар по военным и морским делам В годы гражданской войны Троцкий создал себе огромную популярность и власть. Почти на все руководящие командные и политические должности он назначил преданных ему людей.

Сталина военные знали как партийного руководителя, его влияние на армию было слабым.

В борьбе, которая шла между троцкистами и сталинцами, армия могла оказаться решающей силой. Сталин это понимал и в 1923 году сделал первую попытку ослабить позиции Троцкого. На очередном пленуме было предложено включить в состав РВС несколько членов ЦК, а так же создать при председателе РВС исполнительный орган, в который входили бы члены ЦК (и Сталин в их числе).

Троцкий категорически возражал против этих предложений и даже обратился с письмом в Центральную Контрольную комиссию ЦК, в котором обвинил партийный аппарат во главе со Сталиным не в реформе Реввоенсовета, а в личных против него, Троцкого, происках - и вообще, Сталин допускает много серьезных просчетов в экономической и военной политике.

Оппозиция, наращивая демарш Троцкого против Сталина, послала в Политбюро "Заявление 46-ти". В нем сорок шесть видных военных и партийных деятелей поддерживали Троцкого.

Письмо было троцкистами размножено, разослано в партийные организации и воинские части и вызвало острую дискуссию.

Сталин не имел еще широкой поддержки в военных кругах, более высокое влияние у него было в региональных организациях. Он созвал (в октябре 1923 года) Пленум ЦК РКП(б), на котором изложил суть возникших противоречий как попытку Троцкого создать кризис в партии, подорвать ее единство. Пленум поддержал Сталина, осудил фракционеров, в том числе и "Заявление 46-ти".

Свой успех Сталин закрепил на XIII Всесоюзной партконференции в январе 1924 года, в ее резолюции

фракционеров не только осудили, но потребовали "карать их сурово".

Однако сам Троцкий оставался на прежних руководящих постах в армии. Сталин стал искать возможность ослабить его влияние среди военных. Мощным оружием в руках Троцкого было Политическое управление Реввоенсовета, которое возглавлял Антонов-Овсеенко - верный соратник Троцкого, он призывал армейских коммунистов выразить недоверие ЦК, чем, по сути дела, игнорировал решения Пленума и Всероссийской конференции. Сталин, опираясь на эти решения, добился освобождения Антонова-Овсеенко от должности как фракционера.

Встал вопрос, кого назначить на этот важный и ответственный пост? Сталин посоветовался со своими единомышленниками Ворошиловым и Буденным.

- Может быть, Бубнова назначить? - спросил Климент Ефремович.

- Он же подписал "Заявление 46-ти", - возразил Сталин.

- Подписал, но он не троцкист, я его по гражданской войне хорошо знаю, - сказал Буденный, - наш мужик.

- Он не раз поддерживал оппозиционеров, - настаивал Сталин.

Ворошилов поддержал Буденного:

- Я тоже Бубнова знаю как честного коммуниста, не раз с ним откровенно говорил. После смерти Ленина он твердо стоит на наших позициях. А то, что он раньше с троцкистами якшался, даже хорошо: Троцкий не будет возражать против его назначения.

Сталин встретился с Бубновым, убедился в его лояльности. Для упрочения позиции нового начальника Политуправления была назначена комиссия ЦК с задачей - обследовать положение в армии. В комиссию были включены: А. А. Андреев (председатель), А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, Н. М. Шверник.

Сторонники Сталина провели глубокую и, прямо скажем, пристрастную ревизию в Вооруженных Силах, итоги обсуждались на февральском Пленуме ЦК 1924 года, они были буквально разгромными, в резолюции было отмечено об "угрожающих развалом армии" недостатках, и дана установка на проведение широкого комплекса мероприятий по оздоровлению и укреплению Вооруженных Сил. Проводить в жизнь эти решения было поручено М. В. Фрунзе, назначенному заместителем Троцкого (вместо его сторонника Склянского). Фрунзе также был назначен по совместительству начальником штаба РККА и начальником Военной академии. Председателем Реввоенсовета пока оставался Троцкий, но в состав РВС СССР Сталин продвинул

своих сторонников: Ворошилова, Буденного, Бубнова, Орджоникидзе. Вскоре Сталину удалось через новый состав РВС сменить командующего Московским военным округом - вместо троцкиста Муралева был назначен К. Е. Ворошилов.

Бубнов, укрепляя позиции сталинистов, работал очень активно и плодотворно, в мае 1924 года была создана комиссия под его председательством, она почистила преподавательский состав академий.

Но все же главная сила армии - ее воинские соединения и части - еще возглавлялись сторонниками Троцкого, особенно много их было среди комиссаров. Следовало найти способ избавиться от этой сильной прослойки в армии. И Сталин нашел хорошо обоснованный, законный, якобы подсказанный практикой повод. В его адрес поступила докладная записка, составленная четырнадцатью высшими военачальниками, среди них были герои гражданской войны: Дыбенко, Федь-ко, Вострецов, Фабрициус, Гай и другие. Они предлагали немедленно ввести в Красной Армии единоначалие... т. е. упразднить институт комиссаров. Объяснили они это предложение тем, что комиссары выполнили свою миссию как политические руководители, теперь опытные командиры, в большинстве коммунисты, не нуждаются в опеке. Тем более что комиссары превратились в доносчиков и склочников, влезая в бытовые дрязги.

По тому, как своевременно появилось это письмо, по его соответствию замыслу Сталина, по личностям подписантов (среди них не было ни одного троцкиста) можно предположить, что документ этот был инспирирован самим Генсеком. Предположение это подкрепляется еще и тем, что сам Сталин не стал принимать меры, а направил докладную в Политуправление - Бубнову - с просьбой изложить свои соображения.

Не знаю, по договоренности со Сталиным (чтобы усыпить бдительность Троцкого) или по своей инициативе (с той же целью) Бубнов сначала не согласился с предложением военачальников. Он мотивировал это тем, что однажды нечто подобное предпринималось самим Троцким в 1923 году, его приказом No 511 допускалось отсутствие комиссара даже при беспартийном командире. Тогда этот приказ был признан ошибочным и отменен. Поэтому Бубнов спрашивал: "Не исказим ли мы теперь линию партии?" Он опасался, что немедленное устранение комиссаров коснется многих и может вызвать взрыв недовольства, и предлагал постепенное проведение в жизнь единоначалия.

По сути дела это была игра слов, на деле Бубнов не возражал докладной 14-ти, а еще круче проводил в жизнь линию Сталина,

потому что предлагал хорошо подготовить командиров-единоначальников в политическом отношении, что на практике означало не допустить в их число троцкистов.

В июне 1924 года была создана Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) под председательством Бубнова (!) с исключительно иными полномочиями по определению политических и деловых качеств командиров-единоначальников и всего начальствующего состава армии и флота. Основным методом работы комиссии и ее подкомиссий (не доверяя анкетам и бумагам) было личное общение с военнослужащими в частях и учреждениях. При этом велась широкая разъяснительная работа через газеты, чтобы беспартийные командиры и комиссары, не стоящие на троцкистских позициях, не опасались за свое будущее: они могут стать полноценными единоначальниками.

Параллельно с этой очистительной работой проводилась широкая агитационно-пропагандистская работа - в частях снимались транспаранты и плакаты, изображающие Троцкого как "вождя Красной Армии", менялась тематика политза-нятий (вместо темы "Троцкий - вождь Красной Армии" предлагалась "Вождь Красной Армии - РВС СССР". Позднее и это было заменено - на "руководство партией". Брошюра Бубнова "Воинская дисциплина и партийная организация" ставила все точки над "и", утверждая приоритет за парторганами в армии.

В ноябре 1924 года состоялось совещание начальников политорганов армии и флота (обновленных и очищенных), в резолюции совещания осуждался троцкизм и его намерение оторвать армию от партии, предлагалось поставить на пленуме ЦК вопрос о снятии Троцкого с высоких постов. В январе 1925 года Пленум ЦК рассмотрел это предложение, поддержанное парторганизациями Москвы, Минска, Киева, Тбилиси, Баку и других городов, и освободил Троцкого от обязанностей председателя РВС и наркомвоенмора СССР. На эту должность был назначен М. В. Фрунзе, а его заместителем - К. Е. Ворошилов.

Сталин довел свою линию до полного логического конца:

Политуправление было выведено из состава РВС и становилось Политуправлением РККА с правами отдела ЦК РКП(б). Его начальник А. С. Бубнов избран секретарем ЦК. Все связи армейских партийных организаций с местными партийными (гражданскими) комитетами ликвидированы. Отныне партийные органы армии подчинялись непосредственно ЦК и ее Генеральному секретарю Сталину.

Надо признать, эту гигантскую работу Иосиф Виссарионович осуществил в невероятно трудных условиях превосходства Троцкого и его оппозиции в армии и на флоте. Только тонкая и

последовательная тактика Сталина и его сторонников привела к исторической победе. Отныне и до последнего вздоха Сталин был единоначальником Красной, а позднее Советской Армии и стал ее Генералиссимусом.

Все это он проделал, как поется в "Интернационале", "своею собственной рукой". Крепкая была рука, ничего не скажешь!

Однако, преодолев культ Троцкого, партия не избавилась от этой болезни, которая постепенно переросла в культ Сталина. Что было, то было, нельзя и не надо это отрицать. Началось преувеличение военных заслуг Сталина статьей Ворошилова "Сталин и Красная Армия", которая была опубликована в 1930 году. В ней Сталину приписывалась руководящая роль в создании Красной Армии, что не соответствовало действительности. Участие его на фронтах в годы гражданской войны преувеличенно преподносилось как события главные, решающие.

Продолжил это недоброе дело (в конечном счете не возвышающее, а компрометирующее Сталина) Мехлис, который, будучи главным редактором "Правды", год от года наращивал хвалебный накал в центральном печатном органе ЦК.

Сталин в беседах с писателями и журналистами иронизировал над этими безмерными комплиментами в свой адрес, но решительных мер против разгорающегося культа своевременно не принял, за что позднее получил вполне справедливые упреки и осуждения.

Коллективизация

На моем столе лежат четыре тома "Архивов Троцкого", в них собраны документы 1923-1927 гг., относящиеся к "Коммунистической оппозиции в СССР". Троцкий вывез их из нашей страны, а в августе 1940 года продал Гарвардскому университету.

Из огромного архива Троцкого в эти 4 тома собраны копии постановлений Политбюро, различные "обращения" Троцкого и письма к нему, всё имеющее отношение к борьбе за власть в советском руководстве в тридцатые годы.

В этих документах ставились какие-то вопросы или отрицались уже решенные на пленумах и съездах. На деле это приводило к бесконечной дискуссии, запутывало и мешало работать. Все устали от бесполезных дебатов. Но Троцкий выступал за продолжение фракционной борьбы. 3 октября 1926 года он написал пространную специальную статью "Нужна ли дискуссия?" Привожу выдержки из нее, с большими сокращениями.

Нужна ли дискуссия?

Сейчас ведется в партии неистовая борьба сверху против

дискуссии вообще. "Правда" доказывает в статьях, что дискуссия вредна и опасна. Но никто не указывает, как же иначе решить спорные вопросы...

"Правда" и ораторы, выступающие против дискуссии, говорят: все эти вопросы уже решены партией, XIV съездом, пленумами ЦК и пр. Но вся суть в том, что после XIV съезда прошло уже десять месяцев.

Далее Троцкий совершенно игнорирует уставное положение партии о том, что принятые на съезде решения (после коллективного обсуждения) должны выполняться всеми членами партии, а не обсуждаться.

Троцкий на двух страницах опять перечисляет и ставит вопросы, по поводу которых все уже наговорились сверх меры.

Лев Давидович не забывает, что есть определенная дисциплина в партии:

Можно сказать, что меньшинство Центрального Комитета должно подчиняться большинству. Это совершенно бесспорно. Можно утверждать, что такие-то члены Центрального Комитета нарушили дисциплину. Их за это можно подвергнуть взысканию. Но это не снимает вопроса о партийном съезде. Вопрос идет о том, чтобы дать возможность партии проверить свои старые решения в свете новых фактов, нового опыта.

Вся беда в том и состоит, что некоторые товарищи и, в частности, редакция "Правды" рассуждают так, как если бы кто-то мог вынести решение без партии. Дискуссия, говорят они, вредна и опасна. Но ведь это значит попросту, что вредно и опасно обсуждение партией спорных вопросов. Как же быть в случае разногласий? На этот вопрос никакого ответа нам не дают. Надо принять все меры к тому, чтобы обеспечить правильный партийный курс дискуссии. Но кто хочет обойти дискуссию, тот тем самым хочет обойти партию. За партию решать вопроса никто не может. Дискуссировать надо не о дискуссии, а об основных жизненных вопросах, от которых зависит судьба пролетариата и социалистического строительства в нашей стране.

Л. Троцкий Октябрь 1926 г.

Даже в сокращенном виде статья дает представление о Троцком как умелом полемисте. Дискуссии и споры продолжались. Троцкий направил письмо председателю ЦКК Орджоникидзе, в котором ставил вопрос об обороне СССР. Он требует замены руководства в партии потому, что в стране наступил термидор.

Термидор - некалендарный месяц республиканского календаря Франции (19 июля - 18 августа), месяц переворота, сломившего диктатуру Робеспьера. Это был переломный момент

политической борьбы во Франции, в результате которого был свален абсолютизм.

Троцкий, продолжая обвинять Сталина в захвате абсолютной власти, настаивает на том, что для спасения партии пришло время термидора, то есть отстранения Сталина от руководства.

В своем двухтомном сочинении "Сталин" Троцкий на протяжении многих страниц пытается доказать, что Сталин был по своим способностям серой посредственностью, плохим оратором не только из-за невысокой образованности, но еще будучи постоянно скованным слабым владением русским языком.

Мне кажется правомерным не опровергать это утверждение Троцкого голословно, а привести отрывок из выступления Сталина в те дни.

Сталин употреблял пословицы, шутил, был склонен к сарказму, даже некой издевке над оппонентами. Вот как он характеризует выступление Каменева на конференции:

- Каменев взял на себя "труд" доказать, что основная статья Ленина (1915 г.), трактующая о возможности победы социализма в одной стране, не касается будто бы России, что Ленин, говоря о такой возможности, имел в виду не Россию, а другие капиталистические страны. Каменев взял на себя этот сомнительный "труд" для того, чтобы прочистить, таким образом, путь Троцкому, "схему" которого убивает, и не может не убивать, статья Ленина, написанная в 1915 году.

- Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого (смех), прочищающего ему дорогу. Конечно, печально видеть директора Института Ленина в роли дворника у Троцкого не потому, что труд дворника представляет что-либо плохое, а потому, что Каменев, человек, несомненно, квалифицированный, я думаю, мог бы заняться другим, более квалифицированным трудом. (Смех). Но он взял на себя эту роль добровольно, на что он имел, конечно, полное право, и с этим ничего не поделаешь...

Далее Сталин уже серьезно, без шуток, а фактами и ссылками на работы Ленина доказал беспочвенность устремлений "дворника" Каменева и "хозяина" Троцкого.

Закончил он так:

- Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле (смех), и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле. Но одно все-таки надо признать, что Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых "мелочей". Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать

такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту "мелочь", что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели. Этого они не услышали. (Голоса: "Правильно!")

- Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. (Смех).

- Отсюда мой совет: уважаемые оппозиционеры, лечите свои уши! (Продолжительные аплодисменты).

Вместо того чтобы решать народнохозяйственные задачи и выполнять решение съезда об индустриализации, оппозиционеры продолжали расшатывать единство партии, навязывали всякие дискуссии, дискредитировали ЦК и Сталина. В сентябре 1927 года они направили в ЦК ВКП(б) "Платформу 13". Она называлась так потому, что ее подписали тринадцать троцкистов, в том числе Каменев, Зиновьев, Троцкий и другие. Платформа представляла собой программу на многих страницах, официально она называлась "Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиция) к XV съезду ВКП(б)", в скобках ("Кризис партии, пути его преодоления"). Почти на ста страницах в двенадцати разделах излагались подробно вопросы международные, народнохозяйственные, партийные и главное - борьба за власть и смещение Сталина.

Платформа представляла собой очень путаный документ, в котором правильные партийные положения были перемешаны с троцкистскими взглядами. Была в ней и подтасовка, и ложь - лишь бы привлечь на свою сторону широкие массы членов партии перед съездом.

Вот, например, как ради компрометации Сталина приписывались совершенно чуждые ему методы преобразований в деревне (цитирую по "Архиву Троцкого", т. 4, стр. 125):

Аграрный вопрос и социалистическое строительство

"Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе" (Ленин, 1920 год, т. XVII, стр. 118). Или пролетарское государство, опираясь на высокоразвитую промышленность, сумеет преодолеть техническую отсталость миллионов мелких и мельчайших хозяйств, организовав их на началах крупного производства и коллективизации, или капитализм, закрепившись в деревне, будет подтачивать основы социализма и в городах...

Опора на Ленина должна была привлечь коммунистов на сторону оппозиционеров. О том, что именно этим руководствовался и Сталин, умалчивается. Наоборот, в последующих абзацах Сталин преподносится как яркий

антиленинец и единомышленник Бухарина.

Ревизия ленинизма в крестьянском вопросе идет со стороны группы Сталина - Бухарина по следующим главнейшим линиям:

1. Отход от одного из основных положений марксизма о том, что только мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство на началах коллективизма. (А Сталин был именно за это! В. К.).

2. Недооценка батрачества и деревенской бедноты, как социальной базы диктатуры пролетариата в деревне. (И это Сталин утверждал! - В. К.).

3. Ставка в сельском хозяйстве на так называемого "крепкого" крестьянина, (то есть, по существу, на кулака. Никогда этого Сталин не говорил! - В. К.).

4. Игнорирование или прямое отрицание мелкобуржуазного характера крестьянской собственности и крестьянского хозяйства, что обозначает отход от позиций марксизма к теориям эсеров.

5. Недооценка капиталистических элементов развития нынешней деревни и затушевывание расслоения крестьянства.

6. Создание усыпляющей теории, будто "кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры. (Это утверждал Бухарин: "Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз", стр. 49, - но опять приписывали Сталину. - В. К.).

7. Курс на врастание "кулацких кооперативных гнезд в нашу систему". (Бухарин, там же, стр. 49. - В. К.). Проблема ставится так, что нужно развязывать хозяйственные возможности зажиточных крестьян, хозяйственные возможности кулаков. (Никогда Сталин этого не говорил. - В. К.).

Вот такое прямое провокационное жульничество против Сталина было замаскировано и в других разделах. Свою платформу оппортунисты требовали опубликовать для предсъездовской дискуссии.

Им было отказано, тогда они создали подпольные типографии в Москве, Харькове, Ленинграде и стали сами печатать эту платформу и другие материалы. Таким образом, оппозиционеры не только нарушали партийную дисциплину, но и советскую законность. В Москве была обнаружена нелегальная типография, созданная Мрачковским. Его арестовали. Троцкий стал защищать, публично солидаризировался с подпольщиками, хвалил их, называя честными борцами.

21-23 октября объединенный Пленум ЦК и ЦКК рассмотрел вопрос об оппозиции. Был заслушан доклад о фракционной деятельности Троцкого и Зиновьева. Состоялись прения,

предоставили возможность высказаться и оппозиционерам. Они повторяли свои заученные обвинения в адрес партии и ее руководства.

Выступая на пленуме, Сталин сказал:

- Прежде всего, о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко. И вот они направляют удар, прежде всего, против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье...

- Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушить партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности...

Оппозиционеры вновь подняли вопрос об утаивании "завещания", о критических замечаниях Ленина в адрес Сталина. Сталин доказал, что и речи не могло быть об "утаивании" от партии этого письма Ленина:

- Говорят, что в этом "завещании" товарищ Ленин предлагал съезду, ввиду "грубости" Сталина, обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании Пленума ЦК после XIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

- Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться...

Пленум рассмотрел вопрос о подпольной фракционной работе Троцкого и Зиновьева, вывел их из состава ЦК. Но они не только продолжали дискуссии, а начали прямые выступления. 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октября, оппозиционеры организовали свои контрманифестации в Москве и Ленинграде.

Милиция спасла оппозиционеров от гнева рабочих, иначе их просто-напросто избили бы.

2 декабря 1927 года открылся XV съезд партии. В отчетном докладе Сталин говорил о главном: успешно осуществлялась программа индустриализации - создана угольно-металлургическая база страны, строятся Сталинградский тракторный, Уралмашстрой, Днепрострой, Магнитогорскстрой, Кузнецк-строй, Ростовский сельмашстрой, Саратовский комбайнст-рой, автомобильные заводы в Горьком и в Москве, Турксиб, идут и многие другие, менее масштабные стройки. И все это без иностранных кредитов! Трудности были огромные: недоедали, недосыпали, жили в бараках, - но энтузиазм был великий - верили в светлое будущее, верили Сталину, одобряли его политику.

Сталин указал на отставание сельского хозяйства от промышленности и наметил выход из этого угрожающего всему народному хозяйству положения.

- Выход, - говорил Сталин, - в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники.

- Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия.

- Других выходов нет.

Вспомните, что приписывали Сталину в аграрном вопросе оппозиционеры в приведенной выше цитате из "Архива Троцкого".

XV съезд вынес решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. В то же время съезд дал директиву о составлении первого пятилетнего плана народного хозяйства. Так в самый разгар создания социалистической индустрии Сталиным была намечена новая грандиозная задача - коллективизация сельского хозяйства.

Был в докладе Сталина и раздел "Партия и оппозиция". Приведу отрывки из стенограммы, в них видны итоги предсъездовской дискуссии и отношение делегатов.

- Вы спрашиваете: почему мы исключили Троцкого и Зиновьева из партии? Потому, что мы не хотим иметь в партии дворян. Потому, что закон у нас в партии один, и все члены партии равны в своих правах. (Возгласы: "Правильно!"

Продолжительные аплодисменты).

- Если оппозиция желает жить в партии, пусть она подчиняется воле партии, ее законам, ее указаниям без оговорок, без экивоков. Не хочет она этого - пусть уходит туда, где ей привольнее будет. (Голоса: "Правильно!" Аплодисменты). Новых законов, льготных для оппозиции, мы не хотим и не будем создавать. (Аплодисменты).

- Спрашивают об условиях. Условие у нас одно: оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном и в организационном отношении. (Возгласы: "Правильно!" Продолжительные аплодисменты).

- Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром. (Возгласы: "Правильно!" Продолжительные аплодисменты).

Много написано о коллективизации, и особенно о репрессивных методах. Что было, то было, нельзя отрицать нажима, принудительных мер, да и арестов и ссылок. Сотни тысяч людей пострадали от крутых мер при создании колхозов. Но был ли другой путь? И кто проводил репрессии?

Ответим на первый вопрос.

Сталин помнил, какие огромные, порой катастрофические, трудности испытывала страна, и особенно армия, в годы гражданской войны из-за нехватки хлеба. Не раз вставал вопрос - быть или не быть молодой республике. Собрать хлеб у единоличников было делом очень хлопотным: продразверстки, налоги, просто силовые поборы отталкивали крестьян от партии, а в основе ее политики лежал постулат - союз рабочих и крестьян. Какой же это союз, когда один "союзник" из города приходит на село с винтовкой и отбирает хлебушек?

В годы "военного коммунизма" это еще как-то можно было объяснить. В мирное же время, и особенно в будущем, следовало искать другой путь. Сталин и его соратники нашли его в коллективизации сельского хозяйства, которая позволяла, благодаря применению техники, удобрений, высокой организации труда, повысить продуктивность, но что особенно важно - планово распределять и перераспределять зерно и другие продукты в случае неурожая в каких-то районах. И опять подчеркну стратегическую дальновидность Сталина: плановое, централизованное ведение сельского хозяйства позволяло создавать стратегические запасы, а в случае войны - бесперебойно снабжать армию продовольствием. Сталин постоянно напоминал о капиталистическом окружении и угрозе войны.

Теперь ответим на второй вопрос.

Практическое осуществление коллективизации шло очень

болезненно, веками приросшие к своей земле крестьяне не хотели объединяться в колхозы. Если беднота после некоторого колебания шла на объединение с другими (терять-то нечего), то середняки, и особенно кулаки, отказывались обобществлять свои хозяйства. Вот и появились нажим, отклонение от намеченной программы добровольного вступления в колхоз.

Сегодня все перегибы и репрессии в период коллективизации приписывают Сталину. Однако документы и факты не подтверждают этого. Нет ни одного выступления, в котором Сталин призывал бы к крайностям и силовым методам. Напротив, известно немало документов, написанных Сталиным или разработанных при его личном участии и свидетельствующих об обратном.

Так, 30 января 1930 года крайкомам и обкомам ВКП(б) зерновых районов страны была направлена директива ЦК за подписью Сталина, в которой местных работников предупреждали: "С мест получаются сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии".

2 марта 1930 года была опубликована знаменитая статья Сталина "Головокружение от успехов", в которой допущенные ошибки и перегибы резко осуждались.

Почему же было так много искривлений на местах? Почему о коллективизации остались такие неприятные, негативные воспоминания?

Придется нам опять взглянуть на подводную часть айсберга. На поверхности: все коммунисты произносили нужные речи, агитировали за колхозы. Но действительность постоянно напоминала о том, что не все коммунисты одинаковы на деле. Оппозиция в период коллективизации, как и прежде, применяла тактику компрометации большевиков путем доведения до абсурда решений съезда и указаний ЦК. Оппозиционеры распространяли слухи и сплетни о том, что в колхозах все будет общее, даже жены, которых будут отпускать во временное пользование по талонам или карточкам. Спать колхозники будут

под общими одеялами. Сочинялись и прочие пугающие нелепости. Обобществление проводили вплоть до кур и мелкой живности. Все это людей отвращало, отталкивало от вступления в колхозы, чего и добивались оппозиционеры.

Абсурдность достигалась сверхреволюционными перегибами или, наоборот, вселением недоверия, порождением упаднических настроений. Сталин видел это двурушничество оппозиционеров и на пленуме в ноябре 1928 года говорил:

- Если, например, правые говорят: "Не надо было строить Днепрострой", а "левые", наоборот, возражают: "Что нам один Днепрострой, подавайте нам каждый год по Днепрострою"

(смех), - то надо признать, что разница, очевидно, есть.

- Если правые говорят: "Не тронь кулака, дай ему свободно развиваться", а "левые", наоборот, возражают: "Бей не только кулака, но и середняка, потому что он такой же частный собственник, как и кулак", - то надо признать, что разница, очевидно, есть.

- Если правые говорят: "Наступили трудности, не пора ли спасовать", а "левые", наоборот, возражают: "Что нам трудности, чихать нам на ваши трудности - летим вовсю вперед" (смех), - то надо признать, что разница, очевидно, есть...

Как выяснилось позднее, оппозиционеры перешли в годы коллективизации к активным контрреволюционным действиям. Используя недовольство кулаков и отчасти середняков, троцкисты, бухаринцы и прочие стремились разжечь гражданскую войну путем организации восстаний. Вот что показал об этом на суде Рыков.

Рыков: - Мы с Бухариным выступали открыто, об остальных я не могу сказать - были ли открытые выступления в защиту программы правых.

-- В этот период так называемой открытой борьбы, наряду с легальной, открытой борьбой сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Создался он сам по себе, потому что мы трое принадлежали к одному составу Политбюро. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр удержался и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

- Нелегальная работа заключалась в том, что такие же группы в тот период - с 1928 по 1930 год - стали создаваться и на территории Союза.

- Главными составными частями того, что вошло в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности, со своими учениками, с его "школой", потом я с целым

рядом своих сторонников, затем Угланов с группой своих сторонников из москвичей. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шло накопление этой организации и использование открытых выступлений для вербовки сторонников и создания определенной популярности организации.

- В этих целях, в целях борьбы с партией, мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию. После того как было вынесено решение съезда партии о несовместимости взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

- Таким образом, с 1930 года контрреволюционная организация была нелегальной на 100 процентов, ее работа была построена на обмане партии.

Вышинский: - Так что, обман партии - это была широко практиковавшаяся вами система?

Рыков: - Да, конечно, это была система, которая практиковалась очень широко.

(После словесных баталий, в которых, как говорит Рыков, троцкисты успеха не имели, они перешли к активным действиям).

Рыков: - Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание, как в связи с большим удельным весом казачества и зажиточного крестьянства и специфическими традициями, так и ввиду его политического и хозяйственного значения, как области, граничащей с Украиной, имеющей большое количество национальных республик и дающей большое количество хлеба.

- Туда в 1932 году ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении, так как оно развивалось там довольно сильно. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора со мной, с целью, как я уже сказал, всемерного обострения кулацкого движения на Северном Кавказе и содействия его распространению. После этого он мне сообщил, что связался с Пивова-ровым, и туда, кроме Эйсмонта, был послан Слепков, один из видных членов бухаринской организации. Он был послан с ведома и по инициативе Бухарина.

Вышинский: - С ведома Бухарина?

Рыков: - По его инициативе, по-моему, Бухарин не будет от этого отказываться. Я послал Эйсмонта и Смирнова, а он послал Слепкова.

Вышинский: - С какими конкретными заданиями поехал Слепков?

Рыков: - Подробные задания давал Бухарин, но основное

задание было, как я уже сказал, - всемерное обострение недовольства кулаков, вплоть до всякого рода открытых выступлений.

Вышинский: - То есть, иначе говоря, для организации кулацких выступлений, кулацких восстаний?

Рыков: - Конечно. Я это и сказал. Только в тех случаях, когда нет данных для вооруженных выступлений, тогда устраивать невооруженные выступления.

Вышинский: - Бухарин давал задание?

Рыков: - Бухарин давал с нашего ведома, так что я считаю себя за это полностью ответственным.

Вышинский: - Что вы скажете, подсудимый Бухарин?

Бухарин: - Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор Рыков. Слепков посылался на Северный Кавказ именно для этой цели.

Вышинский: - Вопрос о "повстанческой ориентации". Что это такое "повстанческая ориентация"?

Бухарин: - Это означает, что во всякой линии есть стратегия, тактика, организация и так далее. Повстанческий отряд - это есть категория организации, а не категория стратегии и даже не категория тактики. В своей терминологии я обычно различаю это, потому что мне кажется, что это можно различать...

Вышинский: - Понятно, можно. Но я спрашиваю: в вашей деятельности была линия на повстанческое движение? Это вы называете "повстанческая ориентация"?

Бухарин: - Да. Тактика.

Вышинский: - А организация повстанческих отрядов вы текала из этой тактики'

Бухарин: - Да, она вытекала...

В зарубежной печати были предположения, что подсудимые высказывали признания своей вины под влиянием каких-то психологических или даже лекарственных средств. Что обвиняемые выглядели подавленными. Это не соответствует тому, что происходило в действительности. Вот пример, в какой резкой форме отвечал Бухарин.

Вышинский: - Иванов это говорит, а вы утверждаете, что прямых директив вы Иванову не давали, но у вас была "повстанческая ориентация".

Бухарин: - Совершенно понятно, что из этой ориентации вытекают для практика и соответствующие выводы. Если я делаю такую ориентацию, то я отвечаю и за выводы, которые мною не сказаны. Так что с точки зрения криминала я прошу судить меня и за то и за другое, я отвечу.

Вышинский: - Судить и без вашего ходатайства мы будем.

Бухарин: - Совершенно верно, и без моего ходатайства. Я не считаю место и время особенно удобными для острот. Острить я тоже способен...

Вышинский: - Я не думаю острить и с вами состязаться в этом отношении. Я только хочу сказать, что ваше ходатайство не имеет существенного значения, ибо вас будут судить независимо от ваших ходатайств.

Бухарин: - Это я даже без компетентных разъяснений знаю, гражданин прокурор.

Вышинский: - Если вы знаете, то напрасно говорите это. Я вас спрашиваю иное: вы, следовательно, признаете, что показания Иванова в части линии ориентации на повстанческое движение - правильны?

Бухарин: - Да, гражданин прокурор.

Вышинский: - В какой форме вы ориентировали Иванова относительно ваших повстанческих планов?

Бухарин: - Я ориентировал Иванова исключительно в форме стратегии и тактики.

Вышинский: - А если говорить без этих слов - стратегия и тактика?

Бухарин: - Я говорил, что теперь наступил такой период, когда необходимо перейти к массовой тактике, поддержке повстанческих кулацких движений и так далее.

Вышинский: - Вот я и хотел это установить. Вы признаете, что вы говорили с Ивановым о том, что надо поддерживать повстанческие, всякого рода кулацкие движения?

Бухарин: - Признаю.

Вышинский: - Стало быть, весной 1932 года по прямому заданию центра, и в частности Рыкова и Бухарина, направляется на Северный Кавказ один из ваших ближайших соучастников по подполью Слепков для всемерной, как сказал Рыков, организации кулацких выступлений. Правильно это?

Бухарин: - Я уже сказал, что подтверждаю от первого до последнего слова все то, что сказал здесь Рыков.

Вышинский: - Следовательно, вы послали Слепкова для организации кулацких восстаний на Северном Кавказе?

Бухарин: - Следовательно, послал для того, чтобы поднять восстание.

Вышинский: - Теперь можно перейти к Сибири...

В Сибири оппозиционеры проводили аналогичные "мероприятия".

Наряду с организацией массовых повстанческих вспышек, оппозиционеры вели широкую кампанию по возбуждению недовольства среди крестьян. Якобы руководствуясь решениями

партии о проведении коллективизации и демонстрируя свое деловое рвение в этом направлении (а на самом деле, опять-таки, доводя до абсурда), троцкисты и сионисты (вспомните влитых в РКП(б) членов еврейской компартии - они теперь были секретарями горкомов, райкомов, прокурорами, судьями), желая озлобить и натравить народы против большевиков и особенно против Сталина, репрессировали не только кулаков, но середняков и бедняков, которые неосторожным словом обмолвились о коллективизации или о тех же перегибщиках, извращающих добрые начинания партии.

Троцкисты и сионисты провели настоящий геноцид по отношению к местному населению по всей стране. Тысячи русских, украинцев, белорусов, татар и других народов отправлялись в тюрьмы и лагеря. По сей день коллективизацию вспоминают почти в каждой сельской семье недобрым словом. Всё это лежит на совести оппозиционеров.

Вот неполный список виновников тех массовых репрессий против крестьянства. Привожу только руководящую верхушку оппозиционеров, более широкий слой палачей на местах еще предстоит выявить и обнародовать другим исследователям.

Комиссариат внутренних дел (ОГПУ):
Комиссар
Ягода Г. Г.
Помощник
Агранов Я. С. (Сорензон)
Начальник Главного управления милиции
Бельский Л. Н.
Начальник Главного управления лагерей и поселений
Берман М. Д.
Заместитель
Раппопорт С. Г.
Начальник Беломорских лагерей
Коган Л. И.
Начальник Беломорско-Балтийского лагеря
Фирин С. Г.
Начальник Главного управления тюрем
Апетер
Уполномоченные ОГПУ:
Азербайджана
- Пурине
Винницкой области
- Соколинский
Дальневосточного края
- Дерибас Т. Д.

Западной области
- Блат
Казахстана
- Золин
Киевской области
- Балицкий В. А.
Ленинградской области
- Заковский
Московской области
- Реденс
Оренбургской области
- Райский
Северо-кавказского края
- Фридберг
Смоленской области
- Нельке
Средней Азии
- Пилер
Сталинского края
- Раппопорт
Таджикистана
- Солоницин
Узбекистана
- Круковский
Харьковской области
- Карлсон
Видные работники ОГПУ - НКВД:
Абрамович А. А.
Дорфман А. Р.
Мейер Л. Н.
Абрампольский Г. Я.
Дымент Я. М.
Минкин А. Г.
Баумгарт В. С.
Зайдман В. Я.
Патер М. Л.
Берман М. Д.
Зайдман Д. Я
Путилик И. В.
Вайнштейн А. М.
Залин Л. А.
Розенберг С. А.
Вейцман И. Г.
Иванов И. И.

Рыбкин А. И.
Вейцман М. М.
Иезуитов М. С.
Сенкевич Э. И.
Водарский Е. А.
Иогансон Е. Г.
Сотников Ф. И.
Вольфзон Я. Ф.
Кац Ф. М.
Трилиссер М. А.
Вуль Л. Д.
Кацнельсон З. Б.
Формайстер А. Р.
Гиндин С. Г.
Кладовский Г. П.
Френкель Н. А.
Гинзбург Б. В.
Кудрик Л. М.
Шапиро А. Л.
Гольдштейн К. А.
Курин М. С.
Шпигельман Л. И.
Госкин М. Ф.
Курмин Ф. М.
Юсин И. Ф.
Гродисс Г. В.
Лебель М. И.

Подобные списки можно привести с фамилиями работников суда, прокуратуры, партийных органов в центре, в областях и районах.

Таким образом, все успехи и недостатки, допущенные при осуществлении коллективизации, следует поделить между Сталиным и Троцким. Причем на стороне Сталина, в его намерениях и делах, мы видим положительные меры добровольность, разъяснения. А у троцкистов, наоборот, - отрицательные, репрессивные действия, которые были направлены на срыв, на компрометацию коллективизации, что они полностью подтвердили на судебных процессах.

Выстрел в спину

7 ноября 1932 года, в XV годовщину Октябрьской революции, по традиции на Красной площади проводились парад войск и демонстрация трудящихся.

Сталин стоял на трибуне Мавзолея в окружении соратников. Его жена Надежда Сергеевна шла мимо трибуны в колонне

Промакадемии. Она была по-праздничному веселая. Помахала мужу рукой, вместе с другими кричала "ура!"

Минуя Мавзолей, Аллилуева на ходу попрощалась с товарищами и свернула на гостевую трибуну, - туда, где стояли жены других руководителей партии.

Все были радостны, празднично возбуждены.

Вечером состоялся официальный прием в Кремле с громкими тостами и концертом известных артистов. Надежда Сергеевна находилась рядом с мужем, иногда отлучалась поговорить с друзьями.

Ничто не предвещало беды.

После приема (на следующий день) Ворошилов пригласил близких друзей к себе на квартиру. Пришел и Сталин с женой.

Вот здесь и произошло непоправимое.

Много было разных слухов по этому поводу, в том числе и специально придуманных недоброжелателями.

Мне кажется, самым достоверным о происшедшем является рассказ дочери Сталина - Светланы.

"Анна Сергеевна (сестра мамы) говорит, что в самые последние недели, когда мама заканчивала Академию, у нее был план уехать к сестре в Харьков... чтобы устроиться по своей специальности и жить там. Анна Сергеевна все время повторяет, что у мамы это было настойчивой мыслью, что ей очень хотелось освободиться от своего "высокого положения", которое ее только угнетало. Это очень похоже на истину. Мама не принадлежала к числу практических женщин - то, что ей "давало" ее "положение", абсолютно не имело для нее значения.

...Мама стеснялась подъезжать к Академии на машине, стеснялась говорить там, кто она (и многие подолгу не знали, чья жена Надя Аллилуева). А в те годы вообще жизнь была куда проще, - отец еще ходил пешком по улицам, как все люди (правда, он больше любил всегда машину). Но и это казалось чрезмерным выпячиванием среди остальных. Она честно верила в правила и нормы партийной морали, предписывавшей партийцам скромный образ жизни. Она стремилась придерживаться этой морали, потому что это было близко ей самой, ее семье, ее родителям, ее воспитанию.

...Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала. Компромисс был не в ее характере. Она принадлежала сама к молодому поколению революции - к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех

прежних пороков. Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма, и вокруг нее было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением ее веру. И среди всех самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец. Таким он был в глазах юной гимназистки - только что вернувшийся из Сибири "несгибаемый революционер", друг ее родителей. Таким он был для нее долго, но не всегда...

И я думаю, что именно потому, что она была женщиной умной и внутренне бесконечно правдивой, она своим сердцем поняла, в конце концов, что отец, не тот новый человек, каким он ей казался в юности, и ее постигло здесь страшное, опустошающее разочарование..."

В Промакадемии преподавали профессора, в большинстве сторонники Троцкого, они повседневно высказывали недоброжелательные суждения о том, что делает Сталин, обвиняли его в диктаторстве.

В ноябре 1927 года покончил жизнь самоубийством дипломат Иоффе. Он был неизлечимо болен, не мог больше переносить страдания. Но он был активный троцкист, и единомышленники решили использовать его смерть, объявив, что Иоффе ушел из жизни в знак протеста против политики Сталина.

Похороны, соответственно, превратили в оппозиционный митинг, где выступали Троцкий, Каменев, Зиновьев, они клеймили Сталина как виновника гибели Иоффе и всех бед в стране. Их слушала жена Сталина, присутствующая на похоронах. На нее производят угнетающее впечатление речи ораторов. Добавляет частенько свои ложки дегтя Бухарин, близкий друг Надежды Сергеевны.

В годы учебы в Промакадемии втерся в окружение жены Сталина хитрый мужичок - секретарь партийной ячейки академии, что говорит о его связях с троцкистами, Никита Хрущев. Аллилуева ввела его в свой дом. Веселый и пронырливый, Никита выглядел очень бесхитростным. Сталин запомнил его. После смерти жены, чувствуя за собой какую-то вину, Сталин поддерживал Хрущева как товарища Нади, выдвигал на должности районного и городского масштаба.

Ну а Никита иногда развлекал гостей Сталина во время застолий на даче - плясал вприсядку с балалайкой и пел матерные частушки.

Однако вернемся вместе со Светланой в тот скорбный день.

"Моя няня говорила мне, что последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной, К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, Полина Семеновна Перл, она же - Жемчужина (жена Моло-това). Они сидели и

разговаривали в моей детской комнате (там всегда была "мамина гостиная"), и няня слышала, как мама все повторяла, что "все надоело", "все опостылело", "ничего не радует"; а приятельница ее спрашивала: "Ну, а дети, дети?" - "Все, и дети", - повторяла мама. И няня моя поняла, что раз так, значит, действительно ей надоела жизнь...

К сожалению, никого из близких не было в Москве в ту осень 1932 года. Павлуша и семья Сванидзе были в Берлине;

Анна Сергеевна с мужем - в Харькове, дедушка был в Сочи. Мама заканчивала Академию и была чрезвычайно переутомлена.

Ее называли "строгой", "серьезной" не по годам, - она выглядела старше своих лет только потому, что была необычайно сдержанна, деловита и не любила позволять себе "распускаться".

...Это сдерживание себя, эта страшная внутренняя самодисциплина и напряжение, это недовольство и раздражение, загоняемое внутрь, сжимавшееся внутри все сильнее и сильнее как пружина, должны были в конце концов неминуемо кончиться взрывом, пружина должна была распрямиться со страшной силой...

Так и произошло. А повод был не так уж и значителен сам по себе и ни на кого не произвел особого впечатления, вроде "и повода-то не было". Всего-навсего небольшая ссора на праздничном банкете в честь XV годовщины Октября. "Всего-навсего" отец сказал ей: "Эй, ты, пей!" А она "всего-навсего" крикнула вдруг: "Я тебе не - ЭЙ!" - и встала и при всех ушла вон из-за стола..."

Вслед за Надеждой Сергеевной вышла Полина Семеновна Жемчужина. Они долго гуляли по кремлевским дорожкам. Жена Молотова была самой близкой подругой Аллилуевой, после революции они несколько лет жили в одной квартире. Полина Семеновна успокаивала Аллилуеву, проводила ее домой. Но, видно, накопившиеся переживания - та пружина, о которой пишет Светлана, была взведена до предела: Надежда Сергеевна застрелилась.

"Моя няня, незадолго до своей смерти, когда уж почувствовала, что недолго осталось ей жить, как-то начала мне рассказывать, как все это случилось. Ей не хотелось уносить с собой это, хотелось очистить душу, исповедаться. Мы сидели с ней в лесочке, недалеко от той дачи, где я сижу и пишу сейчас, и она говорила.

Каролина Васильевна Тиль, наша экономка, утром всегда будила маму, спавшую в своей комнате. Отец ложился у себя в кабинете или в маленькой комнатке с телефоном, возле столовой. Он и в ту ночь спал там, поздно возвратясь с того самого

праздничного банкета, с которого мама вернулась раньше.

Комнаты эти были далеко от служебных помещений, надо было идти туда коридорчиком мимо наших детских. А из столовой комната, где спал наш отец, была влево; а в мамину комнату из столовой надо было пройти вправо и еще этим коридорчиком. Комната ее выходила окнами в Александровский сад, к Троицким воротам.

...Каролина Васильевна рано утром, как всегда, приготовила завтрак в кухне и пошла будить маму. Трясясь от страха, она прибежала к нам в детскую и позвала с собой няню, - она ничего не могла говорить. Они пошли вместе. Мама лежала вся в крови возле своей кровати; в руке был маленький пистолет "Вальтер", привезенный ей когда-то Павлушей из Берлина. Звук его выстрела был слишком слабый, чтобы его могли услышать в доме. Она уже была холодной. Две женщины, изнемогая от страха, что сейчас может войти отец, положили тело на постель, привели его в порядок. Потом, теряясь, не зная, что делать, побежали звонить тем, кто был для них существеннее, - начальнику охраны, Авелю Софроновичу Ену-кидзе, Полине Семеновне Молотовой, близкой маминой подруге.

Вскоре все прибежали. Отец все спал в своей комнатушке, слева от столовой. Пришли В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, все были потрясены и не могли поверить...

Наконец, и отец вышел в столовую. "Иосиф, Нади больше нет с нами", сказали ему.

Так мне рассказывала моя няня. Я верю ей больше, чем кому-либо другому. Во-первых, потому, что она была человеком абсолютно бесхитростным. Во-вторых, потому, что этот ее рассказ был исповедью предо мной, а простая женщина, настоящая христианка не может лгать в этом никогда..."

Почему Светлана так педалирует на то, что рассказ няни - сущая правда? Что она, христианка, не может лгать?

Дело в том, что после самоубийства Аллилуевой враги Сталина (как и позже, после гибели Кирова) распускали слухи с целью скомпрометировать Сталина, они нашептывали, будто Сталин сам убил жену, потому что она разошлась с ним в политических взглядах. Эта ложь по сей день порой выплескивается в "демократических" СМИ.

Светлана полностью опровергает эти наветы:

"...Отец был потрясен случившимся. Он был потрясен потому, что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умен, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает "наказать" кого-то - "вот, мол", "на, вот тебе", "ты будешь знать!" Это он понял, но не мог осознать -

почему? За что его так наказали?

И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не уважал ее как жену, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишний раз в театр? Неужели это важно?

Первые дни он был потрясен. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить. (Это говорила мне вдова дяди Павлу-ши, которая вместе с Анной Сергеевной оставалась первые дни у нас в доме день и ночь). Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо.

Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное письмо; это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет. (Троцкисты и здесь сделали свое гнусное дело! - В. К.).

Он был потрясен этим и разгневан, и когда пришел прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь. И на похороны он не пошел..."

Эти строки Светлана Сталина писала уже взрослой женщиной, пройдя через многие сложности собственной жизни, она имеет все основания высказывать оценочные суждения и делать определенные выводы.

В ее книге мы находим полную эволюцию личности матери: влюбленная в Сталина семнадцатилетняя гимназистка, боевая подруга на фронте, единомышленник, революционерка-большевичка, верная жена, мать двоих детей, скромная, постоянно думающая о том, как бы не скомпрометировать Сталина какими-то претензиями на материальные блага (мебель, быт в квартире - самые простейшие, в Промакадемию ездила на трамвае).

Все шло, как и полагается в дружной семье. Но начинает проявляться влияние извне. Троцкистское окружение в Промакадемиии повседневно, мало-помалу (они умеют это делать) сначала зарождает сомнения относительно позиции мужа, потом - симпатии к своим позициям и, наконец, полное согласие с оппозиционерами.

Вспомните строки Светланы о "страшном письме", о том, что "самоубийца всегда думает "наказать" кого-то: "вот, мол", "на тебе", это "ужасный удар в спину".

Соглашаясь со Светланой, что это "удар в спину", хочется спросить чей удар? Кто его нанес?

Надежда Сергеевна, как утверждает дочь, "любила его (мужа) со всей силой цельной натуры однолюба, как ни восставал ее разум, сердце было покорено однажды, раз и навсегда. К тому же она была хорошей семьянинкой. Для нее слишком много значили муж, дом, дети, ее собственный долг перед ними".

Оппозиционеры снова пытались придать самоубийству политический смысл, ссылаясь на последнее письмо Аллилуевой. Только политический смысл в этом поступке был совсем не тот, который им хотелось навязать народу.

Мне кажется, нет надобности делать какие-то предположения, ответ очевиден, он на поверхности: оппозиционеры-сионисты были большие мастера влиять на психику, на взгляды, на поведение человека, плести интриги. Наверняка, это была хорошо ими подготовленная, отрежиссирован-ная, именно политическая акция. Они нанесли удар в спину Сталину рукой любимого человека - Надежды Сергеевны Аллилуевой. В этом и заключался главный политический смысл содеянного.

Как ни тяжел был этот удар, Сталин выстоял. Но, наверное, сделал глубокую зарубку в своей цепкой памяти и, когда пришло время, напомнил некоторым "невиновным жертвам террора" и эту свою боль.

Убийство Кирова

Это произошло 1 декабря 1934 года в Ленинграде. Существуют две версии. Первая - бытовая: якобы Сергей Миронович ухаживал за женой Николаева Мильдой Драуле, и Николаев убил Кирова из ревности. Убийца и сам в начале следствия придерживался именно этого. Вторая версия - политическая, а точнее, полностью политизированная: Сталин организовал убийство Кирова, опасаясь его как конкурента на пост Генерального секретаря партии. Киров был хорошим организатором и оратором, он пользовался большим авторитетом. Якобы при выборах руководящих органов партии на XVII съезде за Кирова проголосовало столько же, сколько за Сталина, ходили разговоры, что надо бы заменить его на Кирова. И вот Сталин организовал это черное дело - убрал соперника.

Обе эти версии вымышленные. Первая сочинена подлинными организаторами политической акции - оппозиционерами, чтобы скрыть настоящие причины преступления и отвести подозрения от действительных убийц. Вторая версия имела целью скомпрометировать Сталина и отстранить его от власти. Это выдает настоящих организаторов убийства, которые уже много лет добивались замены Сталина у руля государства своим лидером. Обвинение Сталина не подтверждается ни здравой логикой, ни фактами, ни документами, ни показаниями подсудимых, а является полностью вымышленной политической провокацией противников Сталина.

Но именно эта версия, взятая на вооружение и Хрущевым на XX съезде, все еще бытует и всячески муссируется до настоящего времени.

Существует подлинная, неопровержимая третья версия, старательно упрятанная оппозиционерами и скрываемая их последователями - современными "демократами". Ничего не надо искать, нет никаких тайн, все на поверхности. Организаторы и исполнители убийства сами на следствии и публично на открытом судебном процессе признались: "Да, мы убили Кирова!" Не нужно ничего искать, кого-то разоблачать.

Вот читайте их показания на открытом судебном процессе в августе 1936 года:

Подсудимый Евдокимов, касаясь фактической стороны подготовки убийства С. М. Кирова, рассказывает, что летом 1934 года на квартире Каменева в Москве состоялось совещание, на котором присутствовали Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Сокольников, Тер-Ваганян, Рейнгольд и Бакаев. На этом совещании было принято решение форсировать убийство С. М. Кирова.

Вышинский: - Так прямо и говорилось - "форсировать убийство Кирова"?

Евдокимов: - Да, так и говорилось.

- С этой целью осенью 1934 года, - продолжает Евдокимов, - Бакаев поехал в Ленинград проверить как идет подготовка террористического акта против Сергея Мироновича Кирова ленинградскими террористами. Эти террористические группы установили слежку за Сергеем Мироновичем Кировым и выжидали удобного момента, чтобы совершить террористический акт.

Вышинский: - Убийство Сергея Мироновича Кирова было подготовлено центром?

Евдокимов: - Да.

Вышинский: - Вы лично принимали участие в этой подготовке?

Евдокимов: - Да.

Вышинский: - Вместе с вами принимали участие в подготовке Зиновьев и Каменев?

Евдокимов: - Да.

Вышинский: - По поручению центра Бакаев ездил в Ленинград проверять ход подготовки там на месте?

Евдокимов: - Да.

(Вышинский путем дальнейших вопросов устанавливает, что Бакаев во время своей поездки в Ленинград имел встречу с убийцей С. М. Кирова Николаевым, с которым Бакаев вел разговор о подготовке убийства).

Вышинский (обращаясь к Бакаеву): - Вы в Ленинграде виделись с Николаевым?

Бакаев: - Да.

Вышинский: - По поводу убийства С. М. Кирова договаривались?

Бакаев: - Мне не нужно было договариваться, потому что директива об убийстве была дана Зиновьевым и Каменевым.

Вышинский: - Но вам говорил Николаев, что он решил совершить убийство Кирова?

Бакаев: - Говорил он и другие террористы - Левин, Мандельштам, Котолынов, Румянцев.

Вышинский: - Разговор был об убийстве Кирова?

Бакаев: - Да.

Вышинский: - Он проявил свою решимость. А вы как относились к этому?

Бакаев: - Положительно.

(Из дальнейших вопросов Вышинского Бакаеву выясняется, что последний после своей проездки в Ленинград докладывал

Евдокимову и Каменеву о ходе подготовки убийства С. М. Кирова. На вопрос Вышинского обвиняемому Каменеву о том, имел ли место действительно такой доклад Бакаева ему, Каменев отвечал утвердительно).

Вышинский (обращаясь к Каменеву): - Что он вам передал?

Каменев: - Он сказал, что организация подготовлена к совершению удара и что этот удар последует.

Вышинский: - А как вы к этому отнеслись?

Каменев: - Удар был задуман и подготовлен по постановлению центра, членом которого я был, и я это рассматривал как выполнение той задачи, которую мы себе ставили.

(Далее отвечал на вопросы Вышинского Зиновьев).

Вышинский: - Обвиняемый Зиновьев, и вы были организатором убийства товарища Кирова?

Зиновьев: - По-моему, Бакаев прав, когда он говорит, что действительными и главными виновниками злодейского убийства Кирова явились в первую очередь я - Зиновьев, Троцкий и Каменев, организовав объединенный террористический центр. Бакаев играл в нем крупную, но отнюдь не решающую роль.

Вышинский: - Решающая роль принадлежит вам, Троцкому и Каменеву. Обвиняемый Каменев, присоединяетесь ли вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами были вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора?

Каменев: - Да.

(Каменев дополнил картину подготовки теракта следующим фактом: "В июне 1934 года я лично ездил в Ленинград, где поручил активному зиновьевцу Яковлеву подготовить параллельно с группой Николаева - Котолынова покушение на Кирова. В начале 1934 года мне из доклада Бакаева были известны все детали подготовки убийства Кирова николаевской группой.").

Вышинский: - Убийство Кирова это дело ваших рук?

Каменев: - Да.

Какие же еще нужны доказательства? Однако недоброжелатели Сталина организовали целый поток публикаций, порождающих недоверие к показаниям подсудимых и к самим процессам, заявляя, что все это инсценировка, что обвиняемые давали показания под давлением следователей, может быть, даже под пытками или воздействием каких-то психотропных препаратов.

Троцкий в своей книге "Преступления Сталина" (Москва, 1994 г.) на 300 страницах пытается утвердить эту тему недоверия к

процессам и показаниям подсудимых.

Об убийстве Кирова Лев Давыдович, со свойственным ему умением рассуждать логически, доказывает: "Зиновьев, Каменев и другие не могли организовать убийство Кирова, ибо в этом убийстве не было ни малейшего политического смысла. Киров был второстепенной фигурой, без самостоятельного значения. Действительные террористы должны были, естественно, начать со Сталина. Среди обвиняемых были члены ЦК и правительства, имевшие свободный доступ всюду: убийство Сталина не представляло бы для них никакого труда".

Убедительно? Вполне. Однако еще раз напомню слова профессора Гарвардского университета Адама Улама, который пишет о том, что Троцкий в интригах порой проявлял себя отнюдь не прямым и последовательным, а изворотливым и малодушным. Изложение событий самим Троцким - это, как говорит профессор, "жалкая полуправда с попытками игнорировать факты".

А факты говорят о том, что и заговорщики, и сам Троцкий занимались подготовкой террористических актов не только против "второстепенной фигуры" - Кирова. Так, например, Зиновьев на следствии показал следующее:

"Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде.

Это поручение мною было дано в Ильинском осенью 1932 года". (Зиновьев. Протокол допроса от 23-25 июля 1936 г.)

Другой руководитель объединенного блока - Каменев - на вопрос следователя, знал ли он о решении центра убить товарища Сталина и С. М. Кирова, ответил следующее:

"Да, вынужден признать, что еще до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока - Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока. Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял". (Каменев. Протокол допроса от 23-24 июля 1936 г.)

Пикель говорит:

"Бакаев не только руководил подготовкой террористического акта в общем смысле, а лично выезжал на места наблюдения,

проверял и вдохновлял людей Летом 1934 года я как-то пришел к Рейнгольду. Рейнгольд мне сообщил, что наблюдения за Сталиным дали положительные результаты и что Бакаев с группой террористов выехали на машине сегодня с задачей убить Сталина. При этом Рейнгольд нервничал, что они долго не возвращаются. В этот же день вечером я вновь виделся с Рейнгольдом и он сообщил мне, что осуществлению террористического акта помешала охрана Сталина, которая, как он выразился, спугнула участников организации". (Пикель. Протокол допроса от 22 июля 1936 г.)

Троцкий, находясь за границей, особенно после ареста Каменева и Зиновьева, всячески форсирует совершение убийства Сталина, подгоняя всесоюзный объединенный троцкист -ско-зиновьевский центр. Он систематически посылает через своих агентов директивы и практические указания об организации убийства.

Близкий Троцкому человек, несший в свое время его личную охрану, участник троцкистско-зиновьевского блока Е. А. Дрейцер на следствии признал, что в 1934 году он получил письменную директиву Троцкого о подготовке террористического акта против Сталина и Ворошилова.

Он сообщил:

"Эту директиву я получил через мою сестру, постоянно проживающую в Варшаве, - Сталовицкую, которая приехала в Москву в конце сентября 1934 г. Содержание письма Троцкого было коротко. Начиналось оно следующими словами:

"Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

первая - убрать Сталина и Ворошилова, вторая - развернуть работу по организации ячеек в армии, третья - в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства". (Дрейцер. Протокол допроса от 23 июля 1936 г.)

Содержание этой директивы подтвердил и другой видный троцкист Мрачковский, который показал следующее:

"Эстерман передал мне конверт отДрейцера. Вскрыв конверт при Эстермане, я увидел письмо, написанное Троцким Дрейцеру. В этом письме Троцкий давал указание убить Сталина и Ворошилова". (Мрачковский. Протокол допроса от 4 июля 1936 г.)

Агент Троцкого - В. Ольберг, командированный в СССР для организации террористических групп, показал следующее:

"Я был непосредственно связан с Троцким, с которым поддерживал регулярную связь, и с Львом Седовым, который давал мне лично ряд поручений организационного порядка, в частности, по нелегальной связи с Советским Союзом. Я являлся

эмиссаром Троцкого в Советском Союзе вплоть до моего ареста. С целью ведения в Советском Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным, я нелегально приехал в СССР". (В. Ольберг. Протокол допроса от 13 февраля 1936 г.)

Ольберг по приезде в СССР в целях конспирации организовал террористическую группу из троцкистов, находящихся не в Москве, а в городе Горьком, имея в виду перебросить ее в Москву для убийства Сталина. Убийство предполагалось совершить во время превомайских празднеств 1936 года. В связи с этим, руководитель троцкистской организации в Горьком директор Горьковского педагогического института И. К. Федотов должен был командировать террористов в Москву под видом отличников учебы пединститута и обеспечить таким образом им возможность участвовать в демонстрации на Красной площади.

Почти одновременно с Ольбергом Троцкий перебрасывает и другого своего агента Берман-Юрина. Давая Берман-Юрину директиву об организации террористического акта против Сталина, Троцкий особо подчеркивал, что это убийство должно быть совершено не конспиративно, в тиши, а открыто, на одном из пленумов, или на конгрессе Коминтерна.

Вместе с Берман-Юриным в работе по подготовке террористических актов против Сталина принимал участие работник Коминтерна Фриц-Давид, также прибывший в СССР по личному поручению Троцкого в мае 1933 года. Берман-Юрин и Фриц-Давид установили между собой организованную связь и подготовляли совершение террористических актов Сталина на VII конгрессе Коминтерна.

"В беседе со мной, - показал на следствии Берман-Юрин, - Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами и что Сталин должен быть физически уничтожен. О Сталине он говорил с невероятной злобой и ненавистью. Он в этот момент имел вид одержимого. Во время беседы Троцкий поднялся со стула и нервно ходил по комнате. В нем было столько ненависти, что это производило исключительное впечатление, и мне тогда казалось, что это человек исключительной убежденности. Я вышел от него как загипнотизированный". (Берман-Юрин. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Троцкий не ограничивался организацией убийства одного лишь Сталина, он ставил своей задачей одновременное убийство других руководителей партии Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова. Он рассчитывал, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на

Украине вызовет панику в стране и позволит ему, Троцкому, а также Зиновьеву и Каменеву взять власть в свои руки.

Опять власть! Вспомните слова Молотова - современника описываемых событий: "Вся политическая борьба троцкистов и сталинцов была схваткой за обладание властью".

О лукавстве Троцкого и передергивании им фактов говорить не будем, он политик, а политика во все времена была грязным делом.

Сталин дружил с Кировым еще с гражданской войны, когда Киров организовывал поставку хлеба с Северного Кавказа в Царицын, а Сталин принимал этот хлеб в Царицине и направлял дальше, в голодающий Петроград.

В мирные дни дружба Сталина и Кирова была почти родственной, Сергей Миронович, приезжая из Ленинграда по делам в Москву, останавливался не в гостиницах, а на квартире Сталина. Жена Сталина и дочка Светлана относились к Миронычу как к родному. Отпуск Киров проводил обычно вместе со Сталиным. В год гибели Сергей Миронович тоже был у Сталина в Сочи, они играли в городки, на бильярде, парились в бане. Киров уехал от Сталина за три недели до рокового выстрела.

Сталин очень тяжело переживал гибель еще одного верного друга, он похудел, замкнулся, ходил мрачный, убитый горем. Однажды вечером на даче в Кунцеве он, после долгого молчания, сказал:

- Совсем я осиротел.

Похороны Кирова подробно описала в своем дневнике Мария Анисимовна Сванидзе - жена Александра Семеновича Сванидзе, брата первой жены Сталина. Привожу отрывки из ее дневника.

"Должна описать похороны, вернее последнее прощание с С. М. Кировым, на котором присутствовали мы с Александром.

5/X11.

У нас были особые билеты в Колонный зал, где лежал прах Кирова, доступный для посещения всем. В 10 ч. вечера 5-го вход был закрыт и можно было пройти только по разрешению похоронной комиссии (подпись начальника охраны Паукера). Мы вошли в комнату, обычно в дни концертов артистическую. Здесь строился почетный караул и толпились люди с билетами, могущие остаться после 10-ти для последнего прощания перед кремацией. Жена, сестры и близкие товарищи - женщины по преимуществу - сидели около гроба. Реденс распорядился провести нас (Аллилуевых и меня с Алеш.) к группе близких, и мы вышли в зал... Посреди зала, головой к левому променаду и ложам, если смотреть с эстрады, стоял гроб, простой красный кумачовый гроб, с рюшками, в ногах лежало покрывало из

красного плюша. Лицо было зеленовато-желтое, с заострившимся носом, плотно сжатыми губами, с глубокими складками на лбу и щеках, углы губ страдальчески серьезно опущены. У левого виска и на скуле синее пятно от падения. Кругом гроба много венков, красные ленты переплетены с подписями от всех организаций и товарищей. С правой стороны гроба на стульях сидит несчастная жена, ее две сестры и две сестры покойного Кирова.

Тут же сидели Мария Ильинишна, сестра Ленина, Надежда Константиновна, Екатерина Давидовна Ворошилова, Нюра Деденс, Зина Орджоникидзе, брат Ленина, Мария Платоновна Орахелашвили, и к этой группе присоединились мы.

Кругом стояли прожектора для киносъемок. Толпились фотографы с "лейками", охрана, на эстраде все время играл оркестр Большого театра под управлением Штейнберга... Несмотря на полное освещение, казалось сквозь слезы, что темно, мрачно и болезненно неуютно...

Доступ публике закрыт с 10 ч. В зале ограниченный круг лиц. Все одевают шубы (мы тоже пошли и быстро оделись), ждут напряженно... Наконец шаги группы твердые и решительные. Со стороны головы покойного Кирова (все входили с противоположной) появляется И[осиф], окруженный Ворошиловым, Молотовым, Орджоникидзе, Кагановичем, Ждановым, Микояном, По-стышевым, Петровским и др. С другой стороны стоят уже Корк, Егоров, и еще несколько членов Реввоенсовета становятся в почетный караул по двое. Иосиф у головы и уже не помню, как остальные. Играет музыка похоронный марш Шопена, шипят рефлекторы, щелкают аппараты, вертится киноаппарат. Все это длится несколько минут, но кажется тревожной вечностью.

Тухнут прожектора, смолкает музыка, уже стоит наготове с тяжами красными и винтами для крышки гроба охрана, уже наготове взять венки и быстро закончить последнюю церемонию.

На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Сергея Мироновича. - Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает, я слышу сквозь собственные всхлипывания мужчин. Также тепло заплакав, прощается Серго - его близкий соратник, потом поднимается весь бледный - меловой Молотов, смешно вскарабкивается толстенький Жданов, наклоняется, но не целует Каганович, и с другой стороны, расставив руки, опираясь на гроб, наклоняется А. И. Микоян. Прощание окончено. Несколько секунд заминка, не знают, пойдут ли близкие женщины, но Марии Львовне делается дурно, ее обступают врачи, льют капли, все заняты ею. Вожди ушли. Гроб завинчивают крышкой, выносят

венки и все наготове двинуться за гробом.

Мы выходим с беременной Нюрой маленьким ходом и несколько минут ждем у дверей процессии с гробом. Гроб ставят на грузовую машину, убранную красным и зеленью, укладывают венки, и она быстро уносится по Охотному и Моховой, сопровождаемая автомобилями, к крематорию. Церемония окончена, кордоны сняты, все разъезжаются. К утру от Сергея Мироновича Кирова останется горсточка пепла, а в душах всего народа светлая память о нем, его делах и мстительная ненависть к врагам...

На другое утро, т. к. у нас не было билетов на Красную площадь, мы уехали в 11 ч. за город и там по радио принимали всю церемонию похорон, 6-го были похороны, а 7-го в особняке Наркоминдела Розенгольц (Нарком Внешторг.) устроил вечер, и наша знать отплясывала до утра в честь Моршандо (министр торговли Франции), так неудачно навестившего Союз в такие траурные дни. И наши подхалимы не сумели показать своего "я", выявить настоящую советскую физиономию, сильную и независимую, и прилично выдержать траур, а расплясались.

Неужели оно сделано с согласия и благословения ПБ и ЦК? Неслыханное дело. Неужели мы, такая великая страна, так трагично потерявшая своего героя, не можем оплакивать его даже в присутствии своих гостей из Франции...

На следующий день Французское посольство дало ответный ужин, но без всяких танцев - они были более тактичны, чем наши министры".

Мария Анисимовна справедливо возмущена бестактностью Розенгольца - ей еще не были известны подлинные причины убийства Кирова! В те дни пока еще функционировала версия, которую придумали оппозиционеры и проводил Ягода, о том, что Киров был убит Николаевым на почве ревности.

Позднее, когда вскрылись причины и подробности теракта против Кирова, пирушка - прием, организованный Ро-зенгольцем, - открывается в ином свете и значении.

Как видно из дневника Сванидзе, на приеме не было никого из членов Политбюро и из окружения Сталина. Следовательно, под предлогом приема в честь французского министра, были приглашены по особому списку только свои оппозиционеры-заговорщики - сторонники Троцкого. Они не случайно плясали (именно плясали, а не танцевали, как пишет Мария Анисимовна). И плясали они, наверное, не "барыню", а свои "Шолом" и "Семь-сорок". Это было настоящее торжество по случаю удачно осуществленной террористической акции. Они праздновали начало свержения "клики Сталина", потому что убийство Кирова

было первым в целой серии запланированных терактов.

Этим торжеством они показывали сами себе и Троцкому, как они верны ему и сильны, никого и ничего не боятся, им наплевать на христианские и просто общепринятые правила поведения в дни похорон. Их распирает радость по поводу содеянного. Это подтверждается тем, что нарком внешней торговли Розенгольц и его поделыдики показывали на суде в Колонном зале в 1937 году.

Розенгольц: - Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание у меня на квартире.

Вышинский: - А что это за письмо было, нельзя ли подробнее узнать?

Розенгольц: - Там Троцким ставилось несколько вопросов. Прежде всего указывалось, что если будут медлить, то произойдет то, что по частям будут разгромлены все контрреволюционные силы. Поэтому, поскольку уже значительный разгром кадров произведен, необходимо ряд возможных акций максимально ускорить.

Вышинский: - Например?

Розенгольц: - Главным образом ставилось два вопроса:

первый вопрос - относительно того, чтобы в ответ на приговор по делу Пятакова ответить террористическими актами.

Вышинский: - То есть на приговор суда?

Розенгольц: - В ответ на приговор суда о расстреле Пятакова ставился вопрос об организации террористических актов.

Вышинский: - В отношении кого?

Розенгольц: - В отношении руководителей партии и правительства и вопрос в отношении максимального форсирования военного переворота.

Вышинский: - Позвольте Крестинского сейчас спросить. (Крестинскому): Вы подтверждаете это?

Крестинский: - Да, подтверждаю. Совещание это было у Розенгольца. Это было в начале апреля. Мы на этом совещании говорили уже об аресте Ягоды и исходили из этого ареста как из факта. Об аресте Ягоды я узнал 2-3 апреля. Значит, это было в апреле месяце.

Вышинский: - Вы были также осведомлены об участии Ягоды в заговоре?

Крестинский: - Да, я об этом уже говорил вчера.

Вышинский: - Садитесь. Обвиняемый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц: - Тут же встал вопрос о террористическом акте. Мы с Крестинским обсуждали вопрос о возможном

террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский: - Обвиняемый Крестинский, обсуждали вы вопрос о террористическом акте против Вячеслава Михайловича Молотова?

Крестинский: - Мы обсуждали с ним вопрос иначе - в более широком разрезе...

Вышинский: - Этот вопрос стоял у вас?

Крестинский: - Мы с ним говорили вообще о необходимости восстановить террористическую деятельность троцкистов, прервавшуюся после смерти Пятакова, и на эту тему мы говорили с Розенгольцем и Гамарником, говорили о необходимости террористических актов против руководителей партии и правительства.

Вышинский: - Против кого именно?

Крестинский: - Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович.

Вышинский: - Подсудимый Розенгольц, был ли у вас лично преступный замысел осуществить террористический акт против кого-либо из руководителей Советского правительства?

Розенгольц: - Да, я об этом показал и подтверждаю.

Вышинский: - Вы лично намеревались совершить террористический акт?

Розенгольц: - Да.

Вышинский: - Может быть, вы скажете, против кого?

Розенгольц: - Против... как показано мной на предварительном следствии, против Иосифа Виссарионовича Сталина.

Таким образом, выявляется, что убийство Кирова было началом целой серии террористических актов с целью захвата власти. Слухи, которые распускали троцкисты об устранении Кирова как конкурента Сталина, с полной очевидностью опровергаются как дезинформация, дымовая завеса, чтобы скрыть преступные замыслы самих заговорщиков.

Военный заговор

В 1990 году я написал книгу "Расстрелянные маршалы", есть в ней очерк и о М. Н. Тухачевском. Очерк написан в "оправдательном" стиле, в соответствии с опубликованными в те годы газетными и журнальными статьями и реабилитаци-онной эйфорией, которой поддался и я.

В ходе работы над книгой "Генералиссимус" я более глубоко разобрался в причинах репрессий, опираясь на новые архивные документы, рассекреченные в перестроечные годы. В связи с этим пусть не удивляет читателей иная оценка и иной подход к "делу Тухачевского", не совпадающие с тем, что было написано мной

прежде.

Собирая и изучая материалы об этом очень громком "деле" 1937 года, я как и прежде стремился находить первоисточники - людей, имевших непосредственное отношение к событиям и подсудимым.

Одним из немногих свидетелей, который долгие годы работал рядом с заговорщиками, знал их еще с гражданской войны, был Молотов. Поэтому я не раз расспрашивал его во время наших бесед и даже высказывал мысли, которые у меня были:

- Крупнейшие военачальники в гражданскую войну столько подвигов свершили. Вы их хорошо знали, не было сомнения насчет их "вражеской деятельности"?

Молотов твердо и, я бы сказал, даже жестко ответил:

- В отношении этих военных деятелей у меня никаких сомнений не было, я знал их как ставленников Троцкого - это его кадры. Он их насаждал с далеко идущими целями, еще когда сам метил на пост главы государства. Хорошо, что мы успели до войны обезвредить этих заговорщиков, - если бы этого не сделали, во время войны были бы непредсказуемые последствия, а уж потерь было бы больше двадцати миллионов, в этом я не сомневаюсь. Я всегда знал Тухачевского как зловещую фигуру...

Любопытно на этот счет мнение Троцкого, высказанное в его книге "Сталин" (он пишет о себе в третьем лице):

"Все те, которые возглавляли Красную Армию в сталинский период Тухачевский, Егоров, Блюхер, Якир, Уборе-вич, Дыбенко, Федько, - были в свое время выделены на ответственные военные посты, когда Троцкий стоял во главе военного ведомства, в большинстве случаев им самим во время объезда фронтов и непосредственного наблюдения их боевой работы. Правда, почти все полководцы гражданской войны и строители армии оказались впоследствии "предателями" и "шпионами". Но это не меняет дела. Именно они отстояли революцию и страну. Если в 1933 г. выяснилось, что Сталин, а не кто-либо другой, строил Красную Армию, то на него, казалось бы, падает и ответственность за подбор такого командного состава. Из этого противоречия официальные историки выходят не без трудностей, но с честью:

назначение изменников на командные посты ложится ответственностью целиком на Троцкого; зато честь одержанных этими изменниками побед безраздельно принадлежит Сталину".

Надо признать, логика на стороне Троцкого. Но и слова Молотова о том, что это его кадры, Троцкий фактически подтверждает: он их выбирал, назначал, выращивал.

Я предпринял немало усилий для того, чтобы познакомиться с материалами суда и следствия по делу так называемого

"Заговора Тухачевского". Это было очень непросто, всюду, куда я обращался, следовали вежливые отказы. Даже председатель Верховного суда СССР В. И. Теребилов, который относился ко мне доброжелательно (мы оба были депутатами Верховного Совета СССР), и тот многозначительно поднял палец к потолку и сказал: "Это могут разрешить только там". Но в конце концов я своего добился. Листаю казенные, строгие страницы.

"Стенограмма -протокол.

Заседание специального судебного присутствия Верховного Суда СССР по делу Тухачевского М. Н., Якира И, Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М., Путны В. К.

Судебное заседание от 11 июня 1937 года. 9 часов утра.

Слушается дело по обвинению в измене Родине, шпионаже и подготовке террористических актов..."

Далее опять перечисляются фамилии всех обвиняемых.

Дело рассматривается в закрытом судебном заседании...

Подсудимым объявляется состав суда:

Председательствующий - Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР армвоенюрист т. Ульрих В. В. Члены присутствия: зам. наркома обороны СССР, начальник воздушных сил РККА командарм т. Алкснис Я. И., Маршал Советского Союза т. Буденный С. М., Маршал Советского Союза т. Блюхер В. К., начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга т. Шапошников Б. М., командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга т. Белов И. П., командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга т. Дыбенко П. Е., командующий войсками Северо-кавказского военного округа командарм 2-го ранга т. Каширин Н. Д. и командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса имени Сталина комдив т. Горячев Е. И."...

Подсудимым разъяснено: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года (это означало - участие защитников в судебном процессе исключается, приговор является окончательным и обжалованию не подлежит).

Может быть, увидев такой состав суда, подсудимые даже обрадовались, потому что перед ними были их товарищи по гражданской войне, которые хорошо знали о их боевых делах и с которыми они и после войны были в добрых, дружеских отношениях. Но... приговор был беспощадный и однозначный. Даже из краткой стенограммы видно, что бывшие боевые товарищи добивались от подсудимых признания. Видимо, это объясняется тем, что до начала заседания судьи были ознакомлены работниками НКВД с той фальшивкой, которая

была подброшена гестапо. И они поверили ей, читая выглядевшие абсолютно подлинными письма Тухачевского, в которых он излагает планы заговора по свержению существующей власти.

Как видно из стенограммы, материалы, изложенные в агентурных сведениях, на процессе не фигурировали. В деле их тоже нет, их по правилам контрразведывательных органов нельзя было рассекречивать.

Так что же получается - подсудимые не виновны? Я склоняюсь к тому, что обвинение в шпионаже надуманное. Не были подсудимые шпионами, ни немецкими, ни японскими. Один из инициаторов создания компромата против Тухачевского шеф политической разведки Вальтер Шеллен-берг - в своих мемуарах "Лабиринт", изданных в России в 1991 году, пишет:

"В свое время утверждалось, что материал, собранный Гейдрихом с целью запутать Тухачевского, состоял большей частью из заведомо сфабрикованных документов. В действительности же подделано было очень немного - не больше, чем нужно для того, чтобы заполнить некоторые пробелы. Это подтверждается тем фактом, что все весьма объемистое досье было подготовлено и представлено Гитлеру за короткий промежуток времени в четыре дня.

Решено было установить контакт со Сталиным через одного из немецких дипломатических агентов, работавших под началом штандартенфюрера СС Беме, немецкого эмигранта, проживавшего в Праге. Через него Беме установил контакт с доверенным другом доктора Бенеша, тогдашнего президента Чехословацкой Республики. Доктор Бенеш сразу же написал письмо лично Сталину, от которого к Гейдриху по тем же каналам пришел ответ с предложением установить контакт с одним из сотрудников советского посольства в Берлине. Мы так и поступили, названный русский моментально вылетел в Москву и возвратился в сопровождении личного посланника Сталина, предъявившего специальные полномочия от имени Ежова, бывшего в то время начальником ГПУ.

Сталин запрашивал, в какую сумму мы оцениваем собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих и не помышляли о том, что будет затронута финансовая сторона дела. Однако, не подав и виду, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эмиссар Сталина выплатил сразу после самого беглого просмотра документов.

Материал против Тухачевского был передан русским в середине мая 1937 года".

Отметим некоторые сомнительные моменты в этой цитате. Сталин едва ли сам "запрашивал" и торговался о стоимости

"материала". Дата передачи компромата "в середине мая 1937 года" свидетельствует о том, что этот материал запоздал, так как "дело Тухачевского" по всем параметрам уже было сформировано к маю, маршал был арестован 22 мая и уже 25 мая дал признательные показания.

Значит, фальшивка не сработала? Может быть, и заговора не было?

По этому поводу документы и сами подсудимые дают ответ однозначный заговор был. Это не значит, что у них были членские билеты какой-то организации, что велись протоколы ее заседаний.

А что же было?

Были конкретные заговорщические дела и планы по "дворцовому перевороту", устранению Сталина и его соратников. Власть! Власть! Не зря называли Тухачевского "Красным Наполеоном". Вот факты из стенограммы открытого судебного процесса 1938 года:

Вышинский: - Насколько я понимаю, по вашей концепции так выходило, что основная ваша надежда в этом преступном замысле была на группу Тухачевского. Так это?

Розенгольц: - Да.

Вышинский: - С этой группой прямую и непосредственную связь держал кто?

Розенгольц: - Крестинский.

Вышинский: - Следовательно, он в известной мере как член блока организует деятельность этой группы. Так я понимаю?

Розенгольц: - Понятно.

Вышинский: - Следовательно, ему в этом деле принадлежит одна из ведущих ролей?

Розенгольц: - Он все время торопил Тухачевского...

Вышинский: - И когда вы на предварительном следствии говорили, что Крестинский после ареста Ягоды или даже раньше - после ареста Пятакова особенно остро ставил вопрос перед Тухачевским, то это так и было в действительности? Это характеризует энергию, какую развивал тогда Крестинский в этом вопросе?

Розенгольц: - Я не хочу и не имею оснований специально выделять Крестинского...

Вышинский: - Вы - нет, а у меня есть основания. Я вас спрашиваю как человека, который вместе с Крестинским организовывал этот черный заговор... Подсудимый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц: - Момент, на котором я остановился, это совещание, которое было с Тухачевским. Оно было в конце марта.

Крестинский на очной ставке внес поправку, что оно было в начале апреля, но это разногласие несущественное. Было совещание с Тухачевским.

Вышинский: - Где было это совещание?

Розенгольц: - У меня на квартире.

Вышинский: - У вас на квартире совещание с кем?

Розенгольц: - С Тухачевским и Крестинским.

Вышинский: - Когда было совещание, дайте точную дату.

Розенгольц:Это было в конце марта 1937 года.

Вышинский:Дальше.

Розенгольц:На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая, ему удастся этот военный переворот осуществить.

Вышинский: - В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Розенгольц: - Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, - это возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире под каким-нибудь предлогом, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства.

Вышинский: - Это был его план или был ваш общий план?

Розенгольц: - Мы этот план его не обсуждали. Он просто сообщил нам его как один из вариантов, на который он возлагает большие надежды... Тут же встал вопрос о террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский: - Обвиняемый Крестинский, обсуждали вы вопрос о террористическом акте против Вячеслава Михайловича Молотова?

Крестинский: - Мы обсуждали с ним вопрос иначе - в более широком разрезе...

Вышинский: - Против кого именно?

Крестинский: - Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович, но специально террористического акта в отношении Молотова в деталях мы не обсуждали...

Вышинский: - Значит, Тухачевский заявил, что в первой половине мая он поднимет восстание?

Крестииский: - Да, он это заявил.

Вышинский: - Что вы скажете о ваших встречах с Гамарником?

Розенгольц: - Я подтверждаю те показания, которые я давал на предварительном следствии.

Вышинский: - Какие именно?

Розенгольц: - Относительно Гамарника основным моментом является то, что Гамарник сообщил о своем предположении, по-видимому, согласованном с Тухачевским, о возможности захвата здания Наркомвнудела во время военного переворота. Причем Гамарник предполагал, что это нападение осуществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством, полагая, что он в достаточной мере пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковых частях. Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих.

Вышинский: - Значит, кроме того, что Тухачевский вас посвящал в план своего преступного заговора, вас также посвящал в этот план и Гамарник?

Розенгольц: - Да.

Приведу еще один любопытный "бытовой пассаж", который наглядно и ярко свидетельствует о виновности заговорщиков и об их откровенности, когда они собирались в своем кругу.

Родственница Тухачевского, Лидия Норд, издала в Париже книгу "Маршал М. Н. Тухачевский". Она бывала в семье Михаила Николаевича, слышала его беседы с единомышленниками - Уборевичем, Якиром, Фельдманом и другими. Она восхищается остроумием и иронией, искрящимися в их словах в адрес Сталина, Ворошилова. Она открыто пишет о том, что этих "ортодоксов" собирались "убирать". О тональности и направленности, в которых велись беседы, читатели могут судить по одной цитате из книги Лидии Норд:

"Мне совершенно непонятно германофильство Сталина, - говорил Михаил Николаевич. - Сначала я думал, что у него только показной интерес к Германии, с целью показать "свою образованность"... Но теперь я вижу, что он скрытный, но фанатичный поклонник Гитлера. Я не шучу. Это такая ненависть, от которой только один шаг до любви... Стоит только Гитлеру сделать шаг к Сталину, и наш вождь бросится с раскрытыми объятиями к фашистскому вождю. Вчера, когда мы говорили частным порядком, то Сталин оправдал репрессии Гитлера против евреев, сказав, что Гитлер убирает со своего пути то, что мешает ему идти к своей цели, и с точки зрения своей идеи Гитлер прав. Успехи Гитлера слишком импонируют Иосифу Виссарионовичу, и если внимательно приглядеться, то он многое копирует у фюрера. Немалую роль, по-моему, играет и зависть к ореолу немецкого вождя... Как ни говорите, и "чином" Гитлер выше - все-таки был ефрейтором, а наш даже солдатом не был. Стремление первого лезть в полководцы оправданно - "плох тот капрал, который не мечтает стать генералом", а вот когда бывший

семинарист хочет показать, что он по меньшей мере Мольтке, - это смешно, а при нынешнем положении вещей и очень грустно. И еще печальнее то, что находятся люди, которые вместо того, чтобы осадить его, делают в это время восторженные физиономии, смотрят ему в рот, как будто ожидают гениальных мыслей..."

Но несмотря ни на что, наши доморощенные "демократы" как глухие и слепые пишут и пишут в газетах, журналах, сочиняют целые книги, вещают с экранов телевизора о насилии над заговорщиками, их невиновности.

Реальные события и факты не подтверждают этих измышлений. Вот подлинный документ, собственноручно написанный Тухачевским на первом же допросе!

Народному комиссару внутренних дел Н. И. Ежову

Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня 25-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932-му году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем подробно покажу дополнительно.

Тухачевский

26.5.37.

Какие тут пытки? Какие истязания? Тухачевский пишет:

"...впервые был допрошен 25-го и сегодня 25-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и что я был во главе его".

Следователь Ушаков (Ушамирский Зиновий Маркович), который вел дело Тухачевского, а позднее сам был арестован, рассказал: "Я его пальцем не тронул и был поражен, что такой сильный физически и духовно (маршал, герой войны) так сразу во всем признался". Ушамирский объясняет это тем, что он выложил Тухачевскому все материалы, которыми располагал, включая и показания сообщников, и Тухачевский, внимательно прочитав их, понял, что ему не вывернуться.

На первом же допросе Тухачевского 25 мая (маршала привезли из Куйбышева на Лубянку 25 мая) была проведена очная ставка с однодельцами. На этой очной ставке, вполне естественно, сначала Тухачевский отрицал свое участие в заговоре.

А уличавший его Фельдман позже писал: "Я догадывался наверняка, что Тухачевский арестован, но я думал, что он, попав в

руки следствия, все сам расскажет - этим хоть немного искупит свою тяжелую вину перед государством, но, увидев его на очной ставке, услышал от него, что он все отрицает и что я все выдумал..."

Имеется также заявление Тухачевского. От того же 25 мая 1937 г. - об очных ставках с Примаковым, Путной и Фельдманом: "Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания".

Просьбу Тухачевского удовлетворили, очные ставки состоялись. Однодельцы показали правду. И тогда Тухачевский в тот же день написал приведенное выше короткое признание. Но поскольку этот день был для него нелегким, он, видимо, устав, дает обещание: "Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора..." Обещание маршал выполнил. На дальнейших допросах назвал несколько десятков заговорщиков. Все были арестованы и расстреляны.

В недавние перестроечные времена натужно искали свидетельства о пытках, которым якобы подвергался маршал Тухачевский. Одно из них опубликовано в "Военно-историческом архиве" No 1 - 1997 года (цитата):

"Вот некоторые сведения, раскрывающие причины, в силу которых Тухачевский вынужден был дать ложные показания. Бывший сотрудник НКВД СССР, член КПСС Вул в 1956 г. сообщил:

"Лично я видел в коридоре дома 2 Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унизить его. Все следствие по делу Тухачевского и других было закончено очень быстро... Помимо мер физического воздействия, определенную роль в получении показания сыграли уговоры следователей".

Допустим, надели "арестантский армяк". Эту одежду содержащегося во внутренней тюрьме Тухачевский был просто обязан надеть. Но "прекрасный серый костюм" все же с маршала не сняли. Ну а "лапти" полностью на совести Вула, это очевидно. Вул мог бы придумать что-нибудь более эффектное железные кандалы, например, или деревянные колодки. И вообще, не маловато ли всего этого, чтобы "физически" сломить такого несомненно стойкого человека, каким был Тухачевский? Других "физических воздействий" на него, как видим, не было. Зачем же

оскорблять маршала таким подозрением в малодушии? Он был человек сильный духом и телом.

Так произошло и с комкором Фельдманом (бывшим начальником управления по учету командных кадров РККА). Он был арестован 15 мая 1937 года как один из соучастников подготовленного Тухачевским "дворцового переворота". В первый же день, сразу после ареста, Фельдман написал следователю (Ушамирскому) Ушакову:

"Вы и н-к особого отдела т. Леплевский, который также беседовал со мною, предъявили обвинение в участии в военно-троцкистской антисоветской организации и предлагаете встать на путь чистосердечного раскаяния. Прошу ознакомить меня с фактами, изобличающими меня в участии в вышеназванной организации. После этого мне легче будет разобраться в этом вопросе".

Все документы и улики Фельдману были предъявлены. И на первом же допросе 16 мая 1937 года он показал, что в военно-троцкистскую организацию его вовлек в 1934 году Примаков, что военно-троцкистская организация возглавлялась Тухачевским.

Через несколько дней Фельдман на очной ставке с Тухачевским уже сожалеет, что маршал для облегчения вины сразу же не признается. А его личные отношения со следователем Уша-мирским тоже совсем не похожи на пытки и истязания. Вот одна из записок Фельдмана Ушакову (Ушамирскому):

"Помощнику начальника 5 отдела ГУГБ НКВД Союза ССР тов. Ушакову. Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго... Благодарю за Ваше внимание и заботливость - я получил 29-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого. Фельдман. 31.V.I 937 г."

Не могут быть "яблоки и печенье" тридцатью сребрениками, за которые комкор Фельдман предает заговор. Его поведение, пусть подобострастное, очень похоже на поведение человека, раскаявшегося и ищущего снисхождения.

Здесь следует напомнить, что Фельдман был одной из зловещих фигур в организации репрессий. Как выяснилось на следствии (и мы говорили об этом выше), троцкисты многие мероприятия партии и правительства доводили до абсурда, желая вызвать недовольство советских людей. Так они действовали при раскулачивании и такую же тактику применили при репрессиях.

Не кто иной как Фельдман, будучи начальником управления по учету командного состава РККА, разработал директивную инструкцию об особом учете "О. У." Есть документы, убедительно

подтверждающие это. Например, составленный в апреле 1964 года секретный доклад управления кадров Министерства обороны СССР "О нарушении законности по отношению к командному, политическому и начальствующему составу в период культа личности Сталина". К докладу приложен "Список бывших военнослужащих от комбрига и выше, в отношении которых отменены решения о привлечении их к уголовной ответственности". Это самый полный список - на 274 страницах, который мне доводилось видеть.

Документы эти, как видно из названия доклада, составлены в период хрущевского развенчания "культа личности Сталина". Составлены, скорее всего, по указанию "развенчателя" и, следовательно, несут в себе оправдательную тенденциозность.

Но подлинные документы, приведенные в том же докладе, позволяют говорить об обратном. Вот как выглядит по ним роль того же Фельдмана.

В докладе кадровиков, в частности, говорится:

"Необоснованные репрессии по отношению к командно-начальствующему составу Советской Армии и Военно-Мор-ского Флота, увольнения и аресты по политическим мотивам в значительных размерах начались в 1935 году после злодейского убийства С. М. Кирова.

Многие командиры и начальники были исключены из партии и уволены из армии в связи с проверкой партийных документов, которая проводилась с мая 1935 года по февраль 1936 года. Так, в записке бывшего нач. ОРПО ПУРККА корпусного комиссара Троянкера Б. У. на имя нач. ПУРККА армейского комиссара 1 ранга Гамарника Я. Б. от 10.12.1935 г. сообщалось, что уже к 1 декабря 1935 г. было исключено из партии в связи с проверкой партийных документов 2948 человек, из которых 60-70% составлял командно-начальствующий (без политработников) состав. В октябре 1936 года бывший начальник Управления по командно-начальствующему составу комкор Фельдман Б. И. докладывал наркому обороны, что командующими войсками военных округов пачками представляются к увольнению из армии лица командно-начальствующего состава. Основная причина:

троцкизм или связь с троцкистами. При проверке же оказывается, что много представлений необоснованных".

То есть Фельдман был очень обеспокоен тем, что арестовывают и увольняют из армии "троцкистов", и открыто защищал их: "При проверке же оказывается, что много представлений необоснованных".

Это, как говорится, официальная сторона дела. А неофициальная, по показаниям самого Фельдмана после ареста,

заключалась в том, что он придумал, как вывести из-под удара своих единомышленников-троцкистов, и доложил об этом одному из руководителей военного заговора - Гамарнику. Гамарник эту идею, понятно, одобрил.

Как и компрометирующее доведение до абсурда решений партии и правительства, так и эта защита маскировались под особое рвение в выполнении указаний Сталина и Ворошилова по очищению армии от врагов и ненадежных элементов, выявленных после убийства Кирова.

А вот еще один подлинный документ.

14 января 1937 г. "СЕКРЕТНО"

Заместителю народного комиссара обороны СССР армейскому комиссару 1-го ранга тов. Гамарнику Я. Б.

Во исполнение Ваших указаний о введении условного шифра в отношении лиц начсостава, увольняемых по политико-моральным причинам, докладываю:

Наиболее приемлемым вариантом, не нарушающим Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, является установление особой нумерации приказа. После номера приказа проставляются буквы "О.У." (особый учет). В остальном форма приказа ничем не будет отличаться от обычных приказов по личному составу.

Внешне эти приказы будут иметь такой вид:

"Приказ

Народного Комиссара Обороны Союза ССР по личному составу армии No115/оу г. Москва

Командир взвода No стрелкового полка лейтенант СЕМЕНОВ Иван Семенович освобождается от занимаемой должности и увольняется в запас РККА по ст. 43 п. "б" "Положения о прохождении службы командным начальствующим составом РККА со званием лейтенант запаса".

Все уволенные по приказам НКО с данным шифром будут браться на особый учет с тем, чтобы не приписывать их к войсковым частям, не зачислять в переменный состав тер. частей, не призывать в РККА по отдельным заданиям и нарядам и не направлять в войска в начальный период войны.

В случае утверждения Вами этого мероприятия я дам соответствующие указания командующим войсками военных округов (флотов).

Начальник УНКС Фельдман"

С таким "шифром Фельдмана" были уволены из армии тысячи командиров, и почти все они сразу же по прибытии на место жительства арестовывались, как только местные органы НКВД видели на их документах шифр "О. У.", - он, собственно, был

сигналом для ареста. Шифр "О.У." являлся страшным "клеймом" для латышей, поляков, эстонцев, литовцев, финнов, корейцев, китайцев и лиц других национальностей, не входивших тогда в Советский Союз.

Кроме того, в этом приказе говорилось: "Выявить всех родившихся, проживающих или имеющих родственников в Германии, Польше и других иностранных государствах и наличие связи с ними".

Все командиры с шифром "О. У.", вне зависимости от их честности, опыта работы, партийности, участия в гражданской войне, отличий по защите Родины, были уволены из Красной Армии. Списки этих уволенных в запас командиров направлялись в НКВД. Нетрудно догадаться о их дальнейшей судьбе - в НКВД "рулили" единомышленники Фельдмана, начиная с наркома Ягоды.

В числе многих уволенных с клеймом "О.У." был, например, комдив Данило Сердич, серб по национальности, которого высоко ценил Жуков. Сердич командовал дивизией, в годы гражданской войны проявил себя исключительно храбрым человеком, был награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. В дни Октябрьской революции он командовал сводным отрядом Красной гвардии в Петрограде и являлся одним из активнейших участников революции. Это был прекрасный во всех отношениях человек. Но по национальности он был серб, и этого оказалось достаточно, чтобы под общую метелку его уволили. Ну а как только он со злополучным шифром "О.У." вышел из рядов армии, его тут же арестовали и расстреляли.

С клеймом "О. У." был арестован и поляк комбриг Рокоссовский.

Любопытен и такой пример из книги бывшего министра юстиции Российской Федерации В. Ковалева "Два сталинских наркома" (Москва, 1995, изд. "Универс"). Эта книга министра-"демократа" содержит злую антисталинскую направленность. Она, по расчету Ковалева, должна разоблачить Сталина и его подручных в жестокости репрессий.

Действительно, вакханалия репрессий быстро стала неуправляемой. "Тройки" и "двойки", словно соревнуясь в эффективности, с пулеметной скоростью решали судьбы людей. Число осужденных к высшей мере наказания стремительно росло. Службы, приводившие смертные приговоры в исполнение, работали с напряжением. Даже возникла проблема индустриализации методов уничтожения. И она была решена.

Конкретные данные на этот счет стали известны много лет спустя из материалов рассекреченного уголовного дела бывшего

начальника административно-хозяйственного отдела Управления НКВД по Московской области Исая Давидовича Берга. В книге В. Ковалева говорится о нем следующее:

"Берг тогда являлся начальником оперативной группы по приведению в исполнение решений "тройки" УНКВД МО. С его участием были созданы автомашины, так называемые душегубки. В этих автомашинах перевозили арестованных, приговоренных к расстрелу, и по пути следования к месту исполнения приговора они отравлялись газом.

Берг признавал, что он организовал приведение в исполнение приговоров с применением автомашины (душегубки), объясняя это тем, что он выполнял указание руководства УНКВД МО и что без них невозможно было бы исполнить столь большое количество расстрелов, к которым арестованных приговаривали три "тройки" одновременно.

Из рассказов на допросах Берга и из разговоров, которые ходили среди сотрудников УНКВД МО, было известно, что процедура приведения приговоров в исполнение, организованная Бергом, носила омерзительный характер: приговоренных к расстрелу арестованных раздевали догола, связывали, затыкали рот и бросали в машину, имущество арестованных под руководством Берга расхищалось.

Не станем подробно рассматривать дело И. Д. Берга, ибо не это предмет нашего повествования. Отметим лишь, что подобных ему "изобретателей" и "умельцев" в оперативных подразделениях по приведению смертных приговоров в исполнение было немало".

Напрасно министр не пожелал "подробно рассматривать", если бы он этим занялся, то обнаружил бы и других коллег И. Берга.

Гамарник, Тухачевский и другие заговорщики - одного поля ягоды. Об этом свидетельствует и тот факт, что ни один из них не заступился ни за кого из многих тысяч боевых соратников по гражданской войне, отправленных Фельдманом в мясорубку репрессий. Это было их общее дело: истреблять "ленинскую гвардию", вызывать недовольство в армии и народе, компрометировать политику Сталина.

Чистка партии и армии была нужна, ее проводил Сталин, это очевидно, и не надо его оправдывать. Но и тот факт, что троцкисты и оппозиционеры подстроились в этом деле к линии партии по очистке и, как во многих прежних делах, извратили ее до абсурда, превратив действительно в кровавую вакханалию, тоже отрицать нельзя.

Еще одно любопытное документальное подтверждение принадлежит одному из тех, кто в 20-е - 30-е годы осуществлял

оппозиционную линию Троцкого. Его имя Михаил Шрейдер. Он написал книгу "НКВД изнутри. Записки чекиста" (М., 1995 г.). Шрейдер прошел много ступеней чекистской службы и действительно все знал в ней "изнутри".

С ностальгической теплотой он вспоминает "товарищей" по карательной службе: А. Агранова (Соренсона), начальника управления тюрем Аветера, начальника ГУЛАГа М. Бермана, его зама Рапопорта, начальника Беломорских лагерей А. Когана, начальника главного управления Л. Бельского, начальника Беломоро-Балтийского лагеря С. Фирина и многих других с подобными фамилиями (которые перечислял сам автор).

С ними Шрейдер занимался расказачиванием, раскулачиванием, истреблением христианских священнослужителей: 600 000 русских людей царских офицеров, попов и кулаков с русскими фамилиями. Шрейдер не без гордости заявляет: "В тюрьмах и лагерях с конца 20-х - середины 30-х годов был образцовый порядок".

Другие авторы - Л. Гордон, Э. Клопов в книге "Что это было?" (М., 1989 г.) сообщают:

"На первой стадии коллективизации, конец 1929 г. - первое полугодие 1930 г., было раскулачено свыше 320 000 семей... (Если в каждой семье минимум 3 человека - это уже миллион! - В. К.). На второй стадии коллективизации - с осени 1930 г. до лета 1931 г. - репрессиям подверглись новые сотни тысяч семей... Таким образом, только в 1929-1931 гг. было раскулачено почти 600 000 семей... Можно заключить, что число арестованных, сосланных и иным образом пострадавших на протяжении (только) первых лет коллективизации достигает 4-5 млн. человек".

Таков "образцовый порядок", который навели Шрейдер и перечисленные им сослуживцы, а Троцкий, как выяснилось, был их главный организатор, вдохновитель и опекун.

И тогда встает вопрос - при чем здесь Сталин, на которого навешивают эти миллионные цифры количества репрессий 20-х - 30-х годов?..

А что касается военного заговора - тем, кто еще сомневается в нем, нелишне перечитать приведенный выше отрывок из стенограммы судебного процесса. Никаких пыток - спокойный диалог. Нет намерения оговорить Тухачевского, лишь деловое изложение обстоятельств: существует план "дворцового переворота", намечены дата и силы, которым предстоит его осуществлять, определено, кого убивать в первую очередь.

Встает вопрос - когда все это стало известно Сталину: во время следствия, на суде или раньше?

Можно полагать, что эти и другие сведения (разговоры на

квартирах) доходили до Сталина сразу же после встреч и совещаний, в том числе и тех, на которых обсуждался план контрреволюционного восстания. Регулярно и безотказно работала служба подслушивания, активно действовали разного рода информаторы.

Сталин еще даже промедлил: арестовали Тухачевского 22-го, а на Лубянку привезли 25 мая. Рисковал Сталин. Очень рисковал. По показаниям еще одного заговорщика, на секретной сходке Тухачевский стучал кулаком по столу и кричал:

"Я не могу больше ждать. Вы что хотите, чтобы нас арестовали как Пятакова и Зиновьева и поставили к стенке?"

Сталин, безусловно, знал и об этом, но арест маршала был оформлен, как полагается - решением Политбюро и санкцией генерального прокурора.

Только и слышишь сегодня: "Сталин - кровавый злодей, уничтожил тысячи невиновных, обезглавил Красную Армию, истребив 40 тысяч командного состава".

Как же так - заговорщики признали свою вину, умоляли суд о пощаде, а нынешние опровергатели их преступных деяний истошно кричат на весь мир: "Не было этого, их вынудили под пытками, им все приписали, подтасовали!"

Впрочем, пытки были, были массовые незаконные аресты и расстрелы, но их осуществляли работники НКВД, суда и прокуратуры из числа троцкистов, оппозиционеров, заговорщиков, которых, кстати, выявлял и обезвреживал Берия. Они сами признавались в применении "физических методов" на следствии.

Было два периода репрессий: первый - до середины 30-х годов (троцкистский), второй (сталинский) - после убийства Кирова.

Пытки и какое-либо воздействие на подсудимых в открытых процессах в Колонном зале и на заговорщиков Тухачевского, как установлено, не применялись. Говорят, Сталин сам следил за ходом этих судов. Факты это подтверждают. Не только следил, но и встречался с некоторыми подсудимыми по их просьбе, по их письмам, напоминавшим о старой дружбе, о признании вины и раскаянии.

Много раз в прессе последних лет говорилось о сорока тысячах репрессированных командиров. Причем они представляются как расстрелянные, а не просто репрессированные. Утверждается также, что подобное истребление продолжалось на протяжении всего периода деятельности Сталина. Однако документы и факты не подтверждают этого обвинения. Всплеск массовых репрессий относится к тридцатым годам, когда несколько десятков тысяч

командиров истребили Фельдман, Гамарник и их соратники по военному заговору.

В 1938 году Сталин сам ужаснулся от допущенных троцкистами перегибов. Тогда на пленуме ЦК ВКП(б) было принято специальное постановление с названной впервые цифрой - 40 тысяч репрессированных. Вот этот документ:

"Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечает, что за 1937-1938 годы под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистили СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и, в особенности, разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937-1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры..."

Далее приводятся конкретные примеры нарушения законности и указывается одна из причин массового террора:

"Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры - как в центре, так и на местах - враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью "дела" против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах...

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры - СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Запретить органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со статьей 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции

прокурора.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР...

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор..."

Вот выдержки из выступления на пленуме Сталина:

"- В ходе своевременного и правильного очищения наших вооруженных сил от проникшей в них иностранной агентуры товарищ Ворошилов и его заместители по наркомату обороны явно перестарались. Доверившись "информации", которую получали от бывшего наркома НКВД Ежова, уволили из вооруженных сил около 40 тысяч опытных командиров - якобы за политическую неблагонадежность. Большинство было уволено под прикрытием ставших модными лозунгов: за связь с врагами народа или за потерю бдительности. Достаточно было НКВД СССР установить, что среди знакомых военнослужащего или среди тех, с кем он повседневно общался по службе, оказался разоблаченный агент иностранной разведки, чего он, конечно, не знал и знать не мог, чтобы такого командира немедленно увольняли из вооруженных сил. (Воспоминание О. У. Фельдмана.- В. К.)

Товарища Ворошилова, конечно, можно понять. Потеря бдительности - дело крайне опасное: ведь для того чтобы осуществить успешное наступление на фронте, нужны сотни тысяч бойцов, а чтобы провалить его - два-три мерзавца-предателя в Генеральном штабе. Однако чем бы ни оправдывали увольнение 40 тысяч командиров из вооруженных сил - это мероприятие не только чрезмерное, но и крайне вредное во всех отношениях. Центральный Комитет партии поправил товарища Ворошилова.

К январю 1938 года в армию и на флот возвращено 11 тысяч ранее уволенных опытных в военном деле командиров. Наши враги за рубежом в провокационных целях распространяют слухи о массовых расстрелах, которые якобы имели место в Советском Союзе, проливают крокодиловы слезы по разоблаченным нами и расстрелянным своим агентам, по всем этим Тухачевским, Егоровым, Якирам. Утверждают, что разоблачение иностранной агентуры в СССР якобы понизило боеспособность советских вооруженных сил, а число расстрелянных в Советском Союзе чуть

ли не перевалило за миллион человек. Это провокационная клевета. В 1937 году законтрреволюционные преступления судебными органами осужден 841 человек. Из них расстрелян 121 человек. В 1938 году по статьям о контрреволюционных преступлениях органами НКВД было арестовано 52 372 человека, при рассмотрении их дел в судебных органах осужден был 2731 человек, из них расстреляно 89 человек и 49 641 человек оправдан. Такое большое количество оправдательных приговоров подтвердило, что бывший нарком НКВД Ежов арестовывал многих людей без достаточных к тому оснований, за спиной ЦК партии творил произвол, за что и был арестован 10 апреля 1939 года, а 4 апреля 1940 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР провокаторы Ежов и его заместитель по НКВД Фриновский расстреляны. Что касается большинства заключенных, находящихся в лагерях системы ГУЛАГа НКВД СССР, то это обычные уголовники, которых в интересах безопасности советского народа нельзя держать на свободе.

Иностранная же агентура, которая всегда организует и провоцирует антисоветские выступления, нами уничтожена. То, что мы, товарищи, очистили вооруженные силы от заговорщиков и предателей, освободили страну от иностранной агентуры, - большая заслуга Коммунистической партии перед советским народом. Без этого нельзя было бы осуществить хорошую подготовку страны к обороне, ведь расстрелянные враги народа основной своей задачей ставили свержение советского строя, восстановление капитализма и власти буржуазии в СССР, который бы в этом случае превратился в сырьевой придаток Запада, а советский народ - в жалких рабов мирового империализма. Важное место в планах врагов народа занимали: подрыв экономической и военной мощи СССР, содействие иностранным агрессорам в деле нападения на СССР, подготовка военного поражения СССР..."

Это сказано Сталиным до Великой Отечественной войны. Нетрудно предположить, какие злодеяния учинили бы троцкисты (хорошо организованные), осуществляя свои планы по содействию гитлеровской и японской армиям.

Далее Сталин рассказал о планах троцкистов - планах, удивительно схожих с тем, что произошло с нашей страной в 80-е - 90-е годы. Можно только изумляться стратегической прозорливости Иосифа Виссарионовича.

"- Захватив власть и установив бонапартистские порядки в стране, опираясь на вооруженное ими контрреволюционное отребье, на уголовные и деклассированные элементы, эти презренные и жалкие предатели намеревались прежде всего

отказаться от социалистической собственности, продав в частную собственность капиталистическим элементам важные в экономическом отношении наши хозяйственные объекты; под видом нерентабельных ликвидировать совхозы и распустить колхозы; передать трактора и другие сложные сельскохозяйственные машины крестьянам-единоличникам, именуемым фермерами, для возрождения кулацкого строя в деревне; закабалить страну путем получения иностранных займов; отдать в концессию важные для империалистических государств наши промышленные предприятия; отдать Японии сахалинскую нефть, а Украину - Германии. В то же время осужденные враги народа стремились всеми силами подорвать боеспособность советских вооруженных сил.

Вот что, например, о планах врагов народа заявил на процессе один из активных участников антисоветского заговора Сокольников: "...Мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу капитализма - потому что тогда сможем опереться на некоторые слои в стране, - создавать мелкокапиталис-тическую среду, мелких торговцев, мелкую буржуазию".

Корни этой компании, этой банды надо было искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, оплачивавших их верную холопскую службу. И мы эти корни нашли.

Не покладая рук, работали иностранные разведчики, отыскивая и находя себе, к сожалению, союзников в нашей стране, помощников в среде, правда, разложившихся, враждебных советскому строю людей.

Поскольку разоблаченные и расстрелянные враги народа имели своей целью открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору, своевременное разоблачение и ликвидация их - одно из важнейших мероприятий в деле подготовки страны к успешной обороне".

О том, что Сталин был человек решительный, говорить излишне. Обнаружив такие происки врагов, он принял необходимые, по его понятиям, государственные меры, провел "оздоровительную" чистку в органах НКВД.

Сталин помнил о десятках тысяч сионистов из Еврейской коммунистической партии, принятых против его воли в ВКП(б). Очень большую силу имели эти сионисты, слившиеся с оппортунистами всех мастей; во главе с Троцким они занимали высокие посты в НКВД, прокуратуре, судах, лагерях и партийных органах.

Сталин помнил многих по именам (да и списки сохранились).

Всегда помнил он и их черные дела, когда решения партии доводились до абсурда и компрометировались добрые начинания истинных большевиков. Сталин все помнил. И они за все заплатили.

Завершая исследования о причинах возникновения и о проведении массовых репрессий в нашей стране с 1922 по 1938 годы, необходимо сослаться еще на один документ, с самого низа айсберга, с той его подводной части, куда, наверное, еще никто не заглядывал. Документ этот по содержанию ужасный, фиксирующий гибель нескольких сот тысяч человек!

СОВ. СЕКРЕТНО Товарищу СТАЛИНУ

СПРАВКА

В период с 1919 по 1930 гг. органами ВЧК - ОГПУ было расстреляно около 2,5 млн. врагов народа, контрреволюционеров, саботажников и пр.

В период с 1930 по 1940 гг. органами ОГПУ - НКВД СССР привлечено к уголовной ответственности и осуждено врагов народа по приговорам судов по ст. 58 УК РСФСР 1 300 949 чел. Из них расстреляно по приговорам судов 892 985 чел. Продолжают отбывать наказание 407 964 чел. В том числе:

контрреволюционеры, бывшие ленинские партийные лидеры, вставшие на путь контрреволюции: осуждено 937 110 чел. Расстреляно 686 271 чел. Продолжают отбывать наказание 250 839 чел.;

члены Коминтерна, вставшие на путь контрреволюции и вредительства: осуждено 180300 чел. Расстреляно 95854 чел. Продолжают отбывать наказание 84 446 чел.;

по делу врачей-вредителей осуждено 3959 чел. Расстреляно 1780 чел. Продолжают отбывать наказание 2066 чел.;

по делу писатепей-"гуманистов" осуждено 39 870 чел. Расстреляно 33 000 чел. Продолжают отбывать наказание 6870 чел.;

из числа военнослужащих и вольнонаемных РККА осуждено за измену Родине шпионов и врагов народа 76 634 чел. Расстреляно 35 000 чел. Продолжают отбывать наказание 37 568 чел.

Из числа сотрудников НКВД, разоблаченных и выявленных врагов народа осуждено 63 079 чел. Расстреляно 41 080 чел. Продолжают отбывать наказание 22 319 чел.

Из всех осужденных врагов народа 90% - лица еврейской национальности.

Данные приведены без учета смертности в лагерях. Приложение: сведения по регионам СССР, таблица на 2-х листах, рапорт начальника 1 СО НКВД СССР тов. Баштакова на 2-х листах.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР (Л. Берия).

Совершенно ясно, что не один Сталин осуществлял страшные дела. Огромную роль играли в этом его верные и услужливые соратники - Ворошилов, Ежов, Берия, Мехлис, Ульрих - с одной стороны, и с другой - оппозиционеры Троцкий, Ягода, Берман, Аветер, Фельдман и многие другие.

Факты, как говорится, упрямая вещь. Это не высосанные из пальца разного рода публикации недобросовестных исследователей о судебных процессах 1937-1938 годов. А такого добра за последние годы - несть числа. Подобные публикации, как и досужие слухи, создавались и распространялись с определенной целью - породить сомнение по поводу законности этих процессов. Авторы таких "сочинений" в большинстве не имели прямого соприкосновения ни с подсудимыми, ни с документами следствия. Все, что они писали, озаренные перестроечной эйфорией, - это переложение всяческих домыслов, чтобы любой ценой выгородить заговорщиков, представить их несчастными жертвами. Это не так - что подтверждают и непосредственные участники процессов: с одной стороны, сами подсудимые, с другой - журналисты, дипломаты (их сотни), которые присутствовали на открытых заседаниях суда в самом большом зале в центре Москвы.

Все подсудимые на вопрос председателя суда Ульриха - признают ли они себя виновными - отвечали неизменно утвердительно. Попытаемся, во-первых, установить - был ли суд инсценировкой, подвергались ли подсудимые физическому и

психическому воздействию.

Известный зарубежный писатель Леон Фейхтвангер по этому поводу в своей книге "Москва 1937", изданной на Западе (позднее и у нас, но теперь умалчиваемой), писал:

"Пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что исторические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством.

Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились как соль в воде под воздействием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили...

В основном процессы были направлены, прежде всего, против самой крупной фигуры - отсутствовавшего обвиняемого Троцкого. Главным возражением против процесса являлась недостоверность предъявленного Троцкому обвинения.

"Троцкий, - возмущались противники, - один из основателей Советского государства, друг Ленина, сам давал директивы препятствовать строительству государства, одним из основателей которого он был, стремился разжечь войну против Союза и подготовить его поражение в этой войне? Разве это вероятно? Разве это мыслимо?"

После тщательной проверки оказалось, что поведение, предписываемое Троцкому обвинением, не только не невероятно, но даже является единственно возможным для него поведением, соответствующим его внутреннему состоянию.

Троцкий бесчисленное множество раз давал волю своей безграничной ненависти и презрению к Сталину. Почему, выражая это устно и в печати, он не мог выразить это в действии? Действительно ли это так невероятно, чтобы он, человек, считавший себя единственно настоящим вождем революции, не нашел все средства достаточно хорошими для свержения "ложного мессии", занявшего с помощью хитрости его место? Мне это кажется вполне вероятным.

Мне кажется также вероятным, что если человек, ослепленный ненавистью, отказывался видеть признанное всеми успешное хозяйственное строительство Союза и мощь его армии, то такой человек перестал также замечать непригодность имеющихся у него средств и начал выбирать явно неверные пути.

...Он великий игрок. Вся жизнь его - это цепь авантюр: рискованные предприятия очень часто удавались ему.

Русским патриотом Троцкий не был никогда... Что же являлось и является и ныне главной целью Троцкого? Возвращение в страну любой ценой, возвращение к власти".

Далее писатель, хорошо информированный о политической ситуации на Западе, пишет о том, что Троцкий не только активизировал своих сторонников в Советском Союзе, вплоть до террора и подготовки физического уничтожения Сталина и его сторонников, на сотрудничество с фашистами, он вместе с ними готовил "пятую колонну" для ослабления СССР перед войной и нанесения ударов в тылу, когда начнется война.

Фейхтвангер далее продолжает:

"Что касается Пятакова, Сокольникова, Радека, представших перед судом во втором процессе, то по поводу их возражения были следующего порядка (возражения у писателя. - В. К.): невероятно, чтобы люди с их рангом и влиянием вели работу против государства, которому они были обязаны своим положением и постами...

Мне кажется неверным рассматривать этих людей только под углом зрения занимаемого ими положения и их влияния. Пятаков и Сокольников были не только крупными чиновниками. Радек был не только главным редактором "Известий" и одним из ближайших советников Сталина. Большинство этих обвиняемых были, в первую очередь, конспираторами, революционерами, бунтовщиками и сторонниками переворота - в этом было их призвание... К тому же они верили в Троцкого, обладавшего огромной силой внушения. Вместе со своим учителем они видели в "государстве Сталина" искаженный образ того, к чему они сами стремились, и свою высшую цель усматривали в том, чтобы внести в это искажение свои коррективы.

Не следует также забывать о личной заинтересованности обвиняемых в перевороте. Ни честолюбие, ни жажда власти у этих людей не были удовлетворены. Они занимали высокие должности, но никто из них не занимал ни одного из тех высших постов, на которые, по их мнению, они имели право; никто из них, например, не входил в состав Политического бюро. Правда, они опять вошли в милость, но в свое время их судили как троцкистов, и у них не было больше никаких шансов выдвинуться в первые ряды. Они были в некотором смысле разжалованы, а "никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны", - говорит Радек".

Фейхтвангер пишет о зарубежной прессе, утверждавшей, что обвиняемых якобы подвергали гипнозу, давали им специальные наркотические средства и т. п. Его спрашивали: "Вы видели и слышали обвиняемых: создалось ли у Вас впечатление, что их

признания вынужденны?"

И писатель отвечал:

"Это впечатление у меня действительно не создалось. Людей, стоявших перед судом, никоим образом нельзя было назвать замученными, отчаявшимися существами, представшими перед своим палачом. Вообще не следует думать, что это судебное разбирательство носило какой-либо искусственный или даже хотя бы торжественный, патетический характер.

Ничто не разделяло суд от сидящих в зале. Не было также ничего, что походило бы на скамью подсудимых; барьер, отделявший подсудимых, напоминал скорее обрамление ложи. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику... Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности... Очень жаль, что в Советском Союзе воспрещается производить в судах фотографирование и записи на граммофонные пластинки. Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше.

Признавались они все, но каждый на свой манер: один с циничной интонацией, другой молодцевато, как солдат (армии Троцкого), третий внутренне сопротивляясь, прибегая к увертками, четвертый, как раскаявшийся ученик, пятый - поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы".

Далее писатель характеризует поведение на процессе целого ряда участников. Подчеркивает, что члены суда, прокурор ни разу не повышали голоса, все вели себя в высшей степени корректно.

Фейхтвангер отрицает, что прокурор (или судья) прерывал подсудимых, затыкал им рот, хамил, кричал, бесцеремонно лишал слова. Фейхтвангер задает от имени сомневающихся вопрос: подсудимые не защищаются, не пытаются привести в свое оправдание смягчающие обстоятельства - почему?

"То, что обвиняемые признаются, объясняется очень просто. На предварительном следствии они были настолько изобличены свидетельскими показаниями и документами, что отрицание было бы для них бесцельно.

...В 1935 году перед лицом возрастающего процветания Советского Союза обвиняемые должны были признать банкротство троцкизма. В силу этих обстоятельств... признания обвиняемых прозвучали как вынужденный гимн режиму Сталина.

Эти троцкисты... уже не могли защищать то, что они совершили, потому что их троцкистские убеждения были до такой степени опровергнуты фактами, что люди зрячие не могли больше в них верить. Что же оставалось им делать, после того как они стали на неправую сторону?.. В последнем выступлении перед смертью признаться: социализм не может быть осуществлен тем путем, которым мы шли..., а только другим путем - путем, предложенным Сталиным.

Но даже если отбросить идеологические побудительные причины и принять во внимание только внешние обстоятельства, то обвиняемые были прямо-таки вынуждены к признанию. Как они должны были себя вести после того, как они увидели перед собой весьма внушительный следственный материал, изобличающий их в содеянном? Они были обречены, независимо от того, признаются они или не признаются... Грубо говоря: если они не признаются, они обречены на смерть на все сто процентов, если признаются - на девяносто девять... Из их заключительных слов видно, что такого рода соображения действительно имели место".

Послушайте, защитники Бухарина и обвинители правосудия, что кричит Бухарин, по сути дела, уже с того света:

"Мне кажется, что когда по поводу процессов, проходящих в СССР, среди части западноевропейской и американской интеллигенции начинаются различные сомнения и шатания, то они, в первую очередь, происходят из-за того, что эта публика не понимает того коренного отличия, что в нашей стране противник, враг, в то же самое время имеет это раздвоенное, двойственное сознание. И мне кажется, что это нужно в первую очередь понять.

Я позволяю себе на этих вопросах остановиться потому, что у меня были за границей среди этой квалифицированной интеллигенции значительные связи, в особенности среди ученых, и я должен и им объяснить то, что у нас в СССР знает каждый пионер.

Часто объясняют раскаяние различными, совершенно вздорными вещами вроде тибетских порошков и так далее. Я про себя скажу, что в тюрьме, в которой я просидел около года, я работал, занимался, сохранял голову. Это есть фактическое опровержение всех небылиц и вздорных контрреволюционных россказней.

Говорят о гипнозе. Но я на суде, на процессе вел юридически свою защиту, ориентировался на месте, полемизировал с государственным обвинителем, и всякий, даже не особенно опытный человек в соответствующих отделах медицины, должен будет признать, что такого гипноза вообще не может быть..." и т.

д.

И вот последняя фраза в "последнем слове Бухарина", она как будто обращена прямо к нынешним "правозащитникам":

"Я, a priori, могу предположить, что и Троцкий и другие мои союзники по преступлениям, и II Интернационал будут пытаться защищать нас, в частности и в особенности меня. Я эту защиту отвергаю, ибо стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед народом. Чудовищность моих преступлений безмерна..."

Можно было бы привести еще несколько подобных откровений других подсудимых, но для краткости ограничимся признанием Троцкого, самого главного обвиняемого на открытых судебных процессах, хотя он и не сидел на скамье подсудимых.

Вот что он пишет в книге "Преступления Сталина":

"Ход внутрипартийной борьбы развеял иллюзии Зиновьева и Каменева насчет скорого возвращения к власти. Они сделали вывод, прямо противоположный тому, который отстаивал я. "Раз нет возможности вырвать власть у правящей ныне группы, - заявил Каменев, - остается одно вернуться в общую упряжку". К тому же заключению, с большими колебаниями в ту и другую сторону, пришел и Зиновьев.

В течение следующих десяти лет я не переставал бичевать капитуляцию Зиновьева и Каменева.

26 мая 1928 года я писал из Алма-Аты (Центральная Азия) друзьям: "Нет, мы партии еще очень и очень понадобимся. Не нервничать по поводу того, что "все сделается без нас", не теребить зря себя и других, учиться ждать, зорко глядеть и не позволять своей политической линии покрываться ржавчиной личного раздражения на клеветников и пакостников - вот каково должно быть наше поведение.

Не будет преувеличением сказать, что высказанная в этих строках мысль является основным мотивом моей политической деятельности".

Вина заговорщиков настолько очевидна, что вопрос - верить или не верить - вообще здесь не стоит. Он просто требует уточнения - кому верить? Тем, кто изливает сомнения и обвинения, не имея на то никаких оснований, кроме своей тенденциозной направленности (и натравленности), или непосредственным участникам и свидетелям этих процессов?

Нельзя также оскорблять недоверием тех, кого расстреляли. Перед тем как уйти из жизни, они наверняка хотели сказать народу правду.

Из стенограмм судебных процессов 1937-1938 годов, из политической платформы правых, из их стратегии и тактики

обнаруживается полное совпадение с политикой и практикой нынешних реформаторов в России. Но если у заговорщиков все было в теории, то наши перестроечники-"демократы" осуществили это на практике. То есть в действительности они оказались наследниками троцкистов, оппозиционеров, заговорщиков.

Именно поэтому они, прежде всего, реабилитировали всех "врагов народа", осужденных в показательных процессах 1937-1938 годов, оказались их единоутробными братьями. Единомышленниками.

Для Сталина, для законов, которые существовали в то время в СССР, троцкисты были и юридически, и практически несомненными преступниками, чего они и сами не отрицали.

Следовательно, и репрессии были естественной ответной реакцией на преступления, вражескую деятельность троцкистов, контрреволюционеров и военных заговорщиков.

О репрессиях

Хрущевым и заведенной им после XX съезда прессой утверждалось, что Сталин проводил репрессии, движимый исключительно амбициозным желанием оставаться в истории вторым после Ленина руководителем в Октябрьской революции, гражданской войне, а после смерти Ленина - первым историческим лицом, создателем социалистического государства. Для достижения этой цели Сталин якобы безжалостно уничтожил бывших революционеров, которые в какой-то форме не поддерживали это его желание, зная правду о его действительном не первостепенном положении в революции и в партии в те годы.

"Личные амбиции, жестокость и недальновидность" - таково объяснение сталинских репрессий пришедшими к власти "демократами" в перестроечные годы. На утверждение этой версии брошены все силы средств массовой информации, представляющие Сталина "палачом, извергом, беспринципным, единовластным диктатором".

Все это лишь видимая, надводная часть айсберга, имя которому политическое нашествие на Россию. Подводная часть этого айсберга - большая часть, главное основание - для широкой массы людей невидима. Подводную часть старательно прячут пришельцы и всех мастей доморощенные разоблачители Сталина.

Мудрые люди говорят, что все познается в сравнении. Последуем и мы этому доброму совету. Постараемся взглянуть на подлинные документы и факты непредвзято.

Репрессии проводились во всех революциях и восстаниях. Это уже считается закономерным: приходят к власти новые силы, они убирают прежних сопротивляющихся властителей и их приближенных. В России после революции чистка от

представителей старого строя затянулась на несколько лет. В числе репрессируемых, как возможных врагов революционных преобразований, истребляли "буржуев", бывших офицеров, жандармов, кулаков, священнослужителей. Но, повторяю, политическими деятелями, а позднее историками, это воспринималось как естественное для революции явление, протест вызывали только масштабы.

Репрессии, о которых пойдет разговор, проводились в мирное время и были своеобразной аномалией для революции. Происходило нечто непонятное: репрессировались не только представители старого царского строя, а революционеры начали истреблять своих же соратников-революционеров, с которыми свергали царя и защищали молодую республику на фронтах гражданской войны.

Не всем и не сразу понятно, как и почему произошло разъединение двух групп революционеров, приведшее к борьбе не на жизнь, а на смерть и, в конечном счете, к физическому уничтожению друг друга. Начался раскол, когда еще революционеры были в подполье, представляли собой вроде бы единую партию, но уже тогда в ней появились разногласия по программным и тактическим проблемам. Партия разделилась на большевиков и меньшевиков.

Каждой стороной это разъединение объяснялось одинаково - якобы для того, чтобы быстрее принести свободу и счастье народу, ради чего, собственно, и была начата вся революционная борьба.

Настоящая причина разлада была совсем не в бесконечных спорах и дискуссиях, а в том, что извечно губило все движения, восстания, революции, - это борьба за власть внутри руководства, амбиции и претензии на господство, по виду групповое, а на деле - индивидуальное и эгоистичное. Имя этой болезни - вождизм. Эта болезнь всегда очень тщательно скрывается. В ней никто не признается, прячут ее от окружающих и даже от себя претенденты на лидерство. Но, если разматывать клубок политических противоречий до конца, то внутри его окажется именно эта гибельная бацилла вождизма. Известно, что факты можно истолковать, объяснить как угодно, подвести к желаемым выводам. Например, грандиозные сражения второй мировой войны ее участники в мемуарах и ученые-историки в своих трудах описывают в зависимости от того, на чьей стороне они воевали и кому выражают свои симпатии. Так и о репрессиях по-разному пишут и объясняют, исходя из своих политических убеждений, хотя опираются на одни и те же факты.

Во второй половине XX века (после смерти Сталина) ни по

какой другой теме не писали (и не пишут по сей день) так много в нашей и зарубежной печати, как о репрессиях. Случайно ли это?

Вроде бы объективную причину репрессий я услышал от Молотова, ближайшего соратника и единомышленника Сталина. Не раз я заводил с ним разговор на эту тему, в последние десять лет его жизни часто бывая у него на даче.

Но по порядку.

Однажды Молотов подробно рассказал, на мой взгляд, о самом главном - о репрессиях:

- Вы должны понять прежде всего то, что репрессии являются следствием борьбы за власть, с одной стороны, и уничтожением вражеской агентуры, в которую превратились троцкисты, с другой стороны. Еще до революции в партии произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Идейные разногласия приводили не только к словесным битвам за формулировки каких-то программ, решений и постановлений. Борьба велась и за руководящее положение в центральных органах партии.

После революции были в партии два течения, которые продолжали борьбу уже в новых условиях, но, в конечном счете, и это было соперничество за власть - я имею в виду ленинцев и троцкистов.

Сталину досталось очень тяжелое наследство: опытный, талантливый руководитель Троцкий с его могучей организацией (многие государственные и партийные посты занимали его единомышленники). Для того чтобы справиться с ними, Сталину необходима была опора на людей, которые его поддерживали бы.

В тридцатые годы у Сталина еще не было авторитета, необходимого для Генсека. Поэтому во всех своих делах и выступлениях он подчеркивал, что является продолжателем дела Ленина. Авторитет Ленина служил ему опорой. Ленинцы объединялись вокруг Сталина в борьбе с троцкистами.

Надо не упускать из виду, что Сталин и его сторонники в те годы были стороной, которая защищалась от нападок троцкистов.

При неукротимой энергии Троцкого, его напористости и эрудиции Сталину очень нелегко приходилось в неравной борьбе. Сначала все шло в словесных битвах. Затем Иосиф Виссарионович, будучи человеком крутым и решительным, стал кроме говорильни и дискуссий применять власть. Ну а власть, как вы знаете, оружие очень сильное. Сталин свалил и выслал самого Троцкого и принялся выкорчевывать его сторонников. А их было много! И они оружия не сложили. Троцкий продолжал руководить своей оппозицией из-за рубежа. Ставилась задача: не только свержение Сталина и его соратников, но и физическое устранение. Троцкисты первыми перешли к террору - убийство

Кирова стало апогеем в этой их черной затее. Но Сталин после убийства Кирова тоже показал зубы и даже клыки!

Что бы сегодня ни писали, ни выдумывали о причастности Сталина к убийству Кирова, все это неправда, попытка обелить троцкистов. Сталин по-настоящему дружил и высоко ценил Сергея Мироновича.

Ну а потом пошло и поехало. Как снежный ком с горы. Сталин истреблял своих врагов в центре, а на местах угодники, желая выслужиться перед Генсеком, выискивали врагов в республиках и областях. А заодно, оказывается, "убирали" и своих недоброжелателей, людей чем-то неудобных местной власти...

Таковы были пояснения Молотова. Я спросил Вячеслава Михайловича:

- Неужели у Вас не возникали сомнения, ведь арестовывали людей, которых Вы хорошо знали по их делам еще до революции, а затем в гражданской войне?

- Сомнения возникали, однажды я об этом сказал Сталину, он ответил: "Поезжайте на Лубянку и проверьте сами, вот с Ворошиловым". В это время в кабинете был Ворошилов. Мы тут же поехали. В те дни как раз у нас были свежие недоумения по поводу ареста Постышева. Приехали к Ежову. Он приказал принести дело Постышева. Мы посмотрели протоколы допроса: Постышев признает себя виновным. Я сказал Ежову:

"Хочу поговорить с самим Постышевым". Его привели. Он был бледный, похудел и вообще выглядел подавленным. Я спросил его: "Правильно ли записаны в протоколах допроса Ваши показания?" Он ответил: "Правильно". Я еще спросил: "Значит, Вы признаете себя виновным?" Он ответил: "Раз подписал, значит, признаю, чего уж тут говорить..." Вот как было дело. Как же мы могли не верить, когда человек сам признается...

В одном выступлении на Пленуме Сталин изложил причины репрессий. Первую из них он указывает ту же, о которой мне сказал Молотов в нашей беседе. "В стране боролись две программы - непримиримые, как смертельные враги, стоящие одна против другой. Две программы, два лагеря. С одной стороны - оторванная от народа и враждебная народу маленькая кучка людей, ставшая агентами иностранных разведок (троцкисты. - В. К.), с другой стороны - трудящиеся, строящие светлое социалистическое общество, обеспечивающее им свободную и сытую жизнь" (сталинисты.- В. К.).

Другой причиной расширения репрессий Сталин считал следующее: "...среди коммунистов существуют еще не вскрытые и не разоблаченные отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из

партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии.

Такой карьерист-коммунист полагает, что раз на члена партии подано заявление, хотя бы неправильное или даже провокационное, он, этот член партии, опасен для организации и от него нужно избавиться поскорее, чтобы застраховать себя как бдительного. Поэтому он считает излишним объективно разбираться в предъявленных коммунисту обвинениях и заранее предрешает необходимость его исключения из партии.

В связи с этим Пленум обязал обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий снимать с партийных постов и привлекать к партийной ответственности тех партийных руководителей, которые не выполняют директив ЦК ВКП(б), исключают из партии членов и кандидатов ВКП(б) без тщательной проверки всех материалов и допускают произвол по отношению к членам партии".

Исходя из этого, часть вины, которую огульно валят на Сталина, наверное, следует переложить на подхалимов, перестраховщиков и тех, о ком говорят: "Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет".

Во все времена все государственные руководители и военачальники при приближении войны не только готовили армию, но очищали тыл от шпионов и ненадежных субъектов, которые с началом боевых действий могли принести огромный вред своим войскам и содействие противнику.

Напомню пример из истории.

Русские войска, изгнав Наполеона со своей земли, приближались к Парижу. Наполеон с главными силами отошел не к столице, а на юг, за Манд, рассчитывая ударить во фланг армиям союзников, которые, конечно же, пойдут на Париж и подставят свой фланг.

Казакам удалось поймать французского гонца, который с несколькими пакетами направлялся из Парижа к Наполеону. Письма доложили царю Александру I. В одном из донесений сообщалось, что в Париже есть группа влиятельных лиц, проявляющих открытую вражду к императору Наполеону и готовых стать чрезвычайно опасной силой в условиях, когда противник приблизится к столице. (Силы эти представляли собой нечто похожее на наших троцкистов они, служа Наполеону, намеревались втайне реставрировать старый дореволюционный строй).

Императору Александру I и до этого поступала информация,

и даже приезжали эмиссары от оппозиционеров, но он не доверял им. Теперь, убедившись по захваченной переписке, что враждебные силы действительно существуют и помогут наступающим, Александр I решил двинуть силы союзных армий на Париж, не ввязываясь в последний бой с главными силами французского императора. Взятие Парижа означало победный конец войны. Сам Наполеон воскликнул: "Если неприятель дойдет до Парижа - конец империи!"

Роялисты-оппозиционеры (как троцкисты) занимали многие государственные посты, например, Талейран был верховным камергером - нечто равное нашему председателю правительства (Каменеву). Роялисты в Париже саботировали распоряжения Наполеона по организации обороны столицы, распространяли слухи, что русский император обещает французам неприкосновенность личности и имущества. "Русский царь берет Париж под свое покровительство". Талейран (как наши перевертыши) организовал государственный переворот и доложил русскому царю, что сенат лишил Наполеона престола, создал новое правительство. С этим правительством в дальнейшем Александр I и его союзники вели переговоры о мире. Затем сенат провозгласил королем Людовика XVTI1. В общем, контрреволюция состоялась. Этот пример подтверждает: если оппозицию ("пятую колонну") вовремя не убрать, она может восторжествовать и привести к очень трагическим последствиям.

Нет сомнения, Сталин хорошо знал историю и готовил страну к обороне, очищал ее от враждебных сил, он был осведомлен о действиях оппозиции внутри страны и проникающей из-за рубежа агентуры.

Между прочим, Леон Фейхтвангер, не будучи военным деятелем, очень точно и метко написал в своей книге:

"Главной причиной, заставившей руководителей Советского Союза провести этот процесс перед множеством громкоговорителей, является, пожалуй, непосредственная угроза войны. Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае - ссылать... Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имеющие серьезного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность".

Убедительно оправдывают Сталина в его репрессиях против врагов, слова человека с той, с зарубежной стороны, который по своему положению ни в коем случае не может считаться другом Советского Союза. Я имею в виду бывшего американского посла в СССР Джозефа Дэвиса. Вот что он писал в газете "Санди Экспресс"

в 1941 году. После нападения Германии на Советский Союз его спросили: "А что Вы скажете относительно членов "пятой колонны" в России?" Он ответил: "У них таких нет, они их расстреляли". Дэвис говорит далее: "Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935-38 гг. являются возмутительными примерами варварства, неблагоприятности и проявлением истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников".

После подробного изложения планов Бухарина и его сподвижников троцкистов - Дэвис пишет: "Короче говоря, план этот имел в виду полное сотрудничество с Германией. В качестве вознаграждения участникам заговора должны были разрешить остаться на территории небольшого, технически независимого советского государства, которое должно было передать Германии Белоруссию и Украину, а Японии - приморские области и сахалинские нефтяные

промыслы".

Дэвис заявляет также, что советское сопротивление, "свидетелями которого мы в настоящее время являемся (боевые действия 1941 года. - В. К.), было бы сведено к нулю, если бы Сталин и его соратники не убрали предательские элементы".

Обобщая, подводя итог "сталинским репрессиям", оппоненты из троцкистов заявляют: Сталин уничтожил "ленинскую гвардию".

Так ли это? Вспомним, что говорил сам Ленин о "гвардии", которую репрессировал Сталин. Например, Зиновьева и Каменева еще в 1917 году за предательство Ленин назвал "политическими проститутками", а в "завещании" писал: "Это не является случайностью". Следовательно, Ленин предвидел систематическую антипартийность Каменева и Зиновьева.

О Бухарине, наряду с его талантливостью, Ленин отмечает: "его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое, он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики".

О Пятакове Ленин пишет: "Он не тот человек, на которого можно было положиться в серьезном политическом вопросе". Говорил и о самом "Иудушке Троцком", с его, по определению Ленина, "небольшевизмом", "его борьбой против ЦК", "чрезмерной самоуверенностью" и "чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела", неоднократным предательством. Прежде всего это была многотысячная Еврейская коммунистическая партия с ее сионистской сутью, влитая в

ВКП(б) усилиями троцкистов, - перекрасившиеся эсеры, бундовцы и прочие, которые тоже стали объектом "сталинских репрессий".

Разве можно всех, перечисленных выше, называть "ленинской гвардией?" Наверное, более точное название этим проникшим в большевистскую партию было бы - "сионистская гвардия Троцкого".

И если это так (а это именно так), то "сталинские репрессии" обретают совсем иной смысл и направленность: Сталин вынужден был защищать страну и партию от враждебных действий оппозиционеров-заговорщиков. Он долго вел эту защиту в дискуссиях и спорах. И только когда встал вопрос о "дворцовом перевороте" и уничтожении большевиков-руководителей, Сталин перешел к решительным мерам, которых требовала создавшаяся ситуация.

Таким образом, во всей многолетней борьбе с Троцким и троцкистами Сталин и его единомышленники были стороной защищающейся, репрессии стали крайней вынужденной мерой для разгрома оппозиционеров, которые первыми перешли к крайним мерам - террору против большевистского руководства партии, уничтожению Советского Союза, достижений в строительстве социализма и создании своей антинародной системы правления.

Результатом репрессий, проведенных Сталиным, был не только разгром троцкизма и всяких антисоветских и антирусских блоков и оппозиций - главная победа Сталина, по масштабам исторически стратегическая, фактически это разгром сионизма на территории Советского Союза. Одержав победу над сионизмом, Сталин избавил тем самым народы, населяющие Советский Союз, от порабощения не менее опасного, чем гитлеровское фашистское нашествие. Если бы победу в "политической войне" 20-х - 30-х годов одержали троцкисты, ход истории в нашей стране сразу обрел бы форму истинного порабощения и истребления коренного населения, наподобие того, что происходит сейчас, начиная с 90-х годов, в нашей стране. Об этом, например, красноречиво свидетельствует описанный выше троцкистско-сионистский разгром Русской Православной Церкви.

Многие страдания, горе и трудности всех народов, населяющих советскую страну, лежат на совести заговорщиков и предателей. Не будь их, строительство нового общества и жизнь людей, несомненно, проходили бы более благоприятно, безболезненно и плодотворно. Не было бы массового истребления коренных жителей России (в основном русских) при троцкистском извращении и насильственном насаждении коллективизации. Не истребляли бы кулачество как класс. Не

сбивались бы с толку участники революции, и особенно молодые коммунисты, в бесконечных дискуссиях и провокационных обвинениях Сталина и его сторонников. Не было бы массовых арестов за антисоветские разговоры. Из-за этих спровоцированных троцкистами массовых арестов возникла у людей потребность самозащиты, которая проявилась в доносах, наушничестве, стука-честве, ложных обвинениях и прочих подлостях.

Переполненные тюрьмы и лагеря в 20-х и первой половине 30-х годов это последствие деятельности оппозиционеров. Причем сами они порождали волну "преступлений" и сами же карали, находясь в органах НКВД, прокуратуры, судах и лагерях.

* * *

Читателям, наверное, интересно узнать, что думал, как оценивал сам Сталин деяния заговорщиков и судебные процессы 1937-1938 годов. В личном архиве Сталина сохранилась стенограмма его выступления на расширенном заседании Военного совета. Стенограмма неправленая, она пролежала в сейфе полвека и впервые была опубликована в 1994 году в журнале "Источник", No 3. Поскольку эта публикация дошла до немногих, привожу ее в очень сокращенном виде - самую суть, из которой видно, что заговорщиков привлекли к ответственности на законном основании, а не по прихоти "тирана" и "диктатора", как это утверждают его многочисленные очернители.

Сталин в своем выступлении приводит много конкретных фактов преступных действий и имена их исполнителей. Опускаю все это для краткости, оставляю лишь причины, по которым эти люди, по мнению Сталина, пошли на преступную измену и предательство.

Сталин: - Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних мерзавцами, других - чудаками, третьих помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я и хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего, обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Троцкий, Рыков, Бухарин - это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом, Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский - по военной линии, Якир, Уборевич, Крок, Эйдеман, Гамарник - 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать.

Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах как о враждебном классе трудового народа, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения - вы это знаете?

Голос: - Известно.

Сталин: - Энгельс был сын фабриканта - непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа - неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался - шпионом.

Поэтому общая мерка, что это не сын батрака, - это старая мерка, к отдельным лицам не применимая. Это не марксистский подход.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Так что это вторая ходячая, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще, точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал, не всегда правильна, и очень часто она подводит.

Значит, при характеристике этого ядра и его членов я также эту точку зрения, как неправильную, не буду применять.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их

делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал - 13 человек. Повторяю:

Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них 10 человек шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила.

У нас нет данных, что Рыков сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года Енукидзе. Мы знаем, через кого они получали секретные сведения, через кого доставляли эти сведения - через такого-то человека из германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

У нас нет данных, что Бухарин сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали информируйте, сами не доставляли.

У нас нет данных, что Гамарник сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский, - занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные - Енукидзе, Карахан, как я уже сказал. Ягода - шпион, и у себя в ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные, и работайте так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы - германские шпионы. Так он поступил с Гаем - немецко-япон-ским шпионом. Он это сам признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем - шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером - шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит, Ягода. Дальше - Тухачевский. Вы читали его показания. Голоса: - Да, читали.

Сталин: - Он оперативный план наш, оперативный план - наше святое святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Якир - систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич - не только с друзьями, с товарищами, но он

отдельно сам лично информировал. Карахан - немецкий шпион. Эйдеман немецкий шпион. Карахан - информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзутак. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди.

Могут задать естественно, такой вопрос - как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами оголтелым орудием в руках германского шпионажа? - А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют - дай информацию. Не дашь - у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют - начинайте заговор.

Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3 патентованных подстрекателей-шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер - и они эт& дело готовили.

Тухачевский особенно, который играл роль благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3 месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек? Что это? Что за дивизия в 7 тыс. человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это срам. Как может быть такая дивизия. Я у Тухачевского спрашивал, как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тыс. человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60... 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов? Здесь одно из двух, либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков

поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: "Тов. Сталин, это увлечение". Это не увлечение, это вредительство, проводимое по заказам германского рейхсвера.

Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были не что иное, как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы, и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т. д. Рейхсвер, как могучая сила, берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос - почему этим господам так легко удавалось завербовать людей? Вот мы человек 300-400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 г. и кончая 1937 г. Не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем - недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляется с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человек думает, что он гениален, и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начинали с малого, с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГНУ у нас

в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, т. к. Петер-сон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, не стойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели. (Веселое оживление в зале.)

Третий вопрос - почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки, как-никак, дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии, вам известно, эти успехи несколько вскружили голову; когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, - все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать, какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения.

Успехи одни. Это очень большое дело - успехи. И мы все стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона - самодовольство ослепляет. Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Но отсюда не все видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Есть одно средство настоящей проверки - это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот это насчет сигналов.

Еще недостаток, в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали Генеральный штаб? Для

того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы Генеральный штаб проверял людей, чтобы Генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации.

Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда, когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это неправильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества: на Украине - Якир, здесь в Белоруссии - Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе и что они там вытворяли, бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры.

Спустя рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели: Гаркавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе - представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей. (Смех.) Возвращают бумаги на этих шесть человек - не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры 6 дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

В чем основная слабость заговорщиков и в чем наша основная сила? Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают, и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там другой, там какого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы-не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай

кашу, а мы поглядим. Они боялись народа. Если бы вы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других - в другое, третьих - в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем?

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали, вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же - такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

Голоса: - Чепуха, чудесные люди есть.

Сталин: - В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу.

Ворошилов: - Вот этот самый господчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек 150 людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение 2'/^, почти 3 лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

Буденный: - Я его видел, там все троцкисты, одни взятые уже, другие под подозрением.

(Вспомните доклад Фельдмана Гамарнику о том, как он спасал троцкистов, подставляя вместо них под репрессии невиновных командиров, по придуманному им О. У. - Особому учету. - В. К.)

Сталин: - Так как половину из них арестовали, то значит, нечего тут смотреть...

Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди... Нескромный вопрос. Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы, если такие люди придут и сами расскажут обо всем - простить их. Есть такие люди?

Голоса: - Безусловно. Правильно.

Сталин: - Кое-кого задели случайно. Кое-кто есть из выжидающих - вот рассказать этим выжидающим, что дело проваливается. Таким людям нужно помочь с тем, чтобы их

прощать. Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной. (Смех.)

У этих и оружия нет, может быть, они только знают о врагах, но не сообщают.

Ворошилов: - Положение их, между прочим, неприглядное; когда вы будете рассказывать и разъяснять, то надо рассказать, что теперь не один, так другой, не другой, так третий, все равно расскажут, пусть лучше сами придут.

Сталин: - Простить надо. Даем слово простить, честное слово даем.

ДАМОКЛОВ МЕЧ ВОЙНЫ

"Если подвести итог внешнеполитической деятельности с 1937 до начала 1941 года, то главным является то, что несмотря на происки англо-американского империализма, удалось избежать вовлечения Советского Союза в войну против Германии. В противном случае летом 1939 года нам бы пришлось в одиночестве вести войну на два фронта: против фашистской Германии на западе и Японии на востоке.

...Заключение договора о ненападении с Германией было правильным политическим шагом с нашей стороны. Он дал необходимую передышку для более лучшей подготовки страны к обороне...

Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии"

И. Сталин

(Из выступления на расширенном заседании

Политбюро ЦК ВКП(б), конец мая 1941 года)

Сближение с Германией. Секретный договор

(Август - сентябрь 1939 года)

В городе Данциге находился Верховный комиссар Лиги Наций Буркхардт, его обязанностью было следить за выполнением статуса вольного города Данцига. Буркхардт, постоянно живший в Швейцарии, по профессии был историком, а по взглядам - сторонником того, что происходило в третьем рейхе. Впоследствии он написал мемуары, в которых есть такой эпизод.

10 августа 1939 года на квартиру Буркхардта позвонил лидер местных фашистов Форстер и сказал:

- Фюрер желает видеть вас завтра в четыре часа дня у себя в Оберзальцберге.

- Но это невозможно! Мое положение... И к тому же как я могу попасть туда за такой короткий срок?

- Все предусмотрено. Фюрер предоставляет вам личный

самолет... Сегодня в полночь аэродром будет оцеплен. О вашем отъезде никто не узнает...

Буркхардт, естественно, сообщил об этом приглашении в Лондон и Париж. Английский министр иностранных дел Галифакс попросил Буркхардта поговорить с Гитлером обстоятельно, явно намекая на то, чтобы он узнал, каковы его реальные планы на ближайшее будущее.

В назначенный час Буркхардт прилетел в Оберзальцберг, там его ждала машина, на которой по горному серпантину он двинулся к резиденции Гитлера "Бергхоф" - вилле, сооруженной на высокой скале.

С первых же слов Гитлер обрушился на Польшу:

- Польша прибегает к угрозам в отношении Данцига! Польские газеты заявляют, что это именно тот язык, которым надо со мной разговаривать! Если вновь возникнет малейший инцидент, я без предупреждения разгромлю поляков, так что от них не останется и следа!

- Но это будет означать всеобщую войну, - сказал Буркхардт.

- Пусть так! Если мне суждено вести войну, я предпочитаю, чтобы это было сегодня, когда мне пятьдесят лет, а не когда будет шестьдесят! О чем, в сущности, идет речь? Только о том, что Германия нуждается в зерне и лесе. Для получения зерна мне нужна территория на востоке, для леса - колония, только одна колония. Все остальное ерунда. Я ничего не требую от Запада ни сейчас, ни в будущем. Раз и навсегда:

ничего! Все, что мне приписывают, - выдумки. Но мне нужна свобода рук на востоке. Повторяю еще раз - вопрос идет только о зерне и лесе.

В конце концов Гитлер прямо сказал:

- Все, что я предпринимаю, направлено против России. Мне нужна Украина, чтобы нас не могли морить голодом, как в прошлую войну.

Он еще и еще раз повторял эту мысль, словно для того, чтобы Буркхардт ее получше запомнил и поточнее передал тем, на кого был рассчитан весь этот разговор. Провожая Бурк-хардта, Гитлер заявил:

- Я хочу жить в мире с Англией. Я готов гарантировать английские владения во всем мире и заключить с ней пакт об окончательном урегулировании.

Он даже выразил согласие встретиться с этой целью с кем-либо из английских руководящих лиц.

После встречи Буркхардт немедленно вылетел в Базель и в секретном разговоре передал английским и французским представителям министерств иностранных дел заманчивые

предложения Гитлера, причем ни он, ни его собеседники не подозревали, что все это было предпринято фюрером ради маскировки удара по Польше, дабы изолировать ее от западных союзников, связать им руки этими своими обещаниями!

Именно в эти дни в Москву прибыли военные миссии западных держав, и Гитлер, опасаясь, чтобы Англия и Франция не договорились с Советским Союзом о заключении совместного оборонительного пакта, решил подбросить западным союзникам уверения, что он никогда не будет с ними воевать и никаких намерений на Западе у него абсолютно нет.

Для того чтобы читатели могли воочию убедиться в хитрости и вероломстве Гитлера, я обращу внимание на несколько фактов и дат. Разговор с Буркхардтом, который приведен выше, состоялся 11 августа. Планы войны против Польши к тому времени уже были полностью отработаны, все документы об этом подписаны, и войска находились в состоянии боевой готовности. 5 августа, то есть за шесть дней до этого разговора, шеф службы безопасности Гейдрих вызвал в свою резиденцию на Принц-Альбрехт-штрассе в Берлине тайного агента Альфреда Наужокса, того самого, который был причастен к фабрикации фальшивок по делу Тухачевского и других советских военачальников. Гейдрих дал задание Наужоксу подготовить и провести операцию, с которой, собственно, и началось нападение на Польшу. Эта провокация широко известна, много раз описана, поэтому я напомню ее лишь в общих чертах.

Переодевшись в польскую военную форму, немецкие разведчики совершили налет на свою же радиостанцию в городе Глейвице и, разгромив ее, подбросили польские документы и оставили труп заранее привезенного с собой уголовника, одетого тоже в польскую форму.

Немецкие радиостанции немедленно передали сообщение о провокационном нападении "поляков", а на рассвете 1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут германские армии вторглись на территорию Польши на всем протяжении границы. Этот день в мировой истории принято считать началом второй мировой войны. Позднее, после войны, Наужокс (в свое время представший перед Нюрнбергским судом в качестве одного из военных преступников) написал книгу "Человек, который начал войну", в ней он признает факт провокации: "...необходим был человек, чтобы подготовить инцидент, чтобы, так сказать, нажать курок. Я был этим человеком..."

Беседа Буркхардта с Гитлером состоялась 11 августа, а 12 августа в Москве начались переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции.

Сталин, обеспокоенный агрессивными акциями Германии в Европе и имея данные о том, что Гитлер готовится к нападению и на Советский Союз, предпринимал попытки договориться с правительствами Англии и Франции о совместных усилиях в борьбе с агрессором. Однако некоторые руководители Англии и Франции все еще надеялись, что Гитлер, направив свой удар на восток, против Советской страны, завязнет в этой войне и, сильно ослабев в ней, станет более сговорчивым или, во всяком случае, неопасным ни для Англии, ни для Франции.

Намереваясь испугать Гитлера возможным союзом с СССР, английское и французское правительства предложили советским руководителям провести переговоры, результатом которых был бы проект договора между этими странами. Но это была лишь официальная сторона дела. В действительности же это скорее был прием, для того чтобы толкнуть Германию против СССР. Они понимали, что Гитлер предпримет все, чтобы не допустить подписания такого договора:

ведь для рейха война на два фронта - против Советского Союза на востоке и против Англии и Франции на западе - была смерти подобна.

Англия и Франция подготовили свои военные миссии. Но уже из того, каков был их состав и как долго они собирались, из тех инструкций, что были им даны (а они теперь известны), ясно, что переговоры были рассчитаны только на затягивание времени. Эти переговоры дают возможность понять расстановку сил и интересы ведущих европейских государств в те годы. Я приведу несколько эпизодов, расширяющих наше понимание этого отрезка истории.

В Лондоне советский посол И. Майский устроил завтрак в честь английской и французской миссий, направлявшихся в Москву. На этом завтраке посол, как и полагается опытному дипломату, хотел выяснить, хотя бы ориентировочно, настроение и намерения делегаций. Как оказалось, главой британской делегации был назначен престарелый адмирал Дрэкс. Будучи всего только комендантом Портсмута, Дрэкс никакого влияния в армии не имел, ничего собой не представлял, для того чтобы возглавить такую делегацию.

В разговоре с Дрэксом Майский спросил:

- Скажите, адмирал, когда вы отправляетесь в Москву?

- Это окончательно еще не решено, но в ближайшие дни.

- Вы, конечно, летите?

- О нет! Нас в обеих делегациях, вместе с обслуживающим персоналом, около сорока человек, большой багаж... На аэроплане лететь неудобно.

- Может быть, вы отправитесь в Советский Союз на одном из

ваших быстроходных крейсеров? Это было бы сильно и внушительно: военные делегации на военном корабле... Да и времени от Лондона до Ленинграда потребовалось бы немного.

- Нет, и крейсер не годится. Пришлось бы выселить два десятка офицеров из кают и занять их места... Зачем доставлять людям неудобство? Нет, нет! Мы не пойдем на крейсере. .

Как оказалось, делегация после десятидневных сборов лишь 5 августа отправилась на тихоходном товарно-пассажирском пароходе "Сити оф Эксетер". В будущей же работе им предстояло руководствоваться такой инструкцией: "Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам. Что-нибудь вроде согласованного заявления о политике отвечало бы этой цели". И было в этой инструкции даже такое, прямо скажем, совсем странное указание: "Делегация должна вести переговоры очень медленно, следя за ходом политических событий".

Член французской миссии генерал Бофр позднее писал: "Можно заключить, что англичане не имели никаких иллюзий в отношении результата предстоящих переговоров и что они стремились прежде всего выиграть время. Это было далеко от того, о чем мечтало общественное мнение".

Советскую делегацию возглавлял народный комиссар обороны маршал К. Е. Ворошилов, членами являлись начальник Генерального штаба командарм 1 ранга Б. М. Шапошников, народный комиссар ВМФ флагман флота 2 ранга Н. Г. Кузнецов, начальник ВВС командарм 2 ранга А. Д. Локтионов и заместитель начальника Генерального штаба комкор И. В. Смородинов. Этот состав явно показывает, что в делегацию были включены военные руководители первой величины и советская сторона была готова к самым серьезным решениям.

На первом же заседании глава английской миссии хотел завязать дискуссию о целях и общих принципах сотрудничества, то есть действовал в соответствии с имеющейся у него инструкцией. Однако Ворошилов довольно жестко постарался перевести разговор в конкретное русло:

- Цель у нас ясна, и теперь идет вопрос о выработке плана для достижения этой цели, вот этим я и предлагаю заняться.

Началось обсуждение того, как Англия, Франция и СССР должны совместно действовать, если начнется война с фашистской Германией. Камнем преткновения стала проблема - пропустят ли Польша и Румыния через свою территорию советские войска в случае нападения Германии на Францию,

Англию или союзные с ними страны - для помощи им? Выяснилось, что миссии Англии и Франции не могли предложить никаких определенных планов по этому поводу; воздействовать же на Польшу и Румынию в соответствующем направлении они отказывались, а у СССР с этими странами никаких договоров не было.

Работа военных миссий началась в Москве 12 августа, но к 14 августа уже было ясно, что никакого результата эти переговоры не дадут, и поэтому советская военная миссия вскоре заявила следующее: "Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии. Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции... заранее обречено на неуспех". И ниже: "...Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны".

По всему было видно, что все три участника переговоров не в полной мере понимали опасность, исходящую от фашизма. Это, безусловно, относится к позиции Англии и Франции, да и наша делегация далеко не все сделала, чтобы воздвигнуть барьер против фашистской агрессии. Ворошилов, не имея дипломатического опыта, вел диалог слишком прямолинейно и, по сути дела, не искал компромиссов.

Тем временем в Лондоне предпринимались различные шаги, чтобы найти пути для сговора с фашистской Германией и, если не удастся толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом, то залучить его в коалицию и осуществить это вместе с Англией и Францией. Прогермански настроенная группа политических деятелей Англии рассчитывала, что при всем своем безрассудстве Гитлер все-таки сделает правильный, с их точки зрения, выбор и войне на два фронта предпочтет договоренность с западными державами. 1 августа советник германского посольства Кордт направил в министерство иностранных дел в Берлин как бы итоговое донесение о всех состоявшихся до этого в Лондоне разнообразных и напряженных переговорах.

В этих переговорах, писал он, английская сторона признавала, что "руководящие круги Германии и Великобритании должны попытаться путем переговоров, с исключением всякого участия общественного мнения, найти путь к выходу из невыносимого положения...", что "Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении

сфер интересов..." и "обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, представленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов... Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе. Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом..."

Из этого донесения отлично видна готовность правящих кругов Англии предать Польшу. Ведь именно она подразумевается под "некоторыми государствами в германской сфере интересов", от гарантий помощи которым, в случае нападения Германии, Великобритания готова была отказаться и повлиять в этом отношении на Францию. Обещание же отозвать свою миссию, которая находится в СССР, еще раз подтверждает, что работой этой миссии Великобритания только пугала и привлекала на свою сторону Германию.

Гитлер, не доверяя предложениям Англии, видя, что переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой, уже идут в Москве, решил предпринять энергичные шаги, чтобы договоренность между ними так и не состоялась. Он опасался этого союза, потому что тогда Гитлеру противостояла бы мощная коалиция и его агрессивные планы в Европе просто рухнули бы.

Немецкая дипломатия начинает усиленно зондировать возможность сближения с Советским Союзом, а Сталин, не сумев найти путей к договоренности с Англией и Францией, не стал уклоняться от этого сближения. В результате бесед с советником советского посольства в Берлине Г. Астаховым, а также нескольких бесед германского посла в СССР фон Шу-ленбурга с Молотовым, была достигнута принципиальная договоренность о приезде министра иностранных дел Германии Риббентропа в Москву.

После переговоров на уровне послов и министров Гитлер и Сталин обменялись телеграммами. Вот телеграмма Гитлера от 20 августа 1939 года (получена в Москве 21 августа):

"Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень в перестройке германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики

Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый Советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, имперский министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер".

Гитлер был хорошо осведомлен о том, что английская и французская миссии тянут переговоры и не имеют даже полномочий на подписание договора. Не случайно он подчеркивает, что его имперский министр может быть в Москве всего один-два дня и что он имеет полные полномочия составлять текст соглашения и подписывать сам пакт без долгих проволочек. Гитлер торопил события.

В тот же день, а именно 21 августа 1939 года, Сталин ответил Гитлеру:

"Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин".

Так началась сложная личная политическая "игра" между двумя диктаторами. Обычно в таких акциях говорится и пишется одно, а в действительности скрывается совсем иное. Напомню лишь одну фразу из беседы Гитлера с Буркхардтом, которая состоялась за девять дней до написания письма Сталину:

- Я хочу жить с Англией в мире. Я готов гарантировать английские владения во всем мире... Все, что я предпринимаю, направлено против России.

У нас есть возможность узнать тайные замыслы Гитлера именно этих дней не в пересказе, а от него самого. На следующий день после получения письма от Сталина, 22 августа 1939 года, Гитлер вел разговор в Оберзальцберге с командующими всеми видами вооруженных сил Германии. Фюрер был полностью откровенен, так как говорил с теми, кому предстояло осуществлять его замыслы.

Записи этого разговора были обнаружены в материалах министерства иностранных дел рейха. Вот некоторые фрагменты из них:

"С осени 1939 года... я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я единственные, которые смотрим только в будущее. Так, я в ближайшие недели на германо-советской границе подам руку Сталину и вместе с ним приступлю к новому разделу мира... Генерал-полковник Браухич обещал мне войну с Польшей закончить в течение нескольких недель. Если бы он мне доложил, что потребуется даже два или один год для этого, я бы не дал приказа о наступлении и договор бы заключил не с Россией, а с Англией. Мы не можем вести длительную войну. Несчастных червей - Даладье и Чемберлена я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не могут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть наша автаркия и русское сырье. Польша будет опустошена и заселена немцами. Мой договор с Польшей был только выигрышем во времени. В общем, господа, с

Россией случится то, что я сделал с Польшей. После смерти Сталина, он тяжело больной человек, мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства.

... Мы в дальнейшем будем сеять беспокойство на Дальнем Востоке и в Аравии. Мы являемся господами и смотрим на эти народы в лучшем случае как на лакированных обезьян, которые хотят почувствовать кнут.

Обстоятельства для нас благоприятные как никогда. У меня только одна забота, что Чемберлен или какой-либо другой негодяй придет ко мне с предложениями о посредничестве. Он полетит с лестницы... Нет, уже поздно для этого. Наступление и уничтожение Польши начнется рано утром в воскресенье.

Я пущу несколько рот в польской форме на Верхнюю Силезию и протекторат. Поверит мир этому или нет - для меня безразлично. Мир верит только успеху...

Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложений англичан. Россия не заинтересована в сохранении Польши, и Сталин знает, что его режиму придет конец независимо от того, выйдут ли его солдаты из войны победителями или побежденными. Смещение Литвинова сыграло решающую роль. Изменение отношений с Россией я осуществил постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политические переговоры. Предложили заключить пакт о ненападении. Затем последовало многогранное предложение со стороны России. Четыре дня назад я сделал важный шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что готова к заключению договора. Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. Теперь Польша оказалась в том положении, в каком я стремился ее видеть".

А в действительности, в открытых отношениях говорилось и вершилось совсем другое.

23 августа 1939 года Риббентроп был уже в Москве, и прямо с дороги состоялась первая его трехчасовая беседа со Сталиным и Молотовым в присутствии германского посла фон Шуленбурга. А поздно вечером в тот же день была вторая беседа, закончившаяся подписанием печально известного договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Во время бесед Риббентропа со Сталиным, кроме отношений между Германией и Советским Союзом, обсуждались также взаимоотношения обеих держав и с другими странами мира.

В беседах с Молотовым в начале 80-х годов я расспросил его, как проходило обсуждение и подписание договора. Эти рассказы, а также стенографическая запись беседы, сделанная немецким переводчиком, позволяют получить представление, о чем же

говорилось в тот вечер и ночь в Кремле.

В числе прочих тем зашел разговор о Японии. Риббентроп сказал:

- Германо-японская дружба не направлена против Советского Союза. Более того, мы в состоянии, имея хорошие отношения с Японией, внести вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин желает этого, то я готов действовать в этом направлении и соответствующим образом использую свое влияние на японское правительство и буду держать в курсе событий советских представителей в Берлине.

Сталин, немного подумав, ответил:

- Советское правительство действительно желает улучшения своих отношений с Японией, но есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится войны и готов к ней. Если Япония хочет мира - это намного лучше! Конечно, помощь Германии в деле улучшения совет-ско-японских отношений была бы полезной. Но я бы не хотел, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива этого исходит от Советского Союза.

- Разумеется, все будет сделано, как вы желаете, - сказал Риббентроп. - Я буду продолжать уже имевшие место беседы с японским послом в Берлине об улучшении советско-японских отношений. Никакой новой инициативы ни с вашей стороны, ни с нашей стороны в этом вопросе не будет.

На вопрос Сталина об отношениях Германии с Турцией Риббентроп сказал:

- Мы имеем сведения, что Англия потратила пять миллионов фунтов стерлингов на распространение антигерманской пропаганды в Турции.

Сталин на это заметил:

- По моей информации, суммы, затраченные Англией для подкупа турецких политических деятелей, много больше пяти миллионов фунтов. И вообще поведение английского правительства выглядит очень странным. Как вы знаете, недавно мы начали переговоры с британской миссией, и вот в течение этих переговоров британская миссия так и не высказала Советскому правительству, что же она в действительности может и чего хочет.

- Англия всегда пыталась и до сих пор пытается подорвать развитие хороших отношений между Германией и Советским Союзом, - сказал Риббентроп. - Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое

господство.

- Британская армия слаба, - согласился Сталин. - Британский флот больше не заслуживает своей прежней репутации. Английский воздушный флот увеличивается, но Англии не хватает пилотов. Если, несмотря на все это, Англия еще господствует в мире, то это происходит лишь благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией.

Риббентроп согласился с этим мнением Сталина и, слегка понизив голос, как бы подчеркивая конфиденциальность своего заявления, сказал Сталину:

- На днях Англия снова прощупывала почву с виноватым упоминанием 1914 года. Это был типично английский глупый маневр. Я предложил фюреру сообщить англичанам, что в случае германо-польского конфликта ответом на любой враждебный акт Великобритании будет бомбардировка Лондона.

Сталин сказал:

- Несмотря на свою слабость, Англия будет вести войну ловко и упрямо. А если еще учесть ее союз с Францией, то надо помнить, что Франция располагает армией, достойной внимания.

Риббентроп ответил:

- Французская армия численно меньше германской. В то время как наша армия в ежегодных наборах имеет по триста тысяч солдат, Франция может набирать ежегодно только сто пятьдесят тысяч рекрутов. К тому же наш Западный вал в пять раз сильнее, чем линия Мажино. Если Франция попытается воевать с Германией, она определенно будет побеждена...

Добавлю здесь, что Риббентроп сильно привирал, говоря о Западном вале, иначе - линии Зигфрида; в то время она существовала по большей части лишь на бумаге, так как только строилась.

Зашел разговор и об антикоминтерновском пакте, на что Риббентроп заявил:

- Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западной демократии. Да мы по тону вашей русской прессы видели, что Советское правительство осознает это полностью.

Сталин сказал:

- Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английский торговцев.

Риббентроп согласился со Сталиным и даже пошутил:

- Конечно же, вы, господин Сталин, напуганы антикоминтерновским пактом меньше лондонского Сити и английских торговцев. У нас среди берлинцев ходит широко

известная шутка: "Сталин еще присоединится к антикоминтерновскому пакту". - Присутствующие улыбнулись этой шутке, а Риббентроп продолжал: Германский народ, особенно простые люди, тепло приветствует установление понимания с Советским Союзом. Народ чувствует, что естественным образом существующие интересы Германии и Советского Союза нигде не сталкиваются и что развитию хороших отношений ранее препятствовали только иностранные интриги, особенно со стороны Англии.

- И я верю в это, - сказал Сталин, - немцы желают мира и поэтому приветствуют дружеские отношения между Германским государством и Советским Союзом...

Риббентроп не сдержался и прервал Сталина:

- Германский народ, безусловно, хочет мира, но, с другой стороны, возмущение Польшей так сильно, что все до единого готовы воевать. Германский народ не будет более терпеть польских провокаций.

Сталин неожиданно предложил тост за фюрера:

- Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье!

Затем были провозглашены тосты за здоровье имперского министра иностранных дел Риббентропа и посла графа фон Шуленбурга. Молотов поднял бокал за здоровье Сталина, Риббентроп, в свою очередь, тоже предложил тост за Сталина и за благоприятное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

Уже прощаясь, Сталин сказал Риббентропу:

- Советское правительство относится к новому договору очень серьезно. Я могу дать честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера.

31 августа на внеочередной сессии Верховного Совета СССР был ратифицирован советско-германский договор о ненападении. В своем выступлении Молотов в числе прочего сказал:

"...Всем известно, что на протяжении последних шести лет, с приходом национал-социалистов к власти, политические отношения между Германией и СССР были натянутыми. Известно также, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем, Советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. Сейчас нет нужды возвращаться к отдельным моментам этих отношений за последние годы, да они вам, товарищи депутаты, и без того хорошо известны. Следует, однако, напомнить о том разъяснении нашей внешней политики, которое было сделано несколько месяцев тому назад на XVIII партийном съезде...

Товарищ Сталин предупреждал против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликт с другими странами. Разоблачая шум, поднятый англо-французской и североамериканской прессой по поводу германских "планов" захвата Советской Украины, товарищ Сталин говорил тогда: "Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых к тому оснований".

Как видите, товарищ Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз. Заключение советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение товарища Сталина блестяще оправдалось. (Бурная овация в честь тов. Сталина.)"

Как выяснилось позже, и пакт о ненападении, и вся политика Гитлера и его дипломатов были только маскировкой готовящейся войны. Под этой дымовой завесой Гитлер собирал силы для того, чтобы удар по нашей стране был предельно мощным. Сегодня много пишут, будто Сталин ничего не понял, не разгадал, все принимал за чистую монету, но не будем спешить с выводами.

* * *

Думаю, что здесь необходимо сказать и о тех секретных соглашениях, которые служили дополнением к заключенному договору о ненападении. Они были давно опубликованы за рубежом, о них знал весь мир, они стали предметом обостренного внимания и у нас, особенно в республиках Прибалтики. В нашей прессе эти документы не были обнародованы на том основании, что они известны только в фотокопиях, но дело в том, что все последующие события развивались так, что сомневаться в наличии этих соглашений, увы, не приходится. Фактически было осуществлено все то, что в них предусматривалось.

Мне кажется, пора сказать полную правду об этих соглашениях. Не будем же мы для этого ждать еще полвека!

На I Съезде народных депутатов СССР (*Я был тогда депутатом, сам все это слышал и видел. - В. К.) в июне 1989 года была создана специальная комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года.

Перед принятием решения о создании комиссии М. С. Горбачев заявил: "Проблема эта стоит давно, она обсуждается, изучается и историками, и политологами, и соответствующими ведомствами. И я должен сказать: пока мы обсуждаем в научном плане, в ведомствах каких-то, уже все документы, в том числе и

секретное приложение к этому договору, опубликованы везде. И пресса Прибалтики все это опубликовала. Но все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом... Мы давно занимаемся этим вопросом. Подлинников нет, есть копии, с чего - неизвестно, за подписями; особенно у нас вызывает сомнение то, что подпись Молотова сделана немецкими буквами..."

Видимо, М. С. Горбачева неточно информировали. На фотокопиях этих документов подписи Молотова обычные, на русском языке. Могу судить о схожести этих подписей с теми, которые стоят на фотографиях, подаренных мне Молотовым. Разумеется, подделать подпись не представляет трудностей, вспомните хотя бы фальсификацию подписи Тухачевского. Но уместен вопрос: кому и зачем понадобилось подделывать подписи под текстом якобы "несуществовавших" секретных договоров?

Что касается подписей Молотова немецкими буквами, то и они были. Договоры и протоколы печатались на двух языках. Молотов подписывал русский вариант по-русски, а немецкий - по-немецки, демонстрируя знание немецкого языка, хотя это по протоколу и не предусматривается.

Вот секретный протокол, служивший дополнением к подписанному пакту о ненападении.

Секретный дополнительный протокол

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Карева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот

вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы, с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

Таков этот подписанный советским представителем откровенный раздел сфер влияния с фашистской Германией. К сожалению, эту политическую авантюру не зачеркнешь и из истории не выбросишь.

В уже упомянутой речи 31 августа Молотов говорил с трибуны Верховного Совета СССР: "Советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы, поворот в сторону улучшения отношений между двумя самыми большими государствами Европы. Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, он суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира..."

В типографии "Правды" еще набирали эти слова, а в ночь на 1 сентября германские бомбы уже сыпались на города Польши, и механизированные колонны фашистов мчались по польским дорогам.

2 сентября 1939 года в "Правде" было опубликовано сообщение ТАСС:

"Берлин, 1 сентября (ТАСС).

По сообщению Германского информационного бюро, сегодня утром германские войска в соответствии с приказом верховного командования перешли германо-польскую границу в различных местах. Соединения германских военно-воздушных сил также отправились бомбить военные объекты в Польше".

Вот такое бесстрастное заявление по поводу беды, постигшей соседнее с нами государство.

Официально в прессе царила нейтральность, а за кулисами шла другая жизнь.

9 сентября Молотов послал Риббентропу телефонограмму (разумеется, с согласия Сталина):

"Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи.

Молотов".

Сообщая, что немецкие войска уже "вошли в Варшаву", гитлеровцы тем самым хотели ускорить начало наступления и советских войск на оговоренную в протоколе польскую территорию. Они при этом не обманывали, но окончательно Варшава капитулировала только 27 сентября. Поэтому не случайно Молотов 14 сентября просил (после поздравления!), "чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы". Германский посол в Москве Шуленбург так докладывает об этом в министерство иностранных

дел Германии:

"Срочно! Совершенно секретно! От 14 сентября 1939 года, 18 часов 00 минут.

Молотов вызвал меня сегодня в 16 часов и заявил, что Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им (Молотовым) во время последней беседы срока. Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских "меньшинств"), Советам было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши Варшава. Молотов поэтому просит, чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы... Я хотел бы обратить ваше внимание на сегодняшнюю статью в "Правде", к которой завтра прибавится аналогичная статья в "Известиях". Эти статьи содержат упомянутую Молотовым политическую мотивировку советской интервенции.

Шуленбург".

Когда настал момент для начала действий Красной Армии, Сталин пригласил Шуленбурга в Кремль и сделал ему заявление, о котором германский посол тут же телеграфировал в Берлин:

"Очень срочно! Секретно! 17 сентября 1939 года.

Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем ее протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска. Во избежание инцидента Сталин спешно просит нас проследить за тем, чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток Брест-Литовск - Лемберг. Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга.

Советская комиссия прибудет в Белосток завтра, самое позднее послезавтра.

Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже сегодня ночью польскому послу и копия которой в течение дня будет разослана всем миссиям, а затем опубликована. В ноте дается оправдание советских действий. Зачитанный мне проект содержал три пункта, для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет. Сталин заявил, что вопрос о публикации германо-советского коммюнике не может быть поставлен на рассмотрение в течение ближайших двух-трех дней.

В будущем все военные вопросы, которые возникнут, должны выясняться напрямую с Ворошиловым генерал-лейтенантом

Кестрингом.

Шуленбург".

Необходимо, мне кажется, привести здесь и текст правительственной ноты, которая была разослана всем послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР, в которой объяснялись и оправдывались действия Советского Союза в отношении Польши.

"17 сентября 1939 года.

Господин посол,

польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение 10 дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может более относиться к этим фактам безразлично.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверение в совершенном к вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР В. Молотов".

И опять, в который уже раз, даже в таком официальном, разосланном по всему миру документе, Сталин и Молотов кривили душой и говорили неправду, особенно в той части, где они обещали "вызволить польский народ из злополучной войны" и дать ему "возможность зажить мирной жизнью".

Документы, которые стали известны в наше время (я уже

говорил выше о том, что это документы германского министерства иностранных дел), свидетельствуют совсем о другом. Вот телеграмма германского посла в Москве, отправленная в министерство иностранных дел Германии 25 сентября 1939 года:

"Совершенно секретно! Срочно!

Сталин и Молотов попросили меня прибыть в Кремль сегодня в 20 часов. Сталин заявил следующее. При окончательном урегулировании польского вопроса нужно избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом. С этой точки зрения он считает неправильным оставлять независимым остаток Польского государства. Он предлагает следующее: из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга, должны быть добавлены к нашей (германской) порции. За это мы отказываемся от претензий на Литву.

Сталин указал на это предложение как на предмет будущих переговоров с имперским министром иностранных дел и добавил, что, если мы согласны, Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства. Сталин подчеркнуто указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию.

Я ответил Сталину, что доложу своему правительству.

Шуленбург".

27 сентября Риббентроп снова прилетел в Москву, и 28 сентября им и Молотовым был подписан новый германо-советский "Договор о дружбе и границе между СССР и Германией". Этот договор официально и юридически закреплял раздел территории Польши между Германией и Советским Союзом, к нему прилагалась соответствующая карта, на которой была указана новая граница, и эту карту подписали Сталин и Риббентроп.

К этому договору прилагались два дополнительных секретных протокола. В одном из них фиксировались те изменения в территориальных разграничениях, о которых еще раньше договорился Сталин - о том, что Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отходят в сферу влияния Германии, а Советскому Союзу теперь отдается вся литовская территория.

В своем комментарии при создании уже упомянутой комиссии М. С. Горбачев еще сказал:

- Секретного протокола пока нет, и мы его оценить не можем.

Я думаю, вообще комиссия такая должна быть, с этим я действительно согласился бы. Она должна выработать политическую и правовую оценку этого договора о ненападении, без упоминания секретного протокола, поскольку все архивы, что мы перерыли у себя, ответа не дали. Хотя, я вам скажу, историки знают и могли бы вам сказать: вот то-то происходило, двигались навстречу две мощные силы, и на каких-то рубежах, так сказать, это соприкосновение совершенно остановилось. Что-то лежало в основе. Но это пока рассуждения. Поэтому тут требуется разбирательство, анализ всех документов, всей той ситуации, как она шла... Это не простой вопрос, но раз он есть, уходить, уклоняться, я думаю, не нужно... давайте браться и изучать...

М. С. Горбачев предлагает не уклоняться. Раз для изучения вопроса нужны документы, я приведу опубликованный в США текст второго секретного протокола, и давайте попытаемся самостоятельно оценить ситуацию.

Секретный дополнительный протокол

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

По уполномочию Правительства СССР 5. Молотов.

За правительство Германии И. Риббентроп.

Москва, 28 сентября 1939 года.

Вот так, черным по белому, зафиксирован сговор с фашистским режимом о единых действиях, препятствующих агитации и пропаганде за возрождение Польши, сговор, свидетельствующий о полной утрате тогдашними советскими руководителями интернационалистских принципов. (Только не надо забывать, ради чего Сталин шел на такой сговор.)

Для того чтобы завершить эту тему с наиболее возможной на сегодняшний день ясностью, приведу выдержку из исследования комиссии I Съезда народных депутатов СССР и то, что я разыскал сам как дополнение к этим исследованиям.

Почему я говорю "на сегодняшний день"? Потому что документы, касающиеся международных отношений тех дней, известны лишь германские и советские. Что касается документов, имеющихся у английской и американской сторон, то Англия объявила их закрытыми до 2017 года, а США вообще не указывает срока ограничения.

Германская и советская стороны, согласно договоренности (несмотря на то, что воевали не на жизнь, а на смерть), свято хранили тайну секретных соглашений.

Впервые о существовании протокола публично было упомянуто на Нюрнбергском процессе, когда военные преступники, сидевшие на скамье подсудимых, пытались перевернуть обвинение и, опираясь на секретные договоры, доказать, что советские руководители, подписавшие эти соглашения, являются равноценными соучастниками агрессии.

При допросе в суде статс-секретаря германского МИД Вайцзеккера защитник Гесса стал задавать ему вопросы о секретном протоколе. Вайцзеккер подтвердил существование такого документа и подробно пересказал его содержание.

Председатель суда спросил:

- Свидетель, вы видели подлинник этого секретного соглашения?

Вайцзеккер ответил:

- Да, я видел фотокопию этого соглашения, может быть, я видел даже подлинник, но во всяком случае фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе.

Во время объявленного перерыва главный обвинитель от СССР Руденко заявил протест по поводу этих дебатов о секретном договоре, так как до начала процесса главные обвинители стран-победительниц договорились не касаться таких вопросов, которые могут быть использованы обвиняемыми для поворота дела в свою пользу. В числе прочих от советской стороны были определены не подлежащими обсуждению "советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение".

Комитет обвинителей поддержал Руденко. В результате трибунал отклонил претензии защитника Зайдля и постановил исключить из его речи обвинения в адрес СССР и не включать их в протокол. Однако в своем последнем слове обвиняемый Риббентроп все же коснулся этой темы:

"Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта... а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны, еще без Литвы с портом Либава, то я могу сразу же вылетать назад".

Так существование протокола получило огласку. Краткая история немецких оригиналов такова. Пока боевые действия на фронтах развивались для Германии успешно, договор и секретный протокол хранились в сейфе МИД Германии. Но когда стало ясно, что война может быть проиграна и огромные архивы едва ли удастся куда-то увезти и спрятать, Риббентроп приказал

сделать микрокопии на фотопленку с наиболее важных документов.

Весной 1945 года поступило указание уничтожить архивы. Выполняя это указание, советник Карл фон Лет уничтожил документы, но спрятал микрофильмы (20 катушек, где заснято 9725 страниц документов) в железную коробку, обмотал ее промасленной тканью и зарыл в землю в парке замка Шенберг (Тюрингия), куда в то время был вывезен архив. 12 мая 1945 года фон Ляш рассказал о документах подполковнику английской армии Роберту Томсону. А тот сообщил об этом союзникам-американцам. 14 мая коробку вырыли, 19 мая доставили в Лондон, где американцы сняли дубликаты со всех микрофильмов. С этих микрофильмов и сделаны фотокопии, на издание которых ссылался я и которые сегодня известны всему свету.

Однако если прояснился вопрос об оригиналах немецкой стороны, то куда делись подлинники, принадлежащие нашей, советской стороне?

Как стало известно недавно, секретный протокол нашей стороны хранился в личном сейфе Молотова. О протоколе, подписанном от имени государства, не знал никто, кроме присутствовавших при его подписании. Не было об этом известно ни Политбюро ЦК партии, ни Верховному Совету СССР.

В печати содержание протокола впервые было опубликовано 23 мая 1946 года (газета "Сан-Луи постдиспетч"), а позднее во многих сборниках документов.

В советской печати о протоколе не только не упоминалось, но даже отрицалась возможность его существования, если появлялось какое-нибудь сообщение за рубежом. В 1989 году I Съезд народных депутатов СССР (на котором я присутствовал) поручил созданной под председательством А. Н. Яковлева комиссии дать "политическую и правовую оценку советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года". Комиссия ознакомилась с архивами МИД, Министерства обороны, КГБ, Главного архивного управления, Общего отдела ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма. Запрашивала немецкие документы через посольство ФРГ. Нигде оригиналы секретного протокола не найдены.

Дальше я привожу обоснование комиссии, почему она все же считает возможным признать существование протокола, несмотря на отсутствие подлинников:

"Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Тем не менее комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал.

Первое. В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым - Подцеробу. Таким образом, оригиналы у нас были, а затем они исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает.

Следующий факт. Найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР.

Третье. Криминалисты провели экспертизу подписи Молотова в оригинале договора о ненападении, подлинник которого, как вы сами понимаете, у нас есть, и в фотокопии секретного протокола. Эксперты пришли к выводу об идентичности этих подписей.

Четвертое. Оказалось, что протоколы, с которых сняты западногерманские фотокопии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора. Как вы понимаете, таких совпадений не бывает.

И наконец, пятое. Существует разграничительная карта. Она напечатана, завизирована Сталиным. Карта разграничивает территории точно по протоколу. Причем на ней две подписи Сталина. В одном случае - общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке.

Таким образом, дорогие товарищи, эти соображения не вызывают малейших сомнений в том, что протокол такой существовал".

Таково заключение комиссии.

Ставит точки над "и", в отношении этих протоколов, статья, опубликованная в газете "Советская Россия" 11 марта 1993 года, в которой бывший руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин окончательно снимает покровы с тайны о протоколах, отвечая на вопрос: "Ходила версия, причем на официальном уровне, что существуют только копии секретных протоколов. Вы помните, Горбачев говорил, что даже запрашивали германскую сторону, но подлинника не обнаружили и там?.." - следующим образом:

"То, что он большой мистификатор, секрета не представляет. Во всяком случае, в 1987 году секретные протоколы и карта были положены ему на стол. Он расстелил карту и долго изучал ее. Это была крупномасштабная карта с обозначением населенных пунктов, рек и прочего на немецком языке. Он изучал линию границы, которая была согласована. Насколько помню, там стояли две подписи: Сталина и Риббентропа. Потом Горбачев посмотрел и сам протокол небольшой документ, по-моему, всего

два листочка, и обратил внимание на то, что подпись Молотова была сделана латинскими буквами. Та главная загадка, которая всех сбивала с толку и была необъяснима. Горбачев изучал документы долго, потом сказал: "Убери, и подальше!"

Шло время, и вдруг эти протоколы стали вызывать повышенный интерес. Их запрашивали и Фалин, и Яковлев. Я доложил об этом Горбачеву. Он сказал: "Никому ничего давать не надо. Кому нужно - скажу сам".

А на первом Съезде народных депутатов СССР он заявляет, что "все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом". Зачем, почему?.. Вскоре после этого он пригласил меня к себе и спросил как бы между прочим, уничтожил ли я эти документы. Я ответил, что сделать этого не могу, на это нужно специальное разрешение. Он:

"Ты понимаешь, что представляет сейчас этот документ?" Ну, после того, как он на весь мир заявил, что документов этих не видел, я представлял, насколько для него это неуютная тема, он хотел бы поскорее уйти от нее и забыть, но сделать это было не так-то просто".

Вот так работают высокие комиссии. Верховный Совет СССР пытается прояснить этот вопрос, а глава государства Горбачев (еще раз показывая этим свою безответственность!) прячет, скрывает от своего народа и всего мира подлинные документы!

* * *

А теперь я расскажу о дополнительных сведениях, на мой взгляд, тоже убедительно подтверждающих существование протокола. Я удивляюсь, как не пришло в голову никому из членов комиссии воспользоваться таким достоверным источником.

Просматривая свои материалы о тех далеких днях, перечитывая текст договора, вглядываясь в подписи под ним, рассматривая фотографии Нюрнбергского процесса, я размышлял о том, что участники тех событий Сталин, Гитлер, Молотов, Риббентроп, Геринг, Гесс и другие - сошли с исторической сцены, никто уже не может рассказать, что и как тогда произошло. И вдруг я вспомнил. Жив еще один человек, который нередко бывал рядом со всеми этими деятелями, не только слышал их разговоры, но и помогал объясниться, - это переводчик Павлов Владимир Николаевич.

Бросив все дела, я немедленно стал добывать телефон и адрес Павлова. Именно добывать - в Москве найти нужного человека не так просто.

И вот я у Павлова. Меня встретила его жена - общительная и, сразу видно, властная дама. Она тут же предупреждает, что

Владимир Николаевич не дает интервью, не пишет мемуаров, а со мной будет беседовать из уважения, которое испытывает ко мне как к писателю. Маленький магнитофон, который я хотел использовать как записную книжку, она взяла и вынесла в прихожую:

- Будем говорить без этого... В гостиную вошел Владимир Николаевич, не похожий на того, каким я видел его на многих фотографиях: там он небольшого роста, худенький и, я бы сказал, не выделяющийся, всегда сбоку или позади тех, кому помогает вести разговор. Теперь он пополнел, блондин от природы стал совсем светлый, даже не седой, а какой-то выцветший. Ему за восемьдесят, не очень здоров, но память свежая. Видимо, по профессиональной привычке не берет на себя инициативу разговора, а лишь отвечает на вопросы. Ему бойко помогает супруга.

Для знакомства я попросил Владимира Николаевича коротко рассказать о себе. Вот фрагмент нашей беседы:

"Я никогда не собирался быть переводчиком, окончил энергетический институт, занялся научной работой, хотел увеличить прочность лопастей турбин. А языками увлекался для себя. Как сегодня говорят, это было хобби. Нравилось и легко давалось. Видно, от природы мне это было отпущено, свободно владел немецким, английским, а позднее французским и испанским. И вот в 1939 году меня вызывают в ЦК ВКП(б). Представляете? Я всего кандидат в члены партии. В ЦК со мной беседовали два человека на немецком языке в присутствии какого-то работника ЦК. Как выяснилось, они должны были выяснить, как я знаю язык. И, выяснив, сказали: "Он знает немецкий лучше нас". Тут же мне было ведено, чтобы я ехал в Наркоминдел к товарищу Молотову. Его только что назначили наркомом вместо Литвинова, и он обновлял аппарат.

Все это было как во сне, я не хотел быть дипломатом, мне было 24 года, все мои мысли были в науке. Я об этом честно сказал Молотову на первой же беседе. Но он коротко и четко отрезал: "Вы коммунист и обязаны работать там, где нужнее".

Так я стал помощником наркома иностранных дел СССР. Я переводил на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом. Был с Молотовым на его встречах с Гитлером. Был заведующим Центральным европейским отделом Наркомата. Работал как переводчик на всех конференциях в годы войны Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской. С 1974 года на пенсии в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла.

- Расскажите подробнее о подписании договора о ненападении с Германией.

- Да, я тогда переводил разговор Сталина, Риббентропа и Молотова.

- В наши дни много пишут и говорят о секретном дополнении к договору протоколе. Даже в докладе Яковлева Съезду народных депутатов, после изложения всех косвенных доказательств о существовании протокола, все же сказано - подлинников нет. Если вы были при подписании договора и этого секретного приложения, то на сегодня вы единственный живой свидетель происходившего в тот день - 23 августа 1939 года. Скажите четко и прямо: был ли секретный протокол?

- Да, был. И еще добавлю такую подробность, в которую сегодня вообще трудно поверить. Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны.

- Это действительно очень неожиданно слышать.

- Ничего удивительного. Секретный протокол сегодня осуждают, а по тем временам, в той международной обстановке, его расценивали как мудрый поступок Сталина. Гитлеру нужен был спокойный тыл. Он очень спешил с подписанием договора. Оставалось несколько дней до нападения на Польшу, а позднее на Францию. Не допустить открытия фронта на востоке, обеспечить тыл было заветной мечтой Гитлера. Риббентроп привез только текст основного договора, Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: "К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем". Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия: Прибалтийские республики и Финляндия станут сферой влияния Советского Союза. Кроме того, Сталин заявил о нашей заинтересованности в возвращении Бессарабии и объединении украинских и белорусских западных областей с основными территориями этих республик.

Риббентроп растерялся от таких неожиданных проблем, сказал, что не может их решить сам и должен получить разрешение фюрера. Сталин сказал: не будем откладывать, вот телефон - звоните. Получив такое разрешение, Риббентроп из кабинета Сталина связался с Гитлером и изложил ему пожелания Сталина. Фюрер уполномочил Риббентропа подписать дополнительный протокол. Он и не мог не согласиться. У него войска были сосредоточены - через неделю начнется война, любые обещания он готов дать, понимая, что все они будут нарушены и не выполнены, когда в этом появится необходимость. (Кстати, этот разговор подтверждает в своих показаниях на Нюрнбергском процессе бывший начальник юридического отдела

МИД Германии Фридрих Гаус: "Рейхсминистр по этим пунктам (имеется ввиду протокол) имел разговор по телефону с Гитлером... Гитлер уполномочил Риббентропа одобрить советскую точку зрения". - В. К.)

После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали. Все это я видел своими глазами, слышал и переводил разговор участников переговоров. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено".

Подтверждение рассказа Павлова я нашел в показаниях самого Риббентропа на Нюрнбергском процессе.

Цитата из последнего слова Риббентропа на Нюрнбергском процессе, которую я уже привел в этой главе, на мой взгляд, убедительно доказывает достоверность рассказа Павлова.

Не буду приводить другие подробности моей беседы с Павловым, она была очень интересной, мой рассказ о договорах и так затянулся. Я на это решился только потому, что все это имеет отношение к деятельности Сталина и в какой-то степени объясняет, кто кого "переиграл": фюрер обманул Сталина, усыпив его бдительность и обеспечив себе благоприятные условия для захвата Польши, разгрома Франции, но Сталин показал себя в этом случае еще более дальновидным, чем Гитлер, стратегом.

В узком кругу среди членов Политбюро Сталин ходил сияющий и торжественный, он считал, что достиг огромного успеха (и был прав!). Германия стала дружественным государством, а Англия и Франция втянулись в войну с ней. Таким образом, война от наших границ была Сталиным отодвинута далее на запад, империалистические страны теперь решали свои проблемы с оружием в руках, а Советский Союз благополучно остался в стороне! И готовился к отражению агрессии (о которой знал!) со стороны Германии.

Даже недоброжелатель Хрущев в своем докладе на XX съезде так вспоминал о тех днях: "Сталин воспринимал этот договор как большую удачу. Он ходил буквально гоголем. Ходил, задравши нос, и буквально говорил: "Надул Гитлера, надул Гитлера!"

Много пишут и доказывают о недальновидности Сталина - якобы он проиграл Гитлеру как дипломат и политик еще до начала военных действий. Но это все слова. Желание опорочить Сталина подталкивает оппонентов на ложь, передергивание, извращение фактов.

В предвоенном поединке Сталина и Гитлера, как минимум, можно засчитать "ничью". Гитлер добился своего - избавился от

угрозы второго фронта при решении своих проблем (и особенно с Францией) в Европе. Сталин всеми силами хотел оттянуть начало войны "хотя бы на два года", чтобы подготовить страну и армию к отражению агрессии. И Сталин этого добился.

Так что "ничья" очевидна. Но это не все! Плюс к тому, что перечислено выше, Сталин осуществил колоссальное по своей масштабности стратегическое решение: он отодвинул на сотни километров западную границу страны, освободив Западную Белоруссию, Западную Украину и Бессарабию. Сталин лишил гитлеровцев очень выгодного плацдарма, присоединив прибалтийские республики к Советскому Союзу. Можно писать (и кричать!) что угодно по этому поводу "оккупация", "захват" (хотя кинохроника свидетельствует, что советские войска в Латвии, Литве и Эстонии встречали радостно, с цветами), но что бы сегодня ни говорили, Сталин лишил немцев такого стратегического плацдарма, с которого они могли бы в первый месяц исходной стратегической группировкой войск "пропороть" территорию нашей страны и дойти до Волги. От Риги до Ленинграда и до Москвы, как говорится, рукой подать. В Прибалтике хорошие дороги, аэродромы, можно по морю подвозить войска и снабжение. Если бы ударная группировка по плану "Барбаросса" была развернута на прибалтийском плацдарме, свежие армии вермахта взяли бы столицу сходу, потому что для ее защиты у нас не было войск (главные силы находились на юге у западной границы), никаких оборонительных сооружений под Москвой не имелось. Через неделю гитлеровцы были бы у стен нашей столицы, а мощные танковые клешни рвались бы к Сталинграду. И Волгу они форсировали бы сходу, так как в глубине страны не было сил, способных остановить их. Войска с Дальнего Востока, если бы их попытались подтянуть к волжскому рубежу, за короткий срок по единственной железной дороге сосредоточить не успели бы. И неизвестно, чем бы завершился этот первый удар, может быть, пришлось бы нам проводить Челябинскую, Свердловскую и Новосибирскую оборонительные операции.

Но благодаря стратегической дальновидности Сталина (если, как говорится, он все решил единолично) немцы, лишившись прибалтийского плацдарма, вынуждены были пробиваться к Москве дальними путями через Львов, Минск, Смоленск, а также Кишинев, Киев, Орел и потерять на этих пространствах почти половину армии и ее вооружения. Благодаря стратегической прозорливости Сталина, гитлеровцы не осуществили свою "молниеносную" войну в 1941-м. И можно сказать, это, в какой-то степени, предрешило исход войны.

Да, были и негативные стороны в действиях Сталина - отступил от принципа интернационализма, пошел на переговоры (пусть даже на сговор) с потенциальным врагом, - но ради чего? Ради спасения страны и народов, ее населяющих. Дипломатия и политика, давно известно, грязное дело. Почему Сталин должен быть чистоплюем, общаясь с гангстерами от политики?

О его дальновидности, находчивости, твердости свидетельствует то, что Сталин быстро сообразил, как извлечь выгоду из желания Гитлера обеспечить свой тыл. В какие-то минуты Сталин предложил (и оно было тут-же написано) секретное соглашение (потому оно и напечатано на машинке Министерства иностранных дел, которое возглавлял Молотов). Сталин, не теряя времени, из своего кабинета заставил Риббентропа позвонить Гитлеру и добиться его согласия на подписание дополнительных условий, которые, как видим, лишили самого Гитлера выгоднейших исходных позиций для нападения.

Нет, сколько бы ни придумывали оппоненты провинностей Сталину перед войной, факты говорят о другом: Сталин мертвой хваткой вцепился сначала в Риббентропа, а потом в Гитлера - и своего добился!

Стратегическая дальновидность необязательно проявляется в вооруженной борьбе, иногда благополучие Отечества достигается умелым временным отказом от применения силы, ради будущих побед. Наглядным примером тому (и оправданием действий Сталина) может служить поведение прославленного полководца Александра Невского. Россия в результате монгольского нашествия была ослаблена и раздроблена. Не было сил у славного князя Невского дать отпор монголам.

Карамзин пишет в своей "Истории Государства Российского", что Батый слышал о знаменитых его (Невского) достоинствах и велел сказать ему: "Князь Новгородский! Известно ли тебе, что Бог покорил мне множество народов! Ты ли один будешь независимым? Но, если хочешь властвовать спокойно, то явись немедля в шатре моем, да познаешь силу и величие монголов". Александр любил Отечество больше своей княжеской власти, не хотел гордым отказом подвергнуть оное новым бедствиям и, презирая личную опасность не менее тщеславия, вслед за братом Андреем поехал в стан монгольский, где сгинул уже его отец, так же вызванный к хану.

Много бед претерпел Невский в стане врагов, его вынудил Батый проделать труднейшее путешествие к Великому хану. Не один год длилась эта унизительная покорность. Но своей стратегической мудростью Невский спас Россию, позволил ей

отдышаться, собраться с силами, встать с колен и в конечном счете изгнать монголов.

Не похожа ли ситуация - когда у Сталина не было готовой армии, а супостат предлагает мирное сотрудничество? Не мудро ли принять это предложение и оттянуть войну на несколько лет, чтобы потом одержать победу?

Явно не случайно Иосиф Виссарионович, вдохновляя на подвиги армию, напоминал своей речью образ великого Александра Невского.

В общем, видящий да увидит, слышащий да услышит, ну а тому, кто слеп к правде, любые исторические аналогии пустой звук.

Мирные дни

В период борьбы с оппозицией Сталин, желая повысить свой уровень в теории, пригласил для занятий профессионального философа Стэна, бывшего в тот период зам. директора Института Маркса и Энгельса. Стэн включил в программу труды Гегеля, Канта, Фейербаха, Фихте, Шеллинга, Каутского, Плеханова... На уроках, которые происходили дважды в неделю, преподаватель "терпеливо пытался разъяснить высокопоставленному ученику гегелевские концепции о субстанции, отчуждении, тождестве бытия и мышления - понимания реального мира как проявления идеи. Абстрактность раздражала Сталина, но он пересиливал себя и продолжал слушать монотонный голос Стэна, изредка перебивая недовольными репликами: "Какое все это имеет значение для классовой борьбы?", "Кто использует всю эту чепуху на практике?" В конечном итоге Сталин так и "не одолел сути диалектического отрицания, единства противоположностей... так и не усвоил тезис о единстве диалектики, логики и теории познания", - утверждал Волкогонов.

Тогда возникает вопрос: как мог Сталин, не понимая диалектики, действовать столь эффективно, успешно реализуя свои замыслы? За счет чего он переиграл политических соперников? И в первую очередь - Троцкого, интеллект которого был "более изощренным, более ярким и богатым", которому в числе других качеств были свойственны "живость мысли, широкая эрудиция, солидная европейская культура" (Д. А. Волкогонов).

А может быть, гегелевская диалектика вообще несовместима с реальной жизнью, ее незнание или "непонимание" позволяет вести дела более успешно? Быть может, диалектика Макиавелли умнее и жизненнее, чем гегелевские абстракции? Может быть, Сталин в своей практической деятельности выступал в роли стихийного диалектика, каждый раз заново открывая законы диалектики в конкретной ситуации и действуя в соответствии с

ними? А тогда зачем ему "диалектика" по Стэну? И к чему вообще разговоры о "непонимании" им диалектики? Не для того ли только, чтобы сказать в его адрес что-то нелестное?

Сталин действовал по призыву Маркса к философам: перейти от объяснения мира к его преобразованию.

Теперь посмотрим на занятия Сталина философией с позиции здравого смысла. С одной стороны - глава государства, предельно загруженный конкретными делами, ведущий напряженную политическую борьбу, полный забот в поисках верных направлений дальнейшего развития страны. С другой стороны вальяжный философ, ведущий неторопливый, размеренный образ жизни, отнюдь не перегруженной делами, и при этом свысока смотрящий на своего неискушенного в "чистой" философии ученика, безуспешно надеющегося получить от занятий конкретную пользу.

Ясно, что вопросы Сталина: "А для чего это нужно?", "Что это дает?" вопросы умного и делового человека. А вот ответы Стэна, что "это нужно вообще" или "это нужно знать каждому образованному человеку" в данной ситуации выглядят наивно. Погруженный в свою специальность, он не учитывает ни мотивов ученика, ни уровня его личности, ни ситуации в стране. Иными словами, Стэн не проявляет элементарного здравого смысла.

Напомним, что здравый смысл - это постоянное отражение в психике естественных, реальных связей и отношений, в которых реализуется сам процесс жизни.

Большинство психологов - сознательно или бессознательно - принимали за единственный образец умственной работы - работу ученого, философа, вообще теоретика. Между тем в жизни мыслят не только теоретики. В работе любого организатора, администратора, производственника и т. д. ежечасно встают вопросы, требующие напряженной мыслительной деятельности... Работа практического ума непосредственно вплетена в практическую деятельность и подвергается ее непрерывному испытанию, тогда как работа теоретического ума подвергается такой проверке лишь в конечных результатах. Отсюда та своеобразная ответственность, которая присуща практическому мышлению... Жесткие условия времени - одна из самых характерных особенностей работы практического ума. Сказанного уже достаточно, чтобы поставить под сомнение очень распространенное убеждение в том, что наиболее высокие требования к уму предъявляют теоретические деятели науки, философии, искусства. Гегель видел в занятии философией высшую ступень деятельности разума. Психологи начала XX века наиболее высоким проявлением умственной деятельности

считали, как правило, работу ученого. Во всех этих случаях теоретический ум рассматривался как высшая возможная форма проявления интеллекта. Практический же ум, даже на самых высоких его ступенях - ум политика, государственного деятеля, полководца, - расценивался с этой точки зрения как более элементарная, легкая, как бы менее квалифицированная форма интеллектуальной деятельности.

Это убеждение глубоко ошибочно... "С точки зрения многообразия, а иногда и внутренней противоречивости интеллектуальных задач, а также жесткости условий, в которых протекает умственная работа, первые места должны занять высшие формы практической деятельности. Умственная работа ученого, строго говоря, проще, яснее, спокойнее (это не значит обязательно легче), чем умственная работа политического деятеля или полководца" (Б. М. Тетюв). Как говорится, золотые слова!

Сталин обладал феноменальной памятью, она сочеталась с выдающейся нацеленностью, настроенностью восприятия происходящего или получаемой информации. Что это значит? Полезно это или вредно сейчас и на перспективу? Нужное запоминалось навсегда. Бесполезное отсеивалось и не засоряло память.

Память, внимание, восприятие реальной действительности - проявление всего этого в комплексе называется умом. У каждого человека ум проявляется индивидуально. Каким же умом обладал Сталин? Как и в чем он проявлялся?

Ум Сталина видится, в первую очередь, в стремлении к простоте, ясности и умении ее достичь.

Способность свести сложное по форме к простому, к самой сути, необходимо отличать от упрощенчества, при котором общая картина действительности искажается. Если одно и то же содержание два человека выражают с различной степенью простоты, то из них умнее тот, кто излагает проще.

Сталин ориентировался в своей политической деятельности на простых людей: рабочих, служащих, колхозников, партийных активистов. Звать всех людей к постижению "всей сложности и взаимозависимости мира" - не что иное, как высоколобое актерство. Неужели же из выступлений вождя они должны уяснить для себя только то, что "мир сложен и многообразен"? Ну и в какую сторону идти? И каковы "очередные задачи"?!

В подтверждение моих суждений приведу цитату, с содержанием которой нельзя не согласиться. "Троцкий так красиво говорил, так находчиво полемизировал, остроумно шутил. А Сталин отвечал простыми фразами, сам себе

непрерывно задавал вопросы и сам на них отвечал... в конечном итоге Троцкий убеждал всех в своем уме, и только. А Сталин обращался к людям и убеждал их в правильности своих идей. Поэтому и говорил просто. Поэтому и вопросы сам задавал... Троцкий, как ему казалось, стремился говорить умно, а Сталин понятно. В результате от речей Троцкого у большинства оставалось впечатление собственной глупости, цели его оставались непонятны... им для их собственной работы было необходимо знать, чего хочет шеф, понимать и видеть, что это действительно полезно для страны, а не является какой-то очередной авантюрой типа "мировой революции". По этой причине практики во главе со Сталиным не могли не побеждать идейно теоретиков" (Ю. И. Мухин).

Но, как говорится, слава Богу, после разгрома троцкистов и заговорщиков прекратились трибунные дискуссии, которые поглощали так много сил, здоровья и времени. Сталин наконец получил возможность более полно, полезно и целенаправленно применять свой ум и способности в практическом строительстве социализма.

После титанических усилий в осуществлении индустриализации и коллективизации на первый план встали вопросы обороны страны и сплочения народов к преодолению трудностей в надвигающейся войне. Проблемы ждали стратегического мышления и решения Сталина.

* * *

Решая вопросы, связанные с обороной страны, Сталин вникал в подробности, обыкновенно интересующие только специалистов.

В июне 1935 года на одном из подмосковных полигонов выстроили новые орудия. В назначенное время прибыли Сталин, Молотов, Орджоникидзе. Они останавливались у каждого орудия, слушали доклады конструкторов, задавали вопросы.

Доложил о своей Ф-22 и Грабин (по цвету окраски эта 76-миллиметровая пушка была желтенькой). Перешли к полууниверсальной пушке К-25 Маханова. Послушав объяснение, Сталин вдруг повернул назад, к Ф-22. Далее вспоминает Грабин:

"Сталин подошел к дощечке, на которой были выписаны данные о нашей желтенькой, остановился и принялся знакомиться с ними. Я подошел к нему. Сталин продолжал знакомиться с данными, написанными на дощечке, а затем обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действие всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность орудийного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал коротко и, как мне казалось,

ясно. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

- Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная, и легкая"...

Смотр продолжался долго, затем была стрельба. Пушка Грабима не подвела конструктора. А вот с универсальной пушкой Маханова расчету пришлось повозиться. Когда закончилась стрельба, Сталин вышел из блиндажа и на ходу стал как бы думать вслух:

- Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас еще не решены. Надо быстрее решать и не ошибиться бы при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, еще молодые, но они уже есть. Их надо растить. И появились заводы, способные изготовить любую пушку, но надо, чтобы они умели не одну только пушку изготовить, а много... Грабин и Маханов шли рядом с ним. Потом он остановился. И сказал конструкторам:

- Познакомьтесь.

Они ответили, что давно друг с другом знакомы.

- Это я знаю, - сказал Сталин, - а вы при мне познакомьтесь.

"Маханов взглянул на меня с приятной улыбкой, - продолжает вспоминать Грабин, - и мы пожали друг другу руки.

- Ну, вот и хорошо, что вы при мне познакомились, - сказал Сталин.

Я не мог ничего понять.

Сталин обнял нас обоих, и мы пошли по направлению к нашим пушкам. Через несколько шагов Сталин остановился.

Обращаясь к Маханову, он сказал:

- Товарищ Маханов, покритикуйте пушку Грабина. Вот этого ни один из нас не ожидал. Подумав, Маханов сказал:

- О пушках Грабина ничего плохого не могу сказать. Не ожидал я такого ответа, даже удивился. Тогда Сталин обратился ко мне:

- Товарищ Грабин, покритикуйте пушку Маханова. Собравшись с мыслями, я сказал, что универсальная пушка имеет три органических недостатка. Перечислил их и заключил:

- Каждый из этих недостатков приводит к тому, что пушка без коренных переделок является непригодной для службы в армии.

Сказав это, я умолк. Молчали и Сталин с Махановым. Я не знал, как они отнесутся к моим словам, и испытывал некоторую душевную напряженность, но не жалел, что так сказал. "Если бы меня не спросили, я не сказал бы ничего, - рассуждал я мысленно, - ну а раз спросили..."

Помолчав немного, Сталин сказал:

- А теперь покритикуйте свои пушки. Такого я уже

совершенно не ожидал..."

Грабин охарактеризовал недостатки своих пушек. Это понравилось Сталину, и он тут же велел отправить Ф-22 на испытания в Ленинград, к тем самым сторонникам универсальной пушки!

На следующий день, 15 июня, в Кремле состоялось совещание; вел его Молотов. Собралось очень много и военных, и штатских. Один за другим выступавшие рекомендовали принять на вооружение универсальную пушку; за пушку Грабина высказались только несколько человек. Заседание затянулось, выступали по несколько раз. Сталин ходил, задавал вопросы, составляя свое мнение. Наконец все выговорились. Молотов спросил, не желает ли кто еще высказаться.

Продолжает рассказывать Грабин:

"В зале было тихо. Сталин подошел к столу Молотова.

- Я хочу сказать несколько слов.

Многие поднялись и подошли поближе. Я последовал их примеру, хотя сидел достаточно близко. Меня интересовало: что же он скажет по столь специфическому вопросу, который дебатируется уже несколько лет?

Манера Сталина говорить тихо, не спеша описана неоднократно. Казалось, каждое слово он мысленно взвешивает, а потом только произносит. Он сказал, что надо прекратить заниматься универсализмом. И добавил:

- Это вредно.

Думаю, читатель поймет, какую бурю радости это вызвало в моей груди.

Затем он добавил, что универсальная пушка не может все вопросы решать одинаково хорошо. Нужна дивизионная пушка специального назначения.

- Отныне вы, товарищ Грабин, занимаетесь дивизионными пушками, а вы, товарищ Маханов, - зенитными. Пушку Грабина надо срочно испытать.

Речь была предельно ясной и короткой... Линия, принятая Советским правительством в развитии артиллерии, была совершенно правильной. К концу 30-х годов советская артиллерия стала мощной, имела в своем составе современные образцы всех типов".

Накануне войны особое значение придавалось производству артиллерийского вооружения. Сталин говорил на одном из совещаний в 1938 году:

- Артиллерия, несмотря на появление новых, исключительно важных видов боевой техники - авиации, танков, - остается мощным и решающим фактором в войне... На нее должно быть

обращено особое внимание...

В предвоенные годы были разработаны и изготовлены опытные образцы реактивных минометных установок, знаменитых впоследствии "катюш". В июне 1941 года Сталин и члены правительства осмотрели образцы вооружения и по достоинству оценили его.

Артиллерийское вооружение РККА было лучшим в мире. Советская полковая 76-миллиметровая пушка оказалась гораздо лучше 75-миллиметрового орудия немцев; 150-миллиметровое тяжелое орудие немцев уступало соответствующим советским системам. Наша дивизионная и корпусная артиллерия, наши горные орудия были совершеннее немецких систем.

* * *

Сталин заботился о развитии всех родов войск, но особенно он любил авиацию. Летчиков называли "сталинские соколы", и они гордились этим.

На смотре авиационной техники в 1932 году на Московском центральном аэродроме все восхищались летными качествами истребителей И-5, развивавших скорость 280 километров в час. Сталин же после осмотра сказал:

- Это ничего. Но нам нужны не эти самолеты. Надо, чтобы самолет давал четыреста километров в час...

И в 1933-1934 годах под руководством Н. Н. Поликарпова был создан истребитель-моноплан И-16 с убирающимися шасси и скоростью 460 километров в час!..

При решении тех или иных вопросов, связанных с авиацией (как и вообще всех дел, связанных с техникой), Сталин неизменно собирал специалистов на совет.

5 августа 1933 года Ильюшина пригласили на дачу Сталина. Тут же были нарком Ворошилов, начальник Главного управления авиапромышленности П. И. Баранов, начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис, авиаконструктор А. Н. Туполев.

В шесть часов сели обедать. Но это был деловой обед; Сталин начал задавать такие вопросы, что Ильюшину оставалось только изумляться: откуда Генеральный секретарь так знает авиацию? Зашла речь о мощных двигателях с воздушным охлаждением.

- Нам надо хорошие двигатели иметь, с воздушным охлаждением, - сказал Сталин. - Видно, что у нас с ними что-то не получается...

Баранов предложил купить лицензию у иностранных фирм. Сталин опросил всех присутствующих, и когда выяснилось, что мнение единогласно, тут же определил состав комиссии, которой предстоит закупать лицензию, и заключил:

- Комиссии без лицензии не возвращать... Во время

авиационного парада налетном поле Центрального аэродрома 2 мая 1935 года Сталин задержался у истребителя И-16. Чкалов ответил на вопросы о самолете. Сталин уже знал летчика по рассказам. Внимательно выслушав его, спросил:

- А почему вы не пользуетесь парашютом?

- Я летаю на опытных, очень ценных машинах, - отвечал Чкалов. - Их надо беречь во что бы то ни стало. Вот и тянешь до аэродрома, стараешься спасти машину.

Сталин сказал серьезно:

- Ваша жизнь дороже нам любой машины. Надо обязательно пользоваться парашютом, если есть необходимость!

На приеме в Кремле Сталин подошел с рюмкой к столу, за которым сидел Чкалов.

- Хочу выпить за ваше здоровье, Валерий Павлович!

- Спасибо, оно у меня и так прекрасное, - не стушевался Чкалов. Давайте лучше, Иосиф Виссарионович, выпьем за ваше здоровье!

В рюмочке Сталина был "Боржоми" или "Нарзан" - видно по пузырькам на стенках. Чкалов налил два фужера водки, взял у Сталина рюмку и, отдавая ему фужер, добавил:

- Выпьем, Иосиф Виссарионович, на брудершафт! Сталин едва пригубил, Чкалов же выпил все до дна, обнял Сталина за шею, к немалому беспокойству охраны...

* * *

В годы довоенных пятилеток началось освоение Северного морского пути. 14 декабря 1932 года в Политбюро слушали доклад О. Ю. Шмидта, начальника экспедиции на "Сибиряко-ве", прошедшем за одну навигацию Северным морским путем. Сталин задавал вопросы:

- Какие корабли могут пройти Северным морским путем? А миноносец пройдет? А подводная лодка? Сможем ли мы снабжать золотые прииски, расположенные на Севере?

Много вопросов задали и другие руководители партии и правительства. Затем Сталин коротко подвел итоги:

- По Северному Ледовитому океану проходит значительная часть нашей границы. Это - наши моря, где никто и никогда не помешает нам плавать. Это - единственный морской путь, который обеспечивает нам связь с Дальним Востоком. К тому же неосвоенные районы Севера, с их огромными богатствами, ждут своего часа...

Было принято постановление СНК об организации Главного управления Северного морского пути. Освоение Севера пошло быстрее. Из Арктики поступали удивительные, будоражащие воображение вести.

Старшее поколение помнит эпопею "Челюскина". Этот транспортный корабль, ведомый капитаном В. И. Ворониным, 14 июля 1933 года ушел с экспедицией, возглавляемой О. Ю. Шмидтом. В сентябре корабль застрял во льдах; дрейф продолжался несколько месяцев, 13 февраля 1934 года "Челюскин" затонул. Но члены экспедиции (101 человек, среди них десять женщин и двое детей) высадились на льдину. Вся страна следила за вестями "из лагеря Шмидта".

На помощь челюскинцам Советское правительство направило своих лучших пилотов: в Арктику вылетели Анатолий Ляпидевский, Сизигмунд Леваневский, Василий Молоков, Николай Каманин, Маврикий Слепнев, Михаил Водопьянов, Иван Доронин. Многократно рискуя своими жизнями, летчики сняли к 13 апреля со льдины всех челюскинцев. За героизм при спасении полярников каждому из летчиков было присвоено звание Героя Советского Союза.

Рекордные полеты советских летчиков следовали один за другим, и кое-кто из них лелеял самые дерзновенные, рискованные надежды.

В начале июня 1936 года в ЦК ВКП(б) было собрано совещание, где рассматривались причины большого числа аварий в авиации. В перерыве В. П. Чкалов, Г. В. Байдуков и А. В. Беляков подошли к Орджоникидзе с просьбой помочь добиться разрешения на полет через Северный полюс в США.

- Не сидится вам, - рассмеялся Серго и повел летчиков к Сталину.

- Зачем лететь обязательно на Северный полюс? - поинтересовался Сталин. - Летчикам все кажется нестрашным - привыкли рисковать.

Чкалов был настойчив:

- Риска мало, товарищ Сталин, машина отличная, моторы тоже.

Сталин улыбнулся и предложил:

- Прежде чем лететь в Америку, надо хорошо и подробно все изучить. Наша страна огромна, места для полетов хватит.

- Подумал и добавил: - Вот вам маршрут: Москва Петропавловск-Камчатский.

19 июля 1936 года тройка смельчаков успешно его завершила. В Москве на аэродроме их встречали Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. Сталин спросил у Чкалова, что бы он еще хотел сделать.

- Еще разок полететь... Куда-нибудь подальше, - был ответ.

Неоднократно просил Чкалов разрешить ему полет через Северный полюс. Осенью 1936 года М. И. Калинин привез

Чкалова, Байдукова, Белякова с женами на дачу Сталина в Сочи. Сталин и Жданов встретили их у ворот. Видя, что гости стесняются, хозяин предложил прогуляться, стал рассказывать о посаженных деревьях, особенно подробно - об эвкалиптах, о их противомалярийных свойствах, угощал лимонами. Когда возник разговор о полете через Северный полюс, Сталин сказал, что необходимо иметь метеорологическую станцию в районе полюса.

В мае 1937 года авиаотряд М. В. Водопьянова и И. Т. Спирина высадил на льдину в районе Северного полюса четверку отважных: И. Д. Папанина, Э. Т. Кренкеля, Е. К. Федорова, П. П. Ширшова. Двести семьдесят четыре дня дрейфовали они на льдине в океане.

Благодаря метеорологической станции Чкалов, Байдуков и Беляков смогли перелететь через полюс и приземлиться в Америке.

Через несколько месяцев по тому же маршруту полетели М. М. Громов, А. Б. Юмашев и С. А. Данилин.

Когда при следующей встрече Сталин спросил Чкалова, чего бы еще он хотел, Чкалов мечтательно вздохнул:

- Махнуть бы вокруг шарика!..

Успехи советской авиации в середине 30-х годов, казалось, могли настроить на благодушный лад. Но во время гражданской войны в Испании выяснилось отставание наших истребителей И-15 и И-16 по сравнению с германскими: "Мессер-шмитт-109" имел большую скорость и был вооружен пушкой калибра 20 миллиметров. Не все ладно было и с бомбардировщиками. Это беспокоило Сталина.

В воспоминаниях конструктора А. С. Яковлева подробно рассказано, как "внимательно, всесторонне" рассматривалось в Политбюро решение срочно сконструировать и запустить в серийное производство новые типы самолетов.

В апреле 1939 года Яковлева вызвали в Центральный Комитет партии, Сталин стал задавать вопросы, интересуясь мнением Яковлева о сравнительном уровне немецкой, английской и французской авиации. Яковлев был поражен осведомленностью Сталина: Генеральный секретарь ЦК вел беседу как специалист. Особенно налегал он на вооружение самолетов:

- Почему англичане на истребителе "Спитфайр" ставят не пушки, а пулеметы?

- У них нет авиапушек, - отвечал Яковлев.

- Верно, верно. - Сталин был доволен, что его сведения подтвердились. - Но мало иметь пушку, надо и двигатель приспособить под установку пушки...

- У англичан нет и такого двигателя.

- А вы знаете авиационный двигатель Климова? На него можно установить авиационную пушку Шпитального.

Яковлев ответил, что знаком с работой Климова. Тогда Сталин спросил:

- Не возьметесь ли вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

Авиаконструктор просил дать время на раздумье, так как до того истребителями не занимался. Время было дано.

Такие же беседы члены правительства имели и с другими работниками авиастроения. Вскоре в Кремле собрали ветеранов самолетостроения и молодых конструкторов. В кабинете Сталина, где собрались и члены Политбюро, каждого принимали в отдельности.

Дошел черед до Яковлева. На вопрос Сталина, обдумал ли он предложение, Яковлев отвечал, что, получив все данные от Климова, его бюро тщательно проработало предложение и может взяться за конструирование истребителя.

- Какое вооружение будет у истребителя? - поинтересовался Сталин.

- Пушка калибра двадцать миллиметров и два скорострельных пулемета.

Выразив одобрение, Сталин сообщил, что правительство заказывает одновременно истребители нескольким конструкторам, их задача заключается не только в разработке истребителя, наилучшего по летным и боевым качествам, но и в том, чтобы как можно быстрее сделать его и запустить в серийное производство.

- Машину надо сделать к новому, сороковому году. Сможете?

- Американцы новый истребитель делают за два года...

- Американцы! А вы покажите, что может молодой русский инженер. Покажете - чашка чая за мной. - Сталин засмеялся.

Конструкторам, проектировавшим новые самолеты, создали все условия для работы, оказывали любую помощь, в том числе и материальную. Сталин вмешивался сам, если возникала малейшая заминка.

Сталин организовал не только создание и производство современных самолетов, он вел лично самую настоящую разведку авиации возможного противника. Для этого посылал в Германию самых компетентных специалистов.

В октябре 1939 года в Германию была направлена торговая делегация во главе с И. Ф. Тевосяном. В состав делегации был включен конструктор Яковлев, ему была поставлена конкретная задача - ознакомиться с авиационной техникой Германии.

В марте 1940 года Сталин вторично направляет делегацию в

Германию. В составе этой делегации опять Яковлев, которому Сталин лично поставил задачу. Суть ее конструктор излагает в своих воспоминаниях так:

"... в возможно короткий срок закупить в Германии авиационную технику, представляющую для нас наибольший интерес, как для сопоставления уровня наших самолетов с немецкими, так и для изучения технических новинок в области авиации вообще.

В разговоре выяснилось, что следовало бы выделить какую-то сумму в валюте для непосредственных, непредусмотренных закупок, помимо тех сумм, которые предоставлялись в обычном порядке.

- И сколько же нужно вам валюты? - спросил Сталин.

- Тысяч сто-двести.

Сталин снял трубку и соединился с наркомом внешней торговли Микояном.

- В распоряжение делегации надо выделить миллион, а если израсходуют дайте еще столько же.

Окончив разговор с Микояном, добавил:

- Если же возникнут затруднения, обращайтесь прямо ко мне. Условный адрес: Москва, Иванову".

Сложилось так, что Яковлеву пришлось воспользоваться помощью Сталина. Об этом Яковлев пишет:

"После поездки по заводам и встреч с Мессершмиттом, Хейнкелем и Танком у членов авиационной комиссии составилось вполне определенное мнение о необходимости закупить истребители "Мессершмитт-109" и "Хейнкель-100", бомбардировщики "Юнкерс-88" и "Дорнье-215".

Однако из-за бюрократических проволочек аппарата торгпредства мы не могли быстро и оперативно решить порученную нам задачу, то есть принять на месте решение о типах и количестве подлежащих закупке самолетов. Я, видя такое дело, попробовал послать телеграмму по адресу: "Москва, Иванову". Торгпредское начальство телеграмму задержало и запретило передавать ее в Москву. Только после того, как я объяснил Тевосяну, что, предвидя возможность каких-либо затруднений и учитывая важность задания, Сталин разрешил при осуществлении нашей миссии обращаться непосредственно к нему и для этой цели дал мне шифрованный телеграфный адрес: "Москва, Иванову", он согласился и приказал не чинить препятствий.

Буквально через два дня был получен ответ, предоставляющий право на месте определить типаж и количество закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая

реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко, и поставленная перед нами правительственная задача была успешно решена.

В общем, вторая поездка в Германию была такой же интересной и полезной, как и первая, а может быть, еще интереснее, потому что если первая носила ознакомительный характер, то эта - деловой: мы отбирали и закупали интересующую нас авиационную технику.

В день возвращения в Москву из Германии, вечером, я был вызван к Сталину, у которого находились Молотов, Микоян, Маленков и Шахурин. Со мной долго и подробно беседовали, сперва в кремлевском кабинете, а потом за ужином на квартире у Сталина.

Сталина интересовало все: не продают ли нам немцы старье, есть ли у них тяжелые бомбардировщики, чьи истребители лучше - немецкие или английские, как организована авиапромышленность, каковы взаимоотношения между немецкими ВВС - "Люфтваффе" и промышленностью и т. д.

Участвовавших в беседе, естественно, больше всего интересовало: действительно ли немцы показали и продали нам все, что у них находится на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунули ли нам свою устаревшую авиационную технику.

Я сказал, что у нас в комиссии также были сомнения, особенно в первую поездку, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранная нами техника соответствует современному уровню развития немецкой авиации.

Сталин предложил мне представить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал".

Сталин послал Яковлева с личным поручением еще и в третий раз. Случилось это (в октябре 1940 года) так:

"- Вас срочно вызывают в Кремль к Молотову.

В Кремле пустынно, правительственные учреждения по случаю праздника не работали, безлюдными были коридоры Совнаркома.

Молотов сразу меня принял и сообщил, что я назначен в состав правительственной делегации, отправляющейся в Германию.

- Завтра в 9 часов вечера вы должны явиться на Белорусский вокзал, поедем в Берлин. Это указание товарища Сталина.

- Но как же завтра? - удивленно спросил я. - Ведь у меня нет заграничного паспорта, и вообще я совершенно не подготовлен к поездке.

- Ни о чем не беспокойтесь, все будет. Чемоданчик со свежим

бельем найдется?.. Больше ничего от вас не требуется. Значит, завтра ровно в 8 на Белорусском вокзале..."

(О переговорах Молотова с Гитлером, о том, как ими руководил Сталин и какая польза была извлечена из этих переговоров, изложено в отдельной главе.)

Пока Молотов осуществлял свою политическую миссию, конструктор Яковлев не терял времени и выполнял свою особую работу. Она была настолько важной для Сталина, что он пригласил к себе Яковлева в день его возвращения из Берлина.

"По возвращении в Москву, - вспоминал конструктор, - меня сразу же, чуть ли не с вокзала, вызвали в Кремль.

В приемной, здороваясь, Молотов засмеялся:

- А, немец! Ну теперь затаскают нас с вами.

- За что?

- А как же! С Гитлером обедали? Обедали. С Геббельсом здоровались? Здоровались! Придется каяться.

В этот вечер обсуждалось много всевозможных вопросов, большей частью не имевших отношения к авиации, но меня все не отпускали и нет-нет да и расспрашивали, что нового видел я в этот раз в Германии. Сталина, как и прежде, очень интересовал вопрос, не обманывают ли нас немцы, продавая авиационную технику.

Я доложил, что теперь, в результате этой, третьей поездки, создалось уже твердое убеждение в том (хотя это и не укладывается в сознании), что немцы показали истинный уровень своей авиационной техники. И что закупленные нами образцы этой техники - самолеты "Мессершмитт-109", "Хейнкель-100", "Юнкерс-88", "Дорнье-215" и другие - отражают состояние современного авиационного вооружения Германии.

И в самом деле, война впоследствии показала, что кроме перечисленных, имевшихся в нашем распоряжении самолетов, на фронте появился только один новый истребитель - "Фокке-Вульф-190", да и тот не оправдал возлагавшихся на него надежд.

Я высказал твердое убеждение, что гитлеровцам, ослепленным своими успехами в покорении Европы, и в голову не приходило, что русские могут с ними соперничать. Они были так уверены в своем военном и техническом превосходстве, что, показывая секреты своей авиации, думали только о том, как бы нас еще сильнее поразить, потрясти наше воображение и запугать.

Поздно ночью, перед тем как отпустить нас домой, Сталин сказал:

- Организуйте изучение нашими людьми немецких самолетов. Сравните их с новыми нашими. Научитесь их бить.

Ровно за год до начала войны в Москву прибыли пять истребителей "Мессершмитт-109", два бомбардировщика "Юнкерс-88", два бомбардировщика "Дорнье-215", а также новейший истребитель - "Хейнкель-100". К этому времени мы уже имели свои конкурентоспособные истребители - ЛАГГи, ЯКи, МиГи, штурмовики и бомбардировщики ИЛы и ПЕ-2".

Благодаря дальновидности и предприимчивости Сталина, выигрыш во времени был особенно дорог для нашей авиации: он позволил за 1939-1940 годы создать новые, вполне современные типы боевых самолетов и к 1941 году запустить их в серийное производство.

* * *

Так же настойчиво, внимательно и требовательно относился Сталин и к танкостроению.

В августе 1938 года в ЦК состоялось совещание, на котором были рассмотрены перспективы развития танковой промышленности.

Советские танкостроители спроектировали и уже во второй половине 1939 года построили первые опытные образцы машин оригинальных конструкций: коллектив под руководством М. И. Кошкина, А. А. Морозова и Н. А. Кучеренко создал лучший в ту пору и на многие последующие годы вперед средний танк Т-34. Конструкторское бюро Ж. Я. Котина разработало тяжелый танк принципиально нового типа.

Танкостроением Сталин интересовался постоянно и вникал во все детали.

Из воспоминаний М. И. Кошкина:

"Докладывал Ворошилов, держа в руке проект решения, подготовленного Комитетом Обороны. Сталин подошел к нему и взял листок. Прочитал его и, обращаясь к начальнику Автобронетанкового управления Я. Н. Федоренко, спросил:

- Какие тактико-технические преимущества имеет новая башня?

Федоренко стал говорить о том, что литую башню можно изготовлять в литейных цехах, в то время как при производстве башен старого типа для штамповки отдельных деталей требуются мощные прессы.

- Я вас спрашивал, какие тактико-технические преимущества имеет новая башня, а вы мне говорите о технологических преимуществах. Кто у вас занимается военной техникой?

Федоренко назвал генерала И. А. Лебедева.

- Здесь он?

Генерал Лебедев поднялся. Сталин повторил вопрос. Лебедев заколебался и начал, по существу, повторять сказанное

Федоренко.

Сталин нахмурился и сердито спросил:

- Вы где служите: в армии или в промышленности? Я третий раз задаю вопрос о тактико-технических преимуществах новой башни, а вы мне говорите о том, какие возможности открываются перед промышленностью. Может быть, вам лучше перейти на работу в промышленность?

Генерал молчал. Я почувствовал, что решение о переводе на литье башни может быть не принято, и, подняв руку, попросил слова. Обращаясь в мою сторону, Сталин сказал:

- Я спрашиваю о тактико-технических преимуществах.

- Я об этом и хочу сказать, Иосиф Виссарионович.

- Вы что, военный?

- Нет.

- Что вы хотите сказать? - с недобрым выражением лица спросил Сталин.

Я вынул из папки карточки с результатами обстрела и подошел к Сталину.

- У старой башни, сваренной из отдельных деталей, имеются уязвимые места - сварные швы. Новая - монолит, она равнопрочная. Вот результаты испытаний обоих типов на полигоне путем обстрела.

Сталин посмотрел карточки, вернул их мне и сказал:

- Это соображение серьезное.

Он отошел в другой конец комнаты.

- Скажите, а как изменится положение центра тяжести танка при переходе на новую башню? Конструктор машины здесь?

Поднялся конструктор.

- Если и изменится, товарищ Сталин, то незначительно.

- Незначительно - это не инженерный термин. Вы считали?

- Нет, не считал.

- А почему? Ведь это военная техника. - Не спуская с конструктора глаз, Сталин спросил, как изменится нагрузка на переднюю ось танка.

Конструктор тихо сказал:

- Незначительно.

- Что вы твердите все время "незначительно" да "незначительно", скажите, вы расчеты делали?

- Нет, - тихо ответил конструктор.

- А почему? Конструктор молчал.

Сталин положил на стол листок с проектом решения и сказал:

- Я предлагаю отклонить предложенный проект постановления как неподготовленный. Указать товарищам, чтобы они с такими проектами на Политбюро не выходили. Для подготовки нового проекта выделить комиссию, в состав которой включить Федоренко, его, - он указал на наркома автотракторной промышленности С. А. Акопова, - и его, - палец Сталина указывал на меня".

В июне 1940 года Политбюро ЦК приняло решение "О производстве танков Т-34 в 1940 году". К выпуску новых танков привлекалось значительное количество заводов, и в результате производственные мощности советского танкостроения к лету 1941 года в полтора раза превышали мощности танковой промышленности Германии. Но сложности организационного и технологического порядка сдерживали выпуск новых танков. В 1940 году было изготовлено 246 КВ и 115 Т-34; в первом полугодии 1941 года производство новых танков возросло: было изготовлено 393 КВ и 1110 Т-34. Однако этого количества танков было недостаточно для предпринятого перевооружения

бронетанковых войск. Так же, как и авиация, бронетанковые войска Красной Армии вступали в Великую Отечественную войну будучи еще в стадии реорганизации.

В этом была одна из причин наших неудач в первые месяцы войны. Они могли оказаться еще более роковыми, если бы Сталин всеми дипломатическими силами не отодвигал нападение Германии и не использовал бы эту отсрочку для оснащения армии современным оружием и техникой.

***

Не забывал Сталин и Военно-Морской Флот. Однако, будучи сугубо сухопутным человеком, в делах флотских Сталин допустил ошибку. Но ошибка эта была, как говорится, с добрыми намерениями.

Сталин в разговоре с флотоводцами настаивал на строительстве крупных кораблей, в особенности линкоров.

Нарком Военно-Морского Флота Кузнецов возражал:

- Балтийское море тесно для тяжелых кораблей, они могут подрываться на минах. Очень дорого обходится строительство таких кораблей.

Сталин поднялся из-за стола, прошелся по комнате, набил табаком трубку.

- По копеечке соберем деньги, а построим, - сказал он, строго глядя на Кузнецова.

Проектирование и закладка кораблей в 1937-1938 годах велись в чрезвычайно быстром темпе. Еще больший размах приобрело строительство в 1939 году, сотни заводов работали на флот. Для спуска на воду крупного корабля надо три, а то и пять лет, денег же, материалов и труда они требовали очень много. Между тем на Западе началась война, средства настоятельно необходимы были везде. И в 1939 году Сталин решил сократить число строящихся линкоров и тяжелых крейсеров, сосредоточив усилия на эсминцах, подводных лодках, торпедных катерах. В начале июля 1941 года строительство линкоров было прекращено. Так или иначе, Сталин исправил свою ошибку.

* * *

Укреплением обороны страны непосредственно руководили верные соратники Сталина - К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. А. Жданов. Но совершенно особое место в этом отношении надо отвести тому вниманию, пристрастию, с которым занимался оборонными делами сам Сталин.

На XVI съезде он говорил, что Советский Союз хочет мира и что Советское правительство будет вести мирную политику всеми средствами, но охотникам до чужих территорий следовало знать:

- Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни

одного вершка не отдадим никому.

Когда я учился в академии имени Фрунзе, эти слова встречали слушателей на стене у входа в наше величественное здание, теперь они почему-то исчезли.

Война с Финляндией

(Осень 1939-го- начало 1940гг.)

Сталин вначале хотел мирным путем улучшить стратегическое положение Ленинграда. Граница проходила недалеко от города, и в случае войны финские орудия крупных калибров могли обстреливать Ленинград со стационарных позиций. Финское правительство, которое возглавлял Рюти, вело недружественную Советскому Союзу политику.

В "Советской военной энциклопедии", вышедшей в 1979 году, сказано: "Правящие реакционные круги Финляндии с помощью империалистических государств превратили территорию страны в плацдарм для нападения на СССР. В приграничных районах, и главным образом на Карельском перешейке, в 32 километрах от Ленинграда, при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов и финансовой помощи Великобритании, Франции, Швеции, Германии и США была построена мощная долговременная система укреплений, линия Маннергейма".

Это объяснение возможной агрессии Финляндии против СССР, если вдуматься, выглядит все же неубедительно. Да, многие страны были заинтересованы в столкновении Финляндии и СССР, но наступательную агрессивную доктрину характеризуют совсем другие способы подготовки к войне, нежели строительство долговременной оборонительной линии. Вести наступательные действия можно, подготовив обычную местность, на которой сосредоточивают войска и после создания ударной группировки начинают боевые действия. Затрачивать огромный труд и миллиардные капиталы, да еще с привлечением стольких государств, чтобы построить могучую линию якобы для наступления, - это, по военным понятиям, просто безграмотно. Даже не посвященный в военное искусство человек и тот понимает наивность подобного объяснения. Конечно же, линию Маннергейма финны строили для того, чтобы защитить маленькую Финляндию от такого грозного соседа, каким становился СССР. Но "добрые союзники" вкладывали деньги и в своих интересах.

Летом 1939 года в Финляндии побывал начальник генерального штаба Германии Гальдер, особый интерес он проявил к ленинградскому и мурманскому стратегическим направлениям. У. Кекконен позднее писал: "Тень Гитлера в конце

30-х годов распростерлась над нами, и финское общество в целом не может отрекаться от того, что оно относилось к этому довольно благосклонно".

Президент страны в 1931-1937 годах П. Свинхувуд заявлял: "Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии". На территории Финляндии с помощью немецких специалистов в 1939 году были сооружены аэродромы, которые способны были принимать количество самолетов во много раз большее, чем то, которым располагали финские воздушные силы. На Карельском перешейке линия Маннергейма протянулась от Финского залива до Ладожского озера. Она имела три полосы укреплений глубиной почти в 90 километров.

В октябре-ноябре 1939 года между СССР и Финляндией проходили переговоры по вопросам взаимной безопасности. Однако финское правительство, подогреваемое своими западными доброжелателями, не пошло на заключение предлагаемого оборонительного союза. Свою поддержку финнам обещали как Германия, так и Англия, Франция и даже Америка. В Германии финских представителей уверяли, что в случае войны с СССР финны только выиграют (немцы не открывали свои планы, но, видимо, имели в виду свое решение о нападении на Советский Союз). Они даже гарантировали, что помогут впоследствии Финляндии возместить возможные территориальные потери. Хочется при этом еще раз обратить внимание читателей на вероломство руководителей третьего рейха. Давая такие гарантии дружественной Финляндии, они ведь прекрасно знали, что уже подписан секретный дополнительный протокол, в котором обещано Советскому Союзу не вмешиваться в какие-либо конфликтные ситуации, которые могут у него возникнуть не только с Эстонией, Латвией и Литвой, но и с Финляндией! И действительно, когда началась советско-финская война, Германия формально соблюдала нейтралитет.

Поначалу считали, что военного конфликта не будет, что Финляндия примет советское предложение. Оно состояло в том, чтобы финны мирно уступили нам часть Карельского перешейка, взяв себе взамен определенную территорию на нашем севере. Однако обмен был явно неравноценный: на Карельском перешейке находились мощные укрепления, обеспечивающие прикрытие границы, а то, что мы предлагали взамен, было землей, не имевшей никакой ценности - ни экономической, ни военной. Финское правительство отказалось от такого обмена.

Сталин, имея секретную договоренность с Гитлером, решил воспользоваться этим и отодвинуть границу от Ленинграда, тем более что Ворошилов уверял Сталина: если дело дойдет до

военного конфликта, то Красная Армия разделается с финской армией в несколько дней.

Осенью 1939 года был проведен Главный Военный совет, на котором был разработан план военных действий против Финляндии. План этот был составлен под руководством начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова. Зная характер укреплений на финской границе, Шапошников учитывал в плане реальные трудности, которые неизбежно возникнут в связи с необходимостью прорыва финских укреплений, и поэтому планировал привлечь крупные силы. Сталин, настроенный Ворошиловым на легкую победу, резко раскритиковал этот план. Было поручено штабу Ленинградского военного округа разработать новый. Такой план был разработан, и ориентирован он был на мнение наркома Ворошилова, что война будет недолгой и победу мы одержим малой кровью. Поэтому в плане даже не предусматривалось сосредоточение необходимых резервов.

Вера в то, что война будет завершена буквально в течение нескольких дней, оказалась настолько сильна, что начальника Генерального штаба даже не поставили в известность о ее начале: Шапошников в это время был в отпуске.

Финское правительство открыто просило защиты у Германии, о чем свидетельствует обращение финского посланника Вуоримаа к имперскому министру иностранных дел Германии. Он писал: "Есть основание предполагать, что Россия намерена предъявить Финляндии требования, аналогичные предъявленным прибалтийским государствам". И спрашивал:

"Останется ли Германия безразличной к русскому продвижению в этом районе, и, если найдутся подтверждения тому, что это не так, какую позицию намерена занять Германия?" Как повела себя в этих условиях Германия, мы уже знаем. Советская же сторона, в соответствии с принятым планом, искала предлог для военного конфликта. 26 ноября нарком иностранных дел Молотов пригласил к себе посланника Финляндии Ирие-Коскинена и вручил ему ноту правительства СССР по поводу якобы имевшего место провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями, сосредоточенными на Карельском перешейке.

Вот текст этой ноты, с некоторыми сокращениями:

"Господин посланник!

По сообщению Генерального штаба Красной Армии сегодня, 26 ноября, в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории

артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться на провокации, воздержались от ответного обстрела... Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам...

Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке - на 20-25 километров и тем самым предупредить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел

В. Молотов.

26 ноября 1939 г."

Отвести войска на Карельском перешейке на 20-25 километров - это означало оставить мощные укрепления линии Маннергейма пустыми, и как раз в тот момент, когда возникла реальная угроза вторжения, - а финское правительство, несомненно, имело разведывательные сведения о сосредоточении советских войск. Трудно было бы ожидать от Финляндии, как, впрочем, и от любой другой страны, такого самоубийственного согласия.

29 ноября поступила ответная нота финского правительства. Вот несколько выдержек из нее:

"В связи с якобы имевшим место нарушением границы, финское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 6 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы, близ упомянутого вами селения Майнила".

Предлагалось также, чтобы советские пограничные комиссары совместно с финскими на месте, по воронкам и другим данным, убедились, что обстрелена была именно их территория. Далее в ноте говорится о том, что Финляндия согласна на то, чтобы войска были отведены, но-с обеих сторон.

В своих воспоминаниях маршал К. А. Мерецков пишет:

"В конце июня 1939 года меня вызвал И. В. Сталин. У него в кабинете я застал работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О. В. Куусинена... Меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникли у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства..."

Далее К. А. Мерецков излагает известную концепцию о том, что Финляндия "легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазных империалистических группировок - немецкой и англо-франко-американской" и тем самым может превратиться в "науськиваемого на нас застрельщика большой войны". В этой связи Мерецкову предлагалось подготовить докладную записку с "планом прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны".

Как видим, Сталин говорил Мерецкову лишь о возможном нападении финской стороны, умалчивая о том, что нападение маленькой Финляндии на такого гиганта, как Советский Союз, маловероятно, и явно скрывая, что он сам намеревается первым нанести удар. Видимо, поэтому он, предлагая Мерецкову составить докладную записку о прикрытии границы от агрессора и о контрударе как противодействии возможному нападению, при этом все-таки приказал готовить войска к боевым действиям - скрытно, не вызывая подозрений у окружающих.

Далее Мерецков пишет:

"Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. Когда я стал говорить, что собранных сил на операцию такого масштаба не хватит, мне заметили, что я исхожу из возможностей ЛВО, а надо учитывать силы Советского Союза в целом. Я попытался сделать еще одно возражение, связав его с возможностью участия в антисоветской провокации вместе с Финляндией и других стран. Мне ответили, что об этом думаю не я один, и предупредили, что в начале осени я опять буду докладывать о том, как осуществляется план оборонительных мероприятий".

В своих воспоминаниях Мерецков указывает на то, что "имелись как будто бы и другие варианты контрудара. Каждый из них Сталин не выносил на общие обсуждения в Главном Военном

совете, а рассматривал отдельно, с определенной группой лиц, почти всякий раз иных". Одним из таких вариантов был уже упоминавшийся план Шапошникова. "Борис Михайлович, - подтверждает Мерецков, - считал контрудар по Финляндии непростым делом и полагал, что он потребует не менее нескольких месяцев напряженной и трудной войны в случае, если крупные империалистические державы не войдут прямо в столкновение".

Итак, после инцидента в Майниле, после советской ноты и ответной ноты Финляндии, 30 ноября в 8 часов утра части Красной Армии перешли в наступление.

И еще один штрих о советско-финляндской войне. Это, правда, неприятно признавать, потому что не украшают подобные факты нашу историю. Но истина дороже.

30 ноября 1939 года, в день начала боевых действий, в "Правде" было опубликовано сообщение о том, что из "радиоперехвата" стало известно об обращении ЦК Компартии Финляндии к финскому народу с призывом образовать правительство левых сил.

1 декабря 1939 года в занятом советскими войсками финляндском местечке Териоки (как стало известно тоже из "радиоперехвата") было создано такое правительство во главе с финляндским коммунистом, секретарем Исполкома Коминтерна О. В. Куусиненом. Оно провозгласило себя временным народным правительством Финляндской Демократической Республики.

В тот же день Советское правительство признало правительство Куусинена, с ФДР были установлены дипломатические отношения, а 2 декабря между СССР и ФДР подписан Договор о взаимопомощи и дружбе.

Версия о "радиоперехватах" нужна была для создания видимости непричастности советского руководства к образованию правительства Куусинена.

Но... вся эта дымовая завеса опрокидывается дубликатами документов "финляндского правительства" (которые хранятся в Архиве внешней политики СССР) - все они имеют правку и редактуру, сделанную рукой Молотова. Это свидетельствует о том, что до "радиоперехвата" документы лежали на столе нашего наркома иностранных дел.

Тут, как говорится, комментарии излишни.

Наше командование сосредоточило против Финляндии четыре армии на всем протяжении ее границы. На главном направлении, на Карельском перешейке, была 7-я армия в составе девяти стрелковых дивизий, одного танкового корпуса, трех танковых бригад плюс очень много артиллерии, авиации. Еще 7-ю

армию поддерживал Балтийский флот.

Имея перед собой огромную протяженность фронта (всю советско-финскую границу) и располагая четырьмя армиями, советское командование не нашло ничего более разумного, как ударить в лоб по мощнейшим, пожалуй, самым мощным для того времени в мире сооружениям - по линии Маннергейма. За двенадцать дней наступления, к 12 декабря, армия с огромными трудностями и потерями преодолела только сильную полосу обеспечения и не сумела с ходу вклиниться в основную позицию линии Маннергейма. Армия была обескровлена и не могла дальше наступать.

На севере 14-я армия продвинулась в глубь территории Финляндии на 150-200 километров, левее ее 9-я армия вклинилась на глубину до 45 километров, а 8-я армия - на 50-80 километров.

Финская армия, хотя и значительно уступала нашей в силах, но, охваченная большим патриотическим подъемом, защищалась упорно и умело. Она наносила советским частям огромные потери.

Мировая общественность восприняла действия Советской страны резко отрицательно. Лига Наций исключила Советский Союз из числа своих членов и призвала все страны мира помогать Финляндии. Определенные круги в правительствах Франции и Англии надеялись, что этот конфликт разгорится в большую войну, что в поддержку Финляндии вмешается Германия, и даже, может быть, Гитлер посчитает этот момент удобным для нанесения своего удара по России.

Пораженное неожиданным упорным сопротивлением маленькой страны, советское командование было вынуждено приостановить боевые действия, создать на Карельском перешейке еще одну, новую армию и образовать Северо-Западный фронт под командованием командира 1 ранга С. К. Тимошенко, члена Военного совета А, А. Жданова, начальника штаба командарма 2 ранга И. В. Смородинова. Таким образом, к пополнившимся дивизиям 7-й армии прибавилась еще 13-я армия, в которую входили 9 дивизий, много артиллерии и танков.

Командование вновь созданного Северо-Западного фронта тоже не нашло никаких более гибких форм военного искусства и продолжало лобовое наступление на линию Маннергейма. Главный удар наносился смежными флангами двух армий. Артиллерии на Карельском перешейке было столько, что участники боев говорят - места для орудий не хватало, они стояли чуть ли не колесом к колесу. Почти вся советская авиация была сосредоточена здесь и тоже наносила удары на главном

направлении.

После трехдневных кровопролитных боев нового наступления, понеся огромные потери, наша армия прорвала первую полосу линии Маннергейма, но вклиниться с ходу во вторую полосу ей не удалось.

Опять началась подготовка к очередному удару - пополнялись обескровленные дивизии. 11 февраля советские части возобновили наступление. Наконец-то командование использовало возможность сделать обход правого фланга противника по льду замерзшего Выборгского залива. Выйдя в тыл Выборгского укрепления района, наши части перерезали шоссе Выборг Хельсинки. К 12 марта прорыв линии Маннергейма был завершен.

После окончания этой тяжелейшей, кровопролитной и самой бесславной войны, которую когда-либо вела Красная Армия, в марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором К. Е. Ворошилов доложил об итогах войны с Финляндией. На этом заседании было рекомендовано провести расширенное совещание Главного Военного совета совместно с участниками войны, что и было осуществлено. Главный Военный совет заседал в Кремле 14-17 апреля 1940 года. На нем выступил и Сталин. Он говорил о том, что командному составу необходимо изучить особенности современной войны, что культ опыта гражданской войны помешал нашему командному составу перестроиться на новый лад.

Главный Военный совет принял ряд постановлений по улучшению вооружения, оснащения, обобщению боевого опыта и другие меры по укреплению боеспособности Красной Армии.

Сталин после финской войны и разбора ее итогов на Главном Военном совете убедился в том, что наша армия слабая, что ее командный состав подготовлен плохо, что вооружение у нас устаревшее, что такая армия не сможет противостоять гитлеровской армии...

Добавлю к этому еще одно прозрение Сталина. Он убедился в отсталости и некомпетентности в военном деле своего ближайшего соратника - наркома обороны Ворошилова.

Надо было искать замену. Прорыв линии Маннергейма был заслугой Семена Константиновича Тимошенко. Ему были присвоены звания Героя Советского Союза и Маршала Советского Союза.

Если учесть, что все население Финляндии составляло немногим более трех миллионов человек и примерно такой же численности в то время была Красная Армия, да вспомнить огромные потери, понесенные нашей армией, то можно сказать:

это была пиррова победа.

На заседании Политбюро Сталин сказал:

- Война с финнами показала слабость в подготовке высших командных кадров и резкое снижение дисциплины в войсках. Все это произошло при товарище Ворошилове. И теперь ему трудно будет в короткие сроки выправить эти крупные вопросы. А время нас поджимает: в Европе Гитлер развязал войну. Предлагается заменить товарища Ворошилова другим лицом и назначить наркомом обороны товарища Тимошенко.

Тимошенко стал отказываться, ссылаясь на то, что у него нет нужных знаний и государственной мудрости для работы на таком высоком и ответственном посту. Говорил он и о том, что едва ли достоин заменить товарища Ворошилова, которого не только армия, но и весь народ хорошо знает и любит.

- Все это верно, - сказал Сталин. - Но народ не знает, что у товарища Ворошилова не хватает твердости. А сейчас твердость особенно нужна во всем. У вас она есть. Беритесь, прежде всего, за дисциплину и за подготовку кадров. А насчет государственной мудрости - это дело наживное. Где нужно мы вам поможем.

Так наркомом обороны был назначен С. К. Тимошенко, а для Ворошилова была создана престижная должность заместителя председателя Совета Народных Комиссаров.

Поскольку нам придется в этой книге довольно часто встречаться с Тимошенко, познакомлю читателей с краткой его биографией. Семен Константинович Тимошенко родился в 1895 году. В год назначения наркомом обороны ему было 45 лет. Боевой путь он начинал с первой мировой войны. В 1915 году был призван в царскую армию, окончил пулеметную школу, участвовал в боях на Западном фронте. С первых дней революции защищал ее с оружием в руках: в 1917 году участвовал в ликвидации корниловщины, а затем - разгроме калединщины. Принимал участие в обороне Царицына. Командовал взводом, эскадроном, полком. С октября 1919 года командир 6-й кавдивизии в Первой конной армии Буденного. Награжден двумя орденами Красного Знамени. С 1925 года командовал 3-м кавалерийским корпусом.

Фундаментального образования не имел, окончил только Высшие академические курсы в 1922 и 1927 годах, а также курсы командиров-единоначальников при академии им. В. И. Ленина в 1930 году. Командовал военными округами - Киевским, Северо-Кавказским, Харьковским. В сентябре 1939 года командовал войсками Украинского фронта, совершавшими поход в Западную Украину.

Жуков в одной из своих бесед с К. М. Симоновым так

отзывался о Тимошенко:

- Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко - старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой, образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока он был (наркомом), кое-что успели провернуть в армии к лучшему.

Наверное, я не ошибусь, если скажу еще об очень важном психологическом последствии этой неудачной войны. Сталин, как уже говорилось, обнаружив низкую готовность Красной Армии, был вынужден идти на сближение и в чем-то уступать гитлеровской Германии, которая к этому времени уже показала, как молниеносно она может громить очень сильных противников. Сталину нужно было время для устранения слабостей своей армии.

Подведем итог. Стратегический расчет Сталина на обеспечение безопасности Ленинграда был оправданным, но выполнение конкретных мер по осуществлению этого замысла неумело проведено недальновидными воеводами, которые ввели в заблуждение Сталина как о силах противника, так и о возможностях своих войск. Война с Финляндией - одна из неудач в военной деятельности Сталина. Но она помогла выявить многие недостатки, которые были своевременно устранены.

Война в Европе

(Разгром Франции: май-июнь 1940 г. Война с Англией)

После того как Германией была оккупирована Польша, перед Гитлером встал вопрос - осуществить нападение на СССР или же сначала разгромить Францию и Англию? Если бы Гитлер пошел на восток и овладел жизненным пространством, о необходимости которого он открыто говорил, то это усилило бы Германию до такой степени, что Франция и Англия оказались бы неспособными ей противостоять. Они, конечно, не стали бы этого дожидаться, и, вероятно, началась бы и на западе настоящая, а не "странная" война, то есть - началась бы война на два фронта, чего так боялись и от чего предостерегали фюрера все стратеги Германии. Поэтому элементарная логика подсказывала Гитлеру: надо ликвидировать сначала западных противников. Но Франция не была похожа на те страны Европы, которые так легко захватил Гитлер до 1939 года. С Францией Германия в прошлом вела многолетние войны, причем битвы шли на равных, иногда верх одерживали французские вооруженные силы, иногда - германские. Это был серьезный противник, причем имеющий

такого могучего союзника, как Англия.

К 9 октября 1939 года в ставке Гитлера была разработана "Памятная записка и руководящие указания по ведению войны на Западе". Этот секретнейший документ Гитлер доверил сначала только четверым, а именно троим главнокомандующим видами вооруженных сил и начальнику штаба верховного главнокомандования. В этой "Памятной записке" были проанализированы возможные действия всех европейских государств в случае нападения Германии на Францию, изложены и варианты военных действий против Франции. Основной замысел заключался в том, чтобы обойти долговременные линии обороны Франции, созданные ею на своих границах с Германией, через территории Люксембурга, Бельгии и Голландии и этим избежать больших потерь и затяжных боев. А затем стремительным ударом танковых и механизированных войск ворваться на территорию Франции, сокрушить прежде всего волю противника к сопротивлению, окружить и уничтожить главные силы французской армии и экспедиционные части Англии.

На основании указаний Гитлера генеральный штаб и главнокомандующие начали разрабатывать план ведения войны, в результате чего был принят окончательный план вторжения во Францию, получивший условное название "Гельб".

10 мая 1940 года немецко-фашистские войска начали наступление в обход французской линии Мажино через территорию Голландии и Бельгии. С помощью воздушных десантов они захватили важные районы, аэродромы, мосты. 14 мая нидерландская армия капитулировала. Бельгийские войска отошли на рубеж реки Маас. На этот же рубеж выдвинулись части англо-французских войск. Но немецкая армия прорвала слабую оборону союзников и к 20 мая вышла к побережью. Особую роль сыграла танковая группа Клейста, которая прижала войска союзников к морю. Здесь произошла трагическая Дюнкеркская операция, в ходе которой англо-французские войска, понеся огромные потери, эвакуировались.

Быстро проведя перегруппировку сил, гитлеровская армия 5 июня начала вторую наступательную операцию - "Рот", в которой участвовало 140 дивизий! Эта операция ставила задачу разгрома французских вооруженных сил и выведения Франции из войны окончательно.

Французское правительство и командование были деморализованы. 14 июня по приказу Вейгана без боя был сдан Париж. Гитлеровские войска беспрепятственно продвигались в глубь страны. 17 июня на смену полностью беспомощному правительству пришел маршал Петен и тут же обратился к

командованию вермахта с просьбой о перемирии.

Гитлер упивался одержанной победой, он пожелал, чтобы подписание капитуляции Франции было оформлено в том самом вагоне, в котором 18 июня 1919 года был подписан Версальский мирный договор. Вагон разыскали, привели в порядок, пригнали в Компьенский лес на то самое место, где он стоял в девятнадцатом году, и здесь 22 июня 1940 года капитуляция была подписана.

Таким образом, в течение 44 дней, с 10 мая по 22 июня, были разгромлены французская армия и армия ее союзников - Англии, Голландии и Бельгии.

Командование союзников не смогло организовать сопротивление, хотя и обладало достаточными силами для активной обороны. Со стороны немцев в осуществлении операции "Гельб" участвовало 140 дивизий, 2580 танков, 3824 самолета, 7378 орудий. А союзники имели 147 дивизий, в том числе 23 танковые и механизированные, 3100 танков, 3800 боевых самолетов и более 14 500 артиллерийских орудий. Нетрудно заметить по этим цифрам, что силы союзников превосходили силы гитлеровской Германии.

О причинах быстрого поражения французской армии правильнее всего, на мой взгляд, узнать у самих французов. Вот что писал об этом генерал де Голль: "...командные кадры, лишенные систематического и планомерного руководства со стороны правительства, оказались во власти рутины. В армии господствовали концепции, которых придерживались еще до окончания первой мировой войны. Этому в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что военные руководители дряхлели на своих постах, оставаясь приверженцами устаревших взглядов... Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом".

Таким образом, быстрое поражение французской армии и армий союзников было предопределено не только силой германской армии и умением ее военачальников, но и беспомощностью командования и самих войск союзников. Что касается плана германского наступления на Францию, то он не представлял собой какого-то нового открытия в области военного искусства, разве только мощные удары танковых группировок отличали его от действий германской армии в других войнах против Франции. Вот, например, что пишет Манштейн об этом плане:

"Оперативные замыслы в основных чертах напоминали

знаменитый план Шлиффена 1914 года. Мне показалось довольно удручающим то, что наше поколение не могло придумать ничего иного, как повторить старый рецепт, даже если он исходил от такого человека, как Шлиффен. Что могло получиться из того, если из сейфа доставали военный план, который противник уже однажды проштудировал вместе с нами и к повторению которого он должен был быть подготовлен".

Большие опасения по поводу очень многих рискованных положений, заложенных в плане "Гельб", высказывал и командующий группой армий "Б" генерал-полковник фон Бок. Он даже написал по этому поводу официальный доклад в апреле 1940 года на имя командующего сухопутными войсками генерал-полковника фон Браухича. В этом докладе были и такие рассуждения:

"Мне не дает покоя ваш оперативный план. Вы знаете, что я за смелые операции, но здесь перейдены границы разумного, иначе это не назовешь. Продвигаться ударным крылом мимо линии Мажино, в 15 километрах от нее, и думать, что французы будут смотреть на это безучастно! Вы сосредоточили основную массу танков на нескольких дорогах в гористой местности Арденн, будто авиации не существует!.. И вы надеетесь сразу же провести операцию до побережья с открытым южным флангом, растянувшимся на 300 километров, на котором находятся крупные силы французской армии! Что вы будете делать, если французы умышленно дадут нам переправиться по частям через Маас и затем перейдут основными силами в контрнаступление против нашего южного фланга... Вы играете ва-банк!"

Да, если бы союзники во главе с французским командованием осуществили хотя бы только то, что предвидел фон Бок, германское наступление против Франции захлебнулось бы. Но, как мы уже говорили, французское и английское командования оказались неспособными организовать сопротивление большими силами, находившимися в их распоряжении.

Хочу подчеркнуть и то обстоятельство, что все вышеописанные действия проходили, как говорится, на глазах и у нашего военного руководства, но, к сожалению, оно тоже не сделало должных выводов и не организовало подготовку старшего командования, а также частей и соединений Красной Армии для противодействия именно такой тактике гитлеровской армии.

После сокрушительного поражения Франции Гитлер и его стратеги ожидали, что Англия пойдет на заключение перемирия, однако этого не случилось Англия продолжала войну. Поэтому

Гитлер начал поиски решения английской проблемы. В цепочке стран - Франция, Англия, Советский Союз - Германия вышла, как видим, на последнюю прямую. Франция пала, и если Англия будет нейтрализована, можно будет осуществлять главную цель - захват восточных пространств, иными словами, начинать войну против СССР.

Гитлеровское руководство искало возможности вывести Англию из игры путем политических интриг и давления. Однако это не привело к успеху. Много было по этому поводу разговоров, совещаний, предложенных вариантов, в конечном счете Гитлер склонился к мнению генерала Йодля, которое тот изложил в своей памятной записке от 30 июня 1940 года "Дальнейшее ведение войны против Англии". Наиболее целесообразный и обещающий победу стратегический вариант виделся ему следующим:

1. Осада - воспрепятствование флотом и авиацией всякому ввозу и вывозу из Англии, борьба против английской авиации и источников военно-экономической мощи страны.

2. Терроризирующие налеты на английские города.

3. Высадка десанта с целью оккупации Англии. Вторжение в Англию он считал возможным только после завоевания немецкой авиацией полного господства в воздухе и дезорганизации экономической жизни страны. Десантирование в Англию рассматривалось как последний смертельный удар. Но даже тогда, когда были отданы распоряжения на разработку этой операции, названной "Морской лев", Гитлер не терял надежды на компромиссный мир с Англией. Однако, несмотря на все старания, политические и дипломатические, на действия "пятой колонны" и пропагандистские уловки, гитлеровцам все же не удалось добиться примирения с Англией. 4 и 18 июня Черчилль заявил в палате общин, что Британия будет продолжать войну до конца, даже если она останется одна. Теперь гитлеровскому командованию оставалось только воздействовать на Англию силой. Была проделана большая, скажем так --исследовательская - работа главнокомандованием военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил по прикидке всевозможных вариантов вторжения в Англию. Все понимали, что это дело непростое и добиться молниеносного успеха, как это было перед тем на сухопутном театре военных действий, здесь едва ли удастся.

После многих совещаний и размышлений 16 июля 1940 года Гитлер подписал директиву ОКБ No 16 "О подготовке операции по высадке войск в Англии". В ней было сказано:

"Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков

готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против Англии. Цель этой операции - устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если потребуется, полностью захватить ее".

Как видим, даже в этой общей установке уже нет той решительности и определенности, которая была в директивах при действии на сухопутных театрах: "если нужно осуществить десантную операцию", "если потребуется..." и еще много таких "если".

Приготовления к операции "Морской лев" намечалось завершить в середине августа. Все предыдущие военные акции были хорошо продуманы Гитлером и генеральным штабом, но на этот раз к моменту, когда были уже отданы распоряжения о подготовке операции, у Гитлера еще не существовало какого-либо твердого плана, поэтому он запрашивал у своих военных стратегов их мнение. Первое время Гитлер поддерживал и даже пытался осуществить то, что изложил в своей записке Йодль от 30 июня. При этом Гитлер все еще ждал, что Англия пойдет на заключение мирного договора. Чтобы добиться этого, он сам и многие его советники надеялись поставить Англию на колени с помощью блокады с моря и с воздуха. Но вскоре Гитлер пришел к выводу, что решающих успехов от подводной войны и воздушной блокады можно добиться через год-два. Это никак не соответствовало его концепции быстрого осуществления победы. Потеря времени была не в пользу Германии, и Гитлер понимал это.

В середине мая Берлин был взбудоражен сообщением о неожиданном полете в Англию Рудольфа Гесса - первого заместителя Гитлера по руководству нацистской партией. Гесс, сам пилотируя самолет "Мессершмитт-110", вылетел 10 мая из Аугсбурга (южная Германия), взяв курс на Даунгавел Касл шотландское имение лорда Гамильтона, с которым был лично знаком. Однако Гесс ошибся в расчете горючего и, не долетев до цели 14 километров, выбросился с парашютом, был задержан местными крестьянами и передан властям. Несколько дней английское правительство хранило молчание по поводу этого события. Ничего не сообщал об этом и Берлин. Только после того как британское правительство предало этот полет гласности, германское правительство поняло, что секретная миссия, возлагавшаяся на Гесса, не увенчалась успехом. Тогда-то в штаб-квартире Гитлера в Бергхофе решили преподнести публике полет Гесса как проявление его умопомешательства. В официальном коммюнике о "деле Гесса" говорилось:

"Член партии Гесс, видимо, помешался на мысли о том, что посредством личных действий он все еще может добиться взаимопонимания между Германией и Англией".

Гитлер понимал, какой моральный ущерб причинил ему и его режиму неудачный полет Гесса. Чтобы замести следы, он распорядился арестовать приближенных Гесса, а его самого снял со всех постов и приказал расстрелять, если он вернется в Германию. Тогда же заместителем Гитлера по нацистской партии был назначен Мартин Борман. Нет сомнения, однако, что гитлеровцы возлагали на полет Гесса немалые надежды. Гитлер рассчитывал, что ему удастся привлечь к антисоветскому походу противников Германии, и прежде всего Англию.

Из документов Нюрнбергского процесса и других материалов, опубликованных после разгрома гитлеровской Германии, известно, что с лета 1940 года Гесс состоял в переписке с видными английскими мюнхенцами. Эту переписку помог ему наладить герцог Виндзорский - бывший король Англии Эдуард VIII, который из-за своего увлечения разведенной американкой вынужден был отречься от престола. В то время он жил в Испании. Используя свои связи, Гесс заранее договорился о визите в Англию. (Характерно, что документы о его пребывании в этой стране до сих пор не рассекречены.)

Очень не хотелось гитлеровскому командованию осуществлять непосредственное вторжение на территорию Англии, но после неудачного полета Гесса оно оставалось единственным способом решения задачи.

Однако при разработке различных вариантов вторжения главный морской штаб пришел к выводу, что следует отказаться от проведения операции в этом году и что даже через год он сможет осуществить десантирование необходимого количества войск лишь при условии, что немецкая авиация завоюет господство в воздухе.

Кроме того, Гитлеру доложили, что военно-промышленная подготовка к войне против Англии потребует годы и она не по силам Германии, если помнить о необходимости дальнейшего развития сухопутных войск для предстоящего похода на восток.

Гитлер понял, что ему не удастся осуществить операцию "Морской лев", колебания его отразились в нескольких переносах срока осуществления этой операции.

30 июня было принято решение провести приготовления к великой битве германской авиации против Англии. В директиве No 17 от 1 августа Гитлер говорит: "С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой,

нежели до сих пор, форме. Для этого приказываю: германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию".

В директиве от 2 августа перед германскими ВВС ставилась задача за четыре дня завоевать господство в воздухе над южной Англией. Здесь также видно стремление Гитлера осуществлять свои планы молниеносно. Но воздушная стихия внесла свои коррективы: из-за плохих метеорологических условий тотальное воздушное сражение началось лишь в середине месяца. 15 августа был совершен первый крупный массированный налет, в котором участвовали 801 бомбардировщик и 1149 истребителей.

Одновременно с бомбардировками гитлеровское руководство оказывало на англичан максимальное пропагандистское воздействие, желая деморализовать население не только воздушными бомбардировками, но и угрозой предстоящего вторжения войск на английский остров и тем самым заставить все-таки англичан пойти на подписание мирного договора.

Особое внимание с 5 сентября германские ВВС стали уделять бомбардировке Лондона, и это тоже был не только бомбовый, но и психологический нажим. Но гитлеровцам так и не удалось добиться господства в воздухе, как не удалось им сломить моральный дух англичан. 14 сентября на совещании главнокомандующих в ставке Гитлер мрачно констатировал:

"Несмотря на все успехи, предпосылки для операции "Морской лев" еще не созданы".

Гитлеровцы недооценили и английскую истребительную авиацию: во время воздушных налетов немецкая авиация понесла значительные потери. Таким образом, в сентябре 1940 года уже было очевидно, что заключение мира не состоялось, что морская блокада оказалась не под силу Германии, а воздушное тотальное наступление на Англию провалилось.

Оставалась неиспробованной так называемая периферийная стратегия, которая тоже обсуждалась, и не раз. 12 августа 1940 года отдается распоряжение о переброске танковых сил в Северную Африку для наступления на Суэцкий канал. Средиземноморские позиции имели, конечно, для Англии огромное значение, здесь проходила связь метрополии с Индией, Дальним Востоком, Австралией, Восточной и Северной Африкой. Суэцкий канал выполнял роль важной стратегической коммуникации, через которую осуществлялось снабжение британской армии. Снабжение нефтью с Ближнего Востока тоже шло этими путями. Потеря средиземноморских коммуникаций поэтому очень чувствительно била по Англии.

12 февраля 1941 года высадился на африканском побережье

корпус Роммеля. В апреле Германия оккупировала Грецию. Гитлер намеревался захватить и Гибралтар, послав туда войска с испанской территории, но Франко занял выжидательную позицию, не желая ввязываться в борьбу с великими державами. Гитлер предложил Муссолини послать на помощь итальянским войскам в Ливию один танковый корпус, на что дуче тоже долго оттягивал ответ и согласился с большой неохотой.

Все эти и другие действия на Балканах и в бассейне Средиземного моря имели целью не только ослабить Англию. Это была и маскировка самого главного, самого решающего, к чему готовились Гитлер и гитлеровский генеральный штаб, - подготовки нападения на Советский Союз. Гитлер понимал, что в Европе теперь не было государства, способного создать или организовать коалицию для открытия второго фронта против Германии, а Англия в этом смысле, находясь за морским проливом, не представляла реальной угрозы. Теперь Гитлер обеспечил себе спокойный тыл (заветная мечта всех немецких полководцев в прошлом!), он развязал себе руки. Больше пугая Англию, а самое главное - дезинформируя всю Европу, и в первую очередь Советский Союз, сообщениями о намерении провести операцию "Морской лев", гитлеровский генеральный штаб начал разработку плана "Барбаросса".

30 июня 1940 года, на пятый день после прекращения огня во Франции, Гальдер записал в своем дневнике: "Основное внимание - на восток..." Начальник генерального штаба, хранивший свой дневник в личном сейфе, был абсолютно уверен, что в него никто никогда не заглянет, поэтому его дневник можно считать вполне достоверным документом. Эта запись была одной из самых больших тайн того времени, и она выдает подлинные планы Гитлера, о которых он, конечно, сказал начальнику генерального штаба. Генерал Кейтель в приказе ОКВ "О начале планирования десантной операции против Англии" 2 июля тоже написал: "Все приготовления должны вестись, исходя из того, что само вторжение является всего лишь планом, решение о котором еще не принято".

Все мероприятия по операции "Морской лев" превратились в ширму для прикрытия подготовки агрессии против Советской страны. Маскировка эта проводилась весьма убедительно, потому что планы десантирования разрабатывались, изменялись, все время шел разговор о переправе через Ла-Манш как о действительно предстоящей. О том, что все это фикция, знали лишь немногие. Для большей убедительности на побережье проводились даже такие действия (цитирую из воспоминаний В. Крейпе): "Французские, бельгийские и голландские порты были

забиты всевозможными судами. Непрерывно велась тренировка по посадке на суда и высадке десанта. Для этих тренировок были сосредоточены многочисленные суда германского военного флота и подводные лодки, а также артиллерия и авиация, которые прикрывали все эти тренировочные занятия".

Планы агрессии против СССР, о которых рассказывалось выше, в свое время представляли для всех тайну. Но действия Гитлера и гитлеровского генерального штаба в осуществлении главного намерения были настолько последовательны, что Сталину не надо было ничего разгадывать. Главную, можно сказать, цель своей жизни Гитлер изложил в книге "Майн кампф", которая была издана и переиздана миллионными тиражами на всех языках во всем мире. Вот что там сказано: "Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам... Это громадное пространство на востоке созрело для гибели... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением правильности расовой теории".

Ликвидация Троцкого

Написал об этом подробно всю правду известный советский разведчик и контрразведчик Павел Анатольевич Судоплатов в своей книге "Разведка и Кремль", которую давал мне прочитать еще в типографском наборе, а после выхода ее в свет подарил с теплым автографом.

О Судоплатове можно рассказывать много и долго, тем, кто заинтересуется судьбой Павла Анатольевича рекомендую прочитать его книгу "Разведка и Кремль". В ней изложены все детали подготовки и ликвидации Троцкого. Я использую этот материал в своем пересказе, потому что никто не знает всех подробностей лучше непосредственного организатора этой опасной и сложной акции.

Верный своему принципу искать для моей книги и использовать самые достоверные источники, я не довольствовался только рассказом Судоплатова, но и сам побывал в Мексике, в Койакане. Детально ознакомился с виллой Троцкого, побывал во всех комнатах, сделал много фотоснимков.

Главу о ликвидации Троцкого я включаю в свое повествование не потому, что хочу оживить книгу детективным эпизодом, а потому, что финал жизни Троцкого является как бы итогом многолетней борьбы за власть между ним и Сталиным.

Сталин оказался победителем в этой схватке. Он был и организатором сложной операции, поэтому нельзя умолчать и не рассказать о таком важном эпизоде из жизни будущего

Генералиссимуса.

Считаю необходимым подчеркнуть одно очень важное, на мой взгляд, обстоятельство, обратить на него внимание. Ликвидация Троцкого не была результатом мстительности или кровожадности Сталина, как это пытаются преподнести сегодня. Необходимость проведения этой акции вытекала из политической ситуации, которая создалась в те годы, и еще из той перспективы, в которую могла вылиться активная деятельность Троцкого в будущем, в случае войны.

После отъезда из Советского Союза Троцкий некоторое время жил в Турции, Норвегии, Франции. Он создал IV Интернационал и вел активную деятельность, направленную на раскол коммунистического движения за рубежом, овладение Коминтерном и, самое главное, продолжал руководить и направлять антисоветскую деятельность оппозиции в Советской стране, в частности и на устранение Сталина и его единомышленников.

После громких политических процессов 1937 года, на которых выявилась роль Троцкого как главного организатора всей подпольной антисоветской деятельности, Троцкий, опасаясь возмездия Сталина, решил уехать подальше, в более безопасное место, и в 1937 году поселился в Мексике, на окраине ее столицы в Койакане. Здесь он приобрел виллу, откуда продолжал руководить своей политической борьбой, охватившей многие страны мира.

В Европе деятельность троцкистов направлял его сын, носивший фамилию матери, Лев Седов. Он не только вел антисоветскую пропаганду, но и активно сотрудничал с разведкой Германии, с гестапо. Работа продвигалась полным ходом, зарубежные троцкисты подставляли своих советских коллег для вербовки гитлеровским абвером и гестапо. Вот только один пример. (Из стенограммы открытого судебного процесса в 1938 году):

Чернов: - Я сообщил (Рыкову) о том, что еду в Германию. Не будет ли каких поручений? Рыков, зная меня как старого меньшевика, поставил передо мной вопрос о том, не смогу ли я, будучи в Германии, встретиться с Даном (* Дан - один из лидеров II Интернационала.), установить связь с ним и передать поручение от имени правового центра. Я Рыкову ответил, что такую возможность я имею и думаю, что в этом отношении может оказать помощь мой товарищ по меньшевистской работе, о котором я уже говорил, - это Кибрик. Тогда Рыков дал мне поручение установить связь с Даном и передать ему поручение от правого центра.

Вышинский: - Какое поручение?

Чернов: - Я забыл сказать, что при этой моей беседе с Рыковым присутствовал еще Томский. Поручения заключались в следующем: через партии II Интернационала поднять общественное мнение капиталистических стран против Советского правительства, через лидеров II Интернационала добиться у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу; заручиться от II Интернационала, а через его лидеров - и от буржуазных правительств, поддержкой в случае захвата власти правыми в стране. Я на это Рыкову сказал, что недостаточно будет передать Дану только эти поручения. Безусловно, Дан поставит ряд вопросов о силах правой организации, о том, что правая организация будет делать после прихода к власти. На это Рыков сказал: "Вы можете заверить Дана, что мы располагаем достаточными силами в стране для того, чтобы свергнуть существующую власть и захватить ее в свои руки". Причем он особо указал, что мы располагаем этими силами, в том числе среди видных ответственных военных работников. Второе, что он указал: я могу заявить Дану, что правые после их прихода к власти установят правительство с учетом требований как II Интернационала, так и буржуазных правительств и пойдут на соглашение с буржуазными правительствами как по вопросам экономического порядка, так и, если потребуется, по вопросам территориального порядка.

Вышинский: - Подсудимый Рыков, перед поездкой Чернова в Берлин вы виделись с Черновым?

Рыков: - Да.

Вышинский: - Вы с Черновым разговаривали в присутствии Томского или с глазу на глаз?

Рыков: - В присутствии Томского.

Вышинский: - Вы давали поручения Чернову связаться в Берлине с Даном?

Рыков: - Да.

Чернов: - По приезде в Берлин я позвонил Кибрику, и мы условились с ним встретиться в баварском зале ресторана "Фатерланд". Эта встреча там с ним и произошла.

Вышинский: - Встреча состоялась?

Чернов: - Да, я сейчас расскажу все это подробно. Мы условились, что Кибрик устроит мне встречу с Даном, и встреча состоялась. Я передал Дану все поручения, которые я от правого центра, в лице Рыкова, получил... После беседы с Даном, происходившей, как я сказал, на квартире Кибрика, Дан уехал, а мы с Кибриком остались ужинать. После ужина я должен был поехать на вокзал. За ужином сильно выпили. Кибрик,

сославшись на какую-то особую занятость, сказал, что он не может меня проводить на вокзал, и посадил меня в автобус, и я поехал, для того чтобы отправиться обратно в Кенигштейн.

Вышинский: - На вокзал попали?

Чернов: - Нет, не попал, а попал в полицей-президиум. В автобусе, в котором я ехал, ко мне пристало несколько немцев. Один из них меня толкнул, я его тоже в свою очередь толкнул... Я в полицей-президиуме протестовал и требовал, чтобы меня выпустили. Мне сказали, что я должен дожидаться утра и прихода начальника. Я переночевал там. Утром явился какой-то чиновник, хорошо говоривший по-русски, которому я тут же заявил протест. Он говорит, что должен доложить начальнику. Через некоторое время явился человек. Он назвался полковником Обергауз. Он вынул протокол, перевел мне его - я обвинялся в изувечении немцев, за это я должен отвечать как уголовный преступник, а кроме того, копию этого протокола, сказал он мне, направят в наше полпредство, и тут же предложил мне стать сотрудником немецкой охранки, немецкой разведки. Я отказался. Тогда Обергауз сказал - я, дескать, знаю кое-что о ваших делах в Германии. Я спросил - что? Он ответил - о ваших встречах с Даном. И показал мне несколько фотокарточек встреч с Даном, снятых как в Кенигштейне, так и в Берлине, и, кроме того, передал мне коротко содержание беседы с Даном.

Вышинский: - Чьей?

Чернов: - Моей беседы с Даном. Причем в этом изложении было ясное повторение слов Дана. Тогда для меня стало абсолютно ясно, что та ловля меня, которая происходила в Германии, организовывалась немецкой разведкой при полном содействии самого Дана и при участии Дана и что сам Дан, безусловно, является агентом немецкой разведки, равно как и Кибрик...

Вышинский: - Значит, полицейский чиновник мог знать разговор от Дана?

Чернов: - Да. Да, иначе он бы не передавал. Я после этого дал согласие и стал немецким шпионом.

Вышинский: - Значит, сами попались?

Чернов: - Да. После этого начались формальности - анкеты, подписка. Обергауз проинструктировал меня о той работе, которую я должен вести в Советском Союзе в пользу Германии. Причем, видя то волнение, в котором я находился, он говорил: вы напрасно волнуетесь. Вы боретесь против Советской власти, мы боремся против Советской власти, и, наверное, даже методы нашей борьбы в ближайшее время сойдутся.

Вышинский: - В чем выразилось ваше сотрудничество с

германской разведкой?

Чернов: - Я работал... тогда не помню - заместителем наркома или членом коллегии Наркомторга...

Далее идет подробный рассказ Чернова о своей шпионской работе.

Кроме шпионской работы, многие троцкисты по указанию из-за рубежа, да и в соответствии со своей тактикой, проводили террористические акты. Переход "право-троцкистского блока" к террору Рыков мотивировал следующим образом: "При нелегальном заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти, - принятие террора и "дворцового переворота" давало, по мнению центра, какую-то перспективу".

Бухарин, признавший на следствии, что на путь террора "право-троцкистский блок" стал еще в 1932 году, показал следующее: "В том же 1932 году при встрече и разговоре с Пятаковым я узнал от него об его свидании с Л. Седовым (сыном Троцкого. - В. К.) и получении от Седова прямой директивы Троцкого перейти к террору против руководства партии и Советской власти. Должен также признать, что, по существу, тогда мы и пошли на соглашение с террористами, а мой разговор с Пятаковым явился соглашением о координации наших с Троцким действий, направленных к насильственному свержению руководства партии и Советской власти".

Следуя принятым в этом отношении решениям, заговорщический блок по директивам Троцкого широко развернул организацию террористических групп и практическую подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Вот что показал по этому поводу Рыков:

"К тому времени мы уже стали на путь террора как одного из методов нашей борьбы с Советской властью... Эта наша позиция вылилась в совершенно конкретную нашу и, в частности, мою деятельность по подготовке террористических актов против членов Политбюро, руководителей партии и правительства, а в первую очередь против Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова. В 1934 году уже я дал задание следить за машинами руководителей партии и правительства созданной мною террористической группе Артеменко".

Следствием установлено, что убийство С. М. Кирова, осуществленное ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром 1 декабря 1934 года, было осуществлено также по решению "право-троцкистского блока".

Учитывая активизацию троцкистов и их переход к террору,

Сталин принял решение нанести удар и по зарубежной троцкистской организации. Он поручил Берии разработать план ликвидации Троцкого и подобрать исполнителей.

Ниже последует рассказ Судоплатова о его встрече со Сталиным:

"Сталин был внимательным, спокойным и сосредоточенным, слушая собеседника, он обдумывал каждое сказанное ему слово. Берию Сталин выслушал с большим вниманием. По мнению Берии, левое движение за рубежом находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого. Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин.

- В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Сталин начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпи-гельгласу, однако тот провалил это важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

- Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

После оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе Сталин перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике.

Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в гражданской войне в Испании.

- Это ваша обязанность и партийный долг - находить и

отбирать подходящих и надежных людей, чтобы справиться с поручением партии. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше. Представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде.

Аудиенция закончилась, мы попрощались и вышли из кабинета.

Берия сказал:

- Эйтингон - подходящая кандидатура, к концу дня я жду вас обоих с предложениями.

Я рассказал Эйтингону о замысле операции в Мексике...

Мой первоначальный план состоял в том, чтобы использовать завербованную Эйтингоном агентуру среди троцкистов в Западной Европе, и в особенности в Испании. В соответствии с нашим планом, необходимо было создать две самостоятельные группы. Первая группа "Конь" под началом Давида Альфаро Сикейроса, мексиканского художника, лично известного Сталину, ветерана гражданской войны в Испании. Он переехал в Мексику и стал одним из организаторов мексиканской компартии. Вторая - так называемая группа "Мать" под руководством Каридад Меркадер.

К 1938 году Рамон и его мать Каридад, оба жившие в Париже, приняли на себя обязательства по сотрудничеству с советской разведкой. В сентябре Рамон по наводке братьев Руа-нов познакомился с Сильвией Агелоф, находившейся тогда в Париже, и супругами Розмерами, дружившими с семьей Троцкого. Следуя инструкциям Эйтингона, он воздерживался от любой политической деятельности.

Берия распорядился, чтобы я отправился вместе с Эйтингоном в Париж для оценки группы, направляемой в Мексику.

До Парижа добрались поездом. Там я встретился с Рамо-ном и Каридад Меркадер, а затем, отдельно, с членами группы Сикейроса. Эти две группы не общались и не знали о существовании друг друга.

Эйтингон прибыл в Нью-Йорк в октябре 1939 года и основал в Бруклине импортно-экспортную фирму, которую мы использовали как свой центр связи. И самое важное, эта фирма предоставила "крышу" Рамону Меркадеру, обосновавшемуся в Мексике с поддельным канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона. Теперь он мог совершать частые поездки в Нью-Йорк для встреч с Эйтингоном, который снабжал его деньгами.

Постепенно в Мексике нашлось прикрытие и для группы Сикейроса. Эйтингоном были разработаны варианты

проникновения на виллу Троцкого в Койакане. Группа Сикейроса планировала взять здание штурмом, в то время как главной целью Рамона, не имевшего понятия о существовании группы Сикейроса, было использование своего любовного романа с Сильвией Агелоф для того, чтобы подружиться с окружением Троцкого.

Рамон был похож на звезду французского кино Алена Делона. Сильвия не устояла перед присущим ему своеобразным магнетизмом еще в Париже. Она ездила с Рамоном в Нью-Йорк...

В троцкистских кругах Рамон держался независимо, не предпринимая никаких попыток завоевать их доверие "выражением симпатии к общему делу". Он продолжал разыгрывать из себя бизнесмена, "поддерживающего Троцкого в силу эксцентричности своего характера", а не как преданный последователь.

24 мая 1940 года группа Сикейроса ворвалась в резиденцию Троцкого. Они изрешетили автоматными очередями комнату, где находился Троцкий. Но, поскольку они стреляли через закрытую дверь и результаты обстрела не были проверены, Троцкий, спрятавшийся под стол в углу, остался жив.

Покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении.

Мы с Берией поехали к Сталину на ближнюю дачу. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого.

Сталин вовсе не был в ярости из-за неудачного покушения на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника...

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

- Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия".

А теперь мы имеем уникальную возможность услышать самого Рамона Меркадера - о том, как он выполнил завершающий этап операции "ликвидация" 20 августа 1940 года. Вот что он рассказал Судоплатову в 1969 году в ресторане Дома литераторов:

"- Во время моей встречи с матерью и Эйтингоном на явочной

квартире в Мехико Эйтингон предложил следующее:

в то время как я буду находиться на вилле Троцкого, сам Эйтингон, Каридад и группа из пяти боевиков предпримут попытку ворваться на виллу. Начнется перестрелка с охранниками, во время которой я смогу ликвидировать Троцкого.

Я не согласился с этим планом и убедил его, что один приведу смертный приговор в исполнение. Как свой человек я пришел на виллу. После обычных приветствований Троцкий сел за письменный стол и читал мою статью, которую я написал в его защиту. Когда я готовился нанести удар ледорубом, Троцкий слегка повернул голову, и это изменило направление удара ледорубом, ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Я растерялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож. Крик Троцкого меня буквально парализовал.

В комнату вбежала жена Троцкого с охранниками, меня сбили с ног, и я не смог воспользоваться пистолетом. Однако в этом, как оказалось, не было необходимости. Троцкий умер на следующий день в больнице.

Меня сбил с ног рукояткой пистолета один из охранников Троцкого, потом мой адвокат использовал этот эпизод для доказательства того, что я не был профессиональным убийцей. Я же придерживался версии, что мною руководила любовь к Сильвии и что троцкисты растрачивали средства, которые я жертвовал на их движение, и пытались вовлечь меня в террористическую деятельность. Я не отходил от согласованной версии: мои действия вызваны чисто личными мотивами..."

Меркадера арестовали как Фрэнка Джексона, канадского бизнесмена, и его подлинное имя власти не знали в течение шести лет.

Личность Меркадера спецслужбам удалось установить лишь после того, как на Запад перебежал один из видных деятелей испанской компартии, находившийся до своего побега в Москве.

Судоплатов продолжает рассказывать:

"Когда в Мексику доставили из испанских полицейских архивов досье Меркадера, личность его была установлена, отпираться стало бессмысленно. Перед лицом неопровержимых улик Фрэнк Джексон признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. Но он так и не признался, что убил Троцкого по приказу советской разведки. Во всех своих открытых заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив этого убийства.

Женщина, присматривающая за Рамоном в тюрьме, влюбилась в него. Позднее он женился на ней и привез ее с собой

в Москву, когда был освобожден из тюрьмы 20 августа 1960 года. В тюрьме он отсидел двадцать лет.

До 1960 года Рамон никогда не бывал в Москве. В Москве Меркадер был принят председателем КГБ Шелепиным, вручившим ему Звезду Героя Советского Союза...

Меркадер был профессиональным революционером и гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы. Он не раскаивался в том, что убил Троцкого, и сказал:

- Если бы пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал.

В середине 70-х годов Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где был советником у Кастро. Скончался он в 1978 году, тело его было тайно доставлено в Москву. Похоронили Меркадера на Кунцевском кладбище. Там он и покоится под именем Ра-мона Ивановича Лопесса, Героя Советского Союза".

Судоплатов подвел такой итог:

Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к крайним методам для достижения своих целей, но разница заключалась в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, а и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение...

Моральный фактор

Историки и исследователи военного искусства много внимания и усилий потратили на анализ подготовки Сталиным вооруженных сил страны к отражению гитлеровской агрессии. Единодушно, например, их мнение, что Сталин вполне обоснованно оттягивал нападение Германии, заключая с ней договоры и секретные соглашения. Ему удалось выиграть два года отсрочки, но этого все равно было мало для полной готовности армии и особенно - для оснащения ее новыми видами вооружения.

Но (что просто удивительно!) остается пока за пределами внимания ученых крупнейшее стратегическое "мероприятие", которое Сталин осуществил и добился очень хороших результатов, также сыгравших важнейшую роль для достижения победы в Великой Отечественной войне.

О моральном факторе говорили и писали много - о том, что о боевом духе армии перед войной заботились политработники, партийные и комсомольские организации. Все это было и сыграло свою большую, мобилизующую роль.

Но я имею в виду более широкую политико-воспитательную работу Сталина - сплочение нации, всего народа, воспитание его в новом духе. Не только для стойкости в годы войны, но и в целом для осуществления исторической миссии построения

социализма.

Сталин видел разобщенность людей, как тогда называли - классовый антагонизм, раскаленный пролитой кровью в ходе гражданской войны. Он повседневно ощущал на себе накал внутрипартийной борьбы, всевозможных оппозиционных и групповых встрясок, искусственно раздирающих партию и народ на противоборствующие силы. А для ближайших задач и, особенно, для перспективы нужна была сплоченная партия, единый народ, объединенные общими идеями и устремлениями. Сталин понимал: без всего этого невозможно осуществить намеченные исторические преобразования. И, как показывает его деятельность, он многие годы прилагал силы и мозговую энергию для внедрения, укрепления, выращивания новых общенациональных патриотических качеств. Первое из них - дружба народов (не буду о ней много писать), и то, что Сталину удалось ее привить всем национальностям, составляющим Советский Союз, - это очевидно. Второе - высокие морально-нравственные качества, которыми, как считал вождь, должен обладать советский человек, строитель нового социалистического общества.

Сталин осуществил просто титаническую работу - он преобразовал, перенацелил все виды искусства: литературу, кино, театр, живопись, - вообще все, что влияет на морально-нравственное формирование человеческой личности. Представители всех видов искусства были сориентированы работать на социализм.

Это была величайшая сталинская победа, здесь он проявил себя как подлинный вождь. Сколько бы ни куражились над этим словом нынешние недоброжелатели, именно понятие вождь как нельзя лучше подходит к выдающемуся руководителю, о чем будет сказано в этой главе.

Сталин долго присматривался к морально-нравственному состоянию народа, к причинам, его объединяющим или раз валивающим и разобщающим. Он убедился, что, кроме политико-воспитательных мероприятий, большую, если не главную, роль играет искусство. Он прислушивался к интеллигенции, к ее громким, публичным словам и шепоту в своей среде, определял силы, рычаги, методы, двигающие жизнь деятелей культуры. И только когда понял механику, которая формирует духовную жизнь, моральную прочность нации, только тогда решился влиять на этот процесс, направлять его путь, который, как он считал, обеспечит воспитание нового советского человека со всеми высокими морально-нравственными качествами, необходимыми строителю социализма, а потом и коммунизма.

В 1905 году Ленин в статье "Партийная организация и партийная литература" писал о том, что "партия должна организовать литературное дело, поставить его на службу народу". Сразу после Октябрьской революции этим делом занялся Пролеткульт - Пролетарская культурно-просветительская организация. Ее задача - "дать рабочему классу целостное воспитание, направляющее коллективную волю и мышление". "Выработка самостоятельной духовной культуры" предусматривала отказ от старого наследия; Пушкин, Гоголь, Достоевский и другие русские классики объявлялись "писателями буржуазного толка". Пролеткульт вел борьбу за создание новой, особой формы рабочей культуры, свободной от всяких мелкобуржуазных влияний.

Как и следовало ожидать, Пролеткульт со всеми его "ррре-волюционными" заскоками бесславно распался. На его место в 1925 году пришел РАПП Российская ассоциация пролетарских писателей, которая кое-что унаследовала от Пролеткульта, например, задачу: "пролетариат должен завоевать руководящую роль на фронте культурного и литературного строительства". Лидерами РАППа были Вардин, Авербах, Лелевич.

Сталин доброжелательно относился к Иллариону Вардину (это его псевдоним, настоящая фамилия Мгеладзе). Он был членом партии с 1906 года, начинал революционную деятельность на Кавказе. В гражданской войне был начальником политотдела конной армии Буденного, к формированию которой, как известно, имел прямое отношение Сталин.

Вардин был вхож к Генеральному секретарю в любое время. Через него Сталин знал все подробности жизни не только РАППа, но и всей писательской братии. Позднее Сталин охладел к Вардину, потому что он и сменивший его чрезвычайно нахрапистый Авербах переметнулись (а может быть, и раньше были в нем) в лагерь троцкистов и стали активно участвовать в борьбе за власть. РАПП претендовал на безраздельный идеологический и политический контроль над советской литературой.

Сталин сначала поддерживал рапповцев. Хотя и критиковал их за политические ошибки и перехлесты.

Евгений Громов написал солидную книгу "Сталин, власть и искусство" (М., 1998 г.). Солидную не только по объему - 459 страниц, но и по содержанию. Автор проделал большую исследовательскую работу. Жаль, что он унижается до уровня "демократических" нравов такими эпитетами "кремлевский владыка", "тиран", "кремлевский критик" и т. п. Эта недоброжелательность снижает безусловную научную ценность

работы. Но автор приводит много подлинных документов, часть которых я буду заимствовать. Не во всем наши комментарии совпадут, но документ говорит сам за себя, а комментарии лишь показывают тенденциозную направленность. Иногда Громову удается быть объективным. Вот, например, его суждения о РАППе и Сталине:

"Почему Сталин, обладавший уже властью, не приказал просто: рапповцев прогнать, никаких дискуссий на сей счет не заводить. Но нет, нераскаявшихся руководителей РАППа выслушивают, с ними спорят, их убеждают, на это сам хозяин не жалеет времени. Того же Авербаха он пока терпит, встречается с ним за одним столом. Конечно, здесь играет роль то обстоятельство, что бывшего рапповского лидера активно поддерживает Горький. И все же дело не только в Горьком.

Авербах, которого его противники иронически называли "кремлевским барчонком", давно уже занимал прочное место в неписаной иерархии советских властных структур. Он находился в родственных связях с семьями Я. Свердлова и Г. Ягоды, что способствовало его крутому взлету сначала в комсомольской карьере, а потом в литературной. Женат Авербах был на дочери известного ленинского соратника Бонч-Бруевича, что помогало нередко установить хорошие контакты со старыми большевиками, многие из которых занимали еще влиятельные посты. Главное же состояло в том, что почти десять лет рапповцы находились в эпицентре культурной жизни, занимая в ней, во все возрастающей степени, руководящее положение. У них имелось немало сторонников в литературных кругах, еще больше, может быть, в партийных - в ЦК, обкомах, райкомах, в государственных управленческих учреждениях, аппарате НКВД, а также в средствах массовой информации, высших учебных заведениях и, конечно, в комсомоле, среди рабфаковской молодежи.

В культурной политике, как и во внутренней в целом, Сталин опирался не только на административно-командные методы. Обычно он их дополнял (или маскировал) методами терпеливого убеждения в правильности принимаемых решений, содержание которых настойчиво разъяснялось как самим вождем, так и его помощниками, подчиненными разных рангов. Сталинский тоталитаризм не надо упрощать. Но и не надо искусственно усложнять".

К 1932 году Сталин убедился: РАПП - не та организация, которая нужна партии для проведения своей политики в области литературы и искусства. 23 апреля 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) "О перестройке литературно-художественных организаций" РАПП был распущен.

Распустив РАПП, Сталин одним этим завоевал солидный авторитет у истинной творческой интеллигенции. Сталин проявил себя тогда незаурядным организатором и психологом. Запуганные предшествующими репрессиями и проработоч-ными кампаниями советские писатели видели в нем единственную надежду на творческое понимание и улучшение своей жизни. И тянулись к вождю. В основе этого тяготения лежали зачастую и глубокие мотивы. Немало литераторов, в том числе и из самых талантливых, искренне верили тогда в социалистическую идею. Они полагали, что РАПП являл собой грубый идеологический перегиб и вульгаризаторское извращение ленинских партийных принципов. И вот теперь наступает торжество истины и справедливости.

Сталин многие годы дружил с Горьким, это действительно была настоящая дружба, а не просто добрые служебные отношения. Сталин уважал Горького. Алексей Максимович отвечал ему тем же, хотя кое в чем не соглашался со Сталиным и открыто ему об этом говорил. Горький бывал на квартире Сталина в Кремле и на даче в Сочи. Сталин часто навещал особняк Горького у Никитских ворот. Здесь происходили встречи и с другими писателями. Сталин вел себя в их среде как равный (он в одной из анкет до революции в графе профессия написал "литератор"), человек начитанный (в ссылках на это хватало времени), широко мыслящий, он участвовал в спорах и дискуссиях литераторов, знал, кто с кем дружит, с кем враждует.

Сталин поделился с Горьким своим замыслом о создании Союза писателей, попросил его совета и помощи. Чтобы лучше узнать на этот счет мнение самих писателей, их настроения, нужды, пожелания, Сталин просил Горького приглашать побольше гостей в свой дом "на рюмку чая".

Первая большая встреча с писателями состоялась на квартире у Горького 19 октября 1932 года. На ней присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов, Бухарин и Постышев. Подробности о ней почти неизвестны. Вторая прошла 26 октября. Со стороны властей - в том же составе, только Бухарина заменил Каганович. Как и первая, встреча не стенографировалась. О ней известно больше по воспоминаниям очевидцев. А подробную запись сделал Зелинский. Он впоследствии послал эту запись в Кремль с просьбой разрешить ее напечатать. Такое разрешение ему не дали, но и замечаний она не вызвала. Теперь этот материал опубликован. Я пересказываю его с сокращениями, привлекает подлинность и объективность событий, которые описаны очевидцем.

Присутствовало на встрече около 50-ти человек.

Приглашение на нее было окружено атмосферой некоторой таинственности - звонили по телефону и приглашали на вечер к Горькому. С какой целью - не говорили. О том, что там может быть Сталин, и речи не шло.

Список приглашенных составлялся Авербахом и Ермило-вым - рапповцы, теперь уже бывшие, как видно, не сдавали своих позиций. Им, особенно Авербаху и Киршону, покровительствовал Горький, хотя в свое время и его травили эти "неистовые ревнители".

Председательствовал на встрече Горький. Во вступительной речи он поругал рапповцев, но довольно сдержанно.

Выступает Авербах. Генсек откровенно показывает, что ему скучно его слушать. Горький же "болеет" за своего протеже...

Эмоционально выступает Сейфуллина. "Я, товарищи, в отчаянии от того, что вы хотите снова ввести в состав Оргкомитета трех рапповцев... Мы, наконец, вздохнули и снова получили возможность писать. Ведь у нас некоторых писателей довели до того, что они слепнут".

В зале шум, голоса: "Неправда!" Катаев пытается прервать оратора. Видно, что отнюдь не все присутствующие настроены против рапповцев. Но Сталин явно симпатизирует Сей-фуллиной и предлагает продлить ей время для выступления. Он высказывает уверенность, что "и другие так думают", только не все решаются это показать. Страх перед рапповцами еще велик.

В дискуссию вступает Сталин:

- "Пущать страх", отбрасывать людей легко, а привлекать их на свою сторону трудно. За что мы ликвидировали РАПП? Именно за то, что РАПП оторвался от беспартийных, что перестал делать дело партии в литературе. Они только "страх пущали"... А "страх пущать" - это мало. Надо "доверие пу-щать"... Вот почему мы решили ликвидировать всякую групповщину в литературе.

Далее он остановился на творческих задачах, стоящих перед новым союзом, особо оговорив вопрос о пьесах. Сказал - что было выслушано с особым вниманием - и о материальной базе будущего сообщества: "Будет построен литературный институт вашего имени, Алексей Максимович, а также писательский городок с гостиницей, столовой, библиотекой..."

Особенно любопытны наблюдения Зелинского о второй части заседания.

Подобные встречи сопровождались обычно обильным угощением с горячительными напитками. Кое-кто из писателей своей нормы не знал. Генсек постепенно взял на себя роль тамады, никого не останавливал, а скорее поощрял, что отвечало обычаям грузинского застолья. Кроме того, Сталин знал -

алкоголь развязывает языки. На писательской встрече он "нещадно" подливал сотрапезникам полными стаканами водку и коньяк. Сам он, по наблюдению Зелинского, выпил три четверти бутылки, но не опьянел.

Поэт В. Луговской предложил выпить за здоровье товарища Сталина. И вдруг изрядно охмелевший Г. Никифоров встал и закричал на весь зал воистину, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке:

- Надоело! Миллион сто сорок семь тысяч раз пили за здоровье товарища Сталина! Небось, ему это даже надоело слышать...

Сталин тоже поднимается. Он протягивает через стол руку Никифорову, пожимает:

- Спасибо, Никифоров, правильно. Надоело это уже. В зале многие шумели даже во время речи Сталина. И, снова скажу, жадно тянулись к нему. В перерыве между заседаниями его осаждали вопросами, вступали в спор. С восторгом чокались. Пели вместе песни. Решали бытовые проблемы. Л. Леонов хлопотал перед вождем о дачах - негде отдыхать, работать. Генсек был этим разговором не слишком доволен, но не без иронии посоветовал занять дачу Каменева. Эта перспектива, если верить Зелинскому, радует Леонова. А почему не верить? Как только "освободилась" дача арестованного Бабеля, Союз писателей тотчас поднял вопрос, когда и кому ее занять...

Фадеев, который, возможно, чувствовал себя неловко по отношению к Шолохову, очень "ухаживал" за ним во время этой встречи, И предложил выпить "за самого скромного из писателей, за Мишу Шолохова". Сталин поднимает за него тост.

Возникает кулуарный, вроде бы между делом, разговор о творческом методе. Кажется, что Сталин занимает здесь гораздо более либеральную позицию, чем рапповцы, в частности Киршон. Первый марксист страны говорит прямо-таки крамольные вещи: "Можно быть хорошим художником и не быть материалистом-диалектиком. Были такие художники. Шекспир, например". "И Пушкин", - добавляет Никифоров.

Авербах, громко: "Да, но мы хотим создать социалистическое искусство, товарищ Сталин". Никулин: "Смотрите, смотрите, не успели его еще ввести в Оргкомитет, а он уже кричит, и кричит уже на Сталина". Все хохочут. Но Сталин продолжает спокойно: "Мне кажется, если кто-нибудь овладеет как следует марксизмом, диалектическим материализмом, он не станет стихи писать, он будет хозяйственником или в ЦК захочет попасть. Теперь все в ЦК хотят попасть... Но вы же не должны забивать художнику голову тезисами. Художник должен правдиво показать жизнь. А если он

будет правдиво показывать нашу жизнь, то в ней он не может не заметить, не показать того, что ведет ее к социализму. Это и будет социалистический реализм". (Кстати, именно на этой встрече Сталин назвал писателей "инженерами человеческих душ").

Споривший с вождем Авербах защищал не только какой-то теоретический постулат, а весь РАПП. "Неистовые ревнители" являлись фанатиками диалектико-материалистического метода в художественном творчестве. Что это такое конкретно, не знал никто, но рапповцы могли любого неугодного им автора отлучить от марксизма, поскольку они присваивали себе монополию на его истолкование. И вот теперь вождь фактически их дезавуирует. Удар смертельный...

Таким образом, Сталин первым ввел в литературную жизнь Союза термин "социалистический реализм". Позднее в беседе с Горьким Сталин более подробно обосновал это понятие:

- Нам не стоит особо подчеркивать пролетарский характер советской литературы и искусства - это не будет способствовать единению творческих сил. Не надо и забегать вперед, выдвигая термин "коммунистический реализм". Скромнее и точнее говорить пока о социалистическом реализме. Достоинством такого определения является, во-первых, краткость (всего два слова), во-вторых, понятность и, в-третьих, указание на преемственность в развитии литературы (литература критического реализма, возникшая на этом этапе буржуазно-демократического общественного движения, переходит, перерастает на этапе пролетарского социалистического движения в литературу социалистического реализма).

На расширенном заседании Политбюро, когда рассматривались дела комиссии по подготовке съезда писателей, был поднят вопрос и о социалистическом реализме. Рапповцы опять защищали свой "диалектико-материалистический" метод. Какая была свободная и горячая дискуссия, показывает количество выступлений: Киршон - 15 раз, Афиногенов 4 раза, Сталин - более 10 раз.

В конечном счете было записано решение о том, что социалистический реализм определяет позиции партии в вопросах литературы.

Моя писательская судьба сложилась очень удачно - я был в эпицентре литературно-общественной жизни в 80-90-е годы: шесть лет работал главным редактором самого элитного журнала "Новый мир", в нем печатались все ведущие писатели того времени: Леонов, Солженицын, Распутин, Катаев, Бондарев, Гранин, Айтматов, Мариэтта Шагинян, Вознесенский, Евтушенко,

Гамзатов и многие другие. Я читал их рукописи первым. Беседовал с ними, порой высказывал пожелания свои и членов редколлегии (а это были тоже очень именитые писатели). Замечания обычно касались стилистики или сокращения (журнал иногда не мог поместить очень объемные романы).

Никогда, ни в одной беседе, не было сказано ни одного слова о социалистическом реализме. Многие мои собеседники живы, они могут это подтвердить.

На VIII съезде писателей, который проходил в июле 1986 года в Кремле, меня избрали первым секретарем Союза писателей СССР. По иронии судьбы я стал и последним Первым секретарем с 1986 по 1991 год, после чего Советский Союз развалили и Союз писателей СССР перестал существовать. Он распался (его растащили) на несколько враждующих (неизвестно из-за чего) групповых союзников, которые потеряли все общественные и материальные преимущества Большого Союза: издательства, дома творчества (более 20-ти в самых живописных уголках страны), около сотни "толстых" журналов (включая республиканские). Я уже не говорю о тиражах этих журналов. Например, "Новый мир" я передал С. Залыгину при тираже более полумиллиона, сегодня он едва набирает десять тысяч! Союз писателей СССР не получал от государства ни копейки дотаций, а сам отчислял в госбюджет до 800 миллионов рублей. (Построить школьный комплекс со спортзалом и стадионом стоило тогда до 1 миллиона рублей.)

Я сделал это отступление, движимый не только ностальгией (она есть, не отрицаю), но, главным образом, я хотел показать читателям, что в этих вопросах разбираюсь не как человек со стороны, а как профессионал.

* * *

Вернемся, однако, к соцреализму.

Прошу читателей обратить внимание на то, что сказано в постановлении: соцреализм - это "позиция партии". В 80- 90-х годах из соцреализма "демократы" сделали жупел, который якобы обязывал писателей писать по каким-то насильственно определенным канонам. Представлялось это так: садится писатель за стол, кладет перед собой шаблоны соцреализма и начинает творить по этому лекалу. А если не соблюдает этот метод, Сталин сажает его в тюрьму или ставит к стенке.

Большую глупость и примитивность, чем преподносят СМИ о соцреализме сейчас, придумать невозможно! Что касается репрессий, то о них подробно уже сказано в предыдущих главах. Писатели не были исключением, их сажали за политические, троцкистские, заговорщические дела, за антисоветскую болтовню, а не за то, что они в своем творчестве отступали от соцреализма.

Ни один литератор не доходил до такого идиотизма, чтобы, садясь за новую рукопись, говорить себе: "Буду руководствоваться методом соцреализма". Подобные измышления могут писать только люди, ничего не понимающие в творчестве или заведомые лжецы, готовые порочить все, что происходило в советские времена.

Писатели писали как хотели и что хотели. А вот оценку их произведений партия делала, исходя из своего принципа: соответствует книга политике партии в воспитании высоких идейных и нравственных качеств советского человека или не соответствует. И не надо придумывать и кричать о тоталитаризме, запретах. Все это пропагандистские помои. Во все времена при любом строе цари, короли, правительства оценивали, приближали, награждали тех, кто был лоялен (не обязательно даже к ним лично). Так было всегда. Даже в далекие "дописательские" времена бояре одаривали шубами с боярского плеча сказочников, шутов, живописцев, скоморохов за их искусство.

Почему "демократы" лишают такого оценочного и поощрительного права главу государства?

Сталин имел на это все основания и широко пользовался ими. Но помнил Сталин еще и рекомендации своего учителя Ленина о том, что искусство должно служить народу, а народы Советского Союза строят социализм, значит, развивая мысль Ленина, искусство должно служить делу строительства социализма. Не надо забывать: Сталин - профессиональный революционер, который осуществляет программу партии.

Новоявленные критики утверждают, что он душил, зажимал, регламентировал, - это не более чем политическая желчь людей, движимых определенной заданностью: охаивать все советское. Сталин нигде и ни в чем не был таким примитивным. Даже недоброжелательный его критик (которого я упоминал), обобщая деятельность Сталина в области искусства, пишет:

"Необходимо иметь в виду, что вопросами политики в области искусства и литературы Сталин занимался порою не меньше, чем важнейшими военными или экономическими проблемами, но занимался он этими делами не время от времени, а постоянно, систематически...

Сталин наложил неизгладимый отпечаток на всю советскую художественную культуру, и сей вывод надо признать независимо от того, нравится нам это или не нравится".

Через все постановления ЦК ВКП(б) в литературе и искусстве проходит красной нитью одна мысль: надо создавать талантливые произведения о современности, их очень мало. В нашей стране

главные герои литературного произведения - это активные строители новой жизни... Советская литература должна уметь показать наших героев, должна уметь заглянуть в наше завтра.

Советский народ хотели воспитывать в первую очередь на героических образах, обобщающих практику социалистического строительства. Это можно расценить как настойчивость Сталина и партии в их приверженности к социалистическому реализму.

Ну и что же в том плохого?

На положительных (да и отрицательных) примерах вырастили поколение честных тружеников, которые построили Великую державу и защитили ее от фашистского нашествия. Разве лучше перестроечное поколение, выросшее на уголовщине, убийствах, сексуальных извращениях, которыми день и ночь "накачивают" людей телевидение и карманные книжонки с изображениями киллеров и проституток на обложках.

До войны, я помню, когда спрашивали нас при окончании школы: кем ты хочешь быть? - мы отвечали: инженером, врачом, летчиком, агрономом. Сегодня я услышал и ушам не поверил - молоденькая школьница-выпускница, чистейшее существо с розовыми щечками, на этот вопрос ответила не задумываясь: "Валютной ночной бабочкой, они хорошо зарабатывают".

Признаемся честно, воспитание на положительных примерах более приемлемо для детей, родителей, народа в целом, да и для руководства страны, которое обязано осуществлять свою воспитательную политику. Однако идеологи "демократического" толка переворачивают эту тенденцию на свой хулительный лад. В воспитании молодежи на положительных явлениях и примерах они усматривают желание Сталина, чтобы воспевали его и его эпоху. Одним словом, "культ" - и ничего больше. Вот как подтверждает это "уважаемый" литературовед Е. Громов: "Совершенно очевидно, что Сталину всегда хотелось, чтобы впрямую воспевалась "его" эпоха. Зная настроения патрона, Жданов неоднократно и директивно призывал творческую интеллигенцию повернуться лицом к социалистической действительности".

Сталин, партийная официальная критика поддерживали писателей, которые писали правду, даже если в произведениях были трагические сюжеты, связанные с гибелью героев: "Разгром" Фадеева, "Чапаев" Фурманова, "Железный поток" Серафимовича, позднее - "Молодая гвардия" Фадеева, "Звезда" Казакевича.

Да, отдавалось особое почетное внимание талантливым произведениям с положительным героем. Что вызывает особую ярость критиков соцреализма? И с каких это пор нельзя пропагандировать добрые дела и поступки? Почему это осуждают,

называют лакировкой?

Для ответа на эти вопросы придется выйти за чисто творческие рамки. Кто не хочет улучшения духовно-нравственных качеств советского человека? Кому это не нравится?

Вот здесь показывает свое гнусное обличье госпожа грязная политика, а точнее - политическая оппозиция, а еще точнее - троцкистско-сионистское мурло.

Кого они травят? Есенина, Маяковского, Шолохова, Булгакова и других великих русских писателей.

Кто критикует, организованно травит? Очень любопытный ответ на этот вопрос дает "доброжелатель" Сталина Громов:

"В резком, с прямыми политическими обвинениями, нередко грубыми, а то и вульгарно-хамскими выпадами, планомерном осуждении трогательно объединились "неистовые ревнители" всех мастей, лефовцы, театральные критики из мейерхольдовского круга, ведущие партийные литераторы, занимавшие ключевые позиции в печати и управленческих органах. Назовем лишь несколько имен: Авербах, Киршон, Пи-кель. Раскольников, Безыменский, Билль-Белоцерковский, Лелевич, Блюм, Шкловский, Алперс, Бачелис, М. Кольцов, Пельше, Луначарский..."

Булгаков подсчитал: за 10 лет о нем было опубликовано 3 похвальных отзыва и 298 "враждебно-ругательных". Сталин взял под защиту этого талантливого "белогвардейского" автора. Он неоднократно смотрел его пьесу во МХАТе - "Дни Турбиных", а позднее - "Бег". Сталин объяснял свои симпатии так: "Булгаков здорово берет! Против шерсти берет! Это мне нравится".

Он помог Булгакову устроиться на работу в Художественный театр. Не раз говорил с ним, подбадривал по телефону. Сам объяснял почему:

- Пьесы нам сейчас нужнее всего. Пьеса доходчивей. Наш рабочий занят. Он восемь часов на заводе. Дома у него семья, дети. Где ему сесть за толстый роман... пьесы сейчас - тот вид искусства, который нам нужнее всего. Пьесу рабочий легко просмотрит. Через пьесы легко сделать наши идеи народными, пустить их в народ. Пьесы авторы-коммунисты пишут плохие, им надо поучиться у превосходного профессионала Булгакова, автора "Дней Турбиных".

Эмигранта графа Алексея Толстого Сталин приласкал, вернул на родину, помог перековаться в советского писателя.

Семнадцать лет прожил в эмиграции русский писатель Александр Куприн. В Париже писал не лояльные к советской власти произведения. Но в середине 20-х годов отошел от политики и весной 1937 года вернулся на родину.

* * *

Особое внимание Сталин уделял кино. Он считал, что нет равных кино по силе психологического воздействия на большие массы людей, поэтому его надо использовать как очень эффективное воспитательное средство в деле укрепления новой социалистической морали. В Кремле бывший Зимний сад был переоборудован под удобный кинозал. Здесь Сталин просматривал иногда по два-три фильма подряд. Обычно приглашались на просмотры и члены Политбюро вечером, после окончания работы. Здесь и отдыхали, и продолжали работать, обмениваясь мнениями о фильмах, о режиссерах, актерах.

Сталину очень нравился фильм "Чапаев" режиссеров братьев Васильевых, захватывала великолепная игра артиста Бабочкина. Этот фильм покорял Сталина не только высокой художественностью, но и могучим воспитательным воздействием, к чему Сталин стремился как лидер партии, имеющей свою определенную программу.

Используя этот опыт, он попросил одного из ведущих тогда режиссеров, Довженко, создать похожий на "Чапаева" фильм о Щорсе - "украинском Чапаеве". Сталин хотел за счет исторической параллели способствовать еще большему сближению братских народов России и Украины.

В представлении нынешних толкователей деятельности Сталина в этом смысле ничего нет проще: вызвал "диктатор" режиссера Довженко и приказал сделать фильм о Щорсе. Но на самом деле с работниками любого вида искусства Сталин был вежлив, тактичен, высоко ценил талант, заботился о творчестве.

(Разумеется, не забывая и о том, что эта забота принесет свою отдачу, пользу проводимой им воспитательной политике.)

Режиссер Довженко так вспоминает пожелание Сталина, когда тот предложил подумать о Щорсе: "Ни мои слова, ни газетные статьи ни к чему не обязывают. Вы - человек свободный. Хотите делать "Щорса" - делайте, но если у вас имеются иные планы - делайте другие. Не стесняйтесь".

Довженко искренне уважал Сталина, он согласился снимать этот фильм. Вождь читал сценарий, делал замечания. Довженко не со всеми соглашался. Кроме того, мешали завистники и оппортунисты (без них нигде не обходилось: в кино было настоящее засилье "одной" национальности, а Довженко славянин, "хохол"), гадили ему как могли. Глава киноведомства Дукельский командирует Маневича в Киев посмотреть с пристрастием отснятые материалы по "Щорсу".

Четыре года работал над фильмом Довженко. Сталин высоко оценил его на просмотре. Не сделал ни одного замечания, пригласил Довженко к себе на дачу, и они вдвоем долго "обмывали" этот фильм. Был он отмечен и Сталинской премией.

Партия поддерживала и других талантливых деятелей кино; кроме премий и орденов, например, в 1935 году персонально были премированы автомобилями С. Эйзенштейн, С. и Г. Васильевы, В. Пудовкин, А. Довженко, Ф. Эрмлер, Г. Козинцев, Л. Трауберг и другие.

Сталин не был сухарем, нравились ему комедийные фильмы, например "Веселые ребята" Александрова. Критики изругали фильм за "американизм", обвинили даже в плагиате голливудского опыта. А Сталин посмотрел фильм и сказал: "Хорошо! Я будто месяц пробыл в отпуске".

Много помогал Сталин режиссеру М. Ромму и сценаристу А. Каплеру в работе над фильмами "Ленин в Октябре", "Ленин в 1918 году", Ф. Эрмлеру "Великий гражданин". В замечаниях к последнему очень характерно определение Сталиным сути борьбы с оппозицией:

"Дело надо поставить так, чтобы борьба между троцкистами и Советским правительством выглядела не как борьба двух партий за власть, из которых одной "повезло" в этой борьбе, а другой "не повезло", что было бы грубым искажением действительности, а как борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом".

В предвоенные годы большое внимание уделялось сплочению народов стран, укреплению их дружбы, моральной прочности,

боевого духа, учитывая, что предстоит защищать Родину с оружием в руках.

Была создана большая серия так называемых оборонных фильмов, несущих нагрузку патриотического воспитания: "Если завтра война", "Петр I", "Мы из Кронштадта", "Александр Невский", "Минин и Пожарский", "Суворов", "Арсен".

В марте 1941 года было присвоено шесть Сталинских премий за художественную прозу, в том числе А. Толстому - за "Петра I", Шолохову - за "Тихий Дон", Сергееву-Ценско-му - за "Севастопольскую страду". А за кинофильмы было дано 25 премий (!), в том числе и за указанные выше истори-ко-патриотические.

Кстати, о Сталинских премиях. Уж как ни изгаляются по этому поводу хулители "культа личности"! Надо же - свое имя присвоил! Ленина обошел! Никакой скромности!

Все это от тенденциозного желания (или задания) опорочить Сталина. Ленинская премия уже была, она учреждена Совнаркомом СССР 23 июня 1925 года, правда, первые годы она присуждалась за достижения в научной деятельности, но позднее ее диапазон был простерт на литературу и другие виды искусства.

Сталинскими премии назывались по решению Политбюро, сам Сталин пытался их назвать как-то иначе. Но премии были "его детищем", он разработал статус, участвовал в работе комиссии, читал выдвинутые на конкурс книги (по 500 страниц в сутки), смотрел все кинофильмы, пьесы, памятники, картины, архитектурные творения. Это была титаническая работа. (Не надо забывать его главную, государственную деятельность.) Он вообще, кажется, успевал везде.

Сталинская премия учреждена постановлением Совнаркома СССР 20 декабря 1939 года, позднее, 9 сентября 1966 года, была переименована в Государственную.

Здесь мне придется сделать еще одно отступление. Дело в том, что (опять-таки судьба!) мне довелось быть последним председателем Государственного комитета по Ленинским и Государственным премиям. Обычно по традиции председателями назначались первые секретари Союза писателей СССР Фадеев, Марков. Я был несколько лет заместителем Маркова. После него председательствовал недолго известный художник академик Угаров. Но он скоропостижно скончался. И решением Совнаркома председателем был назначен я. Руководил этим комитетом до развала СССР.

Надо сказать, Сталин не единолично, не по своему капризу раздавал премии, как это часто извращают сегодня. В Государственном комитете по премиям было 75 самых видных деятелей искусства. Кандидатов, соискателей премии выдвигали

творческие, производственные коллективы, издательства. Велось широкое обсуждение в прессе. Аппарат комитета (его секции по каждому виду искусства - литературе, живописи, кино, архитектуре, драматургии) готовил справочные материалы, рецензии для членов комитета и прессы.

И наконец, собирались на сессию члены комитета. Они были очень известные, занятые люди, но на сессию съезжались все 75! Это объясняется тем, что каждый из них отстаивал, "проталкивал" коллегу по своему виду искусства. Соискателей после отбора было по 30-40 по каждому виду, а премий Совет Министров выделял по 2-3 на каждый из них.

Борьба шла многодневная, напряженная, пока, наконец, сходились на этих 2-3-х самых достойных. Я до сих пор вспоминаю с восхищением разгоряченные речи, горящие глаза, порывистые жесты самых из самых известных талантливых писателей, артистов, художников, архитекторов, с каким азартом они боролись за своих кандидатов. В то же время многие из них были люди пожилые, увенчанные сединами, но на сессиях они превращались в молодых, отчаянных бойцов. Страсти кипели поистине шекспировские.

И по сей день, иногда, гуляя по Тверской улице, я встречаю знакомых. Если приподнял шляпу, улыбнулся, сказал: "Здравствуйте, Владимир Васильевич!" - значит, этому премию дали. Если отвернулся (а про себя еще, наверное, и обругал), значит - ему отказали.

Сталин не придавал премиям большого значения, хотел ими привлечь на сторону партии работников искусства. Это были своего рода "шубы с боярского плеча". Премиями привлекали талантливых людей к тематике, нужной партии в воспитании высоконравственных, образованных, сильных духом советских людей, особенно молодежи.

Работы, удостоенные премий, широко пропагандировались в печати, на радио, в политработе в армии (в каждой роте была Ленинская комната, в полку - библиотека). Этим усиливалось воздействие искусства, особенно кино и литературы, в достижении воспитательных целей.

И действительно, люди становились нравственно чистыми, не было нынешнего обвала преступности, каждый мог получить бесплатное образование, вплоть до высшего, в любом университете, институте. Не допускались в кино и литературе животные страсти, порнография, секс на уровне собачьих случек, ныне затопившие телеэкран и книжные полки.

В перестроечном понимании любые ограничения и запреты этого безобразия объявляются "тоталитаризмом, разгулом

Цензуры, удушением свободы и прав человека".

Непонятно, по человеческому разумению, что же плохого в том, что росло и укреплялось здоровое нравственно и физически общество?

Утверждение, что все было направлено на восхваление Сталина, на раздувание "культа личности", - это тактический прием его извечных хулителей, основанный на лжи, передергивании фактов, обмане, охмурении людей.

Сталин был образцом скромности и порядочности как в быту, так и на службе. Работал день и ночь. Одни ботинки и китель носил годами. Жил на государственной квартире и даче, причем довольно скромных для главы великого государства. Никаких счетов в банках не имел. Жена ему писала: "Иосиф, пришли мне, если можешь, руб. 50, мне выдадут деньги только 15/IX в Промакадемии, а сейчас я сижу без копейки". Какой большой смысл и подтверждение скромности семейной жизни в ее "если можешь".

И так было всегда: в день смерти Сталина в его тумбочке (или на сберкнижке, не помню точно) нашли лишь очередную зарплату.

Все разговоры о "балеринах", "актрисах" - из того же надуманного, иезуитского арсенала. Хотя по нынешним демократическим меркам это совсем даже не грех.

О скромности Сталина знал весь народ. Работники всех видов искусств уважали его, любили искренне и не думали о каком-то там "культе".

Писатели по роду деятельности высказывали свои чувства письменно, причем настоящие, талантливые литераторы, которых никак не заподозришь в лести.

22 апреля 1936 года Чуковский вместе с Пастернаком присутствуют на X съезде комсомола. В президиуме появился Сталин с членами Политбюро. Чуковский пишет: "Что сделалось с залом! А ОН стоял немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его - просто видеть - для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой - все мы так и зашептали:

"Часы, часы, он показал часы" - и потом, расходясь, уже возле

вешалки вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: "Ах, эта Демченко заслоняет его!.." Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью..."

Чуковский, как известно, был не только детским писателем, а и литературоведом, критиком и вообще высокоэрудированным человеком. Его в какой-то степени даже считали совестью интеллигенции.

Что касается Пастернака, то, что бы ни писали о том, что его притесняли, зажимали, это - неправда. Я бы сказал, и Сталин, и Пастернак взаимно уважали друг друга. Причем у Сталина это чувство было даже прочнее, чем у поэта. Сталин не раз выручал Пастернака от нападок критиков и партийных функционеров.

Очень искренне любил Сталина Твардовский - поэт чистейшей, распахнутой души. Те же чувства питала к Иосифу Виссарионовичу гордая, царственная Анна Ахматова.

Общее отношение писательской среды к Сталину наиболее полно выразил Шолохов на XVIII съезде партии:

"Так повелось, так будет и впредь, товарищи, что и в радости, и в горе мы всегда мысленно обращаемся к нему, к творцу новой жизни. При всей глубочайшей скромности товарища Сталина придется ему терпеть излияния нашей любви и преданности, так как не только у нас, живущих и работающих под его руководством, но и у всего трудящегося народа все надежды на светлое будущее человечества неразрывно связаны с его именем".

Шолохова многие годы травили оппозиционеры, но и по сей день это продолжается! Они не раз подставляли его путем интриг и клеветы под нож репрессий, но Сталин спасал его от ареста.

Были, конечно, и те, кто ненавидел Сталина и высказывал это устно и письменно, например, Мандельштам.

Любой человек обидится на поношение. Почему Сталину отказывают в самолюбии? И он обиделся. Но сам же защищал Мандельштама, потому что ценил его талант. Даже упрекал его друзей за то, что не боролись за своего товарища. Привожу широко известный разговор с Пастернаком.

Вот что рассказывала З. Пастернак:

"Помнится, в четвертом часу пополудни раздался длительный телефонный звонок. Вызывали "товарища Пастернака". Какой-то молодой мужской голос, не поздоровавшись, произнес:

- С вами будет говорить товарищ Сталин.

- Что за чепуха! Не может быть! Не говорите вздору! Молодой человек: Повторяю: с вами будет говорить товарищ Сталин.

- Не дурите! Не разыгрывайте меня!

Молодой человек: - Даю телефонный номер. Набирайте! -

Пастернак, побледнев, стал набирать номер.

Сталин: - Говорит Сталин. Вы хлопочете за вашего друга Мандельштама?

- Дружбы между нами, собственно, никогда не было. Скорее наоборот. Я тяготился общением с ним. Но поговорить с вами - об этом я всегда мечтал.

Сталин: - Мы, старые большевики, никогда не отрекались от своих друзей. А вести с вами посторонние разговоры мне незачем.

На этом разговор оборвался".

В этом кратком диалоге Сталин выглядит гораздо порядочнее собеседника, ему явно не нравится поведение поэта, который пытается отмежеваться от опального товарища.

Кроме персонального внимания к деятелям искусства, с благословения и при участии Сталина проводились "дни национальных культур", или "декады". Это были грандиозные праздники, в Москву приезжали несколько сот артистов, писателей, музыкантов, целые труппы театров, хоры, ансамбли. Театры, концертные залы, парки отводились бесплатно для показа достижений одной из республик.

Такие "декады" являлись праздниками национальных культур, торжеством братских искусств, дружбы народов, сталинской национальной политики.

Перед войной усилиями Сталина был создан монолит братства народов. Их духовная прочность - тот самый "постоянно действующий фактор", о который разбились полчища фашистских захватчиков.

Что бы ни писали, как бы ни клеветали насчет "искусственно созданной", "плакатной" дружбы народов, я - живой свидетель реального существования облагораживающего воздействия этой дружбы на жизнь всей страны и на каждого из нас. Не с позиций своих постов, о которых я упоминал, а из траншеи рядового солдата, окопного фронтовика, я заявляю: мы жили и воевали одной боевой семьей, мы ходили в атаки, рукопашные бои, не думая о том, кто справа и слева - казах, украинец, еврей или татарин, - все мы были братьями по оружию. Любили, выручали, поддерживали друг друга. Вместе нас и хоронили в могилах, которые справедливо называют братскими. И лежат в них без гробов, завернутые в плащи-накидки, русские, киргизы, белорусы, молдаване, туркмены.

Меня охватывает глубочайшее презрение и брезгливое чувство прикосновения к чему-то очень омерзительному и пакостному, когда я читаю статьи или вижу телепередачи проходимцев, ничего не знающих о жизни фронтовиков и движимых только двумя стимулами: первый (как они сами

говорят на своем уголовном языке) - "зеленая капуста", т. е. доллары, и второй холуйское желание услужить, угодить, попасть в унисон с дирижерами из-за океана.

Как вывод, не требующий никаких доказательств, скажу: Сталину удалось создать поистине нерушимую дружбу народов СССР как составную часть прочности и мощности государства, особенно в военное время; благодаря этой прочности мы отстояли в годы войны, а потом за короткий срок восстановили народное хозяйство.

Бессарабия и Прибалтика

В секретном протоколе - приложении к советско-германскому договору о ненападении - есть, как вы помните, абзац: "Касательно Юго-Восточной Европы советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о политической незаинтересованности в этих территориях".

К осуществлению этого пункта договора Сталина приступил почти через год, в июне 1940 года. Ему хотелось, конечно, чтобы план этот осуществился мирным путем, но так как не было уверенности, что Румыния согласится вернуть эту территорию добровольно, была подготовлена армия.

На базе управления округом было создано полевое управление Южного фронта. В состав этого фронта, кроме войск Киевского военного округа, вошли многие части Одесского военного округа. Командующим Южным фронтом был назначен Жуков.

Вот что рассказывал мне в нашей беседе исполнявший обязанности начальника штаба 49-го стрелкового корпуса И.И. Баранов:

"- В июне 1940 года наш корпус сосредоточился в районе Каменец-Подольска с задачей: быть в готовности для воссоединения Бессарабии и Северной Буковины, захваченных боярским правительством Румынии в 1918--1920 годах. Так была сформулирована нам задача в приказе. В эти дни в Москве, как мы знали, велись переговоры с румынской делегацией об освобождении Бессарабии мирным путем. Поэтому мы имели указания не переходить границы и не проявлять никаких действий против румынской армии. Однако командование корпуса, сориентированное на возможные боевые действия, проводило рекогносцировки местности и готовило части на тот случай, если придется осуществлять задачу, применив оружие..."

В Москве между тем в эти дни происходили тайные переговоры между Молотовым и послом Германии фон Шуленбургом. 23 июня Молотов в очередной раз встретился с

Шуленбургом. Вот что сообщает об этом германский посол в своей телеграмме в Берлин от 23 июня 1940 года:

"Срочно!

Молотов сделал мне сегодня следующее заявление. Разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств. Советское правительство все еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение. Советские притязания распространяются и на Буковину, в которой проживает украинское население..."

На эту телеграмму Риббентроп ответил Шуленбургу телеграммой от 25 июня 1940 года:

"Пожалуйста, посетите Молотова и заявите ему следующее:

1. Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Но на этих территориях живут примерно 100 000 этнических немцев, и Германии, естественно, их судьба небезразлична, она надеется, что их будущее будет гарантировано...

2. Претензия Советского правительства в отношении Буковины - нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев тоже чрезвычайно заботит Германию...

3. Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, имперское правительство вместе с тем надеется, что в соответствии с московскими соглашениями Советский Союз в сотрудничестве с румынским правительством сумеет решить этот вопрос мирным путем. Имперское правительство, со своей стороны, будет готово, в духе московских соглашений, посоветовать Румынии, если это будет необходимо, достигнуть полюбовного урегулирования бессарабского вопроса в удовлетворительном для России смысле.

Пожалуйста, еще раз подчеркните господину Молотову нашу большую заинтересованность в том, чтобы Румыния не стала театром военных действий..."

Не стоит думать, что последняя фраза была продиктована какими-то гуманными соображениями. Дело в том, что из Румынии Германия получала нефть и сельскохозяйственную продукцию, в которой была очень заинтересована, и поэтому опасалась, чтобы в случае военных действий этот источник сырья не пострадал.

Выполняя указания своего министра иностранных дел, Шуленбург встретился с Молотовым, о чем доложил телеграммой от 25 июня 1940 года:

"Срочно!

Инструкции выполнил, встречался с Молотовым сегодня в 9 часов вечера. Молотов выразил свою признательность за проявленное германским правительством понимание и готовность поддержать требования Советского Союза. Молотов заявил, что Советское правительство также желает мирного разрешения вопроса, но вновь подчеркнул тот факт, что вопрос крайне срочен и не терпит дальнейших отлагательств.

Я указал Молотову, что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине Советское правительство придает важность разрешению этого вопроса одновременно с бессарабским. Молотов обещал учесть наши экономические интересы в Румынии в самом благожелательном для нас духе..."

Сталин очень торопился. Германский посол не успел еще получить ответа на свою телеграмму об очередной беседе, как его опять пригласили в Кремль. Шуленбург докладывает об этом Риббентропу в телеграмме от 26 июня:

"Очень срочно!

Молотов вызвал меня сегодня днем и заявил, что Советское правительство, основываясь на его (Молотова) вчерашней беседе со мной, решило ограничить свои притязания северной частью Буковины с городом Черновицы (Черновцы). Согласно советскому мнению граница должна пройти... (дальше указываются пункты, через которые должна пройти граница. - В. К.). Молотов добавил, что Советское правительство ожидает поддержки Германией этих советских требований.

На мое заявление, что мирное разрешение вопроса могло бы быть достигнуто с большей легкостью, если бы Советское правительство вернуло Румынии золотой запас румынского национального банка, переданный в Москву на сохранение во время первой мировой войны. Молотов заявил, что об этом не может быть и речи, поскольку Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию".

Следует сказать несколько слов о золотом запасе Румынского национального банка. Это золото было вывезено во время войны, ибо Румыния боялась, что оно будет захвачено противником. Но после революции, когда румынские войска заняли Бессарабию, Советское правительство наложило арест на это золото и заявило, что оно будет передано Румынии лишь после того, как она вернет Бессарабию. Однако, как видно из заявления Молотова германскому послу, Сталин считал, что Румыния, владея

Бессарабией до 1940 года, уже получила от этого достаточно прибыли и что о возвращении золота не может быть и речи. Много позже, в 1948 году, уже после того как гитлеровцы были изгнаны из Румынии совместными силами румынской и советской армий, этот золотой запас Сталин возвратил правительству теперь уже Румынской

Народной Республики.

В беседе 26 июня Молотов высказал Шуленбургу следующее соображение: Советское правительство представит свои требования румынскому правительству через посланника в Москве в течение нескольких ближайших дней и ожидает, что Германия безотлагательно посоветует румынскому правительству подчиниться советским требованиям, так как в противном случае война неизбежна.

И опять Сталин очень спешил. Не по прошествии нескольких дней, о которых Молотов говорил Шуленбургу, а в тот же день, 26 июня, он вызвал к себе румынского посланника Г.Давидеску и заявил ему следующее: "В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории - Бессарабию... Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить наконец основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава".

Молотов потребовал ответа не позднее завтрашнего дня, то есть 27 июня.

После беседы с румынским посланником Молотов немедленно сообщил Шуленбургу о состоявшемся разговоре и требованиях, предъявленных Советским правительством Румынии. Шуленбург тут же телеграфировал об этом Риббентропу. Риббентроп незамедлительно позвонил в Бухарест своему посланнику и дал ему такое указание:

"Вам предписывается немедленно посетить министра иностранных дел и сообщить ему следующее:

Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям Советского правительства..."

Как известно, возвращение Бессарабии произошло без кровопролития. Румынская армия получила приказ своего правительства отходить без боя, организованно. Но, видимо, потому, что это освобождение было результатом сговора наших государственных руководителей с Гитлером, нигде не печатались подробности освободительного похода, как-то не полагалось об этом писать и говорить. И даже из рукописи мемуаров Жукова были изъяты страницы (первые издания вышли без них) о его личном участии в этой бескровной операции. Вот что содержалось в рукописи:

"...в Киев мне позвонил нарком обороны С. К. Тимошенко и передал решение правительства о создании Южного фронта в составе трех армий для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии. Командующий фронтом назначался я по совместительству.

В состав фронта включались две армии Киевского округа: 12-я армия под командованием генерал-майора Ф. А. Пару-синова и 5-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко; третья создавалась из войск Одесского военного округа под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина..."

Далее Жуков описывает, как во избежание столкновений наше и румынское командования договорились о передвижении войск по времени и по рубежам:

"При этом Румыния обязывалась оставить в неприкосновенности железнодорожный транспорт, оборудование заводов, материальные запасы.

Однако нами было установлено, что румынское правительство и командование, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить в Румынию с освобождаемой территории все, что можно было вывезти".

Со свойственной Жукову решительностью и оригинальностью маневра он немедленно принял меры, чтобы воспрепятствовать нарушению обязательств. Меры эти были настолько неожиданны и эффективны, что румынское руководство в полной панике обратилось с жалобой к Сталину.

Жуков так излагает свой разговор со Сталиным:

"На второй день этих событий я был вызван И. В. Сталиным по ВЧ. И. В. Сталин спросил:

- Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Будто бы вы высадили с самолетов танковые части и разогнали румынские войска.

- Разведкой было установлено грубое нарушение договора со стороны Румынии, - ответил я. - Вопреки договоренности из Бессарабии и Северной Буковины вывозится железнодорожный транспорт и заводское оборудование. Поэтому я приказал выбросить две воздушно-десантные бригады с целью перехвата всех железнодорожных путей через Прут, а им в помощь послал две танковые бригады, которые подошли в назначенные районы одновременно с приземлением десантников.

- А какие же танки вы высадили с самолетов по реке Прут? - спросил И. В. Сталин.

- Никаких танков по воздуху мы не перебрасывали, - ответил я. - Да и перебрасывать не могли, так как не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха...

И. В. Сталин рассмеялся и сказал:

- Соберите брошенное оружие и приведите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта - берегите его. Я сейчас дам указание Наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству".

Этот эпизод ярко подтверждает, что и в мирных, бескровных операциях Сталин продолжал осуществлять свой стратегический замысел по лишению Германии удобных плацдармов для нападения на СССР.

Почему же так торопился Сталин с возвращением Бессарабии? После того как капитулировала Франция, и ни одного английского солдата не было на материке, трудно было не увидеть, что война в Европе заканчивается, что, по сути дела, у Гитлера не осталось там противников. Вот Сталин и спешил, понимая, что после завершения войны в Европе вероятность нападения Германии на Советский Союз становится все более реальной, несмотря на имеющийся договор. Сталин хотел побыстрее реализовать свой стратегический замысел отодвинуть границу на Запад.

То, что касалось Бессарабии, было осуществлено за короткое время. Но в секретном дополнительном протоколе было предусмотрено еще, как уже говорилось, включение Прибалтики в

сферу влияния Советского Союза. Напомню этот пункт:

"В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами".

Посол фон Шуленбург в своем письме в министерство иностранных дел от 11 июля 1940 года среди прочего отмечал:

"Политические интересы Москвы сфокусированы сейчас целиком на событиях в прибалтийских государствах и на отношениях с Турцией и Ираном.

Большинство западных дипломатов считают, что все три прибалтийских государства будут преобразованы в организмы, полностью зависящие от Москвы, то есть будут включены в состав Советского Союза. Дипломатические миссии этих государств в Москве, как ожидается, будут распущены и исчезнут в самое короткое время..."

Беспокойство Сталина в стратегическом отношении по поводу прибалтийских республик было связано с тем, что их территория в случае войны представляла собой широкий и удобный плацдарм для вторжения в нашу страну. Причем нельзя было не учитывать, что с 1919 года, когда контрреволюционные силы свергли Советскую власть в Литве, Латвии и Эстонии, там в течение двадцати лет существовали режимы, проводившие политику, враждебную Советскому Союзу. В этих странах были и профашистские круги, которые твердо держали курс на сближение с Германией, особенно после прихода Гитлера к власти.

Советский Союз в сентябре 1939 года предложил правительствам Эстонии, Латвии и Литвы подписать договоры о взаимной помощи. Такие договоры были подписаны в Москве в сентябре и октябре 1939 года. Советская сторона по этому договору обещала названным странам в случае нападения или угрозы нападения на них со стороны любой европейской державы оказать помощь всеми средствами, включая и военные. Для того чтобы выполнить это обязательство, Советский Союз получал право разместить в прибалтийских странах свои войска и создать на их территории морские и воздушные базы.

Буржуазные правительства прибалтийских республик, конечно же, не хотели дальнейшей советизации своих государств и прилагали всяческие усилия к тому, чтобы избавиться от советской опеки. Собирались секретные конференции министров иностранных дел, генеральные штабы разрабатывали планы, как

действовать в случае военного столкновения с советскими частями, профашистские организации устраивали провокации против советских воинов, проживавших на территории этих республик.

В конце февраля 1940 года литовский президент А. Сметона направил в Берлин директора департамента государственной безопасности министерства внутренних дел А. Повилайтиса с секретной миссией - получить согласие Германии на то, чтобы она установила над Литвой протекторат или взяла ее под свою политическую опеку. Германское правительство обещало сделать это осенью 1940 года, после завершения военных операций на западе. В общем, отношение властей прибалтийских стран к советским гарнизонам, мягко говоря, было недружественным.

В то же время коммунистические партии и прогрессивные круги прибалтийских республик вели большую агитационную работу, что в конце концов завершилось установлением в них Советской власти: 21 июля 1940 года вновь избранные Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственная дума Эстонии провозгласили свои страны Советскими Социалистическими республиками и приняли декларацию о вступлении их в Советский Союз.

Послы бывших прибалтийских правительств искали помощи у Германии, они обратились с нотами в министерство иностранных дел, просили защиты, выражали свое негодование, называли происходящее незаконными действиями. Но, как мы знаем, сговор между Гитлером и Сталиным, оформленный соответствующим секретным протоколом, уже существовал, и Германия ничего не предприняла для оказания помощи прибалтийским республикам. Представитель министерства иностранных дел Германии 24 июля 1940 года от имени МИД Германии оповестил об этом послов. Вот что сказано в его послании:

"Сегодня я дружески вернул литовскому и латвийскому послам их ноты относительно включения их стран в состав СССР и в свое оправдание заявил, что мы можем принимать от посланников только те ноты, которые они представляют от имени своих правительств...

Эстонский посланник тоже хотел вручить мне сегодня аналогичную ноту. Я попросил его воздержаться от этого, указав вышеупомянутые причины..."

Таким образом, официальный Берлин заявил своим недавним друзьям о том, что они уже, собственно, не представляют никаких правительств.

Германия и СССР продолжали за кулисами решать свои

проблемы.

Москва - Берлин. 1940 год

К концу 1940 года Германия, оккупировав основные страны Европы, по сути дела, провела все подготовительные меры к своей главной большой войне - против СССР. Последней очень весомой акцией в этом явился пакт Берлин Рим - Токио, который объединял антисоветские силы и ставил СССР под угрозу нападения с Запада и с Востока.

Верный своей тактике - предварительной политической и дипломатической подготовке, Гитлер начинает (конечно, скрытно) новый этап действий. Для маскировки удара ему надо было предпринять убедительные, отвлекающие внимание Советского правительства шаги. Именно такую игру и начал Гитлер через своего министра иностранных дел Риббентропа. 13 октября 1940 года Риббентроп послал Сталину пространное письмо. Вот выдержки из него:

"Дорогой господин Сталин!

Более года назад по вашему и фюрера решению были пересмотрены и поставлены на абсолютно новую основу отношения между Германией и Советской Россией. Я полагаю, что это решение найти общий язык принесло выгоду обеим странам, начиная с признания того, что наши жизненные пространства могут соседствовать без претензий друг к другу, и кончая практическим разграничением сфер влияния, что привело к германо-советскому пакту о дружбе и границе..."

Далее Риббентроп сделал обзор событий, происшедших за минувший год. Он убеждал Сталина, что пакт Берлин - Рим - Токио вовсе не направлен против Советского Союза. "Три державы в одинаковой степени придерживались того мнения, что этот пакт ни в коем случае не нацелен против Советского Союза, что, напротив, дружеские отношения трех держав и их договоры с СССР ни в коем случае не должны быть этим соглашением затронуты..."

Затем Риббентроп изложил главную мысль, ради которой было написано такое пространное письмо:

"В заключение я хотел бы заявить в полном соответствии с мнением фюрера, что историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов..."

Если говорить прямым, недипломатическим языком, Германия предлагала Советскому Союзу вступить в союз с государствами, образовавшими треугольник Берлин - Рим -

Токио, и таким образом превратить этот треугольник в четырехугольник, договориться о разделении сфер влияния в мировом масштабе, или если не в мировом, то уж, во всяком случае, на континенте Европы и Азии.

Далее Риббентроп писал:

"Мы были бы рады, если бы господин Молотов нанес нам в Берлин визит для дальнейшего выяснения вопросов, имеющих решающее значение для будущего наших народов и для обсуждения их в конкретной форме... Его визит, кроме того, предоставит фюреру возможность лично высказать господину Молотову свои взгляды на будущий характер отношений между нашими странами... Если затем, как я с уверенностью ожидаю, мне придется поработать над согласованием нашей общей политики, я буду счастлив снова лично прибыть в Москву, чтобы совместно с Вами, мой дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить, возможно, вместе с представителями Японии и Италии, основы политики, которая сможет всем нам принести практические выгоды.

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам

Риббентроп".

Шуленбург передал это письмо Молотову, за что получил настоящую головомойку от Риббентропа, тот просто негодовал: почему он отдал Молотову письмо, адресованное лично Сталину?! Шуленбург оправдывался перед министром, и мне кажутся любопытными некоторые его аргументы - приведу отдельные выдержки из его телеграммы:

"Письмо, предназначенное Сталину, я вручил Молотову потому, что хорошо знаю существующие здесь деловые и личные отношения... Предложение с моей стороны вручить письмо непосредственно Сталину вызвало бы серьезное раздражение господина Молотова. Мне казалось необходимым избежать этого, так как Молотов - ближайшее доверенное лицо Сталина и нам придется в будущем иметь с ним дело по всем крупнейшим политическим вопросам...

То, что письмо не было вручено до 17 октября, объясняется тем, что я не смог прибыть в Москву до вечера 15 октября из-за опоздания самолета. Перед тем как вручить письмо, мы должны были сначала перевести его на русский язык, поскольку мы знаем из опыта, что переводы, сделанные советскими переводчиками, плохи и полны ошибок. Учитывая чрезвычайную политическую важность письма, было необходимо передать его Сталину в безупречном переводе, так чтобы в его содержание не вкрались неточности. При самых энергичных усилиях было невозможно в более короткий срок перевести это длинное и важное послание на

русский язык и отпечатать по-русски окончательный экземпляр".

Молотов действительно передал это письмо Сталину, как и обещал, и 22 октября вручил ответное письмо Сталина в запечатанном конверте. Но при этом у Молотова была и копия этого письма. Вот оно:

"Дорогой господин Риббентроп!

Я получил Ваше письмо. Искренне Вас благодарю за Ваше доверие, а также за содержащийся в Вашем письме ценный анализ недавних событий.

Я согласен с Вами в том, что, безусловно, дальнейшее улучшение отношений между нашими странами возможно лишь на прочной основе разграничения долгосрочных взаимных интересов. Господин Молотов согласен с тем, что он обязан отплатить Вам ответным визитом в Берлин. Поэтому он принимает Ваше приглашение.

Нам остается договориться о дате его прибытия в Берлин. Для господина Молотова наиболее удобно время с 10 по 12 ноября. Если это также устраивает и германское правительство, вопрос можно считать решенным.

Я приветствую выраженное Вами желание снова приехать в Москву, чтобы подвести итог обмена мнениями, начавшегося в прошлом году, по вопросам, интересующим обе страны, и я надеюсь, что это желание будет претворено в жизнь после поездки господина Молотова в Берлин.

Что касается обсуждения ряда проблем совместно с Японией и Италией, то, в принципе не возражая против идеи, я считаю, что этот вопрос должен будет подвергнуться предварительному рассмотрению.

С совершенным почтением, преданный Вам

Сталин".

* * *

Дальше я буду рассказывать о встрече с Гитлером и договоре, используя то, что мне стало известно из бесед с Молотовым. Большая удача для писателя - получить такой материал, как говорится, из первых рук, от одного из двоих участников совершенно секретных переговоров. В этом деле мне действительно очень повезло, и я могу порадоваться еще одному не менее важному источнику информации о такой сугубо конфиденциальной встрече. Молотова сопровождал в числе других и присутствовал на беседах в качестве переводчика Валентин Михайлович Бережков, отличный дипломат и талантливый литератор. В своих книгах он подробно рассказал о многих годах дипломатической работы, в том числе и о поездке с Молотовым в Берлин в ноябре 1940 года. Я не раз встречался с

Бережковым и расспросил его о деталях, которые были мне необходимы для описания этой поездки.

Перед отъездом Молотова состоялась продолжительная беседа со Сталиным. Вячеслав Михайлович получил подробные указания - о чем говорить, что выяснить, с чем соглашаться. Я не раскрываю эти вопросы подробно, они станут видны в процессе переговоров. Молотов информировал Сталина по несколько раз в день и получал от него необходимые советы.

9 ноября 1940 г. утром, в назначенное время, от перрона Белорусского вокзала отошел необычный литерный поезд, состоявший из нескольких вагонов западноевропейского образца. В них расположились члены и сотрудники советской правительственной делегации.

Но не успел поезд пройти и десятка метров, как вдруг с резким толчком остановился. Что такое? Через несколько минут опять поехали. И вторично, не дойдя до конца платформы, поезд вновь остановился с еще более резким толчком. Забегали, засуетились железнодорожники, произошла какая-то заминка. Что случилось?

Оказывается, этим же поездом ехал германский посол граф фон Шуленбург. Это он дважды останавливал состав стоп-краном только потому, что к моменту отхода поезда из посольства ему не доставили... парадный мундир, в котором он собирался выйти из вагона в Берлине.

В конце концов поезд ушел, так и не дождавшись парадного мундира.

Машину с чемоданами фон Шуленбурга не пропустили на привокзальную площадь, т. к. она не имела специального пропуска. Когда стал известен инцидент с мундиром германского посла, следом за поездом были посланы две легковые автомашины. Они должны были догнать состав и на одной из промежуточных станций погрузить багаж графа.

Все это происходило поздней осенью, в гололедицу. Машины мчались по Можайскому шоссе с огромной скоростью, одна с багажом, другая резервная. Где-то по дороге, в районе Голицыне или Кубинки, первая машина потерпела аварию. Но в Вязьме парадные доспехи были благополучно доставлены вконец изнервничавшемуся послу...

В пути, а он был довольно продолжительным - три дня, сопровождающие Молотова референты, советники, технические служащие работали в обычном режиме, как в Москве. Связь поддерживалась по радио. Составлялись справки и обзоры о международных событиях, учитывались отклики прессы на предстоящую встречу, о ней было объявлено уже официально.

Поезд прибыл к Ангальскому вокзалу Берлина утром 12 ноября. Встреча была по высшему разряду - с почетным караулом, оркестром. Приветствовали Молотова министр иностранных дел Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Делегацию разместили в отеле "Бельвю" - старинном дворце для приема гостей правительственного уровня.

В первый день Молотова принял министр иностранных дел Риббентроп, о чем немедленно был извещен Сталин.

12 ноября 1940 г.

СТАЛИНУ Отправлена в 16 ч 40 мин Принята по телефону в 18 ч 20 мин

Состоялся первый более чем двухчасовой разговор с Риббентропом. Ввиду того, что сейчас должны идти на беседу к Гитлеру, сообщаю о разговоре с Риббентропом кратко. Пространно повторив свое письмо к Сталину, он добавил, что интересы Германии идут в восточной и западной Африке; Италии - в северо-восточной Африке; Японии - на юге, а у СССР также на юге - к Персидскому заливу и Аравийскому морю. Пока я только кратко мог ответить, что мысли Риббентропа весьма интересны, заслуживают обсуждения в Берлине, а затем в Москве с его участием, что мне нужно выяснить у него предварительно ряд вопросов в связи с тройственным пактом и что в принципе возможны акции четырех держав, а также что я считаю прошлогоднее советско-германское соглашение исчерпанным в ходе событий за исключением вопроса о Финляндии, но что у меня есть и другие вопросы взаимоотношений с Германией, Италией и Японией. 12.X1.40 г.

Молотов

Через несколько часов поступил ответ. Обратите внимание на четкость формулировок Сталина и его проникновение в смысл, который кроется в, казалось бы, незначительных деталях.

Телеграмма И. В. Сталина В. М. Молотову

12 ноября 1940 г. Отправлена в 22 ч 50 мин

В твоей шифровке о беседе с Риббентропом есть одно неточное выражение насчет исчерпания соглашения с Германией за исключением вопроса о Финляндии. Это выражение неточное. Следовало бы сказать, что исчерпан протокол к договору о ненападении. А не соглашение. Ибо выражение "исчерпание соглашения" немцы могут понять как исчерпание договора о ненападении. Что, конечно, было бы неправильно. Жду твое сообщение о беседе с Гитлером.

На следующий день состоялась первая встреча Молотова с Гитлером.

Меня интересовала чисто человеческая, психологическая

сторона их беседы. Я просил Молотова описать внешность фюрера, его жесты, манеру говорить. Вячеслав Михайлович рассказал следующее:

- На этих встречах, пожалуй, был не столько диалог, сколько монолог. Гитлер уже привык, чтобы его слушали, он был вождь, он уже был приучен к тому, чтоб изрекать. Вот и при первой встрече он очень много говорил о своих планах и показывал широту, масштабность своего мышления, свободно делил мир, распоряжался странами и народами.

Я спросил Молотова, какой был главный смысл этих переговоров.

- Главным было то, что Германия хотела втянуть нас в военный пакт. То есть из того, что называлось треугольником Берлин - Рим - Токио, сделать четырехугольник, четвертую сторону которого составлял бы Советский Союз. Гитлер откровенно предложил поделить сферы влияния, себе он оставлял Европу, Японии - Дальний Восток и прилегающие острова Океании, Италии средиземноморские страны, а Советскому Союзу он предлагал устремить свое внимание на юг, то есть искать выход к Персидскому заливу и Индийскому океану через территории прилегающих в этом месте к нему стран.

Я поинтересовался:

- Если бы мы согласились на такую комбинацию, может, не было бы и Великой Отечественной войны?

Молотов, прищурив глаза, с улыбкой посмотрел на меня и иронически сказал:

- Сразу видно, что вы не политик и не дипломат. Разве могли мы, Советская страна, пойти на такой сговор с империалистами и делить мир для его последующего захвата силой оружия? Как бы мы выглядели перед народами мира с нашими заявлениями об интернационализме? Нет, мы не могли пойти на такой сговор, несмотря на то, что Гитлер предлагал нам очень выгодные дополнения - например, то, что будем владеть проливами, соединяющими Черное море со Средиземным. Ну и еще одно из главных тайных намерений Гитлера заключалось в том, чтобы привязать нас к себе в борьбе с Англией, в войне, которую он тогда вел...

В это время мне не были известны секретные протоколы, подписанные Молотовым, относительно Польши и других стран, поэтому я ничего не мог ему возразить. Не знал я и стенограмм бесед Молотова и Гитлера, а Молотов, так твердо заявляя о своих интернационалистских взглядах, очевидно, не предполагал, что эти документы станут когда-либо достоянием широкой общественности.

Первая беседа Молотова с Гитлером состоялась в новом здании имперской канцелярии. Его построили недавно, уже при Гитлере, в духе величественной и военной строгости. Кабинет Гитлера был очень большой, на стенах висели огромные гобелены, на полу лежал толстый ковер, слева в углу стоял тоже очень большой письменный стол, там же находился большой глобус на подставке из черного дерева, тот самый глобус, о котором позднее так много писали журналисты, говоря о претензиях Гитлера на мировое господство.

Когда вошли Молотов и сопровождавший его на первой беседе переводчик Павлов, Гитлер был в кабинете один, сидел за столом. Он встал и быстрыми шагами пошел навстречу Молотову к середине кабинета.

Фюрер в этой огромной зале казался маленьким, он был в военном кителе без погон, на груди Железный крест, на рукаве широкая красная повязка с черной свастикой в белом кружке.

В то же время через боковую дверь вошли министр иностранных дел Риббентроп, советник германского посольства в Москве Хильгер и личный переводчик Гитлера Шмидт. Гитлер пригласил всех к диванам и столу - что-то вроде гостиной в одном из углов кабинета. Гитлер сел напротив Молотова, их разделял стол.

Гитлер говорил без подготовленного текста, четкими фразами, прерывая свою речь паузами для перевода. Шмидт раскрыл большую папку с линованной бумагой и стенографировал разговор.

У Молотова с Гитлером было две продолжительные беседы. Нам, наверное, будет интересно узнать, что докладывал Молотов Сталину и Политбюро. Ниже я расскажу об этом, а пока последуем за ним в Берлин и понаблюдаем, как проходила заключительная беседа Молотова с Риббентропом. Она состоялась 13 ноября в 21 час. 40 минут в министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе.

С помощью Бережкова восстановим детали этой встречи.

Кабинет министра, значительно меньший, чем у Гитлера, был обставлен с роскошью. Узорчатый паркетный пол так блестел, что в нем, словно в зеркале, отражались все предметы. На стенах висели старинные картины, окна обрамляли портьеры из дорогой гобеленовой ткани, вдоль стен на подставках стояли статуэтки из бронзы и фарфора. Державшийся в присутствии Гитлера в тени Риббентроп вел себя теперь совсем по-иному. Он разыгрывал вельможу аристократа, но манеры его были скорее развязными, нежели величественными. Его окружала многочисленная свита и фоторепортеры, перед которыми он охотно позировал. Во время

взаимных приветствий и общей беседы, длившейся несколько минут, Риббентроп стоял посреди комнаты со скрещенными на груди руками и вскинутой вверх головой. Наконец он сказал, обращаясь к свите и репортерам:

- Господа, вам придется нас покинуть. Нам предстоят еще важные дела. Надеюсь, вы нас извините...

Все быстро откланялись и вышли из кабинета. Риббентроп пригласил участников беседы к стоявшему в углу кабинета круглому столу и, когда все расселись, заявил, что в соответствии с пожеланием фюрера было бы целесообразно подвести итоги переговоров и договориться о чем-то в принципе. Затем он вынул из нагрудного кармана своего серо-зеленого кителя сложенную в четверть листа бумажку и, медленно развернув ее, сказал:

- Здесь набросаны некоторые предложения германского правительства...

Держа листок перед собой, Риббентроп зачитал эти предложения. Это были проекты договора о присоединении Советского Союза к пакту Берлин - Рим Токио и секретного протокола о разделе сфер влияния.

Мне кажется, читателям будет интереснее узнать содержание последнего документа не в пересказе, а прочитать в подлиннике. Привожу те части его, которые отражают главный смысл.

"Проект. Секретный протокол No 1

В связи с подписанием Соглашения, заключенного между нами, Представители Германии, Италии, Японии и Советского Союза заявляют следующее:

1) Германия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Центральной Африке.

2) Италия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Северной и Северо-восточной Африке.

3) Япония заявляет, что ее основные территориальные интересы лежат в районе Восточной Азии к югу от Японской империи.

4) Советский Союз заявляет, что его основные территориальные интересы лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре Державы заявляют, что, сохраняя за собой право регулировать отдельные несущественные вопросы, они будут взаимно уважать территориальные интересы друг друга и не станут создавать препятствий для их осуществления..."

Молотов, заслушав проекты договора и секретных протоколов (их было два, второй касался проливов), сказал, что сейчас нет смысла возобновлять дискуссии на эту тему, но нельзя ли получить зачитанный текст? Риббентроп ответил, что у него только один экземпляр, что он не имел в виду передавать эти предложения в письменном виде, и поспешно спрятал бумажку в карман.

Оцените, уважаемые читатели, - я вас знакомлю с выдержками из той бумаги, которую Риббентроп спрятал в карман, не вручив копии даже Молотову!.. Разумеется, это шутка - огромным секретом проекты были тогда, позднее они были опубликованы за рубежом и у нас.

Неожиданно завыл сигнал воздушной тревоги. Все переглянулись, наступило молчание. Где-то поблизости раздался глухой удар, в высоких окнах кабинета задрожали стекла.

- Оставаться здесь небезопасно, - сказал Риббентроп. - Давайте спустимся вниз, в мой бункер. Там будет спокойнее...

В одном из подвальных помещений был оборудован подземный кабинет Риббентропа. На полированном письменном столе находилось несколько телефонных аппаратов. В стороне стояли круглый столик и глубокие мягкие кресла.

Когда беседа возобновилась, Риббентроп снова стал распространяться о необходимости изучить вопрос о разделе сфер мирового влияния. Есть все основания считать, добавил он, что Англия фактически уже разбита...

Когда я расспрашивал Молотова об этой беседе, он, улыбаясь, сказал:

- Я поддел Риббентропа вопросом: "Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом бомбоубежище?" Риббентроп был явно смущен. Я постоянно хотел заставить Гитлера и Риббентропа решать более злободневные сегодняшние проблемы, а не болтать о переделе карты Европы и Азии.

Я спросил Молотова напрямую:

- Может быть, вы подписали те проекты договора позднее?

- Ну что вы, разве могли мы, интернационалисты, пойти на такой сговор против других народов! - ответил твердо Молотов.

Кривил душой старый политик! Стенограмма, бесстрастно отражающая содержание разговора, не подтверждает его слов. Молотов не дал согласия на вступление в пакт, но и не отверг напрочь это предложение. Риббентроп в конце той беседы еще раз напомнил о германском предложении "сотрудничать в деле ликвидации Британской империи".

Он сказал:

- Как ясно заявил фюрер, интересы Советского Союза и

Германии требуют, чтобы партнеры стояли не друг против друга, а спина к спине с тем, чтобы поддержать друг друга в своих устремлениях. В сравнении с этими большими и главными вопросами все остальные являются абсолютно незначительными и будут автоматически урегулированы сразу же после того, как будет достигнута общая договоренность.

В заключение он хотел бы напомнить господину Молотову, что последний должен ответить ему на вопрос, привлекает ли Советский Союз в принципе идея получения выхода к Индийскому океану.

В своем ответе Молотов указал, что немцы считают войну с Англией уже выигранной. Поэтому, если, как было сказано по другому поводу, Германия ведет войну против Англии не на жизнь, а на смерть, ему не остается ничего иного, как предположить, что Германия ведет борьбу "на жизнь", а Англия "на смерть". Он вполне одобряет идею о сотрудничестве с той оговоркой, что стороны должны прийти к полному взаимопониманию. Эта мысль уже была выражена в письме Сталина. Разграничение сфер влияния также должно быть продумано. По данному вопросу, однако, он, Молотов, не может в настоящее время занять определенную позицию, так как не знает, каково мнение Сталина и других его друзей в Москве. Однако он должен заявить, что все эти великие вопросы завтрашнего дня не могут быть отделены от вопросов сегодняшнего дня и от проблемы выполнения существующих соглашений. Прежде чем приступить к решению новых задач, нужно закончить то, что уже было начато. Беседы, которые он, Молотов, имел в Берлине, без сомнения, были очень полезны. И он считал бы уместным, чтобы поднятые вопросы в дальнейшем обсуждались через дипломатические каналы посланиями обеих сторон.

Молотов, как видим, оставлял за нашей страной право и обсуждать и, возможно, участвовать в осуществлении глобальных агрессивных замыслов, предусмотренных секретным протоколом.

О любопытном эпизоде, подтверждающем это мнение, рассказал Бережков:

"- После заключительной встречи Гитлер шел с Молотовым по анфиладам имперской канцелярии к выходу. Я следовал вплотную за ними, чтобы переводить беседу, носившую общий характер. Остальная свита оставалась на почтительном расстоянии. Перед тем как попрощаться с советским гостем, Гитлер сказал:

- Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да и сам я рассчитываю войти в историю. Поэтому естественно, чтобы два таких политических деятеля, как мы, лично

встретились. Я прошу вас, господин Молотов, передать господину Сталину мои приветы и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем...

Молотов поблагодарил и пообещал передать это Сталину".

Теперь уже ясно, что предложение о встрече было рассчитано на дезориентацию Сталина.

Дух дальнейшего сотрудничества с Берлином проявился и в сделанном Молотовым на сессии Верховного Совета заявлении: "Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе... Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и миру, а Англия и Франция стоят за продолжение войны".

Сталин продолжал политику оттягивания начала войны любым способом.

* * *

А теперь я вас познакомлю с тем, чего не знал Молотов в те дни, когда вел беседы с Гитлером.

Вдень прибытия советской делегации, 12 ноября 1940 года, Гитлер отдал распоряжение: "Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начинаются. Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана".

Так что все разговоры Гитлера с Молотовым, проекты договоров, секретных и открытых, предложения о разделе сфер влияния - все это было фикцией, направленной на усыпление бдительности советского руководства, и особенно Сталина.

Тысячи статей, и даже книг, живописуют, как Сталин поддался на уловку Гитлера, какой он недальновидный политик и совсем не стратег, как много бед свалилось на Советскую страну из-за некомпетентности Сталина!

Я умышленно выбрал слово "живописуют", потому что все подобные обвинения в адрес Сталина являются именно сочинительством - живописью на бумаге (которая, как известно, все терпит).

Не буду оправдывать Сталина, приводить какие-то аргументы и документы, он в этом не нуждается. Сам Сталин лучше всех ответит и отметет все вздорные обвинения в свой адрес.

Я лишь обращаю особое внимание читателей на дату - 18 ноября 1940 года. А теперь мы, тихие и невидимые, посидим на заседании Политбюро ЦК, на котором было заслушано сообщение

Молотова об итогах переговоров в Берлине.

Я привожу запись Чадаева, который присутствовал на этом заседании как управляющий делами Совнаркома и по должности обязан был вести протокол. Нам повезло - в более поздней беседе с академиком Куманевым Яков Емельянович к сухому протоколу прибавил свои наблюдения и комментарии.

Молотов подробно доложил о результатах встречи с Гитлером.

- Беседа началась с длинного монолога Гитлера, - заявил он. - И надо отдать должное Гитлеру - говорить он умеет. Возможно, что у него даже был приготовлен какой-то текст, но фюрер им не пользовался. Речь его текла гладко, без запинок. Подобно актеру, отлично знающему роль, он четко произносил фразу за фразой, делая паузы для перевода. Смысл рассуждений Гитлера сводился к тому, что Англия уже разбита и что ее окончательная капитуляция - дело ближайшего будущего. Скоро, уверял Гитлер, Англия будет уничтожена с воздуха. Затем он сделал краткий обзор военной ситуации, подчеркнув, что Германская империя уже сейчас контролирует всю континентальную Западную Европу. Вместе с итальянскими союзниками германские войска ведут успешные операции в Африке, откуда англичане вскоре будут окончательно вытеснены. Из всего сказанного, заключил Гитлер, можно сделать вывод, что победа держав "оси" предрешена. Поэтому, продолжал он, настало время подумать об организации мира после победы. Тут Гитлер стал развивать такую идею: в связи с неизбежным крахом Великобритании останется ее "бесконтрольное наследство" - разбросанные по всему земному шару осколки империи. Надо, мол, распорядиться этим "бесхозным" имуществом. Германское правительство, заявил Гитлер, уже обменивалось мнениями с правительствами Италии и Японии и теперь хотело бы иметь соображения Советского правительства. Более конкретные предложения на этот счет он намеревался сделать позднее.

Молотов сделал небольшую паузу, затем продолжал:

- Когда Гитлер закончил речь, которая вместе с переводом заняла около часа, пришлось взять слово мне. Не вдаваясь в обсуждение предложений Гитлера, я заметил, что следовало бы обсудить более конкретные, практические вопросы. В частности, не разъяснит ли рейхсканцлер, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с Советским правительством? Ведь заключенный в 1939 г. советско-германский пакт о ненападении предусматривает консультации по важным вопросам, затрагивающим интересы каждой из сторон. Советское правительство также хотело бы

знать, для каких целей направлены германские войска в Финляндию? Почему и этот серьезный шаг предпринят без консультации с Москвой?

Эти замечания подействовали на Гитлера словно холодный душ. Он даже весь как-то съежился, и на лице его на какое-то мгновение появилось выражение растерянности. Но актерские способности все же взяли верх, и он, драматически сплетя пальцы и запрокинув голову, вперил взгляд в потолок. Затем, поерзав в кресле, скороговоркой объявил, что немецкая военная миссия направлена в Румынию по просьбе правительства Антонеску для обучения румынских войск. Что касается Финляндии, то там германские части вообще не собираются задерживаться, они лишь переправляются через территорию этой страны в Норвегию. (Но факты говорили о другом: немцы прочно оседали на советских границах. - В. К.)

- Объяснение фюрера, - докладывал далее Молотов,- не удовлетворило советскую делегацию. У Советского правительства, заявил я, на основании донесений наших представителей в Финляндии и Румынии, создалось совсем иное впечатление. Войска, которые высадились в южной части Финляндии, никуда не продвигаются и, видимо, собираются здесь надолго задержаться. В Румынии дело не ограничилось одной военной миссией. В страну прибывают все новые германские воинские соединения. Для одной миссии их слишком много. Какова же подлинная цель переброски этих войск? В Москве подобные действия не могут не вызвать беспокойства, и германское правительство должно дать четкий ответ.

Сославшись на свою неосведомленность (а это испытанный дипломатический маневр), Гитлер пообещал поинтересоваться этими вопросами. Он снова стал разглагольствовать о своем плане раздела мира, заметив, что СССР мог бы проявить интерес к территориям, расположенным к югу от его государственной границы в направлении Индийского океана. Гитлер заявил о том, что Советскому Союзу следовало бы приобрести выход к Персидскому заливу, а для этого захватить Западный Иран и нефтяные промыслы англичан в Иране.

- Разумеется, - вставил И. В. Сталин, - Советский Союз не удастся поймать на эту удочку. Ведь это наш сосед и с ним отношения должны быть очень теплыми, хорошими.

- Мне пришлось перебить Гитлера, - продолжал Молотов, - и заметить, что мы не видим смысла обсуждать подобного рода комбинации. СССР заинтересован в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к его границам. Тут Гитлер кивнул Риббентропу, и тот предложил

рассмотрел проект протокола о присоединении Советского Союза к военному блоку Германии, Италии и Японии. Для нас было совершенно ясно, что острие его было направлено против СССР и, естественно, это предложение советская делегация решительно отклонила.

- И правильно, - гневно вставил Сталин. Молотов рассказал о содержании переговоров в Берлине, которые были продолжены на следующий день и мало чем отличались от предыдущих.

- Покидая фашистскую Германию, - сказал он в заключение, - все члены советской делегации были убеждены: затеянная по инициативе немецкой стороны встреча явилась лишь показной демонстрацией. Главные события лежат впереди. Сорвав попытку поставить СССР в условия, которые связали бы нас на международной арене, изолировали бы от Запада и развязали бы действия Германии для заключения перемирия с Англией, наша делегация сделала максимум возможного. Общей для всех членов делегации являлась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии против СССР неимоверно возросла, причем в недалеком будущем.

После ответов Молотова на вопросы членов Политбюро ЦК выступил Сталин. Он сказал:

- В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, делались намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем прямо указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а потому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла в Берлин для переговоров. В тех условиях, когда Советское правительство неизменно выступает за мирное урегулирование международных проблем, мы ответили положительно на германское предложение о проведении в ноябре этого года совещания в Берлине. Стало быть, поездка в Берлин советской делегации состоялась по инициативе Германии. Как нам известно, Гитлер сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил, что "германо-русские отношения окончательно установлены!" Но мы хорошо знаем цену этим утверждениям! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны. Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства. Позиция Гитлера во время этих переговоров, в частности его упорное нежелание считаться с

естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии - все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления "глобальных интересов" Советского Союза, наделе ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...

Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии совет-ско-германских отношений".

Далее Сталин говорил о лицемерном поведении гитлеровской верхушки в отношении Советского Союза, о позиции Англии и Франции во время летних московских переговоров 1939 г., когда они были не прочь натравить Германию на СССР.

- Именно в то время, - подчеркнул Сталин, - нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии. И в этом деле большую роль сыграл заключенный с ней пакт о ненападении...

...Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена. В Германии действуют в этом направлении мощные силы и правящие круги рейха не думают снимать с повестки дня вопрос о войне против СССР. Наоборот, они усиливают враждебные против нас действия, как бы акцентируя, что проблема нападения на Советский Союз уже предрешена.

Спрашивается, а какой был смысл разглагольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его "Майн кампф"? "Разумеется, нет", твердо сказал Сталин.

Далее он кратко охарактеризовал Гитлера.

- История еще не знала таких фигур как Гитлер, - сказал Сталин. - В действиях Гитлера не было единой целенаправленной линии. Его политика постоянно перестраивалась, часто была диаметрально противоположной. Полная путаница царила и царит в теоретических положениях фашизма. Гитлеровцы называют себя националистами, но они фактически являются партией империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих среди всех империалистов мира. "Социализм",

"национализм" - это только фиговые листки, которыми прикрываются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть ими свою разбойничью сущность. В качестве идеологического оружия они используют расовую теорию. Это человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов...

Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии, но главным принципом его политики является вероломство. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем советско-германский пакт рассматривать основой создания надежной безопасности для нас. Гарантией создания прочного мира является укрепление наших Вооруженных Сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молниеносными ударами разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран. Этот факт можно рассматривать только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая могла бы сорвать агрессию гитлеровского рейха. Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции. С этой целью усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовилась десантная операция. Но это не главное для Гитлера, главное для него нападение на Советский Союз.

Тихо, но твердо Сталин произнес:

- Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и военного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки, постоянно разоблачать гитлеровских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического Отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем тылу.

Мы должны повести дело так, чтобы быстрее заключить пакт

о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Германия нашла общий язык с Японией в своих великодержавных стремлениях. Япония признала право Германии вмешиваться в дела всех стран. Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайскому народу. Нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны-сателлиты, попавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии.

Повторяю: обратите внимание на то, к о г д а Сталин это говорил - в середине ноября 1940 года!

Нужны ли после такой речи какие-то особые доказательства его прозорливости, могучего стратегического мышления и безграничной заботы о благополучии государства и народа?

Подготовка полководцев

В конце декабря 1940 года Сталин провел совещание военных: были приглашены все командующие округами и армиями, начальники штабов округов и армий, члены Военных советов, начальники академий, профессора, руководящий состав Генерального штаба. Присутствовали некоторые члены Центрального Комитета и Политбюро.

Доклад по общим вопросам боевой и оперативной подготовки Красной Армии сделал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. Он особо отметил недостаточную подготовленность высшего командного состава и штабов всех степеней.

Один из основных докладов делал Жуков: "Характер современной наступательной операции".

Был интересен для присутствующих доклад генерал-полковника Д. Г. Павлова "Об использовании механизированных соединений в современной наступательной операции". В то время это был вопрос, который занимал не только руководство Красной Армии, но и генеральные штабы и командование многих армий мира. Павлов, используя опыт пребывания на полях сражений в Испании, правильно оценил и преподнес возможности танковых и механизированных соединений, но в то же время отметил и уязвимость их от огня артиллерии, и особенно, авиации.

Начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант П. В. Рычагов, тоже отличившийся в боях в Испании и получивший там звание Героя Советского Союза, очень содержательно изложил доклад на тему: "Военно-воздушные Силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе".

В прениях по этим и другим докладам было высказано много полезных мнений, и большинство сходилось на необходимости

оснастить армию современной техникой, развивать бронетанковые и механизированные войска, а также использовать боевой опыт современной войны на Западе.

Совещание было организовано и проводилось по инициативе Сталина. На другой день после закрытия совещания Сталин вызвал Тимошенко, упрекнул его за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома. На это Тимошенко ответил:

- Я послал Вам проект своего выступления и полагал, что с ним Вы ознакомились, и если не было замечаний, значит все в порядке.

Это подтверждает, что Сталин намеревался быть на закрытии совещания, но по каким-то важным обстоятельствам не присутствовал.

На следующий день начиналась большая военная игра, о которой Тимошенко доложил Сталину. Сталин спросил:

- Кто командует играющими сторонами? Тимошенко ответил:

- За "синюю" (западную) играет генерал армии Жуков, за "красную" (восточную) - генерал-полковник Павлов.

- Хорошо, - сказал Сталин, - проводите игру, но в конце не распускайте командующих.

Военная игра проводилась на картах, ею руководили нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Мерецков. Они подыгрывали "синей" и "красной" сторонам, а в целом военно-стратегическая обстановка была создана применительно к тем силам, которыми располагала Германия, и к тем приемам, которые она могла применить при нападении на Советский Союз, - то есть то, что было известно уже по сведениям нашей разведки. К тому же игра разворачивалась на картах, где местность представляла собой реально нашу границу и территорию, на которой могли сосредоточить свои войска Германия и наши приграничные округа.

Общий разбор игры, по распоряжению Сталина, проводился в Кремле. На этом разборе Сталин присутствовал.

Ход игры изложил начальник Генерального штаба армии генерал Мерецков. Когда он привел силы сторон и уточнил, что "синие" в начале игры имели преимущество в танках и авиации, Сталин, у которого в этот день было неважное настроение, несколько нервничал из-за того, что в игре при объективной оценке действий сторон верх одержали "синие", а не "красные". На изложение Мерецкова он бросил реплику:

- Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Затем выступил нарком Тимошенко, он дал свою оценку действий игравших, а также сказал об оперативно-тактическом росте высшего командного звена.

После Тимошенко слово было предоставлено генерал-полковнику Павлову. Сталин сразу же спросил его:

- В чем кроются причины неудачных действий войск "красной" стороны?

Павлов попытался отделаться шуткой:

- В военных играх так бывает.

Но Сталину эта шутка не понравилась, и он заметил:

- Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильное решение, чего у вас в проведенной игре не получилось.

После Павлова слова попросил Жуков. Он сказал:

- Для повышения военной грамотности лично командующих и работников штабов округов и армий, необходимо начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба. - Сказал Жуков и о том, что его беспокоило: - По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе Белостокского выступа, что позволяет противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белорусской группировке. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем. Считаю, что нужно было строить УРы где-то глубже.

Жуков говорил это, исходя из только что проведенной игры, где он, в качестве наступающей стороны, увидел эти недостатки укрепленных районов на границе. Но эти УРы были на территории Белорусского округа, и поэтому Павлов нервно отреагировал:

- А на Украине УРы строятся правильно?

- Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, - ответил Жуков, - однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

- Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного Военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников, - резко возразил Ворошилов.

Жуков не стал продолжать дискуссию и сел на свое место. Выступил на этом совещании и маршал Кулик. Он ратовал за артиллерию на конной тяге, просто недопонимал значение механизированных и танковых войск.

- С формированием танковых и механизированных корпусов пока следует воздержаться, - сказал Кулик. Тимошенко на это возразил:

- Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах.

Сталин тоже бросил реплику:

- Победа в войне будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

На следующий день после совещания Сталин вызвал Жукова в Кремль. Без долгих предисловий сказал:

- Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Для Жукова это была очень большая неожиданность, не только потому, что он не представлял себя штабным работником, но и вообще такое высокое назначение, как пост начальника Генерального штаба, конечно, ввело его в замешательство, он долго молчал... затем ответил:

- Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

- Политбюро решило назначить вас, - сказал Сталин и сделал ударение на слове "решило".

Жуков понял, что возражать против решения Политбюро, и главное, когда об этом говорит сам Сталин, нет смысла, и поэтому ответил:

- Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

Сталин улыбнулся:

- Вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК.

По поводу этой работы Сталина с полководцами любопытный вывод сделал маршал Еременко в своих воспоминаниях, опубликованных в 1964 году: "Сталин был так далек от войск, он не желал прислушиваться к мнению военачальников. Об этом красноречиво говорит тот факт, что будущий Верховный Главнокомандующий не присутствовал на Военном совете, где рассматривались и обсуждались основные вопросы нашей военной доктрины".

При жизни Сталина Еременко был его "любимчиком", Верховный прощал будущему маршалу многие ошибки и неудачи в проведении операций (один позорный для Еременко проигранный поединок в 1942 году с Гудерианом чего стоит!) Сразу после войны Еременко в своих статьях и книгах пел дифирамбы "великому полководцу всех времен и народов". Но появился новый Генсек Хрущев, ненавидящий Сталина, и Еременко выдает такой пассаж! Диалектика все течет, все изменяется? Не все. Не зря говорят: человек с годами теряет здоровье, красоту, порывы честолюбия, и только глупость не покидает его.

Стратегические планы

С глубокой древности каждый полководец или глава государства, думая о возможности войны или же планируя нападение на кого-нибудь, заранее рассчитывает свои силы и возможности, а также силы противника, которые будут ему противостоять. В древние времена эти планы, вероятно, были просто в голове полководцев, но они все равно были. Без предварительного планирования и расчета вообще невозможно достигнуть победы. Это знал каждый, кто брался за оружие. С течением времени, с ростом армий и масштабов сражений появлялась необходимость составления обширных планов, которые в голове удержать было уже просто невозможно. Учитывая то, что руководит выросшей армией не один полководец, а многие помощники больших, средних и малых рангов, и что при этом у всех должно быть одинаковое понимание предстоящих действий, стали составляться письменные планы. Эти планы были в каждой стране, в каждом государстве, и вполне естественно, что, зная о их существовании, будущие соперники всегда стремились как-то к ним добраться, то есть вели разведку и добывали эти планы или полностью, или частично. В XIX веке, когда армии стали массовыми и воевали уже не армии, а целые

народы, перед началом войны и тем более во время войны в противоборстве участвовала вся экономика, все хозяйство страны, - к такой войне надо было все спланировать заранее.

Были ли у нас такие планы? Разумеется, были. На основе нашей военной науки и планирование тоже находилось на соответствующем уровне. Но, как выяснилось позднее, составленные планы не соответствовали сложившейся к тому времени политической обстановке и особенно тем формам и способам ведения войны, которая уже велась гитлеровцами в Европе.

Не надо быть глубоким аналитиком для того чтобы понять, почему произошла такая беда. Если начальник Генерального штаба, главный, кто руководит составлением планов обороны страны и ведения войны с потенциальными противниками, маршал Егоров оказался "иностранным шпионом", многие работники центрального аппарата, в том числе заместитель наркома обороны маршал Тухачевский и почти все командующие военными округами, тоже оказались "иностранными агентами", то вполне естественно было предположить, что составленные ими планы стали "известны нашим врагам" и их надо было немедленно "перерабатывать". И, разумеется, перерабатывать коренным образом, чтобы они были не похожи на те, которые уже известны врагу. А раз так, то и тот, кто пытался сохранить какие-то разумные мысли из старых планов, мог быть заподозрен в близости к "врагам народа".

В тридцатые годы сложилась не только теория, но и практика составления двух планов. Один план - мобилизационный, в котором предусматриваются порядок и сроки проведения всех мероприятий по мобилизационному развертыванию Вооруженных Сил, переводу экономики и различных государственных учреждений на режим деятельности в условиях военного времени. Такой план разрабатывался как в масштабе Вооруженных Сил в целом, так и в воинских объединениях, соединениях, частях, а также учреждениях и на промышленных предприятиях. Согласно ему, сразу же при объявлении мобилизации осуществляется призыв в армию и перевод производства на военную продукцию.

Кроме того, в Генеральном штабе составлялся план стратегического развертывания Вооруженных Сил. В нем предусматривалось: сосредоточение сил на избранных направлениях, создание необходимых группировок войск, передвижение их в назначенные районы, перебазирование авиации, развертывание тыла и средств технического обеспечения, занятие соединениями и частями исходных районов,

рубежей, огневых позиций, - и осуществление всего этого в соответствии с общим стратегическим замыслом.

С 1928-го по 1931 год Генеральным штабом руководил Борис Михайлович Шапошников, а с 1931-го по 1937 год - тоже опытный, еще дореволюционный офицер Александр Ильич Егоров. После ареста Егорова с 1937-го по август 1940 года начальником Генерального штаба был снова Б. М. Шапошников. В мае 1940 года ему было присвоено звание маршала.

Произошли изменения не только в руководстве Генерального штаба, они совпали с изменением и политической обстановки. Осенью 1939-го и весной 1940 года, как уже рассказывалось ранее, государственная граница СССР в Европе была отнесена на несколько сот километров на запад. В Красной Армии быстро росла численность соединений, которые оснащались новейшей техникой и вооружением. В связи с этим, план стратегического развертывания Вооруженных Сил опять надо было перерабатывать, что и проводилось с осени 1939 года в Генеральном штабе. Первый вариант был готов к июлю 1940 года.

Здесь я должен сделать маленькое отступление и сказать, что сведения о разработке мобилизационных планов и плана стратегического развертывания составляют строжайшую государственную и военную тайну, и, наверное, потому даже по прошествии большого времени после победы над фашистской Германией об этих планах в воспоминаниях военачальников и государственных деятелей говорилось лишь в общих чертах.

Накануне войны при разработке планов обороны страны считалось (с учетом происходящего в Европе), что наиболее вероятным нашим противником будет фашистская Германия в союзе с Италией, Румынией, Финляндией и Венгрией. Предполагалось также, что и Турция под давлением гитлеровцев может открыто выступить против СССР. Второй реальный противник, который может одновременно с Германией начать военные действия на Дальнем Востоке, была Япония. Поэтому планы обороны страны разрабатывались для двух направлений, но главным, разумеется, был Западный фронт, где считалось необходимым сосредоточить основную мощь Советских Вооруженных Сил.

Несмотря на то, что гитлеровцы уже показали свою стратегию и тактику ведения молниеносной войны путем внезапного нападения готовыми, отмобилизованными армиями, работники нашего Генерального штаба продолжали вести расчеты, исходя из опыта отмобилизовывания армий в период первой мировой войны (с учетом, конечно, более высоких темпов развертывания в связи с появлением более широкой сети железных, шоссейных

дорог, а также авиации). Предусматривалось, что Германии для сосредоточения сил на советских границах потребуется 10-15 дней, Румынии - 15-20 дней, Финляндии и немецким частям, которые туда прибудут, - 20-25 дней. В этом был серьезный просчет.

Ожидалось, что на наших западных границах Германия вместе со своими союзниками развернет 233 дивизии, 10 тысяч 550 танков, 13 тысяч 900 самолетов и до 18 тысяч полевых орудий.

Наш Генштаб на западных границах предусматривал сосредоточить: 146 стрелковых дивизий (из них 23 со сроком готовности от 15 до 30 дней), 8 моторизованных, 16 танковых и 10 кавалерийских дивизий, 14 танковых бригад, 172 полка авиации. Если все дивизии сложить - стрелковые и специальные, то будет около 180 дивизий.

В соответствии с советской доктриной, наши войска, отразив первое нападение противника, должны были сами перейти в наступление, разгромить войска противника в Восточной Пруссии и в районе Варшавы и выйти на Вислу в ее нижнем течении. Одновременно на левом крыле фронта должен быть нанесен вспомогательный удар на Иван-город с задачей разгрома люблинской группировки противника и последующего выхода на Вислу в ее среднем течении.

В плане подробно описаны направления ударов, районы сосредоточения, количество войск, их задачи, а также задачи флотов, авиации и так далее.

План разрабатывался начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым, генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным, который занимал должность начальника оперативного управления, и его заместителем генерал-майором Г. К. Маландиным. Но поскольку проект плана составлялся в единственном экземпляре, человеком, непосредственно писавшим его, был заместитель начальника оперативного управления генерал-майор А. М. Василевский. Первый вариант подписан начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым, пока без наркома. Этот план обороны СССР, с опорой на тщательно обоснованный анализ складывающейся стратегической обстановки, вероятных группировок противника и ожидаемых его агрессивных действий, в основном верно определил наиболее опасный театр войны и главное направление основных усилий Советских Вооруженных Сил.

Существовали, конечно, недостатки в этом плане. Основной из них, кроме временного просчета, заключался в том, что разработан был всего один вариант, а, как правило, такие планы предусматривают несколько вариантов действий как противника,

так и своих войск.

Вот что пишет А. М. Василевский в своей книге воспоминаний о разработке данного плана:

"Этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И. В. Сталину в сентябре 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представляли нарком С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и его первый заместитель Н. Ф. Ватутин. Мы с генералом А. Ф. Анисовым, доставив в Кремль план, во время его рассмотрения в течение нескольких часов находились в комнате секретариата И В. Сталина. Прежде чем рассказывать о дальнейшем ходе событий, упомяну о том, почему в представлении ЦК партии важнейшего оперативного документа не участвовал один из его основных составителей и автор главных его идей. Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба вместо Б. М. Шапошникова был назначен генерал армии К. А. Мерецков.

О том, что предшествовало перемещению Б. М Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. Как он рассказывал, И. В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановки. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, ЧТО уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

- А каково ваше мнение? - спросил Сталин. - Исключительно дисциплинированный человек, Борис Михайлович ответил, что он готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре на него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений, он стал заместителем наркома обороны и направлял деятельность Главного военно-инженерного управления на строительство укрепленных районов. Для нас, работников

Генштаба, причина перевода Б. М. Шапошникова на другую должность осталась непонятной. Не скрою, мы очень сожалели об этом".

Таким образом, получилось, что проект нового плана докладывал Сталину уже новый начальник Генерального штаба - генерал армии К. А. Мерецков.

Сталин не согласился с мнением Генштаба о вероятном направлении главного удара противника на северо-западе. Видимо, помня "свой" план разгрома Деникина (он исходил Из того, что Донбасс, юг Украины - это могучий промышленно-экономический пролетарский район) и не принимая во внимание, что прошло очень много времени и обстановка в корне изменилась, Сталин опять тяготел к этому южному району и приказал доработать план в том направлении, что главные сражения должны были состояться на юге. Поэтому произошла полная переориентировка, перенацеливание основных наших усилий с северо-западного на юго-западное направление.

Жуков в своих воспоминаниях писал:

"Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов оперативно-стратегического развертывания. В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращалась никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждении тотчас же доводились до военных округов...

Еще осенью 1940 года ранее существовавший оперативный план был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения. Но в плане были стратегические ошибки, связанные с одним неправильным положением...

И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И. В. Сталин говорил: "Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну".

И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника И. В. Сталин допустил ошибку".

В то время правильность стратегических решений Сталина вроде бы подтверждалась информацией, полученной от разведки. Нарком государственной безопасности Меркулов в начале апреля 1941 года доложил Сталину:

"...Выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на восток..."

В этом документе четко просматривается желание поддакнуть Сталину, заслужить его благосклонность. Впрочем, у гитлеровцев при разработке плана войны был и южный вариант, но к тому времени, когда докладывал Меркулов (апрель 1941 года), этот вариант давно отпал, и военная разведка Генштаба уже имела более точные сведения и докладывала о них Сталину. Вот что пишет об этом Жуков:

"23 марта 1941 года начальник разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству доклад, содержавший сведения источника исключительной важности.

В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана "Барбаросса"; а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана.

В докладе говорилось: "Из наиболее вероятных военных действий, намеченных против СССР, заслуживают внимания следующие:

...Вариант No 3 по данным... на февраль 1941 года:

"...для наступления на СССР, - написано в сообщении, - создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба наносит удар в направлении Ленинграда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока - в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта - в направлении Киева. Начало наступления на СССР - ориентировочно 20 мая".

Генерал Голиков, не желая попасть в немилость, так как знал мнение и желание Сталина оттянуть начало войны, делал свои выводы, совершенно не вытекающие из развед-данных:

"I. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после

заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки".

6 мая 1941 года И. В. Сталину направил записку народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов:

"Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в пограничных центрах..."

Данные, изложенные в этом документе, также имели исключительную ценность. Историки (да и сам Кузнецов) отмечают этот доклад как заслугу адмирала. Однако выводы, предлагавшиеся руководству адмиралом Н. Г. Кузнецовым, не соответствовали приведенным им же фактам: "Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР". (Выводы эти в мемуарах не публикуются). А Сталин, выслушивая подобные "качели", должен был им верить.

В самые последние дни перед нападением поступало особенно много предупреждений о готовящейся войне от разведчиков, дипломатов (наших и иностранных), зарубежных доброжелателей, перебежчиков. Но, с другой стороны, Берия, самый близкий человек, которому Сталин верил безгранично, докладывал 21 июня 1941 года следующее:

"Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это нападение начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на берлинскую агентуру".

А 16 июня 1941 года на стол Генсека положили от наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова донесение из Берлина:

"Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время".

Далее излагались многочисленные конкретные факты, подтверждающие этот вывод. Сталин был дезориентирован противоположными докладами самых близких и, вроде бы, самых осведомленных работников.

21 июня на сообщении нашего военного атташе во Франции генерала Суслопарова о том, что, по достоверным данным, нападение назначено на 22 июня, Сталин написал: "Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его".

А Берия расправлялся с теми разведчиками, которые присылали правдивую информацию, ничего не подозревая о том, что Сталин верит договорам, заключенным с Гитлером, и находится в сетях хорошо организованной немецкой дезинформации.

Вот одна из резолюций Берии 21 июня 1941 года на документе, обобщающем донесения разведчиков:

"В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников "Ястреба", "Кармен", "Верного" за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить".

Почему так упорно не хотели видеть реальную обстановку Сталин, Берия да и многие другие руководители того времени? Заподозрить их в злом умысле, конечно же, нельзя. Не могли они желать беды и поражения своей стране и армии. Ошибались?

Да, пожалуй, это самое подходящее определение их действий. И в этом даже есть некоторое им оправдание. Дело в том, что сегодня мы судим о разведывательных сведениях, зная, какие из них были правдивые, а какие ложные. А в годы, которые предшествовали нападению, к Сталину стекался огромный поток самых противоречивых сведений. Да еще вносили путаницу комментарии политиков, военных, дипломатов, и каждый из них старался убедить, что именно его аргументы и суждения правильные.

Прямо скажем, непросто было Сталину разобраться в этом информационном хаосе. И при всем при том он был, как говорится, себе на уме: все читал, всех слушал, но в глубине души верил, что он не только договорился с Гитлером, но и перехитрил его.

Ко всей этой путанице и неразберихе в сведениях надо добавить и хорошо задуманную и проведенную немцами операцию по дезинформации.

Для иллюстрации дезинформационных мер со стороны

гитлеровцев приведу несколько кратких выдержек из документов.

"Указания ОКБ. Управлению военной разведки и контрразведки.

В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится... Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток... Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями:

1. Маскировать общую численность немецких войск на Востоке, по возможности, распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижения войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием...

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства... и что концентрация войск на Севере относительно невелика..."

И далее много мер такого же рода.

Как видим, эту дезинформацию гитлеровцам удалось подсунуть. В сосредоточение сил рейха для начала войны Сталин не верил. А если и предпринимались меры, то мы считали, как того хотели немцы, что главный удар будет нанесен на юге.

"...Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил от 12 мая 1941 г. по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза.

1. Вторая фаза дезинформации противника начинается с введением максимально уплотненного графика движения эшелонов 22 мая. В этот момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации органов должны быть в повышенной мере направлены на то, чтобы представить сосредоточение сил к операции "Барбаросса" как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение... противника. По этой же причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию...

2. Все наши усилия окажутся напрасными, если немецкие войска определенно узнают о предстоящем нападении и распространят эти сведения по стране... Распоряжения по этому вопросу должны разрабатываться для всех вооруженных сил в централизованном порядке.

...Вскоре на ряд министерств будут возложены задания,

связанные с демонстративными действиями против Англии..."

И так далее.

Таким образом, и своим войскам гитлеровское командование карты не открывало. На французском побережье с полным напряжением шла подготовка операции вторжения "Морской лев". А когда подготовка по плану "Барбаросса" была завершена, то, как пишет немецкий генерал Циммерман, "в начале июня в ставку главного командования немецкими войсками Запада прибыл порученец начальника генерального штаба сухопутных войск и сообщил собравшимся офицерам, что все проделанные подготовительные работы являются просто мероприятием, необходимым для введения противника в заблуждение, и что теперь их можно прекратить... Все эти приготовления проводились только в целях маскировки готовящейся Восточной кампании, которая в ту пору являлась для верховного главнокомандующего уже решенным делом".

Высокий профессионализм показало немецкое руководство в проведении дезинформации. Но не менее высоко было искусство советской разведки, особенно военной. Она добыла более чем достаточно достоверной информации для того, чтобы наше руководство могло правильно оценить ситуацию и отразить нападение Германии.

Однако Сталин верил в свой сговор с Гитлером и никому не позволял разубеждать себя в этом желательном для него секретном партнерстве. Да и как было не верить - Гитлер выполнял условия сговора пунктуально: поделил Польшу, соблюдал нейтралитет в войне СССР с Финляндией, присоединении Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины, Бессарабии...

И самое главное - Сталин был убежден: не так уж глуп Гитлер, чтобы нападать на СССР, не развязав себе руки окончанием войны против Англии, и воевать одновременно на два фронта.

Подводя итог и оценивая действия Сталина в последние предвоенные месяцы, в той сложнейшей, противоречивой ситуации можно утверждать, что Сталин ошибался тактически, в определении конкретного времени нападения (хотя и Гитлер изменял не раз это время), но стратегические расчеты Сталина были верны: начало войны он отсрочил, армию (хоть не полностью) перевооружил, промышленность перестроил, идейно народ подготовил.

Планы Гитлера

Сразу договоримся - не принимать во внимание карикатурные и надуманные выпады против Гитлера, которые

долгое время применяла наша пропаганда, заявления о "бесноватости фюрера", о том, что он "ефрейтор" с шизофреническими заскоками и т. п. Оставим это на совести наших политиканов. По их мнению, издевка и оскорбление принижают, развенчивают врага. Недальновидность и неразумность такой пропаганды можно показать всего одним вопросом: если ефрейтор загнал нас на Волгу, то что же собой мы представляли?

Нет, Гитлер был выдающимся организатором - за шесть лет, с 1933-го по 1939 годы, он создал мощную армию, которая прибрала к рукам почти всю Европу. И стратег он был сильный. То, что ошибался и зарвался в своих политических расчетах, это другой разговор.

В годы войны (и до нее) Гитлер, по воле судьбы, стал главным оппонентом Сталина, поэтому, мне кажется, будет для нас интересным и полезным периодически заглядывать "на ту сторону", дабы представлять, что там происходило. Тем более что все происходившие на той стороне события, в какой-то степени, предопределяли принятие Сталиным определенных решений.

Разные ученые и историки спорили между собой по поводу того, когда конкретно Гитлер решил напасть на Советский Союз. На мой взгляд, это не такая уж важная деталь, во всяком случае, не принципиальная. То, что рано или поздно Гитлер поведет свои вооруженные силы на Россию, было предрешено еще в начале его политической биографии. Я уже цитировал его слова из "Майн кампф". Можно было бы привести еще много высказываний, все они, в конечном счете, сводятся к тому, что не только он сам видел возможность расширения территории Германской империи в захвате советских земель, но к этому его толкали реакционные силы, и внутренние, и международные.

Вот рассказ самого Гитлера о том, как созревало у него это решение. Он изложил его на совещании с генералами 23 ноября 1939 года.

"- Цель нашей встречи состоит в том, чтобы вы получили представление о мире моих идей, которые сейчас мною владеют, и чтобы вы узнали о моих решениях... Я в 1933 году пришел к власти. Позади был период тяжелых боев. Все, что было до меня, обанкротилось. Я должен был все реорганизовать снова, начиная с народа и кончая вермахтом. Сначала была предпринята внутренняя реорганизация - устранение явлений распада и пораженчества... После этого я дал приказ вооружаться. И здесь было много пророков, которые предсказывали неудачу, и было очень мало веривших. В 1935 году последовало введение всеобщей воинской повинности. Вслед за этим была осуществлена

ремилитаризация Рейнской области - еще одна операция, которую никто не считал возможной. Мне мало кто верил. Затем началось создание укреплений по всей территории, в первую очередь на западе.

Год спустя на повестку дня встала Австрия. И в этом шаге многие сомневались. Однако он принес существенное укрепление рейха. Следующий шаг - Богемия, Моравия и Польша...

Но в это время мне еще не было ясно: должен ли я сначала ударить против Востока и после этого против Запада или наоборот? Мольтке в свое время стоял перед такой же проблемой. События развернулись так, что началось с борьбы против Польши...

Меня могут упрекнуть: борьба и снова борьба. Но я вижу в борьбе сущность всего живого. Никто не может уклониться от борьбы, если он не хочет погибнуть. Численность населения растет, и это требует увеличения жизненного пространства. Моей целью было создать разумное соотношение между численностью населения жизненным пространством. Для этого необходима война. Ни один народ не может уклониться от решения этой задачи, иначе он погибнет. Таковы уроки истории...

Я долго сомневался, где начинать - на Западе или на Востоке. Однако я не для того создал вермахт, чтобы он не наносил ударов. Во мне всегда была внутренняя готовность к войне. Получилось так, что нам удалось сначала ударить по Востоку. Причина быстрого окончания польской войны лежит в превосходстве нашего вермахта. Это - славное явление в нашей истории. Мы понесли неожиданно малые потери в людском составе и вооружении. Теперь мы можем держать на Восточном фронте только несколько дивизий. Создалось положение, которое мы раньше считали недостижимым. Положение таково: на Западе противник сосредоточился за своими укреплениями. Нет возможности на него напасть.

Решает следующее: как долго мы можем выдержать такое положение? Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена многими внутренними событиями, а, кроме того, у нас с ней договор. Однако договоры соблюдаются только до тех пор, пока они целесообразны... Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе".

В 1940 году после разгрома французской армии настал момент, который Гитлер и его сподвижники посчитали самым удобным для осуществления своих агрессивных замыслов.

Фюрер не хотел терять времени. 22 июня 1940 года, в день капитуляции Франции, Гальдер получил указания от Гитлера и Браухича о разработке плана вторжения в Советский Союз.

Лежат передо мной пожелтевшие, постаревшие бумаги. Когда-то их содержание было строжайшей тайной. Сначала эти документы писали от руки, чтобы не посвящать машинисток. Затем, если даже перепечатывали, то всего в нескольких экземплярах. Каждая копия была на особом учете. Передавались эти экземпляры для ознакомления только из рук в руки или через доверенного офицера, причем пакет опечатывался специальными печатями и хитрыми приспособлениями, чтобы о его содержании не мог узнать никто, кроме адресата. Каждый ознакомившийся с текстом заносился в специальный список, чтобы в случае утечки сведений можно было установить, кто именно проболтался или выдал тайну...

Лежат в могилах те, кто разрабатывал эти страшные планы, и те, против кого замышлялись они. Тайны уже не тайны - теперь эти документы, вернее, копии с них, доступны каждому. Вот лежат они и на моем столе. Но строгие слова в самом начале текста все еще как бы предупреждают: "Совершенно секретно", "Только для командования", "Передавать только через офицера".

Каждый из документов разрабатывался иногда длительное время, его созданию предшествовали указания Гитлера, затем появлялись варианты, проекты, разработанные генштабом, потом шли обсуждения на высоком уровне. И, наконец, рождалась окончательная директива, руководствуясь которой армия начинала действовать.

Гитлеровцы давали своим планам условные наименования: "Отто", "Вейс", "Грюн" "Гельб", "Морской лев" и так далее. За такими названиями стоит не только некий аромат рыцарских времен, хотя гитлеровцы и бравировали своими традициями, за ними стоит и штабной профессионализм: без долгих объяснений, с одного слова ясно, о чем идет разговор: "Грюн" - вторжение в Чехословакию, "Вейс" - война с Польшей, "Гельб" - с Францией...

Надо еще помнить, что планы эти рождались за кулисами дипломатических ходов и за широкими декорациями пропаганды и контрпропаганды всеми возможными средствами: в печати, эфире, устно. Причем одной из главных задач всего этого было отвлечь, замаскировать, а проще сказать, обмануть другие страны, их правительства и народы. Добавим сюда еще мощнейшие, тщательно законспирированные сети разведки и контрразведки, которые проникали всюду, опутывали своей невидимой паутиной страну, намеченную для нападения, проникали в ее тайны и сеяли слухи либо отвлекающие внимание от действительных намерений агрессора, либо заранее порождающие страх перед его могуществом.

Один из самых продуманных и тщательно отработанных

планов, к которому Гитлер шел многие годы, ради осуществления которого провел так много завоевательных операций в Европе, был план войны против Советского Союза, план, которому Гитлер дал название "Барбаросса" - по имени Фридриха I Барбароссы.

Я много раз читал и перечитывал план "Барбаросса", и, признаюсь честно, меня каждый раз поражало, восхищало - если на минуту отвлечься от агрессивной бессовестности и коварства этого плана - высокое военно-штабное мастерство его составителей. Может быть, это мое специфическое отношение офицера-генштабиста, но я знаю, как весома и значительна каждая строка в директивном документе, какой скрупулезной работой это достигается, какой огромный багаж знаний и опыта надо иметь, чтобы в несколько слов или фраз вложить большой смысл, да так, чтобы все, кто будет читать и исполнять, замысел правильно поняли, - иначе взаимодействие исполнителей пойдет вразброд, а их, этих исполнителей, сотни, непонимание же и разброд могут стоить десятков, а то и сотен тысяч человеческих жизней.

...Итак, Гитлер дал подробные указания, и они легли в основу будущего плана. Под руководством Гальдера разрабатывались два его варианта, каждый самостоятельно. Над одним из них работали в ОКБ Йодль и его заместитель генерал Варлимонт. Этот вариант шел под кодом "Этюд Лоссберга". Он был завершен к 15 сентября и отличался от другого варианта - генерала Маркса тем, что в нем главный удар определялся на северном участке фронта.

Гитлер при принятии окончательного решения согласился с соображениями Йодля.

Кстати, еще на стадии выработки плана "Барбаросса" Гитлер показал себя в некотором отношении более дальновидным, чем его генералитет, который впоследствии обвинял его в необоснованных решениях, а себя выставлял трезвым, разумным и осторожным. Когда речь зашла о постановке целей, то Браухич заявил, что ближайшей целью для группы армий "Север" должны быть Псков и Ленинград, для группы армий "Центр" - Смоленск и Москва, а для группы армий "Юг" - Киев. Иными словами, он вполне авантюристически предлагал, чтобы все три группы армий, идя безостановочно от самой границы, одним махом достигли указанных городов и взяли их. Гитлер же дал указание разделить операцию на два этапа: сначала уничтожить противника в Прибалтике и создать себе тем самым надежную базу для последующей фланговой атаки на Москву. Эти, совершенно разумные с военной точки зрения, указания и были учтены в окончательном плане.

К тому времени, когда были разработаны эти варианты, заместителем начальника генерального штаба был назначен генерал Паулюс, и ему была поставлена задача свести все планы воедино и учесть те замечания, которые высказывал фюрер на различных совещаниях.

Судьба жестоко подшутила над генералом Паулюсом. Именно он, тот, кто составил окончательный план нападения на нашу страну, стал первым пленным немецким фельдмаршалом. Это его 6-я армия была окружена под Сталинградом и уничтожена, а сам он попал в плен.

Кстати, находясь уже в плену, фельдмаршал Паулюс написал некоторые воспоминания и заметки по отдельным вопросам, в том числе и заметки о том, как составлялся план "Барбаросса". Я думаю, читателям будет интересно это свидетельство одного из соавторов агрессивного плана, несомненно, больше других посвященного в намерения Гитлера.

Очень любопытное совпадение! Бывают же такие невероятные параллели в истории! В конце декабря 1940 года и начале января 1941 года в Москве проходило совещание руководителей партии с военачальниками и проводились оперативные игры, а чуть раньше в Берлине - аналогичные игра и совещание военного и нацистского руководства, где обсуждался и отрабатывался план "Барбаросса". Эта игра проводилась под руководством генерала Паулюса.

У нас есть возможность узнать о том, как проводилась игра на немецкой стороне. Об этом поведал сам фельдмаршал Паулюс в своих воспоминаниях:

"Подготовительная игра для операции "Барбаросса" проводилась под моим руководством в середине декабря 1940 года в течение двух дней в ставке командования сухопутных войск в Цоссене...

Теперь, когда подлинный ход операции, именуемой походом на Восток, уже принадлежит истории, для интересующегося военными вопросами будет очень полезно ознакомиться с тогдашними мыслями и тогдашними оценками возможностей: ниже я изложу основные точки зрения штабной игры- разумеется, не во всех подробностях, которые подверглись обсуждению.

...Главной целью была Москва. Для достижения этой цели и исключения угрозы с севера должны были быть уничтожены русские войска в Прибалтийских республиках. Затем предполагалось взять Ленинград и Кронштадт, а русский Балтийский флот лишить его базы. На юге первой целью была Украина с Донбассом, а в дальнейшем - Кавказ с его нефтяными источниками. Особое значение в планах ОКБ придавалось взятию

Москвы. Однако взятию Москвы должно было предшествовать взятие Ленинграда. Взятием Ленинграда преследовалось несколько военных целей: ликвидация основных баз русского Балтийского флота, вывод из строя военной промышленности этого города и ликвидация Ленинграда как пункта сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступающих на Москву.

Когда я говорю, что было принято решение, то этим я не хочу сказать, что во мнениях ответственных командиров и штабных офицеров было полное единство. Раздавалось много тревожных голосов как по поводу допустимости всей операции, так и по поводу трудностей, связанных с выполнением поставленной цели. С другой стороны, хотя об этом говорилось мало, высказывалось мнение, что вполне следует ожидать быстрого краха советского сопротивления как следствия внутриполитических трудностей, организационных и материальных; слабостей так называемого колосса на глиняных ногах..."

Прерву цитирование воспоминаний Паулюса и перескажу дальнейший ход событий. Начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер при обсуждении этой игры сказал:

- Вся территория, на которой будут происходить операции, делится припятскими болотами на северную и южную половины. В последней - плохая сеть дорог. Наилучшие шоссейные и железные дороги находятся на линии Варшава - Москва. Поэтому в северной части представляются более благоприятные условия для использования большого количества войск, нежели южнее. Кроме того, в группировке русских намечается значительное массированное скопление войск в направлении русско-германской демаркационной линии. Следует полагать, что сразу же за бывшей русско-польской границей располагается база снабжения русских, прикрытая полевыми укреплениями. Днепр и Западная Двина представляют собой самый восточный рубеж, на котором русские вынуждены будут дать сражение. Если же они будут отходить дальше, то не смогут больше защитить свои промышленные районы. Вследствие этого, наш замысел должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек. Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву. Из предусматриваемых трех групп армий северную необходимо будет направить на Ленинград, а силами южной нанести главный удар в направлении Киева. Конечной целью операции является Волга и район Архангельска. Всего должно быть использовано 105 пехотных, 32 танковые и моторизованные дивизии, из числа

которых крупные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне.

На игре присутствовал Гитлер, он согласился с изложенными оперативными замыслами и заметил по этому поводу следующее:

- Важнейшая цель - не допустить, чтобы русские отходили, сохраняя целостность фронта. Наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных районов. Для этого необходимо добиться разгрома русских вооруженных сил и воспрепятствовать их воссозданию. Уже первые удары должны быть нанесены такими частями, чтобы можно было уничтожить крупные силы противника. Поэтому подвижные войска следует использовать на смежных флангах обеих северных групп армий, где будет наноситься главный удар. На севере необходимо добиться окружения вражеских сил, находящихся в прибалтийских странах. Для этого группа армий, которая будет наступать на Москву, должна иметь достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север. Группа армий, наступающая южнее припятских болот, должна выступить позже и добиться окружения крупных вражеских сил на Украине путем совершения охватывающего маневра с севера... Предусмотренная для проведения всей операции численность войск в 130-140 дивизий достаточна.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал полностью отработанный план "Барбаросса".

Сталин приоткрывает занавес

В путанице и хитросплетениях разведывательных данных Сталин последовательно проводил свой главный стратегический замысел: максимально оттянуть начало войны и подготовить армию к отражению удара Германии. В мае 1941 года Сталин понял: начало войны неотвратимо. Все его старания "не поддаваться на провокации" исчерпаны, надо переходить от стратегии отсрочки начала войны к новой стратегии, соответствующей создавшейся ситуации.

5 мая 1941 года Сталин впервые открыл свои предыдущие и настоящие замыслы. Произошло это на встрече с выпускниками военных академий в Кремле.

В этот день Сталин никого не принимал, тщательно готовился к предстоящему выступлению. Поговорил только с Ждановым, который приехал из Ленинграда согласно новому назначению на должность секретаря ЦК КПСС.

Почему именно в начале мая Сталин открыто заявил о

перемене стратегии? Потому что в марте - апреле произошли события, которые показали: "союзник" Гитлер окончательно перестал считаться с договоренностью со Сталиным и перешел к открытым наступательным действиям на востоке.

Произошло следующее. 25 марта 1941 года Югославия (не без помощи "пятой колонны" Гитлера) присоединилась к "оси" Германия - Италия - Япония. На это событие немедленно отреагировали англичане (и тоже не без помощи своей "пятой колонны"), в ночь с 26 на 27 марта совершили государственный переворот в Югославии и привели к власти угодное пробританское правительство Д. Симоновича.

Сталин тоже принял меры для того, чтобы воспрепятствовать продвижению Германии на юг; 6 апреля 1941 года был подписан Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией.

Буквально через несколько часов Гитлер отреагировал на этот поступок "союзника" Сталина открытым нападением - его войска двинулись в Югославию и Грецию и оккупировали эти страны.

Гитлер не мог поступить иначе: появление в тылу враждебной Югославии не только лишало его сырья, но самое страшное - Югославия, по сути, заменяла разгромленную Францию и становилась потенциально вторым фронтом на западе в случае нападения Германии на Советский Союз.

Для Германии война на два фронта - гибель, это не раз показала история. Поэтому Гитлер без малейших колебаний, не давая возможности новому режиму закрепиться, без дипломатических ухищрений и политических маневров, немедленно силой оружия ликвидировал затею англичан с новым правительством. В разговорах с приближенными Гитлер с раздражением говорил, что "советско-югославский пакт - ярко выраженный фронт Германии", это отход от договора о дружбе, и вообще у него есть сведения, что Советский Союз предпринимает крупные военные приготовления на всем фронте, от Балтийского до Черного моря.

Союзнические отношения по существу распались, руки Сталина и Гитлера после дружеских объятий схватились за оружие. Сталин разрешил провести в стране скрытую частичную мобилизацию и передислоцировать к западной границе еще пять армий. 4 мая секретным постановлением Политбюро Сталин был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. Сталин оставался первым секретарем ЦК, но поскольку деятельность его в перспективе переключалась на военные проблемы, то для помощи в делах партийных и по работе в Секретариате ЦК был призван из Ленинграда Жданов. Очевидно, при встрече с ним 5 мая Сталин изложил ближайшему теперь

соратнику свои стратегические замыслы.

После беседы с Ждановым Сталин до 18.00 готовился к ответственному выступлению. К этому часу в Большом Кремлевском дворце были собраны выпускники, профессора, преподаватели шестнадцати академий и девяти факультетов гражданских вузов, здесь же было и высшее руководство РККА и аппарата ЦК.

Сталин пришел в сопровождении членов и кандидатов в члены Политбюро.

Собрание открыл нарком обороны маршал Тимошенко. Первое слово было предоставлено начальнику Управления учебных заведений РККА генерал-лейтенанту И. К. Смирнову. После него с напутствием выпускникам обратился "всесоюзный староста" М. И. Калинин. Третьим вышел на трибуну Сталин.

Его речь, в связи с исключительной секретностью, не транслировалась по радио и не стенографировалась. Содержание этого выступления на долгие годы как документ не отложилось в архивах. Позднее речь Сталина восстанавливали по конспектам и воспоминаниям участников совещания.

Поздравив выпускников с завершением учебы, Сталин перешел к делу:

"- Товарищи, вы покинули армию три-четыре года тому назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная Армия уже не та, что была несколько лет тому назад...

Мы перестроили нашу армию, вооружили ее современной военной техникой. Но надо прежде всего сказать, что многие товарищи преувеличивают значение событий у озера Хасан и Халхин-Гол с точки зрения военного опыта. Здесь мы имели дело не с современной армией, а с армией устаревшей. Не сказать вам всего этого, значит, обмануть вас. Конечно, Хасан и Халхин-Гол сыграли свою положительную роль. Их положительная роль заключается в том, что в первом и во втором случае мы японцев побили. Но настоящий опыт в перестройке нашей армии мы извлекли из русско-финской войны и из современной войны на Западе.

Я говорил, что имеем современную армию, вооруженную новейшей техникой. Что представляет из себя наша армия теперь?

Раньше существовало 120 дивизий в Красной Армии. Теперь у нас в составе армии 300 дивизий. Сами дивизии стали несколько меньше, но более подвижными. Раньше насчитывалось 18-20 тысяч человек в дивизии. Теперь стало 15 тысяч человек.

Из общего числа дивизий третья часть - механизированные дивизии. Об этом не говорят, но это вы должны знать. Из 100

дивизий - две трети танковые, а одна треть механизированные. Армия в текущем году будет иметь 50 тысяч тракторов и грузовиков.

Наши танки изменили свой облик. Раньше все танки были тонкостенные. Теперь этого недостаточно. Теперь требуется броня в 3-4 раза толще. Есть у нас танки первой линии, которые будут рвать фронт. Есть танки второй-третьей линии - это танки сопровождения пехоты. Увеличилась огневая мощь танков..."

Дальше Сталин дал характеристику современной артиллерии, авиации, механизированных частей.

В этой первой части речи Сталина теперь обнаруживается некоторое несоответствие того, о чем он говорил, с тем, в каком состоянии была армия в действительности. Например, не было еще 300 дивизий и тем более "одной трети" из них механизированных дивизий, и "из 100 дивизий - две трети танковых".

Заявляя о такой боеготовной мощи, Сталин, видимо, рассчитывал на утечку информации и явно хотел припугнуть Гитлера и опять-таки отсрочить его нападение.

Но в этом подсчете просматривается и то, к чему Сталин стремился в своих расчетах за последнее время. В 1939 году он говорил, что необходимо два года для того, чтобы перевооружить и подготовить армию. И вот прошли эти два года, и если не полностью, то в основном Сталин добился своего армия действительно уже не та. Надо, очень надо еще немного времени чтобы довести Вооруженные Силы до необходимой современной концепции, и Сталин даже в этом выступлении, пугая Гитлера, стремился втайне именно к такой цели.

Дальше в своей речи Сталин говорил о том, что для управления новой техникой, новой армией "нужны командные кадры, которые в совершенстве знают современное военное искусство".

"- Я бы не говорил об этом, но наши военные школы и академии отстают от современной армии. Наши военно-учебные заведения отстают от роста Красной Армии.

Здесь выступал докладчик товарищ Смирнов и говорил о выпускниках, об обучении их на новом военном опыте. Я с ним не согласен. Наши военные школы еще отстают от армии. Обучаются они еще на старой технике. Вот мне говорили-в артиллерийской академии обучают на трехдюймовой пушке. Так, товарищи артиллеристы? (Обращается к артиллеристам).

У меня есть знакомый (Сталин имел в виду своего сына Якова. - В. К.), который учился в Артиллерийской академии. Я просматривал его конспекты и обнаружил, что тратится большое

количество времени на изучение пушки, снятой с вооружения в 1916 году. Он считает, что такая практика недопустима".

В этом месте задетый за "живое" начальник академии генерал-лейтенант Сивков бросил реплику:

- Изучают и современную артиллерию.

- Прошу меня не перебивать, - строго отрезал Сталин. - Я знаю, о чем говорю! Я сам читал конспекты вашей академии.

Дальше Сталин критиковал обучение летчиков на самолетах устаревшей конструкции. И в этом случае он опирался на информацию, полученную от младшего сына Василия, который учился в летной школе.

Во второй половине своего выступления Сталин перешел к политическим и международным вопросам. Поскольку этот раздел объясняет многие прежние и будущие поступки Сталина и показывает особенно четко его стратегические принципы, считаю необходимым привести более подробную цитату из его речи:

"- Вы придете в части из столицы. Вам красноармейцы и командиры зададут вопросы - что происходит сейчас? Вы учились в академиях, вы были там ближе к начальству - расскажите, что творится вокруг. Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима? Надо командиру не только командовать, приказывать, этого мало. Надо уметь беседовать с бойцами. Разъяснять им происходящие события, говорить с ними по душам. Наши великие полководцы всегда были тесно связаны с солдатами. Надо действовать по-суворовски.

Вас спросят, где причины, почему Европа перевернулась, почему Франция потерпела поражение, почему Германия побеждает? Почему у Германии оказалась лучше армия? Это факт, что у Германии оказалась лучше армия и по технике, и по организации. Чем это объяснить?

Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся. Эта мысль Ленина относится и к нациям. Разбитые нации хорошо учатся. Немецкая армия, будучи разбитой в 1918 году, хорошо училась.

Германцы критически пересмотрели причины своего разгрома и нашли пути, чтобы лучше организовать свою армию, подготовить ее и вооружить. Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новейшей техникой. Обучалась новым приемам ведения войны.

Вообще имеется две стороны в этом вопросе. Мало иметь хорошую технику, организацию, надо иметь больше союзников. Именно потому, что разбитые армии хорошо учатся, Германия учла опыт прошлого.

В 1870 году немцы разбили французов. Почему? Потому что они дрались на одном фронте.

Немцы потерпели поражение в 1916-17 годах. Почему? Потому, что они дрались на два фронта.

Почему французы ничего не учли из прошлой войны 1914-18 годов? Ленин учит: партии и государства гибнут, если закрывают глаза на недочеты, увлекаются своими успехами, почивают на лаврах, страдают головокружением от успехов.

У французов закружилась голова от побед, от самодовольства. Французы прозевали и потеряли своих союзников. Немцы отняли у них союзников. Франция почила на успехах. Военная мысль французской армии не двигалась вперед. Она осталась на уровне 1918 года. Об армии не было заботы, и ей не было моральной поддержки. Появилась новая мораль, разлагающая армию. К военным относились пренебрежительно. На командиров стали смотреть как на неудачников, как на последних людей, которые, не имея фабрик, заводов, банков, магазинов, вынуждены были идти в армию. За военных даже девушки замуж не выходили. Только при таком пренебрежительном отношении к армии могло случиться, что военный аппарат оказался в руках Гамеленов и Арансайдов, которые мало что понимали в военном деле. Такое же было отношение к военным и в Англии

Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства - в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. Когда в стране появляется такая мораль, не будет крепкой и боеспособной армии. Так случилось и с Францией. Чтобы готовиться хорошо к войне, не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически.

Что значит политически подготовить войну? Политически подготовить войну - это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников из нейтральных стран. Германия, начиная войну, с этой задачей справилась, а Англия и Франция не справилась с этой задачей.

Вот в чем политические и военные причины поражения Франции и побед Германии".

После исторического экскурса Сталин перешел к анализу и характеристике непосредственного противника, явно желая вселить в военных уверенность в своих силах и развенчать "непобедимость" немецкой армии, уже стоящей у порога.

"-Действительно ли германская армия непобедима? Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые. Германия начала войну и шла в первый период

под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические.

Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной войны. Это лозунги опасные.

Наполеон I, пока он вел войну под лозунгами освобождения от крепостничества, встречал поддержку, имел союзников, имел успех. Когда Наполеон I перешел к завоевательным войнам, у него нашлось много врагов, и он потерпел поражение.

Поскольку германская армия ведет войну под лозунгом покорения других стран, подчинения других народов Германии, такая перемена лозунга не приведет к победе. С точки зрения военной, в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации.

Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны. Кроме того, в германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль Германии не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка.

Как такое могло случиться, что Германия одерживает победы?

Это удавалось Германии потому, что ее разбитая армия училась, перестроилась, пересмотрела старые ценности.

Случилось это потому, что Англия и Франция, имея успех в прошлой войне, не искали новых путей, не учились. Французская армия была господствующей армией на континенте.

Вот почему до известного момента Германия шла в гору.

Но Германия уже воюет под флагом покорения других народов. Поскольку старый лозунг против Версаля объединял недовольных Версалем, новый лозунг Германии - разъединяет.

В смысле дальнейшего военного роста германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Немцы считают, что их армия - самая идеальная, самая хорошая, самая непобедимая. Это верно.

Армию необходимо изо дня в день совершенствовать. Любой политик, любой деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой.

Еще раз поздравляю вас и желаю успеха".

Речь Сталина длилась сорок минут. Вся торжественная часть заняла один час. К 19.00 были накрыты столы в Георгиевском,

Владимирском, Малом и Новом залах, а также в Грановитой палате. На приеме присутствовало две тысячи человек. Было произнесено много тостов, в том числе и за здоровье Сталина. Сам он предлагал тосты за руководящие кадры и преподавателей академии; за "артиллерию - бога современной войны"; за танкистов - "ездящая, защищенная броней артиллерия". Но кульминацией, квинтэссенцией всего выступления Сталина в этот день было третье его высказывание. Случилось вот что.

Начальник Артиллерийской академии генерал Сивков, переживая за свою неудачную реплику во время выступления Сталина, решил подправить положение и предложил выпить "за мир, за сталинскую политику мира, за творца этой политики, за нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина!"

Сталин очень разгневался - не на елейность тоста, а из-за того, что эти слова снижали смысл всей предыдущей речи перед выпускниками. Сталин сердито сказал:

"- Этот генерал ничего не понял. Он ничего не понял! Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры, до времени проводили линию на оборону - до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы.

А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, - теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия - армия наступательная".

Этим заканчивается текст выступления Сталина перед выпускниками академий. Но текст этот (в сборнике документов: Россия XX век 1941 год, изданном в 1998 году) составлен, как я уже говорил, по воспоминаниям и конспектам участников встречи. Текст получился не только адаптированный, но и "приглаженный", чтобы не давать повода для возможных оппонентов. А правка проведена существенная. Я убедился в этом, побеседовав с некоторыми участниками того выпускного торжества. Один из них - бывший командующий Туркестанским военным округом генерал армии Лященко. Мы с ним однокашники по Ташкентскому военному училищу имени Ленина, правда, Николай Григорьевич закончил это училище на

десять лет раньше меня ("Еще басмачей гонял!"). В шестидесятых годах я командовал полком в том округе, ну, а когда оба мы ушли в отставку, поселились в Москве, то подружились очень крепко, несмотря на разницу в званиях.

В июле 1998 года я позвонил Николаю Григорьевичу и поехал к нему, чтобы уточнить содержание речи Сталина и прояснить некоторые ее детали. Опускаю все наши другие разговоры и перехожу сразу к делу.

- Николай Григорьевич, вы были в числе выпускников 1941 года и слушали речь Сталина. Говорят, в своем третьем тосте, когда Сталин поправлял Сивкова, Иосиф Виссарионович сказал слова, которых нет в официально опубликованном тексте, а именно: "Главная угроза сегодня идет от Германии. Спасти Родину мы можем лишь победой в войне против Германии. Поэтому я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне. Да здравствует активная наступательная политика Советского государства!"

Лященко, и в своем преклонном возрасте весьма темпераментный, воскликнул:

"- Я не только подтверждаю такие слова Сталина, но расскажу тебе, как едва не пострадал из-за них. Получил я назначение на должность заместителя командира полка. Вскоре после прибытия на новое место службы начальник политотдела дивизии поручил мне провести беседу и рассказать комсоставу о выступлении Сталина. Ну, я выступил и по памяти все пересказал. Вижу: начальство меня слушает и ежится: вроде бы я не то говорю. Начальник политотдела даже спросил:

- Точно ли вы помните слова товарища Сталина?

- Точно, говорю, такие слова не забываются. Вечером вызывают меня в особый отдел:

- На каком основании распространяете слухи о возможной войне с Германией?

- На основании речи товарища Сталина.

- Если он даже так говорил, это военная тайна, сказанная вам доверительно. Вы что, газет не читаете? У нас дружба с Германией.

- Я точно помню - товарищ Сталин сказал именно так: воевать с Германией будем очень скоро. Готовьтесь. Воевать будем наступательно.

Проверяли особисты запросом в Москву, оттуда подтвердили. Меня оставили в покое. Но особист косился и не раз мне напоминал: "Не болтай". А когда 22 июня грохнуло, все сразу поняли, о чем предупреждал Сталин".

Слова Сталина о "наступательной" тактике позднее, и

особенно в последние годы, истолковали как намерение Советского Союза напасть на Германию первым, и якобы Гитлер, узнав об этом, вынужден был перейти в наступление.

Ложность и дилетантская безграмотность подобных утверждений опровергается всеми выступлениями Гитлера с начала его политической карьеры и в главном теоретическом труде "Моя борьба", в которых расширение владений Германии и обеспечение счастья немецкого народа виделось в завоевании "восточных территорий", то есть России. И "Дранг нах остен" - была извечная мечта всех немецких завоевателей прошлого и настоящего.

Наступательность сталинской стратегии заключалась в переходе от уступок агрессору, ради оттягивания его нападения, к активной, суверенной политике, в которой нужно не только улыбаться и идти на попятный, но и показать кулак.

Об этом свидетельствует изменение всей агитационно-пропагандистской работы, а также всех средств массовой информации, которые стали действовать на основании указаний, полученных в ЦК РКП (б) на совещаниях 8-9 мая и 14-15 мая 1941 года.

Содержание самой речи Сталина перед выпускниками академий 5 мая нигде не публиковалось, но новая сталинская стратегия перехода от пассивной политики к активной "наступательной" - именно политике, а не военным действиям, была провозглашена, и началось ее осуществление всей мощью пропаганды и агитации. Однако велась вся эта работа по секретному дополнительному указанию так, чтобы не афишировать охлаждения в отношении с немцами, вести эту работу "деликатно", "не дразнить гусей". Что же касалось внутренней жизни партии, и особенно армии, то и здесь стали руководствоваться тезисами: "Всей партийно-воспитательной работе необходимо придать боевой, наступательный характер".

Следует прямо сказать, новый стратегический замысел Сталина - придать наступательный смысл политике, и особенно духу армии, - несколько запоздал: до нападения Германии оставался один месяц, а за такой срок повернуть всю государственную машину, тем более идеологический настрой народа и армии, ранее направленных на мир, на дружбу с Германией, - за такой короткий срок не удалось. Несмотря на указания ЦК и активную деятельность политорганов, все еще по инерции существовали пацифистские настроения - "нас не трогай мы не тронем", пропагандисты на местах ратовали за мир. И даже Жданов, руководивший всей идеологической работой, ощущал трудности перехода к новой стратегии и по поводу

медлительности и неразворотливости сказал: "Улита едет!.." И прилагал все силы, чтобы гнать эту "улиту" в хвост и в гриву. Готовилась директива Главкура "О задачах политической пропаганды на ближайшее время". Главная идея в ней была - готовить личный состав Красной Армии к "всесокрушающей наступательной войне". Но проект директивы так и не успели доработать - Германия опередила своим нападением.

Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов пишет:

"Государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, была вынуждена остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов".

Часто цитируемое в последние годы, как доказательство агрессивных намерений Сталина, предложение Жукова от 15 мая 1941 года о превентивном ударе по немецкой армии, сосредоточенной у наших границ, конечно же, никакие не фундаментальные агрессивные замыслы - это самая настоящая спонтанная реакция Генштаба на новую "наступательную стратегию" Сталина, высказанную 5 мая.

Военные, как самые оперативные, "взяли под козырек", и через десять дней (а может быть, Сталин делился с ними своим замыслом и раньше) представили "наступательный вариант действий". И если бы Сталин действительно вынашивал агрессивные планы, он должен бы согласиться с предложением Генштаба. Но в том-то и дело, что "наступательная" идея была не в смысле нападения первым, а как развитие прежней доктрины - "бить врага на его же территории, ответным ударом". Наступление мыслилось главным образом в пропаганде, в дипломатии, в политике как намерение припугнуть, заставить задуматься уже (как было известно) изготовившегося к нападению Гитлера.

Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года очень наглядно подтверждает это предположение, оно - последняя попытка отвести удар, даже путем закрытия глаз на неотвратимую опасность.

Геббельс, человек искушенный в пропагандистских делах, записал в дневнике такую фразу: "Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом".

Эти слова свидетельствуют о плохой информированности германского руководства насчет лихорадочной энергичной наступательной деятельности Сталина в подготовке страны и армии к отражению нападения Германии. Но эти же слова разоблачают геббельсовскую пропаганду, а позднее и тех, кто, опираясь на ее материалы, кричал, что Сталин, Советский Союз

первым готовился начать войну против Германии: удав, действительно, готовился и бросился первым, только "кролик" оказался не кроликом, а могучим медведем.

Заявление ТАСС от 14 мая 1941 года было не ошибкой, не "близорукостью" Сталина, а наоборот, его дальновидностью - это заявление говорило всему миру о миролюбивой политике, о желании предотвратить войну, и когда Гитлер кинул свои армии на Советский Союз, всему миру стало ясно, кто настоящий агрессор. Это заявление ТАСС ускорило создание антигитлеровской коалиции. Это заявление опрокинуло, нейтрализовало попытку германской пропаганды (да и аналитиков девяностых годов) обвинить СССР, будто он первым намеревался начать войну.

Великое противостояние

"Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами".

И.Сталин, В.Молотов

22 июня 1941 г.

"Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь, друзья мои!"

И.Сталин

3 июля 1941 г.

"Ставка - это мозговой центр войны. Слово, Произнесенное в Ставке, приводило в движение огромные армии... По мере надобности в Ставку вызывались командующие фронтов. Последнее слово в Ставке было за Верховным Главнокомандующим.

Приказы и распоряжения Верховного Главнокомандующего разрабатывались и принимались обычно в рабочем кабинете Сталина..."

Жуков

Так все начиналось

Вечером 21 июня Тимошенко и Жуков пришли к Сталину и доложили:

- К пограничникам явился немецкий фельдфебель, перебежал с той стороны, утверждает, что он наш друг и доброжелатель, поэтому сообщает: немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Сталин спросил:

- А не подбросили немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?

Всеми силами Сталин стремился оттянуть войну, он много месяцев не разрешал предпринимать каких-либо мер у западной границы, которые могли вызвать раздражение немцев, дать им предлог для начала военных действий.

Осторожность Сталина в те дни, и вообще все поступки Сталина, считались единственно правильными, все верили в его абсолютную непогрешимость. Не только возражать ему, а просто не поддерживать, не разделять того, во что верил или хотел верить Сталин, было недопустимо. Но на этот раз обстановка была настолько напряженной, что Тимошенко решился быть более настойчивым и твердо ответил:

- Нет, считаем, перебежчик говорит правду. Сталин, приказал Поскребышеву пригласить членов Политбюро. Они один за другим входили в кабинет, и каждый молча садился на свой, негласно закрепленный за ним стул. Сталин коротко пересказал членам Политбюро сообщение наркома обороны и тут же спросил:

- Что будем делать?

Все молчали. Ответил Тимошенко:

- Надо немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность.

- Читайте, - велел Сталин, уверенный, что текст директивы уже подготовлен.

Тимошенко взглянул на Жукова, тот раскрыл папку и прочитал проект. Заслушав его, Сталин возразил:

- Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем...

Сталину все еще казалось - если он не поверит в очередное сообщение разведки, то нападение не состоится, тем более что раньше сообщения о предстоящем нападении уже не раз не подтверждались.

- Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Жуков и Ватутин вышли в приемную, быстро переработали проект директивы в соответствии с указанием Сталина и вернулись в кабинет.

Жуков прочитал новый текст. Сталин взял бумагу, перечитал ее, сделал несколько поправок и передал наркому:

- Подписывайте.

Вот что было в этой первой директиве:

"Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Копия: Народному комиссару Военно-морского Флота.

1. В течение 22-23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск - не поддаваться ни на какие

провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев и их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. 21.6.41 г.

Тимошенко. Жуков".

После того как Сталин одобрил этот текст и Тимошенко с Жуковым его подписали, Ватутин выехал в Генеральный штаб, чтобы срочно передать директиву в округа. Члены Политбюро вернулись на свои квартиры. Сталин - на дачу.

Сидел в своем кабинете только нарком обороны. С ним был начальник Генштаба, они проверяли, дошла ли директива в округа, быстро ли ее там расшифровывают, приступили ли к выполнению этой директивы войска, какова обстановка на границе.

В 3 часа 07 минут начался настоящий обвал звонков телефона ВЧ. Командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский сообщил:

- Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов.

Тут же зазвонил другой телефон, докладывал начальник штаба Западного округа генерал Климовских:

- Немецкая авиация бомбит города Белоруссии. Следующим был начальник штаба Киевского округа генерал Пуркаев:

- Авиация противника бомбит города Украины.

В 3 часа 40 минут доложил командующий Прибалтийским округом генерал Кузнецов:

Вражеская авиация бомбит Каунас и другие города Прибалтики...

Когда речь заходит о том, как Сталин узнал о нападении Германии, обычно приводится эпизод из воспоминаний маршала

Жукова; другого варианта я ни в литературе, ни в документах не встречал, поэтому вынужден повторить то, что уже широко известно.

Тимошенко, заслушав этот телефонный смерч, некоторое время был хмур и молчалив, а затем решительно сказал:

- Звони Сталину.

Жуков набрал номер телефона дачи Сталина. Долго никто не поднимал трубку, Жуков настойчиво набирал номер несколько раз, наконец послышался голос генерала Власика, начальника охраны Сталина.

- Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным, - сказал Жуков. Власик долго молчал, пораженный просьбой Жукова, за долгую свою службу генерал не знал ни одного случая, чтобы кто-либо осмеливался беспокоить Сталина так рано.

Негромко, словно стараясь не разбудить Сталина, генерал ответил:

- Товарищ Сталин спит.

- Будите немедля: немцы бомбят наши города! - сказал Жуков.

Через несколько минут к аппарату подошел Сталин и глухо сказал:

- Слушаю...

- Товарищ Сталин, немецкая авиация бомбит наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Просим разрешения начать ответные боевые действия.

Сталин долго молчал, Жуков слышал только его дыхание в трубке телефона. Молчание Сталина было так продолжительно, что Жуков усомнился, слышал ли его Сталин, и спросил:

- Вы меня поняли?

Но в трубке продолжалось молчание. Наконец Сталин спросил:

- Где нарком?

- Нарком говорит по ВЧ с Киевским округом.

- Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы вызвал туда же всех членов Политбюро.

В 4 часа 30 минут 22 июня все члены Политбюро собрались в кабинете Сталина. Жуков и нарком обороны ожидали в приемной. Вскоре их пригласили в кабинет. Когда Жуков и нарком вошли в кабинет, Сталин, обращаясь к Молотову, произнес:

- Надо срочно позвонить в германское посольство. Молотов здесь же, в кабинете, подошел к телефону и позвонил. Разговор его был недолгим, вскоре он сообщил всем присутствующим:

- Посол граф фон Шуленбург просит принять его для

срочного сообщения.

- Иди принимай и потом возвращайся немедленно сюда, - сказал Сталин.

* * *

Молотов как нарком иностранных дел принимал германского посла фон Шуленбурга в своем кабинете в Кремле. Несколько часов назад, в 21 час 30 минут вечера, они встречались здесь же. Причем тогда Шуленбург прибыл сюда по приглашению Молотова. Он был явно удивлен или делал вид, что удивлен тем, что его вызвали в субботу, поздно вечером. Это выпадало из существовавших норм дипломатического общения. Молотов сказал тогда немецкому послу, что Советское правительство обратилось к германскому с вербальной нотой, которую передало через своего полпреда в Берлине, однако Риббентроп не принял советского полпреда, и разговор проводился только на уровне статс-секретаря. Учитывая это, Молотов просит Шуленбурга связаться со своим правительством и передать ему содержание этой вербальной ноты. В ней говорится о все учащающихся нарушениях немецкими самолетами советского воздушного пространства; только с 19 апреля по 19 июня 1941 года было зафиксировано 180 перелетов через нашу границу, причем самолеты углублялись на советскую территорию на 100-150 и более километров. Никаких мер в ответ на наши неоднократные заявления германское правительство не принимает и даже не считает нужным ответить на вербальную ноту.

После этого Молотов, как бы уже переходя на неофициальный разговор, спросил графа фон Шуленбурга:

- Какие, собственно, есть претензии у Германии к Советскому Союзу? За последнее время становятся все более устойчивыми слухи о якобы возможной войне между Германией и СССР. Советское правительство, со своей стороны, пытается реагировать на эти слухи. Вот, например, в сообщении ТАСС от 14 июня эти слухи объявляются ложными, германское же правительство по этому поводу не дало ни одного опровержения. Чем это все объясняется?

Фон Шуленбург пожимал плечами, выглядел виноватым, но ничего конкретного не отвечал.

И вот прошло всего несколько часов после той встречи, но теперь перед Молотовым был совсем другой человек, он явно волновался, его руки дрожали. Шуленбург явился в сопровождении советника Хильгера. Он сказал:

- Я с самым глубоким сожалением должен заявить, что еще вчера вечером, будучи на приеме у вас, господа, я ничего не знал. Сегодня ночью была получена телеграмма из Берлина.

Германское правительство поручило мне передать Советскому правительству следующую ноту:

"Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры.

Соответственная нота одновременно будет передана Деканозову в Берлине".

Шуленбург от себя добавил:

- Я не могу выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным действием моего правительства. Я отдавал все свои силы для создания мира и дружбы с СССР.

- Что означает эта нота? - спросил Молотов. Шуленбург ответил:

- Это начало войны.

- Никакой концентрации войск Красной Армии на границе с Германией не производилось, - возразил Молотов, - проходили обычные маневры, которые проводятся каждый год, и если бы было заявлено, что почему-либо маневры, по территории их проведения, нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. От имени Советского правительства должен заявить, что до последней минуты германское правительство не предъявляло нам никаких претензий. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская армия произвела нападение на СССР без всякого повода и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью или провокацией. Тем не менее факт нападения налицо.

- Я ничего не могу добавить к имеющимся у меня инструкциям, - сказал Шуленбург. - Я не имею инструкций по поводу техники эвакуации сотрудников посольства и представителей различных германских фирм и учреждений. Прошу Вас разрешить эвакуировать германских граждан из СССР через Иран. Выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить. Я прошу к проведению эвакуации германских граждан отнестись возможно лояльнее. Сотрудники советского посольства и советских учреждений в Германии тоже встретят со стороны германского правительства самое лояльное отношение по части эвакуации. Прошу сообщить, какое лицо будет выделено для осуществления техники этого дела.

- Поскольку к сотрудникам советского посольства и советских

учреждений в Германии будет проявлено лояльное отношение, на что я надеюсь, то и к германским гражданам будет проявлено такое же отношение. Для осуществления эвакуации обещаю выделить соответствующее лицо.

Подумав, Молотов спросил:

- Для чего Германия заключала пакт о ненападении, если так легко его порвала?

- Я не могу ничего добавить к сказанному мною. Я в течение шести лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не могу поделать...

Фон Шуленбург говорил еще о том, что он всегда был другом Советской России и очень сожалеет, что ему не удалось предотвратить такие роковые решения, но Молотов этих фраз словно бы уже и не слышал. В его сознании пульсировало только одно слово: война, война, война...

Молотов шел по кремлевским коридорам очень быстро, почти бежал. Распахнув дверь в кабинет Сталина, он прямо с порога громко произнес:

- Германское правительство объявило нам войну! Наступила длительная, тягостная пауза. Члены Политбюро молчали. Молчал Сталин. Первым нарушил затянувшееся молчание Жуков. Он сказал:

- Разрешите немедленно обрушиться на вторгнувшегося противника всеми имеющимися в приграничных округах силами и задержать его дальнейшее продвижение.

Видимо, желая облегчить тяжесть момента, маршал Тимошенко решительно добавил:

- Не задержать, а уничтожить!

Сталин поднялся со стула и твердо сказал:

- Давайте директиву.

Как уже говорилось выше, наши военные планы во многом исходили из неоднократно объявленной доктрины: если враг нападет на Советскую страну, то он будет изгнан с нашей земли и разбит на его собственной территории, причем война будет вестись малой кровью, а в тылу врага нам помогут братья по классу. Составной частью доктрины было утверждение Сталина: "Ни одного вершка чужой земли не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому".

В 7 часов 15 минут 22 июня была дана войскам директива наркома обороны No 2. В ней приказывалось:

"I. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100-150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать".

Отдавая подобный приказ войскам, ни Сталин, ни руководство Наркомата обороны не знали, что происходит в пограничных округах. Достаточно обратить внимание на нереальность задач, поставленных в этой директиве. К тому моменту огромное количество советских самолетов уже было уничтожено на своих же аэродромах, так что они не могли разбомбить не только Кенигсберг и Мемель, но и выполнять более ограниченные задачи по поддержке боевых действий наземных войск.

Войска не успели выполнить первую директиву от 21 июня, которая предписывала им занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе. Директива поступила в войска с большим опозданием: перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками, и штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Заброшенные ранее немцами на нашу территорию диверсионные группы разрушали проволочную связь, убивали делегатов связи, нападали на командиров. Радиосредствами значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена.

В результате такого опоздания распоряжений Генерального

штаба и подчиненных ему штабов, войска начали выходить к государственной границе в 4-6 часов утра 22 июня, то есть тогда, когда авиация противника была уже хозяйкой в воздухе и бомбила беспрепятственно движущиеся колонны советских частей.

Директива наркома обороны No 2 оказалась явно нереальной, а потому тоже не была выполнена. По сути дела, Наркомат обороны и сам Сталин не могли компетентно руководить боевыми действиями войск в этот первый день войны.

До 6 часов утра 22 июня в Генеральном штабе, несмотря на все усилия его работников, так и не удалось установить, что же конкретно происходит на государственной границе. В 9 часов 30 минут утра Сталин вновь встретился с Тимошенко и Жуковым, он прочитал представленный ему проект указа о проведении мобилизации, внес исправления и частично сократил размеры мобилизации (все еще не верил, что началась большая война!) Затем вызвал Поскребышева, передал ему текст этого указа и сказал, чтоб утвердили в Президиуме Верховного Совета.

Во время этого посещения Тимошенко положил Сталину на стол проект создания Ставки Главного Командования. Сталин не подписал этот проект сразу и сказал, что обсудит его на Политбюро. Состав Ставки был объявлен на следующий день, 23 июня. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров в нее были введены: народный комиссар обороны С. К. Тимошенко председатель (а по проекту, предложенному накануне, председателем предлагалось сделать сразу И. В. Сталина); начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, маршалы К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов.

В 12 часов дня 22 июня выступил по радио Молотов. В одной из бесед Молотов рассказал мне, как готовилось это выступление:

- В тот страшный, тревожный день в горячке разговоров, распоряжений, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к отпору врагу. Все притихли, смотрели на Сталина. Я сказал, что выступать перед народом и страной, конечно же, нужно Сталину. Члены Политбюро молчали, ждали - что скажет на это Иосиф Виссарионович? Он довольно долго не отвечал, прохаживался, как обычно, по кабинету, а потом ответил на это предложение отрицательно. Он считал, что рано ему выступать в первый день, будут еще другие возможности, а сегодня пусть выступит Молотов. После этих слов Сталин стал ходить по кабинету и, как бы ни к кому не обращаясь, рассуждал о том, что стряслось.

Молотов сказал дальше, что он стал делать пометки на бумаге, намереваясь при подготовке выступления использовать то, что говорил Сталин. А Сталин говорил о том, что все вроде бы делали мы правильно, взвешивали, оценивали и всячески показывали и свое стремление к миру, и доброжелательное отношение к Германии, и договор соблюдали неотступно, во всех деталях. Никакого повода не давали немцам для сомнения в нашей искренности в политике и в дипломатии. Потом он посетовал:

- Не хватило нам времени, просчитались мы именно в подсчете времени, не успели осуществить все необходимое для отражения врага. - После паузы, пройдясь по кабинету, добавил: - Вот мы-то договор соблюдали, а они, немцы, Гитлер, так вероломно с нами обошлись, нарушили договор. Ну что же от них ждать? У них свои понятия о порядочности и честности. Мы их считали честными, вот еще и поэтому просчитались, а они оказались коварными. Ну ничего, Гитлер за это жестоко поплатится! Мы ему докажем, что он просчитался, мы уничтожим его!

Сталин сказал также, что Гесс прилетел в Англию, несомненно, для сговора с Черчиллем, и если он добился каких-то гарантий со стороны англичан, то те не откроют второго фронта на западе, чем развяжут Гитлеру руки для действий на востоке. Но если даже такой сговор и состоялся, все равно найдутся у нас и другие союзники на западе. Англия - это еще не все. И потом, как бы подытоживая свои мысли, Сталин произнес:

- Нелегко нам придется, очень нелегко, но выстоять надо, другого выхода у нас нет.

Свое выступление Молотов подготовил здесь же, в кабинете Сталина, причем в подготовке участвовали и другие члены Политбюро, Сталин тоже вставил несколько фраз. Молотов же формулировал окончательный текст с учетом этих отдельных замечаний и того, что Сталин говорил, прохаживаясь по кабинету.

В этом первом официальном выступлении Советского правительства прозвучали слова, которые стали своеобразным девизом всей Великой Отечественной войны, их продиктовал Молотову Сталин: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!"

Во время нашей беседы Молотов еще вспомнил:

- После моего выступления по радио, когда я вернулся в кабинет Сталина, он сказал: "Вот видишь, как хорошо получилось, правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать, будет еще

время и повод, и мне придется выступать не раз. А эти наши командующие, там, впереди, видно, разорялись... Просто удивительно, что такие крупные военачальники - и вдруг растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определенные обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, все равно они должны были бы сами отражать врага, на то они и армия".

Около полудня 22 июня Сталин позвонил Жукову:

- Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылетать немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Так начался и так завершился для Сталина роковой день - 22 июня 1941 года.

* * *

В первые дни Великой Отечественной воины Сталин не владел ситуацией. Командование Красной Армии плохо знало обстановку и слабо держало в руках управление войсками. В этом отношении первоначально поход гитлеровской армии на Восток был похож на молниеносные удары в Западной Европе, где руководство стран, парализованное внезапным и мощным ударом, оказывалось не в состоянии организовать достойный отпор, хотя располагало силами, порой достаточными для довольно длительного сопротивления, как, например, во Франции.

И вот на советской земле вроде бы повторялся такой же шок руководства страны из-за плохой связи, информации, нарушения управления войсками.

Видимо, чувство растерянности глубоко и надолго запало в душу некоторых членов Политбюро, потому что они, и спустя много лет, в своих воспоминаниях переносили причину этого шока на Сталина.

Считаю необходимым привести документальные факты, не подтверждающие растерянности Сталина. Будем справедливы: где ошибался, там виноват, но чего не было - выдумывать не надо.

Особенно усердствовал в клеветнических воспоминаниях Хрущев, хотя сам он в те дни не был в Кремле рядом со Сталиным. Со слов Берии, Хрущев пустил в обиход сплетню:

"Сталин растерялся и на несколько дней отошел от

руководства, скрылся на даче в Кунцеве". Вот что говорил об этом периоде Хрущев:

- Берия рассказал следующее. Когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Сталин был совершенно подавлен морально. Он сделал примерно такое заявление: "Началась война, она развивается катастрофически. Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали". Он буквально так и выразился, по словам Берии. "Я, - говорит, - отказываюсь от руководства". И ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу.

Опять-таки, ссылаясь на Берию, Хрущев пишет:

"После того как Сталин так себя повел, прошло несколько дней. Мы решили поехать к Сталину и вернуть его к деятельности с тем, чтобы использовать его имя и его способности в организации обороны страны.

Когда мы приехали, то я по лицу видел, что Сталин очень испугался. Наверное, он подумал, не приехали ли мы арестовывать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает по организации отпора немецкому нашествию.

Когда мы стали убеждать, что страна наша огромная, что мы еще имеем возможность организовываться, мобилизовывать промышленность, людей, - одним словом, сделать все, чтобы поднять и поставить на ноги народ в борьбе против Гитлера, только тогда Сталин вроде опять немножко пришел в себя".

Обратите внимание: кто хочет представить Сталина в таком неприглядном виде? Два члена Политбюро: Берия (если он действительно говорил это Хрущеву) и сам Хрущев. Оба считались единомышленниками Сталина, а в тайне ненавидели его. Хрущев открылся в этом на XX съезде партии, Берия - в борьбе за власть (а может быть, и за жизнь) в 1953 году. Вот такие два "соратника" клевещут на Сталина. Но очень достоверные документы разоблачают их ложь.

Один из этих документов теперь широко известен, но ради установления истины, его надо привести здесь. Я имею в виду регистрацию посетителей, которую поминутно вел дежурный в приемной Сталина, именно в те дни, в которые Сталин, по утверждению Хрущева, якобы отсутствовал, будучи в депрессии.

ИЗ ЗАПИСЕЙ, СДЕЛАННЫХ ДЕЖУРНЫМИ СЕКРЕТАРЯМИ О ПОСЕТИТЕЛЯХ И. В. СТАЛИНА

С 21 ПО 28 ИЮНЯ 1941 г.

21 июня 1941 г.

вход

выход

1.

т. Молотов
18.27
23.00
2.
т. Ворошилов
19.05
23.00
3.
т.Берия
19.05
23.00
4.
т. Вознесенский
19.05
20.15
5.
т. Маленков
19.05
22.20
6.
т. Кузнецов
19.05
20.15
7.
т. Тимошенко
19.05
20.15
8.
т.Сафонов
19.05
20.15
9.
т. Тимошенко
20.50
22.20
10.
т. Жуков
20.50
22.20
11.
т. Буденный
20.50
22.20
12.

т. Мехлис
21.55
22.20
13.
т.Берия
22.40
23.00
Последние
вышли
в 23.00
22 июня
1941 г.
вход
выход
1.
т. Молотов
5.45
12.05
2.
т.Берия
5.45
9.20
3.
т.Тимошенко
5.45
8.30
4.
т. Мехлис
5.45
8.30
5.
т. Жуков
5.45
8.30
6.
т. Маленков
7.30
9.20
7.
т. Микоян
7.55
9.30
8.
т. Каганович Л.

М. 8.00
9.35
9.
т. Ворошилов
8.00
10.15
10.
т. Вышинский
7.30
10.40
11.
т. Кузнецов
8.15
8.30
12.
т. Димитров
8.40
10.40
13.
т. Мануильский
8.40
10.40
14.
т. Кузнецов
9.40
10.20
15.
т. Микоян
9.50
10.30
16.
т. Молотов
12.25
16.45
17.
т. Ворошилов
11.40
12.05
18.
т. Берия
11.30
12.00
19.
т. Маленков

11.30
12.00
20.
т. Ворошилов
12.30
16.45
21.
т. Микоян
12.30
14.30
22.
т. Вышинский
13.05
15.25
23.
т. Шапошников
13.15
16.00
24.
т. Тимошенко
14.00
16.00
25.
т. Жуков
14.00
16.00
26.
т. Ватутин
14.00
16.00
27.
т. Кузнецов
15.20
15.45
28.
т. Кулик
15.30
16.00
29.
т.Берия
16.25
16.45
Последние вышли
в 16.45

23 июня
1941 г.
вход
выход
1.
Т.
Молотов
3.20
6.25
2.
Т.
Ворошилов
3.25
6.25
3.
Т.
Берия
3.25
6.25
4.
Т.
Тимошенко
3.30
6.10
5.
Т.
Ватутин
3.30
6.10
6.
Т.
Кузнецов
3.45
5.25
7.
Т.
Каганович
4.30
5.20
8.
Т.
Жигарев
4.35
6.10

23 июня 1941 г.
вход
выход
1. т. Молотов
18.45
1.25
2. т. Жигарев
18.25
20.25
3. т. Тимошенко
18.50
20.45
4. т. Меркулов
19.10
19.25
5. т. Ворошилов
20.00
1.25
6. т. Вознесенский
20.50
1.25
7. т. Мехлис
20.55
22.40
8. т. Каганович
23.15
1.10
9. т. Ватутин
23.55
0.55
10. т. Тимошенко
23.55
0.55
11. т. Кузнецов
23.55
0.50
12. т. Берия
24.00
1.25
13. т. Власик
0.50
0.55
Последние вышли в 1.25
мин.

24.VI 41 г.
24 июня 1941 г
вход
выход
1.
т. Малышев
16.20
17.00
2.
т. Вознесенский
16.20
17.05
3.
т. Кузнецов
16.20
17.05
4.
т. Кизаков (Лен.)
16.20
17.05
5.
т. Зальцман
16.20
17.05
6.
т. Попов
16.20
17.05
7.
т. Кузнецов
(Кр.М.Фл.)
16.45
17.00
8.
т. Берия
16.50
20.25
9.
т. Молотов
17.05
21.30
10.
т. Ворошилов
17.30

21.10
11.
т.Тимошенко
17.30
20.55
12.
т. Ватутин
17.30
20.55
13.
т. Шахурин
20.00
21.15
14.
т. Петров
20.00
21.15
15.
т. Жигарев
20.00
21.15
16.
т. Голиков
20.00
21.20
17.
т. Щербаков
18.45
20.55
18.
т. Каганович
19.00
20.35
19.
т. Супрун
20.15
20.35
20.
т. Жданов
21.05
21.30
Последние
вышли
в 21.30

25 июня 1941 г.
вход
выход
1.
т. Молотов
.00
5.50
2.
т. Щербаков
.05
4.30
3.
т. Пересыпкин
.07
1.40
4.
т. Каганович
.10
2.30
5.
т. Берия
.15
5.25
6.
т. Меркулов
.35
1.40
7.
т.Тимошенко
.40
5.50
8.
т. Кузнецов
1.40
5.50
9.
т. Ватутин
1.40
5.50
10.
т.Микоян
2.10
5.30
11.

т. Мехлис
1.20
5.20
Последние вышли
в 5.50
25 июня 1941 г.
вход
выход
1.
Т.Молотов
19.40
1.15
2.
Т.Ворошилов
19.40
1.15
3.
Т Малышев
20.05
21.10
4.
Т Берия
20.10
21.10
5.
Т Соколов
20.10
20.55
6.
Т Тимошенко
20.20
24.00
7.
Т Ватутин
20.20
21.10
8.
Т Вознесенский
20.25
21.10
9.
Т Кузнецов
20.30
21.40

10.
Т Федоренко
21.15
24.00
11.
Т Каганович
21.45
24.00
12.
Т Кузнецов
21.50
24.00
13.
Т Ватутин
22.10
24.00
14.
Т Щербаков
23.00
23.50
15.
Т Мехлис
20.10
24.00
16.
Т Берия
00.25
1.15
17,
Т Вознесенский
00.25
1.00
18.
Т Вышинский
00.35
1.00
Последние
вышли
в 1.00
26 июня 1941 г.
вход
выход
1.
Т Каганович

12.10
16.45
2.
Т Маленков
12.40
16.10
3.
Т Буденный
12.40
16.10
4.
Т Жигарев
12.40
16.10
5.
Т Ворошилов
12.40
16.30
6.
Т Молотов
12.50
16.50
7.
Т Ватутин
13.00
16.10
8.
т. Петров
13.15
16.10
9.
т. Ковалев
14.00
14.10
10.
т. Федоренко
14.10
15.30
11.
т. Кузнецов
14.50
16.10
12.
т. Жуков

15.00
16.10
13.
т. Берия
15.10
16.20
14.
т. Яковлев
15.15
16.00
15.
т.Тимошенко
13.00
16.10
16.
т. Ворошилов
17.45
18.25
17.
т. Берия
17.45
19.20
18.
т. Микоян
17.50
18.20
19.
т. Вышинский
18.00
18.10
20.
т. Молотов
19.00
23.20
21.
т. Жуков
21.00
22.00
22.
т. Ватутин

21.00
22.00
23.
т. Тимошенко
21.00
22.00
24.
т. Ворошилов
21.00
22.10
25.
т. Берия
21.00
22.30
26.
т. Каганович
21.05
22.45
27.
т. Щербаков
22.00
22.10
28.
т. Кузнецов
22.00
22.20
Последние
вышли
в 23.20
27 июня 1941 г.
вход
выход
1.
т. Вознесенский
16.30
16.40
2.
т. Молотов
17.30
18.00
3.
т. Микоян
17.45
18.00

4.
т. Молотов
19.35
19.45
5.
т. Микоян
19.35
19.45
6.
т. Молотов
21.25
24.00
7.
т. Микоян
21.25
2.35
8.
т. Берия
21.25
23.00
9.
т. Маленков
21.30
00.47
10.
т. Тимошенко
21.30
23.00
11.
т. Жуков
21.30
23.00
12.
т. Ватутин
21.30
23.50
13.
т. Кузнецов
21.30
23.30
14.
т. Жигарев
22.05
0.45

15.
т. Петров
22.05
0.45
16.
22.05
0.45
17.
т. Жаров
22.05
0.45
18.
т. Никитин
22.05
0.45
19.
т. Титов
22.05
0.45
20.
т. Вознесенский
22.15
23.40
21.
т. Шахурин
22.30
23.10
22.
т. Дементьев
22.30
23.10
23.
т. Щербаков
23.25
24.00
24.
т. Шахурин
0.40
0.50
25.
т. Меркулов
1.00
1.30
26.

т. Каганович
1.10
1.35
27.
т. Тимошенко
1.30
2.35
28.
т. Голиков
1.30
2.35
29.
т. Берия
1.30
2.35
т.Кузнецов
1.30
2.35
Последние вышли
в 24.00
28 июня
1941 г.
вход
выход
1..
Т Молотов
19.35
00.50
2.
т.Маленков
19.35
23.10
3.
т.Буденный
19.35
19.50
4.
т.Меркулов
19.45
20.05
5.
т.Булганин
20.15
20.20

6.
Т.Жигарсв
20.20
22.10
7.
т.Петров
20.20
22.10
8.
т.Булганин
20.40
20.45
9.
Т.Тимошенко
21.30
23.10
10.
Т.Жуков
21.30
23.10
11.
Т. Голиков
21.30
22.55
12.
Т. Кузнецов
21.50
23.10
13.
Т.Кабанов
22.00
22.10
14.
Т.Стефановский
22.00
22.10
15.
Т.Супрун
22.00
22.10
16,
Т.Берия
22.40
00.50

17.
Т.Устинов
22.55
23.10
18.
Т.Яковлев
из ГАУ НКО
22.55
23.10
19.
т.Щербаков
22.10
23.30
20.
т.Микоян
23.30
00.50
21.
т.Меркулов
24.00
00.15
Последние
вышли
в 00.50

Из воспоминаний зам. начальника 2-го УНКВД СССР Д. Н. Шадрина об организации временного бомбоубежища для И. Сталина и его окружения

"...До девяти часов (22 июня) никаких распоряжений не было. Потом звонок: "Давай к Сталину!" Приехал я туда вместе с Серовым. Там были уже Берия и Молотов. Сталин говорит:

- Надо подобрать такое место, где можно было бы укрыться от бомбежки и работать. Берия отвечает:

- Вот товарищ Шадрин знает всю Москву, он найдет. Мы с Серовым ушли. Тот спрашивает:

- Куда поедем?

- На улицу Кирова: там штаб - большое здание, а рядом особняк.

Прошли мы внутрь, все посмотрели. Потом пошли с Серовым в штаб. А я знал - там у них был прорыт подземный туннель с выходом прямо на перрон станции метро "Кировская". Но мы еле-еле по нему прошли. Говорю заместителю начальника штаба:

- Давай, к 16.00 чтобы все очистить! Чтоб весь проход был свободным!

К четырем часам все было очищено! Я звоню Берии:

"Лаврентий Павлович, можно смотреть - все подготовлено". А метро там уже не останавливалось: сразу, как я туда приехал, тут же прекратили мы остановку поездов.

Берии понравилось: "Замечательно, близко! И хорошее укрытие, и хорошую работу можно организовать". Тут же он начал командовать:

- Вот здесь, между столбами (а там, когда спустишься на станцию "Кировская", в конце - две колонны с одной стороны были, две - с другой) сделать кабинет Сталина и приемную.

Пошли опять вверх, в особняк. Берия приказал:

- Вот здесь - кабинет Сталину. Здесь - кабинет Молото-ву, здесь - мне, а здесь, по коридору, - приемную человек на пятьдесят, столы поставишь. Срок тебе - четыре дня!

- Лаврентий Павлович, ну как же можно - за четыре дня? Сегодня уже день прошел, три дня осталось. Как можно сделать? Столько работы!

Через четыре дня Берия звонит Сталину: .

- Иосиф Виссарионович, можно посмотреть. Тот спросил: "Где?" Сказали, что охрана знает. Сталин приехал. Осмотрел. Остался доволен. Работал здесь во время налетов немецкой авиации.

Потом, уже к концу 1941 г., начали делать для Сталина убежище в Кремле. Хорошее сделали, большое - никакая бомба не возьмет! После этого он на "Кировской" уже не работал".

Я привел регистрацию посетителей и воспоминания Шадрина не случайно. Сделаем простой арифметический подсчет. Указание о подготовке бомбоубежища Шадрин получил после 9 часов 22 июня. Четыре дня шла подготовка убежища. Все эти дни (и позже) Сталин работал, согласно регистрации дежурного, в своем кабинете в Кремле. Через четыре дня Сталин приехал и осмотрел новое рабочее место. Как же воспринимать приведенные выше заявления Берии и Хрущева о растерянности Сталина, его "бегстве" на Кунцевскую дачу?

Мне кажется, воспринимать их измышления следует, как и всякую грязную клевету, с брезгливым презрением.

* * *

В первый день войны Православная Церковь позвала и благословила народ на борьбу с захватчиками.

ОБРАЩЕНИЕ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО, ГЛАВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ СЕРГИЯ К "ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ХРИСТОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ"

22 июня 1941 г.

В последние годы мы, жители России, утешали себя

надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы - православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и

веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюститель смиренный Сергий, митрополит Московский и Коломенский

Первые дни

Запустив огромную машину войны и убедившись, что танковые армады и полевые войска, следующие за ними, начали перемалывать все на своем пути, верховное командование Германии во главе с Гитлером переехало из Берлина в новую ставку. Эта ставка была построена специально для руководства операциями против Советского Союза. Она находилась в Восточной Пруссии, недалеко от города Растенбург, рядом с системой Мазурских озер. Гитлеровское командование стремилось к тому, чтобы находиться вне воздействия английской авиации, которая в эти дни интенсивно бомбила города Германии. Строительство ставки началось еще в 1940 году. Был выбран огромный лесной массив, в котором проложили дороги, построили служебные и жилые помещения, подземный мощный узел связи, неуязвимый для бомбардировки с воздуха. Во время строительства к этому лесному массиву никто из жителей не рисковал подходить, потому что понимали - там строится какой-то военный объект, но какой именно, никто не знал. Да и жили вокруг, в своих имениях помещики, бюргеры, люди дисциплинированные, осторожные и приученные не совать нос не в свое дело.

В ставке было несколько зон. Все эти зоны обнесли общим проволочным заграждением и минными полями. В ставку можно было проехать только по определенным дорогам, пройдя проверку на нескольких контрольных пунктах. В лес была проведена и железнодорожная ветка, по которой приходили поезда специального назначения. Это были небольшие эшелоны с персональными салон-вагонами или же служебными вагонами тоже специального назначения.

В северной части лесного массива, неподалеку от штаба верховного командования, находилась небольшая, но самая главная, самая секретная личная зона Гитлера. В ней, кроме Гитлера, жили только наиболее приближенные государственные деятели - Геринг, Гиммлер. Из военных тут жили лишь Кейтель и Йодль. Бетонный бункер Гитлера имел стены шестиметровой

толщины. На поверхности были построены длинные помещения с залами для совещаний, небольшое казино, и здесь же находился узел связи.

Вся эта зона, и особенно личная зона Гитлера, охранялась отборнейшими эсэсовцами лейбштандарта - батальона личной охраны фюрера. Командир этого батальона был и комендантом лагеря, он руководил всей системой контрольно-пропускных пунктов и целой системой постов, которые выставлялись днем и ночью во многих местах.

Под густыми кронами деревьев дома, покрашенные в серо-зеленый цвет немецких мундиров, выглядели в этой тихой, отгороженной от всего мира зоне довольно мрачно. Сам Гитлер назвал это место "Волчьим логовом" "Вольфшанце". Наверное, никто другой не посмел бы так назвать сердце руководства войной, но поскольку такое наименование дал сам фюрер и оно действительно соответствовало и внешнему виду и своему назначению, то название привилось и осталось за этим местом навсегда.

Надо сказать, что в течение всей войны никто (за исключением очень немногих лиц, работа которых была связана с верховным командованием) не знал о существовании "Волчьего логова". Немцы умели хранить тайну. В течение всей войны немецкие и народ, и армия, и все учреждения были убеждены, что Гитлер и верховное военное командование руководят войной, находясь в столице, в Берлине, или неподалеку от него в Цоссене, где действительно располагались управления генерального штаба сухопутных войск. В "Волчьем логове" находились только самое высшее руководство и те, кто был необходим для повседневной работы.

Прибыв в новую ставку, Гитлер заслушал доклад Кейтеля об обстановке на Западном фронте, в северной Африке, на Балканах и в районах Средиземного моря. Затем ему было доложено о ходе боевых действий против Советского Союза. Вечером того же дня Гитлеру были доложены все изменения, происшедшие в течение дня, поговорили о возможных перспективах на следующие сутки. Такой распорядок (утренний и вечерний доклад), установленный с первого дня, не менялся в течение всей войны, исполнялся с немецкой педантичностью. Узел связи работал четко, руководство располагало полными и точными сведениями, они поступали со всех фронтов, из всех районов боевых действий Европы, Африки и Азии.

Что же докладывали Гитлеру представители высшего военного руководства на второй день войны? Мы можем точно установить это по дневнику начальника генерального штаба

сухопутных войск генерала Гальдера.

Хочу сказать читателям о том, что Гальдер вел дневник, занося туда только самые важные события минувшего дня, очень коротко, конспективно, но все же с четкостью и пунктуальностью генштабиста высокого класса. Этот дневник можно принимать за достоверный документ, потому что Гальдер не собирался его публиковать. А если и думал когда-либо писать мемуары и воспоминания, то он бы использовал этот дневник только как материалы. Поэтому все записанное было его личным реальным мнением и не имеет, на мой взгляд, каких-либо пропагандистских или конъюнктурных наслоений. Разумеется, в дневнике есть переоценка или недооценка каких-то эпизодов войны и действий сторон, это естественно для любого человека в соответствии с его взглядами и убеждениями, но, повторяю, записи в дневнике Гальдера вполне искренни и достоверны. Я буду часто ссылаться на них.

Вот несколько абзацев, в которых Гальдер характеризует свои впечатления, следовательно, и то, что докладывалось Гитлеру на совещаниях в "Волчьем логове":

Общая картина первого дня наступления представляется следующей. Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального "столбняка", вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние "столбняка", едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину

обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления".

Дальше Гальдер излагает положение по участкам групп армий "Северной", "Центр", "Юг" и делает такое заключение: "Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений".

Вот так - у нас хаос и неразбериха, а у нашего противника даже нет малейшей потребности вносить какие-либо коррективы. При всей обидности для нас такой оценки действий наших войск и командования, она объективно отражает то, что происходило на фронте и в штабах. Опровергать нечего, наоборот, хочу обратить внимание на точность формулировок и четкое изложение общей картины.

В записи за первый день войны есть у Гальдера и такие слова: "Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожило 850 самолетов противника..." Я привожу эту цитату как еще одно убедительное доказательство объективности дневника Гальдера, потому что по нашим данным в первый день гитлеровцы уничтожили 1200 самолетов, так что запись о 850 самолетах, как видим, даже преуменьшает число уничтоженных в действительности.

Любопытна запись Гальдера 23 июня, его рассуждения о том, что удары танковых групп лучше делать более концентрированными, направленными в одно место, чем обеспечивать массированность, и если Готт пойдет вперед, да еще будет отклоняться к северу, а Гудериан задержится и пойдет несколько южнее, то "эту опасность следует учитывать, тем более что именно русские впервые выдвинули идею массиро-вания подвижных соединений..,"

Мы еще будем говорить об этой идее, разработанной советскими военными стратегами.

Суммируя ход боевых действий к 24 июня, Гальдер записал: "Впрочем, я сомневаюсь в том, что командование противника действительно сохраняет в своих руках единое и планомерное руководство действиями войск. Гораздо вероятнее, что местные переброски наземных войск и авиации являются вынужденными и предприняты под влиянием продвижения наших войск, а не

представляют собой организованного отхода с оперативными целями. О таком организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится".

И опять, как ни горько признавать, но отметим острый глаз и четкость мышления Гальдера - его запись точно фиксирует состояние нашего командования.

24 июня, характеризуя боевые действия на различных участках, Гальдер сделал такую запись: "Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейдане. (Историческая справка: Наполеон взял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня)".

По ассоциации с этой аналогией я тоже вспомнил запись Дедема, одного из сподвижников Наполеона, о первом дне войны. Он пишет в своих мемуарах: "...Я приблизился к группе генералов, принадлежащих к главной квартире императора. Среди них царило мертвое молчание, походившее на мрачное отчаяние. Я позволил себе сказать какую-то шутку, но генерал Коленкур... сказал мне: "Здесь не смеются, это великий день". Вместе с тем он указал рукой на правый берег, как бы желая прибавить: "Там наша могила".

После поражения в войне многие гитлеровские генералы признавались, что у них было такое же предчувствие. Один даже записал в день начала вторжения: "Это начало нашей гибели". Но все они были так ошеломлены и опьянены легкими и неожиданными победами над Польшей, Францией и другими странами, что гипноз удачливости фюрера лишил их разума, и они шагнули в тот день, как и французы в 1812 году, не в Россию, а в пропасть.

Пропагандистская система Геббельса работала на полную мощь, война была объявлена не только "крестовым походом против большевизма", но и "Всеевропейской освободительной войной" - в этом виделась надежда снискать симпатии к немецкому нападению на Советский Союз и замаскировать истинные завоевательские планы Германии. В своем кругу Гитлер по этому поводу откровенно сказал: "Общеевропейскую войну за свободу не следует понимать так, будто Германия ведет войну для Европы. Выгоду из этой войны должны извлечь только немцы".

Далее Гальдер записал о том, что кольцо окружения восточнее Белостока вот-вот замкнется, а также замыкается кольцо, которое создают танковые группы Готта и Гудериана восточнее Минска. Не ускользнуло из поля зрения Гальдера и такое: "Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с лотами, не желая сдаваться в плен".

Подводя итоги за 24 июня, Гальдер делает подробные записи об успешных действиях на всех фронтах и опять особо отмечает действия частей: "На фронте группы армий "Юг" сражение еще не достигло своей наивысшей точки. Оно продлится еще несколько дней. Танковая группа Клейста после упорного боя заняла Дубно. Танковое сражение западнее Луцка все еще продолжается".

Как видим, энергичные действия Жукова и Кирпоноса по организации контрудара, даже теми небольшими силами, которые они могли использовать, имели успех. И как итоговую оценку, или точнее, как признание умелого руководства в такой сложнейшей и невыгодной для нас обстановке приведу еще одну запись Гальдера - за 26 июня:

"Группа армий "Юг" медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий "Юг", отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина".

Вот эти слова, мне кажется, объективно и достойно оценивают результативные действия и Жукова, и Кирпоноса с его штабом, потому что приведенная выше цитата распространяется не только на действия под Дубно и Луцком, где был Жуков, но гораздо шире, так как говорится в ней и о подтягивании резервов, и о более широких боевых действиях.

Гальдер как начальник генерального штаба мыслил и записывал, конечно, крупномасштабно, некоторых деталей он или не знал, или не считал нужным их фиксировать. А вот что пишет, находившийся ближе к боевым действиям генерал Готт, командующий одной из немецких танковых групп: "Тяжелее всех пришлось группе армий "Юг". Войска противника, оборонявшиеся перед соединениями северного крыла, были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника".

В записях Гальдера не раз отмечается, что ему непонятны действия нашего Верховного командования. Какую улыбку и удивление вызвала бы директива No 3 нашего Главнокомандования, которая поставила задачу на контрнаступление и выход наших наступающих частей к Люблину, на территорию противника.

Жуков по этому поводу в своих воспоминаниях пишет:

"Ставя задачу на контрнаступление, Ставка не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, что ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы.

В сложившейся обстановке единственно правильными могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев танковых группировок противника. Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели".

Добавлю от себя, что механизированные корпуса из-за своего расположения на большом удалении от границы не были готовы для нанесения этих контрударов. Им приходилось совершать длительные марши, в ходе которых выходила из строя техника - не только от бомбежек, но и по техническим причинам, и поэтому они вступали в бой уже сильно ослабленными. Следовательно, в самой группировке наших войск в приграничных округах не было заложено идей и возможностей ударов под основание клиньев, которые пробивали бронетанковые группировки противника. А предвидеть такие действия врага и подготовить свои войска к таким контрмерам - для этого имелись все возможности, потому что тактика действий гитлеровцев в Польше, Франции уже была хорошо известна. Но, к сожалению, наши войска не были обучены и не находились в необходимой группировке в приграничной полосе. Виноваты в этом наши военачальники (а не Сталин). Это было их прямой профессиональной и должностной обязанностью.

К середине дня 22 июня в штабе Юго-Западного фронта было уже ясно, что происходящее на границе не провокация, как об этом предостерегали из Москвы, а настоящее крупное наступление, то есть война. Под непрерывным воздействием вражеской авиации, когда все вокруг горело и рушилось, части собрались по боевой тревоге и вскрыли хранившиеся в каждом штабе пакеты особой секретности на случай войны. В этих пакетах был приказ - кто, что и в какие сроки должен делать. Выполняя эти указания, части двинулись к границе или в район, определенный для сосредоточения.

На пути они подвергались частым бомбардировкам, рассредоточивались, уходя с дорог, а потом опять собирались, строясь в колонны и продолжая двигаться в сторону границы, при этом части несли большие потери и тратили много времени.

6-я, 5-я и 26-я армии Юго-Западного фронта делали все

возможное, чтобы остановить противника, продвигающегося по нашей территории, но силы его были так велики, напор так стремителен, что, несмотря на самоотверженность и героизм бойцов и командиров, остановить врага не удавалось. В одиннадцатом часу вечера 22 июня штаб Юго-Западного фронта получил новую директиву. В ней приказывалось: "Прочно удерживая государственную границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин, силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24.6 овладеть районом Люблин..."

В Москве Сталин и Генштаб, не имея достоверной информации, явно не представляли, что делается на западной границе: они указывают номера армий и корпусов, не зная, что происходит с этими соединениями в действительности, ставят задачи по овладению Люблином, который находится за нашей границей(!), идет разговор о "всей авиации фронта", а ее уже нет, этой "всей авиации", она понесла колоссальные потери.

Как позже написал маршал Баграмян в своих воспоминаниях, командование Юго-Западного фронта, получив такую директиву, глазам не поверило! Но приказ есть приказ, и его полагается выполнять.

В штаб Юго-Западного фронта прибыли генерал армии Жуков и назначенный членом Военного совета фронта Хрущев.

Сталин приказал Жукову немедленно выехать на фронт. Наверное, у читателей, даже не военных, возникло сомнение: целесообразно ли начальнику Генерального штаба в такое напряженнейшее время покидать центр руководства армией? Ошибочность этого приказа, как и многих других, отданных в тот день, очевидна. Однако в данном случае можно предположить объяснение (хоть и не очень убедительное) решения Сталина: он все еще верил в договор, подписанный с Германией, и принимал (вернее, ему очень хотелось, чтобы это так было) начавшиеся бои за провокацию, затеянную воинственными немецкими генералами, вроде событий на Хасане или на Халхин-Голе. Вот Жуков туда поедет и наведет порядок.

Утром 25 июня контрудар, организованный штабом фронта и Жуковым, нанесли 8-й и 15-й механизированные корпуса. Удар этот для противника был неожиданным. Он считал, что после его стремительного наступления части Красной Армии, прикрывающие границу, будут деморализованы. 8-й механизированный корпус, хорошо укомплектованный,

обученный, в короткое время смял части 57-й пехотной дивизии, которая прикрывала фланг 48-го механизированного корпуса группы Клсйста. Положение здесь у танковой группы Клейста оказалось настолько угрожающим, что он был вынужден перебрасывать сюда свои резервы. Этот контрудар произвел такое впечатление, что резонанс его дошел даже до верховного командования Германии. Вот что записал в своем служебном дневнике начальник генерального штаба сухопутных сил Гальдер: "На фронте противника, действующего против группы армий "Юг", отмечается твердое руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина... Как и ожидалось, значительными силами танков он перешел в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено продвижение".

Вспомним слова начальника немецкого генштаба, записанные в первый день войны: "...против группы армий "Юг"... отмечается твердое руководство".

После контрудара надо было бы развивать этот успех, и тогда можно, если даже и не срезать клин, вбитый танковой группой Клейста, то, во всяком случае, задержать его надолго на этом рубеже. Но не было нужных сил для развития успеха.

Противник сосредоточил против контратакующих корпусов значительные силы авиации, нанес нашим частям большие потери, тем самым ослабил, а потом и остановил наш контрудар.

Для того чтобы все же использовать наметившийся успех и сконцентрировать усилия находящихся в этом районе частей, Жуков приказал корпусу Рябышева повернуть и наносить удар в направлении Дубно. Туда же подходили и тоже нацеливались ударить в этом направлении наши 15-й механизированный, 63-й стрелковый и 19-й механизированный корпуса.

27 июня эти соединения нанесли гитлеровцам такой ощутимый удар, что командующий группой армий "Юг" Рундштедт вынужден был сосредоточить для его отражения силы всей своей авиации и перебросить сюда свой резерв - 55-й армейский корпус, что, собственно, и спасло танковый клин Клейста от разгрома.

Завязавшееся сражение продолжалось и 28 июня. Очень упорно поработала здесь наша авиация, которой после того, прямо скажем, шокового состояния, в котором она находилась в первый день войны, непросто было малыми силами драться в воздухе с превосходящей авиацией противника.

С обеих сторон имелись большие потери. 29 июня противник уже был вынужден снимать войска с других направлений и перебрасывать их в район Дубно, для того чтобы спасать

положение.

Это был первый крупный контрудар по вторгшимся частям гитлеровцев. Он показал, что если бы и на других участках фронта были организованы хотя бы такие же контрудары, то продвижение противника не оказалось бы таким стремительным.

Я хочу обратить внимание читателей на то, что этот контрудар наносился в самые первые дни войны, когда успех внезапного нападения противника, казалось бы, должен был полностью - хотя бы на время - деморализовать наши части, парализовать возможность их сопротивления. Но именно в этот самый опасный период они, как видим, на этом участке фронта не поддались панике, и, благодаря волевому влиянию Жукова, находившегося здесь, контрудар состоялся. Непросто было под воздействием господствующей авиации противника собрать несколько корпусов для нанесения контрудара под Дубно, но это все же было осуществлено.

Вот что писал командующий 3-й немецкой танковой группой генерал Готт: "Тяжелее всех пришлось группе армий "Юг". Войска противника... были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника".

Гитлеровский генерал правильно оценил тяжелое положение группы армий "Юг", из-за чего на Украине в начале войны был сорван вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Напомню при этом, что на севере, там, где наступал со своей группой Готт, гитлеровские войска, не получившие такого противодействия, к 28 июня, овладев Минском, уже замкнули первое кольцо окружения, и в то кольцо попало очень много наших войск. Успешный контрудар, организованный Кирпоносом и Жуковым, по сути дела, спас в эти дни Киев и не дал возможности гитлеровцам окружить наши армии до рубежа Днепра - они еще долго сражались здесь и задерживали дальнейшее продвижение противника.

В Москве

(Расстрел Павлова)

Сталин вскоре понял свою ошибку с отправкой начальника Генерального штаба на передовую. Управление войсками за эти дни так и не было налажено. Сведения, поступавшие из действующей армии, были не только неутешительные, но просто катастрофические. Пришло сообщение, что под Рославлем

окружены две армии и вот-вот замкнутся клещи вокруг Минска, захлопнув в окружении еще несколько армий.

26 июня Сталин позвонил на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь и пригласил к аппарату Жукова:

- На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где, маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

- Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выеду на аэродром, - ответил Жуков.

Поздно вечером 26 июня Жуков прилетел в Москву, и прямо с аэродрома его повезли к Сталину. В кабинете Сталина стояли навытяжку нарком Тимошенко и первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин.

Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами.

Здесь до прихода Жукова произошел, как говорится, крупный разговор. Сталин поздоровался с Жуковым лишь кивком головы и сразу же раздраженно сказал:

- Не могу понять путаных предложений наркома и вашего зама. Подумайте вместе и скажите: что можно сделать?

Сталин при этих словах показал на карту, развернутую на столе. На ней была обстановка Западного фронта. Верховный находился в таком состоянии, когда ничего путного из разговора не могло получиться, надо было дать ему остыть, а потом уже говорить о деле. Поэтому Жуков, стараясь подчеркнуть свое спокойствие и как бы призывая к тому же Сталина, сказал:

- Мне нужно минут сорок, чтобы разобраться с обстановкой.

- Хорошо, через сорок минут доложите! - все так же раздраженно бросил Сталин.

Жуков, Тимошенко и Ватутин вышли в соседнюю комнату. Без долгих проволочек, обменявшись лишь понимающими взглядами по поводу происшедшего в кабинете Сталина, они начали анализировать обстановку на Западном фронте.

Западнее Минска были окружены и дрались в окружении остатки 3-й и 10-й армий Западного фронта. Остатки 4-й армии отошли в припятские леса. Остальные части, понесшие большие потери, отступали к реке Березине. И вот на эти ослабленные и разрозненные войска фронта наступали мощные группировки противника.

Через полчаса военачальники вернулись к Сталину и предложили немедленно занять оборону на рубеже Западная Двина - Полоцк - Витебск Орша - Могилев - Мозырь и для обороны использовать 13-ю, 19-ю, 20-ю, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того,

срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии Селижарово - Смоленск - Рославль - Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Срочно сформировать еще 2-3 армии за счет дивизий московского ополчения.

Все эти предложения Сталин утвердил и приказал немедленно довести их до сведения войск.

29 июня поступили сообщения о том, что наши войска оставили Минск. Наркому обороны Тимошенко позвонил Сталин и спросил:

- Что под Минском? Как там дела?

У Тимошенко не хватило духу доложить Сталину о том, что Минск сдан, он еще надеялся, что положение будет восстановлено, поэтому сказал неопределенно:

- Я не могу сейчас доложить, товарищ Сталин... Тимошенко не успел закончить фразу, потому что Сталин его перебил:

- А вы обязаны постоянно знать все детали, товарищ Тимошенко, и держать нас в курсе событий.

Не желая продолжать разговор, Сталин положил трубку.

В это время в кабинете Сталина находились Молотов, Маленков и Берия. Некоторое время стояло тягостное молчание, потом Сталин сказал:

Не нравится мне это их поведение. А может быть, мы сейчас поедем в Генштаб и сами посмотрим карты и донесения с фронтов?

От Кремля до здания Наркомата обороны по улице Фрунзе ехать всего несколько минут. Когда члены Политбюро вошли в массивные двери, часовой, увидев Сталина и следовавших за ним Молотова, Маленкова и Берия, настолько, оторопел, что даже не мог спросить пропуска или что-то вымолвить. Члены Политбюро молча прошли мимо часового и поднялись на второй этаж, где располагался кабинет наркома обороны. В кабинете в это время были Тимошенко, Жуков, Ватутин, генералы и офицеры Генштаба, они стояли около больших столов, на которых были расстелены карты с обстановкой на фронтах.

Появление Сталина и других членов Политбюро было настолько неожиданно, что все присутствующие на некоторое время просто онемели. Тимошенко даже побледнел, однако будучи старым служакой, быстро пришел в себя и подошел к Сталину с рапортом, как и полагается в таких случаях:

- Товарищ Сталин, руководство Наркомата обороны и Генеральный штаб изучают обстановку на фронтах и вырабатывают очередные решения.

Сталин выслушал доклад, ничего не ответил и медленно пошел вдоль стола с картами. Тем временем на цыпочках, один за

другим удалились из кабинета работники Генерального штаба. Остались Тимошенко, Жуков и Ватутин.

Сталин довольно долго стоял у карты Западного фронта и разглядывал ее. Затем повернулся к генералам и, явно сдерживая себя, изо всех сил стараясь быть спокойным, сказал:

- Ну, мы ждем, докладывайте, объясняйте обстановку. Тимошенко хорошо знал Сталина, не только уважал его, но и побаивался. Он понимал, что у Сталина внутри все клокочет, иначе он не появился бы здесь так внезапно. Не ожидая для себя ничего хорошего, Тимошенко стал сбивчиво докладывать:

- Товарищ Сталин, мы еще не успели обобщить поступившие материалы. Многое не ясно... Есть противоречивые сведения... Я не готов к докладу.

И тут Сталин сорвался:

- Вы просто боитесь сообщить нам правду! Потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактами новых провалов?! Что делается на Украине? Что в Прибалтике? Вы управляете фронтами или Генштаб только регистрирует потери?!

Желая как-то разрядить обстановку и помочь Тимошенко, Жуков обратился к Сталину:

- Разрешите нам продолжить работу. Тут вдруг иронически спросил Берия:

- Может, мы мешаем вам?

- Обстановка на фронтах критическая. От нас ждут указаний, - сказал Жуков, стараясь быть спокойным и ни к кому не обращаясь, но затем, взглянув прямо в глаза Берии, с некоторым вызовом спросил: - Может быть, вы сумеете дать эти указания?

- Если партия поручит, дадим, - отрезал Берия.

- Это если поручит! - твердо парировал Жуков. - А пока дело поручено нам.

Повернувшись к Сталину, Жуков, опять-таки стараясь быть спокойным, сказал:

- Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль...

Все молчали, ожидая, что решит и скажет Сталин. Но и Тимошенко не захотел в трудную минуту оставлять без поддержки своего начальника Генерального штаба и, пытаясь прийти ему на помощь, сказал:

- Товарищ Сталин, мы обязаны в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас...

Попытка Тимошенко сгладить ситуацию обернулась против него. Сталин опять вспыхнул:

- Во-первых, вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас! А во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой

нам теперь надо думать всем вместе. - Сталин помолчал и, видимо, решив, что все-таки в сложившейся ситуации лучше действительно дать военным возможность собраться с мыслями, сказал, обращаясь к своим спутникам: - Пойдемте, товарищи, мы, кажется, действительно появились здесь не вовремя...

Члены Политбюро направились к двери и ушли, никем не сопровождаемые, так же, как и появились здесь несколькими минутами раньше.

30 июня Сталин приказал вызвать Павлова в Москву. В этот день в штаб Павлова прибыл генерал Еременко с приказом о том, что командующим Западным фронтом назначается он. Павлов прилетел в Москву на следующий день, и первый, к кому он зашел, был Жуков. Как вспоминает Георгий Константинович, он не узнал Павлова, так похудел и осунулся тот за восемь дней войны. Состоялся нелегкий разговор. Павлов нервничал, искал оправдания неудачам не только в силе противника, но и в неправильном руководстве сверху. Он был прав, но судьба его уже была решена. И не только тем, что на его место назначен новый командующий: Еременко пробыл в этой должности всего несколько дней - Сталин изменил свое решение и назначил командующим Западным фронтом маршала Тимошенко, а членом Военного совета фронта Мехлиса. Причем, напутствуя на эту должность, Сталин сказал Мехлису:

- Разберитесь там, на Западном фронте, соберите Военный совет и решите, кто, кроме Павлова, виноват в допущенных серьезных ошибках.

Эту короткую фразу Мехлис забыл сразу, как только вышел из кабинета Сталина. Он не стал разбираться, выяснять причины ошибок, как требовал Сталин. У него была своя четкая и определенная позиция и программа действий: Павлов виновен; надо подыскать еще и других виновников "серьезных ошибок". По прибытии в штаб Западного фронта Мехлис применил все свои способности и опыт по компрометации военачальников, чем он особенно отличился в годы репрессий. Чтобы подвести под расстрел командование Западного фронта, надо было найти и сформулировать веские обвинения. И Мехлис нашел их. Он обвинил Павлова и его соратников в "трусости", "бездействии", "развале управления", "сдаче оружия противнику", "самовольном оставлении боевых позиций" и многих других деяниях, преступных в условиях войны.

Все эти формулировки были внесены в текст "Постановления государственного Комитета обороны Союза ССР от 16 июля 1941 года". Согласно этому Постановлению, были преданы суду Военного трибунала и по его приговору расстреляны:

1. Командующий Западным фронтом генерал армии Павлов;

2. Начальник штаба Западного фронта генерал-майор Климовских;

3. Начальник связи Западного фронта генерал-майор Григорьев;

4. Командующий 4-й армией Западного фронта генерал-майор Коробков;

5. Командир 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майор Косубуцкий;

6. Командир 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майор Селихов;

7. Заместитель командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта полковой комиссар Курочкин.

Сталин единолично подписал это Постановление. Он, наверное, считал обстановка требует твердой руки. Постановление было зачитано всем Вооруженным Силам и на промышленных предприятиях, связанных с производством продукции для фронта, а тогда все работали на армию.

Проще всего, конечно, обвинить Сталина в чрезмерной жестокости. Это легко высказать в нашей спокойной невоенной жизни. Но не следует забывать и критической ситуации тех дней.

И все же, при всем уважении к Сталину и понимании его ответственности за судьбу страны и армии, скажем прямо: не было необходимости принятия таких экстраординарных, крутых мер в той ситуации. В данном случае Сталин чересчур доверился Мехлису и "перегнул палку".

Зададим только один вопрос: у кого, на каких участках фронта в первую неделю войны не было таких же бед, как у Павлова (30 июня Павлов уже был отстранен)? Подобные обвинения можно было предъявить очень многим, кто отступал, терял управление и оружие.

Теперь невинно расстрелянные реабилитированы "за отсутствием состава преступления". Но несмотря на это, все еще тянется за ними тень фальши и лжи, сфабрикованной Мехлисом и следователями.

Я получил письмо из Минска от дочери генерала Павлова - Ады Дмитриевны, она просит защитить доброе имя отца. Приводит несколько примеров публикаций (в "Известиях" 9.05.1988 г., "Московских новостях" 17.07.1988 г. и других изданиях), в которых повторяются обвинения времен войны, несмотря на полную реабилитацию Павлова еще в 1957 году. Удивительна сила порочной инерции! Вот бы о добрых делах так устойчиво помнили!

Давайте же мы добрым словом помянем Дмитрия

Григорьевича Павлова. Хулители низводили его по способностям до уровня командира батальона, объявляли чуть ли не выскочкой, за несколько лет незаслуженно пролетевшим через несколько повышений. Но Павлов не был "скороспелым командующим", и одаренностью природа его не обделила. Служба Павлова проходила не хуже, чем у других командующих фронтами, а в отношении образования он даже обошел некоторых из них.

Судите сами, можно ли человека с такой биографией и прохождением службы объявлять "выскочкой". По возрасту Павлов (родился в 1897 году) ровесник других маршалов (Мерецков - 1897, Василевский - 1895, Малиновский - 1898, Баграмян - 1897). В первой мировой войне был рядовым. В Красную Армию вступил добровольцем, участвовал в боях на Южном, Юго-Западном, Туркестанском фронтах. Прошел путь от взводного до помощника командира полка. В 1922 году окончил Омскую высшую кавшколу, в 1928 году - Академию им. М. В. Фрунзе и в 1931 году - академические курсы Военно-технической академии. В 1934-1936 годах командовал мех-бригадой. Его бригада была отмечена, а сам Павлов награжден орденом Ленина. Аттестован на командира корпуса перед отъездом в Испанию. Три современные войны прошел Павлов до нападения Германии: за плечами были Испания, Финляндия, Халхин-Гол. Звание Героя Советского Союза получил в Испании, где был советником при республиканской армии по применению танковых и механизированных войск, принимал участие в разработке крупных операций. Как военачальника его высоко ценила Долорес Ибаррури, называла в числе семи "выдающихся советских военных деятелей".

В 1937 году, после возвращения из Испании, Павлову было присвоено звание комкора. Он стал начальником Автобронетанкового управления РККА и членом Главного Военного совета (в числе одиннадцати!), где был и Сталин. Павлов приложил много сил и знаний при создании лучшего танка второй мировой войны - Т-34. На стратегической игре в 1941 году Павлов делал один из основных докладов. Все разговоры о том, что он неглубоко разбирался в искусстве вождения танковых и механизированных войск, являются неправдой. Павлов являлся одним из теоретиков и практиков применения этих войск в современной войне. Не было у нас более опытного военачальника в вопросах стратегии и тактики применения мехвойск. Именно поэтому и был назначен генерал армии Павлов на главное направление возможного удара германской армии - командующим Белорусским Особым военным округом - в 1940 году.

Если бы его не постигла трагедия в первую неделю войны, Павлов, несомненно, вырос бы в одного из крупнейших военачальников, одержал бы немало побед и стал бы Маршалом Советского Союза.

* * *

Мало осталось тех, кто хорошо помнит выступление Сталина 3 июля 1941 года, а те, кто помоложе, вообще, наверное, его не читали. Но в то время выступления Сталина ждал весь народ, и оно прозвучало как вдохновляющий призыв советских людей на дело отпора врагу, на мобилизацию всех сил страны для достижения победы.

Сталин утверждал: в том, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с фашистской Германией, не было ошибки. Он объяснял:

"Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией".

Дальше Сталин говорил о том, что требуется для ликвидации опасности, нависшей над Родиной: понять глубину опасности, отрешиться от беспечности. Не должно быть в наших рядах трусов, паникеров, нытиков. Перестроить всю работу на военный лад. Отстаивать каждую пядь советской земли. При вынужденном отходе увозить все, что возможно, и уничтожать все, что не вывозится. Создавать партизанские отряды.

В общем, это была целая программа большой войны. В речи Сталина есть немало таких мест, которые рассчитаны на укрепление морального духа армии и народа. И действительно способствовали этому. Но есть и явная неправда. Например, в первом же абзаце он говорит: "Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях

сражения..." Это, конечно же, не вполне соответствовало действительности и сегодня легко может быть проверено, ну хотя бы по тому же дневнику генерала Гальдера, который пишет именно 3 июля следующее: "Потери: с 22.06 по 30.06 наши потери составляют в общей сложности 41 087 человек - 1,64% наличного состава (при численности войск, равной 2,5 миллиона человек). Убито 524 офицера и 8362 унтер-офицера и рядового; ранено 966 офицеров и 28 528 унтер-офицеров и рядовых".

Как видим, потери для войны таких больших масштабов не столь значительны, и уж во всяком случае, это не "лучшие дивизии", о разгроме которых говорил Сталин.

СПЕЦСВОДКА УНКГБ г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ МГ и МГК ВКП(б) А. С. ЩЕРБАКОВУ О РЕАГИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ВЫСТУПЛЕНИЕ И. В. СТАЛИНА

3 июля 1941 г.

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны т. И. В. Сталина вызвало среди трудящихся г. Москвы и Московской области новый прилив патриотизма, энергии и воли к борьбе за победу над фашизмом.

Трудящиеся на своих митингах высказывают готовность к защите родины и организуются в отряды тылового ополчения.

"Чеканная, теплая речь вождя. Его слова - братья и сестры - доходят до сердца каждого. В ответ на нее хочется еще лучше работать, отдав все силы и энергию любимой Родине" (рабочий фабрики пластмасс Рассказов).

"Призыв вождя объединит всех в одном патриотическом порыве. Весь народ, все как один встанут на защиту отечества. Враг будет разбит и не достигнет своей цели" (служащая Хенкинс).

"Мы верим, что речь т. Сталина будет переломным моментом всей войны и не сегодня - завтра наши войска остановят немцев и перейдут в контрнаступление" (профессор [Московской] консерватории Попов).

"Призыв вождя найдет у нас самую широкую поддержку, которая выразится в утроенной производительности труда, в производстве средств для защиты Родины" (Загайный, рабочий Экспериментального завода).

"Вождь не умолчал о том, что наши части вынуждены отступить. Он не скрывает трудностей перед своим народом. После этой речи хочется еще больше работать, она мобилизует на подвиги" (рабочий фабрики пластмасс Шибаев).

"Рабочие, находящиеся в тылу, все как один подчинят себя задачам фронта. Коварство врага будет разбито о сплоченность и организованность народа, единого в порыве уничтожить врага.

Надо требовать, чтобы в свободное время нас посылали работать на оборонные заводы с тем, чтобы увеличить производство вооружения" (мастер комбината "Рабочая Москва" Максимов).

"Вождь своей речью сплотил весь народ и мобилизовал его на разгром врага. Теперь каждый от мала до велика пойдет в народное ополчение и встанет на защиту Родины" (начальник цеха фабрики "Большевичка" Ефимов).

"В речи дана совершенно здоровая оценка положения и сил противника. Вызывает одобрение твердая уверенность в победе. Речь эта рассчитана на завоевание симпатий в Англии и Америке, которых мы объявили союзниками, и безусловно имеет международное значение" (преподаватель Института механизации и электрификации сельского хозяйства Фосс).

"Замечательная речь, проста, понятна и без пышных слов. Тов. Сталин не скрывает, что мы сейчас отступаем, но он сказал народу, что надо делать, чтобы победить. При таком вожде наш народ победит" (Дорохин, служащий НКПС).

"После речи т. Сталина я готова работать, сколько силы разрешат мне. Буду осваивать мужские профессии на производствах, чтобы заменить ушедших на фронт" (работница Демидова).

Всеобщее ополчение - это шаг отчаяния, признак растерянности" (Шифман, научный сотрудник Института мировой литературы).

"Наше правительство прохлопало германское наступление в первый день войны, и это привело к дальнейшему поражению и колоссальным потерям авиации и людского состава.

Партизанское движение, к которому призывает Сталин, - это весьма недейственная форма борьбы. Это порыв отчаяния.

Надеяться на помощь со стороны Англии и Америки - безумие. СССР оказался в кольце, выхода из которого не видно" (юрисконсульт Израелит).

"Все эти речи, мобилизация народа, организация тылового ополчения свидетельствуют об исключительной ненадежности фронта и не спасут положения. Видимо, в скором времени немец займет Москву, и советской власти не удержаться" (Перельман, инженер).

"После речи т. Сталина настроение у народа поднялось. Наш народ верит в своего вождя. Если т. Сталин сказал, что победа будет обеспечена, значит, мы победим" (рабочий Московского карбюраторного завода Вепринцев).

"В ответ на речь т. Сталина я иду добровольцем в Красную Армию, где, не щадя своей жизни, буду уничтожать фашистских гадов. Прошу перечислить мой заработок в фонд обороны страны"

(рабочий троллейбусного парка Иванушкин).

Вместе с этим со стороны некоторой части населения зафиксированы высказывания, направленные на дискредитацию речи т. Сталина.

"Всему крах. Положение на фронте безнадежное. Из Кремля дано указание готовить подпольные организации. Москва будет оставлена. Положение настолько критическое, что ЦК партии принял решение о всеобщем ополчении. Вот до чего докатились, куда же девалась доблесть Красной Армии".

"Положение на фронте более серьезно, чем об этом сказал Сталин. Победы Гитлера весьма значительны. Немцы вплотную подходят к Москве. Все эти разговоры о народном ополчении - детские и наивные забавы. Они не имеют серьезного значения.

Здесь, как и всегда, мы с нашей обычной деловитостью гонимся за показной стороной СССР накануне решающих событий" (Майзель, редактор издательства "Физкультура и туризм").

"Поздно говорить о добровольцах, поздно обращаться к народу, когда немцы уже подходят к Москве" (служащая Козлова).

"Неизбежен крах, неизбежны потери Москвы. Все, что мы строили в течение 25 лет, все оказалось мифом. Крах этот очевиден в речи Сталина, в его отчаянных призывах" (служащий Карасик).

Начальник Управления НКГБ г. Москвы и Московской области комиссар государственной безопасности 3-го ранга Кубаткин

Архив ФКС РФ. Заверенная копия.

Сегодня есть возможность прокомментировать выступление Сталина словами Жукова. Приведу выдержки из высказываний Георгия Константиновича о первых днях войны, которые зафиксировал К. Симонов много лет спустя в своих беседах с маршалом. Это уникальный материал - прямой рассказ человека, очень близкого к Сталину. Каждое слово здесь бесценно, поэтому я привожу длинные цитаты. Тем более что в книге Жукова об этом или не сказано или написано несколько иначе.

"- Надо будет, наконец, посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это

играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях.

У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми, и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство. В общей форме это верно. В итоге, это действительно так. Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу. Не секрет, что у нас рядом воевали дивизии, из которых одна дралась хорошо, стойко, а соседняя с ней бежала, испытав на себе такой же самый удар противника. Были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости.

Обо всем этом следует говорить и писать..." "- Трактовка внезапности, как трактуют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна. Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях, для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы".

"- У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина. С одной стороны, это верно. Но, с другой стороны, нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени, должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение - Молотов, Маленков и Каганович. Не говорю о Берии. Он был личностью, готовой выполнить все, что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие личности и необходимы. Так что вопрос о нем - особый вопрос, и в данном случае я говорю о

других людях.

Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове, хотя он и был в 1940 году снят с поста наркома обороны, но до самого начала войны он оставался председателем Государственного Комитета обороны. Часть ответственности лежит на нас - военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве. Участвуя много раз при обсуждении ряда вопросов у Сталина, в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность видеть споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения...

Представить себе дело так, что никто из окружения Сталина никогда не спорил с ним по государственным и хозяйственным вопросам, - неверно. Однако в то же время большинство окружавших Сталина людей поддерживали его в тех политических оценках, которые сложились у него перед войной, и, прежде всего, в его уверенности, что если мы не дадим себя спровоцировать, не совершим какого-либо ложного шага, то Гитлер не решится разорвать пакт и напасть на нас.

И Маленков, и Каганович в этом вопросе были солидарны со Сталиным; особенно активно поддерживал эту точку зрения Молотов.

Единственным из ближайшего окружения Сталина, кто на моей памяти и в моем присутствии высказывал иную точку зрения о возможности нападения немцев, был Жданов. Он неизменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитлеру нельзя верить ни в чем.

Сталин переоценил меру занятости Гитлера на Западе, считал, что он там завяз и в ближайшее время не сможет воевать против нас. Положив это в основу всех своих прогнозов, Сталин после разгрома Франции, видимо, не нашел в себе силы по-новому переоценить обстановку".

"- Вспоминая предвоенный период, надо сказать, что конечно, на нас военных - лежит ответственность за то, что мы недостаточно настойчиво требовали принятия ряда необходимых на случай войны мер. Очевидно, мы должны были это делать более решительно, чем делали. Тем более что, несмотря на всю не4прекаемость авторитета Сталина, где-то в глубине души у тебя гнездился червь сомнения, шевелилось чувство опасности немецкого нападения. Конечно, надо реально себе представить, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще недавно

минувшие годы, и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, тогда могло означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берии.

И все же это лишь одна сторона правды, а я должен сказать всю. Я не чувствовал тогда, перед войной, что я умнее и дальновиднее Сталина, что я лучше него оцениваю обстановку и больше него знаю. У меня не было такой собственной оценки событий, которую я мог бы с уверенностью противопоставить, как более правильную, оценкам Сталина. Такого убеждения у меня не существовало. Наоборот, у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет так, как он предполагает, была сильнее. И как бы ни смотреть на это сейчас - это правда..."

Благодаря профессиональному мастерству писателя Симонова, который сумел вызвать маршала на откровенный разговор, для истории остались эти правдивые и достоверные штрихи к портрету Сталина.

Смоленское сражение

Боевые действия наших войск на приграничной территории проходили очень неудачно, многие соединения попадали в большие и малые окружения. Не хватило сил для создания единой линии фронта.

28 июня, на шестой день войны, клещи гитлеровских механизированных частей сошлись в районе Минска, и столица Белоруссии была взята. Западнее Минска в окружении осталась еще одна крупная группировка советских войск.

Южнее белорусских полей успешно продвигалась вперед группа армий "Центр", своими танковыми клиньями она рвалась к Днепру.

Сталин принял решение срочно построить второй стратегический эшелон обороны по течению рек Западная Двина и Днепр, чтобы не допустить продвижения противника на Москву. Для осуществления этой задачи Сталин выделил из своего стратегического резерва 22-ю, 19-ю, 20-ю, 16-ю и 21-ю армии и включил их в состав Западного фронта, которым командовал маршал Тимошенко.

Но эти армии не успели создать прочную оборону на указанном им рубеже, немцы с ходу форсировали Днепр, несмотря на то, что их полевые армии отстали от танковых соединений, вырвавшихся далеко вперед.

В своих воспоминаниях командующий 2-й танковой группы

Гудериан пишет:

"...Наша пехота могла подойти не раньше чем через две недели. За это время русские могли в значительной степени усилить свою оборону. Кроме того, сомнительно было, удастся ли пехоте опрокинуть хорошо организованную оборону на участке реки и снова продолжать маневренную войну...

Я полностью сознавал всю трудность решения. Я считался с опасностью сильного контрудара противника по открытым флангам, которые будут иметь три моих танковых корпуса после форсирования Днепра. Несмотря на это, я был настолько проникнут важностью стоящей передо мной задачи и верой в ее разрешимость и одновременно настолько был убежден в непреодолимой мощи и наступательной силе моих войск, что немедленно отдал приказ форсировать Днепр и продолжать продвижение на Смоленск".

10 и 11 июля войска Гудериана форсировали Днепр и устремились к Смоленску. Так на карте сражений появилось Смоленское направление. А 16, 19 и 20 июля наши армии оказались в оперативном окружении западнее Смоленска.

Гудериан опытный генерал, он справедливо опасался ударов во фланги они у танковой группы не прикрыты, его войска рвутся вперед по дорогам. Три наших армии оказались в тылу наступающих. Тут и военная теория, и простая логика подсказывают мысль о возможности нанесения боковых ударов. Но советские военачальники их не осуществляли - они упорно отходили вдоль дорог, по которым двигались гитлеровские войска, все время стараясь забежать вперед и выстроить перед ними сплошной фронт

Нет, не только Сталин виновен в слабой подготовке армии к ведению маневренной войны: наши военачальники не научили воевать по-современному свою армию.

На первом этапе Смоленского сражения подвижные войска противника прорвались в глубину и окружили наши войска в районе Могилева, захватили Оршу, Ельню и Кричев. Танковая группа Готта овладела Витебском.

16 июля 29-я мотодивизия из войск Гудериана овладела частью Смоленска.

Падение Смоленска было тяжело воспринято Сталиным. Он не разрешил Совинформбюро до особого распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал от Тимошенко вернуть город любой ценой. Но это требование Верховного в сложившейся обстановке не было выполнено, так как многие части под Смоленском были окружены и дрались в тяжелых условиях. Вернуть Смоленск пока так и не удалось...

Командующего Западным фронтом маршала Тимошенко вызвали в Москву.

В кабинете Сталина сидели за столом члены Политбюро, маршал Тимошенко, начальник Генштаба Жуков. Завершая неприятный разговор о положении на Западном фронте, Сталин сказал:

- Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и считает, что он не справился с возложенной на него задачей в районе Смоленска. Мы пришли к выводу, что на должность командующего За падным фронтом надо послать Жукова. - Помолчав немного, Сталин спросил, обращаясь к Тимошенко: - Что думаете вы? Тимошенко не отвечал. Да и что он мог сказать на это справедливое обвинение?

- Товарищ Сталин, - попытался заступиться Жуков, - частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом всего лишь четыре недели. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районах Смоленска. Думаю, что никто другой большего не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас снимать его с фронта несправедливо и крайне опасно.

Калинин поддержал:

-- А что, пожалуй, Жуков прав.

Сталин раскурил трубку, посмотрел на членов Политбюро, спросил:

- Может быть, согласимся с Жуковым? Молотов уверенно заявил:

- Тимошенко может еще выправить положение. Остальные поддержали его. Сталин приказал Тимошенко:

- Немедленно выезжайте на фронт и постарайтесь выправить положение.

В коридоре Тимошенко сказал Жукову:

- Ты зря отговорил Сталина. Я страшно устал от его упреков.

- Ничего, Семен Константинович, кончим войну тогда отдохнем, а сейчас скорее на фронт, - подбодрил Жуков.

* * *

Генерал-фельдмаршал фон Бок подвел итоги приграничных боев.

Командующий войсками

Штаб-квартира группы армий "Центр" 8 июля 1941 г.

ПРИКАЗ

Сражение в районе Бепосток - Минск завершено. Войска группы армий сражались с четырьмя русскими армиями, в состав которых входило около 32 стрелковых, 8 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Из них разгромлено: 22 стрелковых дивизии, 7 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад, 3 кавалерийские дивизии.

Боевая мощь остальных соединений, которым удалось избежать окружения, также значительно ослаблена. Потери противника в живой силе очень велики.

Подсчет пленных и трофеев к сегодняшнему дню выявил:

287 704 пленных, в том числе несколько командиров корпусов и дивизий, 2585 захваченных или уничтоженных танков, 1449 орудий, 246 самолетов, множество ручного оружия, боеприпасов, транспортных средств, склады продовольствия и горючего.

Наши потери были не выше, чем те, какие готовы понести мужественные войска.

Этим крупным успехом, достигнутым в битве с сильным, отчаянно сражающимся противником, мы обязаны вашей вере и вашему мужеству. Всем войскам и штабам, а также всем транспортным частям и рабочим формированиям группы армий я выражаю признательность за неустанное выполнение своего долга и выдающиеся достижения. Наша особая благодарность нашим товарищам по оружию - военно-воздушным войскам. Сейчас главное - использовать достигнутую победу! Я уверен, что войска группы армий и впредь сделают все от них зависящее: покоя не будет, пока не будет достигнута окончательная победа!

Да здравствует фюрер!

фон Бок, генерал-фельдмаршал

Сталин приказал создать фронт резервных армий, включив в него 29-ю, 30-ю, 28-ю, 24-ю армии и армию Рокоссовского, с задачей: контрударом этих пяти групп по сходящимся направлениям, с активными действиями 16-й и 20-й армий из окружения, разгромить группировку противника южнее Смоленска.

Но эти кровопролитные бои успеха не принесли.

С 8 по 21 августа опять наступали немцы и тоже, при больших потерях, не смогли прорваться на подступы к Москве.

1 сентября Сталин вновь двинул в наступление 30-ю, 19-ю, 16-ю, 20-ю армии Западного фронта Тимошенко, однако и на этот раз успеха не было, только 24-я армия Резервного фронта разгромила группировку противника под Ельней.

10 сентября Сталин приказал перейти к жестокой обороне войскам Западного, Резервного и Брянского фронтов на

занимаемых рубежах.

Смоленское сражение происходило на фронте 650 километров и в глубину 250 километров, оно сорвало планы гитлеровского командования на быстрое безостановочное продвижение к Москве. Впервые немецкие войска были вынуждены отказаться от наступления и перейти к обороне. Это дало возможность советскому командованию подготовить оборонительные рубежи на непосредственных подступах к Москве и, в какой-то степени, способствовало будущему успеху в битве за столицу.

В Смоленском сражении советские войска проявили высокое мужество, что Сталин отметил введением почетного гвардейского звания.

Первой гвардейской дивизией стала бывшая сотая стрелковая, которой командовал генерал И. Н. Руссиянов (приказ Сталина No 308 18 сентября 1941 г.)

Надо отдать должное Сталину: в те трудные месяцы он твердо руководил войсками, мобилизуя их на отражение натиска врага в Смоленском сражении и на Московском направлении.

Формирование польской армии

30 июля 1941 года были восстановлены дипломатические отношения с польским правительством, которое находилось в эмиграции в Лондоне. Отношения эти были прерваны в связи с событиями, последовавшими после подписания секретного протокола о разделе сфер влияния между СССР и Германией.

Правда, отношения были восстановлены, но обида у поляков, конечно же, осталась. Да и как не обижаться после оскорбительного официального тезиса о "несуществовании польского государства", высказанного Молотовым на заседании Верховного Совета 31 октября 1939 года.

Очень омрачали эти отношения трагические события в Катыни, где были расстреляны польские офицеры. (И до сих пор точно не определено, кто совершил это варварство, - немцы или энкэвэдэшники).

Но шла война, Сталин решил объединять усилия ради возрождения Польши и избавления Советской страны от гитлеровского нашествия.

1 августа 1941 года в Москве начались переговоры. Советскую сторону представлял генерал Василевский, польскую - генерал Шишко-Богуш. Они выработали соглашение "О создании польской армии для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии". Соглашение предусматривало национальный суверенитет польских частей, военную форму польской армии, присягу на верность Польской Республике,

оперативное подчинение Верховному Главнокомандованию СССР во время боевых действий и возвращение армии в Польшу после окончания войны.

Командующим армией был назначен генерал-лейтенант Андерс, которого привезли из советского лагеря военнопленных, куда он угодил в 1939 году, командуя бригадой в боях против Красной Армии. Андерс по происхождению из семьи прибалтийских помещиков, окончил в Петербурге Пажеский корпус, академию Генерального штаба, служил в царской, затем в польской армии,

Армия формировалась в порядке призыва и из добровольцев-поляков, проживающих на территории СССР или находившихся в лагерях военнопленных. Вооружение, экипировка, размещение, снабжение продовольствием осуществлялось советской стороной в кредит, с оговоркой, что Польша рассчитается после окончания войны.

Дислокация определялась так: штаб армии в г. Бузулуке, 5-я пехотная дивизия - Татищевский лагерь; 6-я пехотная дивизия - Тоцкий лагерь. Для начала перечислялось 5 миллионов рублей.

Генерал Андерс представил список старшего командного состава с указанием, на какие должности они рекомендуются: три генерала, восемь полковников, восемь подполковников. К сентябрю 1941 года были освобождены из лагерей и призваны 15 127 бывших польских военнослужащих, из которых 1841 офицер. 17 сентября части польской армии приступили к занятиям.

О всех мероприятиях по формированию польской армии регулярно докладывалось Сталину.

В ноябре 1941 года в Москву прибыл глава польского правительства В. Сикорский. Его и генерала Андерса 3 декабря принял Сталин.

С первой же встречи Сикорский повел разговор не об участии польских частей в боях совместно с Красной Армией, а о том, чтобы отобрать польских летчиков и 20-25 тысяч других военнослужащих и отправить их в Англию для пополнения польских частей на Ближнем Востоке.

Сталину не понравилась эта позиция гостя, и он, как бы и в шутку, но и всерьез, сказал:

- Если поляки не хотят здесь воевать, то скажите об этом прямо, - да или нет. Я считаю - где войска формируются, там они должны остаться и принимать участие в боях. Не хотите? Обойдемся без вас. Можем всех отдать, сами справимся. Отвоюем Польшу и вам ее отдадим. Но что на это люди скажут? Как будут к вам относиться после войны? Какие же вы будете освободители родины, если вашими руками англичане будут решать свои

интересы на Ближнем Востоке? Совместные боевые действия с нашей армией способствовали бы укреплению советско-польских отношений. Нам жить рядом. Мы соседи. Или вам ближе английские интересы?

- Пусть армия пока остается на вашей территории, - согласился Сикорский, - но надо увеличить ее состав, сформировать еще одну дивизию.

- Хорошо, - согласился Сталин, - можем увеличить армию до семи дивизий, но тогда вы добейтесь, чтобы в снабжении частей участвовали Англия и США. Вы же знаете, как нелегко сейчас приходится нам на фронте.

- В вашей стране, - сказал Сикорский, - еще много поляков, которые находятся в лагерях. Можно было бы за счет их сформировать новые части.

Сикорский подал списки Сталину. В этих списках были фамилии многих офицеров, погибших в Катыни. Таким образом, Сикорский хотел или узнать о их судьбе, или уязвить Сталина (тогда однозначно считалось, что офицеры были расстреляны сотрудниками НКВД).

- Хорошо, мы проверим эти списки, - ответил Сталин. После встречи со Сталиным Сикорский посетил польские части и остался очень доволен их состоянием.

Генерал Андерс на следующий день после встречи с Верховным в беседе с корреспондентом "Правды" сказал:

- Наиболее ярким из моих московских впечатлений были встречи с г-ном Сталиным, Верховным Главнокомандующим Красной Армии и вождем Советского Союза. Эти встречи - крупное событие в моей жизни. Каждая фраза Сталина закончена, каждая мысль ясна и обоснованна. Мы ехали к г-ну Сталину с вопросами, от которых зависела судьба нашего дела. Для меня как для солдата, который хочет драться, это были вопросы жизни. И по мере того как Сталин тихо и спокойно отвечал: "Это будет сделано", "Это препятствие мы поломаем", - во мне росла полная уверенность в том, что наше дело победит, что под руководством Сталина советско-польские отношения будут великолепны, а трудности забудутся при общей доброй воле и решимости идти вместе до конца. Мы хотим скорее драться, чтобы скорее вернуться в Польшу, к своим семьям и своим очагам, а потом продолжать путь на запад до победы.

Однако во всей своей последующей работе генерал Андерс делал все, чтобы не допустить участия в боях польских частей вместе с Красной Армией.

Личное горе Сталина

20 июля 1941 года немецкое радио и газета "Фелькишер

беобахтер" сообщили о том, что сын Сталина, Яков, находится в плену. Не трудно представить, какой это был удар для Сталина - как отца и как Верховного Главнокомандующего, человека, как говорится, на виду у всего мира. Его, несомненно, потряс не только сам факт пленения и угрозы гибели сына, но и беспокойство - как поведет себя Яков, находясь в руках врага.

О пребывании Якова в плену и о его гибели написано много и еще больше ходит всевозможных слухов.

Я пересказываю некоторые отрывки (в основном документы) из разных публикаций; вместе с другими собранными мною сведениями, они, надеюсь, дадут, наконец, более полное представление о пленении и гибели Якова и помогут читателям избавиться от всевозможных домыслов по этому поводу. К тому же наша разведка выяснила подробности пленения Якова и даже добыла протоколы его допросов в немецком плену.

Вот сокращенная копия протокола первого допроса сына Сталина, который вели в штабе армии генерал Клюге, майор Голтерс и капитан Ройшле 18.07.1941 года. Поскольку допрашивали двое, то некоторые их вопросы поставлены в третьем лице:

- Ваше имя?

- Яков.

- А фамилия?

- Джугашвили.

- Вы являетесь родственником Председателя Совета Народных Комиссаров?

- Я его старший сын.

- Вы говорите по-немецки?

- Я учил немецкий язык 10 лет назад, кое-что помню.

- Ваше звание и в какой части служили?

- Старший лейтенант. Служил в 14-м гаубичном полку 14-й танковой дивизии.

- Как вы попали к нам?

- Я, то есть, собственно, не я, а остатки дивизии, мы были разбиты и окружены.

- Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

- Не добровольно. Я был вынужден.

- Как обращались с вами наши солдаты?

- Сапоги с меня сняли. В общем, я бы сказал, не плохо...

- Для чего в армии имеются комиссары? Что за задачи они имеют?

- Поднимать боевой дух... они дают политическое воспитание.

- А как относится к этому солдат, командир, офицер?

- Видите ли, если комиссар работает с умом, то его любят и

уважают. Но когда он, используя свои права, начинает оказывать на солдата свое давление, то ясно, что тот ведет себя формально, скажем, на собраниях, везде и всюду, но возможно, что в глубине души он его и не уважает.

- Известны вам такие случаи, когда войска отвергали комиссаров?

- Пока что мне это неизвестно.

- Тогда, может быть, ему будет интересно узнать, что здесь у нас, в лагерях для военнопленных солдаты занимают резко отрицательную позицию в отношении комиссаров и нам приходится брать комиссаров под защиту, чтобы их не убили их собственные солдаты.

- Видите ли, все зависит от того, что это за красноармейцы.

- Речь идет о бывших кулаках.

- Кулаки - бывшие богатые крестьяне.

- Разве они недовольны настоящей государственной системой?

- Конечно, они недовольны.

- Почему они ею недовольны?

- Потому что... Послушайте, вы знаете историю партии? Историю России? В общем, кулаки были защитниками царизма и буржуазии.

- Не думает ли он, что кулак защищает свою собственность в бывшей Русской империи, или же немецкий крестьянин защищает теперь свою собственность только потому, что он еще является собственником? У нас в Германии ведь существует частная собственность, а в России она упразднена.

- Да, да, так и есть. Вы забываете, он - это одно, а его дети совсем другое, они воспитаны в совершенно ином духе. В большинстве случаев дети отказываются от таких родителей.

- Считает ли он, что последние годы в Советском Союзе принесли рабочему и крестьянину преимущества по сравнению с тем, что было раньше?

- Безусловно. Спросите их, как было при царизме, спросите их, они вам ответят. В России построили собственную промышленность. Россия ни от кого не зависит. У России есть все свое, может быть, это делалось за счет крестьян, за счет рабочих, и вполне возможно, что часть населения недовольна.

- После того, что вы теперь узнали о немецких солдатах, вы все еще думаете, что имеются какие-либо шансы у Красной Армии оказать такое сопротивление, которое изменило бы ход войны?

- Видите ли, у меня нет таких данных, так что я не могу сказать, имеются ли какие-либо предпосылки. И все же лично я

думаю, что борьба еще будет продолжаться.

- Знает ли он, где стоит теперь наша армия? Не именно на этом участке, а на севере и на юге? Знает ли он, что мы уже находимся в Киеве? Как, по его мнению, сложится обстановка, если мы в скором времени войдем в Москву?

- Я знаю, что вы находитесь недалеко от Москвы.

- Он только что сам сказал, что он знает, что мы находимся под Москвой, на подступах к Москве, он ведь должен представить себе, что произойдет, когда Москва будет наша.

- Хорошо, я вам отвечу откровенно: я не могу себе этого представить.

- Как же он считает это возможным?

- Разрешите задать вам контрвопрос? А что, если вы будете окружены?

- Известно ли ему о таких случаях во время войны?

- Видите ли, по-моему, это возможно, т. е. в настоящее время у меня нет никаких данных. Что касается моего мнения по данному вопросу, то были случаи, когда ваши прорвавшиеся корпуса окружались и уничтожались. Такие случаи были.

- Известна ли вам позиция национал-социалистической Германии по отношению к еврейству? Знаете ли вы, что теперешнее красное правительство главным образом состоит из евреев? Выскажется ли когда-нибудь русский народ против евреев?

- Все это ерунда. Болтовня. Они не имеют никакого влияния. Напротив, я лично, если хотите, я могу вам сказать, что русский народ всегда питал ненависть к евреям.

- А почему ненавидят комиссаров и евреев? В тех городах и селах, через которые мы прошли, люди постоянно говорят: евреи - наше несчастье в красной России.

- Что я должен вам ответить? О комиссарах скажу позднее. О евреях же могу только сказать, что они не умеют работать, что евреи и цыгане одинаковы - они не хотят работать. Главное, с их точки зрения, это торговля. Некоторые евреи, живущие у нас, говорят, что в Германии им было бы лучше, потому что там разрешают торговать. Пусть и бьют, но зато разрешают торговать. Быть рабочим или крестьянином еврей у нас не хочет, поэтому их не уважают... Слышали ли вы, что в Советском Союзе имеется Еврейская автономная область со столицей в Биробиджане? Так вот, там не осталось ни одного еврея, и живут в Еврейской автономной области одни русские.

- Известно ли вам, что вторая жена вашего отца тоже еврейка Каганович?

- Нет, нет! Все это слухи. Чепуха. Первая жена - грузинка,

вторая русская - Аллилуева. Остальное слухи, чепуха.

- Что сказал отец напоследок, прощаясь с вами 22 июня?

- Иди - воюй!

- Известно ли ему, что мы нашли письма, в которых говорилось, что друзья надеются свидеться вновь этим летом, если не состоится предполагаемая прогулка в Берлин этой осенью?

(Яков читает письмо. В этом письме, представляющем собой переписку двух русских офицеров, имеется следующая фраза:

"Я прохожу испытания как младший лейтенант запаса и хотел бы осенью поехать домой, но это удастся только в том случае, если этой осенью не будет предпринята прогулка в Берлин". Подпись: Виктор. 11.6-41 г.).

- Что он скажет на это письмо?

- Вы хотите сказать, что из этого письма якобы видно:

положение было таково, что Советский Союз хотел раньше объявить войну, чем напала Германия? Не правда ли, так нужно понимать это письмо?

- Имеются ли основания к этому? Действительно ли были такие намерения?

- Нет, не думаю. Факт остается фактом. Ведь вы первые напали, правда? Не Советский Союз первым напал на Германию, а Германия напала первой! Мне говорят, будто бы есть речь Сталина, в которой говорится, что если Германия не нападет первой, то это сделаем мы. Я никогда не слыхал ничего подобного! Никогда не слыхал!

- Женаты вы или еще холост?

- Да. Я женат.

- Есть ли у вас дети?

- Одна дочь. Ей три года.

- Не хотите ли вы, чтобы мы известили жену, что вы попали в плен?

- Не нужно... Если вы хотите исполнить мою просьбу, то не сообщайте.

- Не думаете ли вы, что семья из-за этого пострадает? Позор для солдата - попасть в плен?

- Мне стыдно! Мне стыдно перед отцом, что я остался жив.

- Но ведь не только перед отцом, но и перед женой!

- Да, и она мне не безразлична. Я ее очень уважаю, очень люблю.

- Убежит ли ваша жена из Москвы вместе с красным правительством? Возьмет ли ее ваш отец вместе с собой?

- Может быть, да. А может быть, нет.

Якову предложили написать записку отцу. Он написал.

Записка дошла до Сталина и хранилась в его сейфе. "19.7.41 Дорогой отец!

Я в плену. Здоров. Скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию. Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша".

Дальше судьба сына Сталина сложилась следующим образом. Пленного потребовали направить в Берлин. Его поместили в Просткентский лагерь. Здесь продолжались допросы и попытки разговорить Якова "по душам", но Джугашвили отвечал коротко или молчал.

Вот что вспоминал капитан Ужинский, находившийся в то время в этом лагере:

"Когда был привезен в лагерь Джугашвили, выглядел он плохо, как будто перенес тяжелую, длительную болезнь. Щеки впалые, цвет лица серый. На нем было советское, но солдатское обмундирование. Яловые сапоги, солдатские брюки, пилотка и большая для его роста серая шинель. Питался он наравне со всеми - одна булка хлеба на 5-6 человек в день, чуть заправленная жиром баланда из брюквы, чай. Иногда на ужин давали картошку в "мундире". Мучаясь из-за отсутствия табака, Яков нередко менял свою дневную пайку на щепоть махорки.

Несколько раз в месяц его тщательно обыскивали, а в комнату поселили соглядатая... Лагерное начальство разрешило Джугашвили работать в небольшой мастерской, расположенной в нижнем этаже офицерского барака. Здесь человек 6-10 военнопленных делали из кости, дерева и соломы мундштуки, игрушки, шкатулки, шахматы. Вываривая полученные из столовой кости, заключенные готовили себе "доппаек".

Яков оказался неплохим мастером и за полтора месяца сделал костяные шахматы, которые обменял на картошку унтер-офицеру Кауцману. Позднее эти шахматы за 800 марок купил какой-то немецкий майор".

В конце апреля 1941 года сравнительно сносное существование Якова было прервано неожиданным приказом снова перевести его в Центральную тюрьму гестапо. А в 41еврале 1943 года, по личному указанию Гиммлера, Яков отправился в печально известный концлагерь Заксенхаузен. Первое время он находился в лагерной тюрьме, затем был переведен в режимный барак зондерлагеря "А". Эта особая зона была отделена от основного лагеря высокой кирпичной стеной и опоясана колючей проволокой, по которой проходил ток высокого напряжения. Охрану несли эсэсовцы.

После окончания боевых действий в 1945 году в плен к американцам попали несколько гитлеровцев - работников лагеря

Заксенхаузен. По просьбе советского командования их передали "СМЕРШУ". Естественно, наших следователей интересовали их показания и о Джугашвили.

Комендант лагеря штандартенфюрер СС Кайндль рассказал:

"В концлагерь Яков Джугашвили был доставлен из 5 отдела

имперской безопасности Германии доктором Шульце. Часто из Берлина приезжал навещать военнопленного другой гестаповец - криминальный комиссар имперской безопасности Штрук.

О том, что судьбой Джугашвили был заинтересован лично Гиммлерˆ было известно многим. Видимо, он хотел использовать сына Сталина в случае сепаратных переговоров с СССР или для обмена захваченных в русский плен видных нацистов".

Не исключено, что с этой же целью в соседней с Яковом комнате содержался племянник Молотова Василий Кокорин (как выяснилось позже, этот самозванец лишь выдавал себя за племянника Молотова), а в других комнатах жили племянник Черчилля Том Кучинн, сын премьер-министра Франции капитан Блюм и другие знатные пленники.

14 апреля 1943 года Яков Джугашвили покончил жизнь самоубийством.

По другой версии, Яков Джугашвили был убит.

Вот что показал эсэсовец Конрад Харфиг.

"14 апреля 1943 года, около 20.00 я заступил на пост. Все пленные, кроме Якова Джугашвили, были уже в бараке, лишь один он продолжал лежать у барака и бить веткой по земле. Я обратил внимание на то, что он был очень взволнован. Когда в 20.00 начальник караула пришел с ключами, чтобы запереть пленных в бараках, а я отправился запереть дверь в проволочном заборе, отделяющем бараки, Яков Джугашвили все еще продолжал лежать у барака. Я потребовал, чтобы он поднялся и вошел в барак, на что он мне ответил: "Нет, делайте со мной что хотите, но я в-барак не пойду. Я хочу поговорить с комендантом".

Начальник караула унтершарфюрер Юнглинг направился к сторожевой башне, чтобы поговорить по телефону с комендантом лагеря, но едва он ушел, как Яков Джугашвили, пройдя мимо меня, внезапно стремительно бросился к наземной проволочной сети "спотыкачу", преодолел ее и крикнул мне:

"Часовой, стреляй!" На это я ему ответил: "Вы не в своем уме, выйдите из-за проволоки, идите в барак, идите спать, завтра все уладится!" На это он мне ответил: "Немецкий часовой - трус. Русский часовой тотчас бы выстрелил!"

Я подумал про себя: дам ему возможность одуматься. Прийти в себя. Я прошел метров сорок и, обернувшись назад, увидел, что он обеими руками ухватился за проволоку, находившуюся под высоким напряжением. После этого мне пришлось, согласно Уставу, применить оружие. С расстояния примерно 6-7 метров я прицелился ему в голову и нажал на спусковой крючок. Я попал в

него. Сразу после выстрела он разжал руки, откинулся всем телом назад и остался висеть на проволоке головой вниз".

В апреле 1943-го труп Якова Джугашвили был кремирован, а урну с прахом увезли в Берлин, в Главное управление имперской безопасности. Куда она делась потом, никто не знает...

В этих показаниях есть два явных несоответствия: отошел на сорок метров и, обернувшись, увидал, что Джугашвили уже обеими руками ухватился за проволоку. Как же Харфиг, находясь в 40 метрах от этого места, выстрелил "с расстояния 6-7 метров" в голову Джугашвили и "попал в него"?! Если он видел на расстоянии сорока шагов, что Яков "обеими руками ухватился за проволоку" - то в тот же миг Джугашвили погиб от удара тока высокого напряжения.

Но эсэсовец утверждает: "Сразу после выстрела он разжал руки, откинулся всем телом назад и остался висеть на проволоке головой вниз". Значит, до этого выстрела Яков был жив, и убил его не ток, а эсэсовец. Если бы проволока находилась под током, не было бы никакой необходимости стрелять в Джугашвили.

В общем, в объяснении гитлеровцев концы с концами не сходятся. Вероятнее всего, они убили его, потому что Яков не шел ни на какие сделки с немцами, не выступал по радио, не подписывал листовки, как от него требовали, и т. д. Он замкнулся, а таким он не был нужен гестаповцам.

Другой, более достоверный, на мой взгляд, вариант.

Джугашвили допрашивали много раз приезжающие из Берлина гестаповцы. Гестаповец Ройшле спрятал под скатертью микрофон, записал беседы, а потом так хитро смонтировал запись, что Яков предстал обличителем сталинского режима.

Эту пленку крутили по радиоусилителям на передовой, и голос Якова слышали советские солдаты, а на их головы немецкие самолеты сбрасывали листовки с призывом сдаваться в плен, следуя совету сына Сталина: "потому что всякое сопротивление германской армии бесполезно". Чтобы не было сомнений, что в их руках действительно сын Сталина, немцы сделали серию фотографий: Джугашвили в окружении германских офицеров - то беседует, то пьет чай. Само собой разумеется, все это публиковали в газетах и журналах.

Когда это стало известно Сталину, он, соблюдая закон (приказ 227 предусматривал репрессировать семьи пленных, сотрудничающих с немцами), распорядился на общих основаниях выслать жену Якова, Юлию, как жену изменника, но внучку оставил у своей дочери Светланы. Сталин хотел, чтобы о нем не пошла молва, будто он покрывает семью сына, который на стороне немцев ведет антисоветскую пропаганду. Сталин не

отступил от закона и, хотя и был Верховным Главнокомандующим, в таких случаях ставил себя наравне со всеми.

В 1943 году, когда выяснилось, что по отношению к Якову немцы совершили подлейшую провокацию, что он не был изменником, Юля была освобождена из-под стражи и вернулась в семью.

Яков узнал о провокации немцев от поступавших новых пленных. Они рассказали Якову о листовках, подписанных его именем и призывающих советских солдат сдаваться, а также о фотографиях, на которых Джугашвили за бутылкой вина дружески беседует с немецкими офицерами.

Яков в плену вел себя мужественно, никаких поводов для немецкой пропаганды не давал. Он наложил на себя руки, чтобы доказать непричастность к грязным делам фашистов и чтобы не дать им возможности спекулировать его именем в будущем. И может быть, этим хотел оправдаться перед отцом.

Когда окончательно выяснились все обстоятельства пленения и мужественного поведения Якова в тюрьмах и лагерях, в 1977 году (через 25 лет после смерти Иосифа Виссарионовича) Указом Президиума Верховного Совета СССР Яков Иосифович Джугашвили был награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно).

К сожалению, отец, несомненно, страдавший из-за этой затяжной трагедии, не утешился при жизни таким оправданием сына.

Удивительные совпадения случаются в жизни: сын будущего Генерального секретаря ЦК КПСС Хрущева - Леонид Хрущев оказался в плену у немцев, так же как и Яков Сталин, только несколько позже - в марте 1943 года. Сходство ситуации на этом начинается и на этом же заканчивается, все, что было до пленения и после, диаметрально противоположно: Леонид и Яков абсолютные антиподы по характеру, по поступкам и по убеждениям.

Но пойдем по порядку. О Леониде Хрущеве (так же как и о Якове Джугашвили) ходило много слухов и различных рассказов о его похождениях в мирное и военное время. Еженедельник "Версия" в трех номерах (23, 24, 29 за 2000 год) опубликовал обширные материалы под заголовком "Предатель или герой?", в которых подробно излагается, как Никита Сергеевич Хрущев сначала пытался спасти сына, а потом (став Генсеком) подтасовывал факты, изымал из архивов компромат. Очень много подлого и непристойного есть в поступках отца и сына. Не буду отнимать много времени у читателей. "Версия" не дает

однозначного ответа на поставленный вопрос: кто же Леонид Хрущев - герой или предатель? Ответим для себя рассказом людей, на мой, взгляд, достоверно осведомленных.

С 1 июля 1941 года по март 1942 года Леонид находился на лечении в Куйбышеве - повредил ногу при посадке самолета и на фронт совсем не спешил - на собственных ногах гулял отменно!

Из воспоминаний (тоже летчика) Степана Микояна:

"В Куйбышеве я ходил на процедуры в поликлинику, где познакомился с двумя старшими лейтенантами, тоже проходившими амбулаторное лечение после ранения: Рубеном Ибаррури, сыном вождя испанской компартии знаменитой Долорес и Леонидом Хрущевым. Леонид Хрущев был хороший, добрый товарищ. Мы с ним провели, встречаясь почти ежедневно, около трех месяцев. К сожалению, он любил выпивать. В Куйбышеве в гостинице жил в это время командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший "блат" на ликероводочном заводе. Они покупали там напитки в расчете на неделю и частенько распивали их в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Бывали там и другие гости, в том числе и девушки. Леонид, даже изрядно выпив, никогда не буянил, он становился еще больше добродушным и скоро засыпал. Мы познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации, Валей Петровой и Лизой Ост-роградской. Когда меня уже в Куйбышеве не было, там произошла трагедия, о которой я узнал от одного приятеля Леонида, приехавшего в Москву, а потом рассказ подтвердила и Валя Петрова, которой этот приятель рассказал сразу после случившегося. По его рассказу, однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно "под градусом", в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в саму бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в голову. Леонида Хрущева осудили на восемь лет с отбыванием на фронте (это тогда практиковалось в отношении осужденных летчиков). Не долечив ногу, он уехал на фронт, добившись переучивания на истребитель ЯК-7Б..."

После переподготовки в полку к именитому сынку было особое отношение, - об этом писало командование его отцу в уже печальном письме о гибели Леонида:

"Для обучения воздушному бою к Вашему сыну был прикреплен лучший боевой летчик полка старший лейтенант За-

морин, имевший на своем счету 13 лично сбитых самолетов противника. На неоднократных поверках... Леонид Никитович Хрущев неизменно показывал отличные результаты, мастерство, напористость и отвагу, свойственные талантливым летчикам-истребителям. И все же, несмотря на это, командование полка продолжало дальнейшую его тренировку, под разными предлогами удерживая от боевой работы.

Настойчивые просьбы Вашего сына, который очень обижался, почему "так долго возятся", и блестящая техника пилотирования, умение вести себя в воздушном бою послужили... основой для разрешения... Хрущеву выполнять боевые задания в составе группы из 6-9 самолетов под наблюдением и контролем... Заморина. Заморин в первых совместных воздушных схватках сам боя не вел, а охранял своего ученика и наблюдал за его поведением..."

Понятно желание командования облегчить боль утраты сына, очевидно и опасение упрека - "Не сберегли!" Но не будем отступать от правды и, опираясь на документ (журнал учета боевых вылетов), скажем: 11 марта 1943 года был первый и последний день боевой работы летчика Леонида Хрущева. С утра он вылетел в составе группы истребителей, и Заморин "сам боя не вел, а охранял своего ученика и наблюдал за его поведением". Собственно, и боев-то не было, а вся группа совершала тренировочный полет.

Во время третьего вылета, в тот же день, наверное после обеда и отдыха, "Хрущев не вернулся из воздушного боя".

Ни летчики, ни командование не утверждают, что Леонид Хрущев погиб, в личном деле отметка "Пропал без вести". Это случилось 11 марта 1943 года. С этого дня и начинаются различные слухи, версии, подтасовки, подчистки и замена документов в личном деле старшего лейтенанта Хрущева. Зачем? Почему? Мне кажется, наиболее полно и достоверно отвечает на эти вопросы как человек, лучше других осведомленный в делах секретных, - генерал КГБ В. Удилов, он 37 лет прослужил в контрразведке. Его воспоминания, касающиеся дела Л. Хрущева, опубликованы в "Независимой газете" 17.02.1998 года и в "Версии" в августе 2000 года:

"Л. Хрущев попадал в руки органов правосудия не раз. Еще до войны он связался в Киеве с бандитами. Их поймали и по приговору суда расстреляли, а сынок Никиты Сергеевича чудом избежал наказания. После инцидента в Куйбышеве Хрущев умолял Сталина пощадить сына. И вымолил. В первом же бою истребитель, пилотируемый Л. Хрущевым, ушел в сторону немцев и бесследно пропал. Версию продолжения я слышал (давно уже)

из уст сотрудников отдела административных органов ЦК КПСС и КГБ СССР. Сын Хрущева, то ли по собственной инициативе, то ли из-за вынужденной посадки, оказался в плену у немцев. То ли посчитав себя обиженным советской властью, то ли по какой-то другой причине, пошел на сговор с немцами. Последовала команда Сталина выкрасть сына Хрущева. Операцию могли провести: контрразведка "СМЕРШ", руководимая тогда генерал-полковником Абакумовым, и те, кто участвовал в уничтожении за границей Троцкого. Во время войны ими руководил генерал-лейтенант Судоплатов. Незадолго до своей кончины Павел Анатольевич сказал мне, что его подчиненные, возможно, участвовали в похищении Л. Хрущева, но не стал вдаваться в подробности. Сын Хрущева был доставлен в Москву. "СМЕРШ" собрал документальные факты о прегрешениях Л. Хрущева. Военный трибунал Московского военного округа приговорил его к высшей мере наказания - расстрелу.

Можно представить, в каком положении оказался Никита Сергеевич. В недавнем прошлом он дважды просил Берию, Серова, лично Сталина о снисхождении к сыну. Узнав о приговоре Военного трибунала, он обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) и просил отменить суровую кару. Как ни странно, но и тут Сталин пошел навстречу. Вопрос о судьбе Леонида Хрущева был вынесен на рассмотрение Политбюро.

И вот заседание Политбюро. Абакумов изложил материалы дела, приговор Военного трибунала и удалился. Первым на заседании выступил секретарь Московского обкома и горкома (он же начальник Политуправления Красной Армии и кандидат в члены Политбюро) Щербаков.

От первого выступления зависело многое, и прежде всего - куда и в каком направлении пойдет обсуждение. Щербаков основной упор сделал на необходимости равенства всех перед законом. Нельзя, заявил он, прощать сынков именитых отцов, если они совершили преступление, и в то же время сурово наказывать других. Что тогда будут говорить в народе? Щербаков высказался за то, чтобы оставить приговор в силе.

Затем слово взял Берия. Он напомнил, что Леонида Хрущева уже дважды прощали.

Маленков, Каганович, Молотов были едины: оставить приговор в силе.

Последним выступил Сталин. Его старший сын Яков также находился в плену у немцев. Своим решением Сталин как бы заранее подписывал приговор и ему. "Никите Сергеевичу надо крепиться и согласиться с мнением товарищей. Если то же самое произойдет с моим сыном, я с глубокой отцовской горечью приму

этот справедливый приговор!" - Так, рассказывали мне, подытожил Сталин, закрывая заседание".

Нужны ли комментарии? Может быть, стоит привести лишь одну фразу, показывающую, какие последствия лично для Сталина имело дело Хрущева-младшего. А сказал эту фразу Хрущев-старший в кругу приближенных перед XX съездом:

- Ленин, в свое время, отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына.

Слышал эту угрозу генерал Докучаев, человек заслуживающий доверия, потому что был заместителем начальника Главного управления охраны КГБ СССР.

Два отца, два сына, две судьбы - и какие они не сходные, какие разные в своем горе!..

На стороне противника

(Июль - август 1941 года)

По всей Германии громкоговорители гремели военными маршами. Будто вся страна участвовала в военном походе. Праздничное волнение охватило народ. Геббельс с пафосом поздравлял соотечественников с новыми победами, с ликованием провозглашал все новые и новые названия городов, которыми овладела германская армия.

В ставке Гитлера тоже праздничное настроение, все приветливы, улыбчивы. Отброшены заботы, сомнения и колебания, на фюрера смотрят с великим почтением. А как же - победитель Франции, Польши и вот уже почти покоритель России!

В присутствии фюрера говорят только шепотом. В полный голос, раскатисто и победно, говорит только он. И всем это понятно и приятно. Имеет право!

Третьего июля, на двенадцатый день войны, Гальдер записал в своем дневнике: "В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... восточнее мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена".

А Гитлер на очередном совещании 4 июля многозначительно заявил:

-Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить.

Не надо думать, что гитлеровцы были людьми легкомысленными, и представлять их так карикатурно, как порой описывали наши газеты, просто наивно. У руководства германскими вооруженными силами были довольно весомые основания для хорошего настроения.

Окрыленный успехами первых двух недель боев, Гитлер рассуждает о делах, которые будет осуществлять вермахт после завершения восточной кампании. Он вообще настолько верил в реальность своих замыслов, что еще до нападения на СССР отдал соответствующие указания, и генштабисты разработали директиву No 32. Гитлер подписал ее 11 июня 1941 г.

Эта директива фокусировала задачи на операции вермахта после осуществления плана "Барбаросса". Предусматривалось, что после разгрома Вооруженных Сил Советской России, "исходя из обстановки, которая должна сложиться в результате победоносного завершения похода на восток, перед вооруженными силами могут быть поставлены на конец осени 1941 г. и зиму 1941/42 г. следующие стратегические задачи..." Дальше излагались эти задачи: в Северной Африке захватить Тобрук и наступать на Суэцкий канал; из Закавказья бросить механизированный экспедиционный корпус в Иран и Ирак; блокировать западный вход в Средиземное море путем захвата Гибралтара и так далее.

Но, кроме лучезарных планов, существовали реальная обстановка, реальные войска, которые продолжали сражения. А реальность эта была такова, что группа армий "Центр", понеся большие потери в боях за Смоленск, имела на своем правом фланге отставшую группу армий "Юг", войска же нашего Юго-Западного фронта угрожали тылам продвинувшейся группы армий "Центр" и могли нанести ощутимый контрудар, а при хорошей организации и отрезать эти прорвавшиеся вперед армии центральной группы.

И вот у фюрера появилась забота: куда двигать войска дальше - на юг или на север? О том, почему возникла такая проблема, кто заставлял об этом думать, в окружении Гитлера как-то не принято было говорить. Просто возникла проблема, и фюрер в театральной позе, предрешая гениальность своего выбора, предрекал: "Это будет самым тяжелым решением этой войны". Втайне он, видимо, понимал, что расчет на молниеносный удар не сбывается. Во всех вариантах восточной кампании, которые разрабатывались до начала войны, предусматривалось - не допустить отхода частей Красной Армии в глубь территории Советского Союза, все они должны были быть окружены и уничтожены до рубежа Днепра. Однако это явно не состоялось.

Внешне Гитлер был спокоен и важен, но в сознании его что-то заметалось в предчувствии беды. Это можно сегодня подтвердить несколькими отданными им директивами. Была целая вереница директив, причем одна другую догоняла, уточняла и даже отменяла.

19 июля, опасаясь за судьбу группы армий "Центр", Гитлер вынужден был отдать директиву No 33. Кстати, это первая директива после подписанного в начале войны плана "Барбаросса", которая конкретизировала дальнейшие действия войск.

Согласно этой директиве, приостанавливалось наступление группы армий "Север". Командующему группой армий "Центр" Боку было приказано заняться наведением порядка в своих армиях, и особенно восстановить боеготовность танковых соединений. Рундштедту - группа армий "Юг" - приложить все силы для уничтожения советских армий и не позволить им уйти на восток, за Днепр.

Вынужденный отдать такое приказание, Гитлер был этим очень недоволен, потому что подобная приостановка никак не входила в прежние расчеты ни его, ни верховного командования вермахта. Многие генералы из окружения Гитлера всячески подбивали фюрера на продолжение безоглядного наступления на Москву, да и сам Гитлер, все время искавший возможностей осуществить свои прежние намерения, вдруг, вопреки логике событий, неожиданно для командующих, 23 июля отдает дополнение к директиве No 33, которое в корне меняет ранее поставленные задачи.

Теперь Лееб группой армий "Север" должен - без дополнительных танковых сил - взять Ленинград, Бок группой армий "Центр" - взять Москву, и, кроме того, 3-й танковой группе, входящей в состав ее войск, приказано двинуться к Волге. А Рундштедт на юге, получив подкрепление, должен был пройти через Харьков и Донбасс, вторгнуться на Кавказ и осуществить дальнейшие планы, намеченные в директиве No 32, то есть двигаться в Ирак и Иран.

Как видим, Гитлер, не считаясь с обстановкой на фронтах, пытается волевым напором осуществить свои заветные замыслы. Зачем ждать? Противник разгромлен, он шатается, его надо только толкнуть! Ведь несколько дней назад всем было ясно - война выиграна.

Главнокомандующий сухопутными силами Браухич и начальник генерального штаба Гальдер поняли невыполнимость задач, которые ставил в этих новых указаниях Гитлер. Они высказали свои точки зрения, но аргументы их не были признаны

достаточно убедительными.

Тем временем на западном направлении продолжалось Смоленское сражение. В районах Ярцева, Ельни, Смоленска, в котлах у Могилева советские войска действовали очень активно, исход этих боев был настолько непредсказуем и успех действий советских войск мог привести к таким тяжелым последствиям, что Гитлер был вынужден 30 июля отдать еще одну, очередную, директиву No 34, которой практически отменял свой предыдущий приказ и в которой снова давал указания о переходе к оборонительным действиям.

Командующий центральной группой войск Бок был очень недоволен этим приказом, потому что он все еще был уверен, что сможет решительным рывком в сторону Москвы опрокинуть советские части и овладеть столицей.

После войны гитлеровские генералы обвинили своего фюрера в авантюризме и недостаточной стратегической грамотности. Но сравнение действий фюрера и его командующего на центральном направлении свидетельствует как раз об обратном. В данном случае Гитлер, опасаясь тяжелых последствий в результате наступательных действий советских армий, приказывал Боку остановиться, отбить наступление, дообеспечить свои войска, привести их в порядок и только после этого возобновить наступление. Однако Бок готов был ослушаться фюрера, он заявлял: "Мы теряем огромный шанс... Необходимо двигаться вперед, на Витебск, не обращая внимания на создавшиеся в тылу котлы". Главнокомандующему Браухичу он сказал: "Принципы современной войны требуют продолжать наше движение на Москву. Мы разбили большое число соединений противника". Более осторожный Браухич говорил Боку о том, что в тылу остались еще сильные советские части и надо перейти к временной обороне. Но Бок продолжал настаивать на своем.

Для того чтобы окончательно разобраться в сложившейся обстановке и сделать заключение, кто же прав - Бок или Браухич, Гитлер 4 августа прилетел в Борисов, в штаб группы армий "Центр". Главным вопросом, который назрел и по поводу которого Гитлер должен был принять решение, был вопрос о том, где сосредоточить основное усилие - на наступлении на Москву или на взятии Киева.

Совещание началось с доклада Бока об обстановке на фронте группы армий "Центр". Он обрисовал положение войск, их состояние и материальное обеспечение.

Гудериан, доложив обстановку перед фронтом своей 2-й танковой группы, особо подчеркнул:

- Для продолжения операции необходимо восполнить потери

в офицерах, унтер-офицерах и солдатах, а также в технике. В случае подвоза необходимого числа новых двигателей можно на 70% восстановить боеспособность танков для ведения глубоких операций. Если группа получит меньше, то сможет проводить лишь ограниченные операции.

Дальше докладывал Готт об обстановке на фронте 3-й танковой группы, он тоже особенно подчеркнул, что дальнейшие операции его группа может вести лишь с ограниченной целью, если не будут подвезены новые двигатели.

Высказались и другие присутствующие, в целом их мнение сводилось к тому, что группой армий "Центр" необходимо продолжать наступление на Москву.

Как бы подводя итоги, но не принимая еще окончательного решения, а только размышляя, Гитлер сказал:

- Планы Англии определить в настоящее время невозможно. Они могут высадить десанты и на Пиренейском полуострове, и в западной Африке. Для отражения таких попыток высадки десанта, а также для других целей необходимо держать наготове высокоманевренные резервы. Для этого служат две танковые дивизии, находящиеся на родине, и вновь формирующиеся танковые соединения. На оснащение последних идет основная масса производимых двигателей. Однако мы подумаем, и я надеюсь, что найдем возможность выделить для второй и третьей танковых групп хотя бы четыреста новых двигателей.

Гудериан вставил реплику:

- Только для второй танковой группы требуется их триста. Гитлер не ответил на реплику и продолжал рассуждать:

- Для принятия решений о продолжении операции определяющей является задача - лишить противника жизненно важных районов. Первая достижимая цель - Ленинград и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий, а в самом Ленинграде находится единственный завод по производству сверхтяжелых танков, а также в связи с необходимостью устранения русского флота на Балтийском море. Мы надеемся достигнуть этой цели к 20 августа. После этого значительная часть войск группы армий "Север" будет передана в распоряжение группы армий "Центр".

Затем Гитлер продолжил:

- На юге обстановка в течение последних дней развивалась благоприятно. Там намечается уничтожение крупных сил противника. Противник сильно измотан также в результате предшествующих операций группы армий "Юг", его боеспособность нельзя назвать высокой... Можно предположить,

что в ближайшее время русская армия придет в такое состояние, что не сможет вести крупных операций и сохранить в целости линию фронта. Большие потери противника подтверждаются тем, что он бросает в последнее время в бой свои отборные пролетарские соединения, как видно из докладов генерал-полковника Гудериана о наступлении на Рославль... Сложилось впечатление, что там удался полный прорыв и путь на восток за Рославлем свободен.

Гитлер упивался оптимизмом:

- В целом операции на восточном фронте развивались до сих пор более удачно, чем это можно было бы ожидать, даже несмотря на то, что мы встретили сопротивление большего количества танков и самолетов, чем то, которое предполагали... Англичане радостно кричат о том, что немецкое наступление остановилось. Надо будет ответить им через нашу прессу и радио и напомнить об огромных расстояниях, которые нами уже преодолены. Суточные переходы пехоты превосходят все, что было достигнуто до сих пор. Я даже рассчитывал, что группа армий "Центр", достигнув рубежа Днепр - Западная Двина, временно перейдет здесь к обороне, однако обстановка складывается так благоприятно, что нужно ее быстро осмыслить и принять новое решение.

Далее Гитлер развил свои суждения об общей обстановке:

- На втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к краху всей экономики русских... Поэтому операция на юго-восточном направлении мне кажется первоочередной, а что касается действий строго на восток, то здесь лучше временно перейти к обороне. Эксперты и специалисты по метеорологии докладывают, что в России период осенних дождей на юге начинается обычно в середине сентября, а в районе Москвы лишь в середине октября, таким образом, мы успеем, завершив операции на юге, продолжить их в направлении Москвы на восток до наступления дождей...

Дождавшись паузы и понимая, что Гитлер все больше склоняется к тому, чтобы сосредоточить главные усилия на флангах, то есть на севере в сторону Ленинграда и на юге в сторону Киева, Бок все же попытался напомнить ему:

- Однако наступление на восток в направлении Москвы будет предпринято против основных сил противника. Разгром этих сил решил бы исход войны. Вместе с тем надо отдавать себе отчет и в том, что для проведения такого решающего наступления его надо

тщательно подготовить и питать необходимой техникой и боеприпасами.

На этом совещании Гитлер не принял окончательного решения. Вопрос о том, в каком направлении сосредоточить главные усилия войск на восточном фронте, остался открытым.

Из штаба группы армий "Центр" Гитлер вылетел к Рундштедту в группу армий "Юг". Здесь было еще более сложное положение. Рундштедт полностью увяз в боях с частями Юго-Западного фронта, которым командовал М. П. Кирпонос. Рундштедт обоснованно доложил Гитлеру, что группа армий "Центр" будет иметь обеспеченный фланг для нанесения последнего, решающего удара на Москву только после уничтожения противника в Восточной Украине. И нельзя нанести удар на московском направлении раньше, чем будет развязан узел на Украине.

Выслушав доклад Рундштедта и ознакомившись с создавшейся здесь обстановкой, Гитлер еще раз убедился в необходимости "поворота на юг": если не расчистить то, что нависает над группой армий "Центр" с юга, ни о продолжении наступления на Москву, ни вообще о продвижении на восток нельзя было говорить.

Но не так просто было совершить этот "поворот на юг". Разгорелось Смоленское сражение. Танковая группа Гудериана была связана боями с группой генерал-лейтенанта В. Я. Качалова. Эта группа, находясь в окружении, вела себя настолько активно, что сковывала большие силы противника. А на северном фланге фронта Бока танковая группа Готта тоже не могла повернуть свои части, потому что в тылу ее действовала кавалерийская группа генерала О. И. Городовикова. В районе Великих Лук тоже активно действовали наши окруженные части 16-й и 20-й армий, которые пробивались на восток к своим. Такое положение было на флангах.

Восьмого августа наши войска перешли в наступление и ударили в центр группы армий Бока, вклинились в его передовые части. А 17 августа начал наступление Резервный фронт под командованием Жукова, о чем речь пойдет дальше. Здесь Ельнинской операцией Жуков сказал свое весомое, а может быть, решающее слово в Смоленском сражении.

* * *

В такой сложной и напряженной для гитлеровской армии обстановке родилась новая директива Гитлера от 22 августа 1941 года. Она начиналась так: "Соображения командования сухопутных войск относительно дальнейшего ведения операций на востоке от 18 августа не согласуются с моими планами..."

Гитлер в корне ломал принятые раньше решения, на что, собственно, его вынудили действия советских армий. Совсем недавно в директиве No 34 он приказывал Боку еще до наступления зимы захватить Москву. А теперь он дал указание остановить армии "Центра".

После завершения второй мировой войны немецкие генералы, да и стратеги других армий, писали о том, что Гитлер допустил ошибку, остановив наступление на Москву. Если быть объективным, то надо признать, что в данном случае Гитлер был прав. Но с такой поправкой: не он остановил наступление на Москву, а остановили это наступление советские войска. Если бы наступление продолжалось, то оно привело бы немецкую армию к более тяжелому поражению. Вот разъяснение, которое давал Гитлер своим генералам: "Наступление на Москву может быть продолжено только после уничтожения крупных советских сил, не позволяющих завершить это наступление. Чего бы это ни стоило, надо уничтожить эти советские части. Возражение, что в результате этого мы потеряем время и наступление на Москву будет предпринято слишком поздно или что танковые соединения по техническим причинам не будут тогда в состоянии выполнить эту задачу, является неубедительным. Ибо после уничтожения русских войск, угрожающих правому флангу группы армий "Центр", наступление на Москву будет провести не труднее, а легче".

И дальше Гитлер опять-таки логично рассуждает: "Сейчас нам представляется благоприятная возможность, какую дарит судьба во время войны в редчайших случаях. Огромным выступом глубиною почти в триста километров расположены войска противника, с трех сторон охватываемые двумя немецкими группами армий".

И это действительно было так. Войска Юго-Западного фронта с севера и с юга были охвачены германскими соединениями. Кроме того, Гитлер подчеркивал, что после поворота на юг и захвата Украины и Донбасса Советский Союз будет лишен угля, железа, нефти, а немецкая армия все это приобретет, и это очень важно для окончательной победы.

23 августа командующие танковыми группами были вызваны в штаб группы армий "Центр", и здесь им был отдан приказ о дальнейших действиях в соответствии с вышеприведенной директивой Гитлера. Начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер, присутствовавший на этом совещании, был явно подавлен таким решением фюрера, потому что он был одним из основных разработчиков плана наступления на Москву.

Поскольку возражения штабных генералов Гитлер во

внимание не принял, Бок предложил Гудериану как фронтовому генералу еще раз обратиться к Гитлеру и попытаться склонить его к изменению принятого решения.

Гудериан вместе с Гальдером вылетели в ставку в Восточной Пруссии. Здесь Гудериан зашел сначала к главнокомандующему сухопутными силами фельдмаршалу фон Браухичу и изложил ему цель своего приезда и тему предстоящего разговора с Гитлером. Браухич ему ответил:

- Я запрещаю вам поднимать перед фюрером вопрос о наступлении на Москву. Вы имеете приказ наступать в южном направлении, и речь может идти только о том, как его выполнить.

- Тогда позвольте вылететь обратно в свою танковую группу, ибо при таких условиях мне не имеет смысла говорить с Гитлером о чем бы то ни было.

- Нет, вы пойдете к фюреру, - возразил фельдмаршал, - и доложите ему о положении своей танковой группы, не упоминая, однако, ничего о Москве!

Гудериан отправился к Гитлеру. В присутствии Кейтеля, Йодля, Шмундта и других он доложил обстановку перед фронтом своей танковой группы, а также о ее состоянии и обеспеченности.

Гитлер спросил:

- Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их нынешней боеспособности?

- Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!

- Вы, конечно, подразумеваете Москву?

- Да. Поскольку вы затронули эту тему, разрешите мне изложить свои взгляды по этому вопросу.

Гитлер разрешил, и Гудериан еще раз подробно изложил ему свои доводы. Он говорил, что после достижения военного успеха на решающем направлении и разгрома главных сил противника будет значительно легче овладеть экономически важными районами Украины, так как захват Москвы - узла важнейших жизненных дорог - чрезвычайно затруднит русским переброску войск с севера на юг. Он также напомнил, что войска группы армий "Центр" уже находятся в полной боевой готовности для перехода в наступление на Москву, в то время как предполагаемое наступление на Киев связано с необходимостью провести перегруппировку войск, на что потребуется много времени. Он еще раз подчеркнул, что операции на юге могут затянуться, и тогда из-за плохой погоды уже поздно будет наносить решающий удар на Москву в этом году.

Гитлер слушал Гудериана молча, ни разу не прервал его. Но когда Гудериан замолчал, надеясь, что он убедил фюрера своей

горячей речью, Гитлер вдруг твердо сказал:

- Я приказываю немедленно перейти в наступление на Киев, который является нашей ближайшей стратегической целью.

Затем Гитлер повторил уже изложенные в директиве ставки соображения об ударе по Ленинградскому промышленному району, о необходимости овладения Крымом, являющимся авианосцем Советского Союза в его борьбе против использования Германией румынской нефти, и другие "экономические доводы".

Юго-Западный фронт - "ахиллесова пята"

Юго-Западный фронт не только спасал Москву от прямого удара группы армий "Центр", он ломал график "молниеносной войны".

Армии правого крыла Юго-Западного фронта упорно сдерживали натиск врага на Киев, но на левом крыле противник, тесня 6-ю и 12-ю армии к Запорожью и Днепропетровску, замкнул окончательно кольцо окружения этих армий в районе Умани.

Сталину тяжело было слышать об Уманском котле, поглотившем сотни тысяч красноармейцев, командиров, во главе с командармами Музыченко и Понедельным. И это после только что пережитых белорусских событий. Но тяжелее было сознавать, что зреет еще один котел, в районе Киева.

Сталин позвонил Кирпоносу, приказал:

- Немедленно, совместно с главкомом направления и командующим Южным фронтом подготовить план создания обороны по линии Херсон - Каховка Кременчуг и далее на север, включая Киев. Срочно готовьте эту линию обороны, зарывайтесь в землю, подтяните с тыла резервы, особенно артиллерию. На этом рубеже встречайте все отступающие части. Предложения представить к двенадцати часам 5 августа.

- Ваши указания будут приняты к незамедлительному исполнению, ответил Кирпонос. - Мы приняли все меры, чтобы отстоять Киев. Есть просьба помочь с пополнением и вооружением. По прикажу главкома с утра 6 августа организуем удар из района Корсуни в направлении Умани для помощи частям окруженных армий. Хотелось бы знать ваше мнение по этому вопросу...

- Мы согласны, - сказал Сталин. - Ставка не только не возражает, но всячески приветствует всякие наступательные действия для помощи окруженным товарищам. Но не забывайте о рубеже обороны. Надо всегда рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое. Это единственное средство не попасть впросак. Что касается помощи, она будет, но было бы неразумно думать, что вам все подадут в готовом виде со стороны. Учитесь сами снабжать и пополнять себя. Создайте при армиях запасные части,

приспособьте некоторые заводы к производству винтовок, пулеметов. Пошевелитесь как следует-и вы увидите, что можно многое создать для фронта на самой Украине. Так поступает Ленинград, используя свои машиностроительные заводы, базы, и он многое успевает сделать. Украина могла бы поступить также. Ленинград наладил производство эрэсов к реактивным минометам. Это очень эффективное оружие, которое буквально крушит врага. Почему бы и вам не заняться этим делом?

- Товарищ Сталин, все ваши указания будут немедленно проводиться в жизнь. К сожалению, мы не знакомы с устройством эрэсов. Просим вашего приказания прислать нам один образец с чертежами, и мы организуем у себя производство.

- О чем вы говорите? Чертежи есть у ваших людей, и давно имеются образцы. Но если вы такие невнимательные, я вышлю вам батарею с эрэсами, чертежи и конструкторов по производству... Всего хорошего. Желаю успеха.

Чтобы не допустить окружения киевской группировки Сталин создал Брянский фронт.

Для постановки задачи вновь созданному фронту Сталин вызвал генерал-полковника Еременко в Москву. Он хорошо относился к Андрею Ивановичу. Принимая его, разговаривал с ним тепло, расспросил о здоровье. Еременко, чувствуя эту симпатию, держался уверенно, что тоже импонировало Верховному: дела на фронтах шли плохо, все рушилось, нужна была фигура прочная, на которую хотелось бы опереться, вот Еременко в те дни и показался Сталину такой волевой и прочной личностью.

Сталин обрисовал обстановку на советско-германском фронте и поставил Еременко задачу. Он охарактеризовал 2-ю танковую группу Гудериана как главную ударную группировку на этом направлении, сказал, что и сила это грозная, и направление очень важное. Упомянул Сталин и о возможном ударе группы Гудериана по правому флангу Юго-Западного фронта, но все же сказал, что основная задача войск Брянского фронта - во что бы то ни стало разбить силы Гудериана.

Выслушав Сталина, Еременко очень уверенно заявил о том, что он в ближайшие дни, безусловно, разгромит подлеца Гудериана.

Такая уверенность Еременко понравилась Верховному, и, когда тот ушел, Сталин сказал оставшимся в его кабинете:

- Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях.

После ухода Еременко Сталин продиктовал Шапошникову директиву Юго-Западному фронту, в которой приказывалось во

что бы то ни стало удержать Киев.

Все последующие дни Сталин и Генеральный штаб занимались вопросом ликвидации опасности, нависшей с севера над Юго-Западным фронтом. Они укрепили это направление и прежде всего Брянский фронт своими резервами танками, артиллерией, людьми, вооружением, привлекли сюда авиацию с соседних фронтов, резерва Главного Командования, а также части дальнебомбардировочной авиации.

Но боевые действия Брянского фронта не радовали.

20 августа прорвались в район Унечи. 45-й стрелковый корпус 13-й армии дрался в окружении. Вся 13-я армия, сильно ослабленная, отошла к реке Судость.

Шапошников и Василевский еще раз пытались убедить Сталина принять решение об отводе войск из Киевского укрепрайона. Сталин выслушал их спокойно и разрешил:

- Для ликвидации разрыва между Центральным и Брянским фронтами отвести 21-ю армию Центрального и 13-ю армию Брянского фронтов. Причем стык фронтов обеспечить мощными резервами. Думайте не об отступлении, а о том, как спасти положение! - закончил он разговор сердито.

Прошло еще четыре дня. Обстановка продолжала ухудшаться. На очередном докладе обстановки Шапошников и Василевский предложили:

- Еременко трудно согласовывать свои действия с Центральным фронтом. Оба фронта невелики, а органы управления раздуты. Одним словом, предлагаем объединить оба фронта и все управление передать Еременко.

Разговор получился долгим, но к утру Сталин согласился с целесообразностью объединения фронтов.

- Ну хорошо, - сказал он. - Приступайте к подготовке директивы, но прежде я переговорю с Еременко. Вы не уходите, - сказал Шапошникову и Василевскому.

Сталин специально оставил их, желая лишний раз показать свое стремление советоваться с фронтовым командованием. Он позвонил Еременко.

- Слушаю, товарищ Сталин!

- Здравствуйте, товарищ Еременко, У меня к вам несколько вопросов. Не следует ли расформировать Центральный фронт, третью армию соединить с двадцать первой и передать в ваше распоряжение? Мы можем послать вам на днях - завтра, в крайнем случае, послезавтра - две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и два-три танковых батальона, - очень ли они нужны вам? Если вы обещаете разбить Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько

батарей РС. Каков будет ваш ответ?

- Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит - прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу обе армии Центрального фронта подчинить мне. Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет Гудериана, безусловно, постараемся разбить его, задачу, поставленную вами, выполнить. У меня к вам больше вопросов нет...

Сталин удовлетворенно кашлянул.

- Вот, слышали мнение фронтовика? Он готовится бить Гудериана, а вы делаете директиву для войск.

В ту же ночь Сталин подписал ее, не читая. Он только что переговорил с Ворошиловым и был в отвратительном настроении. Враг находился у стен Ленинграда. Уже встал вопрос о подрыве кораблей Балтийского флота, с таким трудом прорвавшихся в город из Таллина. В последние сутки его мысль металась от Киева к Ленинграду и обратно. А положение под Москвой тоже было весьма ненадежное.

Вот и сейчас перед ним сидели уставший, больной Шапошников и почерневший от недосыпания Василевский.

- Плохо дело под Ленинградом, - сказал Сталин. - Се-веро-Западное направление расформировали, Ворошилов командует Ленинградским фронтом, а что толку. От Еременко тоже ничего утешительного. Сегодня же направить ему директиву и обязать войска Брянского фронта перейти в решительное наступление, уничтожить группу Гудериана и, развивая наступление, выйти к 15 сентября на линию Петровичи - Климовичи - Новозыбков.

Брянский фронт начал наступление при мощной поддержке авиации, действиями которой руководил заместитель командующего ВВС РККА генерал-майор Петров, по опрокинуть или хотя бы остановить набравшую пробивную силу танковую армаду Гудериана так и не смог.

2 сентября поздно вечером Сталин позвонил в Оперативное управление Василевскому:

- Берите блокнот и записывайте указания командующему войсками Брянского фронта...

"Ставка все же не довольна вашей деятельностью, - диктовал Сталин. Несмотря на работу авиации и наземных частей, Почеп и Стародуб остаются в руках противника. Это значит, что вы противника чуть-чуть пощипали, но с места сдвинуть его не

сумели. Ставка требует, чтобы наземные войска действовали во взаимодействии с авиацией, вышибли противника из района Стародуба, Почепа и разгромили по-настоящему. Пока это не сделано, все разговоры о выполнении задания остаются пустыми словами. Ставка приказывает:

Петрову оставаться на месте и всеми соединенными силами авиации способствовать решительным успехам наземных войск. Гудериан и вся его группа должны быть разбиты вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана..."

Но не дождался Верховный подобного доклада. Зато пришло донесение о тяжелом ранении в ногу комфронта Еременко. Его срочно эвакуировали в один из госпиталей Москвы, потом в Куйбышев, и это в общем-то спасло генерала от сталинского гнева, ибо фронт на юго-западе уже трещал по швам.

7 сентября Военный совет Юго-Западного направления и фронта сообщили о прорыве немцев на Конотопском, Черниговском, Остерском и Кременчугском направлениях. Под угрозу окружения попадали не только 5-я, 37-я армии, но и весь Юго-Западный фронт.

Еще раз доложили Верховному: надо сдавать Киев. Не первый раз Шапошников почувствовал силу сталинского гнева.

- Что это за Генеральный штаб? - сердито цедил Сталин. - Слушать вас не хочется. Мы ждем от вас предложений, как разбить врага, а вы все одно сдать Киев, сдать Киев! Да понимаете ли вы, что значит сдать Киев? Вы, как и Буденный, идете по линии наименьшего сопротивления. Вместо того чтобы бить врага, уходите от него. Вы, маршалы, генералы! Идите и работайте! Думайте!

Последующие двое суток разговор носил примерно такой же характер. 9 сентября Шапошников и Василевский снова предстали перед Верховным. Тот резко разговаривал с кем-то по телефону.

- Вот еще один паникер... - выругался Сталин и повесил трубку. Звонил Ворошилов. Просил заменить его кем-нибудь помоложе. Допустил немцев до границ Ленинграда и в кусты. Мы, конечно, освободим его. Направим в Ленинград Жукова. Он уже вызван с фронта. И Буденного снимем. На его место поедет Тимошенко. Ну ладно, вижу, с чем пришли. Раз не умеете воевать, отступайте. Разрешаю отход пятой армии и правого крыла тридцать седьмой за Десну, но Киевский плацдарм удерживать до конца. И не вздумайте мне еще что-нибудь сказать о Киеве. Я сам переговорю с Кирпоно-сом.

Прикрывшись частью сил от не очень инициативных действий Брянского фронта, Гудериан главными силами продолжал

углубляться в тыл войскам Юго-Западного фронта. 10 сентября его передовые части ворвались в город Ромны.

8 это время ниже, на юге, сложилась такая обстановка, которая благоприятствовала фашистам для нанесения удара по тому же Юго-Западному фронту: наши войска Южного фронта были оттеснены за Днепр. Прикрываясь этой широкой водной преградой, командование немецкой группы армий "Юг" оставило там лишь небольшой заслон, а основную массу войск 17-й полевой армии и 1-й танковой группы Клейста собрало в мощный кулак и бросило на соединение с группой Гудериана.

Самоотверженно сражалась 38-я армия генерала Феклен-ко, остатками своих сил она нанесла контрудар во фланг Клей-сту, но силы были неравны, и Клейст, обогнув 38-ю армию, пошел вперед на соединение с Гудерианом.

Командование Юго-Западного фронта обратилось в Ставку с предложением об отводе войск на восточный берег Днепра, чтобы избежать их полного окружения.

Ночью, в 1 час 15 минут 11 сентября, состоялся разговор с Кирпоносом. Сталин сказал:

- Ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите рубеж на реке Псел и поведете отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, повторяю, без этих условий ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут создать катастрофу. Перестаньте, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а ищите пути для сопротивления... И еще: Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки...

А. М. Василевский пишет в своих воспоминаниях: "При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание".

Но обстановка на фронте не считалась с желаниями или нежеланиями Сталина, она неумолимо складывалась так, как диктовал ход боевых действий.

14 сентября в 3 часа 25 мин. начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В. И. Тупиков по собственной инициативе обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба Юго-Западного направления с телеграммой, в которой, охарактеризовав тяжелое положение войск фронта, закончил изложение своей точки зрения следующей фразой: "Начало понятной вам катастрофы - дело пары дней".

Это была горькая правда. На другой день в районе Лохвицы соединились немецкие части 2-й танковой группы, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского

плацдарма. Кольцо вокруг 5-й, 21-й, 26-й, 37-й и части сил 38-й армии замкнулось.

Обстановка, как мы видим, была тяжелая, но, несмотря на это, начальник Генерального штаба был вынужден на телеграмму Туликова отправить следующий ответ, продиктованный ему Сталиным:

"Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН. Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21А) и Потапова (5А) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания тов. Сталина, данные вам 11.9.

14. IX. 1941 г. 5 ч. 00 м.

Б. Шапошников".

Вот что писал Гудериан в своих мемуарах об этих днях:

"16 сентября мы перевели наш передовой командный пункт в Ромны. Окружение русских войск успешно продолжалось. Мы соединились с танковой группой Клейста... С того времени, как были начаты бои за Киев, 1-я танковая группа захватила 43 000 пленных, 6-я армия - 63 000. Общее количество пленных, захваченных в районе Киева, превысило 290 000 человек".

А в окружении оставались еще четыре наши армии! Кирпонос доложил в Генштаб: "Фронт перешел к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций. Переношу командный пункт в Киев, как единственный пункт, откуда имеется возможность управлять войсками. Прошу подготовить необходимые мероприятия по снабжению армий фронта огнеприпасами при помощи авиатранспорта".

16 сентября новый (назначенный вместо Буденного) командующий Юго-Западным направлением Тимошенко вызвал к себе в кабинет прилетевшего от Кирпоноса заместителя начальника штаба Юго-Западного фронта Баграмяна. В кабинете находился и член Военного совета Н. С. Хрущев. Тимошенко, размышляя, сказал Баграмяну:

- Сейчас мы делаем все, чтобы помочь фронту: стягиваем на Ромны и Лубны все силы, которые смогли собрать, в том числе усиленный танками корпус Белова и три отдельные танковые бригады. Через несколько дней к нам подойдут дивизии Руссиянова и Лизюкова. Этими силами мы попытаемся пробиться

навстречу окруженным войскам фронта. Мы отдаем себе отчет, что разгромить две прорвавшиеся фашистские танковые армии мы не сможем, но создадим бреши, через которые смогут выйти окруженные войска. Вот цель наших ударов. Мы уверены, что в создавшейся обстановке Верховный Главнокомандующий разрешит Юго-Западному фронту отойти к реке Псел, поэтому и решили отдать сейчас приказ на организацию выхода из окружения. Сегодня же мы снова попытаемся поговорить с Москвой. Я надеюсь, что нам удастся убедить Ставку. А пока мы будем вести переговоры, Кирпонос и его штаб должны воспользоваться тем, что у противника еще нет сплошного фронта окружения.

Как пишет Баграмян в своих воспоминаниях, ему казалось, что маршал Тимошенко, говоря эти слова, внутренне все-таки еще не был готов на отдачу более категоричного приказа об отступлении войск, но уже в ходе этого распоряжения он, понимая всю сложность положения и предстоящие неминуемые колоссальные потери, вроде бы решился и уже твердо сказал:

- Доложите, товарищ Баграмян, генералу Кирпоносу, что в создавшейся обстановке Военный совет Юго-Западного направления единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считает организованный отход. Передайте командующему фронтом мое устное приказание: оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача - при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псел. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлении на Ромны и Лубны, а не ждет, пока мы его вытащим из кольца.

Из-за непогоды Баграмяну не удалось вылететь в штаб фронта Кирпоноса в тот же день, он добрался туда с большим трудом только на следующий. В присутствии членов Военного совета Баграмян передал распоряжение главкома Кирпоносу. Кирпонос так долго сидел задумавшись, что начальник штаба фронта Тупиков не выдержал и сказал:

- Михаил Петрович, это приказание настолько соответствует обстановке, что нет никакого основания для колебания. Разрешите заготовить распоряжение войскам?

- Вы привезли письменное распоряжение на отход? - не отвечая начальнику штаба, спросил командующий у Баграмяна.

- Нет, маршал приказал передать устно.

Кирпонос долго молча шагал по комнате, потом сказал:

- Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный. Все, на этом закончим.

Наступило тяжелое молчание. Начальник штаба попытался что-то сказать, но Кирпонос перебил его:

- Василий Иванович! Подготовьте радиограмму в Ставку. Сообщите о распоряжении главкома и запросите, как поступить нам.

Из этого короткого эпизода видно, насколько были непросты взаимоотношения даже на уровне очень высоких военачальников, как велика боязнь ответственности за действия, которые могут не совпасть с мнением и желанием Сталина, за что могут спросить со всей строгостью, - таково уж было то время. Это вынуждало Кирпоноса не предпринимать решительных действий и не выполнить даже прямой приказ, переданный, как говорится, из уст в уста, от маршала Тимошенко через генерала Баграмяна.

Вечером 17 сентября в Москву была отправлена радиограмма следующего содержания: "Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача - вывод армий фронта на реку Псел с разгромом подвижных групп противника в направлениях на Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева. Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псел и разрешают взять из Киевского УРа только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псел правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укрепленный район, Киев и реку Днепр. Срочно просим ваших указаний".

О том, что происходило именно в этот день в Москве, рассказывал (Г. А. Куманеву) управляющий делами Совнаркома СССР Я. Е. Чадаев:

- Днем 17 сентября у Сталина состоялось заседание, в работе которого я принял участие. О событиях на фронтах докладывал маршал Б. М. Шапошников. Потом слово взял Сталин, который сказал, что нашим войскам под Киевом надо во что бы то ни стало держаться, хотя это очень трудно. А под Москвой еще труднее. Мы должны сделать все необходимое, чтобы помочь защитникам Киева. Для облегчения их положения сделано уже немало: создан новый Брянский фронт, перед которым поставлена задача разгромить войска Гудериана, не дать им возможности повернуть на юг. Активные действия воинов Брянского фронта значительно облегчают положение защитников Киева.

Обращаясь к Шапошникову, Сталин спросил:

- Быть может, надо дополнительно выделить Юго-Запад-ному

фронту часть сил из резерва Ставки? Свяжитесь сейчас с Кирпоносом и узнайте обстановку на этот час.

- Слушаюсь! - произнес Шапошников и отправился в аппаратную.

Вскоре он вернулся и доложил, что враг пока не в состоянии преодолеть упорное сопротивление защитников Киева. Противник производит перегруппировку своих частей. Не добившись успеха от фронтальных атак, он начал маневрировать, искать уязвимые места в обороне советских войск.

- Значит, - сказал Сталин, - остается в силе приказ Ставки - не сдавать Киев?

- Совершенно верно, - подтвердил Шапошников. - Но все-таки Кирпонос очень опасается за левый фланг Юго-За-падного фронта - район Кременчуга, где сейчас идет ожесточенный натиск вражеских войск на наши армии. Кирпонос все же вновь высказывает просьбу отвести из-под удара наши войска.

- Как вы считаете, Борис Михайлович, надо ли пойти на это? - спросил Сталин.

- Я остаюсь при прежнем мнении: биться насмерть, но Киева не отдавать, - ответил Шапошников.

- Ну что ж, так и порешим? - снова спросил Сталин. Все молча согласились...

После 17 сентября положение войск Юго-Западного фронта стало критическим. В окружении оказались 5-я, 37-я, 26-я армии, часть сил 21-й и 38-й армий Юго-Западного фронта. Начался их неорганизованный выход из окружения, а войска 37-й армии еще продолжали сражаться за Киев.

В ночь на 18 сентября начальник Генерального штаба Красной Армии передал в столицу Украины: "Ставка разрешает оставить Киевский укрепрайон и переправить войска 37-й армии на левый берег Днепра без серьезных потерь".

Рассказывает Я. Е. Чадаев:

"- На следующий день после падения Киева я зашел к Поскребышеву и узнал, что Сталин находится вне себя от катастрофы на Юго-Западном фронте.

- Только что состоялся крупный разговор Сталина с Хрущевым, - сказал Поскребышев. - Сталин прямо заявил Хрущеву, что за безрассудные действия тот заслуживает отдачи под суд Ревтрибунала. - Но я думаю, - добавил Поскребышев, - до этого дело не дойдет.

- Значит, Сталину сейчас не до моих документов? - спросил я.

Поскребышев зашел в кабинет Верховного и, вернувшись, сказал:

- Заходи, только ненадолго.

Я вошел в кабинет и сразу же подошел к столу, над которым наклонился Сталин, рассматривая карту Юго-Западного фронта.

- Если все подготовлено правильно, давайте подпишу, - сказал Сталин, чуть взглянув на меня, и стал читать проект постановления ГКО.

В это время вошел Поскребышев и доложил, что у телефона маршал Тимошенко. Сталин поднял телефонную трубку и сразу же спросил, как идет отход войск на новые рубежи.

Я стоял очень близко по ту сторону Сталина, с которой он держал у уха трубку. Тимошенко говорил своим зычным голосом, и мне почти все было хорошо слышно.

- Нормально, - прозвучал в трубке голос маршала.

- Потери?

- Отходим с боями, а потому и потери есть.

- Бессмысленной отваги не допускайте, с вас хватит!

- Не понимаю.

- Тут и понимать нечего. У вас иногда проявляется рвение к бессмысленной отваге. Имейте в виду: отвага без головы - ничего.

- Выходит, что я, по-вашему, только на глупости способен?

- О, не перевелись, оказывается, еще рыцари! Загубленных талантов не бывает...

- Я вижу, вы недовольны мной, - слышался густой бас Тимошенко.

- А я вижу, вы слишком раздражены и теряете власть над собой.

- Раз я плохой в ваших глазах, прошу отставку. Сталин отвел от уха трубку и сказал:

- Этот черт орет во всю грудь, и ему в голову не приходит, что он буквально оглушил меня. Что? Отставку просите? Имейте в виду: у нас отставок не просят, а мы их сами даем...

- Если вы находите - дайте сами.

- Дадим, когда нужно, а сейчас советую не проявлять нервозности - это презренный вид малодушия.

Наступила небольшая пауза, потом послышался голос Тимошенко:

- Извините, товарищ Сталин, погорячился. Сталин понимал, что время было напряженное, нервы у товарищей часто были на пределе. Случалось, в пылу раздражения или под влиянием острой минуты тот или иной руководитель вспылит. Сталин с пониманием относился к таким "взрывам" и нередко своим спокойствием охлаждал пыл не в меру горячих сотрудников. Но, пожалуй, более часто он не только одергивал таких, лишал доверия, но и немедленно снимал с постов.

Когда пыл прошел, Тимошенко спокойно, по-деловому

доложил, на какой рубеж он отводит войска. В конце разговора Сталин сказал:

- Завтра снова информируйте меня лично.

Он в беспокойстве прошелся по кабинету. Чувствовалось, что переживает за резкий разговор с маршалом, на котором явно сорвал свою досаду за провал. Сталин молча подписал проект постановления и кивнул мне, что можно уходить".

Непросто и нелегко было осуществить выход войск из окружения, все армии, корпуса и дивизии вели напряженные бои с обступившим их противником. Кирпонос принял решение, не теряя времени, немедленно, с утра 18 сентября, нанести удар в нескольких направлениях созданными для этого ударными группами и вывести войска фронта из окружения.

Большой героизм проявили воины и командиры 37-й армии, защищавшей Киев. Постоянными контрударами они не давали противнику возможности вступить в город. Баграмян в своих воспоминаниях пишет: "Защитников Киева не в чем было упрекнуть. Они выполнили свой долг. Киев оставался непокоренным. Враг так и не смог взять его в открытом бою. Только в силу неблагоприятно сложившейся для войск Юго-Западного фронта обстановки по приказу Ставки наши воины покидали дорогой им город и твердо верили, что обязательно вернутся". Не случайно за эту самоотверженную оборону Киеву присвоено звание "Город-герой".

Взорвав мосты через реку Днепр, 37-я армия отходила с тяжелыми боями и медленно, но упорно продвигалась к своим. Многие погибли во время этого отхода, но все же большая часть бойцов и командиров пробилась сквозь вражеские войска.

В послевоенной литературе, в том числе и в воспоминаниях И. Х. Баграмяна, которые я использую, читатели не найдут имени руководителя героической обороны Киева - командующего 37-й армией. Почему? Наверное, потому, что это был генерал Власов, который позднее перешел к гитлеровцам. Я снова упоминаю о нем потому, что нам еще предстоит разобраться в том парадоксальном явлении, которое представляет собой "власовщина". Дело это шире личной измены генерала Власова. Обратимся к этому позднее, когда по ходу событий приблизимся к тем дням.

С боями, постоянно отбиваясь от наседающего со всех сторон и пересекающего пути отхода противника, отходил штаб Юго-Западного фронта. Но в конце концов гитлеровцы окружили управление фронта, и заключительный бой выглядит, по рассказу И. Х. Баграмяна, так:

"Враг атаковал рощу с трех сторон. Танки вели огонь из

пушек и пулеметов, за ними шли автоматчики. В гром и треск вплетались редкие выстрелы наших пушек - их было мало, да и приходилось беречь каждый снаряд. Танки прорвались к восточной опушке рощи. С ними вступили в схватку офицеры, вооруженные гранатами и бутылками с бензином. Две вражеские машины загорелись, остальные откатились.

Командующий, члены Военного совета фронта генералы Тупиков и Потапов стали совещаться, как быть дальше: сидеть в роще до вечера или прорваться сейчас же. Но тут началась новая атака. Подъехавшая на машинах немецкая пехота с ходу развернулась в цепь и двинулась в рощу под прикрытием огня танков. Когда она достигла опушки, окруженные во главе с Кирпоносом, Бурмистенко, Рыковым, Тупиковым, Потаповым и Писаревским бросились в контратаку. Гитлеровцы не выдержали рукопашной и отступили.

В контратаке генерал Кирпонос был ранен в ногу. Его на руках перенесли на дно оврага, к роднику. Сюда же доставили раненого и тяжело контуженного командарма Потапова. Его боевой начальник штаба генерал Писаревский геройски пал на поле боя.

Дивизионный комиссар Рыков и генерал Тупиков вместе с подполковником Глебовым обошли опушку, беседовали с людьми, ободряли их.

Примерно в половине седьмого вечера Кирпонос, Бурмистенко и Тупиков в кругу командиров обсуждали варианты прорыва, который намечалось осуществить с наступлением темноты. В это время противник начал интенсивный минометный обстрел. Одна мина разорвалась возле командующего. Кирпонос без стона приник к земле. Товарищи кинулись к нему. Генерал был ранен в грудь и голову. Через две минуты он скончался. Адъютант командующего майор Гненный со слезами на глазах снял с кителя генерала Золотую Звезду и ордена..."

После окончания войны у родника, в овраге, была установлена мраморная плита с надписью: "На этом месте 20 сентября 1941 года погиб командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос М. П." В 1943 году останки генералов Кирпоноса и Туликова были перевезены в Киев. Они покоятся в парке Вечной славы, у обелиска возле могилы Неизвестного солдата.

Надо признать одной из причин этой катастрофы неудачные действия генерала Еременко. Ему были даны большие силы, которыми он не сумел распорядиться должным образом. Кстати, Еременко в своих мемуарах задним числом оправдывает свои действия. Уже забыты обещания разбить "подлеца Гудериана", уже

забыто, что войска Гудериана именно тогда двинулись на юг и окружили войска Юго-Западного фронта, а Брянский фронт не воспрепятствовал этому. Теперь маршал Еременко пытается убедить всех, что он успешно выполнил задачу, поставленную ему лично Сталиным: "Мы можем сказать, что войска Брянского фронта добросовестно выполнили основную задачу, поставленную перед нами Ставкой, не допустить прорыва группы Гудериана через Брянск на Москву". Но Гудериан и не шел в то время на Москву, а двигался вдоль реки Днепр для соединения с Клейстом, окружая войска Юго-Западного фронта. Недостоверность утверждения Еременко сегодня очевидна, так как он "защитил" Москву от удара, который по ней в то время не наносился.

Свершилось то, чего так опасались все, - войска нескольких армий оказались отрезанными.

Конфликт Сталина с Жуковым

(Ельнинская операция)

Стойкость и мужество частей Юго-Западного фронта, можно сказать, спасли страну, потому что даже при больших успехах на главном направлении гитлеровское командование не решилось нанести последний удар на Москву, имея у основания клина такое мощное объединение войск, как Юго-За-падный фронт.

Юго-Западный фронт упорными, затяжными боями удерживал каждый рубеж и, используя малейшую возможность для контрударов, оставался на правой стороне Днепра, далеко в тылу противника. Гитлеровцы с военной точки зрения вполне правильно решили окружить войска Юго-За-падного фронта еще на правобережье Днепра и тем самым избавить группу армий "Центр" от постоянной угрозы удара с юга, дать ей свободу действий на Московском направлении.

Шел второй месяц войны. Сталин понимал: гитлеровская армия, планировавшая к этому времени разгромить Красную Армию и захватить Москву, не осуществила поставленные задачи. Противник нес на всех направлениях большие потери. Не оправдалось предположение гитлеровцев о том, что они не встретят такого упорного сопротивления, какое оказала им Красная Армия. Фронт действий войск по мере углубления на территорию страны все больше растягивался. Гитлеровской армии уже не хватало войск и, главное, резервов для того, чтобы действовать на всех стратегических направлениях. Сталин предполагал дальнейшим упорным сопротивлением на занимаемых рубежах остановить продвижение немцев к Москве. Но все же у гитлеровцев были еще большие силы, и особенно мощные бронетанковые группировки и авиация, которые были

способны наносить сильные удары.

Предвидя удар противника в тыл нашему Юго-Западному фронту, Генштаб считал, что необходимо наши войска спасти от окружения - отвести за Днепр и организовать оборону на этом удобном природном оборонительном рубеже. Сама природа предоставляла нашим войскам такую мощную преграду, за которую они пока еще могли отойти. Жуков также считал, что нужно воспользоваться ослаблением войск противника, стоящих на Московском направлении (из-за поворота части его сил на юг), и нанести им удар именно здесь.

29 июля Жуков позвонил Сталину и попросил принять его для срочного доклада. Сталин сказал, что ждет.

Взяв карты со стратегической обстановкой, группировкой войск, все необходимые справочные данные, Георгий Константинович направился к Сталину. В приемной его встретил Поскребышев, сказал:

- Посиди, приказано подождать.

(Да, именно так, на "ты", обращался помощник Сталина к министрам, ученым, маршалам и генералам, считая, что близость к вождю дает ему такое право!)

Через 15-20 минут в кабинет Сталина прошли Маленков и Мехлис, а затем пригласили войти Жукова. Почему Сталин не захотел говорить с Жуковым один на один, да к тому же пригласил не военных специалистов, а этих двоих, верных и всегда готовых безоглядно поддерживать? Видимо, он опасался того важного разговора, на котором так настаивал Жуков. При всей своей неограниченной власти Сталин все же всегда заботился и о тех следах, которые останутся в официальной истории. Предвидя серьезность беседы, он и на этот раз пригласил свидетелей.

- Ну, докладывайте, что у вас, - сказал Сталин. Жуков расстелил на столе карты и подробно изложил обстановку на фронтах и свои выводы и предложения, что следовало бы предпринять в настоящее время. Он очень подробно осветил возможности и предлагаемый характер действий противника, на что Мехлис бросил реплику:

- Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска?

- Мне не известны планы, по которым будут действовать немецкие войска, - ответил Жуков, - но, исходя из анализа обстановки, они будут действовать только так, а не иначе. Мое предположение основано на анализе состояния и дислокации немецких войск, и прежде всего бронетанковых и механизированных групп, являющихся ведущими в их

стратегических операциях.

- Продолжайте докладывать, - бросил Сталин. Жуков продолжил доклад:

- На Московском стратегическом направлении немцы в ближайшие дни, видимо, не смогут вести крупные операции, так как они понесли здесь слишком большие потери. У них нет крупных стратегических резервов для обеспечения правого и левого крыла группы армий "Центр". На Ленинградском направлении без дополнительных сил немцы не смогут начать операции по захвату Ленинграда и соединению с финнами. На Украине главные сражения могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышла главная группировка бронетанковых войск противника группы армий "Юг". Наиболее слабым участком нашей обороны является Центральный фронт. Армии Центрального фронта, прикрывающие направления на Унечу - Гомель, очень малочисленны и слабо обеспечены техникой. Немцы могут воспользоваться этим и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

- Что вы предлагаете? - настороженно спросил Сталин.

- Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию за счет западного направления, одну - за счет Юго-Западного фронта, одну - из резерва Ставки. Поставить во главе фронта другого, более опытного и энергичного командующего. Кузнецов недостаточно подготовлен, он не сумел твердо управлять войсками фронта в начале войны в Прибалтике. Конкретно предлагаю на должность командующего Ватутина, моего первого заместителя.

- Ватутин мне будет нужен, - возразил Сталин и продолжал: - Вы что же предлагаете, ослабить направление на Москву?

- Нет, не предлагаю. Противник здесь, по нашему мнению, пока вперед не двинется. А через 12-15 дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую.

- А Дальний Восток отдадим японцам? - съязвил Мех-лис.

Жуков не ответил на эту ироническую реплику и продолжал:

- Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

- А как же Киев? - спросил Сталин.

- Киев придется оставить, - помолчав, ответил Жуков. Он понимал всю тяжесть подобного решения для города и для страны, но в то же время видел, что другой возможности спасти

войска, необходимые для дальнейшей борьбы, нет. - А на Западном направлении нужно немедля организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа, так как этот плацдарм противник может использовать в удобное для него время для удара на Москву...

Сталин прервал Жукова и с возмущением воскликнул:

- Какие там еще контрудары! Что за чепуха? Опыт показал, что наши войска не могут наступать... И как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Немало ходило разговоров о том, что Жуков стал возражать Сталину только в конце войны, когда у него уже был большой полководческий авторитет. Можно с этим согласиться, добавив, что Жуков в последний год войны высказывал свои аргументы более твердо, однако до прямой полемики маршал доводить разговор все же опасался. Что же, трусил? Нет, не в жуковском это характере! Он знал, что Сталин может закусить удила, наломать дров, и это повредит делу. Но о том, что Жуков ради общей пользы не считался с опасностью лично для себя, свидетельствует эпизод, который я прервал для этого примечания. А суть в том, что перед этим разговором Сталин послал очень грозную телеграмму командованию Юго-Западного фронта. Вот ее текст:

"Киев т. Хрущеву 11 июля 1941 г. Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного Совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра.

Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы УРов на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин"

Жуков, конечно же, знал об этой телеграмме: она шла через узел связи Генерального штаба. И вот, зная о таком строжайшем предупреждении и обещанной "жестокой каре", Жуков тем не менее однозначно заявляет: "Киев придется сдать". Нетрудно представить, какое душевное волнение пережил Георгий Константинович, чтобы решиться на такое заявление. Но он решился: твердо и убежденно сказал свое мнение, потому что от этого зависела судьба фронта и дальнейший ход оборонительных операций.

Я думаю, Жуков предвидел последствия такого неприятного для Сталина высказывания. Об этом свидетельствует дальнейший

ход разговора. После гневной вспышки Сталина и его обидных слов Жуков покраснел, некоторое время пытался себя сдержать, но не смог и ответил:

- Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт, там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

- Вы не горячитесь. Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся... Идите работайте, мы тут посоветуемся и тогда вызовем вас.

Через сорок минут Жукова снова вызвали к Сталину. Войдя в кабинет, Жуков увидел, что к ранее присутствовавшим Мехлису и Маленкову прибавился еще и Берия. Это был плохой признак. Появление Берии не предвещало ничего хорошего.

Сталин сказал сухо, не глядя в глаза Жукову:

- Вот что, мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем.

- Куда прикажете мне отправиться?

- Куда бы вы хотели?

- Могу выполнять любую работу - могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

- Не горячитесь, не горячитесь. Вы говорили об организации контрудара под Ельней, ну вот и возьмитесь за это дело. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

- Через час.

- Сейчас в Генштаб прибудет Шапошников, сдайте ему дела и уезжайте. Имейте в виду, вы остаетесь членом Ставки Верховного Командования.

- Разрешите отбыть?

- Садитесь и выпейте с нами чаю, - пытаясь немного смягчить ситуацию, сказал Сталин. - Да еще кое о чем поговорим.

Жуков сел за стол, ему налили чай, но состояние его и Сталина понять можно, да и все присутствующие тоже чувствовали неловкость после того, что произошло в этом кабинете. Разговор не получился.

Стратегическая дипломатия

К концу сентября положение советских войск еще более ухудшилось. Немцы завершили ликвидацию наших частей, окруженных под Киевом. Началось наступление на Московском направлении группы армий "Центр" - 77 дивизий! 2-я танковая

группа под командованием Гудериана рванулась на Орел, а в ней было 5 танковых, 4 моторизованных и 4 пехотных дивизии!

Перешла в наступление на Харьковском и Сумском направлении группа армий "Юг", началась Донбасская оборонительная операция.

В Крыму 51-я армия отошла на ишунские позиции, а из Одессы начали эвакуировать части в Крым.

Вот в такой напряженнейшей обстановке Сталин был вынужден сохранять и демонстрировать полное спокойствие, улыбаться и даже поднимать бокалы с вином, произносить любезные тосты, потому что на нем лежало и руководство дипломатической деятельностью. Именно в эти дни в Москве началась конференция представителей СССР (Сталин, Молотов), США (Гарриман) и Англии (лорд Бивербрук).

Открыл конференцию Сталин, он сообщил о положении на советско-германском фронте, разумеется, подчеркивая не активное наступление гитлеровцев, а упорные оборонительные действия своих войск. Затем он сказал:

- Большие трудности у наших войск из-за немецких танков. Германская пехота слабее нашей. А вот танки ведут за собой пехоту. Нам очень нужны противотанковые орудия, зенитные установки, средние бомбардировщики, колючая проволока. - Обращаясь к лорду Бивербруку, Сталин отметил: Особенно быстро могли бы помочь англичане, вы ближе Америки, у вас есть готовые дивизии, которые, если трудно открыть второй фронт, могли бы участвовать в боях на Украине.

Лорд Бивербрук тут же предложил:

- Британские дивизии, сосредоточенные в Иране, могут быть двинуты на Кавказ.

Сталин помнил давнюю мечту англичан захватить бакинские нефтепромыслы, в дни Октябрьской революции они уже пытались это осуществить. Сталин довольно строго ответил Бивербруку:

- На Кавказе нет войны, война идет на Украине. Бивербрук, будто бы соглашаясь:

- Для лучшего применения наших совместных усилий должны обменяться мнениями советский и британский генеральные штабы.

Гарриман предлагал более конкретные меры:

- Нам хотелось бы узнать состояние сибирских аэродромов, мы могли бы поставлять самолеты через Аляску.

- Вы получите такую информацию, - обещал Сталин.

На следующий день переговоры продолжились. У Сталина было плохое настроение из-за сложностей на фронте, он всю ночь разбирался с положением войск. Начал он с не очень любезных упреков союзникам:

~ Советская армия ведет тяжелейшие бои. Мы оттягиваем с Запада основные силы немцев, которые могли бы вторгнуться в Англию. На нас лежит главное бремя войны. А вы, господа, предлагаете в качестве помощи какие-то незначительные материалы и оборудование.

Бивербрук и Гарриман уверяли, что они делают все возможное в нынешней ситуации. Переговоры были прерваны.

Сталину нужно было срочно отправиться в Ставку, дела на фронте обострялись.

В 6 часов вечера, а этот же день, конференция снова продолжила работу. За несколько часов перерыва стало известно, что в Берлине получена информация о происходящих в Москве переговорах, по берлинскому радио сообщили об этом с таким выводом: "Западные буржуазные страны никогда не смогут договориться с большевиками".

Сталин, продолжая разговор после перерыва, сообщил союзникам об этой новости и добавил:

- Теперь от нас зависит доказать, что Геббельс лгун.

Под нажимом Сталина союзники стали более сговорчивы - расширили список и увеличили количество поставляемой помощи в ближайшее время.

1 октября состоялось заключительное заседание конференции, на котором Молотов сделал обширный доклад. Выступили и союзники.

Несговорчивый лорд Бивербрук под влиянием авторитета и личного обаяния Сталина изменил свои взгляды и отношение к российской проблеме, в его письме Гарри Гопкинсу эти перемены очевидны:

"После моего возвращения из России, примерно в середине октября 1941 года я поставил вопрос об открытии второго фронта с целью помочь России. Я считаю, что наши военные, лидеры демонстрируют свое постоянное нежелание предпринять наступательные действия. Наше вступление в Иран - это

незначительная операция... Единственные операции, которые мы еще предприняли, - это бомбардировка на западе Германии и налет истребителей на территории Франции, что никак не может помочь России и повредить Германии в нынешней кризисной ситуации...

В настоящее время имеется, по сути дела, только одна военная проблема - как помочь русским. А именно по этому вопросу генштабисты ограничиваются заявлением, что ничего сделать нельзя. Они постоянно указывают на трудности, но не вносят никаких предложений о том, как эти трудности преодолеть.

Бессмысленно утверждать, что мы ничего не можем сделать для России. Мы можем сделать, как только мы решим пожертвовать долгосрочными прожектами, которые мы все еще лелеем, но которые стали абсолютно устаревшими вдень, когда Россия подверглась нападению.

Сопротивление России предоставило нам новые возможности. По-видимому, оно оголило Западную Европу от германских войск и сделало невозможным для держав "оси" предпринимать где-либо наступательные действия в других местах. Сопротивление России создало близкую к взрывной ситуацию в каждой оккупированной немцами стране, сделав западноевропейское побережье уязвимым для атаки британских войск...

Начальники штабов хотели бы, чтобы мы ждали, пока не будет пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата из тех, которых мы готовим для вторжения. Они полностью игнорируют открывающиеся ныне возможности..."

А вот реальные итоги дипломатических усилий Сталина.

ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ г-на ЧЕРЧИЛЛЯ г-ну СТАЛИНУ

Я был рад узнать от лорда Бивербрука об успехе трехсторонней конференции, состоявшейся в Москве. "Bis dat qui cito dat" ("Вдвойне дает тот, кто дает скоро" - латинское изречение. - В. К.). Мы намерены обеспечить непрерывный цикл конвоев, которые будут отправляться с промежутками в десять дней. Следующие грузы находятся уже в пути и прибудут в Архангельск 12 октября: 20 тяжелых танков, 193 истребителя (предоктябрьской квоты). Следующие грузы отправляются 12 октября и намечены к доставке 29-го: 140 тяжелых танков, 100 самолетов типа "Харрикейн", 200 транспортеров для пулеметов типа "Брен", 200 противотанковых ружей с патронами, 50 пушек калибром в 42 мм со снарядами. Следующие грузы отправляются 22-го: 200 истребителей, 120 тяжелых танков. Из этого следует, что вся октябрьская квота самолетов и 280 танков прибудут в Россию к 6 ноября. Октябрьская квота транспортеров для

пулеметов типа "Брен", противотанковых ружей и пушек калибром в 42 мм для танков прибудет в октябре. 20 танков были погружены для провоза через Персию и 15 будут немедленно отправлены из Канады через Владивосток.

Таким образом, общее число отправленных танков составит 315, то есть на 19 штук меньше нашей полной квоты. Это количество будет восполнено в ноябре. Вышеупомянутая программа не включает снабжения из Соединенных Штатов.

При организации этого регулярного цикла конвоев мы рассчитываем, что Архангельск будет принимать главную часть поставок. Я предполагаю, что эта часть работы уже производится.

6 октября 1941 года.

А президент США Рузвельт так отреагировал на усилия Сталина:

"Я ознакомился с протоколами Московской конференции, и члены миссии обсудили со мною подробности. Все военное имущество и все виды вооружения мною одобрены, и я приказал по возможности ускорить доставку сырья. Приказано немедленно же приступить к поставке материалов, и эти поставки будут производиться по возможности в самых крупных количествах. Для того чтобы устранить возможные финансовые затруднения, немедленно будут приняты меры, которые позволят осуществить поставки на основе закона о передаче взаймы или в аренду вооружения. Если на это согласится правительство СССР, я предлагаю, чтобы по задолженности, образовавшейся в результате этого, не взималось никаких процентов и чтобы Советское Правительство начало покрывать ее платежами через пять лет после окончания войны с тем, чтобы они были закончены на протяжении десятилетнего периода после этого. Я надеюсь, что Ваше правительство примет специальные меры для того, чтобы продавать нам имеющиеся в его распоряжении сырьевые материалы и товары, в которых Соединенные Штаты могут испытывать срочную необходимость, на основе соглашения, по которому все поступления от этих продаж будут поступать на погашение счета Советского Правительства. Я пользуюсь этим случаем, чтобы передать Вам признательность правительства Соединенных Штатов за быстрое проведение Вами и Вашими сотрудниками Московской конференции по вопросам снабжения и заверить Вас, что мы до конца выполним все вытекающие из этой конференций обязательства. Я надеюсь, что Вы без колебаний будете непосредственно связываться со мной, если Вы этого пожелаете".

В ответных посланиях Сталин поблагодарил Рузвельта и Черчилля.

В докладе на торжественном собрании 6 ноября 1941 года Сталин рассказал об успешном проведении Московской конференции с представителями Великобритании и США и выразил уверенность, что коалиция с этими странами "дело реальное".

Так Сталин положил начало союзническому сотрудничеству, которое сыграло огромную роль в разгроме гитлеровской Германии. Направить усилия капиталистических стран, недавно еще ярых врагов Советской страны, на достижение своих военных замыслов - это наглядное доказательство стратегических усилий и достижений Сталина.

Появилась надежда на помощь США и Англии. Но осуществлять это на Западе было очень сложно: Германия захватила Норвегию и Шпицберген. Финляндия была ее союзницей. В северных морях хозяйничали немецкие подводные лодки.

Приобретали важное стратегическое значение пути подвоза через южные незамерзающие порты Ирана и железная дорога, проложенная от этих портов через всю страну, до границы Советского Союза.

Отношения СССР с Ираном были добрососедскими. Но Гитлер, вынашивая планы о продвижении своих армий в Иран и Индию, проводил необходимую подготовительную работу. В Иране действовали немецкая агентура и много различных коммерческих фирм (по сути дела та же "пятая колонна").

Шах симпатизировал немцам. В разгар тяжелых боев на юге и на Ленинградском направлении Сталин находит время для того, чтобы предпринять меры и расчистить иранскую транспортную магистраль да и весь Иран от "пятой колонны" немцев.

Иранскому правительству 25 августа 1941 года была направлена пространная нота. В ней напоминалось о добрых отношениях с Ираном после Октябрьской революции. О совместном договоре от 26 февраля 1921 года, по которому Ирану передавалось огромное имущество, ранее принадлежавшее царской России, в том числе железные дороги, портовые сооружения, телефонные и телеграфные линии, Учетно-ссудный банк, аннулировались все платежи и долги Ирана России. Была в договоре статья 6, которая предусматривала, в случае возникновения опасности со стороны третьих стран, (далее цитата) "и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять

необходимые военные меры. По устранении данной опасности Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии. Как известно, в течение двадцати лет действия Договора 1921 г. Советское Правительство не считало необходимым для защиты своих интересов прибегать к ст. 6 Договора 1921 г.

Однако за последнее время, и особенно с начала вероломного нападения на СССР гитлеровской Германии, враждебная СССР и Ирану деятельность фашистско-германских заговорщических групп на территории Ирана приняла угрожающий характер. Пробравшиеся на важные официальные посты более чем в 50 иранских учреждениях германские агенты всячески стараются вызвать в Иране беспорядки и смуту, нарушить мирную жизнь иранского народа, восстановить Иран против СССР, вовлечь его в войну с СССР...

Создавшееся в Иране, в силу указанных обстоятельств, положение чревато чрезвычайными опасностями. Это требует от Советского Правительства немедленного проведения в жизнь всех тех мероприятий, которые оно не только вправе, но и обязано принять в целях самозащиты, в точном соответствии со ст. 6 Договора 1921 г.

За время после нападения германии на СССР Советское Правительство трижды - 26 июня, 19 июля и 16 августа с. г. обращало внимание Иранского Правительства на опасность, которую представляет собой подрывная и шпионско-диверсионная деятельность в Иране германских агентов...

Иранское Правительство отказалось, к сожалению, принять меры, которые положили бы конец затеваемым германскими агентами на территории Ирана смуте и беспорядкам, тем самым поощряя этих агентов Германии в их преступной работе. Вследствие этого Советское Правительство оказалось вынужденным принять необходимые меры и немедленно же осуществить принадлежащее Советскому Союзу, в силу ст. 6-й Договора 1921 г., право - ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска...

Как только эта опасность, угрожающая интересам Ирана и СССР, будет устранена, Советское Правительство, во исполнение своего обязательства по советско-иранскому Договору 1921 г., немедленно выведет советские войска из пределов Ирана".

Одновременно, по согласованию со Сталиным, была вручена почти аналогичная нота Великобританского правительства.

После этого советские войска заняли северную часть Ирана, а великобританские - южную. 30 января 1942 года был подписан договор между СССР, Великобританией и Ираном, в котором

отмечались суверенитет, независимость Ирана и то, что войска союзников будут выведены с иранской территории после победы союзников над Германией.

В письме Черчиллю Сталин отметил: "Дело с Ираном действительно вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране". Прозрачный намек на второй фронт. Сталин проводил свою линию!

Оборона Ленинграда

Сталин вызвал Жукова после завершения Ельнинской операции 9 сентября. Как всегда, вызов Сталина означал что-то срочное и, конечно же, сложное.

Когда Жуков прибыл в Кремль, в приемной его встретил Власик и проводил на квартиру Сталина, которая была здесь же, этажом выше.

Сталин ужинал с Молотовым, Маленковым, Щербаковым и некоторыми другими членами руководства. Поздоровавшись, пригласил Жукова к столу и, как будто не было никакой размолвки между ними, легко сказал:

- А неплохо у вас получилось с ельнинским выступом. - И, понимая все-таки, что Жуков помнит о том неприятном разговоре, после которого он был отправлен под Ельню, Сталин продолжил: - Вы были тогда правы. Я не совсем правильно вас понял. - Услышать такое из уст Сталина было необычайно. В этой фразе явно звучало что-то вроде извинения. И, видимо, желая побыстрее сменить не очень приятную для него тему, Сталин сказал: Плохо идут дела у нас на Юго-Западном направлении. Буденный там не справляется. Как вы думаете, кем можно его заменить?

Жуков сначала подумал, что, может быть, Сталин имеет в виду назначить его командующим Юго-Западным направлением, но, ничего не сказав об этом, ответил:

- Я думаю, самый подходящий командующий там был бы маршал Тимошенко, он знает хорошо театр действий и все возможности проведения операций на Украине. За последнее время он получил большую практику в организации боевых действий, вдобавок он по национальности украинец, что тоже имеет значение. Я бы рекомендовал послать его.

Сталин подумал, посмотрел на сидящих за столом, но никто из них не высказал ни своего несогласия, ни одобрения. Сталин произнес:

- Пожалуй, вы правы. А кого поставим вместо Тимошенко

командовать Западным фронтом?

И опять Жуков имел все основания подумать, что Сталин подразумевает его кандидатуру, но и на сей раз сделал вид, что не понимает намека, и ответил:

- Мне кажется, хорошим командующим Западным фронтом будет генерал-лейтенант Конев, который командует сейчас 19-й армией.

Сталин ничего не ответил на это предложение Жукова, тут же подошел к телефону, позвонил Шапошникову и попросил его вызвать в Москву маршала Тимошенко и подготовить приказ о назначении Конева на должность командующего Западным фронтом.

Возвратившись к столу, Сталин, как бы продолжая обычный, ни к чему не обязывающий разговор, спросил Жукова:

- Что вы думаете делать дальше? Жуков пожал плечами и ответил то, что он считал естественным в его положении:

- Поеду обратно к себе на фронт. Сталин задумался и, словно бы размышляя вслух, стал говорить:

- Очень тяжелое положение сложилось сейчас под Ленинградом, я бы даже сказал, положение катастрофическое... - Сталин явно подбирал еще какое-то слово, которым хотел подчеркнуть сложность обстановки на Ленинградском фронте, и наконец вымолвил: - Я бы даже сказал, безнадежное. С потерей Ленинграда произойдет такое осложнение, последствия которого просто трудно предвидеть. Окажется под угрозой удара с севера Москва.

Жукову стало ясно: Сталин клонит к тому, что ликвидировать ленинградскую катастрофу, наверное, лучше всего сможет он, Жуков. Понимая, что Сталин уже решил послать его на это "безнадежное дело", Георгий Константинович сказал:

- Ну, если там так сложно, я готов поехать командующим Ленинградским фронтом.

Сталин, как бы пытаясь проникнуть в состояние Жукова, внимательно глядя на него, снова произнес те же слова:

- А если это безнадежное дело?

Жукова удивило такое повторение. Он понимал, что Сталин делает это неспроста, но почему, объяснить не мог. А причина действительно была.

Еще в конце августа под Ленинградом сложилась критическая обстановка, и Сталин послал в Ленинград комиссию ЦК ВКП(б) и ГКО в составе Н. Н. Воронова, П. Ф. Жигарева, А. Н. Косыгина, Н. Г. Кузнецова, Г. М. Маленкова, В. М. Молото-ва. Как видим, комиссия была очень представительная и обладала большими полномочиями. Она предприняла много усилий для того, чтобы

мобилизовать имеющиеся войска и ресурсы и организовать стойкую оборону. Но этого оказалось недостаточно, и после отъезда комиссии положение Ленинграда не улучшилось. Противник продолжал продвигаться в сторону города, остановить его было нечем и некому. Ворошилов явно не был способен на это. Сталин понимал, что принятые им меры ни к чему радикальному не привели. Поэтому и пульсировали в его сознании эти неприятные, но точные слова: "Положение безнадежное". Жуков оставался последней надеждой, и Сталин почти не скрывал этого.

- Разберусь на месте, посмотрю, может быть, оно еще окажется и не таким безнадежным, - ответил Жуков.

- Когда можете ехать? - считая вопрос решенным, спросил Сталин.

- Предпочитаю отправиться туда немедленно.

- Немедленно нельзя. Надо сначала организовать вам сопровождение истребителей, не забывайте - Ленинград теперь окружен со всех сторон фронтами.

Это тоже для Сталина было необычным в отношении к Жукову - теперь он проявлял о нем заботу.

Сталин подошел к телефону и приказал сообщить прогноз погоды. Ему быстро ответили. Повесив трубку, Сталин сказал Жукову:

- Дают плохую погоду, но для вас это самое лучшее, легче будет перелететь через линию фронта.

Сталин подошел к столу, взял лист бумаги и написал записку:

"Ворошилову.

ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом.

Сталин".

Сталин протянул эту записку Жукову, тот прочитал ее, сложил вдвое, положил в карман и спросил:

- Разрешите отбыть?

- Не торопитесь. Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника?

Состоялся очередной деловой разговор Верховного Главнокомандующего с одним из самых уважаемых им полководцев. В горячке боев Сталин находил время для таких неторопливых бесед с военачальниками различных званий, конструкторами, директорами заводов и даже работниками искусств (о последних будет рассказано позже). Беседы эти, несомненно, приносили огромную практическую и

воспитательную пользу.

10 сентября 1941 года Жуков вместе с генерал-лейтенантом М. С. Козиным и генерал-майором И. И. Федюнинским вылетел в блокадный Ленинград.

Жуков сказал перед вылетом генералам, которых он отобрал для работы на Ленинградском фронте:

- Полетим в Ленинград через линию фронта. Немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и полностью окружили город. На подступах к городу идут очень тяжелые бои. Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у вас нет. - Жуков помолчал, посмотрел поочередно в лицо каждому из собеседников и закончил: - Кто согласен, проходите в самолет.

Все присутствующие генералы были опытные военачальники, не раз смотрели смерти в глаза, хотя бы тот же Федю-нинский, который был с Жуковым в боях на Халхин-Голе. Они не стали говорить громких фраз о своем согласии, а просто пошли к трапу самолета.

В Ленинграде прибывших генералов никто не встретил, хотя о том, что туда вылетел Жуков, не знать не могли. Взяли первую попавшуюся машину и поехали на ней в Смольный.

Не снимая шинели и фуражки, Жуков вошел в кабинет маршала Ворошилова. В это время в кабинете заседал Военный совет фронта, на котором присутствовали Ворошилов, Жданов, Кузнецов и другие члены Военного совета. Они рассматривали вопрос, как уничтожать важнейшие объекты города, потому что удерживать его уже считалось почти невозможным, когда и как подготовить к взрыву боевые корабли, чтобы их не захватил противник.

Жуков сел на свободный стул и некоторое время слушал происходивший разговор. Тема разговора еще больше его взвинтила. Он приехал в Ленинград для того, чтобы отстаивать его, а тут говорят о сдаче. Он подал записку Сталина о своем назначении Ворошилову. Маршал прочитал эту записку, как-то сник и ничего не сказал присутствующим. Пришлось Жукову самому сообщить, что он назначен командующим фронтом. Он коротко предложил закрыть совещание Военного совета и вообще не вести никаких обсуждений о сдаче города, а принять все необходимые меры для того, чтобы отстоять его, и закончил такими словами:

- Будем защищать Ленинград до последнего человека! Жуков приказал Хозину вступить в должность начальника штаба фронта, а генералу Федюнинскому немедленно направиться в 42-ю армию на самый напряженный участок фронта - на Пулковских высотах

и под Урицком - и разобраться там с обстановкой на месте.

А вот как обстановку под Ленинградом оценивал противник.

В день приезда Жукова в Ленинград Гальдер записал в своем дневнике: "На фронте группы армий "Север" отмечены значительные успехи в наступлении на Ленинград. Противник начинает ослабевать..."

Запись Гальдера 13 сентября: "У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к внутреннему обводу укреплений может считаться законченным".

Главнокомандующим группой армий "Север" был фельдмаршал фон Лееб. Опытный и знающий военачальник. В 1895 году он уже служил в армии. В 1909-1911 годах занимал офицерские должности в генеральном штабе Пруссии. Участвовал в боях в первую мировую войну.

В боях против Франции Лееб командовал группой "Ц". Он провел молниеносный удар энергично, в полном соответствии с указаниями Гитлера и планами генерального штаба. После победы над Францией, в июле 1940 года, Гитлер наградил Лееба Рыцарским крестом и присвоил ему звание фельдмаршала. При нападении на Советский Союз фон Лееб вел группу армий "Север", овладел Прибалтикой и подступил к Ленинграду.

Вопрос о падении Ленинграда и Лееб, и Гитлер считали решенным. Гитлер даже прислал специального офицера в штаб Лееба, который был обязан немедленно доложить о вступлении войск в Ленинград.

* * *

Жуков постоянно требовал не только удерживать до последней возможности занимаемые рубежи, но и контратаковать. Для многих такая его тактика казалась труднообъяснимой - сил не хватает для того чтобы обороняться, а он бросает и бросает в бой части, которые, казалось, теряют последние силы в этих, вроде бы напрасных, контратаках.

Фон Лееб наращивал и наращивал силы на направлении Пулковских высот.

54-я армия, которой командовал маршал Г. И. Кулик, находилась за пределами ленинградского окружения. Сталин поставил Кулику задачу: пробить кольцо блокады в районе станции Мга. Шапошников, сообщив об этом Жукову, просил его организовать встречный удар.

Для того чтобы увязать взаимодействие и договориться о времени совместных боевых действий, в ночь на 15 сентября Жуков связался с Куликом. У них состоялся короткий разговор.

Из рассуждений Кулика Жуков понял, что в течение ближайшего времени его армия наступать не собирается.

Сталин несколько раз требовал от Кулика энергичных действий. Кулик, конечно же, боялся Сталина и пытался организовать необходимые боевые действия, но так и не смог организовать удар 54-й армии и пробить хотя бы узкую отдушину к окруженным войскам Жукова.

17 сентября, в тот самый день, о котором Жуков предупреждал Кулика и просил его предпринять наступательные действия (чего тот не сделал), бои под Ленинградом достигли наивысшего напряжения. Фон Лееб, пытаясь спасти свою репутацию и избежать гнева Гитлера, собрал более шести дивизий и нанес мощный удар - старым проверенным способом, на узком участке фронта, предварительно обработав этот участок массированными бомбежками авиации.

Надо представить себе истекающие кровью остатки частей, оборонявших Пулковские высоты, и вот по ним, выбивающимся из последних сил, был нанесен этот удар. Отразить его, казалось, было выше человеческих возможностей.

Наступил тот самый момент, о котором Жуков сказал генералам перед вылетом из Москвы, то самое "или - или". И вот это "или" склонялось в сторону безвыходности. Как спасти Ленинград? Над городом висели и непрерывно бомбили его до 300 самолетов врага, артиллерия вела интенсивный обстрел жилых кварталов.

Жуков своей твердостью стремился укрепить защитников атакованных рубежей, повторяя, что эти рубежи "ни при каких обстоятельствах не могут быть оставлены".

Вот абзац из приказа, который был отдан в самый критический день сражения:

"Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу".

Но не только удержанием каждого метра укреплял Жуков оборону. Его принцип активного противодействия и здесь сыграл решающую роль. Он нашел выход в ослаблении удара врага путем нанесения ему удара в другом месте. Этим он добился того, что Лееб оказался перед необходимостью снять силы с Пулковского направления и отбиваться там, где ударил Жуков. В короткое время - за сутки - Жуков создал ударную группировку. Легко сказать, создал - из чего? где взял силы? На участке 8-й армии ведь были все те же оборонявшиеся там дивизии. Он только уплотнил их боевые порядки, отдал на их усиление все, что мог

отдать, - и 19 сентября ударил во фланг наступающему клину Лееба.

Это было совершенно неожиданно для противника. Представьте себе состояние фон Лееба, уже торжествовавшего в душе и видевшего, наверное, перед собой улицы взятого Ленинграда. И вдруг этот удар по флангу, удар буквально под дых! Леб ведь собрал все, чем располагал, бросаясь в последнее и решительное наступление на Пулковском направлении. Отражать удар Жукова на фланге этой группировки было нечем, надо снимать силы оттуда, где наметились удача и победа. Ждать помощи из глубины нельзя. Леб понимал - пока подойдут резервы, части Жукова вырвутся на тылы и перемелют все так, что вообще придется отходить от Ленинграда.

И Леб дает приказ снять механизированный корпус, уже нацеленный для удара там, где виделся наибольший успех, и бросает этот корпус для спасения фланга.

Но именно в этом и состояла цель Жукова. Напор на пулковском рубеже ослаб. 8-я армия хоть и не вонзилась глубоко в расположение противника, но задачу свою выполнила.

Обе стороны в полном изнеможении остановились на достигнутых рубежах. Какой же это был удобный момент для удара 54-й армии!

Сталин это понимал и 20 сентября послал Кулику телеграмму, я бы сказал, не столько приказывающую, сколько взывающую к здравому рассудку маршала:

"В эти два дня, 21 и 22-го, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами".

К сожалению, и это увещевательно-приказное распоряжение Верховного не подействовало. Кулик был освобожден от командования 54-й армией, она была подчинена Жукову, который назначил командующим генерала М. С. Хозина по совместительству с исполнением им должности начальника штаба фронта. Как видим, не было под рукой генералов, кто бы мог вступить в командование армией.

Гальдер 23 сентября записал в своем дневнике: "В районе Ладожского озера наши войска продвинулись незначительно и, по-видимому, понесли большие потери. Для обороны сил тут вполне достаточно, но для решительного разгрома противника их, вероятно, не хватит". А 25 сентября он сделал такую запись: "День 24.9 был для ОКВ в высшей степени критическим днем.

Тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый участок на восточном берегу Невы".

Критическим этот день для ОКВ был не только из-за контрудара, организованного Жуковым, но и из-за той истерики, которую Гитлер закатил в верховном главнокомандовании сухопутных войск. Он негодовал по поводу того, что вместо ожидаемого скорого взятия Ленинграда его войска там даже отброшены. А он уже включил их в расчет для наступления на Москву.

Отпор Сталина под Ленинградом ломал планы фюрера, ставил под угрозу срыва готовящуюся операцию "Тайфун". Гитлер не мог этого допустить и, наверное, скрежеща зубами, все же приказал осуществить намеченную перегруппировку.

Вскоре начальник разведотдела Ленинградского фронта доложил о том, что он получил сведения о перемещениях в расположении противника. Но на этот раз противник перебрасывал части не в пределах фронта, а передвигал мотопехоту от Ленинграда на Псков. Кроме этого, были сведения и о том, что противник грузит танки на платформы и тоже перебрасывает их к Москве.

Фельдмаршал фон Лееб понимал: катастрофа постигла не только его войска, но и его лично; Гитлер, возлагавший так много надежд на захват Ленинграда, не простит ему эту неудачу. Лееб написал Гитлеру доклад о своих дальнейших действиях по овладению Ленинградом, на самом же деле это была попытка объяснить свои неудачи и как-то смягчить удар. А Гитлер сильно гневался на Леeба. На одном из совещаний он с возмущением говорил:

- Лееб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. И будет ли взят Ленинград штурмом, уверенности нет. Если не штурм, то Лееб предлагает перейти к глухой обороне. Ни то, ни другое не годится, он не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо уморить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод... Что же касается Леeба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу.

Сталин в сражении за Ленинград твердо координировал

действия войск, находившихся в окружении и за пределами города. Помогал Жукову авиацией и активными действиями на других фронтах, чтобы сковать резервы противника.

Его решение как Верховного Главнокомандующего послать в Ленинград именно Жукова не случайно, Сталин хорошо знал своих подчиненных, этот правильный выбор помог найти выход из "безвыходного положения". Дальновидность Сталина в этом сражении сыграла важную роль. Верховный упорно и терпеливо высматривал, приближал и выращивал когорту полководцев современной войны. Недалеко было то время, когда засияют яркие имена его подлинных воспитанников - Рокоссовского, Ватутина, Конева, Черняховского, Чуйкова, Рыбалко, Катукова, Новикова, Кузнецова и многих других.

Угроза "Тайфуна"

Серьезные неудачи, постигшие наши войска на южном крыле совете ко-германского фронта, дали возможность гитлеровскому командованию, с одной стороны, усилить нажим и вплотную прорваться к Ленинграду (о чем рассказано в предыдущей главе), а с другой - начать подготовку решающей операции на главном направлении.

На совещании в "Волчьем логове" Гитлер сказал:

- Наши успехи, достигнутые смежными флангами групп армий "Юг" и "Центр", дают возможность и создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко (Так немцы называли наш Юго-Западный фронт), которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий "Центр"... В полосе группы армий "Центр" надо подготовить операцию таким образом, чтобы по возможности быстрее, не позднее конца сентября, перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения, в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах...

Большая работа по подготовке наступления, конечной целью которого назначался захват Москвы, была проделана и в генеральном штабе сухопутных войск, проведено несколько совещаний, предприняты меры для доукомплектования частей и соединений группы армий "Центр". 6 сентября Гитлер подписал директиву No 35 на проведение этой операции, которая получила кодовое наименование "Тайфун".

Операцию намечалось осуществить в самое короткое время, до начала осенней распутицы и зимы, и обязательно завершить победой. Эта мысль отразилась и в названии, которое придумал сам Гитлер, - наступающие войска должны, как тайфун, смести

все на своем пути к Москве.

Гитлеру так не терпелось реализовать свой замысел, что он потребовал начать наступление через 8-10 дней после того, как ему пришла в голову эта мысль. Однако Гальдер точными расчетами и логическими аргументами убедил его, что сразу начать и провести такое широкомасштабное наступление невозможно, потому что 2-я армия и 2-я танковая группа еще повернуты на юг, а группа армий "Центр" после продолжительных боев восточнее Смоленска требует пополнения и людьми и материальными средствами. С большим нежеланием, как говорится, скрепя сердце Гитлер в конце концов согласился на солидную, планомерную подготовку этого наступления.

Группе армий "Центр" пришло значительное пополнение в 151 тысячу человек, но это не довело ее до первоначального состава, так как в предыдущих боях она потеряла 219 тысяч человек. Были отданы ей последние три дивизии из резерва ОКХ, и в распоряжении верховного командования вообще больше не осталось резерва. В танковых группах, которые тоже понесли большие потери в предыдущих боях, несмотря на поступление новых танков и ремонт тех, которые можно было привести в боевое состояние, набралось всего до 60 процентов машин, пригодных для боя. Были большие потери в автомобильной технике во время боев, бомбардировок, да и просто многие тягачи и автомобили износились и пришли в негодность. Но все же и того, чем располагала группа армий "Центр", было достаточно для очень мощного удара.

Всего для наступления в группе армий "Центр" к началу октября были приведены в готовность около двух миллионов солдат и офицеров, распределенных в три армии и три танковые группы, насчитывавшие в общей сложности 76 дивизий. Авиационное обеспечение осуществлял 2-й воздушный флот под командованием генерал-фельдмаршала Альберта Кессель-ринга. По замыслу гитлеровского командования, эти силы могли и должны были осуществить одну из самых решительных операций восточной кампании.

Главное командование вермахта и генеральный штаб большое значение при подготовке этой операции придавали ее скрытности, внезапности, что, по их мнению, во многом обеспечило бы успех. Были изданы специальные указания о секретности подготовки, все перемещения частей предписывалось проводить только в ночное время, предусматривалось немало мероприятий по дезинформации советского командования. И - как это ни странно, - но и после того как мы уже испытали огромные беды в результате оказавшегося для нас внезапным

нападения 22 июня, противнику и при наступлении на Москву в какой-то мере удалось достичь внезапности. Маршал Василевский так пишет об этом в своих воспоминаниях: "Генеральный штаб, к сожалению, точно не предугадал замысла действий противника на Московском направлении".

А действия противника здесь можно было не только предугадать, но и просто выявить соответствующими разведывательными мероприятиями. Тем более что сюда, в группу армий "Центр", подтягивались огромные резервы: была передана 4-я танковая группа и два армейских корпуса из группы армий "Север, переместились с юга 2-я армия и 2-я танковая группа. Прибывало очень много пополнений - дивизии были доведены до 15-тысячного состава каждая, подвозились боеприпасы, техника, горючее и много других необходимых средств обеспечения.

24 сентября в Смоленске в штабе группы армий "Центр" состоялось заключительное совещание по вопросу о проведении наступления. На совещании присутствовали главнокомандующий сухопутными войсками Браухич и начальник генерального штаба Гальдер. Было решено, что вся группа армий "Центр" начнет наступление 2 октября, а 2-я армия и 2-я танковая группа Гудериана, которая будет действовать на правом фланге, перейдут в наступление раньше 30 сентября. Генерал Гудериан вспоминает: "Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени по крайней мере достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орел Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь для снабжения. Кроме того, я полагал, что только в том случае, если я начну наступление на два дня раньше остальных армий, входящих в состав группы армий "Центр", мне будет обеспечена сильная авиационная поддержка".

Итак, "Тайфун" разразился 30 сентября ударом танковой группы Гудериана и 2-й немецкой армии по войскам Брянского фронта. Не встречая серьезного сопротивления, Гудериан рвался к Орлу, оказались под угрозой окружения 3-я и 13-я армии Брянского фронта. Нанеся мощный удар на правом фланге, гитлеровцы приковали все внимание нашего командования к этому направлению, а 2 октября нанесли еще более мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Все три наших фронта вступили в тяжелейшие бои.

Противнику удалось прорвать оборону наших войск, и в результате его охватывающих действий с севера и с юга в направлении Вязьмы наши 19-я, 20-я, 24-я, 32-я и почти вся 16-я армии оказались в окружении в районе западнее города Вязьмы...

Вот как реагировал Сталин на это очередное несчастье. Рассказывает Чадаев:

"- Когда я зашел в приемную Сталина, то застал Поскребышева в сильном смятении. Он держал телефонную трубку и буквально кричал:

- Ну, когда же вы разыщете его, черт вас побери? Раздался звонок от Сталина.

- Ну зайди, - мотнул головой Поскребышев. Я тихо вошел в кабинет и остановился, не проронив ни звука.

Сталин ходил поспешно по кабинету с растущим раздражением. По его походке и движению чувствовалось, что он находится в сильном волнении. Сразу было видно, что он тяжело переживает прорыв фронта и окружение значительного числа наших дивизий. Это событие просто ошеломило его.

- Ну и болван, - тихо произнес Сталин. - Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!

Пока я молча стоял, зашел Поскребышев и доложил:

- Командующий Конев у телефона.

Сталин подошел к столу и с яростью снял телефонную трубку.

В командующего летели острые стрелы сталинского гнева. Он давал не только порцию "проборки", но и строгое предупреждение, требовал беспощадно биться и добиться вывода войск из окружения.

- Информируйте меня через каждые два часа, а если нужно, то и еще чаще. Время, время дорого!

Затем Сталин соединился с членом Военного совета Западного фронта Н. А. Булганиным и тоже набросился на него. Булганин стал объяснять причину этого чрезвычайного происшествия. Он (как мне потом стало известно лично от самого Булганина) докладывал Сталину, что "ЧП" произошло из-за того, что командование Резервного фронта "проморгало" взятие противником Юхнова. Командующий войсками Резервного фронта маршал С. М. Буденный узнал о захвате немцами Юхнова только на второй день, и то из переговоров с Булганиным. В то же время Булганин доложил Сталину, что имели место большие промахи и со стороны командования Западного фронта.

Выслушав терпеливо и до конца Булганина, Сталин немного смягчился и потребовал от руководства фронта: "Не теряйте ни секунды... во что бы то ни стало выведите войска из окружения".

Вошел Молотов. Сталин, повесив трубку, сказал:

- Может быть, еще удастся спасти войска... Гитлер изображает себя в положении нетерпеливой охотничьей собаки, настигнувшей дичь и теперь ждущей, наконец, момента, когда раздастся заветный выстрел. Однако желанного результата фюрер не получит!

Молотов, нахмурив брови, так выразительно посмотрел на меня, что я сразу понял: мне нужно уходить. И я вышел из кабинета..."

Битва за Москву

5 октября в 17 часов 30 минут члену Военного совета Московского военного округа генералу К.Ф.Телегину поступило сообщение из Подольска: комендант Малоярославецкого укрепрайона комбриг Елисеев сообщал, что танки противника и мотопехота заняли Юхнов, прорвались через Малоярославец, идут на Подольск. От Малоярославца до Москвы около ста километров, и притом прекрасное шоссе, по которому это расстояние танки могут пройти за два часа. Телегин понимал опасность такого прорыва, доложил в оперативное управление Генерального штаба о случившемся и стал перепроверять эти сведения через командующего ВВС округа полковника Сбытова, который несколько раз высылал к Юхнову опытных летчиков. Из Генерального штаба, видимо, доложили об этом и Верховному, потому что вскоре у Телегина зазвонил телефон, и он услышал голос Берии, который резко и сухо задал вопрос:

- Откуда вы получили сведения, что немцы в Юхнове, кто вам сообщил?

Телегин доложил, откуда им получены такие сведения.

- Слушайте, что вы там принимаете на веру всякую чепуху? Вы, видимо, пользуетесь информацией паникеров и провокаторов...

Телегин стал убеждать Берию, что сведения точные, их доставили летчики, которым можно верить.

- Кто вам непосредственно докладывал эти сведения?

- Командующий ВВС округа полковник Сбытов.

- Хорошо...

Прошло немного времени, и позвонил Сталин. Звонок лично Сталина событие экстраординарное. Телегин пишет в своих воспоминаниях, что у него было такое чувство, "будто его ошпарили кипятком".

- Телегин? Это вы сообщили Шапошникову, что танки противника прорвались через Малоярославец?

- Да, я, товарищ Сталин.

- Откуда у вас эти сведения?

- Мне доложил из Подольска комбриг Елисеев. А я приказал ВВС немедленно- послать самолеты и перепроверить, и также еще проверку осуществляю постами ВНОС...

- Это провокация. Прикажите немедленно разыскать этого коменданта, арестовать и передать в ЧК, а вам на этом ответственном посту надо быть более серьезным и не доверять всяким сведениям, которые приносит сорока на хвосте.

- Я, товарищ Сталин, полностью этому сообщению не доверял, немедленно принял меры для проверки и просил генерала Шарохина до получения новых данных Ставке не докладывать.

- Хорошо. Но впредь такие сведения надо проверять, а потом докладывать.

В то же время, когда происходили эти телефонные разговоры, командующего ВВС Московского военного округа полковника Н. А. Сбытова вызвал к себе начальник Особого отдела Красной Армии Абакумов. Он потребовал прибыть к нему немедленно. Когда Сбытов вошел к нему в кабинет, Абакумов резко и грозно спросил:

- Откуда вы взяли, что к Юхнову идут немецкие танки?

- Это установлено авиационной разведкой и дважды перепроверено.

- Предъявите фотоснимки.

- Летали истребители, на которых нет фотоаппаратов, но на самолетах есть пробоины, полученные от вражеских зениток. Разведка велась с малой высоты, летчики отчетливо видели кресты на танках.

- Ваши летчики - трусы и паникеры, такие же, видимо, как и их командующий. Мы такими сведениями не располагаем, хотя получаем их, как и Генштаб. Предлагаю вам признать, что вы введены в заблуждение, что никаких танков противника в Юхнове нет, что летчики допустили преступную безответственность и вы немедленно с этим разберетесь и сурово их накажете.

- Этого сделать я не могу. Ошибки никакой нет, летчики боевые, проверенные, и за доставленные ими сведения я ручаюсь.

- А чем вы можете подтвердить такую уверенность, какие у вас есть документы?

- Прошу вызвать командира 6-го истребительного авиакорпуса ПВО полковника Климова. Он, вероятно, подтвердит.

Абакумов стал вызывать Климова, а до его прибытия Сбытова задержали. Когда прибыл Климов, Сбытова снова вызвали в кабинет Абакумова.

- Чем вы можете подтвердить, что летчики не ошиблись, сообщив о занятии Юхнова танками противника? - обратился

Абакумов к Климову.

- Я такими данными не располагаю, летали летчики округа.

Тогда Сбытов попросил вызвать начальника штаба корпуса полковника Комарова с журналом боевых действий, рассчитывая, что в журнале есть соответствующие записи. Комаров прибыл, но так же, как и Климов, заявил, что работу летчиков корпус не учитывает и в журнал боевых действий не заносит. После тяжелого и мрачного молчания Абакумов повернулся к Сбытову, сказал:

- Идите и доложите Военному совету округа, что вас следует освободить от должности как не соответствующего ей и судить по законам военного времени. Это наше мнение.

Сбытова спасло только то, что танки противника действительно оказались в Юхнове. Эти части от Юхнова не пошли на Москву, а повернули на Вязьму, в тыл армиям Резервного и Западного фронтов, отрезая им путь отхода к Можайскому оборонительному рубежу, а для развития наступления в сторону Москвы с этого рубежа вводились резервы противника, подход которых также был замечен нашей воздушной разведкой.

В тот же день Сталин позвонил Жукову и спросил:

- Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта, в районе Юхнова, Ставка хотела бы с вами посоветоваться.

Жуков ответил:

- Прошу разрешения вылететь утром 6 октября.

- Хорошо, - согласился Сталин. - Завтра днем ждем вас в Москве.

Однако из-за некоторых важных обстоятельств, возникших на участке 54-й армии, 6 октября Жуков вылететь не смог, о чем доложил Верховному.

Вечером вновь позвонил Сталин.

- Как обстоят у вас дела? Что нового в действиях противника?

- Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха.

Доложив обстановку, Жуков спросил Верховного, остается ли в силе его распоряжение о вылете в Москву.

- Да! - ответил Сталин. - Оставьте за себя генерала Хо-зина или Федюнинского, а сами завтра вылетайте в Ставку.

В Москве Жукова встретил начальник охраны Сталина генерал Власик. Он сообщил, что Верховный болен и работает на

квартире, куда просил немедленно приехать.

Когда Жуков вошел в комнату, там был Берия. Сталин, заканчивая с ним разговор, произнес:

- Ты поищи подходы и прозондируй - возможности и условия...

Берия ушел. Георгий Константинович сначала не придал значения концу фразы, которую услышал. Лишь много позднее понял, как он сам говорил, что речь шла о возможности заключения перемирия с гитлеровцами.

...Жукова Сталин встретил сухо, в ответ на приветствие только кивнул головой. В нервном, гневном настроении он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

- Вот смотрите! Плоды командования Западного фронта! Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Кроме тяжелого положения под Москвой, Сталина заботило положение на других фронтах. Он спросил Жукова:

- Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

- Думаю, что нет. Противник понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися силами провести новую наступательную операцию.

- А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда?

- Очевидно, на Московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

Посмотрев на карту Западного фронта, Сталин сказал:

- Кажется, они уже действуют на этом направлении. Простившись с Верховным, Жуков отправился к начальнику Генерального штаба Шапошникову, подробно изложил ему обстановку, сложившуюся на 6 октября в районе Ленинграда.

- Только что звонил Верховный, - сказал Шапошников, - приказал подготовить для вас карту Западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

Борис Михайлович ознакомил Жукова в деталях с обстановкой на Московском направлении и вручил ему распоряжение Ставки:

"Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.".

* * *

Обстановка была катастрофическая.

Огромное количество войск, которые могли бы наносить мощные удары по врагу, оказалось в окружении под Вязьмой. Это, несомненно, стало результатом ошибок, допущенных и Ставкой, и командованием фронтов, прикрывавших столицу.

Немецкой группе армий "Центр" противостояли на подступах к Москве три фронта: Западный (командующий генерал И. С. Конев), Резервный (командующий маршал С. М. Буденный) и Брянский (командующий генерал А. И. Еременко).

Войска этих трех фронтов около полутора месяцев стояли в обороне и имели достаточно времени на подготовку и развитие обороны в инженерном отношении, на отработку системы огня и увязку тактического и оперативного взаимодействия.

Скучная вещь цифры, в литературе принято избегать их, но в то же время цифры - убедительный и бесстрастный аргумент, они без эмоций, спокойно показывают, когда и сколько было сил у воюющих сторон. При сопоставлении этих цифр наглядно видно, у кого и каких сил было больше.

Если хватит терпения, вникните в цифры, показывающие, как выглядели две огромные противостоявшие армии перед началом битвы за Москву. Кому это неинтересно, переверните страницу.

Итак, у гитлеровцев три полевые армии, три танковые группы, 16 армейских корпусов, 8 моторизованных корпусов. Всего в этих объединениях было 76 дивизий, из них 50 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных, 3 охранные, 1 кавалерийская. И еще три отдельные бригады - две моторизованные и одна кавалерийская. Все дивизии полнокровные: пехотные - 15 200 человек, танковые - 14 400 человек, моторизованные - 12 600

человек. Всего в группе армий "Центр" было около двух миллионов человек, что превосходило наполеоновскую армию, вступившую в Россию (600 тысяч человек), в три с лишним раза. И это только на одном направлении, а фронт был от Северного до Черного моря.

Наши три фронта под Москвой имели 15 армий: Западный - 6, Резервный 6, Брянский - 3. Всего дивизий - 83, из них танковых - 1, мотострелковых 2, кавалерийских - 9, танковых бригад - 13. В наших дивизиях средняя численность - между 10 000 и 6 500 человек. Очень мало артиллерии и танков.

Таким образом, по количеству соединений наша сторона вроде бы имела преимущество над противником. Но когда раскрывается истинное содержание этих цифр, их наполнен-ность реальными силами, то получается, что преимущество явно было у гитлеровцев.

Надо еще учесть, что дело не всегда решают силы, большое значение имеет умение их применить, то самое военное искусство, которым владеют или не владеют военачальники, возглавляющие войска.

На первом этапе, при подготовке битвы за Москву, надо признать, военное мастерство было на стороне гитлеровцев. Они не только сумели за короткий срок восстановить боеспособность ослабевших в предыдущих боях дивизий, но еще мастерски провели перегруппировку (которую мы не заметили!) и создали на главных направлениях такие мощные ударные кулаки, что удержать их наши малочисленные на этих участках подразделения не могли. Именно подразделения - батальоны, роты, а не дивизии.

Почему так получилось? Да очень просто. Немцы стремились к концентрированному сосредоточению сил и достигли этого, а наши командиры выстраивали фронт с почти равномерным распределением количества километров на дивизию. Например, в 30-й армии на дивизию приходилось 17,5 километра фронта, в 19-й армии - 8 километров на дивизию. И вот в стык между этими армиями гитлеровцы бросили 12 дивизий! Только в стык! Значит, превосходство сил противника здесь было подавляющее. Если в 30-й армии дивизия удерживала 17 км, то на полк приходилось 8-9 км (два полка в первом эшелоне), а на батальон - до 4 км (два батальона полка в первом эшелоне). А у немцев на эти 4 километра были 1-2 дивизии! Несколько полков на роту! Кто же удержит такую силищу? Солдаты винтовками и пулеметами? На них прут сотни танков, а у нас на Западном фронте тактическая плотность на 1 километр: танков - 1,5 шт., противотанковых орудий - 1,5 шт., орудий 76-мм калибра - 4,5 шт. Вот и все Вот и

попробуй удержать такую армаду врага. Не на главном направлении, там, где у немцев сил было поменьше, наши 16-я, 19-я, 20-я, 24-я и 32-я армии сдерживали напор, но гитлеровцы на это и рассчитывали: пробив на флангах (на главных направлениях) наш фронт, ударные группировки обошли и окружили эти пять армий, создав Вяземский котел!

С первых дней войны для нас оказалась неожиданной ударная мощь немецкой армии. Неожиданностью было и шести-, восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны.

Даже отступив до Москвы, наши полководцы и Сталин еще не понимали этой тактики врага, а если и понимали, то не умели ей противостоять. Начало операции "Тайфун", окружение сразу пяти армий, убедительно подтверждает это.

Линейная оборона наших войск не выдержала удара. В результате, как уже говорилось, пять наших армий Западного фронта и оперативная группа Болдина оказались в окружении. На Брянском фронте немцы окружили еще две армии: 3-ю и 13-ю. Часть сил фронтов, избежав окружения и понеся большие потери, отходила туда, куда им позволяла обстановка.

Сплошного фронта обороны на Западном направлении фактически уже не было, образовалась большая брешь, которую нечем было закрыть, так как никаких резервов в руках командования Брянского, Западного и Резервного фронтов не было. Нечем было закрыть даже основное направление на Москву. Все пути к ней, по существу, были открыты. Никогда с самого начала войны гитлеровцы не были так реально близки к захвату Москвы.

В штабе Западного фронта Жуков спросил у командующего Конева, что тот намерен предпринять в этой тяжелой обстановке.

- Я приказал командующему 16-й армией Рокоссовскому отвести армию через Вязьму, сосредоточившись в лесах восточнее Вязьмы, но части армии были отрезаны противником и остались в окружении. Сам Рокоссовский со штабом армии успели проскочить и сейчас находятся в лесу восточнее Вязьмы. Связи с Лукиным - командармом 19-й, Ершаковым - командармом 20-й у нас нет. Я не знаю, в каком они положении. С группой Болдина связь также потеряна. Нет у нас связи и с соседними фронтами. В 22-ю, 29-ю и 30-ю армии правого крыла фронта, которые меньше пострадали, послан приказ отходить на линию Ржев - Сычевка. Закрыть центральное направление на Москву фронт сил не имеет.

В 2 часа 30 минут ночи 8 октября Жуков позвонил Сталину. Доложил обстановку на Западном фронте:

- Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии обороны. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска, откуда только можно, на Можайскую линию.

Сталин спросил:

- Что вы намерены делать?

- Выезжаю сейчас же к Буденному.

- А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

- Буду искать где-то в районе Малоярославца.

- Хорошо, поезжайте к Буденному и оттуда сразу же позвоните мне.

Жуков с трудом разыскал штаб Резервного фронта, Буденный не имел связи со своими разбитыми армиями.

- В чьих руках Юхнов?

- Сейчас не знаю, - ответил Буденный. - Вчера там было до двух пехотных полков народных ополченцев 33-й армии, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

- Кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

- Когда я ехал сюда, - сказал Семен Михайлович, - кроме трех милиционеров, в Медыни никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

- Разберись с обстановкой и доложи в Ставку о положении дел на фронте. Доложи Сталину о нашей встрече и скажи, что я поехал в район Юхнова, а затем в Калугу. Надо выяснить, что там происходит.

Жуков не доехал до Юхнова километров 10-12, здесь его остановили наши воины, они сообщили, что в Юхнове гитлеровцы и что в районе Калуги идут бои.

Георгий Константинович направился в сторону Калуги. Тут ему сообщили, что Верховный приказал к исходу 10 октября быть в штабе Западного фронта. А было на исходе 8 октября.

Жуков еще раз заехал в штаб Резервного фронта. Здесь ему сказали, что поступил приказ о назначении его командующим Резервным фронтом. Однако он уже имел приказ Верховного о прибытии к исходу 10 октября в штаб Западного фронта. Жуков позвонил Шапошникову и спросил: какой же приказ выполнять?

Шапошников пояснил:

- Ваша кандидатура рассматривается на должность командующего Западным фронтом. До 10 октября разберитесь с обстановкой на Резервном фронте и сделайте все возможное, чтобы противник не прорвался через Можайске-Малоярославецкий рубеж, а также в районе Алексина на Серпуховском направлении.

Утром 10 октября Жуков прибыл в штаб Западного фронта,

который теперь располагался в Красновидове - в нескольких километрах северо-западнее Можайска.

В штабе работала комиссия Государственного Комитета обороны в составе Молотова, Ворошилова, Василевского, разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта.

Булганин сказал, обращаясь к Жукову:

- Только что звонил Сталин и приказал, как только прибудешь в штаб, чтобы немедля ему позвонил.

К телефону подошел Сталин.

- Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить вас. Вы не будете возражать?

- Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности.

- А что будем делать с Коневым?

- Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на Калининском направлении. Это направление слишком удалено, и необходимо иметь там вспомогательное управление.

Сталин подозрительно спросил:

- Почему защищаете Конева? Он ваш дружок?

- Знаю его по службе в Белорусском округе.

- Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, части, находящиеся на Можайской оборонительной линии. Берите быстрее все в свои руки и действуйте.

- Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара гитлеровцев на Москву.

Войдя в комнату, где работала комиссия, Жуков передал ей свой разговор со Сталиным.

- А сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нам нужно принимать срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Алабино. Второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на Калининское направление. Третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему Можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на Можайском направлении.

Комиссия согласилась с просьбой Жукова, прервала работу и уехала в Москву.

Не нужно быть очень проницательным человеком, чтобы

понять: описанное выше очень похоже на случившееся незадолго до этого на Западном направлении, когда в результате разбирательства менее представительной комиссии во главе с Мехлисом были расстреляны командующий фронтом генерал армии Павлов, начальник штаба фронта генерал-лейтенант Климовских и другие генералы и офицеры. Здесь Жуков, по сути дела, спас Конева и других. Сталин по отношению к Коневу за катастрофу на Западном фронте был настроен однозначно отрицательно. Не сносить бы ему головы! Жуков это понял и, используя напряженность обстановки, умело и тонко вывел Конева из-под удара, попросив его к себе в заместители. (Знал бы Георгий Константинович, что много лет спустя Конев отплатит ему за это спасение, как говорится, черной неблагодарностью!)

Через два дня после того как Жуков начал командовать фронтом, позвонил Молотов. В разговоре с ним шла речь об одном из направлений, на котором немцы продолжали продвигаться. Молотов говорил в повышенном тоне. Видимо, он имел прямые сведения о продвижении немецких танков на этом участке, а Жуков к тому времени не был до конца в курсе дела.

Молотов сказал:

- Или вы остановите это угрожающее Москве наступление, или будете расстреляны.

- Не пугайте меня, я не боюсь ваших угроз. Еще нет двух суток, как я вступил в командование фронтом, я еще не полностью разобрался в обстановке, не до конца знаю, где что делается. Разбираюсь в этом, принимаю войска.

Молотов снова повысил голос:

- Как же это так, не суметь разобраться за двое суток! Жуков ответил:

- Если вы способны быстрее меня разобраться в положении, приезжайте и вступайте в командование фронтом. - И бросил трубку.

Когда вы читаете о приезде Жукова на Западный фронт, о том, как он искал штабы фронтов, не создается ли у вас впечатление о каком-то вакууме, о какой-то пустоте? Жуков ездит, преодолевая большие расстояния, и не встречает наших войск. Почему же немцы не продвигаются к Москве и не овладевают ею? Очевидно, такое впечатление возникает из-за того, что Жуков ездил по тылам, в районе штабов фронтов, где войск, собственно, и не должно быть, за исключением резервов, которых к тому времени в распоряжении командования ни Западного, ни Резервного фронтов уже не было.

Ну, а на передовой, там, где непосредственно соприкасались наступающие и отступающие части, там бои продолжались. И

если мы мало знаем об этих боях и о тех мужественных людях, которые сдерживали там врага, то это из-за того, что было потеряно управление войсками - от дивизионных штабов до Верховного Главнокомандующего. Напомню слова Сталина, сказанные Жукову: он не может выяснить, что происходит на линии фронта, кто остался в окружении, кто оказывает сопротивление. Штабы фронтов тоже, как видим, не знали обстановки и положения частей. Вот в такие трудные минуты как раз и совершают свои подвиги герои, которые чаще всего остаются неизвестными.

Там, на передовой и в окружении, из последних сил выбивались роты и батальоны, остатки полков и дивизий, делая все, чтобы сдержать наступление врага. О них не писали в эти дни в газетах, не оформляли наградные документы на отличившихся, потому что всем было не до того. Надо было остановить могучий вал войск противника, который, превосходя во много раз силы обороняющихся, продвигался вперед. Потом политработники и журналисты найдут героев этих боев, но, увы, только тех, кто остался в живых, кто может рассказать о том, что делал сам или видел, как мужественно сражались другие. Ну а те, кто погиб в бою и совершил, может быть, самые главные подвиги? О них так никто и не узнает. Да и не принято в дни неудач, после отступлений, после того как оставлены города, села, говорить о геройских делах. Какое геройство, если драпали на десятки и сотни километров? Какие наградные реляции, когда столько погибло людей и потеряно техники?

Жуков в своей книге пишет: "Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки".

Бои не затихали ни на минуту, они велись днем и ночью, но это если рассматривать ситуацию в тактическом отношении. Что же касается оперативного масштаба, то здесь случилась пауза. Дело в том, что, окружив столько наших армий, гитлеровцы должны были их удержать в этом кольце и уничтожить. На это им потребовалось больше двадцати восьми дивизий. А это значит, что из ударных группировок, из тех могучих таранов, которые были направлены севернее и южнее Москвы для ее охвата, эти двадцать восемь дивизий были вынуты и остались в тылу.

Как же немецкое командование пыталось выйти из тех

трудностей, с которыми оно встретилось, несмотря на победное начало? Давайте опять заглянем в дневник Гальдера. Вот что он пишет 6 октября: "В целом можно сказать, что операция, которую ведет группа армий "Центр", приближается к своему апогею - полному завершению окружения противника".

Запись 7 октября: "Сегодня танковая группа Гепнера соединилась с танковой группой Готта в районе Вязьмы. Это крупный успех, достигнутый в ходе 5-дневных боев. Теперь необходимо как можно скорее высвободить танковую группу Гепнера для нанесения удара по юго-восточному участку московского оборонительного фронта, быстро перебросив к Вязьме пехотные соединения 4-й армии".

Вот в этой записи и видна причина паузы, возникшей в наступлении противника: танковые соединения только-только сомкнулись, но полевые армии еще не подошли, поэтому наступление должно было приостановиться.

Запись 8 октября: "Окружение группировки противника в районе Вязьмы завершено и обеспечено от возможных ударов противника извне с целью деблокирования окруженных соединений".

9 октября Гальдер, несмотря на сухость и точность его военного языка, все же с явным восторгом записывает: "Бои против окруженной группировки противника в районе Вязьмы носят прямо-таки классический характер..."

Такова была обстановка 10 октября 1941 года, когда Сталин отдал приказ, согласно которому Западный и Резервный фронты объединялись в Западный фронт.

Что мог еще сделать Сталин в такой тяжелейшей обстановке? Большинство сил оказалось в окружении. Тех частей, которые отходят перед наступающим противником, безусловно, недостаточно для того, чтобы остановить его продвижение. Резервов нет - Ставка не располагает готовыми частями, а с Дальнего Востока и из других районов прибытие войск задерживается. Если Сталин, отправляя Жукова в Ленинград, назвал сложившуюся там ситуацию безнадежной, то, наверное, к тому, что сейчас происходило под Москвой, это слово можно было применить с еще большим основанием.

Сталин и в этой критической ситуации принял очень правильное решение, назначив Жукова на Западный фронт.

Быстро и реально оценив создавшуюся обстановку и прекрасно зная тактику врага, Жуков приходит к выводу, что противник не может сейчас наступать на ширине всего фронта. У него не хватит для этого сил, много соединений он вынужден использовать для уничтожения наших окруженных армий.

Следовательно, и нам нет необходимости создавать сплошной фронт обороны перед Москвой. Зная повадки врага: наступать вдоль дорог и наносить удары танковыми и механизированными клиньями, - Жуков принимает решение, в первую очередь, организовать прочную оборону на направлениях вдоль дорог, где противник будет пытаться наступать, охватывая Москву, а именно - на Волоколамском, Можайском, Калужском шоссе. Здесь надо сосредоточить все, что окажется сейчас под руками, главным образом, артиллерию и противотанковые средства. Сюда нацелить силы имеющейся авиации.

Самым опасным было Можайское направление. На подступах к Бородино, к тому самому Бородинскому полю, где в 1812 году наши предки дали генеральное сражение Наполеону, уже находились части противника. На Можайскую линию обороны, как мы знаем, сосредоточивало силы и командование Резервного фронта. Именно сюда, на наиболее угрожающее направление, и выезжает Жуков с членом Военного совета Н. А. Булганиным.

На этом направлении войсками 5-й армии и всеми, кого можно было сюда собрать, командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, а после его ранения генерал-майор Л. А. Говоров.

Волоколамское направление приказано оборонять генерал-лейтенанту К. К. Рокоссовскому, в распоряжении которого было только командование его 16-й армии, войска же этой армии, как помним, остались в окружении. Жуков подчинил Рокоссовскому все, что можно, из отходящих частей, он знал Рокоссовского как умелого и волевого генерала и надеялся, что он удержит Волоколамское направление.

33-я армия во главе с генерал-лейтенантом М. Г. Ефремовым сосредоточилась на Наро-Фоминском направлении. На Малоярославецком направлении получила задачу обороняться 43-я армия генерал-майора К. Г. Голубева. Калужское направление перекрыла 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина. На Калининское направление, наиболее удаленное от штаба фронта, где действия противника и обороняющихся носили более самостоятельный характер, Жуков направил своего вновь назначенного заместителя генерала Конева с оперативной группой.

Поставил боевые задачи Жуков и войскам, находившимся в окружении. Он объединил командование всеми окруженными частями под началом командующего 19-й армией генерала М. Ф. Лукина и поручил ему руководить боями и выводом частей из кольца. По давно установившемуся правилу, известному не только из теории, но и из практики, окруженную группировку противника надо дробить и уничтожать по частям. Гитлеровцы и

пытались это сделать в районе Вязьмы. Но, понимая их замысел, генерал Лукин старался не допустить дробления войск и организовал упорное сопротивление внутри кольца. В течение недели окруженные войска активными действиями приковывали к себе значительные силы противника. Затем они предприняли попытку прорыва. Не многие соединились со своими частями, но все-таки часть сил прорвалась.

Для того чтобы более реально представить себе, как сражались выходящие из окружения войска, я приведу (сокращенно) подлинный документ - итоговое донесение начальника политуправления Западного фронта дивизионного комиссара Лестева, которое он направил 17 ноября армейскому комиссару 1 ранга Мехлису:

"О политико-моральном состоянии войск и характеристика ком. нач. состава, вышедшего из окружения.

По данным отдела укомплектования фронта, вышло из окружения нач. состава 6308 человек, младшего нач. состава 9994 человека, рядового состава 68 419 человек. Данные далеко не полные, ибо много бойцов, командиров и политработников, вышедших из окружения, сразу же были влиты в свои части, а также часть задержанных бойцов и командиров с оружием заградотрядами формировалась в подразделения и направлялась на передовые позиции на пополнение частей..."

В донесении подробно излагаются некоторые примеры боев и организованного выхода из окружения.

"Морально-политический облик бойцов, командиров и политработников, выходивших из окружения организованными боевыми подразделениями и частями, продолжающими жить уставными положениями Красной Армии, оставался высоким. Эти группы, подразделения и части не избегали встреч с противником, а наоборот, разыскивали его, смело вступали в бой и громили его.

Волевые командиры и политработники в сложных условиях окружения сумели сохранить целостность своих частей или сформировать новые боевые подразделения из бегущих бойцов и командиров, наладить в них надлежащий воинский порядок, дисциплину и с боями вести эти части и подразделения на соединение с главными силами, нанося противнику огромный урон".

* * *

10 октября, когда Сталин назначил Жукова командовать фронтом, на полосах газеты "Фелькишер беобахтер" пестрели такие заголовки: "Великий час пробил: исход восточной кампании решен", "Военный конец большевизма...", "Последние боеспособные советские дивизии принесены в жертву". Гитлер, выступая в Спортпаласе на торжестве по случаю одержанной победы, произнес: "Я говорю об этом только сегодня потому, что сегодня могу совершенно определенно заявить:

противник разгромлен и больше никогда не поднимется!"

Командующего группой армий "Центр" фон Бока даже испугала такая парадная шумиха в Берлине. Он сказал Браухичу:

- Разве вы не знаете, каково действительное положение дел? Ни Брянский, ни Вяземский котлы еще не ликвидированы. Конечно, они будут ликвидированы. Однако будьте любезны воздержаться от победных реляций!

В ответ главнокомандующий Браухич напомнил фельдмаршалу:

- Не забывайте о намерении Гитлера 7 ноября вступить в Москву и провести там парад. Я советую вам форсировать наступление.

В тот же день, 10 октября, Гальдер во время прогулки верхом упал с лошади и вывихнул ключицу. Его отправили в госпиталь, поэтому в его дневнике отсутствуют записи с 10 октября по 3 ноября. Свою первую запись после излечения Гальдер сделал 3 ноября 1941 года и дал в ней обобщенные сведения за те 23 дня, которые он отсутствовал. Не буду приводить его записи по другим фронтам, познакомимся только с положением группы армий "Центр", которая наступала на Москву против Западного фронта. Все эти дни продолжалось осуществление плана операции "Тайфун". Гальдер делает свои записи о ходе этого сражения. Вот что он пишет: "Группа армий "Центр" подтягивает 2-ю армию (усиленную подвижными соединениями) на Курск, чтобы в дальнейшем развивать наступление на Воронеж. Однако это лишь в теории. На самом деле войска завязли в грязи и должны быть довольны тем, что им удается с помощью тягачей кое-как обеспечить подвоз продовольствия. Танковая группа Гудериана, медленно и с трудом продвигаясь, подошла к Туле (от Орла). 4-я армия во взаимодействии с танковой группой Гепнера прорвала оборонительную позицию противника (прикрывающую Москву) на участке от Оки (в районе Калуги) до Можайска. Однако намеченный севернее этого участка прорыв танковой группы Рейнгардта (который принял 3-ю танковую группу от Готта) на Клин из-за тяжелых дорожных условий осуществить не удалось. 9-й армии после тяжелых боев удалось стабилизировать

положение в районе Клина и создать достаточно сильную оборону на своем северном фланге".

Как видим, в этих записях уже нет восторженных восклицаний о классическом развитии операции или о блестящем продвижении вперед с охватом Москвы. Темп наступления явно сбился, за 20 дней части противника продвинулись еле-еле, и уже нужно искать оправдание этой замедленности. В данном случае это грязь и плохие дороги (потом будут снег и морозы). Разумеется, нельзя отрицать, что распутица и бездорожье затрудняли продвижение танков, артиллерии и автотранспорта гитлеровцев. Но все же главной причиной потери темпа был наш отпор на всех главных направлениях армиям наступающих.

Вот чего достигли Сталин и Жуков на подступах к Москве:

продвижение противника, как видим, становилось все медленнее и медленнее.

Главным беспокойством фон Бока в начальные дни октября было то, чтобы танковые части его группы армий не ввязались в уничтожение окруженных советских армий, а двигались дальше, дабы не позволить нам создать новый фронт обороны на подступах к Москве.

7 октября Бок приказывает 2-й танковой группе Гудериана взять Тулу и двигаться дальше на Коломну и Серпухов, 4-й танковой группе идти на Москву по шоссе Вязьма - Москва, 4-й и 9-й армиям вместе с 3-й танковой группой двигаться на Калугу и Гжатск и дальше на Москву. На Малоярославец двигалась дивизия СС "Рейх", а за нею шли 57-й и 10-й танковые корпуса.

На пути этой мощной танковой механизированной группы встали курсанты подольских училищ, пехотного и артиллерийского, батарея 222-го зенитного артиллерийского полка, которая стала вести огонь по танкам, и подразделения 17-й танковой бригады. Шесть суток эти замечательные воины удерживали и отбивали натиск мощнейшей танко-во-механизированной армады. Шесть суток! Только представьте себе, как молодые курсанты, не имеющие достаточного количества средств для борьбы с танками, несмотря ни на что, сдерживают и не пропускают противника к Москве!

В эти дни к Боку прибыл главнокомандующий сухопутными войсками Браухич. Ознакомившись с обстановкой, он настоятельно потребовал послать в обход Москвы с севера, со стороны железной дороги Ленинград - Москва, 3-ю танковую группу. Опытный Бок возражал, предупреждая, что танковые группы Рейнгардта и Гудериана в этом случае разойдутся слишком далеко, но Браухич добился того, что Бок получил на это соответствующий приказ еще и сверху.

Наступающие части 13 октября овладели Калугой. 15 октября Гепнер со своей танковой группой делает новый рывок вперед и прорывается через Московскую линию обороны. В штабе Гепнера делают такую запись: "Падение Москвы кажется близким".

* * *

В один из этих напряженных дней Сталин позвонил Жукову и спросил:

- Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

Жуков некоторое время думал, наверное, эти секунды были для Сталина очень тягостны. Жуков же отчетливо понимал, какую ответственность он берет на себя любым - положительным или отрицательным - ответом. Проще бы уклониться от однозначного суждения, но это было не в его характере. А главное - он был уверен, что предпринял все возможное и невозможное, чтобы отстоять столицу, поэтому твердо сказал:

- Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

- Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока дать не сможем.

15 октября 1941 года в 9 часов утра Сталин провел расширенное заседание Политбюро, на которое были приглашены руководители Министерства обороны, секретарь Московского комитета партии Щербаков и командующий Московским военным округом генерал Артемьев.

Сталин был спокоен, по-деловому строг и собран. Он сообщил следующее:

- До подхода наших резервов с востока у немцев превосходство в силах. Фронт может быть прорван. Необходимо подготовить город на случай вторжения противника в Москву.

Здесь я приведу короткую живую картинку из воспоминаний Штеменко, очевидца обстановки, в которой работал Сталин в октябре 1941 года.

"... в самый разгар налета вражеской авиации... десятки прожекторов, словно голубыми кинжалами пронзали тьму. Вспыхивали и мгновенно гасли красноватые разрывы зенитных снарядов. Полыхал край неба - багряные сполохи на боевых позициях артиллерии (фронт рядом!).

Бомбежка Москвы все усиливалась... В ночь на 29 октября фугасная бомба угодила во двор нашего здания (Генштаба на улице Кирова). Было уничтожено несколько машин, убито три шофера и ранено 15 командиров (офицеров Генштаба. - В. К.).

Дежурного по Генштабу подполковника И. И. Ильченко взрывной волной выбросило из помещения. Двери сорвало с петель. Хрустели стекла под ногами окровавленных людей, выходивших из комнат. Они пострадали главным образом от осколков оконных стекол. В числе пострадавших оказался и Василевский.

Сталин в свой подземный кабинет ни разу не спускался. Он работал в отведенном ему флигеле, здесь же, во дворе дома, занятого Генштабом по улице Кирова..."

В Москве было неспокойно. О новом наступлении немецких войск узнали не только в военных учреждениях, но и почти все жители Москвы. Артиллерийская канонада и бомбежки слышны были всем. Начальник тыла Красной Армии генерал А. В. Хрулев позднее вспоминал:

"Утром 16 октября мне позвонил начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников и передал приказ Сталина всем органам тыла немедленно эвакуироваться в Куйбышев. Ставка должна была, согласно тому же приказу, переехать в Арзамас. Для вывоза Сталина мне было приказано срочно подготовить специальный поезд. Позднее в тот же день у меня состоялся разговор со Сталиным, который подтвердил это распоряжение..."

Решение об эвакуации государственных учреждений, Генерального штаба и Ставки подтверждается и постановлением Государственного Комитета обороны об эвакуации Москвы, где говорилось о необходимости немедленно начать эвакуацию правительства. Верховного Совета, наркоматов, дипломатического корпуса и других учреждений, о вывозе ценностей и исторических реликвий из Оружейной палаты Кремля. В одну из ночей, соблюдая строжайшую тайну, извлекли из Мавзолея тело В. И. Ленина и отправили под особой охраной в специальном вагоне в Куйбышев.

Как только в Москве приступили к широкой эвакуации населения и учреждений, началось то, что назвали позже "московской паникой", -беспорядки, о которых ходило и до сих пор ходит немало слухов. Многие очевидцы подтверждают, что действительно в городе растаскивали товары из магазинов, складов, да, собственно, даже и не растаскивали, а было такое полуофициальное разрешение все разбирать.

На вокзалах грузились эшелоны заводов и учреждений. Множество людей уходило пешком по шоссе - на восток страны.

Лихорадочно, торопливо работало в эти ночи (а по случаю спешки - даже днем) ведомство Берии. Срочно уничтожались арестованные и отбирались те, кого предстояло вывезти. Наиболее "ценных" арестованных, которых готовили в качестве участников грандиозного процесса, похожего на "военный

заговор" 1937-1938 годов, отправили под усиленным конвоем в Куйбышев. В этой группе были дважды Герой Советского Союза помощник начальника Генерального штаба Я. Смушкевич, бывший заместитель наркома обороны и командующий советской авиацией генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза П. Рычагов и его жена, тоже летчица, генерал-полковник начальник управления ПВО страны Герой Советского Союза Г. Штерн...

Только прибыли вагоны с узниками на место, как вслед им, 18 октября, пришло предписание наркома НКВД Генерального комиссара государственной безопасности Берии - немедленно расстрелять 25 заключенных, среди которых находились и вышеназванные военачальники. Приказ был выполнен немедленно, все были расстреляны без суда и следствия.

В Москве начались грабежи и беспорядки, которые чинили дезертиры и всякая другая нечисть.

* * *

Сталин покидать Москву не собирался. Из рассказа Чадае-ва Куманеву:

"- В середине октября накануне эвакуации в Куйбышев части Совнаркома и Управления делами я зашел в комнату охраны, где находился генерал Н. С. Власик, чтобы попрощаться с ним. К этому времени мы были хорошо знакомы друг с другом, часто встречались семьями.

Начальник охраны Сталина с огорчением воспринял весть о моем отъезде.

- Но ничего, - сказал он, - скоро вернетесь.

- Да, я в этом уверен.

- Уверен в этом и товарищ Сталин.

- А не было разговора о том, что и он на крайний случай временно переберется к нам в Куйбышев?

- Я знаю, - сказал Власик, - был разговор на эту тему между Сталиным и Ждановым. "Хозяин" твердо и решительно заявил, что не может быть и речи об этом: он остается на своем посту в Москве. Но мы все-таки на всякий крайний случай сейчас сформировали специальный небольшой поезд, который уже находится в полной готовности к отбытию.

- Товарищ Сталин, конечно, о нем не знает? - спросил я.

- Пока не знает, но, может быть, сегодня или завтра узнает.

В последующем Вознесенский, Калинин, Поскребышев и некоторые другие руководящие работники мне подтвердили, что Сталин действительно не собирался эвакуироваться куда-либо из Москвы...

Но решение на эвакуацию Москвы он принял.

15 октября 1941 г. ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ "Об эвакуации столицы СССР г. Москвы"

Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии ГКО постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС - т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД - т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедленно эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба - в г. Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин

Вот еще один красноречивый эпизод из тех дней. Мой знакомый Эмзор Акакиевич, немолодой житель Сочи, в свое время приближенный к охране Сталина, поведал:

"- Наш родственник, генерал Игнатошвили, один из заместителей начальника охраны Власика, спустя много лет после этого происшествия рассказал:

- Когда сложилось критическое положение под Москвой и немцы уже были в Крюкове, полным ходом шла эвакуация из Москвы различных учреждений. Однажды, сидя за столом, Микоян и Маленков сказали мне: "Пора уезжать в Куйбышев и Сталину. Иди скажи ему об этом". Сами они опасались заводить такой разговор.

Я пришел к Сталину и, чтобы придать доверительность, заговорил по-грузински. Причем не сказал ни слова об отъезде.

- Иосиф Виссарионович, какие вещи взять в Куйбышев? Сталин на меня так посмотрел - я думал на мне одежда загорится от его взора!

- Ах ты трус проклятый! Как ты смеешь говорить о бегстве, когда армия стоит насмерть! Надо тебя расстрелять за такие паникерские разговоры!

Не помня себя, я, как в бреду, вернулся к тем, кто посылал меня к Сталину.

- Ну как? Что он решил?

Я не в состоянии был ответить, огненный взор Сталина еще жег меня. "Расстрел" - мелькало в сознании. Сталин не бросал слов на ветер! На глаза попала бутылка коньяка, я схватил ее и глотнул из горлышка.

Собеседники не унимались:

- Ну все же, что он решил?

- Он сказал - расстреляет меня за подобные паникерские разговоры. И если это случится - то вы подставили меня под расстрел...

Но, слава Богу, обошлось".

В октябре 1941 года, в один из самых напряженных дней московской обороны, в кабинете Сталина раздался телефонный звонок. Сталин, не торопясь, подошел к аппарату. При разговоре он никогда не прикладывал трубку к уху, а держал ее на расстоянии - громкость была такая, что находившийся здесь генерал Голованов слышал все. Он и рассказал позднее этот эпизод.

Звонил корпусной комиссар Степанов, член Военного совета ВВС. Он доложил, что находится в Перхушкове, немного западнее Москвы, в штабе Западного фронта.

- Как там у вас дела? - спросил Сталин.

- Командование обеспокоено тем, что штаб фронта находится очень близко от переднего края обороны. Нужно вывести на восток, за Москву, примерно в район Арзамаса. А командный пункт организовать на восточной окраине Москвы.

Воцарилось довольно долгое молчание.

- Товарищ Степанов, спросите в штабе, лопаты у них есть? - не повышая голоса, сказал Сталин.

- Сейчас. - И снова молчание. - А какие лопаты, товарищ Сталин?

- Все равно какие.

- Сейчас... Лопаты есть, товарищ Сталин.

- Передайте товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Штаб фронта останется в Перхушкове, а я останусь в Москве. До свидания. - Он произнес все это спокойно, не повышая голоса, без тени раздражения и не спеша положил трубку.

* * *

18 октября немцы овладели Малоярославцем и Можайском.

19 октября Сталин собрал в Кремле ГКО. На заседание пригласили руководящих партийных и советских работников. Первым сделал сообщение о сложившейся на эти часы обстановке секретарь городского комитета партии Щербаков. Командующий МВО генерал Артемьев доложил о борьбе с паникой в Москве и о

ходе эвакуации.

После них поднялся Сталин. Он не пошел к трибуне, спустился к тем, кто сидел в зале. Наступила напряженная тишина, все ждали, что Сталин скажет самое главное, самое важное. А он, пристально вглядываясь в лица, без вступления спросил:

- Будем защищать Москву или надо отходить? Тишина стала еще более напряженной. Конечно же, никто не мог сказать о том, что Москву придется оставить.

- Я спрашиваю каждого из вас. Под личную ответственность.

Он подошел к секретарю райкома, который сидел в первом ряду.

- Что скажете вы?

- Отходить нельзя. Следующий ответил:

- Будем сражаться за каждый дом.

Сталин обошел и спросил почти всех присутствующих. Они отвечали о готовности защищать Москву.

Повернувшись к Маленкову, Сталин сказал:

- Пишите постановление ГКО.

Маленков с готовностью взялся за ручку, склонился к бумаге. Но писал он медленно и неуверенно. Сталин подошел к нему, прочитал через плечо, что он пишет. Наконец не выдержал, обругал:

- Мямля, - отобрал листы, передал Щербакову и приказал: - Записывай. Стал диктовать. Первые же слова были необычайные, не такие как в официальных постановлениях и приказах: "Сим объявляется..."

Поскольку этот документ составлен лично Сталиным, я думаю, читателям будет полезно еще раз убедиться в строгости стиля, четкости и краткости формулировок, чем Сталин отличался при написании документов, да и в устных выступлениях.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ "О введении с 20 октября в г. Москве и прилегающих к городу районах осадного положения"

No 813 от 19 октября 1941 г.

Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100-120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения

подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правилам, утвержденным московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка не медля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всякое содействие.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин Москва, Кремль

* * *

28 октября Сталин вызвал командующего войсками Московского военного округа генерала Артемьева и командующего ВВС генерала Жигарева и просто ошарашил их вопросом:

~ Через десять дней праздник Октябрьской революции. Будем проводить парад на Красной площади?

Генералы оторопели. Москва была в эвакуационных конвульсиях. Город затянуло дымное марево - жгли бумаги в учреждениях. О параде даже мысли не возникало.

- Я еще раз спрашиваю: будем проводить парад? Артемьев неуверенно начал:

- Но обстановка... Да и войск нет в городе. Артиллерия и танки на передовой... Целесообразно ли?

- Но ГКО считает, - Сталин кивнул на членов Политбюро, которые сидели за столом, - необходимо провести парад. Он будет иметь огромное моральное воздействие не только на

москвичей - на всю армию, на всю страну.

Командующие получили соответствующие указания, и подготовка к параду началась - в сохранении полной секретности.

Почти такой же разговор произошел за три дня до праздника с руководителями Московской партийной организации:

- Где и как вы собираетесь проводить торжественное собрание? - спросил Сталин.

Удивление и молчание и на сей раз было ответом. Никто не думал о проведении этого мероприятия, традиционного для мирного времени.

Сталин разъяснил, почему надо проводить торжественное собрание и в военное время.

- Придется вам потрудиться, побегать. Времени не осталось для подготовки доклада? Если не возражаете, я буду докладчиком.

6 ноября состоялось торжественное собрание, на этот раз не в Большом театре, а на платформе станции метро "Маяковская". Ровные ряды кресел. Сцена для президиума. С одной стороны - ярко освещенный метропоезд, на накрытых столах - бутерброды, закуска, прохладительные напитки.

Приглашенные спускались на эскалаторах. Правительство прибыло на поезде к другой платформе. Было даже более торжественно, чем на собраниях в мирные дни. Все понимали огромное политическое и мобилизующее значение речи Сталина, которая транслировалась по радио на всю страну.

В начале речи Сталин изложил ход и итоги войны за 4 месяца. Он объяснил, почему "молниеносная война" была успешной на Западе, но провалилась на Востоке. Затем Сталин проанализировал причины наших временных неудач и предсказал, почему будут разгромлены "немецкие империалисты". После завершающих здравиц прозвучали слова, которые всю войну были призывом и пророчеством: "Наше дело правое - победа будет за нами!"

Сталин делал доклад спокойно, не торопясь, с обычными для него паузами, прихлебыванием воды. Эта привычная людям, по многим ранее слышанным, речь вождя не только содержанием, но и манерой, своей строгостью и убедительностью вселяла в людей уверенность - все будет так, как говорит товарищ Сталин.

Проведенный на следующий день парад на Красной площади не только еще больше сплотил и вдохновил народ и армию на борьбу с агрессорами, но и буквально, если не нокаутировал, то поверг в нокдаун германское командование!

Эти две акции наглядно подтверждают высокие качества Сталина как политика и как лидера, объединяющего народы

Советской страны. И еще я отметил бы смелость: если бы немцы узнали о подготовке этих торжеств и предприняли соответствующие контрмеры, все могло бы закончиться очень печально.

Для всей страны парад стал неожиданным, потрясающе радостным событием. Поэтому мне хочется коротко рассказать о том, что происходило тогда на Красной площади. Рассказать не от себя - я в этот день был еще заключенным в одном из лагерей Сибири и писал письма Калинину с просьбой отправить меня на фронт.

Это был парад хотя и традиционный, но необыкновенный. Парад не только военный, но и политический, парад-вызов, парад презрения к врагу, парад-пощечина: вот вам! Вы кричите о взятии Москвы, а мы проводим свой обычный праздничный парад!

В дни, когда враг находился в нескольких десятках километров от города, проведение парада было очень рискованным. Ведь если бы немцы, повторяю, узнали о нем, они могли бы обеспечить десятикратное превосходство наземных и воздушных сил, пронзить, как ударом кинжала, нашу оборону на узком участке и ворваться прямо на Красную площадь. Разумеется, это предположение гипотетическое, однако же и не далекое от истины. Немцы ведь не раз прошибали нашу оборону своими клиньями за короткое время и на большую глубину.

Но на этот раз они удара не подготовили. Их разведка не узнала о готовящемся сюрпризе. Когда начался парад - только в эту минуту была включена радиостанция и пошла трансляция на весь мир. Ее, конечно, услышали и в Берлине, и в "Волчьем логове", нр все это было так неожиданно, так невероятно, что немцы не знали, что же предпринять. Все боялись доложить Гитлеру о происходящем. Он сам, совершенно случайно включив радиоприемник, услышал музыку марша и твердую поступь солдатских сапог. Фюрер сначала принял это за трансляцию о каком-то немецком торжестве, но, услышав русскую речь, команды на русском языке, понял, что происходит. Фюрер кинулся к телефону. Он понимал - ругать разведчиков и генштабистов не время, они ничего не успеют предпринять, поэтому позвонил сразу в штаб группы армий "Центр".

Услыхав голос телефониста, стараясь быть спокойным, чтоб не напугать отозвавшегося, сдержанно сказал:

- У телефона Гитлер, соедините меня с командиром ближайшей бомбардировочной эскадры.

Некоторое время Гитлер слышал в трубке только обрывки фраз, щелчки переключения на коммутаторах. В эти секунды в нем, будто переключаясь со скорости на скорость, разгорался

гнев.

Взволнованный голос закричал в трубке:

- Где, где фюрер, я его не слышу!

- Я здесь, - сказал Гитлер. - Кто это?

- Командир двенадцатой бомбардировочной генерал...

- Вы осел, а не генерал. У вас под носом русские устроили парад, а вы спите, как свинья!

- Но погода, мой фюрер... она нелетная... снег... - Голос генерала прерывался.

- Хорошие летчики летают в любую погоду, и я, генерал, даю вам час для искупления вины. Немедленно вылетайте всем вашим соединением. Ведите его сами. Лично! Жду вашего рапорта после возвращения. Все.

Через несколько минут генерал был уже в воздухе. Он видел, как вслед за ним взлетали тройки других бомбардировщиков. Генерал не долетел до Москвы, его самолет и еще двадцать пять бомбардировщиков были сбиты на дальних подступах, остальные повернули назад.

Стремясь к максимальной подлинности при описании событий, я дальше воспользуюсь рассказом очевидца, который не только присутствовал на том параде, но и описал его в газете тогда же, в ноябре 1941 года. Писатель Евгений Захарович Воробьев - мой старый добрый друг, я расспросил его с пристрастием о том параде, выясняя побольше деталей.

"- Я был корреспондентом газеты Западного фронта "Красноармейская правда". Корреспонденты других газет на этот раз собрались у левого крыла Мавзолея. На довоенных парадах здесь обычно стояли дипломаты, военные атташе. Теперь дипломатического корпуса на параде не было - посольства эвакуировались в Куйбышев. Мы стояли так близко, что я слышал, как Сталин, выйдя на балкон Мавзолея, где, видимо, ветер был сильнее, чем у нас внизу, сказал:

- А здорово поддувает...

И потом немного позже, радуясь непогоде, которая затрудняла нападение вражеской авиации, Сталин усмехнулся, когда снег пошел еще гуще, и сказал тем, кто стоял с ним рядом:

- Везет большевикам, бог им помогает...

Парад принимал С. М. Буденный, командовал парадом генерал-лейтенант П. А. Артемьев. Вопреки традиции сегодня произнес речь не тот, кто принимал парад, а Сталин. Именно в этот день он сказал запомнившиеся всем слова:

"Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра

Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!.."

На парад вышли курсанты военных училищ, полки дивизии особого назначения имени Дзержинского, Московский флотский экипаж.

А отдельные армейские батальоны были незаметно для противника введены в Москву для участия в параде.

Вслед за частями и подразделениями, прибывшими с фронта, прошагал полк народного ополчения - разношерстное и пестрое войско. Полушубки, бушлаты, стеганые ватники, бекеши и шинели, иные шинели еще помнили Каховку и Царицын, Касторную и Перекоп... Сапоги, валенки, ботинки с обмотками... Шапки-ушанки, буденовки, треухи, картузы, кубанки, папахи... Винтовки вперемежку с карабинами, мало автоматов и совсем нет противотанковых ружей.

Надо признать, вид у бойцов народного ополчения был недостаточно молодцеватый, непарадный. Долговязый парень, из тех, кого называют "дядя, достань воробушка", затесался на левый фланг и шагал в соседстве с низенькими, приземистыми. Но кто бы поставил в упрек бойцам народного ополчения плохую выправку? Их ли вина, что не осталось времени на строевые занятия? Люди непризывного возраста и не весьма отменного здоровья учились маршировать под аккомпанемент близкой канонады.

В то праздничное утро, совсем как в годы гражданской войны, парад стал одновременно проводами на фронт. В отличие от мирных парадов сегодня винтовки, пулеметы, орудия, танки были снабжены боеприпасами. И одна из верных примет того, что путь с Красной площади вел не в казармы, а на позиции, - у многих участников парада заплечные вещевые мешки.

Позже по площади с железным громыханием провезли пушки. Иные из них казались прибывшими из другой эпохи - "времен Очакова и покоренья Крыма". Наверно, то были очень заслуженные пушки, но за выслугой лет им давно пора на музейный покой. И если они дефилировали, то лишь потому, что все боеспособные пушки нужны, до зарезу нужны были на фронте и не могли покинуть своих огневых позиций.

Затем прошли танки, их было много, около двухсот, в том числе немало тяжелых. Танкисты оказались в Москве мимоездом. Накануне самого праздника две танковые бригады выгрузились на задворках вокзалов, на станциях Окружной дороги. С Красной площади танки держали путь прямехонько на исходные позиции. Может, для того, чтобы сократить дорогу, танки сегодня не

спускались, как обычно, мимо Василия Блаженного к набережной, а возле Лобного места поворачивали налево и через Ильинку и площадь Дзержинского спешили на Ленинградское, Волоколамское и Можайское шоссе.

Долго по мостовым города громыхали танки, тягачи, броневики, пушки, слышались цоканье копыт, маршевый шаг пехоты, скрип обозов, тянувшихся из города на его окраины, в пригороды, предместья... На фронт!"

Евгений Захарович посмотрел на меня, седой, белоголовый. Мне на миг показалось, что это он запорошен снегом, еще тем, что шел над Красной площадью в ноябре сорок первого...

Стояли насмерть

Создалось очень сложное положение у обеих сторон - и у наступающих, и у обороняющихся. Казалось бы, в самой сложной ситуации полководец волен выбирать любую форму маневра для того, чтобы выполнить задачу, которая перед ним стоит, то есть успешно наступать или успешно обороняться. Но это только теоретически, потому что каждый раз полководец зависит от многих условий, от обстановки, сложившейся в данном конкретном случае. Это особенно наглядно видно в той ситуации, о которой идет речь.

Фельдмаршал фон Бок не мог продолжать наступление в той группировке, которая была создана по первому его замыслу. Операция "Тайфун", по сути дела, захлебнулась после ее успешного начала. Фон Бок намеревается теперь уже не завершать операцию "Тайфун", а осуществить новую, он назвал ее "Московские Канны". Как видим, опять "классический образец". Несмотря на сложность обстановки, мечты не покидают немецкого полководца. На сей раз фон Бок решает осуществить двойное окружение только Москвы. Первый внутренний охват войск Западного фронта должна осуществить 4-я полевая армия фельдмаршала Клюге. Танковая группа должна наступать на Истринском направлении с рубежа Волоколамск, а 4-я полевая армия - на Подольском направлении из района Наро-Фоминск - Серпухов. Кольцо внутреннего охвата они должны замкнуть непосредственно в Москве.

Второй, внешний охват должны произвести: 3-я танковая группа Рейнгардта - ударом севернее Москвы на восток, на Клин и Дмитров, и двигающаяся ей навстречу с юга 2-я танковая группа Гудериана - ударом из района Тулы на Коломну. Эти две танковые клешни должны были замкнуть кольцо внешнего охвата в районе Ногинска.

Принимая это решение и ставя такие задачи, фельдмаршал фон Бок учел недостаток своего предыдущего решения, когда его

части, ввязавшись в бой с окруженными советскими армиями под Вязьмой, вынуждены были отражать активные действия тех, кто пытался вырваться из кольца, и одновременно получали в спину удары контратакующих советских войск, находившихся вне кольца. Теперь, создавая двойное окружение, фон Бок хотел надежно обеспечить соединения, непосредственно окружающие Москву и врывающиеся в нее. Они могли, по его представлению, спокойно осуществить поставленную задачу, так как их тылы будут обеспечены вторым внешним кольцом окружения.

Подготовку и осуществление этой операции надо было вести ускоренными темпами, чтобы не дать советским частям опомниться и организовать оборону. Следовало бить, пока брешь, созданная из-за окружения наших армий под Вязьмой, ничем еще не была заполнена.

Отдадим должное организованности и опыту гитлеровских штабов и войск: они сумели в короткое время подготовить эту новую сложную операцию, успели подтянуть резервы и доукомплектовать части людьми и танками и, главное, создать большое превосходство сил на узких участках, там, где наносились главные удары.

В общей сложности фон Бок сосредоточил на Московском направлении пятьдесят одну дивизию, в том числе тридцать одну пехотную, тринадцать танковых и семь механизированных. Кроме этих наземных войск, группу армий "Центр" поддерживал 2-й воздушный флот, в котором было более 650 боевых самолетов. Силы немалые! Опасность удара такой огромной армады была очень велика. Фон Бок и главнокомандующий сухопутными войсками Браухич с полным основанием считали, что разработанная ими операция "Московские Канны" должна пройти успешно, сил вполне достаточно, чтобы нанести четыре стремительных удара, окружить и захватить Москву. Тем более что, по их представлению, советекая сторона не имела реальных возможностей противостоять этому новому мощному наступлению.

К 15 ноября гитлеровские армии готовы были ринуться вперед.

* * *

Советское командование, Сталин тоже не теряли времени. Все, что можно было найти из частей, не попавших в окружение, а также несколько дивизий народного ополчения, сформированных в Москве, специальные части, военные училища - все сосредоточивалось на тех направлениях, где ожидался удар противника.

С таким трудом, почти из ничего слепив оборону на главных

направлениях, Сталин решил сорвать наступление немцев активными действиями. Он позвонил Жукову.

- Как ведет себя противник? - спросил Сталин.

- Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление.

- Где вы ожидаете главный удар?

- Из района Волоколамска танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.

- Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой - из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

- Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

- В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кав-корпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

- Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

- Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

- Но ведь линия обороны войск Западного фронта растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, и особенно в центре фронта.

- Вопрос о контрударах считайте решенным. План сообщите сегодня вечером, - недовольно отрезал Сталин.

Минут через пятнадцать к Жукову зашел Булганин и сказал:

- Ну и была мне сейчас головомойка!

- За что?

- Сталин сказал: "Вы с Жуковым зазнались. Но мы и на вас управу найдем!" Он потребовал от меня, чтобы я сейчас же шел к тебе и мы немедленно организовали контрудары.

Итак, 16 ноября войска Западного фронта, выполняя приказ Сталина, нанесли контрудары. Выбиваясь из последних сил, вступили они в схватку с противником. И в это же утро перешли в наступление гитлеровцы!

Несмотря на упорное сопротивление дивизий генерала И. В. Панфилова, полковника А. П. Белобородова, генерала П. Н. Чернышева, курсантского полка С. И. Младенцева, танковой бригады генерал-майора М. Е. Катукова, противник, имея большие силы на узком участке, продолжал продвигаться вперед.

Именно в этот день совершили свой подвиг 28 панфиловцев, отражая удар врага. А через два дня здесь же, на этом направлении, 18 ноября погиб и сам генерал Панфилов.

Противник, имея превосходство в силах, все же почувствовал, что ему не удастся пробиться на Волоколамском направлении. Поэтому, продолжая наступать здесь, он перенес направление своего главного удара южнее Волжского водохранилища.

Генерал Рокоссовский, на 16-ю армию которого ринулась мощная 4-я танковая группа Гепнера, заметил некоторое ослабление действий противника вдоль Волоколамского шоссе и не сомневался, что противник ищет и обязательно ударит где-то в новом месте. Оценивая местность и группировку наступающих, он предвидел, что, вероятнее всего, они нанесут удар южнее водохранилища, а там положение наших войск может быть очень устойчивым. Как пишет в своих воспоминаниях Рокоссовский: "Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами... Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом (то есть Жукову. - В. К.) и просил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не ожидая, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище".

Жуков не посчитался с мнением Рокоссовского и приказал не отходить ни на шаг и удерживать занимаемый рубеж. Как видим, и у Жукова бывали моменты, когда он мог закусить удила и вопреки здравому смыслу, не считаясь с предложением такого опытного командующего, каким был Рокоссовский, настаивать на своем.

Понимая, что если части 16-й армии на этом участке не устоят, то путь на Москву будет открыт, и это возлагает на него как командующего армией огромную ответственность, Рокоссовский решил послать телеграмму начальнику Генерального штаба Шапошникову, мотивировав в ней свое предложение. Вскоре он получил ответ, что Генеральный штаб разрешает ему осуществить принятое решение. Однако не успели Рокоссовский и его штаб отдать соответствующие распоряжения частям, как пришел грозный письменный приказ Жукова:

"Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков".

В этих коротких строках наглядно проявился жуковский характер: его темперамент и его крутость. Но в данном случае он оказался не прав. Войска не удержали подступы к водохранилищу. Противник отбросил их и, как предвидел Рокоссовский, на плечах отступающих переправился на восточный берег реки Истры и захватил там плацдармы.

Вы, наверное, не раз встречали в военной литературе это образное и не совсем военное выражение "на плечах". Что же это означает в действительности? А это значит, что войска отходят или даже бегут, противник их давит танками, расстреливает из пулеметов, артиллерией, врывается прямо в боевые порядки, в гущу вот этих бегущих людей, когда они находятся вне траншей, не имеют на огневых позициях пулеметов и артиллерии. Практически в этом случае наступающая сторона и выходит на следующий рубеж раньше, чем его успеет занять отходящий.

Такое положение сложилось и в районе водохранилища. А если бы Жуков согласился с Рокоссовским, то потерь было бы меньше, войска, заранее переправившись на противоположный берег, успели бы закрепиться и отрезали бы атаки противника.

29 ноября гитлеровские войска прорвались через канал Москва-Волга в районе Яхромы. Это была очень серьезная опасность, так как противнику удалось преодолеть водный рубеж, на который опиралась оборона 16-й армии Рокоссовского. Надо было немедленно бросать все силы для того, чтобы отразить этот прорыв.

Спасли Москву резервы, которые формировал Сталин несмотря на труднейшее положение на всех фронтах.

Поручив Жукову отстаивать Москву, Сталин отдал Западному фронту все, что у него было в те дни. Но, понимая, что этого недостаточно и что в битве за Москву наступит кульминация, Сталин формировал стратегические резервы в тылу - три новые армии: 1-ю ударную, 2-ю и 30-ю.

Как было запланировано, эти три армии Сталин сосредоточил под Москвой, но держал их до последнего, до самых критических минут.

Такие критические минуты на участке, где находилась 1-я ударная армия, возникли, когда противник переправился через канал Волга - Москва.

Сталин приказал Кузнецову:

- Прорыв обороны в районе Яхромы и захват противником

плацдарма на восточном берегу канала представляют серьезную опасность Москве. Примите все меры к нанесению контрудара по прорвавшейся группировке противника. Остановите продвижение, разгромите и отбросьте противника за канал. На вас возлагаю личное руководство контрударом.

Располагая свежими силами, Кузнецов выполнил это приказание Сталина к 8 часам утра 29 ноября враг был разгромлен и отброшен за канал.

Еще одна новая - 20-я армия была сформирована в конце ноября. Ее командующим был назначен генерал-лейтенант Власов. (Да, да, тот самый Власов!) Начальником штаба этой армии был генерал Л. М. Сандалов. В состав армии были включены две свежие дивизии, прибывшие из восточных округов, морская стрелковая бригада, две стрелковые бригады из Московской зоны обороны и еще две танковые бригады с Западного фронта, артиллерийский полк, два гвардейских минометных дивизиона и бронепоезд. Как видим, и в этой армии почти не было артиллерии. Штаб армии располагался в Химках.

Еще в момент сосредоточения частей 20-й и 1-й ударной армий противник, предпринимая последние усилия в попытках прорваться к Москве, нанес удар, который пришелся в стык между 1-й ударной и 20-й армиями, занял Красную Поляну и вышел к Савеловской железной дороге у станции Лобня и севернее. Конечно, для выдвигающихся частей 20-й армии появление противника было неожиданно. Но и для наступающего противника встреча здесь со свежими частями тоже оказалась полной неожиданностью.

2 декабря всем частям 20-й армии, которые успели сосредоточиться, Сталин приказал нанести контрудар в направлении Красной Поляны, что и было сделано. Здесь, в районе Красной Поляны, части 20-й армии захватили несколько крупнокалиберных орудий противника, которые были доставлены сюда для обстрела Москвы.

Еще одна резервная - 10-я армия, которой было поручено командовать генералу Ф. И. Еоликову, создавалась из резервных частей Московского военного округа. В ней было девять вновь сформированных дивизий, а когда она прибыла в район сосредоточения под Тулу, в нее были включены вышедшие из окружения 239-я стрелковая и 41-я кавалерийская дивизии. Таким образом, всего в ней насчитывалось одиннадцать дивизий, и одна подкрепляла южный фланг обороны Москвы в районе Рязани и Тулы. Почти весь личный состав был призван из запаса и был не очень хорошо обучен. Армию сформировали в течение трех недель, из них 14-15 суток личный состав обучался по 12

часов ежедневно. Эта 10-я армия была нацелена против войск 2-й танковой армии Гудериана.

* * *

Фельдмаршал фон Бок понимал, что наступление захлебывается. Он был опытный вояка и почувствовал, что уже имеет дело не только с ранее оборонявшимися частями, что появились и какие-то новые силы. Он понял: нависает катастрофа. Фон Бок был близок к отчаянию. И в этот момент ему позвонил начальник оперативного отдела генштаба Хойзин-гер:

- Фюрер хочет знать, когда можно будет объявить об окружении Москвы?

Бок не стал с ним говорить и потребовал к телефону главнокомандующего Браухича.

Интересный разговор состоялся между фон Боком и Браухичем.

Бок: Положение критическое. Я бросаю в бой все, что у меня есть, но у меня нет войск, чтобы окружить Москву... Я заявляю, что силы группы армий "Центр" подошли к концу.

Б р а у х и ч: Фюрер уверен, что русские находятся на грани краха. Он ожидает от вас точного доклада: когда же этот крах станет реальностью?

Бок: Командование сухопутных войск неправильно оценивает обстановку...

Б р а у х и ч: Но за исход операции отвечаете вы!..

Бок: Верховное командование просчиталось. Прошу доложить фюреру, что группа не может достичь намеченных рубежей. У нас нет сил. Вы меня слышите?

Б р а у х и ч: Фюрер хочет знать, когда же падет Москва?

Понимая, что Браухич или умышленно не слышит его, или боится услышать, чтобы потом не сообщать неприятные вести Гитлеру, фон Бок после разговора по телефону послал ему еще телеграмму такого же содержания.

Это был крах, бесславный конец операции "Тайфун".

Сталин и Жуков вцепились в противника мертвой хваткой, не давая ему возможности оторваться, передохнуть, закрепиться на промежуточном рубеже. С точки зрения военного искусства это были блестящие контрудары, так как не было нашего превосходства в силах, которое необходимо для наступления. Три новые армии, выделенные Сталиным, прибавили мощи Западному фронту, но все же при подсчете соотношения сил они не давали нашей стороне необходимого превосходства: гитлеровцы имели живой силы в 1,5 раза больше, артиллерии в 1,4, танков - в 1,6 раза больше.

Но все-таки войска шли вперед, те самые войска, которые

выстояли в тяжелейших оборонительных боях. Наконец-то, впервые за войну, они шли вперед, чего так долго ждали вся армия и весь советский народ!

Книга 2.

Суровые испытания 1942 года.

":зимой 1942 года мы не имели реальных сил и средств, чтобы воплотить в жизнь все эти правильные с общей точки зрения идеи о широком наступлении. А не имея сил, войска не могли создавать необходимые ударные группировки и проводить артиллерийское наступление столь эффективно, чтобы разгромить такого мощного противника, как гитлеровский вермахт".

Г.К. Жуков.

"Ни шагу назад!"

Из приказа Сталина №227

Контрнаступление

(Зондаж о передышке)

29 ноября 1941 года Жуков позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, попросил его дать приказ о начале контрнаступления. Сталин слушал внимательно, затем спросил:

- А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

- Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться.

Сталин сказал, что он посоветуется с Генштабом...

Поздно вечером 29 ноября Сталин принял решение о начале контрнаступления и предложил штабу Западного фронта представить план контрнаступательной операции. Утром 30 ноября представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями.

Жуков направил с планом только коротенькую записку Василевскому: "Прошу срочно доложить народному комиссару обороны товарищу Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой".

К графическому плану была приложена объяснительная записка о проведении этих контрударов. На этом плане Сталин написал: "Согласен" - и поставил подпись.

Из сказанного видно: инициатива контрударов принадлежит Жукову, но окончательное решение принимал Сталин, поэтому не правы многочисленные авторы, которые все заслуги контрудара под Москвой отдают только маршалу Жукову.

И маршал Василевский в своих воспоминаниях пишет о том, что Ставка готовила контрнаступление. Разумеется, сама идея, что контрнаступление когда-то должно было состояться, что для этого надо готовить стратегические резервы (и они готовились!), - эта идея в Ставке Верховного Главнокомандования существовала. Но если бы Ставка продолжала собирать и сосредоточивать силы согласно этой своей идее, то немцы или закрепились бы очень прочно на достигнутых рубежах, или подтянули бы свежие силы из северных и южных группировок. А замысел Жукова в том и состоял, чтобы переходить в контрнаступление немедленно, наличными силами. При этом он понимал, что общее наступление по всему фронту, как это бывает обычно, здесь осуществлено быть не может, сил для этого недостаточно. Потому-то предлагаемое им контрнаступление должно было происходить (и происходило) так своеобразно.

В сущности, Василевский, определяя контрнаступление, говорит о тех же контрударах, что и Жуков, но поскольку в этой операции участвуют несколько фронтов и авиация Верховного Главнокомандования, то у Василевского есть основание называть все это контрнаступлением. Но по объективной оценке того, что происходило в действительности, вначале общего контрнаступления все же не было, и Калининский, и Юго-Западный фронты лишь прибавляли еще по одному контрудару на своих участках для содействия Западному фронту.

Василевский вспоминает, что Конев, услыхав от него о приказе наступать, заявил, что Калининский фронт не располагает силами для наступления. Только после долгих убеждений Василевского Конев все же обещал нанести удар на Тургиново с целью прорвать оборону и выйти в тыл противнику. Как видим, речь идет лишь об одном ударе, чтобы выйти в тыл войскам, противостоящим фронту Жукова, и тем самым поколебать их устойчивость.

На Юго-Западном фронте, о включении которого в контрнаступление вспоминает маршал Москаленко, происходило следующее: "Говоря об особенностях контрнаступления против 2-й немецкой армии в районе Ельца, нужно прежде всего отметить, что оно началось с тех рубежей, на которые отошли наши войска только накануне вечером в ходе оборонительных боев. Иначе говоря, началось без предварительной подготовки и сосредоточения сил, прямо с ходу: вчера оборонялись, отступали,

а сегодня перешли в наступление. Потребовалось, фигурально выражаясь, лишь повернуться через левое плечо и разить противника, под натиском которого мы еще вчера отступали".

Эти суждения крупных военачальников, на мой взгляд, склоняют нас согласиться с точкой зрения Жукова. И дело тут не только в разной терминологии: у Жукова - контрудары, у Василевского - контрнаступление, но и в том, что подразумевается под этими понятиями.

Один из факторов, на который делал ставку Жуков, - это внезапность. Противник не ожидает, что советские части способны перейти к столь активным действиям. Из дневниковых записей Бока, Гальдера и других гитлеровских генералов видно: они считали, что Красная Армия уже не располагает силами, и намеревались спокойно использовать передышку для подготовки к новым операциям. Вот тут-то Жуков, с благословения Сталина, и преподнес им сюрприз!

Итак, напомню: после того как 5 декабря ударил Калининский фронт (командующий И. С. Конев), 6 декабря - Юго-Западный (командующий С. К. Тимошенко) и в тот же день войска Западного фронта под командованием Жукова нанесли контрудары по главным группировкам противника севернее и южнее столицы, наши войска с тяжелыми боями пошли вперед. В течение месяца противник был отброшен от Москвы на рубеж Наро-Фоминск - Малоярославец Сухиничи - Белев.

5 января 1942 года в Москве было созвано совещание Ставки по поводу того, что делать дальше после выхода войск на указанный рубеж.

Стенограммы на заседаниях Ставки не велись (в отличие от немцев, у которых каждое слово на всех совещаниях фиксировалось). Каких-либо документов (кроме директивы) или чьих-то записей я тоже не нашел, поэтому пересказываю по воспоминаниям участников этого совещания с некоторыми сокращениями.

Докладывал об обстановке и намечаемых действиях начальник Генерального штаба. Со свойственной ему рассудительностью он объективно оценивал обстановку, сравнивал силы сторон, предупреждал, что, несмотря на отступление от Москвы, гитлеровцы еще имеют возможность наносить сильные удары.

Сталин слушал Шапошникова с явным неудовольствием, его, видимо, раздражала медлительность, которая, как ему казалось, была не только в темпе речи Шапошникова, но и в действиях, которые предлагал Генштаб.

Наконец Сталин прервал Бориса Михайловича:

- Немцы в растерянности от поражения под Москвой. Они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку.

Никто из присутствовавших против этого не возразил, и Сталин продолжил.

- Наша задача состоит в том, - рассуждал он, прохаживаясь, по своему обыкновению, вдоль кабинета, - чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...

На словах "до весны" он сделал акцент, немного задержался и затем разъяснил:

- Когда у нас будут новые резервы, у немцев не будет больше резервов...

Дальше Верховный изложил, как он понимает возможную перспективу войны, и наметил практические задачи отдельных фронтов. Его замысел был таков. Учитывая успешный ход подмосковного контрнаступления, целью общего наступления поставить разгром противника на всех фронтах - от Ладожского озера до Черного моря. Главный удар нанести по группе армий "Центр". Ее разгром осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного фронта - задача разгромить группу армий "Север". Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны нанести поражение группе армий "Юг" и освободить Донбасс, а Кавказский фронт и Черноморский флот - освободить Крым. Переход в общее наступление осуществить в крайне сжатые сроки.

Изложив этот проект, Сталин предложил высказаться присутствовавшим.

Слово попросил Жуков:

- На Западном направлении, где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми частями. Я за то, чтобы усилить фронты Западного направления и здесь вести более мощное

наступление.

- Мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов, - поддержал Жукова Вознесенский.

- Я говорил с Тимошенко, - сказал Сталин. - Он за то, чтобы действовать и на Юго-Западном направлении. Надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной. Кто еще хотел бы высказаться?

Ответа не последовало.

Вот с этого заседания Ставки 5 января 1942 года и начинается, на мой взгляд, всеобщее контрнаступление, по которому именно Ставка принимала решение и организовывала его осуществление. А еще точнее, даже не Ставка, а Сталин единолично, как это делал он много раз прежде. К сожалению, еще продолжалась в поведении Сталина инерция его руководства в мирное время как это ни огорчительно, однако не сказать об этом нельзя, иначе я потеряю настрой на объективность.

Жуков прямо говорит: "Весь замысел о переходе во всеобщее наступление на всех направлениях - это, конечно, не идея Генерального штаба, не замысел Шапошникова, который докладывал. Это исключительно был замысел лично Сталина".

Директиву о наступлении штабы фронтов получили 7 января 1942 года. А 10 января командующие фронтами и командармы получили Директивное письмо Ставки Верховного Главнокомандования. В нем военное положение оценивалось в духе выступления Сталина на заседании от 5 января 1942 года и давались практические указания фронтам - для действий ударными группами и организации стратегического наступления.

Вот это было уже общее наступление: для развития контрударов Сталин вводил свои стратегические резервы 20-й, 10-й армий, 1-ю ударную армию, другие части усиления и всю авиацию.

Не буду подробно описывать ход и итог общего наступления, приведу лишь мнение двух военных специалистов, прекрасно разбиравшихся в предмете.

Маршал Василевский: "В ходе общего наступления зимой 1942 года советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить".

Академик Самсонов: "...переход в общее наступление на всех основных стратегических направлениях без достаточного учета реальных возможностей фронтов провалился".

Я так подробно остановился на проблеме разграничения контрударов и общего наступления, чтобы стало отчетливее

видно, почему прежде всего сам Сталин, а за ним почти все наши военные историки и теоретики "объединяли" их в одно контрнаступление, начинающееся 5 декабря.

Проще всего объяснить такие действия Сталина диктаторской инерцией мирного времени. В какой-то мере это, как говорится, имело место. Но попытаемся понять его намерения. Сталин не из тех, кто принимает решения, не взвесив все за и против.

В данном случае он видит такую реальную картину: гитлеровская армия понесла большие потери в многочисленных, пусть даже победных операциях. В сражении за Москву она окончательно выдохлась, это подтверждается тем, что после контрударов Жукова наличными силами гитлеровские дивизии попятились назад. Есть все основания предположить, что под общим ударом всех фронтов, не позволяющих противнику маневрировать, покатится на Запад, а возможно и рухнет весь Восточный фронт немцев. Поэтому Сталин и замышлял общее наступление от Балтийского до Черного моря. Логика в таком суждении есть. Но дело в том, что логика в военном деле не идентична с логикой в философии, тут свои особенности, свои невидимые подводные камни. Напомним только об одном - о боевом духе, моральном состоянии войск. Соотношение сил может быть в пользу одной из сторон, и логика в таком случае подсказывает превосходство этой стороны. Однако низкое моральное состояние (тот самый подводный камень) приведет к поражению более сильную сторону.

В контрнаступлении под Москвой боевой дух Советской Армии был на подъеме: после долгих неудач погнали, наконец, гитлеровцев назад. Сталин имел все основания опираться на этот фактор.

Это, как говорится, то, что на поверхности, видимое всем, кто присутствовал на совещании Ставки, и понятное Генштабу, который оформлял решение Сталина на общее наступление.

Но, как выяснилось совсем недавно (я эти документы увидел, только уже работая над этой книгой - в 1999 году), у Сталина были еще свои, никому не известные, далеко ведущие стратегические расчеты.

Сталину казалось, что общее наступление советских войск деморализует германское руководство, которое увидит свои отступающие по всему фронту войска и пойдет на мирные предложения, которые выдвинет он, Сталин.

Верховный Главнокомандующий не посоветовался по этому поводу со своими полководцами, и даже с членами Политбюро, поэтому никто из них не упоминает об этой попытке ни в устных воспоминаниях, ни в опубликованных мемуарах.

Сложилась ситуация, похожая на ту, что наблюдалась во время заключения Брестского мира 1918 года, когда Ленин подписал кабальный договор ради спасения молодого Советского государства. Сталин видел - немцы уже под Москвой, потери Красной Армии огромны, резервов нет, формирование новых частей возможно только из новых призывников, но нет для них вооружения: оборонные заводы частично остались на оккупированных территориях, а большинство пребывает в стадии эвакуации; танки, самолеты, орудия, стрелковое вооружение выпускается в незначительном количестве предприятиями, которые раньше находились в глубине страны, а их очень немного. Для восстановления и организации производства эвакуированных заводов на новых местах в Сибири и Средней Азии необходимо время.

Передышка нужна была во что бы то ни стало.

Сталин приказал разведке найти выходы на гитлеровское командование и от его, Сталина, имени внести предложение о перемирии и даже больше (далеко идущие планы) - о коренном повороте в войне.

Для осуществления этих тайных переговоров были реальные возможности: еще в 1938 году заключено соглашение о сотрудничестве между НКВД и гестапо. Существует подлинный документ, подтверждающий это.

Генеральное соглашение

О сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-Социалистической рабочей партии Германии (ГЕСТАПО).

(Дальше следует текст -Генерального соглашения" на 9 страницах, я его опускаю и привожу только последний лист. - В. К.).

Текст соглашения отпечатан на русском и немецком языках в единственном экземпляре, каждый из которых имеет одинаковую силу, скреплен подписями и печатями представителей НКВД и ГЕСГАПО. Русский текст соглашения остается в НКВД, немецкий в ГЕСТАПО.

Совершено в Москве, 11 ноября 1938 г. в 15 час. 40 мин.

Подписи сторон:

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ

дел ссср комиссар госбезопасности I ранга

(Л. БЕРИЯ)

НАЧАЛЬНИК ЧЕТВЕРТОГО УПРАВЛЕНИЯ (ГЕСТАПО) ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИОНАЛ-

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ БРИГАДЕНФЮРЕР СС

(Г. МЮЛЛЕР)

Разведчики связались с немецкими "коллегами", встреча состоялась в Мценске 20 февраля 1942 года. Мценск в то время находился на оккупированной гитлеровцами территории. Видимо, идея об этих переговорах возникла у Сталина в самом начале контрнаступления, и поиски контактов наши разведчики начали немедленно. Как это происходило, мне неизвестно.

Сталин лично написал "Предложения германскому командованию". Они отпечатаны в двух экземплярах, один остался у Сталина, другой предназначался тому, кто будет вести переговоры. Этот документ, по-видимому, не предполагалось вручать немцам, он представляет собой конспект, перечень вопросов, которым должен был руководствоваться советский представитель.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОМУ КОМАНДОВАНИЮ

1). С 5 мая 1942 года начиная с 6 часов по всей линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 года до 18 часов.

2). Начиная с 1 августа 1942 года и до 22 декабря 1942 года германские войска должны отойти на рубежи, обозначенные на схеме № 1. Предлагается установить границу между Германией и СССР по протяженности, обозначенной на схеме № 1,

3). После передислокации армий вооруженные силы СССР к концу 1943 г. готовы будут начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США.

4), СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943-1944 годов вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства (схема № 2).

Примечание: В случае отказа выполнить вышеизложенные требования в п.п. 1 и 2, германские войска будут разгромлены, а германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое.

Предупредить германское командование об ответственности.

Верховный Главнокомандующий Союза ССР

Москва; Кремль 19 февраля 1942 г.

И. СТАЛИН

То, что "Предложения" составлены Сталиным, подтверждает его подпись, а на то, что это только конспект, указывают короткие "сталинские" фразы, напечатанные не на государственном или

партийном бланке, а на простом листе бумаги без указания непременных в официальных обращениях сведений о исполнителе и расчете рассылки копий.

Обратите внимание на дату - идет общее наступление советских войск. Сталин говорит с гитлеровским командованием с позиции силы, даже угрожает уничтожением в случае несогласия!

Но он переоценил возможность извлечь стратегические дивиденды из сложившейся, как ему показалось, благоприятной военной и политической ситуации. Немцы не были в состоянии растерянности. Их представитель группенфюрер СС Вольф вел себя не как бедный родственник в трудном положении (так представлялось Сталину из-за нашего общего наступления), а уверенно, и даже со свойственным немцам высокомерием. Переговоры продолжались в течение недели. В итоге, первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР представил Сталину следующий рапорт.

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

№ 1/2428

27 февраля 1942 г.

Товарищу СТАЛИНУ

РАПОРТ

В ходе переговоров в Мценске 20-27 февраля 1942 года с представителем германского командования и начальником персонального штаба рейхсфюрера СС группенфюрером СС Вольфом, германское командование не сочло возможным удовлетворить наши требования.

Нашей стороне было предложено оставить границы до конца 1942 года по линии фронта как есть, прекратив боевые действия.

Правительство СССР должно незамедлительно покончить с еврейством. Для этого полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район дальнего севера, изолировать, а затем полностью уничтожить. При этом власти будут осуществлять охрану внешнего периметра и жесткий комендантский режим на территории группы лагерей. Вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи.

Германское командование не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США.

После консультаций с Берлином Вольф заявил, что при переустройстве мира, если руководство СССР примет требования германской стороны, возможно, Германия потеснит свои границы на востоке в пользу СССР.

Германское командование в знак таких перемен готово будет поменять цвет свастики на государственном знамени с черного на красный.

При обсуждении позиций по схеме №2 возникли следующие расхождения:

1). Латинская Америка. Должна принадлежать Германии.

2). Сложное отношение к пониманию "китайской цивилизации". По мнению германского командования, Китай должен стать оккупированной территорией и протекторатом Японской империи.

3). Арабский мир должен быть германским протекторатом на севере Африки.

Таким образом, в результате переговоров следует отметить полное расхождение взглядов и позиций. Представитель германского командования Вольф категорически отрицает возможность разгрома германских вооруженных сил и поражения в войне. По его мнению, война с Россией затянется еще на несколько лет и окончится полной победой Германии. Основной расчет делается на то, что, по их мнению, Россия, утратив силы и ресурсы в войне, вынуждена будет вернуться к переговорам о перемирии, но на более жестких условиях, спустя 2-3 года.

Первый заместитель народного комиссара Внутренних дел СССР

(МЕРКУЛОВ)

Как оценить этот демарш Сталина? Можно, конечно, поупражняться по поводу беспринципности интернационалиста Сталина, согласного на сговор с фашистами против союзников. Он сам считал и называл эти предложения "неэтичными" по отношению к союзникам, как и то, что он позднее предпринял перед Перлхарбором. Но очевидно и то, что он готов был взять на себя любой большой грех ради спасения страны и народов, ее населяющих. Сталин знал о намерении Гитлера расчленить Советскую страну, превратить ее в колонию и истребить "аборигенов", "унтермеишей" для освобождения земель и раздачи их поселенцам-победителям.

Сталин не предал "своих" евреев, не пошел на их истребление, как это сделали у себя фашисты, хотя взамен гитлеровцы предлагали очень выгодное "создание единого фронта против Англии и США". Цена, которую требовали за это гитлеровцы, - "поголовное истребление евреев" - для Сталина была неприемлемой. (Вот и задумайтесь, господа - те, кто по сей день считает его антисемитом.)

Мне кажется, уступки и сама идея Сталина о развороте боевых действий на 180 градусов для ведения совместных боевых

действий против Англии и США являются ничем иным, как тактическим ходом с целью выиграть время. Обещания провести перегруппировку армий и "после заключения мира между нашими странами" начать совместные боевые действия в 1943-1944 году - это, как говорит русская поговорка, "Улита

едет, когда-то будет". Главное, спасти страну сейчас от нашествия. За два года много воды утечет, можно будет и с союзниками объясниться, и боевых действий против них не начать. Главное сейчас - отдышаться и подготовить Вооруженные Силы и промышленность к более успешному отражению гитлеровской агрессии, если немцы отважатся ее продолжать. В общем, хитрил Сталин, и ложь эта была во спасение. В политике подобные маневры обычное дело...

В этой ситуации Сталин явно блефовал. Но блеф в политике - это не то же, что блеф в карточной игре или в каком-либо криминальном деле. Блеф в политике - это редкое искусство. Одно из главных его свойств - сочетание демонстративной открытости с полной непонятностью истинных (скрытых) намерений. На поверхности действия вроде бы обычные, но не понятные сопернику. А внутри - предельная личная решительность, игра "на лезвии ножа", с готовностью, в случае неудачи, отступить. Блефуя, политик подходит на предельно близкое расстояние к невозможному, оставаясь между тем в зоне еще возможного. Блеф основан на непредсказуемости поведения, на неожиданности, скоротечности, чем ставит в тупик противника, это и использует в свою пользу блефующий .

В какой-то степени, если даже эта попытка не оправдывает, то объясняет настойчивое требование Сталина продолжать наступление. В период переговоров ему во что бы то ни стало нужны были активные действия наших войск.

А мы воспримем это как еще один пример его стратегического мышления. Хотя и неудачный, но, как говорится, с добрыми намерениями - ради спасения Отечества.

Власов

В дни битвы за Москву начала зарождаться легенда о генерале Власове. В этой битве он не совершил ничего особенного, и даже наоборот, почти не участвовал в ней из-за болезни. Но после того как Власов перешел на сторону гитлеровцев и стал претендовать на роль "освободителя народов России", потребовалась ему престижная биография. Вот и начали придумывать ему патриотические подвиги. Один (довольноталантливый сочинитель) написал о нем целую книгу, в которой выдает Власова за главного защитника Москвы.

-s Поскольку нам придется еще не раз соприкасаться с этой

личностью, считаю необходимым поставить точки над "и" в щмом начале мифотворчества.

-і Я впервые услышал о Власове еще в предвоенные годы, будучи курсантом Ташкентского пехотного училища имени Ленина. После неудач в финской войне новый нарком обороны маршал Тимошенко издал приказ по боевой подготовке, основной идеей которого был принцип: учить тому, что необходимо на войне, в условиях, приближенных к боевой обстановке. Это означало, что мы большую часть своей учебы и жизни будем проводить в поле.

И пошли бесконечные учения, окапывания, многокилометровые дневные и ночные марши, самостоятельное приготовление пищи (каши) в полевых условиях или питание сухим пайком в течение нескольких суток. Дисциплинарные гайки закрутили до последней степени: за опоздание из увольнения на несколько минут - арест, на несколько часов - трибунал. Некоторые курсанты, даже у нас в училище, где все же был режим учебного заведения, не выдерживали такой истязательной требовательности, и бывали случаи самоубийств.

Вот в таких драконовских условиях генерал Власов выделился своей жестокостью. При осенней проверке частей Красной Армии его 99-я стрелковая дивизия была признана лучшей в сухопутных войсках...

Наверное, не трудно представить, каким был этот генерал, отличившийся таким образом в тех невероятно тяжелых условиях службы.

Тогда Власова наградили орденом Ленина. А нарком обороны Тимошенко так расчувствовался на учениях от требовательности Власова, что тут же вручил ему золотые часы. "Красная Звезда" печатала статьи, восхваляя и пропагандируя непреклонную требовательность командира лучшей дивизии. 99-я стрелковая дивизия получила переходящее Красное знамя РККА.

Власов считался тогда кристально чистым по происхождению и образцовым с партийной стороны офицером. Правда, был у него небольшой грешок: в молодости в попы готовился - окончил духовное двухгодичное училище в Нижнем Новгороде и затем поступил в духовную семинарию, где проучился еще два года. Но кто же мог этим упрекнуть генерала? Сам Генсек Сталин был когда-то таким же семинаристом. Это сходство, пожалуй, работало на авторитет Власова. Во всех аттестациях и характеристиках подчеркивается его политическая зрелость и преданность партии. Он сам в автобиографии пишет (в том же 1940 году):

"В ВКП(б) вступил в 1930 г. ...Неоднократно выбирался

членом партийного бюро школы и полка. Был редактором школьной газеты. В общественной работе всегда принимал активное участие, был избираем членом военного трибунала округа".

Обратите внимание - заседал в трибунале в годы самых жестоких репрессий (1937-1939). Я не располагаю материалами о том, кого конкретно осудил и отправил на тот свет за антисоветскую деятельность будущий борец с большевизмом, но, наверное, очень многих, потому что приговор к высшей мере наказания - расстрелу - был в те годы самым частым. (Оставляю возможность поискать в архивах и осветить эту сторону деятельности Власова другим исследователям, так как не располагаю на это временем и документами).

Вот какими слонами завершает Власов описание своего партийного портрета:

"Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда и нигде не состоял и никакого участия не принимал, никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на енеральной линии партии и за нее всегда боролся. Органами Советской власти к суду никогда не привлекался. За границей не был".

В общем, кристально чистый, безоглядно преданный коммунист. Насчет "за границей не был" Власов лукавит. Был он за рубежом, в Китае, немногим более года, с сентября 1938-го по декабрь 1939-го.

На сей счет я располагаю любопытным документом:

СПРАВКА

Секретно

Кандидатура полковника Власова Андрея Андреевича проверялась через НКВД по линии Разведывательного управления для посылки в командировку за рубеж. Получена проверка № 167 от 11 августа 1938 г., что компрометирующих материалов нет.

Начальник 1 отдела 21 сентября 1938 г. Полковник (Румянцев)

Какое задание выполнял Власов, тоже оставляю для выяснения другим авторам. В завершение этого эпизода из жизни Власова скажу лишь то, что он дал подписку о неразглашении, и поэтому имел юридическое право не упоминать о задании. Однако добавлю такой штрих, чтобы дать читателям пищу для размышлений. Разведывательное управление, использовав Власова только один раз, почему-то не оставило его в своих кадрах, а написало хорошую характеристику о преданности партии и, как говорится, с миром вернуло на службу в войска. Вывод в характеристике такой: "Тов. Власов, находясь в командировке, с работой справился".

Я не один год прослужил в этом уважаемом управлении и знаю: попасть в разведку - дело весьма трудное, но уйти из нее еще сложнее. Когда офицера после первого испытания возвращают в войска, за этим стоит нечто не в пользу этого человека.

Пишу об этом не потому, что так полагается писать о изменнике, - нет и нет. Сам факт говорит за себя: почему-то не пришелся ко двору в разведке Власов.

Вернемся к службе в войсках. Как рекомендовалось в аттестации, генерал Власов был назначен на должность командира 4-го механизированного корпуса, а затем командующим 37-й армией, которая вела тяжелые бои за Киев.

Таким образом, Власов не мог бы пожаловаться на трудное продвижение в службе. Наоборот - головокружительный взлет: неполный год командовал дивизией (с января по октябрь 1940 года), неполный месяц корпусом (с 22.6 по 13.7.41), с сентября 1941 г. командовал 37-й армией до дня сдачи Киева. Затем выходил из окружения, и в ноябре назначен командующим 20-й армией, которая обороняла Москву в составе Западного фронта.

Много было написано в западных и наших изданиях об этом периоде "полководческой деятельности" Власова.

Не хочу обременять читателей опровержением всех этих небылиц, приведу несколько документов, которые перечеркивают все тенденциозные выдумки. В своих воспоминаниях генерал Сандалов, бывший тогда начальником штаба 20-й армии, пишет, что Власов был только назначен командующим, но на первом этапе битвы за Москву в командование армией практически не вступил находился далеко от передовой, в госпитале.

Военный совет армии, вполне естественно, запрашивал разные инстанции когда же появится командующий? Вот один из телеграфных ответов:

Начальнику Главного управления кадров Красной Армии

Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25-26 ноября связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха.

Начальник штаба ю.з.ф. Бодин Нач. воеисанупра ю.з.ф. Бялик

Генерал Сандалов пишет в своих мемуарах, что при его назначении на должность начальника штаба 20-й армии он спросил маршала Шапошникова: "А кто назначен командующим армией?"

- Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта генерал Власов, - ответил Шапошников. - Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время придется обходиться без него...

Следовательно, Власов практически не вступил в командование 20-й армией в ноябре 1941 года, когда шел оборонительный период битвы за Москву. В этом месяце армия только формировалась и была в резерве Ставки.

Отсутствие Власова в "ближайшее время", о котором сказал Шапошников, растянулось, по сути дела, и на весь период контрнаступления под Москвой.

Вот что пишет генерал Сандалов о первом посещении Власовым штаба 20-й армии:

"Сокрушительный удар дивизии Короли и групп Ремизова и Катукова стоил неприятелю больших потерь, смял его оборонявшиеся части и принудил их к отходу.

Наступая на пятки отходившего в Волоколамск противника, нанося ему фланговые удары лыжными отрядами, 331-я дивизия Ф. П. Короля подошла утром 19 декабря к восточным предместьям Волоколамска.

В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал развертываться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки. Это был генерал Власов. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катукова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал все это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул нам, что чувствует себя лучше и через день-два возьмет управление армией в свои руки полностью...

Вечером группа генерала Ремизова и морская бригада заняли пригородную слободу Пушкари и вышли к северозападной окраине Волоколамска. Несколько позже сибиряки 331-й дивизии Короля во взаимодействии с танкистами группы генерала Катукова пробились к восточной и юго-восточной окраинам города. Ночью начался штурм города".

Из приведенных цитат ясно одно: Власов к взятию Волоколамска не имеет никакого отношения, потому что он там

не был и армией не командовал.

Что касается Солнечногорска, освобождение которого тоже записывают в заслуги Власову, то этот город был освобожден 12 декабря, задолго до первого приезда - 19.12 - и быстрого отъезда Власова, о котором пишет генерал Санда-лов.

Мне могут возразить: но генерал Власов за бои под Москвой награжден орденом Красного Знамени! Это верно. А случилось так: всех командующих армиями за победу под Москвой представили списком на награждение таким орденом. Был в этом списке и генерал Власов - по должности, а не по делам.

А вот Жукова в списке не было, и он за эту блестящую победу по защите столицы, а потом и за решительное контрнаступление, не награжден. Не было в списке...

Список командующих армиями составлял Жуков как командующий Западным фронтом, он не мог включить самого себя.

Но Верховного Главнокомандующего Сталина тоже не наградили за это выигранное великое сражение. Видно, не до того было...

Подбор умелых соратников

В дни контрнаступлений Сталин опирался на Жукова, Шапошникова, Василевского. Но, наряду с ними, искал и новые сильные личности. Так было с Еременко. Помните, что сказал Сталин, посылая Еременко спасать от окружения войска Юго-Западного фронта: "Вот человек, который в сложившейся обстановке нам нужен!"

Но в Еременко Сталин явно ошибся. А вот в выборе начальника тыла Вооруженных Сил Андрея Васильевича Хрулева он, как говорится, попал в "десятку".

В сложившейся на тот момент обстановке, при угасании наступления, наиболее целесообразным было закрепиться на достигнутых рубежах и перейти к жесткой обороне, изматывать противника и накапливать свои резервы. Тем более что к этому времени завершилась не только переброска, но и восстановление многих оборонных заводов из оккупированных районов в Сибирь и Среднюю Азию. Эти заводы начали выпускать вооружение, так необходимое для вновь формируемых частей.

С работой тыла тесно связано имя генерала Хрулева - ближайшего соратника Сталина в этом сложном и очень ответственном деле.

Выбор случился не вдруг. Сталин обычно долго присматривался к человеку, проверяя, главным образом, в деле, а затем приближал, брал в свою команду и наделял большим доверием.

В ходе войны Сталин высмотрел, выдвинул и вырастил целую когорту замечательных полководцев: Жуков, Василевский, Конев, Рокоссовский, Черняховский, Баграмян и многие другие, - все они его личные выдвиженцы. Сталин их поддерживал, прощал ошибки, награждал за успехи, но постоянно держал в строгости.

Среди таких выдвиженцев оказался и Хрулев. Андрей Васильевич так вспоминает этот поворотный в его службе день:

"- Я стал просить Сталина - нельзя ли обойтись без меня. На его вопрос, почему я не хочу принять это предложение, ответил: "Поскольку Мехлис поставил своей задачей во что бы то ни стало меня уничтожить, он этим воспользуется и начнет травлю".

Сталин улыбнулся и сказал:

- Ну вот, сильнее кошки зверя нет.

- Для кого какой зверь, а для меня Мехлис - страшный зверь, - говорю ему.

Он тогда стал расспрашивать, почему у меня такое убеждение, что Мехлис обязательно расправится со мной. Я ответил буквально следующее:

- Когда в прошлом году Вы рассматривали вопрос обо мне на Политбюро, Мехлис метал громы и молнии, силясь всех убедить, будто я замешан в вое н но -фашистском заговоре. Вы предложили мне все рассказать о моей деятельности на этот счет. Но так как мне нечего было рассказывать, убедились, что я человек честный, и сказали Мехлису и Ежову, чтобы они отстали от меня. После этого, когда я перед отъездом пришел к Мехлису, он мне заявил: "Скажите спасибо Ворошилову. Он Вас тяжестью своей придавил и не дал мне поступить так, как следовало бы поступить, но я заявляю Вам, что постараюсь сделать все возможное, чтобы мое стремление (т. е. Мехлиса) оправдалось".

Тогда Сталин на все мои сомнения и возражения заявил:

- Ну хорошо, а если я вместе с вами поведу борьбу против Мехлиса, то как вы думаете - мы справимся?

Я откровенно ему сказал:

- Как будто бы по логике вещей должны бы справиться, но Вы имейте в виду, что Мехлис такой человек, что он может черт знает что наделать и из любого положения способен выкрутиться.

Сталин усмехнулся:

- Он нас с вами вместе может разгромить?

- Вас-то не разгромит, а меня вот разгромит.

Но решение все-таки состоялось. Я был назначен начальником снабжения Красной Армии..."

Талантливый организатор-интендант, Хрулев всю войну прекрасно справлялся со своей невероятно сложной должностью по обеспечению армии всем необходимым.

Андрей Васильевич - образованный, интеллигентный человек, его наблюдения за работой Сталина нам очень пригодятся.

Вот его рассказ:

"- А что такое Ставка? Это Сталин (и ни одного человека в его секретариате), Генеральный штаб (он вызывал к себе с картой начальника Генерального штаба или его помощника) и весь Наркомат обороны. Это и была фактически Ставка.

Вызывает он командующего войсками какого-либо фронта и говорит:

- Мы хотим вам дать директиву провести такую-то операцию. Что вам для этого надо?

Тот отвечает:

- Разрешите мне посоветоваться со штабом. - Идите к ВЧ.

Вся связь, которой располагал Сталин, - один телефон, но все было подключено к нему, в том числе и ВЧ. Никаких ни радиостанций, ни телеграфных станций, ничего в кабинете не было. Телеграф был у Наркомата связи в Генеральном штабе. В Генштабе имелись и радиостанции. Не было такого положения, чтобы Сталин куда-то ходил к аппаратам. И вообще он сам никуда не ходил. Он приезжает, допустим, в 4 часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинает вызывать. Дает список, кого из членов Государственного Комитета он вызывает. Заранее он их не собирал. Он приезжал - и тогда Поскребышев начинал всех обзванивать.

Вы, возможно, представляете себе все это так: вот Сталин открыл заседание, предлагает повестку дня, начинает эту повестку дня обсуждать и т. д. Ничего подобного! Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу же вызывал: это Хрулева касается, давайте сюда Хрулева; это Яковлева касается, давайте сюда Яковлева; это Пересыпкина касается, давайте его сюда. И всем давал задания. Кроме того, все члены Государственного Комитета обороны имели в своем ведении определенные участки работы. Так, Молотов ведал танками, Маленков самолетами, Микоян -делами продовольственного интендантского снабжения, снабжения горючим, и у него же был ленд-лиз.

В течение дня принимались десятки решений. Причем, не было такого, чтобы Государственный Комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Сталина. Жизнь во всем государственном и военном аппарате была сложная, так что никто не уходил из помещения.

Сталин, например, мог прийти в четыре часа, а потом в восемь часов. Сегодня он закончил работать в одиннадцать часов

вечера, а пришел в восемь часов утра и т. д.

У меня на улице Горького была кремлевская "вертушка". Звонит ночью. Берешь трубку.

- Вы почему не спите? Я говорю:

- Позвольте, Вы звоните, значит, Вы считаете, что я не должен спать.

Всегда все люди были на месте. Было организовано так, чтобы они могли быть быстро поставлены в известность.

На заседаниях не было никаких стенограмм, никаких протоколов, никаких технических работников. Правда, позднее Сталин дал указания управделами СНК Я. Е. Чадаеву кое-что записывать и стал приглашать его на заседания.

Сталин подписывал документы, часто не читая, - это до тех пор, пока вы себя где-то не скомпрометировали. Все было построено на громадном доверии. Но стоило ему только убедиться, что этот человек - мошенник, что он обманул, ловчит, - судьба такого работника была решена.

Я давал Сталину тысячи документов на подпись, но, готовя эти документы, за каждой буквой следил.

Следует также иметь в виду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения. Я так делал неоднократно, и Сталин меня ни разу не выгонял. Да он и никого не выгонял.

Надо было сидеть и слушать. Но когда создавалась какая-то пауза, я обычно говорил:

- У меня есть один вопрос.

- Сидите. (Что означало - этот вопрос он будет рассматривать.)

Бывали и казусы. Авиация просит дать на подготовку кадров 2200 тысяч тонн высокооктанового бензина, а мы можем выделить максимум 700 тысяч тонн. Генерал-полковник В. В. Никитин из Управления снабжения горючим НКО доказывает, что Хрулев дает очень мало бензина, мы не можем выполнить программу подготовки летчиков, которая утверждена ГКО. Сталин вызывает меня. Я ему докладываю, что у нас ресурсы бензина не позволяют дать больше 700 тысяч тонн, а кроме того, план распределения бензина мы уже утвердили, там записано 700 тысяч тонн, и теперь надо пересматривать план.

Он ничего не говорит, вызывает Поскребышева:

- Ну-ка, Микояна сюда.

Приходит Микоян. Сталин к нему обращается и говорит:

- Летчики просят 2200 тысяч тонн высокооктанового бензина. Товарищ Хрулев дает только 700 тысяч тонн. Можно удовлетворить просьбу летчиков?

- Можно.

Я тут же Микояну говорю:

- За счет чего?

- У меня кое-что есть.

- Нет, Анастас Иванович, ничего больше нет. Я записал в этот план полностью все, что у нас запланировано получить из Америки, но процентов пятнадцать-двадцать танкеров гибнет, немцы их уничтожают. Я все это подсчитал.

Сталин вмешивается и говорит:

- Что вы спорите? Микоян этим делом ведает и знает. Я отвечаю:

- Нет, товарищ Сталин, он этим не ведает и не в курсе дела, и я сейчас ему объясню, что он не сможет этого сделать.

Сталин спрашивает:

- Что есть реального? Я поясняю:

- В этом плане есть 500 тысяч тонн резервов Ставки. Распределяйте этот резерв Ставки.

- Что же, я без резерва останусь? Не годится. Уходим. После этого разговора Микоян вызывает М. И. Кормилицына - начальника Управления снабжения горючим:

- Прибавьте 500 тысяч тонн. Тот отвечает:

- Я ничего не могу прибавить. Микоян заявляет:

- Позвоните Хрулеву, пусть Хрулев это сделает.

- Ничего не надо звонить Хрулеву.

Кормилицын возвращается, приходит ко мне и рассказывает.

Я говорю:

- Делай, если он тебе приказал.

Я не видел, чтобы Сталину кто-нибудь возражал, что этого сделать нельзя, а когда я возражал, он говорил:

- Что это за человек, ему хоть кол на голове теши, он все свое".

Сталин высмотрел Хрулева еще до войны, а вот в дни неудачного контрнаступления, как я сказал выше, он опирался на своего выдвиженца, пытаясь исправить положение.

"- Поскребышев дал телефон, по которому находился Сталин, и предложил мне лично соединиться с ним. Когда я позвонил Сталину, он мне заявил, что вызвал меня с фронта по чрезвычайным обстоятельствам, а именно: по причине создавшейся критической ситуации на железнодорожном транспорте. И тут же сообщил, что для рассмотрения вопроса о работе железнодорожного транспорта создана комиссия из членов ГКО, в которую он бы считал необходимым включить и меня. Я просил меня в нее не включать, а что касается моего участия в работе комиссии, то я могу выполнять любое

поручение, не будучи ее членом. Но через час я получил постановление ГКО (это было 14 марта), в котором говорилось, что "в состав руководящей пятерки по делам НКПС дополнительно включаются Микоян и Хрулев".

Андрей Васильевич продолжает рассказывать:

"- Пока шел разговор о моем участии в комиссии, Сталин ни разу не упомянул о работе Л. М. Кагановича, стараясь рассказать мне, как это ему представлялось, о состоянии железнодорожного транспорта, о состоянии перевозок. Он, видимо, уже был кем-то достаточно осведомлен о сложившемся положении, когда говорил о Ярославской, Северной, Казанской дорогах, забитых составами поездов. Движение по ним уже почти прекратилось. Что касается таких дорог, как Сталинградская, Пензенская, Куйбышевская, Рязано-Уральская, Южно-Уральская, то они были на грани паралича, не пускали поездов и не принимали их.

Критическое положение на железнодорожном транспорте сложилось в результате ежемесячного ухудшения работы железных дорог, и только, видимо, благодаря тому, что нарком путей сообщения Каганович не докладывал о назревающей катастрофе, железнодорожный транспорт действительно зашел в тупик. Но не потому, что люди не умели работать, или не умели и не хотели понимать происходящих событий.

Работа железнодорожного транспорта резко ухудшилась главным образом потому, что нарком путей сообщения не признавал вообще никаких советов со стороны сотрудников НКПС. Между тем они вносили немало ценных предложений, чтобы выйти из создавшегося положения. Каганович же кроме истерики ничем не отвечал на эти предложения и советы работников транспорта.

В процессе работы комиссии ГКО я наблюдал перепалку между Кагановичем, Берией, Маленковым и другими членами комиссии. Причем у Кагановича аргументация была одна: "Вы ничего не понимаете в работе железнодорожного транспорта, вы никакого хорошего совета мне подать не можете"...

И вот в процессе работы комиссии Сталин дважды обращался ко мне. В первом случае с предложением, не следует ли мне занять пост народного комиссара путей сообщения, так как это было бы полезно для армии. И когда я старался отвести от себя это предложение, доказывая, что армия может себя обеспечить и не имея своего работника в качестве наркома путей сообщения, то Сталин в ответ заявил: "Вы не понимаете существа этого вопроса".

Второй разговор уже был более решительным и конкретным. Когда комиссия находилась в Наркомате путей сообщения и вела

разговор с членом комиссии, первым заместителем наркома Б. Н. Арутюновым по вопросу обеспечения железных дорог топливом (он ведал этими вопросами), часов в 8 вечера раздался звонок в кабинет Арутюнова. Я был вызван к телефону лично Сталиным, который заявил мне, что он сегодня внесет предложение в Политбюро о назначении меня наркомом путей сообщения. Еще раз я просил его не делать этого, поскольку мой авторитет слишком мал для большой армии железнодорожников, и мне будет крайне трудно справляться с таким большим делом. Если Каганович, будучи членом Политбюро ЦК партии, будучи членом ГКО, не справился с этим делом, то как же я смогу справиться с ним.

Сталин начал меня убеждать, что, мол, все это вы можете получить в результате своей хорошей работы, кроме того, он обещал мне помогать и задал мне вопрос:

- Что, вы не верите, что я могу вам помочь?

И когда я отвечал, что я всему этому верю, но все-таки прошу не назначать меня наркомом путей сообщения, Сталин в ответ на это сказал:

- Вы полагаете, что я соглашусь с кандидатурой Арутюнова, которую нам все время навязывает Берия? Но я никогда не соглашусь с этой кандидатурой и считаю, что вы меня не уважаете, отказываясь от моего предложения.

На мои дальнейшие просьбы о том, чтобы он, Сталин, отказался от мысли назначения меня наркомом путей сообщения, Сталин обидчивым тоном еще раз заявил:

- Значит, вы меня не уважаете...

Не имея больше возможности доказывать и возражать против моего назначения на пост наркома путей сообщения, я спросил Сталина:

- Кто же будет начальником тыла Красной Армии? Он ответил:

- Начальником тыла останетесь вы. Потому и целесообразно ваше назначение наркомом путей сообщения. Являясь одновременно и начальником тыла, вы используете все свое право наркома, чтобы в первую очередь обеспечить действующую армию.

В тот же день, 25 марта 1942 г., ровно в 12 часов ночи я получил решение о назначении меня народным комиссаром путей сообщения. И буквально тут же позвонил Л. М. Каганович, который просил срочно приехать к нему в НКПС. Я приехал в НКПС, получил ключи от стола и стул, на котором сидел нарком путей сообщения, и без каких бы то ни было формальностей вступил в новую должность. Вся процедура приема-сдачи

проходила в пределах 15 минут.

Когда меня назначили наркомом путей сообщения, Сталин пригласил меня к себе на дачу, там было почти все Политбюро. Улучив момент, я подошел к Сталину и обратился к нему со словами:

- Я не совсем понимаю отношение ко мне в 1938 году. Мехлис и другие требовали моего ареста, а теперь меня назначили наркомом путей сообщения. Какой же контраст!

Он сказал примерно так:

- Мехлис, как только пришел в ПУР в конце 1937 года, начал кричать о том, что вы - враг, что вы - участник военно-фашистского заговора. Щаденко вначале выступал в защиту вас. Кулик, тот последовательно заявлял: "Не верю. Я этого человека знаю много лет и не верю, чтобы он был замешан в каком-то антисоветском, контрреволюционном деле". Но вы, - говорил Сталин, - понимаете мое положение: Мехлис кричит "враг". Щаденко потом подключился к Мехлису: вы помните, - говорит, - как обстояло дело при решении этого вопроса в Политбюро? Когда я задавал Ворошилову вопрос, - продолжал Сталин, - что же нам делать, Ворошилов сказал: теперь вот ведь какое время сегодня тот или иной подозреваемый стоит на коленях и плачет, клянется, что ни в каких заговорах не участвовал, никакой антисоветской и антипартийной работы не вел, а завтра подписывает протокол и во всем сознается...

Позднее я передал весь этот разговор Ворошилову. Ворошилов возмутился:

- Это неверно. Если бы я тогда колебнулся, вас бы не было.

Я знал, что если перед назначением на такой большой пост, как нарком путей сообщения, не поставить все эти вопросы, тогда тот же самый Мехлис сказал бы: кого вы посадили в кресло наркома? Он - предатель, враг, он воспользуется тем, что его назначили на такой высокий поет, и поставит страну в тяжелую ситуацию.

Какое у меня было положение? Дают большой пост, оставляют начальником тыла Красной Армии и говорят: вы и то, и другое будете вести. И в то же время, состояние хозяйства ужасное, а вдобавок ко всему прочему, авторитета у меня ни в партии, ни в стране никакого, никто меня не знает.

Я это тоже Сталину высказал. И он ответил:

- Ну хорошо, Центральный Комитет сделает все необходимое, чтобы вы пользовались соответствующим авторитетом.

Кстати, когда я отрицательно характеризую Мехлиса и когда я считаю, что Мехлис вел большую работу против Ворошилова, то у меня для этого есть все основания.

После окончания советско-финской войны был созван Пленум Центрального Комитета партии по итогам войны и о состоянии наших Вооруженных Сил. На этом Пленуме нарком обороны Ворошилов выступил с докладом о состоянии армии и нарисовал в нем очень мрачную картину положения в Красной Армии. Он сделал вывод, что во всем этом деле его вина, Ворошилова, и поэтому просит Центральный Комитет партии освободить его от должности наркома. Ведь он уже почти 15 лет возглавляет НКО. А за это время у всякого может притупиться острота восприятия, недостатки могут казаться обычным явлением.

После выступления Ворошилова Мехлис берет слово и начинает поносить Ворошилова: нет, товарищи, Ворошилов так не должен уйти от этого дела, его надо строжайше наказать. Одним словом, хотя бы арестовать...

Сталин тогда защитил Ворошилова.

Зимняя кампания 1942 года

За первые шесть месяцев войны обессилели обе армии: германская - в наступлении от границы до Москвы, наша - в оборонительных сражениях на том же пространстве.

22 июня 1941 года фельдмаршал фон Бок ступил на пашу землю во главе могучей группы армий "Центр" - в ней была пятьдесят одна дивизия, среди них - девять танковых и шесть механизированных! А 3 декабря, разглядывая Москву в стереотрубу, фельдмаршал умолял фюрера добавить хотя бы несколько боеспособных батальонов...

Советские войска, тоже из последних сил, на одном энтузиазме, выдержали натиск врага.

Верховный Главнокомандующий Сталин, сомневавшийся - удержим ли Москву? - под впечатлением успешных контрударов воспрянул духом, да так, что замахнулся на генеральное наступление от Ладожского озера до Черного моря!

Зимнее наступление, однако, не принесло существенных результатов, не получилось договориться и о перемирии, на которое надеялся Сталин. Но зато удалось нейтрализовать Японию и избавиться от второго фронта на востоке.

К апрелю 1942 года активные боевые действия на всех фронтах прекратились.

Какой общий стратегический замысел действий наших войск сложился у Сталина после неудачного общего наступления?

Сталин убедился, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной. Одновременно он полагал необходимым провести ряд наступательных операций в Крыму, в

районе Харькова, на Льговско-Курском и Смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска...

Можно согласиться с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, но в отношении количества намечаемых фронтовых наступательных операций наших войск возникает сомнение: они поглотят без особой пользы наши резервы, и этим осложнится подготовка к последующему генеральному наступлению советских войск в летней кампании.

Обратите внимание: все еще надеялся Верховный, окрыленный успехом под Москвой, опрокинуть немцев на каком-либо из направлений и развить частный успех в большое наступление.

* * *

Давайте коротко вспомним, чем завершились эти четыре частные операции, намеченные Сталиным. О боях в Крыму очень подробно написано в моей книге "Полководец".

Крымская операция началась успешно - высадкой десанта в Керчи, Феодосии, а затем в Евпатории и Судаке. За короткое время был создан Крымский фронт в составе трех армий - 44-й, 51-й и 47-й. Это, несомненно, порадовало Сталина.

В Крыму нашим войскам противостояли 42-й корпус под командованием графа Шпонека и 11-я армия Манштейна - все внимание последнего было уделено штурму Севастополя.

За то, что 42-й корпус допустил высадку десанта в Крыму, Гитлер отдал Шпонека под суд, который приговорил его к смертной казни (правда, потом ее отменили). От Ман-штейна фюрер категорически потребовал навести порядок в Крыму.

В таких критических обстоятельствах Манштейн проявил себя как опытный военачальник. Он правильно, объективно оценил обстановку:

"В первые дни января 1942 года для войск противника, высадившихся у Феодосии и подходящих со стороны Керчи, фактически был открыт путь к жизненной артерии 11-й армии, железной дороге Джанкой - Симферополь... Если бы противник использовал выгоду создавшегося положения и быстро стал бы преследовать 46-ю пд от Керчи, а также ударил решительно вслед отходившим от Феодосии румынам, то создалась бы обстановка безнадежная не только для этого вновь возникшего участка Восточного фронта, решалась бы судьба всей 11-й армии... Но противник не сумел использовать благоприятный момент. Либо командование противника не поняло своих преимуществ в этой обстановке, либо оно не решилось немедленно их использовать" .

Итак, инициативой овладел Манштейн. Он сначала сумел создать фронт, остановить наши части, а затем, видя

бездеятельность противостоящих командующих, показал свой характер и добился немалых успехов.

Вот как оценивает Манштейн обстановку, в которой все это произошло:

"На Керченском фронте противник по-прежнему держал свои 44-ю и 51-ю армии. Их общий состав равнялся к концу апреля семнадцати стрелковым бригадам, двум кавалерийским дивизиям и четырем танковым бригадам, то есть в целом 26 крупным соединениям. Этим силам командование 11-й армии могло противопоставить не более пяти немецких пехотных дивизий и одну танковую дивизию... Так как румынские соединения (до трех дивизий. - В. К.) только условно были пригодны для наступательных действий, соотношение сил в планируемой операции, закодированной под названием "Охота на дроф", фактически было хуже. К тому же наступление на Парпачском перешейке должно было вестись только фронтально. Оба моря исключали всякую возможность флангового маневра. Кроме того, противник создал глубоко эшелонированную оборону. Как можно было в этих условиях и при соотношении сил 2:1 в пользу противника добиться уничтожения двух его армий?"

Справедливости ради уточним: здесь были не две, а три наши армии: 44-я под командованием генерал-лейтенанта С. И. Черняка, 47-я армия генерал-майора К. С. Калганова и еще 51-я генерала Львова.

Манштейн понимал, что на узком, вытянутом перешейке между Черным и Азовским морями фронтальным ударом против большой массы противостоящих войск он ничего не добьется. Тут надо было проявить военное искусство, найти какое-то неожиданное решение, опереться на какие-то факторы, которые есть в его распоряжении. И он все это нашел.

Во-первых, внезапность. Имея превосходство в силах, командование Крымского фронта не верило в возможность наступления немцев. Во-вторых, Манштейн нанес отвлекающий удар на юге перешейка, вдоль берега Черного моря, а главным ударом под выступающие позиции одной из армий в Центре, по сути дела, вдоль фронта, силами танковой дивизии пробил и пропорол насквозь всю оборону до Азовского моря. И в-третьих, Манштейн использовал не только неожиданность, но и маневренность своих войск, их хорошую управляемость. В течение десяти дней, с 8 по 18 мая, Манштейн очистил Керченский полуостров, разгромив три армии! Лишь в Аджимушкайских каменоломнях с 16 мая по 31 октября 1942 года вели героическую оборону бойцы и командиры, оставшиеся в них.

Прямо скажем, в крымской катастрофе Сталин не виноват,

его подвели бездарные тугодумы, которые, имея подавляющее превосходство в силах, не устояли против значительно меньших сил Манштейна. И Сталин вполне справедливо наказал виновников.

Сохранились два красноречивых документа. Один - телеграмма Мехлиса Верховному Главнокомандующему от 8 мая 1942 года:

"Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал Военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника.

В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10-15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии".

От Сталина не укрылась попытка представителя Ставки уйти от ответственности, и в ответ он телеграфировал:

"Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за беды Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы - не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если "вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать", а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значат, вы еще не поняли, что вы посланы на Крьшфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гиндембурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гиндснбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли

бы. Не нужно было быть Гиндснбур-гом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца в Крым-фронте".

В результате керченской катастрофы представитель Ставки Верховного Главнокомандования Мехлис был снят с постов зам. наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии, понижен в звании до корпусного комиссара. Сняты с должностей и понижены в звании на одну ступень командующий фронтом генерал-лейтенант Козлов, дивизионный комиссар Шаманин. Снят с должности начальник штаба фронта. Командармы генерал-лейтенант Черняк, генерал-майор Колганов, командующий ВВС фронта генерал-майор авиации Николаенко понижены в звании до полковников.

Так завершилась первая частная наступательная операция зимней кампании.

* * *

Следующей частной операцией, задуманной Верховным, было освобождение Харькова путем осуществления своеобразных Канн - окружением Харьковской группировки ударами с двух направлений: на юге - от Барвенкова, на севере от Волчалской.

На очередном совещании Ставки, в конце марта 1942 года, присутствовали Шапошников, Тимошенко, Ворошилов, Жуков, Василевский и Хрущев, прошло оно довольно бурно. Борис Михайлович стал говорить о необходимости ограничиться активной обороной. При этом основные резервы не вводить в бой, а сосредоточить на Центральном и Воронежском направлениях.

- Что касается насту нательной операции Юго-Западного направления, перешел Шапошников к главному вопросу, - то Генштаб категорически против нее. Прежде всего, для этого недостаточно резервов, да и наступление из оперативного мешка, каковым является барвенковский выступ, весьма рискованно.

- Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут первыми удар, - прервал его Сталин. - Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на Западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, это полумера.

Поднялся Тимошенко и уверенно, четко сказал:

- Войска сейчас в состоянии - и, безусловно, должны - нанести немцам на Юго-Западном направлении упреждающий удар, расстроить их наступательные планы против Юго-Западного и Южного фронтов, в противном случае повторится то, что произошло в начале войны. Я также поддерживаю и предложения Жукова. Это скует силы противника.

Ворошилов немедленно поддержал Тимошенко, а Жуков

Шапошникова, отстаивая только возможность наступления Западного фронта.

Сталин все больше раздражался, и его настойчивое требование провести Харьковскую операцию стало приобретать форму приказа. Но ему не хотелось единолично принимать такое решение.

- А что скажет нам товарищ Василевский? - повернулся он к Александру Михайловичу.

- Мое мнение, как и мнение Генштаба, уже высказал маршал Шапошников. Хочу только заострить внимание на рискованности наступления из барвенковского выступа.

- Ну от Шапошникове кой школы трудно было услышать другое, недовольно заметил Сталин. - Так настаивает ли командование направления на проведении операции?

- Настаиваем и убедительно просим, - заявили Тимошенко и Хрущев.

- Хорошо. На этом и остановимся. Генштабу через сутки приготовить все предложения, а далее считать операцию внутренним делом направления и в их дела не вмешиваться. Вам же, товарищи Тимошенко и Хрущев, придется рассчитывать на свои силы...

30 апреля Василевский представил Сталину "План действий войск Юго-Западного направления на апрель - май 1942 года", который предусматривал разгром харьковской группировки противника для обеспечения последующих действий войск Южного фронта на Днепропетровск и прочную оборону, которую Южный фронт должен держать в районе Барвенково - Славянск - Изюм.

- Вы все еще не согласны с командованием направления? - спросил Сталин. - А как вы будете чувствовать себя, если Тимошенко добьется успеха?

- Буду бесконечно рад этому. А если беда? - в свою очередь спросил Василевский.

- Беду будем предотвращать и мы с вами. Работать придется еще больше, а у вас опять неважный вид. Как вы живете?

- Мне предоставлена отличная квартира на улице Грановского.

- А где вы отдыхаете?

- Там и отдыхаю, а чаще в Генштабе, в особняке Ставки. Рядом с моим кабинетом имеется приличная комната отдыха.

- У вас нет за городом дачи?

- Последние два предвоенных года семья пользовалась в летние месяцы дачей Наркомата обороны в Краскове, но мне там практически бывать не пришлось...

(Дальше пересказываю эпизод из книги С. Куличкина "Генштаб полагает".)

Через несколько дней Поскребышев передал указание Сталина осмотреть и выбрать одну из дач в Волынском на берегу реки Сетунь. Поехали в тот же день. Поселок находился всего в пятнадцати минутах езды от Центра в живописном месте. Недалеко была дача Сталина. Уютный, окруженный зеленью домик показался прямо-таки сказочным, а удивительная тишина и спокойствие обещали настоящий отдых. Не скрывал радости и Александр Михайлович, хотя и понимал, что пользоваться этими благами ему вряд ли придется. Тут же комендант поселка врезал новый замок, вручил ключи, сообщил о системе охранной сигнализации и пропусков.

- Желаю вам приятного отдыха. Приезжайте чаще, - сказал он тихо.

- Хорошо бы, - засомневался Василевский.

Сомнения его были вполне оправданны. По-прежнему большую часть времени приходилось дневать и ночевать в Генштабе. Одним из апрельских вечеров он все-таки решил остаться на ночь на даче. Зная, что Сталин не поднимается раньше десяти часов утра, не спешил, попивая чай с деревенским молоком. Раздался телефонный звонок.

- Вас ищет товарищ Сталин, - послышался голос Поскребышева, и тут же в разговор вступил Верховный:

- Товарищ Василевский, вы не успели обжиться на даче, а уже засиживаетесь там. Это не годится. В часы сна можете спать на даче, а в рабочее время будьте в Генштабе. У нас есть к вам ответственное поручение. Не могли бы вы приехать сейчас?

- Так точно! - ответил смущенный Василевский и, ругаясь про себя, начал быстро собираться.

- Ну что ты так переживаешь? - успокаивала его жена. - Всего-то одну ночь провел на даче...

- Вот и обидно, что одну ночь, и на ней попался. Пропади она пропадом эта дача. Хоть не приезжай сюда...

В эти весенние дни произошел еще один интересный эпизод, который стал значительным событием в службе Василевского.

Сталин на заседаниях ГКО, и просто на совещаниях, неоднократно обращался к Василевскому от имени Ставки с предложением возглавить Генштаб. Борис Михайлович Шапошников опять тяжело заболел и тоже неоднократно просил об отставке.

Очередной разговор состоялся в присутствии Тимошенко, Хрущева и Баграмяна, когда Борис Михайлович снова занемог. Может быть, и разговора не было бы, но воздушный налет

заставил собравшихся спуститься в бомбоубежище. По дороге Хрущев посетовал на здоровье, утомляемость, и Сталин как будто что-то вспомнил. Во всяком случае, как только спустились в убежище, он обратился к Василевскому:

- А ведь товарищ Хрущев прав. Здоровье - очень важный фактор для эффективной работы руководителя. Борис Михайлович очень болен, ему трудно, и мы должны пойти ему навстречу. Политбюро и ГКО выдвигают вашу кандидатуру на должность начальника Генштаба.

- Товарищ Сталин, я уже докладывал Вам по этому вопросу и сейчас убедительно прошу воздержаться от такого шага. Функции заместителя начальника Генштаба я освоил и готов отдать все силы, чтобы оказывать всестороннюю помощь Борису Михайловичу.

- Вот видите, - повернулся Сталин к остальным. - Ставка настаивает, а товарищ Василевский категорически отказывается. Разве это по-партийному?

- Я докладываю именно как коммунист, ибо считаю, что заменить маршала Шапошникова пока не готов.

- А кто готов? - раздраженно спросил Сталин. - Кого вы можете предложить на эту должность?

- Например, Жукова или Мерецкова.

- Они уже были на этой должности, проявили себя, но больше пользы принесут на фронте. А вы как думаете? - вновь повернулся он к остальным.

- Думаю, этим человеком может быть Маршал Советского Союза Тимошенко, - первым сказал Баграмян. - Он возглавлял Наркомат обороны и хорошо знает содержание работы Генерального штаба.

- Я не согласен, - сразу отреагировал Тимошенко. - Рекомендую на эту должность генерала Голикова как отличного военачальника и политработника...

Его сразу же поддержал Хрущев, но Сталин только усмехнулся и вновь заговорил о Василевском. Разговор начал принимать напряженный характер, и Верховный, почувствовав это, перевел его на фронтовые дела, пообещав еще вернуться к важной кадровой проблеме.

24 апреля позвонил Сталин и сказал:

- Товарищ Василевский, ввиду болезни Александра Михайловича, вы назначаетесь исполняющим обязанности начальника Генерального штаба.

* * *

События в частной Харьковской наступательной операции развивались следующим образом.

На заключительном заседании Военного совета уже в штабе Юго-Западного направления маршал Тимошенко (он был и командующим фронтом) сказал:

- В результате поражений, нанесенных нами немецко-фашистским войскам в ходе зимней кампании, инициатива боевых действий захвачена Красной Армией... В ближайшее время мы сможем привлечь для разгрома врага значительные силы... На этом совещании подробный анализ обстановки доложил начальник штаба Юго-Западного направления генерал Баграмян. Он сделал следующий вывод:

- Харьковская группировка противника не может начать активных боевых действий до прибытия значительного пополнения личным составом и материальной частью, восстановления оперативного построения войск и подхода крупных оперативных резервов. Противник начнет активные действия лишь с наступлением тепла.

Ну и, подводя итоги совещания, член Военного совета Хрущев заявил:

- Верховный Главнокомандующий Сталин сам поставил перед войсками фронта эту задачу, и одно это является гарантией успеха.

В общем - полная уверенность в успехе. И было чем его добиться - на участке прорыва сосредоточили 22 дивизии, 2860 орудий и 5600 танков. Кроме того, в прорыв должны были вводить два танковых корпуса, три кавалерийские дивизии и мотострелковую бригаду. Да еще в резерве у командующего Юго-Западным фронтом оставались две стрелковые дивизии, один кавкорпус и три отдельных танковых батальона.

Кроме того, соседний Южный фронт выделял на усиление три стрелковые дивизии, пять танковых бригад, четырнадцать артиллерийских полков РГК и 233 самолета.

12 мая !942 года вся эта армада после часовой артиллерийской подготовки ринулась вперед, чтобы обойти Харьков с севера и юга и замкнуть клещи западнее города. За пять дней войска пробились на глубину 20-30 километров.

Но... Вот тут опять встревает это злополучное "но". Оказалось, что гитлеровцы именно на этом участке фронта готовили наступательную операцию, тоже частную, под кодовым названием "Фридерикус I", для чего сосредоточили здесь мощную ударную группировку. Наши штабы - Генштаб, Юго-Западного направления, Юго-Западного и Южного фронтов - оказались в полном неведении об этих намерениях противника!

17 мая в 5 часов 30 минуг, после артиллерийской и авиационной подготовки, гитлеровцы ударили под основание

клина наших войск на Барвенковском направлении. Через час они уже прошли 10 километров по тылам 9-й армии!

Что же предприняло командование Юго-Западного направления? Тимошенко и Хрущев посчитали этот удар противника естественным желанием закрыть брешь. И, руководствуясь своей абсолютно неправильной прежней оценкой противника ("нет у него сил", "ничего у него не получится!"), решили продолжать наступление для взятия Харькова.

Василевский (исполнявший обязанности начальника Генштаба вместо заболевшего Шапошникова) предлагал немедленно прекратить наступление и принимать меры по отражению попытки противника окружить войска, которые прорываются к Харькову.

Сталин не любил менять своих решений. Переговорив с Тимошенко, он заявил начальнику Генштаба, что мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а поэтому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление...

Приближающаяся катастрофа вырисовывалась все отчетливее - немецкие танки громили тылы армий, идущих на Харьков. Адо города, как говорится, оставалось рукой подать. Тимошенко и Хрущев считали, наверное, что когда они овладеют Харьковом, все трудности будут сняты - победителей не судят! А войска после взятия города можно будет направить на контратакующих с тыла.

Эту настойчивость командования Юго-Западного направления подтверждает Жуков:

"Мне довелось присутствовать в этот день в Ставке при одном из последующих разговоров И. В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный тогда уже четко выразил С. К. Тимошенко серьезное опасение по поводу успехов противника в районе Краматорска.

К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н. С. Хрущевым, который высказал такие же соображении, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена, и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного сове-га Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного".

Ну а против контратакующих немцев Тимошенко послал 2-й

кавалерийский корпус и 5-й кавкорпус генерала Плиева. Кавалерию против танков - вот уж действительно полное незнание ситуации! Представьте себе эту картину: конники, махая саблями, идут лавой на танковые дивизии! А всего в группировке немцев, закрывавшей коридор прорыва, были 3-й моторизованный корпус, 44-й армейский корпус, 52-й армейский корпус, а в них одиннадцать дивизий, из которых две танковые, причем все части противника полностью укомплектованы (свежие резервы).

Кроме лихой атаки конников против танков, была совершена еще одна глупость (прошу извинить: не нахожу другого слова). В те же часы 17 мая, когда танки противника громили наши тылы, командование фронтом ввело в бой 21-й и 23-й танковые корпуса. Но не против тех, кто угрожал отрезать наши наступающие к Харькову части, а вслед за теми, кто шел вглубь, в капкан к Харькову - по ранее утвержденному плану!

Как говорит участник этого сражения маршал Москаленко: "Сами лезли в мешок, в пасть к врагу". Это продолжалось 17, 18 и 19 мая.

Опасность окружения наших частей становилась реальностью, и 22 мая кольцо замкнулось. Не мы, а немцы осуществили Канны. Почти вся наша группировка, за исключением небольших групп, была уничтожена. Взято в плен, по немецким документам, 240 000 солдат и командиров. Позднее все военачальники, участвовавшие в этой операции, в своих мемуарах будут утверждать, что они своевременно пытались остановить и вернуть наступавшие войска. Причем ни один из них не упомянет об изначальном просчете, когда планировали наступление, абсолютно не зная противостоящих сил противника. Эту операцию вообще нельзя было проводить при таком соотношении сил!

Но, как водится в таких случаях (так случилось и на сей раз), вину валили друг на друга, а все вместе впоследствии - на Сталина.

Пришла пора "развенчания культа личности Сталина". Начались перемены мнений и оценки исторических событий под влиянием политической конъюнктуры - поначалу единичные измышления стали хаотически множиться, а позднее лавиной прокатилась массовая переоценка ценностей. Всем известны поразительные примеры того, как крупные политические деятели, ученые, писатели чуть ли не в одночасье меняли свои суждения и убеждения на прямо противоположные, превращаясь из "пламенных" коммунистов в не менее кондовых диссидентов-демократов.

Наконец остается ознакомиться с последними намеченными Сталиным частными операциями - на севере, в районах Ленинграда и Демьянска. Не буду подробно разбирать ход боевых действий в этих операциях. Напомню лишь о том, что обе они закончились неудачно: в районе Демьянска войска Северо-Западного фронта окружили группировку немцев, но уничтожить ее так и не смогли, гитлеровцы выручили своих окруженцев.

На Ленинградском и Волховском фронтах прошло несколько тяжелых, вязких, затяжных операций. В результате одной из них - Любанской - 2-я ударная армия вклинилась в расположение противника, да так там и застряла в лесах и болотах. В условиях весенней распутицы 2-я ударная армия почти полностью погибла, а ее командующий генерал-лейтенант Власов сдался в плен.

О нем и его деятельности по созданию Русской освободительной армии и руководству Комитетом освобождения народов России написаны не только статьи, но и целые книги. Это имеет прямое отношение к нашей теме, потому что носило антисталинскую направленность в первую очередь.

Поскольку все это издано огромными тиражами и выдается за события, реально происходившие в годы войны, считаю необходимым ознакомить читателей с подлинными документами и фактами, чтобы читатели сами разобрались, где правда, а где вымысел. По ходу повествования, в хронологической последовательности мы будем соприкасаться с "власовщиной", чтобы внести полную ясность в ее запутанную, а порой надуманную историю.

Обратимся к обстоятельствам пленения Власова.

Надо признать, что нет большой вины генерала Власова в том, что 2-я ударная армия оказалась в окружении. Он был назначен взамен заболевшего генерала Н. К. Клыкова на завершающем этапе неудачной Любанской операции, 16.04.1942 года, когда армия уже находилась в окружении.

Истощенная голодом, без боеприпасов, армия погибала в болотистой хляби. Попытки вырваться из окружения успеха не имели. Осталась одна, последняя в таких обстоятельствах возможность - просочиться к своим мелкими группами.

Вот выдержка из докладной записки одного из окружен-цев - майора Зубова:

"...в 12 часов дня 25 июня штаб 2-й ударной армии и штаб 46 сд. находились в лесу в одном месте.

Командир 46 сд. тов. Черный мне сообщил, что мы сейчас пойдем на прорыв противника, но командующий Власов предупредил, чтобы не было лишних людей... Таким образом, нас оказалось из штаба 2-й ударной армии 28 человек и не менее из

штаба 46 сд. Не имея питания, мы пошли в Замош-ское, шли день 25 и 26. Вечером мы обнаружили убитого лося, поели, а утром 27 начальник штаба 2-й ударной армии, посоветовавшись с Власовым, принял решение разбиться на две группы, так как таким количеством ходить невозможно".

Позднее один из членов группы, ушедший с Власовым, сообщил, что среди них начались ссоры из-за разных предложений, как действовать дальше, группа распалась.

Командующий фронтом Мерецков в своих воспоминаниях пишет о мерах, которые он принимал для поиска и спасения Власова:

"Командование 2-й ударной армии, как впоследствии сообщил командир 327-й стрелковой дивизии И. М. Антюфеев, отдало утром 24 июня распоряжение: выходить из окружения мелкими группами, кто где хочет и как знает. Это распоряжение подорвало моральный дух войск и окончательно дезорганизовало управление. Не чувствуя руководства со стороны командования и штаба армии, подразделения дивизий и бригад вразброд двинулись к выходу, оставляя неприкрытыми фланги. Отдельные бойцы, в результате непрерывных боев и недоедания, совершенно обессилели. Некоторые находились в полубессознательном состоянии и лежали на земле.

Но где же армейское руководство? Какова его судьба? Мы приняли все меры, чтобы разыскать Военный совет и штаб 2-й ударной армии. Когда утром 25 июня вышедшие из окружения офицеры доложили, что они видели в районе узкоколейной дороги генерала Власова и других старших офицеров, я немедленно направил туда танковую роту с десантом пехоты и своего адъютанта капитана М. Г. Бороду. Выбор пал на капитана Бороду не случайно. Я был уверен, что этот человек прорвется сквозь все преграды.

И вот во главе отряда из пяти танков Борода двинулся теперь в немецкий тыл. Четыре танка подорвались на минах или были подбиты врагом. Но, переходя с танка на танк, Борода на пятом из них все же добрался до места, где должен был находиться штаб 2-й ударной армии. Однако там уже никого не было. Вернувшись, горстка храбрецов доложила мне об этом в присутствии представителя Ставки А. М. Василевского. Зная, что штаб армии имеет с собой радиоприемник, мы периодически передавали по радио распоряжение о выходе. К вечеру этого же дня выслали несколько разведывательных групп с задачей разыскать Военный совет армии и вывести его. Эти группы тоже сумели выполнить часть задания и дойти до указанных районов, но безрезультатно, так как и они Власова не отыскали...

Я позвонил А. А. Жданову и попросил его дать распоряжение командиру Оредежского партизанского отряда Ф. И. Сазанову разыскать генерала Власова и его спутников. Товарищ Сазанов выслал три группы партизан, которые осмотрели всю местность вокруг Поддубья на много километров. Власова нигде не было. Наконец через некоторое время от партизан поступило сообщение, что Власов в деревне Пятница перешел к гитлеровцам".

Теперь познакомимся с немецкими документами, сомневаться в достоверности которых нет оснований.

Гауптман Ульрих Гардт, бывший начальник связи 4-й авиационной дивизии рассказал:

"Власов в одежде без знаков различия скрывался в баньке близ деревни Мостки, южнее Чудова. Его обнаружил староста деревни и сообщил проезжавшему через деревню немецкому офицеру. Когда открыли дверь и скомандовали "руки вверх!", Власов крикнул: "Не стреляйте, я генерал Власов - командующий второй ударной армией".

Власова допросил и 15 июля 1942 года в штабе 18-й немецкой армии и, как полагается, сведения, полученные от пленного, разослали информационным письмом № 1379-42 для своих частей.

Вот краткое изложение документа о первом допросе Власова.

"Объяснив, что в ВКП(б) он вступил в 1930 году для того, чтобы иметь возможность продвигаться по службе, и пожаловавшись на трудный характер генерала армии К. А. Мерецко-иа, бывший командующий 2-й ударной дал подробные сведения о структуре Волховского фронта, о причинах военных неудач, похвалил работу немецких артиллерии и авиации, оценил потери своей армии убитыми и захваченными в плен - до 60 тысяч человек. (Эта часть показаний Власова носит оправдательный характер. Он явно набивал себе цену, давая понять, что все случившееся - результат деятельности других лиц. - В. К.)

...По показаниям генерал-лейтенанта Власова, план военного деблокирования Ленинграда остается в силе. Реализация плана зависит от того, насколько отдохнут дивизии Волховского и Ленинградского фронтов, а также от прибытия пополнений. При наличных силах Волховский и Ленинградский фронты не способны к каким-либо наступательным действиям в направлении Ленинграда. Этих сил хватает максимум для того, чтобы удерживать Волховский фронт и фронт между Кириши и Ладожским озером...

...Весной на юг переброшены многочисленные дивизии, на

северные фронты перестали обращать внимание. Волховский фронт больше не получал подкреплений...

...в Центральной зоне Жуков может еще раз перейти в большое наступление от Москвы, резервов у него достаточно..."

Как видим, сведения, данные Власовым, конечно же, являются военными секретами, многие наши офицеры, попадавшие в руки гитлеровцев, даже под пытками не разглашали менее значительные военные тайны, а Власов, будучи опытным, широко информированным генералом, на первом же допросе своими показаниями явно стремится расположить к себе врагов и содействует их успешным боевым действиям.

Не стану излагать развернутые комментарии по поводу этого поступка Власова, просто приведу запись из его личного дела: "Февраль 1939 г. Принял военную присягу".

А в ней есть такие слова:

"...принимаю присягу и торжественно клянусь... строго хранить военную и государственную тайну...

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара Советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся".

Так началось то, что позднее было названо "власовщиной".

Битва за Кавказ

Сталин не выпустил из виду бои на Дону и приближение гитлеровских войск к Северному Кавказу. Но он не придавал этому направлению того значения, какое оно приобретало в связи с планами Гитлера. Бои на Южном фронте, которые шли и могли развернуться в перспективе - летом 1942 года, оценивались Сталиным как бои на всех других, неглавных направлениях. Направлением вероятного главного удара гитлеровской армии Сталин считал удар на Москву.

Генштаб проглядел опасность, нависшую над Кавказом и бакинской нефтью, и за многие беды, которые последовали за этим недоглядом, он несет полную ответственность.

Вот еще одна реальная возможность для любителей критиковать Сталина. Не надо выискивать несуществующие его провинности. Просчет, недооценка сил и возможностей противника, ошибка в определении его главных усилий летом 1942 года - вина не только Генштаба, но и Сталина как Верховного Главнокомандующего. Это едва не привело к сокрушительной катастрофе (если бы немцы захватили нефтяные источники на Кавказе).

Уж в чем виноват, в том виноват! Сталин позднее сам понял этот свой промах. Каждому человеку свойственно нежелание говорить о своих грехах, и Сталин не любил вспоминать о тяжелых боях на Кавказе и о том, кто виноват, а кто и как спас тогда нашу страну.

Тут, наверное, мне уже пора подкрепить сказанное надежными документами, а не ограничиваться только рассуждениями.

Маршал А. А. Гречко пишет: "Ставка при определении замысла врага на лето 1942 года считала, что основные события летом развернутся вокруг Москвы, что именно на этом направлении противник будет наносить главный удар".

Допустим, в те дни Гречко не знал общей обстановки, он не был еще маршалом, командовал армией, хотя следует заметить,

что писал он свои воспоминания уже будучи маршалом и министром обороны и, конечно же, располагал документами в полном объеме. Но все же - допустим...

Тогда я приведу свидетельство человека, который почти ежедневно встречался со Сталиным, - генерала М. Штеменко:

"Должен сказать, что советское стратегическое руководство во главе с И. В. Сталиным было убеждено, что рано или поздно враг снова обрушит удар на Москву. Это убеждение Верховного Главнокомандующего основывалось не только на опасности, угрожавшей с ржевского выступа. Поступили данные из-за рубежа о том, что гитлеровское командование пока не отказалось от своего замысла захватить нашу столицу. И. В. Сталин допускал различные варианты действий противника, но полагал, что во всех случаях целью операции вермахта и общим направлением его наступления будет Москва. Другие члены Ставки, Генеральный штаб и большинство командующих фронтами разделяли это мнение.

Исходя из этого, считалось, что судьба летней кампании 1942 года, от которой зависел последующий ход войны, будет решаться под Москвой. Следовательно, центральное - Московское - направление станет главным, а другие стратегические направления будут на этом этапе войны играть второстепенную роль.

Как выяснилось впоследствии, прогноз Ставки и Генштаба был ошибочным".

Если бы просчет ограничивался просто спорами и дискуссиями на эту тему, то беда была бы невелика. Но просчет этот вел к такому распределению советских Вооруженных Сил, которое не соответствовало создавшейся обстановке. Маршал А. Гречко прямо подтвердил эту беду: "Однако, несмотря на эта и другие доклады наших разведывательных органов, что центр тяжести весеннего наступления противника будет на юге, на этот участок фронта достаточных резервов направлено не было".

Фронты Западного направления находились в непосредственной близости от Москвы, они защищали подступы к столице. Их силы составляли около половины всей нашей армии. А на Кавказе было 5 - 6 процентов всех наших дивизий, а танков - этой решающей ударной силы в современной войне - всего 3 процента!

Попробуем понять, что же заставило Сталина держать большие силы под Москвой. Мне кажется, это объясняется, кроме стратегических, еще и чисто психологическими причинами. В Ставке все испытывали колоссальное потрясение после того, как враг за короткое время прошел почти половину европейской

части страны и ринулся на Москву! И мне думается, весной 1942 года, когда бои еще гремели недалеко от столицы, Сталин опасался отпускать войска из-под Москвы, отдавать резервы на юг, в ожидании того, что враг, находясь так близко, вновь попытается овладеть столицей. А что касается разведывательных данных об опасности на юге, то не раз приходилось убеждаться в их неточности, преувеличенности, а порой и ложности. Не дезинформация ли это со стороны противника, рассчитанная на то, чтобы оттянуть советские войска от Москвы на юг? Но юг далеко, а лязг гитлеровских танков слышен вот здесь, под Москвой!

В общем, как бы там ни было, а в 1942 году врагу удалось осуществить подготовку и нанести удар гигантской силы по Кавказу. Просчет, о котором шла речь, обернулся для войск, оборонявших подступы к Кавказу, огромными трудностями и людскими потерями.

Гитлер был абсолютно уверен в успехе нового наступления и не собирался ни с кем делить лавры предвкушаемой победы, поэтому, как уже говорилось, находился в Виннице, в специально построенной для него ставке, поближе к театру военных действий.

Кстати, ставку эту несколько месяцев строили немецкие военные инженеры под видом санатория для офицеров. Вся зона строительства была оцеплена охраной и колючей проволокой. Несколько тысяч военнопленных, работавших там, и даже некоторые немцы - мастера-отделочники - догадывались, что строится здесь не то, о чем говорят официально, но чтобы эти их догадки не были разглашены, участвовавших в строительстве после его завершения эсэсовцы уничтожили.

Как уже было сказано, для обеспечения главной задачи - захвата Кавказа и прикрытия левого фланга группы армий "А" - был нанесен удар в направлении Волги и города Сталинграда. 12 июля фашистские войска вступили на территорию Сталинградской области. Продвижение гитлеровских частей шло успешно, и поэтому в директиве Гитлера № 44 от 21 июля 1942 года сказано:

"Неожиданно быстро и благоприятно развивающиеся операции... дают основания надеяться на то, что в скором времени удастся отрезать Советский Союз от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти и серьезно нарушить подвоз английских и американских военных материалов. Этим, а также потерей всей донецкой промышленности Советскому Союзу наносится удар, который будет иметь далеко идущие последствия".

Гитлер настолько был уверен в успехе своих войск в районе Волги и Сталинграда, что отобрал у группы армий "Б" 4-ю танковую армию и включил ее в группу армий "А", чтобы она тоже наносила удар в направлении Грозного и Баку.

17 июля советские войска на Сталинградском направлении получили директиву:

"Ставка Верховного Главнокомандовании приказывает под вашу личную ответственность немедленно организовать сильные передовые отряды и выслать их на рубеж р. Цимла от Чернышевская и до ее устья, особенно прочно занять Цимлянская, войдя в связь здесь с войсками Северо-Кавказского фронта".

В этот же день авангарды дивизии 6-й немецкой армии в излучине Дона, на рубеже рек Чир и Цимла, столкнулись с передовыми отрядами 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта, высланными согласно этой директиве.

Именно эта дата считается началом великой Сталинградской битвы, а первым ее боем - встреча этих передовых отрядов с 6-й армией Паулюса.

Шесть дней вели упорные бои эти передовые отряды, заставив развернуться главные силы 6-й немецкой армии. Противник почувствовал, что встретил здесь какие-то новые части и что надежды на легкое наступление на Сталинградском направлении несколько преждевременны. Уже 23 июля в очередной директиве Гитлер совсем по-иному оценивает силы советских частей.

"Только небольшим силам армии Тимошенко удалось избежать окружения и достичь южного берега р. Дон. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе. Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять".

Гитлер силами группы армий "Б" планировал рассечь территорию до Волги и изолировать Кавказское направление от Москвы и вообще от всей североевропейской части нашей страны.

Получая такое надежное и реальное обеспечение слева, группа армий "А", казалось бы, могла продолжать наступление на Кавказ. Однако группировка советских войск, находившаяся под Сталинградом, существовала и нависала над флангом немецких войск, рвущихся к Баку; без разрешения этой важной стратегической проблемы по устранению угрозы с севера не могла быть обеспечена устойчивость всего кавказского направления.

Гитлер теперь понимал, и если не сам дошел до этого, то ему, видимо, убедительно доказали его военные сподвижники, что от

исхода сражения под Сталинградом зависит осуществление всех его планов на юге, намеченных на летнюю кампанию, и прежде всего захват Кавказа.

Исходя из этого, Гитлер посылал в бои под Сталинградом все новые и новые соединения. Совсем недавно он надеялся, что 6-я армия Паулюса легко выполнит задачу самостоятельно, а через две недели вынужден был перебросить с Кавказского направления на Сталинградское 4-ю танковую армию, без одного корпуса.

Гитлеру очень хотелось захватить Сталинград еще до начала наступления на Северном Кавказе, но этого не произошло. 22 июля 6-я немецкая армия вышла к переднему краю главной полосы обороны Сталинградского фронта, которая находилась в двенадцати километрах от города.

Но Гитлеру не терпелось поскорее осуществить свои планы. К тому же сил у него было достаточно, и он знал, какие советские армии противостоят ему на Кавказе -- измотанные в боях, не имеющие снабжения из центральной части страны. Гитлер спешил, и поэтому 25 июля все же был нанесен удар по Кавказу группой армий "А". В первые дни фашистское наступление шло так стремительно, что уже 27 июля начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генерал Хойзингер передал начальнику штаба группы армий "А" генералу Грайфенбергу следующее:

"Из предмостного укрепления Ростов не нажимать слишком сильно на юг, чтобы не принудить противника к отступлению, прежде чем он будет окружен продвигающимся вперед левым флангом группы армий".

Наступление на Кавказе развивалось настолько успешно, что именно в эти дни Гитлер, как уже говорилось, разрешил перебросить 4-ю танковую армию на Сталинградское направление, где все еще не удалось захватить город.

Можно сказать, с передачей 4-й танковой армии под Сталинград случилось то, что на неофициальном, ненаучном языке называется удар не кулаком, а растопыренными пальцами. Ну и лично Гитлера это решение характеризует как непоследовательного стратега: приняв решение, поставив большие задачи, сосредоточив для их осуществления необходимые силы, фюрер уже на первом этапе стал их распылять; вот поэтому и называется такой удар ударом растопыренными пальцами, и в самом этом выражении таится невысокое мнение о том, кто наносит такие удары.

Однако все это станет очевидным несколько позднее, а пока генерал-фельдмаршал Лист попрощался с 4-й танковой армией и продолжал развивать наступление на Кавказ. 17-я армия

устремилась к Краснодару и 9 августа овладела им. 1-я танковая армия рвалась через Армавир на Майкоп и дальше на Туапсе, чтобы окружить ту самую группировку, которую Хойзингер не советовал "выжимать" из района предстоящего окружения. 7 августа части 1-й танковой армии захватили Армавир, а 10 августа Майкоп.

Гитлер и многие его сподвижники были в радостном возбуждении. Майкоп это уже первая нефть, к которой они так стремились.

Начальник генерального штаба итальянской армии маршал Кавальеро в своем дневнике в эти дни записал:

"За армиями Листа следуют 10 тысяч специалистов и квалифицированных рабочих, которые должны после взятия Майкопа восстановить нефтяные скважины. Согласно подсчетам, для того, чтобы снова пустить их в эксплуатацию, потребуется от 4 до 5 месяцев".

Окрыленный успехами на юге, Гитлер ожидал включения в войну новых союзников - Турции и Японии, которые обещали ему свое активное содействие именно с этих рубежей.

В дополнение к продвигавшимся на Грознснско-Махачкалинском направлении танковым и мотопехотным войскам Гитлер специально выделил одно из лучших соединений - свежую дивизию, как он сам сказал, "для продвижения на Баку". Гитлер лично заботился об этой дивизии и дал указание как можно скорее обеспечить ее горючим, чтобы она дошла с этой заправкой до Баку.

Победа казалась Гитлеру совсем близкой. По всей Германии были развешаны праздничные флаги. По радио не умолкали марши и речи. Повод для торжества был эффектный и выразительный: на Эльбрусе водружены флаги со свастикой!

Берлинские газеты кричали: "Покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа!" В иллюстрированных журналах, кинохронике - всюду изображение капитана Грота и его горных стрелков. Гитлер наградил Грота за Эльбрус высшей наградой - Рыцарским крестом, а его солдат Железными крестами. Радио Берлина прославляло "национальных героев".

Эти передачи слышали и в Москве, и они, конечно, вызывали гнев у Сталина, а следствием этого гнева было... Тут я лучше передам слово маршалу А. А. Гречко:

"Значительно усложнилась работа управления фронта и штаба 46-й армии по усилению обороны Главного Кавказского хребта в связи с приездом в Сухуми 23 августа в качестве члена Государственного Комитета Обороны Берии. Вместо конкретной помощи, в которой нуждались командование и штаб 46-й армии,

Берия заменил целый ряд ответственных работников армейского и фронтового аппарата, в том числе и командующего армией генерал-майора В. Ф. Сергацкова.

Однако не грубое администрирование, а кропотливая организаторская работа штабов фронта и армии позволила новому командующему 46-й армией генерал-майору К. Н. Леселидзе взять в руки рычаги управления войсками и направить их действия на уничтожение просочившихся через перевалы вражеских войск".

В составе группы армий "А" наступали специальные войска, сведенные в 49-й горнострелковый корпус под командованием специалиста войны в горах генерала горных войск Р. Конрада. Как впоследствии стало известно, в боях за перевалы Главного Кавказского хребта в дивизии "Эдельвейс" участвовали многие офицеры, которые в 30-х годах посещали Кавказ в качестве туристов, поднимались на его вершины и высокогорные перевалы, бродили по глубоким ущельям. И теперь, идя на штурм Главного Кавказского хребта, они свободно ориентировались в этих местах...

Через много лет после этих событий, в 1978 году, я встретился с генералом армии И. В. Тюленевым в Центральном Красногорском военном госпитале: наши палаты были рядом. Иван Владимирович был тяжело болен, но в минуты, когда болезнь его отпускала, он, отдыхая, любил поговорить, вспомнить былое и с горечью, очень самокритично говорил о неудачах командования в руководстве боями за перевалы. Я не помню точно его слов и, поскольку они касаются такого серьезного дела, как критика, лучше приведу написанное по этому поводу самим Тюленевым:

"Анализируя сейчас причины захвата врагом этих важных перевалов, следует сказать, что в этом была немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны для противника. Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта оборону Черноморского побережья, где были развернуты основные силы 46-й армии. А она, в свою очередь, неправильно организовала оборону перевалов и попросту "проспала" их. Врага нужно было встретить на склонах гор, а не ждать, пока он поднимется".

В общем, план операции "Эдельвейс" близился к завершению; более двух третей территории, намеченной к захвату этим планом, было взято: почти весь Северный Кавказ, кубанские просторы и Сальские степи, майкопский нефтеносный район, перевалы через Главный Кавказский хребет, Эльбрус, увенчанный

флагами со свастикой.

На пути к Баку остался один, последний рубеж, на реке Терек, с последними силами Красной Армии здесь, на Кавказе, - тремя армиями, одной из которых командовал генерал-майор И. Е. Петров.

31 августа Гитлер дал указание генерал-фельдмаршалу Листу: "Главная задача 1-й танковой армии - уничтожение противника в излучине Терека... Всеми имеющимися силами, и прежде всего подвижными, продолжать наступление на Грозный, чтобы наложить руку на район нефтепромыслов".

2 сентября 1-я танковая армия гитлеровцев приступила к осуществлению приказа, пехота с танками стала форсировать Терек.

Петров не просто отбивался, заняв оборонительные позиции на противоположном берегу Терека. Воспользовавшись переправой, он перебросил по ней часть войск и ударил во фланг противнику. Это, конечно же, внесло замешательство в ряды врага. С другого фланга таким же маневром контратаковали гвардейцы 11-го корпуса. Переправа крупных сил врага была сорвана.

Таким образом, приказ Гитлера об уничтожении армий в излучине Терека не был выполнен. Более того, наши контрудары стали причиной провала немецкого наступления.

Такой неожиданный исход сражения, естественно, не мог остаться без последствий. Группа армий "А" не достигла поставленной цели. Надо было искать виновника провала операции "Эдельвейс". Разумеется, Гитлер ни в коем случае не мог признать таковым себя.

10 сентября 1942 года генерал-фельдмаршал Лист был снят с поста командующего группой армий "А". Это ли не официальное признание провала операции "Эдельвейс" и замыслов Гитлера, связанных с ней? Пусть он считает виновным Листа, но операция "Эдельвейс" все же сорвалась. Советские части выстояли!

Желая проявить твердость в создавшейся сложной обстановке, Гитлер решил взять командование группой армий "А" на себя. Но он не выехал в Сталине, где находился штаб группы, а руководил ею из своей ставки в Виннице. В течение месяца он пытался добиться перелома, но не смог этого сделать и назначил командующим этой группой армий Клейста.

25 сентября 1942 года генерал-полковник Клсйст, желая отблагодарить Гитлера и поднять его настроение, заявил, что он все же выпьет бокал за здоровье фюрера в Баку. Клейст был достаточно опытным командующим, он слов на ветер не бросал и свое заявление подкрепил соответствующими действиями. Он

нацелил главный удар на так называемые Эльхотовские ворота - долину между горными хребтами, которая выводит к Грозному и Орджоникидзе. Чтобы не оказаться в глазах фюрера просто хвастуном и наверняка выполнить обещание, Клейст сосредоточил на этом узком участке около 300 танков. Клейст всегда был сторонником мощного танкового удара, и надо сказать, что до терского рубежа эта тактика приносила успех. Желая поддержать своего любимца, Гитлер разрешил снять с Туапсинского направления и передать Клейсту одну из лучших моторизованных дивизий СС - "Викинге.

Итак, Клейст рванулся в Эльхотовские ворота. Авиация противника буквально перепахала всю долину, а затем артиллерия выжгла в ней огнем все живое. На таком узком участке, в этом коридоре между горами, казалось, каждый снаряд, каждая бомба ложились в цель. И когда дымящаяся после такой обработки долина превратилась, по представлению Клейста, в мертвый свободный коридор, он запустил туда лавину танков с десантом автоматчиков. Долина была настолько узка для созданной группировки, что танки шли длинной тесной колонной. Дрожала земля от тяжелого бега стальных громадин, гудели горы, возвращая эхом рычание множества моторов. Дым, чад, пыль заволокли все вокруг. Казалось, ничто и никто не сможет остановить этот гигантский таран!

Но поднялись из перевернутой земли оставшиеся в живых люди. Простые, обыкновенные, не железные - смертные. Они отряхнули с себя землю, которой их засыпало при бомбежке и артобстреле, привели в порядок оружие, поправили, насколько успели, окопы и встретили несущуюся лавину танков. И свершили невероятное. Они оказались сильнее этой железной армады!

Возможно ли это? Не выдумка ли это историков более позднего времени?

Мне нет необходимости ничего придумывать. Я не пишу красивых батальных сцен о героях. Я рассказываю о том, что было на самом деле, без прикрас. Суровую правду. Конечно же, люди, будь они просто людьми, не выдержали бы натиска такой танковой лавины и шквала огня. Но здесь стояли насмерть не просто люди, а воины! Бойцы, обученные зарываться в землю, знают, как себя вести под таким адским огнем, они обладают душевной прочностью, чтобы не испугаться, не утратить боевого духа.

Целый день длилась эта гигантская схватка людей и танков. Гитлеровцы продвинулись на несколько километров, но прорваться к Орджоникидзе и Грозному так и не смогли. К вечеру долина была заполнена чадящими, догорающими танками и

трупами.

Клейст смотрел на все это и не верил своим глазам. Никогда нигде еще не видел он такого боя, таких страшных потерь и таких мизерных результатов.

Но бокал шампанского за здоровье фюрера надо выпить - обещание взять Баку дано... Нет, не рыцарское благородство терзало в эти минуты Клейста. Мороз ходил по коже от того, что теперь с ним будет. Не видя другого выхода, надеясь, что силы у советских частей не бесконечны, Клейст еще несколько дней гнал и гнал вперед свои дивизии. Он шел ва-банк, терять ему было уже нечего.

Но к началу октября группа армий "А" окончательно утратила наступательные возможности. Резервов на этом направлении не осталось, другие части были связаны боями под Сталинградом. Наступление на Грозный и Баку прекратилось.

Наши боевые соратники - генералы, командиры дивизий, частей и подразделений, сержанты и рядовые бойцы всех родов войск - выполнили поставленную задачу: не пропустили гитлеровцев к нефтеносным районам. Они отвели огромную опасность, нависшую над нашей Родиной.

* * *

Как свидетельствуют документы, летом 1942 года союзники (даже после нашей победы под Москвой!) еще не были уверены в том, что мы выстоим. Стало известно также, что союзники вели двойную политику по отношению к нашей стране. Приведу очень короткое тому подтверждение.

Америка и Англия в этот очень критический момент в войне думали о своих корыстных целях. Президент Рузвельт, посылая в Москву своего представителя Уилки, откровенно сказал:

- Может случиться так, что вы попадете в Каир как раз в момент его падения, а в России вы тоже можете оказаться в момент ее крушения.

Рузвельт имел в виду взятие Каира войсками Роммеля, а в Советской стране - возможный выход гитлеровских войск к Баку.

В августе 1942 года, в период напряженнейших боев в предгорьях Кавказа, в Москву прилетел Черчилль. Он так пишет об этих днях в своих воспоминаниях:

"Я размышлял о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне

накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: "Не будет второго фронта в 1942 году. Это - все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс".

Как же оскорбительно да и просто издевательски выглядят стишки Уэйвелла, о которых пишет в своем дневнике Черчилль! А он ведь - не какой-нибудь простой шутник, он - генерал, отлично понимавший и ситуацию в мире, и положение Советского Союза, по поводу которого он так зло шутит.

Союзники не выполнили обещаний, закрепленных в соответствующих договорах, которые они подписали.

Именно в те августовские дни, когда бои начинались на последнем рубеже на пути к Баку - на реке Терек, - в Москве шли переговоры, во время которых союзники прямо заявили, что второй фронт в 1942 году открыт не будет.

А 30 сентября 1942 года, в самые напряженные дни боев на Кавказе, Черчилль писал Сталину о своем желании будто бы оказать Советскому Союзу помощь. На самом же деле заботили его совершенно иные и далеко идущие планы. В этом строго секретном личном послании, в частности, информация:

"Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махачкалу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линии. Ввиду замерзания Азовского моря, подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии".

Вот так, стремясь напугать Сталина, уверить его, что основные вопросы войны в этом районе будут решены с достижением Каспийского моря гитлеровцами, Черчилль продолжает:

"Мне кажется, что тем большее значение приобретает план, о котором я говорил Вам, усиления нами с американской помощью Ваших военно-воздушных сил на каспийском и кавказском театрах двадцатью британскими и американскими эскадрильями".

Так англичане лелеяли давнюю мечту - под шум идущей войны прибрать к рукам кавказские источники нефти.

Желание оккупировать Кавказ совсем не оставалось только мечтой - был разработан специальный план под кодовым названием "Вельвет". Согласно этому плану, 10-я английская армия предназначалась для вторжения на Кавказ.

Не буду подробно описывать дальнейшие боевые действия,

приведу только один документ, который подводит итог наступлению гитлеровцев на Баку.

В этом документе отражено полководческое мастерство Сталина: он видит огромный театр военных действий, называет рубежи, города, номера соединений, фамилии генералов, ставит войскам задачи, включая их в определенный, им задуманный маневр.

И все это без кем-то составленного проекта, диктует сам, о чем свидетельствуют эмоциональность речи, типично сталинские фразы.

Диктовал Сталин эти указания 4 января 1943 года командующему Закавказским фронтом генералу армии Тюленеву;

"Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемешается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы.

Масленников может пустить в дело 58-го армию, которая у него в резерве и которая в обстановке нашего успешного наступления могла бы принести большую пользу.

Первая задача Черноморской группы - выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад. В этом деле Вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия.

Вторая и главная задача Ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Ботайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять ее в плен или уничтожить. В этом деле Вам будет помогать левый фланг Южного фронта - Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова.

Третье. Прикажите Петрову, чтобы он начал свое наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода резервов. Петров все время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растолкуйте ему, что он должен дорожить каждым днем, каждым часом.

Четвертое. Немедленно выезжайте в район Черноморской

группы и обеспечьте выполнение настоящей директивы".

Так под руководством Сталина была ликвидирована катастрофа, которая могла произойти с захватом бакинской нефти Гитлером, Другие нефтеносные районы в Сибири, Средней Азии были только разведаны и не введены в промышленную эксплуатацию. Без бакинской нефти (без горючего) наши танки, самолеты, автомобили превратились бы в мертвый металлический хлам как пустые консервные банки.

В нашей военной литературе много (и справедливо!) пишут о судьбоносном значении великих битв под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, но, на мой взгляд, несправедливо не включена в этот почетный перечень битва за Кавказ. В этой битве стратегическая победа решала исход всей войны, судьбу Отечества. И Сталин в этой победе играл решающую роль, как и во всех вышеназванных грандиозных битвах. Мне хочется (и кажется,, к месту) напомнить, как Хрущев пытался втиснуть в историю свои лживые слова, произнесенные на XX съезде КППС: "Сталин руководил войной по глобусу. Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линии фронта".

Каким же надо быть бессовестным, беспринципным человеком, чтобы заявить такую чушь делегатам съезда, которые представляли всю партию, весь советский народ!

Неотложные заботы

В боевых действиях на подступах к Сталинграду Сталин особенно отмечал активность и даже наглость танковых частей гитлеровцев: и здесь и в прежних боях они решительно пробивались вперед и вели за собой пехоту. Сравнивая их действия с тактикой своих танкистов, Верховный приходил к выводу, что они не используют свои возможности, а командиры общевойсковых соединений не используют опыт противника, не научились действовать так же напористо. Сталин не раз возвращался к подобным размышлениям и наконец пришел к решению - коренным образом изменить тактику танковых войск, для чего принял меры по переподготовке командного состава, да и самих танковых подразделений. 3 сентября 1942 года, в разгар боев на подступах к Сталинграду, Верховный дал указания заместителю начальника Главного автобронетанкового управления генералу Н. И. Бирюкову: создать для обучения и тренировки танкистов два лагеря - один в районе Саратова, второй - в районе Костерово и Ногинска. Установить строгий там режим и порядок, учить современной танковой тактике.

В июле Сталин дал указание сформировать сорок танковых бригад и распорядился о распределении двадцати пяти уже сформированных. Две горьковские, две московские и восемь

саратовских бригад подтянуть к Москве (все еще опасался удара на столицу), создать под Москвой учебный лагерь и слаживать эти бригады. Восемь бригад оставить в Саратове, доукомплектовать и учить их. В бригаде иметь 45 танков, из них 5-7 КВ. Считать эти бригады его резервом. На сентябрь месяц программа - сформировать еще 27 танковых бригад.

Сталин знал, что к середине года танковые заводы дадут до четырех тысяч машин нового образца и более двух тысяч старого.

О том, что Сталин уделял очень много внимания танковым войскам и к каким он приходил выводам, свидетельствует его беседа с генералом Катуковым, в те дни одним из самых опытных и умелых танковых командиров. Сталин пригласил его 17 сентября на свою дачу в Кунцево, чтобы в спокойной обстановке разобраться и прийти к кардинальным решениям по поводу использования танковых войск.

Генерал Катуков так рассказывает об этой встрече в своих мемуарах "На острие главного удара":

"Возможно, нынешнему читателю не понятно это волнение. Но тогда для нас, фронтовиков, имя Сталина было окружено безграничным уважением. С этим именем связывалось все самое священное - Родина, вера в победу, вера в мудрость и стойкость нашего народа, в партию.

Поскребышев ввел меня в комнату, то ли приемную, то ли столовую, и на минуту-другую оставил одного. Я было приготовился доложить Верховному по всей форме, по-военному, но неожиданно открылась боковая дверь, и я услышал голос Сталина:

- Здравствуйте, товарищ Катуков! Заходите ко мне. Я только и успел сказать:

- Здравствуйте, товарищ Сталин. - А подготовленный в мыслях доклад из головы вылетел.

Вслед за Сталиным я прошел в его кабинет. Пожав мне руку, Верховный предложил:

- Садитесь и курите. На меня не смотрите, я сидеть не люблю.

Тут же достал из кармана коробку папирос "Герцеговина Флор". Вынул из нес две штуки, отломил от них табак и, высыпав его в трубку, закурил.

- Что же не закуриваете? - спросил он меня, прохаживаясь по комнате.

То ли от волнения, то ли еще почему, но курить не хотелось. А Сталин, выпустив облако дыма, продолжал:

- Курить не хотите, тогда рассказывайте по порядку, как у вас, у вашего корпуса дела на фронте? Как воюет мотопехота и

как наши танки?

Как можно короче я рассказал о последних боевых событиях на Брянском фронте, о действиях наших танкистов и пехотинцев. А Сталин, вышагивая по кабинету, задает мне еще вопрос:

- Как считаете, хороши наши танки или нет? Говорите прямо, без обиняков.

Отвечаю, что танки Т-34 полностью оправдали себя в боях и что мы возлагаем на них большие надежды. А вот тяжелые танки КВ и боевые машины Т-60 и Т-70 в войсках не любят.

Сталин на минуту остановился, вопросительно изогнув бровь:

- По какой причине?

- КВ, товарищ Сталин, очень тяжелы, неповоротливы, а значит, и неманевренны. Препятствия они преодолевают с трудом. А вот тридцатьчетверке все нипочем. К тому же КВ ломают мосты и вообще приносят много лишних хлопот. А на вооружении у КВ такая же семидесятишести-миллимстровая пушка, что и на тридцатьчетверке. Так, спрашивается, какие боевые преимущества дает нам тяжелый танк?

Раскритиковал я и легкий танк Т-60...

Уже по тому, что Сталин с особым пристрастием пытал меня, чем хороши и чем плохи по своим тактико-техническим свойствам наши танки, я понял, что Верховный Главнокомандующий хочет досконально, до самой, что называется, глубины, разобраться в сильных и слабых сторонах нашей бронетанковой техники сорок второго года. Нетрудно было догадаться, что его вопросы непосредственно связаны с неудачными боями летом и осенью сорок второго. Сталин пытался найти причину этих неудач... Он спросил:

- Стреляют танкисты с ходу?

Я ответил, что нет, не стреляют.

- Почему? - Верховный пристально посмотрел на меня.

- Меткость с ходу плохая, и снаряды жалеем, - ответил я. - Ведь наши заявки на боеприпасы полностью не удовлетворяются.

Сталин остановился, посмотрел на меня в упор и заговорил четко, разделяя паузами каждое слово:

- Скажите, товарищ Катуков, пожалуйста, во время атаки бить по немецким батареям надо? Надо. И кому в первую очередь? Конечно танкистам, которым вражеские пушки мешают продвигаться вперед. Пусть даже ваши снаряды не попадают прямо в пушки противника, а рвутся неподалеку. Как в такой обстановке будут стрелять немцы?

- Конечно, меткость огня у противника снизится.

- Вот это и нужно, - подхватил Сталин. - Стреляйте с ходу,

снаряды дадим, теперь у нас будут снаряды..."

Так Сталин учился премудрости тактики танковых войск на опыте противника и своих танковых соединений. Так Он растил своих "Гудерианов" и вырастил плеяду блестящих мастеров танковых сражений.

Почему Сталин так поздно, когда немцы уже были под Сталинградом, начинает пристально интересоваться тактикой танковых подразделений противника? Зачем он приглашает одного из опытных советских командиров Катукова? Почему его так интересует именно стрельба из танков с ходу?

Эти вопросы не праздные, я нахожу им объяснение в дальновидности, в блестящих организаторских способностях Сталина. Идея контрудара от Волги напрашивалась сама собой, была очень логична. Возможность окружения далеко выдвинувшихся частей вырисовывалась при первом же взгляде на карту: клин немцев с острием у Волги так и просился, чтобы его подрезали у основания. Но чем подрезать? Измотанные, отступившие в город соединения нанести мощный удар неспособны. Значит, надо создавать свежие, да не простые, а ударные, подвижные соединения. Отсюда интерес Сталина к танковой тактике врага, к стрельбе с ходу.

Как видим, все это не случайно. И в те тяжелые дни, когда войска бились за город, Сталин формировал две танковые армии! А чем их вооружать? И Сталин день и ночь по телефонам подгоняет директоров танковых, артиллерийских, авиационных заводов: давайте быстрее и больше вооружения! А они, бедные, после эвакуации еще не развернули производство на полную мощь в плохо приспособленных помещениях. Иногда станки ставили на бетонные основания и начинали работать, а потом возводили стены и крыши.

Но надо, надо выполнять заказ - фронт требует, Сталин приказал!

Сталин придавал большое значение созданию резервов. Во многих операциях он вводил свои резервы в кульминационные часы, чем достигал успеха в пользу своих войск как в оборонительных, так и в наступательных операциях.

Но это его не удовлетворяло, Сталин искал возможность влиять на победный результат сражения в ходе его, еще до кульминации, в динамике операции, когда вся тяжесть руководства боевыми действиями ложится на командующих фронтами и армиями. Понимая это, Верховный искал возможность помогать им реально и своевременно.

Сначала поиск происходил стихийно: Сталин посылал на помощь командующим полки бомбардировщиков дальнего

действия, которые находились в распоряжении Ставки. Отмечая успешность такого применения бомбардировщиков, Сталин пришел к решению создать Авиацию Дальнего Действия, которая постоянно находилась бы в распоряжении Верховного Главнокомандующего и позволяла бы решать задачи, выходящие за тактические и оперативные масштабы.

Сталин решил посоветоваться по этому поводу с генералом Головановым, который уже имел опыт в выполнении подобных задач. Верховный поделился своими замыслами с летчиком, которого очень ценил и уважал.

Голованов так вспоминает разговор со Сталиным: "Было очевидно, что Сталин искал решение этого вопроса не сегодня и не вчера и, подчиняя непосредственно Ставке нашу дивизию, уже в то время думал о создании АДД. Теперь эти раздумья облекались в конкретные организационные формы, и работа эта рассчитывалась не на год или два. Такую махину за короткий срок не создашь. Ведь речь шла не только об увеличении числа самолетов и экипажей. Одновременно должны были восполняться и безвозвратные потери, на войне без них, к сожалению, не обойдешься, и исчисляются они не однозначными и не двузначными числами".

Голованов высказал свои соображения, по масштабы его предложений не соответствовали тому, что намеревался осуществить Верховный. Желая не погасить инициативу в рассуждении собеседника, Сталин тактично спросил:

- Вы не возражаете, если мы немного поправим и расширим ваше предложение?

- Возражать тут, товарищ Сталин, нечему. Но как практически все это осуществить, над этим нужно как следует подумать. Так сразу всего не решить.

- Серьезные вопросы никогда сразу не решаются, - последовал ответ. Будет издано специальное постановление о создании АДД, в составлении его и вы примете участие. Что же касается специальных авиационных вопросов, то вы по ним внесете свои предложения.

- Тогда разрешите мне встретиться с лицом, которое встанет во главе этого дела. Я доложу ему все соображения, которые у меня имеются, и если он будет согласен, внесем Вам на утверждение.

- А мы с этим лицом и ведем сейчас разговор.

- Вы имеете в виду меня, товарищ Сталин? - изумившись, спросил Голованов.

- Да, именно вас.

"Хотя сам я был летчиком, - продолжает вспоминать

Голованов, - и мне довелось в течение ряда лет быть начальником крупнейшего Восточно-Сибирского управления Гражданского Воздушного Флота, где работа экипажей проходила в суровых условиях Севера на многих тысячах километров воздушных трасс, все же я не представлял, как я могу взяться за ту огромную и ответственную работу, о которой шла речь. Имею ли я право, да еще во время войны, взяться за дело, когда я не чувствую в себе той уверенности, с какой обычно всегда брался за все, что мне поручали?

- Разрешите, товарищ Сталин, подумать, - после довольно длительного молчания сказал я.

- Боитесь? - Сталин как будто читал мои мысли.

Я вспыхнул, почувствовал, как кровь прилила к лицу.

- Я никогда не был трусом, товарищ Сталин!

- Это нам давно известно, - последовал спокойный ответ. - Но нужно уметь держать себя в руках. Мы за вас подумали, и время вам на это тратить нечего. Вы лучше подумайте над тем, как все это практически осуществить. Не торопитесь, посоветуйтесь, с кем найдете нужным, и через пару дней дайте свои соображения..."

5 марта 1942 года было примято постановление Государственного Комитета обороны об организации АДД.

Все принципиальные вопросы, касающиеся обеспечения и руководства боевыми действиями АДД, решались не только Государственным Комитетом обороны и Ставкой Верховного Главнокомандования, но и лично Сталиным.

Сталин вникал но все детали. Вот интересная подробность. В представленном проекте постановления, в частности, было указано, что АДД находится при Ставке Верховного Главнокомандования, ибо считали, что "авиация при Ставке" или "авиация Ставки" - понятие одно и то же. Слово "при" Сталин вычеркнул и сказал:

- Мы же договорились, что АДД будет организацией Ставки, а не при Ставке. Надо всегда точно определять место и задачи всякой организации, если хочешь получить от нее желаемые результаты.

АДД на 5 марта 1942 года располагала 341 самолетом. Из них 171 самолет мог выполнять боевые задачи, остальные были неисправны. Экипажей было 367, из них 209 летали ночью. С этими силами и средствами АДД приступила к боевой деятельности.

Затем появились воздушные армии и настоящий самостоятельный вид Авиация Дальнего Действия, которая насчитывала тысячи самолетов, имела свой штаб, инженерно-

техническое обеспечение, тыловые службы, аэродромную службу.

О масштабах и эффективности использования АДД свидетельствует один, но весомый показатель: если взять за сто процентов количество бомб, сброшенных на врага ВВС Красной Армии, то пятьдесят процентов от этого количества приходится на АДД.

Голованов, который являлся ее бессменным Главнокомандующим и был удостоен звания Главного маршала авиации, так коротко и очень точно сказал об АДД:

"Используя АДД на главных направлениях, Верховный Главнокомандующий в любой момент, не тратя времени на переброску фронтовой авиации, мог создать огневой перевес там, где это требовалось. АДД превратилась в стратегический резерв".

В течение всей войны задачи перед АДД ставил только Сталин. Постоянное боевое использование АДД сочеталось с повседневной личной заботой Верховного об авиации. Приведу один убедительный эпизод, подтверждающий это. Беру его из воспоминаний того же Голованова.

"Однажды меня вызвал Сталин и спросил:

- Все ли готовые самолеты вы вовремя забираете с заводов?

- Самолеты забираем по мере готовности.

- А нет ли у вас данных, много ли стоит на аэродромах самолетов, предъявленных заводами, но не принятых военными представителями?

Ответить на этот вопрос я не мог и попросил разрешения уточнить необходимые сведения для ответа.

- Хорошо. Уточните и позвоните.

Я немедленно связался с И. В. Марковым, главным инженером АДД. Он сообщил мне, что предъявленных заводами и непринятых самолетов на заводских аэродромах нет. Я тотчас же по телефону доложил об этом Сталину.

- Вы можете приехать? - спросил он.

- Могу, товарищ Сталин.

- Пожалуйста, приезжайте.

Войдя в кабинет, я увидел там генерала - одного из крупных авиационных военачальников (не называю фамилию этого человека, его уже нет в живых), что-то горячо доказывающего Сталину. Вслушавшись в разговор, я понял, что речь идет о большом количестве самолетов, стоящих на заводских аэродромах. Эти самолеты якобы были предъявлены военной приемке, но не приняты, как тогда говорили, "по бою", то есть они имели различные технические дефекты, без устранения которых самолеты поднимать в воздух нельзя. Генерал закончил свою речь словами:

- А Шахурин (нарком авиапромышленности. - А. Г.) вам врет, товарищ Сталин.

- Ну что же, вызовем Шахурипа, - сказал Сталин. Он нажал кнопку вошел Поскребышев. - Попросите приехать Шахурина.

Сталин вновь спросил, точно ли я знаю, что на заводах нет предъявленных, но не принятых самолетов для АДД. Я доложил, что главный инженер АДД заверил меня: таких самолетов нет.

- Может быть, - добавил я, - у него данные не сегодняшнего дня, но мы тщательно следим за выпуском каждого самолета, у нас, как известно, идут новые формирования. Может быть, один или два самолета где-нибудь и стоят.

- Здесь идет речь не о таком количестве, - заметил Сталин.

Через несколько минут явился А. И. Шахурин.

- Вот тут нас уверяют, - сказал Сталин, - что те семьсот самолетов, о которых вы мне говорили, стоят на аэродромах заводов не потому, что нет летчиков, а потому, что они не готовы по бою, поэтому не принимаются военными представителями, и что летчики в ожидании живут там месяцами.

- Это неправда, товарищ Сталин, - ответил Шахурин.

- Вот видите, как получается: один говорит, что есть самолеты, но нет летчиков, а другой уверяет, что есть летчики, но нет самолетов. Понимаете ли вы оба, что семьсот самолетов - это не семь самолетов? Вы же знаете, что фронт нуждается в них, а тут целая армия. Что же мы будем делать, кому из вас верить?

Воцарилось молчание. Я с любопытством и изумлением следил за происходящим разговором: неужели это правда, что целых семьсот самолетов стоят на аэродромах заводов, пусть даже не готовых по бою или из-за отсутствия летчиков? О таком количестве самолетов, находящихся на аэродромах заводов, мне слышать не приходилось. Я смотрел то на Шахурина, то на авиационного генерала. Кто же прав?

Наконец, нарушив молчание, генерал сказал:

- Товарищ Сталин, докладываю, что находящиеся на заводах самолеты по бою не готовы!

- А вы что скажете? - вновь обратился Сталин к Шахурину.

- Ведь это же, товарищ Сталин, легко проверить, - ответил тот. - У вас здесь прямые провода. Дайте задание, чтобы лично вам каждый директор завода доложил о количестве готовых самолетов. Мы эти цифры сложим и получим общее число.

- Пожалуй, правильно. Так и сделаем, - согласился Сталин.

В диалог вмешался генерал:

- Нужно обязательно, чтобы телеграммы вместе с директорами заводов подписывали и военпреды.

- Это тоже правильно, - сказал Сталин.

Он вызвал помощника и дал ему соответствующие указания. Авиационный генерал попросил Сталина вызвать генерала Н. П. Селезнева, который ведал заказами на заводах. Вскоре Селезнев прибыл, и ему было дано задание подсчитать, какое количество самолетов находится на аэродромах заводов.

Надо сказать, что организация связи была отличная. Прошло совсем немного времени, и на стол были положены телеграммы с заводов за подписью директоров и военпредов. Закончил подсчет и Селезнев.

- Сколько самолетов на заводах? - обратился Сталин к помощнику.

- Семьсот один, - ответил тот.

- А у вас? - спросил Сталин, обращаясь к Селезневу.

- У меня получилось семьсот два, - ответил Селезнев.

- Почему их не перегоняют? - опять обращаясь к Селезневу, спросил Сталин.

- Потому что нет экипажей, - ответил Селезнев. Ответ, а главное, его интонация не вызывали никакого

сомнения в том, что отсутствие экипажей на заводах - вопрос давно известный.

Я не писатель, впрочем, мне кажется, что и писатель, даже весьма талантливый, не смог бы передать то впечатление, которое произвел ответ генерала Селезнева. Я не могу подобрать сравнения, ибо даже известная сцена гоголевской комедии после реплики: "К нам едет ревизор" - не сравнима с тем, что я видел тогда в кабинете Сталина. Несравнима она прежде всего потому, что здесь была живая, но печальная действительность. Все присутствующие, в том числе и Сталин, замерли и стояли неподвижно, и лишь один Селезнев спокойно смотрел на всех нас, не понимая, в чем дело. Длилось это довольно долго. Никто, даже Шахурин, оказавшийся правым, не посмел продолжить разговор. Он был, как говорят, готов к бою и сам, видимо, был удивлен простотой и правдивостью ответа.

Случай явно был беспрецедентным. Что-то сейчас будет? Я взглянул на Сталина. Он был бледен и смотрел широко открытыми глазами на авиационного генерала, видимо, с трудом осмысливал происшедшее. Чувствовалось, его ошеломило не то, почему такое огромное число самолетов находится на заводских аэродромах, что ему было известно, а та убежденность и уверенность, с которой генерал говорил неправду.

Наконец лицо Сталина порозовело, было видно, что он взял себя в руки. Обратившись к Шахурину и Селезневу, он поблагодарил их и распрощался. Я хотел последовать их примеру, но Сталин жестом остановил меня. Он медленно подошел к

генералу. Рука его стала подниматься.

- Вон! - сказал он с презрением и опустил руку. Генерал поспешно удалился. Мы остались вдвоем. Сталин долго в молчании ходил по кабинету.

Зачем он позвал меня и заставил присутствовать при только что происшедшем? Давал мне предметный урок? Может быть. Такие вещи остаются в памяти на всю жизнь. Как он поступит сейчас с генералом?

- Вот повоюй и поработай с таким человеком. Не знает даже, что творится в его же епархии! - наконец заговорил Сталин, прервав ход моих мыслей..."

Много написано о крутости и беспощадности Сталина. Казалось бы, после случившегося судьба незадачливого генерала была решена - не гнев, а настоящая ярость охватила Сталина. Достаточно было двух слов: "Лаврентий, займись!" Но так представляют Сталина нынешние разоблачители.

Сталин был способен понять ошибки и трудности, возникающие в ходе войны. Да, он наказывал, снимал с высоких постов, но делал это справедливо. Виноват - получай. Но, несмотря на великий гнев, в этом случае генерала пощадил, тот продолжал служить, получал награды (когда их заслуживал) и даже был удостоен звания Главного маршала авиации.

Но поскольку Александр Евгеньевич Голованов не назвал его фамилию, не стану и я этого делать.

* * *

Я проштудировал уникальную книгу, изданную маленьким тиражом в 1994 году: "Эпистолярные тайны Великой Отечественной войны (служебные записи советского генерала)".

Ее автор - генерал-полковник танковых войск Н. И. Бирюков, он всю войну был заместителем начальника Управления бронетанковых и механизированных войск Красной Армии. В книге записаны почти еженедельные личные разговоры и указания Сталина, в которых он постоянно руководил формированием танковых соединений, лично распределял танки, поступающие с заводов, и постоянно руководил работой танковых заводов через директоров, а также работой конструкторов по улучшению танков. Невозможно процитировать многие из этих записей, свидетельствующие о глубоком понимании Сталиным вопросов тактики, вооружения и производства танков. Но для того чтобы читатели имели хотя бы некоторое представление об этих указаниях Сталина, приведу два-три примера из записей генерала Бирюкова.

3 января 1942 г.

Указания тов. Сталина

Перейти на механизированные корпуса. В танковом корпусе иметь две полные танковые бригады. Танковые бригады иметь типа "С" - сокращенные - по 46 танков и полные, типа "П" -- по 93 танка. В корпусе иметь две полные танковые бригады и две мотострелковые бригады по 2500-3000 чел. В корпусе будет 187 танков. Шести фронтам дать по корпусу и армиям - по 2 сокращенных бригады. У фронта должно быть хотя бы по два мех. корпуса. Эти формирования первой очереди, т. е. к февралю.

Сформировать 12 корпусов. Взять штат старой мотострелковой дивизии и сократить его. Дать артиллерию, зенитки, минометы 82-мм и 120-мм.

Составить штаты на полную и сокращенную танковые бригады так, чтобы их потом не менять.

Скорее дать мехкорпус для Южного фронта.

Подобрать кандидатов на командиров мехкорпусов и дать тов. Сталину на утверждение.

Комментарий к разговорам от 3 января 1942 г.

В этот день Верховный Главнокомандующий дважды, вероятно, утром и, возможно, к вечеру звонил Н. И. Бирюкову. В обоих случаях разговоры происходили в форме его указаний.

Обе записи, сделанные Бирюковым за 3 января, проливают дополнительный свет на подготовку общего наступления Красной Армии зимой 1941-1942 гг., которое, как известно,

характеризуется историками как "перерастание" контрнаступления под Москвой.

4 июля 1942 г.

Указания тов. Сталина

1. На Кировском заводе оставить производство танка КВ в размере 5-6 ед. в день, а в месяц - 150 ед.

2. Прекратить производство Т-60 с 5.07.42 г.

3. Производство Т-34 в размере 1800-2000 ед.

4. Вместо Т-70 в бригады давать легкие американские танки.

5. На заводах № 37 и 264 организовать производство Т-34. То же и на Кировском заводе.

6. В июле...

7. Сформировать: В Сталинграде 6 рот } Маршевые роты Т-34.

В Горьком 5 рот } Всего сформировать 20 рот

В Н. Тагиле 9 рот } восточнее Воронежа

8. Мерецкову танков пока не давать.

9. В июле дать заводам 1350 танков Т-34, а Т-70-700 ед.

10. Группе Федоренко дать 9 маршевых рот по 10 ед. Т-34.

11. В танковых корпусах иметь резерв танков.

12. На июль 183-й завод - 600 ед., СТЗ-420 ед., 112-й завод - 250, 174-й завод - 50 ед., ГАЗ -450.

14 мая 1943 г. 0 ч 10 мин

Указания тов. Сталина

1. Восстановить 3-ю танковую армию к 5 июня.

2. Довести численность танков в войсках пяти фронтов: Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного до 6000 ед.

3. Обеспечить пятнадцатью заправками танки и самоходную артиллерию отдельно на указанных пяти фронтах.

4. Подготовить доклад и предложения наркому об обеспечении каждой общевойсковой армии двумя танковыми полками.

5. Сформировать на базе трех гвардейских стрелковых дивизий три мехкорпуса в составе пяти танковых полков в каждом корпусе.

6. Представить к гвардейским званиям 12-й и 15-й танковые корпуса и 179-ю тбр.

Комментарий к разговору от 14 мая I943 г.

Разговор произошел, когда истекло четверо суток, как войска Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов находились в полной боевой готовности к отражению удара противника, возвещающего о начале битвы под Курском. Ждали этого удара все, на фронте и в тылу, начиная от солдата, колхозника и рабочего, до полководца и руководства страной, в том числе в Ставке, Генеральном штабе, в Главном бронетанковом управлении. Верховный Главнокомандующий ждал в своем кремлевском кабинете.

Приказано иметь до 6000 танков на 5 фронтах: Западном, Брянском, Центральном, Воронежском, Юго-Западном. Конечно, легко догадаться по характеру этих заданий, что после оборонительного этапа ожидаемой битвы настанет этап наступления, поистине сокрушительный: ведь 6 тысяч боевых машин готовились именно с таким расчетом.

Аналогичное руководство Сталин повседневно осуществлял в отношении авиации, артиллерии и снабжения других видов войск.

"Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал.

Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках.

У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное.

Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их.

Нарком вооружения Д. Ф. Устинов"

Сталин настолько неуклонно и плотно руководил всеми отраслями промышленности, что каждый министр считал свое дело первостепенным в заботах Сталина. О его отношении к танкам мы прочитали выше, а вот что говорят другие министры.

"Об артиллерии и артиллерийской промышленности И. В. Сталин, мне казалось, проявлял наибольшую заботу.

Правда, он уделял много внимания всем отраслям оборонного производства. Например, авиационной промышленностью он занимался повседневно. Руководивший тогда этой отраслью А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности. То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов работы танковой промышленности и

судостроения.

Но при всем этом в отношении Сталина к артиллерии и артиллерийской промышленности чувствовалась особая симпатия.

Возможно, что это было связано с его воспоминаниями о своей прошлой военной деятельности, когда только артиллерия решала исход боев, а все другие виды техники не достигали еще столь высокой степени развития, какое они получили в период второй мировой войны.

И. В. Сталин выразил свое отношение к артиллерии, повторив крылатую фразу: "Артиллерия - бог войны".

Нарком боеприпасов Б. Л. Ванников"

Надо сказать, что в ходе сражений, наблюдая за применением артиллерии, особенно в наступательных операциях, Сталин пришел к выводу о необходимости усовершенствовать ее тактику. Обычно перед наступлением проводилась артиллерийская подготовка, которая уничтожала, подавляла огневые точки противника на передних позициях глубиной до 2-3 километров. Огонь прекращался с переходом пехоты и танков в атаку и, в случае их успешного продвижения, артиллерия меняла огневые

позиции, продвигаясь за войсками.

В ходе войны совершенствовалась оборона, она стала глубокой, несколько позиций оборудовались последовательно до 15-20 километров. Артиллерийская подготовка наступления не обеспечивала бой в глубине обороны врага.

Сталин так изложил свои выводы:

"Артиллерийская подготовка, то есть артиллерийский обстрел противника, перед тем, как наша пехота пойдет в атаку, независимо от того, длится ли это полчаса, час или даже два часа, прекращается с переходом в атаку наших войск - это дело отжившее и должно быть отброшено. Противник имеет глубокоэшелонированную оборону и больше не воюет "цепочкой", что было во время нашего контрнаступления под Москвой. Чтобы прорвать такую оборону, артподготовки совершенно недостаточно, ибо артиллерия не может подавить противника и его огневые средства на всю глубину обороны. Не артиллерийская подготовка, а артиллерийское наступление - вот что нам нужно сейчас.

Что это значит? Это значит, что артиллерия должна наступать вместе с пехотой, это значит, пехота должна наступать не тогда, когда кончится артподготовка, а вместе с артиллерией, которая, сопровождая пехоту, должна подавлять все огневые средства противника, пока его оборона не будет взломана на всю глубину. Заставить пехоту наступать без поддержки артиллерии, без сопровождения, это будет не наступление, это будет преступление, преступление против войск, которые вынуждены нести бессмысленные жертвы".

Кроме директивных указаний войскам, рекомендации Сталина по тактике артиллерии были включены в новый "Боевой устав пехоты", утвержденный в 1942 году.

В 1943 году в нашей армии введены погоны. Андрей Васильевич Хрулев имел задание дать образцы такой военной формы, которая была бы красива, внушала уважение и в то же время была проста и удобна. Когда различные образцы были готовы, их привезли в Кремль, и на некоторое время кабинет Сталина превратился в выставочный зал. Сталин внимательно рассматривал представленные образцы. В конце концов он спросил:

- А нет ли здесь формы русской армии, которую носили простые офицеры?

Оказалось, что такая форма имеется, но находится она где-то в сторонке, потому и неприметна. Когда эту форму представили, то оказалась она весьма скромной: китель с погонами и брюки навыпуск - повседневная; гимнастерка защитного цвета с

погонами и брюки в сапоги - полевая. Парадная форма - такая же, но расшитая золотом. Сталин попросил рассказать, сколько лет этой форме, какие изменения она претерпела, внимательно выслушал ответы тыловиков.

- А сколько же времени усовершенствовалась вообще форма в русской армии? - спросил Сталин.

- Форма в русской армии совершенствовалась в течение всего времени ее существования, - прозвучал ответ.

- А остальная форма, представленная здесь?

- Все, что здесь представлено, - но!юе, только что созданное.

- Зачем же мы будем вводить еще не испытанное, когда здесь есть уже проверенное? - сказал Сталин.

Так была введена форма, уже существовавшая ранее, и она полностью оправдала себя.

Внешний вид армии заботил Сталина даже в ходе сражений.

* * *

Стиль работы Сталина - абсолютно компетентный и деловой.

"И. В. Сталин при решении важных вопросов имел обыкновение вызывать непосредственных исполнителей, знакомиться с их точкой зрения. Кстати, посоветовавшись с людьми, он любил принятое решение оформигь тут же, в их присутствии, диктуя содержание будущего документа начальнику Генштаба или Поскребышеву.

Сталин всегда требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждавшемуся вопросу и не упускал случая воспользоваться советом этих товарищей...

Сталин любил доклады обоснованные, убедительные, продуманные.

Нарком В.МФ И. Г. Кузнецов" .

"Сталин не терпел суетливости. Если он принял решение, сказал, поручил - должно быть сделано" точно в срок, без проволочек, И это знали все его окружающие.

Для достижения поставленной цели Сталин не останавливался перед самыми крутыми мерами.

Я не помню, чтобы он когда-нибудь торопился. Вместе с тем по обсуждавшимся у него вопросам решения принимались немедленно, как говорится, не сходя с места, однако лишь после всестороннего обсуждения и обязательно с участием специалистов, мнение котофых всегда выслушивалось внимательно и часто бывало) решающим, даже если вначале и расходилось с точкой зрения самого Сталина:

"...Если вы твердо убеждены, что правы и сумеете доказать свою правоту, никогда не считайтесь с чьим-то мнением, а действуйте так, как подсказывает: разум и ваша совесть.

... пожалуйста, отвечайте так, как вы сами думаете. Не угодничайте. В разговорах со мной не- нужно этого. Мало пользы получится от нашего разговора, если вы будете угадывать мои желания. Не думайте, что если вы скажете невпопад с моим мнением, будет плохо. Вы специалист. Мы с вами разговариваем для того, чтобы у вас кое-чему поучиться, а не только, чтоб вас поучать".

- Я спрашиваю: он дело знает?

- Да, товарищ Сталин, он честный человек.

- Бросьте вы эти эпитеты, честный, подходящий. Мало, что честный, одной честности недостаточно, дураки тоже честные бывают. Нам важно, чтобы он был не только честным, но чтобы дело знал.

- У каждого есть недостатки и промахи в работе, святых людей не бывает. Поэтому с маленькими недостатками в работе каждого нужно мириться. Важно, чтобы баланс был положительный. Вы думаете, у вас нет недостатков? дотронулся он рукой до моего плеча. - И у вас есть. И у меня тоже есть недостатки, хотя я - "Великий вождь и учитель". Это мне из газет известно, - пошутил Сталин.

Авиаконструктор А. С. Яковлев"

А вот что пишет начальник Управления военных сообщений, а затем министр путей сообщения СССР И. В. Ковалев:

"Все мероприятия по перевозке войск и их боевой техники проходили под непосредственным руководством Верховного Главнокомандующего. Соблюдению секретности во всех действиях, особенно в военных перевозках, Сталин уделял исключительное внимание и принимал крутые меры к тем, кто это игнорировал.

Каждый воинский эшелон и транспорт имели свой кодовый номер, информация о его движении передавалась в ПВОСО четыре раза в сутки. Один раз в сутки эти данные наносились на карту-схему, на которой можно было быстро найти местоположение любого перевозимого воинского соединения или транспорта с вооружением. ПВОСО регулярно докладывало И. В. Сталину о проделанной работе, часто он звонил и сам, спрашивая о ходе перевозок интересующих его соединений. Пользуясь картой-схемой, начальник ПВОСО отвечал на его вопросы почти мгновенно, называя место нахождения головного и хвостового эшелонов. Часто по требованию И. В. Сталина ПВОСО обеспечивало пропуск того или иного соединения по зеленой улице".

Это суждения и оценки деятельности Сталина профессионалов высочайшего уровня, они повседневно работали

под его руководством многие годы.

Но каким бы ни был одаренными и талантливым руководителем Сталин, все же одному человеку такой объем работы не под силу. Это прежде других понимал сам Иосиф Виссарионович, и поэтому опирался на своих верных соратников, с которыми добивался многих успехов в годы пятилеток. Добрые отношения, доверие к этим единомышленникам - дело хорошее, но в делах партийных и государственных Сталин был пунктуален и строг, кроме устного распределения обязанностей между ближайшими помощниками, желая подчеркнуть (и подстегнуть) их чувство ответственности, Генеральный секретарь оформил круг их ответственности 4 февраля 1942 года решением ГКО.

"Тов. Молотов В. М.; контроль за выполнением решений ГКО по производству танков и подготовка соответствующих вопросов.

Тт. Маленков Г. М. и Берия Л. П.: а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству самолетов и моторов и подготовка соответствующих вопросов; б) контроль за выполнением решений ГОКО по работе ВВС Красной Армии (формирование авиаполков, своевременная их переброска на фронт, оргвопросы и вопросы зарплаты} и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Маленков Г. М.: контроль за выполнением решений ГОКО по Штабу минометных частей Ставки верховного главнокомандования и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Берия Л. П.: контроль за выполнением решений ГОКО по производству вооружения и минометов и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Вознесенский Н. А.: а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству боеприпасов и подготовка соответствующих вопросов; б) контроль за выполнением решений ГОКО по черной металлургии и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Микоян А. И.: контроль за делом снабжения Красной Армии (вещевое, продовольственное, горючее, денежное и артиллерийское) и подготовка соответствующих вопросов.

Подчинить контролю члена ГОКО т. Микояну все органы снабжения НКО по всем видам снабжения и транспортировки.

Утвердить заместителем члена ГОКО т. Микояна по артиллерийскому снабжению тов. Яковлева".

Это постановление строго выполнялось под общим руководством Сталина, по мере надобности в него вносились изменения. Например, Вознесенскому добавили "контроль по производству черных и цветных металлов, нефти, угля и химикатов", а Маленкову - "контроль за производством самолетов

и моторов, за формированием частей ВВС".

Стратегический поворот

"Красная Армия не только освобождает от врага советскую землю, но и не выпускает врага живым с нашей земли, осуществляя такие серьезные операции по окружению и ликвидации вражеских армий, которые могут послужить образцом военного искусства.

Верховный Главнокомандующий И. Сталин

23 февраля 1943 года.

Великое сражение на Волге

Это действительно одна из величайших битв, которые когда-либо произошли в истории. Судите сами: классическое окружение под Каннами, которое осуществил Ганнибал, стало образцом, символом удачного сражения, завершающегося почти полным уничтожением армии противника. Так вот, в той баталии участвовала римская армия в составе 63 тысяч пехотинцев и 6 тысяч конных воинов. У Ганнибала было 40 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы. Он построил боевой порядок в виде подковы, в которую ударила плотная фаланга римской пехоты и сама пошла в подготовленный ей мешок. А Ганнибал захлопнул подкову, заведя конницу с тыла. Римская армия Теренция Варрона была почти полностью уничтожена. Вот по такому образцу, собственно, строилась и Сталинградская битва.

Наполеон, с целью завоевания России, привел к нам армию в 600 тысяч человек. А в Сталинградском сражении только со стороны немцев участвовало более миллиона солдат и офицеров, 675 танков, больше 10 тыс. орудий и 1216 самолетов. С нашей стороны в боях участвовали тоже более миллиона человек, а вооружение составляло 15 500 орудий и минометов, 1463 танка и 1350 боевых самолетов. Организованы они были в 15 армий, каждая из которых по численности превосходила армию римлян и армию Ганнибала в сражении под Каннами.

Добавьте к этому еще и пространственный размах. Протяженность фронта, на котором развивалось это сражение, превышала 500 километров. Десятки крупнейших военачальников вложили свой опыт в развитие этой битвы, тысячи героических подвигов были совершены на всех уровнях - от высшего командования до рядовых солдат. Конечно же, это охватить, осмыслить задача не из простых.

Перечитав научные труды, архивные документы, мемуары полководцев и участников этого сражения, причем не только наших, но и немецких, я убедился, что история один раз вершится - в жизни или на полях сражений, а потом несколько раз переписывается, в зависимости от политических

тенденций.своего времени.

Соответствующим образом менялись и оценки. Например, в 1961 году вышла шеститомная история "Великой Отечественной войны Советского Союза в 1941 1945 гг.". Открываю 3-й том... В нем глава "Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом". Это очень объемистый том - более 650 страниц. Сталинграду посвящено 73 страницы. Ну и что же мы видим? На этих 73 страницах ни разу не упоминается Сталин! Авторство по организации и проведению Сталинградского сражения теперь приписывается совершенно другим людям. Цитирую:

"6 октября командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко и член военного совета фронта генерал-лейтенант Н. С. Хрущев направили в Ставку свои предложения по организации и проведению наступления".

А вот как маршал Еременко в своих мемуарах, названных "Сталинград", описывает зарождение плана Сталинградской операции:

"Как-то в сентябре 1942 года, в конце наших переговоров по ВЧ с И. В. Сталиным, я вернулся к вопросу о подготовке контрнаступления. Переговоры, хотя и по ВЧ, велись, конечно, с соответствующими предосторожностями.

- Товарищ Сталин, - обратился я к Верховному Главнокомандующему, - не пора ли нам начать подготовку для "переселения" и на севере, и на юге? Условия для этого созревают.

- Хорошо, товарищ Еременко, - ответил И. В. Сталин, - подумаем над вопросом подготовки переселения...

Новостью о состоявшихся переговорах с Верховным Главнокомандующим я сразу же поделился с Никитой Сергеевичем. (Книга была издана в 1961 году, и читатели, конечно же, понимают, почему здесь упоминается Никита Сергеевич, бывший тогда Первым секретарем ЦК КПСС; да и вся дальнейшая цитата в этом же духе. - В. К.).

В наших беседах мы детально обсудили все существенные вопросы: о направлении удара, районах сосредоточения и исходных районах для наступления, о частях врага, против которых нацеливался удар, его резервах, дислокации. Так выкристаллизовывался наш план... Придя к совершенно определенным выводам, мы решили сформулировать их письменно и направить в Ставку. В итоге появился документ, в котором были высказаны соображения, как добиться разгрома гитлеровских войск под Сталинградом".

Что вытекает из этой цитаты? Разрабатывало план контрнаступления командование Сталинградского фронта, а посему все сияние славы и победы воздается этому

командованию, то есть Еременко и Хрущеву.

Итак, что же было в действительности? Как родилась идея Сталинградской операции, кто ее разрабатывал и кто осуществлял?

Немцы удар на Сталинград планировали как вспомогательный, обеспечивающий левый фланг группировки, осуществляющей главную цель наступления - захват Баку. Однако в ходе этих сражений наступление на Сталинград обрело значение главного приложения усилий немецких войск. Гитлер намеревался облегчить выполнение задачи по захвату нефтяных источников. Поэтому с Кавказского направления даже перебрасывал войска (в частности, 4-ю танковую армию) на Сталинградское направление. Глубокое вклинивание гитлеровцев в нашу территорию вплоть до Волги создало угрозу разрезать страну и фронт на две изолированные части. Надо было принимать срочные меры по обороне Сталинграда.

27 августа 1942 года Сталин вызвал Жукова в Москву с Западного фронта. Сталин был не в очень хорошем настроении. Поздоровавшись, он сказал:

- Плохо идут дела на юге. Может случиться так, что немцы возьмут Сталинград, Не лучше складывается обстановка на Северном Кавказе. Немцы все больше приближаются к бакинской нефти.

Сталин помедлил, прошелся, немного смягчив тон, продолжил:

- Государственный Комитет обороны решил назначить вас, товарищ Жуков, заместителем Верховного Главнокомандующего. ГКО также решил послать вас в район Сталинграда. Сейчас там находятся товарищи Василевский, Маленков и Малышев. Когда вы можете вылететь в Сталинград?

Жуков ответил:

- Мне потребуются сутки, товарищ Сталин. Я должен изучить обстановку в Генеральном штабе, и на следующий день я вылечу в Сталинфад.

- Ну вот и хорошо. А вы не голодны? - вдруг спросил Сталин. - Не мешало бы нам подкрепиться.

Не было обильного стола, не было изысканных блюд, как это некоторые представляют, а кое-кто даже пишет о замечательном снабжении высокого начальства. Принесли чай и десяток бутербродов.

За чаем Сталин сообщил о сложившейся обстановке на 27 августа:

- Немцы прорвались к Волге севернее Сталинграда и теперь пытаются ударом вдоль берега реки захватить город.

Поддерживая свои войска, немецкая авиация совершает более тысячи вылетов в день. Я введу из своего резерва 24-ю и 66-ю армии для нанесения флангового удара по прорвавшемуся к Волге противнику. Вам следует принять меры, чтобы 1 -я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград.

На следующий день Жуков был уже на Волге. Встретился с Василевским, который подробно ознакомил его с обстановкой и последними событиями. Они выехали на командный пункт 1-й гвардейской армии к генералу Москаленко и позвонили, чтобы туда приехал командующий Сталинградским фронтом генерал-лейтенант Гордов. Все вместе разработали и обсудили план локального контрудара 1-й гвардейской армии, который Сталин поручил Жукову провести немедленно. Подсчитав возможности и учитывая, что все части были сосредоточены и подготовлены, Жуков позвонил Сталину и доложил, что контрудар может быть нанесен не раньше, чем 6 сентября. Сталин дал согласие и попросил Василевского вылететь немедленно в Москву.

3 сентября Жуков получил телеграмму от Сталина:

"Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если Северная группа войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации очень мало".

Жуков тут же позвонил Сталину по телефону и доложил:

- Я могу приказать завтра же начать наступление, но войска всех трех армий будут вынуждены начать бой почти без боеприпасов, так как их могут доставить на артиллерийские позиции не раньше вечера 4 сентября. Кроме того, мы не можем раньше этого времени увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией, а без этого ничего не получится.

- Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь? Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера.

Сталин явно был в гневном состоянии. Но в интересах дела - чтобы не допустить напрасных потерь и, главным образом, чтобы не ослабить наступление - Жуков настаивал на своем:

- Я не разделяю эту точку зрения Еременко и прошу разрешения начать наступление 5-го, как было ранее намечено. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами.

- Ну хорошо, - согласился Сталин. - Если противник начнет общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск. Ваша главная задача - отвлечь силы немцев от Сталинграда и, если удастся, ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты.

Там же, в штабе 1-й гвардейской армии, находился Маленков. В 3 часа ночи Сталин позвонил по телефону Маленкову и спросил, как готовятся к наступлению войска Сталинградского фронта. Маленков рассказал о той большой работе, которая проводится под руководством Жукова. Таким образом, Сталин действовал по принципу: доверяй, но проверяй. С самим Жуковым он говорить не стал, но через Маленкова все-таки проверил, как идут дела.

Рано утром 5 сентября наступление началось. После артиллерийско-авиационной подготовки двинулись вперед 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии. Но успеха они не имели. Противник отразил все атаки. 24-я армия даже не сдвинулась со своего исходного положения.

Вечером позвонил Верховный:

- Как идут дела? Жуков доложил:

- В течение всего дня шли очень тяжелые бои. К северу от Сталинграда противник вынужден ввести в бой новые войска, переброшенные из района Гумрака.

- Это уже хорошо. Это отвлекает противника от Сталинграда.

- Наши части имеют незначительное продвижение, а в ряде случаев остались на исходных рубежах.

- А в чем дело?

- Из-за недостатка времени наши войска не успели хорошо подготовить наступление, провести артиллерийскую разведку и выявить систему огня противника, и поэтому, естественно, подавить ее не смогли. Когда же перешли в наступление, противник своим огнем и контратаками остановил его. Кроме того, авиация противника господствовала в воздухе и бомбила наши части.

В этом докладе, я думаю, нетрудно уловить: Жуков сетует на то, что Сталин приказал переходить в наступление без должной подготовки. Он как бы говорит: "Я же предвидел, что успеха не будет, поскольку нет соответствующей подготовки".

Но Сталин настаивал на своем:

- Продолжайте атаки. Ваша главная задача - оттянуть от Сталинграда как можно больше сил противника.

Повторные атаки армий успеха не имели ни 6-го, ни 7-го. Части только несли большие потери. 10 сентября, еще раз объехав части и соединения армий, Жуков окончательно укрепился во мнении, что прорвать боевые порядки противника и ликвидировать его коридор наличными силами невозможно. Об этом он доложил Верховному по ВЧ.

Доклад Жукова заканчивался таким выводом: "Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника".

Не кажется ли читателям, что уже в этой фразе проскальзывает намек на более крупную группировку войск и на подготовку более мощной операции? Да, собственно, прямо сказано: нужна не армейская, а фронтовая группировка для контрнаступления.

Сталин оценил это предложение:

- Было бы неплохо, если бы вы прилетели в Москву и доложили мне об этом лично и подробно.

Днем 12 сентября Жуков уже был в кабинете Сталина, куда тот вызвал и начальника Генерального штаба А. М. Василевского.

Мне кажется, есть все основания предположить, что Сталин понял: нужны какие-то более решительные меры для того, чтобы выйти из критической ситуации под Сталинградом. Будь по-другому, Сталин не вызвал бы Жукова с фронта так срочно. К тому же не случайно он пригласил к этому разговору и Василевского. Видимо, Верховный уже готовился к тому, чтобы в узком кругу поискать радикальное решение.

Сначала Василевский доложил обстановку. Особенно подробно - на двух направлениях: на Кавказе и под Сталинградом.

Сталин резюмировал:

- Рвутся любой ценой к грозненской нефти. Ну, теперь послушаем Жукова.

Жуков, по сути дела, повторил то, что он докладывал Сталину в своей последней шифровке, - о нецелесообразности наступлений ограниченными силами, которые только приводят к потерям. Выслушав его, Сталин спросил:

- Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

- Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию,

танковый корпус, три танковые бригады и не менее четырехсот орудий гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии, - ответил Жуков.

Василевский поддержал мнение и расчеты Жукова.

Сталин достал свою карту. На ней, кроме положения на фронтах, были нанесены места сосредоточения резервов Ставки.

Пока Сталин смотрел на карту, Жуков и Василевский потихоньку разговаривали и продолжали развивать свое мнение о том, что все это полумера. Необходимо иное решение, кардинально меняющее положение.

Сталин услыхал этот разговор. Подошел, спросил:

- Какое иное решение вы имеете в виду?

- Надо подготовить контрнаступление и нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу. Основные удары нужно наносить по флангам сталинградской группировки, они уже глубоко вклинились в глубь нашей территории.

Сталин подумал и сказал:

- Поезжайте в Генштаб и сделайте расчеты по срокам и созданию группировки.

На следующий день в 22 часа Жуков и Василевский прибыли к Сталину для доклада итогов своей работы.

- Ну, что надумали? Кто будет докладывать?

- Кому прикажете, - ответил Александр Михайлович, - мнение у нас одно.

Верховный подошел к карте:

- Это что у вас?

- Это предварительные наметки плана контрнаступления в районе Сталинграда, - пояснил Василевский.

- Что это за группировки в районе Серафимовича?

- А это новый фронт. Его нужно создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

- Хватит ли сейчас сил для такой большой операции? - поинтересовался Верховный.

Жуков доложил, что через 45 дней операцию можно обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо ее подготовить.

- А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? - спросил Сталин.

- Нет, в этом случае немцы могут быстро повернуть из-под Сталинграда свои бронетанковые дивизии и парировать наши

удары. Удар же наших войск западнее Дона не даст возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать и своими резервами выйти навстречу нашим группировкам.

- А не далеко ли замахнулись ударными группировками? - усомнился Сталин.

Жуков и Василевский объяснили, что операция делится на два основных этапа: 1) прорыв обороны, окружение сталинградской группировки немецких войск и создание прочного внешнего фронта, чтобы изолировать эту группировку от внешних сил; 2) уничтожение окруженного противника и пресечение его попыток деблокироваться.

- Над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы, - сказал Верховный. - А сейчас главная задача - удержать Сталинград. То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, никто не должен знать...

Вот так зарождался замысел великого сражения на Волге. Так что утверждение Еременко насчет выработки плана Сталинградской операции на уровне: "Мы с Никитой Сергеевичем посоветовались", на самом деле не соответствует действительности.

Для того чтобы окончательно, независимо от человеческих слабостей и амбиций, установить, кто же автор плана, обратимся к самому убедительному аргументу. В архиве Генерального штаба хранится большая карта, у верхнего ее обреза написано: "План контрнаступления в районе Сталинграда". На карту нанесено расположение частей наших войск и против ника. Из обозначений группировки наших войск, направления ударов и места соединения в районе Калача наглядно виден замысел предстоящего окружения. В "легенде" перечислены соединения и силы, участвующие в этой операции, приведены другие расчеты средств усиления, определены ближайшие и последующие задачи фронтов и армий. У нижнего обреза карты - подписи а второй - разработчиков: Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Вверху, слева от названия операции, синим карандашом написано "Утверждаю" и поставлена подпись - Сталин.

После приведенных выше цитат, фактов и документов, на мой взгляд, не остается никаких сомнений в том, что разработку плана контрнаступления, да и саму операцию, осуществляли три выдающихся начальника: Сталин, Жуков и Василевский.

Сталин не ограничился разработкой плана в узком кругу. 13 ноября он пригласил членов Политбюро и членов Государственного Комитета обороны. На атом совещании присутствовали Василевский и Жуков. Подробнейшим образом был изложен и обсужден план предстоящей операции. Члены

Политбюро и ГКО его одобрили.

При обсуждении плана контрнаступления Жуков и Василевский обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжелое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить часть своих войск из других районов, в частности, из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и в первую очередь разгромить немцев в районе ржевского выступа. Для этой операции они предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

- Это было бы хорошо, - сказал Сталин. - Но кто из вас возьмется за это дело?

Жуков предварительно согласовал предложения на этот счет с Александром Михайловичем, поэтому сказал:

- Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов.

Сталин согласился с этим предложением, он понимал - появление Жукова на Западном фронте сразу привлечет внимание германской разведки. Немцы уже знают: где Жуков, там жди наступления. Это очень поможет наступлению под Сталинградом, так как немцы не снимут части с участка, где находится Жуков.

Но, высоко ценя умение Жукова готовить войска к наступлению, Сталин, хоть и дал согласие на его отъезд, не отпустил его сразу же:

- Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте еще раз готовность войск и командования к началу операции, а потом полетите под Ржев.

Все дни, пока разрабатывался план контрнаступления, шло ожесточенное сражение в самом городе. Бойцы и офицеры 62-й армии (командующий Чуйков) и 64-й (командующий Шумилов) проявляли невиданную стойкость. Весь мир следил за ходом этого гигантского сражения, от которого, по сути дела, зависел исход войны. Сталин выделил на помощь этим армиям шесть дивизий, благодаря которым удалось удержать город.

Кроме того, Сталин и Генштаб в ходе этих невероятно трудных боев формировали новые соединения для предстоящего наступления. Особое внимание Верховный уделял созданию двух танковых армий, которые, по его замыслу, должны были осуществить стремительный охват и замкнуть кольцо окружения.

Целыми ночами Сталин вел переговоры по телефонам, "выбивая" и даже выпрашивая у директоров танковых заводов танки на вооружение этих армий. Заводы на новых местах, после эвакуации, еще не работали на полную мощность, но инженеры и рабочие без сна и отдыха собирали танки, иначе нельзя - сам Сталин просил!

Больше трех месяцев шли бои за Сталинград. Стойкость наших войск удивляла весь мир.

Ставка, Генштаб, командующие фронтами и армиями наконец-то создали мощнейшую группировку войск для контрнаступления: Юго-Западный фронт Ватутина в составе: 1-я гвардейская, 5-я танковая, 21-я и 17-я воздушные армии; Донской фронт Рокоссовского в составе 65-й, 26-й, 66-й армий при поддержке 16-й воздушной армии; Сталинградский фронт Еременко, в составе 62-й, 64-й, 57-й, 51-й, 28-й армий и 8-й воздушной армии. А всего более 1 миллиона 100 тысяч человек, 1463 танка, 15 500 орудий и 1350 самолетов. Всю эту армаду надо было замаскировать, чтобы не обнаружили вражеские самолеты-разведчики. Это с успехом было выполнено. Кроме того, были запрещены радио- и телефонные разговоры во время сосредоточения частей для удара в соответствии с задуманным планом.

19 ноября, после мощнейшей арт- и авиаподготовки, первыми ринулись на врага Юго-Западный фронт и 65-я армия Донского фронта. Они прошибли укрепленные позиции тактической зоны, и в наметившийся прорыв (на глубине 5-6 километров) немедленно были введены 1-я, 26-я и 4-я танковая армии и вслед за ними 3-й и 8-й кавалерийские корпуса.

Попробуйте представить себе этот броне-мех-конный кулачище. Наверное, земля дрожала на десятки километров под их могучей поступью! Противник бросил все силы на отражение удара. На сутки позже, 20 ноября, рванулись вперед войска Сталинградского фронта. Они в первый же день опрокинули врага и прорвали его оборону. 23 ноября Юго-Западный и Сталинградский фронты замкнули кольцо, окружив 22 немецких дивизии численностью 330 000 солдат и офицеров!

Вот уж, как говорится, отвели душу за все прошлые поражения командиры и солдаты - они так лихо били противника, что гитлеровцы пребывали в полной растерянности.

Здесь надо бы поговорить о внезапности как факторе военного искусства, который так умело применили Сталин и его полководцы, но не буду нарушать динамику повествования. В тот же день, 23 ноября, 1-я гвардейская армия, 5-я танковая армия Юго-Западного фронта и 51-я армия Сталинградского фронта

получили задачу преследовать разгромленные части противника и отбросить его как можно дальше на запад от замкнутого кольца окружения.

На всех уровнях - от командующих фронтами до рядовых бойцов сталинградцы показали высокий класс мастерства и мужества. Невозможно описать захватывающие эпизоды всех небольших побед, из которых складывался общий успех. Но я все же расскажу о некоторых из них, где видны особенно значительные личные заслуги Сталина.

Кроме создания резервов, которые обеспечили успех в Сталинградской битве, Сталин осуществил еще одно "мероприятие", колоссальное по своей стратегической значимости. Без этого сталинского подключения вообще могла не состояться знаменитая теперь Сталинградская эпопея.

Удивительно щедра история на подвиги русских воинов! Их так много, что мы предаем забвению как незначительные, а в действительности величественные, потрясающие по своему героизму дела и поступки. И, что очень странно и поразительно, об этом конкретном подвиге я не нашел сведений ни в научной, ни в художественной литературе. Только маршал Язов, с его уникальной памятью, напомнил мне о нем и подарил всеми уже забытую книгу о железнодорожных войсках, из которой я заимствую некоторые цифры и эпизоды.

Подвиги бывают разные: иные длятся секунды, например, у Матросова, минуты - у Гастелло, часы - у Зои Космодемьянской, годы - у Покрышкина и Карбышева, всю жизнь - у Николая Островского. Совершаются героические дела в одиночку (как названные выше) и коллективно: защитники Севастополя, Москвы и других городов-героев, а в наши дни - бессмертная 6-я рота десантников в Чечне или экипаж подводников "Курска".

Подвиг, о котором я хочу рассказать, массовый, его совершили тысячи людей - от Сталина до рядового красноармейца.

Когда гитлеровцы нанесли удар по Кавказу, на пути к бакинской нефти, а затем и в направлении Сталинграда, Сталин понял: если они достигнут намеченной цели, страна, а значит и армия, будет разрезана на две части и останется без горючего. Все железные дороги в европейской части нашей территории будут перекрыты. Возможность перегруппировок войск с севера на юг и обратно, а также снабжение их всем необходимым нарушатся. Особенно это касалось обеспечения горючим, которое тогда шло, в основном, из кавказских источников.

Осознав это, Сталин приказал срочно создать запасы нефти на Урале. Я сам в 1942 году, будучи еще заключенным в

Тавдинлаге, работал недалеко от Свердловска и готовил с другими "зэками" так называемые "нефтеямы". Специалисты-инженеры выбирали лощины и овраги, а мы сооружали дамбы, чтобы нефть не утекала из этих оврагов. И еще мы отделывали и укрепляли их берега.

Днем и ночью прибывали эшелоны с цистернами, из которых нефть сливалась в эти импровизированные нефтехранилища.

Какой-то изобретательный человек придумал спускать цистерны с нефтью прямо в Каспийское море, с Кавказского берега (они не тонут - нефть легче воды) и буксировать их в Красноводск или Астрахань. Это очень облегчало и убыстряло транспортировку.

Сталин надеялся, что захват Баку и Сталинграда, если это случится, будет временным, а созданные запасы нефти помогут продержаться, пережить этот критический период.

В связи с проблемой снабжения колоссальных армий, которые будут сражаться на Волге, вставал вопрос: как, где, чем подвозить для них все необходимое? Дивизии еще только отступали к Сталинграду, а Сталин принял решение и отдал приказ железнодорожным войскам - срочно построить железную дорогу вдоль левого берега Волги на Баскунчак, Урбал.

Здесь придется сделать отступление и привести еще одно свидетельство о дальновидности Сталина. В трудные месяцы 1941 года в руководстве Вооруженных Сил возникла идея ликвидировать железнодорожные войска (потому что не было для них задач по строительству железных дорог), превратить их в обычные стрелковые части, в которых так нуждалась тогда отступающая армия.

В ноябре была создана комиссия во главе с начальником Главного политуправления РККА Л. З. Мехлисом, получившим задание подготовить проект решения Государственного Комитета обороны по этому вопросу. В состав комиссии вошли начальники центральных управлений Наркомата обороны и Генерального штаба, заместитель наркома путей сообщений И. Д. Гоцеридзе, начальник управления военных сообщений генерал-лейтенант И. В. Ковалев и некоторые другие лица.

Все члены комиссии, кроме генерал-лейтенанта Ковалева, высказались за ликвидацию железнодорожных войск. Согласие на это дал даже начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников. Ковалев заявил, что ликвидация железнодорожных войск - это точка зрения пораженческая и голосовать он за нее не будет. По телефону Мехлис сообщил об этом заявлении Сталину. Сталин сказал:

- Трубку передайте Ковалеву, - и спросил у него: - Почему вы

считаете ликвидацию железнодорожных войск пораженчеством?

- Потому, что мы готовим под Москвой контрудар и позже будем готовиться к наступлению, а наступать без железнодорожных войск и восстановительных средств, которые являются орудием наступательных операций, невозможно.

- Правильно. Передайте трубку Мехлису.

- Вы пораженец, комиссия тоже. Комиссию распустить, войска сохранить!

И вот как пригодились железнодорожные войска под Сталинградом!

Очень важную роль играл фактор времени: надо было построить дорогу как можно быстрее, боевые действия развивались очень динамично. Чтобы ускорить работы, железнодорожники проводили их одновременно на широком фронте: на сталинградском участке укладка пути велась из шести пунктов в восьми направлениях; на саратовском - из шести пунктов в семи направлениях; на свияжском - из четырех в пяти. А подвоз к укладочным пунктам готовых собранных рельсовых секций осуществлялся "из поля" на автотранспорте и тягачах. Готовые звенья рельс Сталин приказал брать с БАМа, который, как известно, начали строить еще до войны. Сталин разрешил снимать готовые секции и со вторых путей ближайших дорог, где не было интенсивного движения.

Благодаря такому "ускорению", дорога росла на 8-10 километров в сутки. Подготовка полотна, укладка или выемка грунта осуществлялась солдатами вручную, на тачках, носилках, экскаваторов не было.

Начальник строительства А. Побежий вспоминает: "Сколько должен продолжаться рабочий день, все давно забыли. Работали, сколько могли вынести; кто выбивался из сил, ложился отдохнуть под открытым небом, потом снова поднимался - катать тачки, рубить балки, ставить столбы, укладывать рельсы, подбивать под шпалы балласт. Еду варили здесь же на месте".

И все это под непрерывными бомбежками противника, который понимал значение этой дороги и всячески препятствовал ее созданию.

Но наконец дорога ожила, только в августе - октябре 1942 года по ней прошло 23 тысячи вагонов, 16 тысяч цистерн с горючим; поезда двигались один за другим на расстоянии 800-1200 метров.

Авиация противника все наращивала бомбовые удары, только в октябре и только на сталинградском участке она совершила 1026 самолето-вылетов и сбросила 3232 бомбы.

В каких условиях работали бойцы, вспоминает П. Кабанов:

"За несколько часов они (самолеты) разрушили работу сразу нескольких станций. Глубокие воронки перерезали пути. Но не много времени тратили мы на восстановление разрушенного. Поезда шли и шли, снабжая Сталинград боеприпасами и продовольствием. Сейчас об этом вспоминается как-то просто, а в те дни, дни Сталинградской эпопеи, героизм железнодорожников был непередаваем. Повсюду сыпались бомбы. Багрово-черные веера разрывов закрывали горизонт. Трудно, почти невозможно было дышать воздухом, насыщенным газом, копотью. Но бойцы работали".

Чтобы дорога действовала без перерывов из-за бомбежек, было организовано сопровождение всех поездов восстановительными летучками на автомобилях: параллельно железной дороге на расстоянии 300-350 метров проходила грунтовая дорога. Каждая команда такой автолетучки имела необходимый набор путевого инструмента, запчастей для подвижного состава и материал для заделки пробоин в цистернах. В случае налета вражеской авиации команды, двигавшиеся на автомобилях, немедленно ликвидировали его последствия. Автолетучка сопровождала поезд до станции, граничащей с соседним подразделением. Там ее команда передавала состав соседу и от него получала эшелон, следовавший в обратном направлении. Движение команд координировалось дежурным офицером штаба.

При налете вражеской авиации на состав и повреждении его команда сопровождения немедленно принимала меры к спасению людей, ценного имущества, предотвращению взрывов вагонов с боеприпасами и цистерн с горючим, восстанавливала верхнее строение пути, связь.

Нередко вражеские летчики расстреливали цистерны с горюче-смазочными материалами из пулеметов. В таких случаях солдаты-железнодорожники применяли простой, но надежный метод заделывания пробоин: они имели готовые деревянные пробки, куски ткани, ведра с глиняным раствором и с помощью этих материалов быстро ликвидировали течь горючего. При возникновении же пожара состав расцеплялся, и уцелевшие цистерны отводились от очага пожара.

При всей тяжеловесности железнодорожных частей и ограниченности маневра командиры все же находили возможность прибегать к хитрости. Немецкие летчики при налетах бомбили станции, которые хорошо отмечены на картах и видны с высоты полета. Учитывая это, железнодорожники как бы отдавали на съедение станции, а сами соорудили обходные пути. И вот бомбы сыпались на привлекающие немцев

железнодорожные узлы, а эшелоны шли в обход этих узлов.

Целая героическая эпопея сложилась при наведении моста через Волгу, он был необходим для перевода эшелонов из Астрахани на левый берег. Строить обычный мост не было ни времени, ни средств, ни технических возможностей. Решили создать наплавной мостовой переход на баржах. Сделали расчеты. Барж для крепления бортом к борту не хватало. Тогда решили строить кильватерную колонну из барж и на ней "ленточную переправу". Такое вершилось впервые в нашей стране.

Но война вынуждает идти на любой риск - войска надо обеспечивать, Сталинград Верховный приказал удержать во что бы то ни стало. А по мосту должны проходить не легковые экипажи на дачу, а тяжелые вагоны с боеприпасами и цистерны с горючим.

Самоотверженно трудились мостовики. Копровые команды лейтенантов Л. Я. Малецкого, В. А. Ронина, воентехника В. Д. Мчедлишвили в три-четыре раза перекрывали нормы, забивая по 30-40 свай в смену. Обустройство шло одновременно на всех баржах, делали между баржами переходные мосты, монтировали водоотливные механизмы. Баржи укрепляли на якоря, соединяли тросами. Через десять дней по наплавному мосту пошли поезда!

"Но характер у наплавного моста оказался капризным, - вспоминал генерал-полковник П. А. Кабанов, - потребовалось тщательно следить за точным соблюдением прямолинейности оси в плане".

Круглосуточно специальные команды дежурили у насосов, поддерживая баржи на определенном уровне. В зависимости от поведения реки они регулировали осадку барж. Вода служила балластом. Ее то добавляли, то откачивали. Военные инженеры разработали правила технической эксплуатации переправы. Машинистам паровозов категорически запрещалось превышать допустимую скорость, тормозить на мосту состав, давать контрпар.

Несмотря на жесткое крепление барж и строжайшее соблюдение всех расчетных норм, ось моста выгибалась, подобно парусу на ветру. Во всех случаях этот изгиб не должен был превышать определенных технических норм, чтобы подвижной состав мог вписываться в кривую. Немецкие самолеты часто бомбили переправу. Не раз она оказывалась в огне, и бойцы, презирая смерть, спасали сооружение.

Строили переправу и обеспечивали ее живучесть мужественные люди. Многие из них были удостоены высоких правительственных наград. Грудь комбата майора Н. А. Перова украсил орден Красного Знамени. Наплавной мост действовал

около года, затем был заменен временным мостом, а впоследствии и капитальным.

И это еще не все!

В разгар битвы за Сталинград ряд железнодорожных подразделений снимался с технического прикрытия порученных объектов и становился на рубежи обороны. Так, 5 сентября 1942 года 84-й железнодорожный батальон, которым коман довал майор П. М. Шейн (он сменил погибшего капитана Н. Д. Жандарова), был направлен по приказу заместителя командующего фронтом по тылу в распоряжение начальника Сталинградского гарнизона - командира 10-й дивизии НКВД полковника А. Сараева для использования в обороне города. Участник тех событий полковник в отставке М. Н. Грищен-ко вспоминал:

"ПолковникА. А. Сараев довооружил нас противотанковыми ружьями, станковыми и ручными пулеметами, гранатами, бутылками с горючей смесью, заменил наши видавшие виды винтовки автоматами, приказал занять оборону в центре Сталинграда на опорных пунктах у площади Павших борцов революции, у Астраханского городского моста и у железнодорожного моста через реку Царица и Госэлеватора. Таким образом, весь наш 84-й путевой батальон с оружием в руках защищал город..."

Бывший командир 3-й роты путейцев полковник в отставке Ф. В. Приходько писал:

"...Первым у нас принял бой взвод лейтенанта Шпанюка, который оборонял железнодорожный мост через реку Царицу и оперативно подчинялся командиру пехотной части. Его личный состав дрался стойко, храбро и до конца выполнил свой долг. Только несколько израненных бойцов взвода возвратились в расположение роты. Остальные, в том числе и лейтенант Шпанюк, пали смертью храбрых". Таких эпизодов было немало.

"И если наша победа под Сталинградом была воспринята за рубежом как величайшее чудо, - писал один из наркомов путей сообщения военных лет генерал-лейтенант И. В. Ковалев, - то не меньшим чудом явилось транспортное обеспечение этой стратегической операции, в результате чего слабые и неподготовленные кусочки сети превратились в непрерывно действовавший крупный выгрузочный район и послужили базой для развертывания контрнаступления невиданной силы".

В это чудо весомый вклад внесли военные железнодорожники. Огромную работу, проделанную ими в период битвы на Волге, ярко показывают следующие цифры. С июля 1942 года по 1 января 1943 года в район Сталинграда было

доставлено 3269 эшелонов с войсками и 1052 поезда с боеприпасами, вооружением, горючим, продовольствием, медикаментами и другими материально-техническими средствами.

Когда было принято решение окружить и уничтожить трехсоттысячную армию Паулюса, то для осуществления этой грандиозной операции надо было создать свежую, мощную группировку войск (причем сосредоточить ее за короткий срок, чтобы противник не успел противодействовать), обеспечить эту ударную группировку всем необходимым до начала операции и в ходе ее.

Без долгих доказательств очевидно: если бы рокадная железная дорога на берегу Волги не была построена, не состоялось бы ни окружение, ни уничтожение немецкой армии.

Вот такова цепа предвидения Сталина и таковы - нет, не скромность, не беспечность людей, - а сверхбогатство наше подвигами защитников Отечества, их было так много, что порастают они, как их братские могилы, травой забвения даже при жизни поколения победителей. Что же будет дальше?..

* * *

Сталинградская битва длилась двести дней. В ходе ее были разгромлены 6-я полевая армия, 4-я танковая армия немцев, 3-я и 4-я румынские армии, 8-я итальянская армия. Общие потери противника убитыми, ранеными, пленными составляют почти полтора миллиона солдат, офицеров и генералов!

С этой крупнейшей в истории битвы начинается перелом в ходе Великой Отечественной войны, стратегическая инициатива с этого момента перешла на сторону советского командования.

Значительно вырос международный авторитет Советского Союза среди стран-членов антигитлеровской коалиции. Эта победа показала выдающееся мастерство нашего военного руководства и блестящую боеспособность советских воинов. Германская военная машина была потрясена до основания. Союзники Германии - Япония, Италия, Румыния, Венгрия, Испания и Турция - сильно засомневались в успехе развязанной войны, стали искать возможности выскользнуть из-под власти Гитлера.

И наоборот, у стран, оккупированных фашистами, появилась надежда на освобождение, в них активизировалась освободительная борьба против оккупантов.

Советский народ радостно вздохнул полной грудью, расправил плечи, уверенность в победе помогала преодолевать трудности в ходе дальнейших сражений.

Верховный Главнокомандующий Сталин внес очень большой

вклад в осуществление этой блестящей стратегической операции, с момента замысла и разработки плана до практического ее осуществления. Он повседневно руководил ходом боевых действий в динамике сражения. Особенно велика его роль в создании и введении в бой стратегических резервов, что определяло не только успех в кульминационные моменты, но и победное завершение всей операции.

На стороне противника...

(В дни Сталинградской битвы)

Удивительно, необыкновенно сложное дело - военное искусство. Полководцы, которые стоят во главе армии, или даже государства, когда строят и разрабатывают план войны или отдельной большой операции, располагают вроде бы всеми необходимыми данными. На них работает широко разветвленная сеть разведки самых разных видов: от агентов, которые находятся в расположении противника, до авиации, которая летает над расположением врага и фотографирует его силы. Генеральный штаб - это учреждение, в котором собраны самые талантливые и образованные военные профессионалы. Вес они тоже являются ближайшими помощниками и советниками полководца. И вот, обладая вроде бы всем необходимым, полководцы тем не менее чаше ошибаются, чем одерживают победы. Даже на примере того, что мы уже разобрали, можно убедиться в справедливости этого суждения. План "Барбаросса" долго и тщательно разрабатывался и в высших органах военного и государственного управления, и сам Гитлер, и его ближайшие советники, казалось бы, вложили все свое умение и опыт в составление этого грандиозного плана. А вот при осуществлении все-таки окончательно добиться того, что предусматривалось, не удалось. Москву, как это планировалось, гитлеровцы с ходу не взяли и в несколько месяцев войну победно не завершили. Затем была разработана специальная операция "Тайфун" для окружения и взятия Москвы, и в этом случае, хотя все планировалось на основании данных разведки, точного подсчета наших сил и возможностей обороны, всех других условий, способствовавших или усложнявших осуществление этой операции, командование группы армий "Центр", да и все армейское руководство гитлеровцев, постигла неудача. Москва не была взята, и наступательные группировки, направленные в обход столицы, были разгромлены и отброшены от Москвы.

И вот новый грандиозный план, опять-таки составленный на основании достоверных данных разведки и анализа сил Советской Армии, которые остались у нее после всех предыдущих сражений, а также на основе подготовки резервов, которые могла создать наша страна в глубине территории. Этот новый план -

удар на Кавказ, к нефтеисточникам, и вспомогательный удар, в сторону Сталинграда, - как видим, хотя и был вроде бы разработан как вполне реальный, гитлеровцам осуществить не удалось.

Здесь я бы хотел напомнить читателям многие выступления наших полководцев, военных ученых в печати и с трибун об авантюристичной стратегии гитлеровцев. Я не согласен с этими утверждениями. Да, в политике и стратегии гитлеровского руководства, самого Гитлера авантюризм проявлялся, но не всегда и не везде. Представьте себе, что Гитлер после молниеносного разгрома Польши, а затем Франции остановился бы на этом, прекратил свою завоевательную агрессивную политику в Европе. Ну и что бы тогда сказали ученые и теоретики о "молниеносной войне"? Разве можно было бы назвать эти быстрые и победоносные действия гитлеровской армии авантюристичными? Авантюризм - это когда средства не соответствуют намечаемой цели. А вот в таких случаях, о которых мы говорим, гитлеровцы добились победы. Добились именно молниеносными действиями своих частей и соединений, и теория молниеносной войны, разработанная ими, оправдалась.

Но, как я уже сказал, если там средства для выполнения поставленных задач соответствовали целям, то на Кавказском и Сталинградском направлениях такого соответствия не было.

За два дня до начала нашего наступления, 17 ноября, Гитлер воодушевлял 6-ю армию на последний и решительный бросок:

"Мне известны трудности борьбы за Сталинград и упавшая боевая численность войск. Но трудностей у русских сейчас при ледоставе на Волге еще больше. Если мы используем этот промежуток времени, мы сбережем в дальнейшем много собственной крови.

Поэтому я ожидаю, что руководство еще раз со всей энергией, которую оно неоднократно продемонстрировало, а войска с искусством, которое они часто проявляли, сделают все, чтобы пробиться к Волге и по меньшей мере у артиллерийского завода и металлургического предприятия и захватить эти части города".

Этот приказ был зачитан всем находившимся под Сталинградом командирам, и на нем была резолюция Паулюса: "Я убежден, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых войсках".

Но непредвиденное свершилось. Два мощных и неожиданных удара по сходящимся направлениям буквально в несколько дней соединились и захлопнули 330-тысячную армию.

Командующий группой армий "Б" Вейхс пытался не допустить замыкания кольца окружения. Единственным резервом был 48-й

танковый корпус (его называли еще корпус "Х") под командованием генерала Гейма. В его составе были 1-я румынская танковая дивизия и 22-я немецкая.

Корпус был брошен в горловину закрывающегося окружения, но оказался буквально смят не только частями Красной Армии, но и своими - бегущими в панике румынскими, немецкими, отступавшими в беспорядке частями. Корпус не только не выполнил задачу, но, пытаясь упорно продвинуться вперед, сам пополнил число пленных, угодивших в окружение.

Начальник генерального штаба Цейтцлер первым очень осторожно высказал Гитлеру предложение об отводе 6-й армии, пока окружение не состоялось. Гитлер возражал:

- Подождем. Корпус Гейма сделает свое дело - не допустит окружения.

Спустя некоторое время Цейтцлер, имевший постоянную связь с группой "Б", доложил:

- Как я предполагал, корпус "Х" не выполнил непосильной задачи, он разгромлен и почти весь попал в окружение.

Гитлер побледнел от ярости и закричал:

- Кейтель, сейчас же пошлите за командиром корпуса, сорвите с него генеральские погоны и посадите в тюрьму! Это он во всем виноват!

Приказ Гитлера был выполнен: генерал-лейтенанта Гейма привезли в ставку. Специальный трибунал под председательством Геринга (он, как у нас Мехлис, был опытным исполнителем таких дел) "провел расследование" и приговорил Гейма к смертной казни. Был издан специальный приказ о провинностях командира корпуса и о суровом приговоре. (Через несколько месяцев Гейм был помилован. Приказ о его казни, как считал Гитлер, сыграл свою воспитательную роль).

Цейтцлер, несмотря на гнев фюрера, предлагал отвести 6-ю армию. Но Гитлер, придя в ярость, кричал:

- Я не уйду с Волги! Войска 6-й армии, окруженные в Сталинграде, впредь именовать войсками крепости Сталинград!

22 ноября Паулюс доложил в штаб группы армий "Б": "Армия окружена... запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое... Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может тогда заставить оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой, и соединиться здесь с 4-й танковой армией. Наступление в западном направлении не обещает успеха в связи со сложными

условиями местности и наличием здесь крупных сил противника"...

26 ноября Гитлер с помощью своих ближайших военных советников начат создавать группу армий для проведения наступательной операции по спасению 6-й армии Паулюса. В эту группу вошли 4-я танковая армия и 3-я румынская армия, находившиеся в окружении. Командующим этой группой, которой было присвоено имя "Дон", был назначен фельдмаршал Манштейн. Гитлер очень надеялся, что один из талантливейших его военачальников спасет положение и развяжет критический узел на Волге. В группу армии "Дон", кроме указанных, были включены 6-я армия и остатки 4-й румынской армии, находившиеся в окружении. Ей также передавались одна танковая и две-три пехотные дивизии, которые должны были прибыть позже.

На совещании по утверждению плана операции, разработанной Манштейном, начальник генерального штаба Цейтцлер еще раз попросил фюрера представить свободу действий 6-й армии, чтобы она прорывалась навстречу группе Манштейна. Гитлер категорически отверг эту просьбу, возразив, что сил 4-й танковой армии и других частей вполне достаточно для того, чтобы прорваться к окруженным. Фюрер также запретил брать части из группы армии "А", находившиеся на Кавказе, для освобождения армии Паулюса.

12 декабря Манштейн нанес первый удар танковой группой Гота. Ее продвижение началось таранным ударом на узком участке фронта, по танки не смогли пробиться больше чем на 50 километров в сторону Сталинграда, где были остановлены контратакующими советскими частями.

Цейтцлер вновь попросил у фюрера разрешения на прорыв 6-й армии изнутри. И опять фюрер упрямо отказал.

Манштейн просил передать ему из группы армий "А" Кавказского направления хотя бы две танковые дивизии. Как буд то они могли что-то изменить! Но даже эти дивизии не были ему переданы. Он получил ответ, что дивизии в боях так истрепаны, в них осталось всего 58 танков и нет никакого смысла их передислоцировать. Да они и там, на Кавказском направлении, еле-еле удерживают оборону на достигнутых позициях.

Кризис назрел и на Кавказском направлении, где находилось ни много ни мало - около 700 тысяч человек. И, напомню, в это время как раз проводил частную операцию на Западном направлении маршал Жуков. Начальник генерального штаба Цейтилер очень испугался этого наступления и оценивал ситуацию следующим образом: "Русское командование теперь

приоткрыло свои карты. Оно хотело сначала окружить немецкую 6-ю армию под Сталинградом. Затем оно намеревалось нанести удар в направлении Азовского моря, чтобы уничтожить весь южный фланг немецких войск на востоке".

Вот как Жуков перепугал немецкое командование организацией наступления на Западном направлении!

На основании такой оценки начальник генерального штаба, понимая, что деблокада Сталинградской группировки обречена на провал, теперь уже думал, как бы поскорее отвести группировку с Кавказа - всю группу армий "А", пока ее там не захлопнули.

Цейтцлер прямо сказал Гитлеру: "Если вы сейчас не прикажете отвести войска с Кавказа, там возникнет новый Сталинград".

Гитлер наконец понял, что весь его грандиозный план - с захватом нефтеносных районов Кавказа, с выходом в Иран и далее - провалился. И теперь уже речь шла не только о его престиже, а о необходимости как-то выпутываться из создавшегося положения- После долгих совещаний со своими ближайшими помощниками - Кейтелем, Йодлем и Цейтцлером - он издает очередной приказ: "Оперативный приказ ставки вермахта № 2 от 28 декабря 1942 г. о дальнейшем ведении боевых действий на южном крыле восточного фронта".

Здесь я бы еще раз применил обидное слово - авантюризм. В первом пункте нового приказа говорилось:

"Как и прежде, моим намерением остается удержать 6-ю армию в ее крепости (в Сталинграде) и создать предпосылки для се освобождения. (Попутно замечу, что упрямство Гитлера просто-таки поразительно. Уже все убедились и всем ясно, что 6-я армия должна прорываться или погибнуть, а Гитлер все упорствует, не дает разрешения на ее выход).

Группе армий "А", сохраняя и особенно усиливая свой фронт по побережью и в горах, отойти на некоторых участках постепенно, шаг за шагом, на сокращенный рубеж... (Далее указываются пункты этого рубежа. -- В. К.) Группа армий "Дон" по-прежнему обязана сделать вес, чтобы сохранить предпосылки для освобождения б-й армии".

Вера Гитлера в полководческие способности Манштейма просто неограниченна. В этом же приказе он, по сути дела, передает под командование Манштейна все силы Юго-Восточного фронта и создает новую группу армий "Юг". В нее входят группа армий "А" и группа "Дон".

В ставке Гитлера некоторые представители высшего

руководства, в частности Цейтцлер и Йодль, высказывали робкую мысль, что пора бы уже Паул юсу, невзирая на запрещение, ради спасения армии, принять самостоятельное решение на прорыв, поскольку гибель армии проступает очевидно. Но никто не решился все-таки дать такой совет.

Сам Паулюс на совещании с командирами корпусов, когда возник вопрос о принятии самостоятельного решения на прорыв, тоже не решился взять на себя лично такую ответственность.

17 января Паулюс записал в своем дневнике: "Район окружения уменьшился наполовину. Бои велись пока еще планомерно, несмотря на тяжелое состояние войск. Командные органы были еще дееспособны".

Отдадим должное немецким солдатам, хотя они - наши противники. Самокритично вспомним, что наши части в многочисленных котлах, которые нам устраивали гитлеровцы в первый период войны, не могли должным образом организовать сопротивление, часто командованию в окружении не удавалось твердо взять руководство в свои руки, а если и удавалось, то ненадолго.

Операция "Кольцо"

Сталин понимал: надо найти способ быстрого уничтожения окруженного под Сталинградом противника. Был разработан план операции "Кольцо". 19 декабря, после окончательного обсуждения, Сталин утвердил этот план и принял решение назначить представителем Ставки для осуществления данной операции генерала Воронова, который был артиллеристом. При уничтожении окруженных главную задачу должны были выполнять артиллерия и авиация, поэтому и было принято решение назначить артиллериста. В указании Сталина был такой пункт:

"Товарищу Воронову, как представителю Ставки и заместителю товарища Василевского (Василевский руководил всей операцией. - В. К.), поручается представить не позднее 21.12.42 г. в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение 5-6 дней".

Сроки давались, прямо скажем, сжатые: за 5-6 дней уничтожить группировку - это было нереально. Окруженные были полны решимости стоять до тех пор, пока не придут им на выручку.

Сталин спешил, ему хотелось как можно скорее довести дело до победного конца. Он еще раз спросил совета на очередном совещании:

- Руководство по разгрому окруженного противника нужно

передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела. Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил Рокоссовского. Жуков сказал:

- Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

- Сейчас не время обижаться. Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета обороны.

В тот же вечер Жукову пришлось провести этот неприятный разговор. Еременко обиженно говорил:

- Товарищ генерал армии, я все же не понимаю, почему отдается предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации противника.

- Андрей Иванович, я думаю, в таком деле тебе лучше поговорить с Верховным самому.

- Я уже звонил, но Поскребышев сказал, что товарищ Сталин распорядился говорить по всем этим вопросам с Жуковым.

Выполняя просьбу Еременко, Жуков позвонил Верховному и передал свой разговор с Андреем Ивановичем. Но Сталин очень сердито ответил:

- Я уже сказал вам один раз, что сейчас не время заниматься обидами. Давайте немедленно директиву о передаче трех армий Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

В штаб Сталинградского фронта к новому командующему Рокоссовскому и прибыл представитель Ставки генерал Воронов для окончательного составления плана операции "Кольцо". Такой план был разработан и представлен в Ставку, но не был сразу утвержден, и Воронов получил следующее указание:

"Главный недостаток представленного вами плана "Кольцо" заключается в том, что главные и вспомогательные удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника (дальше указывался район, где находилась эта группировка. - В. К.), а другой удар направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому - удар 62-й армии, с тем, чтобы оба удара

сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный вами срок начала операции Ставка утверждает: операцию по первому этапу закончить в течение 5-6 дней после ее начала. План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу.

Подписи: И. Сталин, Г. Жуков. 28.12.42 года".

В этом документе явно просматривается сталинский стиль: строгость, конкретность, ясность задач и рекомендаций по их осуществлению.

Не знаю, по каким причинам, но Воронов явно за что-то обижался на Сталина. Это просматривается в его книге воспоминаний "На службе военной", которая была издана в 1963 году.

Обида отчетливо вырисовывается из таких его слов: "На Сталинградском фронте огромную работу провел член Военного совета фронта Никита Сергеевич Хрущев. Он очень серьезно и вдумчиво отнесся к подготовке планов наступления и многое сделал, чтобы их выполнение было наиболее надежно обеспечено в военном и политическом отношении".

Книга Воронова издавалась после XX съезда партии, что явно довлело над автором: Хрущев в те дни был всесильным Первым секретарем ЦК КПСС.

У Воронова возникла мысль - до начала операции "Кольцо" вручить окруженной группировке ультиматум с прелло-жением, чтобы она прекратила бессмысленное сопротивление и сложила оружие. Причем ультиматум этот он намеревался не только вручить командованию, но и напечатать массовым тиражом в виде листовок и разбросать с самолетов, чтобы они попали в руки и рядового состава и чтобы солдаты принимали решение каждый за себя. Было известно: среди окруженных ведется активная работа, дабы убедить их помощь придет, фюрер не бросит; и, самое главное, распространялась ложь о том, что все они будут расстреляны, если попадут в плен к русским.

О своем намерении вручить такой ультиматум и просьбу отпечатать листовки Воронов доложил в Ставку.

Необходимые боеприпасы и подкрепления для фронта Рокоссовского запаздывали, и поэтому Воронов обратился с просьбой еще и лично к Сталину, чтобы тот разрешил отсрочить начало операции на 6-7 суток. Сталина, видно, обозлила эта просьба Воронова, и он, ничего не сказав, кроме "до свидания", повесил трубку. Но Воронов был настойчив и тут же после

разговора послал донесение Верховному Главнокомандующему в письменном виде:

"Приступить к выполнению операции "Кольцо" в утвержденный Вами срок не представляется возможным из-за опоздания с прибытием к местам выгрузки на 4-5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспорта с боеприпасами...

Наш правильно рассчитанный план был нарушен также внеочередным пропуском эшелонов и; транспортов для левого крыла товарища Ватутина. Товарищ Рокоссовский просит срок изменить на +4. Все расчеты проверены мною лично.

Все это заставляет просить Вас утвердить начало "Кольца" +4. Прошу Ваших указаний. Воронов".

Как только была получена эта шифровка, тут же вызвали Воронова к телефону. Сталин, не поздоровавшись, стал ругать Воронова:

- Вы там досидитесь, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут! Вы не соображаете, что можно, а что нельзя! Нам нужно скорее кончать, а вы умышленно затягиваете! И что это значит у вас в телеграмме "+4"?

- Нам нужно еще четыре дня для подготовки. Мы просим начать операцию "Кольцо" не шестого, а десятого января.

Последовал краткий сердитый ответ:

- Утверждается! - И Сталин бросил трубку.

10 января утром 7 тысяч орудий и минометов открыли ураганный огонь по расположениям противника. Это продолжалось 55 минут. После артиллерийской подготовки войска начали наступление. Пять суток продолжалось это наступление, но противник упорно сопротивлялся. Несмотря ни на какие трудности, в том числе на недостаток продовольствия и боеприпасов, гитлеровцы продолжали обороняться.

За пять дней, кроме боевых действий, на расположение врага было сброшено более 1,5 миллиона листовок и около 300 раз по радио окруженным объявляли, что в случае прекращения этого бессмысленного сопротивления к ним будут относиться гуманно.

Но на той стороне тоже велась большая политическая работа. Вот какой приказ был обнаружен у одного из пленных:

"За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно: кто

сдается в плен, тот никогда больше не увидит своих близких. У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод.

Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентеров прогонять огнем.

В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам.

Главнокомандующий Паупюс".

К 16 января кольцо было сильно сжато, и группировка немцев рассечена на несколько небольших котлов. Рокоссовский собрал совещание, чтобы уточнить задачу и договориться, как действовать дальше. Некоторые командиры предлагали остановиться на двое-трое суток, собраться с силами, так как наши части тоже несли потери, да и снабжение боеприпасами и другим необходимым было налажено не лучшим образом. Рокоссовский, обычно спокойный, на этот раз, видимо, помня гнев Сталина по поводу отсрочек, коротко приказал:

- Никаких остановок и пауз! Продолжать наступление! Не давать противнику опомниться! Использовать образовавшиеся бреши, с помощью артиллерии, танков, авиации непременно громить противника. Все, идите, исполняйте!

18 января 1943 года Воронова, отдыхавшего после посещения передовых позиций, разбудили и сказали, что по радио было передано о введении нового звания "маршал артиллерии" и что Воронову первому присваивается это высокое звание. Спустя некоторое время позвонили из Москвы, поздравили с присвоением нового звания, да еще и просили подумать: какую форму он предложил бы ввести для маршала артиллерии. Воронов ответил:

- Пусть специалисты подумают. Им должно быть виднее. А в воспоминаниях по этому поводу Воронов пишет: "Было

досадно, вместе с тем и смешно. Досадно потому, что в разгар серьезной операции отвлекали такими пустяками". Конечно же, Воронов под пустяками имел в виду форму, а не то, что ему присвоили высокое звание.

В эти дни, видя уже бессмысленность сопротивления, Паулюс неоднократно запрашивал разрешение на свободу действий. Под свободой действий ом имел и виду не капитуляцию, а создание ударных группировок, с помощью которых он попытается вырваться с теми, кто еще способен держаться на ногах и держать в руках оружие. Но ответ был неизменным: Гитлер лично требовал - держаться в крепости (как он теперь назвал Сталинград) до последнего!

Дисциплинированный Паулюс выполнял приказ. Более того, он до последнего часа подтверждал свою преданность фюреру.

20 января в Германии был праздничный день - отмечалось десятилетие прихода Гитлера к власти. Паулюс отправил телеграмму:

"По случаю годовщины взятия Вами власти 6-я армия приветствует своего фюрера. Над Сталинградом еще развевается флаг со свастикой. Пусть наша борьба будет нынешним и будущим поколениям примером того, что не следует капитулировать даже в безнадежном положении. Тогда Германия победит.

Хайль, мой фюрер!

Паулюс, генерал-полковник".

Гитлер немедленно ответил:

"Мои генерал-полковник Паулюс! Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волнении смотрит на этот город. Как всегда в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной... Только сейчас германская нация начинает осознавать всю тяжесть этой борьбы и то, что она принесет тягчайшие жертвы.

Мысленно всегда с вами и вашими солдатами,

Ваш Адольф Гитлер".

В те часы, когда начальники обменивались такими высокопарными посланиями, в "котле" происходила самая настоящая агония. Мне кажется, особенно наглядно свидетельствуют о ней очень печальные, но достоверные документы - выписки из неотправленных писем окруженцев. А не попали эти письма в Германию по цензурно-политическим соображениям: дабы не сеять панику, не снижать моральный дух немецкого народа. "...Я был потрясен, когда взглянул на карту. Мы совсем одни; никакой помощи извне. Гитлер нас бросил. Это письмо дойдет до вас, если аэродром еще в наших руках..."

"...Нам остается только ждать; все остальное не имеет смысла. На родине, конечно, кое-какие господа будут потирать руки и радоваться, что сохранили свои посты. В газетах будут публиковаться напыщенные статьи, окаймленные жирной черной рамкой. Нам будут воздавать честь и хвалу. Но не верь этой проклятой болтовне!"

"Ты - жена немецкого офицера, и ты должна понять все, что я тебе скажу сейчас. Ты должна знать правду. Правду об отчаянной борьбе в безнадежном положении. Грязь, голод, холод, крах, сомнения, отчаяние, смерть... Я не отрицаю и моей собственной вины за все это. Она стоит в пропорции 1 к 70 млн. Пропорция мала, но вина есть. Я не собираюсь укрываться от ответственности и именно поэтому лишь своей собственной

жизнью покрою эту вину..."

На следующий день после поздравительной телеграммы Паулюса, 31 января 1943 года, Гитлер спохватился - как же это он оплошал и сразу же не поощрил такого преданного служаку! И полетела в Сталинград еще одна телеграмма фюрер присвоил Фридриху Паул юсу высшее звание генерал-фельдмаршала!

С одной стороны, это было сделано для укрепления боевого духа командующего 6-й армией, а с другой - была тайная надежда: "фельдмаршалы в плен не сдаются".

Но замысел фюрера не оправдался - именно в день присвоения этого высокого звания новоиспеченный фельдмаршал сдался в плен.

Когда Гитлер получил сообщение об этом, его едва не хватил инфаркт. Он бился в истерике. Он кричал в исступлении:

- Как он мог сдаться большевикам!.. Какое малодушие!.. Если отказывают нервы, не остается ничего другого, как сказать: "Я ничего не мог больше сделать" и застрелиться... Это же так просто сделать... Теперь он подал такой пример, нельзя ждать, чтобы солдаты продолжали сражаться...

И чтобы солдаты и немецкий народ продолжали сражаться, от них был скрыт факт сдачи фельдмаршала в плен вместе с 95 000 его подчиненных. Гибель 6-й армии в газетах и по радио преподносилась так:

"Сражение в Сталинграде закончено. До последнего вздоха верная своей присяге, 6-я армия под образцовым командованием генерал-фельдмаршала Паулюса пала перед лицом превосходящих сил врага и неблагоприятных обстоятельств. Под флагом со свастикой, укрепленным на самой высокой руине Сталинграда, свершился последний бой. Генералы, офицеры, унтер-офицеры и рядовые сражались плечом к плечу до последнего патрона".

По всей стране был объявлен траур, приспущены имперские флаги с черными лентами, в кирхах шли заупокойные молебны.

Приведу любопытные, на мой взгляд, подробности пленения фельдмаршала.

Паулюса допрашивал Рокоссовский, об этом он написал в своей книге "Солдатский долг" всего несколько строк:

"В помещении, куда был введен Паулюс, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ждали этой встречи. Наконец открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного в полевой форме генерала, остановившегося навытяжку перед нами. Пригласили его сесть к столу. На столе у нас были сигареты и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам. Пригласили выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом о положении военнопленных солдат и офицеров, В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги, мы обещали таких вопросов не касаться".

Инициативу в разговоре взял на себя Воронов. Он был старше Рокоссовского по званию - маршал артиллерии, да и по должности представитель Ставки Верховного Главнокомандующего. Воронов в своих мемуарах подробно излагает эту беседу-допрос. Она происходила так:

- Вам предлагается немедленно отдать приказ подчиненным вам войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления.

Паулюс уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение.

- Речь идет о гуманном акте с вашей стороны, - сухо сказал Воронов. Мы располагаем достаточными силами и возможностями, чтобы за один-два дня, а может быть, и за несколько часов, разгромить части вашей армии, которые до сих пор оказывают сопротивление. Их усилия напрасны - они могут привести лишь к гибели тысяч ваших солдат и офицеров. Ваша обязанность, как командующего армией, спасти им жизнь.

- Если бы я даже подписал такой приказ, они бы ему не подчинились, сопротивлялся Паулюс. - Уже потому, что я нахожусь в плену, я автоматически перестал быть командующим.

- И все же нельзя сбросить со счета ваш личный авторитет, если речь идет о спасении многих тысяч людей, - настаивал Воронов.

Паулюс не находил новых аргументов, чтобы возражать. То он говорил, что, вероятно, уже назначен новый командующий, и его, Паулюса, подпись будет недействительна, то утверждал, что войска 6-й армии не поверят в подлинность его подписи.

- В таком случае, господин генерал-фельдмаршал, - заявил Воронов, - я вынужден вам сказать, что, отказываясь подписать приказ о капитуляции, вы берете на себя тяжелую ответственность перед немецким народом и будущим Германии за жизнь многих тысяч ваших подчиненных и соратников.

Паулюс молчал. Нервный тик, не дававший ему покоя, мешал сосредоточиться. Воронов, понимая состояние Паулюса, сменил тему разговора.

- Какой режим питания установить вам? - спросил он Паулюса.

Лицо пленного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

На этом первая встреча советского командования с пленным Паулюсом закончилась.

Следующая беседа состоялась вечером 2 февраля. Паулюсу сообщили об окончании операции и разгроме советскими войсками его армии, а также других немецких и румынских частей, находившихся в окружении.

- Как это вы, хорошо теоретически подготовленный и опытный генерал, допустили такую ошибку и позволили загнать вверенные вам крупные соединения в мешок? - спросил К. К. Рокоссовский.

- Для меня ноябрьское наступление русских было полной неожиданностью, - ответил Паулюс.

- Как? - удивился Воронов. - Вы относительно узким фронтом прорвались к Волге и рассчитывали спокойно отсидеться всю зиму на достигнутых рубежах? Вы что же, не ожидали зимнего наступления Советской Армии?

- Нет, по опыту первой военной зимы я знал, что наступление возможно, но операций таких масштабов я не ожидал...

- Какое влияние, на ваш взгляд, может оказать Сталинградская битва на весь ход войны?

Пленный фельдмаршал ответил, что давно не имел оперативных сводок с других участков фронта и поэтому не может судить о положении в целом. Тогда Воронов приказал показать Паулюсу карту обстановки на всех фронтах на 2 февраля 1943 года. Фельдмаршал рассматривал ее недоверчиво и иронически улыбался, давая понять, что не верит карте. Ему объяснили, что карта эта не изготовлена специально для Паулюса, а ведется для ориентировки представителей Ставки Верховного Главнокомандования.

- Ну и как вы считаете? - спросил его после этого Воронов.

- Знаете, - сказал Паулюс, - солдатское счастье изменчиво...

После нескольких вопросов, касающихся значения Сталинградской битвы, Паулюс признал, что операцию Красной Армии по окружению и уничтожению его армии можно отнести к разряду классических операций.

- Но и мою оборону в окружении, длившуюся столь долгое время и в таких неблагоприятных условиях - при недостатке боеприпасов, топлива, продовольствия и зимнего обмундирования, - тоже можно отнести к разряду классических операций, - добавил он.

Воронов так резюмировал встречи с Паулюсом:

"Неприятное впечатление произвел на нас этот растерянный человек, отвыкший мыслить самостоятельно".

Не могу согласиться с этим заключением маршала Воронова. Намой взгляд, Паулюс мыслил весьма самостоятельно. Он давал показания, имея в виду, что ему когда-то придется отвечать за свои слова, возможно, перед фюрером. Не надо забывать, что только начался 1943 год, фельдмаршал не считал войну проигранной, Сталинград ему казался хотя и крупным поражением, но все же немецкие войска были недалеко от Волги, восточнее Москвы. Немецкая армия еще могла (он верил в это) поправить положение на Восточном фронте, а он, Паулюс, мог предстать перед гневными очами фюрера.

Судьба Паулюса. надеюсь, читателям известна. Со временем

он полностью избавился от нацистских политических взглядов, стал участником антифашистского движения "Свободная Германия". Он радовался успехам Германской Демократической Республики.

Вот такая удивительная "перековка" произошла с тем, кого Сталин перевоспитал силой оружия. А метаморфоза действительно потрясающая - один из авторов плана "Барбаросса", возвращаясь из плена на родину 24 октября 1953 года, написал благодарность Советскому правительству, которая завершалась такими словами:

"Прежде, чем я покину Советский Союз, я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг".

Паулюс скончался 1 февраля 1957 года, будучи гражданином ГДР.

Религию - на службу Отечеству!

Сталину было известно, что во всех церквах страны во время богослужения произносятся патриотические молитвы за победу российских воинов. Как ученик духовной семинарии Иосиф Виссарионович хорошо понимал значение Церкви и религии в жизни страны. Он решил поддержать священнослужителей в их полезных деяниях на благо укрепления стойкости и твердости духа армии и народа.

4 сентября 1943 гола к Сталину был вызван Г. Г. Карпов - председатель Совета по делам Русской Православной Церкви. Он пишет в своих воспоминаниях о том, какие вопросы задал ему Сталин:

...а) что собой представляет митрополит Сергий (возраст, физическое состояние, его авторитет в церкви, его отношение к властям);

б) краткая характеристика митрополитов Алексия и Николая;

в) когда и как был избран в патриархи Тихон;

г) какие связи Русская Православная Церковь имеет с заграницей;

д) кто является патриархами Вселенским, Иерусалимским и другими;

е) что я знаю о руководстве православных церквей Болгарии, Югославии, Румынии;

ж) в каких материальных условиях находятся сейчас митрополиты Сергий, Алексий и Николай;

з) количество приходов Православной Церкви в Советском Союзе и количество епископата.

После того, когда мною были даны ответы на вышеуказанные

вопросы, мне было задано три вопроса личного порядка:

а) русский ли я;

б) с какого года в партии;

в) какое образование имею и почему я знаком с церковными вопросами.

Продолжим воспоминания Г. Г. Карпова. "После этого Сталин сказал:

- Нужно создать специальный орган, который бы осуществлял связь с руководством Церкви. Какие у нас есть предложения?

Оговорившись, что я к этому вопросу не совсем готов, я внес предложение организовать при Верховном Совете Союза ССР отдел по делам культов, и исходил я при этом из факта существования при ВЦИКе постоянно действующей комиссии по делам культов.

Товарищ Сталин поправил меня:

- Организовывать комиссию или отдел по делам культов при Верховном Совете Союза ССР не следует.

Несколько подумав, сказал:

- Надо организовать при Правительстве Союза, то есть при Совнаркоме, Совет, который назовем Советом по делам Русской Православной Церкви. На Совет будет возложено осуществление связей между Правительством Союза и патриархом. Совет самостоятельных решений не принимает, докладывает и получает указания от правительства.

После этого Сталин спросил Маленкова и Берия, следует ли принимать ему митрополитов Сергия, Алексия, Николая. Они посчитали это положительным.

Сталин сказал мне:

- Позвоните митрополиту Сергию и от имени правительства передайте следующее: "Говорит с вами представитель Совнаркома Союза. Правительство имеет желание принять вас, а также митрополитов Алексия и Николая, выслушать ваши нужды и разрешить имеющиеся у вас вопросы. Правительство может вас принять или сегодня же, через час-полтора, если это время вам не подходит, то прием может быть организован завтра (в воскресенье) или в любой день последующей недели".

В присутствии Сталина Карпов созвонился с Сергием и, отрекомендовавшись представителем Совнаркома, передал вышеуказанное, попросил обменяться мнениями с митрополитами Алексием и Николаем, если они находятся в данное время у митрополита Сергия.

Митрополит Сергий ответил:

- Алексий и Николай благодарят за такое внимание со стороны правительства. Мы хотели бы, чтобы нас приняли

сегодня.

Сталин не откладывал то, что можно сделать без промедления.

Через два часа митрополиты Сергий, Алексий и Николай прибыли в Кремль и были приняты Сталиным в кабинете Председателя Совнаркома Союза ССР. На приеме присутствовали Молотов и Карпов. (Дальше я привожу в пересказе почти стенографическую запись беседы, которую сделал Карпов).

Сталин тепло поздоровался с митрополитами, сказал:

- Правительство Союза знает о проводимой патриотической работе в церквах с первого дня войны; правительство получило очень много писем с фронта и из тыла, одобряющих позицию, занятую Церковью по отношению к государству.

Затем Сталин попросил митрополитов высказаться об имеющихся у патриархии и у них лично назревших, но неразрешенных вопросах. Митрополит Сергий сказал:

- Самым главным и наиболее назревшим вопросом является вопрос о центральном руководстве Церкви. Я почти 18 лет являюсь патриаршим местоблюстителем, а Синода в Советском Союзе нет с 1935 года. А потому я считаю желательным, чтобы правительство разрешило собрать архиерейский Собор, который и изберет патриарха, а также образует при главе Церкви Священный Синод как совещательный орган в составе пяти-шести архиереев.

Митрополиты Алексий и Николай также высказались за образование Синода, заявив, что избрание патриарха на архиерейском Соборе они считают вполне каноничным, так как фактически Церковь возглавляет бессменно в течение восемнадцати лет патриарший местоблюститель митрополит Сергий.

Одобрив предложение митрополита Сергия, Сталин спросил:

- Как будет называться патриарх? Когда может быть собран архиерейский Собор? Нужна ли какая-либо помощь со стороны правительства для успешного проведения Собора, имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги?

Сергий ответил:

- Эти вопросы предварительно мы между собой обсуждали и считали бы желательным и правильным, если бы правительство разрешило для патриарха принять титул "патриарха Московского и всея Руси"; патриарх Тихон, избранный в 1917 году при Временном правительстве, тоже назывался "патриархом Московским и всея России".

Сталин согласился, сказав, что это правильно. На второй вопрос митрополит Сергий ответил:

- Архиерейский Собор можно будет собрать через месяц. Сталин улыбнулся и обратился к Карпову;

- А нельзя ли проявить большевистские темпы?

- Если мы поможем митрополиту Сергию соответствующим транспортом для быстрейшей доставки епископата в Москву (самолетами), то Собор мог бы быть собран и через три-четыре дня.

После короткого обмена мнениями договорились, что архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября. На третий вопрос митрополит Сергий ответил;

- Для проведения Собора никаких субсидий от государства не просим.

Митрополит Сергий поднял, а митрополит Алексий развил вопрос о подготовке кадров духовенства, причем оба просили Сталина, чтобы им было разрешено организовать богословские курсы при некоторых епархиях.

Сталин, согласившись с этим, в то же время добавил:

- Почему вы ставите вопрос только о богословских курсах? Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно.

Митрополит Алексий сказал:

- Для открытия духовных академий еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий - принимать в них лиц моложе 18 лет считаю неподходящим, по прошлому опыту зная, что пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, так как получается большой отсев. Может быть, в последующем, когда Церковь будет иметь соответствующий опыт работы с богословскими курсами, встанет этот вопрос, но и то организационная и программная сторона семинарий и академий должна быть резко видоизменена.

Сталин сказал:

- Ну, как хотите, это дело ваше, если хотите богословские курсы начинайте с них, но правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий.

Сергий поднял вопрос об организации издания журнала Московской патриархии, который бы выходил один раз в месяц и в котором бы освещалась как хроника Церкви, так и печатались статьи, речи, проповеди богословского и патриотического характера.

Сталин ответил:

- Журнал можно и следует выпускать.

Затем митрополит Сергий затронул вопрос об открытии церквей в ряде епархий, сказав, что вопрос об этом перед ним

ставят почти все епархиальные архиереи, что церквей мало и что уже очень много лет церкви не открываются.

При этом митрополит Сергий сказал, что он считает необходимым предоставить право епархиальным архиереям входить в переговоры с гражданской властью по вопросу открытия церквей.

Сталин ответил:

- По этому вопросу никаких препятствий со стороны правительства не будет.

Митрополит Алексий поднял вопрос довольно щепетильный - об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, в лагерях, в тюрьмах.

Сталин коротко сказал:

- Представьте такой список, мы его рассмотрим.

Сергий поднял тут же вопрос о предоставлении права свободного проживания и передвижения внутри Союза и права исполнять церковные службы священнослужителями, отбывшими по суду срок своего заключения, - то есть вопрос о снятии запрещений, вернее, ограничений, связанных с паспортным режимом.

Сталин предложил Карпову этот вопрос изучить.

Поговорили о делах финансовых.

Митрополит Алексий сказал, что он считает необходимым предоставление епархиям права отчислять некоторые суммы из касс церквей и епархий в кассу центрального церковного аппарата для его содержания (патриархия, Синод), и в связи с этим же митрополит Алексий привел пример, что инспектор по административному надзору Ленсовета Татаринцева такие отчисления делать не разрешала.

В связи с этим же вопросом он, а также митрополиты Сергий и Николай считают необходимым, чтобы было видоизменено положение о церковном управлении, а именно, чтобы священнослужители получили право быть членами исполнительного органа Церкви.

Сталин против этого не возражал.

Митрополит Николай затронул вопрос о свечных заводах, заявив, что в данное время церковные свечи изготовляются кустарями, продажная цена свечей в церквах весьма высокая, и он, митрополит Николай, считает лучшим предоставить право иметь свечные заводы при епархиях.

Сталин сказал, что Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР. И - обращаясь к Карпову:

- Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и так далее. - Затем, обращаясь к трем митрополитам: - Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру. Вот мне доложил товарищ Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы желали бы получить от правительства.

Митрополит Сергий ответил:

- Для патриархии и для патриарха прошу принять внесенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты мы покупаем на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины.

- Помещения в Новодевичьем монастыре товарищ Карпов посмотрел, сказал Сталин, - они совершенно не благоустроены, требуют капитального ремонта, и для того, чтобы занять их, надо еще много времени. Там сыро и холодно. Ведь надо учесть, что эти здания построены в XVI веке. Правительство вам может выделить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение, предоставив трехэтажный особняк на Чистом переулке, который занимал ранее бывший немецкий посол Шуленбург. Но это здание советское, не немецкое, так что вы можете совершенно спокойно в нем жить. При этом особняк мы вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в нем, а для того, чтобы лучше иметь представление об этом здании, мы сейчас вам покажем план его.

(Видно, готовился Сталин к этой встрече - знал о состоянии помещений и имел план под рукой).

Через несколько минут Поскребышев принес план особняка с его надворными постройками и садом. Было условлено, что на другой день, 5 сентября, Карпов предоставит возможность митрополитам лично осмотреть эти помещения.

Сталин вновь затронул вопрос о продовольственном снабжении:

- На рынке продукты покупать вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами вас по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение две-три легковые автомашины с горючим. Нет ли еще каких-либо вопросов, нет ли других нужд

у Церкви?.. Ну, если у вас больше нет к правительству вопросов, то может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться Совет по делам Русской Православной Церкви, и председателем Совета предполагается назначить товарища Карпова. Как вы смотрите на это?

Все трое заявили, что они весьма благодарны за это правительству и лично товарищу Сталину и весьма благожелательно принимают назначение на этот пост товарища Карпова.

Сталин сказал:

- Совет будет представлять собою место связи между правительством и Церковью, и председатель его должен докладывать правительству о жизни Церкви и возникающих у нее вопросах.

Обращаясь к Карпову, Сталин произнес:

- Подберите себе два-три помощника, которые будут членами вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните, во-первых, что вы не обер-прокурор, во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность Церкви.

Тут же, при митрополитах, Сталин обратился к Молотову:

- Надо довести об этом до сведения населения, так же, как потом надо будет сообщить населению и об избрании патриарха.

Вячеслав Михайлович сразу же стал составлять проект коммюнике для радио и газет, при этом вносились соответствующие замечания, поправки и дополнения как со стороны Сталина, так и со стороны митрополитов Сергия и Алексия.

Текст извещения был принят в следующей редакции:

"4 сентября с. г. у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела места беседа с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем. Во время беседы митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при патриархе Священного Синода.

Глава правительства товарищ И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий.

При беседе присутствовал заместитель Председателя Совнаркома СССР товарищ В. М. Молотов".

(Это коммюнике было опубликовано в газете "Известия" 5 сентября 1943 года).

Текст коммюнике был вручен Поскребышеву для передачи в этот же день на радио и в ТАСС дли напечатания в газетах.

После этого Молотов обратился к Сергию с вопросом:

- Когда лучше принять делегацию англиканской Церкви, желающую приехать в Москву, во главе с архиепископом Йоркским?

Сергий ответил, что поскольку Собор епископов будет собран через четыре дня, а значит, и будут проведены выборы патриарха, англиканская делегация может быть принята в любое время.

Молотов сказал, что, по его мнению, лучше будет принять эту делегацию месяцем позднее.

В заключение приема выступил митрополит Сергий с кратким благодарственным словом к правительству и лично товарищу Сталину.

Молотов спросил Сталина:

-- Может, следует вызвать фотографа?

Сталин ответил:

- Нет, сейчас уже поздно, второй час ночи, поэтому мы сделаем это в другой раз.

Сталин, попрощавшись с митрополитами, проводил их до дверей своего кабинета.

Тайный прием был историческим событием. О значении в жизни и деятельности Церкви и священнослужителей этого "мероприятия", проведенного лично Сталиным (никто другой на такое не отважился бы), говорить не приходится. Может быть, следует только напомнить любителям расписывать жестокость Сталина о таких вот добрых его делах. Ищущие правду не должны забывать и об этом.

Прорыв блокады Ленинграда

После успешного завершения Сталинградской операции Ставка развивала наступление в направлении Донбасс - Харьков, готовила Острогожско-Россошанскую наступательную операцию. Здесь, на южном крыле советско-германского фронта, происходили самые активные боевые действия. Одновременно провели несколько наступательных операций под Демьянском. Великими Луками и Ржевом Северо-Западный, Калининский и Западный фронты.

Создалась благоприятная обстановка для нанесения удара под Ленинградом, чтобы избавить от блокады этот многострадальный город.

Была разработана операция, которой присвоено кодовое название "Искра".

На этот раз Сталину как Верховному Главнокомандующему пришлось объединять и направлять усилия не только сухопутных сил, но и флота и партизанских отрядов.

Замысел операции сводился к нанесению встречных ударов двух фронтов: Ленинградского, которым командовал генерал армии Говоров, и Волховского под командованием генерала армии Мерецкова, во взаимодействии с Балтийским флотом (адмирал Трибун.).

Эти фронты разделяла всего 12-километровая полоса. Но какая! Здесь противник создал мощнейшие оборонительные сооружения: сплошные траншеи в несколько рубежей, доты, дзоты, минные поля, проволочные заграждения. Противотанковая система обороны включала укрепленные берега каналов и мест торфоразработок, два высоких насыпных нала, покрытых льдом. И все это прикрывалось мощной артиллерией, авиацией и опытными вояками, которые засели здесь и укреплялись с первого месяца войны.

Соперником, с которым предстояло схлестнуться Сталину в очень сложной и принципиальной схватке, был фельдмаршал Кюхлер. Он пытался задушить голодной блокадой Ленинград и считал, что близок к достижению цели. Сталину предстояло разорвать кольцо блокады, отогнать войска фельдмаршала и дать вздохнуть ленинградцам полной грудью, накормить, подлечить их после тяжелейшей осады.

Георг фон Кюхлер был уже немолод - родился он в 1881 году. Пошел служить в армию в 190! году. Участвовал в первой мировой войне, уже имея генштабовское образование. В 1936 году в звании генерал-лейтенанта командовал корпусом в Кенигсберге. В 1939-м Кюхлер во главе 3-й армии участвовал в боях против Польши. После оккупации Польши, командуя 9-й армией, Кюхлер через Данию порвался во Францию и гнал франко-английские части до Дюнкерка, который взял 4 июня 1940 года.

Перед вторжением в Советский Союз, скрытно перегруппировав свою 9-ю армию на восток в составе группы армий "Север" под командованием Лееба, рванулся в сторону Ленинграда. Но на этот раз не удалось молниеносно достичь успеха. Однако Гитлер посчитал виновным в этой неудаче генерал-фельдмаршала Лееба: в течение почти двух лет группа армий "Север" не могла захватить город. Гитлер отстранил Лееба и назначил на его место фон Кюхлера, присвоив ему звание генерал-фельдмаршала.

Но несмотря на все старания оправдать доверие фюрера, Кюхлер не смог захватить Ленинград. И вот теперь ему

предстояло сразиться со Сталиным и с генералом (да, пока еще с генералом) Жуковым и подтвердить свое фельдмаршальское звание или впасть в немилость у Гитлера, что было пострашнее поражения на фронте.

Сталин позвонил Жукову, который находился на Воронежском фронте:

- В Ленинграде как представитель Ставки находится Ворошилов. Государственный Комитет обороны считает, что вам тоже необходимо поехать туда. Нужно на месте посмотреть, все ли сделано для того, чтобы операция "Искра" прошла успешно. Время у нас еще есть, сделайте остановку в Москве. Нам надо обсудить один вопрос.

В Москве в беседе, длившейся несколько минут, Верховный дал Жукову еще одно важное поручение:

- Слетайте на пару дней в 3-ю ударную армию: она ведет тяжелые бои с окруженной группировкой противника в районе Великие Луки - Новосокольники Поречье. Посмотрите, как там организовано дело.

Поручение не случайное - не просто по пути заехать для острастки. Под Великими Луками никак не могли добить окруженную группировку немцев. Сталин хотел активизировать на этом участке фронта наши боевые действия, чем привлечь сюда резервы командующего группой армий "Север" генерал-фельдмаршала Георга фон Кюхлера, это способствовало бы успеху при осуществлении операции "Искра" (кстати, так и получилось: Кюхлер перебросил под Демьянск для выручки 16-й армии "из мешка" семь дивизий).

Сталин это понимал и поэтому оттягивал силы врага от Ленинграда.

Под Ленинградом командующие фронтами не раз встречались и с помощью Жукова детально отработали взаимодействия своих войск.

Главный удар предстояло нанести 2-й ударной армии, которой командовал генерал Романовский. Той самой 2-й ударной армии Власова, о гибели которой много писали немцы. В нашей печати об этой армии старались не упоминать. Предательство Власова бросило тень на эту армию, ее последующие боевые дела замалчивали, воинов и офицеров обходили наградами и званиями. И напрасно: армия была переформирована, пополнена и достойно участвовала во многих победных операциях.

Вот и на этот раз ей предстоял труднейший прорыв обороны, созданной немцами в течение почти двух лет. Здесь не было внезапности, гитлеровцы хорошо знали о подготовке нашего

наступления, да и о группировке войск. Фельдмаршал фон Кюхлер понимал: если Жуков приехал под Ленинград, значит, жди самых грозных событий.

Он не ошибся. В 9 часов 30 минут 12 января 1943 года с обеих сторон Шлиссельбургского коридора как горный обвал обрушились тысячи снарядов, мин и авиационных бомб. Ширина коридора была всего 15 километров, поэтому артиллерия двух фронтов накрыла огнем сразу всю глубину обороны противника. На каждый квадратный метр участка прорыва падало два-три артиллерийских и минометных снаряда.

И все же гитлеровцы сопротивлялись отчаянно - целую неделю пришлось вести упорнейшие бои двум фронтам, чтобы пробиться навстречу друг другу (расстояние всего по 7-8 километров на каждый фронт).

Сталин своего добился, он избавил Ленинград от страшной блокады, спас жизнь тысячам жителей. Это прозвучало победным эхом по всему миру, потому что произошло не только военное, но и крупное политическое событие.

В день, когда соединились войска двух фронтов, 18 января, у Сталина было хорошее настроение, он поделился радостью и с Жуковым - давно пора было отметить Георгия Константиновича за победу под Москвой, за Сталинградскую операцию, но все было недосуг, а на сей раз появилась еще одна причина: свершилась деблокада Ленинграда, которая 900 дней тяжким грузом давила не только на ленинградцев, но и на всю страну и армию.

Сталин позвонил Жукову и со свойственной ему немногословностью сказал:

- Товарищ Жуков, Верховный Совет присвоил Вам высокое звание Маршала Советского Союза. - И, даже не произнеся "поздравляю", перешел к делу: Надо будет помочь ленинградцам, они так настрадались в блокаде. Октябрьская железная дорога все еще у противника, построим побыстрее новую железнодорожную ветку, я дам указания железнодорожникам.

Дорогу начали строить немедленно, железнодорожные бригады шли вслед за войсками, которые вели бои, оттесняя врага еще дальше.

Через две недели ветка протяженностью в 34 километра начала действовать, пошли грузы в город, а раненые, больные вывозились из него.

За две недели! Иначе и быть не могло. Сталин приказал! И строители, и войска понимали, как необходима эта "дорога Победы" настрадавшимся людям: 642 000 человек легло в могилы от голода и болезней, 21 тысяча погибла от артиллерийских обстрелов.

Наконец-то город-герой вздохнул свободнее ("Сталин позаботился!"). Дорогу бомбили и обстреливали немцы днем и ночью, но железнодорожные команды на всем ее протяжении немедленно исправляли повреждения. И дорога жила несмотря ни на что, помощь шла ленинградцам бесперебойно и все знали "Сталин приказал!"

В Ленинградско-Новгородской операции, которая проводилась с 14 января по 1 марта 1944 года, группа армий "Север" была окончательно разгромлена. Гитлер сместил (уже в ходе этой операции) фельдмаршала Кюхлера за то, что тот не смог сдержать наступление советских армий. На его место был назначен генерал-полковник Линдеман, но вскоре Гитлер заменил и его фельдмаршалом Моделем, которого сами гитлеровцы считали "живодером" за его безжалостность и жестокость.

В общем, много неприятностей причинил Сталин на северном фланге Восточного фронта не только крупным немецким военачальникам, но и самому Гитлеру, который как командующий сухопутными войсками (после снятия им Браухича) руководил боевыми действиями и под Ленинградом. Сталин лишил возможности и самого Гитлера осуществить намерение, изложенное им в специальном докладе "О блокаде Ленинграда", где были такие слова: "Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушим город артиллерией... вступив в город... вывезем все, что осталось... сровняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии".

Не состоялось...

Сражения под Воронежем

Продолжались бои по уничтожению 6-й армии Паулюса под Сталинградом. Завершалась операция "Искра" по освобождению Ленинграда от блокады. Все это Сталин постоянно держал в поле зрения, и одновременно мысли его устремлялись на Запад. С 6-й армией можно было считать вопрос решенным, с обстановкой под Ленинградом - тоже. Создалась некоторая рыхлость в боевых порядках немцев на центральном фронте и на юге. Сталин советовался с Василевским:

- Как использовать эту благоприятную обстановку?

- Прежде всего подвоз материальных средств, - ответил Василевский. Поток грузов на юг продолжает идти по каналам, подготовленным еще до сталинградского контрнаступления. Войска же далеко продвинулись на запад, ушли от рокадных дорог. Поворачивать грузы от Сталинграда на запад все еще мешает Паулюс. Думаю, нам как воздух нужна железная дорога

Воронеж-Миллерово...

- Вот и хорошо, - прервал его Сталин. - Значит, будем готовить операцию в полосе Воронежского фронта. Как вы считаете, в каком месте?

- В Генштабе уже прорабатывался этот вопрос. Полагаем, что надо разгромить острогожско-россошанскую группировку противника и восстановить движение по железной дороге Лиски - Кантемировка. В случае успеха мы сможем не только улучшить доставку грузов фронтам, но и получим хорошую перспективу дальнейших действий.

Сталин согласился с мнением Василевского и дал указание готовить эту операцию.

Генеральный штаб вместе с Василевским и командующим Воронежским фронтом Голиковым разработал план в деталях. 14 января Сталин еще раз рассмотрел этот план и утвердил его.

Замысел почти не отличался от предыдущей Сталинградской операции: удар двух группировок по сходящимся направлениям образует котел. 40-я армия Москаленко прорывает фронт с юга, ее успех развивает 4-й танковый корпус Кравченко. Южная группа, в составе 3-й танковой армии Рыбалко и 7-го кавалерийского корпуса, наносит охватывающий удар на Северо-Запад. В центре активно наступает 18-й стрелковый корпус.

Противостояли значительные силы противника - семь дивизий 2-й полевой армии генерал-полковника Зальмута. Южнее оборонялась 2-я венгерская армия, а еще южнее - итальянский альпийский корпус. На стыках немцы держали в тылу свои части, но это было всего несколько полков, да в районе Россоши разбавили итальянские дивизии немецкими. Опыт Сталинграда показывал, что наступать надо именно здесь - в центре фронта группы армий "Б". Венгерские, а тем более итальянские войска, хуже вооруженные и подготовленные к условиям суровой зимы, объективно были самым слабым звеном гитлеровской обороны. Все это предвещало успех.

При подготовке этой операции произошел любопытный эпизод, который показывает, с каким вниманием Сталин относился не только к своим ближайшим советникам, но и к мнению низших по должности и званию командиров.

Случилось так, что не только Генштаб определил первостепенную важность железной дороги Воронеж - Миллерово для успешного развития дальнейших боевых действий, - командующий 40-й армией генерал Москаленко тоже пришел к такому выводу. Он посовещался с членами Военного совета. Все пришли к заключению: вопрос настолько важен, что нельзя его решение откладывать.

Дальше я привожу воспоминания маршала (тогда еще генерал-лейтенанта) Москаленко:

"- Вот ты и доложи Верховному Главнокомандующему, - убеждали меня они. - Позвони по ВЧ и попроси разрешения на активную операцию для нашей армии...

Я задумался. В самом деле, почему бы и не позвонить, ведь ясно, что такая наступательная операция в скором времени станет необходимой, так не лучше ли заранее подготовиться к ней. Командующий войсками Воронежского фронта генерал-лейтенант Ф. И. Голиков находился в то время на левом фланге в полосе 6-й армии, которая готовилась к наступлению на Среднем Дону совместно с войсками Юго-Западного фронта.

Обдумав все, я подошел к аппарату ВЧ и попросил соединить с Верховным Главнокомандующим. Вместе со мной подошли Крайнюков и Грушецкий. Я ожидал, что сначала ответит кто-нибудь из его приемной. Придется доказывать необходимость этого разговора, а тем временем можно будет окончательно собраться с мыслями для доклада. Но в трубке вдруг послышалось:

- У аппарата Васильев.

Мне было известно, что "Васильев" - это псевдоним Верховного Главнокомандующего. Кроме того, разговаривать со Сталиным по телефону мне уже приходилось, да и узнать его спокойный глуховатый голос с характерными интонациями было не трудно. Волнуясь, я назвал себя, поздоровался. Сталин ответил на приветствие, сказал:

- Слушаю вас, товарищ Москаленко.

Крайнюков и Грушецкий, тоже взволнованные, быстро положили передо мной оперативную карту обстановки на Воронежском фронте. Она была мне хорошо знакома, и и тут же кратко изложил необходимость активных действий 40-й армии с целью разгрома вражеской группировки и освобождения участка железной дороги, так необходимого для снабжения войск при наступлении Воронежского и Юго-Западного фронтов на Харьков и Донбасс.

Сталин слушал, не перебивая, не задавая вопросов. Потом произнес:

- Ваше предложение понял. Ответа ждите через два часа. И, не прощаясь, положил трубку.

В ожидании ответа мы втроем еще раз тщательно обсудили обстановку и окончательно пришли к выводу, что предложение об активизации в ближайшем будущем действий 40-й армии является вполне обоснованным.

Ровно через два часа - звонок из Москвы. Беру трубку:

- У аппарата Москаленко.

Слышу тот же голос:

- Говорит Васильев. Вашу инициативу одобряю и поддерживаю. Проведение операции разрешается. Для осуществления операции Ставка усиливает 49-ю армию тремя стрелковыми дивизиями, двумя стрелковыми бригадами, одной артиллерийской дивизией, одной зенитной артиллерийской дивизией, тремя танковыми бригадами, двумя-тремя гвардейскими минометными полками, а позднее получите танковый корпус. Достаточно вам этих сил для успешного проведения операции?

- Выделяемых сил хватит, товарищ Верховный Главнокомандующий, отвечаю я. - Благодарю за усиление армии столь значительным количеством войск. Ваше доверие оправдаем.

- Желаю успеха, - говорит на прощание Сталин. Кладу трубку и, повернувшись к Крайнюкову и Грушецкому, определяю по их радостно-возбужденному виду, что они поняли главное: предложение одобрено Ставкой. Подтверждаю это и сообщаю им все, что услышал от Верховного Главнокомандующего..."

Ни в коем случае не снижая самостоятельности оперативного мышления Москаленко, хочу подчеркнуть этим эпизодом высокое педагогическое, воспитательное мастерство Сталина. Читателям известно - решение на проведение Воронежской операции уже принято, план ее проведения разработан. Но Сталин не хочет подавлять инициативу командарма Москаленко. Он считает лучше не "подсекать ему крылья", сказав, что все уже решено, а поддержать, вселить уверенность и этой поддержкой приблизить к себе инициативного генерала, так нужного ему, Верховному.

Два часа, которые определил Сталин для ожидания ответа, наверное, ему были нужны для того, чтобы уточнить в Генштабе средства усиления, уже намеченные для 40-й армии Москаленко. И опять-таки, как тактично и умело все это "обыграл" Сталин, он был тонким психологом, знал - его поддержка обернется еще большей активностью и успехами в предстоящей операции и самого командарма, и войск, ему подчиненных, до которых политработники, несомненно, доведут это личное благословение Верховного.

К 11 января Генеральный штаб и командующий фронтом завершили подготовку операции. Представители Ставки вышли на наблюдательные пункты. Сталин ждал первых сообщений.

Армия Москаленко активно приступила к выполнению задачи. Разведывательные подразделения 40-й армии действовали так энергично, что промерзшие на ледяных скатах меловых гор венгры были одним ударом сбиты и к концу дня

отброшены на семь километров.

Василевский доложил Сталину:

- Бегут немцы!

- Бегут, значит? Бейте их! - весело сказал Сталин и сообщил Василевскому: - У немцев нет свободных резервов. Добиваем Паулюса. Еременко жмет на Ростов, наступаем под Краснодаром и Ставрополем. Поднимайте Рыбалко - и желаю вам успеха!

13 января после мощной артподготовки со Сторожевского плацдарма в бой вступили главные силы 40-й армии. К концу суток оборона была прорвана на полсотню километров по фронту и почти на столько же в глубину. Все шло по классическим законам военного искусства. Рыбалко развивал успех. Сталин был доволен: научились-таки немца бить!

Итальянцы тоже не выдержали удара танковых корпусов Рыбалко и с первых часов побежали. К исходу дня танкисты продвинулись на 30 километров. Еще через сутки все наступающие части вышли на оперативный простор.

Казаки Соколова шли на Валуйки, преследуя отступающих итальянцев. 18-й корпус рвал на части метавшихся в полукольце между Острогожском и Россошью венгров, итальянцев, немцев. Армии Москаленко и Рыбалко уже установили огневую связь, и артиллерии нещадно долбила врага с двух сторон, помогая окончательно закрыть оставшийся десятикилометровый коридор!

В результате быстротечной операции - за 15 дней - была прорвана оборона на 250 километров по фронту и на 140 километров в глубину. Уничтожено 15 диризий противника, взято в плен 86 тысяч солдат и офицеров.

Сталин выслушал доклад Василевского, спросил:

- Какое время понадобится для того, чтобы осуществить четкий план дальнейших действий?

- Думаю, что на это потребуется не меньше пяти-шести суток.

- Какая нужна помощь, чтобы ускорить разгром врага?

- Буду требовать от Ватутина быстрейшего выдвижения армии Харитонова на рубеж Покровское и далее на юг. Что касается дальнейших действий, мы уже направили вам план новой Воронежской операции. Точнее, Воронежско-Касторненской.

- Не могли бы вы кратко доложить ее замысел?

- Он сводится к тому, чтобы ударами по сходящимся направлениям по флангам 2-й немецкой армии окружить и уничтожить ее основные силы, освободить Воронеж, Касторную и открыть железнодорожный участок Воронеж Касторная и Елец - Касторная. К операции привлекаем часть сил двух фронтов. Они должны будут сомкнуть кольцо окружения в районе Касторной. В остальном операция очень похожа на предыдущую. Только в

центре будут наступать на Воронеж сразу две армии - 38-я и 60-я. Все-таки немцы - это не венгры и не итальянцы. Далее в случае успеха можно будет нанести удар в стык центральной и южной стратегических группировок противника на Курск, а также ударить по Харькову, пока немцы не сосредоточили там крупные резервы.

- Не спешим ли мы, товарищ Василевский, с так далеко идущими планами? Хватит ли сил?

- Хватит.

Верховный, конечно, оценил его деликатность и понял, что часть ответственности Василевский возьмет на себя.

- Я имею в виду армию Москаленко, - уточнил он. - Хватит ли у него сил после боев под Острогожском?

- Дело в том, что у нас оказались неиспользованными три стрелковые дивизии, три лыжные бригады и целый танковый корпус Кравченко. Просим Вас только усилить фронт артдивизией, двумя полками "катюш", танками КВ и Т-34, самолетами. Начало операции планируем на 23 января без перерыва после предыдущих боев. Поэтому уже сейчас начали подготовку. Разрешите начать работу с командующими?

- Хорошо, я подумаю. Завтра получите отпет. А пока, - Сталин сделал паузу, добро улыбнулся, - поздравляю вас с победой над врагом и присвоением очередного воинского звания генерала армии. Сегодня Совнарком подписал постановление.

Научились бить гитлеровцев, можно и нужно было отмечать победителей Сталин понимал это, и вот в один день генералу армии Жукову - маршала, Василевскому - очередное звание генерала армии.

На следующий день Сталин утвердил план Воронежско-Касторненской операции. Генеральный штаб тут же по указанию Верховного начал разрабатывать план Харьковской операции, которому дали кодовое название "Звезда".

26 января вечером, когда окружение немцев в районе Касторного стало реальностью, Василевский связался с Верховным и, не скрывая радости, доложил об этом. Сталин тоже чувствовал глубокое удовлетворение.

- Заканчивайте окружение, - сказал он. - Помимо операции "Звезда", готовьте удар на Курск, Пухов после выхода к Касторной должен ударить на Малоархангельск - Фатеж, обеспечивая наступление на Курск с севера. Правому крылу Воронежского фронта наступать прямо на Курск. Как вы это оцениваете и что можете сказать вообще об обстановке на юге?

- Указание принимаем к исполнению. В целом же обстановка складывается и нашу пользу. В обороне противника на участке

Касторное - Курск, почти до Купянска, образовалась брешь примерно в триста километров, прикрытая весьма слабо. Немцы отходят. Складывается даже впечатление, что отходят за Днепр с намерением закрепиться на западном берегу реки.

Сталин выслушал внимательно и дополнил:

- Ватутин тоже так считает. Я санкционировал ему проведение операции "Скачок" на освобождение Донбасса. Ставка также считает маловероятным, что немцы в ближайшее время предпримут сколько-нибудь заметные контрдействия на Левобережной Украине и в Донбассе, Стране очень нужен донецкий уголь. Захват же Батайска приведет к полной изоляции закавказской и черноморской группировок противника.

- Такой вариант возможен, - сказал Василевский.

- Почему возможен? У вас есть сомнения?

- Я как начальник Генерального штаба не могу не сомневаться. У противника действительно плохо с резервами, но уже есть сведения о переброске с запада 2-го танкового корпуса СС. Это лучшие танковые дивизии вермахта: "Адольф Гитлер", "Мертвая голова", "Рейх". Их передовые части зафиксированы на реке Оскол.

-- Вот поэтому и надо спешить.

- Спешим, товарищ Сталин. Но глубина операции "Звезда" - двести пятьдесят километров. Надо овладеть таким крупным центром, как Харьков. Выполнение такой задачи требует от войск не только больших, но и нарастающих усилий, глубокого оперативного построении. Войска же измотаны боями, понесли потери и наступают, имея построение армий в одну линию. Кроме того, один фронт наносит удар и еще на другом важном направлении Курском.

- Вы что же, против продолжения наступления?

- Никак нет! Было бы грешно не воспользоваться сложившейся обстановкой, но Генеральный штаб не может не высказать хотя бы минимальных сомнений. Необходимо упорядочить дело не только со стратегическими, но и с оперативными резервами.

- У Генштаба всегда особое мнение. Это вас не отпускает шапошниковская закваска, - пошутил Сталин. - Хорошо, меры мы примем, но за оперативные резервы прежде всего отвечает фронт, вот и посмотрим, как там, на фронте, воспользуются тем, что дает страна, советский народ. А начальник Генштаба все-таки должен быть больше уверенным, чем сомневающимся.

У Сталина не было сомнений, он решительно и твердо проводил эти операции. Надо сказать, что объективные предпосылки для этого были. К тому времени на Волге и Дону, на

Северном Кавказе и под Воронежем, под Ленинградом и Великими Луками Красная Армия разбила 102 дивизии врага. Только в плен попало более 200 тысяч солдат и офицеров. Миллионы соотечественников обрели свободу, огромная территория избавлена от ярма оккупации. Наши войска всего за два месяца продвинулись на 400-500 километров, и враг бежал. Многое говорило зато, что он должен отступить за Днепр.

Курская дуга

После Сталинградского сражения, еще когда велось уничтожение окруженной группировки, инициатива действий на других фронтах перешла к советским войскам. Как известно, Сталин сначала провел частную операцию на Западном фронте, под Ржевом (чем очень испугал командование гитлеровской армии). Вся огромная группировка гитлеровцев, находившихся на Северном Кавказе, оказалась под угрозой окружения в результате активных действий Воронежского фронта под командованием Голикова и Юго-Западного фронта под командованием Ватутина.

Сталин хотел использовать эти успешные действия Воронежского и Юго-Западного фронтов: решил активизировать и подтолкнуть им на помощь другие фронты, дал такую директиву командующему Южным фронтом Еременко:

"Сопротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском и Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции Закавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям Донбасской и Черноморской группировок противника".

Продолжая наступление, советские войска 16 февраля, обойдя Харьков с севера и с востока, овладели городом. В этот же день, 16 февраля 1943 года, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Василевскому звания Маршала Советского Союза. Он как раз находился на этом направлении, координировал действия Воронежского и Юго-Западного фронтов. Сталин, очень высоко оцепив его заслуги в Сталинградской операции и то, что сейчас вот так активно развивается наступление в направлении Донбасса и Днепра, решил не только отметить его прошлые успехи, но и вдохновить на будущие активные действия.

Гитлеровское командование понимало опасность создания еще одного, более крупного, чем сталинградский, "котла", если советские войска выйдут к побережью Азовского моря и на Днепр. Срочно были собраны все возможные резервы и переданы группе "Юг" под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. Теперь уже сама обстановка избавила его от действий по деблокировке сталинградской группировки, и он, собрав воедино мощный танковый кулак, 19 февраля нанес сильный контрудар во фланг нашим наступающим фронтам.

Этот контрудар был для нас абсолютной неожиданностью. Как это случалось не раз, увлеклись наступлением и просмотрели сосредоточение войск противника. Этим контрнаступлением Манштейн, можно сказать, перечеркнул все успехи Воронежского и Юго-Западного фронтов, отбросил их назад, на исходные позиции, и продвинулся даже дальше, угрожая захватить Белгород.

Сталин позвонил Жукову (в эти дни он находился на Северо-Западном фронте), спросил, какая там у них сейчас обстановка.

- Ранняя оттепель привела к тому, - доложил Жуков, - что река Ловать стала труднопроходимой и, видимо, войскам Северо-Западного фронта временно придется прекратить здесь свои наступательные действия.

- Ну что же, если так, то я согласен: пусть временно прекратят наступление. - Сталин понимал: после напряженных боев нужна передышка.

Кроме того, Верховный посоветовался с Жуковым о некоторых перестановках.

- Мы тут решили поставить командующим Западным фронтом Соколовского.

- Я бы предложил на это место Конева, - сказал Жуков, - он уже командовал Западным фронтом, знает обстановку да и командиров соединений. А Тимошенко целесообразно послать на Юг представителем Ставки, помогать командующим Южным и Юго-Западным фронтами. Он тоже хорошо знает те районы, бывал там неоднократно. Да и обстановка там вроде бы для наших войск складывается не очень благоприятно.

- Хорошо, - согласился Сталин, - я скажу Коневу, дам ему все указания, а вы завтра вылетайте в Ставку. Надо обсудить обстановку на Юго-Западном и Воронежском фронтах. Возможно, вам даже придется срочно вылететь в район Харькова.

В Москве произошел разговор необычный, не в узком кругу. В кабинете собрались руководители наркоматов, крупных металлургических, авиационных, станкостроительных заводов. Здесь же были все члены Политбюро, многие конструкторы.

После изложения в общих чертах обстановки на фронте Сталин дал указания руководителям промышленности более энергично организовывать производство, помогать фронтам, которые осуществляют крупные наступательные операции и которым, к тому же, предстоит сложная кампания 1943 года. Сталин как всегда занимался не только военными вопросами, но руководил и всем хозяйством страны, созданием резервов, дипломатией и партийными делами.

Совещание закончилось в 3 часа ночи. Сталин подошел к Жукову и спросил:

- Вы обедали?

- Нет.

- Ну, тогда пойдемте ко мне, да заодно и поговорим о положении в районе Харькова.

Не успел Жуков перекусить, как из Генерального штаба офицер-направленец принес карту обстановки Юго-Западного и Воронежского фронтов. Он доложил о тяжелой ситуации, создавшейся там: Воронежский фронт, которым командовал генерал-полковник Голиков и членом Военного совета которого был Хрущев, действовал неоперативно и в результате оказал недобрую услугу частям Ватутина - нависла угроза над Харьковом.

- Почему Генеральный штаб не подсказал? - спросил Сталин.

- Мы советовали, - ответил направленец.

- Генеральный штаб должен был вмешаться в руководство фронтом, выговаривал Сталин. А затем, подумав немного, сказал Жукову: - Все-таки вам утром придется вылететь туда. Видите, что там творится?

Тут же Верховный позвонил на Воронежский фронт. Трубку снял Хрущев.

- Что же вы, товарищ Хрущев, там проморгали контрудары противника и подставляете не только себя, но и своих соседей?..

Отчитав Хрущева, Сталин повесил трубку и сказал Жукову:

- Все же надо закончить обед.

Это, конечно, был уже не обед, а завтрак, потому что истекал пятый час утра. Жуков спросил разрешения у Верховного:

- Я понимаю, что надо лететь срочно, но я зайду в Наркомат обороны, чтобы подготовиться к отлету на Воронежский фронт. Надо мне там взять имеющиеся сведения.

В тот же день, ознакомившись с обстановкой, Жуков позвонил Сталину и доложил, что происходит. События развивались хуже, чем докладывал работник Генерального штаба во время обеда у Сталина. Жуков сообщил:

- Харьков уже взяли части противника и, не встречая особого

сопротивления, продвигаются на Белгородском направлении, заняли Казачью Лопань. Необходимо срочно перебросить сюда все что можно из резервов Ставки, в противном случае немцы захватят Белгород.

Сталин не успел выдвинуть необходимые резервы, хотя и стремился это сделать, точнее, резервные соединения не успели выполнить его указаний. И 18 марта Белгород был взят немцами.

Но 21 марта Сталин вывел 21-ю армию севернее Белгорода, и Жуков ее силами организовал довольно прочную оборону. А 1-ю танковую армию Сталин сосредоточил в районе южнее Обоями, на всякий случай, если потребуются срочные контрудары по противнику. Таким образом, Сталин своими резервами выправил положение на этом очень напряженном участке фронта. Контрнаступление противника было остановлено, фронт стабилизировался.

Желая предотвратить подобные неожиданности, Сталин приказал начальнику Генерального штаба Василевскому организовать тщательную разведку перед Центральным, Воронежским и Юго-Западным фронтами, да и вообще уточнить, что здесь противостоит нашим фронтам.

Надо сказать, что на этих направлениях действиям наших войск очень способствовали партизанские отряды. Войска уже вышли поближе к партизанским районам на Украине и в Белоруссии. Партизаны наносили удары на железных дорогах - пускали под откос эшелоны, и еще они доставляли много сведений о противнике. Василевский, готовя Сталину разведывательные данные о группировке вражеских войск, использовал сведения, добытые партизанами.

В наступившей стабилизации фронта в районе Курского выступа Сталин спокойно осмотрелся, изучил данные о противнике, детально все это обдумал и взвесил и стал размышлять о будущих операциях.

После войны, как и в случае с авторством плана Сталинградского контрнаступления, возникли разные версии: кто предложил, кто был первым, кто автор замысла Курской битвы?

Сталин 11 апреля обсудил план всей летней кампании 1943 года, а потом отдельно был обсужден план операции в районе Курской дуги.

Василевский, Антонов и Жуков, по указанию Сталина, целый день 12 апреля проработали в Генеральном штабе, подготавливая материалы для доклада Верховному Главнокомандующему. И вечером того же дня они втроем доложили эту окончательную разработку Сталину.

Суть замысла, в конечном счете, и решения, принятого

Сталиным, сводилась к тому, что операция на Курском выступе должна состоять из 2-х этапов: 1-й этап - преднамеренная, устойчивая оборона, выбивающая основные силы наступающего врага; 2-й этап - решительное наступление и разгром группировок противника, которые будут наступать под Курским выступом.

Оборона наших войск была не вынужденной, а преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки, имея, однако, в виду, что не следует торопиться, но и нельзя затягивать.

После завершения этой подготовительной работы Сталин приказал Василевскому и Антонову оформить все документы, то есть план этой операции, и дать директивные указания войскам.

Подготовка и организация действий войск на Курской дуге длилась несколько месяцев. И, казалось бы, в период, когда не было активных боевых действий на фронтах, можно было немного отдохнуть после напряженных боев под Сталинградом, Ленинградом, Харьковом. Но не тут-то было! В этом затишье не только Сталин, а и все члены Ставки, да и командующие фронтами, испытывали нервное напряжение, не меньшее, чем в боях.

Фронты создавали эшелонированную оборону глубиной до 200 километров, где в траншейной системе были окопаны не только орудия прямой наводки для истребления танков, но и много танков, чтобы стрельбой с места выбивать танки противника. Артиллерия пристреляла необходимые рубежи и районы. Шла сложная перегруппировка войск. Сосредоточивались огромные силы. На двух фронтах - Центральном и Воронежском - только общевойсковых армий было шесть, две танковые армии, воздушная армия, стрелковых корпусов - 22, стрелковых дивизий - 76, отдельных стрелковых бригад - 4, отдельных танковых корпусов - 4, отдельных танковых бригад - 9, дивизия гвардейских минометов "катюш" - одна и много специальных войск. И вот все перечисленное изготовилось к бою. Ждали начала наступления противника... А он не наступал. Командование терялось в догадках: что же происходит? Может быть, ошиблись? Может быть, создали здесь такую плотность войск, боевой техники, а противник ударит где-нибудь на другом участке фронта? Может быть, на Москву?

Еще и еще раз проверяли информацию через разведку, и она подтверждала: мет никаких ошибок, здесь у противника сосредоточены главные ударные группировки для решительного наступления, - и перечисляла, в подтверждение этого, номера соединений и направления их предстоящих действий. Разведка доказывала - ошибки не может быть. А гитлеровская армия все не

наступала.

Сталин послал на передовую для координации действий Воронежского и Южного фронтов Василевского, а Жукову было поручено координировать действия трех фронтов: Центрального, Брянского и Западного.

Наконец разведка доложила, что противник перейдет в наступление 10-12 мая на Орловско-Курском и Белгородско-Обоянском направлениях. Немедленно Ставка проинформировала войска, и все напряглись в готовности. Но и в эти дни противник в наступление не перешел.

И опять томительное ожидание. И вновь поступает информация: противник перейдет к активным действиям не позднее 26 мая. Однако и на сей раз боевые действия не были начаты. Командующие фронтами и Сталин окончательно занервничали. Ватутин предложил Верховному Главнокомандующему изменить решение и самим нанести упреждающий удар. Но Сталин колебался. Он поговорил с Василевским о том, чтобы Генеральный штаб разработал план для перехода к решительным действиям немедленно. Но при этом сказал Василевскому: "Я по этому поводу дам дополнительные указания".

И вот 2 июля разведчики доложили, что наступление гитлеровцы начнут не позднее 6-го. Нужно сказать, что наша разведка и в предыдущих случаях не ошибалась. Она точно устанавливала намечаемые даты начала наступления, исходя из тех сроков, которые намечали сами немцы. Но сами же немцы откладывали и меняли эти даты, поэтому и получалась такая вроде бы неточность в докладах разведчиков.

4 июля в 16 часов противник предпринял боевую разведку небольшими силами - всего четырьмя батальонами, с двадцатью танками. Конечно же, он в оборону не вклинился, но наши захватили пленных из состава этой боевой разведки, и те показали, что на следующий день будет начато общее наступление. К тому же "языки" были взяты и разведчиками, они тоже подтвердили эти сведения.

И теперь, основываясь вроде бы на неопровержимых данных о предстоящем наступлении, наши командующие фронтами решились на проведение (правда, заранее запланированной) артиллерийско-авиационной контрподготовки. Нетрудно представить, что произошло, когда ураганный огонь артиллерии и бомбы с самолетов посыпались на сосредоточившиеся войска противника. Во-первых, немецкие части понесли большие потери от огня! Во-вторых, в моральном отношении это противника обескуражило!

И все же гитлеровцы в 4.30 начали свою артиллерийскую подготовку, а в 5.30 перешли в наступление по всему фронту. Им потребовалось всего немногим более 2-х часов для того, чтобы оправиться от такой мощной контрподготовки, и они оказались способны начать наступление. Позднее, из показаний пленных и осмотра немецких позиций, которые были заняты в результате нашего наступления, выяснилось, что контр подготовка, несмотря на ее мощь, не достигла желаемых результатов. Ее начали рановато. Подразделения противника еще находились в окопах, в блиндажах, а танки и бронетранспортеры в капонирах. И поэтому немецкие части не понесли таких потерь, какие предполагались нашей стороной. Контрподготовку надо было начинать позже часа на полтора, когда живая сила уже вышла бы из траншей и находилась в открытом поле, а танки были выведены из укрытий и. готовы двинуться в направлении наших позиций. Но все равно, противник понес большие потери и, главное, морально был обескуражен мощной предупредительной артиллерийской грозой.

Но теперь обстановка изменилась на 180 градусов - мощнейший огонь артиллерии и авиации обрушился на позиции советских войск. Около часа длилась эта артиллерийско-авиационная буря, после которой двинулись гитлеровская пехота и танки. Они шли, полные решимости опрокинуть наши войска. В боевых порядках пехоты были новые "тигры" и "фердинанды". Они поддерживали действия пехоты. Среди войск противника в период подготовки велась соответствующая моральная накачка, и немцы, как и в первые дни войны, шли в атаку нагло, с засученными рукавами, готовые уничтожить всех на своем пути. Однако интенсивная военная и морально-психологическая подготовка, проводившаяся в течение нескольких месяцев на пашей стороне, тоже дала результаты: несмотря на мощь и решительность гитлеровцев, атака была отбита. Наступавшие залегли. После этого артиллерийский налет повторился. Немцы опять кинулись вперед, и вновь атака была

отбита. Так повторялось четыре раза. И только после питой атаки и новой сильной артиллерийско-авиационмой поддержки немцам удалось вклиниться в нашу оборону и оттеснить советские части на 3-6 километров, на разных участках по-разному.

Сталин приказал командующему 16-й воздушной армией Руденко поднять все самолеты для того, чтобы ослабить и, может быть, даже остановить удар гитлеровцев на главном направлении. Руденко бросил сюда 150 бомбардировщиков, которых прикрывали 200 истребителей. Авиационный удар сыграл свою роль: наступление немцев приостановилось.

Первый могучий удар врага приняли на себя воины 13-й армии под командованием генерала Пухова. Теперь явно определилось направление главного удара противника. Сюда же срочно был перегруппирован и 17-й стрелковый корпус.

Не считаясь с огромными потерями, командующий группой армий "Центр" фон Клюге продолжал гнать свои части вперед, и к концу третьего дня выступления они продвинулись на 10 километров в глубину нашей обороны. Но все же не была прорвана даже тактическая глубина. Понимая это, фельдмаршал фон Клюге с утра 7 июля вновь начал артил-лерийско-авиационную подготовку и приказал продолжать наступление. До 10 июля части гитлеровцев здесь не смогли продвинуться ни на один километр. Наши подразделения держались стойко - вся предварительная работа давала положительные результаты. Даже расчеты 45-миллиметровых пушек, снаряд которых не пробивал броню "тигра", и те приспособились: они били по гусеницам, останавливая тем самым "тигры", а затем смельчаки подбирались к стальным чудищам и забрасывали их гранатами или подкладывали противотанковые мины им под днища и подрывали уже стоящие на месте танки.

9 июля позвонил Сталин и спросил, как идут дела. Жуков доложил:

- На участке Центрального фронта противник не располагает уже такой силой, чтобы прорвать оборону наших войск. Я полагаю, для того чтобы не дать ему возможности закрепиться на достигнутом рубеже и организовать оборону, к которой он вынужден будет теперь перейти, надо немедленно переходить в наступление всеми силами Брянского фронта и левым крылом Западного фронта. Это очень облегчит действия Центрального фронта, и он сможет провести запланированное контрнаступление.

Сталин сказал:

- Ну тогда выезжайте к Попову и вводите в действие Брянский фронт...

В этот же день Жуков приехал в штаб Брянского фронта и здесь вместе с командующим генералом Поповым, связавшись с командующим Западным фронтом Соколовским, организовал контрудар этих двух фронтов во фланг продвинувшимся против Рокоссовского частям фон Клюге.

Если посмотреть на расположение войск в районе Орла, то клин, выступивший в направлении города и несколько восточнее, представлял собой очень удобную позицию для нанесения именно флангового удара. Вот этот фланговый удар и организовал Сталин.

12 июля два фронта - Западный и Брянский - ударили под основание гитлеровского клина.

Ах, как заметался генерал-фельдмаршал фон Клюге! Он понимал, чем грозит этот мощный удар по тылам его частей. Клюге срочно снял части даже с главного направления и перебросил их против контрудара, пытаясь тем самым спасти положение. Получив об этом сведения от разведки, Сталин приказал немедленно перейти в наступление Центральному фронту Рокоссовского. Ослабленные части немцев на главном направлении не выдержали этого удара и стали медленно отходить.

И вот когда на Орловском направлении стало ясно все, позвонил Сталин и приказал Жукову срочно отправляться на Воронежский фронт с тем, чтобы взять на себя координацию войск Воронежского и Степного фронтов, и особенно, чтобы заняться направлением на Прохоровку, где происходило очень напряженное танковое сражение.

Что же здесь произошло?

Подвинувшись за первые три дня всего на восемь километров, командующий на этом крыле Курской дуги фельдмаршал Манштейн решил окружить наши части непосредственно в тактической глубине обороны, для чего сосредоточил около 700 танков своей группы армий "Юг" и около 300 танков группы "Кемпф" всего до 1000 танков и самоходных орудий. Когда Манштейн нанес этот удар, Василевский вместе с командующим фронтом генералом армии Ватутиным попытался остановить войска немцев своим контрударом. Вот эти две наступающие крупные группировки и столкнулись во встречном бою в районе Прохоровки 12 июля.

Сталин лично руководил войсками в этой критической ситуации. Он выделил в распоряжение Василевского резервы Ставки: 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова и 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта Ротмистрова. Кроме того, сюда двигалась 27-я армия генерал-лейтенанта Трофименко из состава Степного фронта. Именно в этот момент Сталин приказал Жукову переместиться на это направление, где разгорелось главное танковое сражение на Курской дуге.

Я не нахожу ни слов, ни красок для того, чтобы описать танковое сражение, которое произошло под Прохоровкой. Постарайтесь представить около 2000 танков, столкнувшихся на небольшом пространстве, осыпающих друг друга градом снарядов, горящие костры уже подбитых танков, выскакивающие из этик горящих танков экипажи - немецкие и наши - и бросающиеся в рукопашную... И все это длилось целый день!

Ожесточенность сражения можно представить и по потерям: более 400 гитлеровских и не менее наших танков остались догорать на этом поле боя или лежали грудами искореженного металла после взрыва боекомплекта внутри машины.

Приведу короткие цитаты из воспоминаний участников этого сражения. Вот что пишет Герой Советского Союза Г. Пенежко: "На огромном поле перемещались наши и вражеские машины. Видишь крест на броне танка и стреляешь по нему. Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рев моторов, лязганье металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа. Танки шли на танки... Мы потеряли ощущение времени, не чувствовали ни жажды, ни зноя, ни даже ударов в тесной кабине танка. Одна мысль, одно стремление - пока жив, бей врага... Наши танкисты, выбравшиеся из своих разбитых машин, искали на поле вражеские экипажи, тоже оставшиеся без техники, и били их из пистолетов, схватывались в рукопашную. Каждый из нас сделал на Прохоровском поле все, что было в его человеческих силах".

Это переживания нашего воина. А вот что чувствовал ефрейтор Войтхон, взятый в плен здесь, под Прохоровкой. Он сказал, что в его роте из 100 человек уцелели всего трое. И те попали в плен. Не более 12 раненых сумели уползти в тыл. Наш майор, который допрашивал этого пленного, среди документов увидел фотокарточку и, показав ее Войтхону, спросил: "Кто это?" - "Это я". Но на фотокарточке был полнощекий молодой человек с густыми волосами и очень бодрым, веселым выражением лица. "По-видимому, это очень давняя ваша фотокарточка?" Пленный ответил: "Нет, это я сфотографировался в прошлом году, когда был в отпуске". Перед майором стоял не молодой человек, а морщинистый, седой пожилой солдат. Майор достал небольшое зеркало, перед которым брился по утрам, и протянул пленному. Пленный посмотрел на себя и просто онемел: он увидел себя седым, дряхлым человеком. "Проклятая война! Я же не был седым, я же знаю это точно. Вчера, накануне этого боя, я брился и не был седым".

Прохоровскос побоище было переломным моментом в битве под Курском.

Но Манштейн не считал себя побежденным. Позднее он напишет в своих мемуарах:

"Сражение достигло своей высшей точки! Скоро должно было решиться победа или поражение. Такова была обстановка, когда фельдмаршал фон Клюгс и я были вызваны 13 июля в ставку фюрера. Было бы правильнее, конечно, если бы Гитлер сам прибыл в обе группы или - если он полагал, что общая ситуация

не позволяла ему выехать из ставки, -прислал бы к нам начальника Генерального штаба. Но во время всей Восточной кампании редко удавалось склонить Гитлера выехать на фронт...

Фельдмаршал фон Клюге доложил (на совещании 13 июля. - В. К.), что армия Моделя не может продвигаться дальше и потеряла уже 20 тысяч человек. Кроме того, группа вынуждена отобрать все подвижные части у 9-й армии, чтобы ликвидировать глубокие прорывы, сделанные противником в трех местах фронта 2-й танковой армии. Уже по этой причине наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено. (Клюге имеет в виду контрудар, организованный Сталиным, Западного и Брянского фронтов. - В. К.)

Напротив, я заявил, что если говорить о группе "Юг", сражение зашло в решающую стадию. После успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу!"

Дапее Манштейн очень пространно излагает свой план разгрома резервов советских войск и выхода в тыл армии, которая находится в Курском выступе, и даже если 9-я армия, пишет он, не сможет наступать, то он своими частями, пусть не создав полного окружения советских частей на Курском .

выступе, все же нанесет им огромные потери и, по сути дела, победно завершит операцию "Цитадель".

Правда, сам же Мин штейн в своих воспоминаниях после этого оптимистического изложения предстоящих действий: его группы армий "Юг" пишет: "К сожалению, из этих планов ничего не получилось".

Очевидно, что Манштейн, желая как-то оправдаться перед историей, делал хорошую мину при плохой игре. Когда он строил победные планы будущих действий своих войск, под Курском уже закончилось Прохоровское сражение, в котором его войска были разгромлены и начали отход к своим прежним позициям.

Что же касается боевых действий группы армий "Центр", то ее командующий фельдмаршал фон Клюге сказал, что она уже абсолютно не способна не только к дальнейшему наступлению, но не сможет и отражать удары советских войск.

Таким образом, на северном фасе Курской дуги контрнаступление трех фронтов: Западного и Брянского, а затем Центрального, - завершилось полным разгромом противника. Эта операция готовилась заранее и имела свое кодовое название - "Кутузов". Здесь Сталин еще раз нанес сокрушительное поражение фельдмаршалу Клюге, с которым он встретился еще под Москвой. Тогда Клюге командовал 9-й армией, которую гнали от столицы

на 200 километров. Но Гитлер за какие-то заслуги все же назначил Клюге командующим группой армий "Центр" после того, как был снят фельдмаршал фон Бок.

На южном фасе Курской дуги, после грандиозного сражения под Прохоровкой, были также нанесены сильные контрудары, в результате чего начавшееся здесь контрнаступление, а также большое истощение войск противника в районе Белгорода, заставили гитлеровское руководство признать свой широко задуманный план "Цитадель" провалившимся, и, чтобы спастись от полного разгрома, оно решило отвести войска обратно на оборонительные рубежи, с которых они начинали наступление.

Как только немецкие части отошли и закрепились на своих исходных позициях, Жуков посчитал целесообразным, прежде чем продолжать наступление, дать передышку войскам, произвести перегруппировку и пополнить израсходованные запасы. Но Сталин считал, что нельзя допускать паузы, и требовал от Жукова, чтобы он продолжал наступление, утверждая, что противник сейчас не может оказать сопротивления и нужно использовать моральное потрясение, которое пережила гитлеровская армия.

Жуков по этому поводу пишет: "Мне и Василевскому стоило многих трудов доказать ему необходимость излишне не спешить с началом действий и начать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. С нашими соображениями Верховный Главнокомандующий согласился".

После смерти Сталина появилась версия о том, что он никогда никого не слушал и единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя. Если Сталину докладывали вопросы со знанием дела - он слушал. И бывали случаи, когда он отказывался от своих собственных мнений и решений. Так было с началом операции, которая завершала вторую стадию сражения на Курской дуге.

Этот второй этап сражения под Курском был утвержден Сталиным еще в мае. Теперь, после того как первый этап завершился на Центральном фронте 12 июля, а на Воронежском фронте 21 июля, было необходимо внести в план соответствующие изменения, чем и занялись Сталин и Генштаб при координации действий фронтов.

На северном фасе Курской дуги против Центрального, Брянского и Западного фронтов действовала разгромленная группа армий "Центр". Здесь успешность наших наступательных действий сомнений не вызывала. Больше пришлось потрудиться с организацией наступления Воронежского и Степного фронтов. Непросто было ввести s действие целый Степной фронт. Раньше, на первом этапе, Степной фронт в сражении участия не принимал, хотя некоторые соединения, ввиду кризисных ситуаций, вводились в сражение, и таким образом этот фронт имел потери еще в ходе оборонительной фазы. Воронежский фронт на первом этапе тоже понес большие потери в людях и технике. Но все же Сталин сберег главные силы Степного фронта и, успешно решив первую фазу оборонительную, теперь имел в своем распоряжении значительные силы.

Учитывая более благоприятные условия на Северном выступе, Сталин решил войска Центрального, Западного и Брянского фронтов двинуть в наступление первыми. Запустив здесь боевые действия и будучи уверенным, что все будет развиваться благоприятно, Сталин 3 августа нанес мощный удар на Курской дуге силами Воронежского и Степного фронтов.

5 августа войска Степного фронта ворвались в Белгород и продолжали продвигаться в направлении Харькова.

В этот же день на северном фасе был освобожден город Орел. Разумеется, командующие фронтами поспешили доложить Верховному Главнокомандующему об этих победах. В кабинете

Сталина находились Антонов и Штеменко. Сталин пребывал в очень хорошем настроении и спросил их:

- Читаете ли вы военную историю?

Генералы не знали, что ответить. Как говорил Штеменко: "Нам в эти дни было не до истории". А Стали" между тем продолжал:

- Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо. А не только поздравительными приказами. Мы думаем, - кивнул он на сидевших за столом членов Ставки, - давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты и учинить какую-то иллюминацию...

Вот так родилась идея о победных салютах, и именно в честь освобождения Орла и Белгорода в Москве был дан первый салют с залпами трассирующих снарядов из зенитных орудий. Но тогда при этом первом салюте посыпалось на крыши домов, да и на людей, немало осколков от этих зенитных снарядов. И поэтому в дальнейшем было примято решение - из зенитных и других орудий стрелять холостыми и украшать салют фейерверком ракет.

Так победно завершились две наступательные операции под Курском; на северном фасе эта операция называлась "Кутузов", а на южном - "Румянцев". 23 августа войска Степного фронта освободили город Харьков, и таким образом фронты Западный, Брянский, Воронежский и Степной вышли на рубеж, позволявший строить и осуществлять дальнейшие планы по стратегическому наступлению в сторону Днепра и "Восточного вала", созданного на этой реке гитлеровцами.

Победа под Курском имела мощный международный резонанс. Многие союзники Германии поняли, что вопрос о поражении гитлеровцев в этой войне предрешен. К. тому же для стабилизации Восточного фронта немецкому командованию пришлось перебрасывать с Запада срочным образом более 14 дивизий, что, конечно же, способствовало предстоящему открытию второго фронта союзниками.

Здесь мне хочется привести приказ Гитлера, который он отдал своим войскам перед операцией "Цитадель". Мне кажется, из этого приказа читатели более наглядно увидят, какие надежды возлагал Гитлер на эту операцию и какие беды постигли немцев в результате победных и умелых действий наших войск под руководством Верховного Главнокомандующего Сталина.

"Мои командиры!

Я отдал приказ о первой наступательной битве этого года. На вас и подчиненных вам солдат возложена задача добиться во что бы то ни стало ее успешного проведения. Значение первой наступательной операции этого года исключительно велико. Эта начинающаяся новая немецкая операция не только укрепит наш собственный народ, произведет впечатление на остальной мир, но и прежде всего придаст самому немецкому солдату новую веру. Укрепится вера наших союзников в конечную победу, а нейтральные государства будут вынуждены соблюдать осторожность и сдержанность. Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий.

Армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которые оказались в состоянии создать немецкий изобретательный дух и немецкая техника. Численность личного состава поднята до высшего возможного у нас предела. Эта и последующие операции обеспечены в достаточной степени боеприпасами и горючим. Наша авиация разгромит, сосредоточив все свои силы, воздушную мощь противника, она поможет уничтожить огневые позиции артиллерии врага и путем непрерывной активности окажет помощь бойцам пехоты, облегчив их действия.

Я поэтому обращаюсь к вам, мои командиры, накануне этой битвы. Ибо на четвертом году войны больше, чем когда бы то ни было, исход битвы зависит от вас, командиров, от вашего руководства, от исходящего от вас подъема и стремления к движению вперед, от вашей не останавливающейся ни перед чем непреклонной воли к победе и, если необходимо, также от ваших личных героических действий.

Я знаю, что вы заслужили большую признательность уже при подготовке этой битвы, и благодарю вас за это. Однако вы сами должны знать, что именно успех этой первой великой битвы 1943 года решит больше, чем какая-либо обыкновенная победа.

При этих обстоятельствах не сомневаюсь, что я, господа командиры, могу положиться на вас.

Адольф Гитлер. Этот приказ уничтожить после оглашения в штабах дивизий".

И все это не только не сбылось, а почти половина солдат и офицеров, к которым обращался Гитлер, которые слушали слова этого приказа и обещали фюреру приложить все силы для его осуществления, повторяю - почти половина из них погибли, были ранены или остались калеками. Моральный дух гитлеровской

армии был окончательно сломлен, а сам Гитлер настолько травмирован, что у него еще больше, чем после Сталинградской операции, тряслись руки, дергались нога, голова. Командующий 9-й армией генерал-полковник Модель позднее застрелился. Да и командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Клюге ненадолго пережил своего подчиненного: преследуемый другими неудачами в боях, он тоже покончил жизнь самоубийством в 1944 году. Его армия была разбита еще под Москвой. А теперь вот здесь, на Курской дуге, он потерпел поражение, которое, несомненно, действовало на психику, подрывало его уверенность, так свойственную некогда гитлеровским генералам, а в конечном счете привело к такому трагическому исходу. Под Курском Сталин нанес очередное поражение и давнему многоопытному сопернику - фельдмаршалу Манштейну.

Сражение на Курской дуге показало зрелое полководческое мастерство Сталина на всех этапах: при подготовке оборонительной операции, а затем быстрой перегруппировке и переходе в контрнаступление, в мастерском проведении грандиозного наступления в целом. Все это осуществлялось Сталиным твердо, уверенно, демонстрировало его полное превосходство в военном искусстве над немецкими полководцами, которые противостояли ему по ту сторону фронта.

Вперед, к Днепру!

Еще в ходе сражения на Курской дуге, когда шли тяжелые бои, но уже было ясно, что победу в этом гигантском сражении одержит наша сторона, Сталин, не откладывая дела в долгий ящик, ускорил разработку и уточнения ранее намеченного плана на летнюю кампанию 1943 года.

В ходе боев Сталин дважды приглашал заместителя начальника Генерального штаба генерала Антонова (Василевский был на фронте), согласовывал с ним и корректировал планы ближайших операций.

Сталин понимал: после поражения в таком большом сражении, как Курская дуга, где гитлеровцы, несомненно, задействовали все свои резервы, складывается удобная ситуация для нанесения ударов на нескольких направлениях по всей ширине фронта - от Балтийского до Черного морей. Возможности для этого были, потому что многие фронты не участвовали в Курской битве и располагали достаточным количеством войск для проведения операций.

Замысел Сталина был грандиозный. Все задуманные им операции были осуществлены: Смоленская и начало освобождения Белоруссии; изгнание немцев из Донбасса -

важного промышленного района; освобождение Левобережной Украины; освобождение Черниговской области; Брянская операция (продвижение от Среднерусской возвышенности к бассейну Десны); Новороссийске - Таманская операция, завершающая освобождение Кавказа; Севастопольская операция (выход к Крымскому перешейку со стороны Перекопа); Керченская десантная операция (высадка в Крыму через Керченский пролив). Все эти операции планировалось начинать в разное время, они как бы перекрывали одна другую, не давая возможности противнику маневрировать резервами, которые у него еще оставались.

Генштабу, генералу Антонову Сталин указал: - Не терять времени на сложную организацию операций по окружению и выполнению каких-то перегруппировок и маневров. Это отвлекает много сил и требует затраты времени. Нужно использовать сложившуюся сейчас благоприятную обстановку и побыстрее гнать противника к Днепру и по возможности - за Днепр.

25 августа 1943 года состоялось очередное заседание Государственного Комитета обороны. Сталин заслушивал информацию, давал указания по оперативным вопросам и опять поражал присутствующих широтой тех проблем, которыми приходится ему заниматься. На этом заседании Сталин дал указание о более энергичных работах по введению в действие "Второго Баку", чтобы избежать опасности, которая так неожиданно сложилась на Кавказском направлении, когда едва не были потеряны бакинские нефтяные источники. Сталин приложил много сил для активизации разработки разведанных в Сибири и за Уралом нефтяных районов. И вот теперь, заслушав доклады о том, как там идут дела, он дал конкретные указания формировать эти работы. Он разбирался с тем, как идет ускоренное сооружение новых домен, электростанций, шахт. К этому времени эвакуированные заводы на новых местах уже работали в полную силу. В 1943 гаду было произведено 35 тысяч самолетов новых видов, более 24 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, которые к тому же были улучшены конструктивно. Сталин со знанием дела говорил о более совершенной организации производства, о творческой работе конструкторов по улучшению качества боевой техники, глубоко вникал в технологии производства, рассуждал о поточных методах на военных заводах. Ом был в курсе всех дел.

Отпустив гражданских товарищей, Сталин тут же, без отдыха, перешел к военным вопросам. Он заслушал короткий доклад Жукова об обстановке на Воронежском и Степном фронтах и попросил Антонова сделать короткий доклад о положении на

других участках.

Заслушав Антонова, Сталин сказал:

- Сейчас самое главное - организовать выход к Днепру и на реку Молочную, потому что легче с ходу, во время преследования, будет захватить плацдармы. И еще одно обстоятельство, почему я прошу действовать побыстрее: гитлеровцы, отступая, все разрушают в Донбассе - шахты, заводы, города и уничтожают население, гибнут женщины, дети. Надо помешать этому, надо побыстрее отбросить немцев за Днепр.

И все же наступление развивалось не так быстро, как хотелось бы. И опять решающую роль сыграл Сталин: он ввел свои резервы - в первой половине сентября на Воронежский фронт пришла из резерва 3-я гвардейская танковая армия под командованием Рыбалко, 13-я и 60-я армии под командованием Пухова и Черняховского. В состав Степного фронта вошли 52-я и 5-я гвардейские армии.

Какие титанические усилия надо было приложить Сталину для создания этих резервов за короткое время! Это позволило развить более стремительное наступление. Фронты буквально опрокинули противостоящие войска гитлеровцев и погнали их к Днепру. Очень хорошо помогала в эти дни авиация. Как когда-то наши войска била гитлеровская авиация, так теперь наша истребляла колонны техники и отступающие части гитлеровцев.

Чтобы вдохновить и заинтересовать, всколыхнуть боевой дух офицеров и генералов, Сталин издал приказ: те, кто первыми выйдут на Днепр, захватят плацдарм и удержат его на противоположном берегу, будут удостоены звания Героя Советского Союза. Нужно сказать, это обещание действительно возымело свое действие, очень многие командиры и рядовые с удвоенной энергией били отступающего врага и стремились выйти к Днепру, переправиться через него и заслужить эту высокую награду.

23 сентября первыми форсировали Днепр механизированные части 3-й гвардейской танковой армии. Затем, севернее Киева, части армии Чибисова. В общем, к концу сентября Днепр был форсирован во многих местах, и были захвачены обширные плацдармы, на которые перебрались сначала полки, потом дивизии, а потом целые армии. Обещание свое Сталин сдержал: за успешное форсирование Днепра более двух с половиной тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены звания Героя Советского Союза.

Я помню - такое массовое присвоение высшей награды породило разговоры о том, что вроде бы не везде и не все были достойны золотых звезд. Уж очень много сразу появилось героев!

Раньше это звание присваивалось за весьма трудный подвиг, часто связанный с гибелью того, кто его совершил. Всегда имелось в виду что-то почти невыполнимое, сверхъестественное. А тут вдруг сразу две с лишним тысячи героев...

Считаю необходимым сказать: так могут рассуждать только люди, которые не представляют, что значило тогда форсировать Днепр и закрепиться на противоположном берегу. Сам по себе Днепр - очень широкая водная преграда. Выходили на его берег первыми группки разведчиков, небольшие подразделения, которые, опережая своих и противника, вырвались вперед. Их было мало. Они не ждали подкреплений, у них не было штатных переправочных средств. Переправлялись на тот берег кто на чем: снимали заборы в поселках, делали связки из бревен, досок, бочек, находили рыбачьи лодки. И вот на этих так называемых "подручных средствах" пытались переправиться через широчайшую реку. Я говорю "пытались", потому что очень и очень многие противоположного берега не достигли. Гитлеровцы готовили на берегу Днепра сильный оборонительный рубеж, назвали его "Восточный вал". Они намеревались закрепиться здесь надолго, простоять многие месяцы, чтобы привести в порядок свои потрепанные части. Днепр как природный рубеж, да еще усиленный инженерными сооружениями, позволял выполнить эту большую стратегическую задачу.

Но Сталин, тоже понимая значение Днепра, стремительным выходом к реке как раз и не дал гитлеровцам завершить строительство этого "Восточного вала".

Замысел Сталина осуществляли те, кто переправлялся через Днепр первыми на подручных средствах, сбивал противника с оборонительных позиций малыми силами (а больших сил и не могло быть). Усталые, вымокшие, не имея достаточного количества боеприпасов, они вершили невозможное. Много таких смельчаков погибло. Противник понимал, что нельзя допустить закрепления переправившихся, предпринимал все меры, чтобы сбросить с берега захвативших небольшие плацдармы. Но было немало находчивых, смелых бойцов и младших офицеров, которые одолевали врага и, захватив краешек противоположного берега, удерживали его, отбивая яростные контратаки немцев до подхода своих войск.

А теперь представьте себе, как невероятно трудно малой горстке храбрецов удержать клочок земли на противоположном берегу в течение нескольких часов, а то и суток! Израненные, порой превращенные в кровавое месиво, они держались до последнего вздоха, понимая, как важен этот кусочек берега для тех, кто скоро подойдет к Днепру вслед за ними. Так что

днепровские Герои - настоящие герои: они совершили подлинный подвиг, и Золотые Звезды украшают их грудь заслуженно. Каждый из них и все они вместе совершили такое большое дело, которое сберегло жизни сотням тысяч их боевых соратников. Если бы Днепр не был форсирован с ходу, если бы сразу, мгновенно мы не использовали эти плацдармы и не расширили их, не отбросили немцев от Днепра, сколько пришлось бы потерять жизней, преодолевая такую водную преграду, как говорится, в плановом порядке. Если бы немцы закрепились на этом "Восточном валу", пришлось бы не один месяц готовить и осуществлять широкомасштабную стратегическую наступательную операцию по форсированию широкой водной преграды. И еще неизвестно, была бы ли она удачной, - Днепр и оборона на западном берегу, пожалуй, не меньшее препятствие, чем пролив Ла-Манш, который союзники не решались форсировать несколько лет! И нашим войскам подготовка потребовалась бы тоже основательная и продолжительная.

Стремительный выход к реке, захват 23 плацдармов на противоположном берегу с ходу, на фронте протяженностью более 750 километров, переоценить невозможно. Здесь можно только удивляться находчивости и энергии Сталина. Он вместе с командующими фронтами и другими руководителями и, конечно, с бойцами-исполнителями, которые непосредственно захватили и удерживали эти плацдармы, осуществил блестящую по искусству, очень весомую по стратегической значимости операцию.

Успешные действия наших войск по захвату плацдармов на Днепре не только обеспокоили, а, прямо скажем, испугали командование гитлеровской армии. Гитлер личным присутствием хотел воздействовать на войска, чтобы удержать этот, можно сказать, последний мощный оборонительный рубеж на Восточном фронте. Так что Сталин на Днепре теперь скрестил шпагу с самим немецким Верховным. Собирая все силы для контрударов, Гитлер пытался сбросить в реку переправившиеся части. Но на большинстве участков в районе Киева. Черкасс, Кременчуга, Днепропетровска, Запорожья советские дивизии держались, отражая контратаки противника.

Сразу же после захвата плацдармов в районе Киева началась разработка операции по освобождению столицы Украины. Самым близким к городу был Букринский плацдарм. С него и предполагалось нанести удар силами Воронежского фронта. Сталин заслушал и утвердил решение Жукова и Ватутина по проведению этой операции.

Однако Манштейн на этот раз угадал намерения Жукова, сосредоточил резервы и отразил удар с Букринского плацдарма.

Жуков позднее вспоминал:

- Проанализировав обстановку, сложившуюся после неудачи нашего десанта, я пришел к выводу, что наступление с Букринского плацдарма вряд ли может иметь успех. Внезапность удара была утрачена. Сопротивление противника, разгадавшего наш замысел, резко возросло. Местность на этом направлении крайне неудобна для действий танков - очень овражистая, сильно всхолмленная, дорог мало. Мой вывод заключался в том, что необходимо перенести центр усилий на Лютежский плацдарм. О чем я и доложил Верховному...

Однако Сталин потребовал от Жукова строго руководствоваться ранее принятым решением и взять Киев.

Были предприняты еще две попытки, обе закончились неудачно.

Жукова удивляло упорство Сталина, маршал тогда не знал, что скоро состоится встреча большой тройки - Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране - и Верховный хотел прибыть туда с таким весомым свидетельством успехов Советской Армии, как взятие Киева.

Сталин, окончательно убедившись в бесплодности атак с Букринского плацдарма, утвердил новый план взятия Киева.

Суть его заключалась в следующем: имитируя сосредоточение подкреплений на Букринском плацдарме, на самом деле снять с него 30-ю гвардейскую танковую армию и перегруппировать ее на Лютежский плацдарм, откуда гитлеровцы не ожидали нашего удара.

Сталин спешил. Взятие Киева по намеченным срокам должно было произойти до открытия конференции в Тегеране.

Надо сказать, что хотя этот замысел был и уместен, его осуществление было весьма непростым. Представьте, что такое танковая армия: это колоссальное количество людей, танков, вспомогательной техники и обеспечивающих подразделений. А передислоцироваться ей надо было на 200 километров, с одного плацдарма на другой. Причем эти 200 километров - вдоль фронта противника. Он мог заметить передислокацию, и тогда все намерения, все эти хитрости просто лопнули бы. Кроме танковой армии, перебрасывался еще 7-й артиллерийский корпус прорыва, для того чтобы обеспечить огнем действия наступающих войск. Все перемещения осуществлялись под строгим контролем маршала Жукова, представителя Ставки. И еще он организовал имитацию активных передвижений к фронту на Букринском плацдарме.

Таким образом, Сталин с помощью Жукова создал мощную ударную группировку на том направлении, где противник этого

удара не ожидал. Там были: целая танковая армия, отдельный танковый корпус, 38-я армия и еще артиллерийский корпус прорыва. Одних "катюш" - оружия, которого очень боялись немцы, - было здесь больше 500 единиц! Поддерживала действия наземных войск 2-я воздушная армия.

Сталин очень торопился, поэтому не пожалел своих резервов.

1 ноября началось наступление 27-й и 40-й армий именно - вы правильно догадались! - на Букринском плацдарме. Считая этот удар главным, Манштейн сразу же подтянул сюда оставшиеся резервы, в том числе танковую дивизию СС "Рейх".

Сталин этого и ждал! Через сутки, когда уже хорошо завязались в боях наши наступающие и немецкие обороняющиеся части, 1-й Украинский фронт нанес удар с Лютежского плацдарма. Это было, конечно, полной неожиданностью для гитлеровцев! 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко к утру 5 ноября перерезала дорогу Киев-Житомир, а в 4 часа утра следующего дня танки и 38-я армия генерал-полковника Москаленко ворвались в Киев и освободили город.

Жуков послал телеграмму Верховному Главнокомандующему. Мне хочется привести эту телеграмму, потому что в ней почти не служебный стиль, а явное радостное настроение маршала Жукова:

"С величайшей радостью докладывается о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом - столицей Украины, войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи".

Получая информацию и наблюдая за действиями переправившихся на правый берег Днепра, Сталин отметил; те, кто захватил плацдарм, стремятся не только продвигаться вперед, но и расширить свои позиции. А в некоторых местах маленькие плацдармы объединяются с соседними.

Правильно гласит военная пословица: хороший полководец не только учит свои войска, но и сам у них учится. Сталин извлек полезный урок из действий подразделений на плацдармах: не обязательно форсировать Днепр в других местах. Даже с подошедшими переправочными средствами дело это трудное, влечет большие потери. Можно, используя успех частей, переправившихся на правый берег, с их плацдармов бить вдоль побережья Днепра, сматывая оборону противника и тем самым расширяя плацдармы.

Такие возможности появились в районе Киева, Черкасс, Днепропетровска, Запорожья и в других местах.

На сей раз Сталин посчитал более подходящим для такой

операции Степной фронт (он так назывался к началу этой операции).

Чтобы в дальнейшем не было путаницы, я здесь сразу подскажу: с 20 октября Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты были переименованы - в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинский фронты. Так что начинал эту операцию Конев еще будучи командующим Степным фронтом, завершал - уже как командующий 2-м Украинским фронтом. При подготовке этой операции тоже были использованы меры предосторожности и дезинформации, чтобы не выявить сосредоточения войск для нанесения удара с плацдарма. А перегруппировка была сложная.

Но вот наконец все готово и, с благословения Сталина, 15 октября утром, после мощной артиллерийской и авиаци

онной подготовки, этот бронированный кулак в составе четырех общевойсковых и одной танковой армии нанес совершенно неожиданный удар во фланг частям гитлеровцев на правом берегу Днепра!

А Манштейн все, что было у него под рукой в те дни, бросил для отражения удара под Киевом. Против войск Конева фельдмаршал применил много авиации, чтобы быстро отреагировать на это наступление советских войск. Бои шли очень напряженные. В своих воспоминаниях Манштейн по этому поводу пишет: "В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого, вероятно, было наиболее энергичным, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра на стыке между 1-й танковой и 8-й армиями. К концу октября он расположил здесь не менее 5 армий (в том числе 1-ю танковую армию), в составе которых находились 7 танковых и механизированных корпусов, насчитывающих свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход соответственно на восток и запад".

Ну, прямо скажем: у страха глаза велики! Насчет количества армий Манштейн прав. Но вот насчет семи танковых и механизированных корпусов тут он преувеличивает. Но еще характерно то, что, перечисляя эти объединения и соединения советских войск, Манштейн ни слова не говорит о том, что он "проморгал" их сосредоточение, что удар-то этот фланговый был для него полной неожиданностью. Об этом свидетельствует то, что у него на этом направлении резервов не оказалось.

В результате такой крупномасштабной операции, которую предпринял Верховный Главнокомандующий (но надо отдать должное, исполнителем и непосредственным руководителем был Конев Иван Степанович), был создан огромный стратегический

плацдарм меньшими усилиями, чем если бы такое пространство освобождалось с форсированием Днепра. Переправившиеся части оттеснили оборону противника на широком фронте вдоль Днепра и вышли к Кировограду.

В общем, Сталин много и плодотворно поработал при организации форсирования Днепра с ходу, крупными фронтовыми объединениями. Он уехал в Тегеран, как говорится, не с пустыми руками - Киев взят, советская армия преодолела "Восточный вал" и успешно продвигается на Запад.

Тегеранская конференция

Здесь я сделаю небольшое отступление. Верный своим намерениям быть в повествовании поближе к местам описываемых событий и опираться на рассказы их очевидцев или участников, я, собирая материалы к этой главе, слетал в Тегеран (в августе 1995 г.), нашел там хорошие материалы о конференции.

Я осмотрел дом, где жил Сталин, небольшой особняк на территории посольства, сейчас это резиденция нашего посла. В дни конференции на первом этаже находился начальник оперативного управления генерал Штеменко. Он поддерживал постоянную связь с Антоновым, а Сталин не раз говорил по ВЧ, интересуясь ходом боевых операций. Особенно его беспокоило положение под Киевом.

С разрешения посла я осмотрел весь особняк. Сталин располагался на втором этаже, здесь были кабинет, спальня, ванная, комнаты для охраны. Мебель тех времен не сохранилась.

Затем я обошел все помещения основного здания посольства, где проводились заседания и куда переселился из американского посольства президент Рузвельт. Это было связано с вопросами его безопасности.

Еще по прибытии в Тегеран Черчилль отметил в своих воспоминаниях:

"Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в

сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал".

Советское и английское посольства находятся рядом, их разделяет неширокая улица. Я познакомился с Петром Ивановичем, он владелец автомобильной мастерской. В 30-х годах его отец эмигрировал из Союза и обосновался в Иране. В 1943 году Петр Иванович был еще мальчиком и приходил с другими ребятами посмотреть на иностранных солдат:

- Их было много, они ходили вдоль стен, ограждавших посольства. Охрана перекрыла улицу, которая разделяла советское и английское посольства. Повесили на тросах брезент, и таким образом два квартала были объединены, работники ходили через эту улицу свободно. Мы старались заглянуть внутрь, когда охранники приоткрывали брезент, чтобы пропустить своих работников или посетителей. Нам хотелось увидеть кого-нибудь из глав государств, но солдаты нас прогоняли.

Между тем события, по записям Черчилля, развивались так:

"Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов "большой тройки", как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызывала у него тревогу. "Если что-нибудь подобное случится, сказал он, - это может создать самое неблагоприятное впечатление". Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, а занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех, обсуждать проблемы мировой войны. Я очень удобно устроился в английской миссии, и мне нужно было пройти всего лишь несколько сот ярдов до здания советского посольства, которое на время превратилось, можно

сказать, в центр всего мира".

Работник посольства Андрей Мыздриков, с которым я особенно сблизился, потому что он в молодости жил в Ташкенте и у нас оказалось немало общих знакомых, рассказал мне подробности намечавшегося покушения. Он показал выход из колодца (кяриза), через который должен был проникнуть снайпер. Немецкая разведка подготовила вполне реальный план - снайпер по подземным кяризам проникал в самый центр территории посольства и появлялся буквально из-под земли в ста метрах от лестницы, на которой сфотографировались главы трех государств. Этот снимок широко известен.

Я стоял у бетонного люка, который теперь закрывает этот выход, и думал о том, что с такого расстояния не только снайпер, а любой умеющий неплохо стрелять не промахнулся бы и успел сделать три выстрела, пока охрана сообразила бы, откуда стреляют.

Но, к счастью, наши чекисты вовремя раскрыли план гитлеровцев, устроили в колодце засаду и схватили всю группу террористов.

Не без удовольствия хочу напомнить, что спасли от покушения одного или всех троих глав государств мои коллеги, военные разведчики из Главного разведывательного управления, в котором и я имел честь служить немало лет.

Первым засек подготовку террористической операции Николай Кузнецов, известный разведчик, Герой Советского Союза. В те дни он работал в Ровенской и Львовской областях под видом обер-лейтенанта Зиберта. Кузнецов завел знакомство с гитлеровскими офицерами. Один из них, фон Ортель, был очень похож (если читатели вспомнят) на Вилли Поммера из фильма "Подвиг разведчика". Похож не внешностью, а поступками - любил погулять, играл в карты. Кузнецов давал ему деньги взаймы. Ну а насчет того, чтобы отдавать долги, у фон Ортеля было туго. И вот однажды он сказал Кузнецову, что скоро рассчитается, появилась возможность подзаработать. "Каким образом?" поинтересовался Николай. "Куплю и перепродам ковры", - ответил таинственно Ортель. "Какие ковры! Идет война. Где вы их купите?" Офицер понизил голос и предупредил: "Это большой секрет. Я поеду с особой группой в Тегеран. Поедут большие специалисты по таким делам... Только, предупреждаю, об этом нигде никому ни слова... После дела я куплю знаменитые персидские ковры и в Берлине хорошо перепродам. Тогда и рассчитаюсь с вами".

Можно ли верить подвыпившему болтуну? Однако Кузнецов передал в Центр информацию об этом разговоре. Ну а дальше это дело раскручивали наши контрразведчики.

На конференции 1943 года был решен один из важнейших вопросов, который особенно интересовал Советский Союз: об открытии второго фронта в Европе, операции "Оверлорд". Она должна была начаться не позднее мая 1944 года.

Очень много выдвигал объективных причин Черчилль, чтобы оттянуть открытие второго фронта. Он считал более выгодным вторгаться не через Францию, а через Средиземное морс - как он говорил, в "мягкое подбрюшие немцев".

Но Сталин твердо отстоял вторжение через Ла-Манш. Он давал совет, делился опытом как это лучше осуществить. Говорил:

- Я думаю, что "Оверлорд" - это большая операция. Она была бы значительно облегчена и дала бы наверняка эффект, если бы имела поддержку с юга Франции. Я лично пошел бы на такую крайность. Я перешел бы к обороне в Италии, отказавшись от захвата Рима, и начал бы операцию в южной Франции, оттянув силы немцев из северной Франции. Месяца через 2-3 я начал бы операции на севере Франции. Этот план обеспечил бы успех операции "Оверлорд", причем обе армии могли бы встретиться, и произошло бы наращивание сил... По опыту наших операций мы знаем, что успех достигается тогда, когда удар наносится с двух сторон, и что операция, предпринятая с одной стороны, не дает достаточного эффекта. Поэтому мы стремимся нанести удар противнику с двух сторон, чтобы он вынужден был перебрасывать силы то в одном, то в другом направлении. Я думаю, что и в данном случае было бы хорошо осуществить операцию с юга и с севера Франции.

И чтобы закрепить и конкретизировать это решение, Сталин требовал здесь же, на конференции, назначить командующего этой операцией. Позднее Черчилль об этом вспоминает так:

"Затем Сталин задал самый важный вопрос: "Кто будет командовать операцией "Оверлорд"? Президент ответил, что это еще не решено. Сталин прямо сказал, что операция будет сведена к нулю, если вся подготовка к ней не будет поручена одному человеку. Рузвельт разъяснил, что это уже сделано. Английскому генералу Моргану выделен объединенный англо-американский штаб, и он уже в течение значительного времени разрабатывает планы".

Далее Черчилль пишет:

"Я сказал, что вопрос о назначении верховного главнокомандующего скорее подлежит обсуждению тремя главами правительств, чем на довольно широком заседании. Сталин сказал, что Советское правительство не претендует на право голоса в этом назначении. Оно желает лишь знать, кто

будет этим главнокомандующим. Очень важно, чтобы это назначение было сделано по возможности скорее и чтобы генерал, который будет избран для этого, нес ответственность не только за подготовку плана, но и за его осуществление. Я согласился, что вопрос о том, кто будет командовать операцией "Овер-лорд", является одним из важнейших моментов, которыми нужно заняться, и заявил, что он будет решен не позже ближайших двух недель".

Представляй себе участников и события, происходившие в залах посольства, я особенно реально хотел воспроизвести торжественный момент, о котором прочитал в мемуарах многих участников этой процедуры. Все они непременно отмечают два факта: Сталин поцеловал меч, а Ворошилов его уронил.

Вот как это подает Черчилль:

"Перед нашим вторым пленарным заседанием, начавшимся в 4 часа, я по поручению короля вручил Почетный меч, который был изготовлен по специальному заказу Его Величества в честь славной обороны Сталинграда. Большой зал был заполнен русскими офицерами и солдатами. Когда, после нескольких пояснительных слов, я вручил это великолепное оружие маршалу Сталину, он весьма внушительным жестом поднес его к губам и поцеловал. Затем он передал меч Ворошилову, который его уронил. Меч был вынесен из зала с большой торжественностью в сопровождении русского почетного караула".

На конференции было зафиксировано, кроме открытия второго фронта, обязательство СССР объявить войну Японии после разгрома Германии, а также другие вопросы сотрудничества после окончания войны.

В Тегеране Черчилль отметил свое 69-летие. Это событие, конечно же, лучше других описывает он сам:

"До сих пор мы собирались для наших заседаний и обедов в советском посольстве. Но теперь я заявил, что третий обед даю я, и он должен состояться в английской миссии. Никто не мог против этого возражать. По алфавиту и Великобритания, и я сам стояли первыми, а по возрасту я был лет на пять старше Рузвельта и Сталина. Я сказал, что 30 ноября мой день рождения. Эти аргументы, в особенности последний, оказались решающими, и наш посланник сделал все необходимые приготовления к обеду примерно на 40 человек...

Это был памятный день в моей жизни. Справа от меня сидел президент Соединенных Штатов, слева - хозяин России. Вместе мы фактически контролировали все флоты и три четверти всей авиации в мире и управляли армиями примерно в 20 миллионов человек, участвовавшими в самой ужасной из всех войн в истории

человечества. Рузвельт преподнес мне в подарок прекрасную персидскую фарфоровую вазу; она разбилась в пути, когда я возвращался на родину, но была чудесно восстановлена, и я храню ее среди прочих дорогих для меня вещей".

О том, что подарил Сталин, именинник не пишет, но один из подарков был такой. Во время неофициальной беседы за чашечкой кофе Черчилль как-то сказал, что ему очень нравятся русские романсы в исполнении Вадима Козина.

Сталин это запомнил, дал указание привезти певца в Тегеран спецрейсом. Представьте, как артист испугался, когда к нему пришли чекисты и сказали: "Собирайтесь". И еще представьте, какой эффект произвел Козин своим появлением на именинах и исполнением песен на изумленного Черчилля.

Сталин умел делать приятные сюрпризы и умел продемонстрировать, что для него все возможно.

Дальше опять слова Черчилля:

"Во время обеда у меня завязался исключительно приятный разговор с обоими моими знатными гостями. Сталин повторил вопрос, который он задавал на совещании: "Кто будет командовать операцией "Оверлорд"? Я сказал, что президент еще окончательно не решил..."

Как видим, Сталин гнул свое даже в неофициальной обстановке. И добился - имя главкома было названо: генерал Эйзенхауэр, а начало операции "Оверлорд" - не позднее мая 1944 года.

В завершение расскажу о любопытном эпизоде, который произошел до начала Тегеранской конференции, Сталин со своей делегацией выехал из Москвы поездом. В Сталинграде пересели на самолеты. На аэродроме делегацию встречали командующий ВВС А. А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. На поле стояли несколько самолетов Си-47. Новиков доложил:

- Для вылета подготовлены два самолета, один поведет генерал-полковник Голованов, другой - полковник Грачев. Через полчаса за нами пойдут еще два самолета с группой сотрудников МИДа. Полет прикрывают три девятки истребителей.

Сталин без церемоний сказал:

- Генерал-полковники редко водят самолеты, мы лучше полетим с полковником.

И пригласил с собой Молотова, Ворошилова, Берию и Штеменко.

Кстати, Грачев не простой полковник авиации, а один из лучших летчиков, поэтому и был он личным пилотом Берии и самолет, который выбрал Сталин, тоже был его "личный".

Я был в Тегеране в год празднования 50-летия Победы. Посол Сергей Михайлович Третьяков и военный атташе полковник Михаил Иванович Крицкий со своими коллегами сделали доброе дело к этому юбилею.

В Иране, как известно, были наши войска, перегонялась техника из портов Индийского океана на север, на советскую территорию. Случались здесь и аварии, и террористические акты - гибли наши советские воины. Их хоронили, как и на фронте, в братских или одиночных могилах, на которых ставили фанерные красные звезды и тумбы с именами погибших. Солнце и дожди смыли эти имена. Истлели фанерные памятнички. Вот и решили работники российского посольства на свои средства поставить мраморный обелиск на российской земле (во дворе посольства) и перезахоронить здесь 48 обнаруженных ими останков наших воинов, - что и сделали. В торжественной обстановке был открыт этот обелиск. Священник отец Александр отслужил панихиду. Послы бывших советских республик и бывшие союзники американцы и англичане возложили венки.

Посол сказал мне:

- В Москве могила одного неизвестного солдата, а у нас их 48. Ни одного имени нам установить не удалось...

На совещании Ставки Сталин не рассказывал подробностей о своем пребывании в Тегеране. Верховный только коротко сказал:

- Рузвельт на Тегеранской конференции дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в]Ч44 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

Гимн

Сталин в трудных условиях войны задумался о том, что в стране нет гимна. Неофициально это был "Интернационал". Его исполняли на торжественных заседаниях. Но "Интернационал" считался гимном международного пролетариата. В условиях, когда Коминтерн был распущен, гимн, символизирующий всемирную коммунистическую борьбу против эксплуататоров, как бы утратил свою значимость. Возникла необходимость заменить его, создать свой государственный гимн, который будет отражать не партийное, а национальное единство, в СССР - многонациональное. В условиях войны такой общенародный символ очень нужен.

Наверное, Сталин не раз задумывался об этом, может быть, впервые, когда сказал в своей речи 3 июля 1941 года: "Братья и сестры! Друзья мои!" Это уже как бы отражало не партийное, а государственное содержание.

Патриотическое сознание, укрепление любви к Родине (тем

более, когда она в опасности), память о былых победах и величии своих предков - все это всегда поднимало моральный дух народа, укрепляло государство и его армию. Сталин это понимал и поэтому, несмотря на занятость боевыми операциями, нашел время и для создания гимна. Политбюро поддержало его предложение. Была создана специальная комиссия под председательством Ворошилова, в нее вошли видные композиторы, поэты.

Был объявлен конкурс на создание музыки и текста. В нем приняли участие самые известные поэты: прислали тексты Долматовский, Демьян Бедный, Берггольц, Симонов, Сурков, Асеев, Тихонов, Щипачев, Антокольский, Исаковский и многие другие.

Все эти тексты внимательно прочитывались и некоторые пробовались на музыку, которой тоже поступило в комиссию немало. Произведения показывали Сталину, но они ему не нравились, по разным причинам: то мелковато, то нет патриотической идеи, то музыка слишком маршевая.

Наконец внимание Сталина привлекли стихи Михалкова и Эль Регистана.

- Будем работать над этим текстом, - сказал Сталин Ворошилову. - В таком виде он еще не подходит, но патриотическая идея в этом варианте есть.

В этой фразе открывается главная цель Сталина при создании гимна: воспитание, укрепление патриотизма. Он как бы

преодолевает локальные рамки партийных, революционных интересов. Теперь он ищет опору во всенародном, отечественном патриотизме.

...И опять судьба подарила мне очередную писательскую удачу: помог Сергей Михалков, мой давний товарищ по работе в Союзе писателей и добрый друг во внеслужебное время. Я не раз бывал у него дома, он, наряду с другими книгами, подарил мне изданный большим тиражом гимн с текстом, нотами и с теплой надписью. Тогда же Сергей рассказывал, как он и Эль Регистан вместе со Сталиным "доводили гимн до кондиции".

Теперь, работая над этой главой, я еще раз навестил Михалкова и попросил напомнить детали работы над гимном, потому что я многое запамятовал.

Новая его жена Юля (прежняя, Кончаловская, скончалась) приготовила нам душистый чай, и Михалков, со свойственным ему юморком, стал рассказывать:

"- Вдруг в 2 часа ночи - звонок телефона. Думаю, какой болван так поздно? "С вами говорит Поскребышев". Вот это да! Секретарь Сталина! Уже ошеломило. А он заявляет: "С вами будет

говорить товарищ Сталин". И тут же переключил, и слышу голос Сталина:

- Здравствуйте, товарищ Михалков. - И сразу к делу. - Мы прослушали несколько вариантов гимна, в том числе и ваш. Он немного коротковат. Надо бы припев, который повторяется, и еще один куплет, в котором - не могли бы вы? - отразить мощь Красной Армии, сказать о том, что мы бьем и будем бить фашистские полчища.

- Конечно, товарищ Сталин, мы постараемся это сделать с Эль Регистаном.

- Постарайтесь. И не затягивайте. Сделайте за несколько дней. Этот разговор состоялся 27 октября 1943 года.

С этого дня все закрутилось. Нам с Регистаном выделили комнату в Кремле, в ней мы работали над текстом. Новые варианты Ворошилов носил Сталину и возвращал нам листы с его правкой. Он заменял отдельные слова, вписывал новые строки. Было с правкой Сталина несколько вариантов. Наконец нас повели к нему в кабинет. Сталин подает нам правленный им текст, без предисловий просит:

- Посмотрите, как получилось...

По сути, Сталин был соавтором гимна. И в последнем варианте очень значительна его правка. Авторы, конечно, со всем согласились и попросили разрешения взять варианты себе на память: "История, товарищ Сталин!" Он разрешил.

Состоялось несколько прослушиваний гимнов в Большом театре в разном исполнении, с хором, с симфоническим, духовым оркестрами. Сталин приезжал обязательно. Слушал, делал замечания, давал советы. Он отобрал музыку трех авторов - Шостаковича, Хачатуряна и Александрова.

На одном из прослушиваний хор и оркестр исполнили для сравнения гимны: царский "Боже, царя храни", Великобритании и США. Сталин остановил выбор на музыке Александрова, на тексте Михалкова и Эль Регистана.

После завершения всех предварительных работ состоялось в Большом театре прослушивание, на которое были приглашены члены Политбюро, руководящие работники Министерства обороны. Высокие гости сидели в правительственной ложе. Гимн всем очень понравился. Сталин был доволен добился того, что считал важным и необходимым.

Он весело сказал:

- Ну, по русскому обычаю полагается обмыть гимн. Пригласите авторов текста, композитора и дирижера.

Молотову он сказал:

- Ты будешь председателем нашего собрания.

Стол накрыли в комнате перед ложей. Михалкова и Регистана Сталин посадил рядом с собой. Первый тост - за создателей и успех нового гимна!

...Михалков рассказал, что Сталин попросил его читать стихи:

- Я прочитал "Дядю Степу" и другие веселые. Сталин смеялся от души. Я был счастлив от своего успеха и после каждого тоста выпивал полную рюмку. Вдруг Сталин мне негромко сказал: "Вы зачем осушаете бокал до дна? С вами будет неинтересно разговаривать". Потом он спросил: "Вы член партии?" Я сказал: "Пока нет". Он пошутил: "Ну ничего, когда я писал стихи, тоже был беспартийным".

В застолье Сталин говорил о театре, о необходимости постановки "Сусанина", о кино, о плохой трактовке в одноименном фильме Кутузова как больного старика, а он был великий полководец. Говорили и о делах военных война не позволяла о себе забывать даже за праздничным столом.

Около двух часов ночи Сталин предложил выпить "последнюю, заключительную".

Разошлись в прекрасном настроении. 1 января 1944 года гимн впервые был передан по всесоюзному радио. С этого дня мы просыпались и засыпали с этой торжественной и величественной музыкой.

Создатели гимна были отмечены денежной премией.

И еще Михалков рассказал:

- Мне дважды довелось модернизировать гимн, в соответствии с переменами политической обстановки в стране... Эль Регистан умер в 1945 году. Новый текст, который в 1977 году я дорабатывал, от старого отличался тем, что в связи с осуждением "культа личности", из текста было рекомендовано изъять упоминание о Сталине и его делах. Но оставалась наша вера в победу коммунизма. И вот совершенно неожиданно на пороге XXI века мне пришлось еще раз осовременивать гимн. Хорошо хоть музыку Александрова сохранили. Какие баталии шли по поводу создания нового гимна в различных партиях, государственных и общественных организациях, ты. Володя, хорошо знаешь, и, поскольку это уже за пределами твоей книги, распространяться не стану.

Необходимость создания гимна, тщательная работа над его содержанием еще раз свидетельствуют о дальновидности Сталина и его глубоком понимании фундаментальных опор и основ морально-нравственного состояния народа.

Гимн долгие годы вдохновлял, объединял советских людей. При его звучании человек внутренне возвышался до уровня государственной значимости, в нем поднималось чувство

гордости за свою Великую Державу, в человека вселялась уверенность в счастливом будущем Отечества.

Гимн укреплял любовь к Родине, дружбу народов, ее населяющих, - именно поэтому поднялась свара "инопланетян", раздирающих наше Отечество, когда возникла необходимость (да и была ли она?) создать новый гимн. Сколько грязи и небылиц было выплеснуто СМИ, в первую очередь, телевидением, чтобы опорочить старый текст и музыку! Однако люди, с детства впитавшие в свое сознание величие гимна, с которым жили и побеждали отцы и деды, не хотели отказаться от него. И хоть в нем заменили некоторые слова, музыка поднимает в сердцах людей и старый текст, и любовь к Родине, которую они помнят в ее сиятельном величии.

Корсунь-Шевченковский котел

После захвата стратегических плацдармов на западном берегу Днепра не прекращались крупные сражения. Целью их были с нашей стороны - закрепление успеха и расширение территории для подготовки исходных рубежей дальнейших наступлений, а с немецкой стороны - Гитлер еще надеялся восстановить "Восточный вал" по западному берегу Днепра. Последней надеждой гитлеровского командования, и особенно самого фюрера, был корсунь-шевченковский выступ. На этом участке гитлеровские части: 1-я танковая армия и 8-я полевая армия, - еще удерживали правый берег Днепра, и довольно широкая полоса была в их руках. Попутно следует отметить, что немецкие армии не такие малочисленные по количеству дивизий, как наши. Две армии имели здесь девять пехотных дивизий, одну танковую и одну мотострелковую.

Для Сталина этот выступ был как кость в горле, он не позволял спокойно развивать наступление дальше на запад в сторону границы, потому что с этого клина гитлеровцы могли в любой момент ударить по тылам наших наступающих частей. Например, наступлением с корсунь-шевченковского выступа и с юга (там еще находилась целая группа армий вдоль берега Черного моря) могли отсечь крупную группировку, а ударом с этого плацдарма на север при взаимодействии с армией "Центр" противник тоже мог причинить нам большие неприятности. Для гитлеровцев это был, как говорится, выступ последней надежды. И они действительно (мы об этом поговорим подробнее позже) готовили контрудар с целью восстановления своего "Восточного вала".

11 января Сталин заслушал соображения Жукова и утвердил план окружения и ликвидации корсунь-шевченковской группировки, чтобы она не мешала дальнейшему освобождению

Правобережной Украины.

Была подготовлена директива, которая предусматривала: "нанести два встречных удара под основание корсунь-шевченковского выступа, соединениям войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в районе Звенигородки поручено окружение и ликвидация этой крупной группировки гитлеровцев".

Два фронта имели: 27 стрелковых дивизий, 4 танковых, 1 моторизованный и 1 кавалерийский корпус. Надо сказать, что и этом случае наши части превосходили по силе группировку врага, в частности, по пехоте - почти в 2 раза, по артиллерии - почти в 2,5 раза и по танкам - в 2,5 раза.

По сути дела, Корсунь-Шевченковская операция являлась одним из элементов того большого плана, который был обсужден на заседании Ставки и ГКО в начале декабря 1943 года и утвержден Сталиным. Тогда главная мысль, заложенная в эти действия, состояла в том, чтобы без паузы, пользуясь своим преимуществом в инициативных действиях, продолжать бить врага, не давая ему возможности закрепиться на рубежах, занимаемых им при отступлении, и осуществить перегруппировку для отражения наших ударов.

На этот раз противостоящими войсками противника руководил уже известный нам фельдмаршал Манштейн, командующий группой армий "Юг". В группу армий входили 1-я и 4-я танковые армии и 8-я полевая армия. Две армии - 1-я танковая и 8-я полевая - как раз и были в этом корсунь-шевченковском выступе, который располагался по фронту вдоль берега Днепра на 120, а в глубину - на 130 километров. Вот такая "косточка" в горле нашего командования. Правее соседом Манштейна был тоже знакомый нам генерал-фельдмаршал Клейст. В его распоряжении находилась группа армий "А", и занимала она позиции от стыка с Манштейном до Черного моря.

Общий замысел нашего командования, ранее утвержденный ГКР по докладу Сталина, заключался в том, чтобы освободить Правобережную Украину силами четырех фронтов и выйти к государственной границе и к Карпатам. Это было огромное по пространству и по силам сражение - фактически от Полесья на севере и до Черного моря на юге, от Днепра на востоке и до Карпат на западе. Сначала надо было расчленить войска противника, находившиеся на этом театре боевых действий, и поочередно их уничтожить. Первую часть плана как раз и должно было составить уничтожение корсунь-шевченковского выступа силами 1-го и 2-го Украинских фронтов, действия которых координировал Жуков. А на юге действия 3-го и 4-го Украинских фронтов координировал маршал Василевский. Общее

руководство осуществлял Сталин.

Операцию по окружению корсунь-шевченковской группировки готовили в ходе очень тяжелых боев, которые продолжались непрерывно на Правобережной Украине. Гитлеровцы не только удерживали этот выступ у Днепра, но и на других участках контратаковали очень активно, стремясь вернуть позиции "Восточного вала". Для того чтобы было понятно, какие напряженные шли здесь бои, я расскажу только об одном направлении - Житомирско-Бердичевском, где участвовало так много войск и такие были напряженные действия, что вылилось это в отдельную Житомирско-Бердичевскую операцию. Это все происходило в полосе наступления 1-го Украинского, а руководил боевыми действиями командующий фронтом Ватутин.

Вот всего один эпизод из Житомирско-Бердичевской операции. Когда войска 1-го Украинского фронта пошли в наступление и стали очень активно продвигаться вперед, Манштейн, верный своей тактике, решил "прогуляться" по тылам наступавшей группировки, как это у него очень хорошо получалось в битве на Крымском полуострове. Он сосредоточил 48-й танковый корпус в районе Бердичев - Казатин и нанес сильный удар во фланг наступавшим войскам 1-го Украинского фронта. Но здесь уже была не та ситуация, что в Крыму. Если в Крыму руководили тремя армиями пассивные, бездарные, растерявшиеся военачальники, то здесь был опытный командующий фронтом Ватутин. И Сталин, который постоянно держал, как говорится, ситуацию в своих руках.

Командующие фронтами в своих мемуарах с гордостью и уважением вспоминают каждый свой разговор со Сталиным. Невозможно процитировать их все, но приведу один, для иллюстрации повседневного руководства Сталиным боевыми действиями фронтов (и еще раз для опровержения глупости, пущенной в обиход Хрущевым, будто бы Сталин руководил войной по глобусу).

Из воспоминаний Рокоссовского:

"Не успели мы обосноваться на новом месте - меня вызвал к аппарату Сталин. Он сказал, что у Ватутина неблагополучно, что противник перешел там в наступление и овладел Житомиром.

- Положение становится угрожающим, - сказал Верховный Главнокомандующий. - Если так и дальше пойдет, то гитлеровцы могут ударить и во фланг войскам Белорусского фронта.

В голосе Сталина чувствовались раздражение и тревога. В заключение он приказал мне немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке на месте и принять все меры к

отражению наступления врага...

Перед самым выездом мне вручили телеграмму с распоряжением Верховного: в случае необходимости немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний.

Должен сознаться, что это распоряжение меня смутило. Почему разбор событий на 1-м Украинском фронте поручается мне? Но раздумывать было некогда.

Важно сейчас как можно быстрее ознакомиться с обстановкой и принять решение, не допуская поспешности и соблюдая полную объективность и справедливость. Так я и поступил, прибыв на место..."

Вместе с Ватутиным Рокоссовский разобрался в обстановке, исправил положение, поддержал своего соседа и доложил Сталину о выполнении его приказа.

Деликатный Рокоссовский понимал состояние Ватутина, к которому Сталин проявил недоверие, и поэтому в своих воспоминаниях очень тактично пишет:

"Сообща наметили, как выправить положение. Забегая вперед, скажу, что Ватутин блестяще справился с задачей, нанес такие удары, которые сразу привели гитлеровцев в чувство и вынудили их спешно перейти к обороне.

Свои выводы об обстановке, о мероприятиях, которые уже начали проводиться войсками 1-го Украинского фронта, и о том, что Ватутин как командующий фронтом находится на месте и войсками руководит уверенно, я по ВЧ доложил Верховному Главнокомандующему и попросил разрешения вернуться к себе. Сталин приказал донести обо всем шифровкой, что я и сделал в тот же день. А на следующее утро мне уже вручили депешу из Ставки с разрешением вернуться к себе на Белорусский фронт".

Вот такими нетрадиционными решениями Сталин выправлял критические положения на фронте, не считаясь с самолюбием командования самою высокого ранга.

Вот в ходе таких напряженных боев и осуществляя крупные частые операции, Сталин готовил контрнаступление двух Украинских фронтов для освобождения Правобережной Украины.

24 января началось наступление, которое вошло в историю войн как Корсунь-Шсвченковская операция. Первым приступил к действиям 2-й Украинский фронт Конева, нанося главный удар в направлении Звенигородки. 1-й Украинский фронт Ватутина перешел в атаку на сутки позже.

27 января противник предпринял яростные контратаки на флангах наступавших советских войск, пытаясь отрезать вырвавшиеся вперед подвижные соединения 5-й гвардейской и 6-

й танковой армий от основных сил и ликвидировать прорыв. Однако командование 1-го и 2-го Украинских фронтов, быстро подтянув к флангам артиллерийские и танковые части и соединения, при поддержке авиации отбило контратаки.

Части Манштейна были сметены вторыми эшелонами фронтов, 1-й и 2-й Украинские фронты соединились и завершили окружение корсунь-шевченковской группировки.

Манштейн не только по этому поводу, а вообще о боях после Курского сражения, фактически высказывает в своих воспоминаниях весомый комплимент Сталину: "Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой вместо одной отрубленной головы вырастали две новые".

Здесь было бы уместно напомнить Манштейну высказывания Гитлера и командования немецкой армии начального периода войны, когда они громко кричали на весь мир, что Красная Армия уже уничтожена, что техника ее истреблена, что руководят соединениями и частями бездарные командиры, и что вообще война через несколько недель будет победоносно закончена. А вот теперь такое любопытное признание одного из ведущих, я бы сказал, наиболее талантливых полководцев немецкой армии.

Силы нашей армии и производственные мощности промышленности действительно с каждым годом войны не снижались, а, наоборот, увеличивались, что особенно проявилось в боях, о которых мы сейчас говорим.

После того как кольцо окружения замкнулось, уничтожение окруженной группировки, как говорится, было "делом техники". Опытные командующие фронтами Ватутин и Конев, руководившие действиями этих фронтов, уже умели это делать и за короткий срок создали как внутреннее, так и внешнее кольцо окружения, понимая, что противник предпримет все возможное для того, чтобы выручить окруженных ударом не только извне, но и изнутри кольца. Кстати, в окружении оказались силы немалые: 10 дивизий и одна бригада, всего около 80 тысяч солдат и офицеров, 160 орудий и более 230 танков. Было кому и командовать, и организовывать прорыв: два штаба корпуса, восемь штабов дивизий, да еще и мощная танковая дивизия СС "Викинг".

8 февраля в 15.00 наши парламентеры через командующего Стеблевским боевым участком полковника Фукке вручили ультиматум окруженному противнику.

Парламентеры возвратились и сообщили, что ответ будет дан

немецким командованием 9 февраля в 11.00.

Кроме этого ультиматума, было отпечатано много листовок, и они разбрасывались над окруженными частями. Но немцы не сдавались. Гитлер не давал разрешения на капитуляцию, держал части в окружении до последнего, не разрешал покидать занимаемые позиции, с которых он все еще надеялся восстановить положение на Днепре.

В указанный час немцы, со свойственной им педантичностью, ответили на ультиматум. Командующий окруженной группировкой генерал Штеммерман сообщил, что он отклоняет этот ультиматум и сдаваться они не намерены.

12 февраля представитель Ставки Жуков доложил Сталину о том, какие попытки предпринимает противник для деблокации окруженных с внешней стороны и изнутри, какие идут тяжелые бои, и о том, что противнику удалось со стороны внешнего кольца продвинуться до 10 километров навстречу окруженным и их разделяет сейчас до 12 километров.

Сталин сказал:

- Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

- Окончательное уничтожение группы противника, находящегося в котле, дело трех-четырех дней, - ответил на это Жуков, - а передача управления войсками 27-й армии 2-му Украинскому фронту может затянуть ход операции.

- Хорошо, - сказал Сталин. - Пусть Ватутин лично займется операцией 13-й и 6-й армий в районе Ровно - Луцк - Дубно, а вы возьмите на себя ответственность не допустить прорыва ударной группы противника ни внешнем фронте района Лысянки.

На этот раз Сталин не посчитался с мнением Жукова, и через несколько часов из Ставки пришла директива, в которой были такие пункты:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев...

2. Тов. Юрьева (псевдоним Жукова) освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лысянки и Звенигород на соединение с корсуньской группировкой противника...

Прочитав эту директиву, Ватутин очень расстроился и

обиженно сказал Жукову:

- Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Я тоже патриот своего фронта и хочу, чтобы столица нашей родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

Жуков был, несомненно, тоже удручен таким отношением, но все же сказал Ватутину:

- Николай Федорович, это приказ Верховного, мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Фельдмаршал Манштейн уже имел опыт не только ведения крупных наступательных операций, но и выручки окруженных; под Сталинградом, как известно, он организовал группу "Гот", в которой были 4 танковые дивизии, одна моторизованная и 9 пехотных дивизий. Но там ему выручить армию Паулюса не удалось. Теперь вот, учтя все свои накопившиеся знания, Манштейн опять пытался вызволить окруженную группировку. На этот раз в его распоряжении был еще более мощный кулак - 9 танковых и 6 пехотных дивизий. Гитлер послал окруженным телеграмму: "Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона".

Окруженные действительно действовали очень активно. Им удалось прорваться в район Шендеровка, Новая Буда на участки 27-й армии и 1-го Украинского фронта. 12 февраля в полночь Сталин позвонил Коневу. Он был очень раздражен и спросил:

- Как же это вы там допустили прорыв? Мы на весь мир сказали, что в районе Корсунь-Шевченковского окружена группировка противника, а у вас, оказывается, она уходит к своим.

Из воспоминаний маршала Конева: "По интонации его голоса, резкости, с которой он разговаривал, я понял, что Верховный Главнокомандующий встревожен, и, как видно, причина этого - чей-то не совсем точный доклад.

Я доложил:

- Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

Сталин спросил:

- Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта.

Я ответил:

- Да, по своей, товарищ Сталин. Сталин сказал:

- Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Действительно, через 10-15 минут Сталин позвонил вновь:

- Нельзя ли все поиска, действующие против окруженной группировки, в том числе и 27-ю армию 1-го Украинского фронта, подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окруженной группировки?

Такого предложения я не ожидал, но ответил без паузы: - Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны кольца окружения, т. е. с противоположной стороны по отношению наших войск... напрямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окруженного противника, тогда как на ее правом фланге также создается угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лисянки.

На это Сталин сказал, что Ставка обяжет штаб 1-го Украинского фронта передавать все мои приказы и распоряжения 27-й армии и оставит ее на снабжении в 1-м Украинском фронте. Я ответил, что в такой динамичной обстановке эта форма управления не обеспечит надежность и быстроту передачи распоряжений. А сейчас требуется личное общение и связь накоротке. Все распоряжения будут идти с запозданием. Я попросил не передавать 27-ю армию в состав нашего фронта.

- Хорошо, мы еще посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим, - закончил разговор Сталин.

Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии еще и потому, что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьезно осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала ее силы".

Как решил Сталин, мы уже знаем из отрывков директивы Ставки, приведенной выше.

Внутреннее кольцо постепенно сжималось. С внешней стороны гитлеровские контратакующие группировки истощали свои силы, и в конце концов сложилась такая ситуация, когда стало ясно, что с внешней стороны они не пробьются, и генералу Штеммерману было разрешено пробиваться из окружения своими силами.

В ночь с 16 на 17 февраля Штеммсрман собрал все части, находившиеся'в окружении, в район прорыва, построил их в

несколько эшелонов, причем впереди шли танки и противотанковая артиллерия, за ними штабы, и по флангам обеспечивали выход стрелковые части. Всем было приказано оставить вещи, уничтожить ненужные документы и неисправную технику. Выпита была оставшаяся водка, и солдатам разрешено было съесть неприкосновенный запас. В 3 часа ночи плотные колонны (это было уже несколько похоже на римскую фалангу) с очень сильным огнем из всех орудий и автоматов кинулись на прорыв.

Наши части, и в частности Конев как командующий, которому было поручено уничтожение (лично ему!) окруженной группировки, предприняли все, чтобы не допустить прорыва. Что там творилось, я думаю, лучше всего узнать из рассказов очевидцев.

Вот показания одного из пленных: "Основная дорога оказалась забитой остановившимся и разбитым транспортом, и двигаться по ней не было возможности. На небольшом участке дороги на Лысянку я увидел огромное количество убитых немцев. Масса обозов запрудила не только дороги, но и поля, и не могла двигаться дальше".

Еще один пленный офицер рассказывает: "Из окружения никто не вышел. Все дороги были забиты транспортом, кругом был неимоверный беспорядок. Все смешалось в один поток. Все бежали, и никто не знал, куда он бежит и зачем. На дорогах и вне дорог валялись разбитые машины, орудия, повозки и сотни трупов солдат и офицеров".

В этой неимоверной свалке погиб и командующий окруженной группировкой Штеммерман. Его труп обнаружили и по документам установили, что это именно он. По этому поводу Конев в своих воспоминаниях пишет: "Я разрешил немецким военнопленным похоронить своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени". И еще пишет Конев в своих воспоминаниях: "Мы приняли все меры к тому, чтобы ни один из гитлеровцев не вышел из окружения".

На этот счет есть и другое мнение. Вот что пишет Жуков в своих воспоминаниях:

"Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь части танков и бронетранспортеров с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения... Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника группировки".

А вот еще одно мнение о финале этого сражения. Конечно, можно понять Манштейна, он не хотел, чтобы в его полководческой биографии был такой печальный конец одной из операций. Может быть, он что-то и преувеличивает, но все же тому, что описывал генерал-фельдмаршал, совсем не верить нельзя. Выглядит это так:

"Можно себе представить, с какими чувствами, надеясь и беспокоясь, мы ожидали в нашем штабном поезде известий о том, удастся ли выход из окружения. В 1 час 25 минут в ночь с 16 на 17 февраля пришло радостное известие, что первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями 3-го танкового корпуса установлена. Противник, находившийся между ними, был буквально смят. 28 февраля мы узнали, что из котла вышло 30--32 тысячи человек. Так как в нем находилось 6 дивизий и одна бригада, при учете низкой численности войск это составляло большую часть активных штыков. Огромную боль нам причинило то, что большую часть тяжелораненных, выходивших из окружения, не смогли взять с собой. Генерал Штеммерман погиб во время боя.

Таким образом, нам удалось избавить эти 2 корпуса от той судьбы, которая постигла 6-ю армию под Сталинградом.

Конечно, при выходе из окружения большая часть тяжелого оружия и орудий застряла в грязи... Вырвавшиеся из котла дивизии пришлось временно отвести в тыл. Вследствие этого шесть с половиной дивизий из группы армий не принимали участия в боях, что еще более усложняло обстановку. Эта необходимость, однако, далеко отступала перед той радостью, которую доставляло удавшееся спасение, по крайней мере, личного состава обоих корпусов..."

Правильно говорят: больше всего врут на охоте и на войне. Кто здесь говорит правду, кто преуменьшает, кто преувеличивает? Не будем гадать. Но возьмем мнение вроде бы объективного человека, историка, немца Курта Типпсльскирха. Вот что он пишет в своей книге "История второй мировой войны": "Когда к 15 февраля наступательные силы деблокирующих войск истощились, окруженные корпуса получили приказ пробиваться в южном направлении, откуда навстречу им должен был наступать танковый корпус 1-й танковой армии. Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел, однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, т. к. продвижение последнего, и без того медленное из-за плохого состояния грунта, было остановлено противником..."

Вот, как говорится, здесь поставлены все точки над "i". Нет никаких оснований подозревать Типпельскирха в каком-то

преуменьшении или преувеличении. Но все-таки одного традиционного для немцев фактора и этот вроде бы объективный историк не избежал: обратите внимание, что остановило наступающий навстречу корпус - "плохое состояние грунта..." Не то, что наши части, авиация, артиллерия громили прорывающихся, а, видите ли, главная причина, по его мнению, была... в распутице.

Распутица, действительно, сыграла определенную роль в атом сражении, потому остановлюсь на ней подробнее.

Фельдмаршал Манштейн сетует, что она - одна из причин неудачных действий германских войск: "...при выходе из окружения большая часть тяжелого оружия и орудия застряли в грязи".

Жуков об этом тоже пишет:

"В связи с полной весенней распутицей на Украине это (наступление. В. К.) было связано с величайшими трудностями. Особенно тяжело было сосредоточить снаряды, мины, бомбы, горючее и продовольствие непосредственно в войсковых частях.

Немецкое командование считало, что советские войска не смогут в таких условиях наступать... На этом необоснованном (их) расчете мы и решили поймать врага... использовать оперативную внезапность..."

Оба полководца, и Жуков, и Манштейн, говорят о распутице и грязище, наблюдая ее в бинокли или преодолевая в легковых машинах. Мне, будучи еще рядовым, пришлось на фронте хлебнуть этого лиха! Солдаты не только "накапливали боеприпасы и продовольствие", но еще шли вперед под огнем пулеметов, разрывами снарядов и бомбежкой самолетов. Они шли по колени в болотной жиже, а при близких разрывах еще и падали в эту грязь, вжимались в нее, давимые инстинктом сохранения жизни. Они вставали и не только шли дальше, а тянули на лямках и веревках за собой противотанковые пушки, зная, что без них танки опрокинут их при первой же контратаке. Что такое тянуть орудие по грязи выше колен, знает только тот, кто сам это испытал. Напрягаешься до того, что кажется, вот-вот лопнут жилы внутри твоего тела. Пушка не просто тянется за тобой, а сначала ты сам ногами своими погружаешься в жижу. И только когда почувствуешь твердую землю, упрешься в нее, да не один, а все вместе - расчет орудия и те, кто ему помогают, упрутся, да с криком, с матом поволокут, только тогда орудие поддастся, поползет вперед. Если лихо потянут, оно проскользит несколько десятков метров. А потом опять упираешься и рвешь до искр из глаз... Вот так и волокли себя и пушки. Да еще и танки откапывали. Бывало, он, могучий, горячий, забуксует, зароется

гусеницами до самых подкрылков, вот матушка пехота быстренько пособит ему, подкопает спереди или сзади, он, сердешный, и выберется из колдобины. Танк бросить никак нельзя. Впереди пулеметы, они нас всех выстригут, если танки их не подавят. Танк - наш спаситель, у него гусеницы - расплющат, а его пушка сшибет пулемет, как только тот застрекочет.

Так что танк - лучший друг пехотинца. Он только бы нас до рукопашной довел, а там мы себя покажем. Сколько злости в мае накапливается, пока по этой грязюке ныряем. Вроде бы уж и сил нет, все оставили, преодолевая жидкое, вязкое месиво, но как только замелькали вблизи каски и зеленые мундиры гитлеровцев, внутри будто какие-то дополнительные клапаны раскрываются - тут уж рвется из груди само собой: "Ура!" и "За Родину!" И мать и Бога - всех вспомнят! Тут уж нас не остановят ни пули, ни гранаты, что летят нам навстречу из немецкой траншеи. Если русская пехота добралась до бруствера вражеского окопа, ее никто не остановит, против нее ни одна армия не устоит. Страшен и беспощаден российский солдат в рукопашной, бьет он врага ловко, умело, самозабвенно...

И только потом, закуривая самокрутку, весь в поту, еще не отдышавшись после схватки, оглядится вокруг и с ухмылкой сам же удивится и скажет: "Надо же - чего натворили!"

Вот этого запредельного нечеловеческого умения одолеть распутицу, выкарабкаться из грязищи, будь она хоть по самые ноздри, вот этой способности у немецкого солдата не было.

Ну а мне, полковому разведчику по профессии своей, еще до того как пройти через все вышеописанное, полагалось ночами, до начала наступления, не ходить, а ползать по этой грязи то за "языком", то отыскивая слабые места в обороне противника. Тут уж в полном смысле нахлебаешься болотной жижи. Вернешься с задания - свои не узнают: как черт грязный от бровей до подметок.

Вот что мне хотелось добавить для полноты картины к сетованиям Манштейна на грязь и к использованию нами распутицы как элемента внезапности.

18 февраля столица салютовала победам наших войск под Корсунь-Шевченковским, и был опубликован такой приказ:

"Приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Коневу:

Войска 2-го Украинского фронта в результате ожесточенных боев, продолжавшихся непрерывно в течение 14 дней, 17 февраля завершили операцию по уничтожению 10 дивизий и одной бригады 8-й армии немцев, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского.

В ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 тысячи человек. Сдалось в плен 11 тысяч немецких солдат и офицеров..."

Дальше перечисляются войска и имена генералов, под руководством которых была проведена эта операция, и сообщается о присвоении частям и соединениям почетных званий.

Из Москвы позвонил Коневу Сталин и сказал:

- Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите? Не возражаете? Можно вас поздравить?

Конев ответил:

- Благодарю, товарищ Сталин.

- Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображения ввести новое воинское звание - маршал бронетанковых войск. Как ваше мнение на сей счет?

- Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

- Я - за. И думаю, что мы еще присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Конев в своих воспоминаниях пишет:

"На второй же день самолетом мне доставили маршальские погоны, присланные'Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. Это было и внимание, и поздравление, и бесценный подарок".

Те, кто внимательно прочитал эту главу, наверное, несколько удивлены, почему Сталин как Верховный Главнокомандующий отмечает в своем приказе только 2-й Украинский фронт и Конева. Ведь окружение и уничтожение корсунь-шевченковской группировки вели два фронта: 1-й и 2-й Украинские - и руководил этими фронтами маршал Жуков.

Что можно было сказать по поводу приказа Сталина как Верховного Главнокомандующего, оценивающего боевые действия в Корсунь-Шевченковской операции только как заслугу 2-го Украинского фронта под командованием Конева? Можно было, конечно, только развести руками, выразив этим непонимание происшедшего. Можно было вспомнить русскую поговорку: "Темна вода в облацех", имея в виду, что нам, простым смертным, неведомо, что там творится наверху, и этим объяснить происшедшее. Или еще одну: "Загадка сия - великая тайна есть".

Но теперь уже прошло много времени, и все загадки и тайны давно раскрыты. Можно определенно высказать суждение и по поводу этого поступка Сталина. Я умышленно подчеркиваю - поступка, единоличного, именно Сталина, потому что кроме него

никто такого решения принять не мог. Видимо, он сам так задумал. Что же за этим кроется?

Сталин решил немножко проучить Жукова. Верховный занимался такой "воспитательной" политикой с маршалами. Мы уже знаем - не раз одергивал или ставил на место крупных военачальников. Вспомните, как он выговаривал Коневу за то, что тот дал возможность прорваться группировке противника из окружения. Может быть, у Сталина был такой же напряженный разговор с Жуковым? Может быть, Жуков не захотел приводить его в своих мемуарах? Мои предположения высказаны не просто так: есть документ, который дает для них основание.

Вот текст телеграммы, которую Сталин послал Жукову по поводу того же случая прорыва части окруженных гитлеровцев:

"Тов. Юрьеву (псевдоним Жукова). Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблев в направлении Шендеровка произошел потому, что слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена. (Тут Сталин прямо упрекает Жукова в том, что у него так много сип, а он оставил слабую армию без усиления. - В. К.).

Не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь стеблевского выступа противника, откуда, вероятнее всего, можно было ожидать попыток его прорыва... (Здесь, как видим, Сталин упрекает Жукова в прямом невыполнении его указания. - В. К.).

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку... (В этом пункте Сталин еще раз упрекает Жукова в нераспорядительности; сип и средств у него много и на 1-м, и на 2-м Украинском фронтах, координацией которых он занимается. - В. К.).

12 февраля 1944 года. 16 час. 45 минут.

Подписи: Сталин, Антонов".

В директиве Ставки за подписью тех же Сталина и Антонова от того же 12 февраля пункт, касающийся Жукова, был явным продолжением этой строгой телеграммы Верховного. Напомню пункт 2-й в директиве: "Товарища Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинского фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лысинки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника".

Если еще раз внимательно перечитать этот пункт, то становится ясно, что он содержит своеобразное наказание для

Жукова. Он освобождает маршала от руководства всей операцией, ему дают узкое направление - руководить только созданием внешнего окружения этой группировки и не допустить прорыва к ней извне. А теперь вспомните цитату из мемуаров фельдмаршала Манштейна, где он говорит, что 20-30 тысяч из окружения вырвались, что он эти дивизии посетил, что он их благодарил и отправил на переформирование.

Несомненно, Сталину разведка докладывала о том, что часть сил из окружения вырвалась и что шедший навстречу окруженным 3-й танковый корпус достиг своей цели - соединился с пробивающимися. Значит, как бы ни было нам неприятно, Жуков, по сути дела, свою задачу не выполнил. Танковый корпус Манштейна пробился к окруженным и встретил их на пути. Конев свою часть операции тоже не выполнил: часть группировки противника вырвалась из внутреннего кольца, порученного ему.

Не будем здесь углубляться в детали и пытаться бросить какую-то тень на Конева. Я не хочу этого делать. Конев получил звание маршала заслуженно. И до этого у него было много удачных операций, где он проявил себя как полководец.

Но в отношении Жукова и по отношению к войскам 1-го Украинского фронта, которые операцию эту осуществляли, Сталин поступил несправедливо. Понятно желание упрекнуть Жукова, но несправедливость по отношению к целому фронту не следовало бы допускать.

В целом Корсунь-Шевченковская операция - одна из крупных победных операций, в которой Сталин руководил боевыми действиями нескольких фронтов. Он повседневно направлял командующих фронтами и своего представителя Жукова на быстрое реагирование в изменениях обстановки. Опыт и искусство Верховного Главнокомандующего проявились в современной быстроразвивающейся динамике боев. Сам Сталин предусмотрел и осуществил эту динамичность - он послал для окружения противника с двух сторон 5-ю и б-ю гвардейские танковые армии, которые быстро замкнули кольцо. Создание внешнего фронта танкистами без стрелковых "медлительных" соединений было делом не только новым, но и рискованным. Однако Сталин компенсировал недостаток стрелковых частей путем активного применения авиации для поддержки и обеспечения танковых соединений: 2-я воздушная армия и !0-й авиационный корпус очень эффективно помогали осуществлять блокаду и уничтожение противника, совершив ! 1 500 боевых вылетов. Летчики также снабжали танковые армии горючим и боеприпасами, для чего, кроме боевых, сделали 1200 "снабженческих" вылетов. Все расчеты Сталина на быстроту ради

продолжения общего продвижения на Запад оправдались - он создал благоприятные условия выходу Советской Армии к границе страны.

На стороне противника...

Следует отметить, что в руководстве, и, в частности, в генеральном штабе сухопутных войск германской армии были достаточно трезвые головы, которые правильно понимали и оценивали происходящее. Сам новый начальник генерального штаба Цейтцлер, под руководством которого выходил "Бюллетень Генштаба по оценке положения на Восточном фронте", так выразил в нем свою точку зрения:

"Противник, правильно расценивая соотношения сил, осознал свои возможности успеха в настоящее время и... будет стремиться продолжать свои наступательные операции без большой оперативной паузы. Силы у Красной Армии для этого достаточно... При существующем соотношении сил и боеспособности советских войск имеется опасность крушения всего Восточного фронта, если не удастся предотвратить и сдержать будущие операции по прорыву в самом начале их развития".

Как видим, оценка нелицеприятная для себя и достаточно объективная. Это делает честь германскому генеральному штабу.

Земля, как говорится, горела под ногами гитлеровцев не только на Востоке, но и на Средиземноморском театре военных действий. Союзники высадились сначала на Сицилии, а потом перебрались на континент, и вскоре Италия выбыла из войны, капитулировала. Да не только капитулировала, а 13 октября вновь созданное итальянское правительство Бодольо объявило войну Германии. Теперь Италия из союзника превратилась в противника, с которым тоже надо было вести вооруженную борьбу. Единственное, в чем не растерялся генеральный штаб сухопутных войск Германии, - ему удалось разоружить итальянские войска. За 24 часа было взято в плен 82 генерала, 13 тысяч офицеров, 402 тысячи унтер-офицеров и солдат. Таким образом, эти союзники, недавно составлявшие какую-то реальную силу, превратились в военнопленных, которых, правда, надо было кормить и охранять. Угроза высадки англо-американского десанта во Франции, через Ла-Манш, становилась все более реальной. Однако Гитлер сказал Геббельсу по этому поводу:

- Англичане, без сомнения, ни на каких условиях не хотят большевистской Европы... Если они поймут... что имеют перед собой выбор только между большевизмом или сговорчивостью национал-социализма, они без сомнения выберут второе... Черчилль сам - старый антикоммунист, и его сотрудничество с

Москвой покоится сегодня только на соображениях целесообразности.

А поздравляя с Новым годом своих соотечественников, Гитлер сообщил народу: "Национал-социалистическое руководство полно решимости вести эту борьбу с крайним фанатизмом и до последней возможности". Теперь, втайне мечтая о заключении мира с союзниками, гитлеровские газеты и радио постоянно заговаривали на тему: "Третий рейх - бастион антикоммунизма", "Третий рейх - защитник Европы от большевистского нашествия".

Гитлеровская разведка добыла достаточно широкую информацию о Тегеранской конференции и знала о том, что принято решение о высадке англо-американских войск в Западной Европе. В те дни, когда шли горячие бои на Правобережной Украине, за Днепром, главнокомандующий группой армий "Запад" Рунштедт был уже достаточно информирован о подготовке союзников. Опасения перед скорым вторжением были так велики, что гитлеровское командование даже подумывало о том, чтобы, сократив фронт на востоке, создать там непреодолимую оборону, а часть сил перебросить на запад для отражения вторжения. В "Вольфшанце" разрабатывались планы перенесения стратегических усилий с востока на запад, в них была заложена мысль Гитлера: решительно сбить вторгнувшиеся во Францию части союзников, чтобы они долго не могли повторить такую попытку. Зятем немедленно перебросить части с запада на восток, назад, на российский фронт, и там укрепить оборону, а может быть, предпринять в дальнейшем и наступательные действия. Однако ситуация сложилась совершенно противоположным образом. Союзники не высадились, а наши четыре Украинских фронта перешли в решительное наступление.

4 января фельдмаршал Манштейн прилетел в ставку фюрера, чтобы решить некоторые, как он считал, кардинальные вопросы. Главным из них было, конечно, сокращение фронта на Днепровской дуге, для того чтобы не рисковать силами, попадающими в окружение, а вывести их и организовать устойчивую оборону на другом, более западном рубеже. В этом отношении Манштейн был, конечно же, прав. Доказывая свою точку зрения, он сказал: "Намечаемые контрудары в лучшем случае временно устранят нависшую угрозу, однако ни в коем случае не смогут укрепить на длительный срок положение наших войск".

Но, как пишет и Манштейн в своих воспоминаниях, Гитлер не был тем человеком, который видел необходимость далекого

расчета при проведении операции. Более того, он даже в такой ситуации отвергал всякую мысль об оставлении Днепровской дуги.

- Если мы уйдем с дуги, неизбежно оставление Крыма, а значит, и отход от нас Турции, а затем Болгарии и Румынии. С запада я могу перебросить к вам силы только тогда, когда будет ликвидирована попытка противника высадиться на побережье. Главное сейчас - выигрывать время, пока мы сформируем новые части и пока прояснится обстановка на западе. Да и среди союзников тоже немало противоречий. В один прекрасный день их блок может распасться. Следовательно, еще раз повторяю, главное - это выигрыш времени.

Манштейн понимал, что политическими вопросами Гитлер сейчас его запутает и он ничего не добьется из того, ради чего приехал. Но надо было во что бы то ни стало развязывать узлы немедленно, и поэтому он попросил Гитлера уделить ему время для беседы с ним лично или в присутствии начальника генерального штаба.

Гитлер очень насторожился и, не ожидая ничего хорошего от разговора с Манштейном наедине, все же сказал, чтобы остальные вышли из кабинета. Вышли все, включая и стенографиста. Остался только генерал Цейтцлер. Манштейн сказал:

- Мой фюрер, я прошу вашего разрешения говорить совершенно открыто.

- Пожалуйста, - холодно сказал Гитлер.

- Надо ясно отдавать себе отчет, мой фюрер, в том, что чрезвычайно критическая обстановка, в которой мы сейчас находимся, объясняется не только неоспоримым превосходством противника. Она является также следствием того, как у нас осуществляется руководство военными действиями.

Гитлер был просто ошарашен таким заявлением и так посмотрел на Манштейна, что тот навсегда запомнил этот взгляд.

Вот что пишет Манштейн: "Я не припомню, чтобы я когда-нибудь наблюдал взгляд, который так передавал бы силу воли человека... Он уставился на меня такими глазами, как будто хотел своим взглядом заставить меня пасть ниц. Это была, так сказать, борьба без слов, длившаяся в течение нескольких секунд. Я понял, что взглядом своих глаз он запугал или, пользуясь, правда, не подходящим для этого случая выражением, "прижал к ногтю" не одну свою жертву. Однако я продолжал и сказал ему, что из того, как у нас организовано руководство вооруженными силами, ничего не получается".

Дальше Манштейн изложил Гитлеру уже не раз, как он говорит, предлагавшуюся идею, чтобы всеми боевыми действиями

руководил один полновластный военачальник. Таким образом, он в открытую не говорил, но намекал Гитлеру, чтобы тот отказался от руководства боевыми действиями фронтов. На это Гитлер ему ответил:

- Только я обладаю всеми средствами государственной власти и могу эффективно руководить военными действиями. Только я в состоянии решать, какие силы могут быть выделены для отдельных театров военных действий, и тем самым как на них нужно проводить операции. Только мне подчиняются все крупнейшие военачальники, и никому другому такой, например, как Геринг, подчиняться не будет. Никто не обладает таким авторитетом, как я. Даже мне не подчиняются фельдмаршалы! Не думаете ли вы, что вам они будут больше подчиняться? В случае необходимости я могу смещать их с занимаемых постов, никто другой не может иметь такой власти.

То, чего хотел добиться Манштейн, - улучшения вопросов руководства операциями на Восточном фронте путем отхода Гитлера от этой должности, - не состоялось. И Манштейн ни с чем вернулся на "свою" Днепровскую дугу.

Боевые действия, как известно, складывались все сложнее и сложнее. У Манштейна уже не было сил для осуществления даже каких-то очень удачно им разработанных противодействий. У него уже, как он сам признавался, оставались только нумерации частей. А реальных сил у него уже не было. Потерпев фиаско в личном разговоре, Манштейн написал Гитлеру письмо и передал его через начальника генерального штаба. В основном в этом письме выдвигались те же вопросы, что и при конфиденциальной встрече с фюрером.

27 января в ставке Гитлера состоялось расширенное совещание, на котором присутствовали все командующие группами армий Восточного фронта, центральное руководство и высокие должностные лица из ставки фюрера.

В своем докладе фюрер говорил об идеологическом обосновании войны. Говорил довольно долго и утомительно. Главной была мысль о том, что все военные должны безгранично подчиняться национал-социализму. С каким-то даже упреком к высшему командному составу, которому Гитлер, как известно, не доверял, он сказал: "Если судьба в этой борьбе на жизнь и смерть должна лишить мае победы и если эта война по воле Всевышнего должна закончиться для немецкого народа катастрофой, то вы, господа генералы и адмиралы... должны сражаться до последней капли крови за честь Германии. Я говорю, господа, что так должно быть".

Гитлер сделан небольшую паузу и прошелся взором по генералитету, который сидел в первом ряду. И вот в этой паузе Манштейн вдруг бросил такую фразу:

- Мой фюрер, оно так и будет!

После этой реплики Манштейна пауза не только затянулась, а стала какой-то гнетущей. Дело в том, что эти слова многие присутствующие поняли по-разному. Одни восприняли это как патриотический всплеск в поддержку того, что сказал Гитлер ("мы как один умрем за ваши идеи, фюрер"), другие наоборот - восприняли это как иронию, что, мол, вот до того нас фюрер довел, что мы теперь действительно как один умрем, и ничего нам больше не остается. Гитлер после минуты явной растерянности сказал, чтобы снять напряжение:

- Благодарю вас, фельдмаршал фон Манштейн!

Затем он прервал свою речь, дальше говорить не стал. Был объявлен перерыв.

Во время перерыва Манштейн пил чай в кабинете начальника генштаба Цейтцлера. Раздался телефонный звонок, и, коротко поговорив по телефону, Цейтцлер сказал Манштейну: "Вас просят зайти в кабинет фюрера".

Когда Манштейн вошел в кабинет Гитлера, тот без всяких предисловий видимо, тоже поразмыслив над репликой фельдмаршала, понял, наконец ее подлинный смысл, и поэтому вызвал его к себе, - заявил:

- Господин фельдмаршал, я запрещаю перебивать меня во время речи, которую я держу перед генералами. Очевидно, вы сами не позволили бы делать это своим подчиненным.

Манштейн не был готов к такому разговору, да и что скажешь, он действительно не позволил бы никому из своих подчиненных вести себя подобным образом. А Гитлер между тем, заряженный на большую обиду, не ограничился только замечанием по поводу той реплики, и продолжал:

- Вы прислали мне несколько дней назад докладную записку

об обстановке. Она, очевидно, имеет назначение, попав в журнал боевых действий, когда-нибудь позже оправдать вас перед историей?

Это уже было скрытым оскорблением самого Манштейна, он понял это и попытался парировать:

- Письма, которые я направляю лично вам, естественно, не фиксируются в журнале боевых действий. Это письмо я направил с курьером через начальника генерального штаба. Я прошу меня извинить, если я сейчас употреблю английское слово. По поводу ваших слов я могу сказать: я джентльмен.

Наступила длительная пауза, Гитлер долго думал, но потом, не найдя ничего другого, сказал:

- Благодарю вас.

На этом разговор с фюрером закончился. В обоих случаях - и с той репликой в зале заседания, и здесь, после заявления Манштейна о его джентльменстве, - верх вроде бы остался за Манштейном. Это понимал и Манштейн, но он был уверен, что это ему просто так с рук не сойдет.

Проскурово-Черновицкая операция

С 18 по 20 февраля 1944 года Сталин с членами Ставки принимал решение о дальнейших целесообразных действиях по освобождению Правобережной Украины. Главной в этом замысле была стратегическая, очень важная мысль о решающем ударе в сторону Карпат, выходе к этому горному хребту и рассечении всего южного участка фронта пополам, потому что через горный хребет (по понятным причинам) связь и взаимодействие двух изолированных частей фронта будут очень затруднены, да, пожалуй, и невозможны. Таким образом, здесь складывалась ситуация, похожая на ту, которая была задумана гитлеровцами при наступлении на Сталинград. Только с выходом к Карпатам у гитлеровцев было, на мой взгляд, более тяжелое положение, потому что мы и за Волгой могли продолжать связь с нашими группировками, хотя и в очень трудных условиях. (Вспомните железную дорогу, построенную по велению Сталина). А здесь с выходом к горному хребту изоляция наступала реальная и прочная.

Обсудив детально доклад Жукова и Генерального штаба, Сталин согласился с их предложениями и приказал Жукову вылететь на фронт, опять-таки координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов при осуществлении задуманных планов.

Уже начиналась весна. Наступила распутица, и у многих командиров было сомнение: стоит ли начинать крупные операции в таких условиях, потому что особенно трудно будет продвигаться и танкам, и артиллерии, да и вообще всей технике.

Не подождать ли немножко? Однако Сталин торопил, и он был прав: если начать операцию именно в таких неблагоприятных условиях, это будет неожиданностью для противника; надо использовать этот фактор. Да и части противника, потрепанные в предыдущих боях, не будут еще в полной боевой готовности для отражения нового наступления наших

войск.

28 февраля командующий і -м Украинским фронтом Ватутин решил выехать в 60-ю и 13-ю армии, чтобы там отработать вопросы взаимодействия наземных войск с авиацией и еще раз все обговорить с командующими армиями.

После работы в 13-й армии Ватутин с охраной в составе 8 человек, в сопровождении офицеров штаба и члена Военного совета генерал-майора Крайнюкова, 29 февраля переезжал в 60-ю армию. В восьмом часу вечера, недалеко от селения Ми-лятын, на эту небольшую колонну штабных машин было совершено нападение бендеровцев. Они неожиданно из засады обстреляли легковые машины. Охрана начала отбивать нападение, однако в этой перестрелке Ватутин был ранен. Рана вроде была не тяжелая (в бедро выше колена), но пока суета, пока довезли до ближайшего поселка, Ватутин потерял много крови. Затем его доставили в госпиталь, а оттуда - в Киев. Хирурги долго боролись за жизнь Ватутина, не раз оперировали, пытаясь спасти его. Но 15 апреля Ватутин скончался.

Сталин назначил командующим 1-м Украинским фронтом Жукова, с возложением на него всей ответственности за успех предстоящей операции, и освободив его от координации действий со 2-м Украинским фронтом.

1-й Украинский фронт располагал крупными силами, в нем были: пять общевойсковых армий, три танковые армии и воздушная армия.

Противостояли здесь 1-му Украинскому фронту 4-я и 1-я танковые армии под командованием все того же фельдмаршала фон Манштейна. Даже из этого короткого перечисления сил видно, что у Жукова было явное превосходство, и это давало ему возможность не только овладеть инициативой, но и, как говорится, диктовать свою волю. На направлении главного удара Жуков сосредоточил две армии - 60-ю и 1-ю гвардейскую, а для развития их успеха во втором эшелоне расположил две танковые армии - 4-ю и 3-ю гвардейские. Одновременно переходили в наступление и другие армии на левом фланге, чтобы не дать возможности противнику маневрировать резервами.

4 марта после мощной артиллерийско-авиациоиной подготовки войска фронта перешли в наступление. В первый же

день успех обозначился на участке 60-й армии, и Жуков немедленно решил вводить сразу две танковые армии на этом направлении.

Продвигающиеся танковые армии вбивали клин между армиями Манштейна. На юге отсекалась 1-я танковая армия, а на севере - 4-я. Манштейн собирал все возможные резервы, снимал части с других направлений для того, чтобы ликвидировать этот клин и не допустить рассечения своего фронта. Ему удалось создать ударный кулак силой в девять танковых и шесть пехотных дивизий. И надо сказать, они сделали свое дело. Несмотря на то, что в распоряжении Жукова на главном направлении были мощные ударные танковые армии, Манштейну удалось не только остановить наши наступающие части, но и отбросить их на линию севернее Тернополя и Проскурова. Таким образом, Манштейн сохранил коммуникации в своем тылу и связь между своими армиями.

Как это ни прискорбно, Жукову пришлось приостановить наступление своей главной группировки и отдать приказ о переходе к обороне. Эти тяжелые оборонительные бои продолжались больше недели. Только отразив и истощив армии Манштейна, Жуков вновь решился на продолжение наступательных действий - 21 марта войска фронта двинулись вперед. 24 марта они с ходу форсировали Днестр и, используя полностью захваченную инициативу, очень быстро продвигались к реке Прут, 29 марта форсировали ее и овладели Черновцами. Вот с овладением Черновцами и произошло то самое рассечение восточного фронта гитлеровцев на две части, потому что здесь находились предгорья Карпат. 1-я танковая армия Манштейна осталась на южном участке, а 4-я танковая армия - на северном.

К этому времени подоспел, по приказу Сталина, мощный удар 2-го Украинского фронта в направлении Хотина. В этом населенном пункте встретились войска 2-го и 1-го Украинского фронтов. Таким образом, в районе Каменец-Подольска оказались окруженными до двадцати трех дивизий противника, в том числе до десяти танковых. Это был, несомненно, очень крупный успех, и теперь предстояло его закрепить.

Когда мы с вами в очередной раз "заглянем" в немецкий штаб, я расскажу более детально о том, каким образом Манштейну удалось спасти эту окруженную группировку.

Как небольшое утешение для Жукова и для нас с вами, скажу о том, что другую группировку противника, в районе Тернополя, войскам Жукова удалось не только окружить, но и полностью ликвидировать.

А в целом Проскурово-Черновицкая операция была одной из

крупных операций Великой Отечественной войны. Она отличается от других тем, что на главном направлении вводилась впервые такая мощная группировка, как три танковые армии.

1-й Украинский фронт продвинулся до 350 километров, вышел к Карпатам, рассек фронт противника. Задачу, поставленную Сталиным, полностью выполнил. Что же касается эпизода, когда из окружения все-таки вырвалась часть гитлеровцев, то в вину Жукову Сталин это не зачел, потому что при планировании операции, собственно, не ставилась задача по окружению и уничтожению такой крупной группировки. Все, что предусматривалось директивой Сталина, было выполнено. Очередная большая победа была достигнута, и стратегический успех в рассечении Восточного фронта немцев состоялся.

Войскам Жукова за эту победу салютовала Москва, и многим частям были присвоены почетные наименования Проскуровских, Винницких, Черновицких, Ямпольских, Жмеринских, Чортковских, Залещицких. Многие участники этой победной операции были награждены персонально. Не обошли в этом случае и Жукова. Он был награжден орденом "Победа". Причем номер его ордена был первым.

Награждая Жукова этим новым высочайшим полководческим орденом, Сталин не только отмстил полководческие заслуги Жукова в Проскурово-Черновицкой операции, а вообще в сражениях - за Днепр, за Правобережную Украину, и в то же время он хотел как-то сгладить осадок, который, несомненно, остался в душе у Жукова, да, может быть, и у Сталина, после предыдущего приказа, отмечавшего заслуги только Конева.

На стороне противника...

Манштейн позвонил генералу Цейтцлеру и объяснил критическое состояние 1-й армии - она не может держать прежний фронт. На это начальник генерального штаба ответил, что Гитлер не понимает всей серьезности создавшегося положения.

Цейтцлер, без сомнения, доложил Гитлеру о своем разговоре с Манштейном, потому что вскоре он позвонил и сказал, что фюрер вызывает Манштейна к себе, в ставку.

Манштейн прилетел из Львова в Бергхоф, в эту красивейшую горную резиденцию Гитлера, и на совещании доложил фюреру о том, что части 1-й танковой армии не в состоянии сдерживать натиск превосходящих сил противника, поскольку сами они понесли очень большие потери. Советские войска вышли уже на ее коммуникации. Манштейн предлагал, чтобы 4-я танковая армия организовала со своей стороны удар навстречу 1-й. Но для этого Манштейн просил подкрепления, потому что своих сил в

обеих армиях было недостаточно.

Выслушав Манштейна, Гитлер произнес:

- У меня нет возможности выделить вам дополнительные силы для осуществления вашего плана. Мне приходится считаться с возможностью вторжения противника на западе. Я не могу снимать оттуда ни одной дивизии. В случае отвода 1-й танковой армии ломается вся линия нашего восточного фронта, и мы теряем огромную территорию на юге.

Опровергая предложения Манштейпа, Гитлер все больше распалялся и начал упрекать фельдмаршала в том, что он не очень-то умело распоряжался теми пополнениями, которые Гитлер ему постоянно посылал.

Манштейн парировал это тем, что пополнения давались частями и их приходилось немедленно же использовать в боях для решения конкретных задач. Не было возможности накапливать эти мелкие резервы. Если бы хоть раз были даны фюрером хотя бы минимальные, необходимые в тех критических условиях, пополнения, то обстановка не сложилась бы так, как выглядит она сейчас.

Гитлер уже кричал:

- Вы всегда хотели только заниматься боевым маневрированием. Осенью вы говорили, что Днепр будет удержан. После того как Днепр вы не удержали и я скрепя сердце дал согласие отступить за реку и закрепиться на ней, вы уже стали доказывать, что надо отступать дальше. Вы сдали Киев и сдали потом всю Правобережную Украину.

Манштейн защищался:

- Так оно и должно было получиться, по вашему указанию мы удерживали Донбасс, а позже Днепровский район, в то время как все эти силы мы могли бы использовать для удержания именно "Восточного вала".

- В данных воздушной разведки отмечалось, что некоторые ваши части отступали перед отдельными танками противника, бежали от них целые полки. Вместо того, чтобы стоять насмерть и держать фронт, вы все время говорили о необходимости отхода на новые позиции.

- Если войска не могут более держаться, то это объясняется их чрезмерной усталостью, истощением их сил, сокращением численности самих соединений и частей. Я неоднократно докладывал о том, что при таких сверхрастянутых фронтах и таком состоянии войск должен наступить момент, когда силы войск будут исчерпаны. Вы не можете обвинить командование группы в мягкости. Мы требовали от командиров соединений стойкости и твердого руководства боями и заменили многих

командиров, которые уже, по нашему мнению, утратили боевой дух. А все они между тем были испытанными и храбрыми командирами, которые неоднократно показали свое умение в предыдущих боях, а теперь вот, в связи с такой ситуацией, уже и у них была ослаблена стойкость.

Понимая, что такой напряженный разговор ни к чему хорошему не приведет, а 1-го армию спасать все-таки надо, Манштейн сказал:

- Приказ о спасении 1-й танковой армии я должен отдать сегодня же. Я повторяю: только встречными ударами 1-й и 4-й армий мы создадим нашу сильную группировку и нанесем большие потери противнику, который уже окружает 1-ю танковую армию.

Гитлер и на этот раз отклонил предложения Манштейна. На сем был объявлен перерыв.

Выйдя из кабинета Гитлера, Манштейн немножко успокоился, сказал генералу Шмундту, адъютанту фюрера:

- Я считаю нецелесообразным для меня в дальнейшем командовать группой армий, если фюрер не примет мои предложения. Я прошу ему передать о том, чтобы ом поручил командование группой армий кому-то другому.

Конечно же, адъютант доложил об этом разговоре Гитлеру, и на вечернем заседании фюрер явно смягчился. Он начал разговор так:

- Я обдумал все еще раз, я согласен с вашим планом относительно прорыва 1-й танковой армии на запад. Я также решился скрепя сердце включить в предлагаемую вами ударную группу 4-ю танковую армию вновь сформированный на западе танковый корпус СС в составе 9-й и 10-й танковых дивизий СС, а также 100-ю горнострелковую дивизию из Венгрии.

Гитлер не хотел обострять до разрыва свои отношения с Манштейном: все-таки Манштейн был одним из самых опытных и талантливых полководцев среди фельдмаршалов.

Вернувшись в свой штаб, Манштейн успел отдать все необходимые распоряжения и создать группировки войск для тех самых ударов, которые не позволили Жукову завершить окружение и уничтожение частей немецких армий в районе Каменец-Подольска.

Ну а в ставке Гитлера своим чередом шли не только руководство боевыми действиями, но и интриги. В данном случае я имею в виду недоброжелательное, завистливое отношение Геринга и Гиммлера к Манштейну. Видимо, после того как Гитлер сгладил свой намечавшийся разрыв с Манштейном, эти двое из высшего руководства рейха "надули в уши" фюреру о его

излишней уступчивости Манштейну, который и без того злоупотребляет добротой фюрера, ведет себя вызывающе, позволяет себе публично прерывать его и заставляет фюрера принимать решения такие, какие выгодны ему.

Результат не замедлил сказаться. Манштейну позвонил начальник генерального штаба Цейтцлер и сообщил, что личный самолет Гитлера "Кондор" направлен за ним, за фельдмаршалом, и ему приказано незамедлительно прилететь из Львова в ставку фюрера. Как только самолет приземлился на львовском аэродроме, фельдмаршал Манштейн увидел в нем и фон Клейста: оказывается, сначала самолет залетел за командующим 1-й танковой армией.

Сразу после приземлении в Берхтесгадене оба высокопоставленных командующих пришли к генералу Цейтцяеру узнать, что происходит. Начальник генерального штаба конфиденциально сообщил им, что после последней встречи Манштейна и его спора с фюрером Геринг и Гиммлер высказали много нелицеприятного в его адрес и настроили фюрера на решение расстаться с Манштейном и Клейстом.

Но ожидания неприятного разговора, упреков и обвинений не подтвердились. Фюрер встретил Манштейна очень спокойно и внешне радушно, вручил ему дополнительную награду к ордену "Рыцарский Крест" - так называемые Мечи, и заявил, что благодарен за все его предыдущие заслуги, но решил передать командование армиями другому генералу.

Гитлер продолжил:

- На востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых вы, фельдмаршал, особенно подходили. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем, поэтому я решил сменить командование группой армий и даже ее наименование. Я хочу решительно подчеркнуть, чтобы между нами не было никакой тени недоверия, как то было в случае замены фельдмаршала Браухича, например. Я вполне доверяю вам. Я всегда был согласен с вашими решениями и с теми методами, которыми вы осуществляли операции. За минувшие полтора года, которые вы командовали той группой армий, вы, конечно же, слишком утомились от тяжелого бремени ответственности, и потому отдых ваш мне кажется вполне заслуженным. Вы один из способнейших моих полководцев, поэтому я надеюсь использовать вас и в будущем. Но в данное время на востоке нет таких масштабных задач, для которых вы нужны. Я еще раз заявляю вам, что не должно быть никакой атмосферы недоверия. И я всегда помнил и помню ваши заслуги,

когда вы осуществляли победный поход на запад против Франции и были правы и тогда, осуществив эту победу одним, ударом.

Манштейн ответил:

- Мой фюрер, я не могу сказать ничего против принятого вами решения, поскольку оно принимается для улучшения обстановки.

Когда Гитлер пожал на прощание руку Манштейну, фельдмаршал не упустил возможности его уколоть:

- Желаю вам, мой фюрер, чтобы ваше сегодняшнее решение не оказалось ошибочным.

После Манштейна Гитлер так же мягко расстался с фельдмаршалом фон Клейстом. Когда Манштейн и Клейст покидали кабинет фюрера, туда немедленно были приглашены генерал-полковник Модель и генерал Шернер. Назначив Моделя командующим группой армий "Юг", Гитлер тут же присвоил ему звание фельдмаршала.

Фельдмаршал Манштейн вернулся в штаб группы армий "Юг", попрощался с его работниками, командующими и командирами и 3 апреля 1944 года вернулся в Германию.

Так завершилось единоборство на этом участке фронта между фельдмаршалом Манштейном и Сталиным и Жуковым. После ряда крупных поражений фон Манштейн отправлялся в отставку, а Сталин, наращивая свой боевой опыт и совершенствуя полководческий талант, приступил к подготовке и проведению новых крупнейших стратегических операций.

Окончательный разгром

Десять сталинских ударов в 1944 году привели к изгнанию немецких захватчиков за пределы нашей страны и позволили Верховному поставить окончательную задачу: "Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы".

Перед операцией "Багратион"

В апреле 1944 года линия советско-германского фронта выглядела так. На юге соединения Красной Армии вышли на границу с Румынией и уже нацеливали свои удары на Бухарест. Их соседи справа отбросили гитлеровцев от Днепра и подступили к предгорьям Карпат, разрезав немецкий Восточный фронт на две части. На севере, полностью освободив Ленинград от блокады, наши войска вышли к Чудскому озеру, Пскову и Новоржеву. Таким образом, между этими флангами, продвинувшимися далеко на запад, оставался огромный выступ в сторону Москвы. Его называли "Белорусский балкон". Передняя часть этой дуги проходила по линии городов Витебск - Рогачев - Жлобин и находилась не так уж далеко от Москвы.

Гитлеровские части в этом выступе (это была группа армий "Центр", в которую входило более шестидесяти дивизий) преграждали советским войскам путь на запад. Кроме того, фашистское командование, располагая там хорошо развитой сетью железных, и шоссейных дорог, могло быстро маневрировать и бить во фланги наших войск, наступавших южнее и севернее этого выступа. С него же авиация противника наносила бомбовые удары по советским группировкам на севере и на юге. Не исключена была и возможность налетов на Москву.

В это же время немецкие войска в этом выступе и сами, благодаря такому положению, находились под угрозой наших фланговых ударов с юга и с севера и, следовательно, под угрозой окружения. Но для того чтобы осуществить окружение такого масштаба, нужны были огромные силы. Советским войскам для этого надо было разгромить в Прибалтике группу армий "Север", на Украине группу армий "Северная Украина", и только после этого можно было охватить с двух сторон группу армий "Центр".

Еще в конце апреля 1944 года Сталин в присутствии генерала Антонова посоветовался с Жуковым о плане на летнюю кампанию. Георгий Константинович тогда сказал:

- Особое внимание следует обратить на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем его Западном стратегическом направлении.

Сталин согласился и добавил:

- Надо начинать с юга, с 1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы противника с Центрального направления.

Антонов заметил:

- Лучше начать с севера, затем продолжить на юге, в таком случае противник не сможет осуществлять маневрирование между соседними фронтами. А после этого провести операцию против группы армий "Центр", чтобы освободить Белоруссию.

- Я посоветуюсь еще с Василевским, - сказал Сталин. - Позвоните командующим фронтами, пусть они доложат соображения о действиях фронтов в ближайшее время. А вы, товарищ Жуков, займитесь с Антоновым наметкой плана на летний период. Когда будете готовы, обсудим еще раз.

Жуков встретился с Василевским, и они вместе, опираясь на опыт совместной работы, занялись разработкой Белорусской операции.

Работа происходила в обстановке строгой секретности. Боевые действия не прекращались, и даже наоборот, велись с еще большей активностью, чтобы противник не заметил изменений,

происходивших в нашем тылу.

Вот что говорит по этому поводу С. М. Штеменко:

"В полном объеме эти планы знали лишь пять человек: заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генштаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Всякая переписка на сей счет, а равно и переговоры по телефону или телеграфу категорически запрещались, и за этим осуществлялся строжайший контроль. Оперативные соображения фронтов разрабатывались тоже двумя-тремя лицами, писались обычно от руки и докладывались, как правило, лично командующими...

Во второй половине апреля в Генеральном штабе свели воедино все соображения по поводу летней кампании. Она представлялась в виде системы крупнейших в истории войн операций на огромном пространстве от Прибалтики до Карпат. К активным действиям надлежало привлечь почти одновременно не менее 5-6 фронтов".

Сталин рассмотрел эти предложения и по той части летней кампании, которая охватывала освобождение Белоруссии, дал название - "Багратион". Согласно этому плану, намечалось глубокими ударами четырех фронтон разгромить основные силы группы армий "Центр", освободить Белоруссию и создать предпосылки для последующего наступления в западных областях Украины, в Прибалтике, в Восточной Пруссии и в Польше. Замысел этот предстояло осуществить таким образом: одновременными прорывами обороны противника на шести участках расчленить его войска и уничтожить их по частям. При этом мощные группировки 3-го и 1-го Белорусских фронтов, стремительно наступая на флангах, должны сойтись в районе Минска, окружить и ликвидировать войска противника, отброшенные сюда нашими фронтальными ударами.

Так выглядел в общих чертах изначальный замысел операции "Багратион".

20 мая Сталин, Жуков, Василевский и Антонов рассмотрели окончательно подготовленный план летней кампании. После этого совещания Сталин приказал вызвать командующих фронтами, которым предстояло осуществлять операцию "Багратион", - Баграмяна, Рокоссовского, Черняховского. Черняховский приболел, поэтому приехал позднее, 25 мая.

На этом заседании произошел случай, о котором много говорили и писали различные военачальники.

При обсуждении плана действий фронта Рокоссовского он предложил нанести два главных удара на правом фланге. Сталину то ли не понравилось это предложение, то ли он хотел

подчеркнуть свою власть над маршалами, но он вдруг приказал:

- Товарищ Рокоссовский, выйдите в соседнюю комнату и хорошенько подумайте над своим предложением.

Присутствующие были смущены, но не подавали вида, продолжали обсуждать план.

После возвращения в кабинет Сталина Рокоссовский доложил:

- Мы все тщательно просчитали еще в штабе фронта, и я считаю необходимым наносить два главных удара,

Сталин спокойно сказал:

- Идите и еще раз хорошенько подумайте. Рокоссовский вышел, недоумевая, почему так поступает

Верховный. Возвратясь, он упорно повторял свое ранее принятое решение.

- Настойчивость командующего фронтом, - сказал Сталин, - доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

Напряжение, создавшееся на совещании, было снято. Сталин еще раз показал свою рассудительность и... власть.

О том, что Сталин провел эту "воспитательную игру" умышленно, подтверждает Жуков в своих воспоминаниях:

"Существующая в военных кругах версия о "двух главных ударах" на Белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку".

Вот так теперь уже опытный Сталин иногда проверял правильность своих решений и попутно занимался воспитательной работой.

На этом совещании Сталин приказал Жукову взять на себя координацию действий 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а Василевскому - 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского.

Предстояла сложная перегруппировка: для проведения операции "Багратион" надо было перевести в новые районы войска пяти общевойсковых, двух танковых и одной воздушной армий. Кроме того, Ставка передавала фронтам дополнительно 4 общевойсковые, 2 танковые армии, 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, 6 отдельных танковых и механизированных корпусов, 33 авиационные дивизии, 2849 орудий и минометов и 210 тысяч человек маршевого пополнения.

Все эти резервы готовил сам Сталин! (Два слова - "готовил сам" - а вы представьте, какая это титаническая работа!) И все это

надо было переправить скрытно, чтобы противник не заметил и не разгадал намеченный план наступления.

Была проведена и дезинформация противника: создавалось впечатление, будто удар готовится на юге, на 1-м Украинском фронте.

В период подготовки операции произошло событие, которое, несомненно, имело огромное значение для поднятия боевого духа воинов Советской Армии; союзники - наконец-то! - начали форсирование Ла-Манша и открыли второй фронт!

Второй фронт

6 июня 1944 года англо-американские экспедиционные силы высадились на французской земле. Произошло это за семнадцать дней до начала операции "Багратион".

Я стремился к объективности при описании действий наших врагов, тем более считаю необходимым придерживаться такой же позиции, говоря о наших союзниках. То, что англо-американское руководство оттягивало открытие второго фронта, оставляя нас в самые трудные дни войны один на один с мощной гитлеровской армией, - то, как говорится, на их совести. Но люди погибали ради достижения победы над общим врагом, тут надо помянуть добрым словом 122 тысячи погибших в операции "Оверлорд" солдат и офицеров, из которых 73 тысячи были американцами и 49 тысяч - англичанами и канадцами.

Нормандская десантная операция под командованием генерала Д. Эйзенхауэра является самой крупной десантной операцией второй мировой войны, в ней участвовало 2 миллиона 876 тысяч человек, около 7 тысяч кораблей и судов, около 11 тысяч боевых самолетов. Вея эта армада двигалась через пролив Ла-Манш шириной от 32 до 180 километров. Читатели даже по этим цифрам могут представить масштаб морского, сухопутного и воздушного сражений при высадке во Франции.

Гитлеровскому командованию было известно о подготовке форсировании пролива и о том, что в июне 1944 года союзники перейдут от слов к делу. Во Франции, Бельгии и Нидерландах находились две гитлеровские группы армий "Б" и "Г", они подчинялись командованию группы армий "Запад" во главе с генерал-фельдмаршалом Г. Рундштедтом. К началу июня 1944 года там оставалось всего 58 немецко-фашистских дивизий, а против Советского Союза действовали 239 дивизий, в том числе 181 германская. Конечно, главные силы фашистов были сосредоточены против нас. Но теперь гитлеровское командование, да и вся фашистская армия, обращенная лицом к нам, почувствовали, как сзади, на Западе, начались практические действия.

Следуя своему принципу - искать участников описываемых мною событий, бывать на местах боев, я не раз летал в Англию, встречался с участниками операции "Оверлорд", причем стремился охватить как можно более широкий круг ее участников: беседовал с адмиралами, генералами, офицерами, рядовыми.

Побывал в Лондоне, в ставке Черчилля. Это приспособленный под бомбоубежище подвал под огромным домом в центре города. Перекрытие укреплено толстым брусом и стволами деревьев (кругляка). Узкие коридоры с этими подпорками. Никаких удобств, общий туалет на всех. Здесь Черчилль провел больше ста заседаний ставки под бомбежками немцев.

Сохранены рабочие места всех служб и кабинет самого Черчилля - комната № 65а, - в котором стоит большой письменный стол, на нем старомодные телефоны и лампа с зеленым абажуром. В углу кабинета широкая застланная кровать. В застекленных стендах карты и документы тех дней, и в одной из витрин потертый тяжелый пистолет, который Черчилль приобрел еще в дни первой мировой войны (он держал его здесь под подушкой), рядом с пистолетом большой белый фарфоровый ночной горшок - премьер пользовался им, чтобы не ходить в туалет через длинный коридор...

Стрелки всех часов в ставке показывают время подписания союзниками капитуляции гитлеровцев - 17.00, 8 мая.

На побережье в Портсмуте я побывал в штабе Верховного Главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала Эйзенхауэра. Тут по сей день висит огромная, во всю стену карта с прикрепленными к ней переносными фишками, обозначающими корабли и место их нахождения в определенное время.

Осмотрел я полевой штабной комплекс фельдмаршала Монтгомери, состоящий из нескольких специально оборудованных автомобилей: кабинет, комната для заседаний, спальный салон... Вспомнил свою короткую, но памятную для меня встречу с фельдмаршалом. Знакомство было эпизодическим - произошло после войны в Москве, когда Монтгомери посетил Академию имени Фрунзе, разведфакультет которой я окончил в 1947 году, защитив диплом на английском языке.

В тот день я занимался в кабинете тактики. Монтгомери в сопровождении маршала Конева и других военачальников знакомился с академией. А вот в кабинете тактики остановился около моего стола. Причина? Рядом висел портрет Конева.

- Конев, это вы? - спросил Монтгомери. Конев улыбнулся:

- Похож?

Я встал, приветствуя военачальников. Монтгомери, обращаясь к переводчику, сказал:

- Спросите у него, чем он занимается.

Стоящий тут же заместитель начальника академии генерал-полковник Боголюбов подсказал Монтгомери:

- А вы сами спросите у него, он хорошо знает английский.

- Да? Вы знаете английский? - обратился Монтгомери ко мне.

- Да, разумеется.

- Чем вы занимаетесь? - продолжал Монтгомери.

- Готовлюсь по тактике на завтра.

- А что будет завтра?

- Завтра я должен принимать решение за командира полка.

- А кто вы по званию?

- Капитан.

- Вы участвовали в боях? Впрочем, я вижу, у вас боевые награды.

Тут в разговор вмешался Конев:

- Он Герой Советского Союза. Видите, у него Золотая Звезда.

Монтгомери пожал мне руку, спросил:

- А где вы изучали английский?

- Здесь, в академии. (О том, что учился три года в Высшей разведывательной школе ГРУ Генштаба, я умолчал.)

- Вы хорошо говорите по-английски, - прощаясь, сказал Монтгомери. Желаю вам покомандовать полком не только на занятиях в академии, а настоящим полком.

Монтгомери попал "в яблочко" - после работы в Генеральном штабе в течение шести лет, с 1957 по 1962 годы, я командовал полком.

Вернемся в Англию. В Портсмуте к 40-летию операции "Оверлорд"построен музей "Д-Дэй" (День высадки), в нем, кроме обычных музейных экспонатов, в кинозале демонстрируется хроникальный фильм об операции, а на стене по кругу, опоясывающему весь музей, вывешен гигантский гобелен-аппликация, изображающий главные эпизоды из сражения на море и на суше.

На окраине Лондона я ознакомился с "Имперским военным музеем" (с богатейшим хранилищем документов и библиотекой). Например, в нем я просмотрел поминутный репортаж журналиста Кол и на Виллса, который шел на одном из кораблей во время форсирования пролива, и видел бои при захвате плацдармов.

Побывал я в Британской военной академии. Перед фасадом - камень, привезенный из Германии 29 ноября 1958 года.

На камне высечена надпись: "Здесь 4 мая 1945 года делегация

немецкого главнокомандования подписала перед маршалом Монтгомери безоговорочную капитуляцию всех сухопутных, морских и воздушных сил в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии".

Так англичане подчеркивают победу своей армии, еще до подписания американцами и англичанами акта о капитуляции немцев перед союзниками 8 мая 1945 года и до общей капитуляции гитлеровской армии, принятой Жуковым и союзниками 9 мая 1945 года.

Осмотрел я комнаты боевых традиций. В библиотеке академии много советских изданий, подшивки газет "Правда", "Красная Звезда" военных лет и множество других материалов и документов.

Есть в академии своя церковь. В памятную книгу этой церкви занесены имена 20 тысяч офицеров, погибших во второй мировой войне. В нее записаны не только звание и фамилия, но еще и сражения, в которых офицер участвовал, и его па-грады.

В небольшом городке на побережье построен специальный "Музей морской пехоты" - за этим скромным названием стоит величественное здание с богатейшим собранием экспонатов и документов, охватывающих историю морских пехотинцев с первых дней возникновения, когда они ходили на абордажи пиратских кораблей, и до операций второй мировой войны в разных морях и океанах.

Но самым интересным и ценным для меня были встречи с живыми участниками этой операции: адмиралом Герицем (кроме официальной встречи я побывал у него дома, в небольшом уютном городке Солсбери), с генералами Мултоном и Таппом, бригадными генералами Александром Бридином и Джеймсом Хиллом.

Особенно я благодарен Джону Робертсу, директору ассоциации "Великобритания - СССР", организатору моей поездки и встреч в Англии, и президенту ассоциации ветеранов операции в Нормандии господину Бариджу, который свел меня с боевыми друзьями, и у нас состоялся хороший, откровенный солдатский разговор.

Все это требует отдельного рассказа, но поскольку уводит от главной темы, я, показав читателям, что немало потрудился, собирая достоверные сведения для этой главы, изложу их лишь в объеме, необходимом для освещения операции, открывшей второй фронт.

Наши союзники объясняют задержку в открытии второго фронта тем, что такая операция требовала длительной и серьезной подготовки. Когда впервые зашел разговор и было дано

обещание высадить десант во Франции, в портах Англии не было достаточного количества ни войск, ни кораблей. Накопление, обучение, экипировка необходимых сил заняли немало времени. Сроки высадки не раз переносились.

Наконец утром 5 июня 1944 г. Верховный Главнокомандующий Эйзенхауэр отдал приказ - начать операцию. Огромная армада двинулась через Ла-Манш к французскому берегу. Замысел операции был таков: высадить морской и воздушный десанты на побережье Северо-Западной Франции, захватить плацдарм и расширить его к двадцатому дню операции до 100 километров по фронту и 100-110 километров в глубину.

Для осуществления этой задачи привлекались 39 дивизий, 12 отдельных бригад, 10 отрядов "коммандос" и "рейнджере". По английским данным, в этой операции участвовали 3,5 миллиона человек (из них 1,5 миллиона американцы), 4126 десантных судов под прикрытием 1213 боевых военных кораблей, 1600 судов различного обеспечения, 3500 катеров и глиссеров. С воздуха операцию обеспечивали 11 500 самолетов. 2-я американская и 1-я английская воздушно-десантные дивизии высаживались с воздуха. Вся эта армада должна была перебросить на материк в первый день 150 000 десантников. Что и было осуществлено в течение 16-17 часов первого дня. Потери в день высадки были небольшие - они не превышали 11 тысяч человек.

На этом побережье союзникам противостояла группа армий "Б" под командованием Роммеля в составе 38 дивизий. Гитлеровцы ожидали высадку в другом районе, у пролива Па-де-Кале, и именно там держали главную группировку, а в месте высадки союзников находились всего три дивизии. Против десанта была брошена танковая группа "Запад", но авиация союзников, полностью господствовавшая в воздухе, не допустила ее к району высадки.

Бои разгорались по мере продвижения высадившихся войск в глубь территории. Вот здесь были горячие схватки, и солдаты сражались смело и самоотверженно. Многие сами рассказывали мне о боях.

На квартире председателя ассоциации ветеранов Нормандии господина Бариджа, "за рюмкой чая" в виде хорошего виски, мы поговорили о форсировании Ла-Манша и боях на побережье.

Мне показали фотографию артиллерийских позиций немцев до начала операции и после бомбардировки этих позиций английской авиацией - сплошные воронки. "Мы из них сделали коктейль!"

К большому моему сожалению, выяснилось: эти храбрые воины не знали ничего о том, что в трудные для них дни боев

советские войска тоже наступали и отвлекали на себя основные силы гитлеровцев.

- Мы не знали об этом, - сказал Баридж. - Но я не думаю, что это делалось специально. После высадки на берег была такая неразбериха, что мы две недели не получали ни писем, ни газет.

Все участники операции единодушно отмечают доброжелательность и помощь французов в ходе Нормандской операции.

К. 25 июля, то есть на двадцатый день, как и намечалось, был создан стратегический плацдарм. Крупнейшая десантная операция второй мировой войны завершилась успешно.

Главными ее особенностями были; умело проведенная оперативная маскировка и дезинформация противника, в результате чего гитлеровцы были введены в заблуждение относительно районов и сроков высадки; умелые и согласованные действия крупных сил флота, сухопутных войск и авиации; смелость и уверенность в справедливости своих действий солдат и офицеров в борьбе с гитлеровским фашизмом, принесшим так много бед народам Европы.

* * *

В наших газетных, журнальных публикациях и сообщениях по радио в годы войны и в послевоенный период утверждалось, что немецкое командование почти не оказывало сопротивления наступающим войскам союзников во Франции, что вроде бы гитлеровцы все усилия сосредоточили на Восточном фронте, а перед союзными войсками на Западе почти открыли фронт, и там шло чуть ли не беспрепятственное продвижение. Это не во всем соответствует действительности. То, что германское командование большую часть вооруженных сил имело на Восточном фронте против советских войск, - это верно. Но и на Западе шли в первые месяцы настоящие напряженные бои, в которых гибли солдаты с обеих сторон. После высадки десантной армии на побережье Франции Главнокомандующий союзными войсками Эйзенхауэр организовал первую наступательную операцию. Целью этой операции было окружение группировки немецких войск (довольно крупной, более 20 дивизий), сомкнув кольцо в районе города Фалез. Поэтому операция эта и вошла в историю войны под названием Фалезской операции. Осуществляли этот замысел 1-я и 3-я американские армии, которыми командовал генерал Бред-ли. Он охватывал группировку немецких войск с юга. А с севера окружение осуществляли 2-я английская и 1-я канадская армии - ими командовал генерал Монтгомери. Окружали они 5-ю танковую и 7-ю полевую армии немцев группы армий "Б", которой

командовал генерал-фельдмаршал Модель. Кстати, это тот самый Модель, который заменил Манштейна после неудачных боев за удержание фронта на Украине.

Осуществление плана Эйзенхауэра сначала шло довольно успешно. В фалезском "мешке" оставалось до 20 дивизий немцев, но действия союзников, благодаря их неопытности, развивались очень медленно: они продвигались по 5 км в сутки, и немцы успели вывести из того "мешка" большую часть своих дивизий. И все же союзники замкнули кольцо и окружили 8 немецких дивизий. Но ввиду отсутствия опыта в создании внутреннего и внешнего кольца окружения, они не смогли уничтожить эти окруженные дивизии. Немцы контрударом извне прорвали кольцо и помогли выйти своим войскам из окружения. Все же это был первый значительный успех войск союзников: они захватили здесь немало пленных и сумели выйти к реке Сена, с которой развивали дальнейшее наступление в сторону Парижа.

Таким образом, из этого примера видно, что бои здесь шли настоящие. Я приведу еще один пример, показывающий очень драматичные ситуации, сложившиеся с обеих сторон. После высадки союзников на побережье и осуществления операции, о которой я сказал выше, командующий группой армий "Б" фельдмаршал Клюге оказался в очень трудном положении. Читатели помнят этого военачальника по боям под Москвой. Это старый противник Сталина, он командовал 4-й армией, которая должна была непосредственно овладеть Москвой после охвата се танковыми, клещами Гудериана и Геппнера. Но там Сталин одержал верх над этим полководцем и вынудил его к отступлению. Однако Клюге, отступив от Москвы, создал стабильный фронт, организовал прочную оборону и сдержал дальнейшее наше наступление, которое, как мы знаем, было организовано по решению Сталина. Тогда, в оборонительных боях, Клюге продемонстрировал свое мастерство. В наступательных операциях это ему удавалось хуже. Именно поэтому, когда поступили сведения о скором неминуемом открытии второго фронта, Гитлер перебросил Клюге - как мастера обороны - сюда, чтобы он организовал на побережье Франции отражение десанта союзных войск. Но высадка союзных войск состоялась, да еще и первое их наступление развивалось успешно. Клюге не оправдал надежд Гитлера, и тот отстранил его от командования группой армий "Б". Фельдмаршал Клюге не пережил крушения своей карьеры. Перед тем, как покончить счеты с жизнью, он написал Гитлеру письмо:

"Мой фюрер, вчера фельдмаршал Модель вручил мне ваше решение освободить меня от обязанностей командующего

войсками на западе и группой армией "Б"... Меня уже не будет в живых, когда вы получите эти строки... Я не могу принять на себя тяжесть упрека в том, что я предрешил судьбу Западного фронта, применив ошибочную стратегию, но оправдаться у меня нет возможности... поэтому я сделал из того соответствующие выводы и добровольно отправляюсь туда, где уже находятся тысячи моих боевых друзей. Я никогда не боялся смерти. Жизнь уже не имеет для меня никакого смысла, к тому же я числюсь в списке военных преступников, которые должны быть преданы суду.

По вопросу о моей виновности разрешите мне сказать следующее..."

Дальше Клюге излагает ход боев, напоминает о решениях, которые он принимал, пытается объяснить неудачи боевых действий. Общий смысл его объяснений сводится к тому, что он неповинен в постигших немецкие войска неудачах. Свое письмо Клюге завершает так:

"Вы, мой фюрер, должны принять решение прекратить войну. Германский народ перенес уже такие неописуемые страдания, что пора положить им конец.

Есть пути и средства закончить войну и воспрепятствовать в первую очередь тому, чтобы рейх попал в руки большевиков. Проявите же теперь ваше величие и прекратите безнадежную борьбу, если это необходимо. Я расстаюсь с вами, мой фюрер, как человек, который, выполняя свой долг до последнего часа, был вам ближе, чем вы, видимо, понимали.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге".

Совет Клюге искать иные пути выхода из войны, чтобы рейх не попал в руки большевиков, несколько запоздал. Гитлер давно уже искал эти пути. Сразу же после того, как на него было совершено покушение и выяснилось, что заговорщики пытались договориться с западными странами о прекращении войны и заключении сепаратного мира, Гитлер поручил Гиммлеру тщательно выявить каналы, по которым заговорщики устанавливали связь с англичанами и американцами. Как это ни странно, но Гитлер позаимствовал у заговорщиков их намерения. Он сам читал протоколы допросов заговорщиков, прослушивал пленки с записями и, главным образом, пытался выяснить, как устанавливались контакты, Он прямо поставил задачу Гиммлеру искать контакты с западными противниками, и "верный Генрих" попытался напрямую заговорить об этом с государственным секретарем Стеттиниусом. Но тот отказался вести разговоры на эту тему.

Немецкие газеты пугали союзников Советского Союза тем, что Европа может стать "красной", что Советы намерены и имеют

возможность захватить всю Европу. Германский посол в Ватикане Вейцзеккер встретился с бывшим американским послом в Берлине Вильсоном и, запугивая его ситуацией, какая сложится, когда Советская Армия займет всю Европу в случае крушения третьего рейха, убеждал его побыстрее склонить союзников к договоренности с Германией. Он, например, сказал такую фразу: "Германия не может выиграть, но она еще может выбрать своего победителя".

"Багратион"

С 23 июня по 29 августа 1944 года силами четырех фронтов была осуществлена Белорусская операция, которая, наряду с решением важнейшей стратегической задачи на советско-германском фронте, еще и способствовала успеху союзников, так как накрепко сковала действия гитлеровского командования, не позволяя ему перебросить на Запад войска для борьбы с нормандским десантом. Эти две операции - вообще хороший пример того, как надо было действовать нашим англо-американским союзникам. Вот так сразу бы навалились на фашистов вместе с нами - и война была бы короче, и потерь было бы меньше. Хотя, конечно, союзники к этому не стремились, как ни горько это сознавать.

Белорусская операция - одна из крупнейших, просто грандиозная операция периода Великой Отечественной войны, в ней одновременно и слаженно действовали четыре фронта: 1-й Прибалтийский (генерал армии Баграмян), 3-й Белорусский (генерал-полковник Черняховский), 2-й Белорусский (генерал-полковник Захаров), 1-й Белорусский (генерал армии Рокоссовский), - а также недавно созданная 1-я польская армия (генерал-лейтенант Пошшвский). Эти фронты объединяли огромные силы: 166 дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, 21 стрелковую, танковую, механизированную бригады. Все вместе - I 400 000 воинов, 31 000 орудий, 5200 танков; их поддерживали четыре воздушные армии - 5000 самолетов.

В тылу противника активно действовали партизаны.

Эту операцию можно приводить как пример не только образцового взаимодействия войск, но и полного взаимопонимания командующих фронтами и Верховного Главнокомандующего, который лично руководил ходом боевых действий повседневно, более месяца - с 23 июня по 29 августа 1944 года.

Когда хотят подчеркнуть удачность, высокую организованность при осуществлении какого-то дела, говорят: прошло "как по нотам". В "Багратионе" все было именно так - "ноты" составили Сталин, Генштаб, командующие фронтами, а

потом вместе сыграли эту блестящую боевую "симфонию" - гнали фашистов 500-600 километров! Было уничтожено 17 дивизий и 3 бригады противника, а 50 его дивизий потеряли половину своего состава.

После выполнения первого этапа операции (в середине июля) Сталин убедился, что враг будет опрокинут. Тут же последовал его приказ о переходе в наступление войск Ленинградского, 3-го и 2-го Прибалтийского фронтов на северном фланге и 1-го Украинского на юге. Таким образом, фронт стратегического наступления расширился от Балтийского моря до Карпат, в итоге паши войска вышли на государственную границу на протяжении 400 километров.

Динамика боевых действий, их стремительность были так высоки, что даже спустя полвека (когда я пишу эти строки) мои мысли мчатся галопом, а ручка бежит по бумаге гораздо быстрее обычного. Потому что для меня эта операция - не только острые стрелы на картах (которые я теперь разглядываю): в памяти моей всплывают реальные стычки и схватки тех дней, разумеется, на уровне впечатлений окопного лейтенанта. Но в те дни был у нас какой-то общий порыв, азарт, предчувствие большой победы. Тогда я видел перед собой не наглые рожи "арийцев" образца 1941 года, а трусливо убегающих нагадивших подонков.

Для подтверждения того, что действия разыгрывались как по нотам, что существовало полное взаимопонимание Сталина и командующих фронтами, мне представляется необходимым привести несколько примеров.

Рокоссовский великолепно осуществил два главных удара, которые отстаивал, споря со Сталиным. Оп создал пятикратное превосходство на этих двух направлениях и буквально пропорол немецкую оборону после двухчасовой артподготовки. 1-й гвардейский и 9-й танковые корпуса, введенные в прорыв, соединились западнее Бобруйска.

Рокоссовский помнил указание Сталина - не ввязываться в затяжные бои с окруженным противником (как под Сталинградом), это отвлекает войска от продвижения вперед, прибавляет большие потери. И вот Рокоссовский, буквально как подарок, преподносит Верховному свою Бобруйскую операцию; с 23 по 28 июня его войска прорвали оборону, окружили и тут же уничтожили 40 000 гитлеровцев со всей их техникой и вооружением. За 4 дня! Конечно, Москва салютовала такой победе. Рокоссовскому за эту и предыдущие победы было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В эти же дни войска 1-го Прибалтийского фронта (Баграмян) и 3-го Белорусского фронта (Черняховский) осуществили не

менее стремительную Витебске-Оршанскую операцию, тоже за 4 дня окружили и быстро уничтожили до десяти дивизий врага.

На правом фланге 3-го Белорусского фронта успешно наступала 5-я армия под командованием Крылова. Сталин в период принятия решения на Белорусскую операцию оставил в своем резерве 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова, чтобы в ходе операции развивать ее силами успех там, где он наметится. И вот, как только представитель Ставки Василевский доложил Сталину о наметившемся прорыве у Крылова, Верховный тут же приказал придать 5-ю гвардейскую танковую армию в состав 3-го Белорусского фронта. Что и было осуществлено Василевским.

Но на первых порах танкисты Ротмистрова не показали желаемых активных действий. И тут же последовала строгая депеша: "Ставка требует от 5-й Гвардейской танковой армии стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке".

26 июля Москва салютовала войскам, освободившим Витебск. Командующему 3-м Белорусским фронтом Черняховскому было присвоено звание генерала армии.

Маршалы Жуков и Василевский координировали действия фронтов, что им и было поручено Сталиным. Они ежедневно (а точнее, ежевечерне, а то и по ночам) писали Верховному докладные о ходе боевых действий. Сталин, суммируя сообщения, вносил необходимые коррективы в ход боевых действий. Кроме этих письменных общений, Сталин в течение дня (и опять-таки ночью) неоднократно связывался по телефону со своими представителями и с командующими фронтами, держал руку на пульсе этого гигантского сражения.

(Говорю это не голословно. На моем столе лежат копии ежедневных докладов Жукова, которые мне дал Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов, мой давний, многолетний друг. Став министром обороны, он (не в пример другим) не отдалился, не отслонился от старых сослуживцев и друзей. Когда я работал над трилогией о маршале Жукове, Дмитрий Тимофеевич помогал мне ознакомиться со многими архивными документами, в том числе и с ежедневными докладами Жукова Сталину, о которых я говорю, - прислал ксерокопии. Я глубоко признателен маршалу Язову за его помощь с документами и за то, что он прочитал рукопись этой книги, высказал ряд полезных замечаний и советов).

...Сталин сам работал днями и ночами и не терпел малейшей недисциплинированности или пустословия в разговорах, у кого бы это ни проявлялось. Приведу только один пример.

При большом уважении к Василевскому, с которым всегда обращался очень деликатно и заботливо, Сталин при первой же его оплошности послал такую телеграмму:

"Маршалу Василевскому.

Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта.

И. Сталин".

Обычно операции на окружение проводились путем охвата группировки противника, противостоящей нашим войскам, которая имела прямое соприкосновение с нами на обшей линии фронта. Клещи окружающих войск как бы отсекали из противостоящей обороны огромный массив территории с находящимися на ней войсками. Именно по такой схеме было осуществлено окружение на первом этапе Белорусской операции.

Как только состоялось окружение частей 3-й танковой армии противника под Витебском и 9-й армии под Бобруйском, Жуков (доложив об этом Сталину, который утвердил его решение) тут же использовал образовавшиеся бреши, стремительно бросил войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов в преследование, в глубь обороны противника, и на глубине 200-250 километров захлопнул огромную ловушку, окружив под Минском отступавшие войска и резервы фельдмаршала Моделя! (Вот они-то и маршировали позднее по улицам Москвы под конвоем).

Такого гигантского котла окружения в глубине обороны, в ходе преследования, еще никто не осуществлял.

"Багратионе является одной из образцовых операций в смысле военного искусства. В ней показали свое высокое мастерство Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, его заместитель Г, К. Жуков, талантливые военачальники А. М. Василевский, К. Г. Рокоссовский, И. Д. Черняховский, И. Х. Баграмян, Г. Ф. Захаров, командующий 1-й армией Войска Польского С. Г. Поплавский, многие генералы, офицеры, сотни тысяч сержантов и солдат. В результате операции "Багратион" была освобождена Белоруссия, не вставшая за долгие года на колени перед фашистами. Наши войска, продвинувшись на 500600 километров, вышли на территорию Польши и к границе с Восточной Пруссией. В ходе операции было окружено несколько группировок противника, и ни одна из них не вырвалась.

После публикации моей повести "Полководец" (в 1985 г.) я получил много писем, в которых читатели просили подробнее

рассказать о себе. Велик соблазн. Но это была бы уже другая книга. Надеюсь, когда-нибудь я к ней подойду. В этой же, как было задумано и обещано, пишу о жизни и деятельности Сталина, иногда о моих фронтовых дедах, если они имели отношение к освещаемым боевым операциям.

Перед началом Белорусской операции произошел памятный для меня случай. К тому времени я был уже опытным войсковым разведчиком. Сошлюсь на некоторые публикации авторов, знавших меня на фронте.

В книге, которая издана в 1982 году и называется "С думой о Родине", генерал Бойко Василий Романович вспомнил и меня добрым словом:

"Замечательными боевыми делами прославил себя командир взвода разведки 629-го полка 134-й стрелковой дивизии лейтенант В. В. Карпов..." Далее следует описание конкретных эпизодов.

Приведу еще одну цитату - из книги "Разведчики всегда впереди..." генерала Волошина Максима Афанасьевича, бывшего начальника разведки 39-й армии. В его словах хорошо объясняется и обстановка, сложившаяся на 3-м Белорусском фронте, и то, почему именно мне было поручено ответственное задание.

Волошин пишет:

"Медвежий вал"... Часто в книгах встречается другое: "Восточный вал". О строительстве этого вала фашисты объявили еще в августе 1943 года. И все же я позволю употребить название "Медвежий вал", подразумевая под ним часть "Восточного вала", примыкавшую к Витебску. В дни боев это название было в обиходе...

Боевая работа разведчиков стала значительно сложней, но и мастерство их неизмеримо возросло. Не буду вдаваться в подробности, но скажу только, что им стали под силу не только рейды в глубокий вражеский тыл, но и действия непосредственно в Витебске, оккупированном врагом. Там, в частности, побывал Владимир Карпов, о котором я уже неоднократно упоминал ранее. Переодевшись в немецкую форму, он пробрался в город, связался с подпольщиками, получил у них копии важных документов и возвратился назад.

Я не рассказываю об этом подробно потому, что к этому времени Карпов действовал уже по заданиям начальника разведотдела фронта. Это он позвонил мне однажды и попросил подобрать опытного офицера-разведчика для выполнения ответственной задачи. Я, не задумываясь, назвал Карпова".

А то, что было дальше, описано в книге А. Шарипова

"Черняховский". Предоставляю слово этому автору:

"Готовя войска к решительной операции по освобождению Белоруссии, Черняховский уделял особое внимание изучению противостоящей группировки противника. По его заданию начальник разведки фронта генерал-майор Алешин в полосе 39-й армии подготовил важную разведывательную вылазку в тыл противника. Непосредственным исполнителем ее он назначил старшего лейтенанта Карпова. Проинструктировав Карпова, Алешин предупредил его:

- Командующий фронтом придает большое значение разведывательным данным, которые вам предстоит добыть. Он хочет поговорить с вами.

... Черняховский их принял на командно-наблюдательном пункте...

- В Витебске вас ждут. Там наши разведчики подготовили ценные фотопленки со снимками вражеской обороны. Но передать нам не могут. (Подпольщики сумели сфотографировать чертежи и карты с "Медвежьим валом, но по радио, естественно, план передать невозможно. - В. К.) От переднего края обороны до города - километров восемнадцать. По глубине это тактическая зона, она насыщена немецкими войсками. Прыжок с парашютом исключается. Группой пробраться тоже трудно, - пояснил Черняховский, - поэтому пойдете один...

Старший лейтенант Карпов ночью благополучно прошел через немецкие позиции и добрался до Витебска. Ему удалось разыскать нужных людей и получить от них сведения, за которыми era послали. В городе Карпова заподозрили патрульные. Они пытались его задержать, но ему удалось уйти... Ночью Карпов был уже вблизи от передовых позиций немцев. Отважный разведчик прошел их вес, лишь в последней траншее наткнулся на немецкого часового. Вражеская пуля ранила его... Теряя сознание, он все же собрал силы и выбрался из колючей проволоки, пополз дальше..."

Как мне стало известно, разведданные о "Медвежьем вале" в порядке информации были переданы на соседние с 3-м Белорусским фронтом - 1-й Прибалтийский и 2-й Белорусский. Об этом пишет маршал И. Х. Баграмян:

"... Я, будучи командующим 1-м Прибалтийским фронтом, встречал в разведывательных сводках фамилию старшего лейтенанта Карпова. И вот он, тот же самый лихой, смелый разведчик, теперь - известный писатель...

Владимир Карпов сражался не только на фронте, которым я командовал, он вел активные боевые действия и на соседнем, 3-м Белорусском, и, как мне известно, пользовался уважением

командующего фронтом Ивана Даниловича Черняховского".

В итоге Белорусской операции было взято огромное количество пленных. Великое благородство и гуманизм были проявлены победителями к этим пленным - не месть, не надругательство и побои, а предметный урок вразумления был им преподан. Пленных провели через Москву, ту самую Москву, об уничтожении которой немецкой авиацией твердил им Геббельс.

Это событие состоялось по личному указанию Сталина. Я в этот день был в Москве, расскажу о нем подробнее.

В газете было опубликовано сообщение:

"Извещение от начальника милиции гор. Москвы. Управление милиции г. Москвы доводит до сведения граждан, что 17 июля через Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря для военнопленных часть немецких военнопленных рядового и офицерского состава в количестве 57 600 человек из числа захваченных за последнее время войсками Красной армии 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

В связи с этим 17 июля с 11 часов утра движение транспорта и пешеходов по маршрутам следования колонн военнопленных: Ленинградское шоссе, ул. Горького, площадь Маяковского, Садовое кольцо, по улицам: Первой Мещанской, Каланчевской, Б. Калужской, Смоленской, Каляевской, Новослободской и в район площадей: Колхозной, Красных ворот, Курского вокзала, Крымской, Смоленской и Кудринской - будет ограничено.

Граждане обязаны соблюдать установленный милицией порядок и не допускать каких-либо выходок по отношению к военнопленным".

В те дни я выписался из госпиталя после ранения, полученного во время вылазки в Витебск, долечивался и учился на курсах усовершенствования офицеров разведки. Перед конвоированием пленных через Москву меня вызвали в штаб и сказали, чтобы я с утра был в комнате дежурного - за мной заедут из кинохроники. Печальное и поучительное шествие пленных через Москву, оказывается, решено было зафиксировать для истории. Этот фильм был снят. Меня по просьбе командования запечатлели на фоне пленных, в районе площади Маяковского. Фамилия моя в картине не названа, потому что я тогда служил в разведке. Просто я стоял (конечно же, гордо выпятив грудь в орденах) на фоне зеленой массы гитлеровцев - они были похожи в тот момент на безликих призраков.

Впереди неторопливо, не в ногу, шли немецкие генералы. Разные. Поджарые. Оплывшие от жира. Круглолицые. Горбоносые. Золотые вензеля блестели в красных петлицах. Витые, крученные погоны, выпуклые, словно крем на пирожных. Орденские

разноцветные ленты на груди. Гитлеровцы не смотрели по сторонам, шли, тихо переговариваясь. Один коротышка отирал платком седой щетинистый бобрик на продолговатой, как дыня, голове. Другой, здоровенный, равнодушно смотрел на лица москвичей, будто это не люди, а кусты вдоль дороги.

За генералами шли неровными рядами офицеры. Эти явно старались показать, что плен не сломил их. Один, рослый, хорошо выбритый, со злыми глазами, встретив мой взгляд, быстро показал большой кулак. Я тут же ответил ему: покрутил пальцем вокруг шеи, словно веревкой обвил, и ткнул им в небо: гляди, мол, как бы тебе не ответили этим! Фашист несколько раз оглянулся и все показывал кулак, щерил желтые прокуренные зубы, видимо, ругался. "Какая гадина, - подумал я. - Жаль, не прибили тебя на фронте".

За офицерами двигались унтеры и солдаты. Их было очень много, они шли сплошной лавиной по двадцать в ряд - во всю ширину улицы Горького,

Пленных сопровождал конвой - кавалеристы с обнаженными шашками и между ними пешие с винтовками наперевес.

Москвичи стояли на тротуарах. Люди молча, мрачно смотрели на врагов. Было непривычно тихо на заполненной от стены до стены улице. Слышалось только шарканье тысяч ног.

Глядя на немцев, я думал: может быть, среди них и те, которых я с моими боевыми друзьями разведчиками брал как "языков"? Наверное, они здесь. Куда же им деться?

Семерых мы взяли при подготовке наступления в Белоруссии. С некоторыми я, наверное, встречался, когда ходил в тыл. Ох, не такие они были пришибленные, когда я их видел там. Они чувствовали себя хозяевами на нашей земле. Были в этих рядах и те, от которых я едва ушел живым, когда переходил линию фронта, возвращаясь из Витебска. Где-то рядом шагал теперь и тот, кто попал в меня из автомата в темноте, сам не зная об этом.

По сей день, как только вспомню прохождение пленных гитлеровцев через Москву, встает перед глазами зеленоватая, как плесень, масса бредущих людей и среди них лицо бритого офицера с желтыми, оскаленными от ненависти зубами и черным мосластым кулаком.

Но это впечатление выплыло позже, а тогда я с удовольствием и гордостью позировал перед кинокамерой. И еще помню, не соответствовало мое настроение тому, как вели себя москвичи, глядевшие на пленников. Они были суровы, а меня распирало ощущение счастья. Ну как же мне не радоваться и не быть счастливым, стоя живым в Москве, на площади Маяковского, с Золотой Звездой на груди, которую мне вручили несколько дней

назад в Кремле. Не скрою, я и сегодня с гордостью и удовольствием вспоминаю о своей причастности, вместе с другими солдатами и офицерами, к блестящей операции "Багратион"...

А как Сталин отмечал эту победу?

Цитата из книги Василевского:

"После того как советские войска освободили Минск, Сталин был в прекрасном, приподнятом настроении. Как-то в один из вечеров он пригласил к себе на квартиру группу военачальников, чтобы отметить такое большое событие. На прием к И. В. Сталину С. М. Буденный пришел с баяном, и это создало непринужденную праздничную обстановку. Сталин первым положил начало откровенности и дружественности в отношениях между присутствующими. Произносились тосты, пели, кое-кто плясал. Сталин с удовольствием смотрел на пляшущих, подбадривал, а потом всех обнимал и некоторых даже целовал. За время неудач советских войск он много выстрадал, сейчас же был глубоко удовлетворен ходом военных действий на фронтах и не хотел скрывать свои чувства".

Мирная война с Болгарией

23 августа 1944 года, без долгих предварительных объяснений, Сталин сказал Жукову:

- Вам необходимо срочно вылететь в штаб 3-го Украинского фронта и подготовить войска к войне с Болгарией. Мы уже в ходе Кишиневской операции вплотную подходим к границам, и поскольку болгарское правительство, несмотря на наши неоднократные предупреждения, нарушает нейтралитет, о котором оно официально заявило и продолжает помогать фашистской Германии, практически сотрудничает с ней, мы вынуждены объявить Болгарии войну. Вам необходимо вместе с Толбухиным подготовить войска 3-го Украинского фронта к проведению операции против болгарской армии. До того, как вылететь на фронт, обязательно зайдите к Георгию Димитрову. Он отлично знает обстановку - и общую, и то, что происходит внутри страны. Он также вас проинформирует о состоянии болгарской армии и о партизанском движении в этой стране.

Георгий Димитров рассказал Жукову следующее:

- Хотя вы и едете на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией, я думаю, никакой войны наверняка не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной Армии, чтобы с ее помощью свергнуть царское правительство Болгарии и установить власть Народно-освободительного фронта. Болгарский народ не будет воевать с советскими войсками, наоборот, по старой доброй традиции, по

славянскому обычаю встретит советских воинов с хлебом и солью. Что касается правительственных войск, то вряд ли они рискнут вступить в бой с могучей Красной Армией. По моим данным, почти во всех частях болгарской царской армии проводится большая работа нашими людьми, нашими подпольщиками. В горах и в лесах - значительные партизанские силы. Они тоже будут вам большими помощниками. Они и сейчас не сидят без дела. Они спустятся с гор и будут поддерживать и вас, и народное восстание.

Жуков поблагодарил Димитрова за очень полезную беседу, за то, что тот его принял, что состоялся у них такой хороший разговор. Но все же, несмотря на утверждение Георгия Димитрова, что боевых действий не произойдет, Жуков пошел в Генеральный штаб и уточнил, какие ведутся подготовительные мероприятия, какие планируются операции на тот случай, если в Болгарии все же дело не кончится миром.

После такой подготовительной работы Жуков прилетел в город Фетешти, где находился штаб 3-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин. Здесь же, в штабе фронта, находился маршал Тимошенко. Ему была поручена координация действий 2-го и 3-го Украинских фронтов. Особое задание Жукова, как он понимал, заключалось в какой-то полудипломатической миссии. Если здесь находится представитель Ставки Тимошенко, который координирует боевые действия фронтов, то Жуков представитель Государственного Комитета обороны.

Но пока не было еще ясности в обстановке, и Жуков сказал:

- Мы люди военные и, получив задачу от политического руководства, должны ее выполнять с величайшей точностью.

И поэтому он попросил командующего фронтом ознакомить его детально с обстановкой. Толбухин доложил, что в его распоряжении три общевойсковых и 17-я воздушная армия. Ему же подчинены Черноморский флот и Дунайская военная флотилия. Разработана наступательная операция, в которой будут участвовать все три армии, и еще 4-й и 7-й гвардейские механизированные корпуса, которые обеспечат быстрое продвижение в западном направлении.

5 сентября 1944 года советское правительство официально объявило войну Болгарии. А на следующий день Сталин позвонил из Москвы, и отдал приказ, чтобы 3-й Украинский фронт начал военные действия.

8 сентября утром, на которое было намечено начало наступления, Жуков с командующим фронтом находились на наблюдательном пункте. Войска были готовы к наступлению,

артиллерия - к проведению артиллерийской подготовки. Однако положение было каким-то странным, непривычным для Жукова. В стереотрубу он не видел на территории Болгарии войск противника. Там передвигались мирные жители, повозки, машины, а воинских частей на переднем крае просто не было. Посоветовавшись с Толбухиным, решили двинуть вперед без артиллерийской подготовки передовые отряды. А затем пошли за ними и основные силы, потому что никакого сопротивления передовые отряды не встретили. И вот поступает первый доклад командующего 57-й армией:

- Мы продвигаемся, не встречая никакого сопротивления, а в глубине нас встретила дивизия болгарской армии, построенная по дороге со знаменами. Встретила нас торжественной музыкой. Как докладывают командиры частей с других направлений, там происходит аналогичная картина. Везде армейские болгарские части стоят в строю и приветствуют наши войска.

Сталин дал указание: немедленно прекратить продвижение наших войск дальше по территории Болгарии. И в 21 час 9 сентября движение наших войск было остановлено, они расположились гарнизонами.

Эта была, пожалуй, первая бескровная война с обеих сторон. Сталин ликвидировал антинародный режим в Болгарии; вся болгарская армия, благодаря тому, что с ней поступили так благородно - оставили ей оружие, не применяли никаких репрессий, - перешла на сторону нового болгарского правительства.

Югославский узел

Еще до выхода частей Красной Армии к границе Югославии здесь действовало несколько противоборствующих сил - немецкие оккупационные войска, с которыми сражались воины Югославской Народной Армии во главе с Тито, четнические отряды югославских предателей во главе с Михайловичем (они сотрудничали с немцами и боролись против армии Тито). В штабе Тито находились представитель Советского Союза генерал Н. В. Корнеев и представитель Англии бригадир Ф. Маклин. Оба этих союзника пытались склонить и закрепить Тито под эгидой свой державы. Правительство Шубишича (ставленника англичан) изображало патриотическую прослойку, но не имело реальных боевых сил. Ну и наконец, король Югославии Петр II, находясь в эмиграции, заботился о восстановлении монархии, в чем его поддерживали англичане и особенно Черчилль.

Главной силой, которая боролась за освобождение страны от немцев, была армия Тито.

Понимая это, гитлеровцы решили уничтожить Тито, для чего

провели хорошо спланированную десантную операцию. После мощной бомбардировки городка Дрвар, был высажен с планеров сильный десант. Прочесав городок и не обнаружив в нем Тито, гитлеровцы устремились к пещере, в которой тот находился вместе со своим штабом. Вот как сам пишет Тито:

"Немцы искали меня. В те дни портной в Дрваре шил мне маршальскую форму. Парашютисты ничего другого, кроме этого костюма, разорванного осколками бомб, не нашли. Люди вели себя невероятно храбро. Все жители Дрвара знали, где я нахожусь. А у каждого парашютиста была моя фотография. Они подходили то к одному, то к другому жителю города, показывали фотографию, спрашивали: "Тито, где Тито?" Но никто ничего не сказал им... А мы сверху за всем этим наблюдали. Из пещеры нельзя было выйти, кроме как через русло протекавшего в ней ручья. Один наш товарищ, ординарец, прекрасный юноша, хотел было выйти наружу, но сразу же был сражен в голову... Я взял автомат, хотел было стрелять, но мне не дали. Вижу, как внизу парашютисты, захватив мой джип, угоняют его".

Около 10 часов Тито принял решение покинуть пещеру. Из парашютных строп был сплетен прочный канат, разобран пол в дальней комнате, и по этому канату Тито и все, кто был с ним в пещере, спустились вниз под прикрытием водопада.

Немцы обнаружили их и начали обстреливать.

Однако Тито и спутники, не мешкая, устремились вдоль русла высохшего ручья в горы, все больше удаляясь от Дрвара, где в схватку с десантниками уже вступили подоспевшие части 1-й Далматинской бригады.

Фашисты организовали преследование Тито. В селе Потоци к нему присоединились Э. Кардель, А. Ранкович, а также члены советской военной миссии во главе с Н. В. Корнеевым. Сюда же прибыли и члены миссии западных союзников. Очевидец и участник этих событий Н. В. Корнеев рассказал в 1972 г. следующее:

"В течение 10 дней за нами гонялись эсэсовские карательные части. Днем по пятам наседали на нас, за ночь мы вновь далеко уходили. Верховный штаб НОАЮ не имел управления войсками: связь нарушилась. Ее не было уже три дня ни с войсками НОАЮ, ни с базой Бари, ни с Москвой. Создавалось угрожающее положение".

Испортилась и личная радиостанция генерала Корнеева. В Москве были очень обеспокоены отсутствием связи.

Генерал Антонов доложил Сталину:

- Из Югославии нет никаких вестей.

- Немедленно выяснить обстановку и оказать помощь Тито, -

приказал Сталин.

Корнееву наконец удалось связаться с Москвой, и он сообщил координаты, где находится Тито со штабом. По приказу Сталина тут же был выслан самолет для спасения Тито.

"Погода стояла ненастная, - вспоминал впоследствии пилот этого самолета А. С. Шорников, - над морем и в прибрежных горах. Югославии шел дождь, сверкали молнии... Непрерывно маневрируя, мы делали разворот за разворотом, а сигналов все не было видно. Определили примерную скорость и направление смещения облачности и начали ожидать большого "окна", чтобы через него хорошо просмотреть местность. Более 30 минут летали мы по замкнутому кругу, пока в разрывах облаков не обнаружили условные сигналы. С большим трудом посадили тяжелый самолет на незнакомую, сильно порезанную ручьями и усыпанную мелкими валунами площадку".

Через полчаса на импровизированной посадочной площадке появились Тито, члены Политбюро ЦК КПЮ и Верховного штаба НОАЮ, представители союзных военных миссий. А. С. Шорников доложил о готовности самолета к полету. Было решено взять на его борт 20 человек. Среди них находились И. Тито, Э. Кардель, А. Ранкович, И. Милутино-вич, Н. В. Корнеев, исполняющий обязанности начальника англо-американской военной миссии Вивиан Стрит, а также члены Верховного штаба НОАЮ. Вылетев с Купресского поля в 22 часа, А. С. Шорников уверенно доставил своих пассажиров после полуночи 4 июня в Бари.

В Бари И. Тито пробыл три дня. Здесь он встретился 5 июня с Ф. Маклином, в беседе с которым глава военной миссии НОАЮ при средиземноморском командовании англо-американских войск В. Велебит еще 2 июня выразил надежду на то, что И. Шубашич посетит И. Тито на Висе, когда тот обоснуется там. И. Тито подтвердил это, сказав Ф. Маклину, что "не имеет ничего против И. Шубича" и что "ему будет приятно обсудить с ним вопросы, представляющие интерес, если он прибудет на Вис". Вместе с тем он сообщил, что пробудет на Висе только до тех пор, пока обстановка не позволит ему вновь вернуться в страну. 7 июня У. Черчилль и И. Шубашич направили свои личные послания И. Тито, в которых выражалось пожелание о его встрече с И. Шубашичем. Тем временем вновь состоялась встреча Ф. Маклина с И. Тито, которому было передано приглашение командующего англо-американскими войсками на средиземноморском театре военных действий Г. Вильсона посетить его в Казарете (Италия) для бесед по военным вопросам.

В ночь с 6 на 7 июня И. Тито отбыл на английском миноносце "Блекмур" на остров Вис. Обосновавшись на острове, Тито

сообщил в Москву, что он "в обстановке полной секретности" перебрался на Вис, где останется до тех пор, пока "не будут подготовлены базы на другой освобожденной территории".

Сталин высоко оценил подвиг летчиков, спасавших Тито 20 июня. А. С. Шорникову, Б. Т. Калинкину, П. Н. Якимову было присвоено звание Героя Советского Союза, а маршал Тито, со своей стороны, удостоил их звания Народного Героя Югославии.

Стратегия Сталина по отношению к Югославии и союзникам была высказана им в беседе с М. Джиласом, который в те дни находился в Москве. Беседа проходила на даче в Кунцево. На ней присутствовал Молотов.

Сталин прежде всего заговорил о безопасности Тито:

- Ему следует найти надежное место для себя и Верховного штаба, для руководства широкомасштабными боевыми действиями необходима спокойная, безопасная обстановка для командования.

Затем Сталин сказал Молотову:

- Договоритесь с союзниками немедленно, что мы на их базе в Бари создадим машу воздушную базу для транспортных самолетов для активизации поставок оружия и продовольствия Югославской армии.

Далее, обращаясь к Джиласу, Сталин говорил о взаимоотношениях югославского руководства с западными союзниками:

- Вы не пугайте англичан тем, что будете создавать коммунистическое государство. Пока не надо вызывать у них тревогу. Черчилль надеется провести свою линию, и пусть надеется. А вы делайте свое дело. - И посоветовал; - К чему вам красные звездочки на пилотках? Не важна форма, важен результат. Ей-богу, красные звездочки пока не нужны!

Джилас возражал:

- Мы не можем отказаться от звездочек, мы длительное время сражаемся под этим символом.

Сталин успокоил его:

- Не думайте, что раз мы союзники англичанам, то забыли, что из себя представляет Черчилль! Просто на этом этапе, чтобы они вам не навредили, не лишайте их надежды, что у них с вами что-то получится. И Тито надо согласиться на встречу с Шубашичем и даже с Черчиллем. Не надо говорить с ними о разногласиях, пусть они выскажут свои намерения, слушайте, чего они хотят. Надо с ними достичь компромисса.

Джиласа поразила информированность Сталина, встреча Тито с Шубашичем только намечалась, а Сталин уже знал о ней - вот, давал рекомендации, важные для югославов и вообще для

отношений с союзниками.

Когда переходили в столовую, Сталин задержался у карты, на которой территория СССР была окрашена в красный цвет:

- Они никогда не смирятся с тем, чтобы такое огромное пространство было окрашено в красный цвет, никогда!

Джилас обратил внимание на Сталинград, обведенный синим карандашом:

- Без индустриализации Советский Союз не смог бы выстоять в такой войне.

- Именно по этому вопросу мы поссорились с Троцким и Бухариным, сказал Сталин.

Во время ужина Сталину принесли телеграмму Черчилля, он сообщат о предстоящей завтра высадке союзников во Франции. Сталин иронически откомментировал эту телеграмму:

- Им все время что-то мешало! И на этот раз может оказаться слишком густой туман. Или вдруг они обнаружат на побережье Франции нескольких немцев! Тогда не будет высадки! Опять пустые обещания, как обычно.

Расставаясь с Джиласом, Сталин просил передать Тито в подарок золотую саблю:

- Это от Президиума Верховного Совета. - Помедлил, добавил: - И от меня.

На острове Вис Джилас сделал обстоятельный доклад членам Политбюро о своей встрече со Сталиным. Как отмечал Тито, рекомендации Сталина очень укрепили его позиции в предстоящих сложных переговорах с союзниками, которые, кстати, считали очень выгодными для себя создавшиеся условия, когда Тито оказался, как говорится, в их руках. Они считали это "богом ниспосланной возможностью" использовать "ослабленное положение" вождя Югославии и принудить его к уступкам.

15 и 16 июля состоялись переговоры Тито с Шубашичем. По рекомендации Сталина Тито пошел на сближение со ставленником англичан и подписал соглашение "о сотрудничестве в борьбе против оккупантов и в деле восстановления страны".

Но Тито не дал никаких авансов об окончательном государственном устройстве Югославии, заявив, что это будет решено свободным волеизъявлением народа.

Как писал историк Дж. Эрман, к лету 1944 года влияние англичан в Югославии достигло высшей точки. Фицрой Мак-лин был доволен: количество английских офицеров - военных советников - расширилось по всей территории Югославии. Для закрепления влияния Черчилль посчитал необходимым лично встретиться с Тито. Маклин сообщил об этом маршалу. Тито дал

согласие.

Встреча состоялась 12-13 августа в Неаполе, куда Тито прилетел в сопровождении Ф. Маклина. Переговоры проходили на вилле, где остановился премьер-министр. После некоторых военных вопросов Черчилль приступил к главному и спросил:

- Наверное, значительная часть сербских крестьян будет недовольна введением коммунистической системы?

Тито ответил:

- У нас нет намерения навязать такую систему. Я об этом заявлял неоднократно.

- Я хотел услышать это лично от вас, а могли бы вы подтвердить это публично?

- Если я сделаю такое заявление сейчас, s расположении английского штаба, в вашем присутствии, это будет воспринято так, будто я сделал это заявление под вашим давлением. Но я готов дать такое заявление, если будет найдена подходящая форма. В этот же день, 12 марта 1944 года, Черчилль направил Тито официальный меморандум с требованиями: "создания единого югославского правительства, в котором были бы представлены все югославы, борющиеся против врага, и примирение между сербским народом и народно-освободительным движением"; обнародования декларации, в которой содержалось бы не только обязательство не навязывать Югославии коммунизм, но и "не использовать военную силу движения для оказания влияния на свободное волеизъявление народа относительно будущего режима страны"; согласия на встречу с королем Петром, предпочтительно на югославской территории. В этом случае Черчилль пообещал И. Тито увеличить военные поставки НОА и ПОЮ.

Встреча И. Тито с У. Черчиллем завершилась договоренностью о том, что И. Тито и И. Шубашич отправятся вместе на Вис, где через несколько дней одновременно выступят с декларациями. Что касается встречи И. Тито с королем Петром II, то она "будет иметься в виду и состоится в подходящее время".

И. Тито и И. Шубашич покинули Неаполь 14 августа и через Бари прибыли на Вис. Согласовав свои декларации, они обнародовали их: И. Тито - 17 августа на Висе, И. Шубашич - 20 августа в Лондоне. В декларации И. Тито разъяснялось, что "НОД Югославии является по своей сути общенародным, национальным и демократическим", имеющим единственную цель - "борьбу против оккупантов и их прислужников и создание демократической федеративной Югославии, а не установление коммунизма, что нам подбрасывают враги".

Казалось, что англичане своего добились, "богом посланная возможность" состоялась - Тито под влиянием западных

союзников. Но... Прежде чем написать, что произошло после этого "но", я сделаю не отступление в прошлое, а "забегание" в 80-е годы.

В указанные 80-е годы я, кроме своей писательской работы и исполнения должностных обязанностей (главного редактора журнала "Новый мир", первого секретаря Союза писателей СССР), был задействован еще и в различных общественных делах, в том числе избран президентом Общества дружбы СССР Люксембург, а позднее еще и вице-президентом Общества дружбы СССР Великобритания. Часто бывал в Англии и по линии парламентских контактов как депутат Верховного Совета СССР и член его Комитета по международным связям (даже иногда возглавляя советские делегации).

Не помню теперь точно, где и как я познакомился с Фицроем Маклином (да, тем самым, который упомянут выше).

Он был уже пожилой, отошел от активной дипломатической (думаю, и разведывательной) деятельности.

Согласитесь, что двум разведчикам, стоявшим когда-то на противоположных сторонах, было о чем поговорить. Это и есть писательское везение, когда судьба преподносит такие любопытнейшие встречи.

С Фицроем Маклином мы не только много раз побеседовали, но и подружились. Теперь мы, два пожилых профессионала, не ожидали друг от друга какого-то подвоха, да и не обладали никакими государственными тайнами. Дружба была настоящая, обоюдно приятная. Маклин с женой Викторией был у меня в гостях на даче в Переделкино. А я со своей супругой гостил однажды три дня в его замке в Шотландии, в 1987 году. Мне тогда присвоили звание почетного доктора литературы Страткл аи донского университета. После торжественной процедуры Фицрой пригласил меня с женой к себе в гости. Мы вместе отпраздновали Пасху. Причем жена его, Виктория, католичка, а Фицрой англиканской веры. В первой половине дня разъехались каждый в свой храм, с Викторией - моя Евгения, а я - с Фицроем. Вечером объединились и праздновали вместе. Виктория была очень общительная, шумливая женщина, Фицрой в шутку называл ее "мадам десять децибел".

Маклин, довольно богатый человек, живет в старинном трехэтажном замке. До войны работал в Иране, Афганистане, Египте, с 1937 по 1939 год - в английском посольстве в Москве, бывал на судебных процессах над "правотроцкистским блоком". Прекрасно говорит по-русски.

Утром, когда мы вышли с ним на прогулку, я увидел прекрасное, ухоженное футбольное поле, на котором играли

мальчишки.

- Какое великолепное поле! - воскликнул я.

- Это мой стадион, я разрешаю местным ребятам играть на нем.

- А сад и лес, окружающие замок, тоже твои?

- Нет, Владимир, не только это, вон видишь вдали горы, вот до тех гор моя земля.

Однако я сделал это отступление не для праздных разговоров, а чтобы объяснить, почему поставлено "но..." в конце предыдущего отрывка моей мозаики.

Дело в том, что в беседе с Фицроем я услышал следующее:

- Когда мы, и особенно Черчилль, посчитали, что Тито попал под наше влияние, на следующий день после моего прибытия с Тито на остров Вис вдруг не обнаружили маршала в его штабе. Исчез! Куда делся, никто не мог ответить.

Фицрой, рассказывая об этом происшествии, даже спустя много лет, разволновался:

- Вы понимаете, Владимир, мое положение - я же специально приставлен к маршалу Тито, и вдруг он пропал! Может быть, его похитили немцы? Такие специалисты, как Скорцене, могли сделать это запросто. Я был в отчаянии! Тито отсутствовал с 19 по 28 сентября. Но и после его появления не сразу я смог с ним поговорить. Наконец мы встретились, и на мой вопрос: "Что произошло?" - он ответил: "Мой отлет с острова вызван военными и государственными соображениями". А когда я стал настаивать и нажимать на него, помня о наших прежних договоренностях, Тито холодно объяснил: "Мы независимое государство, и я как Председатель НКОЮ и Верховный Главнокомандующий ни перед кем не отвечаю за свои поступки и деятельность в интересах наших народов". Это был холодный душ для меня, для всей английской миссии, и особенно для Черчилля.

Фицрой подарил мне с теплой надписью воспоминания "Eastern Approaches", написанные в 1950 году. Приведу ниже их короткую цитату, имеющую отношение к завершению этой главы:

"Я был полон решимости не оставлять Тито в неведении относительно того раздражения, которое вызвал его скрытый отъезд с острова Вис... Я сказал Тито, что Черчилль был весьма оскорблен тем, как он уехал... Что наибольший ущерб нанесло то, как он незаметно отбыл, не поставив нас в известность о своем отъезде... Тито ответил на это: "Недавно Черчилль отправился в Квебек для встречи с президентом Рузвельтом, но я об этом узнал только после его возвращения оттуда. Однако это меня ничуть не обидело".

Теперь, много лет спустя, Фицрой вспоминал это с улыбкой,

но не трудно представить, в какой сложный переплет он попал тогда, осенью 1944 года. Рассказал он мне и об этом.

Что же произошло? Тито попросил Сталина встретиться с ним и помочь разобраться в сложностях военной и политической обстановки. Сталин прислал за Тито специальный самолет.

Чтобы узнать, о чем говорили Сталин и Тито, на мой взгляд, лучше воспользоваться рассказом самого Тито:

"- Тогда я первый раз в своей жизни встретился со Сталиным и беседовал с ним. До этого я видел его издали, как, например, на VII конгрессе Коминтерна. На этот раз у меня было несколько встреч с ним, две-три - в его кабинете в Кремле, дважды он приглашал меня к себе домой на ужин. Одним из первых вопросов, который мы обсудили, был вопрос совместных операций наших двух армий. Об этом мы беседовали в его кабинете в Кремле. Я попросил у него одну танковую дивизию, которая помогла бы нашим частям при освобождении Белграда... Сталин, согласившись с моей просьбой, сказал: "Вальтер (так меня звали в Москве), я дам Вам не танковую дивизию, а танковый корпус!"

- Далее, - продолжает Тито, - мы договорились о том, какая часть Югославии будет освобождена совместными усилиями, определили районы действий их войск и наших, и сколько времени их войска будут находиться у нас. Мы условились, что они предоставляют нам в виде помощи при освобождении Белграда один танковый корпус, а затем их войска покинут Югославию, после того как будет освобожден Белград, и тем самым будет укреплен их левый фланг при наступлении на Будапешт. После этого обмена мнениями мы написали сообщение для печати, в котором вышеупомянутая договоренность была уточнена...

Вообще же, эта первая встреча была весьма прохладной. Основная причина этого, я думаю, заключалась в моих телеграммах периода войны, особенно в той, которая начиналась словами: "Если нам не можете помочь, то хотя бы не мешайте!" Это подтвердил и Димитров, с которым я встречался сразу после первой беседы со Сталиным. Димитров мне сказал: "Вальтер, Вальтер, Хозяин был страшно зол на вас из-за этой телеграммы... От злости топал ногами по полу". Тем самым Димитров хотел дать понять, что он, по сути дела, защищал меня перед Сталиным.

В ходе этой первой встречи со Сталиным царила напряженная атмосфера, почти по всем обсуждавшимся вопросам возникала в той или иной форме полемика.

Я не привык к такого рода беседам, ввиду чего возникали просто неловкие сцены. Например, Сталин говорит мне: "Вальтер,

имейте в виду: буржуазия очень сильна в Сербии!" А я ему спокойно отвечаю: "Товарищ Сталин, я не согласен с Вашим мнением. Буржуазия в Сербии очень слаба". Сталин замолкает и хмурится, а остальные за столом - Молотов, Жданов, Маленков, Берия - с ужасом наблюдают за этим. Сталин начал расспрашивать об отдельных буржуазных политических деятелях Югославии, интересуясь, где они, что дают, а я ему отвечаю: "Этот подлец, предатель, сотрудничал с немцами". Сталин спрашивает о ком-то еще. Я ему отвечаю то же самое. На это Сталин вспылил: "Вальтер, да у вас все подлецы!" А я ему в ответ: "Верно, товарищ Сталин, каждый, кто предает свою страну, является подлецом". Сталин опять мрачнеет, а Маленков, Жданов и другие смотрят на меня исподлобья.

Так что разговор продолжался в довольно тяжелой атмосфере. Сталин начал убеждать меня в том, что надо вернуть короля Петра на престол. Мне кровь ударила в голову - как он может советовать нам такое! Взяв себя в руки, я ответил ему, что это невозможно, что у нас народ взбунтовался бы, что в Югославии король является олицетворением предательства, что он сбежал, оставив народ в наиболее трудное время, что династия Кара Георгиевичей ненавистна народу из-за коррупции и террора.

Помолчав, Сталин сказал: "Не следует возвращать его навсегда. На время, а потом, в подходящий момент, уберете..."

Сталин пригласил меня к себе на дачу на ужин. Женщина в белом переднике поставила на стол в закрытой посуде различные яства, и каждый сам себя обслуживал. Здесь до глубокой ночи произносились различные тосты. Я не привык к напиткам, и для меня это было мучением. Улучив момент, я вышел на улицу, так мне стало плохо..."

Из этого рассказа видно, что встреча была прохладной не только по вине Сталина, но и сам Тито, по тональности его рассказа, относился к Сталину и к происходившему недоброжелательно.

Однако Сталин, несмотря на личную прохладность, оказывал очень большую помощь Югославии. С выходом Красной Армии к границам Болгарии и Румынии с Югославией были созданы перевалочные базы, через которые к Тито шли массовые поставки оружия, боеприпасов и продовольствия. В течение августа октября была сформирована и передана танковая бригада, вооруженная 65 танками Т-34, и 500 танкистов. Подготовлено и передано несколько истребительных и штурмовых авиаполков и 500 летчиков и техников.

22 сентября 1944 года командованию НОАЮ были переданы 10-я гвардейская штурмовая авиадивизия и 236-я истребительная

авиадивизия, а также снаряжение и вооружение для двенадцати пехотных и двух военно-воздушных дивизий. Для улучшения связи штаба Тито с его войсками подготовлено восемьдесят радистов-югославов и отправлено с новыми радиостанциями. Создано и оборудовано семь эвакогоспиталей и четыре полевых госпиталя. Несмотря на свои трудности, была оказана помощь населению хлебопродуктами 50 000 тонн зерна. Восстановлены железные дороги и построены мосты через Дунай у Белграда. Все это (и многое другое) сделано в ходе тяжелых боев, которыми Сталин руководил на других фронтах.

5 октября 1944 года командующий 3-м Украинским фронтом маршал Толбухин доложил Сталину план Белградской операции, разработанный совместно с югославским штабом. Сталин утвердил этот план. К операции привлекались 57-я армия, 4-й тв. мехкорпус, 17-я воздушная армия 3-го Украинского фронта, пять корпусов югославской армии, три болгарские армии.

22 октября столица Югославии была освобождена. Советское командование предоставило возможность югославским частям первыми войти в Белград.

Тито послал Сталину благодарственную телеграмму.

Белград стал центром, где расположились все высшие правительственные и военные органы Югославии, что очень укрепило авторитет Тито.

Черчилль был в ужасе от "большевизации Балкан". По его словам, то, что Красная Армия пришла в Белград, а затем в Будапешт, "имеет самые ужасные политические последствия для Центральной и Южной Европы".

Черчилль пытается остановить страшный для него процесс продвижения коммунизма на Запад - лучше бы действовать путем созыва глав трех государств. Но поскольку организация такой встречи требует времени, а ждать нельзя, Черчилль решил немедленно поехать в Москву и конфиденциально со Сталиным обговорить вопрос о сферах влияния.

На всякий случай Черчилль предупредил президента США о своей поездке в Москву. Рузвельт, в свою очередь, сообщил Сталину, что "премьер-министр Англии не уполномочен говорить от имени США, и мы втроем и только втроем можем найти решение по еще несогласованным вопросам".

Сталин ответил Рузвельту: "Я полагал, что г-н Черчилль едет в Москву по уговору с Вами в Квебеке. Оказалось, однако, что это мое предположение как будто бы не соответствует действительности. Мне неизвестно, с какими вопросами едут в Москву г-н Черчилль и г-н Идеи. Мне об этом ничего не сообщали до сих пор ни тот, ни другой. Г-н Черчилль выразил желание в

своем послании на мое имя приехать в Москву, если не будет возражений с моей стороны. Я, конечно, ответил согласием. Так обстоит дело с вопросом поездки Черчилля в Москву. В дальнейшем я буду информировать Вас по мере выяснения дела после встречи с г-ном Черчиллем".

Первая встреча Сталина с Черчиллем состоялась 9 октября в 22 часа. В самом ее начале Черчилль затронул балканский вопрос и выдвинул предложение о "разделе сфер влияния" на Балканах. Он заявил: "Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90% в Румынии, на то, чтобы мы занимали преобладающее положение на 90% в Греции и пополам - в Югославии?"

Пока это переводилось, Черчилль взял пол-листа бумаги и написал:

Румыния

Россия - 90%

Другие - 10% Греция

Великобритания (в согласии с США) - 90%

Россия - 10 % Югославия - 50-50% Венгрия - 50-50% Болгария

Россия - 75%

Другие - 25%

В своих мемуарах Черчилль пишет:

"Я передал этот листок Сталину, который к тому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую галку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: "Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку". - "Нет, оставьте ее себе", - сказал Сталин".

Переводивший эту беседу Сталина с У. Черчиллем В. М. Бережков следующим образом воспроизвел ответ Сталина: "Не знаю, почему я должен ее уничтожать. Это, собственно, Ваша бумага, Вы с ней пришли и можете оставить ее у себя".

Как видим, Сталин не пошел на раздел сфер влияния, предложенный Черчиллем. Синяя галочка не подпись, она могла означать просто "читал". Но Черчилль в узком кругу преподносил это как согласие Сталина на сделку "fifty - fifty". Ситуация

несколько похожа на предложение Гитлера о разделе сфер влияния в Европе и Азии. Тогда Сталин не согласился на этот раздел. Но позднее все же был подписан секретный протокол о переходе к Советскому Союзу Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и части Полыни. После диалога с Черчиллем ни устного, ни письменного согласия на его "fifty - fifty" Сталин не дал, а в коммюнике, опубликованном 20 октября 1944 года, как итог встречи с Черчиллем, однозначно оговаривалось: "Право югославского народа самому решить вопрос о своем будущем государственном устройстве после войны, конечно, признается неотъемлем ым".

Это соответствовало прежде всего тому, о чем Сталин договорился с Тито.

Но, несмотря на всестороннюю поддержку Сталина, у Тито вес же проявляется вирус какой-то обиды и строптивости. Это улавливали и подогревали тайные недруги из окружения маршала. Так, например, Тито преподнесли и подтолкнули его раздуть до скандала дело по поводу некоторых неприличных проступков советских офицеров.

Тито 29 октября 1944 года обратился напрямую к Сталину с личным письмом по этому вопросу. Изложив его существо, Тито пояснил, что "многочисленные неблаговидные поступки отдельных солдат и офицеров Красной Армии с горечью воспринимаются пашей армией и нашим народом, поскольку они обожают Красную Армию, идеализируют ее... Я боюсь, что различного рода недруги могут использовать это в своих целях, т. с. против Советского Союза и нашего народно-освободительного движения". Подчеркнув, что "урегулирование этих вопросов важно с политической точки зрения, поскольку мы считаем, что штабы Красной Армии не должны вмешиваться во внутренние, политические вопросы Югославии", Тито закончил письмо следующими словами: "Я и мои товарищи считаем своей первейшей обязанностью сделать все, чтобы никакая сила не смогла омрачить те любовь и доверие, которые питают наши народы к Советскому Союзу".

Сталин не заставил долго ждать с ответом, 31 октября 1944 года на имя И. Тито он писал:

"Я понимаю трудности вашего положения после освобождения Белграда. Вы должны знать, что Советское правительство, несмотря на колоссальные жертвы и потери, делает все возможное и невозможное, чтобы помочь вам. Но меня поражает тот факт, что отдельные инциденты и проступки отдельных офицеров и солдат Красной Армии у вас обобщаются и распространяются на всю Красную Армию. Так не может

оскорбляться армия, которая помогает вам изгонять немцев и которая обливается кровью в боях с немецкими захватчиками. Не трудно понять, что в семье не без урода, но было бы странно оскорблять всю семью из-за одного урода. Если бы красноармейцы узнали, как товарищ Джилас и те, кто не дал ему отпора, считают, что английские офицеры в моральном отношении выше советских офицеров, они бы ахнули от такого незаслуженного оскорбления".

Обмен такими письмами, несомненно, повлек определенный неприятный осадок у Тито, и он не поехал в Москву на заранее обусловленную его и Шубашича встречу со Сталиным. На что Верховный имел все основания обидеться.

Много сложных узлов развязал Сталин за годы своей многогранной деятельности, но югославский узел к концу войны развязать не удалось, он затягивался все туже. Однако к этому мы подойдем позднее, в хронологической последовательности.

Почему Сталин пощадил Гитлера

Во все времена, во всех войнах (да и в мирные дни) враждующие стороны предпринимали попытки уничтожения государственных руководителей и полководцев с целью обезглавить, государство и армию, посеять растерянность в стане противника.

Подобные акции всегда были сверхсекретными, совершались с ведома или по указанию первых лиц государства (или армии), исполнителями являлись самые доверенные работники секретных служб.

Не была исключением и Великая Отечественная война: Сталин и Гитлер охотились друг за другом. Нельзя их за это осуждать, подобные меры являются логическим, естествен ным действием в войне, когда к победе стремятся любыми средствами.

Первое покушение на Гитлера готовилось еще в 1942 году, когда разведка вполне обоснованно предполагала, что фюрер, как Наполеон, в случае взятия Москвы приедет в нашу столицу. Поступали сведения, что немцы намерены провести парад на Красной площади и даже составлен список частей и отпечатаны пригласительные билеты и пропуска.

Вот здесь и готовились наши разведчики преподнести сюрприз фюреру. Были созданы специальные группы и разработано несколько вариантов осуществления этой операции.

Но Гитлер Москву не взял.

Еще одна попытка была задумана в 1942 голу, когда стало известно, что Гитлер прибыл в Винницу, в построенную здесь специально для него полевую ставку "Вервольф" ("Оборотень"). Гитлер находился в этом штабе довольно долго, с апреля по

октябрь.

Осуществить покушение было поручено находившемуся в тылу немцев командиру диверсионного отряда, опытному и талантливому разведчику {будущему Герою Советского Союза) Дмитрию Медведеву. Не удалось... Самой близкой к осуществлению была сложная операция, многоходовая, как шахматная партия, которую готовили с согласия Сталина опытные чекисты Судоплатов и Ильин.

О моем знакомстве с Павлом Судоплатовым я рассказал выше. С комиссаром госбезопасности Виктором Ильиным я был знаком еще ближе. Он после увольнения из КГБ в течение двадцати с лишним лет работал оргсекретарем Московской писательской организации (с 1956 по 1977 год - до ухода на пенсию), да и будучи пенсионером, не терял связи с Союзом писателей (умер в 1990 году). А я, как известно, был первым секретарем Союза писателей СССР (с 1986 по 1991 гг.). Но еще до своего секретарства, когда вставал вопрос о моем переезде из Ташкента в Москву, в 1970 году, я встречался с Ильиным довольно часто: он как оргсекрстарь принимал меня на учет, решал квартирные и другие дела и, надо признать, относился ко мне - бывшему разведчику весьма доброжелательно. Позднее мы с ним часто общались по писательским делам или просто обедали, ужинали, беседовали.

Пищу об этом только потому, что хочу еще раз напомнить о моем стремлении в ходе работы над этой книгой получать информацию и факты, как говорится, из первых рук.

Так вот, Виктор Ильин был одним из тех, кто участвовал в подготовке реального покушения на Гитлера. План операции таков: были найдены подходы к Гитлеру - через тех, кто вхож в его окружение. Первым звеном был сын известной нашей актрисы Блюменталь-Тамариной - Всеволод. Он тоже актер, не такой талантливый, как его мать, но довольно амбициозный. Видимо, он считал, что его недооценили, и поэтому перешел к немцам, стал с ними сотрудничать - выступал по радио с антисоветскими призывами к воинам Красной Армии. Блюменталь-Тамарин был женат на Инне Лащилиной, а ее брат Лев Лащилин - на актрисе Августе Миклашевской, у которой был взрослый сын Игорь. Он служил в армии, был чемпионом Ленинградского военного округа по боксу.

У Ильина возникла рискованная, но весьма вероятная задумка подготовить и перебросить в Германию Игоря: как племянника к дядюшке Всеволоду Блюменталь-Тамарину, который его знал и должен принять как родственника. Затем Игорь должен был, в свою очередь, использовать другие подступы

к Гитлеру.

Ильин в течение полугода подготовил Игоря к выполнению этого сверхответственного задания, после чего Миклашевский "перешел" линию фронта и сообщил там о своем родственнике и желании, как дядя, сотрудничать с немцами. Конечно же, ему не поверили - приняли как подброшенного агента. Но, с другой стороны, и дядя есть - свой, надежный, и почему бы действительно этому парню не захотеть свободной, вольной жизни?

Проверяли его жестко и жестоко, кнутом и пряником. Даже на расстрел выводили. Но Игорь выстоял. В конце концов, его выпустили к дяде Блюменталь-Тамарину и тете Инне. Они приняли его хорошо. Игорь быстро входил в новую жизнь. Посещал "восточный комитет", общался с власовцами. Особенно помог бокс. Игорь одержал несколько побед на ринге. Понравился гордости немецкой нации, чемпиону мира по боксу Максу Шлелингу, который подарил ему свою фотографию с доброжелательным автографом. Это уже было фактом доверия и признания как своего.

В общем, Игорь Миклашевский прочно легализовался и только после этого пришел по адресу, полученному от Ильина, - тому самому подступу к Гитлеру, ради которого строилась вся предыдущая сложная комбинация. По этому адресу жила всемирно известная актриса, кинозвезда Ольга Чехова - любимица Гитлера, Геринга, Геббельса и других знатных фигур "третьего рейха". Она приехала в Германию r 1921 году и сделала здесь блестящую карьеру. Вот к ней-то и пожаловал "родственничек" Игорь.

Высказывались разные мнения насчет того, была ли Ольга Чехова сотрудницей нашей разведки. Но я думаю, на сей счет не может быть двух мнений: то, что ее адрес дали Миклашевскому в МГБ, и то, что она Игоря не выдала, а пыталась помогать, говорит само за себя.

Однако здесь я должен прервать детективный сюжет о подготовке покушения на Гитлера: остановил ее ход лично Сталин. Произошло следующее.

Миклашевский регулярно через "почтовый ящик" докладывал о своем продвижении в жизни и приближении к "объекту". И вот когда, казалось бы, он вышел на последнюю прямую, а было это уже в 1943 году, чекисты решили доложить Сталину о возможности осуществить намеченную цель.

Сталин принял наркома госбезопасности Меркулова и Судоплатова на даче в Кунцеве. Выслушав их доклад, он коротко сказал:

- Этого делать не надо.

Судоплатов рассказывал о крайнем недоумении: почему Сталин отменил им же ранее санкционированную акцию? Но не полагалось задавать вопросы Верховного Главнокомандующему, тем более в таком "щекотливом" деле.

На всякий случай работа Миклашевского и подготовка к решающему удару продолжалась. В 1944 году чекисты сделали еще один заход, и Сталин опять сказал:

- Не надо убирать Гитлера.

На этот раз Меркулов рискнул спросить:

- Но почему? Сталин пояснил:

- Гитлер нам нужен для полного разгрома Германии. Пока он жив, он не пойдет на сепаратное соглашение с Западом. В свою очередь, для США и Англии не может быть и речи о сделке, пока у руля находится Гитлер. Другое дело, если Гитлер исчезнет. Возможен приход к власти Геринга или Папена, с которыми западные державы могут сговориться. А это нам невыгодно, мы уже близки к полному разгрому Германии. Не трогайте Гитлера.

Вот так, из стратегических соображений, Сталин пощадил Гитлера. Игорь Миклашевский благополучно, через Францию, возвратился на родину и был награжден орденом Красного Знамени. Ольга Чехова после окончания войны побывала в Москве, написала мемуары "Я ничего не скрываю". Она прожила долгую жизнь, с 1887 по 1980 год.

А вот судьба одного из организаторов этого опаснейшего предприятия Виктора Ильина сложилась, как и у Судоплатова, печально. В 1943 году он чем-то не потрафил главе "СМЕРШа" Советской Армии - Абакумову, и тот засадил комиссара госбезопасности Ильина в подвал Лубянки, где он просидел с 1943 по 1947 год, а потом еще в тюрьме - пять лет! И вдруг, в 1951 году у Ильина стали требовать показания о предательской деятельности... Абакумова! Ему сообщили об аресте Абакумова. Ильин этому не мог поверить. Он посчитал это провокацией и отказывался говорить что-либо об Абакумове. Тогда следователь подвел Ильина в тюремном коридоре к двери одной из камер и предложил посмотреть в "волчок" - глазок. В полном недоумении Ильин обнаружил в одиночке Абакумова.

Ильина все же судили и приговорили к девяти годам тюремного заключения, которые он отсидел полностью. После освобождения Ильин жил в Рязани, работал грузчиком. Его вспомнили в 1956 году. Раньше он работал в Москве, с 1933 года был начальником третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, который ведал вопросами работы с творческой интеллигенцией. Он знал, как говорится, все и всех. Лучшей

кандидатуры на пост оргсекретаря Московской писательской организации (где нужен свой глаз) ЦК не мог пожелать. Так Ильин, после многих передряг, стал работать в Союзе писателей. В ходе наших бесед он рассказал некоторые интересные эпизоды из своей прежней работы.

Удивительные бывают в жизни случайности! Это я восклицаю не только по поводу того, что написано выше, а еще и о том, что хочу рассказать в дальнейшем.

Вот какое случилось совпадение: именно в то же время, когда Сталин замышлял уничтожить Гитлера, а потом пощадил его, исходя из стратегической целесообразности, Гитлер тоже давал указание об уничтожении Сталина!

Для выполнения этой акции немцы подобрали бывшего советского офицера командира роты Петра Таврина. У него были свои неполадки с уголовным кодексом (украл и проиграл в карты казенные деньги) еще до призыва в армию, он скрывался под чужим именем. И вот на фронте решил уйти к немцам, чтобы избежать ареста (на его след уже выходили работники "СМЕРШа").

В РОА Таврин был на хорошем счету, ему доверяли, попал он в разведшколу абвера. Здесь тоже высмотрели находчивого, смелого курсанта и остановили выбор на нем. Он дал согласие на выполнение теракта против Сталина.

Началась специальная отдельная подготовка Таврима в особой разведывательно-диверсионной команде, под личным руководством ее начальника Отто Крауса. Несколько раз инструктировал Таврина самый опытный и удачливый гитлеровский разведчик Скорцене.

Легенда для Таврина и его жены - радистки Лидии (которую тоже подобрали для этого задания) была такова: Таврин - майор "СМЕРШа", Герой Советского Союза (такие документы облегчают легализацию). Он отпускник после тяжелого ранения (ему немецкие медики сделали свежие настоящие шрамы на теле). Легализуется в Москве с помощью немецких агентов, которые служили: один - в управлении кадров Наркомата обороны, другой - в штабе резервных формирований. Эти и другие агенты, да еще организация "Союз русских офицеров", должны помочь Таврину проникнуть на какое-то торжественное собрание или мероприятие, где будет присутствовать Сталин, и здесь Таврин совершит покушение отравленными пулями, любое попадание которых смертельно. Второй вариант: подкараулить машину Сталина на улице и уничтожить его выстрелом из специально сконструированного гранатомета с небольшими, но мощными гранатами.

5 сентября 1944 года майор Петр Таврин, по документам - зам. начальника "СМЕРШа" 39-й армии - и младший лейтенант особого отдела Лидия Шилова были доставлены специальным самолетом на территорию Смоленской области. При высадке произошла беда - самолет подбили наши зенитчики, он совершил вынужденную посадку. Таврин и Шилова воспользовались мотоциклом и скрылись с места аварии. Но их видели местные жители, которые позвонили в НКВД. Беглую парочку в первом же поселке Карманово встретил и задержал начальник местного отдела Ветров.

При аресте у супругов обнаружили семь пистолетов, два специальных ружья, миниатюрный фанатомет с боеприпасами к нему.

Таврин сразу во всем признался и сказал, что пошел на сделку с немцами, чтобы вернуться на родину и явиться с повинной.

Это было похоже на правду - он не оказал сопротивления при аресте, имея столько оружия, и охотно дал согласие на перевербовку. Была разработана радиоигра с немцами под кодовым названием "Туман", Шилова регулярно поддерживала связь и напускала "туману", в результате чего были вскрыты посланные на помощь Таврину немецкие агенты и группа диверсантов. Игра продолжалась до 9 апреля 1945 года, абвер до последних дней ждал результатов от Таврина, не подозревая о его разоблачении.

Так закончилась охота Гитлера на Сталина.

В мирные дни, до 1952 года, наши контрразведчики ожидали, что на связь с Тавриным выйдут какие-нибудь сохранившиеся немецкие агенты, но никто не объявился.

Поскольку на этом надобность в немецких прислужниках Таврине и Шиловой миновала, их расстреляли. Можно было бы учесть их чистосердечное раскаяние и оказанную помощь, но суровы неписаные законы разведки и контрразведки. И даже Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании: уж очень велика была их провинность - самого Сталина хотели убить!

Восстание в Варшаве

Из сообщения Информбюро:

"... В последние дни в зарубежной печати появились сообщения со ссылкой на газеты и радио польского эмигрантского правительства о восстании и боях в Варшаве, начавшихся 1 августа по приказу польских эмигрантов в Лондоне и продолжающихся до сих пор. Газеты и радио польского эмигрантского правительства в Лондоне упоминают при этом, что

повстанцы в Варшаве якобы были в контакте с советским командованием, но оно не пришло к ним с необходимой помощью.

ТАСС уполномочен заявить, что эти утверждения и упоминания зарубежной печати являются либо результатом недоразумения либо проявлением клеветы на советское командование. Агентству ТАСС известно, что со стороны польских лондонских кругов, ответственных за события в Варшаве, не было предпринято ни одной попытки, чтобы своевременно предупредить и согласовать с советским военным командованием какие-либо выступления в Варшаве. Ввиду этого ответственность за события в Варшаве падает исключительно на польские эмигрантские круги в Лондоне..."

Сталин поручил Жукову выяснить на месте, что там происходит, разобраться и доложить, что можно сделать, чтобы помочь восставшим в Варшаве.

Жуков так пишет в своих воспоминаниях: "По заданию Верховного к Бур-Комарове кому были посланы два парашютиста-офицера для связи и согласования действий, но он не пожелал их принять".

Здесь у меня есть возможность воспользоваться не только первоисточником, но и рассказом самого исполнителя поручения, о котором говорит Жуков. Дело в том, что одним из офицеров, упомянутых Жуковым, был Иван Колос, в то время капитан, мой старый друг и коллега по работе в разведке. Сегодня он живет в Москве. Сравнительно недавно мы с ним и другими товарищами "обмыли" очень запоздавшее высокое звания Героя России, которое наконец-то, к празднованию 50-летия Победы, ему было присвоено.

Ваня не раз рассказывал мне об этом сложном и очень ответственном поручении. Кстати, он написал книгу "По заданию Центра". Колос - опытный разведчик, всю войну прослужил в разведке, и в этой книге описано много заданий, которые ему пришлось выполнять, и том числе и особое задание, которое давал ему лично командующий фронтом маршал Рокоссовский.

Я набрал номер телефона Ивана Колоса и сказал ему:

- Ваня, я хочу воспользоваться твоим рассказом о восстании в Варшаве и о том, как ты выполнял задание командующего фронтом.

- Ну что ж, Володя, спасибо за то, что ты меня не забываешь. Расскажи, расскажи, пусть знают, особенно молодежь, как нелегко нам давалась победа.

Мы поговорили еще о делах, не имеющих отношения к моему последующему рассказу, и я повесил трубку.

Вот что Колос пишет в своей книге:

"Первоначальный этап общей операции, начавшейся в районе Витебска и Бобруйска, должен был закончиться на линии Буга. Быстрый разгром противника в Белоруссии позволил нашему командованию наметить дальнейший план форсирования Буга и освобождения Люблина. Это был уже последний этап летней операции, дальше предстояла новая концентрация сил и сокращение растянутых коммуникаций".

Я напомню читателям, что первоначальный этап, о котором говорит Колос, как раз и связан с моим заданием, которое я выполнял в Витебске, - принес тогда снимки укреплений так называемого "Медвежьего вала". И вот этот этап, как говорит Колос, для меня здесь заканчивался, а ему предстояло выполнять задание для новой крупной операции. Кстати, и события у Колоса развивались подобно тому, как было у меня под Витебском. Его срочно вызвали к командующему. Дальше я привожу рассказ самого Колоса:

" - В кабинете командующего были Рокоссовский и член Военного совета генерал-лейтенант Телегин. Рокоссовский встретил меня очень радушно, поздоровался, пригласил сесть и спросил: "Вы знаете о том, что в Варшаве восстание?" Я ответил, что знаю. Дальше Рокоссовский, внимательно посмотрев мне в глаза, спросил:

- Готовы ли вы к выполнению сложного задания?

- Так точно!

- Так вот. Мы отправляем самолетами в Варшаву медикаменты, оружие, продовольствие для повстанцев и не знаем, в чьи руки это все попадает. Так что вам поручается завтра вылететь на самолете, с парашютом приземлиться в осажденную Варшаву, выяснить обстановку в городе, связаться с командованием восставших и доложить нам по радио о том, какая там обстановка, какие гитлеровские части действуют в районе Варшавы. С вами вылетит радист, ваш старый друг Дмитрий Стенько.

Я встал, больше говорить, собственно, было не о чем, и готов был к выполнению данного мне поручения. Командующий пожал мне руку и очень тепло сказал:

- Счастливого вам возвращения".

Выполняя задание командующего, Колос с радистом Димой, ночью, с небольшой высоты выпрыгнули с самолета. Летели они на двух так называемых "кукурузниках", потому что каждый такой самолет мог брать всего одного пассажира. И поскольку прыжок был совершен с небольшой высоты, Ваня раскрыл парашют уже перед самым приземлением. От этого произошел очень сильный

удар о землю. Да, собственно, и не о землю, он упал на развалины, на груду кирпича, обломки какого-то здания. Ударился очень сильно, потерял сознание. Как выяснилось потом, повредил руку и получил небольшое сотрясение мозга. Его нашли повстанцы. Очень повезло, что это были бойцы Армии Людовой: не те, которые действовали по указке из Лондона, а те, которые сотрудничали с нами. Эти отряды возглавлял майор Сэнк. С ним дальше Колос и взаимодействовал. Не буду пересказывать все трудности, которые пришлось пережить Ване Колосу при исполне нии задания, скажу только об одном: он сделал все и даже больше того, что ему поручалось. Поддерживая постоянную связь по радио, он сообщал нашему командованию о том, что происходит в Варшаве, и увязывал взаимодействие наших войск с восставшими.

Вот как об этом рассказывает сам Иван Колос: е- Не так-то просто было встретиться с руководством представителей из Лондона. Но все же, благодаря моей настойчивости, я добился этой встречи, и в назначенный день меня принял сначала заместитель Бур-Комаровского генерал Монтер в своем кабинете. И когда мы с ним беседовали, дверь распахнулась, сопровождаемые адъютантом, в кабинет пошли два человека в штатском. Генерал Монтер поднялся. Встали и мы. Адъютант подвинул вошедшим два кресла. Они обменялись со мной молчаливым поклоном.

- Мы слушаем вас, - проговорил Монтер, выжидательно взглянув на меня.

Я коротко изложил наши соображения по освобождению Варшавы.

- С ответом придется подождать, - сказал Монтер, - но моя обязанность напомнить вам, что Советы вступают в какое-то сомнительное отношение с кучкой самозванцев, засевших в Люблине. А это многих настораживает.

- Не знаю, о каких людях говорит пан генерал, волонтеры, а также весьма многие офицеры Армии Краевой относятся к Советам, как и к другим союзникам, с полным доверием, Сейчас речь о совместных усилиях повстанцев, Советской Армии и Войска Польского в освобождении Варшавы.

Человек в очках сердито перебил меня (это был Бур-Комаровский):

- Никакого Войска Польского, кроме того, что сражается здесь, не существует!

Все присутствующие замолчали. Наконец генерал Монтер сказал:

- Считаю разговор исчерпанным. Прошу подождать. Все,

кроме адъютанта, вышли из комнаты. Через некоторое время Монтер вернулся и сказал:

- Окончательный ответ получите на днях.

Но так этого "окончательного ответа" и не последовало, и лондонские ставленники продолжали проводить сепаратистскую линию. Вскоре они приняли условия капитуляции, которые им предложили гитлеровцы. Всех повстанцев-волонтеров, добровольно сложивших оружие, гитлеровцы согнали в концентрационный лагерь в Прушкове (недалеко от Варшавы), а Бур-Комаровскому был предоставлен самолет, и он вылетел сначала в Швейцарию, а затем в Лондон.

Повстанцы и партизаны, руководимые коммунистами, продолжали сопротивление до последнего, и с ними Иван Колос прошел эту тяжкую эпопею до конца.

Жуков разобрался со всем происходящим и так пишет о своем впечатлении после изучения сложившейся здесь ситуации: 'Мне была непонятна оперативная цель этого наступления, сильно изматывающая наши войска. К. К. Рокоссовский был со мной согласен, но Верховный требовал выхода 47-й армии на Вислу, на участок Модлин - Варшава и расширения плацдарма на реке Нарев".

Через некоторое время, еще раз убедившись, что после тяжелых и неудачных боев части наши обескровлены и никакого успеха они не добьются, Жуков позвонил Сталину и сказал:

- Я прошу вашего разрешения прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта. Они абсолютно бесперспективны. Прошу вас дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы они привели свои части в порядок, получили пополнение и хотя бы немного отдохнули.

Однако Сталину обстановка была известна шире, чем Жукову на фронте. Дело в том, что очень многие газеты и радио на Западе, да и наши союзники, подняли шум вокруг неудачного восстания в Варшаве и обвиняли советское командование в пассивности, в том, что оно не только не смогло помочь восставшим, но, учитывая, что восстание это было начато лондонским эмигрантским правительством, умышленно не предпринимало активных наступательных действий, чтобы это восстание было гитлеровцами подавлено. По сути дела, Верховное Главнокомандование и лично Сталина обвиняли в предательстве. Поэтому Сталин так нервничал и требовал от Жукова продолжать наступление и оказать все-таки помощь восставшим, и когда Жуков доложил довольно убедительно (и сделал это неоднократно) о невозможности продолжения

наступления, Сталин очень разгневался и, перед тем как бросить трубку, решив, что по телефону с Жуковым договориться не удастся, приказал:

- Вылетайте завтра в Ставку с Рокоссовским. Поговорим на месте.

В Москве Жукова и Рокоссовского принял не один Сталин, в кабинете находились Антонов, Молотов, Берия и Маленков. Сталин очень сухо поздоровался с маршалами и сказал;

- Ну, докладывайте.

Жуков развернул карту и стал излагать ситуацию и свое отношение к происходящему.

Здесь, мне кажется, уместно привести слова Жукова, потому что они отражают его впечатление о происходящем:

"Вижу, И. Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что было всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

- Товарищ Жуков, - перебил меня В. М. Молотов, - вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

- Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

- Жуков считает, что все мы здесь витаем в облаках и не знаем, что делается на фронтах, - иронически усмехнувшись, вставил Берия.

- Вы поддерживаете мнение Жукова? - спросил Сталин, обращаясь к К. К, Рокоссовскому.

- Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

- Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, - сказал Верховный. - Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

- Трудно сказать, товарищ Сталин, - ответил К. К. Рокоссовский. Противник также может усилить это направление.

- А как вы думаете, товарищ Жуков?

- Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв. А с оперативной точки зрения, нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город нужно брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь - Познань. Сил для этого сейчас на

фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на Берлинском направлении.

Сталин, видно, окончательно вышел из себя из-за этой несговорчивости полководца. Он бесцеремонно прервал Жукова:

- Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся. Жуков с Рокоссовским вышли в соседнюю комнату и опять

разложили карту.

Жуков спросил Рокоссовского, почему он не отверг предложение Сталина в более категоричной форме, ведь ему-то было ясно, что наступление 47-й армии ни при каких обстоятельствах не могло дать положительных результатов.

- А ты разве не заметил, как зло принимались твои соображения? ответил Рокоссовский. - Ты что, не чувствовал, как Берия подогревает Сталина? Это, брат, может плохо кончиться. Уж я-то знаю, на что способен Берия, побывал в его застенках.

Через 15-20 минут в комнату вошли Берия, Молотов и Маленков.

- Ну как, что надумали? - спросил Маленков.

- Мы ничего нового не придумали. Будем отстаивать свое мнение, ответил Жуков.

- Правильно, - сказал Маленков. - Мы вас поддержим. Но не успели все как следует расположиться, как их снова

вызвали в кабинет Верховного.

Войдя в кабинет, все остановились, чтобы выслушать Сталина.

- Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, - сказал Верховный. - Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

Все это было сказано далеко не дружелюбным тоном. Сталин почти не смотрел на маршалов.

Очень не любил Верховный, когда с ним не соглашались. Но в этом случае его можно было понять. Ему хотелось снять, сбить накал зарубежных обвинений в том, что Советская Армия не пришла на помощь восставшим в Варшаве, а Жуков и Рокоссовский, не будучи политиками, не хотели ради не совсем понятных им политических интересов идти на дальнейшие жертвы и продолжить наступление, которое, как они считали, не принесет успеха. Политические и военные интересы в данном случае не совпадали.

Непросто было, глядя в лицо Верховному и в присутствии троих членов Политбюро, которые тоже наседали на Жукова и Рокоссовского, отстоять свое мнение и доказать нецелесообразность дальнейших жертв на фронте. Этот случай

является своеобразным ответом современным обвинителям, которые пытаются утверждать, что Жуков проводил операции, не считаясь с потерями, лишь бы добиться успеха. Проще всего в данном случае было бы, как говорится, взять под козырек и угодить Верховному, сказав: "Ваше приказание будет исполнено" - и продолжать наступление... Но Жуков на это не пошел. Он не хотел допустить ненужных жертв в таком, по его твердому убеждению, совершенно бесполезном продолжении военных действий.

В отношениях Жукова и Сталина сложилась ситуация очень похожая на ту, которая была в 1941 году, когда Сталин за такое же отстаивание Жуковым своей точки зрения снял его с должности начальника Генерального штаба. Причем обстоятельства повторялись даже в деталях. И тогда Сталин сказал Жукову: "Выйдите и подумайте, а мы тут пока будем решать..." Там тоже Жуков только разложил карты, чтобы собраться с мыслями, как его сразу же вернули в кабинет. Сталин тогда объявил: "Мы сможем обойтись и без вас", - и, освободив его от обязанностей начальника Генштаба, назначил командующим Резервным фронтом и отправил организовывать наступление под Ельней, которое, собственно, и предлагал проводить Жуков.

Теперь время было уже не то. И Сталин был не тот. И Жуков тоже очень изменился, завоевал авторитет в Вооруженных Силах, да и у самого Сталина. Теперь просто так с ним круто обойтись было нельзя. И Сталин это понимал. Но все же, как бы ни смягчал он эту "размолвку", как бы ни обставлял ее какими-то "декорациями" необходимости перемен, суть дела не изменялась: фактически Сталин после того разговора Жукова с должности снял.

Мы в предыдущих главах уже отмечали проявление у Сталина ревности по отношению к популярности Жукова. С приближением победного завершения войны вполне допустимо предположить намерение Верховного: после многих неудач в первый год воины (несомненно, "подмочивших" его репутацию) подправить свой авторитет более активным вмешательством в успешные боевые дела.

В подтверждение допустимости такого предположения приведу разговор Сталина с Жуковым спустя некоторое время:

- Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки? - спросил Сталин.

Обращаю внимание на то, что Сталин не пытается пояснить причины или обстоятельства, требующие сосредоточения военного руководства в его руках. Юридически он и так Верховный Главнокомандующий. Зачем ему понадобилось это

более детальное вмешательство в боевые дела? Жуков ответил на этот вопрос Сталина:

- Да, количество фронтов уменьшилось. Протяжение общего фронта тоже сократилось, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами из Ставки.

Вот так, по-деловому, исходя из общей обстановки, сформулировал Жуков аргументы в пользу намечаемых Сталиным перемен. Если такое обоснование высказал бы сам Сталин, все мои предположения о личных амбициозных чувствах Верховного не стоили бы, как говорится, и ломаного гроша. Но подкрепление моим предположениям дает сам Сталин в продолжение разговора:

- Вы это без обиды говорите?

Значит, Иосиф Виссарионович имел в виду, спрашивая мнение Жукова, не только изменения в стратегическом руководстве, но и личностные: как отнесется Жуков к тому, что Верховный отстраняет его как представителя Ставки от руководства крупными операциями фронтов и, говоря по-простому, тянет одеяло на себя?

Жуков отвечает со спокойным достоинством:

- А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными.

Жуков в ремарке к этим своим словам в "Воспоминаниях..." пишет: "...пошутил я". Но вдумайтесь, какой подтекст в этой "шутке". Разговор идет об "обиде", и Жуков, человек тактичный, отвечает обидчику, как принято в таких случаях: мол, что вы, что вы, не беспокойтесь, я не обижаюсь. Значит, обиду Сталин все же наносил. В чем она заключается? - В том, что Верховный отстраняет его от больших дел. То, что Жуков это понимает и дает понять собеседнику, что понимает, отчетливо просматривается в его словах: "Думаю... не останемся безработными". Все тут прозрачно высказано: с объявлением этого решения Сталина маршалы Жуков и Василевский уже "безработные", но Жуков надеется, что выйдет из уже состоявшегося положения "безработного".

На этом разговор был прерван. Но Сталин, видимо, обдумал свой ход еще раз и, посчитав, что элемент обиды все же присутствует, - а ссориться с Жуковым он не хотел, потому что по-настоящему уважал и ценил маршала, пригласил его к себе и "позолотил пилюлю":

- Вы и впредь останетесь моим заместителем.

Ну и чтобы окончательно уважить Жукова, Верховный буквально играет на его полководческом самолюбии:

- 1-й Белорусский фронт находится на Берлинском

направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Вот он, главный козырь: я беру все в свои руки, а вам дарю лавры покорителя гитлеровской столицы - Берлина. Для Жукова - полководца и "военной косточки" до глубины души - такая перспектива, конечно же, лестна, почетна и... утешительна.

Этим назначением Сталин в большой степени оправдал себя в глазах военачальников, которые восприняли назначение Жукова как заслуженный, закономерный шаг. Кому же брать Берлин, как не Жукову? И вот Сталин, вместе со всей армией, любящей и уважающей маршала Жукова, именно ему и оказывает эту высокую честь.

Все восприняли это решение Сталина как еще одно проявление его мудрости. И действительно, в тонкости мышления ему не откажешь: добился чего хотел - будет завершать войну, возглавляя сам всю победоносную кампанию.

Обиженным оказался один Рокоссовский, который уже предвкушал лавры покорителя Берлина, но вдруг судьба отвернулась от него - и пришлось передать фронт Жукову.

Много лет Рокоссовский и Жуков считались друзьями, но горький осадок в душе Константина Константиновича остался на всю жизнь. И не только остался, но порой и выплескивался. (Но об этом - позже).

Крымская конференция

Первым о необходимости очередной встречи глав трех государств заговорил президент США Рузвельт. 19 июля 1944 года в своем послании Сталину он писал: "Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, премьер-министром и мною".

20 июля с аналогичным предложением обратился к Сталину и Черчилль. 24 июля он сообщает уже некоторые детали предполагаемой встречи:

"Вы, несомненно, уже получили телеграмму Президента с предложением об еще одной встрече между нами тремя на севере Шотландии приблизительно во второй неделе сентября. Мне нет необходимости говорить о том, как искренне Правительство Его Величества и я лично надеемся на то, что Вы сможете приехать. Я хорошо знаю Ваши трудности, а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прощу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана.

В сентябре на севере и на северо-западе Шотландии погода часто бывает самой хорошей. Однако в этом деле я не могу дать

Вам никакой гарантии. Тем временем я веду подготовку для Президента и для самого себя, поскольку он уже сообщил мне о своем намерении приехать. Пожалуйста, сообщите мне Ваши соображения и пожелания".

Сталин ответил Черчиллю 26 июля 1944 года:

"Я с удовольствием узнал из Вашего послания об августовском конвое, за которым должен последовать, как Вы пишете, новый цикл конвоев, в которых мы, действительно, серьезно нуждаемся.

Что касается встречи между Вами, г-ном Рузвельтом и мною, о которой Вы пишете также, в послании от 24 июля, то и я считал бы такую встречу желательной. Но в данное время, _когда советские армии ведут бои по такому широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время. По мнению всех моих коллег, это совершенно не представляется возможным".

Последовала переписка между членами "большой тройки" с уточнения места, времени встречи и вопросов, которые желательно обсудить.

Наконец договорились съехаться в Крыму в Ялте 3 февраля 1945 года.

До прибытия в Крым американская и английская делегации 30 января - 2 февраля 1945 года провели конференцию на острове Мальта. Главной задачей этой конференции являлось определение стратегического плана союзников в Западной Европе. Во время совещаний начальников штабов, ежедневно проводившихся на Мальте (на последнем таком совещании 2 февраля присутствовали Ф. Рузвельт и У. Черчилль), был принят план завершающего этапа военных действий в Германии, согласно которому главный удар наносился на северном участке Западного фронта в направлении Рура, а вспомогательный - в направлении Франкфурта-на-Майне - Касселя. На этот раз союзники хотели начать операцию как можно скорее, пока наступление русских на Восточном фронте не завершилось полным поражением немцев.

Не менее важным было обсуждение западными союзниками и некоторых политических проблем. 1 февраля 1945 года состоялось совещание министров иностранных дел США и Англии, на котором были согласованы позиции сторон почти по всем политическим вопросам, предполагавшимся к обсуждению на Крымской конференции. Министр иностранных дел Англии А. Идеи в ходе этого совещания сказал: "У русских будут весьма большие требования; мы можем предложить им не очень много,

но нам нужно от них очень много. Поэтому нам следует договориться о том, чтобы собрать воедино все, что мы хотим, и все, что нам придется отдать. Это распространялось бы также и на Дальний Восток",

3 февраля 1945 г. Ф. Рузвельт и У. Черчилль вместе с сопровождавшими их лицами прибыли в Крым. Они были размещены во дворцах вблизи Ялты, уцелевших от разрушения поспешно отступавшими гитлеровцами. Ф. Рузвельту был предоставлен Ливадийский дворец, У. Черчиллю - Воронцовский дворец в Алупке. Советская делегация остановилась в Юсуповском дворце в Кореизе.

4 февраля 1944 года прошло первое заседание тройки, его открыл Рузвельт.

В последующем вся работа, как и это первое заседание, проходила в Ливадийском дворце. Это объясняется тем, что здесь располагалась американская делегация, Рузвельту, ввиду его ограниченной подвижности, удобнее было работать именно здесь.

На первом заседании заслушали сообщения о военных делах, боевых действиях и перспективах на фронтах. О положении советских войск сделал обстоятельный доклад зам. начальника Генштаба генерал Антонов.

О положении на западном и итальянском театре военных действий доложил генерал Дж. Маршалл.

5 февраля рассмотрели политические вопросы, в частности - судьбу Германии после ее поражения. В заключительном документе для прессы было сказано: "Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии".

В секретных соглашениях "большой тройки" была определена договоренность о безоговорочной капитуляции Германии и о том, что никто из союзников не заключает с ней сепаратных соглашений. Принято решение о расчленении Германии на зоны оккупации, а также Берлина - на сектора.

Особенно горячие стычки происходили между Сталиным и Черчиллем в вопросе о репарациях. Этот вопрос был поставлен Сталиным, он представил специальный план, который предусматривал:

- репарации должны взиматься не деньгами, а натурой (по опыту прошлой мировой войны - тогда насчитали репарации деньгами и почти ничего не получили: Германии нечем было платить);

- Германия должна производить натуральные платежи в виде фабрик, заводов, кораблей, танков и т. п. плюс ежегодные товарные поставки;

- срок репараций установить на 10 лет, причем изъятие национального богатства произвести в течение двух лет после окончания войны;

- точно подсчитать ущерб, нанесенный Германией Советскому Союзу, невозможно, однако приблизительный подсчет равен 2 триллионам 600 миллиардам рублей. Советский Союз понимает, что Германия не сможет покрыть такие астрономические цифры, и согласен получать ежегодно материальные поставки не менее чем на 10 миллиардов долларов, что является очень незначительной частью материальных потерь Советского Союза.

Выслушав этот план, Черчилль стал возражать:

- Жертвы России безусловно больше, чем жертвы других стран! - Дальше он перечисляет разрушения в Англии и восклицает: - Что будет с Германией? Призрак голодающей Германии, с ее 80 миллионами человек, встает перед глазами! Не придется ли союзникам, в конце концов, кормить немцев? Если хочешь ездить на лошади, ее надо кормить сеном и овсом.

Сталин строго сказал:

- Лошадь не должна была бросаться на нас.

- Моя метафора неудачна, поставим вместо лошади автомобиль, которому нужен бензин.

Сталин парирует:

- Нет аналогии и в этом - немцы не машины, а люди. Рузвельт склоняется к тому, чтобы поддержать Сталина. Еще

один убедительный аргумент советской делегации:

- Нужно иметь в виду, что послевоенная Германия будет свободна от расходов на вооружение. А перед войной она на это тратила до шести миллиардов в год!

Даже Черчилль воскликнул:

- Да, это очень важное соображение!

Сталин добился, чтобы в первую очередь репарации получили те, кто больше других пострадал в этой войне, чтобы комиссия по репарациям находилась в Москве.

Черчилль пошутил, что он был слишком сговорчивым при обсуждении вопроса о репарациях, этого может не одобрить парламент и даже выгнать его, Черчилля.

Сталин добродушно поддержал своего оппонента:

- Победителей не выгоняют!

В течение восьми дней главы государств решили и другие вопросы: о создании Организации Объединенных Наций для поддерживания мира и безопасности; о создании свободной, независимой Польши. (Была настоящая драка по поводу правительства. Но Сталин отстоял свои намерения, уступив лишь включение в новое правительство нескольких человек из

эмигрантов, находившихся в Англии).

Так же напряженно и в конечном счете успешно для Советского Союза Сталин разрешил вопрос о Югославии, утвердив там власть во главе с Тито, Было заключено соглашение о выдаче военнопленных странам по их принадлежности, то же касалось и репатриации заключенных из немецких лагерей.

На конференции были решены и некоторые территориальные вопросы. Сталин не упустил возможности прибавить к нашей стране Кенигсберг с прилегающей к нему территорией Восточной Пруссии (теперь Калининградская область), а также Южный Сахалин и Курильские острова (вроде бы, за его сговорчивость о вступлении СССР в войну против Японии, хотя это было предусмотрено еще в документах Тегеранской конференции).

Вечерами, в перерывах между заседаниями, "большая тройка" собиралась пообедать или поужинать. Мне кажется - то, что они говорили на этих застольях, не менее интересно и значительно, чем то, что высказывалось официально.

Давайте обратимся к воспоминаниям Черчилля.

"В этот вечер мы все вместе обедали со Сталиным в Юсуповском дворце. Речи, произносившиеся за обедом, были записаны и могут быть приведены здесь. Между прочим, я сказал:

- Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с большей смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру".

Сталин ответил мне лестными словами. Он сказал:

- Я провозглашаю тост за лидера Британской империи, за самого мужественного из всех премьер-министров мира, сочетающего в себе политический опыт и военное руководство, за человека, который в момент, когда вся Европа была готова пасть ниц перед Гитлером, заявил, что Англия не дрогнет и будет сражаться против Германии одна, даже без союзников. Даже если нынешние и возможные союзники покинут ее, - сказал он, - она будет продолжать сражаться. За здоровье человека, который

может родиться лишь раз в столетие и который мужественно поднял знамя Великобритании. Я сказал то, что чувствую, то, что у меня на душе, и то, в чем я уверен.

Затем я коснулся более серьезной темы:

- Я должен сказать, что еще ни разу за всю войну, даже в самые мрачные периоды, я не ощущал на себе такой большой ответственности, как сейчас на этой конференции. Теперь, по причинам, на которые указал маршал, мы понимаем, что достигли вершины холма и перед нами простирается открытая местность. Не будем преуменьшать трудности. В прошлом народы, - товарищи по оружию лет через пять-десять после войны расходились в разные стороны... Я возлагаю свои надежды на замечательного президента Соединенных Штатов и на маршала Сталина, в которых мы найдем поборников мира и которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнета. Я возлагаю на это надежды и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях. Мы неослабно будем поддерживать ваши усилия. Маршал говорил о будущем. Это самое главное. В противном случае океаны крови окажутся напрасными и поруганными. Я провозглашаю тост за яркий, солнечный свет победившего мира.

Сталин ответил. Я никогда не подозревал, что он может быть таким откровенным.

- Я говорю, - сказал он, - как старый человек; вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным.

В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: "А почему бы мне не обмануть моего союзника?" Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны...

И затем:

- За группу деятелей, которых признают только во время войны и о чьих услугах быстро забывают после войны. Пока идет война, этих людей любят и встречают с уважением не только им подобные, но также и женщины. После войны их престиж падает,

а женщины поворачиваются к ним спиной.

- Я поднимаю мой бокал за военных руководителей. Сталин не питал никаких иллюзий относительно предстоящих нам трудностей:

- В эти дни в истории Европы произошли изменения - радикальные изменения. Во время войны хорошо иметь союз главных держав. Без такого союза выиграть войну было бы невозможно. Но союз против общего врага - это нечто ясное и понятное. Гораздо более сложное дело - поставленный союз для обеспечения мира и сохранения плодов победы. То, что мы сражались вместе, хорошо, но это было не так трудно; с другой стороны, то, что в эти дни здесь завершена работа, начатая в Думбартон-Оксе, и заложены юридические основы обеспечения безопасности и укрепления мира, - это большое достижение. Это поворотный пункт.

- Я провозглашаю тост за успешное завершение Думбартон-Окса и за то, чтобы наш союз, рожденный в огне сражений, стал прочным и сохранился после войны; за то, чтобы наши страны не погрязли только в своих собственных делах, но помнили, что, помимо их собственных проблем, есть общее дело и что в дни мира они должны защищать дело единства с таким же энтузиазмом, как и в дни войны.

Моя очередь была председательствовать на нашем последнем обеде 10 февраля. За несколько часов до того, как Сталин должен был приехать, в Воронцовский дворец прибыл взвод русских солдат. Они заперли двери по обе стороны приемных залов, в которых должен был проходить обед. Была расставлена охрана, и никому не разрешилось входить. Затем они обыскали все - смотрели под столами, простукивали стены. Моим служащим приходилось выходить из здания, чтобы попасть из служебных помещений в комнаты, где они жили. Когда все было подготовлено, прибыл маршал, в самом приветливом настроении, а немножко позже прибыл президент.

Во время обеда в Юсуповском дворне Сталин провозгласил тост за здоровье короля в такой форме, что, хотя он и предполагал, что тост получится дружественным и почтительным, мне он не понравился. Сталин сказал, что в общем и целом всегда был против королей и держит сторону народа, а не какого бы то ни было короля, но что в этой войне он научился уважать и ценить английский народ, который уважает и чтит своего короля, и что поэтому он хотел бы провозгласить тост за здоровье английского короля. Я не был удовлетворен такой формулировкой и попросил Молотова разъяснить, что этих тонкостей Сталина можно было бы избежать и предлагать в

дальнейшем тост за здоровье "глав трех государств". Поскольку на это было дано согласие, я тут же ввел в практику новую формулу:

- Я провозглашаю тост за здоровье его королевского величества, президента Соединенных Штатов и президента СССР Калинина - трех глав государств.

На это президент, у которого был очень усталый вид, ответил:

- Тост премьер-министра навевает много воспоминаний. В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России.

Теперь я должен был провозгласить тост за здоровье маршала Сталина. Я сказал:

- Я пил за это несколько раз. На этот раз я пью с более теплым чувством, чем во время предыдущих встреч, не потому, что он стал одерживать больше побед, а потому, что благодаря великим победам и славе русского оружия он сейчас настроен более доброжелательно, нежели в те суровые времена, через которые мы прошли. Я считаю, что, какие бы разногласия ни возникали по тем или иным вопросам, в Англии он имеет доброго друга. Я надеюсь, что в будущем Россию ожидают светлая счастливая жизнь и процветание. Я сделаю все, чтобы этому помочь, и уверен, что то же самое сделает президент. Было время, когда маршал относился к нам не столь благожелательно, и я вспоминаю, что и сам кое-когда отзывался о нем грубо, но наши общие опасности и общая лояльность изгладили все это. Пламя войны выжгло все недоразумения прошлого. Мы чувствуем, что имеем в его лице друга, которому можем доверять, и я надеюсь, что он по-прежнему будет питать точно такие же чувства в отношении нас. Желаю ему долго жить и увидеть свою любимую Россию не только покрытой славой в войне, но и счастливой в дни мира.

Сталин ответил в самом наилучшем настроении, и у меня создалось впечатление, что он счел форму "главы государств" вполне подходящей для встреч нашей "тройки". У меня нет записи того, что именно он сказал. Вместе с переводчиками нас было не более десяти человек, и по исполнении формальностей мы беседовали по двое и по трое. Я упомянул, что после поражения

Гитлера в Соединенном Королевстве будут проведены всеобщие выборы. Сталин высказал мнение, что мол позиция прочна, "поскольку люди поймут, что им необходим руководитель, а кто может быть лучшим руководителем, чем тот, кто одержал победу?" Я объяснил, что в Англии две партии и что я принадлежу лишь к одной из них. "Когда одна партия - это гораздо лучше", - сказал Сталин с глубокой убежденностью...

В таких непринужденных разговорах вечер прошел приятно. Когда маршал собрался уходить, многие представители английской делегации собрались в вестибюле дворца, и я воскликнул: "Трижды "ура" маршалу Сталину!" Троекратное приветствие прозвучало тепло.

Во время нашего пребывания в Ялте был другой случай, когда не все прошло так гладко. Рузвельт, который давал завтрак, сказал, что он и я в секретных телеграммах всегда называем Сталина "Дядя Джо". Я предложил, чтобы он сказал Сталину об этом в конфиденциальном разговоре, но он пошутил на этот счет при всех. Создалось напряженное положение. Сталин обиделся. "Когда я могу оставить этот стол?" - спросил он возмущенно. Бирнс спас положение удачным замечанием. "В конце концов, - сказал он, - ведь вы употребляете выражение "Дядя Сэм", так почему же "Дядя Джо" звучит так уж обидно?" После этого маршал успокоился, и Молотов позднее уверял меня, что он понял шутку. Он уже знал, что за границей многие называют его "Дядя Джо", и понял, что прозвище было дано ему дружески, в знак симпатии.

Следующий день, воскресенье 11 февраля, был последним днем нашего пребывания в Крыму. Президент торопился на родину и хотел по дороге заехать в Египет, чтобы обсудить дела Среднего Востока с властелинами этих стран. Сталин и я позавтракали с ним в бывшей бильярдной царя в Ливадийском дворце. За завтраком мы подписали заключительные документы и официальные коммюнике. Теперь все зависело от духа, в котором они будут проводиться в жизнь.

27 февраля я предложил палате общин одобрить результаты Крымской конференции.

Я считал себя обязанным провозгласить свою веру в добросовестность Советов, надеясь обеспечить ее. К этому меня поощрило поведение Сталина.

Я сказал:

- Впечатление, сложившееся у меня после поездки в Крым и после всех других встреч, таково, что маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они - хозяева своего слова.

Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб самому себе, более точно, нежели русское Советское правительство. Я категорически отказываюсь пускаться здесь в дискуссии относительно добросовестности русских. Совершенно очевидно, что эти вопросы касаются всей будущности земного шара. Действительно, судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и русским Советским Союзом.

Общая реакция палаты выразилась в безоговорочной поддержке той позиции, которую мы заняли на Крымской конференции".

Таков Сталин, стратег-дипломат, и так высок был его международный авторитет.

Последняя кампания

Взяв на себя напрямую руководство фронтами, Сталин, наверное, провел немало времени у карты с общей обстановкой тех дней.

Стратегическое положение советских войск и армий стран антигитлеровской коалиции оценивалось им как близкое к завершению разгрома Германии. Наши удары хорошо согласовывались с действиями союзников в Западной Европе. По существу, Советская Армия и англо-американские силы заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Теперь предстояло совершить последний стремительный натиск и в короткий срок окончательно сокрушить врага.

Советская Армия одержала победы, решающие исход войны. Завершение борьбы на советски-германском фронте было предрешено в нашу пользу, час окончательного разгрома противника приблизился. Мы превосходили врата не только по численности войск, но и по их выучке, по технической оснащенности. Боевые действия вполне обеспечивались слаженной работой тыла, он оказывал фронту все возрастающую помощь.

Сил хватило бы для прямого решительного удара на Берлинском направлении. Но это было связано с большими потерями. Немцы, несомненно, как и мы под Москвой, будут стоять под Берлином насмерть.

К концу войны тем более надо поберечь людей, они прошли через всю войну и заслужили того, чтобы остаться живыми. Потери, конечно, неизбежны, но надо свести их до минимума. А для этого надо придумать какой-то особенно хитрый ход, чтобы обмануть врага, ввести его в заблуждение, заставить

сосредоточить главные силы не там, где мы нанесем решительный удар. Но что можно придумать, глядя на карту, где войска разделены на две группы фронтов Карпатами?

Противник, вполне естественно, укрепляет и сосредоточивает войска на Берлинском направлении, это самый короткий и удобный путь для наступления наших войск на столицу вермахта. Надо ослабить оборону врага на этом направлении. Но как это сделать?

Можно подбросить дезинформацию о подготовке наступления на другом направлении. Но поверит ли Гитлер? И как это сделать? Можно без дезинформации нанести вспомогательные удары где-то на флангах и отвлечь туда резервы противника. Но слабыми ударами гитлеровское командование не отвлечешь, оно многоопытное, поймет подобный маневр, с Берлинского направления войска не тронет.

А может быть, пугать ударом в лоб, а осуществить гигантские клещи, охватить всю оставшуюся немецкую армию заходом с Прибалтики на севере и через Будапешт, Вену на юге? И пусть немцы сидят в укреплениях на Берлинском направлении, а наши армии обойдут их и встретятся в Берлине. А если гитлеровцы кинут все свои резервы для отражения этих фланговых ударов, можно будет ударить и на Берлинском направлении.

Сталин изложил свои рассуждения начальнику Генерального штаба Антонову и попросил его вместе с опытными генштабовцами прикинуть и подрассчитать эти варианты.

Об этой работе генерал Штеменко вспоминает:

"Предварительно замысел очень тщательно обсуждался у А. И. Антонова. Помимо самого Алексея Иннокентьевича, в этом участвовали: начальник Оперативного управления, его заместители А. А. Грызлов и Н. А. Ломов, начальники соответствующих направлений. Все соображения, высказанные здесь, уточнялись затем в Оперативном управлении. Там же рассчитывались силы и средства и отрабатывались все другие элементы операции. Наконец замысел получил графическое оформление: со всеми расчетами и обоснованиями он был нанесен на карту, после чего еще раз подвергся, можно сказать, придирчивому обсуждению. Как и в прошлом, наиболее детально планировались начальные операции. Дальнейшие же задачи фронтов намечались лишь в общем виде.

В ходе творческих исканий сначала зародилась, а затем окончательно откристаллизовалась общая идея наших действий. Было признано, что центральный участок советско-германского фронта является решающим, ибо удар отсюда выводит наши войска по кратчайшему направлению к жизненным центрам

Германии. Но именно здесь находилась и наиболее плотная группировка войск противника. Чтобы создать более вы-годные условия для нашего наступления, признавалось целесообразным растянуть центральную группировку немецко-фашистских войск. Для этого мы должны были максимально активизироваться на флангах стратегического фронта. Речь шла уже не только о Венгрии и Австрии, но и о Восточной Пруссии. Энергичное наступление под Будапештом и на Вену требовалось сочетать с наступлением на Кенигсберг.

Мы отлично знали, что в Восточной Пруссии и Венгрии противник проявляет повышенную чувствительность. При сильном нажиме он непременно станет перемешать сюда свои резервы и войска с неатакованных участков фронта. В итоге Западное направление, где намечались решающие события, серьезно ослабнет".

Таким образом, замысел Сталина получил графическое воплощение и теоретическое обоснование в Генеральном штабе.

На этот раз Штеменко отмечает очень существенную особенность самостоятельное личное руководство Сталина как подготовительной работой, так и осуществлением всей операции:

"Подготавливая замысел кампании 1945 года, Ставка не собирала командующих на специальное совещание, как это имело место в прошлом (например, при разработке плана "Багратион"). На сей раз ограничились вызовом командующих порознь в Генеральный штаб. С каждым из них обсуждались все детали операций данного фронта, и затем уже согласованные соображения докладывались Ставке...

Существенных поправок внесено не было. Договорились, что на главном направлении наступление начнется 20 января 1945 года, однако планы операций пока не утверждались и директивы фронтам не отдавались...

Координацию действий всех четырех фронтов на Берлинском направлении Верховный Главнокомандующий взял на себя".

Сталин лично дал указание командующим фронтами о подготовке операции. Жуков вспоминает:

"До конца ноября штаб фронта во главе с М. С. Малининым отрабатывал план наступления и готовил необходимые заявки Ставке Верховного Главнокомандования на дополнительные войска и материальные средства. Штабом фронта, штабом тыла фронта и командующими родами войск был проделан титанический труд по расчетам сил и средств на предстоящую операцию".

По этому поводу вот что пишет маршал Конев:

"... К концу ноября 1944 года меня вызвали в Москву с

планом операции, разработанным командованием фронта. Я доложил его в Ставке Верховного Главнокомандования И. В. Сталину в присутствии членов Государственного Комитета обороны.

Я хорошо помню, как обстоятельно И. В. Сталин изучал этот план. Особенно внимательно он рассматривал на карте Силезский промышленный район. Здесь было огромное скопление предприятий, шахт с мощным оборудованием, расположенным на земле, различного вида промышленных построек. Все это, вместе взятое, представляло очень большие препятствия для маневренных действий войск при наступлении.

Даже на карте масштабы Силезского района и его мощь выглядели внушительно. Сталин, как я прекрасно понял, подчеркивая это обстоятельство, показал пальцем на карту, обвел этот район и сказал:

- Золото.

Сказано это было так, что, в сущности, не требовало дальнейших комментариев.

Для меня, как командующего фронтом, уже и без того было ясно, что вопрос об освобождении Домбровско-Силезского промышленного района надо решать по-особому.

Надлежало принять все меры к предельно возможному сохранению его промышленного потенциала, тем более что после освобождения эти исконно польские земли должны отойти Польше. И потому по нашему плану удары войск шли в обход этого района, севернее и южнее его. Однако не скрою, когда Сталин так веско, значительно сказал: "Золото", - я подумал, что следует еще более внимательно и глубоко изучить все возможности не только освобождения, но и спасения Домбровско-Силезского промышленного района.

План со стороны Ставки возражений не встретил и был целиком одобрен. Не теряя времени, я вернулся на фронт. Началась подготовка к операции".

На торжественном собрании в честь годовщины Октябрьской революции, 6 ноября, Сталин в своем докладе подвел итоги боев за прошедший год. Именно в этом докладе он охарактеризовал десять ударов, которые историки и публицисты называли сталинскими.

Говоря об общественной и хозяйственной жизни страны, Сталин отметил:

" - На четвертом году войны наши заводы производят танков, самолетов, орудий, минометов, боеприпасов в несколько раз больше, чем в начале войны. Позади остался наиболее трудный период в восстановлении сельского хозяйства. После возвращения стране плодородных полей Дона и Кубани, после освобождения Украины, наше сельское хозяйство быстро оправляется от тяжелых потерь. Советский железнодорожный транспорт выдержал нагрузку, с которой едва ли справился бы транспорт другой страны. Все это говорит за то, что экономическая основа Советского государства оказалась несравненно более жизнеспособной, чем экономика вражеских государств.

Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу. Советское государство, несмотря на тяжелое бремя войны, несмотря на временную оккупацию

немцами весьма больших и экономически важных районов страны, в ходе войны не сокращало, а год от года увеличивало снабжение фронта вооружением и боеприпасами. Теперь Красная Армия имеет танков, орудий, самолетов не меньше, а больше, чем немецкая армия. Что касается качества нашей боевой техники, то в этом отношении она намного превосходит вооружение врага. Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом. (Бурные аплодисменты.) Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шди сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспримерные трудности нынешней войны не сломили, а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа".

Пока войска и штабы готовились к завершающим операциям, в Москве наступило некоторое затишье, и Сталин решил, впервые за годы войны, отметить новогодний праздник, он пригласил своих соратников.

Использую воспоминания Штеменко.

На даче у Сталина собрались: А. А. Новиков, Н. Н. Воронов, Я. Н. Федоренко, А. В. Хрулев, С. М. Буденный, А. И. Антонов, С. М. Штеменко.

За несколько минут до двенадцати все вместе прибыли члены Политбюро и с ними некоторые наркомы.

Собралось человек двадцать пять мужчин и одна-единственная женщина жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Паль-миро Тольятти.

Сталин занял свое обычное место в торце стола. С правой руки, как всегда, стоял графин с чистой водой. Никаких официантов не было, и каждый брал себе на тарелку то, что ему хотелось. С ударом часов Верховный Главнокомандующий произнес краткое слово в честь советского народа, сделавшего все возможное для разгрома гитлеровской армии и приблизившего час нашей победы. Он провозгласил здравицу в честь Советских Вооруженных Сил и поздравил нас всех:

- С Новым годом, товарищи!

Взаимно поздравили друг друга и выпили за победоносное окончание войны в наступившем 1945 году. Некоторая скованность, чувствовавшаяся вначале, вскоре исчезла. Разговор стал общим. Хозяин не соблюдал строгого ритуала: после

нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с кем-то из гостей. Остальные не преминули воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на стул и растянул мехи. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонялся ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стопки пластинок "Барыню". Буденный не усидел - пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленям и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи военных песен в исполнении ансамбля А. В. Александрова. Эти песни все знали и дружно стали подпевать.

Разъехались из Кунцева около трех часов ночи. Первая за время войны встреча Нового года не в служебной обстановке порождала раздумья. По всему чувствовался недалекий конец войны. Дышалось уже легче, хотя все знали, что в самое ближайшее время начнется новое грандиозное наступление, впереди еще не одно тяжелое сражение.

Новый год у наших союзников получился не праздничный, вышло горькое похмелье после новогоднего застолья. Гитлер преподнес им очень неприятный сюрприз.

Для того чтобы понятнее было случившееся, придется на несколько недель вернуться назад.

Все усилия, по многим каналам гитлеровских дипломатов и тайных представителей, добиться сепаратного мира на Западе к успеху не привели. Союзники тогда еще были верны ранее подписанным договорам и не соглашались на перемирие с Гитлером в одностороннем порядке. Вот тогда Гитлер пришел к следующему выводу: "Наивно надеяться на успех переговоров в момент тяжелых военных поражений. Переговоры можно вести только с благоприятных военных позиций. Западные державы будут более склонны к миру и соглашению, если удастся нанести им военное поражение".

В общем, Гитлер решил проучить союзников, чтобы они стали более сговорчивыми. Он пригласил к себе Кейтеля, Йодля,

начальника генерального штаба сухопутных войск Гудериана и представителя командования военно-воздушных сил генерала Крейпе. Здесь он изложил свой замысел:

- Я принял решение: будем наступать в Арденнах, - он показал это направление на карте, - форсируем Маас и потом - на Антверпен! После того как мы нанесем этот удар, англичане будут более сговорчивы.

Надо сказать, что намеченный Гитлером план был довольно эффективен и мог принести и стратегическую, и политическую выгоду Германии. Этим ударом, с выходом к морю, гитлеровцы отрезали бы армию союзников, находившуюся в глубине Франции, захватили бы в Антверпене огромные запасы боеприпасов и другого имущества и окружили бы не менее 25 - 30 британских и американских дивизий. Если учесть, что к тому времени во Франции находились 62 дивизии союзников, то потеря почти половины из них, в основном английских, привела бы, по замыслу немцев, к коренному изменению обстановки в пользу Германии. Да к тому же быстрый разгром союзников, по замыслу Гитлера, дал бы возможность немедленно перебросить войска с запада на восток, чтобы отразить зимнее наступление русских.

С присущей ему энергией Гитлер отдался осуществлению этой идеи. 12 октября он рассмотрел план наступления в Арденнах, который разработал Йодль. Этим планом предусматривалось нанести удар на 100-километровом участке, где размещались всего 4 дивизии союзников. А удар по этим четырем дивизиям наносили 5-я и 6-я танковые армии СС. Кейтель предложил назвать эту операцию "Рождественская роза", но Гитлер не согласился, сказал, что к Рождеству все должно быть закончено, и назвал эту операцию "Вахта на Рейне".

К этому времени Гитлеру представили планы частных наступательных операций фельдмаршал Рунштедт и фельдмаршал Модель. Гитлер эти планы не утвердил и вызвал обоих к себе, чтобы разъяснить, почему он не утверждает их планы.

- Может быть, ваши планы и целесообразны с военной точки зрения, но операция, которую я задумал, носит не столько военный, сколько политический характер. Вспомните о Фридрихе Великом: под Лейтеном и Россбахом он разбил противника, вдвое превосходившего его. Арденны станут моим Россбахом и Лейтеном. И результат этого беспрецедентного исторического события будет вполне определенным: лагерь противников третьей империи разлетится на части.

10 ноября Гитлер подписал приказ войскам, в котором

подчеркивалась политическая направленность операции. Цель операции: добиться решительного поворота в ходе военных действий на западе и, возможно, войны в целом.

Чтобы все командиры высоких рангов прониклись идеей фюрера и безоглядно, до конца, выполнили его приказ, фюрер приказал собрать на совещание высший командный состав до командиров дивизий включительно.

12 декабря они были собраны в ставку Рунштедта. После недавних событий, связанных с покушением, были предприняты особые меры предосторожности. У всех военачальников отобрали не только оружие, но и палки, портфели и документы. Почти за каждым генералом сзади стоял офицер-эсэсовец. Как вспоминал командир танковой дивизии Дайерлайн, "эсэсовская охрана следила за каждым генералом с такой свирепостью, что те боялись даже сунуть руку в карман за носовым платком". В своем двухчасовом выступлении Гитлер сказал, что победа в этой операции повысит моральное состояние немецкого народа и повлияет на общественное мнение в союзных странах. Стабилизация Западного фронта позволит перебросить войска на восток и там остановить наступление русских.

- В мировой истории еще никогда не было коалиции, составленной из столь инородных элементов и со столь противоположными целыми, как коалиция наших врагов... Они уже сейчас день ото дня расходятся в своих целях... противоречия между ними растут с каждым часом. Если теперь последует пара очень сильных ударов, то можно в любой момент ожидать, что этот искусственно сохраняемый единый фронт рухнет при оглушительных раскатах грома.

Очевидно, что политическая направленность той крупной наступательной операции ставилась во главу угла.

Наметив план действия войск, Гитлер предпринял меры для дезорганизации тыла союзников. Он вызвал уже знакомого читателям по многим другим специальным заданиям эсэсовца Скорцене и поставил ему задачу сформировать специальную бригаду, включить в нее рядовых и офицеров, говорящих по-английски, экипировать всех в американскую военную форму, снабдить трофейным оружием и транспортом и, действуя в тылу противника, проводить там диверсионные операции и уничтожать живую силу. В особенности следовало уделить внимание захвату мостов через реку Маас для обеспечения быстрого продвижения немецких войск. Кроме того, ставилась задача дезорганизовать работу штабов и физически устранить крупных военных руководителей противника. И еще предусматривалась высадка парашютного десанта на дорогах в глубине обороны англо-

американских войск, чтобы не допустить подхода подкрепления к участку прорыва. В частях 6-й танковой армии и среди населения был специально пущен слух, что скоро эти части будут отправлены на Восток. Гитлеру удалось на участке прорыва создать превосходство в людях в 2,5 раза, в танках - в 1,5 раза, в артиллерии - почти в 5 раз.

16 декабря 1944 года этот "удар больших надежд и чаяний" Гитлера был нанесен. Он был сокрушительным. Один из очевидцев так пишет в своих воспоминаниях: "Не ожидавшая удара 1-я американская армия была буквально сметена со своих плохо укрепленных позиций. Она потеряла все свои запасы горючего и боеприпасы". Одновременно диверсанты Скорцене, перемещаясь на трофейных джипах, наводили панику и ужас в американских тылах. Американский журналист Ингерсолл пишет: "Вражеские войска хлынули в прорыв, как вода во взорванную плотину. А от них по всем дорогам, ведущим на запад, бежали сломя голову американцы".

Беспечность союзников перед этим наступлением немцев была просто поразительной. В ночь на 16 декабря все легли спать как обычно. В этот вечер ни один из американских командующих не предполагал крупного немецкого наступления. Командующий 12-й группой армий генерал Бредли собирался на следующее утро отправиться в ставку союзников близ Парижа, чтобы поздравить Эйзенхауэра с присвоением тому звания генерала армии - высшего в армии США. Вечером 15 декабря командующий английской армией фельдмаршал Монтгомери высказался в том смысле, что немцы более не способны на какое-либо крупное наступление, и испросил у Эйзенхауэра разрешения провести рождественский отпуск дома, в Англии.

Нетрудно представить торжество и восторг на германской стороне. Газеты и радио просто захлебывались, описывая потрясающие успехи немецких войск. Гитлер торжествовал, и для того чтобы как-то особо отметить этот стратегический успех, так желанный для него, он ввел новую высшую награду "Золотые дубовые листья к рыцарскому кресту". Первую такую награду 1 января 1945 года он вручил прославленному асу Руделю.

Но на этом успехе Гитлер не собирался останавливаться. Он сказал:

- Только наступление может дать нам еще возможность привести войну на западе к благоприятному повороту.

Он был абсолютно уверен, что теперь союзники уж обязательно станут более сговорчивыми.

Эйзенхауэр, в свою очередь, тоже понимал, что наступление в Арденнах не только законченная операция: "Немцы

предпринимают максимальное и решительное усилие с целью достижения победы на западе в возможно кратчайший срок. Битва в Арденнах является, по моему мнению, только эпизодом, и мы должны ожидать, что противник нанесет удары и в других направлениях".

И вдруг, после таких потрясающих успехов, 8 января Гитлер срочно позвонил командующему Западным фронтом Рунштедту и приказал немедленно отвести войска на исходные позиции. И все соединения, совсем недавно нацеленные на продолжение наступления на запад, были повернуты в обратном направлении и стали отходить на восток.

Что же произошло? Для того чтобы выяснить это, нам необходимо вернуться на восток, на советско-германский фронт.

Висло-Одерская операция

По замыслу Сталина, начало наступления планировалось на 20 января 1945 года. Причем фланговые удары в Прибалтике и на юге намечались на несколько дней раньше, чтобы отвлечь туда резервы противника с Берлинского направления.

Но обстановка изменилась в связи с "ардеинским похмельем" у союзников после Нового года.

6 января 1945 года Сталин получил "личное строго секретное послание" Черчилля:

"На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным".

Если снять дипломатические смягчения и маскировку, то в чистом виде это крик о помощи - "срочной", в виде "крупного русского наступления".

И это понятно, читатели знают, какой мощный удар нанесли немцы в Арденнах.

Сталин немедленно ответил союзнику, тоже "лично" и "строго

секретно":

"Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года.

К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер еще не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам".

Выполняя это обещание, Сталин изменил время начала наступления, сократив его на неделю, то есть перенес с 20 на 12 января.

Очень нужны были для подготовки войскам и штабам эти восемь дней. И погоду в следующей декаде обещали более благоприятную. Но мы не союзники, которые оттягивали открытие второго фронта на годы, - пришли на выручку немедленно.

12 января ударил могучий 1-й Украинский фронт на юге, начав осуществление Висло-Одерской операции.

В первый же день наступления 1-й Украинский фронт прорвал оборону противника и продвинулся на двадцать километров. Конев ввел в оперативный простор 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко и 4-ю танковую армию Лелюшенко.

В своих воспоминаниях о битве на Висле немецкий генерал К. Типпсльскирх так описывает эти сражения:

"Удар был настолько сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану".

12 января перешел в наступление 4-й Украинский фронт в направлении на Краков - Западно-Карпатская операция как часть Висло-Одерской.

13 января перешли в наступление 2-й и 3-й Белорусский фронты на севере.

Предположения Сталина оправдались. В результате наступательных действий советских войск на севере и юге, враг сосредоточил в Восточной Пруссии двадцать шесть дивизий (из них семь танковых), в непосредственной близости к столице Венгрии - пятьдесят пять дивизий (среди которых девять танковых). Как потом стало известно, Гитлер тогда считал, что Советская Армия нанесет главный удар не на Берлинском направлении, а именно через Венгрию и Чехию. Туда и направлялись поэтому основные силы вермахта. Немецкое главное командование и на сей раз вынуждено было "подчиниться воле Сталина и на главном для нас участке фронта оставило всего сорок девять дивизий, в том числе танковых только пять".

14 января обрушился всей своей огромной мощью на Берлинском направлении 1-й Белорусский фронт.

Фронт Жукова ударил так, что через два дня войска 1-го Белорусского фронта догнали и обогнали ушедших ранее вперед соседей справа и слева.

Чтобы долго не описывать сложные перипетии сражения, приведу цитату из книги немецкого генерала Типпельскирха: "К вечеру 16 января на участке от реки Ниды до реки Полицы уже не было сплошного, органически связанного немецкого фронта. Грозная опасность нависла над частями 9-й армии, все еще оборонявшимися на Висле у Варшавы и. южнее. Резервов больше не было".

Жуков настолько опережал своих соседей, что Сталин был вынужден сдерживать его:

- С выходом на Одер вы оторветесь от фланга 2-го Белорусского фронта больше, чем на 150 километров. Этого сейчас делать нельзя. Надо подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы за Вислу.

- Сколько времени это займет? - спросил Жуков.

- Примерно дней десять. Учтите - 2-й Украинский фронт сейчас не сможет продвигаться дальше и обеспечивать вас слева, так как будет занят некоторое время ликвидацией противника в районе Оппельн - Катовице.

Жуков понимал - противник деморализован и не способен сейчас на упорное сопротивление - и поэтому настаивал на своем:

- Я прошу не останавливать наступление войск фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть Мезерицкий укрепленный рубеж. Для обеспечения нашего правого фланга достаточно усилить фронт еще одной армией.

Командующий группой армий "А" И. Гарпе не успевал отводить части, которые остались на первых рубежах. А Гитлер опаздывал с выдвижением резервов из глубины.

Главные силы фронта ударили на определенных направлениях и пробили Мезерицкий укрепленный рубеж. И тут же Жуков опять запускает передовые отряды, для захвата переправ и плацдармов на Одере.

Появление советских войск в семидесяти километрах от Берлина было ошеломляющей неожиданностью для немцев. В момент, когда отряд ворвался в город Кинитц, на его улицах спокойно разгуливали немецкие солдаты, в ресторане было полно офицеров. Поезда по линии Кинитц - Берлин курсировали по графику, нормально действовала связь.

Смельчакам в передовых отрядах пришлось тяжело удерживать захваченные плацдармы. Гитлеровцы понимали, какими непоправимыми бедами для них станут эти наши вклинения на противоположный берег Одера, который они намеревались превратить в непреодолимый, последний рубеж перед Берлином.

Передовые отряды совершили невозможное, они удержали плацдармы до подхода главных сил. Многие погибли, многие стали Героями Советского Союза в этих боях.

Но с приходом главных сил напряжение не ослабло. Наоборот, подходили новые резервы гитлеровцев, и сражение разгоралось с еще большей силой.

Символический поединок Сталина с Гитлером и Жукова с командующим группой армий "А" генералом И. Гарпе и командующим 9-й немецкой армией генералом С. Лютвицем завершился победой Сталина и Жукова. Гитлер снял обоих - Гарпе и Лютвица - и заменил первого - генералом Г. Буссе, второго генералом Ф. Шернером (которого вскоре произвел в фельдмаршалы).

Воздавая должное Сталину и Жукову, мы, конечно, понимаем, что блестящее осуществление операции - не только их заслуга. Но, к сожалению, нет возможности описать трудности, которые преодолевали солдаты, и сложнейшие, подчас критические ситуации, возникавшие перед командирами всех степеней, от сержанта до генерала, в многотысячном противостоянии и людей, и техники. Наши воины были опытными мастерами тяжелейшего на земле военного дела, прошедшими за годы войны огни, воды, госпитальные кровати. Раньше они не раз ощущали на себе холодное дыхание смерти, а теперь сами несли смерть ненавистным врагам.

С выходом наших войск на территорию сопредельных

государств "партизанская ситуация" как бы поворачивалась на 180 градусов: теперь в тылу наших войск развили активную диверсионно-террористическую деятельность враждебные нам силы, которые организовывало, вооружало и снабжало гитлеровское командование, - это бандеровцы, националисты различных мастей и окрасок, аковцы - бывшие офицеры и солдаты Армии Краевой, руководимые польским эмигрантским правительством, и другие, просто бандитские отряды.

Насколько они затрудняли боевые действия и снабжение советских войск, видно из таких вот докладных:

"Начальнику Генерального штаба Красной Армии. 28.10 1944 года в 9.00 в районе ст. Быстрица {15 км сев. Люблин), на складе авиабомб в ВА, при разгрузке эшелона с боеприпасами произошел взрыв, который продолжался до 14.00 28.10.44 г.

По предварительным данным, взрывом уничтожено 300 вагонов боеприпасов и 10 тонн д. т., убито 100 человек и ранено 200-300 человек, главным образом местных жителей...

Причины взрыва пока не установлены..."

Шестая воздушная армия была придана войскам 1-го Белорусского фронта, и потеря 300 вагонов бомб, конечно же, была для наступавших войск ощутимым ослаблением авиационной поддержки.

Из другого донесения:

"13 октября 1944 года аковцы организовали восстание в 31 полку 7-й польской стрелковой дивизии. В результате бунта ушли в леса 1661 солдат и 81 офицер. Бунтовщики убили русских офицеров. Они призывают другие польские части переходить на их сторону, а мирному населению приказывают уклоняться от мобилизации и вступать в А.К.

Деятельность А.К. по разложению Польского войска облегчается засоренностью подразделений и штабов Польского войска агентурой А.К..."

Во многих донесениях говорится об уничтожении партийных работников, милиции и советских учреждений. Террор приобрел массовый характер, нападения совершались на госпиталя, колонны войск, склады и штабы тыловых учреждений.

Сталин в этом случае не ограничивался только временными мерами, он считал, что необходимо организовать специальную службу по охране тылов и борьбе с бандитами, о чем дал указание Берии.

Берия принял к руководству и доложил:

"Для ликвидации оуновских банд органами и войсками НКВД проводятся чекистские и войсковые мероприятия. Руководят борьбой с бандитизмом на территории Ровенской и Волынской

областей зам. НКВД УССР генерал-лейтенант Строкач, в западных областях Белоруссии зам. НКГБ СССР тов. Кобулов.

Усилена охрана железнодорожных мостов и полотна.

Проводимыми в настоящее время мерами обеспечивается выполнение задачи по ликвидации оуновского бандитизма и в первую очередь задача охраны от диверсионно-террористической деятельности фронтовых коммуникаций и военных объектов.

23 декабря 1944 г. № 533

Л. Берия".

Наши войска свои задачи выполнили и союзников выручили, немцы прекратили наступление в Арденнах и стали перебрасывать части на Восточный фронт.

Но в это время возникли другие трудности, которые подстерегли именно тогда, когда Сталин радовался захвату плацдармов на Одере и был готов к успешному продвижению на Берлин.

Не тут-то было! Все могло стремительно перевернуться, и войска не только потеряли бы захваченные плацдармы, но оказались бы в окружении. Гитлеровцы готовили нашим войскам нечто вроде сталинградского котла.

Замысел германского командования был прост и вполне реален по осуществлению, его разработал начальник генерального штаба Гудериан, опытный и талантливый немецкий полководец.

Войска Жукова вырвались далеко вперед. 2-й Белорусский фронт отстал. Правый флаг группировки Жукова был на несколько сот километров открыт. Вспомните, Сталин предупреждал Жукова о такой опасности. Но, предвидя ее, Верховный не дал армию, которую просил Жуков для прикрытия этого пространства на фланге.

Войска 1-го Белорусского фронта не только выполнили, но и перевыполнили задачу, поставленную Сталиным, появилась возможность продолжать наступление и с ходу ворваться в Берлин. Жуков видел - после сокрушительных ударов, полученных в ходе Висло-Одерской операции, гитлеровцы были в растерянности, больших резервов под Берлином у них не было.

27 января Сталин утвердил предложение Жукова о продолжении наступления на Берлин с плацдармов на Одере. Началась подготовка этой операции.

Немецкий генерал-полковник Гудериан так писал о своем замысле: "Немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий "Висла" с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений".

В группе армий "Висла" было до сорока дивизий, да еще в Штеттине находилась 3-я танковая армия. Если бы эти силы нанесли удар по тылам фронта Жукова, произошла бы катастрофа. Советские части, ушедшие далеко вперед, израсходовали к этому времени запасы горючего, боеприпасов, продовольствия. Все службы обеспечения отстали. Удар противника пришелся бы именно по ним. Трагическая развязка казалась неотвратимой.

В этих, вроде бы безвыходных, условиях (резервы Ставки, если бы она их дала, не успели бы оказать помощь) Сталин проявил исключительную находчивость, связанную с огромным риском. Но шаг этот был основан на точных расчетах. Верховный часто говорил: "Рисковать следует, но нельзя зарываться".

Сталин понимал: окончательный исход Висло-Одерской операции и успехи, достигнутые в ней, теперь зависят от ликвидации немецкой группировки в Восточной Померании. Можно было обезопасить фланг Жукова, прикрыв его частью сил. Но удержат ли они мощный удар группы армий "Висла"? Вот в этом случае будет риск, не подкрепленный расчетом, а по принципу "или-или".

Сталин принял непростое решение - развернуть в сторону нависшей угрозы четыре общевойсковые и две танковые армии, в короткий срок уничтожить группу армий "Висла" совместно со 2-м Белорусским фронтом и затем быстро вернуть войска на Берлинское направление до того, как противник создаст здесь группировку, способную наносить контрудары.

Легко и просто рассуждать нам о повороте войск на новое направление. Представьте себе, что такое шесть армий и как невероятно трудно было повернуть такую армаду для переноса ее ударной силы с запада на север, в сторону Балтийского побережья!

Но все это состоялось: и поворот наших армий, и удар гитлеровской армады "Висла", и полный ее разгром усилиями войск Жукова и Рокоссовского. К сожалению, нет возможности описывать происходившие там тяжелые и кровопролитные сражения - они длились почти два месяца и завершились нашей победой в конце марта 1945 года.

В этом очень динамичном сражении оппонентом Сталина был командующий группой армий "Висла" рейхсфюрер СС Гиммлер.

* * *

Каждый вид искусства - живопись, скульптура, театр - по-своему вызывает у зрителя положительные эмоции: восхищение мастерством, удовольствие от соприкосновения с талантом, удивление, что может быть достигнуто такое совершенство, и

наконец нравственное и даже идеологическое воздействие на того, кто видит творение мастерства.

Как же быть с военным искусством? Если оно действительно искусство, то должно оказывать такое же воздействие и вызывать подобный прилив положительных эмоций. На первый взгляд, военное искусство таких высоких чувств и взволнованности не вызывает. В чем оно проявилось? В беспощадной, грубой схватке людей и техники, обоюдно уничтожающих друг друга. Казалось бы, о каком искусстве может идти разговор, когда льется кровь и гибнут люди? Но, повторяю, это лишь первое, поверхностное, дилетантское, некомпетентное мнение.

Военное искусство имеет все привлекательные стороны других видов искусства и даже кое-что сверх того.

Вот доказательства. Возьмем для примера одну из победных операций, ну хотя бы Висло-Одерскую наступательную операцию, проведенную Сталиным и Жуковым. Сравним со зрительным впечатлением человека, рассматривающего (тоже беру первый широко известный пример) картину художника Шишкина "Утро в сосновом бору". Что может про себя отметить простой зритель: красиво, очень похоже, медведи как живые и деревья как настоящие. Более искушенный отметит игру солнечного света и восхитится мастерством художника, который сумел масляные краски превратить в свет. Что еще? Многие другие тонкости доступны профессиональным критикам или коллегам-художникам: композиция, содержательность, сюжет, перспектива и т. д.

То же можно повторить в отношении скульптуры, актерского мастерства и... военного искусства.

У военных мастеров своего дела тоже свой индивидуальный стиль, свой почерк, свои особенности в творчестве. И в целом военное искусство, и каждое его отдельное произведение вызывают определенные эмоции, как и в других видах искусства - положительные или отрицательные (нравится - не нравится, успешно - неуспешно). Все это присутствует и при оценке творческих результатов полководцев.

Но есть и еще кое-что, порождаемое только военным искусством: это радость победы нал врагом, приближающей конец войны, гордость за нашего полководца, взявшего верх, одолевшего проклятых фашистов, которые принесли так много горя и страданий советским людям. Это, наконец, горькое и одновременно сладкое чувство отмщения за погибших родных и близких.

И все эти эмоции - в крупных общенародных масштабах. Картина, скульптура, актер на сцене порождают чувство

восхищения у сотен, пусть тысяч людей, но только у тех, кто воочию воспринимает искусство этих мастеров.

Военное искусство, как видим, имеет широчайшее воздействие на всех соотечественников, порождает их благодарность, чувство гордости, воспитывает патриотизм, укрепляет веру и прибавляет силы для дальнейшей борьбы с врагом. Вспомните, как всколыхнул народ разгром Сталиным и Жуковым немцев под Москвой! А Сталинградское окружение, Курская дуга, преодоление с ходу Днепра - "Восточного вала".

Да, не один Сталин планировал и проводил эти операции, другие прекрасные наши полководцы приложили много ума и сил для их осуществления, но почти во всех этих операциях первоначальный импульс, зародыш идеи, изюминка целесообразного решения были высказаны в устной или письменной форме Сталиным. И этого никуда не денут, не спрячут, не замолчат и не очернят дилетанты, и не только дилетанты - профессиональные оппоненты, сколько бы они ни напрягались в изощренных приемах лжи и подтасовки...

Вернемся к Висло-Одерской операции - у меня, да и у каждого военного профессионала, эта операция вызывает восхищение блестящим замыслом и еще более великолепным осуществлением задуманного.

В Висло-Одерской операции Сталин лично, без промежуточных посредников в лице представителей Ставки, руководил боевыми действиями пяти фронтов! Операция имела размах в 500 километров по фронту, и паши войска отбросили противника на 500 километров в глубину. Длилась она 25 дней и ночей. Боевые действия вели 331 дивизия, 26 бригад - стрелковых, танковых, кавалерийских, воздушно-десантных. Кроме того, в боях участвовали: 1-я армия войска Польского - 5 дивизий; 1-я и 4-я румынские армии - 10 дивизий; 1-й чехословацкий корпус - 3 бригады. Всего (на 5 фронтах) - 4 385 200 солдат, офицеров и генералов.

Уничтожены 60 германских дивизий и 25 разбиты до потери боеспособности. Освобождена Польша. Наши войска вступили на территорию Германии и вышла на реку Одер, захватив плацдармы на самых подступах к Берлину.

Для сравнения: в крупной Сталинградской операции участвовали 3 фронта, 74 дивизии, 34 бригады, 1 113 500 солдат и офицеров.

К 10-летию Победы (в 1955 году) Военно-историческому управлению Генерального штаба, кроме другой его работы, было поручено определить самую выдающуюся по военному искусству операцию Великой Отечественной войны. Военные ученые и

историки еще раз проштудировали и оценили ход боевых действий с 1941 по 1945 год и определили, что самой яркой и лучшей по полководческому мастерству является Висло-Одерская операция.

Только не было тогда сказано, что руководил этой великой битвой Сталин. К тому времени он уже умер, начиналась пора его забвения и очернительства.

На стороне противника...

(В период Висло-Одерской операции)

Начальнику германского генерального штаба Гудериану план нашего наступления в общих чертах стал понятным с первых же дней. О том, что такое наступление готовится, он тоже был хорошо осведомлен в результате работы всех видов разведки и допросов пленных, которые попали к ним с нашей стороны. Вот что он пишет в своем дневнике: "К 14 января план русских стал ясен".

Гудериан понял, что главный удар наносится советскими войсками на Варшавско - Познаньско - Одерском направлении. Он доложил Гитлеру, который находился на Западном фронте, о начавшемся крупном наступлении и просил его немедленно прибыть в Берлин, что Гитлер и сделал. Выслушав доклад Гудериана, Гитлер отдал приказ о переходе к обороне на всех участках фронта на Западе и о переброске резервов, да и не только резервов, а всего, что только можно, с Западного фронта сюда, на Восточный.

Но Гудериан был очень удивлен, когда Гитлер приказал 6-ю армию, прибывающую с Западного фронта, отправить не на Берлинское направление, а в Венгрию. Гудериан пытался доказать нецелесообразность подобного использования танковой армии в создавшейся ситуации, но Гитлер не принял во внимание его доводы и настоял на своем.

В обоснование своего решения Гитлер сказал следующее:

- Венгерские нефтяные запасы и нефтеперегонные заводы имеют для нашей промышленности решающее значение, так как противник своими воздушными налетами уничтожил наши химические заводы. Если у вас не будет горючего, ваши танки не будут двигаться, самолеты не будут летать, с этим-то вы должны согласиться. Но мои генералы ничего не понимают в военной экономике.

Гудериан предложил Гитлеру создать новую группу армий в районе между бывшей группой армий "А", которая с 25 января стала называться "Центром", и бывшей группой армий "Центр", которая называлась теперь "Севером". Эта группа армий в данном районе должна была заново организовать оборону и

приостановить наступление противника. Гудериан советовал перебросить сюда штаб группы армий на Балканах, которой командовал фельдмаршал барон Вейхс, чтобы он с уже готовым организующим ядром мог сразу приступить к руководству боевыми действиями. Однако Гитлер с этим предложением не согласился:

- Фельдмаршал фон Вейхс производит на меня впечатление усталого человека. Я не верю, что он может справиться с этой задачей. Я назначаю командующим этой группой армий рейхсфюрсра СС Гиммлера.

Из воспоминаний Гудериана:

"Эта явная ошибка привела меня в ужас. Я использовал все мое красноречие, чтобы оградить злосчастный Восточный фронт от этой бессмыслицы. Но все было напрасно. Гитлер утверждал, что Гиммлер очень хорошо справился со своей задачей на Верхнем Рейне. Имея под рукой армию резерва, он быстро сможет ее использовать. Поэтому он лучше всех обеспечит новый фронт как солдатами, так и техникой. Попытка хотя бы передать хорошо сработавшийся штаб Вейхса рейхсфюреру СС тоже провалилась. Гитлер приказал, чтобы Гимллер сам подбирал себе штаб".

Тем временем наши войска осуществляли намеченный план, используя те методы неудержимого прорыва, о которых говорили выше. Начальник немецкого генерального штаба отметил это в своих записях: "К 27 января наступление русских достигло невиданных темпов. Все быстрее и быстрее приближался день катастрофы".

Когда передовые отряды стремительно вышли к Одеру и захватили два плацдарма на его западном берегу, Гудериан предложил Гитлеру казавшееся ему наиболее логичным в тех условиях действие: он просил Гитлера отказаться от наступления в Венгрии, собрать силы, которые отходили из Прибалтики, и начать наступление во фланг частей Жукова, во фланг клина, который был вбит до самого Одера, - воспользоваться тем, что главные силы советских армий отстали. Таким образом он хотел попытаться отрезать выдвинувшиеся вперед передовые соединения Жукова. Гудериан поясняет свои намерения так: "Этим я надеялся усилить оборону столицы рейха, и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами". (Помните - Сталин это предвидел!)

Гитлер, не отрицая этот замысел в общих чертах, не согласился прекращать боевые действия на Балканах, переводить остатки войск из Италии, Норвегии, Прибалтики. Раздраженный Гудериан, понимая, что это последний шанс, стал очень горячо

отстаивать свои предложения:

- Не подумайте, что из-за своего упрямства продолжаю настаивать на оставлении Прибалтики. Я просто не вижу другой возможности для создания резервов, а без них мы не сможем оборонять столицу рейха. Я стараюсь только для Германии!

Гитлер просто затрясся от ярости:

- Как вы смеете говорить мне подобные вещи? Вы что думаете, что я веду войну не для Германии? Вся моя жизнь - в борьбе за интересы Германии.

Желая избавить фюрера от продолжения этой неистовой ярости, Геринг взял Гудериана за рукав и увел в соседнюю комнату. Через некоторое время Гудериана снова вызвали к фюреру, и он, не видя никаких других выходов из создавшегося положения, опять стал настаивать на своем, требуя собрать все возможные резервы, и особенно из Прибалтики, для подготовки к обороне Берлина. Сцена ярости опять повторилась. Лучше я покажу ее в описании самого Гудериана: "Он стоял передо мной с поднятыми кулаками, а мой добрый начальник штаба Томале тащил меня за фалды мундира, боясь, что между нами начнется рукопашная схватка".

Гитлер с доводами не согласился, а начальник генерального штаба после этого совещания, еще раз оценив создавшуюся обстановку и подсчитав все возможности, которые появятся после сбора сюда резервов с других направлений, пришел к выводу: "По моим расчетам, которые основывались на данных о противнике, добытых генералом Геленом, русские смогут ежедневно перебрасывать к Одеру до четырех дивизий. Значит, чтобы наступление имело вообще какой-нибудь смысл, его нужно провести с молниеносной быстротой, пока русские не подтянут крупные силы или пока они не разгадали наших намерений".

На очередном совещании Гудериан с еще большей настойчивостью стал доказывать Гитлеру необходимость проведения именно такой операции: удар во фланг! Разговор проходил в присутствии командующего армией "Висла" рейхсфюрера СС Гиммлера, командующего 6-й танковой армией Зеппа Дитриха и заместителя начальника генерального штаба генерала Венка. Не надеясь, что Гиммлер, будучи человеком не очень компетентным в чисто военных вопросах, справится с таким контрударом, Гудериан предложил прикомандировать к штабу Гиммлера своего заместителя генерала Венка. Гиммлер стал доказывать, что этот контрудар осуществить пока невозможно, потому что не подвезли достаточного количества боеприпасов и горючего. А Гудериан, понимая, что уходит время и что скоро весь его замысел будет вообще никому не нужен, стал настаивать

на своем:

- Мы не можем ждать, пока разгрузят последнюю бочку бензина и последний ящик со снарядами. За это время русские станут еще сильнее.

В разговор вмешался Гитлер:

- Я запрещаю вам делать мне упреки в том, что я хочу ждать!

- Я не делаю вам никаких упреков, но ведь нет никакого смысла ждать, пока разгрузят все предметы довольствия. Ведь мы можем упустить подходящее время для наступления.

- Я уже вам только что сказал, что не желаю слышать ваших упреков в том, что я хочу ждать!

- Я вам только что доложил, что я не хочу делать вам каких-либо упреков, я просто не хочу ждать.

- Я запрещаю вам упрекать меня за то, что я хочу ждать.

- Генерала Венка следует прикомандировать к штабу рейхсфюрера, иначе нет никакой гарантии на успех в наступлении.

- У рейхсфюрера есть достаточно сил, чтобы справиться самому.

- У рейхсфюрера нет боевого опыта и хорошего штаба, чтобы самостоятельно провести наступление. Присутствие генерала Венка необходимо.

- Я запрещаю вам говорить мне о том, что рейхсфюрер не способен выполнять свои обязанности.

- Я все же вынужден настаивать на том, чтобы генерала Венка прикомандировали к штабу группы армий и чтобы он осуществлял целесообразное руководство операциями.

Эту достойную коммунальной кухни перепалку Гудериан комментирует следующим образом: "Гитлер с покрасневшим от гнева лицом, с поднятыми кулаками стоял передо мной, трясясь от ярости всем телом и совершенно утратив самообладание. После каждой вспышки гнева он начинал бегать взад и вперед по ковру, останавливался передо мной, почти вплотную лицом к лицу, и бросал мне очередной упрек. При этом он так кричал, что глаза его вылезали из орбит, вены на висках синели и вздувались".

После такой перепалки Гитлер убежал в угол комнаты к камину и некоторое время стоял там, чтобы отдышаться. Затем он вернулся и почти спокойно сказал, обращаясь к рейхе-фюреру:

- Итак, Гиммлер, сегодня ночью генерал Венк приезжает в ваш штаб и берет на себя руководство наступлением.

Затем он повернулся к Венку и приказал:

- Вам, генерал Венк, немедленно отправиться в штаб группы армий "Висла".

Сказав это, Гитлер сел на стул, пригласил Гудериана сесть рядом и, даже чуть улыбнувшись, сказал:

- Пожалуйста, продолжайте ваш доклад. Сегодня генеральный штаб выиграл сражение.

Но Венку не суждено было оправдать доверие Гудериана. 16 февраля 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса нанесла удар во фланг Жукова, 17 февраля Венк приехал в ставку Гитлера, для того чтобы сообщить об успехах этого наступления. Но он слишком переутомился при организации контрудара, да и дорога к Гитлеру, и доклад Гитлеру отняли немало сил. Венк очень устал. И когда он возвращался на машине в Штетин, то заметил, что шофер его чуть не падает оттого, что не выспался. Венк пожалел водителя, сел за руль, но через некоторое время сам заснул, и автомобиль ударился на мосту о заграждение. В результате Венк сильно разбился. Несколько недель он лежал в госпитале. Вместо него Гудериан назначил Кребса, бывшего начальника штаба у фельдмаршала Моделя. Это был типичный штабной генерал, который почти не командовал соединениями в боях на фронте, но никого другого под рукой не было, и Гудериану пришлось назначить его. Опытный штабной работник Кребс на первом же докладе так умело преподнес Гитлеру успехи развивающегося контрудара, что Гитлер наградил его "Дубовыми листьями к Кресту".

Но, как известно, никакими умелыми докладами поправить положение на фронте невозможно, и контрудар не достиг успеха и не оправдал надежд, которые на него возлагались. Адоклады из штаба группы армий "Висла" стали приходить нерегулярно. Видно, многоопытный Кребс побаивался теперь докладывать о неудачах в действиях войск. Связаться по радио Гудериану тоже не удавалось, чтобы получить подробную информацию, и поэтому он сам решил выехать в штаб группы армий "Висла".

Начальник штаба Гиммлера генерал Ламмердинг, тоже эсэсовец, после обычных приветствий первое, что сказал Гудериану, это:

- Вы не можете освободить нас от нашего командующего?

- Это дело СС. Он ваш рейхсфюрер. А кстати, где находится главнокомандующий?

- Рейхсфюрер болен и находится в санатории Хоэнлыхен. Там его лечит личный врач профессор Гебхардт.

Гудериан отправился в этот санаторий н был удивлен, что Гиммлер с незначительным заболеванием, что-то вроде насморка, покинул свои войска и в тяжелые дни уделяет себе такое внимание. Это поведение Гиммлера еще больше прибавило неуважения к нему со стороны начальника генерального штаба, и

он открыто сказал рейхсфюреру, что тот занимает слишком много всевозможных должностей: начальник германской полиции, имперский министр внутренних дел, командующий армией резерва, командующий группой армий "Висла"... Все это требует много времени, нервов и здоровья, в чем Гиммлер еще раз, наверное, убедился. И, чувствуя, что неудачи на фронте пугают самого Гиммлера и он с удовольствием избавился бы от должности командующего, Гудериан предложил:

- Мне кажется, вам следует отказаться от должности командующего группой армий и заняться выполнением других своих обязанностей.

- Об этом я не могу сказать фюреру. Он не даст своего согласия.

- Тогда, разрешите, я скажу ему об этом.

Гиммлер согласился. В тот же вечер Гудериан убедил Гитлера, что Гиммлер не очень-то успешно командует группой армий "Висла" и многие неудачи происходят только потому, что он не компетентен в военном отношении. Гитлер дал со-[ласие на его замену. Командующим группой армий был назначен генерал-полковник Хейнрици.

Очередная операция по ликвидации советского плацдарма в районе Кюстрина окончилась неудачей. Гитлер упрекал за неудачи командующего 9-й армией генерала Буссе. На этом совещании Буссе не было. Гитлер сказал:

- В первую мировую войну во Фландрии расходовалось для такой же операции в десять раз больше артиллерийских боеприпасов.

Гудериан пытался защитить генерала Буссе:

- Но Буссе не располагал большим количеством боеприпасов, а потому и не мог израсходовать больше того, что у него было.

- Тогда вам следовало бы об этом позаботиться!

28 марта на доклад к Гитлеру прибыл Гудериан, и сюда же был вызван генерал Буссе. Гитлер приказал генералу Буссе первым сделать доклад об обстановке. Но не успел тот сказать и нескольких фраз, как Гитлер тут же прервал его и стал упрекать в неудачах, опять-таки заявляя, что одной из причин был малый расход боеприпасов.

Гудериан не выдержал:

- Разрешите прервать вас. Вчера я обстоятельно докладывал как в устной, так позже и в письменной форме, что генерал Буссе не виноват в неуспехе наступления под Кюстрином. 9-я армия использовала все боеприпасы, которыми она располагала. Войска выполнили свой долг. Об этом говорят их слишком большие потери. Поэтому я прошу не делать генералу Буссе никаких

упреков.

Наступило молчание, которое Гитлер прервал спустя некоторое время:

- Я прошу всех, кроме генерал-полковника, покинуть помещение!

Все быстро вышли из кабинета Гитлера. Фюрер продолжил:

- Генерал-полковник Гудериан! Ваше здоровье говорит о том, что вы нуждаетесь в немедленном шестинедельном отдыхе!

Гудериан вскинул руку в гитлеровском приветствии и громко отчеканил:

- Я ухожу в отпуск! - и пошел к двери. Однако, когда он дошел до двери, Гитлер сказал:

- Пожалуйста, останьтесь же до окончания доклада.

Гудериан вернулся на свое место, были приглашены другие участники совещания, и доклад об обстановке продолжился. Больше Гитлер никаких выпадов в адрес генерала Буссе не допускал. Для того чтобы смягчить обстановку и показать, что ничего особенного не произошло, Гитлер несколько раз спрашивал мнение Гудериана по поводу обсуждавшихся вопросов.

После завершения совещания в кабинете остались Гудериан, Кейтель, Йодль и Бургдорф. Гитлер сказал, пытаясь сгладить размолвку:

- Пожалуйста, подумайте о восстановлении своего здоровья. За шесть недель обстановка станет критической. Тогда вы мне и будете особенно нужны. Куда вы хотите поехать?

Кейтель посоветовал:

- Поезжайте в Бад-Либенштейн. Там так прекрасно.

- Там уже американцы, - сердито буркнул Гудериан.

- Ну, тогда в Гарц, в Бад-Заксель, - как ни в чем не бывало предложил заботливый фельдмаршал.

- Благодарю вас, фельдмаршал. Я как-нибудь сам выберу место для отдыха. Причем такое, какое противнику не удастся запять в течение сорока восьми часов.

Подняв еще раз руку для приветствия, Гудериан вышел из кабинета фюрера.

На том служба одного из многолетних, очень опытных наших противников закончилась. Больше он в руководстве боевыми действиями не участвовал. 10 мая после подписания безоговорочной капитуляции Гудериан сдался в плен американцам.

Приближалось время завершающего сражения в этой войне - Берлинской операции.

На подступах к победе

Сталину стало известно: пользуясь отсутствием упорного

сопротивления гитлеровцев на Западном фронте, ввиду того, что все силы были брошены на восток, против русских, союзники решили первыми взять Берлин, хотя по ялтинским соглашениям Берлин входил в зону оккупации советских войск.

Черчилль писал Рузвельту:

"Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения".

Сталин решил срочно провести Берлинскую наступательную операцию силами двух фронтов: 1-го Белорусского (Жуков) и 1-го Украинского (Конев). Он дал указание Генеральному штабу приступить к разработке плана операции согласно его замыслу.

Штеменко пишет: "У нас в Генеральном штабе к тому времени были уже разработаны все основные соображения по Берлинской операции".

Отметим, что Сталин, уже приняв такое решение, приказал вызвать Жукова.

В своей книге, в главе, предшествующей рассказу о Висло-Одерской операции, маршал отметил следующее: "В конце октября и начале ноября 1944 года мне пришлось по заданию Верховного Главнокомандующего основательно поработать над основными вопросами завершающей кампании войны, и прежде всего над планами операций на берлинском направлении".

Жуков являлся заместителем Верховного и, в соответствии со своим служебным положением и по прямому поручению Сталина, делал такие разработки вместе с Генеральным штабом.

7 марта Сталин еще раз вызывает Жукова с фронта. Они встретились на даче Сталина. Верховный рассказал Жукову о Ялтинской конференции. Но главное, для чего он вызвал маршала с фронта, было в другом:

- Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же.

"Остаток дня и добрую половину ночи мы с А. И. Антоновым просидели у меня в кабинете...

Мы еще раз рассмотрели основные наметки плана и расчеты

на проведение Берлинской стратегической операции, в которой должны были участвовать три фронта. Поскольку об этом в Ставке и Генштабе неоднократно говорилось, мы сделали лишь уточнения в связи с затяжкой операции в Восточной Пруссии, в районе Данцига и в Прибалтике.

На следующее утро Верховный позвонил А. И. Антонову и передал, чтобы мы приехали не в 13, а в 20 часов.

Вечером при обсуждении вопроса о Берлинской операции присутствовал ряд членов Государственного Комитета Обороны. Докладывал А. И. Антонов.

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении".

Но и этим Сталин не ограничился при разработке плана Берлинской операции. Через некоторое время Жуков опять пишет в своей книге:

"29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отрабатывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

- Немецкий фронт на Западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжат:

- Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на Берлинском направлении.

Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И. В. Сталин стал внимательно рассматривать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском стратегическом направлении...

- Когда наши войска могут начать наступление? - спросил И. В. Сталин.

Я доложил:

- 1-й Белорусский фронт может начать наступление не позже чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

- Ну что ж, - сказал И. В. Сталин, - придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней - не беда...

...Подойдя к письменному столу, он позвонил А. И. Антонову и приказал ему тотчас прибыть.

Через 15 минут А. И. Антонов был в кабинете Верховного.

- Как идут дела у Рокоссовского?

А. И. Антонов доложил обстановку и ход боевых действий в районе Данцига и Гдыни, после чего Верховный осведомился о положении дел у А. М. Василевского в районе Кенигсберга.

Алексей Иннокентьевич доложил обстановку на 3-м Белорусском фронте.

Обратившись к А. И. Антонову, Верховный сказал:

- Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом".

И Конев прибыл 1 апреля в Ставку (когда план операции был разработан), а через несколько десятков лет написал, что он с самого начала участвовал в разработке Берлинской операции. Если бы маршал Конев не знал о встречах Жукова со Сталиным, о его работе как заместителя Верховного над планом Берлинской операции, тогда можно было бы посчитать написанное им в воспоминаниях досадной неосведомленностью. Но беда в том и заключается, что книга Конева вышла в 1972 г., после публикации воспоминаний маршала Жукова в 1969 г., и все приведенные выше цитаты из нее о разработке Берлинской операции Иван Степанович, конечно же, читал.

.

Чем тогда объяснить поведение Конева? Тем же, чем объясняется его очень неприличная статья в газете "Правда", обливавшая Жукова грязью после Октябрьского пленума 1957 года. Личную неприязнь к Жукову (который, к слову сказать, не раз спасал его от расстрела), свои амбиции мар!иал Конев поставил выше исторической правды, и это не делает ему чести. Но я пи в коем случае не намерен преуменьшать его полководческих заслуг. Просто этим примером мне хочется еще

раз подчеркнуть - все, что писалось о Сталине после его смерти и о Жукове после 1957 года, зависит от уровня порядочности авторов.

Описать ход боевых действий в крупнейшей стратегической операции, завершающей Великую Отечественную войну, в коротком повествовании нет возможности, да и нет надобности.

Сталин внимательно следил за успешным наступлением 1-го Украинского фронта, который быстрее, чем сосед справа, приближался к Берлину. Сталин намеренно столкнул самолюбие Жукова и Конева, зародив у них дух соревнования.

Обе воюющие стороны готовились к последнему, решительному сражению. Гитлеровское командование стянуло на Берлинское направление все, что было возможно: 48 пехотных, 4 танковые, 10 моторизованных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных пехотных батальонов и другие формирования. Эти части были объединены в две группы армий - "Висла" (в нее входили 3-я танковая и 9-я армии), группа армий "Центр" (в нее входили 4-я танковая и 17-я полевая армии). Всего в этих соединениях насчитывалось более 1 миллиона человек, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 самолетов. Комендантом обороны Берлина был назначен генерал-лейтенант Рейман, а верховным комиссаром, на которого возлагалась главная ответственность за оборону столицы, Гитлер назначил самого близкого ему человека - Геббельса.

Генерал Рейман издал 9 марта 1945 года специальный приказ по подготовке обороны имперской столицы.

С присущей ему энергией Геббельс взялся за организацию отрядов фольксштурма, вооружая их фаустпатронами для борьбы с советскими танками. Он даже приступил к формированию женских батальонов, утверждая, что поступает очень много рапортов от женщин-патриоток, которые хотели бы отдать все силы защите столицы... Геббельс считал, что создавшаяся ситуация похожа на ту, в какой оказалась Советская Армия, когда гитлеровские войска готовы были взять Москву. Он решил использовать ее опыт, для чего вызвал к себе одного из "защитников Москвы" - генерала Власова. Состоялась продолжительная беседа. Геббельс спрашивал совета, как лучше оборонять Берлин. И Власов такие советы дал.

Позднее Геббельс рассказал о своей беседе с Власовым Гитлеру, и тот похвалил его за то, что он использует опыт русских по обороне столицы, поддержал его затею создания женских батальонов. Гитлер сказал:

- Наша задача сейчас должна заключаться в том, чтобы при всех обстоятельствах выстоять на ногах. Кризис в лагере

противника хотя и возрастает до значительных размеров, но вопрос все же заключается в том, произойдет ли взрыв до тех пор, пока мы еще кое-как в состоянии обороняться. А это и является предпосылкой успешного завершения войны. Чтобы кризис взорвал лагерь противника до того, как мы будем разбиты.

В период боев за Москву гитлеровское командование и тот же Геббельс были очень невысокого мнения о советских военачальниках, они называли их бездарными, считали, что война идет к концу, и то, что эти военачальники ее так быстро проиграли, как раз и свидетельствует о их бездарности. А вот теперь, готовясь к обороне Берлина, Геббельс запросил данные о советских генералах и, познакомившись с представленными ему материалами, сделал следующую запись в своем дневнике:

"Мне представлено генштабом досье, содержащее биографии и портреты советских генералов и маршалов... Эти маршалы и генералы почти все не старше 50 лет... С богатой политико-революционной деятельностью за плечами, убежденные большевики, исключительно энергичные люди, и по их лицам видно, что они хорошего народного корня... Словом, приходится прийти в неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучшего, чем наш, класса".

Таким образом, Геббельс довольно объективно судит по конкретным делам о наших военачальниках. В начале войны он их ни в грош не ставил, потому что они допустили противника до Москвы, а теперь дает им весьма высокую оценку, потому что они, преодолев все трудности, привели свои победные армии под стены Берлина.

Геббельс понимал, как трудно фюреру, поэтому он всячески пытался поддержать его слабеющий моральный дух. Для этого он рассказывал ему о ситуациях, в которых оказывался Фридрих Великий - любимый исторический персонаж Гитлера. И в частности, он обрисовал ему наиболее критический момент в жизни Фридриха Великого, когда тот из-за постигших его неудач был готов покончить жизнь самоубийством. Тогда один из приближенных предсказал Фридриху: "Подожди немного, и дни твоих страданий останутся позади. Солнце твоего счастья за тучами, скоро оно озарит тебя". И предсказание сбылось. Неожиданно скончалась русская царица Елизавета, и это спасло Фридриха от окончательного позорного разгрома в Семилетней войне. Рассказывая Гитлеру эту историю, Геббельс поддерживал его надежду на какое-то чудо, которое, собственно, сам Гитлер и изобрел: надежду на то, что союзники скоро перессорятся, и это спасет Германию.

И надо же случиться такому совпадению: через несколько

дней после этой беседы действительно свершилось "историческое чудо". Геббельс, восторженный, сияющий, вбежал в кабинет Гитлера и радостно прокричал:

- Мой фюрер! Я поздравляю вас. Чудо свершилось! Умер президент Рузвельт!

В ставке Гитлера был настоящий праздник. Пили шампанское, все поздравляли фюрера с тем, какой он провидец, потому что считали смерть Рузвельта тем поворотным пунктом, о котором не раз говорил Гитлер. Фюрер звонил командующим армиями, другим высокопоставленным подчиненным, чтобы срочно сообщить об этой радостной вести, чтобы она и их вдохновила на более активную деятельность.

Радость Гитлера не была беспочвенной, потому что приход Трумэна к власти действительно сулил перемены к лучшему. В Германии были известны слова, сказанные Трумэном еще в июне 1941 года: "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше..."

На следующий же день после похорон Рузвельта Трумэн собрал совещание, на котором присутствовали военные руководители и финансовые магнаты. Трумэн сказал, что необходимо изменить политику Рузвельта и искать какие-то компромиссы для сохранения Германии. Он очень опасался, что победное завершение войны Советским Союзом превратит Европу в коммунистический материк. Трумэн заявил: "Русские скоро будут поставлены на место, и тогда США возьмут на себя руководство движением мира по пути, по которому следует его вести". Однако приступить немедленно к конкретному осуществлению этой новой своей линии Трумэн не мог. Об этом очень хорошо сказал американский историк Д. Толланд: "Даже если у Трумэна было намерение, например, решительнее выступить против России, это было бы чрезвычайно трудно сделать - подавляющее большинство американского народа поддерживало рузвельтовскую политику дружбы с Россией". Играло определенную роль и то обстоятельство, что Соединенным Штатам еще предстояло непростое завершение войны с Японией. А согласно договоренности, достигнутой в Ялте, Советский Союз обещал объявить войну Японии после разгрома гитлеровской Германии. И чтобы не потерять эту мощную и реальную силу своего союзника, Трумэн вынужден был пока держать свои недружелюбные отношения к СССР в секрете.

Итак, наступил день решающего сражения.

16 апреля ночью Жуков выехал на наблюдательный пункт

командующего 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, откуда он решил руководить войсками. По дороге Жуков заехал к командующему 1-й гвардейской танковой армией генералу Катукову, еще раз убедился в полной готовности этой армии к выполнению поставленной задачи. Затем Жуков побывал у командующего 2-й гвардейской танковой армией генерала Богданова. И здесь все было в порядке. Прибыв на командный пункт Чуйкова, маршал по телефону еще раз убедился в полной готовности войск к сражению. Последние минуты, как вспоминает Жуков, были особенно томительными. И хотя генералы для успокоения попили чайку, внутреннее их волнение без труда можно представить.

В 5 часов утра словно небо рухнуло на землю, в одно мгновенье загрохотали залпы, а затем и разрывы тысяч и тысяч снарядов: так началась артиллерийская подготовка. Через некоторое время над этой грохочущей огненной вздыбленной землей пошли волны авиационных соединений. В течение 30 минут на позиции противника обрушилось неимоверное количество снарядов (достаточно сказать, что эти боеприпасы были привезены в 2450 вагонах). Всего было произведено 1236 тыс. артиллерийских выстрелов. Это почти по одному снаряду на каждого оборонявшегося в берлинской группировке противника.

Жуков, наблюдая за артиллерийской подготовкой и не видя ответных огневых действий противника, принял решение сократить артиллерийскую подготовку до 30 минут. Что и было сделано. После того как огневой вал стаи продвигаться в глубину обороны противника, поднялись в атаку пехота и танки. В это время вспыхнули 140 прожекторов, расположенных в двухстах метрах один от другого. Жуков рассчитывал на внезапность этого моря света, которое должно было не только ослеплять противника и освещать дорогу нашим войскам, но главным образом воздействовать на психику врага как нечто непонятное, необъяснимое, как какое-то новое оружие, которое должно испугать, морально подавить противника. Я думаю, Жуков решил применить эти прожекторы, используя свой опыт боев под Халхин-Голом. Там случился очень неприятный эпизод, когда японские танки пошли в атаку с включенными фарами и дополнительными прожекторами, установленными на башнях. Тогда то непонятное и неожиданное для наших войск освещение в ночном бою имело очень выгодный для японцев психологический эффект. Наши обороняющиеся части поддались панике и бросили свои позиции. Положение было Жуковым восстановлено путем введения в контратаку танковых бригад. Но эффект психологического воздействия Жукова запомнил и решил

здесь, на завершающем этапе войны, использовать подобное для подавления противника и уменьшения потерь в своих войсках,

Однако применение прожекторов оценивается военными специалистами по-разному. Одни считают, что они действительно морально подавили противника, ослепили его, другие говорят, что тот свет не принес должного эффекта, потому что поднявшаяся при артиллерийской подготовке пыль, земля, дым представляли собой такую плотную стену, что свет прожекторов ее не пробивал. Сам Жуков с восхищением записывает свое впечатление: "Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. То была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища!"

Следуя за двойным огневым валом, наша пехота и танки к рассвету овладели первой позицией противника. Однако наши войска, к своему удивлению, не обнаружили множества трупов, как это ожидалось под таким шквальным артиллерийским огнем. Противник, предвидя мощную артиллерийскую подготовку, отвел свои главные силы в глубину обороны. Это было не только большой неожиданностью, но и неприятностью для Жукова. Войска продолжали движение вперед, но встречали все большее сопротивление. А с выходом к Зееловским высотам продвижение наших войск вообще застопорилось,

Как позже выяснилось, главный рубеж обороны противника был построен именно здесь, на Зссловских высотах. Крутые склоны этих высот стали очень трудным препятствием на пути прежде всего танков, да и пехоты. А обширное плато за этими высотами скрывало построение системы обороны в глубине и артиллерийские позиции противника. Жуков пишет: "К 13 часам я окончательно понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела, и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять".

Жуков почувствовал, что его замысел рушится. Не получилось сплошного безостановочного движения в сторону Берлина. Атака захлебывалась на первых же километрах. Однако, понимая, что в его распоряжении находятся огромные силы, которые в состоянии проломить любую оборону, Жуков принял решение ввести две танковые армии в первый же день сражения, хотя этот ввод и планировался после того, как тактическая оборона противника будет прорвана и танки получат возможность для действия в оперативной глубине. Принимая такое решение, Жуков шел на огромный риск и взваливал на себя

ответственность за неизбежные потери при применении танков в условиях непрорванной траншейной обороны противника.

Более того, Жуков принял решение о вводе в бой двух танковых армий без доклада Верховному Главнокомандующему. Он опасался, что если об этом доложить, Сталин не разрешит ему ввод в действие этих армий. Но Жуков не мог допустить своего отставания от соседа слева - Конева. И, видимо, это сыграло немалую роль в его отчаянном применении танковых армий в первый же день сражения.

Только в 3 часа дня Жуков доложил Сталину:

- Первая и вторая позиции обороны противника прорваны. Войска фронта продвинулись до 6 километров, но встретили серьезное сопротивление на рубеже Зееловских высот, где, видимо, уцелела в основном оборона противника. Для усиления удара общевойсковых армий мною введены в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня мы прорвем оборону противника.

Сталин выслушал этот доклад, спокойно сказал:

- У Конева оборона противника оказалась слабей. Он без труда форсировал реку Нейсе и продвигается вперед без особого сопротивления. Поддержите удар своих танковых армий бомбардировочной авиацией. Вечером позвоните, как у вас сложатся дела.

Нетрудно отметить, что Сталин и в этом случае подогревал самолюбие Жукова, рассказывая об успешном продвижении войск Конева.

Бои за Зееловские высоты продолжались безуспешно. Войска не могли преодолеть этот тяжелый рубеж. С вводом в бой двух танковых армий произошло скопление войск на дорогах и, поскольку ввод этих армий на первом этапе не предусматривался, нарушилось взаимодействие со стрелковыми частями и соединениями. Вот что пишет ь своем донесении командир 79-го стрелкового корпуса генерал Переверткин:

"18.4.45 г. в районе г. дв. Меглин скопились три танковые бригады. В 19.30 18.4.45 г. прибыл в этот район; я приказал в 21.00 подготовить артогонь и пехоту для атаки противника. Через начальника штаба 23 тбр 9 тк Катырлова я передал приказание командиру бригады подготовить бригаду и совместно с пехотой смять противника и войти в прорыв.

Командир бригады Морозов мой приказ не выполнил, и несмотря на то, что пехота атаковала противника в течение всей ночи, наступала и продвинулась на 5 км, танки в прорыв не вошли.

В 2,00 я приказал разыскать еще раз любого командира

бригады. В 4.00 был найден командир 65 тбр 9-го гвардейского танкового корпуса подполковник Максимов, который отказался явиться ко мне для увязки вопросов взаимодействия.

В течение трех суток боев пехота прошла 26 км с непрерывными боями, и в течение этого времени танки все время болтались сзади боевых порядков пехоты".

Вечером, как и приказывал Верховный, Жуков докладывал ему о результатах того дня. Доклад был не из приятных: Зееловские высоты не взяты. Но Жуков обещал взять этот рубеж на следующий день к вечеру.

Сталин на этот раз говорил с Жуковым далеко не спокойно:

- Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка. Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете Зееловский рубеж?

Жуков, стараясь быть твердым, ответил:

- Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на Зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем быстрее мы возьмем затем Берлин, т. к. войска противника легче разбить в открытом поле, чем в городе.

- Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера. Танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин, а Рокоссовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, т. к. задержится с форсированием.

Сталин не стал больше говорить с Жуковым, не поставил ему никаких задач, а сухо сказал: "До свидания". И повесил трубку...

Конев позвонил Сталину и стал докладывать о ходе боевых действий.

Сталин прервал его и сказал:

- А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сказав это, Сталин замолчал. Конев тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

- Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин? (Сталин хотел пощадить самолюбие Жукова!)

Выслушав вопрос Сталина, Конев доложил свое мнение:

- Товарищ Сталин, это займет много времени и внесет большое замешательство. Перебрасывать в осуществленный нами прорыв танковые войска с 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил

достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин.

Сказав это, Конев уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен-городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина.

- Вы по какой карте докладываете? - спросил Сталин.

- По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно, искал на карте Цоссен, Сталин ответил:

- Очень хорошо. Вы знаете, что в Цосссне ставка гитлеровского генерального штаба?

- Да, знаю.

- Очень хорошо, - повторил Сталин. - Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

На этом разговор закончился.

В сложившейся обстановке принятое Сталиным решение, наверное, было единственно правильным.

В логове

Заминка в наступлении наших войск 16 и 17 апреля вызвала большую радость в ставке германского командования. Гитлер с воодушевлением сказал:

- Мы отбили этот удар. Под Берлином русские потерпят самое кровавое поражение, какое только вообще может быть!

Фюрер обратился к войскам со специальным обращением, в котором, опираясь на успех, достигнутый в первый день отраженного наступления советских войск, говорил: это предзнаменование будущей победы, наступает решающий поворот в войне.

Гитлер и его ближайшие соратники предпринимали лихорадочные усилия для того, чтобы не только поссорить союзников, но и заключить сепаратный мир с английскими и американскими войсками. 18 апреля в ставку прибыл Вольф и доложил о своих встречах и предварительных договоренностях с Даллесом. Гитлер так высоко оценил успехи Вольфа, что тут же присвоил ему одно из высших званий войск СС - обергруппенфюрера. Вольф получил указание продолжать контакты и как можно скорее добиться договоренностей с англоамериканским командованием.

По возвращении в Италию Вольф встретился с Даллесом, и переговоры о сепаратном мире и о послевоенном переустройстве Германии продолжились. Даллес, несмотря на то, что уже имел указания от своего правительства прекратить переговоры о сепаратном мире, поскольку советское командование, узнав об этом, заявило протест, продолжил контакты, не вняв указаниям своего правительства.

Учитывая успешность идущих закулисных переговоров с англо-американцами, командование германских войск фактически прекратило боевые действия на Западном фронте. Черчилль, а теперь еще и Трумэн всячески подгоняли Эйзенхауэра и Монтгомери, чтобы они как можно быстрее продвигались на Восток и захватили побольше территорий. Особенно усердствовал Черчилль. Он предпринимал все для того, чтобы войска союзников раньше Советской Армии вступили в Берлин.

А на Восточном фронте тем временем шли тяжелейшие и упорные бои. Особенно трудные и кровопролитные схватки шли за Зееловские высоты. В конце концов войска Жукова преодолели этот рубеж, сломили сопротивление врага. К 18 апреля Зееловские высоты были взяты. Противник бросал все имеющиеся у него резервы, чтобы восстановить положение, но наши части, имея превосходство в артиллерии, да и в численном составе, ломали это сопротивление, отбивали контратаки и продвигались

вперед. К 19 апреля все рубежи обороны здесь были прорваны, и танковые соединения Жукова наконец-то получили возможность действовать, используя оперативный простор. Они ринулись в обход Берлина с северо-востока. А те танковые корпуса и бригады, которые были приданы войскам, вместе с пехотой продолжали теснить противника и наступали прямо в сторону города. Гитлеровцы отводили остатки своих частей на внешний обвод обороны Берлина. Жуков своего добился главные силы врага были уничтожены в поле!

Дальше мне придется рассказывать о событиях, происходивших на стороне противника. Они широко известны и не раз описаны в книгах, журнальных статьях. Но чаще всего эти события описывались "по горячим следам", многое было еще неизвестно, ходило немало выдумок и слухов. Я излагаю происходившее в ставке Гитлера в последние дни с уточнениями и добавлениями, которые, может быть, неизвестны широкому кругу читателей.

20 апреля Гитлер отмечал свой день рождения. Раньше это всегда был торжественный праздник с многолюдными демонстрациями и военными парадами. Не только Берлин, но и вся страна украшалась знаменами, радио гремело о подвигах и достоинствах фюрера. Теперь Гитлер принимал поздравления в тесной комнате подземного бункера, куда заходили его ближайшие соратники и высказывали ему традиционные поздравления. Среди них были Геринг, Гиммлер, Борман, Геббельс, Риббентроп - постоянно работавший с Гитлером генералитет.

Гитлер к этому времени был развалиной: у него дрожали нога, рука, голова. Он стоял с опущенными глазами, принимая поздравления, негромким голосом благодарил и очень вяло реагировал на происходящее.

Руководитель молодежной организации "гитлерюгенд", однорукий Аксман, как и полагается молодежному лидеру, громким бодрым голосом высказал поздравления фюреру и сказал, что гитлеровская молодежь преподносит Гитлеру подарок в день его рождения. Затем он попросил Гитлера подняться из бункера на поверхность, где были построены два отряда мальчишек по 15-16 лет, вооруженных фаустпатронами.

Это был последний выход Гитлера на поверхность из бомбоубежища. С опущенными плечами и нетвердо ступая, он прошел вдоль строя, кое-кого похлопал по плечу, других погладил по щеке. Мальчики, еще опьяненные былой славой и популярностью фюрера, выпячивали хилые грудки и с восторгом смотрели на вождя.

Другие подарки в этот день были очень неутешительны. Генерал Хейнрици доложил о том, что линия обороны по Одеру на Зееловских высотах окончательно прорвана и советские войска продвигаются к Берлину. Начальник генштаба Кребс доложил, что вслед за другими фронтами перешел в наступление и 2-й Белорусский фронт, который обходит Берлин с северо-востока. Генерал Йодль тоже не порадовал, сообщив, что танки (это были танки маршала Конева) вышли в район Цоссена, где располагались управления генерального штаба гитлеровской армии. Йодль, не желая окончательно огорчать фюрера, не сказал, что бегство высшего руководства гитлеровской армии было настолько поспешным, что они не успели взорвать ни служебные помещения, пи бомбоубежища генерального штаба.

После торжественной части и бокалов шампанского состоялось совещание высшего руководства, на котором последний раз присутствовали Геринг, Гиммлер, Риббентроп и многие другие высокопоставленные нацисты. Обсуждался один вопрос - что делать дальше? Многие понимали: судьба Берлина решена, его не удержать, надо организовать руководство армией где-то вне столицы. И только Геббельс, имперский комиссар по обороне столицы, яростно настаивал на том, что Берлин должен держаться до последнего и что контакты с англо-американским командованием дают надежду на то, что скоро произойдет перелом. После долгих споров было решено разделить военно-политическое руководство на три части. Гитлер с Геббельсом и Борманом остаются в Берлине, с ними штаб оперативного руководства и часть офицеров генерального штаба сухопутных сил. Второе руководство создавалось в Баварии и в Австрии под названием "Альпийская крепость". Там высшим руководителем был назначен фельдмаршал Кессельринг. Основная его задача заключалась не столько в ведении боевых действий, сколько в содействии Вольфу. Он должен был также предпринимать все меры для достижения конкретных результатов по сговору с англо-американским командованием. В северной части Германии создавалось третье управление, где руководителем был адмирал Дениц.

После совещания все присутствовавшие в этот день на торжестве в честь дня рождения старались как можно быстрее выбраться на своих машинах из Берлина.

Последний и самый весомый "подарок" ко дню рождения Гитлера преподнесла артиллерия Сталина: в этот день ома впервые обстреляла район имперской канцелярии. Гитлер позвонил начальнику штаба ВВС и потребовал, чтобы тот авиацией подавил дальнобойные батареи противника,

обстреливавшие территорию его бункера. Но начальник штаба генерал Коллер даже не осмелился доложить фюреру, что его обстреливает уже не дальнобойная артиллерия, которую надо подавлять авиацией, а обычная полевая артиллерия с окраин Берлина.

Движение, которого не было

В боях на Одере наши войска впервые встретились с власовцами. Точнее будет сказать, что в одной из стычек за плацдарм участвовала первая и единственная дивизия из так и не созданной армии Власова. Эпизод этот на общем фоне происходившего сражения был так незначителен, что Сталин даже не знал о нем. В своей книге и маршал Жуков ни одним словом не упоминает о власовцах в боях на подступах к Берлину.

Но поскольку мы эту тему затронули раньше и я обещал довести до конца рассказ об "освободительном движении", которое пытался создать Власов, придется изложить несколько заключительных эпизодов из этой истории.

После того как немецкой разведкой был создан "отдел восточной пропаганды особого назначения" в Дабендорфе, Власов и его ближайшие помощники главным образом занимались сочинением листовок и подготовкой пропагандистов, призывавших советских солдат переходить на сторону гитлеровцев.

Разведотдел штаба сухопутных войск еще до появления Власова пытался создать оппозиционное движение для подрыва "изнутри" идеологических устоев Советской Армии. В Смоленске "городской управой" был сочинен адрес "Комитета освобождения народов России", который направили фюреру. Эта идея Гитлеру не понравилась. Комитету даже не ответили, затея лопнула.

С появлением Власова руководители фашистской разведки, желая придать масштабность своей работе, попытались реанимировать "смоленский проект". Власов и его приближенные хотели использовать эту акцию в своих целях и пытались выпустить обращение от имени "Комитета освобождения народов России".

Воззвание было отпечатано миллионным тиражом. Но... поступило строжайшее указание - "сбрасывать эту листовку только над территорией противника".

О каком-то "освободительном движении" гитлеровское командование и мысли не допускало, его интересовало только разложение Советской Армии и увеличение числа перебежчиков. Катастрофа под Сталинградом привела в замешательство гитлеровское руководство. Разведчики генерала Гелена решили использовать эту беду в своих интересах и сделали еще одну

попытку активизировать идею создания "освободительного движения". Они организовали агитационную поездку генерала Власова в группу армий "Север". Он выступал в лагере военнопленных, призывал их идти добровольцами в создаваемую им "Русскую освободительную армию". Генерал разгорячился до того, что разработал план под названием "Акция Просвет", в котором предлагал силами добровольцев захватить под Ленинградом Ораниенбаум и Кронштадт! Начальник разведотдела генерал Гелен готов был поддержать эту акцию - она поднимала авторитет возглавляемой им службы. Но... Опять это "но": с одной стороны это "НО" спасло Гелена от опалы - он не успел войти с ходатайством об осуществлении "Акции Просвет", а с другой, низвергло Власова с заоблачных вершин его мечтаний на бренную землю.

А произошло вот что: из группы армий "Север" от контрразведчиков поступили доклады о том, что русский генерал в своих выступлениях договорился до какой-то "свободной России", до русской армии, которая будет всего лишь "союзницей" вермахта, и вообще: "Этот наглый русский чувствует себя уже правителем независимой России!"

Все это вызвало яростный гнев фюрера, последовало категорическое запрещение Власову заниматься политической деятельностью.

17 апреля 1943 года был издан специальный приказ:

"Ввиду неправомочных, наглых высказывании военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий "Север", осуществленную без того, чтобы Фюреру и мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при проведении которых может потребоваться имя Власова, но не его личность. В случае нового личного появления Власова предпринять шаги к передаче его тайной полиции и обезвредить.

Фельдмаршал Кейтель".

Обращаю на этот приказ особое внимание. Сколько бы ни писали о создании "освободительной армии" - ничего этого не было. Было желание создать ее, а на деле гитлеровцы не позволили Власову осуществить задуманное, и функционировал он практически как сотрудник разведотдела генерала Гелена. На большее ему хода не дали.

Различные русские и национальные формирования были после 1943 года по приказу фюрера переведены на Западный

фронт и включены под названием "четвертых батальонов" в германские полки. Они использовались для борьбы с партизанами и повстанцами в Дании, Италии, Норвегии и других странах. Руководил ими немецкий генерал Гельмих, а затем генерал Кёстринг. Их называли "генералами восточных войск", в позднее - "генералами добровольческих частей".

Власова к руководству этими частями никогда не допускали. Больше того, "генерал добровольческих частей" Кёстринг заявил Штрикфельдту, курировавшему Власова:

- Власов стал пугалом для фюрера и господ в верхах ОКБ. Поэтому я предпочитаю выполнять мои чисто солдатские и человеческие обязанности без связи с ним. Лучше, если я его не буду знать... И если в будущем нам придется когда-нибудь опереться на какую-либо ведущую русскую личность, то мы должны будем найти другого человека.

Это еще одно свидетельство, что "РОА" и "освободительное движение" всего лишь миф, созданный теми, кто об этом пишет. Чего не было - того не было!

Вот подтверждение тому одного из очень близких к Власову людей - его духовного наставника протоиерея Александра Киселева. Я познакомился с ним в Нью-Йорке в январе 1988 года. Он жил в небольшом особняке в самом конце Бродвея. В нашем обычном представлении Бродвей - это море электрического огня, рекламы, шикарные магазины, театры, казино. Однако тот же Бродвей, пересекая центральную часть города, на окраине превращается в довольно заурядную улицу с городским мусором - банками от пива, обертками от мороженого, шкурками от бананов.

Во втором или третьем особняке от угла, в переулке, и находится обитель протоиерея. На первом этаже домовая церковь - сюда приходят помолиться бывшие власовцы и кое-кто из русских эмигрантов.

Меня встретил высокий священник с белой окладистой бородой. Я ему сказал, что я советский писатель и мне хотелось бы поговорить о Власове.

Протоиерей сначала пригласил меня в свою домовую церковь, она занимает первый этаж. Здесь он показал мне икону святого Александра Невского.

- Это та самая?

- Да, с этой иконой я служил молебны перед власовскими подразделениями, благословляя их на освобождение России. Я сохранил эту святыню и привез ее сюда.

Затем мы поднялись на второй этаж, в квартиру священника. Нас приветливо встретила матушка, пригласила откушать чая с

вареньями, ею сваренными.

На стенах висело множество фотографий, на коих были запечатлены бородатые лица духовных служителей. Имелся там и портрет императора Николая II. И, конечно же, генерала Власова.

Отец Александр рассказал о себе:

- Я стал священником в 1933 году, жил в Прибалтике, потом эмигрировал в Германию, служил в берлинской церкви простым священником.

- А когда вы с Власовым познакомились?

- Меня пригласили крестить новорожденного на дому. Во время крещения крестные должны читать молитву "Верую". По опыту я знал: никто не помнит слов этой молитвы, и потому я произносил слова громко, а присутствующие повторяли за мной. И вдруг я слышу - крестный отец, высокий басистый генерал, опережает меня, читая "Верую". Это был Власов, он в духовной семинарии учился, помнил слова молитвы. Потом мы встречались и позже. Я стал официальным духовником штаба армии Власова.

- Вы служили молебен в Смоленске при обнародовании манифеста?

- Нет, тогда мы еще не были знакомы. Мы сблизились в период Пражского манифеста.

- Но это уже 1945 год - завершающий этап в освободительном движении.

- Да, к сожалению, движению не дали развиться немцы. Они не поняли возможностей борьбы с большевиками через это движение. И проиграли. А если бы раньше поняли - все могло бы обернуться иначе. Великую русскую силу они не использовали. Они боялись ее. Она бы их ослабленных оттерла на второй план. Россия стала бы свободной без Сталина и Гитлера.

О многом мы поговорили с протоиереем Александром. Главным было то, что он подтвердил: движение не состоялось. "Власовское движение погибло... не по вине власовцев. Оно было дружно придушено и коммунистами, и нацистами, и демократами".

На прощание отец Александр подарил мне свою книгу "Облик генерала А. А. Власова".

Было ему в 1988 году 80 лет. Высокий, седой и крепкий, он проводил меня до Бродвея, где я остановил такси, и мы попрощались.

Утопающий хватается за соломинку. Такой соломинкой для гитлеровцев к 1945 году стал Власов с его намерением создать РОА.

О том, как Власов давал советы Геббельсу по созданию обороны Берлина, я уже рассказал. Но даже своя собственная

земля горела под ногами фашистов, и они решили более широко использовать "русский солдатский материал".

Сменив гнев на милость, Гитлер разрешил Гиммлеру встретиться с Власовым. Сам Гитлер так ни разу с ним и не виделся.

О беседе и ее последствиях лучше всего расскажет тот, кто присутствовал при этой встрече - эсэсовец д'Алькснн. Я располагаю его личными записями, выдержки из которых привожу с сокращениями:

"Власов произвел на Гиммлера впечатление своим ростом, достоинством и глубоким голосом.

- Было сделано много ошибок, - сказал Гиммлер, - знаю все ошибки, которые касаются вас. Поэтому сегодня я хочу говорить с вами с бесстрашной откровенностью...

(Д'Алькен был совершенно поражен тем, с какой легкостью и умением Гиммлер обошел и сгладил все то, что пропастью лежало между ним и Власовым).

- Не моя вина, что назначенная нами первая встреча была отложена, мягко продолжал "Черный Генрих". - Вам известны причины, а также и вся ответственность, тяжелым бременем павшая на мои плечи. Я надеюсь, что вам все то знакомо и понятно!

Когда Гиммлер окончил свое обращение, Власов немного помолчал, а затем спокойно, разделяя слова, как бы облегчая работу переводчика, начал:

- Господин министр! Благодарю вас за приглашение. Верьте, я счастлив, что, наконец, мне удалось встретиться с одним из настоящих вождей Германии и изложить ему свои мысли... господин министр, вы сегодня самый сильный человек в правительстве третьего рейха. Прежде чем изложить вам свою программу, я должен подчеркнуть следующее: я ненавижу ту систему, которая из меня сделала большого человека. Но это не мешает мне гордиться тем, что я - русский. Я - сын простого крестьянина. Поэтому я и умею любить свою родину, свою землю так же, как ее любит сын немецкого крестьянина. Я верю в то, что вы, господин министр, действительно готовы в кратчайшее время прийти к нам на помощь. Если удар будет нанесен в самое чувствительное место, система Сталина, уже обреченная на смерть, падет как карточный домик. Но я должен подчеркнуть, что для обеспечения успеха вы должны вести с нами работу на принципе полного равенства. Именно поэтому я и хотел бы говорить с вами так же откровенно, как вы это сделали...

Гиммлер медленно опустил голову в знак согласия и, помолчав, сказал:

- Теперь мой черед задать прямой вопрос, господин генерал: действительно ли русский народ и сейчас поддержит вас в попытке свергнуть политическую систему, и признает ли он вас как своего вождя?

Настороженность Власова исчезла. Он почувствовал почву под ногами и спокойно, но веско ответил:

- Я могу честно сказать "да" при условии, что вами будут выполнены известные обязательства. Господин министр! Я знаю, что еще сегодня я могу покончить войну против Сталина. Если бы я располагал ударной армией, состоящей из граждан моего отечества, я дошел бы до Москвы, и тогда закончил бы войну по телефону, поговорив с моими товарищами, которые сейчас борются на другой стороне. Вы думаете, что такой человек, как, например, маршал Рокоссовский, забыл про зубы, которые ему выбили в тюрьме на допросе? Это мои боевые товарищи, сыны моей родины, они знают, что здесь происходило и происходит, и не верят в честность немецких обещаний, но если появится настоящая русская освободительная армия, носительница национальной, свободной идеи - массы русского народа, за исключением негодяев, массы, которые в своем сердце антикоммунистичны, поверят, что час освобождения настал и что на пути к свободе стоят только Сталин и его клика...

...я никогда не думал, господин министр, что мне придется так долго ждать встречи, которая произошла сегодня... Однако, несмотря на все оскорбления, на все разочарования, я и дальше придерживаюсь взгляда, что только в сотрудничестве с Германией мы найдем путь к освобождению России. Возможно, что сама судьба, успехами Сталина, ускорила это свидание. Господин министр, я - не нищий. Я не пришел к вам сюда с пустыми руками. Поверьте, что в спасении и освобождении моей родины лежит спасение Германии!

(Смел ли кто-нибудь до сих пор сказать Гиммлеру о спасении Германии? думал д'Альке. Он никак не мог понять, что заставляло Гиммлера выслушивать Власова, не впадая в бешенство).

Власов продолжал:

- Дайте мне необходимую русскую силу! Я все время был против того, чтобы многочисленные батальоны, сформированные из моих соотечественников, перебрасывались во Францию, на Западный фронт или в любые другие места. Теперь они попали под волну англо-американского наступления. Они должны бороться, а за что - они сами не знают. Они разрознены, они разбиты. А ведь вы можете их срочно собрать, поставить под мою команду и положить этим начало большой освободительной

армии!

...Еще не поздно, господин министр. Еще не поздно! Находящихся в Германии русских людей достаточно для армии в миллион и больше человек.

Гиммлер выждал, очевидно, намеренно делая напряжение еще большим, а затем бесстрастным голосом сказал:

- Господин генерал! Я разговаривал с фюрером. С этого момента вы можете считать себя главнокомандующим армией в чине генерал-полковника. Вы получите полномочия собрать офицеров по своему усмотрению, до чина полковника. Только что касается ваших генералов - я должен попросить доставлять ваши предложения начальнику кадров немецкой армии. Все, что вы мне рассказали, в высшей степени интересно.

Опять Гиммлер сделал паузу и затем продолжал:

- Я придерживаюсь мнения теперь, выслушав вас, что, конечно, существует возможность формирования армии. Как главнокомандующий резервами я имею в своих руках средства для того, чтобы это сделать. Но, к сожалению, эти средства ограничены. Возможно, что вы найдете достаточно людей, но мы не должны забывать, что те, кто устремится в вашу армию, оставят за собой пустые места на наших заводах. Мы же не смеем разрешить себе снизить продукцию нашей промышленности! Однако все же решающим вопросом является вооружение. Я могу пойти на формирование первых двух дивизий. Было бы крайне некорректно с моей стороны обещать вам сегодня больше и затем сокращать свои обязательства. Будете ли вы, господин генерал-полковник, удовлетворены моим предложением - приступить теперь к формированию только двух дивизий? Если да, то я немедленно отдам соответствующие приказания.

Лицо Власова потемнело. Он упал с высоты, на которую его подняли его стремления. В глазах ясно отразилось разочарование, но он взял себя в руки.

- Господин министр, - сказал он с глубоким вздохом, - я принимаю во внимание существующие препятствия. Но я не теряю надежды, что две дивизии это только скромное начало, так как вы сами знаете, что одни вы не сможете пробить стену головой. Поэтому расширение формирования - в наших обоюдных интересах.

- Конечно, конечно! - торопливо и почти весело воскликнул Гиммлер, облегченно почувствовав, что все трудное и неприятное прошло.

Власов продолжал:

- Несмотря на то, что русские части во Франции разрознены и разбиты, я считаю своим долгом еще раз подчеркнуть

необходимость собрать их и реорганизовать...

Гиммлер поторопился с ответом:

- Конечно, конечно, это само собой разумеется...

- Эти ваши слова я принимаю с благодарностью к сведению, - пробасил Власов, - но одновременно и как обещание прекратить распыление национальных русских сил в Германии. Если мы хотим победить Сталина, то это будет невозможно, если и дальше "Восточное министерство" будет делать что ему заблагорассудится, разбивая паши силы на разные сепаратистские группы и комитеты. Эти группы управляются честолюбивыми людьми, которым все равно, что они ведут людей бороться за чужие интересы... Если вы искренне стремитесь к победе, то вы должны снять с меня запрет вести разговоры с представителями так называемых "националов". У вас есть для этого власть. Вы можете все разрозненные силы объединить на базе предположительного федерализма, который существовал бы на протяжении всего времени борьбы с коммунизмом. В общем, я не могу скрыть от вас, что я пережил столько разочарований, что больше не хочу тратить силы на бесцельную, ненужную борьбу одних против других. Я стремлюсь к тому, чтобы прямые переговоры вести только с одним немецким авторитетом...

Гиммлер слушал, не перебивая. Ответил без всякого размышления:

- Здесь, рядом со мной, сидят два человека, с которыми вы познакомились. Труппei[фюрер Бергер будет заменять меня во всех вопросах, касающихся вас. С ним вы будете тесно сотрудничать. Кроме того, я назначу доктора Крэгера связным...

- Благодарю вас, господин министр, - поклонился Власов. - Я даже не рассчитывал на это. Но я еще не закончил. Я должен затронуть еще некоторые факты. Наша победа над Сталиным лежит не в одном формировании освободительной армии, а в создании единого политического центра, который будет иметь право обнародовать программу нового строя на родине.

- Об этом мне уже было сообщено, - поторопился Гиммлер, - у меня есть общее представление о центре, так же как и об освободительной армии. Я предполагаю, что вы одновременно будете и главой этого центра...

- Если мы уделили сегодня столько времени всем вопросам, то я прошу разрешения дать мне возможность доложить вам об уже разработанных планах для армии и для правительства, которые мы сначала, из осторожности, назовем "комитетом".

Гиммлер заерзал. В его взгляде была неуверенность и даже растерянность, он пробормотал:

- Спасибо! Я отдам приказ просмотреть ваши предложения...

Власов продолжал:

- Я не закончил вопрос о "комитете". В связи с ним я хочу просить, чтобы план был расширен и все мои соотечественники, находящиеся в Германии, все русские подданные были бы подчинены именно комитету.

Когда Гиммлер начинал заикаться, искать слова и рассыпаться в неясных и незаконченных фразах, это обычно говорило о том, что прием завершен.

Гиммлер поднялся. Поднялся и Власов. Как любезный домохозяин, Гиммлер пригласил Власова к столу. Все последовали в столовую.

С начала разговора и до конца обеда прошло шесть часов.

Когда Власов попрощался и ушел, Гиммлер сказал эсэсовцам, назначенными кураторами к Власову:

- Вы не должны забывать, что он славянин. Я вам приказываю все время находиться начеку и немедленно докладывать мне обо всем, что будет выходить за пределы нами сегодня говоренного. Я должен все время быть настороже. Славянин остается славянином..."

Таким образом, с сентября 1944 года Власов из разведотдела был передан в подчинение рейхсфюрера СС Гиммлера. Постоянный наблюдающий от разведотдела Штрикфельдттак пишет об этих переменах:

"Немецкий штаб в Дабпдорфс отошел теперь совсем на задний план... Появились офицеры войск СС и разного рода "уполномоченные" и брали на себя функции связи с организуемыми или уже работающими русскими учреждениями".

Самого Штрикфельдта заменил постоянный представитель главного управления СС оберфюрер СС Крёгер. Общим руководителем будущей РОА был назначен обергруппенфюрер СС Бергер. Он занимался формированием первой русской дивизии. Приказ о ее создании подписал Гиммлер. Таким образом, все разговоры о РОА до марта 1945 года были просто разговорами - первая и единственная дивизия появилась лишь в самом конце войны. Вторая дивизия так и не была окончательно сформирована до капитуляции гитлеровцев.

Командиром первой дивизии был назначен немцами (не Власовым!) полковник Буняченко, которому они же присвоили в феврале 1945 года звание генерач-майора.

Полковник Буняченко, бывший командир дивизии Красной Армии, был разжалован и отправлен штрафником на основании приказа 227 от 28 июля 1942 года. После этого он перешел к немцам. Летом 1944 года он командовал русским полком на Западном фронте, где был отмечен как умелый командир. Этот

полк и стал основой 1-й русской дивизии РОА. В нее включили несколько других русских формирований. Например, бригаду РОНА ("Русская освободительная народная армия"), которой в прошлом командовал Каминский, Эта бригада по немецким документам "полностью очистила от партизан обширную область между Курском и Орлом".

В 1944 году РОНА насчитывала пять полков, до 20 тысяч человек. Полк под командованием подполковника Фролова участвовал в подавлении Варшавского восстания. Вся РОНА до того разложилась и так "занималась грабежом и мародерством", что немецкий военно-полевой суд приговорил к расстрелу ее командира Каминского - "бригадного генерала, поляка по происхождению".

Вот такие кадры вливались в первую русскую дивизию Буняченко.

Сам Власов был занят созданием "Комитета освобождения народа России", который, по его замыслу, должен был объединить под его командованием все национальные формирования, все "антибольшевистские силы". Однако "силы" эти сопротивлялись, не хотели терять своей самостоятельности. Казачий генерал Краснов отказался подчиняться "бывшему красному генералу". Руководство СС приструнило всех: украинцев, кавказцев, выходцев из среднеазиатских республик и прочих - и загнало в КОНР - "Комитет освобождения народов России" под руководством Власова.

Был написан "Манифест", который приняли "представители народов" в Праге. (По желанию Власова, этот документ должен был родиться на славянской земле). Так как к тому времени под немецкой оккупацией уже не было ни одного советского города, выбрали славянскую Прагу.

Принятие манифеста пропагандировалось как большая победа в освободительном движении. Но реально ничего не изменилось, все оставалось на уровне говорильни.

Гитлеровское командование напрягало последние силы, чтобы остановить продвижение Красной Армии. Ее соединения уже вышли на Одер.

Руководители СС решили испытать в деле русское формирование. Дивизия Буняченко была передана в подчинение командующего 9-й армией генерала Буссе. Власов дал на это согласие.

Буняченко просил назначить его дивизии самостоятельную операцию, в которой без помощи немцев русские смогли бы показать свою доблесть. Немецкое командование предоставило ему такую возможность, поручив сбить советскую часть с

небольшого плацдарма на Одере.

Был разработан план операции "Апрельский ветер". Он предусматривал двумя ударами с севера и с юга уничтожить советские части и очистить плацдарм. Атака была назначена на 5.15 утра 13 апреля.

Вечером 12 апреля русские подразделения заняли исходное положение. За полчаса до атаки немецкая артиллерия открыла огонь по плацдарму. В атаку пошли с севера 2-й полк подполковника Артемьева, с юга - 3-й полк подполковника Александрова-Рыбцова. Буняченко наблюдал за ходом операции с НП в стереотрубу. Русские поднялись в атаку быстро и дружно. Их поддерживала и немецкая авиация - 26 штурмовиков.

Чем все это кончилось? Ради полной объективности, сошлюсь на мнение гитлеровских офицеров и самих власовцев: "К 8 часам было... отвоевано 500 метров земли". "Оба полка оказались под фланговым огнем противника, перед советскими полевыми фортификациями и мощными проволочными заграждениями".

Из этих цитат вырисовывается весьма печальная картина: атакующие "отвоевали 500 метров" - то есть прошли нейтральную полосу, и их положили огнем советские пулеметы "перед проволочным заграждением".

Таким образом, атакующие не только не вступили в бой за плацдарм, а не отбили ни одного метра у советских частей.

Буняченко, понимая, что все кончится истреблением его полков, дал приказ отойти на исходные позиции.

Представитель немецкого командования подполковник Нотц доложил, что "отступление проходило довольно беспорядочно, на поле боя было брошено много оружия - пулеметов, автоматов, огнеметов".

Командующий 9-й армией генерал Буссе попытался привлечь к ответственности Буняченко за невыполнение приказа, но русский генерал даже не прибыл в немецкий штаб для дачи объяснений.

Он заявил, что имел приказ только на одну атаку. И коль скоро она не удалась, теперь он, "выполнив приказ", опять подчиняется только Власову. Собрав дивизию, Буняченко совершил с ней более чем стокилометровый марш и прибыл в Прагу.

В немецких штабах шла переписка о "недисциплинированности" и "привлечении к ответственности" и даже о "разоружении дивизии", но все это было оставлено без последствий, потому что 16 апреля советские войска перешли в решительное наступление на Берлинском направлении.

Дивизия Буняченко, да и сам Власов, возможно, пытались

как-то себя реабилитировать перед приближавшимися советскими войсками, они поддерживали чехов, восставших в Праге, и не позволили немцам разрушить город. Но то была уже агония.

Опасаясь кары, Власов приказал дивизии Буняченко и второй, так и несформированной дивизии Зверева, идти на запад и сдаваться американцам. Сам Власов двинулся туда же, но на пути был взят в плен советскими разведчиками.

Из сказанного выше, на мой взгляд, можно сделать окончательный и вполне объективный вывод: "русское освободительное движение", которое пытался создать генерал Власов, не состоялось, "русской освободительной армии" в действительности не было. Власов, как изменник, служил сначала под руководством начальника немецкой разведки генерала Гелена, а затем рейхсфюрера СС Гиммлера. И как бы ни старались различные доброжелатели рядить Власова в благородные мундиры "патриота" и даже "освободителя", документами и фактами это не подтверждается. В перестроечное время "демократы" и бывшие диссиденты всячески восхваляли деяния Власова, говоря о сходстве его замыслов с их "демократическими" реформами. Мне кажется, они правы. Их, несомненно, объединяет предательское отношение к Родине и русскому народу.

Позорный конец генерал а-предателя зафиксирован в приговоре Военного трибунала.

Взятие Берлина

21 апреля советские войска ворвались в Берлин, на его северо-восточные окраины, а танковые соединения, обходя город, устремились на запад. К южной окраине Берлина подступили танковые соединения, которые, также обходя город, продвигались на запад. Таким образом, уже четко наметились клеши, которые вот-вот должны были сомкнуться западнее Берлина.

Берлин, как губка, впитывал в свои кварталы войска. Сохранить управление, не утратить возможность руководить ходом боевых действий было очень трудно.

Войскам, несмотря на долгую войну, не приходилось вести уличных боен в таком огромном городе. Скопище многоэтажных домов, переплетение улиц и переулков поглотили несколько армий. Сражение распалось на тысячи разрозненных схваток за дом, этаж, подвал.

Командиры не видели своих войск даже на главном направлении. Да и где оно теперь, это направление главного удара, - там, где танковые армии рвались в обход, чтобы замкнуть кольцо окружения, или в рукопашных схватках за каждый дом на подступах к рейхстагу?

Линия фронта в прежнем, привычном понимании здесь уже

не существовала. На некоторых участках фронт стал вертикально - дыбом, потому что шел бой в многоэтажных домах. А в соседнем квартале передний край ушел глубоко под землю, в подвалы, канализационные шахты, в тоннели метро.

Но где бы ни шли бои, Сталин, Жуков и Конев ощущали их напряжение, знали, кто продвигается вперед, а у кого дело застопорилось. Маршалы как тысячами нервов были связаны проводами телефонной связи и невидимыми радиоволнами со всеми наступающими соединениями. Они говорили с командирами. Они слышали твердый, уверенный голос Сталина. Невидимый, Сталин был с ними повсюду, одних подбадривал, других строго подгонял, третьих бранил. Как говорится, каждому свое - что заслужил, то и получай!

В бункере Гитлера предпринимались все меры для того чтобы, с одной стороны, стянуть в Берлин войска, находившиеся поближе, и использовать еще существовавшие крупные группировки для деблокирования столицы. Утром 21 апреля в ставку был вызван командующий группой армий "Центр" Шернср. Он был самым исполнительным и даже среди немцев отличался не только педантичностью, но зверской требовательностью. Солдаты дали ему кличку "мясник" за жестокость и беспощадность в отношениях с подчиненными.

Фюрер приказал Шернеру пробиваться с его группой армий на выручку Берлина. Генерал Шернер щелкнул каблуками и бодро ответил, что приказ фюрера будет выполнен в точности. Чтобы прибавить своему спасителю энергии, Гитлер произвел Шернсра в фельдмаршалы, причем тут же собрал присутствующих в бункере военачальников и обслугу, представил им нового фельдмаршала, они поздравили его с высоким званием.

После процедуры с Шернером начальник генштаба Кребс, а также Йодль, докладывая обстановку Гитлеру на фронте, упомянули о боевой группе Штайнера. Это была небольшая группа из оставшихся частей, которые объединились под командованием генерала СС Штайнера.

Командующий группой армий "Висла" хотел прикрыть свой правый фланг этой группой. Гитлер тут же ухватился за это сообщение и приказал поставить задачу группе Штайнера ударом с юга отрезать вклинившиеся части, окружающие Берлин. Для осуществления этой задачи Гитлер приказал 56-му танковому корпусу перейти в контрнаступление навстречу группе Штайнера.

Весь этот и следующий день ждали докладов и сообщений о том, как группа Штайнера выполняет свою задачу.

На совещании в бункере Кребс и Йодль докладывали обстановку. Йодль, уже привыкший не огорчать Гитлера, пытался

и на этот раз пространно говорить о каких-то частных успехах войск в Саксонии и в Италии. Гитлер прервал его:

- Что вы ублажаете меня мелочами! Где же все-таки находится Штайнер?

После продолжительного молчания и растерянности генералы были вынуждены доложить правду о том, что группа Штайнера успеха не имела и фактически разгромлена. Гитлер закатил истерику:

- Немецкий народ не понимает моих целей! Он слишком ничтожен, чтобы осознать и осуществить мои цели. Если мне суждено погибнуть, то пусть погибнет и немецкий народ, потому что он оказался недостойным меня.

Гитлер вызвал коменданта Берлина генерала Реймана и приказал ему;

- Соберите все силы и ни в коем случае не допустите прорыва противника в центр города, обеспечьте прикрытие правительственных кварталов!

Во исполнение приказа фюрера были брошены в бой 32 тысячи берлинских полицейских и одновременно из тюрем выпущены все уголовники и тоже брошены в бой. Собрав эти последние резервы, и еще солдат из разбитых частей (около 80 тысяч) и несколько батальонов фольксштурма, Рейман "сколотил" группировку численностью до 300 тысяч человек. Он прилагал все силы, чтобы выполнить приказ фюрера.

Кейтель предложил фюреру еще один, на его взгляд, довольно эффективный шаг: снять войска с Западного фронта и бросить их на деблокаду Берлина. Кейтель сказал, что это, конечно, ослабит позиции в переговорах с англо-американцами, но другого выхода нет. С другой стороны, чем быстрее антло-американцы продвинутся на Восток и встретятся с советскими частями, тем скорее произойдет между ними конфликт.

Для выполнения этой задачи предполагалось срочно развернуть 12-ю армию Венка, находившуюся на Западном фронте и ближе всех к Берлину. Йодль поддержал предложение Кей-теля и уверил фюрера в том, что Венк со своей армией способен прорваться к Берлину и деблокировать его. Гитлер после некоторого размышления отдал приказ - снять все войска с Западного фронта и перебросить их на выручку Берлина. Для выполнения этого приказа из ставки Гитлера выехал Кейтель. Он встретился с генералом Венком и объявил ему: "Мы боремся отныне только против Востока, а не против Запада".

Теперь в ставке Гитлера появилась новая надежда. Все ждали прихода армии Венка. Изыскивались возможности для того чтобы продержаться до ее прихода в Берлин. Геббельс, как всегда

энергичный и верноподданный фюреру, заверил, что он, верховный комиссар Берлина, заставит каждого жителя драться с советскими войсками. Срочно печатались тысячи листовок, которые расклеивались по всему городу. В этих листовках имперский комиссар возлагал на каждого жителя города ответственность "за оборону своего дома, своей квартиры". Все члены молодежной организации "гитлерюгенд", независимо от возраста, считались мобилизованными. Фаустпатроны раздавались 12-летним мальчикам. Во всех этих распоряжениях, листовках и приказах непременно присутствовала фраза: за невыполнение распоряжения будет применяться расстрел.

Геббельс посчитал, что генерал Рейман недостаточно энергично организовал оборону города, и на его место был назначен новый комендант Берлина, полковник Кетнер.

Геринг, опасаясь, что Борман перехватит инициативу переговоров с союзниками и таким образом возглавит Германию после капитуляции, принял решение действовать более активно. Поскольку он был официально объявлен преемником Гитлера в случае его смерти, он решил воспользоваться этим своим положением, хотя и опасался вызвать гнев Гитлера. Чтобы подстраховать себя, Геринг послал Гитлеру 23 апреля следующую телеграмму:

"Мой фюрер! Ввиду Вашего решения остаться в Берлине, согласны ли Вы с тем, чтобы я немедленно взял на себя в качестве Вашего преемника на основе закона от 29 июня 1941 г. общее руководство рейхом с полной свободой действий внутри страны и за рубежом? Если я не получу ответа до 10 часов вечера, я буду считать это подтверждением отсутствия у Вас свободы действовать во имя блага нашей страны и нашего народа. Вы знаете, что я чувствую по отношению к Вам в этот суровый час моей жизни. Я не имею возможности выразить это словами. Может быть, Бог защитит Вас и быстро доставит сюда несмотря ни на что.

Преданный Вам Геринг".

Борман, давно ненавидевший Геринга и искавший возможности убрать его, решил воспользоваться удобным моментом и подсказал фюреру, что за такое предательство Геринга надо бы расстрелять. Но Гитлер, несмотря на свою ярость, посчитал это чрезмерным. И тут же вместе с Борманом сочинил телеграмму, в которой говорилось: "Время вступления в силу закона от 29 июня 1941 г. я определяю сам. Я не лишен свободы действия. Запрещаю любой шаг в указанном вами направлении".

Одновременно Гитлер устно приказал шефу службы

безопасности и СД Франконии оберштурмбанфюреру Франку немедленно арестовать Геринга по обвинению в государственной измене. Приказ Гитлера был выполнен. Геринга арестовали. Вместо него командующим ВВС назначили генерала фон Грейма, бывшего командующего 7-м воздушным флотом.

22 апреля был напечатан последний приказ Гитлера:

"Запомните: каждый, кто пропагандирует или даже просто одобряет распоряжение, ослабляющее нашу стойкость, является предателем! Он немедленно подлежит расстрелу или повешению! Это имеет силу также и в том случае, если речь идет о распоряжениях, якобы исходящих от гауляйтера, министра, доктора Геббельса или даже от имени фюрера.

Адольф Гитлер".

По радио постоянно объявлялось, что фюрер остается в столице и что там, где фюрер, там - победа,

21 апреля Гитлер перешел в новое, более глубокое бомбоубежище, которое только что специально для него было достроено. Оно находилось рядом с прежним, размешавшимся под рейхсканцелярией, над новым бункером уже был 8-метровый слой бетона. Этот "фюрербункср" находился ниже прежнего на сорок ступенек, здесь располагались комнаты, предназначавшиеся для наиболее приближенных к фюреру особ. В новый бункер фюрер пригласил преданного ему Геббельса и его семью.

Управлять войсками из бункера становилось все труднее. Связь часто прерывалась. Неразбериха в руководстве все более усиливалась.

Итак, Сталин приказал Коневу повернуть танковые армии на Берлин.

Ох, не просто было повернуть круто - почти на девяносто градусов - две такие танковые махины! Причем сделать это в ограниченное время, а точнее, немедленно, в течение нескольких часов! 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-полковника П. С. Рыбалко приказывалось в течение ночи на 18 апреля форсировать реку Шпрее и, развивая стремительное наступление на южную окраину Берлина, в ночь с 20 на 21 апреля ворваться в город. 4-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко должна была к этому же времени овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

Не раз бывая в Германской Демократической Республике, выезжал в тот район, где танковая армия Рыбалко выполняла этот стремительный поворот и ринулась на Берлин с юга. Ходил и ездил по этому району, по его небольшим городкам, полям и

старался представить, как дрожала здесь мокрая, раскисшая (апрель!) земля, как рычали сотни танков, как старались танкисты осуществить маневр на незнакомой местности, да еще ночью! И как они все это блестяще выполнили! У них за плечами была большая и трудная война, огромный опыт. Они вели в бой лучшие в мире - по тем временам - танки, которые произвел народ, измученный усталостью и недоеданием. Народ, ждавший от них победы! И она была близка. Я представлял, с каким злым энтузиазмом, с какой радостью и вдохновением действовали в эту ночь чумазые от гари танкисты. Они не спали уже третьи сутки - но не ощущали усталости. Я видел, как, разя с ходу появляющихся на пути гитлеровцев, они мчались и мчались вперед - к логову врага.

Походил я и по окраинам Цоссена. 20 апреля сюда прорвались танкисты Рыбалко. Знатный подарочек они преподнесли фюреру, может быть, даже сами не зная о том, что был его день рождения. Очень символичный получился "подарок" - в Цоссене находилась штаб-квартира верховного командования гитлеровской армии. Именно здесь проходила разработка плана "Барбаросса". И вот какой потрясающий финал - советские войска громят эту адскую кухню, откуда была выпущена на свет война, громят именно в день рождения фюрера!

Я смотрел на серые особняки, двух-, трехэтажные дома довоенной постройки. Они живописно расположены в хвойном лесу. Уютно жили в этом тихом и красивом месте те, кто принес так много страданий народам Европы, да и немецкому народу тоже.

Представляю, как они ходили друг к другу в гости, как поднимали бокалы в честь захвата городов и даже целых стран - Польши, Франции, Бельгии, Дании, Греции... Как распирала их спесь, и как они уверовали сами, что представляют собой особую расу господ.

Здесь, в этих домах, уже были проложены на картах маршруты, составлены графики движения войск в Иран, Ирак, Афганистан, Индию.

Мог ли представить я, окопный лейтенант, что буду ходить под Цоссеном, среди зданий гитлеровской ставки! Даже во сне мне такое не могло присниться!

И вот я здесь спустя почти полвека после того как удирали отсюда хозяева этих домов, удирали, боясь быть пойманными, боясь ответственности за содеянное ими зло.

Как они метались по этим ухоженным лужайкам, как торопливо жгли бумаги со своими преступными планами, как бежали, понимая, что и бежать-то уже некуда, но все же уходили,

уползали, только бы не быть захваченными и опознанными как работники этой главной штаб-квартиры.

Я сохранил старую вырезку из газеты со статьей Бориса Полевого. В ней приводится любопытный документ, дающий представление о том, что здесь происходило в те последние часы:

"У меня в руках оказались листки переводов последних переговоров узла связи гитлеровского верховного командования сухопутными вооруженными силами с военачальниками, находившимися на юге Германии.

Эдельвейс. Вручите немедленно генералу Кребсу. Отсутствием информации вынужден ориентироваться обстановке радиопередачам англичан. Сообщите обстановку. Сообщите дальнейшие действия. Подписано А-15.

Ответ. Вызвать кого-либо невозможно. Погребены в могиле. Передачу прекращаю.

Эдельвейс. Что за глупые шутки? Кто у провода? Немедленно позвать старшего офицера. А-15.

Ответ. Офицер насалил пятки. Все насалили пятки. Замолчи, надоел.

Эдельвейс. Какая пьяная скотина у провода? Немедленно позвать дежурного офицера.

Ответ. Поцелуй в... свою бабушку, идиот.

Эдельвейс. У аппарата А-16. Весьма срочно.

Ответ. Не торопитесь в петлю.

Эдельвейс. Не понял, повторите.

Ответ. Вонючий идиот. Все драпанули. По нам ходят Иваны. К тебе еще не пришли?.."

Сталин потребовал от маршалов Жукова и Конева не позднее 24 апреля завершить двойное окружение, в первом кольце которого остался бы Берлин, а во втором оказалась бы Франкфуртеко-губенекая группировка противника.

Войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, идущие из Берлина на запад, и 25 апреля соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив, таким образом, полное окружение Берлина.

В тот же день войска 1 -го Украинского фронта встретились на Эльбе с войсками союзников.

Приказ Сталина об этом историческом событии вышел 27 апреля 1945 года. В нем говорилось:

"Войска 1-го Украинского фронта и союзные нам англоамериканские войска ударом с востока и запада рассекли фронт немецких войск и 25 апреля в 13 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе города Торгау. Тем самым немецкие войска, находящиеся в северной Германии,

отрезаны от немецких войск в южных районах Германии".

28-го Кребс передал отчаянный и последний приказ:

"Всем соединениям, сражающимся между Эльбой и Одером, всеми средствами и как можно скорее привести к успешному завершению охватывающее наступление для выручки столицы рейха".

Но никто не откликнулся. Разгромленный вермахт уже не мог никого и ничего выручать.

На вечернем докладе Вейдлинг доложил о безвыходном положении берлинского гарнизона и сказал, что единственный выход - это попытаться совершить прорыв. Здесь же он подробно изложил разработанный им план. Гитлер долго молчал. Наконец он произнес довольно тихим голосом:

- Если прорыв даже и в самом деле будет иметь успех, то мы просто попадем из одного котла в другой. Я должен буду ютиться под открытым небом, или в крестьянском доме, или в чьем-либо подвале и ожидать конца. Лучше уж я останусь в имперской канцелярии.

После этого Гитлера охватила последняя вспышка злобы. Он с пеной у рта кричал, что все его предали, что немецкий народ - ублюдок и что измена всеобщая, и пусть все погибнут вместе с ним. Он принял окончательное решение остаться в Берлине и покончить с собой.

Но, удалившись в свою личную комнату, Гитлер и здесь вынужден был решить еще одну немаловажную проблему, которую поставила Ева Браун. Она заявила фюреру;

- Не хочу уходить на тот свет твоей любовницей. Я была твоей женой и хочу уйти с тобою вместе на тот свет как твоя жена.

И вот в бункере, находящемся под артиллерийским обстрелом, под гром канонады разыгрывается некое фантасмагорическое действо. Гитлер объявляет о своем бракосочетании с Евой Браун и о том, что здесь будет проведен свадебный обряд и свадебное застолье. Срочно ищут священника, чтобы он совершил обряд венчания. Но где найти в этой сумятице священника? Наконец Геббельс находит своего подчиненного Вальтера Вагнера, инспектора по религиозным делам. Он прибывает в бомбоубежище и совершает обряд венчания, будучи одетым в военную форму с повязкой фольксштурмиста на рукаве, потому что у него не было с собой одежды, подобающей человеку духовного сана.

Гитлер едва мог расписаться в брачном свидетельстве: у него ходуном ходила рука. А Ева Браун начертала первые буквы Ева Б., а потом зачеркнула и поставила свою новую фамилию - Ева

Гитлер. После этого в личной комнате состоялся свадебный ужин, где были мадам Геббельс, сам Геббельс, две секретарши Гитлера и сами новобрачные.

А между тем после этой брачной ночи, 29 апреля, советские войска уже взяли Ангальтский вокзал и по Вильгельм-штрассе рвались к имперской канцелярии. Командующий обороной бункера и ближайших подступов Монке сообщает, что ему с большим трудом удастсл сдерживать наступление советских войск, которые находятся уже в 500 метрах от бункера. Борман, Кребс и другие высшие чины на свадебном ужине изрядно накачались спиртным и даже под артиллерийским обстрелом крепко спали. А Гитлер в это время диктовал своим секретарям завещания. Их было два. Одно - "политическое", другое "личное".

Специальные посланцы - эсэсовцы - отправляются с копиями завещаний, один - к фельдмаршалу Шернеру, а другой - к гроссадмиралу Деницу.

29 апреля в 12 часов в кабинете Гитлера по его приглашению собираются: Борман, Геббельс, Бургсдорф и Кребс с помощниками и адъютантами. У них уже нет связи с внешним миром, они совершенно не знают, что происходит там, наверху. Гитлер пытается все еще отдавать какие-то распоряжения, Йодль и Кребс передают эти распоряжения, которые, конечно же, не доходят до войск.

30 апреля Кребс докладывает Гитлеру о том, что советские войска уже овладели Тиргартеном, Потсдамской площадью; проникли на Фосштрассе, куда выходит фасад имперской канцелярии. Гитлер все еще не мог решиться на то, чтобы покончить с собой.

Но наконец, уже понимая, что нет иного выхода и его могут взять живым, он решается на последний шаг в своей жизни. Сначала он дает ампулы с ядом своей любимой овчарке Блонди и ее щенку. Яд действует мгновенно, собака издыхает. За дверью стоят Борман, Геббельс, Аксман, Гюнше, камердинер Линге, которому уже поручено раздобыть 200 литров бензина для сжигания трупов. Они ждут.

В половине четвертого дня 30 апреля они приоткрыли дверь и увидели следующую картину: Гитлер, откинувшись на спинку дивана, сидит в одном углу; Ева Браун с бледным лицом сидит в другом углу. Оба мертвы.

В газетах того периода появлялись публикации, что Гитлер застрелился. Это были последние попытки создать рыцарский ореол вокруг имени фюрера. Ни сам он в себя не стрелял, и никто другой ему не помогал. У ног его лежала ампула из-под яда - и никаких гильз.

Камердинер Линге и врач Штумпфеггер завернули труп Гитлера в армейское одеяло и через запасной выход с помощью охраны канцелярии вынесли в сад, окружавший рейхсканцелярию. Вслед за ним вынесли и тело Евы Браун. Советская артиллерия обстреливала улицы и дома, окружавшие рейхсканцелярию.

Приведу короткую выдержку из воспоминаний личного шофера Гитлера Эриха Кемпки "Я сжег Гитлера". Хотя строки эти широко известны, здесь они, на мой взгляд, будут уместны как завершающий эпизод в судьбе человека, который хотел завладеть всем миром, но так мелко и ничтожно, в какой-то яме завершал свой жизненный путь:

"Я вылил бензин на обоих мертвецов. Одежда мертвецов слегка развевалась на ветру, пока не пропиталась насквозь бензином и не опала под его тяжестью. Поднятая разрывами снарядов земля осыпала нас. Преодолевая страх смерти, я подтаскивал все новые и новые канистры. (...) Артогонь усилился до такой степени, что мы уже не решались выйти из тамбура бункера. (...) С нами вместе у выхода стояли д-р Геббельс, Борман, д-р Штумпфеггер. А снаружи неистовствовал настоящий ад!

Но как же нам поджечь бензин? Предложение сделать это при помощи ручной фанаты я отклонил. Случайно взгляд мой упал на большую тряпку, лежавшую рядом с пожарными шлангами у выхода из бункера. Гюнше схватил ее и разорвал на куски. Открыть кран канистры и сунуть туда тряпку было делом секунды. Я наклонил канистру, тряпка хорошо намокла, напиталась бензином. "Спички!" Д-р Геббельс вынул коробок из кармана и протянул мне. Я зажег спичку и сунул в тряпку, а потом высокой дугой швырнул на облитые бензином трупы. С широко раскрытыми глазами мы смотрели на лежащие там тела. В одну секунду высоко вспыхнуло бурлящее пламя, к небу поднялись темные столбы дыма. На фоне горящей столицы рейха они создавали ужасающую картину".

* * *

Считаю необходимым сказать о некоторых особенностях битвы за Берлин. Это было заключительное сражение Великой Отечественной войны, оно окончательно разрешило военно-политические противоречия между СССР и фашистской Германией.

Берлинская операция - первая, в которой при планировании учитывались не только силы, группировка и возможные действия противника, но и действия союзных англо-американских войск. Причем не в смысле взаимопомощи, взаимодействия, как то было при высадке союзников во Франции, в дни Арденнского

контрудара немцев, или нашей операции "Багратион".

В Берлинской битве особенностью стало то обстоятельство, что союзные войска имели задачу упредить Советскую Армию в овладении Берлином и превращались из союзника в конкурента, оппонента, соперника.

Сталин рассчитывал ускорить взятие Берлина, подтолкнуть маршалов, но, как показал ход боевых действий, это породило не только положительные последствия, но и отрицательные. У Жукова появилась торопливость и связанные с ней ненужные потери.

Да и Конев гнал подчиненные войска "в хвост и в гриву", не считаясь с потерями, лишь бы опередить Жукова.

Вот из этого и вытекает одна особенность Берлинской операции, не украшающая наших самых крупных полководцев - Сталина, Жукова и Конева, потому что игра на самолюбии стоила многих жизней.

Хотел ли Жуков самостоятельно, без помощи Конева, взять Берлин? Конечно, хотел! Это в его характере. Отрицать фактор соревновательности грешить против истины. Но нельзя и преувеличивать.

Правда не в том, на что, передергивая ход событий, упирают некоторые авторы, утверждая: Жуков, не щадя войск, гнал их вперед, стремясь любой ценой опередить Конева.

Нет, Жуков отнюдь не был так примитивно прямолинеен! Конечно, были и ревность, и амбиции, но маршал прекрасно понимал и то, что не нахрапом, не навалом надо решать дело в таких условиях. Хладнокровный расчет, глубочайшее проникновение в тонкости ситуации - вот чем добивался успеха Жуков в соперничестве с соседом слева.

Критикующие Жукова за Берлинскую операцию, за "преждевременный" ввод танковых армий почему-то упускают из виду важнейшую особенность обороны противника. Здесь фронт Жукова наступал "в лоб". Не было в глубине пространства для маневра. Не было вообще "оперативного простора". Потому что от Одера и до Берлина несколько оборонительных рубежей представляли собой сплошную тактическую оборону - в самом ее классическом значении.

Если в других операциях после прорыва первых рубежей сопротивление противника ослабевало, то здесь, наоборот, возрастало! И в завершение боевых действий в полевых условиях войска упирались в могучий оборонительный массив-крепость - Берлин.

Жуков понимал это, и военное искусство его проявилось в этой операции в том, что он вводом танковых армий "не по

правилам" решил уничтожить главные силы врага - на первых рубежах обороны. Вложить вес, сломать, раздавить, уничтожить войска противника в поле! Тогда легче будет брать крепость Берлин. Если бы немецкие войска не понесли огромные потери в боях за Зееловские высоты и организованно отошли в город, они бы в домах-крепостях оборонялись несколько месяцев, как мы в Сталинграде. А Жуков их уничтожил, подавил, деморализовал могучими ударами в поле, и в город отошли остатки почти неуправляемых частей. За две недели прорвать 60-километровую оборону и затем за несколько дней взять такую махину, как Берлин, - победа весьма выдающаяся.

Много лет продолжается дискуссия: одни авторы видят в Берлинской операции только ее недостатки, а другая сторона отмечает только положительные стороны. Причем обе стороны, находящиеся под влиянием современных космополитических групповых схваток, забывают, что разговор идет о состоявшемся историческом событии, при объективной оценке которого недопустима однобокость, так как смещение критериев к субъективным постулатам уводит обсуждаемый вопрос из области науки (истории) в область пропагандистской возни и болтовни, давно известной как нечто лживое, грязное, непорядочное.

К сожалению, в этой политической свалке участвуют люди с учеными степенями и труды их останутся на книжных полках библиотек.

Некоторые из них особенно подчеркивают якобы напрасные большие потери в боях за Берлин, совершенно не учитывая при этом особенности Берлинской операции, которых немало. Кроме уже вышеизложенных, отмечу еще несколько, касающихся именно потерь.

Впервые за всю войну целый фронт вел бои в одном огромном городе (если не считать силы, обходившие Берлин с севера). Раньше, когда крупные населенные пункты оказывались в полосах наступления фронтов, их чаще обходили. В Сталинградской битве бои шли тоже в городе, но там наши войска вели оборонительные действия.

Такого сражения, когда фронт почти целиком вступил в огромный город, не было.

Берлинское сражение было последним, гитлеровцы стояли насмерть, отступать было некуда. И этим обстоятельством объясняется яростное сопротивление фашистов. Сравнить его можно только с нашей защитой Москвы, когда мы стояли насмерть, или битвой за Сталинград.

Почему-то, понимая и оценивая нашу стойкость под Москвой и в Сталинграде, некоторые исследователи не учитывают

подобную яростную оборону противника в Берлинской операции. А это была одна из особенностей последнего сражения, которая, кстати, и объясняет наши немалые потери. Да, были недостатки и огрехи в этой операции - произошла заминка на Зееловских высотах; неоднозначно оценивается применение прожекторов. Конечно же, хотелось бы, чтобы в завершающем сражении никто не погиб - победа близка, обидно и жалко терять бойцов и офицеров, прошедших через всю войну!

Однако Маниловы бывают не только в литературе, а война есть война, и без потерь она не обходится.

Тут можно отметить и особый героизм наших солдат и офицеров: встать в атаку в последний день или даже час войны - очень не просто!

И последняя особенность Берлинской операции - она проведена в кратчайший срок. За Москву и Сталинград мы бились несколько месяцев. А Берлин был взят за 9 дней! 21 апреля войска ворвались на окраины Берлина, а в 21 час. 50 минут 30 апреля сержант Егоров и младший сержант Канта-рия водрузили Знамя на рейхстаге и командующий 3-й ударной армией генерал Кузнецов докладывал Жукову:

- На рейхстаге - Красное Знамя! Ура, товарищ Маршал! И Жуков расстроганно ответил:

- Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг войск никогда не будет забыт советским народом!

С 16 апреля войска 1-го Украинского фронта вместе с войсками 1-го Белорусского (Г. К. Жуков) и 2-го Белорусского (К. К. Рокоссовский) принимали активное участие в завершающей наступательной стратегической Берлинской операции. Однако для И. С. Конева и руководимых им войск она не была завершающей. В тот момент, когда многие соединения фронта, и прежде всего танкисты, вышли на юго-западную окраину Берлина, соединились с войсками 1-го Белорусского фронта, наступавшими с северо-запада, штурмовали Берлин, раздался телефонный звонок из Москвы. Говорил Сталин:

- Здравствуйте, товарищ Конев.

- Здравствуйте, товарищ Сталин! Поздравляю вас с Первомаем !

- И вас поздравляю, товарищ Конев. Как у вас дела, как празднуете в Берлине?

- Дела идут хорошо, товарищ Сталин. Хороший Первомай.

- Молодцы. Передайте поздравления и вашим войскам. - Сталин помолчал. - Послушайте, Конев. Вы знаете, что в Праге готовится восстание?

- Нет, товарищ Сталин.

- Надо помочь нашим братьям. Я хотел, чтобы именно вы взяли столицу Чехословакии. Поняли?

- Понял, товарищ Сталин. Малиновскому дальше, чем нам...

- Причем тут Малиновский? - возразил Сталин.

- Я о том, что мы ближе, чем наш друг, - сделал ударение Конев на последнем слове, давая понять, что под этим подразумевает союзников, которые тоже стремятся побыстрее войти в Чехословакию.

- Жду от вас план операции по освобождению Праги. План был разработан в течение нескольких часов и на следующий день доставлен в Москву.

Сталин позвонил в полночь, сообщил, что план принимается, можно приступать к реализации, но предупредил:

- Город не бомбить. Надо сохранить древнюю столицу от разрушений.

1 мая в Чехословакии начались стычки жителей с оккупантами. А 5 мая в Праге вспыхнуло восстание. Фашистский наместник Франк и командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Шернер решили потопить восстание в крови. К Праге с трех сторон подтягивались немецко-фашистские войска. Восставшие по радио обратились за помощью к русским, эта помощь была немедленно оказана. За трое с половиной суток танкисты 3-й и 4-й гвардейских армий совершили марш-бросок от Берлина к Дрездену, а затем сразу же, без какой-либо специальной подготовки, овладели перевалами через Рудные горы, сбили немецкие заслоны и охватили Прагу с северо-востока и северо-запада, оберегая восставший город от трагической участи Варшавы. На рассвете 9 мая советские танкисты вместе со стрелковыми соединениями вошли в столицу Чехословакии.

Злата Прага была спасена от разрушений, а ее жители - от поголовного истребления.

Капитуляция. Победа!

Советские воины так умело и старательно били гитлеровцев в их столице, что наконец-то спесивые фашистские генералы запросили пощады.

Первый сигнал об этом поступил в 3 часа 50 минут 1 мая: на командный пуню 8-й армии прибыл начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал Кребс. Он сообщил о самоубийстве Гитлера и вручил письмо Геббельса Советскому Верховному командованию:

"Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут

добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю впасть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери.

Геббельс.

К письму Геббельса было приложено завещание Гитлера со списком нового имперского правительства. Завещание было подписано Гитлером и скреплено свидетелями.

Событие было неординарное. Несмотря на поздний час, Жуков позвонил Сталину. Тот был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

- Товарищ Сталин только что лег спать.

- Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Сталин подошел к телефону. Жуков доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии.

Сталин ответил:

- Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

- По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

Верховный сказал:

- Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть.

Обратите внимание на похожесть ситуаций - когда произошло нападение Германии ночью 22 июня 194I г., Сталин спал, и Жуков просил дежурного разбудить его. И вот кончается война, немцы запросили мира, и опять Жуков поднимает Верховного с постели.

Генерал Кребс хитрил, говоря о перемирии, а не о безоговорочной капитуляции.

Жуков заявил:

- Если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет охоту сопротивляться. Пусть подумают о бессмысленных жертвах.

Кребса отправили в расположение немцев. В 10 часов ответа не последовало. Жуков приказал артиллерии открыть огонь, и особенно по району рейхсканцелярии. В 18.30 войска пошли на штурм последнего убежища гитлеровского командования.

В 6 часов 30 минут 2 мая генерал Вейдлинг сдался в плен. Он

отдал приказ войскам о прекращении сопротивления.

Немногие знают о том, что после водружения Знамени Победы на куполе рейхстага разведчиками Кантарией и Егоровым бои в этом огромном здании продолжались еще двое суток.

В середине дня 2 мая сопротивление гитлеровцев в Берлине прекратилось.

Умелыми совместными действиями войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов ликвидировали и окруженные группировки гитлеровцев юго-восточнее Берлина. В честь этого был издан приказ Верховного Главнокомандующего, адресованный двоим славным военачальникам - Жукову и Коневу.

И еще один приказ Верховного Главнокомандующего, еще один салют в этот же день, 2 мая, отмечали нашу победу. Для того чтобы разделить эти два победных салюта, первый из них, о котором сказано выше, был дан в 21 час из 224 орудий, а второй - в 23 часа 30 минут, на этот раз из 324 орудий. В истории Великой Отечественной войны это был первый салют из такого количества орудий. Надо сказать, событие было исключительное - салютовали не чему-нибудь, а взятию Берлина!

Гитлеровская армия, претендовавшая на власть над всем миром, дошла до последних степеней деградации. Это состояние можно отчетливо разглядеть в той картине, которую увидел личный шофер фюрера эсэсовец Эрих Кемика, выйдя из бункера, где он находился последнее время вместе с ближайшим окружением фюрера:

"...Глазам нашим представилась потрясающая картина. Смертельно усталые солдаты, раненые, о которых никто не заботился, и беженцы лежали у стен, на ступеньках лестниц, на платформе. Большинство этих людей уже потеряло всякую надежду на бегство и было безучастно ко всему происходящему".

Каков итог: под заборами, под стенами, на асфальте лежат и солдаты и беженцы - то есть те, кто когда-то стройными, четкими рядами шел, сверкая алчными глазами, на Восток, и те, кто, вытягивая вверх руку в фашистском приветствии, неистово раздирали рты в крике "Хайль!". Когда-то они мечтали о восточных землях, о большой добыче, а теперь "потеряли всякую надежду на бегство".

Уже и бежать некуда! Полный крах всех планов, всех намерений, всех иллюзий, всех претензий, вообще всего!..

7 мая позвонил Сталин и сообщил Жукову:

- Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным

командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск. Я не согласился и с тем, что акт капитуляции подписан не в Берлине, центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Ремсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы. Завтра к вам прибудет Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве вашего помощника по политической части.

Кончилась война, вступала в права "ее величество политика".

Вопрос о безоговорочной капитуляции гитлеровцев перед всеми союзниками был решен на Ялтинской конференции.

Приведу ниже письмо Трумэна Сталину от 26 апреля 1945 года, в котором он подтверждает правильное понимание вопроса о капитуляции.

"I. Посланник Соединенных Штатов в Швеции информировал меня, что Гиммлер, выступая от имени германского правительства в отсутствие Гитлера, который, как утверждается, болен, обратился к шведскому правительству с предложением о капитуляции всех германских вооруженных сил на Западном фронте, включая Норвегию, Данию и Голландию. 2. Придерживаясь нашего соглашения с Британским и Советским правительствами, правительство Соединенных Штатов полагает, что единственными приемлемыми условиями капитуляции является безоговорочная капитуляция на всех фронтах перед Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами..."

И все же Трумэн разрешил командованию союзников принять отдельную сепаратную капитуляцию гитлеровцев, 7 мая 1945 года в Реймсе.

Сталин немедленно отреагировал на этот факт нарушения договоренности.

"7 мая 1945 г.

Секретное и личное послание премьера И. В. Сталина президенту г-ну Трумэну.

Ваше послание от 7 мая относительно объявления о капитуляции Германии получил.

У Верховного Командования Красной Армии нет уверенности, что приказ германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на Восточном фронте. Поэтому мы опасаемся, что в случае объявления сегодня Правительством СССР о капитуляции Германии мы окажемся в

неловком положении и введем в заблуждение общественное мнение Советского Союза. Надо иметь в виду, что сопротивление немецких войск на Восточном фронте не ослабевает, а, судя по радиоперехватам, значительная группа немецких войск прямо заявляет о намерении продолжать сопротивление и не подчиняться приказу Деница о капитуляции.

Поэтому командование советских войск хотело бы выждать до момента, когда войдет в силу капитуляция немецких войск, и, таким образом, отложить объявление Правительств о капитуляции немцев до 9 мая, в 7 часов вечера по московскому времени".

Вот к этому времени Жуков и его штаб стали готовить все необходимое к подписанию последней, окончательной, официальной капитуляции германского командования,

Много пришлось поработать начальнику тыла 1-го Белорусского фронта генералу Н. А. Антипенко.

Я был близко знаком с Николаем Александровичем. Однажды он приехал ко мне на дачу в Переделкино. У генерала было плохое настроение - никак не мог "пробить" переиздание своих доработанных и расширенных воспоминаний. Не надеясь, что это осуществится, Николай Александрович подарил мне ксерокопию рукописи. Разумеется, из бесед с Николаем Александровичем и из его книг я использую некоторые факты в моем повествовании.

Генералу Антипенко поручили заниматься обеспечением процедуры подписания акта о капитуляции.

Прежде всего было подобрано помещение в предместье Берлина Карлсхорсте, здесь раньше находилась столовая инженерного училища. Неподалеку подобрали дом для немецких представителей.

Антипенко рассказывал:

"- Впервые пришлось нам заниматься "снабжением" такого рода. Каждый, конечно, хорошо понимал, каковы были моральные переживания и материальные затруднения людей в связи с войной. Казалось бы, не до банкетов в такое время... Но ведь была завершена невиданная по масштабам война! Впервые собрались представители стран-победительниц по такому торжественному поводу.

Надо было хорошо принять гостей.

Днем 8 мая прибыли представители Верховного командования союзников: от американцев - командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл Спаатс, от англичан - маршал авиации Артур В. Теддер и главнокомандующий французской армией генерал Жан Делатр де Тассиньи.

По чинам и по именам видно отношение, а точнее пренебрежение, желание принизить значимость предстоящего подписания общего акта о капитуляции. Полагалось бы прибыть первым лицам из командования союзников: Эйзенхауэру и Монтгомери. Только хорошо воспитанных французов представлял Главнокомандующий.

Жуков поступал соответственно: он не поехал встречать гостей на аэродром Темпельгоф, прибывающие были не его ранга. Встречал их заместитель Жукова генерал армии Соколовский.

С гитлеровцами было проще - генерал-фельдмаршал Кейтель, адмирал флота фон Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф прилетели на тот же аэродром под конвоем английских офицеров.

Говорят, Кейтсль, проезжая по улицам Берлина, сказал:

- Я потрясен степенью разрушения! Наш офицер из сопровождения спросил:

- Господин фельдмаршал, а вы были потрясены, когда по вашему приказу стирались с лица земли тысячи советских городов и сел, под обломками которых погибли миллионы людей, в том числе детей?

Кейтель не привык к такому обращению, побледнел, пожал плечами и ничего не ответил.

Пришло время, назначенное для официальной части, а из Москвы не поступали необходимые указания".

Антипенко волновался, рассказывая об этом даже спустя много лет:

"- Начались осложнения. К 15 часам 8 мая обед был приготовлен, а подписание акта о капитуляции откладывалось. Уже вечерело, а команды о созыве людей в зал заседания все не было. Несколько раз я обращался к маршалу Жукову, высказывая ему тревогу за качество обеда. Но не от него зависела проволочка, на то были причины высокого дипломатического порядка: Москва, Вашингтон, Лондон не могли договориться о процедуре принятия капитуляции... Поварам не было дела до этих переговоров, их беспокоило одно - как бы не ударить лицом в грязь и показать именитым европейцам во всем блеске русское поварское искусство".

Раза два Антипенко заходил в домик Кейтеля. Он сидел за столом, накрытым более скромно. За спиной у него и у других немецких представителей стояли английские офицеры. Кейтель держал себя с независимым видом, к пище едва притрагивался. Ему предстояло с минуты на минуту быть вызванным в зал заседаний и там, перед лицом всего мира, подписать документ, который навеки пригвоздит к позорному столбу германских милитаристов, - акт о безоговорочной капитуляции. Он сидел напыщенный, вытянув шею, с моноклем в глазу.

Жуков, союзники, Вышинский, Телегин и Соколовский ожидали в кабинете рядом с залом, где должно было состояться подписание акта.

Наконец "'наверху", в Москве, все утрясли и дали "указания". В 24 часа союзники вошли в зал. Они сели за стол. За их спинами были флаги СССР, США, Англии и Франции. За столами (как говорит Антипенко, буквой "П") сидели военные и многочисленные представители печати. Среди них были Симонов, Полевой и другие, каждый из них в своих статьях по-своему описали эти исторические минуты.

Я располагаю стенограммой, которая велась в тот вечер. Она короткая, но зато точно отражает происходившее.

Когда все заняли места, Жуков сказал:

"- Господа!

Здесь, в этом зале, собрались по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии - заместитель Верховного Главнокомандующего Красной Армии Маршал Советского Союза Жуков, по уполномочию Верховного Главного Командования экспедиционными силами союзников - заместитель Верховного Главнокомандующего экспедиционными силами союзников

главный маршал авиации Теддер.

Присутствуют в качестве свидетелей:

Генерал-полковник американской армии Спаатс.

От французской армии - Главнокомандующий французской армией генерал Делатр де Тассиньи и для принятия условий безоговорочной капитуляции от верховного главнокомандования вооруженных сил Германии прибыли уполномоченные верховного главнокомандования германской армии - фельдмаршал Кейтель, генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф.

Их полномочия на право подписи акта безоговорочной капитуляции проверены.

Я предлагаю приступить к работе и пригласить сюда уполномоченных представителей от немецкого верховного главнокомандования, прибывших для принятия условий безоговорочной капитуляции".

Жуков сделал паузу, дал возможность переводчикам перевести его слова.

Далее Жуков велел пригласить в зал представителей немецкого главнокомандования.

Их ввели. Кейтель старался быть спокойным. Картинно вскинул руку с маршальским жезлом, приветствуя присутствующих. Но Жуков тут же поставил его на место, коротко приказав:

- Сядьте!

В стенограмме так и зафиксировано, не "Прошу садиться" или просто "Садитесь", а именно: "Сядьте!"

- Имеете ли вы на руках акт о безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Этот же вопрос задает на английском языке главный маршал авиации Теддер. Кейтель глухо ответил:

- Да, изучили и готовы подписать.

Жуков встал и молвил:

- Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель резко встал, глаза его горели ненавистью. Но, встретив жесткий взгляд Жукова, он опустил взор и покорно пошел к его столу. Монокль выпал и повис на шнурке. Лицо фельдмаршала покрылось красными пятнами. С Кейтелем подошли Штумпф и Фридебург. Кейтель сел на краешек стула, вставил монокль и дрожащей рукой поставил подпись на пяти экземплярах акта, Жуков четко сказал:

- Немецкая делегация может быть свободна. Их вывели из зала.

Жуков продолжал:

- На этом, господа, позвольте заседание объявить закрытым. Поздравляю главного маршала авиации Теддера, генерал-полковника американской армии Спаатса, Главнокомандующего французской армией генерала Делатра де Тассиньи с победным завершением войны над Германией.

Вот уж действительно строевик до мозга костей! На его месте какой-нибудь политик растянул бы процедуру и речи на несколько часов.

Жуков уложился в сорок минут: в 24.00 начал, в 0.43 минуты 9 мая 1945 года завершил.

Генерал Антипенко мне доверительно сказал:

- В своем мемуарах я об этом не пишу, а вам, для истории, расскажу. Вышинский для Жукова подготовил длинную речь, на нескольких страницах, ее маршал должен был произнести при открытии иди при закрытии, точно не знаю, процедуры капитуляции. Но Жуков "забыл" текст этой речи в сейфе, в своем кабинете. Я думаю, он поступил так умышленно - не любил маршал длинных политических излияний.

Текст стенограммы подтверждает предположение генерала Антипенко, в нем не сказано ни о вступительной, ни о заключительной речи Жукова, зафиксированы только те слова, которые в действительности произносил маршал.

Вышинский, несомненно, доложил Сталину о самовольстве Жукова, и, кто знает, может быть, тогда зародилась у Генсека мысль: пора маршала убирать или отодвигать на второй план (что и было сделано в 1946 году).

После официальной части начался банкет в этом же зале, только теперь столы поставили буквой "Ш" (так рассказал Антипенко).

Жуков словно оттаял. Обращаясь к присутствующим, он тепло поздравил всех с победой и предложил тост за советских воинов, за воинов союзных государств, за здоровье всех присутствующих.

Праздновали до 6 часов утра.

Мне кажется естественным и необходимым для завершения этой главы привести полный текст "Акта о капитуляции". Это последний документ войны.

Акт о военной капитуляции германских вооруженных сил

8 мая 1945 г.

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под

немецким командованием, ~ Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных Экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 по центральноевропейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных Экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных Экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в гор. Берлине.

От имени Германского Верховного Командования: КЕЙТЕЛЬ, ФРИДЕБУРГ, ШТУМПФ

В присутствии: по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии Маршала Советского Союза Г. ЖУКОВА по уполномочию Верховного Командующего Экспедиционными сипами Союзников Главного Маршала Авиации ТЕДДЕРА

И наконец настал день, когда в столице нашей Родины был

издан последний приказ Верховного Главнокомандующего. Это был тот приказ, которого мы, фронтовики, ждали всю войну, к которому шли долгих четыре года через бои, кровь, подвиги и страдания. И поэтому мне бы хотелось этот приказ также привести полностью.

Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

8 ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, 30 артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий,

Маршал Советского Союза

И. Сталин

9 мая 1945 года".

Страна ликовала. Народы Европы, в том числе и немецкий народ, наконец-то вздохнули свободно. Салютовала победителям Москва, салютовали себе и сами войска. В часы, когда был дан салют, стреляли не только орудия r Москве, стреляли все, у кого в руках было оружие, стреляли, кричали "ура!", было всеобщее счастье Победы!

Портреты некоторых победителей

Пошли годы, нет в живых многих участников сражений Великой Отечественной войны. Какие они были замечательные люди! Мне посчастливилось знать многих из них. Я расскажу здесь лишь о нескольких встречах, которые имеют прямое отношение к завершающему историческому моменту в войне. Да и сами эти люди стали личностями историческими. Пройдут еще

годы, не будет и меня на этом теплом свете, но, я думаю, потомки наши с благодарностью прочтут строки о нас, живших в далекие, счастливые дни, когда мы праздновали Победу.

Начну рассказ о замечательных победителях с Владимира Семеновича Антонова. Мы с ним познакомились в 1959 году в городе Ош, в предгорьях Памира. Я там командовал Отдельным горнострелковым полком, а генерал-лейтенант Антонов, будучи начальником военной кафедры в одном из институтов столицы Киргизии - Фрунзе, привозил в наш полк студентов на стажировку.

Вот в те дни он мне рассказал о боях за Берлин, в которых командовал 301-й стрелковой дивизией, и подарил свою книгу "Путь к Берлину".

Его дивизия брала главное здание гестапо, министерство авиации, Карлсхорст (где позднее была подписана капитуляция), Трептов-парк и другие крупные объекты.

Дивизия Антонова штурмовала имперскую канцелярию и взяла последнее прибежище Гитлера - фюрербункер. Владимир Семенович рассказывал:

"- Ночью и утром первого мая мы готовились к последнему штурму. В десять часов утра позвонил командир корпуса генерал Рослый, поздравил с праздником и приказал начать атаку в одиннадцать часов.

После артиллерийского налета полки ворвались в сад, в северной его части в дыму и пыли просматривалось громадное бетонное сооружение. Мы тогда не знали, что это бункер фюрера. Эсэсовцы из особых частей и охраны Гитлера оказывали яростное сопротивление. Перед самым бункером они черной волной ринулись в контратаку, схлестнулись мы с ними в отчаянной рукопашной схватке. Сад имперской канцелярии кипел как адский котел. Мне плохо было видно в дыму и пыли, что происходит в саду. Я позвонил командиру полка Гумерову, он, видавший виды подполковник, коротко ответил:

- В саду творится что-то невообразимое! Там все смешалось в рукопашной.

Из двери, ведущей в бункер, били пулеметы. Очень кстати оказался здесь сержант Тимошенко со своей "сорокапяткой". Пушечка маленькая, но дело сделала большое. Прямой наводкой сержант всадил несколько снарядов в пулеметные гнезда, и тут же в двери бункера кинулись бойцы взвода лейтенанта Пескова.

1054-й полк одолел эсэсовцев в саду в рукопашной!

Утром пришел генерал Рослый, мы спустились с ним в бункер. Я показал наши трофеи: штандарт "Адольф Гитлер". Тогда я, понятно, еще не знал, что на параде Победы его бросят на

брусчатку к подножию Мавзолея.

Вскоре прибыл и командующий армией Берзарин. Я ему передал личную карту Гитлера с последней обстановкой.

Берзарин посмотрел на висевших на стенах орлов - гитлеровские символы - и приказал:

- Снять этих хищников!

Полки моей дивизии получили почетное название Берлинских, 301 -я дивизия была отмечена орденом Суворова 2-й степени".

Следующий, с кем я познакомлю читателей, - командир прославленной 150-й дивизии, штурмовавшей рейхстаг, - генерал-полковник Шатилов.

Последние годы Василий Митрофанович жил в доме на Старой площади, напротив тогдашнего здания ЦК КПСС. Место и дом престижные, здесь жили многие известные люди. На той же лестничной площадке, где была квартира Шатилова, до войны жил маршал Егоров.

Я бывал у Василия Митрофановича много раз, и он мне рассказывал подробности штурма рейхстага и водружения Знамени Победы.

"- В горячке боя едва не получился казус с этим рейхстагом, улыбаясь, говорил Шатилов. - Звонит мне командир полка Зинченко, которому я поставил задачу брать рейхстаг, докладывает:

- Перед нами какой-то большой серый дом, он закрывает рейхстаг. Силы на него я тратить не буду, обойду справа, а там уже будет рейхстаг.

Смотрю я на карту, вроде бы большого серого дома в полосе наступления полка нет. О чем он докладывает? Спрашиваю:

- Уточни, что за дом перед тобой? Кроль-опера? Не может быть - она на юго-запад от тебя.

Разобрались. Оказалось - большой серый дом и есть рейхстаг. Вот так, чуть не обошли мы его в дыму сражения. Тяжелые шли бои, каждый метр с боем брали. Жалко было солдат, за несколько часов до конца войны жизни отдавали!

Зинченко докладывает:

- Рота Сьянова приближается к главному входу. К нему пошел комбат Неустроев - поторопить.

- А где знамя Военного совета? - спрашиваю.

- Рядом, на моем НП.

- Так его же сразу надо водружать, как ворвутся.

- Да некому этим заниматься, такой бой идет, товарищ генерал!

Я решил его попугать:

- Ну раз тебе некогда, передам знамя в полк Плеходанова. Он найдет подходящих людей.

Зинченко тут же опомнился и про бой забыл. Как же, знамя хочет комдив забрать. Кричит в трубку:

- Товарищ генерал, уже нашел нужных людей, вот они рядом со мной, боевые, опытные разведчики - сержант Егоров и сержант Кантария. Я им уже задачу ставлю.

- Ну то-то же! - усмехнулся я.

Военный совет армии выдал девять знамен - по одному каждой дивизии, наступавшей в центре города. Кто первый возьмет рейхстаг, тот и будет водружать знамя. Мы тогда его не называли Знаменем Победы..."

Не стану пересказывать другие перипетии разведчиков и знамени на пути в рейхстаг. Сразу перехожу к тому, что узнал от полковника Зинченко. Мы с ним не только были знакомы, я даже снял о нем телефильм для передачи "Подвиг", которую вел несколько лет на центральном телевидении.

Герой Советского Союза Зинченко со своим полком брал рейхстаг и был назначен первым его комендантом.

"- Бои за рейхстаг были очень тяжелые, и на подступах и в самом здании. Оно огромное, сюда несколько тысяч гитлеровцев сбилось. Сопротивлялись отчаянно. Бои шли на этажах и в подвалах. Кантария и Егоров со знаменем тоже расчищали себе дорогу огнем из автоматов"...

Но об эпизодах боя знаменосцев, узнаем от Кантарии.

А Зинченко я спросил:

- Кто придумал, кто начал делать надписи на стенах рейхстага? Может быть, ваши бойцы, как только вышли к стенам рейхстага, стали запечатлевать этот исторический момент?

- Нет, мы еще вели бои внутри здания, а надписи уже появились. Я вышел из рейхстага, смотрю, уже весь низ исписан. Стали подниматься выше, на плечи друг другу вставали. А потом лестницы нашли в подвале, притащили и расписали весь дом до самых карнизов.

- Жуков тоже расписался?

- Да, и он, и сопровождавшие его генералы.

- А как это произошло?

- Первым его встретил один из моих комбатов - капитан Неустроен, а потом и я подошел, как только мне сообщили, что командующий фронтом прибыл. Жуков читал надписи на стенах, улыбался, был очень доволен. Спросил: "Как же наверх до самого потолка добрались?" Я рассказал, показал лестницы. Неустроева спросил: "Ну вы, конечно, первыми расписались?" - "Никак нет, товарищ маршал, - ответил капитан, - пока мы немцев внутри

добивали, тут уже другие свои надписи нацарапали".

Жуков больше часа беседовал с солдатами, которые ходили с ним вокруг рейхстага, а потом и сам расписался на одной стене...

Я был в рейхстаге в шестьдесят восьмом году. Внутри, на первом этаже, немцы устроили выставочный зал. Здание еще не было капитально отремонтировано, однако снаружи стены были оштукатурены и псе росписи, в том числе и Жукова, затерты.

В заключение осталась беседа с Кантарией. С ним приключился у меня сначала неприятный казус. Работал я в 1980-1986 годах главным редактором журнала "Новый мир". В одном из номеров незадачливый автор (не помню его фамилию, а комплекта журналов за те годы под рукой нет) упомянул в своей статье Кантарию как умершего после войны.

Вскоре после публикации раздается звонок телефона:

- Это говорит Кантария, которого вы похоронили...

Нетрудно представить мое удивление, а потом и стыд, который меня охватил. Я доверился автору и полагал, что он знал подлинную судьбу героя.

В общем, надо было исправлять ошибку и перед Кантария извиниться не только лично, но и публикацией в журнале.

Я немедленно отправился в гостиницу "Москва", встретился с Мелитоном Варламовичем, принес извинения от имени редколлегии. А в очередном седьмом номере журнала за 1982 год - была опубликована моя беседа с ним. Привожу эту публикацию полностью, без изменений и дополнений.

"Кантария среднего роста, очень подвижный, несмотря на свои шестьдесят два года. Он не носит традиционные для грузин усы - гладко выбрит. Светлые глаза его улыбчивы и приветливы. Необыкновенно контактен. Может быть потому, что мы оба бывшие разведчики, и по годам почти ровесники, и Звезды Золотые у нас на груди, с первой минуты заговорили на "ты", как давние знакомые.

С естественным для него и приятным для слушающего акцентом Кантария стал свободно и весело рассказывать:

- Как жил после войны? Сам знаешь, дорогой, после войны нелегко было. Я вернулся в Очамчири, откуда ушел служить в армию. Радостное и горестное было мое возвращение. Радостно - победили! Горестно: мои односельчане, ушедшие на фронт, - их было шестьдесят один - многие погибли.

- Как налаживалась жизнь?

- Хороню налаживалась! Женился я на кубанской казачке Анне Илларионовне. Росли дети - сыновья Резо и Шота и дочка Циела. Сыновья водителями работают. Дочка замужем. Давно уж дед! У меня шесть внуков!

- А какая у тебя мирная профессия, кем работал?

- У меня самая хорошая, самая прекрасная профессия. После войны на родную землю вернулся - пять лет пахал и сеял. Потом пять лет в шахте работал в Ткварчели. А шестнадцать лет на стройках - плотником. Работать надо было. Я люблю работать. Меня за это уважают. За труд орденом Ленина наградили. Депутатом Верховного Совета Абхазии меня избрали. Вот так, дорогой.

- Не потерял после войны связь с боевыми друзьями, переписывался?

- Как можно потерять связь с друзьями! Не только переписывались много раз ко мне в гости в Сухуми приезжали: командир нашей дивизии генерал Шатилов Василий Митрофанович, командир полка Зинченко, командир батальона Неустроев, разведчик Егоров. Все были. Все Герои Советского Союза. Еще ко мне в гости в Сухуми приедут. И ты приезжай, другом будешь. Запиши адрес.

- А сам, Мелитон, много ездишь?

- Очень много! В Москве часто бываю. В ГДР больше десяти раз был - я почетный гражданин города Берлина. Немецкие друзья наградили меня орденом Карла Маркса. Вот сейчас приехал в Москву по приглашению комсомольцев на съезд. Я ведь был комсомольцем, когда знамя на рейхстаг поднимали. В партию позднее вступил, а тогда шел на купол комсомольцем.

- О чем думал, когда взял в руки знамя и понес его в зал съезда?

- Волновался очень, много думал! Очень... Пожалел, что нет в живых Егорова. Вспомнил, как мы на рейхстаг в дыму, в огне поднимались. Кругом пули, осколки, понимаешь, летят.. А меня не зацепило! Четыре раза я был ранен до этого. А тут все мимо пролетели! Повезло, дорогой! Ну еще вспомнил себя молодым. Я ведь на съезд в военной форме пришел. Специально новую форму сшил. Погоны младшего сержанта надел.

- А какое у тебя сейчас воинское звание?

- Младший сержант.

- Но ведь после войны, когда числился в запасе, должны были повысить тебя в звании.

- Я сам просил, чтобы не повышали.

- Почему?

- Когда я шел на рейхстаг, был младший сержант. Так это всюду и записано. Пусть и останусь для всех младшим сержантом Кантарией.

- Как сейчас здоровье, ранения не сказываются?

- На здоровье не жалуюсь. Здоров, слушай, сам удивляюсь! И

тут ранен, и тут, и тут, - он быстро показывает на руку, ногу, спину, - а все равно здоров! Гвардия, дорогой, не болеет!

Мы говорили еще о многом. Мелитон был весел, шутил, энергично жестикулировал. Я смотрел на него и думал о том, что таким же он был и в дни войны, и на параде Победы. Я вспоминал своих фронтовых друзей, и мне думалось: все войсковые разведчики чем-то похожи друг на друга. Много я их видел на фронте - разных национальностей: русские, украинцы, грузины, татары, сыны других народов, внешне разные и в то же время как братья, наделены чем-то общим. Может быть, вот этой, как у Кантарии, открытой душой, веселым нравом, готовностью ради друга на все. Недаром же среди военных любой профессии, будь то летчики, танкисты или моряки, высшей оценкой человека служили слова: "Я бы с ним пошел в разведку".

Мелитон Кантария из таких - верный, надежный, добрый, прочный человек!"

Вот такие у меня происходили счастливые, полезные для писателя, приятные встречи с живыми еще Героями - победителями.

Великая Держава

":Это угрюмое, зловещее большевистское государство я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до нападения Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы:

Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавил гений и непобедимый полководец И.В. Сталин.

Сталин принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием"

Уинстон Черчилль

Первые дни мира

(Секретная операция)

Не верилось, что война кончилась. Внутренняя настороженность, тревожное ощущение опасности, готовность к бою некоторое время как электрические заряды продолжали пульсировать в подсознании.

Потом пришла радость. Безграничная, легкая, светлая, но все еще с маленьким сомнением в глубине души: неужели правда все кончилось?!

Это личные ощущения. Не могу утверждать, что все фронтовики (да и те, кто жил в тылу) чувствовали то же, но нечто похожее - несомненно. А в масштабах исторических, государственных наступал новый этап бурного двадцатого века. Ох и грозный век выпал на нашу долю! Только в первой половине

его прогремели две самые истребительные мировые войны.

Наше поколение узнало, как начинается война, как перемалывает она в своих безжалостных жерновах миллионы людей. Мы познали на себе, что означают слова - "война есть продолжение политики иными (вооруженными) средствами". Предстояло спокойно оглядеться и понять - что же натворили? Об этом мудрец сказал: "История - это политика, обращенная в прошлое". Опять политика! Но эти две политики мы уже попробовали. А какая политика начинается? Конец войны - начало чего? Мы знали об этом по учебникам, книгам, кинофильмам, картинам в музеях. Как раньше завершались войны и как люди вступали в мир? Захват, дележ добычи, месть за погибших родственников и друзей, пьянство и обжорство в домах победителей, насилие над женщинами, мародерство и постепенное разложение армии. Во все века завоеватели грабили, разрушали, жгли захваченные города. В древние времена жителей истребляли или обращали в рабов. Извините за хрестоматийные примеры, других просто нет.

Так, в 147 году до нашей эры римляне после трехлетней осады штурмом взяли Карфаген и не только разрушили до основания один из красивейших городов того времени, но еще и распахали его территорию, чтоб никогда не возродился! Жители Карфагена были обращены в рабов и распроданы.

После вступления в Москву Наполеона от нее осталось пепелище. Правда, французам помогли жечь столицу патриоты, но как бы там ни было, а на месте первопрестольной после врагов тлели одни головешки да чернело несколько обгоревших каменных строений.

Однако бывало и иное - русские войска, изгнав Бонапарта, вступили в Париж и не тронули его жителей, пощадили, не мстили за убитых соотечественников, не рушили, не грабили дома, как это делали французы на нашей земле.

По замыслу Гитлера, после захвата Москвы ее надлежало сровнять с землей и затопить. Там, где находился город, должно образоваться море, чтобы никогда не возродилась столица русского народа. Ни один ее житель будь то мужчина, женщина или ребенок - не должны покинуть Москву: всех уничтожить! Фюрер явно хотел превзойти завоевателей Карфагена!

И, повторяя благородство своих предков, русские воины (немцы всех советских воинов, независимо от национальности, звали русскими), войдя в Берлин, не грабили, не разрушали, не мстили. Наша армия проявляла великий гуманизм и благородство. И было это нелегко и непросто. Ну а если и случались поступки, похожие на те, что творили завоеватели в

далекие времена, так это было исключением, к тому же за такое карали.

Немцы боязливо выглядывали из подвалов - ждали обещанной гитлеровской пропагандой кровавой расправы. Но загадочные русские стали... расчищать улицы, гасить пожары. Позднее, на пресс-конференции Жукову был задан такой вопрос:

- Для многих в мире осталось загадкой - как удалось сдержать гнев и мщение, когда советские солдаты вступили в Берлин, изгнав врага, допустившего невиданные зверства на нашей территории?

Жуков ответил:

- Честно говоря, когда шла война, все мы, и я в том числе, были полны решимости воздать сполна фашистам за их бесчинства на нашей земле. Но мы сдержали свой гнев. Наши идеологические убеждения, интернациональные чувства не позволили отдаться слепой мести. Огромную роль тут сыграла воспитательная работа и великодушие, свойственное нашему народу.

Да, непросто было проявить наше извечное благородство! И дело не только в душевных переживаниях. Гнев сдержать - это полдела. Истинное благородство было еще и в огромных трудах. Город был переполнен трупами людей и животных. Только в метро, затопленном по приказу Гитлера, тоннели и станции были забиты трупами женщин, детей и стариков.

Надо было спасти уцелевших жителей от эпидемии, которая неминуемо разразилась бы при наступившей жаркой погоде. Четыре миллиона жителей, оставшихся в каменных джунглях без воды и продовольствия, надо было накормить и напоить. Голодные, обессилевшие (многие раненные) люди лежали в развалинах и подвалах, некоторых трудно было отличить от трупов.

Сталин приказал войскам оказать помощь населению Берлина. Были развернуты пункты питания. Армейские полевые кухни готовили пищу на перекрестках улиц, и здесь же выдавался хлеб. Солдаты вместе с недавно враждебным населением расчищали улицы, вывозили раненых и хоронили мертвых. Через несколько дней город был приведен в удовлетворительное санитарное состояние. По расчищенным улицам уже можно было регулярно подвозить продукты.

Вскоре были отремонтированы и заработали больницы, школы, кинотеатры.

"Где можно найти в истории такую оккупационную армию, - писал Отто Гротеволь, - которая пять недель спустя после окончания войны дала бы возможность населению

оккупированного государства создавать партии, издавать газеты, предоставила бы свободу собраний и выступлений?"

Все эти огромные усилия происходили, конечно же, не только по доброте и желанию наших солдат и офицеров. Нужна была четкая организация и соответствующее материальное обеспечение. Сталин разрешил выделить все необходимое.

Военный совет под руководством Жукова для поддержания порядка создал в городе комендатуру - первым комендантом Берлина стал один из тех, кто умело освобождал город от фашистов, генерал-полковник Берзарин. Были созданы комендатуры и в других городах.

Учитывая наступившую весну, Сталин приказал помочь, и советское командование организовало посевную, населению были выделены трактора, горючее, семена, делалось все необходимое для восстановления хозяйства.

Между тем уцелевшие руководители фашистского рейха не теряли надежды сохранить не только себя, но и нацистское государство. Как известно, Гитлер перед тем, как покончить жизнь самоубийством, написал два завещания - одно личное и второе политическое. Выполняя волю фюрера, гросс-адмирал Дениц сформировал правительство и обосновался с ним в городе Фленсбурге, который находился в английской зоне оккупации.

Я считаю, мне и читателям очень повезло: у меня состоялась встреча с человеком, который с группой офицеров, по поручению Сталина, участвовал в аресте последнего правительства фашистской Германии во главе с адмиралом Деницем. Это - генерал Трусов Николай Михайлович. В Берлинской операции он являлся начальником разведки в штабе Жукова.

Подписание акта о безоговорочной капитуляции подводило итог сражения на поле брани и фиксировало полный разгром гитлеровской армии. Операция, о которой я поведу рассказ, была не сражением, а скорее, пожалуй, политической акцией. Но дело это было боевое, опасное, связанное с большим риском для его участников.

Читатели, особенно участники войны, наверное, напрягают память - о какой же операции ведет речь автор? Что это за загадочная акция, которую не сразу вспомнишь?

И действительно, это была необычная, последняя схватка, и знали о ней тогда немногие. Проводилась она Сталиным с соблюдением секретности. И может быть, поэтому, даже после успешного завершения, о ней мало знали и мало писали. В трудах военных историков и журналистов об этой акции упоминалось обычно в общих чертах. Я не претендую на лавры первооткрывателя. Но не стану и умалять проделанную мной

работу. Тем более что значение этого моего труда объективно оценивает известный историк, профессор и доктор наук, автор многих широко известных книг Г. Л. Розанов. В своей книге "Конец третьего рейха", которая, на мой взгляд, представляет собой не только художественно-публицистическое произведение, но и фундаментальное историческое исследование, профессор, касаясь операции, о которой я хочу рассказать, делает такое примечание: "В мае 1982 г. генерал-лейтенант Н. М. Трусов подробно рассказал о своей миссии во Фленсбург известному советскому писателю В. Карпову. Опубликованные последним в "Литературной газете" (18 мая 1982 г.) материалы использованы в настоящей главе".

Мне хочется отметить порядочность Германа Леонтьевича Розанова, потому что в наши дни (да и раньше) некоторые пишущие "сдирали" и присваивали факты и мысли, изложенные другими авторами. Привожу я эту оговорку еще и потому, что она свидетельствует - до 1985 года, спустя 40 лет, даже такой широко информированный ученый-историк, каким является Розанов, еще не знал подробностей той операции.

Но - по порядку. 16 мая в наших газетах была опубликована последняя сводка Советского Информбюро о том, что советские войска закончили прием сдавшихся в плен немецко-фашистских войск по всему советско-германскому фронту.

Таким образом, на нашей стороне был полный порядок - выполнялись обязательства перед союзниками и условия акта о капитуляции. Но на территории, оккупированной, союзниками, как стало известно Сталину, было далеко до наведения порядка. И даже напротив - творились очень странные дела.

В английской зоне были не расформированы и не переведены на положение военнопленных около 1 миллиона немецких солдат и офицеров, с которыми даже проводились занятия по боевой подготовке. Кроме того, сохранила свой штаб и два корпуса, численностью более 100 тысяч человек каждый, армейская группа Мюллера, переименованная в группу "Норд", Гитлеровцы ходили в своей форме, носили награды, приветствовали друг друга прежним нацистским вскидыванием руки. Единственное, что изменилось, это возглас: поскольку Гитлер был мертв, теперь осталось просто "Хайль", а кое-кто уже добавлял "Хайль Дениц". Почему же такое происходило?

Перед самоубийством Гитлер своим преемником определил гросс-адмирал а Деница и назначил министров его правительства. В политическом завещании была изложена программа действий этого правительства. Дениц в те дни находился во Фленсбурге, за Кильским каналом. Английские

войска в ходе боевых действий, продвигаясь вперед, не заняли эту территорию. Выполняя завещание фюрера, Дениц принял на себя общее руководство, сформировал правительство, объявил его единственным законным правительством Германии.

Сохранилась запись первой короткой речи Деница, с которой он обратился к своим сотрудникам:

"Друзья, нам должно быть ясно, что мы полностью находимся в руках противников. Наша будущая судьба мрачна. Что они с нами сделают, мы не знаем. Но мы хорошо знаем, что должны делать сами. Политическая линия, которой мы должны следовать, очень проста. Ясно, что мы должны идти вместе с западными державами и сотрудничать с ними в оккупированных западных областях, ибо только при помощи сотрудничества с ними сможем потом надеяться, что отнимем наши земли у русских".

Черчилль позднее в мемуарах не скрывал своих предательских (как союзник) намерений по отношению к "русским". Приведу лишь одну, хотя и широко известную, цитату из директивы, данной им Монтгомери: "Тщательно собирать германское оружие и складировать его, чтобы его легко можно было раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось".

Монтгомери все понимал прекрасно и позднее в мемуарах писал: "Германские военные руководители, которые спаслись от русских, весьма охотно хотели стать друзьями англичан и выполняли бы, что мы хотели. Однако в оплату за это сотрудничество они ожидали, что с ними будут обращаться как с союзниками англичан против русских".

Наша разведка работала неплохо, сведения о происходящем в зонах союзников легли на стол Сталина. Верховный Главнокомандующий, как известно, человек был крутой (тем более, после такой громовой победы). Он стал действовать быстро и решительно.

Подготовка и начало этой акции происходили так.

В кабинете Верховного находились Молотов, Ворошилов и Жуков. Сталин сказал:

- В то время, как мы всех солдат и офицеров немецкой армии разоружили и направили в лагеря для военнопленных, англичане сохраняют немецкие войска в полной боевой готовности и устанавливают с ними сотрудничество. До сих пор штабы немецких войск во главе с их бывшими командующими пользуются полной свободой и по указанию Монтгомери собирают и приводят в порядок оружие и боевую технику своих войск. Я думаю, - продолжал Верховный, англичане стремятся сохранить немецкие войска, чтобы использовать позже. А это

прямое нарушение договоренности между главами правительств о немедленном роспуске немецких войск.

Обращаясь к Молотову, Сталин произнес:

- Надо ускорить отправку нашей делегации в Контрольную Комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Деница, немецких генералов и офицеров.

- Советская делегация завтра выезжает во Фленсбург, - ответил Молотов.

Далее Сталин сообщил о решении союзников создать Контрольный Совет по управлению Германией, куда войдут представители всех четырех стран: от США - генерал армии Эйзенхауэр, от Англии - фельдмаршал Монтгомери, от Франции - генерал Делатр де Тассиньи.

- Мы решили, - сказал Сталин, - поручить вам, товарищ Жуков, должность главноначальствующего по управлению Германией от Советского Союза. Помимо штаба Главкома, нужно создать советскую военную администрацию. Вам нужно иметь заместителя по военной администрации. Кого вы хотите иметь своим заместителем?

Жуков назвал генерала Соколовского. Сталин согласился.

Начальника разведывательного управления 1-го Белорусского фронта генерала Урусова Верховный утвердил представителем от советской стороны для ареста правительства Деница...

По ходу повествования мы еще не раз встретимся с генералом Урусовым. После того как оба ушли в отставку, мы подружились. Николай Михайлович много рассказывал мне для книги "Полководец". Он был в 1942 году начальником разведки на Северо-Кавказском фронте, которым командовал И. Е. Петров. А теперь, для освещения операции, о которой пойдет рассказ, он снова очень помог мне. Вот несколько слов из его письма:

"Уважаемый Владимир Васильевич!

Посылаю отдельные заметки на четыре группы вопросов, которые были сформулированы в тооей записке. Если эти заметки принесут какую-то пользу, то я буду весьма доволен...

С уважением к тебе - Трусов

14.3.83"

После одной из бесед я оставил Николаю Михайловичу вопросник, и он, человек обязательный, не забыл ответить.

На мой взгляд, самым достоверным станет рассказ живого участника событий того далекого мая 1945 года. Теперь Трусова нет в живых, но я не стану править записанные мной беседы с ним. Пусть он останется и в вашем восприятии живым собеседником.

Итак, мы сидим в квартире Урусова на Плющихе, его жена и верная подруга во все годы их жизни, Анна Дмитриевна, поит нас отлично заваренным чаем.

- Каждому событию предшествуют или подготовка, или стечение обстоятельств, порождающих это событие, - начал Николай Михайлович. Накануне самоубийства - 29 апреля - Гитлер подписал документ под названием "Политическое завещание". Текст его через несколько дней был у меня в сейфе. В нем назначается новое правительство и верховное командование вооруженных сил Германии. Согласно завещанию, посты распределялись: Дениц президент, Геббельс - имперский канцлер, Борман - министр по делам нацистской партии, Зейес-Инкварт - министр иностранных дел, Гислер министр внутренних дел, Ханке - министр по делам полиции, фельдмаршал Шернер - главнокомандующий сухопутными войсками. Я спросил:

- По каким соображениям Гитлер своим преемником назначил гросс-адмирала Деница? Почему на нем остановил выбор? Ведь раньше официально преемником в случае кончины Гитлера был назначен Геринг.

Николай Михайлович улыбнулся:

- Геринг, как говорится, не оправдал доверия фюрера, он за его спиной, не согласовав с ним свои действия, а точнее, спасая свою шкуру и богатство, стал вести переговоры с американцами: еще когда германская армия сражалась или делала вид, что сражается, с нашими союзниками, наступающими с запада. Разгневанный фюрер расценил это как предательство. Вот тогда и встал вопрос о новом преемнике. Выбор на гросс-адмирала Деница пал не случайно. Он был не только верный сторонник нацизма, но еще имел связи с финансовыми магнатами, он был родственником миллионера и крупного промышленника Эдмунда Сименса. Пушки умолкали, наступала тихая пора действий. Гросс-адмирал Дениц был очень подходящим человеком для представителей финансовых и промышленных кругов Германии и западных стран, да и для оставшихся в живых главарей фашизма. 30 апреля 1945 года в 18 часов 30 минут Дениц получил в городе Плен телеграмму, отправленную из Берлина, за подписью Бормана.

Николай Михайлович весело глянул на меня:

- Я сам читал телеграмму, поэтому так точно называю дату и время. В ней говорилось: "Вместо прежнего рейхсмаршала Геринга фюрер назначил вас, гросс-адмирал, своим преемником. Письменные полномочия в пути. С этого момента вам надлежит предпринимать необходимые меры, вытекающие из современной обстановки".

Дениц на эту телеграмму ответил: "Мой фюрер, моя верность вам остается непоколебимой. Я приму нее необходимые меры, чтобы облепить ваше положение в Берлине. Но если судьба принудит меня, как вашего преемника, быть первым человеком немецкого рейха, то я закопчу войну так, как того требует неповторимая героическая борьба германского народа".

Дениц перебрался в город Фленсбург и приступил к активным действиям, сформировал правительство и претендовал на то, что оно представляет всю Германию и начинает вести ее основную послевоенную политику. Одним из самых заветных, но, разумеется, тайных желаний этого правительства было намерение поссорить союзников, победителей.

Николай Михайлович помолчал, видимо, вспоминая те дни, и продолжал:

- Нам было известно, что существует правительство Деница и чем оно занимается. Черчилль возлагал на это правительство большие надежды, что подтверждает сам факт его создания в английской зоне. Покровительство англичан Деницу, я думаю, было не случайно и объясняется не только заботами тех дней.

Посмотрев на меня с доброй хитринкой, генерал спросил:

- Как вы думаете, не имеет ли это связи с тем, что Дениц во второй половине 1918 года был взят англичанами в плен вместе с частью экипажа тонущей подводной лодки? На поверхности их подобрал английский эсминец. Только через год, во второй половине 1919 года, Дениц возвратился в Германию. Кроме того, общеизвестно, что бывший гросс-адмирал Дениц на Нюрнбергском процессе, пожалуй, не обвинялся, а опекался со стороны Англии. Заместитель английского главного обвинителя не требовал смертной казни Деницу, а вел такую линию, что Дениц получил минимальный срок наказания. Гросс-адмирал Дениц был единственным обвиняемым на Нюрнбергском процессе, который получил только 10 лет тюремного заключения, хотя не меньше других совершил военных преступлений против человечества, был одним из видных лиц нацизма и полностью ответствен за чудовищные преступления фашизма. Ну, еще напомню, что на смерть Деница, бывшего гросс-адмирала гитлеровского флота, лондонская газета "Тайме" в 1981 году опубликовала некролог в половину газетной полосы. В некрологе самым почтительным образом воздается дань его заслугам, таланту, знанию военного дела и ничего не говорится о его преступлениях перед человечеством во второй мировой войне.

"- И вот, - увлекся своими воспоминаниями Николай Михайлович Трусов, Верховный Главнокомандующий утвердил меня представителем от советской стороны для ареста

правительства Деница. Из Москвы прилетело несколько офицеров, которые вошли в мою группу. Мне поручалось на период проведения операции держать связь непосредственно с Москвой, для чего я взял с собой радиостанцию и необходимые шифры. Приказано: подобрать группу в 20-25 офицеров, 17 мая быть во Фленсбурге и в возможно короткий срок выполнить задание.

Заехать-то в их зону мы заедем, но вернемся ли оттуда в случае своей большой настойчивости, да и вообще, если узнаем кое-что такое, что не захотят предавать гласности англичане? Уж кто-кто, а они умели заставлять замолчать неугодных им людей, этому можно найти подтверждающие факты на любой странице их истории.

В общем, я все подготовил, товарищи чекисты, включенные в мою группу, из Москвы прилетели вовремя, старшим среди них был спокойный, понравившийся мне с первого взгляда Горбушин Василий Иванович. Он ленинградец, как и я, начинал жизнь рабочим Кировского завода. Перед войной был уже мастером механического цеха, и горком направил его на работу в органы государственной безопасности. Горбушин пережил блокаду и затем прошел боевой путь до Берлина.

Оказавшись за Кильским каналом, мы как бы попали в довоенную фашистскую Германию: всюду видны старые названия улиц, фашистские указатели, кругом свастика, фашистское приветствие поднятием руки - и масса немецких военных в сухопутной, эсэсовской и морской форме, все при орденах, со знаками различии. Было очевидно: здесь в полной мере продолжал существовать гитлеровский порядок, действовали фашистские законы.

В городе Фленсбурге функционировал городской транспорт, работали магазины, оживленное уличное движение регулировали пожилые полицейские в форме, которую они носили и при Гитлере.

В порту находилось много немецких военных кораблей. Экипажи этих кораблей жили обычной жизнью - уходили на берег, возвращались из городского отпуска. На кораблях отбивались склянки и развевались немецкие флаги со свастикой.

Во Фленсбурге находилось и продолжало функционировать верховное командование фашистской Германии (ОКВ) во главе с генерал-полковником Йодлем - начальником штаба руководства.

Как будто не было ни поражения, ни подписания акта о безоговорочной капитуляции- Нам тогда показалось, что нацистам оставлена эта территория преднамеренно, дается возможность сохранить кадры, переждать "ненастье". Это был

какой-то музей - не восковых, а живых фигур, и не только фигур, но и фашистских порядков, образа жизни.

В Фленсбург раньше нас прибыли американская делегация, ее возглавлял генерал-майор Руке, и английская делегация во главе с бригадным генералом Фордом. Мы встретились с ними в день приезда - 17 мая - и провели совещание по предстоящей работе.

Бригадный генерал Форд пугал советскую и американскую делегации, что если немедленно приступим к ликвидации правительства Деница, то он не исключает вооруженных выступлений во Фленсбурге морских немецких школ, мятежных действий эсэсовских подразделений.

Форд, на правах хорошо осведомленного хозяина в этой английской зоне оккупации, пытался представить дело так, что итогом нашей работы во Фленсбурге должно быть "разъяснение" своим правительствам того положения, что группа Деница полезна на данной стадии управления Германией и ее пока не надо ликвидировать.

Нам приступать к выполнению задания немедленно действительно было невозможно, следовало осмотреться, сориентироваться, найти выход. Англичане как хозяева предложили нашей делегации несколько вариантов для размещения: в гостинице, в отдельном доме в городе или за городом. Учитывая обстановку и то, что местные газеты уже сообщили о нашем прибытии, причем явно недружелюбно, надо было располагать группу с учетом безопасности и даже возможности защитить себя в случае нападения. Поэтому я решил поселить нашу группу на пассажирском корабле "Патрия". Он стоял у пирса, был связан с землей только трапом, и в случае опасности мы сможем или отплыть в море, или своими силами отстреливаться, не пуская на трап нападающих. Несколько неожиданным для нас было решение английской и американской делегаций тоже поселиться на этом корабле. Внешне они так поступали из чувства союзнической солидарности, удобства совместной работы, но я понимал: было здесь намерение постоянно держать нас в поле зрения, знать о передвижениях всех офицеров нашей группы..."

В таких условиях, после размещения на корабле, Трусов, не теряя ни минуты, начал действовать. Он поставил конкретные задачи всем членам группы и сам за короткое время успел сделать немало. Вот выдержка из его донесения:

"18-го мая беседовал с генерал-полковником немецкой армии Йодлем.

Йодль после ареста Кейтеля занимает пост начальника штаба верховного командования. Штаб верховного командования (ОКВ)

разделен на две части. Около 60% штаба находится во Фленсбурге, около 40% - в Пегергардене, подробный состав штаба высылаю самолетом. Кроме радиосвязи открытым текстом, никакой другой связи между двумя частями штаба нет".

Далее Трусов докладывает о реальных силах, которыми руководит штаб. И еще о том, что его очень насторожил незаконный дележ немецкого флота между англичанами и американцами.

В следующей шифровке Николай Михайлович доносит о том, что ему удалось выяснить в отношении флота:

"1. ...установлено, что немцы передали союзникам... всего в зоне от Кильского канала, включая Данию, 2600 сухопутных самолетов и 66 гидросамолетов.

Документы о переданных союзникам самолетах высылаю самолетом.

2. ...после капитуляции англичане захватили в водах Балтийского моря и Северного моря следующий немецкий флот: крейсеров легких и тяжелых 9, миноносцев 12, подводных лодок 195 (далее идет перечисление многих видов кораблей). Всего 258 единиц боевых кораблей. Кроме того, торговых судов 951 единица.

Документальные данные по морскому флоту высылаю...

По данным, полученным из бесед с американскими и английскими офицерами, англичане не намерены выделять Советскому Союзу какую-либо долю из военного и торгового морских флотов.

Американцы не возражают против выделения Советскому Союзу определенной доли морских сил Германии..."

Донесения Трусова печатаются в строго ограниченном количестве экземпляров и рассылаются только Сталину, Молотову, Жукову, Булганину, Берии, Антонову (последний был тогда начальником Генерального штаба).

"- Бригадный генерал Форд, - продолжает свой рассказ Трусов, всячески противился моей встрече с Деницем. Дениц якобы все изложит по общей просьбе трех представителей на бумаге, и копию этой бумаги англичане передадут представителю каждой стороны. Я настаивал на том, чтобы встреча с Деницем состоялась. После долгих проволочек и многих попыток отговорить меня от встречи генерал Форд все же свел меня с Деницем при условии, что я не буду вести протокол допроса, а выясню у него только некоторые вопросы, касавшиеся деятельности его как главы правительства, составленного по завещанию Гитлера от 29 апреля 1945 года.

В сопровождении нашего полковника В. И. Смирнова и

бригадного генерала Форда я вошел в кабинет Деница. Кабинет был большой, старинная деревянная мебель, на стене портрет Гитлера. При нашем появлении Дениц встал из-за стола и пытался приветствовать нас традиционным жестом гитлеровцев. Но, увидев наши недовольные лица, как-то неловко опустил руку и показал ею на стоящие вокруг стола стулья.

Дениц был в форме адмирала. Ему исполнилось 53 года, выглядел свежим, подтянутым военным человеком, среднего роста, приглаженные волосы, с сединой на висках. Взгляд Деница не был сосредоточенным, глаза его бегали, и была заметна какая-то неуверенность в его жестах, хотя внешне он держался спокойно. Я спросил Деница о составе правительства. И, как вы понимаете, меня интересовал не столько его сегодняшний состав, как то, куда делись лица, коих предназначал включить в этот состав Гитлер в своем завещании. Мне уже было известно, что тех главарей, которых назвал фюрер, в правительстве нет. Где же они?

О деятельности своего правительства Дениц отвечал неохотно, правда, назвал полный его состав и много говорил о трудностях при его формировании, потому что тех людей, которые были указаны в завещании Гитлера, не оказалось на месте.

Я спросил: "Почему не включены в состав правительства в Фленсбурге Борман и другие руководители рейха?" Дениц заявил, что он неоднократно пытался установить местонахождение этих лиц, в том числе и Бормана, пытался наладить с ним связь, но успеха не имел. Далее Дениц сказал, что к нему приходил Гиммлер и предлагал свое сотрудничество, просил быть вторым лицом. Гиммлеру он отказал, и тот ушел, не сказав, куда направляется.

В течение всей "аудиенции" Дениц не спускал глаз с бригадного генерала Форда, как бы дожидаясь одобрения своих ответов на мои вопросы.

Наша делегация настояла на том, чтобы арест провести одновременно, по утвержденному нами списку. А надо сказать, список был немалый - в него мы на совместном заседании включили более двухсот крупных нацистов. Наконец мы обо всем договорились, арест был намечен на 23 мая 1945 года, операция проводится одновременно, по всем известным нам адресам".

Хочу обратить внимание читателей на то, что генерал Трусов не только выполнил прямое поручение Сталина "об аресте правительства Деница", но по своей инициативе еще прихватил и весь штаб верховного командования германской армии. Я подчеркиваю "весь штаб", чтобы и зародыша для воскрешения не

осталось.

И еще нашел себе дополнительные хлопоты энергичный генерал, о чем также сообщает в Москву: "Наши предложения о создании комиссии и об учете архивов приняты".

Как пригодились эти архивы на Нюрнбергском процессе! А не прояви инициативы генерал Трусов, многие из этих очень важных документы могли быть уничтожены гитлеровцами или просто утеряны после ареста немецких работников штаба.

В решающий день, а вернее, ночь, у Трусова возникли большие затруднения. В его группе двадцать пять человек, арест будут проводить английские солдаты и офицеры. Для того чтобы осуществить контроль и проявить настойчивость, если таковая потребуется, Трусов распределил своих офицеров в английские группы и соответственно их проинструктировал. Накануне проведения операции они получили сведения, которые потребовали срочных активных действий не только во Фленсбурге.

Тут я передаю слово Василию Ивановичу Горбушину. Он рассказывает:

"- Мне и подполковнику Ивлеву удалось установить, что все немецкие документы разведывательного характера о Советской Армии англичане успели вывезти из Фленсбурга в бельгийский город Динст. Я доложил об этом генералу Трусову и просил вступить в переговоры о передаче этих документов нам. Англичане согласились с нашими доводами и поручили одному из своих офицеров сопровождать меня и подполковника Ивлева в Динст".

(Было решено, что Горбушин и Ивлсв уедут после проведения операции по аресту в Динст).

На рассеете 23 мая операция началась. Группы разъехались по намеченным адресам. Руководители союзных делегаций вызвали президента и военного министра незаконного правительства Германии гросс-адмирала Деннца, начальника штаба оперативного руководства генерал-полковника Йодля и главнокомандующего военно-морскими силами адмирала Фридебурга. Представители трех сторон - советской, американской и английской объявили, что с этого момента так называемое правительство Деница распускается, они трое берутся под стражу, все правительственные институты прекращают свое существование, а весь личный состав правительства и чиновники правительственных учреждений тоже берутся под стражу.

В целом операция была проведена по намеченному плану, успешно. Правда, из-за невнимательности английской охраны адмирал Фридебург, уже после ареста, вышел в туалет и там

отравился бывшей при нем ампулой с цианистым калием.

Тут вновь продолжает рассказ Горбушин, лично присутствовавший при следующем важном событии:

"- Вскоре после этого англичане информировали генерала Трусова, что в городе Люнебург, примерно при таких же обстоятельствах, покончил жизнь самоубийством рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. В связи с этим было решено совместить мою поездку в Динст с заездом в Люнебург.

Рано утром 24 мая я и подполковник Ивлев в сопровождении майора английской армии выехали из Фленсбурга. У шлагбаума на окраине Люнебурга нас ожидал офицер английской армии, указавший дорогу к зданию, где находился труп Гиммлера. Войдя в это здание, мы увидели лежащего на полу Гиммлера - самую кровавую, зловещую личность рейха, рейхсфгорера СС, начальника политической полиции, министра внутренних дел.

Из бесед с английскими офицерами выяснилась следующая картина самоубийства Гиммлера.

В один из майских дней английский патруль задержал на улице в Люнебурге трек неизвестных нарушителей комендантского часа и направил их в лагерь для гражданских лиц, размещенный на окраине города. Как позже стало известно, эти нарушители наткнулись не на англичан, а на двух наших солдат - Ивана Сидорова, уроженца Саратовской области, и Василия Губарева из Рязани. Их, плененных немцами, освободили из лагеря англичане и предложили нести патрульную службу при английской военной комендатуре.

Доставив Гиммлера в штаб английских войск в Люнебурге, полковник распорядился его обыскать. Гиммлера раздели, предложили ему открыть рот. Увидев во рту стеклянную ампулу, врач производивший обыск, попытался ее выхватить, но Гиммлер раздавил ампулу.

Таков был рассказ английских офицеров.

Я попросил полковника сделать снимки трупа Гиммлера и письменно изложить обстоятельства его смерти. Полковник просьбу мою выполнил и вечером через офицера связи передал две фотопленки, а также письменное объяснение своих сотрудников и одну из трех ампул цианистого калия, обнаруженных в одежде Гиммлера.

26 мая мы поехали дальше. В районе Рура переночевали и спустя день прибыли в Динст - в лагерь военных преступников. Коменданта лагеря заранее предупредили о цели нашего приезда, и он сразу же велел принести немецкие, как он выразился, "документы о русских". Нам доставили три больших ящика с бумагами. Документы, составленные на русском и немецком

языках, содержали материалы разведывательной деятельности различных ведомств и служб гитлеровского рейха.

Не задерживаясь в этом лагере, мы с.Ивлевым выехали в Брюссель".

На этом миссия группы генерала Трусова не завершилась. Как было сказано выше, Трусов обнаружил захват англичанами военно-морского и гражданского флотов. Николай Михайлович проделал огромную работу и склонил на нашу сторону американцев, доказав им, что будет более справедливым поделить корабли между союзниками поровну.

Об этом Трусов доложил в Москву:

"Американское правительство материально не заинтересовано ни в боевых кораблях, ни в подводных лодках, ни в торговом флоте Германии. Оно согласно, в принципе, поделить флот на 4 части - СССР, Англия, США, Франция.

Для ускорения решения вопроса раздела германского флота американская сторона считает необходимым в ближайшие дни создать морские комиссии от СССР, Англии и Америки.

Созыв конференции с участием этих комиссий должен произойти в результате обращения маршала Жукова или Верховного командования к генералу Эйзенхауэру.

Американцы не будут выступать в совместной линии с англичанами, напротив, поддержат наше требование на 1/3 германского флота".

Трусов, не будучи морским специалистом, рекомендовал назначить председателем комиссии по разделу флота не ниже вице-адмирала и просил дать ответ сегодня же по поводу согласия на проведение предлагаемых мероприятий. Рассказывая об этом, Николай Михайлович усмехнулся:

- Вот видите, до чего мы "обнаглели": самому Сталину предлагали давать ответ немедленно.

В заключение скажу о том, что в результате инициативных действий группы Трусова наша страна не упустила значительные трофеи из состава морского флота Германии. А те из вас, кто плавал по Черному морю на теплоходе "Россия", плавали на той самой "Патри", где жила группа Трусова.

Николай Михайлович так подвел итог нашей беседы:

"Из Фленсбурга мы выехали с чувством выполненной миссии, возложенной на нас. Правительство Деница перестало существовать, арест высокопоставленных нацистов способствовал организации Нюрнбергского судебного процесса. Во Фленсбурге нам удалось добыть важные немецкие документы, мы привезли с собой оттуда значительную часть архива германского генерального штаба, материалы которого были использованы на

Нюрнбергском процессе и раскрывали подготовку и развязывание агрессивных войн а Европе и против СССР. Во Фленсбурге нам удалось добыть также немецкие карты морского штаба с минной обстановкой по всей акватории Балтийского моря, эти карты значительно облегчили нашим морякам разминирование Балтийского моря и спасли от гибели многих людей и суда многих государства. Вот такое личное задание Сталина довелось мне выполнить сразу после войны.

Если акт о безоговорочной капитуляции гитлеровских вооруженных сил фиксировал прекращение боевых действий "на суше, на море и в воздухе", то арест правительства Деница ставил последнюю точку: было ликвидировано нацист-скос правительство - "третий рейх" как государство перестал существовать не только фактически, но и официально, юридически.

При аресте адмирала Деница в его личном портфеле оказались подлинники завещания Гитлера. Позднее эти завещания публиковались в сотнях различных изданий, начиная от газет, кончая мемуарами государственных деятелей".

Встреча с Гопкинсом

В мае 1945 года Сталину нанес визит Гарри Гопкинс, особо доверенное лицо президента США.

Гопкинс, по мнению Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом. Кстати, первая их личная встреча состоялась в июле 1941 года, когда гитлеровцы рвались к Москве. В те дни почти никто не сомневался в скорой победе германской армии. Президент США хотел знать истинное положение, он послал Гопкинса, якобы для изучения вопроса об американских поставках в СССР. Но главная его задача была выяснить - "как долго продержатся русские". Гопкинс из бесед со Сталиным уверился, что русские будут драться до победного конца, он убедил в этом и президента Рузвельта, чем, несомненно, повлиял на решение президента разработать целую программу помощи Советскому Союзу.

Гопкинс действительно дружески относился к нашей стране, и его влияние на президента и правительство США принесло немалую пользу в укреплении союзнических отношений между нашими странами, да и в материальной помощи в трудные годы войны. Он приложил много усилий и для принятия закона о ленд-лизе.

Сталин относился с уважением к доброжелательному американцу. И новый президент Трумэн не случайно прислал именно Гопкинса на переговоры со Сталиным. После окончания

войны отношения союзников стали меняться в сторону ухудшения. Западные страны всячески пытались не допустить укрепления наших позиций в Европе. Сталин был тверд в проведении своей политики. И вот, после неудачных попыток сломить советскую сторону на конференции в Сан-Франциско (откуда Молотов уехал до ее окончания), Трумэн решил послать Гопкинса как "друга Сталина", с которым он будет более сговорчив.

Гопкинс, старый и больной, к тому времени уже оставил государственную службу. Но, услышав предложение Трумэна, "словно боевой конь" воспрянул духом, почувствовал прилив новых сил и согласился осуществить высокую миссию.

В моей библиотеке есть полная запись всех бесед Гопкинса со Сталиным, но поскольку этот материал довольно объемистый, приведу из него только то, что имеет прямое отношение к Сталину.

Первая беседа состоялась 26 мая в 8 часов вечера, в ней участвовали Сталин, Молотов, Павлов (переводчик; я не раз с ним беседовал). Американскую сторону представляли Гопкинс, Гарриман (посол США в СССР), Болен (помощник госсекретаря США).

Сталин встретил Гопкинса очень радушно. Они оба с удовольствием вспоминали свою первую встречу в тревожные и опасные дни июля 1941 года. Помянули добрым словом Рузвельта, которого оба уважали. Перейдя к делу, касались многих острых тогда политических проблем. Гопкинс сообщил, что в Контрольный Совет по Германии американским представителем назначен генерал Эйзенхауэр. Сталин не знал об этом. Он тут же принял решение назначить не менее значительную фигуру:

- Советским представителем в Контрольный Совет будет назначен маршал Жуков.

Ни минуты не сомневаясь в правильности принятого им решения, но, понимая необходимость юридического оформления, Сталин добавил:

- Об этом назначении будет объявлено в ближайшее время. Кстати, одну из очень важных проблем Сталин решал, уже

опираясь на работу, проделанную генералом Урусовым.

Это произошло на второй беседе, 27 мая, когда Гопкинс затронул вопрос о разделе германского флота. Сталин, как говорится, был во всеоружии:

- Как нам известно, некоторые соединения германской армии, сражавшиеся против русских, стремились капитулировать перед западными союзниками. Что касается германского флота, он тоже

капитулировал и весь остался в ваших сферах оккупации. Ни один корабль не был передан русским. Я послал президенту и премьер-министру телеграммы, чтобы по меньшей мере одна треть германских военных кораблей и торговых судов была передана Советскому Союзу. Остальная часть может быть использована Великобританией и Соединенными Штатами по их усмотрению. Если учесть, что мы имеем право на часть итальянского флота, то тем большее право советской страны на германский флот. Мы имеем определенную информацию, дающую основание полагать, что США и Англия намерены отклонить просьбу Советского Союза; я должен сказать, если эта информация окажется верной, то это будет крайне неприятно.

Гопкинс заверил Сталина:

- Я уже говорил по этому поводу с адмиралом Кингом и могу заявить, что Соединенные Штаты не имеют никакого намерения задержать какую-либо часть германского флота, а лишь хотят осмотреть эти суда с точки зрения новых изобретений и технических усовершенствований. После этого мы готовы потопить ту часть, которая будет передана нам, они нам не нужны. Я считаю и согласен с вами - германский флот должен быть разделен между союзниками. Я думаю, этот вопрос будет решен именно так на предстоящем совещании глав трех правительств.

В конце второй встречи, после трудных и долгих дискуссий по поводу ленд-лиза, говорили о судьбе Польши, которую союзники хотели превратить в "санитарный кордон" от коммунизма путем внедрения в Польшу эмигрантского правительства Миколайчика. После всего этого утомленный (и не очень здоровый) Гопкинс посчитал нужным еще раз вернуться к одной из вчерашних тем.

- Было бы крайне желательно, чтобы маршал Сталин смог как можно скорее опубликовать сообщение о назначении маршала Жукова советским представителем в Контрольном Совете для Германии, с тем чтобы этот орган мог поскорее приступить к работе.

Сталин заверил гостя:

- Я готов объявить о назначении маршала Жукова либо завтра, либо еще через день, и вообще когда вам угодно.

На третьей, тоже продолжительной встрече, решался очень ответственный вопрос о начале военных действий против Японии. Оговорив непременное обсуждение этого вопроса с Китаем, Сталин обещал, что советские войска начнут боевые действия в августе.

Что бы ни писали о Сталине желающие изображать его

только черной краской, но даже из встреч с Гопкинсом виден его колоссальный международный авторитет и несгибаемость в защите интересов нашего отечества. По всем вопросам, даже там, где он соглашался с Гопкинсом и через него с предложениями президента Трумэна, в конечном итоге получалось так, что позиция Сталина, интересы нашей страны преобладали.

Например, начать боевые действия против Японии СССР обязан был в соответствии с договором с союзниками. И вот при встрече с Гопкинсом Сталин дает себя уговорить в том, что уже давно решено, и при этом оговаривает и повое положение, прямо скажем, весьма и весьма непростое:

- Я считаю, после безоговорочной капитуляции Японии Россия будет участвовать в фактической оккупации Японии, и она желает достигнуть с Англией и США соглашения о распределении зон оккупации.

И еще раз в конце третьей встречи Гопкинс напоминает Сталину, что до сих пор нет официального сообщения о назначении Жукова.

Для меня остается загадкой такая настойчивость в отношении кандидатуры маршала Жукова. Боевые действия кончились. Авторитет Жукова в Контрольном Совете способен только подавлять других членов комиссии и усложнить им защиту своих интересов. Зачем так настаивает Гопкинс на его кандидатуре?

Единственное, может быть, нелестное для Георгия Константиновича объяснение я вижу в том, что Жуков им хорошо известен как "военная косточка": прямолинейный строевой командир и никакой не политик, и уж тем более не дипломат. Наступила пора ораторских баталий, а дипломат, как известно, должен говорить одно, думать другое, а делать третье. Жуков на такие выкрутасы явно был не способен. Может быть, поэтому его тянули в сторону от близких ему военных дел?

Как бы там ни было, а на третьей встрече Гопкинс еще раз просит Сталина разрешить вопрос о назначении Жукова. Сталин не привык к такой напористости, да и неловко ему, наверное, было оказаться не хозяином слова после того, что в прошлый раз пообещал.

На следующий день в газетах появилось сообщение:

"О Контрольном Совете по оккупации Германии.

По договоренности между правительствами союзных держав на днях создается Контрольный Совет из представителей Верховного Командования Советского Союза, Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Франции, который будет осуществлять высшую власть союзных держав на время оккупации.

Представителем Советского Верховного Главнокомандования в Контрольном Совете назначен главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

31 мая 1945 г."

Обратите внимание: в этой публикации не сказано, кто принимал решение, нет ничьей подписи, нет ссылки на какой-либо официальный орган. Не знаю, в чем причина такой публикации, но, может быть, Калинин был болен или находился в отъезде? Это предположение могу подкрепить тем, что в перечне присутствовавших членов правительства на приеме у Молотова 31 май и на обеде у Сталина 1 июня Калинина не было. Но Сталин сказал опубликовать, и этого было достаточно, надо же было успокоить высокого гостя.

В третьей беседе зашел разговор о месте очередной встречи глав союзных держав. Гопкинс стал вспоминать, как при возвращении с Ялтинской (Крымской) конференции Рузвельт полагал, что следующая встреча произойдет в Берлине, это будет символично для победы, которую одержат союзники.

Сталин поддержал:

- Я помню, мы даже подняли тост за следующую встречу в Берлине.

Так был предопределено место следующей конференции руководителей трех союзных держав, которая войдет в историю под названием Потсдамской.

Парад Победы

Впервые мысль о необходимости провести Парад Победы высказал Сталин. Шло к концу совещание, начальник Генерального штаба Антонов докладывал расчеты о сосредоточении войск на Дальнем Востоке для боевых действий против Японии. В кабинете присутствовали адмирал флота

Кузнецов, начальник тыла Красной Армии Хрулев и еще несколько генералов, которым предстояло заниматься практически подготовкой большой войны на востоке.

Вопрос был решен, помолчали, вот тут Сталин безотносительно к предыдущему разговору сказал:

- Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев-солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Присутствующие поддержали бы любое предложение Сталина, но это к тому же всем пришлось по душе, мысль эта как бы витала в воздухе, всем хотелось как-то празднично и громко отметить победу. Ну, уже был День Победы 9 мая: погуляли, выпили, салют дали в Москве и городах-героях. Но в те дни вообще много гуляли и выпивали - радость была великая, ее в один день не обмоешь. Однако ощущение, что чего-то не хватает, не оставляло. И вот, оказывается (как не раз уже отмечено - все гениальное просто), нужен Парад Победы. С того дня все закрутилось-завертелось, в Генштабе и Главпуре были сделаны расчеты: кого приглашать, где им жить, как их одеть, кормить, развлекать да и это предусматривалось.

Вопрос о том, кто будет принимать Парад Победы и кто будет командовать парадом, тогда не обсуждался. Однако каждый считал, что Парад Победы должен принимать Верховный Главнокомандующий.

В общем, вопрос этот не ставился и не разрешался, пошла полным ходом подготовка к грандиозному празднику.

По составленному в Генеральном штабе расчету каждый фронт формировал один сводный полк и по одному сводному полку предоставляли Военно-Морские Силы и Военно-Воздушный Флот. Что значит сводный полк? Это временное формирование, которое отбиралось из разных частей от фронта. Самые достойные фронтовики, добывавшие победу, - офицеры, сержанты, рядовые, независимо от рода войск - пехотинцы, артиллеристы, танкисты и так далее. Как воевали вместе, так и пойдут плечом к плечу. В первую очередь отбирали Героев Советского Союза и кавалеров орденов Славы трех степеней, а затем других отличившихся в боях, по количеству наград.

Полки эти начинали заниматься строевой подготовкой еще в расположении фронта, а потом перевозились в Москву и продолжали тренироваться здесь. В дни этих занятий всем участникам парада была выдана или сшита новая парадная форма и новая обувь.

Вечером участников парада возили в театры, в концертные

залы и в цирк. В эти же дни они встречались с рабочими на заводах, с учеными и писателями, со студентами и школьниками, побывали в различных коллективах и обществах, где рассказывали, как они шли к победе.

В Генштабе, еще при составлении расчета, встал вопрос - в каком порядке пойдут полки торжественным маршем мимо правительства на трибуне Мавзолея? Было предложено вроде бы логичное - открыть парад должен 1-й Белорусский фронт, бравший Берлин. Но сразу же возник другой, не менее резонный вопрос - 1-й Украинский фронт тоже брал Берлин. Ну а если говорить о победе, то ее добывали все фронты и все участники Великой Отечественной войны, начиная с пограничников, которые первыми встретили врага 22 июня 1941 года.

Тогда, чтобы никого не обижать, решили проходить в том порядке, в каком дрались на полях сражений, - то есть на самом правом фланге Карельский полк, затем Ленинградский, Прибалтийский и т. д. Это было справедливо и снимало претензии и кривотолки. Всего в каждом полку набиралось до 1000 человек, по двадцать фронтовиков в ряду. Впереди строя - знаменщики-герои, они понесут 363 боевых знамени наиболее отличившихся соединений и частей. Впереди знамени пойдет командование во главе с командующим фронтом. На тренировках маршалы со своими полками не ходили, руководили и тренировались генералы чинами пониже. После фронтовых полков войска Московского гарнизона: академии, училища и вызывающие общие улыбки одобрения суворовцы и нахимовцы.

Вот в таком порядке мы тренировались на центральном аэродроме, теперь здесь аэровокзал. Летное поле было размечено белыми линиями в точном соответствии с размерами Красной площади и порядком построения участников. Вместо Мавзолея стояла временно сколоченная трибуна, обтянутая красной тканью. Тренировались мы ночами: подъем в три часа, умылись, оделись - и на аэродром. Когда москвичи шли на работу, мы уже заканчивали занятия и возвращались на свои квартиры.

Теперь, да будет мне позволено, вспомню переживания очень личные, надеюсь, читатели за это не осудят.

В те дни я был слушателем Высшей разведывательной школы Генерального штаба. Это было очень солидное учебное заведение с четырехлетним сроком обучения (для сравнения - в Академии Фрунзе, которую я тоже позднее окончил, учились три года). В нашей спецшколе учились только офицеры-разведчики, они прошли огни и воды в годы войны. Народ был отчаянный! Вспоминаю их сейчас с любовью и восхищением, уж каких только заданий они не выполняли, причем не только в военное время, но

и после - в разведке, как известно, мирного времени не бывает.

Мне выпала великая честь быть знаменосцем в нашей колонне разведчиков. Ассистентом знаменосца справа был знаменитый командир партизанской бригады, Герой Советского Союза Гришин, ассистент слева - тоже Герой Советского Союза, старший лейтенант Ворончук. Я был в звании капитана.

Вспоминаю о том, что я был знаменосцем в такой колонне необыкновенных людей, с нескрываемой гордостью.

До парада оставалось несколько дней. 12 июня в Кремле Калинин вручил Жукову третью Золотую Звезду - "...за об разцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями в районе Берлина". После вручения награды Жукова вызвал к себе на дачу Верховный. Естественно, он поздравил Жукова со званием трижды Героя, и обмыли они эту награду. При том застолье на даче Сталин спросил:

- Не разучились ездить на коне?

- Нет, не разучился.

- Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Жуков ответил:

- Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать Вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать Вам.

Сталин сказал:

- Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе,

Прощаясь, он заметил, как мне показалось, не без намека:

- Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Буденный.

Благородство? Скромность? Уважение к Жукову? Все было бы так, если бы за кулисами не творилось иное. Парад намеревался принимать Сталин сам, и именно на белом коме, как все великие полководцы. Об этом стало известно позднее от его сына Василия Сталина, который в кругу собутыльников разболтал тайну своего отца.

А дело (по рассказу Василия) было так. Сталин понимал, что он немолод и на коня не садился с далеких времен гражданской войны, да и тогда редко бывал в седле, больше руководил в вагонах. Вот он и решил потренироваться, чтобы не опозориться перед войсками на Красной площади. По его приказу ночью в манеж (благо он рядом с Кремлем и тогда еще был не выставочным чалом, а действующим манежем) привели белого коня, на котором он собирался принимать парад. Сталин хорошо

знал историю - конь под победителем должен быть именно белый.

И вот ночью, когда в Москве и в Кремле все спали глубоким сном, Сталин в сопровождении только самого доверенного человека - начальника личной охраны генерала Власика - отправился в манеж. В этот вечер на квартире Сталина был Василий, который увязался за отцом (если бы не он, мы не узнали бы об этом эпизоде из жизни вождя, - Власик умел держать язык за зубами).

В манеже горел полный свет, недалеко от входа стоял белый копь, которого держал под уздцы коновод. Сталин подошел к коню, потрогал седло, не без труда занес ногу в стремя. Власик поспешил было ему на помощь, хотел подсадить, но Сталин тут же остановил его: "Не надо, я сам". Затем он сильно оттолкнулся от земли правой ногой и грузно плюхнулся в седло. Конь от такой неумелой посадки запрядал ушами и стал перебирать ногами. Чтобы не свалиться, Сталин пытался удержать себя в седле, сжимая крепче ноги. А конь, понимая это по-своему, разгорячился и пошел боком-боком, отчего седок сполз набок и стал падать. Коновод, Власик и Василий кинулись на помощь и не дали Сталину рухнуть на землю. Но все же он из седла вывалился и повис у них на руках.

Встав на ноги, Иосиф Виссарионович недовольно крутнул плечами, освободился от поддерживающих рук, сердито буркнул: "Отойдите". Он был упрям! Злость закипела в нем, решил показать этой строптивой лошади свою твердость. Вновь вставил ступню в стремя - и на этот раз более решительно взлетел в седло. "Дай", - сказал коноводу и принял у него поводья. Сталин зло натянул повод и ударил ногами в бока лошади. Хорошо обученный конь не понимал седока: натянутый повод приказывал стоять на месте, удар в бока посылал вперед. Конь "заплясал", перебирая ногами, и опять пошел боком-боком. Сталин еще раз дал ему, как говорят кавалеристы, шенкеля, и конь устремился вперед тряской рысью. Проехав с полкруга, Сталин попробовал выпрямить спину, обрести гордую осанку, но, видно, при этом неловко надавил каблуками на бока лошади, причинив ей боль, и она нервно вскинула задом, отчего Сталин тут же вывалился из седла.

Приближенные кинулись ему на помощь. Они подняли его, принялись отряхивать опилки с его одежды. Сталин держался за плечо, он ушибся довольно сильно.

- Нет, это не для меня, - махнув рукой, сказал Иосиф Виссарионович и вернулся на квартиру.

Когда вся подготовительная работа была проведена, созвали совещание, на которое пригласили командующих фронтами. Был

доложен ритуал парада. Остался открытым один вопрос: кто будет принимать Парад Победы и кто будет им командовать?

Один за другим выступали маршалы и единодушно предлагали:

- Парад Победы должен принимать товарищ Сталин. Сталин, по своему обыкновению, ходил по кабинету, слушал выступающих, хмурился. Подошел к столу:

- Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную площадь на коне. А я стар, чтобы на коне ездить.

Все горячо стали возражать:

- Почему обязательно на коне? Президент США Рузвельт - тоже верховный главнокомандующий, а на машине парады принимал.

Сталин усмехнулся:

- Рузвельт - другое дело, у него ноги парализованные были, а у меня, слава Богу, здоровые. Традиция у нас такая: на коне на Красную площадь надо выезжать. - И еще раз подчеркнул: - Традиция! На белом коне! - После паузы, посмотрев на присутствующих, сказал: - Есть у нас два маршала-кавалериста: Жуков и Рокоссовский. Вот пусть один командует Парадом Победы, а другой Парад Победы принимает.

Был издан приказ Верховного Главнокомандующего от 22 июня 1945 года:

"В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона - Парад Победы.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому..."

В день парада погода была неважная, дождь моросил, небо в серых тучах. Но все равно настроение было праздничное. Погодная серость не ощущалась. Красная площадь пылала множеством алых знамен. А участники парада, словно в золотых кольчугах, сияли орденами и медалями. Жуков выехал на белом коне из-под Спасской башни под звон кремлевских курантов, они отбили десять. Точен, как всегда. На середине строя маршала встретил командующий парадом Рокоссовский, он доложил:

- Товарищ Маршал Советского Союза, войска для Парада

Победы построены! - И тут же ловким движением выхватил строевую записку и вручил ее принимающему парад.

Ах, как же были красивы эти два профессиональных кавалериста - спины прямые, в седле сидят как влитые, головы поставлены гордо, груди в орденах развернуты...

Жуков после объезда войск легко взбежал на трибуну (даже дыхание не сбилось), поздоровался со Сталиным за руку и начал речь громким четким голосом. Речь его не запомнилась. И даже когда я прочитал ее в газете, все равно в душу не запала. А я ждал, что в такой торжественный исторический момент будут сказаны какие-то особенные слова. Видно, писали эту речь маршалу с оглядкой на международный резонанс, да и на самого Сталина. Может быть, даже на Политбюро этот текст шлифовали и правили. В общем, вес было в той речи, что полагалось сказать о войне, о победе, но не чувствовалось того зажигающего огня, какой был ну хотя бы вот в тексте-экспромте Сталина о русском народе.

Но нет в этом вины Георгия Константиновича: не сам писал, по тексту видно - не его слова, не его манера. Засушили, заказенили пугливые чиновники речь маршала.

Говорят, когда Жуков произносил речь, то у Сталина, поглядывающего на маршала, желваки катались по скулам. Не знаю, не видел, далеко от нас была трибуна, а когда проходили мимо Мавзолея, не до того было. Я видел боковым зрением Сталина и других членов правительства, но лиц их не различал - они стояли, как силуэты. Надо было следить за равнением, соблюдать дистанцию, держать знамя в определенном положении, ну и рубить строевым шагом, чтобы искры летели от брусчатки.

После праздника я не раз видел пленку кинохроники о Параде Победы, разумеется, в первую очередь себя искал. Но когда на экране лицо Сталина появлялось крупным планом, желваков я не видел.

Только на параде я да и другие участники узнали, что это за несколько длинных шеренг ходило с нами на тренировках с палками. Мы недоумевали - что он и делают? - несут длинные палки перед собой, а потом бросают их на землю и уходят. И вот только на параде, после прохождения фронтовых полков, между ними и строями Московского гарнизона эти солдаты оказались с гитлеровскими знаменами вместо палок. Они их несли как трофеи фронтов, опущенными к земле, и с презрением швыряли на землю около Мавзолея. Все это проделывалось под дробь барабанов, как когда-то в стародавние времена перед казнью через расстрел или повешение. Знамена разбитых гитлеровских

дивизий, включая и личный штандарт Адольфа Гитлера, солдаты швыряли как старые тряпки и, отвернувшись от них, уходили на свое место в строю.

А потом опять грянул тысячетрубный оркестр, и мы пошли торжественным маршем вслед за фронтовыми колоннами.

Единственными из союзников имели честь участвовать в историческом параде Победы воины Польши.

В параде боевой техники вышли на Красную площадь машины с расчетами зенитных установок. Их сменила артиллерия, представленная во всем своем величии и мощи. Четким строем, по 12 орудий в рад, прошли батареи противотанковой артиллерии. За ним крупнокалиберные орудия - гроза немецких "тигров", "пантер" и "фердинандов", гвардейские минометы-"катюши", тяжелая артиллерия.

Апофеозом демонстрации технической мощи победителей стало прохождение лучших танков второй мировой войны - Т-34 и ИС. Парад техники завершили самоходные артиллерийские установки.

Из-за дождя демонстрация трудящихся была отменена...

Придут новые времена, напишут о Сталине много справедливых упреков, и грязью польют изрядно. Но тогда, в день победного парада, все участники его относились к Верховному с величайшим уважением.

О чем думал Сталин, глядя на величественный Парад Победы? Конечно, торжествовал в душе - он выпестовал эту армию-победительницу. Но много еще было у него забот.

Сразу после парада Сталин пригласил Буденного к себе в рабочий кабинет. В приемной им навстречу с папкой в руках направился Поскребышев, но Иосиф Виссарионович попросил не тревожить их до окончания беседы.

- Знаете, зачем я вас пригласил, Семен Михайлович? Думаю, что нет. Мне не хотелось портить вам сегодня праздничное настроение, но обстоятельства заставляют меня не откладывать решения назревшего вопроса. Речь пойдет об упразднении кавалерии как рода войск Советских Вооруженных Сил.

Сталин внимательно посмотрел на Буденного - какова реакция на сказанные им слова?

Семен Михайлович внешне спокойно, но с большой внутренней тревогой воспринял сказанное.

- Дело в том, - продолжил Иосиф Виссарионович, - что сейчас народному хозяйству нужна тягловая сила. Страна находится в разрухе, сельское хозяйство в самом жалком состоянии. Поправить эти дела можно за счет демобилизации из армии старших возрастов военнослужащих, переоснащения и

переформирования кавалерийских соединений. Это позволит передать в ближайшее время народному хозяйству примерно четверть миллиона конского поголовья. А расформирование некоторых механизированных частей дает народному хозяйству десятки тысяч автомашин и тракторов.

Семен Михайлович понял, что на этот раз придется прощаться с кавалерией навсегда. Если Сталин принял такое решение, значит, так и будет.

А Иосиф Виссарионович уже говорил:

- Штаб кавалерии Красной Армии в ближайшее время подготовит подробный план передислокации с фронтон всех боевых кавалерийских корпусов, резервных и запасных бригад и полков, других частей и подразделений кавалерии и размещения их на Украине и в Белоруссии. Там должно осуществиться их переформирование, а конский состав передан местным властям. Тем самым мы окажем определенную помощь областям и районам этих республик, пострадавших в большей степени от войны и гитлеровской оккупации.

Семен Михайлович почти не слышал Сталина. Он уже понял главное кавалерии конец!

Кавалерию не раз пытались упразднить как дорогостоящий и отживший свой век род войск. Особенно настаивал на этом Тухачевский. Но тогда Буденного поддерживали Сталин, Ворошилов и другие. У них были веские доводы в пользу кавалерии. А вот сейчас у него перед Иосифом Виссарионовичем таких доводов нет, и он понимал бессмысленность каких-либо возражений.

Как бы читая его мысли, об этом же заговорил и Сталин:

- Мы долго сражались за кавалерию. И правильно делали, Предложения Тухачевского в 1934 году о ликвидации кавалерии и создании крупных танковых и механизированных соединений теоретически были верными, но практически неосуществимыми. Наша индустрия не была готова к этому не только тогда, но и в последующие годы, когда была создана определенная база для танковой промышленности. В то время нужны были трактора, машины, станки и очень многое другое, чтобы накормить, одеть и обуть советский народ. - Сталин помолчал и добавил: - Мы никогда не забывали об обороне страны. Но что бы было с нами, если бы, следуя настойчивым предложениям Тухачевского, мы ликвидировали кавалерию? Мы остались бы с одной матушкой-пехотой...

- Но как же мы останемся без кавалерии? Вы сами, товарищ Сталин, стояли у истоков ее создания, знаете ее историю и боевые дела.

- Не переживайте, Семен Михайлович. Мы вас без дела не оставим, ответил Сталин. - Нам надо развивать коневодство. Это очень нужное дело, и вам оно будет по душе. Необходимо подтягивать кавкорпуса из Германии, Югославии, Австрии, Чехословакии и начинать их переформирование. Согласуйте все эти вопросы с Генеральным штабом и приступайте к делу. Года на два - на три оставьте пару дивизий донских казаков, а в остальном будем считать, что этот вопрос мы решили.

Маршал Буденный понял, что на этом прием окончен, и стал прощаться. Он заверил Сталина, что немедленно приступит к исполнению приказа и будет докладывать о ходе его реализации. Что было у Семена Михайловича на душе, нетрудно догадаться.

Сталин вызвал Поскребышева с его пухлой папкой документов - ждали не менее важные дела.

24 июня 1945 года состоялся торжественный прием в Кремле в честь участников Парада Победы. Кроме фронтовиков, на приеме были государственные и партийные деятели, ученые, работники искусства, знатные труженики - всего две с половиной тысячи человек.

Никогда еще не сиял так Георгиевский зал, где были накрыты столы; огромные хрустальные люстры заполняли зал солнечным светом, а на мундирах гостей еще более ярко горели ордена и медали, их было так много и они излучали такое яркое сияние, что трудно было понять, люстры отражаются в этом золоте или наоборот, ордена и медали бликуют в хрустале.

Открыл торжество, по поручению Сталина, Вячеслав Михайлович Молотов:

- Сегодня мы приветствуем участников Парада Победы. В их лице мы приветствуем нашу славную армию и морской флот, наш советский народ и всех тех. кто на фронте и в тылу ковал нашу Великую Победу, и прежде всего приветствуем того, кто руководил и руководит всем нашим делом, кто выковал нашу Победу как великий полководец и гениальный вождь Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье товарища Сталина!

Собравшиеся встают и устраивают овацию в честь Сталина.

Я не могу описать весь прием и тосты, которые были произнесены, это заняло бы много места. На этом торжестве были провозглашены здравицы за каждого командующего фронтом, за ученых, причем каждого вспоминали поименно (!) - и, следовательно, были названы почти все, кто творил победу на фронте и в тылу.

К Сталину подходили, чокались, выпивали с ним, говорили веселые слова и добрые пожелания все, кто хотел пообщаться с Верховным. Он был радушен, приветлив и ласков.

На приеме и Сталин произнес тост:

- Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают "винтиками" великого государственного механизма, но без которых все мы - маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо "винтик" разладится - и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за "винтики", которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это - люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей.

Собравшиеся долго и горячо аплодируют его словам.

За месяц до этого - 25 мая 1945 года - состоялся прием в честь командующих войсками Красной Армии, тогда Сталин произнес тост, который войдет на века в память соотечественников. Почему-то у людей отложилось в сознании, будто этот тост был произнесен на торжестве в честь участников Парада Победы 24 июня. По своей значимости, величественности и, главное, справедливости, этот тост действительно очень подходит к завершению победных торжеств, поэтому я привожу его здесь (тем более что первый прием 25 мая я не упоминал). Вот что сказан Сталин:

- Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики "ура").

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 - 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины,

Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, - покидала потому, что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, он пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества - над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!"

Участники торжества обратили внимание на то, что у Верховного Главнокомандующего - нет наград! Одна Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, которой он был награжден еще до войны.

И вот они пируют, украшенные многими наградами, у некоторых по две, и даже по три Геройских Звезды, а у Сталина, который свершил для победы больше любого из присутствующих, нет боевых наград! Об этой несправедливости многие высказывались на приеме, а после него обращались в ЦК и Верховный Совет с пожеланиями отметить особые заслуги Сталина.

Политбюро рассмотрело эти обращения, Сталин сопротивлялся, говорил, что не заслужил звание Героя, что не соответствует статусу высшей награды, - но на этот раз с его мнением не посчитались.

26 июня 1945 года, через день после пышного приема, было издано два Указа Президиума Верховного Совета СССР: один - о присвоении И. В. Сталину звания Генералиссимуса и второй - о награждении его Золотой Звездой Героя Советского Союза. Это была первая и единственная его Золотая Звезда, отметим это как его скромность и как упрек последователям, которые вешали себе на грудь Золотые Звезды как сувениры, не имея на то ни права, ни заслуг.

И вот еще парадоксальная черта личности Сталина. Вроде бы и властолюбивый, и "культ себе создал", а Золотую Звезду не получил, не вручили ее в торжественной обстановке, так и осталась она в красной коробочке в наградном отделе Верховного Совета.

Художники да фотографы пририсовывали ему эту Звезду на его портретах. И вспомнили об этой высшей награде только в день похорон, когда надо было ее прикрепить к подушечке в

числе других знаков отличия, по традиции характеризующих заслуги и итог жизни покойного.

Потсдамская конференция

Сразу после Парада Победы началась подготовка предстоящей конференции глав держав-победительниц. Казалось бы, какие могут быть трудности - целая столица, Берлин, да что столица - вся страна в распоряжении победителей.

Но в действительности оказалось не все так просто. Чтобы долго не объяснять, приведу слова, которые высказал Сталин Жукову по приезде в Берлин (кстати, беру эти слова из рукописи маршала, потому что при издании его книги они были вычеркнуты):

"Чувствуется, наши войска со вкусом поработали над Берлином. Проездом я видел всего лишь десяток уцелевших домов.

Кроме наших войск, надо сказать, с не меньшим "вкусом" поработала и авиация союзников, которая в последние дни, уже не встречая противодействия немецких истребителей, сотнями бомбардировщиков особенно тщательно обрабатывала города, которые окажутся в зоне советских войск. Напомню лишь один пример с Дрезденом, на который перед вступлением наших частей англо-американская авиация совершила массированный налет более 1400 бомбардировщиков. Они прошли тремя волнами: в первой ночью сбрасывались, в основном, зажигательные бомбы; вторая волна через три часа бомбила массой самых разных бомб, чтобы не допустить тушение пожаров и спасательные работы; и третья волна через 8 часов - днем, при хорошей видимости, добивала город и жителей, причем, кроме тяжелых бомбардировщиков, истребители расстреливали людей из пулеметов. Результат? Более 134000 убитых!!! 35470 разрушенных зданий!"

И теперь надо поставить три вопросительных знака - зачем??? Ответ один - чтобы город не достался русским целым. Примерно то же творили с Берлином и пригородами. В общем, хозяйственникам предстояла здесь титаническая работа. Все подробные детали этой работы мне рассказал заместитель Жукова по тылу генерал-лейтенант Николай Александрович Антипенко.

Добавлю еще такую деталь: я сам хорошо осмотрел все помещения замка Цецилиенгоф, в котором проходила конференция, - разумеется, в более поздние годы, когда туристы уже общипали кресло Сталина, унося хотя бы щепочку в качестве сувенира.

Генерал Антипенко и начальник квартирно-

эксплуатационного отдела полковник Косогляд после долгих поисков нашли подходящие помещения недалеко от Берлина: замок кронпринца Цецилиенгофа - четырехугольник со 176-ю комнатами и внутренним двориком. Он был выбран для заседаний. Под жилье подобрали три виллы в Бабельсберге, до него 5 километров от Цецшшснгофа. Все здания требовали ремонта, меблировки, ухоженности в окружающих парках и цветниках. Приехавшие представители союзников предъявили свои требования: наладить надежную связь со своими странами, покрасить жилые помещения в желательный цвет: американцам - в голубой, англичанам - в розовый. От французов никто не приехал. Разумеется, особое внимание уделялось резиденции Сталина: ее выкрасили в белый цвет, в комнаты натащили столько ковров, картин и разной мебели, что у начальника охраны Сталина, генерала Власика, когда он все это увидел, дыхание перехватило:

- Вы что, очумели? Хозяин этого не любит. Все убрать! Ковры заменить дорожками. Вместо этого двуспального сооружения тахту поставить.

Много хлопот было со столом в зале заседаний. Кто-то бросил идею стол должен быть круглый, без углов, чтобы все были в равных условиях, и вообще, углы - это к раздорам, а круглые формы - к согласию.

Большого круглого стола в Германии не нашли. Срочно заказали в Москве на фабрике "Люкс". Сделали. Привезли самолетом.

К 10 июля все работы были завершены.

Сталин перед выездом позвонил Жукову по телефону:

- Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого вы считаете нужным. Об охране на вокзале позаботится генерал Власик. Вам ничего делать не следует.

15 июля прибыл Трумэн на самолете из Антверпена, до которого он плыл неделю на корабле "Августа" в сопровождении крейсера "Филадельфия". Черчилль прилетел в тот же день.

Поскольку Сталина еще не было, оба они использовали день для осмотра имперской канцелярии и рейхстага. Перед конференцией в Берлине (которую потом назвали Потсдамской) в США в бешеном темпе велись работы над атомной бомбой. Трумэн считал, что у него будет могучее средство воздействия на Советский Союз, если первый взрыв состоится. Президент говорил: "Если только она взорвется... то я получу дубину, чтобы ударить по этой стране".

16 июля Жуков встретил Сталина около вагона. Сталин

коротким поднятием руки поздоровался с встречавшими его Вышинским, Антоновым, Кузнецовым, Телегиным, Соколовским, Малининым. Он вообще редко кому подавал руку. Не торопясь прошел к машине, сел в нее, потом открыл дверцу и пригласил в машину Жукова.

Осмотрев виллу, Сталин спросил:

- Чья это была вилла прежде?

- Генерала Людендорфа.

Власик был прав: мебели Иосиф Виссарионович не любил, велел даже после "чистки" охранника еще кое-что вынести из комнат.

Жуков, как Эйзенхауэр и Монтгомери, не был членом правительственной делегации. Жуков считался военным советником.

Конференция длилась с 17 июля по 2 августа 1945 года.

16 июля, в канун открытия конференции, военный министр доложил Трумэну шифровку: "Операция проведена утром. Обследование еще неполное, но результаты кажутся удовлетворительными и уже превосходят ожидавшиеся... Довольный доктор Гровс возвращается завтра. Буду держать Вас в курсе происходящего".

В ответ полетела телеграмма: "Посылаю свои поздравления врачу и его клиенту".

Специальный гонец специальным самолетом доставил отчет Гровса военному министру США Сгимсону, который немедленно принес его Трумэну.

Какое воздействие произвел этот доклад на Трумэна, отмечает в своих воспоминаниях Черчилль: "Трумэн так энергично и решительно противился русским, что я понял: он вдохновлен каким-то событием. Когда он, прочитав доклад (Гровса), пришел на заседание, он стал совсем другим человеком, Он твердо говорил с русскими и вообще господствовал на этом заседании".

После этого заседания Трумэн ознакомил Черчилля с полученными известиями в полном объеме.

25 июля был сделан перерыв в связи с отъездом Черчилля на выборы. С 28 июля на заседании присутствовал новый премьер Англии - Эттли, так как Черчилля не переизбрали. Нет возможности излагать все вопросы, обсуждавшиеся на конференции, да это и не наша тема. Расскажу курьезный эпизод, случившийся с Жуковым.

Перед отъездом Черчилль устроил прием, на котором, в числе других тостов, предложил выпить за Жукова. Не желая оставаться в долгу, маршал тоже провозгласил тост и

автоматически, по привычке сказал: "за товарища Черчилля!" Тут же поняв свою оплошность, он замаскировал это под выражение - "как товарища по оружию". Но Сталин, конечно же, заметил оговорку Жукова и потом не раз шутил по этому поводу: "Быстро вы приобрели себе товарища, и какого!"

В 00 часов 30 минут 2 августа постоянный председательствующий Трумэн сказал:

- Объявляю конференцию закрытой. До следующей встречи, которая, я надеюсь, будет скоро.

- Дай Бог! - сказал Сталин.

Главы государств решили: верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими вооруженными силами СССР, США, Великобритании, Франции - каждым в своей зоне оккупации; по вопросам, затрагивающим Германию в целом, они должны были действовать совместно в качестве членов Контрольного Совета. Целями оккупации объявлялись:

полное разоружение и демилитаризация Германии - упразднение всех се вооруженных сил, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами (в том числе генштаб) и учреждениями, учебными заведениями;

ликвидация всей военной промышленности или контроль над ней, уничтожение или сдача союзникам всего вооружения и амуниции;

перестройка политической жизни в Германии на демократической основе, в том числе уничтожение фашистской партии, ее филиалов, подконтрольных организаций и учреждений с тем, чтобы они не возродились ни в какой форме;

предание суду военных преступников и всех тех, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских зверств;

удаление всех активных нацистов с общественных и полуобщественных постов;

реорганизация, в соответствии с принципами демократии, системы образования, правосудия и местного самоуправления;

разрешение и поощрение деятельности демократических политических партий.

Была достигнута договоренность об учреждении центральных германских административных департаментов: финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности.

Специальное соглашение о репарациях подтверждало право народов, пострадавших от германской агрессии, на компенсации и определяло источники получения репарационных платежей. Делегации решили, что все четыре державы получат репарации из своих зон оккупации и за счет германских вложений за границей.

Была определена западная граница Польши. Польше передавалась часть Восточной Пруссии, которая не отошла к СССР, а также территория бывшего "свободного г. Данцига" (Гданьск). Благодаря твердой позиции Сталина, США и Великобритания вынуждены были безоговорочно признать польское Временное правительство национального единства. Берлинская конференция приняла решение о передаче Советскому Союзу г. Кенигсберга (с 1946 г. Калининград) и прилегающего района.

По предложению Сталина был обсужден вопрос о судьбе германского флота и принято решение разделить весь надводный, военно-морской (передать не позднее 15 февраля 1946 года) и торговый флот Германии поровну между СССР и Великобританией. По предложению Великобритании было решено потопить большую часть германского подводного флота, а остаток поделить также поровну.

Самое интересное произошло, когда был объявлен перерыв 25 июля, в связи с отъездом Черчилля. Английский премьер очень просил Трумэна сделать сообщение Сталину об атомной бомбе до его отъезда. Черчилль хотел знать, какое впечатление произведет на Сталина эта потрясающая новость. Обсуждали они разные варианты - письменно или устно, на заседании или с глазу на глаз, в ходе конференции или в конце. И вот Трумэн, осуществляя выбранный окончательно вариант, подошел к Сталину, когда все покидали зал после объявления перерыва на два дня, и, вроде бы мимоходом, сказал через переводчика Павлова:

- У нас в США создана новая бомба невероятно большой силы. (Он не назвал ее атомной, хотя имел в виду именно ее).

Сталин не отреагировал на это сообщение никак. Ничего не сказал.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, Черчилль впился в лицо Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Трумэна.

Около автомобиля Черчилль спросил президента:

- Как он отреагировал?

- Он не задал ни одного вопроса.

- По-моему, ом не понял, о чем идет речь.

Однако Сталин вес хорошо понял. Об этом свидетельствует Жуков:

"И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

- Цену себе набивают. И. В. Сталин рассмеялся:

- Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы".

В своих мемуарах Черчилль пишет по поводу этого: "таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которыми в течение столь длительного времени были заняты США и Англия, и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов".

Очень сильно заблуждался господин премьер. Если бы он узнал истинное положение насчет осведомленности Сталина, его, наверное, хватил бы удар. Сталин не только понимал, о чем идет разговор, - у него была самая полная информация об американских опытах, которую добыли советские разведчики.

Он уже давно занимался проблемой создания атомной бомбы. Перед отъездом на Берлинскую встречу глав государств, он прочитал очередную справку ГРУ о ходе работ в этой области. Сталин, как это бывало и с другой информацией, приказал ознакомить с этими сведениями Курчатова. Я же знакомлю читателей с этой справкой, свидетельствующей о широкой осведомленности самого Сталина, вплоть до того, что он знал о сроках взрыва экспериментальной бомбы, которым Трумэн пытался его испугать:

"Совершенно секретно,

Бомба типа "Не" (High explosive).

В июле месяце сего года ожидается производство первого взрыва атомной бомбы.

Конструкция бомбы. Активным веществом этой бомбы является элемент-94 без применения урана-235. В центре шара из плутония весом 5 килограмм помещается так наз. инициатор - бериллиево-полониевый источник альфа-частиц [...] Корпус бомбы, в который помещается это ВВ, имеет внутренний диаметр 140 см. Общий вес бомбы, включая пенталит, корпус и проч., - около 3 тонн.

Ожидается, что сила взрыва бомбы будет равна по силе взрыва 5000 тонн ТНТ. (Коэффициент полезного действия - 5-6 %) [...]

Запасы активного материала:

а) Уран-235. На апрель с/г было 25 килограмм урана-235. Его добыча в настоящее время составляет 7,5 кг в месяц.

б) Плутоний (элемент-94). В лагере-2 имеется 6,5 кг плутония. Получение его налажено, план добычи перевыполняется.

Ориентировочно взрыв ожидается 10 июля с/г."

На документе была сделана пометка: "т. Курчатов ознакомлен 2. 07. 45 г."

С появлением атомного оружия произошла подлинная революция в военном деле: менялись военные доктрины, разлетались вдребезги несколько дней назад подписанные декларации о мирном сотрудничестве. Все это превращалось в словесную шелуху.

Уже после 24 июля, когда еще произносились пылкие речи о послевоенном устройстве жизни в Европе, из Потсдама полетела в Штаты директива президента:

"После 3 августа, как только погодные условия позволят совершить визуальную (читайте: прицельную. - В. К.) бомбардировку, 509-му сводному авиаполку 20-й воздушной армии надлежит сбросить первую спецбомбу на одну из следующих целей: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки".

Погода позволила ударить прицельно 6 августа 1945 года: в 8 часов 15 минут 2 секунды Хиросима была стерта с лица земли,

9 августа в 11 часов 8 минут "погода позволила" совершить то же самое с Нагасаки.

Неограниченные возможности свсрхоружия опьяняли его обладателей. Через три месяца после принятых в Потсдаме союзнических обязательств, устных клятв и тостов о дружбе и совместных усилиях в поддержании мира на Земле, в Вашингтоне был разработан план, согласно которому США и Англия нанесут атомный бомбовый удар по двадцати городам Советского Союза. В списке были: Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль!..

Так началась трагическая для всего человечества, по своим возможным последствиям, атомная эра!

Считаю необходимым ознакомить читателей с очень важной информацией, связанной с появлением у нас атомного оружия и ролью Сталина в этом деле. Об этом - следующая глава.

Как Сталин "расщепил" американский атом

Рассказ о событиях тех дней в нашей стране и в Америке собран мною из разных источников, а некоторые документы мне разрешило использовать ГРУ.

Исследование атома и атомной энергии начиналось давно и параллельно в нескольких странах. В России еще в 1919 году Д. С. Рождественский организовал планомерное изучение атомной физики. С 1921 года центром исследований стал физико-технический институт во главе с академиком Абрамом Федоровичем Иоффе, который собрал вокруг себя много старых и

молодых ученых. В 1933 году состоялась первая всесоюзная конференция по физике атомного ядра. Оргкомитет возглавлял И. В. Курчатов. Всего до 1940 года состоялось пять таких конференций. Все исследования были направлены на мирное использование атомной энергии.

Идея создания атомной бомбы возникла в годы второй мировой войны в Англии, Германии и США, и в этих же странах были начаты практические работы по созданию бомбы. Дальше всех, быстрее и с настоящим американским размахом успешно продвигались Соединенные Штаты, с которыми позднее объединила свои усилия и Англия. Заботы по созданию атомной бомбы в США были законспирированы под названием "Манхэттенский проект". Начальником проекта был назначен полковник инженерных войск Лесли Гровс. Он окончил военную академию Вест-Пойнт и строил военные городки, базы. Он построил и здание Пентагона, причем вдвое быстрее запланированного срока!

Я бывал в этом здании и тем, кто представляет за названием Пентагон просто большой дом военного министерства, подскажу - это уникальное инженерное сооружение в форме пятиугольника (в переводе с греческого так и значит - пятиугольник). Этажей в нем немного, кажется, всего пять, и сам комплекс состоит тоже из пяти замкнутых пятиугольных зданий (одно в другом, как плоская матрешка), соединенных между собой переходами и коридорами. Что под землей, не знаю, а вот надземная эта махина такая запутанная, что американцы, склонные к юмору, рассказали мне такой анекдот. Однажды вошел в Пентагон сержант с донесением. Он так запутался в лабиринте комнат и коридоров, его так много посылали из отдела в отдел, что он вышел через неделю с противоположной стороны и был уже в звании полковника. И еще такая шутка. У женщины начались роды в одном из коридоров Пентагона. Ей говорят: "Мадам, зачем вы в таком положении сюда пришли?" Она ответила: "Когда вошла в Пентагон, я еще не была беременной".

Вот эту махину построил Гровс в два раза раньше назначенного срока! Вспомните наши долгострои, наверное, ни одно подобное строительство наши инженеры не завершили с трех-, пятикратным опозданием от запланированного ввода в эксплуатацию. Хочу этим подчеркнуть энергичность и напористость Гровса. Сами американцы о нем говорили: недалекий, типичный служака, строевик, но напористый и педантичный, привык жить и действовать по уставу.

Осенью 1942 года в беседе при назначении ему сказали:

- Руководить учеными будет труднее, чем командовать

солдатами. Но мы вам присвоим для авторитета звание генерала.

Гровс тут же без ложной скромности заявил:

- Целесообразнее сначала мне присвоить это звание, а потом уже представлять меня участникам проекта. Пусть они не считают, что вытащили меня в генералы. Я их начальник, а не они мои благодетели. Как ни странно, эти длинноволосые интеллигенты придают званиям большую важность.

Среди "длинноволосых" подчиненных Гровса были такие первые величины современной физики, как Роберт Оппен-геймер, Нильс Бор, Эирико Ферми и другие. За короткий срок Гровс создал в долине реки Теннесси город Окридж с 80 тысячами рабочих и служащих. Другой, тоже засекреченный город - Хенфорд, в пустыне у реки Колумбия, с 60 тысячами жителей.

Теоретические исследования по отдельным проблемам велись в университетах Гарварда, Принстона и Беркли.

Весной 1943 года разрозненные исследовательские центры были объединены в отдаленном и удобном для соблюдения секретности Лос-Аламосе. Представляете, каких бешеных денег стоило строительство уникальных комплексов, на которых работали 150 тысяч человек, из них сотни специалистов высшей квалификации. Но правительство денег не жалело - в случае успеха атомная бомба сулила владение миром!

Я не случайно так подробно пишу о Гровсе, о его достоинствах и могучей базе, которую он создал. Когда у Гровса все работало на полную мощность, у нас немцы были недалеко от Москвы, и нашелся человек, который, начиная почти с нуля, обошел Гровса во всех его организаторских талантах, да плюс к тому еще был и великим ученым, - это Курчатов. Но о нем поговорим позже.

Американцы создали сложную и мощную систему секретности против утечки информации и проникновения иностранной разведки. Возглавлял эту систему контрразведки полковник Борис Пош, сын митрополита Православной Церкви в США.

Гровс позднее писал: "Наша стратегия в области охраны тайны очень скоро определилась (дальше перечисляет основные позиции этой системы), и одна из них - сохранить в

тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов".

Не уберег, при всей его энергичности и предусмотрительности, не уберег ни Гровс, ни утонченно-хитрый полковник Пош!

Добрались-таки наши разведчики до святая святых!

Первое сообщение в ГРУ поступило из Лондона осенью 1941 года: англичане ведут работы по созданию атомной бомбы, обладающей огромной разрушительной силой. Это не настораживало, а радовало: англичане союзники, если у них что-то получится - даже не открывая второй фронт, могут атомной бомбой шарахнуть по Германии!

В декабре 1941 года в разведуправление Красной Армии из Лондона поступил еще один доклад по урановой тематике, в котором было сорок листов.

Шло сражение под Москвой. В январе 1942 года поступил новый секретный доклад, содержащий сто пятнадцать страниц о ходе работ британских физиков. Разведу правление решило направить письмо руководителю спецотдела Академии наук СССР М. Евдокимову, который мог дать квалифицированную рекомендацию о том, как использовать информацию по урановой тематике.

Такое письмо был отправлено 7 мая 1942 года. В нем, в частности, говорилось следующее: "В связи с сообщениями о работе за рубежом над проблемой использования для военных целей энергии ядерного деления урана прошу сообщить, насколько правдоподобными являются такие сообщения, и имеет ли в настоящее время эта проблема реальную основу для практической разработки вопросов использования внутриядерной энергии, выделяющейся мри цепной реакции урана. Одновременно прошу сообщить имеющиеся у Вас сведения о лаборатории Нильса Бора в Копенгагене".

Через месяц, а точнее, 10 июня 1942 года начальник ГРУ получил письмо от В.Г. Хлопина. Вот что сообщил академик:

"В ответ на Ваш запрос от 7 мая 1942 года сообщаем, что Академия наук не располагает никакими данными о ходе работ в заграничных лабораториях по проблеме использования внутренней энергии, освобождающейся при делении урана. Мало того, за последний год в научной литературе, поскольку она нам доступна, почти совершенно не публикуются работы, связанные с решением этой проблемы. Это обстоятельство единственно, как мне кажется, дает основание думать, что соответствующим работам придается значение и они проводятся в секретном порядке.

Что касается институтов АН СССР, то проводившиеся в них работы по этому вопросу временно свернуты как "по условиям эвакуации этих институтов из Ленинграда:"

Советскому военному атташе в Великобритании и руководителю лондонской резидентуры генерал-майору танковых войск И. А. Склярову было дано указание "обратить внимание на

получение информации по урановой теме". А все материалы, полученные из Лондона в 1941-м и в начале 1942 года, были направлены уполномоченному Государственного Комитета обороны по науке С. В. Кафтанову.

В конце октября 1942 года в Москву был вызван Игорь Курчатов. Он прибыл из Казани, куда был эвакуирован Ленинградский физико-технический институт, бывший одним из центров научных исследований механизма деления тяжелых ядер урана. Его пригласил С. Кафтанов, который вручил профессору солидный пакет секретных материалов о ходе ведущихся и Великобритании работ по урановой проблеме. Эти документы поступили из Разведуправления Красной Армии. Кафтанов попросил Курчатова оценить данные, добытые военными разведчиками...

В столице Курчатову был предоставлен номер в гостинице "Москва", в котором он и работал с документами военной разведки. Они находились в трех папках. В первой было 138 листов материалов, полученных из Разведуправления (7 августа 1942 года, во второй - 139листов, присланных военной разведкой 24 и 25 августа, в третьей лежали 11 листов, поступивших из Разведуправления 2 сентября.

Больше недели профессор Курчатов тщательно и увлеченно изучал материалы, раскрывающие работу британских ученых по цепной реакции в уране, профессор решил срочно подготовить докладную записку председателю Совета народных комиссаров СССР Молотову. 27 ноября 1942 года он завершил работу над этим документом. Сделав подробную оценку содержания документов, добытых военной разведкой, Курчатов завершил свой анализ смелым по тем временам заключением. В него вошло 6 пунктов. Вот некоторые из них:

"1. В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает в данное время несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ.

2. В СССР проблема урана разрабатывается менее интенсивно, а в Англии и в Америке - более интенсивно, чем в довоенное время...

3. Ввиду того, однако, что получение определенных сведений об этом выводе сязано с громадными, а может быть, и непреодолимыми затруднениями, и ввиду того, что возможность введенияв войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена, об этом выводе связано с громадными, а может быть, и непреодолимыми затруднениями, и ввиду того, что возможность введения в войну такого страшного оружия, как

урановая бомба, не исключена, представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза. Помимо тех ученых, которые сейчас уже занимаются ураном, представлялось бы желательным участие в работе профессора Алиханова А.И. и его группы, профессоров Харитона Ю.Б. и Зельдовича Я.Б., профессора Кикоина И.К., профессора Александрова А.П. и его группы, профессора Шальникова А.И.

6. Для руководства этой сложной и громадной трудности задачей предствляется необходимым учредить при ГКО Союза ССР под Вашим председательством специальный комитет, представителями науки в котором могли бы быть академик Иоффе А.Ф., академик Капица П.Л. и академик Семенов Н.Н."

Прочитав еще раз докладную записку, профессор Курчатов подписал ее и поставил дату - 27.11.42.

Эта докладная является первым документом И.В. Курчатова, относящимся к началу работ по созданию отечественного атомного оружия. Подготовить такой документ Курчатову позволили материалы, добытые в Великобритании сотрудниками военной разведки:

Молотов, прочитав докладную Курчатова, сделал на ней пометку: "Т(ов). Сталину. Прошу ознакомиться с запиской Курчатова. В. Молотов. 28.XI."

Предложения профессора Курчатова проозвучали неожиданно и, несмотря на тяжелое положение на фронтах, обратили внимание на "урановую проблему".

Сталин приказал незамедлительно собрать ученых-атомщиков. Оказалось, что многие из них воюют в действующей армии: К.А. Петржак - разведчик, Г.Н. Флеров - технарь, обслуживающий самолеты, И.В. Курчатов и А.П. Александров на флоте - ищут пути спасения кораблей от магнитных мин. На совещание Сталину прибыли старики, освобожденные от службы в армии по возрасту, да некоторые по брони. Среди них были академики А.Ф. Иоффе и В.И. Вернадский.

Первый, главный вопрос, который задал Сталин, был:

- Могут ли немцы или наши союзники создать атомную бомбу?

Ученые не знали, на какой стадии находятся эти работы за рубежом, но не отрицали, что они ведутся.

Сталин возмутился:

- Вот младший техник-лейтенант Флеров пишет с фронта, что надо незамедлительно заниматься созданием атомной бомбы, а вы, ученые-специалисты, молчите! (Геннадий Николаевич Флеров

до начала войны работал вместе с Курчатовым. - В. К.). - Сколько надо времени и сколько будет стоить создание бомбы? - наседал на ученых Сталин.

Академик Иоффе, понимая, что Сталина раздражать - дело опасное, но и обманывать не менее рискованно, ответил:

- Стоить это будет почти столько же, сколько стоит вся война, а отстали мы в исследованиях на несколько лет.

Но Сталин понимал - вопрос не только о бомбе, а о победе или поражении в войне, о судьбе государства. Все, за что брался лично Сталин, обретало соответствующий размах и получало необходимое обеспечение.

Берии он приказал:

- Возьмешь под личный контроль и под личную ответственность всю эту проблему.

Молотов в апреле 1942 года пригласил М. Г. Первухина, который тогда был наркомом химической промышленности и заместителем председателя Совнаркома, проинформировал его о встрече Сталина с учеными, о принятом решении по развертыванию работ и подчеркнул:

- Это личное поручение товарища Сталина, которое он просил меня передать тебе. Ты инженер-электрик и разберешься в этом скорее.

Молотов отдал Первухину объемистую папку, в которой были собраны документы и справки по атомным делам.

Так начинался наш атомный ("Манхэттенский") проект весной 1942 года, за три года до того, когда Трумэн и Черчилль пугали Сталина в Потсдаме сообщением об атомной бомбе и решили, что он ничего не понял.

Разведчики наши за эти годы сработали прекрасно. Они регулярно добывали и присылали в Москву многие результаты (формулы) исследований американских ученых. В Кремле была специальная секретная комната, где Курчатов - и только он один - знакомился с материалами, добытыми нашими агентами.

Кто же раскрыл тайны Бирмингемского университета, кто поддерживал контакты с британскими и американскими физиками, которые передавали военной разведке информацию по атомной проблеме?

Имя Клауса Фукса - талантливого ученого, который работал в США под руководством видного физика и руководителя научных исследований проекта "Манхэттен" Оппенгеймера, теперь хорошо известно. Он также известен как один из самых ценных агентов нашей разведки. Но сегодня практически никто не знает, кто и как привлек Клауса Фукса к сотрудничеству с советской разведкой.

Путь его в ядерную физику был сложен, но он обладал выдающимися способностями, и это позволило ему выйти в десятку ведущих физиков мира. Начал он свою научную карьеру в 1930 году, когда еще учился в Лейпцигском университете. Он был неординарным студентом. В это же время Фукс стал членом социалистической, а позже коммунистической партии Германии.

Когда Гитлер запретил левые партии и начались аресты, Фукс состоял на особом учете в гестапо, и судьба его была предрешена. Поэтому в сентябре 1933 года он сел на паром, который еше совершал рейсы между Францией и Англией, и прибыл в Лондон, где уже обосновался его отец.

В то тревожное время он познакомился с Юргеном Кучински, бывшим профессором кафедры экономики Берлинского университета. Этот человек был заметной фигурой в общине немецких эмигрантов. Узнав, где работает Фукс, он рекомендовал ему поделиться своими сведениями с представителем Советского Союза. Фукс согласился. Юрген был агентом Разведуправления Красной Армии. Он познакомил Фукса с секретарем военного атташе полковником Семеном Кремером. Этот разведчик был самым опытным работником лондонской резидентуры.

Так началась "карьера" Клауса Фукса в советской разведке. Связь с ним поддерживал полковник Семен Давыдович Кремер. Он провел с Фуксом четыре встречи и получил от него в общей сложности около двухсот страниц документов.

В октября 1942 года профессор Курчатов в гостинице "Москва" изучал эти материалы Фукса. Среди них были и документы, полученные военной разведкой еще от одного британского ученого. Но о нем - несколько позже.

В июле 1942 года Кремер убыл из Лондона. На этот раз на встречу с физиком вышел не сотрудник аппарата военного атташе Склярова, а глубоко законспирированный разведчик Красной Армии. Это была стройная и элегантная английская леди. В Разведуправлении Красной Армии она числилась под псевдонимом "Соня". На самом же деле ее звали Урсула Кучински.

"Соню" в 1932 году привлек к работе на военную разведку Рихард Зорге. Это произошло в Китае. Зорге познакомила с Кучински американская писательница и журналистка, работавшая в Шанхае, Агнесс Смедли. "Соня" активно выполняла различные задания военной разведки в Китае, Польше и Швейцарии. В феврале 1941 года она прибыла в Лондон.

Урсула Кучински была очень опытной разведчицей. О своей секретной работе она частично рассказала в книге "Соня рапортует", которая вышла в Берлине в 1977 году. Но в ее

воспоминаниях нет ни слова о том, что она встречалась с Клаусом Фуксом с октября 1942 по октябрь 1943 года.

...В одно из воскресений октября 1942 года она выехала в Бирмингем, нашла Фукса и восстановила с ним прерванную связь. На первой же встрече ученый передал "Соне" 85 листов документов о работе по проекту "Тьюб Эллоуз". Через месяц эти документы оказались в Москве. Но о встрече "Сони" с Фуксом Центр узнал значительно раньше. Дело в том, что "Соня" имела собственную рацию для связи с Центром. С октября 1942 года работа с Фуксом стала на целый год ее главным заданием.

"Соня" могла бы выполнить все указания Центра, но на очередной встрече с ней Фукс сообщил, что его и некоторых других специалистов к концу года должны направить в США для совместной работы с американцами. Как станет известно позднее, Фукс не только переехал, но его из Разведывательного управления передали в 1-е Управление НКГБ (внешняя разведка).

Почему это произошло, скажу ниже. А сейчас познакомлю читателей с другим разведчиком, как было обещано.

Начну с цитаты из документа Главного разведывательного управления российской армии {1999 года):

"В древнем Китае лучших шпионов ценили очень высоко и называли их бриллиантами в короне императора.

Одним их таких, кому очень везло, был наш военный разведчик "Джен". Он и сегодня считается одним из лучших оперативных работников военной разведки, которому удалось привлечь к сотрудничеству 20 ценных источников военно-технической информации. Некоторые из них сотрудничали с Главным разведывательным управлением по тридцать и более лет. Главным достоинством работы "Джона" было то, что ни один из добровольных помощников не попал в поле зрения контрразведок европейских государств. Экономический эффект разведывательной работы "Джена" составил, как считают специалисты, сотни миллионов американских долларов. Так что "Джена" можно по праву назвать "бриллиантом генералиссимуса И. Сталина".

Под псевдонимом "Джен" в Разведуправлении Красной Армии числился Ян Петрович Черняк. Он родился 6 апреля 1909 года на Буковине, принадлежавшей тогда Румынии, учился в Парижском высшем техническом училище, Берлинском политехническом колледже, был членом компартии Германии. С 1930 года стал сотрудничать с разведкой Красной Армии.

Ян побывал в большинстве европейских стран, научился проводить разведывательные операции в самых сложных условиях, никогда не нарушал конспирации, добывал ценные

сведения о создании в германских и других научных центрах новейших артиллерийских систем, авиационных бомб, радиоэлектронных и радиолокационных приборов, химического и бактериологического оружия и бронетанковой техники. Только в 1944 году Центр получил от "Джона" 12 500 листов технической документации и 60 образцов различной военной аппаратуры.

В первой половине 1942 года "Джен", который работал в одной из европейских стран, охваченных пламенем второй мировой войны, получил из Центра указание срочно выехать в Великобританию и привлечь к работе на военную разведку ученого-физика, сотрудника секретной лаборатории Кавендиш в Кембриджском университете. Из материалов К. Фукса в Разведуправлснии стало известно, что в этой лаборатории группа ученых под руководством профессора Х. Холбана проводит исследования, связанные с расщеплением урана и созданием атомной бомбы. "Джен" имел прекрасное техническое образование и был опытным вербовщиком. Центру от агента "Сессиль" стало известно, что физик придерживается "левых" взглядов.

И "Джен" выехал в Лондон. Находясь в Англии, разведчик установил контакт с физиком, которого звали Аллан Нанн Мэй.

Об этом человеке в нашей стране практически ничего не известно. Поэтому хочется сказать о нем несколько слов. Мэй родился в мае 1911 года в среднебуржуазной семье в Бирмингеме, окончил "Школу короля Эдуарда" и Кембриджский университет.

Аллан Мэй был талантливым физиком. С 1933 по 1936 гг. он был на научно-исследовательской работе в лаборатории Кавендиш в Кембридже. В 1936 году стал доктором физики. С 1936 по 1942 год он - профессор физики в Королевском колледже в Лондоне, который с началом второй мировой войны был эвакуирован в Бристоль. В апреле 1942 года профессор Х. Холбан пригласил А. Мэя в свою лабораторию в Кавендиш для работы в группе ученых, занятых научными исследованиями урановой проблемы.

"Джен" быстро нашел общий язык с Алланом Мэем, убедил его в необходимости оказания помощи советским физикам в разработке атомной проблемы. Мэй был согласен с тем, что советские ученые должны опередить немецких физиков, которые тоже активно пытаются создать атомное оружие. "Джен" встречался с Алланом Мэем несколько раз. Разведчик получил от британского физика документальную информацию обо всех направлениях научно-исследовательских работ по урановой проблеме в Кембридже. Позже Мэй передал *Дже-ну" данные по

установкам для разделения изотопов урана, описание процесса получения плутония, чертежи "уранового котла" и описание принципов его работы. Всего Ян Черняк получил от Мэя около 130 листов документов, часть из которых попала в руки И. Курчатова в октябре 1942 года.

Сотрудничество "Джена" с Алланом Мэем было непродолжительным. В январе 1943 года Мэй вместе с группой профессора Холбана, состоявшей из двенадцати человек, был переведен в Монреальскую лабораторию Национального научно-исследовательского Совета Канады.

"Джен", прощаясь с "Алеком" (таким был псевдоним ученого в Разведупраштении Красной Армии), попросил его после возвращения из командировки написать подробный отчет о работе, обусловил с ним возможности восстановления контакта на территории Канады. На всякий случай. Дело в том, что в это время между СССР и Канадой еще не было дипломатических отношений, и Ян Черняк не знал, есть ли у военной разведки своя агентурная сеть в той стране. Ее не было. Но условия связи, которые были разработаны Черняком, пригодились военной разведке через два года, когда в Оттаве были созданы советское посольство и представительство военного атташе.

Дороги Яна Черняка и Аллана Мэя больше никогда не пересекались. А если бы пересеклись, то Яна могла бы постигнуть горькая участь...

А. Мэй прибыл в Монреаль в январе 1943 года. В августе этого же года в Канаду прибыл старший лейтенант Павел Ангелов, сотрудник аппарата военного атташе полковника Н. Заботима, который был руководителем созданной в Канаде резидентуры военной разведки. Он установил связь с Мэем, получил от него доклад о ходе работ по созданию атомной бомбы.

Мэй вручил Ангелову доклад американского ученого Э. Ферми об устройстве и принципах действия уранового котла, его схему, а также образец урана-235, всего 162 миллиграмма на платиновой фольге в виде окиси. Образец урана доставил из Канады в Москву подполковник Петр Мотинов, заместитель "Гранта".

В июне 1945 года "Алек" (оперативный псевдоним А. Мэя) подготовил и передал "Бакстеру" (Ангелову) свой доклад о ходе работ по созданию атомной бомбы. В нем, в частности, говорилось о том, что "англичане намерены самостоятельно приступить к работам по созданию своего собственного атомного проекта. Эти планы держатся в строжайшей тайне от правительства США".

Мэй сообщил о секретном решении правительства Великобритании возвратиться к идее создания собственного атомного оружия. В Лондоне к середине 1945 года наконец-то поняли, что американцы прибрали к рукам все атомные секреты и ни с кем делиться этой информацией не собираются...

Этот доклад А. Мэя, описания принципов действия атомной бомбы, установок для получения обогащенного урана, а также образец урана-235 были 11 июля 1945 года направлены, как свидетельствуют отчеты ГРУ, "лично маршалу Советского Союза тов. Берия".

Почему ГРУ передает материалы "маршалу Берия?" И не только информацию, но, как сказано ранее, передавало и своих лучших работников и агентов.

Это делалось по личному указанию Сталина. Он приказал всю работу разведки по "Проекту № 1" сосредоточить в руках Берии.

10 сентября 1945 года из канадской резидентуры военной разведки бежал шифровальщик лейтенант Гузенко. Он утащил с собой секретные материалы, которые передал канадской контрразведке. Естественно, все данные перебежчика попали и в американское Федеральное бюро расследований. Из этих документов американцам стало ясно, что их секретные работы по созданию атомной бомбы известны советскому руководству. Но кто такой "Алек" они не знали, и директор ФБР Э. Гувер приказал во что бы то ни стало установить настоящее имя этого "Алека". К сожалению, в тексте одной из радиограмм, переданной предателем американской контрразведке, говорилось о том, что "Алек" должен выехать в Великобританию. Это уже была значительная зацепка. В Лондон возвращались британские ученые. Постепенно усилия контрразведок США, Великобритании и Канады позволили им предположить, что "Алек" - это доктор физики Аллан Нанн.

Канадская резидентура полковника Н. Заботина была разгромлена.

Это вызывало гнев Сталина. Нависла угроза не только над жизнью разведчиков - мог прекратиться поток информации об атомной бомбе и замедлить работу наших ученых. А медлить нельзя! Гонка в создании бомбы это вопрос жизни или смерти страны! Вот и приказал Сталин навести порядок в этом архиважном деле и сосредоточить все в руках Берии.

Центр принимал срочные меры по локализации грандиозного провала. Учитывая то, что А. Мэй после возвращения в Лондон должен был встретиться с "Дженом", начальник ГРУ дал срочное указание Яну Черняку - в Лондон не выезжать...

Директор ФБР Э. Гувер об этом не знал. Он очень хотел захватить русского атомного шпиона. Поэтому американская и английская контрразведки установили в Лондоне за А. Мэем круглосуточное наружное наблюдение. Они планировали арестовать ученого в момент передачи секретных документов и захватить советского разведчика. Но на встречу с Мэем к Британскому музею никто не вышел.

Прямых доказательств участия А. Мэя в передаче кому бы то ни было секретной информации у контрразведки не было. Но его приглашали на допросы. Однажды на очередной "беседе" следователь задал ученому коварный вопрос:

- А сколько вы получили от русских?

Не придавая значения содержанию вопроса, ученый ответил:

- Я денег не брал.

Это выражение было на суде оценено как признание, и Мэй был осужден на десять лет тюремного заключения за "передачу информации неизвестному лицу". Неизвестных лиц, теперь это можно сказать, было двое - Ян Черняк и Павел Ангелов.

* * *

В ГРУ было принято решение подключить к добыванию сведений по урановой бомбе глубоко законспирированных в этих странах разведчике в-нелегалов. В США одним из таких был "Ахилл". Под этим псевдонимом в Северной Америке длительное время работал Артур Александрович Адаме. Человек удивительной судьбы, он получил образование в Канаде, где окончил механический факультет Торонтского университета, работал на автомобильных заводах Форда, служил в американской армии. В 1920 году возвратился в Россию. Был директором московского автомобильного завода АМО, работал на ответственных постах в Главном управлении авиационной промышленности. С 1935 года сотрудник Разведуправлепия Красной Армии, руководитель нелегальной резиденту-ры в США.

В феврале 1944 года он привлек к сотрудничеству американского ученого, который в ГРУ числился под псевдонимом "Кемп".

Среди документов, присланных "Ахиллом" в Центр, в частности, были:

- описание и чертежи конструкции экструзивного завода - 36 фотолистов;

- доклад о восстановлении сырого продукта "49". Материалы Клинтонской лаборатории - 34 фотолиста;

- доклад на конференции в Вилмингтоне о ходе работ в США по производству урана - 19 фотолистов;

- отчет об использовании экспериментальной продукции

расходящейся структуры цепи Э. Ферми - 34 фотолиста.

На следующей встрече с "Кемпом" Адаме подучил для перефотографирования еще 2500 страниц закрытых материалов по атомному проекту и новые образцы.

Обычная фотокассета имеет 36 кадров, Ахилл на конспиративной квартире для фотографирования документов использовал 69 фотокассет!

Кроме "Ахилла", военная разведка имела в США и других разведчиков-нелегалов. Кдобыванию сведений по "Проблеме № 12" была подключена мощная сеть разведчиков и агентов в США, которые подчинялись Комитету госбезопасности. Они тоже проникли в "Манхэттенский проект". Но детали их работы - за пределами моей осведомленности.

Какое значение для науки имели сведения, добытые разведкой?

Приведу один документ.

В марте 1943 пришли новые сведения от разведчиков. Курчатов изучил их и написал письмо:

"Заместителю Председателя

Совета Народных Комиссаров Союза СССР

т. Первухину М. Г.

Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения...

(Далее Курчатов в трех разделах излагает научную оценку полученных сведений. - В. К.).

...IV. Полученные материалы заставляют нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить при этом три новых для советской физики направления в работе...

Необходимо также отметить, что вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей.

...Данное письмо будет передано Вам Вашим помощником т. Васиным А. И., у которого находятся подлежащие уничтожению черновые записи.

Зав. лабораторией профессор И. Курчатов.

г. Москва 07.03.43 г. экз. единств."

Сведения от разведки шли регулярно, и именно по тем вопросам, которые ставил Курчатов.

Соратники Курчатова поражались его плодовитости и прозорливости, он иногда без экспериментальной проверки запускал теоретические разработки в производственный процесс. И вес получалось! Например, той самой весной 1945 года, когда шла Потсдамская конференция, Курчатов со своими коллегами уже разрабатывал конструкцию промышленного реактора. 25 декабря 1946 года впервые в СССР и Европе была осуществлена управляемая цепная реакция деления урана. За короткое время группа ученых под руководством Курчатова (да и постоянное внимание Сталина было очень весомым стимулом) проделала титаническую (не нахожу другого слова) работу. 6 ноября 1947 года было официально объявлено, что секрета атомной бомбы для СССР больше не существует.

Вот это была пилюля так пилюля для Пентагона! Даже не пилюля, а отрезвляющий душ.

Советские ученые практически осуществляли огромные работы в научно-технических вопросах, в вопросах использования атомной энергии.

Ну а то, что наши разведчики добыли, так об этом не

полагалось говорить по соображениям секретности.

Но сколько бы ни была потенциально полезной разведывательная информация с ее важными идеями, необычайными расчетами и ориентирами, в каком научном направлении следует идти, сама по себе она была мертва. Мертва до тех пор, пока не находились требуемые самим Курчатовым доказательства, подтверждающие, что разведывательный "улов" не есть ошибка или дезинформация.

Курчатов сам проводил важнейшие эксперименты (или участвовал в их постановке). Будучи человеком добрым, обаятельным и в то же время необыкновенно ответственным, твердым и требовательным, он весь риск в исследованиях и практических разработках брал на себя, при неудачах никогда никого не ставил под удар. Сам строил уран-графитовый котел, разрабатывал методы разделения изотопов урана, экспериментировал в циклотроне.

Великолепный труд ученых Сталин щедро отмечал на каждом этапе, чем стимулировал их усилия на следующую победу. За короткий сравнительно срок стали трижды Героями Социалистического Труда Игорь Васильевич Курчатов, Андрей Дмитриевич Сахаров, лауреат четырех Государственных премий, одной Ленинской премии Анатолий Петрович Александров, лауреат трех Государственных премий, одной Ленинской премии Юлий Борисович Харитонов, лауреат четырех Государственных премий, одной Ленинской премии Яков Борисович Зельдович. Дважды Герой Соцтруда (3 Госпремии, 1 Ленинская) Александр Павлович Виноградов; Герой Соцтруда (5 Госпремий, 1 Ленинская и многие другие) - Исаак Константинович Кикоин; Герой Соцтруда (3 Госпремии, 1 Ленинская) Георгий Николаевич Флеров; Герой Соцтруда, дважды лауреат Госпремии - Василий Семенович Емельянов; Герой Соцтруда, трижды лауреат Госпремии - Абрам Исаакович Алиханов.

Все награды и звания вполне заслуженные, если напомнить, от какой беды спасли нас работы этих ученых: американский план атомного удара по СССР "Дропшот" предусматривал сбросить 300 атомных бомб на 70 советских городов.

И достижения, и награды атомщикам - все это прекрасно. Однако мне как-то не по себе, когда я не обнаруживаю сияния Золотых Звезд на груди разведчиков. Курчатов в своем кругу сказал: разведка обеспечила пятьдесят процентов успеха в создании атомной бомбы.

Вот хотя бы супруги Моррис и Леонтина Коэн - одними из первых много лет "расщепляли" тайны американского атома в Лос-Аламосской лаборатории. В 1961 году их арестовали в

Англии и "наградили" каждого двадцатью годами тюрьмы. В 1969 году их обменяли на арестованных иностранных разведчиков. В настоящее время Коэны живут в Москве.

Ученый физик Клаус Фукс сам предложил услуги советской разведке. На идейной основе, без оплаты передал многие секреты, связанные с созданием атомной бомбы. В 1949 году английский суд "наградил" его четырнадцатью годами тюрьмы.

По линии КГБ профессиональный разведчик Леонид Квасников, резидент в Нью-Йорке (1943-1945) руководил работой по проникновению в тайны "Манхэттенского проекта". И такие же отважные и результативные разведчики на этом направлении - Анатолий Яцков, В. Барковский, А. Феклистов. Только в 1996 году они были наконец удостоены звания Героя Российской федерации.

А разведчику ГРУ, "бриллианту Сталина" Яну Черняку это высокое знание было присвоено в 1994 году. "Золотую Звезду" ему вручали уже на больничной койке, незадолго до его смерти.

Я навестил его в те дни в больнице, очень жалко было, что уходит из жизни этот человек и уносит с собой головокружительные, потрясающие подвиги, о которых люди так и не узнают. Он не писал мемуары.

Один из руководящих работников ГРУ сказал: "То, что совершал Черняк, намного сложнее и опаснее того, что рассказано в фильме о Штирлице".

Как уже было сказано, я не располагаю материалами о работе над атомной проблемой по линии разведки КГБ. В 1997 году издательство "Олимп" (Москва) выпустило двухтомник В. Чикова "Нелегалы". В предисловии автор говорит, что он строго следует фактам и документам впервые рассекреченного досье КГБ СССР № 13 676, в котором собраны материалы о работе разведчиков и ученых по созданию советской атомной бомбы.

Владимир Чиков - профессионал-контрразведчик и журналист (окончил факультет журналистики Уральского университета). Он много и плодотворно поработал при создании двухтомника, жаль только, что и его не миновал вирус недоброжелательности по отношению к Сталину (мода! Снижают ценность труда подобные фразы: "в коварстве и вероломстве вождю всех народов не было равного"). Но в книгах немало подлинных документов, некоторые и я (для полноты картины) приведу в своем повествовании. Особенно те, которые имеют отношение к моей теме - о Сталине, - опуская подробности и технику разведчиков КГБ при добывании сведений по "Проекту № 1".

6 августа 1945 года США сбросили первую атомную бомбу на

Хиросиму (убито 100 000 человек, более 37 000 тяжело ранено, 235 000 получили травмы). 9 августа США сбросили вторую атомную бомбу - на Нагасаки.

Сталин понял: теперь США будет использовать свой приоритет для достижения политических и экономических целей, атомная дубина в их руках с каждым днем будет опаснее и может привести к войне с предсказуемой победой. Надо было во что бы то ни стало н кратчайшие сроки лишить американцев монополии на атомное оружие.

18 августа Сталин созвал на экстренное совещание тех, кому он решил поручить это ответственное дело. После всестороннего обсуждения было принято Постановление Государственного Комитета обороны СССР за № 9887 сс/оп "О специальном комитете при ГОКО". Вот несколько пунктов из этого документа:

"...Возложить на Специальный комитет при ГОКО:

- руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана;

- развитие научно-исследовательских работ в этой области;

- широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и др. странах);

- организацию промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии;

- строительство атомно-энергетических установок и разработку и производство атомной бомбы.

...Поручить тов. Берии принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, производимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.).

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин".

Под руководством Б. Л. Ванникова начала создаваться новая отрасль промышленности - атомная, в которую из других наркоматов, в соответствии с постановлением ГКО, были переданы и перепрофилированы некоторые НИИ, КБ, строительные организации и промышленные предприятия.

Создан Ученый совет, в который вошли, по рекомендации Сталина: Алиханов, Ванников, Иоффе, Завенигин, Капица, Кикоин, Курчатов, Харитоп, Махиев.

- Совет должен быть настоящий, научный, полезный - не

заниматься говорильней, - определил Сталин,

Сталин постоянно следил и помогал работе ученых, он оказался дальновидным и насчет "говорильни", и однажды устранил серьезный конфликт, наметившийся между администраторами и учеными.

По этому поводу Сталину написал письмо академик Капица:

"Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. У тов. Берии основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо... У него один недостаток - чрезмерная самоуверенность, и причина се, по-видимому, в незнании партитуры. Я ему прямо говорю: "Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах", на что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще наши диалоги не особенно любезны. Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт. Ведь, например, не надо самому быть художником, чтобы понимать толк в картинах [...].

...У меня с Берией совсем ничего не получается. Его отношение к ученым, как я уже писал, мне совсем не по нутру.

...Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берии, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ВЕДУЩАЯ, а не подсобная сила... Они (руководящие товарищи) воображают, что, познав, что дважды два четыре, они постигли все глубины математики и могут делать авторитетные суждения. Это и есть первопричина того неуважения к науке, которое надо искоренить и которое мешает работать [...]

Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему все это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно..."

Сталин ответил академику. Он вызвал Берию и показал ему письмо Капицы. Можно легко представить, как оно взбесило "маршала КГБ" при его неограниченной власти.

Но Сталин сказал:

- Учти и помирись.

Берия поехал к Капице в институт, подарил ему уникальное охотничье ружье.

Настырный академик в беседе еще раз выложил Берии все, что о нем думает. Он согласился продолжать работу в Спецкомитете только при условии, если ученые будут основной силой, а все остальные - подсобной, помогающей им.

Берия на все был согласен. Но он не был бы самим собой,

если бы не затаил злобу на Капицу. Постепенно, день за днем, он "дул и дул в уши" Сталину, что этот академик ненадежный человек, он настроен антисоветски, может стать предателем. В конце концов Берия своего добился. Сталин сказал:

- Я его выведу из Комитета, но ты, Лаврентий, его не трогай. Никаких арестов и обысков.

Капицу из Комитета вывели, и он спокойно дожил свой век. Пережил Берию - умер в 1984 году, стал дважды Героем Социалистического труда (1945, 1974 гг.)...

29 августа 1949 года в 6 часов утра на Семипалатинском полигоне была взорвана первая советская атомная бомба.

О подготовке во всех деталях докладывалось Сталину по ВЧ. И когда все было, как говорится, на взводе, ом благословил.

Атомная монополия США была ликвидирована. Создание атомных бомб и ракет, способных доставить их через океан, поставлено на массовое производство. Сталин и на этот раз своего достиг - он спас не только свою страну, но и все человечество от американской атомной дубины.

Разгром Японии

[В этой главе использованы воспоминания маршала Василевского и приводятся выдержки из книги С. Куличкина "Генштаб полагает..."]

Впервые о войне с Японией Сталин заговорил еще при подготовке завершающих операций против Германии. Перед взятием Кенигсберга Сталин сказал Василевскому:

- В Ялте мы договорились о войне на Дальнем Востоке против японцев. Уже сейчас надо готовить к переброске туда несколько лучших армий. Их мы возьмем в том числе и из Восточной Пруссии. Я хочу, чтобы именно вы наметили эти армии. Ставка предполагает поручить вам руководство боевыми действиями против японцев...

Такого Александр Михайлович не ожидал, и недоумение, конечно, отразилось на его лице. Сталин заметил это.

- Вы что же, недовольны? - спросил он настороженно. - Или считаете себя недостойным этой миссии?

- Скорее второе. По должности начальника Генштаба я, конечно, изучал Дальневосточный театр военных действий, занимался им, но никогда не служил на Дальнем Востоке, не знаком с особенностями этого района, не воевал против японцев. По-моему, у нас достаточно военачальников, долгое время не только служивших там, но и участвовавших в боях. Скажем. Георгий Константинович Жуков, Рокоссовский, Малиновский, Попов...

- Хватит, 'товарищ Василевский. Мы об этом знаем. Но Ставка

считает, что операцией такого масштаба в ранге Главнокомандующего могут выступить либо Жуков, либо вы. У Жукова, вероятно, будет много дел в Германии, да и на Халхин-Голе он тоже воевал, не зная Дальнего Востока. Сейчас у вас гораздо больше опыта. Вы уже брали мощные укрепления, как Севастополь, будете брать Кенигсберг. А японцы создали в Маньчжурии мощные укрепления. Или вы предпочитаете заниматься только Генштабом?

- Никак нет, товарищ Сталин. А относительно Генштаба, я уже сейчас просил бы освободить меня от этой должности. Последние два года я большую часть времени проводил на фронте и Генштабом фактически руководил генерал Антонов. Его и предлагаю утвердить в этой должности, оставив за мной должность заместителя наркома обороны.

- А разве вас не обидит такое решение? - спросил Сталин и повернулся к стоящему рядом покрасневшему Алексею Иннокентьевичу. - Что вы думаете по этому поводу, товарищ Антонов?

- Я не согласен с предложением Александра Михайловича. Его роль как начальника Генштаба очевидна.

- Ну ладно, все это шапошниковская школа. Деликатничаете друг перед другом. Мы подумаем над вашим предложением, товарищ Василевский. Нельзя же просто так понизить вас в должности. А пока занимайтесь Восточной Пруссией. Когда вы сможете выехать на фронт?

- Если разрешите, завтра утром.

Сталин не хотел уподобляться Гитлеру и начинать войну с Японией внезапным нападением, он приказал Молотову - как министру иностранных дел готовить ситуацию дипломатически.

5 апреля Молотов пригласил к себе японского посла Сато и от имени Советского правительства сделал заявление о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. Судя по всему, эта новость не стала для японца большой неожиданностью, но все же поразила его. Он побледнел, потом покраснел и, вытирая пот со лба, тихо сказал:

- Смею ли я узнать у господина министра мотивы денонсации? Япония как никогда готова приложить все силы для поддержания нейтралитета.

- В заявлении все сказано, - сухо ответил Молотов.

В заявлении указывалось, что пакт подписывался "до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки - с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии,

помогает последней в войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным..."

Японец лукавил, когда чуть ли не клялся в примерном соблюдении японцами нейтралитета. Все тяжелейшие годы войны у наших дальневосточных границ Япония держала почти миллионную лучшую Квантунскую армию, и только срыв планов вермахта под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге так и не позволил им выбрать подходящий момент для броска на советское Приморье и Забайкалье.

* * *

В Москве готовились к Параду Победы - шли тренировки сводных фронтовых полков, шили новую парадную форму, - а Василевский был поглощен думами о боевых действиях на Дальнем Востоке, Генеральный штаб занимался сложными расчетами. В первую очередь, железнодорожными перевозками. Трудностей здесь хватало с лихвой, а вот железнодорожных путей, станций выгрузки было мало. А ведь перемещение почти миллиона солдат, тысяч единиц техники надо было проводить скрытно. Для чего необходима такая секретность? Японцы, конечно, знали о скором начале боевых действий. Но "скоро" слишком растяжимое понятие. Скажем, в августе на Востоке начинается сезон дождей. Значит, в сентябре? А если вопреки логике? Если успеть до сезона дождей или ударить в его разгар? Такого японцы представить не могли. Еще с 1904 года они привыкли к размеренным боевым действиям, и в эту войну готовились к длительной оборонительной операции. Они привыкли к тому, что противник должен выбрать благоприятные погодные условия, предварительно долго и упорно проводить огневую подготовку, налеты авиации и уж потом...

Главком Василевский очень надеялся на такой консерватизм и готовил неожиданный, быстрый комбинированный удар. Вот почему он торопился. Вот почему приказал часть войск, артиллерии, все что было на колесах, выгружать не на единственной станции в районе города Чойбалсан, а на всех станциях между Читой и Карымской, и оттуда своим ходом совершать марши по 500, 700, 800 километров в районы развертывания. Вот почему так внимательно следил за соблюдением мер предосторожности. Он лично приказал ограничить количество лиц, допущенных к перевозке и разгрузке войск; строго контролировать все переговоры по линиям связи; разгрузку войск производить только в присутствии

представителей Генштаба.

Сталин не беспокоил его почти весь май. Конечно, он регулярно выслушивал доклады о ходе подготовки операции, но практически подключился, когда начали обсуждать кандидатуры руководящего состава. Разговор этот состоялся незадолго до торжественного приема в Кремле в честь Победы.

- Итак, товарищ Василевский, по докладам генерала Антонова, вы окончательно определились с группировками войск и командованием будущих фронтов? - спросил Верховный, внимательно вглядываясь в карту.

- Так точно, товарищ Сталин. Все войска на Дальнем Востоке сводятся в три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные. Самый мощный Забайкальский под командованием Малиновского - включает 17-ю, 36-ю, 39-ю и 53-ю общевойсковые армии, 6-ю гвардейскую танковую и 1-ю воздушную армии, а таюке конно-механизированную группу советско-монгольских войск. Силен и 1-й Дальневосточный фронт Мерецкова, развернутый на базе Приморской группы войск. У него 1-я Краснознаменная, 5-я, 25-я и 35-я общевойсковые армии, Чугуевская оперативная группа, 10-й мехкорпус и 9-я воздушная армия. Во 2-м Дальневосточном фронте Пур-каева - 2-я Краснознаменная, 15-я и 16-я общевойсковые армии, 5-й отдельный стрелковый корпус, Камчатский оборонительный район и 10-я воздушная армия. Тихоокеанский флот адмирала Юмашева насчитывает 427 боевых кораблей, из них 2 крейсера и 78 подводных лодок, 1500 самолетов. В Амурской флотилии 200 кораблей и 70 самолетов...

- Хорошо, товарищ Василевский, - остановил его Сталин. - Кто начальники штабов во фронтах?

- У Малиновского - генерал армии Захаров, у Мерецкова генерал-лейтенант Крутиков, у Пуркаева - генерал-лейтенант Шевченко, наш генштабист.

- А мы хотели предложить вам товарища Захарова начальником штаба Главнокомандования.

- Лучшей кандидатуры представить трудно. Матвея Васильевича знаю давно, но разговора у меня с ним не было. Есть еще генерал Курасов...

- Хорошо, разберитесь, внимательно поговорите с ними и доложите. Главное командование должно быть авторитетным органом. Мы прикомандируем к нему наркома ВМФ, главкома ВВС, ответственных представителей всех родов войск. А как с командованием армиями, корпусами?

- Стараемся разбавить опытными фронтовиками, товарищ Сталин. Помимо тех, кто пришел со своими армиями и

корпусами, я имею в виду Людникова, Крылова, Манагарова, Кравченко, Плиева, направляем и других товарищей. В Забайкалье на 36-ю армию - генерал-лейтенанта Лучинского, в Приморье на 1-ю Краснознаменную - генерал-полковника Белобородова, на 25-ю генерал-полковника Чистякова, на 35-ю - генерал-лейтенанта Захватаева. Все - опытные боевые командармы. Прежних командующих оставляем у них заместителями.

- Правильно! Это очень важно, ибо старожилы хорошо знают театр военных действий противника. Надо получше поработать со всеми звеньями управления на местах.

- Как только закончим все дела в Москве и будет принято решение, немедленно убываю на фронт.

- Ну, товарищ Василевский, никак не можете отвыкнуть от слова "фронт". Решение будет принято в соответствующее время. А в Москве действительно есть дела. Вы думаете готовиться к Параду Победы?

- Так точно, товарищ Сталин. Уже портные надоели, спешат к сегодняшнему приему.

- А что, красив новый мундир? Вы, как бывший офицер, можете сравнить?

- Думаю, при старом режиме подобной красоты не было, не считая эполет.

- Были и такие предложения, еще в сорок третьем году, но мы отказались. Кстати, к приему мундир не обязателен, а на парад непременно.

26 июня Сталин утвердил план разгрома японских войск в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах. Через сутки ушла директива в действующую армию и на флот.

27 июня на Дальний Восток убыл Мерецков, в первых числах июля Малиновский и сразу за ним Василевский. Убывали маршалы строго секретно. По документам и внешнему виду они не были маршалами. Мерецков считался генерал-полковником Максимовым и по приказу Сталина совершил чуть ли не чкаловский перелет. По тем временам всего 36 часов добирался он до Ворошилова-Уссурийского, пробыв из них почти 29 часов в воздухе. Малиновский превратился в генерал-полковника Морозова, но ехал уже с комфортом - спсцпоездом. Василевского, по документам - замнаркома генерал-полковника Васильева, задержал в Москве на сутки Сталин. Разговор был короткий, но Верховный придавал ему большое значение.

- Теперь от вас зависит очень многое, и прежде всего непосредственная подготовка войск, - сказал он сразу. - Мы собираемся в Берлин, на конференцию. Вопросы очень сложные:

по разделу Германии, контрибуции, по новому порядку в Европе. Союзники, судя по всему, не рассчитывают разбить Японию в ближайшее время, будут втягивать нас в эту войну. Мы останемся верны нашим обязательствам, вступим в войну, но провести ее должны решительно, в самые короткие сроки, победоносно. Мир должен понять, что без Советского Союза закончить вторую мировую войну невозможно. Быстрота обеспечит и силу нашего дальнейшего влияния на Дальнем Востоке, в Китае, Корее, возможно, во всем регионе. Полная готовность войск и сил флота должна быть достигнута не позднее чем через три недели. Может быть, вам придется некоторое время подождать. Это будет зависеть от хода переговоров, но, думаю, недолго. Вы решили вопрос с начальником штаба Главного командования?

- И Захаров и Курасов отказались.

- Есть другие кандидатуры?

- Есть - генерал-полковник Иванов. Его настоятельно рекомендует Толбухин.

- Хорошо, забирайте Иванова - и доброго пути. В дороге вам будет о чем подумать, можно поработать.

3 августа Сталин вернулся в Москву из Потсдама, и Александр Михайлович сразу связался с ним, подробно доложил о ходе подготовки к операции.

- Когда реально вы сможете начать наступление? - спросил Сталин.

- На Забайкальском фронте армии Людникова и Манагарова вышли в районы сосредоточения. Они в пятидесяти-шестидесяти километрах от госграницы. Танкисты Кравченко уже на исходных. Через двое суток фронт готов начать наступление. Дальневосточные фронты уже двое суток находятся в готовности к атаке.

- Скоро получите директиву, подтверждающую преобразование Приморской группы в 1-й Дальневосточный фронт. Фронт Пуркаева, как мы и говорили, будет называться 2-м Дальневосточным. Как дела на флоте?

- К 5-7 августа флот достигнет полной готовности. Но я просил бы срочно прислать на Дальний Восток адмирала Кузнецова. Он необходим для координации наших действий с моряками.

- Хорошо. Указания Кузнецову будут даны немедленно. Значит, мы идем с опережением графика?

- Более того, товарищ Сталин. Я убежден, что операцию надо начинать не позднее 9-10 августа, используя благоприятную погоду. Кроме того, разведка выявила признаки перегруппировки японских войск в Маньчжурии и Корее. Кванту некая армия

растет. Число дивизий выросло с 19 до 23, самолетов с 450 до 850. Усиливается Приморское направление. Боюсь, как бы японцы не догадались о наших намерениях. О войне они, конечно, знают, но я хотел бы оставить их в прежней уверенности, что мы начнем где-то в сентябре.

- Да, видимо, придется начинать. Трумэн все хвастался какой-то бомбой, а добивать японца придется русскому солдату. Ждите в ближайшие дни директивы...

Атомная бомба была взорвана американцами 6 августа над Хиросимой, начав новую эру человеческого безумия. Впрочем, в те дни люди еще не понимали всего ужаса этого пока еще единственного взрыва. Во всяком случае, в штабе Главкомата войск Дальнего Востока гораздо большее впечатление произвела полученная 7 августа около семнадцати часов по московскому времени директива Сталина о начале 9 августа боевых действий Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов. Да и на японцев гораздо большее впечатление произвело полученное вечером 8 августа через посла в Москве заявление Советского правительства.

"После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии, - говорилось в документе, - единственной великой державой оказалась Япония, которая стоит за продолжение войны.

Требование трех держав - Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая - от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией.

...Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией".

9 августа была сброшена вторая атомная бомба - на Нагасаки. Американцы считают это главной причиной капитуляции Японии. Но анализ событий, предшествовавших атомной бомбардировке, и особенно последовавших за ней, опровергает эту версию и приводит к другим выводам.

Во-первых, на бомбардировку Хиросимы императорская ставка ответила лишь отправкой в этот город специальной комиссии по изучению последствий атомного взрыва. Японских руководителей гораздо больше беспокоила позиция Советского Союза. И когда 9 августа советские войска перешли в наступление, то это в корне изменило обстановку.

Вступление СССР в войну с Японией повергло в крайнее уныние и растерянность ее правящие круги. Именно поэтому японское руководство утром 9 августа приняло принципиальное решение о необходимости капитуляции. Премьер-министр

Японии адмирал Судзуки на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной откровенно заявил: "Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны". О потере всякой надежды на победу в войне заявил на этом же заседании и министр иностранных дел Того: "Война становится все более безнадежной. Настоящая ситуация настолько критическая, что исключает всякую надежду на победу, и поэтому мы должны немедленно принять Потсдамские условия..."

Применение атомного оружия не вызывалось военной необходимостью, поскольку поражение Японии, по существу, было предрешено разгромом фашистской Германии и предстоящим вступлением в войну против Японии Советского Союза, о котором американское руководство хорошо знало. Если же принимать всерьез утверждения американской буржуазной историографии, что к началу августа 1945 г. "Япония фактически была уже разбита" и американцам оставалось только "устроить церемонию подписания капитуляции", то в таком случае атомная бомбардировка тем более не являлась необходимой.

Но тогда зачем сбрасывались атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Во имя чего сгорели в атомном пламени или подверглись мучительным страданиям от ранений, ожогов, радиоактивного облучения около 500 тыс. мирных жителей? И если атомная бомбардировка не вызывалась военной необходимостью, то объяснение следует искать в политике США. Как справедливо заметили японские историки, "использование атомной бомбы было для Соединенных Штатов скорее не последним военным действием во второй мировой войне, а первым серьезным сражением в "холодной войне", которую они ведут против России". Это был не только удар по Японии, но главным образом шантаж против СССР.

Итак, Сталин приказал начать боевые действия против Японии 8 августа 1945 года.

В то утро Василевский находился в штабе 1-го Дальневосточного фронта. Все было готово к наступлению, но вдруг дала себя знать дальневосточная природа - разразился мощный ливень.

- Дождались! - с досадой сплюнул Мерецков. Василевский тоже загрустил:

- Теперь уже поздно говорить об этом.

- Да я и не говорю. В первый раз, что ли, погода подводит.

- Пойду докладывать Верховному, - сказал Василевский. Разговор со Сталиным не получился, вернее, его пришлось

перенести на пару часов. Взявший трубку Поскребышев доложил, что Сталин просил перезвонить через некоторое время. Когда через два часа он все же связался с Верховным, тот очень спокойно выслушал его доклад, и когда Василевский сказал о грозе, Сталин даже пошутил:

- Гроза начинается для самураев!

- Я имею в виду настоящую грозу, - уточнил Василевский. - Погода портится с каждым часом.

- И я настоящую, товарищ Василевский. Разве наши армии: красноармейцы, летчики, танкисты, артиллеристы, моряки - не гроза для японцев? Красная Армия как гроза, неожиданно, сокрушительно обрушится на Квантунскую армию. Ее прорыв будет скоротечным и очистительным ливнем, сметет с лица земли последнюю военную заразу...

Действительность оправдала пророчество Верховного. Разверзлись хляби небесные. Гремели раскаты грома, которые можно было принять за начавшуюся артподготовку. Дождь не просто шел, а лил как из ведра. С вершин сопок в долины ринулись потоки воды, размывая последние дороги, наполняя любую впадину, поднимая уровень воды в реках, ручьях, озерах.

В половине первого ночи Мерецков решил:

- Думаю начинать атаку без артподготовки прямо в ливень. В этом и будет новая "изюминка".

- С Богом! ~ благословил Василевский, и спокойствие охватило его. Доклады ко мне через каждые два часа. Только события первостепенной важности немедленно! Я пойду отдохну.

Он уже привык к победам. Привыкли к ним и его подчиненные, прибывшие с совете ко-германского фронта. Никто из них - от рядового до командующего не сомневался не только в окончательной, но и в скорой победе. Однако, чтобы наступление сразу пошло подобными темпами, такое вряд ли кто мог предположить. Официально до подписания акта о капитуляции кампания длилась двадцать четыре дня, но на практике все было кончено в десять дней, максимум в две недели.

Утром из первого доклада с фронта Главком Василевский узнал, что на всех направлениях, даже в непроходимой тайге, на разлившихся от дождя Амуре и Сунгари (вода здесь поднялась до четырех метров), главные силы продвинулись на десять - пятнадцать километров. Передовые отряды, буквально продираясь сквозь мыслимые и немыслимые преграды, ушли еще дальше и завязали бои за главные укрепрайоны. Из Забайкалья же пришли просто потрясающие донесения. Танкисты Кравченко, двигаясь двумя параллельными колоннами, совершили бросок в сто пятьдесят километров и к исходу дня вышли к перевалам

Большого Хингана. Даже по безводной пустыне Гоби под палящими лучами солнца, обходя отравленные колодцы, конно-механизированная группа Плиева продвинулась почти на шестьдесят километров. С утра и до позднего вечера могучие бомбардировщики 9-й воздушной армии бомбили Чанчунь и Харбин.

Сталин, получив первое донесение Василевского, не удивился, но, конечно, остался очень довольным.

- Ну как там гроза? - спросил он шутливо.

- Какую вы имеете в виду, товарищ Сталин?

- А у вас что же, их много?

- Так точно. Одна в небе, другая гремит на земле. Темп наступления у Кравченко более ста пятидесяти километров в сутки. Он вышел к Большому Хингану. Это намного выше, чем мы предполагали. Общевойсковые армии всех трех фронтов наступают по плану, выходят к главным укрепрайонам.

- Вот там и проверим вашу действительную готовность. Вы думаете, уже можно говорить об успехе?

- Сейчас пока нет, но суток через пять положение прояснится полностью.

Через пять суток Забайкальский фронт перешел Большой Хинган, и танки Кравченко по маньчжурской равнине рванулись на тылы Квантупской армии - к Шеньяну, Чанчуню. По пятам за ними спешила мотопехота Мапагарова. Наступление шло по всему фронту. Дальневосточные фронты продвинулись на 50-200 километров. Начались уникальные десантные операции по овладению Южным Сахалином и Курилами. Теперь стало совершенно понятно, что японское командование потеряло управление войсками и не может организовать стойкого сопротивления. Японский фронт в Маньчжурии раскололся на несколько частей, и только чудо могло снасти японцев от полного разгрома.

- Значит, ваши предположения подтвердились? - спросил Сталин, выслушав доклад Василевского.

- Так точно, товарищ Сталин. Теперь самое главное - не потерять темпа наступления.

- Хорошо. Только темп надо увеличить еще. Какие на этот счет будут предложения?

- Предполагаем выброс авиационных десантов в крупнейших городах: Харбине, Чанчуне, Гирине, Мукдене. Создаем передовые подвижные отряды во всех общевойсковых армиях и у Кравченко.

- Вы знаете, что японское правительство официально объявило о капитуляции?

- Так точно. Разведка и радиоперехват это подтверждают. Но

капитуляция весьма странная. В телеграфном приказе японского генерального штаба командованию Квантунской армии сказано: "По повелению императора уничтожить знамена, портреты императора, императорские указы и важные секретные документы..." Приказа прекратить сопротивление нет. Японцы сражаются отчаянно, переходят в контратаки, много примеров самопожертвования. Наше продвижение вперед - отнюдь не легкая прогулка. Потери несем ощутимые. Я только что говорил с Мерецковым...

- Я так и думал, - перебил его Сталин. - Завтра мы выступим с официальным заявлением в печати, а вы начинайте десантные операции.

16 августа все газеты Советского Союза опубликовали за подписью генерала армии Антонова официальное заявление Генерального штаба Красной Армии, которое гласило:

"1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.

Приказ Вооруженным Силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции в вооруженных сипах Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когтда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии".

Враг сопротивлялся, и все же процесс капитуляции начался. Прокатилась волна самоубийств. 11 августа выстрелом из револьвера себе в грудь начал эту цепочку бывший премьер-министр Тодзио - главный виновник развязывания войны и поражения Японии. 15 августа покончил счеты с жизнью военный министр Анами. За ним - член Высшего военного совета генерал-лейтенант Синодзука, потом министры последнего правительства Кондзуми. Хосида, генералы Тейницы Хасимото и Хамада Хатоци. Истинные самураи не только делали харакири, но и стрелялись, принимали яд. Трудно сказать, подействовало ли это на командование Квантунской армии, но в 15 часов 17 августа токийское радио передало заявление штаба армии:

"Дли того чтобы достичь быстрейшей реализации приказа о прекращении военных действий, мы, командование Кван-тунской

армии, сегодня утром издали приказ, чтобы самолеты с нашими представителями были направлены 17 августа между Ш и 14 часами (по токийскому времени) в следующие города: Муданьцзян, Мишань, Мулин для установления контакта с командованием Красной Армии. Штаб Квантунской армии желает, чтобы эта мера не вызвала каких-либо недоразумений".

- Это уже похоже на начало капитуляции, - доложил Мерецков Василевскому.

- Похоже, но пока только похоже. Помаринуют они нас еще не один час. Войскам продолжать наступление!

И действительно, потянулось томительное ожидание. Наконец в 17 часов штаб фронта принял радиограмму командующего Квантунской армией. Генерал Ямада сообщал, что он отдал приказ войскам о немедленном прекращении военных действий и сдаче оружия советским войскам. Разведчики доставили два вымпела, сброшенные с японских самолетов и возвещавшие о прекращении боевых действий:

"1. Квантунская армия, выполнив до конца свой долг, вынуждена капитулировать.

2. Всем войскам немедленно прекратить военные действия и оставаться в тех районах, где они находятся теперь.

3. Войскам, находящимся в соприкосновении с советскими войсками, сдавать оружие по указанию советского командования.

4. Какие бы то ни было разрушения строго запрещаю.

Командующий Квантунской армией".

- Что на самом деле творится на передовой? - спросил Василевский у Мерецкова.

- На самом деле бои продолжаются. Только сейчас сообщили, что Хутоуский укрепрайон открыл мощный огонь по боевым порядкам 35-й армии и переправам через реку Уссури.

- Все ясно. - Александр Михайлович приказал начальнику оперативного управления генералу Потапову: - Записывайте приказ войскам всех фронтов. И начал диктовать:

"В связи с тем, что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстропсдвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил..."

Во все вышеперечисленные города, а также на Дальний и Порт-Артур приказывалось высадить воздушные десанты.

19 августа к Василевскому привезли командующего 4-й японской армией генерала Хата. Маршал без долгих рассуждений сказал:

- Я требую, чтобы японское командование приказало немедленно сложить оружие.

Более сложно обстояло дело с пленением командующего всей Квантунской армией генерала Отодзо Ямала - него было еще много войск и находился он далеко в тылу в городе Чанчунь. Там же находился премьер-министр Маньчжурии Чжан Цзин-Хуэ. К ним маршал Малиновский решил послать парламентера с ультиматумом. Полковник Артеменко был не только парламентер, вслед за ним на японский аэродром летел десант около 500 человек.

Аэродром гудел как муравейник, но как только на летном поле появились советские военные, все смолкло.

В комендатуре парламентеров встретил представитель штаба Квантунской армии полковник Асада, а когда через несколько минут там появился заместитель начальника штаба генерал Мацуока с группой офицеров, стало ясно - телеграмма Малиновского дошла до Ямада. Мацуока непрерывно улыбался, щеря редкие зубы.

- Не угодно ли господину парламентеру отдохнуть? Генерал Ямада проведет совещание и потом примет вас.

За окнами засигналил подъехавший "джип".

- Не угодно! - отрезал Артеменко. - В Чанчунь! Чанчунь, хоть и находился в глубоком тылу, был готов к обороне. Въезды перекрыты заградительными засадами, перекрестки ощетинились стволами пушек и пулеметов. Артememко невольно усмехнулся, осмотрев свою команду из пяти человек.

В штабе Квантунской армии шло совещание, и Артеменко своим появлением прервал его. Пожилой, бритый наголо генерал, восседавший во главе стола в полной парадной форме, и был главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада. Он как-то вяло приветствовал нежданных гостей, но Артеменко это не смутило.

- Читай ультиматум, - сказал он переводчику капитану Титаренко.

"Немедленно прекратить огонь и сопротивление на всех участках фронта, - слышал Ямада, устало прикрыв глаза, - сложить оружие, немедленно вывести все войска из столицы и прилегающих к ней пунктов в указанные мною районы, подписать акт о безоговорочной капитуляции..."

Ямада прекрасно понимал, что наступил конец, но кодекс самурая, многолетняя служба в армии божественного микадо не

позволяли ему вот так просто сдаться какой-то кучке русских офицеров, даже не генералов. В комнату тихо вошел Чжан Цзин-Хуэ и неловко примостился около круглого стола.

- А какие были еще пожелания от господина маршала Малиновского? спросил наконец Ямада.

- Вам надлежит выступить по радио с призывом к своим войскам сложить оружие, - нахмурился Артеменко. А вам, - он повернулся к китайскому премьеру, - обратиться к народу Маньчжурии.

- Да, да, - закивали японцы, а Чжан Цзин-Хуэ встал и низко поклонился.

Ямада пустился в пространные рассуждения о самурайской чести, которая требует особого подхода к японским солдатам и офицерам, предварительного объявления перемирия. Артеменко оставался непреклонным, повторяя одну фразу: "Только безоговорочная капитуляция!"

Конец всей этой дискуссии положил вошедший в кабинет дежурный офицер, который доложил Ямада:

- Ваше превосходительство! К столице приближается большая группа русских тяжелых самолетов под прикрытием истребителей. Наши самолеты в воздух подняться не могут, аэродром блокирован русскими истребителями.

- Господин парламентер! - повернулся удивленный Ямада к Артеменко. Хочу обратиться к вам как военачальник своих войск и территории, на которой вы находитесь. Что это значит? Надеюсь, вы сможете объяснить?

- Так точно! - невозмутимо ответил Артемепко. - Эти самолеты вызваны мной для обеспечения ведения переговоров. Если я в условленное время не сообщу своему командова нию положительных результатов, то город Чанчунь и его окрестности будут подвергнуты бомбардировке.

Артеменко прекрасно понимал, что ни о какой бомбардировке не может быть и речи, но Ямала уже потерял контроль над собой и заявление русского парламентера воспринял на полном серьезе.

- Господин полковник, - засуетился он, - есть ли еще время предотвратить бомбардировку? Если это в вашей власти, я прошу сделать это!

Артеменко связался с дежурившими на аэродроме своими офицерами и спокойным голосом приказал:

- Немедленно передать сигнал транспортным самолетам на посадку, а бомбардировщикам барражировать над городом до моего сигнала и при отсутствии такового в условленное время выполнять приказ командующего... Конец связи, -громко сказал

Артеменко.

Ямала быстро встал из-за стола, отстегнул свой самурайский меч и протянул его советскому парламентеру. Зазвенели холодным оружием его подчиненные.

- Холодное оружие можете оставить при себе, - сказал Артеменко. Прошу к столу. Вместо клинков возьмите в руки ручки, господа!

Позвонил Герой Советского Союза гвардии майор Авра-менко и доложил, что все его десантники благополучно приземлились, сняли аэродромную охрану и приступили к разоружению японских войск. В кабинете стояла полная тишина. Ямала и Чжан Цзин-Хуэ подписывали акт о полной безоговорочной капитуляции.

Вечером над зданием штаба Квантунской армии вместо белого с красным кругом японского флага поднялось алое полотнище.

Через трое суток десант высадился в Дальнем и Порт-Артуре, где тоже все прошло по отработанному сценарию: тысячи японских солдат и офицеров сдавались в плен небольшим группам советских десантников. Генералы, забыв священный самурайский долг, сдавали холодное оружие, получали его обратно и дисциплинированно рассаживались в транспортном самолете, уносившем их в далекий сибирский плен...

Несколько слов о десантниках в Мукдене.

Автоматчики авиадесантного отряда свалились на японцев как снег на голову. Японцы не ждали появления советских войск, на письменных столах в служебном помещении аэродрома были разложены бумаги, стояли бутылки с пивом.

В тот же день, когда наши части овладели городом Мукденом, представители фронта сразу же направились в японский лагерь для военнопленных англичан и американцев. Это была трогательная встреча. Во дворе выстроились пленные. Когда наши офицеры вошли во внутренний двор лагеря, строй моментально сломался, люди бросились навстречу советским офицерам, кричали на разных языках слова приветствия.

Представитель советского командования генерал Притула поднялся на импровизированную трибуну и стал говорить:

- Сегодня утром нашими частями занят город Мукден. Я уполномочен сообщить вам, что с этого часа все американские, английские и другие союзные военнопленные, находящиеся в этом лагере, свободны.

Трудно передать бурный восторг, который охватил освобожденных. Вверх летели пилотки, носовые платки, люди целовались и плакали от счастья. Слово "свобода" повторялось на

все лады. Сотни англичан и американцев неистово кричали его на русском языке: "Свобода, свобода, свобода!"

- От имени советского командования, - продолжал генерал Притула, поздравляю вас с победой союзных войск над японским империализмом!

И опять разразилась буря восторгов. Советских офицеров качали с гиком и шутками.

- О, русский молодец, - раздавались возгласы, - русские очень сильны. Мы друг вам!

Стихийно возник митинг. На крыльцо взбегает американец Александр Байби. Он горячо говорит по-английски:

- Нам русские войска принесли свободу! Три с половиной года мы томились в японской тюрьме. Тысячи нас умирали от голода и пыток. За все время только четырем удалось бежать из этого лагеря, но и они были схвачены японцами и заморены до смерти. Нет слов, чтобы рассказать здесь об издевательствах японских властей над нами. Наши русские боевые друзья, к вам обращаюсь я, простой американский солдат, со словами горячей благодарности и любви. Никто из нас не забудет этого дня. На всю жизнь мы ваши самые верные друзья, и эту дружбу с Россией мы завешаем своим детям.

По лицам людей, которые слушали Александра Байби, чувствовалось, что он действительно говорит за всех.

Представитель нашего командования объявляет, что японская военная охрана разоружается, а виновные в пытках и издевательствах над военнопленными японцы арестовываются. Временно, до подхода советских частей, управ ление лагерем он возлагает на американских и английских генералов.

Самым старшим по чину и по возрасту в мукдепском лагере был генерал Паркер. Высок, худ, очень бледен. У него лицо настоящего узника пергаментного цвета, с тонкими синими прожилками. Он передает через переводчика, что бесконечно счастлив видеть русских, что он восхищен стремительным наступлением Советской Армии.

Генерала Паркера просят временно стать начальником лагеря. Он благодарит наших офицеров за доверие.

В лагере были вице-маршал авиации Великобритании Малтби, генералы Джонс и Шарп Чснович - командиры американских корпусов, генералы Втофер, Пиэрс, Фонк, Орэйк, Стивэпс Лоф Бийби - командиры дивизий, известный голландский журналист Жоэлом, попавший в плен в 1942 г. Он сказал:

- Я напишу и о вас - русских людях, посланцах неба в нашу темницу!

Через полчаса после приезда наших представителей все японцы выстраиваются против военнопленных и складывают оружие. Американцы и англичане с исключительной организованностью разбирают оружие, устанавливают свои посты вместо японских. Генерал Паркер занимает кабинет начальника лагеря, куда для совещания приходят все остальные союзные генералы.

В нашей исторической литературе и в воспоминаниях участников боев на Дальнем Востоке очень мало написано о боях за Сахалин и Курильские острова. А там шли упорные сражения и погибли многие наши воины, освобождая эти очень далекие территории. К сожалению, и у меня нет возможности рассказать о героических делах наших соотечественников, мое повествование и так уже приобрело очень объемные размеры.

2 сентября на линкоре "Миссури", бросившем якорь в Токийской бухте, состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Этот исторический день означал, что вторая мировая война, продолжавшаяся шесть лет, закончилась. На линкор "Миссури" в тот день прибыл генерал Мак-артур, а вслед за ним - делегации союзных стран и представители военного командования Китая, Великобритании, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии, многочисленные корреспонденты и гости.

После подготовки всей церемонии была доставлена на катере и японская делегация в составе одиннадцати человек. При общем молчании присутствующих к столу подходят министр иностранных дел Сигемицу и начальник генерального штаба Японии генерал Умэдзу в сопровождении дипломатических и военных чинов. В течение пяти минут японская делегация стоит под суровыми взглядами всех присутствующих на корабле - представителей союзных стран.

В торжественной тишине генерал Макартур произносит речь, в которой подчеркивает:

- Мы собрались здесь - представители главных воюющих держав, чтобы заключить торжественное соглашение, при помощи которого мир может быть восстановлен. Проблемы, влекущие за собой противоположные идеалы и идеологии, были решены на полях сражений всего мира и поэтому не являются предметом наших обсуждений и дебатов.

Закончив свою речь, Макартур жестом предлагает японским делегатам подойти к столу.

Медленно подходит Сигемицу. Неловко выполнив тяжелую обязанность поставив свою подпись, Сигемицу отходит, ни на кого не глядя. Осторожно ставит подпись генерал Умэдзу.

Японцы удаляются на свои места.

К разложенным на столе папкам подходит Макартур и приглашает с собой двух американских генералов - Уэйпрайта и Персиваля, бывших узников, за несколько дней до этого освобожденных из японского плена.

После Макартура акт подписывают китайские делегаты, затем английский адмирал Фрезер.

В центре внимания была советская делегация. Присутствующие видели в ней представителей могущественной Советской державы, которая, разгромив фашистскую Германию, ускорила затем капитуляцию Японии.

Подписывающего акт по уполномочию Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами генерал-лейтенанта К. Н. Деревяпко сопровождали генерал-майор авиации Н. Ф. Воронов и контр-адмирал А. М. Стеценко. За генералом Деревянно поставили свои подписи представители Австралии, Канады, Франции, Голландии и Новой Зеландии.

Акт подписан. Делегации, подписавшие акт, вместе с Макартуром удалились в салон адмирала Нимица,

Японские делегаты некоторое время стоят одни. Затем Сигемицу вручают черную папку с экземпляром подписанного акта. Японцы спускаются вниз по трапу, где их ждет катер.

Таким образом, вопреки утверждениям недоброжелателей Сталина о том, что он, якобы, после победы над Германией отошел от руководства Вооруженными Силами, из рассказанного выше видно: Сталин принимал участие в разработке и осуществлении всех операций, проведенных на Дальнем Востоке тремя маршалами - Василевским, Малиновским и Мерецковым.

Как стратег Сталин добился ликвидации агрессивного дамоклова меча, который постоянно висел над нашей страной на Востоке.

Сталин добился возвращения российских земель, отторгнутых Японией: Курильских островов - в 1875 году и Южного Сахалина - в 1905 году.

Сталин заставил союзников - США и Великобританию - зафиксировать на Крымской конференции, что указанные земли "должны безусловно" принадлежать Советскому Союзу "после победы над Японией". Что и было осуществлено!

Ошибка Сталина

7 марта 1945 года, в соответствии с рекомендациями Ялтинской конференции, И. Тито сформировал Временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ), которое было официально признано в течение марта Советским Союзом, Великобританией и США. На

большинство постов (22 из 28) были назначены представители НКОЮ: И. Тито стал председателем Совета министров и министром обороны; И. Шубашич -министром иностранных дел; заместителями председателя Совета министров были назначены: от НКОЮ - Э. Кардель, а от эмигрантского правительства - лидер довоенной демократической партии М. Грол. Правительство ДФЮ выступило с декларацией, в которой излагалась программа его деятельности.

Советский Союз первым - 12 марта 1945 г. - назначил своего посла при новом правительстве, подчеркнув при этом, что будет и впредь оказывать всю возможную помощь и поддержку братским народам Югославии.

Тито имел широкую популярность и авторитет не только внутри страны, но и за ее пределами. В ореоле победителя, в маршальской форме он посещал другие страны, где его встречали с восхищением.

"Мой английский друг Фицрой Маклин так пишет об этом: "Тито использовал свои поездки и ответные визиты для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес, и подписания соглашений, не всегда испрашивая одобрения. Москвы. Разговоры, например, велись о Балканской федерации. Подозрительному Сталину не нравилось такое поведение сателлитов..."

И действительно, в сложной международной обстановке Сталин, считая необходимым проявлять должную осторожность и осмотрительность, болезненно реагировал на несогласованность в международных делах, не скрывая своего недовольства, когда Советское государство, как казалось Сталину, ставилось перед свершившимися фактами.

Так, например, 2 августа было опубликовано в Югославии и Болгарии сообщение о заключении Договора о взаимной помощи, дружбе и сотрудничестве. Причем Димитров заявил: "Этот договор будет бессрочным".

Узнав об этом, Сталин послал Тито телеграмму:

"...Советское правительство считает, что оба правительства допустили ошибку, заключив пакт, к тому же бессрочный, до вступления в силу мирного договора, несмотря на предупреждение Советского правительства. Советское правительство считает, что своей торопливостью оба правительства облегчили дело реакционных англо-американских элементов, дав им лишний повод усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии..."

Для корректировки понимания международных вопросов решили провести трехсторонние переговоры в Москве. Молотов

послал приглашения Тито и Димитрову с просьбой прибыть не позже 8-10 февраля.

Тито в Москву не поехал, сославшись на плохое самочувствие. Вместо него прибыли Э. Кардель, М. Джилас и В. Попович. От Болгарии приехали Г. Димитров, В. Коларов и Т. Костов.

Встреча со Сталиным состоялась 10 февраля в его кабинете, открыл ее Молотов. Когда он делал общий анализ причин, вынудивших к этой встрече, Сталин прервал его и сказал:

-- А все, что Димитров говорит, что говорит Тито, за границей воспринимается как сказанное с нашего ведома.

Димитров пытался объяснить, что Югославия и Болгария не обнародовали в Бледе текст договора, а только коммюнике, в котором говорилось, что достигнуто согласие между двумя странами о необходимости заключить такой договор. Затем он добавил, что Болгария, переживающая большие экономические трудности, не может развиваться без сотрудничества с другими странами.

Но Сталин, обращаясь к Димитрову, заявил:

- Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир - как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице. Вы ставите нас перед свершившимися фактами!

Кардель поддержал Димитрова:

- Возможно, с болгаро-югославским договором была проявлена спешка, но его проект был своевременно направлен Советскому правительству, со стороны которого не последовало никаких замечаний, кроме предложения (которое было принято) заключить такой договор не "на вечные времена", как предусматривалось в первоначальном варианте, а на 20 лет с правом продления. Поэтому я не вижу каких бы то ни было расхождений в политике между Югославией и СССР.

Сталин возразил:

- Ерунда! Расхождения есть, и глубокие! Что вы скажете насчет Албании? Вы вообще не консультировались с нами в отношении ввода своих войск в Албанию.

Кардель оправдывался:

- На это есть согласие правительства Албании. Сталин вновь прервал его:

- Факт остается фактом, что вы с нами Fie проконсультировались по вопросу направления югославских дивизий в Албанию. Это могло бы привести к серьезным международным осложнениям!

В результате этих переговоров в Москве было подписано

соглашение "О консультациях по внешнеполитическим вопросам".

Вроде бы обо всем договорились, но в каком настроении уезжали югославские гости, свидетельствует такая фраза Джиласа: "На заре нас отвезли на Внуковский аэродром и безо всяких почестей впихнули в самолет".

В соответствующей тональности был проинформирован и Тито о проходивших переговорах. Тито постоянно подталкивали на конфликт со Сталиным, да и сам югославский лидер был не только строптивый, но и амбициозный человек.

Позднее, уже в Е974 году, Тито на вопрос: "Какое для вас решение было более трудным - решение о тяжелой борьбе против Гитлера в годы войны или позднее, в связи с позицией Сталина?" - признался: "Решение о начале борьбы против Гитлера не было трудным. Мы обязаны были принять его. Принять решение в связи с позицией Сталина было гораздо тяжелее, поскольку мне, как дисциплинированному коммунисту-интернационалисту, было трудно пойти на такой шаг. Однако тогда я принял бесповоротное решение. И это стало переломом. Это было решение начать борьбу за то, чтобы не подчиниться диктату Сталина".

Это решение Иосип Броз Тито начал осуществлять с заседания Политбюро I марта 1948 года, на котором был заслушан отчет югославских представителей, вернувшихся из Москвы.

Итоги обмена мнениями подвел И. Тито:

- У Югославии нет разногласий с СССР в сфере внешней политики. Вопрос касается единства партии. Наша сила - в единстве воли и действий... Югославия подтвердила свой путь к социализму. Русские по-иному смотрят на свою роль. На вопрос надо смотреть с идеологической точки зрения. Правы мы или они? Мы правы. Они иначе смотрят на национальный вопрос, чем мы. Было бы ошибкой соблюдать коммунистическую дисциплину, если это в ущерб какой-либо новой концепции... Мы не пешки на шахматной доске. Пока не прояснится, как выкристаллизовывается вся ситуация, федерация неосуществима... Мы должны ориентироваться только на собственные силы.

Участник этого заседания - министр финансов, член Политбюро ЦК КПЮ, Генеральный секретарь Народного фронта ФНРЮ С. Жуйович, будучи несогласным с подобным курсом, тайно проинформировал посла СССР в ФНРЮ А. И. Лаврентьева о характере состоявшегося на заседании Политбюро ЦК КПЮ обсуждения вопросов.

Жуйович и в дальнейшем регулярно информировал советского посла о всех решениях Тито и югославского

правительства; суть происходящего сводилась к тому, что идет стремление оторваться от Советского Союза, и даже началось охаивание положения в СССР. В Югославии проявлялись недружественные отношения к советским специалистам, им не доверяли, ограничили доступ даже к техническим документам на совместных стройках.

Как и следовало ожидать, Сталин резко отреагировал на такие выпады, он приказал отозвать из Югославии советских специалистов от министерств черной металлургии, цветной, химической промышленности, здравоохранения и даже военных советников. Это был уже полный разрыв.

Состоялся обмен несколькими письмами, которые только углубляли разногласия. 9 мая на пленуме ЦК КПЮ, после обсуждения создавшегося положения, было принято послание за подписью И. Б. Тито и Э. Карделя:

"Товарищам И. В. Сталину и В. М. Молотову.

Получили ваше письмо от 4 мая 1948 года. Излишне писать, насколько и это письмо произвело на нас тяжкое впечатление. Оно убедило нас в том, что напрасны все наши попытки доказать даже с помощью фактов, что все обвинения против нас - результат неправильного информирования...

Мы хотим ликвидировать вопрос и на деле доказать, что обвинения против нас несправедливы, то есть что мы настойчиво строим социализм и остаемся верными Советскому Союзу, остаемся верными учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Будущее покажет, как и прошлое уже показало, что мы добьемся того, что вам обещаем".

На этом же пленуме было одобрено сообщение комиссии, изучившей поведение С. Жуйовича и А. Хебранга, оба они были выведены из состава ЦК КПЮ и исключены из рядов партии. Указом Президиума Народной скупщины Югославии С. Жуйо-вич был освобожден от обязанностей министра финансов, а А. Хебранг - министра легкой промышленности.

Джилас в мемуарах пишет: "Вопрос об арестах С. Жуйовича и А. Хебранга в ЦК не обсуждался. Тито сам принял такое решение".

Конфликт перерос в громкий скандал.

Сталин, узнав об аресте С. Жуйовича и А. Хебранга, поручил 9 июня 1948 года В. М. Молотову передать И. Б. Тито следующее:

"ЦК ВКП(б) стало известно, что югославское правительство объявило Хебранга и Жуйовича изменниками и предателями родины. Мы это понимаем так, что Политбюро ЦК КПЮ намерено ликвидировать их физически. ЦК ВКП(б) заявляет, что если Политбюро ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать Политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами. ЦК

ВКП(б) требует, чтобы расследование дела Хебранга и Жуйовича о так называемой неправильной информации ЦК ВКП(б) происходило с участием представителей ЦК ВКП(б). Ждем немедленного ответа".

На такого рода беспрецедентный запрос ЦК КПЮ направил 18 июня в Москву ответ следующего содержания:

"ЦК КПЮ никогда не помышлял убивать кого-либо, в т. ч. Хебранга и Жуйовича. Они находятся под следствием наших властей. ЦК КПЮ считает неправильной постановку вопроса со стороны ЦК ВКП(б) и с возмущением отвергает попытку представить наше партийное руководство "уголовными преступниками и убийцами". Учитывая это, ЦК КПЮ считает, что участие представителей ЦК ВКП(б) в расследовании дела Хебранга и Жуйовича исключено".

С целью "воспитания" югославских коммунистов было решено созвать совещание Информбюро (которое теперь заменяло Коминтерн). Оно состоялось близ Бухареста в июне 1948 года с повесткой дня "О положении в КП Югославии".

Доклад Жданова на этом совещании отредактировал Сталин. Были в нем очень резкие выражения: "Их методы из арсенала троцкизма", "В компартии... позорный турецкий террористический режим", "Мы располагаем данными, что Тито - иностранный шпион".

В резолюции совещания, которую одобрили ее участники (от Югославии представителей не было), Югославию отлучали от социализма. Рекомендовалось изгнать из КПЮ перерожденцев, выдвинуть новые здоровые силы, верные марксизму-ленинизму. Компартии почти всех стран поддержали резолюцию Информбюро. Югославия оказалась в изоляции.

Именно к этому времени относится выдуманная Хрущевым фраза, которую Сталин никогда не произносил: "Достаточно мне шевельнуть мизинцем, и не будет Тито".

21 июля 1948 года в Белграде открылся (и продолжался 8 дней) Пятый съезд КПЮ. Доклад Тито продолжался 8 часов! В нем была проанализирована история отношений с Россией с древних времен. Говоря о партии, Тито сказал, что она воспитывала пород и коммунистов в любви к Советскому Союзу как стране социализма, защитнику малых народов. Но решение Информбюро назвал ".чудовищными обвинениями!" Закончил Тито свою речь здравицей в честь Сталина!

Делегаты съезда бурно аплодировали и скандировали: "Тито - Сталин! Сталин - Тито!"

Но на деле продолжалось ухудшение отношений. В югославской и советской печати шли обоюдно грубые и злые

оскорбления. В Югославии арестовывали симпатизирующих русским, в Советском Союзе преследовали тех, кто не одобрял разрыв отношений с Югославией.

В общем, этот конфликт принес много вреда обеим странам. Туг, как говорится, нашла коса на камень: оба государ ственных деятеля, и Сталин и Тито, поддались своим худшим чертам характера - амбициозности, неуступчивости и даже капризу.

Эпизод с Югославией - одна из крупных ошибок Сталина. По-другому назвать это не могу - объективность не позволяет.

Опала Жукова

Много написано о неблаговидных делах Сталина. Такие его поступки объясняются политической хитростью, а иногда и коварством в борьбе с соперниками. Большинство подобных обвинений надуманны. Выплеснуты они все той же общей установкой "демократов" опорочить Сталина.

Но это совсем не значит, что у Иосифа Виссарионовича не было дел, не украшающих его биографию, и поскольку я обещал писать правду, вспомню очень неприятную и трудно объяснимую расправу над Жуковым, с которым Сталину довелось пережить в годы войны так много тяжелых и радостных дней.

Мне кажется, причиной этой расправы были не политические мотивы, а чисто человеческие, психологические, эмоциональные побуждения, которые подогревались определенными личностями.

У Сталина, как и у всех людей, были свои недостатки, один из них болезненная подозрительность, она вызрела в результате многолетней борьбы с оппонентами, измен и предательства ранее близких людей. Вот этим болезненным пороком и воспользовались недруги Жукова.

В мирные дни КГБ надо было показывать свою работу на крупных делах. Из Германии поступала информация о том, что некоторые генералы злоупотребляют вывозом "трофеев" для личных нужд. Глава КГБ Абакумов решил сам разобраться в этих сигналах. Он прибыл в Берлин и, действительно обнаружив криминал, стал производить аресты.

Жуков об этом пишет:

"Мне о цели визита не доложил, развернул бурную деятельность.

Когда стало известно, что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытии не изволил представиться мне как главнокомандующему и почему без моего ведома как главноначальствующего арестовывает моих подчиненных?

Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных генералов и офицеров освободить.

Самому убыть туда, откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву под конвоем".

Надо прямо сказать, Жуков обошелся с Абакумовым не только круто, но и весьма неосторожно. Всесильные начальники КГБ никогда еще не встречали такого беспардонного с ними обращения.

Нетрудно представить, какую злобу затаил Абакумов против маршала!

Позднее (на суде) Абакумов будет уверять, что все подлости против Жукова он затевал и осуществлял по указанию Сталина. Но вполне допустимо предположить, что оскорбительное изгнание из Берлина было вдохновляющим стимулом для мести. У Абакумова своей власти для наказания Жукова не хватало, он искал любой повод подключить Сталина к своей мстительной затее.

Вскоре представился удобный случай подобраться к Жукову, используя громкое дело, которое расследовалось по указанию Сталина.

23 апреля 1946 года главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза А. А. Новиков был арестован. Незадолго перед этим были арестованы министр авиационной промышленности А. И. Шахурин, из руководства ВВС генералы Репин, Селезнев и три ответственных работника ЦК: Шиманов, Будпиков, Григорьян.

В Главной военной прокуратуре СССР (в 1992 г.) я ознакомился с материалами дела по обвинению этой "группы крупных вредителей". Суть обвинения: руководство Министерства авиационной промышленности якобы выпускало партии недоброкачественных самолетов, а руководство ВВС принимало их, направляло на укомплектование авиационных частей, что нередко приводило к авариям и даже гибели летного состава.

Я разыскал оставшегося в живых обвиняемого по этому делу генерал-лейтенанта Николая Павловича Селезнева, он был начальником Главного управления заказов вооружения ВВС. Он был уже не молод, в 1992 году ему шел восемьдесят шестой. В течение пяти лет он находился на Лубянке! Даже в лагерь не отправляли.

Не буду приводить содержание всей нашей беседы, это требует отдельного изложения. Главное, что я уяснил: обвинение во вредительстве было абсолютно надуманным.

- Война есть война! Тут не до тонкостей отделки, главное - наличие боевых качеств, - сказал Селезнев. - Каждый раз я как ответственный за приемку фиксировал все заводские недостатки. Но тот же Верховный Главнокомандующий Сталин, и особенно курировавший авиационное производство Маленков, гнали нас в

хвост и в гриву, требуя не мелочиться и не задерживать поставку самолетов фронту. Кстати, зафиксированное за время войны количество аварий по техническим причинам является меньше допустимой "нормы" поломок за такой длительный срок, да еще в условиях торопливого производства в военное время. Нас надо было поощрять, а не наказывать за такие показатели!..

После беседы с Селезневым я убедился: в этом деле министр госбезопасности Абакумов осуществлял определенную "сверхзадачу". Об этом сказал сам Абакумов, когда дошла очередь до него, и он оказался в одной из камер той же Лубянки. В сохранившихся докладах об арестах и ходе следствия, написанных им, когда он был министром госбезопасности, Абакумов пытался свалить вину на Сталина, заявляя, что все вершилось по его личному указанию.

Но даже если арест авиаторов действительно был произведен с разрешения Сталина, то подключение к этому делу Жукова уже было инициативой и мстительным желанием Абакумова.

Вот что рассказывал главный маршал авиации Новиков уже на суде над самим Абакумовым. Привожу короткие цитаты из рукописных записей Александра Александровича; подробности, касающиеся авиационной сути дела, для краткости опускаю, отбираю только то, что относится к фальсификации обвинений против маршала Жукова.

"Арестован по делу ВВС, а допрашивают о другом".

"Был у Абакумова не менее 7 раз, как днем, так и ночью, что можно установить по журналу вызовов из тюрьмы".

"Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометироватьпекоторых видных деятелей Советского государства путем создания ложных показаний. Это мне стало ясно гораздо позднее... Вопросы состояния ВВС была только ширма".

"Следователь Лихачев: "Какой ты маршал - подлец, мерзавец. Никогда отсюда больше не выйдешь... Расстреляем к... матери... Всю семью переарестуем. Заставим все равно рассказать все, мы все знаем. Рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакал, он такая же сволочь, как ты..."

"Допрашивали с 22 по 30 апреля ежедневно, потом с 4 мая по 8 мая".

"Морально надломленный, доведенный до отчаяния несправедливостью обвинения, бессонные ночи... Не уснешь, постоянно свет в глаза... Не только по причине допросов и нервного напряжения, чрезмерная усталость, апатия, безразличие и равнодушие ко всему - лишь бы отвязались - потому и подписал - малодушие, надломленная воля. Довели до самоуничтожения.

Были минуты, когда я ничего не понимал... я как в бреду

наговорил бы, что такой-то хотел убить такого-то".

Что касается письма-заявления на маршала Жукова, о нем Новиков, давая пояснения суду, сказал:

"- Заявление на Жукова по моей инициативе? - Это вопиющая неправда... со всей ответственностью заявляю, что я его не писал, дали печатный материал...

Дело было так: к Абакумову привел меня Лихачев. Не помню, у кого был документ... (Где уж помнить в том состоянии, которое Александр Александрович описал выше. - В, К.) Абакумов сказал: вот, ознакомьтесь - и подпишите. "Заявление" было напечатано... Ни один протест не был принят...

Потом заставили... Это было у Лихачева в кабинете, продолжалось около 7-8 часов...

Было жарко мне, душно, слезы и спазмы душили...

Много времени спустя я понял, для чего надо было им такое заявление".

Так выбивались показания для того, чтобы обвинить Жукова.

В итоге Абакумов доложил Сталину "Заявление" Новикова на девяти страницах, в котором главный маршал авиации обвиняет Жукова в присвоении исключительно себе заслуг по разработке и осуществлению многих победных операций и очень неуважительном отношении к Сталину как Верховному Главнокомандующему.

Знал Абакумов, на какие болезненные чувства Сталина педалировать при составлении этого "Заявления".

Получив такое обстоятельное и тяжелое обвинение в адрес Жукова, Сталин не счел возможным единолично решать судьбу заслуженного маршала, он, как министр обороны, которому было адресовано "Заявление", приказал созвать Высший Военный совет.

1 июня 1946 года состоялось заседание Высшего Военного совета. На него были приглашены маршалы Советского Союза и некоторые маршалы родов войск.

Сталин вошел хмурый - предстоящий разговор, конечно же, был не из приятных. Плохое настроение Сталина подтверждала и его одежда: он был не в военной форме, а в кителе без погон.

Сталин подошел к секретарю Военного совета генералу Штеменко, положил перед ним на стол папку и сказал:

- Товарищ Штеменко, прочитайте, пожалуйста, нам эти документы.

Генерал Штеменко раскрыл папку и начал громко читать. То были показания Новикова.

После прочтения "Заявления" маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. Первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил

выступать и высказывать мнение по существу выдвинутых обвинений в адрес Жукова.

Выступили члены Политбюро ЦК партии Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в вине Жукова.

После Маленкова и Молотова выступили маршалы Советского Союза И. С. Конев, А. М. Василевский и К. К. Рокоссовский. Они говорили о некоторых недостатках характера Жукова и допущенных ошибках в работе. В то же время в их словах прозвучало убеждение в том, что он не мог быть заговорщиком. Особенно ярко и аргументированно выступил маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко, который закончил свою речь так:

- Товарищ Сталин! Товарищи члены Политбюро! Я не верю, что маршал Жуков - заговорщик. У него есть недостатки, как у всякого другого человека, но он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны.

Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждение по этому вопросу. Затем он подошел к Жукову:

- А что вы, товариш Жуков, можете нам сказать? Маршал твердым голосом ответил:

- Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания от Новикова. Я хорошо знаю этих людей, мне приходилось с ними работать в суровых условиях войны, а потому глубоко убежден в том, что кто-то их принудил написать неправду.

Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел Жукову в глаза и сказал:

- А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву.

Как результат заседания Военного совета был издан Приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР от 9 июня 1946 года № 009 за подписью Сталина.

Привожу несколько первых абзацев этого приказа:

"Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г. утвердил предложение Высшего военного совета от 1 июня об освобождении Маршала Советского Союза Жукова от должности Главнокомандующего Сухопутными Войсками и этим же постановлением освободил маршала Жукова от обязанностей Заместителя Министра Вооруженных Сил.

Обстоятельства дела сводятся к следующему.

Бывший Командующий Военно-Воздушными Силами Новиков направил недавно в Правительство заявление на маршала Жукова, в котором сообщал о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к Правительству и Верховному Главнокомандованию.

Высший военный совет на своем заседании 1 июня с. г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что маршал Жуков, несмотря на созданное ему Правительством и Верховным Главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями Правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц.

Маршал Жуков, утеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе, в разговорах с подчиненными, разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения.

Более того, маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым Правительству и Верховному Главнокомандованию..."

В такой обвинительной тональности составлены еще две с половиной страницы, и завершается приказ назначением Жукова командующим Одесским военным округом.

Сталина несколько шокировала поддержка Жукова боевыми соратниками, особенно маршалом бронетанковых войск П. С. Рыбалко. Но маховик расправы был запущен. На пленуме Жукова вывели из членов ЦК КПСС.

Через год из Москвы в Одессу была направлена комиссия во главе с министром обороны Булганипым. Проверку решили провести внезапную, никого не предупредили о прибытии комиссии. Жуков в этот день был на учениях в поле.

Комиссия не обнаружила никаких недостатков. Наоборот, обучение и состояние войск улучшилось. Но пожаловался секретарь обкома партии Кириченко на слишком самостоятельные решения маршала в вопросах не только военных - в борьбе с преступностью, в распределении жилплощади. Н вообще гордец. Очень просил секретарь перевести Жукова куда-нибудь на другое место.

Булганин подробно изложил Сталину результаты проверки комиссии. Не забыл просьбу Кириченко. Жуков выглядит обиженным. На вокзал даже не пришел встречать комиссию (о

намерении проверять внезапно - умолчал). И еще добавил:

- Граница с Турцией рядом, как бы беда не случилась, махнет за рубеж и что тогда?

Не дремал и Абакумов, докладывал Сталину о "чемоданчике с драгоценностями", с которыми жена маршала якобы не расстается (позднее выяснилось, что это фикция). Регулярно присылал материалы подслушивания разговоров маршала на квартире.

Сталин и на этот раз пошел на поводу у недоброжелателей. Жукова перевели подальше от границы, командующим второразрядным Уральским военным округом со штабом в Свердловске.

Но все же через несколько лет, как говорится, совесть у Сталина заговорила: Жукова избрали депутатом Верховного Совета СССР (по рекомендации "сверху". Кроме Сталина, никто на это не осмелился бы). 10 октября на XIX съезде маршала опять избрали кандидатом в члены ЦК.

Все шло к тому, чтобы назначить Жукова министром обороны. Смерть Сталина помешала этому.

Но все же в какой-то степени Сталин признал свою вину перед боевым соратником и кое-что сделал для устранения этой своей несправедливости.

Возрождение

В Берлин на встречу с главами государств-союзников Сталин ехал поездом. Он видел за окном вагона разрушенные города, а на местах деревень, как безлистные обгоревшие деревья, торчали тысячи тысяч печных труб.

Все это было наглядным подтверждением подробного доклада Чрезвычайной Государственной комиссии о материальном ущербе, причиненном немецкими захватчиками на оккупированной ими территории.

Привожу только несколько абзацев из этого доклада:

"Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов - крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орел, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих; уничтожили или вывезли 239 тысяч электромоторов, 175 тысяч металлорежущих станков.

Разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи, 4100 железнодорожных станций, 36 тысяч почтово-телеграфных

учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

Уничтожили или разгромили 40 тысяч больниц и других лечебных учреждений, 84 тысячи школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тысячи библиотек общественного пользования.

Разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций; зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы".

Предстояло все восстановить.

Не было денег. Не было строительных материалов. Погибло несколько миллионов самих строителей - самых сильных и молодых. А 5 115 709 человек, измученных, травмированных духовно и физически, возвращались из немецкого плена на родину. Им надо помочь жильем, питанием, лечением.

В неотложной поддержке и репатриации нуждаются граждане союзных нам государств, которые были освобождены из немецких лагерей Советской Армией, их тоже немало - 732 378 человек, в том числе американцев -'20 949, англичан - 23 744, французов - 29! 903, бельгийцев - 32 789, голландцев 30 958, люксембуржцев -- 1308, норвежцев - 1040 и т. д.

Впервые после 1937 года Сталин позволил себе отпуск в 1946 году. Он поехал в Крым, на автомобиле. Тогда не было еще нынешней автострады, дорога была разбитая. Вдоль нее - скелеты городов и деревень, руины, пожарища.

Строительство шло как после разрухи, причиненной первой мировой и гражданской войнами. Руки могли опуститься от изнеможения и усталости после невероятных усилий, отданных для достижения победы, и от огромного объема восстановительных работ.

Но опять Сталин и партия были той могучей, объединяющей всех силой, которая позвала, подняла, организовала и направила народы СССР на новый, невиданный трудовой подвиг. Я не в состоянии охватить и описать процесс послевоенного восстановления народного хозяйства, строительства заново городов, возрождение простого человеческого житья-бытья; хотя сам был участником этого великого подъема, все видел, но по сей день удивляюсь: как же мы все это осилили!

Изможденные, худые, полуголодные люди жили на скудное питание, которое получали по карточкам. Много написано недобрых слов об этих карточках, но писали так люди, поверхностно рассуждающие или движимые недоброжелательством. Если бы не эти карточки, не

социалистический принцип учета и распределения, голод задушил бы народ, погибло бы от него людей больше, чем на полях сражений. По карточкам хоть немного, но получали все, по всей стране, благодаря чему и выжили.

Конечно, были перебои в снабжении, было и воровство, махинаторство, но это отдельные недостатки (наказуемые!), а в целом страна и народ выжили именно благодаря твердому государственному порядку в снабжении.

Руководство страны спланировало в новом пятилетнем плане восстановление народного хозяйства.

Сталин в своей речи перед избирателями 9 февраля 1946 года позвал народ на трудовой подвиг. Этот призыв был похож на его выступление 3 июля 1941 года, когда он поднимал народы Советского Союза на великую войну против немецких захватчиков.

В своей речи Сталин подвел итоги войны против Германии и Японии. Сказал: "Война была не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания всех сил народа... экзаменом нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей Коммунистической партии..."

Далее он показал, как по всем этим параметрам мы выдержали экзамен и одержали победу над очень сильным врагом.

Могут ли быть сомнения в том, что мы осилим трудности, стоящие перед нами в мирном строительстве?

Сталин говорил как всегда спокойно, не торопясь. Речь его была настолько убедительна, что у меня, когда я его слушал (а слушала по радио вся страна), поднималась какая-то внутренняя сила, вдохновение, вера, что все, о чем он говорит, будет непременно осуществлено.

"Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы.

Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в

ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем".

Сегодня, перечитывая эти слова, я не обнаруживаю в них зажигательности или особого пафоса, которые испытывал, когда слушал прямую речь Сталина. Наверное, это зависело не только от убедительности и авторитета вождя, но и от того, что все мы ждали таких слов, все хотели, всем была нужна именно такая обнадеживающая, объединяющая, вдохновляющая энергия при той нашей безмерной усталости и даже сомнении - хватит ли сил - при виде окружающей разрухи и полуголодного существования.

И люди поверили и в слова Сталина, и в свои силы.

Ниже я приведу очень любопытный, объективный, подлинный документ, подтверждающий это. Кроме повседневной открытой информации о ходе работ, настроениях, высказываниях людей, обобщались и докладывались сведения о том, что говорят, думают люди, не опасаясь преследования за свою откровенность.

Одним из источников таких самых тайных мыслей были надписи, которые делали люди в бюллетенях для голосования при выборах депутатов Верховного Совета. Они заходили в кабины для голосования и, оставаясь невидимыми, могли без опаски написать анонимно все, что хотели.

А вот сокращенный текст документа, о котором я сказал выше.

Информация оргинструкторского отдела МГК ВКП(б)
о надписях на бюллетенях по выборам
в Верховный Совет СССР
12 февраля 1946 г.

...Имеются также такие надписи: "Голосую за т. Сталина, желаю ему многих лет жизни на счастье нашего народа", "Голосую за родного Сталина, за прекрасное будущее, за счастье народа", "Слава великому Сталину", "Отдаю свой голос за кристально чистого человека, за великого Сталина", "Всем сердцем голосую за т. Сталина и программу ЦК, изложенную в Обращении".

Надпись на украинском языке гласит: "Пусть живет родной отец, т. Сталин, который освободил Украину от немецкой неволи. Свой голос отдаю за т. Сталина. Пусть он здравствует на долгие годы. Пусть его мудрые глаза освещают нам путь. Пусть его сердце, ласковое и доброе, долгие годы бьется на благо Родины. Да здравствует Сталин!"

Избиратель 44-го участка (Пролетарский район) сделал

следующую надпись: "Я побывал во многих странах и хорошо знаю, что такое буржуазная демократия. Голосую за коммунистическую идеологию, русский народ, советскую мораль, нашу демократию, нашу партию большевиков, за Сталина..."

"С радостью голосую за тт. Маленкова и Булганина коммунистов-сталинцев. Мне дороги все, кто близок к т. Сталину, которого я люблю больше своей жизни. Под водительством Сталина мы победили. Да здравствует наш мудрый вождь".

От имени группы офицеров сделана такая надпись; "За Вас, дорогой т. Сталин, готовы отдать не только свои голоса, но и свои жизни".

Имеются надписи, обращенные к нашей партии. "Я - беспартийный, - пишет один избиратель, - но верю в правильность политики партии большевиков". Другие избиратели ставили такие надписи: "Да здравствует партия большевиков - организатор наших побед. Голосую первый раз, с чувством радости отдаю свой голос за кандидатов блока коммунистов и беспартийных".

"Голосую за Коммунистическую партию, за счастье народа, за коммунизм. Приветствую партию большевиков, борющуюся за дальнейшее улучшение нашей жизни. Пусть крепнет блок коммунистов и беспартийных!"

"Я голосую за страну, где процветают дружба народов и равноправие всех национальностей. Прошу вас беречь и охранять здоровье нашего чуткого друга народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества, великого нашего т. Сталина".

Прерывая (их очень много) эмоциональные высказывания, хочу еще раз обратить внимание на то, что это люди писали искренно, от души. Никто их не заставлял, не принуждал. О достоверности моего убеждения свидетельствуют надписи иного содержания, которые тоже включены в обзор:

"Моя просьба - поскорее улучшить снабжение товарами широкого потребления. Нужда в одежде, обуви и белье неимоверно большая". "Прошу обратить внимание на себестоимость управленческого аппарата. Чем меньше управленческий аппарат, тем слаженнее работа".

"Отдавая свой голос за лучших сынов Родины, прошу проявить больше заботы о семьях погибших воинов. К вам, мои дорогие, я обращаю свою просьбу, подумайте об улучшении жилищных условий". В другой надписи сказано: "Люди до 40 лет вынуждены жить без семьи только потому, что у них нет жилья".

"Заставьте райисполкомы больше заниматься вопросами жилья, благоустройства и быта рабочих. Пусть ближе будут они к трудящимся. У нас стало очень много разводов, - укрепляйте

семью, призовите к порядку морально разложившихся".

"Развивайте критику всех недостатков в работе". "Товарищи депутаты, усильте борьбу с ворами в общественном питании, нарушителями общественного порядка - грабителями, хулиганами, а также с семейственностью в учреждениях и в бытовом обслуживании".

"Разгоните колхозы, выгоните евреев из торговых организаций".

"Голосую с условием выезда за границу для ознакомления с другими национальностями. Давайте свободные выборы".

В Калининском округе при вскрытии урн на бюллетенях были обнаружены такие надписи: "Когда кончится сверхдемократическая комедия - народное мучение, это хуже рабства", "Народ голосует молча, но он говорит: "Больше хлеба, одежды, мяса, если вы с этим не справитесь, то потеряете всякое доверие", "Прошу дать вольную торговлю, чтобы все хорошо жили, и дети не голодали так, как сейчас", "У нас живут хорошо те, кто у власти, а остальной народ смотрит в гроб".

Мать, потерявшая сына на фронте, написала: "Чистосердечно отдаю свой голос за достойных сынов Родины и желаю им хорошо поработать на благо народа. Не забывайте детей-сирот и матерей, отцы и сыновья которых погибли в боях за счастье всего человечества".

Трудно, тяжело шло восстановление, всего не хватало, и все же Сталин постоянно искал возможности облегчить жизнь людей. Может быть, учитывая вышеприведенную информацию (надписи на бюллетенях), через несколько дней после выборов было принято решение о новом снижении цен: на хлеб - на 58%, крупу - от 53 до 63%, хлебобулочные изделия - до 50%, макароны - на 55%, сахар - на 33%, водку и вина - на 25%.

В Москве дополнительно открылись новые хлебные магазины, в которых продавались до 44 видов хлебных и мучных изделий.

В ресторанах и чайных цены снижались соответственно ценам на продукты в магазинах.

И вот опять привожу отклики на это постановление.

"Слова Сталина не расходятся с делом, - говорит токарь завода "Калибр" Кузнецова, - снизили цены на продукты в коммерческих магазинах, скоро отменят и карточную систему. А если в ближайшем будущем снизят цены на предметы ширпотреба, то тогда еще веселее станет наша жизнь".

И опять много подобных высказываний, но были и такие: "Для рабочих от снижения коммерческих цен пользы мало. Все равно покупать будут те, кто имеет большие заработки".

Как бы там ни было, снабжение улучшалось, а деньги,

необходимые на восстановление, поступали в бюджет. Снижение цен стало традиционным. В 1947 году была отменена карточная система снабжения - и это несмотря на то, что сельское хозяйство пострадало от засухи, сильнейшей за последние 50 лет!

Шла титаническая работа по восстановлению фабрик, заводов, больниц, учебных заведений, сельского хозяйства.

Но... опять на пути к спокойной, нормальной трудовой жизни советских людей возникло это трижды проклятое "но".

Опять Сталину, который тоже устал и постарел, пришлось, наряду с труднейшими делами по восстановлению народного хозяйства, заняться вопросами военной стратегии. На сей раз глобальной!

Заботы о левом фланге

После войны Сталин укреплял общее геополитическое положение Советского Союза. В Европе он создал блок социалистических стран: Югославия, Болгария, Польша, Венгрия, Румыния, Албания, - которые строили свою жизнь по социалистическим канонам (с некоторыми национальными особенностями).

Восток - левый фланг страны - оставался открытым. После разгрома сильной японской армии здесь создавалась благоприятная обстановка: в Китае шло мощное национально-освободительное движение, часть которого возглавляли коммунисты во главе с Мао Цзэдуном. В другой группировке национально-освободительных сил лидером был Чан Кайши.

В Корее, тоже разъединенной на две части противоборствующими сторонами, северную половину возглавлял коммунист Ким Ир Сен. Под его руководством корейский народ боролся за освобождение от американских колонизаторов и их южнокорейских прислужников.

США теперь (главный оппонент Советского Союза) все внимание сосредоточили на укреплении своих позиций в Европе. Этим и решил воспользоваться Сталин, оказав помощь братским компартиям Кореи и Китая. В марте 1949 года Сталин сказал Поскребышеву:

- Надо поближе познакомиться с товарищем Ким Ир Сеном, решить с ним ряд очень важных проблем на Востоке. Пригласите Ким Ир Сена в Москву.

Вскоре корейский лидер прибыл в нашу столицу вместе с советским послом в Корее генералом Штыковым. Сталин принял их немедленно. В состоявшейся беседе были решены важные для обеих стран проблемы.

Опубликованная часть их беседы дает представление, о чем шла речь.

- Много ли американских войск в Корее? - спросил Сталин.

- Около 20 тысяч солдат и офицеров, - ответил Ким Ир Сен.

- Примерно 15-20 тысяч, - уточнил более осведомленный Штыков.

- Имеется ли у южан своя национальная корейская армия?

- Имеется, численностью до 60 тысяч человек, - ответил Ким Ир Сен.

Сталин улыбнулся и спросил:

- А вы их не боитесь?

Ким Ир Сен ответил серьезно:

- Мы их не боимся, но у нас нет военной техники и морских сил.

Сталин пообещал:

- С этим мы вам окажем помощь. Особенно самолетами, чтобы американцы не хозяйничали в небе. Кроме укрепления своей армии, надо принимать меры по ослаблению армии противника. Как у вас обстоит дело с этим вопросом? Засылаете ли вы своих людей в южнокорейскую армию?

- Наши люди там ведут тайную работу, но пока активно себя не проявляют.

- Правильно делают, осторожность нужна. Но и о бдительности не забывайте, южане тоже засылают своих людей в вашу армию...

В декабре 1949 года в Москву прибыл Мао Цзэдун. Он приехал на торжества по случаю 70-летия Сталина. На этот юбилей съехались государственные и партийные деятели многих стран, но особое внимание Сталин уделил Мао Цзэдуну. Это видно из того, что Сталин поселил Мао в Кремле: такой чести никто не удостаивался. Самые высокие гости жили обычно в гостиницах, в своих посольствах или на советских госдачах.

Такое отношение к Мао, конечно же, объясняется не только престижными соображениями. Сталину надо было решить с Мао геополитические проблемы на многие годы вперед. И конечно же, два крупнейших политических лидера XX века за эти недели и поговорили, и обсудили, и договорились о многом.

Кроме личных встреч, были и официальные, в присутствии членов Политбюро. Достовернее других об этом рассказывает переводчик Н. Т. Федоренко (впоследствии ученый-краевед, член-корреспондент АН СССР). Я использую здесь некоторые эпизоды из его воспоминаний.

Встречи и беседы Сталина и Мао Цзэдуна проходили обычно на московской даче в Кунцево. Время всегда было ночное. За длинным столом, в самом начале которого сидел Сталин, как правило, располагались члены Политбюро ЦК ВКП(б). Мао Цзэдун

занимал место рядом с хозяином, если не считать переводчика, который находился между ними. Китайские товарищи занимали места по соседству со своим лидером.

Стол всегда был сервирован: у каждого места - обеденный прибор, бокалы, рюмки, минеральная вода, несколько бутылок грузинского сухого вина. Водка не подавалась. На столе также стояли блюда с парниковыми овощами и зеленью.

В конце большого стола находился сервировочный столик. Каждый брал себе еду по собственному вкусу. Прислуги в комнате не бывало. Приходила лишь одна официантка, которая приносила какое-либо горячее блюдо, показывала его хозяину и затем относила на сервировочный столик. Вино каждый наливал себе сам, но пили очень экономно, большинство скорее делало вид, что выпивает. Все, кажется, предпочитали лишь пригубить.

Графин с коньяком, стоявший в центре стола, приводился в движение шел по кругу, когда подходило время произнести тост.

Сталин обычно отпивал один-два глотка сухого вина из своего хрустального бокала на ножке, смешивая красное и белое из двух бутылок, которые возвышались по его правую руку и которыми пользовался только он один.

"- Как-то на одной из встреч, - вспоминает Федоренко, - как всегда на подмосковной даче, Мао Цзэдун, с которым мне пришлось сидеть рядом, шепотом спросил меня, почему Сталин смешивает красное и белое вино, а остальные товарищи этого не делают. Я ответил ему, что затрудняюсь объяснить, лучше спросить об этом Сталина. Но Мао Цзэдун решительно возразил, заметив, что это было бы бестактным.

- Что у вас там за нелегальные перешептывания? - раздался голос Сталина.

- Товарищ Мао Цзэдун интересуется, почему вы смешиваете разные вина, а другие этого не делают.

- Это, видите ли, моя давняя привычка. Каждое вино, грузинское в особенности, обладает своим вкусом и ароматом. Соединением красного с белым я как бы обогащаю вкус, а главное - создаю букет, как из пахучих степных цветов".

Темы собеседований были самые различные. Строгой повестки дня не существовало. Разговор практически происходил между Сталиным и Мао Цзэдуном. Однако в ходе непринужденного разговора собеседники обменивались суждениями по военным, политическим, экономическим и идеологическим вопросам. Именно так были согласованы принципиальные положения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китаем.

Конкретные переговоры по содержанию статей договора

велись делегациями: советской - во главе с А. И. Микояном и китайской - с Чжоу Эньлаем.

Шло время, прошел декабрь. Минул январь 1950 года. Приближалась февральская дата - день подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китаем.

- Нам хотелось бы, товарищ Сталин, устроить небольшой прием после подписания договора, - обратился Мао Цзэдун с просьбой во время очередной встречи.

- Естественно, - сказал хозяин.

- Но не в Кремле, где меня разместили, а в другом месте, например в "Метрополе".

- А почему не в Кремле?

- Видите ли, товарищ Сталин, Кремль - это место государственных приемов Советского правительства. Не совсем это подходяще для нашей страны - суверенного государства...

- Да, но я никогда не посещаю приемов в ресторанах или иностранных посольствах. Никогда...

- Наш прием без вас, товарищ Сталин... Нет, нет, просто немыслимо. Мы просим, очень просим, пожалуйста, - настаивал Мао Цзэдун.

Наступила пауза, с ответом Сталин не спешил. Он как бы сосредоточивался. Мао Цзэдун ждал согласии, не сводя с него глаз.

- Хорошо, товарищ Мао Цзэдун, я приеду, если вы этого так хотите, произнес Сталин и заговорил на другую тему.

14 февраля в назначенный день и час китайские хозяева и гости собрались в банкетном зале "Метрополя".

Охрана предложила переводчику встретить Сталина в вестибюле.

Вскоре открылась парадная дверь, и на пороге, как в раме на портрете во весь рост, стоял Сталин. Быстрым взглядом он обвел вестибюль и, заметив переводчика, не спеша направился в его сторону как на знакомый ориентир.

Приблизившись к гардеробу, Сталин начал расстегивать шинель, услужливый гардеробщик подскочил к нему и произнес:

- Разрешите, Иосиф Виссарионович, подсобить... Сталин, взглянув на него, вежливо с ним поздоровался и

с легкой иронией произнес:

- Благодарю, но это, кажется, даже я умею...

Сняв шинель, он подошел к вешалке, повесил, положил на полку свою фуражку, посмотрел в зеркало, поправил волосы и обратился к переводчику:

- Как тут дела, все ли в сборе?

- Да, товарищ Мао Цзэдун и другие китайские друзья уже давно на месте, ожидают вас.

- В таком случае - ведите меня.

Банкетный зал его встретил громкими рукоплесканиями и шумными возгласами восторга. Это было всеобщее ликование - и мрачных пессимистов, и очень осторожных оптимистов.

На какой-то миг Сталин остановился, окинул взглядом собравшихся. Он пошел к Мао Цзэдуну, который стоял за длинным столом "президиума". Они поздоровались, пожали друг другу руки и Обменялись общими фразами относительно здоровья и дел. Затем китайские товарищи во главе с Чжоу Эньлаем начали подходить к Сталину, чтобы поздороваться и обменяться рукопожатиями. Настроение у всех было приподнятое. На некотором отдалении стояла когорта: Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Суслов, Булганин.

Начались тосты, здравицы.

Все с нетерпением ждали самого главного - слова Сталина. Именно он должен и может сказать нечто сокровенное, что выразит истину момента, глубокий смысл исторического события. И это мгновение наступило.

Он провозгласил тост за Мао Цзэдуна, за успехи Китайской Народной Республики.

Что касается Кореи, то Мао дал согласие способствовать объединению военным путем северной и южной части этой страны под эгидой коммунистов.

Сталин выполнил обещание, данное Ким Ир Сену. Корейская армия получила огромную помощь военной техникой. Силы северных корейцев настолько возросли, что они иногда, как говорится, стали играть мускулами, проявляли активные действия на фронте.

Сталин понимал: если разгорятся боевые действия, американцы немедленно подбросят на Восток свои силы, это осложнит борьбу самих корейцев и не будет способствовать осуществлению стратегии по укреплению восточного фланга. Штыкову была послана предупредительная телеграмма: "Вам было запрещено без разрешения Центра рекомендовать правительству Северной Кореи проводить активные действия против южных корейцев... Обязываем дать объяснение..."

Но события развиваются не всегда так, как хотелось бы.

25 июня 1950 года рано утром радио Пхеньяна объявило, что "войска марионеточного правительства Южной Кореи начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи... Противник вторгся на глубину от одного до двух километров".

Однако в военном отношении наши советники во главе с генералом Штыковым подготовились лучше. Южнокорейские заслоны были сметены, северяне быстро и организованно покатились к Цусимскому проливу. Американцы могли пока ответить только мощными авианалетами да начали переброску своих дивизий из Японии на юг Корейского полуострова.

Сталин предупредил, чтобы советские граждане в военных действиях не участвовали. Однако Ким Ир Сен хотел быстрее развить успех, поэтому обратился к Штыкову с просьбой все-таки послать наших офицеров непосредственно в наступающие корейские части. Тот сгоряча пообещал и обратился с просьбой в Центр.

Сталин ответил ему немедленно и в характерном для него стиле:

"Вы ведете себя неправильно, так как пообещали корейцам дать советников, а нас не спросили. Вам нужно помнить, что вы являетесь представителем СССР, а не Кореи.

Пусть наши советники пойдут в штаб фронта и в армейские группы в гражданской форме в качестве корреспондентов "Правды" в требуемом количестве. Вы будете лично отвечать за то, чтобы они не попали в плен.

Фын Си (так подписывался Сталин)".

Американское командование перебросило через океан экспедиционный корпус, усиленный флотом и авиацией. Американские войска, поддержанные мощными ударами с моря и с воздуха, где у них было подавляющее превосходство, потеснили северокорейцев, перешли на их территорию и стремительно двинулись на север. Война приближалась к границам Китая и СССР.

Что делать? Вводить в Корею наши войска? - Это опять война.

Сталин решил добиться от Китая введения в Корею их армии. Принципиальное соглашение было достигнуто почти год назад, но теперь обстановка изменилась... Сталин настаивал, а авторитет его был очень велик, Мао Цзэдун не мог ему отказать. И вот 13 октября Сталин сообщает:

"Пхеньян. Штыкову для товарища Ким Ир Сена.

Только что получил телеграмму от Мао Цзэдуна, где он сообщает, что ЦК КПК вновь обсудил положение и решил все же оказать военную помощь корейским товарищам.

Фын Си".

Китайская и корейская армии совместными усилиями отбросили американцев до границы между Севером и Югом. Здесь фронт остановился, началась затяжная позиционная война.

Мощная американская авиация беспощадно уничтожала все

живое в Северной Корее, полностью были разрушены, обращены в щебень после многократных бомбардировок с моря и с воздуха все корейские города, даже самые маленькие.

Тогда Сталин принял важное решение: на китайской территории близ корейской границы были развернуты аэродромы, на которых разместилось несколько наших авиационных дивизий. На летчиках была китайская военная форма, на самолетах китайские опознавательные знаки. Сталин строжайше приказал следить за тем, чтобы наши самолеты ни в коем случае не перелетали линию фронта, дабы исключить всякую возможность попадания наших пилотов в плен. Так и произошло: в воздушных боях над Северной Кореей наши летчики сбили несколько сотен американских машин, но и сами потеряли 319. И ни один наш летчик не попал в плен!

Уже при жизни Сталина были начаты переговоры о перемирии между корейцами, а вскоре после его кончины огонь был прекращен. Таким образом, Корея и Китай надежно укрепили свои международные позиции и приступили к мирному строительству новой, свободной от оккупантов жизни.

Эти страны были надежными дружественными соседями. Сталин своего достиг - укрепил левый фланг страны прочно и, казалось, надолго.

Но именно только "казалось". Пришедший к власти Хрущев свел на нет все усилия Сталина, поссорил СССР с Китаем, предал корейский народ, не выполняя ранее достигнутые договоренности.

Поиски новой стратегии

Весной 1946 года бывший премьер-министр Великобритании совершал неофициальную поездку по США. Выступая в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури), он подчеркнул, что говорит от себя лично, не представляя никакие официальные инстанции. Однако выступление Черчилля не было очередной лекцией или вечером воспоминаний. Это было программное выступление, намечающее политику всего капиталистического мира на многие годы вперед. И не случайно президент США Гарри Трумэн потратил немало времени, совершив поездку более чем в тысячу миль, чтобы присутствовать на этом выступлении Черчилля. Если опустить дипломатические и маскировочные завитушки из речи Черчилля, суть ее сводится к предложению создать 'братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке", - то есть самый настоящий военный союз англосаксонской расы.

Против кого был нацелен англо-американский военный союз? Черчилль указывает адрес абсолютно точно, заявляя, что

железный занавес разделил европейский континент. "За этой линией хранятся все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы - Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София - все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере"... Далее Черчилль рисует очень опасную перспективу: "Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намеревается сделать в ближайшем будущем или каковы границы, если таковые существуют, их экспансионистских тенденций и стремлений..."

Черчилль рекомендует поспешить с созданием англо-американского военного союза потому, что "...в значительном большинстве стран, отстоящих далеко от русской границы и разбросанных по всему миру, созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют r полном единении и абсолютном повиновении указаниям, получаемым от коммунистического центра".

Справедливости ради отметим: Черчилль в этом отношении был прозорлив, недавно опубликованные документы о финансировании КПСС деятельности компартий многих стран мира, подтверждают это.

Президент США Трумэн и правительство Англии фактически взяли на вооружение концепцию, изложенную Черчиллем в Фултоне.

Истощение в войне и отсутствие реальных экономических факторов у СССР для новых сражений и наличие атомной бомбы у США - было тем стимулом, который вдохновлял американо-английский военный союз на быстрое (пока не поздно!) использование благоприятных факторов для "бесстрашного провозглашения принципов свободы и прав человека на территориях стран Восточной Европы и СССР".

Руководители нашего государства, опираясь на теорию марксизма-ленинизма, считали: распространение коммунизма на всей планете произойдет не силой оружия, а это предрешено историей, капиталистическая система обречена на вымирание как более архаичная и устаревшая. Так объявлялось в официальной публичной пропаганде КПСС, но подпольно партия этот исторический процесс постоянно форсировала как теоретическими, так и финансовыми вливаниями компартиям в других странах, своим "пятым колоннам", как их называл Черчилль.

Таким образом, обе системы - капиталистическая и социалистическая ставили задачу овладения миром. Социалистическая - без применения оружия "Пролетарии всех

стран, соединяйтесь!" Капиталистический лагерь во главе с США, не имея объединяющей собственной идеологии, решил уничтожить силой оружия социалистический лагерь, пока не поздно. Обе стороны, стараясь перекричать одна другую, просто вопили о своем миролюбии и тратили немалые силы и средства в "борьбе за мир!"

Речь Черчилля вызвала огромный всплеск самых различных суждений и оценок в прессе. Сталин читал полный текст речи Черчилля. Разведуправление позаботилось об этом. Какие мысли возникли у Сталина при таком резком обострении отношений с бывшими союзниками?

Выступление Черчилля было настолько принципиальным, что Сталин немедленно отреагировал на его речь. Как известно, Сталин редко давал интервью, а тут откликнулся через неделю.

Один из корреспондентов "Правды" 13 марта 1946 года обратился к Сталину (нет сомнения, по его личному указанию) с просьбой "разъяснить ряд вопросов, связанных с речью Черчилля".

Мир вступал в атомную эпоху. Человечество стояло у порога третьей мировой войны. Сталин в эти годы был уже многоопытный стратег, дипломат, государственный и партийный деятель. Он тщательно проанализировал программное заявление Черчилля и в своих ответах корреспонденту, по сути дела, дает оценку новой международной ситуации и англо-американскому союзу. Это стало стратегическим завещанием Сталина на долгие годы вперед. Он не думал тогда о своей смерти (а жить ему оставалось семь лет). Он, наверное, собирался сам осуществлять эту стратегию. И я уверен - будь он жив история, и особенно судьба нашего государства, сложились бы совсем иначе. И уже, конечно, не произошло бы то, что мы ныне видим и переживаем.

Прежде чем привести большие цитаты (иначе нельзя) из ответов Сталина корреспонденту "Правды", напомню: все речи, выступления, статьи, и в том числе эти ответы, Сталин готовил сам, ни помощникам, ни советникам он это не поручал, они предоставляли только справочные материалы.

Интервью было опубликовано 14 марта 1946 года.

Вопрос. Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок - у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что

провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственно полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, - в противном случае неизбежна война...

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия господина Черчилля состоит в том, что он, как закоренелый тори, не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР...

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности .

Господин Черчилль утверждает, что "Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София - все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы". Господин Черчилль квалифицирует все это

как не имеющие границ "экспансионистские тенденции" Советского Союза...

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клевещет здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу...

Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

Господин Черчилль недоволен, что Польша сделала поворот в своей политике в сторону дружбы и союза с СССР...

Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев. Мне кажется, что именно это обстоятельство приводит господина Черчилля в раздражение и толкает его к грубым, бестактным выходкам против Польши. Шутка ли сказать: ему не дают играть за чужой счет...

Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за

свободу народов...

Коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему так же не нравилось появление советского режима в России после первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход "14 государств" против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после второй мировой войны новый поход против "Восточной Европы". Но если им это удастся, - что маловероятно, ибо миллионы "простых людей" стоят на страже дела мира, - то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад.

Разумеется, ни Сталин, ни руководимая им коммунистическая система "добровольно капитулировать" не собирались и... началась война. Та самая третья мировая, о которой сегодня говорят по-разному: одни, что она свершилась, другие - она идет, третьи - скоро вспыхнет. Я сторонник считать, что третья мировая война началась, когда ее объявил англо-американский союз. В ней родилась новая стратегия, которая и стала главным ее содержанием. Один из этапов этой войны в нашей стране мы сегодня наблюдаем и переживаем.

Черчилль напрасно торопил Трумэна: уже в сентябре 1945-го, через месяц после подписания президентом широковещательных документов Потсдамской конференции о дружбе и совместных с СССР мерах на демилитаризацию Германии и упрочение мира, тот сам руководил подготовкой новой атомной бойни.

В США уже был разработан меморандум ОРК (№ 329 от 4.9.1945 г.), которым было определено: "Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории".

О том, что речь идет именно о третьей мировой войне, тоже четко и определенно сказано в меморандуме СНБ (Совета национальной безопасности) 7 марта 1948 года: "Разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов... Этой цели невозможно достичь посредством оборонительной политики. Соответственно, Соединенные Штаты должны взять на

себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления..."

Для осуществления такой глобальной программы разрабатывались последовательно (по мере увеличения количества атомных бомб) несколько планов уничтожения СССР: "Бройлер-1947", "Бушвекер-1948", "Кронкшафт", "Хафмун", "Когвилл-1948", "Героин", "Офтекс-1949". И в 1950 г. - широко известный теперь "Дропшот".

Учитывая горький опыт 1941 года, Сталин много внимания уделял данным разведки, интересовался взглядами и планами военного руководства США. Все, о чем пойдет разговор ниже, было своевременно известно Сталину.

Он располагал (и мы с читателями тоже теперь имеем такую возможность) очень важным документом - планом войны США против СССР - "Дропшот". Как в свое время гитлеровский план "Барбаросса" предусматривал несколько этапов войны, так и "Дропшот" имел четыре этапа.

Первый этап: внезапный удар 300 атомных бомб по крупным городам Советского Союза: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль и другие - всего 70 крупных городов. Дополнительно к этому стратегические бомбардировщики должны сбросить 29 тысяч тонн бомб еще на 100 городов. От такого удара должно быть уничтожено 85 процентов советской промышленности.

Второй этап: вторжение на территорию СССР и его союзников 250 дивизий, обеспеченных действием 7400 самолетов, продолжающих бомбардировки, и более 750 боевых кораблей, высаживающих десанты.

Третий этап: захват территории СССР и его союзников вооруженными силами США и стран НАТО. В третьем этапе подчеркивалось: "В данной кампании упор делается на физическое истребление противника".

Четвертый этап: оккупация территории СССР, расчленение его на четыре зоны, с дислокацией американских войск в ключевых городах бывшего СССР, а также его союзников в Европе.

Сталин ушел из жизни, когда в СССР и США в невиданных размерах велась гонка вооружений. Количество и качество атомного оружия, а также средств его доставки на территорию потенциального противника, должны были, по взглядам стратегов обеих сторон, решить исход не только войны, но и существование одной из противоборствующих политических систем.

Сталин оставил страну и Вооруженные Силы оснащенными

для борьбы с США на равных, запасы и качество созданного им атомного потенциала позволяли наносить как упреждающий, так и ответный удар.

Однако проведенные в СССР испытания атомных бомб (а позднее водородных), и особенно создание межконтинентальной ракеты, показали, что безнаказанно осуществить свой план американцам не удастся. О том, что они это поняли и как в связи с этим изменилась их стратегия, свидетельствует директива 20/1 "Цели США в войне против России", принятая 18 августа 1948 г. Советом национальной безопасности США. Вот цитаты из этого документа:

Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время.

Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России.

Наши усилия, чтобы Москва приняла НАШИ КОНЦЕПЦИИ, равносильны заявлению: наша цель - свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза - война и свержение силой Советской власти.

Речь идет, прежде всего, о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля.

Мы должны, прежде всего, исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от

идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи;

б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

г} не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов... Нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас - разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть..."

Как осуществить эти грандиозные планы, какова тактика их превращения и реальные результаты? Об этом очень наглядно, популярно и, прямо скажем, с циничной откровенностью сказал Аллен Даллес, один из теоретиков и практиков "холодной войны". Надо отдать ему должное - то, что он очень живописно предсказывал, полностью осуществлено в течение последнего десятилетия:

"Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, - все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем

у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят и глубинах народных масс. Литература, театры, кино - все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, - словом, всякой безнравственности... В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг пред другом и беззастенчивость, предательство... Национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому пароду - все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов".

Нетрудно понять, что осуществляет эту иезуитскую программу "пятая колонна" и антисоветски настроенные аборигены. А главная ударная сила, хорошо замаскированная в тексте директивы, - сионисты: надо, чтобы в России не было "власти над главными национальными меньшинствами". А кто у нас "главное нацменьшинство"? Наверное, те, кто добивается сегодня, чтобы в паспортах не указывалась национальность. Чтобы не засвечивались они как "главная сила" развала России. Чтобы не было сомнений в правильности определения роли этой "главной силы". Напомню еще две короткие, но очень важные строки из директивы: "...разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быст ро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть..."

Кто из СССР массово эмигрировал в Израиль и другие страны, а затем так же массово (согласно процитированному выше) возвращается в Россию, я думаю, уточнять не следует. Напомню только одну деталь - многие возвращенцы уже имеют двойное

гражданство - на всякий случай, для самозащиты, - значит, понимают, что их дела не очень благовидны и, может быть, придется удирать от правосудия и гнева народа.

...Руководство "холодной войной" на сей раз осуществляли профессионалы: политические деятели правительства, ЦРУ, ФБР, хозяева средств массовой информации всех видов.

Ход событий после смерти Сталина показывает: новые руководители страны (сіра-геси в пиджаках) не поняли замыслов потенциального противника. Брежнев и его команда продолжали гнать вооружение, подорвали экономику страны, ухудшили материальное положение народа, чем вызвали его недовольство и подготовили несопротивляемость, когда пошла активная борьба с процветающим капитализмом. Живой труп Черненко не оставил никакого следа в судьбе страны. Юрий Андропов многое понял и попытался организовать политическую оборону, но в стране уже хозяйничали "агенты влияния" - они, почуяв опасного оппонента в Андропове, организовали ему неизлечимую болезнь. Хрущев и, особенно, Горбачев под лозунгом борьбы за мир, свели Вооруженные Силы до полной импотенции и открыли все каналы для широкой политической агрессии США и идеологической оккупации страны.

Таков печальный конец Великой Державы, созданной Сталиным, его соратниками и советским народом за недолгие, в исторических масштабах, семьдесят лет существования СССР.

Гибель Сталина

Не могу назвать эту главу - "Смерть Сталина", потому что обычно смерть наступает после болезни, по старости или в результате каких-то других причин. По документам и рассказам свидетелей, которыми я располагаю, по ситуации, что предшествовала этой печальной кончине, - смерть Сталина не объясняется естественным последствием. Хотя здоровье Сталина было в годы войны подорвано колоссальными нервными и физическими перегрузками. С каждым месяцем все заметнее и старость брала свое. Спад работоспособности начался в 1950 году. По журналу учета посетителей, который вел Поскребышев, в 1947 году у Сталина было 136 рабочих дней в кремлевском кабинете; в 1948 - 122; в 1949- 113; в 1950 - 73. С 1951 года количество рабочих дней еще больше сокращается. Вот регистрация по месяцам 1951 года: в январе - 10, в феврале - 6, в марте - 7, в апреле - 8, в мае - 5, в июне - 3, в июле - 5, в августе -4. С 10 августа 1951 года по II февраля 1952 года - полугодовой отпуск.

Это, однако, не значит, что Сталин совсем отходил от дел, просто он реже приезжал в кабинет, но продолжал работать на

дачах в Кунцево и в Сочи, где принимал своих и иностранных посетителей.

Начиная с апреля 1950 года, Сталин много времени уделял созданию учебника политэкономии, часто встречался с учеными, вел дискуссию, давал советы крупнейшим знатокам политэкономии - Шепилову, Леонтьеву, Островитянову, Юдину и другим.

Руководителем авторского коллектива, которому было поручено написать учебник, был Шепилов. Еще до работы в ЦК он был профессиональным ученым. Я много лет дружил с Дмитрием Трофимовичем. Он рассказывал мне, как шла работа над учебником, поражаясь глубине знаний Сталина в экономических вопросах. Сталин дважды читал подготовленную учеными рукопись и возвращал ее на доработку со многими принципиальными замечаниями и поправками.

В результате этой многотрудной работы Сталин сам написал теоретический труд: "Экономические проблемы СССР", который был опубликован накануне XIX съезда КПСС.

Все, кто близко знал Сталина, отмечают не только его старение, но еще и усилившуюся подозрительность. Будучи уже больным, Сталин избегал врачей, не доверял им. И все же соратники Иосифа Виссарионовича уверены, что Сталин умер не от болезней, а погиб в результате преднамеренных воздействий. И даже определенно указывают, чьих именно.

Но - по порядку. Прежде всего надо выяснить, кто был заинтересован в гибели Сталина.

Многие из близких людей называют таким заинтересованным лицом Лаврентия Берию. Почему? - Потому что все предшественники Берии на должности наркома или министра внутренних дел (КГБ) были расстреляны, якобы за то, что много знали. У Берии были основания считать, что настал его черед. Он действительно не только много знал, но и накапливал "компромат" на членов Политбюро, в том числе на Сталина.

Берия имел реальную власть, пожалуй, даже большую, чем сам Сталин. По одному его слову человека могли уничтожить.

Сталин, разумеется, это знал и, наверное, решил, что пора окоротить власть земляка, которого призвал в Москву из Грузии как верного и преданного слугу.

Убрать (окоротить) Берию без всякой причины нельзя, поэтому когда возникло так называемое "Дело мингрелов" (его, кстати, раскрутил Маленков и вначале поддержал сам Берия против своих земляков, потому что они о нем много знали), Сталин решил воспользоваться этим удобным случаем.

Он вызвал министра госбезопасности Абакумова, вроде бы

поинтересовался, что там за дело с мингрелами?

Абакумов изложил, что ему было известно. И вот тут Сталин якобы намекнул:

- Ищите большого мингрела...

Абакумов, разумеется, был человеком догадливым, он все понял. Но теперь надо встать на его место и попытаться решить: как быть? Сталин, его власть вне конкуренции. Но вождь старый, он уже теряет эту власть, отходит от дел, он устал. А Берия полон сил, и в Политбюро он номер один, все трепещут перед ним.

И Абакумов, видимо, решил сделать ставку на Берию. Как показали дальнейшие события, этим Абакумов погубил себя, Берию и Сталина. В этой схватке для каждого исход мог быть только один - смерть!

Понимаю, что сделать такое заявление с моей стороны довольно рискованно, однако, опираясь на конкретные действия трех названных "смертников", попытаюсь доказать правомерность такого предположения...

Абакумов шепнул или прямо сказал Лаврентию Павловичу о "намеке" Сталина. Берия понял, что в "мингрельском деле" ему предназначена роль "большого мингрела" со всеми вытекающими расстрсльными последствиями.

Сталин, Берия и Абакумов втайне начали предпринимать меры для своего спасения и ликвидации того, от кого грозила смертельная опасность.

Сталин в конце 1951 года начал подозревать, что Абакумов ведет двойную игру, и приказал его арестовать. Что и было сделано.

Вскоре были арестованы начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР генерал-майор А. Леонов, три его заместителя - полковники М. Лихачев, В. Комаров и Л. Шварцман, а также начальник секретариата министерства полковник И. Чернов и его заместитель полковник Я. Броверман. Как явствовало из формулировки обвинения, все они во главе с Абакумовым представляли собой преступную группу, занимавшуюся враждебной деятельностью против большевистской партии и Советского государства. Предлогом послужило письмо Рюмина Сталину, в котором тот обвинил Абакумова в предательстве.

М. Рюмин был повышен в должности до начальника следственной части МГБ и зам. министра КГБ (по через 10 месяцев и он сидел в камере).

В порядке самозащиты Сталин решил на XIX съезде обновить состав ЦК и Политбюро, избавиться от некоторых старых руководителей, которые вызывали у него подозрение.

Съезд проходил с 5 по 14 октября 1952 года. Отчетный доклад делал Маленков, он подсел итоги работы партии за 13 лет после XVIII съезда. Были утверждены директивы по 6-й пятилетке, и ВКП(б) переименована в КПСС.

В коротком выступлении 14 октября Сталин уделил главное внимание международным проблемам. Вождь опять показал свое широкое стратегическое мышление и предвидение. Он как бы предсказал то, что произошло через четверть века:

"- Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем самым создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой "свободы личности" - права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять нам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите, собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их "превыше всего". Те перь не осталось и следа от "национального принципа". Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите, быть патриотами своей страны, если хотите, стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять.

Так обстоит дело в настоящее время".

На съезде был избран новый состав Центрального Комитета партии. По предложению Сталина его увеличили вдвое - избрано 125 членов и 111 кандидатов.

В свое время Ленин, желая избавиться в руководстве партии от оппортунистов, влил в состав ЦК новые силы.

На пленуме ЦК 16 октября J952 года Сталин объяснил членам ЦК, почему надо обновить состав Политбюро (кстати, очень важное выступление Сталина на этом пленуме не публиковалось, потому что оно бросало тень на старых членов Политбюро. После смерти Сталина они вновь обрели прежний

свой, как говорят сегодня, имидж. А разоблачительную речь Сталина хотели предать забвению).

Поскольку это выступление Сталина многие годы замалчивалось (нет даже стенограммы), ниже привожу его почти без сокращений по записи, сделанной Л. Н. Ефремовым. И еще процитирую любопытные комментарии писателя Симонова, который был на съезде. Мне кажется очень важным не только то, что говорил Сталин, но еще и то, как он это говорил, и какова была реакция присутствующих.

Пленум длился около двух часов. Примерно полтора часа говорил Сталин. Симонов так об этом пишет:

"Говорил он от начала до конца сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади.

И тон его речи, и то, как он говорил, - все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению".

Вот что говорил Сталин:

"- Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у пас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят, для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, ее партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК - руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия немного выросла.

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра - это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили

некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов - преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под "шартрезом" на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в пашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия - наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей - это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно было допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым- Это вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять.

Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

(Симонов комментирует: "Говорилось все это жестко, а местами более чем жестко, почти свирепо... Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам, подумал, что ослышался или не понял... Он говорил о Молотове долго и беспощадно... В зале стояла страшная тишина... у членов Политбюро были окаменелые, напряженные, неподвижные лица...")

Сталин продолжал:

- Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? Мужик - наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна...

(Симонов: "Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми. Такими же белыми и мертвыми эти лица оставались тогда, когда они - сначала Молотов, а потом Микоян - спустились один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин".)

А. И. Микоян на трибуне оправдывался, ссылаясь на некоторые экономические расчеты.

Сталин (прерывая Микояна): - Вот Микоян - новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе.

В. М. Молотов на трибуне признает свои ошибки, оправдывается и заверяет, что он был и остается верным учеником Сталина.

Сталин (прерывая Молотова): - Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Сталин предлагает решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Вместо Политбюро образуется Президиум в значительно расширенном составе, а также Секретариат ЦК КПСС - всего 36 человек.

- В списке, - говорит Сталин, - находятся все члены Политбюро старого состава, кроме А. А. Андреева. Относительно уважаемого Андреева все ясно, совсем оглох, ничего не слышит, работать не может, пусть лечится.

Голос с места: - Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин: - Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

(Симонов: "На лице Маленкова (он стоял за столом и вел

заседание пленума) я увидел ужасное выражение - не то чтобы испуга, а выражение человека, осознавшего смертельную опасность... Лицо Маленкова, его жесты, воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе... Зал загудел: "Нет! Нельзя! Просим остаться!")

Маленков (на трибуне): - Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин (на трибуне): - На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-делоиому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председатели Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

Тимошенко: - Товарищ Сталин, пародне поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем - Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел.

(Примечания Ефремова: "Заявление Сталина об отсутствии полного единства в руководстве партии убедительно подтвердилось после его кончины. Возобладавшая в нем группировка, не считаясь с нормами партийно-советской демократии, резко сузила состав руководящих органов и постаралась избавиться от выдвинутых XIX съездом КПСС высококвалифицированных молодых сил.)

Но Сталин не успел воспользоваться своей победой на XIX съезде. Берия провел ряд опасных, но хорошо продуманных подготовительных акций по устранению верных Сталину ответственных работников.

17 февраля 1953 года "безвременно" скончался молодой, полный сил генерал Косынкин, комендант Кремля, ответственный за безопасность Сталина, назначенный на эту должность лично Сталиным из своей охраны.

Удаление самых близких и преданных Сталину - Власика и Поскребышева Берия осуществил со свойственной ему иезуитской хитростью. Этих людей нельзя было убрать по какому-то поводу, выдвинутому самим Берией, потому что Сталин ему не доверял. Был применен такой многоходовый (как шахматный) маневр.

На прием к Сталину настойчиво стал проситься министр финансов Зверев. Он уверял - дело серьезное и неотложное. Сталин принял его.

Это был первый ход в задуманной Берией комбинации.

Зверев, конечно же, не по своей инициативе пришел к Сталину. Берия не только заставил его, но и снабдил "компроматом" на обслугу и охрану Сталина.

Арсений Григорьевич Зверев более двадцати лет руководил сложнейшим в государстве финансовым делом. Сталин высоко ценил его, доверял ему.

Дело, которым Зверев потревожил Сталина, оказалось несколько неожиданным - он доложил о больших затратах средств на охрану и злоупотреблениях лиц, осуществляющих эту охрану. Сталин, как известно, был очень скромен в своих личных потребностях. Он возмутился, узнав о безобразиях, которые творят те, кому он доверяет. Немедленно приказал назначить комиссию и разобраться в этих неприглядных делах.

Комиссию создали в составе: Берия, Маленков, Зверев и некоторые другие. Это был второй ход Берии - теперь он держал в руках дальнейшее развитие задуманной комбинации. Вполне естественно, комиссия подтвердила доклад Зверева, она вскрыла еще ряд крупных не только нарушений, но и преступлений.

Третий ход Берии. Поскольку все это получило огласку, Сталин был вынужден дать согласие на арест Власика, а затем и Поскребышева.

И наконец, четвертый ход Лаврентия Павловича в этой коварной операции: Власик и Поскребышев оказались на Лубянке. А здесь добавили Власику разглашение государственной тайны и связь со "шпионом" Степбергом (художником, оформлявшим Красную площадь в дни праздников). Сталин уже не мог спасти Власика при таком серьезном обвинении.

Подстроена утрата секретных документов Поскребышевым, который около двадцати лет был преданным секретарем Сталина. Ему на смену поставлен "человек Берии" - Малин.

Для того чтобы показать свою работу как стража безопасности Сталина, Берия организовал "дело врачей". По его указанию сексотка КГБ Тимашук написала письмо о вредительском лечении и умерщвлении государственных деятелей врачами кремлевской больницы.

Арестом этих врачей Берия не только подтверждал свою преданность Сталину, но и окружал вождя своими медицинскими ставленниками. Однако Сталин разгадал этот ход Берии и обратил дело врачей против него же.

13 января 1953 года в газетах была опубликована "Хроника ТАСС" (отредактированная Сталиным). В ней сообщалось о раскрытии органами госбезопасности "террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза". В

"Хронике" говорится, что "врачи-вредители" работали по заданию двух иностранных разведок: американской (профессора-врачи М. С. Вовси, Б. В. Коган, А. И. Фельдман, А. М- Грин штейн, Г. Я. Этипгер, Г. И. Майоров) и английской (академик В. Н. Виноградов, профессора-врачи М. Б. Коган, П. И. Егоров). Вес арестованные, кроме Виноградова и Егорова, - евреи. Все они врачи кремлевской поликлиники и, как таковые, лейб-врачи членов Политбюро, правительства и высших военных чинов. Все евреи первой группы были "завербованы" в американскую разведку через Международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию "Джойнт", выдающую себя за благотворительную организацию, а члены группы Виноградова "оказались давнишними агентами английской разведки".

"Хроника" сообщила о признании врачей в том, что они умертвили "путем вредительского лечения" секретарей ЦК Жданова и Щербакова, хотели убить маршалов Василевского, Говорова и Конева, генерала Штеменко, адмирала Левченко. Профессор Вовси якобы заявил следствию, что получил директиву от сионистов из "Джойнта" "об истреблении руководящих кадров СССР".

В этом же номере "Правды" опубликована статья "Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей". Статья без подписи, но стиль и направленность ее, несомненно, открывают авторство Сталина. И самое главное в этой статье то, что Сталин указывает, кто виноват, кто прозевал эти преступные действия новых врагов народа: I) "Некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством"; 2) "Органы госбезопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации среди врачей".

Берия понимает, что спрятано за этими словами, он активизирует своих друзей в Политбюро - Хрущева, Маленкова, Булганина. Эта троица давно уже жила и действовала под бдительным оком Лаврентия Павловича. Хрущев был своим человеком на даче Берии, часто ночевал там после солидных возлияний Поддерживают Берию на заседаниях Политбюро Молотов (он попал в опалу после ареста его жены Жемчужиной), Ворошилов (его жена тоже арестована как шпионка), Каганович (у которого совесть нечиста - содействовал созданию Еврейской республики в Крыму), Микоян, который всегда поддерживал сильную сторону (два сына арестованы).

"Дело врачей" использовали каждая из борющихся сторон в своих интересах. Еще в 1951 году всплыл следователь - подполковник М. Рюмин, который написал Сталину донос на самого министра КГБ Абакумова, обвинив его в содействии

врачам-террористам в ходе следствия и сокрытии сигнала Тимашук о вредителях-врачах, поступившего от нее еще в 1948 году! Арестованный генерал Власик подтвердил, что такое письмо он получил и передал Абакумову.

И вот финал этой многоходовой подковерной борьбы.

Привожу рассказы очевидцев, а может быть, и соучастников убийства Сталина.

Из воспоминаний помощника коменданта дачи в Волынском (Кунцевская) Петра Лозгачева:

"28 февраля на 1 марта на ближней даче дежурили Хрусталев, Лозгачев, Туков и Бутусова.

Сталин приехал на дачу в Кунцево около 24 часов. Вскоре приехали Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев и Н. Булганип. Мы подали на стол только один виноградный сок. Что касается фруктов, то они всегда находились в вазах на столе. В пятом часу утра гости уехали. Прикрепленный полковник Хрусталев закрыл двери. Хрусталев сказал, что якобы Сталин сказал ему: "Ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь". Мы действительно легли спать, чем были очень довольны. Проспали до 10 часов утра.

Что делал Хрусталев с 5 часов утра до 10 часов утра, мы не знаем.

В 10 часов утра его сменил другой прикрепленный - М. Старостин.

Утром все мы взялись каждый за свое дело. Тем временем произошла суточная смена личной охраны Сталина. Обычно Сталин вставал в 10-11 часов. Я смотрю, уже 12 часов, а движения в комнатах Сталина нет.

Постепенно ближайшие к Сталину люди из охраны стали волноваться и теряться в догадках: почему Сталин не встает, никого к себе не вызывает.

В 16 часов Старостин говорит: "Что будем делать?"

Обычно я входил с корреспонденцией к Сталину, когда замечал, что он уже встал. Сидим в служебном кабинете и думаем: что же делать? Дождали до 6 часов вечера, а движения в комнатах Сталина все нет. Я говорю Старостину: "Иди ты, как начальник охраны". Старостин отвечает: "Я боюсь, иди ты с пакетами" (в мою обязанность входило приносить Сталину полученную корреспонденцию).

Наконец в 18 ч. 30 минут в комнате у Сталина появилось электроосвещение. Все с облегчением вздохнули. И все же время шло, а Сталин никого не вызывал.

В 22.30 пришла почта на имя Сталина. Тут я использовал момент. Забрал от нарочного почту и решительным, твердым

шагом направился к Сталину. Прошел одну комнату, заглянул в ванную комнату, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просвечивалась полоска электроосвещения. Заглянул туда и увидел перел собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стола, как бы облокотившись на руку. Я оцепенел. Покушение, отравление, инсульт?

Быстро подбежал к нему: "Что с вами, товарищ Сталин?" В ответ услышал: "да" - и больше ничего. На полу валялись карманные часы 1-го часового завода, газета "Правда", на столе - бутылка минеральной воды и стакан. Я быстро по домофону вызвал Старостина, Тукова и Бутусову. Они прибежали и спросили: "Товарищ Сталин, вас полужить на кушетку?"

Как показалось, он кивнул головой. Положили, но она мала. Возникла необходимость перенести его на диван в большой зал. Все четверо понесли товарища Сталина в большой зал. Видно было, что он уже озяб в одной нижней солдатской рубашке. Видимо, он лежал в полусознательном состоянии с 19 часов, постепенно теряя сознание.

Сталина положили на диван и укрыли пледом.

Срочно позвонили министру Государственной безопасности С. Игнатьеву. Он был не из храбрых и адресовал Старостина к Берии. Позвонили Г. Маленкову и изложили тяжелое состояние Сталина. В ответ Георгий Максимилианович пробормотал что-то невнятное и положил трубку. Через час позвонил сам Маленков и ответил Старостину: "Берию я не нашел, ищите его сами".

Старостин бегает и шумит: "Звони, Лозгачев". А кому звонить, когда уже все знают о болезни Сталина. Еще через час позвонил уже сам Берия: "О болезни товарища Сталина никому не звоните и не говорите". Так же мигом положил трубку.

Я остался один у постели больного. Обида от беспомощности перехватила горло, и душили слезы. А врачей все нет и нет. В 3 часа ночи зашуршала машина у дачи. Я полагал, что это врачи приехали, но с появлением Берии и Маленкова надежда на медицинскую помощь лопнула. Берия, задрав голову, поблескивая пенсне, прогромыхал в зал к Сталину, который по-прежнему лежал под пледом вблизи камина. У Маленкова скрипели новые ботинки. Он их снял в коридоре, взял под мышку и зашел к Сталину. Встали поодаль от больного Сталина, который по роду заболеваемости захрипел.

Берия: "Что, Лозгачев, наводишь панику и шум? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Нас не тревожь и товарища Сталина не беспокой".

Постояли соратники и удалились из зала, хотя я им доказывал, что товарищ Сталин тяжело болен.

Тут я понял, что налицо предательство Берии, Маленкова, мечтающих о скорой смерти товарища Сталина.

Снова я остался один у больного Сталина. Каждая минута тянулась не менее часа. Часы пробили 4, 5, 6, 7 утра, а медпомощи и признаков не видно.

Это было ужасно и непонятно: что же происходит с соратниками товарища Сталина?

В 7.30 приехал Н. Хрущев и сказал: "Скоро приедут врачи". В 9 часов 2 марта прибыли врачи, среди которых были Лукомский, Мясников, Тареев и др. Начали осматривать Сталина. Руки у них тряслись. Пришлось помочь разрезать рубашку на товарище Сталине.

Осмотрели. Установили кровоизлияние в мозг. Приступили к лечению. Ставили пиявки, подавали больному кислород из подушки.

Так больной Сталин больше полсуток пролежал без медицинской помощи.

4 марта 1953 года Патриархом Московским и Всея Руси Алексием, в связи с Правительственным сообщением о болезни И. В. Сталина, послана следующая телеграмма епархиальным архиереям:

"Правительственное сообщение о неожиданной тяжкой болезни, постигшей Иосифа Виссарионовича Сталина, глубокой скорбью отозвалось в сердцах всех русских людей. Наш долг, долг всех верующих, прежде всего обратиться с молитвою к Богу об исцелении дорогого для всех нас болящего.

Благословляю во всех храмах всех Епархий совершить молебствия о здравии Иосифа Виссарионовича. Церковь наша не может забыть того благожелательного к ней отношения нашего Правительства и лично Иосифа Виссарионовича, которое выразилось в целом ряде мероприятий, клонящихся ко благу и к славе нашей Православной русской церкви, и Ея долг соответственным ей образом, т. е. горячей молитвой, отозваться на постигшее наш народ испытание - болезнь дорогого всем нам Вождя и мудрого строителя народного блага".

Из воспоминаний действительного члена Академии паук, профессора А. Л. Мясникова;

"Вызвали поздно вечером 2 марта 1953 г. Как выглядел Сталин: коротковатый и толстоватый, лицо перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее (дыхание Чейн-Стокса). Кровяное давление 210-110. Мерцательная аритмия, лейкоцитоз до 17 000. Была

высокая температура - 38° с долями. При прослушивании и выстукивании сердца особых отклонений не отмечаюсь, в боковых и передних отделах легких ничего патологического не определялось.

Диагноз: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза.

Каждый из нас нес свои часы у постели больного. Постоянно находился при больном кто-нибудь из Политбюро ЦК - чаще всего Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян.

Третьего утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным - смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения...

Необходимо отметить, что до своей болезни - последние, по-видимому, три года - Сталин не обращался к врачам за медпомощью, во всяком случае, так сказал н-к Лечсануправа Кремля.

В Москве он, видимо, избегал медицины. На его большой даче в Кунцево не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами, не было, между прочим, даже нитроглицерина, и, если бы у него случился припадок грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства.

С каких пор у него гипертония - тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил).

Сталин дышал тяжело, иногда стонал. Только на один короткий миг показалось, что он осмысленным взглядом обвел окружающих его. Тогда Ворошилов склонился над ним и сказал: "Товарищ Сталин, мы все здесь, твои верные друзья и соратники. Как ты себя чувствуешь, дорогой?"

Но взгляд уже ничего не выражал. [:] Ночью много раз казалось, что он умирает.

На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы пришла молоденькая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: "Да, инфаркт".

Переполох. В "деле врачей" уже фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства.

Теперь, вероятно, мы... Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру. Жаловаться на боль, столь характерную симптому инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно не мог. Лейкоцитоз и повышенная

температура могли говорить и в пользу инфаркта.

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило - как его объяснить?

Для поддержки падающего давления непрерывно вводили различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках. [...] Дежурил от ЦК Н. А. Булганип... Стоя у дивана, он обратился ко мне: "Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?" Я ответил: "Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера - в связи с гипертонией и инсультом". [...] Весь день пятого мы что-то впрыскивали, писали дневники, составляли бюллетени. [...]

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час. [...] Наконец, она наступила в 21 час 50 минут 5 марта...

Шестого марта в 11 - 12 часов дня на Садовой-Триумфальной во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра биохимии 1-го МОЛМИ состоялось вскрытие тела Сталина. Присутствовали из состава консилиума только я и Луковский. [...] Вскрывал А. Н. Струнов, профессор 1-го МОЛМИ, присутствовал Н. Н. Аничков (президент АМН), биохимик профессор С. Р. Мардашев, который должен был труп бальзамировать, патологоанатомы: проф. Скворцов, Мигунов, Русаков.

По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились - что с сердцем? Откуда кровавая рвота?

Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияний).

* * *

Если врачи не установили инфаркта и сами недоумевают: "Откуда кровавая рвота?" - то мы, грешные, не будучи медиками, из своего житейского обихода можем сказать: кровавая рвота бывает при отравлении.

Но эту очевидность медики под жестким и холодным взором Берии боятся высказать. Они пишут угодные Берии (и спасительные для себя) "Заключение" и "Эпикриз".

Давайте проанализируем ход событий по порядку.

Ужинали за столом до пяти утра. Были на даче четыре вероятных сообщника: Берия, Хрущев, Маленков, Булга-нин. Кто определил такой состав застолья? Наверное, Берия: он тогда почти все определял по своему усмотрению. Мог кто-нибудь из участников пиршества подсыпать в стакан Сталина какого-то зелья? Вполне. Они вставали, курили, ходили в туалет. Наиболее

вероятным отравителем был Берия, потому что в его распоряжении была специальная лаборатория Майрановского, который разрабатывал яды и применял их практически для умерщвления неугодных. Яды эти были специальными, не оставляющими следов при вскрытии умерших.

Можно предположить и другую версию: яд подсыпал в минеральную воду Хрусталев, когда разъезжались гости, а Сталин вышел их провожать. Помните Сталин лежал у стола, на котором стояла "бутылка минеральной воды". Что подтверждает вероятность этой версии? Именно Хрусталев (а не сам Сталин) сказал охране от имени Сталина: "Ложитесь спать все, мне ничего не надо, вы не понадобитесь". Такого странного распоряжения от Сталина никто прежде не слышал. Наоборот, Сталин иногда, отходя ко сну, спрашивал охранника подозрительно: "Спать не хочешь?" Следовательно, полковник Хрусталев придумал распоряжение от имени Сталина - чтобы все спали. Зачем? Догадаться не трудно: Берия именно ему поручил подсыпать яд в воду Сталина. Может быть, при инструктаже Берия сказал, что яд действует не сразу, поэтому пусть все спят, никто не заходит, чтоб зелье подействовало наверняка, к утру все будет кончено. Вот убедительный аргумент, подтверждающий эту версию, - спустя некоторое время полковник Хрусталев... умер! Скончался тихо, по неизвестным причинам здоровый охранник, атлет. Типичное устранение исполнителя-киллера...

Предположение о том, что Берия сам (или по его указанию один из охранников) отравил Сталина, высказаны мной не случайно. Фактов, подтверждающих это предположение, много. Вот один, очень убедительный.

Под личным руководством Берии в НКВД работала секретная токсикологическая лаборатория, начальником ее был Григорий Моисеевич Майрановский. Он окончил гимназию и в 1917 году поступил в Тифлисский медицинский институт, где вступил в еврейскую социалистическую организацию "Бунд" (Всеобщий еврейский рабочий союз). Позднее Майрановский переехал в Баку, где его брат был руководителем "Бунда".

В дни описанного мной выше массового перехода еврейских партий в РКП(б) Майрановский стал большевиком.

Лаборатория Майрановского занималась испытанием ядов на людях, приговоренных судом или особым совещанием к высшей мере наказания расстрелу. Находилась лаборатория недалеко от главного здания НКВД на Лубянке, в Варсонофьевском переулке.

Доставкой подопытных, приговоренных к расстрелу, занимался комендант НКВД В. Блохин.

Вот выписка из показаний Блохина от 19 сентября !953 года:

"В мою задачу входила доставка арестованных в специальные камеры. Всей работой руководил Берия или его заместители - Меркулов и Кобулов. Они давали задание 1-му спецотделу или отделу "А" подобрать соответствующих арестованных из числа лиц, приговоренных к расстрелу, - дряхлых или цветущих - по состоянию здоровья, по возрасту - молодых или старых, по полноте - худых или полных. В соответствии с этим заданием отдел "А" или 1-й спецотдел из числа лиц, приговоренных к высшей мере наказания, подбирал соответствующих людей, и предписания с указанием фамилий арестованных передавались мне, я доставлял осужденных к Майрановскому".

О том, что представляла собой лаборатория, позднее в своих показаниях рассказывали люди, имевшие к ней служебные отношения.

Александр Григорович: "Майрановский провел исследования ядов примерно над 100-150 заключенными. Я или Щеголев только отвешивали яд, а Майрановский замешивал его в пищу и через работника спецгруппы давал заключенному, В случаях, когда яд не оказывал смертельного воздействия, Майрановский сам шприцем вводил смертельную дозу. Кроме того, исследование ядов производилось путем выстрелов отравленными пулями в жизненно неопасные участки тела..."

Сергей Муромцев: "В Спецлаборатории была обстановка непрерывного пьянства Майрановского, Григоровича, Филимонова вместе с работниками спепгруппы. Майрановский поражал споим зверским, садистским отношением к заключенным. Некоторые препараты вызывали у них тяжелые мучения. Я вынужден был обратиться к Блохину и со слезами уговаривал его помочь мне освободиться от этой работы..."

Наум Эйтингон: "Я присутствовал при производстве опытов в лаборатории Майрановского. Подопытными были четыре человека, осужденные к ВМН. Было применено впрыскивание в кровь яда курарина. Яд действовал почти моментально, смерть наступала минуты через две..."

На допросе 28 августа 1953 года сам Майрановский показал, что всего им было использовано "около 100 человек осужденных, из которых более половины умерло в результате проведенных исследований". А допрошенный 1 сентября 1953 года свидетель Судоплатов показал: "Таких протоколов было не менее 150 штук, то есть таких испытаний яда над людьми было не менее чем над 150 приговоренными к высшей мере наказания".

На допросе 23 сентября Майрановский сообщил следствию: "При исследовании мы яды давали через пищу, различные напитки, вводили яды при помощи уколов шприцем, тростью,

ручкой и других колющих, специально оборудованных предметов. Также вводили яды через кожу, обрызгивая и поливая ее".

А теперь обратите внимание на письмо Майрановского лично Берии от 21 апреля 1953 года! Дело было сделано: Сталин отравлен. Берия начал прятать концы в воду. Майрановский оказывается в подвале Лубянки. И никто, кроме Берии, не мог дать приказ на арест этого его подручного! И вот в своем письме Майрановский напоминает Берии:

"...В органах госбезопасности я организовал специальную службу на научных основах согласно вашим указаниям. Мною же разрабатывались методики специальной техники на совершенно новых основах, преподанных лично Вами.

Приступив к организации специальной лаборатории для органов разведки на научных основах, мною было выдвинуто положение: необходимо поставить проверочно-исследовательскую работу на людях с целью проверки действия различных ядовитых и снотворно-наркотических веществ. Это положение было поддержано лично Вами.

Вами было утверждено положение этой особой лаборатории и узко ограниченный круг лиц, имевших доступ в нее, которые только одни и знали о ее существовании. Планы и отчеты этих лабораторий утверждались Вами или В. Н. Меркуловым.

Я обращаюсь к Вашему великодушию: простите совершенные мною преступные ошибки, дайте мне возможность не вести паразитическую жизнь, когда вся страна ведет величественную созидательную стройку коммунизма при лязганьи волчьих зубов врагов - американского империализма, когда дорога каждая минута. Я остался коммунистом-большевиком. Я получил хороший урок. Готов выполнить все Ваши задания на благо нашей любимой Родины...

Г. Майрановский,

Владимирская тюрьма МВД СССР.

21 апреля 1953 года".

Но письмо осталось без ответа, и Майрановский посылает Берии очередное послание, он намекает, что пригодится еще и в будущем, что у него есть разработки более эффективные (чем использованные раньше!):

"...У меня есть предложения по использованию некоторых новых веществ: как ряда снотворного, так и смертельного действия - в осуществление этой вполне правильной Вашей установки, данной мне, что наша техника применения наших средств в пищевых продуктах и напитках устарела и что необходимо искать новые пути воздействия через вдыхаемый воздух.

Все эти, не осуществившиеся работы я готов передать в любое время по Вашему указанию.

Бутырская тюрьма,

Г. Майрановский.

Москва. 17 июля 1953 г.".

Эти обращения не помогли, решением Особого совещания при МГБ Майрановский Григорий Моисеевич был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 193-17, пункт "а" и 179 Уголовного кодекса РСФСР, и приговорен к 10 годам тюремного заключения.

Однако и после объявления приговора Майрановский продолжал писать Берии:

"Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

Вся моя сознательная жизнь была посвящена только одной цели: построению социализма-коммунизма. В юношеские годы (17-18 лет) я, случайно обманувшись, непростительно вошел в организацию "Бунда", где числился формально и не вел там никакой работы. Я никогда этого не скрывал. Разобравшись в ее буржуазно-националистической программе, я сбросил это "грязное белье" и, вступив в ВКП(б), с 1920 года вел активную партработу, проводил неуклонно генеральную ленинско-сталинскую линию партии большевиков, активно боролся против вылазок всяческих врагов (троцкистов, бухаринцев и проч.). Моей рукой был уничтожен не один десяток заклятых врагов советской власти, в том числе и националистов всяческого рода (и еврейских)..."

Майрановскому было известно, что проводилась чистка органов НКВД от троцкистов-сионистов, поэтому он педалирует на то, что "своей рукой" уничтожал "и евреев".

Отметим нулевой морально-нравственный уровень подручного Берии и посмотрим, что говорит сам Лаврентий Павлович об этом преступлении.

Во время процесса на закрытом судебном заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 18-23 декабря 1953 года, член суда Михайлов спросил Берию:

- Подсудимый Берия, в процессе предварительного следствия вы показывали: "Я признаю, что то, о чем свидетельствует Майрановский, является страшным, кровавым преступлением. Я давал Майрановскому задание о производстве опы-|'ов над осужденными к высшей мере наказания". Эти показания вы подтверждаете?

Берия: - Да, подтверждаю.

Дальше Берия подтвердил все жуткие подробности о работе секретной лаборатории.

Почему-то тогда ни у кого из членов суда не возник вопрос о причастности Берии к отравлению Сталина, хотя такое подозрение было бы вполне закономерным.

И, наконец, самое неопровержимое доказательство - признание самого Берии в убийстве Сталина!

Рассказал об этом Молотов. Я не раз хотел его расспросить о загадочной смерти Сталина, но не решался, уж очень вопрос был "щекотливый". Но после наших бесед в течение нескольких лет, после того, как Молотов стал доверять мне и даже просил организовать "конспиративные" встречи с друзьями, я однажды решился затронуть эту тему. Сначала не прямо, а наводящим вопросом:

- Говорят, Сталин умер не своей смертью. Молотов ответил не сразу. Подумал.

- Да, для таких подозрений есть основания.

- Называют даже конкретного убийцу - Берия. Вячеслав Михайлович опять довольно долго молчал.

- И это весьма вероятно. Может быть, даже не сам, а через своих чекистов или врачей.

Я чувствовал, что-то не договаривает Молотов, но нажимать на него не решался. Казалось, он больше ничего не скажет. Но, видимо, у него шла внутренняя борьба. Возможно, он думал, что уже стар и не надо уносить с собой большую тайну.

Без моего дополнительного вопроса он вдруг, как бы даже не для меня, стал вспоминать:

"- На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года произошел такой вот разговор. Берия был тогда близок к осуществлению своих замыслов по захвату власти. Он уже сам, да и все мы считали его самым влиятельным в Политбюро. Боялись его. Вся охрана вокруг была его ставленники. Он мог в любой момент нас ликвидировать. Но он понимал, что так поступать нельзя, народ не поверит, что все мы враги. Ему выгоднее превратить нас в своих сторонников. И вот, как бы напоминая, что произошло на пленуме после XIX съезда, когда Сталин хотел с нами расправиться, Берия, на трибуне Мавзолея, очень значительно сказал мне, но так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков:

- Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя". Можно ли верить Молотову, что Берия сказал такие слова? Я думаю, можно. Молотов очень крупная личность, он

понимал цену таким словам и вообще, всегда, на всех постах, знал вес и значимость каждого слова. Это не кухонный разговор. Он понимал, о чем говорит и с кем говорит. Эта фраза не повиснет в воздухе, она отложится в моей памяти, и я как

писатель когда-то дам ей огласку, и страшный смысл ее войдет в историю.

О том, что Молотов решился на такое откровение, чтобы люди узнали правду, свидетельствует также его разговор с писателем Чуевым. Феликс опубликовал свою беседу с Молотовым на эту тему. Она изложена другими словами, но смысл тот же: Берия "убрал" Сталина.

факсимиле Маленкова, по своему усмотрению заверял документы, им самим же подготовленные.

Суханов мне рассказал о "тайной вечере" троицы и в подтверждение ее хранил в своем сейфе записи, которые делал Маленков при распределении ими должностей: Хрущева сделают Первым секретарем ЦК КПСС, Маленкова Председателем Совета Министров СССР, Берию - его замом и одновременно министром внутренних дел, с которым объединяется КГБ.

Берия был невысокого мнения о своих сообщниках, он считал, что недалекий Никита Сергеевич будет послушной марионеткой в его руках (в чем, кстати, очень просчитался); Маленков, безвольный и покорный (его звали между собой "Маланья"),тоже будет безропотно подчиняться. Ну и самый весомый аргумент единовластия Берии - сосредоточенные в его руках карательные органы, которые много лет по прихоти Берии отправляли на тот свет тысячи чем-то неугодных ему людей.

На этом же сговоре троицей было намечено ликвидировать предпринятое Сталиным расширение количества членов ЦК и созданный им Президиум ЦК в 25 членов. Они решили вернуться к старой иерархии: создать единый Президиум (как прежнее Политбюро), малочисленный и управляемый, в который вернуть исключенных, по предложению Сталина на XIX съезде, Молотова и Микояна.

Все это надо было провернуть срочно, пока еще Сталин дышал, опираясь на его авторитетное имя, оформить официально, для чего заговорщики назначили наследующий же день, 5 марта, совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. В назначенное время в Свердловском зале Кремля на совместном заседании первым сделал сообщение о состоянии здоровья Сталина министр здравоохранения А. Третьяков. После него выступил Маленков.

- Все понимают, - сказал он, - огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве. Вот почему бюро Президиума Центрального Комитета партии созвало настоящее совместное заседание... Поручило мне доложить вам ряд мероприятий по организации

партийного и государственного руководства.

И далее, снова сославшись на поручение бюро (которого не было!), обосновал необходимость предлагаемых реорганизаций и кадровых перестановок:

* * *

Сталин еще был жив, когда произошел своеобразный захват власти. Фактический заговор трех высших партийных функционеров - Берии, Маленкова и Хрущева.

Понимая, что часы вождя сочтены, Берия на даче в Кунцево уединился со своими сообщниками - Маленковым и Хрущевым.

Почему именно эти трое?

Я выскажу свое предположение, правда не подтвержденное документально.

Если даже были какие-то на этот счет бумаги, их, конечно же, уничтожили, придя к власти, те, кого я подозреваю.

Но и без документов факты позволяют сделать это предположение. А факты таковы: Берия всегда и во всем поддерживал Маленкова и Хрущева. Он продвигал их по служебной и партийной вертикали. Пользуясь своей близостью к Сталину, он информиров;ит вождя о преданности и верности этих соратников, а их конкурентов, наоборот, отодвигал нелицеприятной информацией. Маленков и Хрущев, в свою очередь, постоянно не только поддерживали Берию, но и выполняли все его пожелания. Это дает основание сделать предположение, что Маленков и Хрущев были завербованы органами КГБ, еще когда они не были крупными деятелями, а находились, так сказать, на подходе к важным должностям. Такое в те годы практиковалось очень широко. Сеть осведомителей создавалась на всех служебных и партийных уровнях.

Хрущев и Маленков были связаны с Берией не только по агентурной линии, они крепко подружились, были на даче Берии завсегдатаями, упивались там до бесчувствия и оставались ночевать.

Разумеется, не только пристрастие к спиртному и шикарные застолья привлекали их к такому близкому общению, здесь решались политические и хозяйственные дела: Маленков, как секретарь ЦК, возглавлял всю работу с кадрами. А Хрущев, как первый секретарь Московского горкома, держал в руках все столичные дела.

Вот и собралась в критический момент эта тройка и по-свойски, как и полагается заговорщикам, решила, кому кем быть и как держать власть в своих руках.

На этот счет у меня есть даже документальное подтверждение. Я познакомился с Сухановым, начальником

секретариата Маленкова. Он работал на этой должности 18 лет! Был настолько доверенным человеком, что хранил печати ЦК, - Обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны... требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда или паники.

Никто не возражал против необходимости принимать такие решения, и "тройка" провела в жизнь то, что спланировала на своей "тайной вечере". Хрущев, Маленков, Берия были назначены на намеченные ими посты.

Вместо 25 членов Президиума ЦК остались только "свои" - Г. Маленков, Л. Берия, Н. Хрущев, Н. Булганин, К. Ворошилов, Л. Каганович, М. Сабуров, М. Первухин. Вернули в его состав В. Молотова и А. Микояна.

Ворошилова определили на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В. Молотова назначили министром иностранных дел; Н. Булганина - министром обороны; А. Микояна - министром внутренней и внешней торговли.

Торопились: из 25 должностей министров 17 остались неназначенными. Но все же главное успели - власть перешла в руки "тройки". Через час пятьдесят минут после начала совещания пришло сообщение - Сталин умер.

Врач Чеснокова рассказывала:

- Реаниматолога Неговского и меня с аппаратурой для реанимации привезли на дачу Сталина 2 марта.

Когда мы расставляли аппаратуру, Берия громко и властно сказал: "Сейчас вы будете рассказывать, что с собой привезли, что собираетесь делать, а я вас буду внимательно слушать".

За нами постоянно наблюдали охранники.

В понедельник к 12 часам приехали Светлана и Василий. Василий был пьян, начал кричать: "Сталина убивают!" Его не пустили в залу, где лежал отец. В этой комнате на стульях сидели члены Политбюро, они приходили, сидели, уходили, возвращались, говорили между собой тихо. Только Берия метался по даче, громко командовал, стучал обувью.

Сталин лежал на тахте. Лицо было очень бледное, руки сжаты в кулаки.

Светлана поставила стул рядом, сидела молча, плакала.

Вечером 5 марта консилиум врачей решил - пора приступать к реанимации. В 20 часов мы начали процедуры по экстренной реанимации. Дыхание уже нарушалось. Внезапно Сталин открыл глаза, но в них не было сознания. Он поднял левую руку и тут же опустил ее. Это была агония. Дыхание остановилось. Я и Неговский стали делать закрытый массаж сердца. Но все было напрасно - пульса уже не было. Сталин скончался. Это произошло

в 21 час 50 минут 5 марта 1953 года.

Ворошилов рыдал. Маленков держался спокойно. Только Берия продолжал ходить и громко командовать: "Ищите мундир, ордена. Подготовьте машину!"

Члены правительства вышли из зала. Осталась Светлана, она попросила меня побыть с ней. Я помогла ей причесать отца, плотнее закрыть его глаза.

Берия привел несколько охранников, громко им приказал: "Вас назначаю на сопровождение тела товарища Сталина. Отвечаете за него головой! Если что не так, вам головы

снесу!"

Заключение консилиума

5 марта в 12 час. дня

Состояние больного на утро 5-го марта резко ухудшилось. Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 5.III. В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести. В 11 час. 30 мин. после нескольких рвотных движений вновь наступил коллапс с сильным потом, исчезновением пульса на лучевой артерии; из коллапса больной выведен был с трудом после инъекций камфоры, кофеина, кардиозола, строфантина и т. д.

Электрокардиограмма, снятая в 11 час. утра, показала острые нарушения коронарного кровообращения с очаговыми изменениями преимущественно в задней стенке сердца.

Причиной кровавой рвоты консилиум считает сосудисто-трофические поражения слизистой оболочки желудка.

21.50. Товарищ И. В. Сталин скончался.

Третьяков, Лукомский, Тареев, Коновалов, Мясников, Филомонов, Глазунов, Ткачев, Иванов.

Никаких подозрений, никакой судебно-медицинской экспертизы - просто фиксация факта. Берия приказал сразу перевезти тело Сталина в лабораторию Мавзолея для долговременного бальзамирования.

Охрана и прислуга на даче собрала личные вещи Сталина и составила опись.

ОПИСЬ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ТОВАРИЩА СТАЛИНА

5 марта 1953 года в 22 часа 30 минут, я, комендант Ближней дачи Орлов, старший прикрепленный Старостин, помощник Туков, сотрудник Бутусова составили опись л/имущества товарища Сталина И. В. ло указанию товарища Берия.

1. Блокнот для записей, в обложке из кожи серого цвета;

2. Записная книжка, кожаная, красного цвета;

3. Личные записи, пометки, составленные на отдельных листках и отрывных листках. Пронумеровано всего 67 листов (шестьдесят семь);

4. Общая тетрадь с записями, обложка красного цвета;

5. Трубки курительные - 5 шт. К ним;

4 коробки и спец. приспособления, табак.

В кабинете товарища Сталина: книги, настольные принадлежности, канц. принадлежности, сувениры не включены в список. Спальня и гардероб:

6. Китель белого цвета - 2 шт. (На обоих прикреплена звезда Героя Социалистического Труда).

7. Китель серый, п/дневный - 2 шт.;

8. Китель темно-зеленого цвета - 2 шт.;

9. Брюки - 10;

10. Нижнее белье сложено в коробку под № 2.

В коробку под №3 уложены: 6 кителей, 10 брюк, 4 шинели, 4 фуражки.

В коробку под № 1 сложены блокноты, записные книжки, личные записи.

Ванно-душевые принадлежности уложены в коробку № 4.

Другое имущество, принадлежащее товарищу Сталину, в опись не включалось.

Время окончания составления описи и документа - 0 час. 45 минут 6 марта 1953 года.

Присутствующие: (подпись) ОРЛОВ

(подпись) СТАРОСТИН (подпись) ТУКОВ (подпись) БУТУСОВА

В спальне была обнаружена сберегательная книжка, в ней записано 900 рублей. Вот все богатство Сталина. Квартира - государственная, в ней теперь архив президента, дача - государственная - передана новым хозяевам.

ПРОТОКОЛ № 1 ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ЛО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН ТОВАРИЩА СТАЛИНА

1. Комиссия считает целесообразным вскрытие и долговременное бальзамирование тела товарища СТАЛИНА произвести в специальной лаборатории Мавзолея В. И. ЛЕНИНА.

2. Перевезти тело товарища СТАЛИНА в Колонный зал Дома Союзов в присутствии Комиссии по похоронам.

3. Установить, что тело товарища СТАЛИНА должно быть положено в гроб в военной форме (не парадной). На кителе прикрепить медали Героя Советского Союза и Героя Социалистического труда, а также планки к орденам и медалям.

Ответственность возложить на т. Спиридонова.

4. Организацию изготовления гроба поручить т. Крупину.

5. Возложить на т. Яснова ответственность за выполнение заказов на венки и контроль за качеством их изготовления.

6. Для снятия маски привлечь скульптора Манизера.

7. Утвердить текст извещения об установлении гроба с телом товарища СТАЛИНА в Доме Союзов (прилагается).

8. Вопросы подготовки Колонного зала Дома Союзов;

а) Возложить подготовку Колонного зала Дома Союзов на тт. Горкина, Яснова и Спиридонова.

Оформление здания и Колонного зала возложить на тт. Беспалова, Рындина, Герасимова, Волкова;

6} возложить охрану Дома Союзов и организацию всего наружного распорядка на МГБ СССР (тт. Гоглидзе, Рясного).

9. Поручить тт. Артемьеву и Синипову представить предложения по организации войскового и почетного караулов.

10. Поручить т. Беспалову представить список художников для зарисовок внутри Колонного зала.

11. Поручить т. Большакову представить предложения о киносъемках.

12. Обязать т. Яснова подготовить проект постановления о строительстве пантеона. Срок представления - 6 марта.

13. Поручить архитектору Посохину представить проект надписи на мавзолее - ЛЕНИН - СТАЛИН.

При выполнении пункта 5 возникло затруднение - не могли найти медали Золотая Звезда Героя Советского Союза. Оказалось, что она находится в наградном отделе Верховного Совета. Сталину ее не вручили. Военачальники на торжественном приеме, как уже упоминалось мною, подняли вопрос о том, что ему следует присвоить звание Героя, они, его подчиненные, некоторые уже дважды Герои, а он, под чьим руководством одержана Победа, не удостоен этого звания. Несправедливо! Сталин тогда сказал, что звание Героя дается за подвиги на поле боя и он по статусу не может получить такое высокое звание. Полководцы шумели и настаивали. Сталин отмахнулся, не стал спорить. Указ о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза состоялся, но Золотую Звезду он не получил. И вот это выяснилось только в дни похорон. Его Звезду взяли из наградного отдела и прикрепили к алой подушечке вместе с другими, очень малочисленными наградами.

6 марта 1953 года гроб с телом Сталина был установлен в Колонном зале Дома Союзов.

Три дня продолжалось прощание народа со своим вождем. Тысячи людей шли поклониться человеку, который сделал для них и для Родины так много великих дел.

Желающих увидеть Сталина было много, переполнились все

улицы, прилегающие к Колонному залу. Милиция и воины не могли сдерживать напор людской массы. Были даже погибшие в давке. Ехали в Москву со всех концов страны. Чтобы прекратить приток людей, было отменено прибытие в столицу пассажирских поездов и электричек. Но люди шли в город пешком, весь центр Москвы был переполнен, стояли сутками, только бы попасть в траурный зал.

9 марта состоялись похороны на Красной площади. Митинг. Выступили Маленков, Берия, Молотов. Прозрачный саркофаг установили в Мавзолее, рядом с Лениным.

В траурные дни 1953 года патриарх Алексий направил Совету Министров СССР следующее послание:

"От лица Русской Православной Церкви и своего выражаю глубокое и искреннее соболезнование по случаю кончины незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина, великого строителя народного счастья.

Кончина его является тяжким горем для нашего Отечества, для всех народов, населяющих его. Его кончину с глубокой скорбью переживает Русская Православная Церковь, которая никогда не забудет его благожелательного отношения к нуждам церковным.

Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших.

С особым чувством непрестающей любви Церковь наша возглашает ему вечную память".

Дела "исторические"

Почти все съезды партии называли "историческими", желая подчеркнуть масштабность проблем и вопросов, которые на них обсуждались и решались.

История не все приняла их в таком виде в свое лоно, и остались эти эпитеты лишь на бумаге. Но XX съезд действительно стал историческим. Почему? На этом съезде был развенчан "культ личности" Сталина.

И поскольку XX съезд имел такое особое значение, необходимо остановиться на нем подробнее: напомнить пожилым (тем, кому было тогда под 30, сегодня уже за семьдесят, они читали в газетах о работе съезда), рассказать молодым - они, как правило, о нем совсем ничего не знают. Для проверки спросил несколько человек из молодежи про этот XX съезд. Один, лет двадцати пяти-тридцати, ответил: "На нем Сталина с работы снимали!" "Побойтесь Бога, молодой человек, Сталин к тому времени уже умер". "Разве?" - искренне удивился мой собеседник. Молодая женщина такого же возраста на мой вопрос ответила: "Сталина осуждали за репрессии, разоблачали как врага народа".

Это было вроде бы ближе к истине, но все же фраза о том, что Сталина объявляли врагом народа, вызвала горькую улыбку.

Но откроем документ: "XX съезд Коммунистической партии Советского Союза (14-25 февраля 1956 года). Стенографический отчет". Я перечитал оба объемистых тома (1100 страниц). Удивление охватило меня с первых же страниц. Я сделал настоящее "открытие": не верил своим глазам! В повестке дня XX съезда вообще нет вопроса о культе личности Сталина! На 1099 страницах стенографического отчета ничего не говорится об этом. (Обратите внимание - я убавил объем отчета на одну страницу. О ней будет особый разговор). И в то же время (это просто поразительно!) ни один из 126 выступавших на съезде ни разу не произнес имя Сталина, не провозгласил ему здравицу, а ведь этим кончались все выступления на предыдущих съездах. Не ищите этот стенографический отчет, не тратьте время, поверьте мне на слово. В чем секрет, мы вместе разберемся несколько позже.

Первым вопросом был отчетный доклад ЦК КПСС. Докладчик - секретарь ЦК товарищ Хрущев Н. С. Второй вопрос - отчетный доклад председателя Ревизионной Комиссии КПСС по шестому пятилетнему плану... Докладчик Булганин Н. А. Четвертый - выборы центральных органов.

И все. Никакого обсуждения или принятия решения о культе личности не предусматривалось. Весь первый день был занят докладом Хрущева (колоссальная выносливость!)

Не буду утомлять вас пространными цитатами (но, признаюсь, кое-что сегодня звучит очень и очень интересно).

Приведу лишь несколько пришлипиальных стратегических заявлений:

"Главную черту нашей эпохи составляет выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему. Капитализм оказался бессильным помешать этому всемирно-историческому процессу. (Видел бы Никита Сергеевич, как торжественно шествует капитализм по пашей земле!.. - В. К.)

Когда мы говорим о том, что в соревновании двух систем капиталистической и социалистической - победит социалистическая система, то это не значит, что победа будет достигнута путем вооруженного вмешательства социалистических стран во внутренние дела капиталистических стран".

Далее Хрущев излагает утверждение марксистко-ленинской теории обреченности капитализма на гибель. В наши дни мы знаем, что кроме теоретической обреченности компартия Советского Союза давала постоянную многомиллионную подпитку валютой своим единомышленникам для свержения

капиталистической системы в десятках стран мира.

Надо же случиться такому совпадению: в этом месте я сделал перерыв, сел пить чай, а по телевизору в какой-то передаче прозвучала информация: "За послевоенные годы, начиная с 1947 г. до Горбачева включительно, все генсеки и члены Политбюро подписали выделение 400 миллионов долларов на помощь компартиям других стран".

До этого перерыва на чашку чая я намеревался в горько-обличительном тоне написать о том, какие большие деньги тратили наши партийные боссы в ущерб государственным нуждам, по сути дела, пускали на ветер. Но, услыхав неожиданно, что общая сумма всего 400 миллионов, я сравнил ее с миллиардными суммами, которые воруют сегодня дельцы и взяточники при "демократической" системе, и решил не комментировать те мелкие, по сегодняшним масштабам, затраты. Можно сказать лишь одно: скупились, мало тратили, поэтому и победила нас капиталистическая система.

В официальных заявлениях наших партийных руководителей частенько бывало, как говорят, "один пишем, два в уме". После Хрущева выступал секретарь ЦК КПСС Шепилов Дмитрий Трофимович, он курировал вопросы внешней политики и международных отношений. В своей речи он предсказывал установление мирового господства социалистической системы не только теоретико-историческим путем. Говорил он и такое: в странах, "...где сложился реакционно-бюрократический аппарат буржуазной диктатуры, где имеется развитая военщина и эксплуататорские классы, будут оказывать отчаянное сопротивление трудящимся в их борьбе по преобразованию общества на новых социалистических основах, пролетарская диктатура вынуждена будет сломить это сопротивление насильственными мерами".

Вот так - открыто и четко с кремлевской трибуны, с трансляцией по радио и публикацией в газетах - заявлял секретарь ЦК. Шепилов говорил о разных формах мирного экспорта революции, и все они были более или менее приемлемы. Но вес же, слово не воробей, вылетит - не поймаешь. О возможной ломке капитализма силой сказал секретарь ЦК, руководящий этим направлением деятельности всей партии, никто его не опроверг и ие поправил. Наоборот, аплодировали!

Читая стенографический отчет, я решил разобраться в некоторых неясностях, прибегнув к испытанному методу - побеседовать с участниками и очевидцами. Прошло после того съезда 37 лет. Список делегатов приложен к стенограмме - их было 1356 человек. С очень многими я был знаком и мог бы

побеседовать запросто. Многие ушли из жизни за эти годы. Но, к счастью, было еще с кем встретиться и поговорить о прошлом.

Жив-здоров, как я знал, один из особых делегатов, лет пятнадцать подряд мы встречались довольно часто. Познакомились в красногорском госпитале. У выздоравливающих времени много, переговорили мы тогда, кажется, о всем прошлом, высказали предположения о будущем. Он замечательный собеседник. Эрудит высочайшей пробы. Академик. Автор многих научных трудов, особенно по политэкономии. К тому же еще и соратник по войне, генерал-лейтенант. А после ее окончания - один из виднейших партийных работников и даже руководителей. Не догадались, кто это? Даю еще одну паводку: стенографический отчет о XX съезде начинается словами: "10 часов утра. Появление в ложах Президиума товарищей Н. А. Бул-гапина, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, А. И. Кириченко. Г. И. Маленкова, А. И. Микояна, В. М. Молотом, М. Г. Первухина, М. З. Сабурова, М. А. Суслова, Ц. С. Хрущева, П. К. Понома-ренко, Н. М, Шверника, А. Б. Аристова, Н. И. Беляева, П. Н. Поспелова, Д. Т. Шепилова, а также руководителей делегаций зарубежных коммунистических и рабочих партий, делегаты встречают бурными аплодисментами. Все встают".

Из семнадцати перечисленных - шестнадцати уже не стало, но вот наш будущий собеседник - Шепилов Дмитрий Трофимович. (Это написано мною в 1992 г.) Побывал он и секретарем ЦК КПСС, и министром иностранных дел СССР, и кандидатом в члены Президиума ПК КПСС. Закончил свою политическую карьеру "примкнувшим" к антипартийно и группе Маленкова, Молотова, Кагановича - за то, что при решении вопроса об исключении их из партии имел неосторожность высказать сомнение: вес же Молотов был членом партии большевиков с подпольным стажем. Вот его и "примкнули" к той группе. Дмитрия Трофимовича из партии не исключили, отправили работать в столицу Киргизии город Фрунзе, заведующим кафедрой политэкономии. За ним сохранились ученое и генеральское звания. Старую квартиру отобрали. После отставки Хрущева Шепилов вернулся в Москву. Жил он, к моменту нашей беседы, с женой Марьяной Михайловной в двухкомнатной, удобной квартире в хорошем кирпичном доме, недалеко от стадиона "Динамо".

Я прервал работу над рукописью, позвонил по телефону Дмитрию Трофимовичу, договорился о встрече, сел в машину и поехал к нему. Встретил он меня радушно, по-русски обнял трижды. Несмотря на свои восемьдесят восемь, был прочен, высок и могуч. Крупные черты лица. И вообще крупный человек!

Личность! Только глаза подводят. Недавно сделали операцию правого глаза, да не очень удачно.

- Мне бы воспоминании дописать, всего две главы осталось. Боюсь, как бы глаза не подвели.

- А сколько написали?

- Вот, посмотрите. - Он с явной гордостью открыл нижние створки на двух тумбах письменного стола. Там плотным строем стояли папки с завязанными тесемками. - Около двух тысяч страниц. Вся наша бурная жизнь и история. Я ведь был свидетелем многих событий, при Сталине начинал главным редактором "Правды". Потом при нем же был зав. отделом ЦК по агитации и пропаганде. И он же меня с треском снял. Я думал, что скоро окажусь на Лубянке. Ждал каждую ночь. Но пронесло.

- А за что он вас так?

- Если помните, был у нас такой великий преобразователь природы, нет, пожалуй, не природы, а науки - Лысенко.

- Ну как же его не помнить, вейсманистов и морганистов разоблачал и истреблял.

- Вот именно, истреблял. Я видел - это привело и приведет к еще большим бедам в нашем сельском хозяйстве. Поговорил с Юрием Ждановым (сыном Андрея Александровича Жданова), он был заведующим отделом науки ЦК. У него тоже сложилось отрицательное отношение к самодеятельности Лысенко. Решили мы созвать совещание идеологических работников и ученых. Юрий Андреевич сделает доклад - и развенчаем мы этого выскочку и жулика от науки. Надо сказать, что перед этим событием Юрий женился на Светлане Сталиной. Ну и я был уверен, что дома, в семейном кругу, он обговорит наш замысел и с тестем, и с отцом. Юрий сделал прекрасный доклад - камня на камне не оставил от лжеученого Лысенко. Но тот был очень хитер - оказывается, присутствовал на нашем совещании. Он не был членом партии, его кто-то из дружков провел в зал. Как услышал, о чем идет разговор, тут же побежал к своему лучшему другу Хрущеву, а тот к Сталину. А Сталин, кроме Хрущева, знатоков в сельском хозяйстве не признавал. Выслушал, что произошло, и немедленно собрал Политбюро по одному вопросу, который сам же и задал:

- Кто разрешал проводить совещание идеологических работников без разрешения ЦК, кто позволил громить Лысенко?

Все молчали. Сталин посмотрел на Андрея Александровича Жданова, тот пожал плечами: "ничего не знаю об этом". Посмотрел на Суслова. Тот буквально онемел, только головой замотал. Ну, вижу, все высшие мои руководители спасовали, встал - и громко так получилось, голос у меня такой:

- Я разрешил, товарищ Сталин.

Сталин подошел ко мне вплотную, впился в меня глазами:

- А вы знаете, что на Лысенко держится все сельское хозяйство?

- Товарищ Сталин, Вас неправильно проинформировали. Лысенко не внес никакого вклада в науку. По его теории ни одного нового сорта не вывели. Накажите меня, но пора в этом разобраться. Крупнейших ученых Лысенко превратил в идеологических врагов-морганистов.

Сталин смотрел на меня как кобра, не мигая. Он был поражен такой непокорностью. А я тоже растерялся - надо же понимать, что в то время означал гнев Сталина! От растерянности и не выдержав взгляда Сталина, я сел. Тишина и до того была гробовая. А тут будто эту тишину переключили на более напряженную волну. Сталин повернулся и стал ходить по кабинету. Все молчали. И он молчал томительно долго. Потом значительно произнес:

- Без ведома ЦК собирать всесоюзное совещание нельзя. Предлагаю создать комиссию под председательством Маленкова, включить в нес Хрущева, Суслова. - Помолчал, добавил: - Жданова. Еще дольше помолчал, походил и вдруг изрек: - И Шепилова. Надо разобраться, провести специальную сессию Академии сельхознаук. И поддержать Лысенко.

Комиссия не собиралась ни разу. Меня не вызывали и не приглашали. Пошли репрессии против ученых. Вавилова сначала сослали, потом уничтожили. Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ. Меня освободили от занимаемой должности. Я ждал ареста два месяца. И вдруг однажды, когда я был по приглашению композитора Соловьева-Седого на премьере его оперетты "Самая заветная", меня вызвал из ложи к телефону Поскребышев.

- Позвоните немедленно по телефону номер... Я знаю, что у вас там нет "кремлевки".

Я набрал указанный городской номер и тут же услышал голос Сталина. Я сказал:

- Товарищ Сталин, это Шепилов.

- Где вы?

- Я в театре оперетты... - Как-то неловко было в этом признаваться: после такого разноса - и вдруг в легкомысленной оперетке. Но Сталин, как будто ничего не было раньше, очень просто спросил:

- Что-нибудь интересное? Не жалко будет оставить театр? Приезжайте ко мне на ближнюю дачу. Надо поговорить.

Я немедленно помчался на его дачу в Кунцево. Встретил он меня очень радушно. Проговорили два часа. Суть разговора

заключалась в том, что Сталин понял: у нас неблагополучно в народном хозяйстве потому, что нет основ экономической науки. Люди не знают, как правильно вести хозяйство.

- Надо написать срочно учебник по политэкономии, не агитку, а настоящее руководство к действию. Это поручается вам. Возьмите себе в помощь ученых, кого посчитаете нужным.

Он тут же изложил мне, и очень компетентно, некоторые вопросы, которые надо объяснить в учебнике. При этом цитировал Ленина, подходил к шкафу, брал книги, не искал, а сразу открывал нужные страницы. Видно, глубоко продумал это поручение.

Через два дня на Политбюро Сталин повторил свое поручение и добавил;

- Надо создать условия для работы этой комиссии, чтобы ничто их не отвлекало. И чтобы никто не мешал. Лучше на даче, за городом. Подберите им хороший дом. Режим установить такой: неделю работать, суббота и воскресенье - родительский день. Через год учебник должен лежать здесь, на столе.

Вот так он сам же меня реабилитировал. Мы писали учебник по главам. Я успел доложить Сталину четыре главы. Он сам их редактировал, и по каждой говорил со мной очень фундаментально. Что бы ни писали о Сталине, да и виноват он во многом, но в теории он был очень грамотен. Учебник вышел после смерти Сталина в 1954 году многомиллионными тиражами и, говорят, принес пользу...

После этого интересного рассказа Шепилова я стал прояснять свои вопросы. Сначала прочитал из стенограммы первые строки, как делегаты бурными аплодисментами встретили... Пропустив фамилии всех руководителей, сказал:

- Встретили товарища Шепилова. Он понял мою шутку, улыбнулся:

- Да. было время! Затем я спросил:

- Не вынуждали мы капиталистов защищаться от нашей тихой неминуемой революции в соответствии с развитием истории? Вы были несколько лет министром иностранных дел. Как вы проводили эту политику? Говорили о мире, о разоружении, а в глубине души знали, что они "обречены" и победа будет за нами?

- Я в это искрение верил. Да и сейчас не отрицаю, социалистическая система более прогрессивна. Мы допустили много ошибок, и в этом наша беда. Но жизнь показывает, что для народа плановое, научное ведение хозяйства более рационально и надежно, чем капиталистический беспредел.

Я открыл его доклад на XX съезде и показал:

- Вот здесь вы приводите любопытное объяснение не только

обреченности капитализма, а, пожалуй, даже главной беды нашего сегодняшнего расхристанного состояния в экономике, политике, и главное, в идеологии. Даете объяснение этому не вы, а один из столпов капиталистического мира. Вот строки из вашего доклада: "В книге нынешнего государственного секретаря США Даллеса "Война или мир", изданной в 1950 году, мы читаем: "Что-то случилось неладное с нашей страной... Нам не хватает справедливой динамичной веры. Без нее все остальное нам мало поможет. Этот недостаток не может быть возмещен ни политическими деятелями, как бы способны они не были, ни дипломатами, как бы проницательны они не были, ни учеными, как бы изобретательны они не были, ни бомбами, как бы разрушительны они не были". Вы, Дмитрий Трофимович, подкрепляли этой цитатой мысль об обреченности капитализма. А он не только не погиб, но и побеждает.

Шепилов усмехнулся:

- Все на поверхности, не надо глубоко искать. Да, капитализм пришел к нам. И принес все ту же бездуховность, отсутствие опорной идеологии, веры. Поэтому у нас все и разваливается. Не стало прежних идеалов, не появилось новых. Будут долгие мучительные брожения в потемках. Много дров наломают новаторы, авантюристы и добросовестно заблуждающиеся. И в конце концов все придет на круги своя, то есть восстановится поступательное развитие истории. Социалистическая система, с какими-то коррективами, добавлениями и поправками, все же возьмет верх. Иного выхода нет, это аксиома.

Спросил я Дмитрия Трофимовича и о странности в повестке дня съезда, имея в виду отсутствие вопроса, который в историю вписался как главный, - о культе личности.

- Но как все же встал на XX съезде вопрос о культе личности без наличия его в повестке дня? Все делегаты будто сговорились - никто ни разу даже по инерции не назвал Сталина в своем выступлении. Ну было бы это после решения о культе личности. Но ведь они все выступали, не зная, что будет обсуждаться этот вопрос.

Шепилов снисходительно улыбнулся:

- Ничего удивительного. Вы же знаете практику подготовки мероприятий, проводимых ЦК, а тем более - съезда. Все выступления делегатов просматривались и правились. Даже тезисы очень уважаемых иностранных вождей прочитывались заранее и давались рекомендации на правку. А если советует ЦК, кто станет возражать?

- Вопрос о культе и о постановке его на съезде действительно при подготовке не возникал?

Дмитрий Трофимович задумался, помолчал, потом подчеркнуто значительно молвил:

- Я бы не хотел, чтобы вы поняли неправильно то, что я вам расскажу. Неправильно в том смысле, что я хочу преувеличить свою роль. Боже упаси! Особенно теперь нет в этом никакой нужды. Расскажу вам первому, как это было. В своих воспоминаниях я пишу об этом подробно. Но до их выхода еще далеко, а вам, раз вы просите прояснить, расскажу.

Рассказал он следующее:

- Не знаю, отражено ли в стенограмме, что два дня на заседаниях съезда отсутствовали Хрущев и я. Дело было так. Хрущев не раз говорил среди членов Президиума, что надо как-то осудить репрессии Сталина, отделить от них партию. И вот в один из перерывов в работе съезда он подошел ко мне и говорит: "Я думаю, настал самый удобный момент поставить вопрос о Сталине. Здесь собран цвет партии со всех уголков страны, более удобного случая в ближайшее время я не вижу". Я поддержал его идею. Он спросил: "Поможешь мне срочно подготовить доклад?" - "Разумеется, не сомневайтесь". - "Пошли, сделаем это без промедления". И мы в его кабинете работали дна дня неотлучно. Только спать домой уходили. 25 февраля, когда все было написано и отпечатано, мы вернулись на съезд. Хрущев предупредил накануне, что заседание будет закрытое, без представителей прессы и разных приглашенных.

- Он даже не согласовал это с членами Президиума? - удивился я.

- Нет, решения Президиума не было. Просто в кулуарах, в комнате отдыха Президиума съезда, Хрущев сказал: "Мы не раз говорили об этом, и вот время пришло доложить коммунистам правду".

...Доклад Хрущева произвел ошеломляющее впечатление. Но делегаты одобрили заявление Никиты Сергеевича. Постановление по докладу Н. С. Хрущева "О культе личности и его последствиях" было принято единогласно и состояло всего из девяти строчек. Имя Сталина, как видите, ни в названии доклада, ни в постановлении не упоминается.

Вот так обстояло дело на XX съезде с вопросом о "культе личности", которого не было в повестке дня и который получил действительно исторический резонанс.

Культ личности

Культ процветал во все времена, во всех странах и считался явлением нормальным. Не осуждался. Его воспринимали как должное. Всех римских, да и других императоров, прославляли устно и письменно. При дворцах восточных владык - султанов,

шейхов - были специальные стихотворцы, которые поднимали их выше небес в самых цветистых виршах. Разговор о культе личности, осуждение его начал Хрущев на XX съезде КПСС. Какой смысл раскрывался за этим словом "культ"? Незаслуженное возвеличивание человека, который любит это, поощряет и наслаждается дифирамбами в его адрес. Подчеркнем незаслуженно.

Таким представлял Сталина в своем докладе Хрущев. И еще Никита Сергеевич утверждал, что Сталин не только любил славословия, но и сам раздувал, поощрял этот культ.

В докладе на XX съезде было не только осуждение "культа", но произошло и саморазоблачение Хрущева как предателя, который долгие годы скрывался под личиной единомышленника Сталина. Об этом красноречиво свидетельствует "высший пилотаж" подхалимажа, продемонстрированный Хрущевым на XVIII съезде, в марте 1939 года, тогда он умудрился за 20 минут 32 раза лизнуть вождю одно место!

Привожу эту его речь с сокращениями.

"- Товарищи! На нашем XVIII партийном съезде мы заслушали отчет борьбы за коммунизм, борьбы рабочих, крестьян, интеллигенции, всех трудящихся нашей Советской страны под руководством нашего гениального руководителя, вождя, нашего великого Сталина. (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)

В отчете товарищ Сталин показал, каких огромных успехов добился наш Союз Советских Социалистических Республик в борьбе за коммунизм...

...Рабочий класс, все трудящиеся, под руководством великой большевистской партии, под руководством товарища Сталина сломили вражеское сопротивление, смели врагов, разгромили и уничтожили их и продолжают победоносное шествие вперед к коммунизму.

Но успешная борьба за коммунизм не должна ослаблять нашу волю, нашу закалку в борьбе с врагами. Мы должны строго помнить слова великого Сталина о капиталистическом окружении. Наши успехи должны еще больше заострить нашу зоркость и отточить наше оружие для беспощадного уничтожения врагов...

...Успешным и победоносным разгромом фашистских агентов - всех этих презренных троцкистов, бухаринцев и буржуазных националистов - мы, прежде всего, обязаны лично нашему вождю, нашему великому Сталину. (Шумная овация.)

В своем отчетном докладе товарищ Сталин во всем величии показал...

...Коммунистическая партия большевиков Украины сплочена и крепка, как никогда. Она кровно связана со всеми отрядами партии Ленина - Сталина и стальной стеной окружает Сталинский Центральный Комитет и своего любимого вождя - великого Сталина! (Продолжительная овация.)

Любовь большевиков Украины к товарищу Сталину отражает безграничное доверие и любовь к великому Сталину всего украинского народа.

Товарищи, в отчетном докладе товарищ Сталин показал всемирно-исторические победы коммунизма...

...Украинский народ, разгромив врагов и предателей, еще теснее сплотился вокруг большевистской партии и вокруг нашего вождя, нашего великого Сталина. (Аплодисменты.)

Большевики Украины, под руководством Сталинского Центрального Комитета ВКП(б), под руководством товарища Сталина добились огромных успехов в развитии промышленности как союзного подчинения, так и промышленности республиканской.

Примером высокого роста нашей промышленности может служить следующий факт: за годы второй сталинской пятилетки выпуск чугуна на Украине увеличился в два с лишним раза. Один только Макеевский металлургический завод им. Кирова выплавляет чугуна в два раза больше, чем все металлургические заводы Польши. Это одно должно кое-кому и кое о чем напоминать о силах Советской Украины. За годы второй сталинской пятилетки производство стали увеличилось почти в три раза...

...Высокий уровень механизации сельскохозяйственных работ позволяет нам, украинцам, откликнуться на призыв товарища Сталина о выделении колхозников из колхозов на работу в промышленность.

...Вот результат большевизации колхозов Украины, вот она в действии, сталинская линия на зажиточность колхозников...

...Из года в год растет выпуск советских специалистов из вузов Украины, за первую сталинскую пятилетку было выпущено 39 тыс. человек, за вторую сталинскую пятилетку было выпущено 64 тыс. человек...

...В результате торжества ленинско-сталинской национальной политики, в результате особого внимания товарища Сталина к росту украинской культуры, мы добились всемирно-исторических побед в области развития культуры.

Вот почему от всей души, ласково, любовно и торжественно украинский народ провозглашает: "Хай живе рідний Сталін!"

(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.

Возгласы: "Да здравствует товарищ Сталин.'", "Ура товарищу Сталину.^)

Мы имеем сейчас на Украине, как и во всем Советском Союзе, невиданную сплоченность большевистских рядов, невиданную сплоченность трудящихся вокруг большевистской партии, вокруг вождя и учителя, друга украинского народа товарища Сталина. (Аплодисменты.)

О сплоченности наших рядов разобьют себе головы все фашистские агрессоры. Украинский народ по первому зову своей большевистской партии, по первому зову товарища Сталина встанет, как: один, на защиту своей социалистической родины. (Аплодисменты)

Пусть знают хозяева Карпатской Украины, хозяева той "хозяюшки", о которой говорил товарищ Сталин, что украинский пародо готов дать решительный отпор всем врагам, которые попытаются своим грязным сапогом осквернить священную социалистическую землю свободной Советской Украины. (Аплодисменты.)

Товарищи! XVIII партийный съезд, исторические указания нашего великого Сталина вооружают трудящихся Советского Союза, как и трудящихся всего мира, могучим оружием в борьбе за коммунизм. Учение товарища Сталина о социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения, то глубочайшее новое, что в докладе внес товарищ Сталин в вопрос о советской интеллигенции, является крупнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, знаменует высшую ступень в развитии ленинизма.

...Да здравствует величайший гений человечества, учитель и вождь, который ведет нас победоносно к коммунизму, наш родной Сталин! (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают, возгласы: "Ура!". "Да здравствует великий Сталин!", "Товарищу Сталину - ура!")

Нужны ли комментарии?

Давайте разберемся с этим "культом". Будем опираться на факты. Факты, действительно, подтверждают повседневное возвеличивание Сталина в печати и на словах с трибун, и в обычных разговорах. Начинал это поклонение, еще в 20-х годах, один из верных прислужников Сталина - Мехлис. Будучи редактором "Правды", он сначала осторожно, а потом все громче льстил Генсеку. "Правда" была официальным центральным органом партии, ее статьи перепечатывали все республиканские, областные и региональные газеты. Стало быть, "культ" начинала пресса, которая была рупором тех, кто надеялся похвалой заслужить благосклонность вождя. И паче говоря, в основе этого

явления лежал подхалимаж. Он разросся до невероятных размеров и действительно превратился уже в нездоровый патологический культ. Одним из рекордсменов в этом словоблудии, как мы убедились, был не кто иной, как именно секретарь Московской партийной организации Хрущев.

В общем, культ личности был творением карьеристов и лизоблюдов. Это было создание людишек мелких, порочных, подленьких.

Как относился к культу сам Сталин? Документы говорят о том, что он, в принципе, считал это вредным и недопустимым. Вот что писал Сталин в "Детиздат" 16 февраля 1938 года по поводу готовившейся к изданию книги "Рассказы о детстве Сталина":

"Я решительно против издания "Рассказов о детстве Сталина".

Книжка изобилует массой фантастических невероятностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, "добросовестные" брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория "героев" и "толпы" есть не большевистская, а эсеровская теория. "Герои делают народ, превращают его из толпы в народ", - говорят эсеры. "Народ делает героев", отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку".

Однажды Сталин обнаружил в почте дельное письмо о работе одного колхоза. Письмо и факты понравились, но кое-что Сталин в своей записке редактору "Правды" Мехлису велел убрать.

"Тов. Мехлис!

Просьба пустить в печать прилагаемую поучительную историю одного колхоза. Я вычеркнул в письме слова о "Сталине" как "вожде партии", "руководителе партии" и т. д.

Я думаю, эти хвалебные украшения ничего, кроме вреда, не дают (и не могут дать). Письмо нужно напечатать без таких эпитетов.

С ком. приветом И. Сталин"

Полковник Е. Разин, военный историк, прислал Сталину свою рукопись. Высказав замечания по теме, Иосиф Виссарионович осадил автора: "Режут слух дифирамбы в честь Сталина - просто неловко читать".

В личном архиве Генерального секретаря обнаружено много

проектов официальных бумаг и частных писем с различными "культовыми" предложениями. На всех - резолюция Сталина: "Против. И. Ст.", "Я решительно против...", "Нецелесообразно. И. Ст.".

Например, в 1938 году нарком внутренних дел А. Ежов обратился в ЦК и Президиум Верховного Совета СССР с пылко аргументированным предложением переименовать Москву в Сталииодар: "...Я глубоко убежден в том, что все человечество земного шара нашей эпохи и все человечество будущих веков с удовлетворением и радостью воспримут переименование Москвы в Сталинодар..."

Калинин в официальной справке для Верховного Совета сообщил: "Сталин категорически высказался против переименования".

Своеобразного апогея величальные предложения достигли в дни празднования 70-летия Сталина 21 декабря 1949 года. Был создан специальный комитет под председательством Шверника. Этот комитет рассматривал поступающие предложения и сам выдвигал ряд мероприятий по поводу знаменательной даты. О них докладывали юбиляру, и все он отверг.

Приведу некоторые из них:

Соорудить в Москве монумент Победы в честь ее творца Сталина.

Создать в Москве "Дворец жизнедеятельности Сталина".

Увенчать здание университета на Воробьевых горах величественной фигурой Сталина.

Установить ежегодный Всенародный праздник в честь дня рождения Сталина.

Учредить орден Сталина.

Присвоить Сталину звание "Народный герой", что по статусу должно быть выше Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда.

Соорудить памятники Сталину в городах, за которые шли сражения, где участвовал Сталин в годы Гражданской и Отечественной войн. Установить монументы в городах, отмеченных приказом Верховного Главнокомандующего, с текстом этих приказов и барельефом Сталина.

Было и многое другое, на что Сталин посоветовал комитету через Молотова: "Побольше скромности".

Приняли решение в честь Победы над Германией (в назидание немецким потомкам) построить памятник в Берлине, объявили конкурс на проект. После того как были отобраны наиболее перспективные работы, пригласили Сталина с ними познакомиться и, конечно, хотели услышать его решающее

мнение.

Сталин обошел и внимательно осмотрел все макеты. Большинство из них представляли вариации фигуры Верховного Главнокомандующего, что казалось естественным, как бы обобщающим итог победной войны.

Сталин посмотрел на скульпторов, в его взгляде многие уловили иронию, чему очень удивлялись.

Сталин спросил, показав жестом на проекты:

- А не надоел вам этот усатый?

Скульпторы были просто ошарашены. Не посмели даже засмеяться. Молчали.

Сталин увидел у Вучетича фигурку солдата с девочкой на руке. Подошел, присмотрелся и молвил:

- Вот это то, что надо. - Помолчал. - Только автомат уберите и вложите в руки карающий меч...

На том и порешили. И стоит солдат в Берлине по сей день с "карающим мечом Сталина" в могучей руке, с разбитой свастикой у ног и девочкой, прильнувшей к груди избавителя, символизирующей спасенные народы Европы и их вольное будущее.

Интересен эпизод, свидетелем которого был С. М. Штеменко.

Прибыв с докладом в Кремль вместе с А. И. Антоновым, он застал в приемной главного интенданта Советской Армии генерал-полковника П. И. Драчева, наряженного в военную форму необычного покроя: мундир был сшит по модели времен Кутузова, с высоким стоячим воротником, а брюки современные, но украшенные широченными золотыми лампасами.

В кабинете, в присутствии членов Политбюро, начальник тыла А. В. Хрулев делал доклад. Закончив его, Хрулев попросил разрешения показать новую военную форму. Сталин не возражал.

Драчев вошел в кабинет. Увидев его, Сталин помрачнел.

- Кого вы собрались так одеть? - спросил он.

- Это форма генералиссимуса, товарищ Сталин.

- Это кого?

- Для Вас, товарищ Сталин.

Велев Драчеву покинуть кабинет, Сталин, не стесняясь присутствующих, начал сурово распекать начальника тыла. Он резко возражал против возвеличивания своей личности, говорил, что никак не ожидал этого от Хрулева...

Газеты в дни юбилея (70-летия в 1949 г.) были заполнены поздравлениями и пожеланиями юбиляру, которые присылались со всего света. Были они, в большинстве своем, искренними. Были и безмерно льстивые и угоднические. Но то, что Сталин пользовался уважением и любовью, несомненно. Приведу слова

писателей, честность и порядочность которых, надеюсь, ни у кого не вызывает сомнения.

Анна Ахматова писала:

Пусть миру этот день запомнится навеки,
Пусть будет вечности завещан этот час.
Легенда говорит о мудром человеке,
Что каждого из нас от страшной смерти спас.
Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
И радости чистейшей нет преград,
И древний Самарканд,
И Мурманск заполярный,
И дважды Сталиным спасенный Ленинград...

Михаил Исаковский с любовью, тепло говорил:

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе...

Александр Вертинский исколесил весь земной шар. Актер, не принявший революцию, любимей белоэмигрантских ресторанных и камерных застолий, пел в Париже, еще до возвращения на родину:

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь?
Сколько стоил ему Сталинград?..
И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?
Он взрастил их. Над их воспитаньем
Долго думал он ночи и дни.
О, к каким роковым испытаньям ~
Подготовлены были они!
И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.
Как высоко вознес он державу,
Мощь советских народов-друзей
И какую великую славу
Создал он для Отчизны своей.
Тот же взгляд, те же речи простые,
Так же мудры и просты слова.
Над разорванной картой России

Поседела его голова.

Шолохов, со свойственной ему добротой и проникновенностью, сказал:

"И вот летят в декабре в заснеженную Москву со всех концов земного шара бесчисленные, как снежинки в метель, приветствия родному Сталину, отовсюду шлют ему подарки, и могучим валом любви и преданности встает и кипит по всей стране...

...21 декабря мы обратим наши взоры к Кремлю, но в этот день не забудем и про другое: мысленно перенесемся в окрестности Тбилиси, подымемся на гору Давида и с благословенной скорбью и горячей благодарностью в сердцах склоним в молчании головы над святым для нас прахом маленькой, скромной грузинской женщины-матери, семьдесят лет назад подарившей миру того, кто стал величайшим мужем человечества, нашим вождем и отцом...

Сталинский солдат обнимет своего вождя с грубоватой мужской силой, навеки сливая в едином образе Родину и Сталина, наверное, скажет словами большого русского поэта Михаила Исаковского:

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке,
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.
Пускай утопал я в болотах.
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой..."

Подводя итог всему выше сказанному и написанному, честно и объективно определим:

Да, культ личности был, но ведь и личность была!

Своеобразное продолжение и завершение "сталинская тема" получила на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года. И. Спиридонов от имени Ленинградской партийной организации предложил вынести тело И. В. Сталина из Мавзолея. Съезд поддержал это предложение и принял соответствующее решение.

Нет сомнения, что это "мероприятие" готовилось "на самом

верху" и в очень узком кругу, а инициатором его был Н. С. Хрущев.

Когда делегаты думали, что они решают этот сложный и деликатный вопрос, вот что уже происходило за кулисами (до принятия решения!)

Рассказывает бывший начальник 9-го управления КГБ генерал Н.Захаров:

"- Меня и коменданта Кремля генерал-лейтенанта Веденина вызвал Хрущев. Он сказал: "Сегодня, вероятно, состоится решение о перезахоронении Сталина. Создана комиссия из пяти человек во главе со Шверником: Мжаванадзе - первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Джавахишвили - Председатель Совета министров Грузии, Шелепин - председатель КГБ, Демичев - первый секретарь Московского горкома партии и Дыгай - председатель Моссовета. Комендант Мавзолея знает, где рыть могилу".

Далее нас собрал Шверник и подсказал, как тайно организовать перезахоронение, - оцепить Красную площадь, чтобы туда никто не проник.

Общий контроль за ходом работ был поручен моему заместителю генералу В. Чекалову. Командиру Отдельного полка специального назначения комендатуры Московского Кремля Коневу было приказано сделать из хорошей сухой древесины гроб, подобрать солдат для рытья могилы и восемь офицеров для выноса тела Сталина".

Бывший командир Кремлевского полка Ф. Конев вспоминает:

"- Меня вызвал в здание правительства заместитель начальника Управления личной охраны полковник В. Чекалов и приказал подготовить одну роту для перезахоронения Сталина на Новодевичьем кладбище (значит, был у Хрущева и такой вариант. - В. К.)

Потом позвонил он же и сказал, что захоронение будет за Мавзолеем Ленина у Кремлевской стены.

День шел к концу. На Красной площади собралось много народа. Ходили группами, подходили к Мавзолею и гостевым трибунам, пытаясь посмотреть, что делается за Мавзолеем.

К 18 часам того же дня наряды милиции очистили Красную площадь и закрыли все входы на нее под тем предлогом, что будет проводиться репетиция техники войск Московского гарнизона к параду 7 ноября.

Когда стемнело, место, где решено было отрыть могилу, обнесли фанерой и осветили электрическим прожектором. Примерно к 21 часу солдаты выкопали могилу и к ней поднесли 10 железобетонных плит размером 100х75 см. Из них сложили

нечто похожее на саркофаг. Сотрудники комендатуры Мавзолея и научные работники изъяли тело Сталина из-под прозрачного колпака и переложили в дощатый гроб, обитый красной материей. На мундире золотые пуговицы заменили на латунные. Сняли Золотую Звезду Героя Соцтруда. Тело покрыли вуалью темного цвета, оставив открытым лицо и половину груди. Гроб установили в комнате рядом с траурным залом в Мавзолее.

В 22.00 прибыла комиссия по перезахоронению, которую возглавил Шверник. (Кроме Мжаванадзе, - он улетел в Грузию и в перезахоронении не участвовал. - В. К.) Из родственников никого не было. Чувствовалось, что у всех крайне подавленное состояние, особенно у Н. Шверника (он и Джавахишвили не скрывали слез).

Когда закрыли гроб крышкой, не оказалось гвоздей, чтобы прибить ее. Этот промах быстро устранил полковник Б. Тарасов (начальник хозотдела). Затем пригласили восемь офицеров полка, которые подняли гроб на руки и вынесли из Мавзолея через боковой выход.

В это время по Красной площади проходили стройными рядами автомобили, тренируясь к параду.

К 22 часам 15 минутам гроб поднесли к могиле и установили на подставки. На дне могилы из восьми железобетонных плит был сделан своеобразный саркофаг. После 1-2-минутного молчания гроб осторожно опустили в могилу. Предполагалось гроб сверху прикрыть еще двумя железобетонными плитами. Но полковник Б. Тарасов предложил плитами не закрывать, а просто засыпать землей.

По русскому обычаю, кое-кто из офицеров (в том числе и я) украдкой бросили по горсти земли, и солдаты закопали могилу, уложив на ней плиту с годами рождения и смерти Сталина, которая много лет пролежала до установления памятника (бюста)".

Бедный Иосиф Виссарионович! Думал ли он, что после того как его имя почти полвека гремело по всей планете, его, "вождя народов", так вот, ночью, тайно от народа, будут не хоронить, а торопливо закапывать простые солдаты!

Итоги

(P. S.)

Подведем пунктирный итог всей деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина. Кто он? Как его оценивают современники, которые встречались с ним, обсуждали, решали крупномасштабные проблемы страны. Не буду приводить мнение наших соотечественников - от солдата до маршала, от рядового труженика до министра, у всех оценка Сталина высокая и

положительная. Из них можно составить целую книгу. Это будет выглядеть односторонне и пристрастно.

Приведу суждения иностранных деятелей, писателей, военных: их высказывания, на мой взгляд, особенно объективны и независимы. По русской пословице: "Со стороны виднее".

Начну с Черчилля, который сам признавал в мемуарах: "...Это угрюмое зловещее большевистское государство я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении... Считал смертельным врагом цивилизованной свободы".

Вот что писал Черчилль, узнав Сталина ближе, в годы войны:

"Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин.

Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что казался он неповторимым среди руководителей всех времен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И, странное дело, держали руки по швам.

Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов...

Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием..."

Анри Барбюс,

писатель (Франция):

"История его жизни - это непрерывный ряд побед над непрерывным радом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого бы прославили навсегда. Это железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин - сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила - это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей.

Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображен на красных плакатах - рядом с Карлом Марксом и Лениным, - это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создаст то, что будет. Он спас. Он спасает.

...Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата.

Сталин есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру".

Кордел Хелл,

Государственный секретарь США в годы войны:

"Сталин - удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет.

Аверелл Гарриман,

посол США в СССР;

"У него глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров".

Ю. К. Паасикиви,

Президент Финляндии:

"Сталин - одна из величайших фигур современной истории. Он прочно вписал свое имя не только в историю Советского Союза, но и во всемирную историю. Под его руководством старая Россия изменилась, обновилась, помолодела и превратилась в теперешний Советский Союз. Он поднял СССР до уровня могущественной мировой державы - сделал его могущественнее, чем когда-либо была и могла быть Россия.

Сталин - один из величайших созидателей государства в истории. В отношении Финляндии Сталин проявлял симпатию и дружественность. Поэтому его уход из жизни вызывает искреннюю скорбь нашего народа. Я имел возможность много раз встречаться с генералиссимусом Сталиным и вести с ним переговоры. Об этих встречах я сохраняю самые наиприятнейшие воспоминания".

Гарри Гопкинс,

специальный представитель президента США:

"Сталин ни разу не повторился. Он говорил так же, как стреляли его войска, - метко и прямо. Он приветствовал меня несколькими быстрыми русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твердо, любезно. Он тепло улыбался. Не было ни одного лишнего слова, жеста или ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной.

Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете. Во время этого второго визита мы разговаривали почти четыре часа. Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Как я ни устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, будто они были обдуманы им много лет назад".

Христофор,

Патриарх Александрийский:

"Маршал Сталин... является одним из величайших людей нашей эпохи, питает доверие к Церкви и благосклонно к ней относится... Маршал Сталин, Верховный Главнокомандующий, пол руководством которого ведутся военные операции в невиданном масштабе, имеет на то обилие божественной благодати и благословения, и русский народ под гениальным руководством своего великого вождя с непревзойденным самоотвержением наносит сокрушительные удары своим вековым врагам.

1945 г."

Пабло Неруда,

поэт (Чили):

"...И вот моя позиция: темные стороны периода культа личности, о которых я не знал долгие годы, не могли вытеснить из моей памяти образ Сталина, который сложился у меня с самого начала, - образ строгого к себе, как анахорет, человека, титанического защитника русской революции. Помимо всего, война возвеличила этого невысокого человека с большими усами; с его именем бойцы Красной Армии шли на штурм гитлеровской крепости и не оставили от нее камня на камне.

Воспоминания. М., 1978".

И так далее... Воспоминаний очень много, все привести невозможно.

Из наших соотечественников дадим слово только одному, но самому уважаемому и непогрешимому человеку, которого никто не заподозрит в необъективности.

Алексий I,

Патриарх Московский и Всея Руси:

"Великого Вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила великая, общественная сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда бы не проникал глубокий взор великого Вождя... Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума.

1953 г."

На прощанье приведу слова Иосифа Виссарионовича, с которыми он обращается к нам.

Сталин был не только Великий стратег, но и Великий пророк. В 1939 году, за полвека до событий, которые произойдут в нашей стране, он предсказал (революционерка А. М. Коллонтай записала его слова):

"...многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже.

Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну и как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР - в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, но только на некоторое время. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом развитие в будущем пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что Восток взбудоражится. Возникнут острые противоречия и с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Свое будущее они будут строить на примерах нашего прошлого".

P.S.

Один мудрый грек осененно изрек за семь веков до нашей эры:

- Vox populе - vox dei! Глас народа - глас Божий!

А народ - это вы, уважаемые читатели. На первой странице моей книги "от автора" было сказано, что каждый из вас судит о поступках Сталина в соответствии с полученной о нем информацией из телепередач, газет, книг и т. д. То есть судили о нем под влиянием политических, идеологических и нравственных убеждений авторов этих информационных источников.

А теперь, я надеюсь, мы с вами одинаково понимаем и оцениваем житие и бытие Сталина Иосифа Виссарионовича. И поэтому не расстаемся, а будем жить вместе в нашем доме, как единомышленники - вы в своих делах и заботах, а я где-нибудь в книжном шкафу или на книжной полке. И может быть, иногда, взглянув на корешок этой книги с названием "Генералиссимус", вы подумаете: "Очень мудрый и прочный был человек. Да, культ личности был, но и личность была! Ах, как нашей многострадальной России-матушке сегодня не хватает такой личности!"

Литература

И. Сталин. 1-17 т. Сочинения. Выступления. Интервью. Письма.

Л. Троцкий. Архив Троцкого. Т. 1-4. Москва, изд. "Терра", 1990.

Л. Троцкий. Портреты революционеров. М., 1999.

И. Сталин. Краткая биография.

VII-XXVII съезды РКП(б), КПСС. Стенографические отчеты.

Б. Локкарт. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

А. Егоров. Разгром Деникина 1919 г. М., 1931.

Б. Баженов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. Судебный отчет по делу антисоветского "Правотроцкистского блока". Стенографическая запись 2-13 марта 1938 года.

Л. Фейхтвангер. 1937 год. М.

Роберт Такер. Сталин. Путь к власти, М., 1997.

О. Сувениров. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998.

Конквест. Большой террор. М., 1990.

В. Роговин. 1937. М., 1996.

С. Аллилуева. Двадцать писем к другу. М., 1990.

В. Бережков. Рядом со Сталиным. М., 1998.

И. Сталин. Приказы Верховного Главнокомандующего в период ВОВ. М.. 1975.

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948.

Г. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1-3. М., 1995.

А. Василевский. Дело всей жизни. М., 1975.
С. Штеменко. Генштаб в годы войны. М., 1969, 1975.
И. Конев. Записки командующего фронтом. М., 1991.
И. Баграмян. Так мы шли к победе. М., 1977.
К. Рокоссовский. Солдатский долг. М., 1997.
А. Самсонов. Вторая мировая воина. М., 1985.
П. Судоплатов. Разведка и Кремль. М., 1996.
П. Судоплатов. Спецоперации. М., 1997.
А. Микоян. Дорогой борьбы. М., 1971.
А. Микоян. Так было. М., 1999.
Г. Куманев. Рядом со Сталиным. М., 1999.
Ю. Гиренко. Сталин - Тито. М., 1991.
У. Черчилль. Вторая мировая война. Т. 1-3. М., 1991. Переписка Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. Т. 1-2, М., 1976.
С. Куличкин. Генштаб полагает... М., 1995.
А. Яковлев. Цель жизни (Записки авиаконструктора). М., 1968. Внешняя политика Советского Союза в период ВОВ. Т. 1-2, 1946 г. Т, 3, 1947 г., Т. 4, 1949 г., Т. 5, 1952 г.
К. Мерецков. На службе народу. М., 1968.
Н. Кузнецов. Курсом к победе. М., 1975,
А. Горбатов. Годы войны. М., 1965.
Ю. Горьков. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
Железнодорожные войска в ВОВ 1941 - 1945 гг. М., 1995.
Оружие победы. М.: Машиностроение, 1987.
Военные архивы России/Сборники статей разных лет.
Военно-исторический журнал. М., 1939-2000. Журнал "Военная мысль", М., 1940-2000.
В, Жухрай. Сталин: правда и ложь, М., 1996.
К. Симонов. Глазами человека моего поколения: Размышления о Сталине. М., 1990.
В. Некрасов. Тринадцать "железных" наркомов. М., 1995.
В. Ковалев. Два сталинских наркома. М., 1995.
"Источник": Документы истории/Вестник архива президента Российской Федерации. М., 1996-2000.
Журнал "Известия ЦК КПСС". М" 1989.
Н. Кривова. Власть и церковь в 1922-1925 гг. М.: АИРО-XX, 1997.
Б. Торчинов, А. Леонтюк. Вокруг Сталина, С.-П.: Госуниверситст, 2000.
К. Золесский. Империя Сталина/Биографический энциклопедический словарь. М.. 2000.
В. Егоршин. Генералиссимусы. М., 1994.
А. Абрамович. В решающей войне: Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. Тель-Авив, 1981; С.-Петербург,

1999.

Ф.Галдер, Военный дневник 1939-1942 гг. Т. 1-3. М., 1969.

Г, Гудериан. Воспоминания солдата. М., 1954.

Мировая война 1939-1945/Сборник статей немецких генералов. М" 1957,

Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в боевых действиях и поенных конфликтах/Статистическое исследование. М., 1993.

Б. Урланис. История военных потерь. С.-П., М., 1998.

В. Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. Посев, 1981.

А. Киселев (протоиерей). Облик генерала Власова. Нью-Йорк, 1988. СССР - Германия 1939 г, (Документы и материалы). Кн. 1. Вильнюс, 1989,

СССР - Германия 1939-1941 г. (Документы и материалы). Кн. 2. Вильнюс, 1989.

Н. Антипенко. На главном направлении. Минск, 1982.

С. Семанов, В. Кардышев. Иосиф Сталин: жизнь и наследие, М., 1997.

В. Гравии. Орухсие победы. М., 2000.

В. Лисичкин, Л. Шеяепин. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999.

Иосиф Сталин в объятиях семьи/Из личного архива. М., 1993.

Ф. Бурлацкий. Мао Цзедун. М., 1976.

Е. Громов. Сталин, власть и искусство, М., 1998.

Владимир Васильевич Карпов

(Краткая биографическая справка)

Родился 28 июля 1922 года в Оренбурге, в семье служащего. Окончил среднюю школу в Ташкенте, здесь же в 1939 голу поступил в военное училище имени В. И. Ленина. В период учебы напечатал первые свои стихи, а также занимался боксом - стал чемпионом Среднеазиатского военного округа и Средней Азии.

Перед выпуском (4 февраля 1941 года) был арестован и осужден Военным трибуналом по статье 58-10 за антисоветскую агитацию. До октября 1942 года отбывал срок в Тавдинлаге. Реабилитирован в 1956 году.

С октября 1942 года - в штрафной роте на Калининском фронте, а затем рядовой, сержант, лейтенант взвода пешей разведки 629-го стрелкового полка 134-й дивизии. Участвовал в захвате 79 "языков", за что удостоен многих правительственных наград, в том числе и высшего звания Героя Советского Союза.

После третьего ранения и лечения в госпитале направлен на учебу в Высшую разведывательную школу Генерального штаба. В 1947 году окончил академию им. Фрунзе, затем ВАК Генштаба.

Работал в Генштабе до 1954 года. В эти же годы окончил вечернее отделение Литературного института им. Горького (семинар К. Г. Паустовского).

С 1954 по 1965 гг. служил в Средней Азии - Кизил-Арват, Мары, Кушка. Командовал полком, был заместителем командира дивизии и Ташкентского военного училища им. Ленина.

Прослужив 25 календарных лет, уволился уже будучи членом Союза писателей СССР (с 1962 г.) и имея изданные книги.

С 1973 по 1975 гг. - первый зам. главного редактора журнала "Октябрь". С (979 по 1981 гг. - первый зам. главного редактора журнала "Новый мир".

С 1981 по 1986 гг. - главный редактор журнала "Новый мир".

Автор многих известных романов и повестей: "Вечный бой", "Маршальский жезл", "Взять живым", "Не мечом единым", "Полководец", "Маршал Жуков" (трилогия), "Расстрелянные маршалы", "Офицеры седеют рано" и других.

На VIII съезде писателей в 1986 году избран первым секретарем Союза писателей СССР, который возглавлял до 1991 года (до распада СССР). Был депутатом Верховного Совета СССР и членом ЦК КПСС.

Лауреат Государственной и международных премий.

Доктор литературы Стратклайдовского университета (Англия), академик Международной академии информатизации при ООН, почетный академик Академии военных наук России.